ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Восток на рубеже средневековья и нового времени

XVI–XVIII вв.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

в шести томах

Главная редколлегия

Р.Б.Рыбаков (председатель),
Л.Б.Алаев, К.З.Ашрафян (заместители председателя),
В.Я.Белокреницкий, Д.Д.Васильев, Г.Г.Котовский,
Р.Г.Ланда, В.В.Наумкин, О.Е.Непомнин,
Ю.А.Петросян, К.О.Саркисов, И.М.Смилянская,
Г.К.Широков, В.А.Якобсон

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
1999

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Восток на рубеже средневековья и нового времени

XVI–XVIII вв.

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
1999

УДК 94/99
ББК 63.3(0)4+63.3(0)5
И90

Ответственные редакторы
Л.Б.АЛАЕВ, К.З.АШРАФЯН, Н.И.ИВАНОВ

Редактор издательства
Г.О.КОВТУНОВИЧ

И90 **История** Востока. Т. III. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI—XVIII вв. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. — 696 с.: карты.
ISBN 5-02-018102-1
ISBN 5-02-017913-2

Очередная книга многотомного труда «История Востока» (т. I — 1997 г., т. II — 1995 г.) охватывает период, когда началось столкновение формационно и цивилизационно различных стран Запада и Востока. Помимо страноведческих глав в книгу включены обобщающие разделы, рассматривающие эволюцию государств Востока в целом с позиций как формационного, так и цивилизационного подхода, а также колониальную политику того периода. Том снабжен картами и указателями.

ББК 63.3(0)4+63.3(0)5

Научное издание

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

III

Восток на рубеже средневековья и нового времени
XVI–XVIII вв.

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

Редактор *Г.О.Ковтунович*. Художник *Э.Л.Эрман*
Корректор *Н.Н.Щигорева*. Технический редактор и компьютерная верстка *Е.А.Пронина*

Изд. лиц. № 020910 от 02.09.94. Подписано к печати 14.07.99
Формат $70\times100^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. п.л. 56,55
Усл. кр.-отт. 56,55. Уч.-изд. л. 53,86. Тираж 3000 экз. Изд. № 7746. Зак. № 978

Издательская фирма «Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-018102-1
ISBN 5-02-017913-2

© Институт востоковедения РАН, 1999
© Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий том — очередной в многотомном издании «История Востока», которое готовится коллективом авторов из Института востоковедения РАН с привлечением специалистов из других научных и учебных заведений страны. По завершении издание должно охватить всю историю стран Азии и Северной Африки с глубокой древности до сего дня и отразить состояние изучения этой истории отечественными востоковедами.

Два тома серии уже вышли: «Восток в древности», М., 1997, и «Восток в средние века», М., 1995. Во втором томе изложение доведено до конца XV в. Данный, III том посвящен периоду XVI—XVIII вв.

Авторы стремились, опираясь на накопленный в науке фактический материал и концепции, выйти за пределы жесткого экономцентрического подхода и представить некоторые новые трактовки. Рассматриваемый в книге период — это время столкновения двух типов цивилизаций: западноевропейской, с одной стороны, и ряда восточных — с другой, время становления колониальной системы, которая, правда, окончательно сформировалась позже и будет рассмотрена в следующем томе (в настоящее время готовится к печати). Соответственно, наиболее острыми, дискуссионными вопросами остаются проблема уровня развития стран Востока к началу нового времени, проблема их цивилизационной, в том числе культурно-религиозной специфики, оценка колониализма как исторического явления на его первых этапах.

Как заметит читатель, авторы тома не во всем согласны друг с другом. Редакторы сохранили это различие и внутреннюю полемику даже не потому, что сейчас не принято навязывать единую точку зрения, а потому, что за каждой из точек зрения стоит определенный фактический материал и каждый из представленных здесь подходов — для краткости назовем их «формационным» и «цивилизационным» — не просто «имеет право на существование», но и полезен для более объемного понимания исторического процесса.

Как и в предыдущих томах, главы делятся на страновые и обобщающие. Две первые главы рассматривают один и тот же предмет — Восток в целом — с разных точек зрения: со стороны **уровня** развития и со стороны особого **пути** развития. Третья глава освещает колониальную политику европейских держав в соответствующий период тоже обобщенно, выделяя общее и намечая тенденции в этой политике. В страновых главах эти же вопросы рассматриваются уже применительно к конкретным территориям. Здесь нет примитивного разоблачительства, характерного для прежних работ по колониализму, выявляются объективные причины появления европейцев в водах, на рынках и территориях Азии и объективные последствия этого появления. Но не замалчиваются также и беды, принесенные колонизаторами восточным народам. В последней главе довольно

остро и по-новому поставлен вопрос о причинах общего поражения Востока в его столкновении с Западом на том этапе.

Том разделен на две части (XVI—XVII вв. и XVIII в.), и страновой материал распределен более или менее единообразно по этим двум периодам. Авторы надеются, что такое построение позволит заметить определенную эволюцию (или же подчеркнет отсутствие таковой) в общественном строе восточных государств. Лишь по менее значимым в то время (или менее изученным) территориям (Афганистан, Центральная Азия, Тибет, Монголия, Филиппины) в томе содержится по одной главе, отнесенной, в зависимости от содержания, к первой или второй части.

Страновые главы позволяют читателю получить представление об истории одного, интересующего его государства. Они, по замыслу составителей, должны служить материалом для размышлений над теми общими вопросами, которые были названы выше. Теории интересны не своими формулировками или выводами, а лежащими в их основе аргументами, тем, насколько они соответствуют имеющемуся материалу. Теории имеют свойство отрываться от своей фактологической основы, и всегда полезно возвращаться к исходным фактам. Главы по отдельным странам эти факты содержат.

Читатель заметит, что Восток в этот период, как, очевидно, и раньше, не составлял единого целого. Объединила его в нашем сознании лишь историческая ситуация, когда весь разноцветный мир народов и государств Азии и Северной Африки волею судеб противопоставился «Западу». Обобщающие главы охватывают прежде всего наиболее развитые азиатские государства — Османскую империю, могольскую Индию, минский и цинский Китай, токугавскую Японию. Применительно к этим странам правомерно ставить вопрос о возможности или невозможности отстаивания независимости и о перспективах внутреннего развития. Другие же территории Азии оставались на обочине даже восточного мира.

Если мировая гегемония в данный период перешла к странам Западной Европы, то и Восток разделился на центры и их периферии. Упомянутые выше государства вступили в военно-политическое (Османская империя) или в экономическое (Индия, Китай, Япония) соревнование с Западом, каким бы исторически безнадежным это соревнование ни было. Но в то же время в Иране, Средней Азии, Бирме, на Индокитайском полуострове, в Тибете, Монголии, на островах, получивших впоследствии название «Индонезия», жизнь текла по-прежнему, во многом в отрыве от общемировых процессов.

На эту дифференциацию в XVII—XVIII вв. наложилась другая — между странами, попавшими в колониальную зависимость (Индия, Индонезия, Цейлон), и теми, которые сохранили независимость, хотя и неполную. Колонии подверглись прямому воздействию «цивилизаторов» (кавычки означают убеждение колонизаторов в том, что они несут прогресс и истинную веру, но в этот период их воздействие было в основном разрушительным. Все, что можно счесть позитивным в колониализме, про-

явилось уже на последующем этапе, в XIX — начале XX в.) В независимых странах, несмотря на то что они тоже испытывали последствия вторжения в Азию носителей мирового рынка, продолжались процессы «эволюции» (или «инволюции») традиционных обществ и их государственности. Конкретная история трех групп стран: боровшихся за независимость, превратившихся в колонии и стоявших какое-то время в стороне от накатывающего вала колониализма — протекала как бы в разных плоскостях.

Такая ситуация делает всякие обобщения, относящиеся в «Востоку» в целом, отчасти поверхностными и предварительными. Читатель имеет возможность продолжить размышления об однолинейности или многолинейности исторического процесса, используя обобщающие и страновые главы.

Хронологические рамки глав по странам не всегда совпадают. Граница между изложением истории страны по двум периодам, принятым в структуре данного тома, не всегда падает точно на 1700 г. Некоторые главы во второй части заканчиваются не 1800 г., а несколько раньше. Все это продиктовано особенностями эволюции отдельных стран. История не укладывается в «прокрустово ложе» искусственных рубежей. В следующем томе история каждой из стран начнется с того времени, которым мы здесь заканчиваем ее изложение.

Приложенная к тексту библиография не ставит своей целью дать исчерпывающие сведения о литературе по истории страны. Включены лишь наиболее известные, классические, или же последние публикации. Библиография рассчитана на то, что читатель, заинтересовавшийся той или иной проблемой, может эту литературу достать и с ней ознакомиться

Среди авторского коллектива — научные работники Института востоковедения РАН, Института стран Азии и Африки при МГУ, Института отечественной истории РАН, редакции журнала «Восток».

Авторский коллектив:

Л.Б.Алаев (гл. 1 «Формационное развитие стран Востока на рубеже нового времени»),

М.Р.Арунова (гл. 7 «Афганистан и афганцы в XVI — середине XVIII в.»),

К.З.Ашрафян (гл. 8 «Индия в XVI—XVII вв.» и гл. 25 «Индия в первой половине XVIII в. Распад Могольской империи»),

А.А.Бокщанин (гл. 15 «Китай в XVI — начале XVII в.»),

Ю.В.Ванин (гл. 17 «Корейское государство Чосон в XVI—XVII вв.» и гл. 36 «Корея в XVIII в.»),

Е.А.Давидович (гл. 6 «Средняя Азия при Шейбанидах. XVI в.» и гл. 24 «Средняя Азия при Джанидах. XVII — середина XVIII в.»),

О.В.Зотов (гл. 14 «Восточный Туркестан в XVI—XVII вв.» и гл. 34 «Тибет в XVI—XVIII вв.»),

Н.А.Иванов (гл. 2 «Цивилизации Востока и Запада на рубеже нового времени», гл. 21 «Арабские страны Ближнего Востока. Ваххабиты», гл. 22

«Османский Египет и североафриканские вилайеты в XVIII в.», гл. 38 «Упадок Востока и переход мировой гегемонии к странам Западной Европы», а также гл. 4 «Османская империя в XVI—XVII вв.», в соавторстве с С.Ф.Орешковой),

М.Г.Козлова (гл. 10 «Бирма в XVI—XVII вв.» и гл 27 «Бирма в первой половине XVIII в.»),

Ю.О.Левтонова (гл. 32 «Филиппины в составе Испанской колониальной империи»),

М.С.Мейер (гл. 20 «Османская империя в XVIII в.»),

Г.Ф.Мурашова (гл. 16 «Вьетнам в XVI—XVII вв.»),

О.Е.Непомнин (гл. 18 «Маньчжурское завоевание Китая» и гл. 35 «Китай в XVIII в.»),

А.П.Новосельцев (гл. 5 «Государство Сефевидов в XVI — начале XVII в.» и гл. 23 «Империя Надир-шаха и Иран в XVIII в.»),

С.Ф.Орешкова (гл. 4 «Османская империя в XVI—XVII вв.», в соавторстве с Н.А.Ивановым),

Н.В.Ребрикова (гл. 11 «Аютия в XVI—XVII вв.» и гл. 28 «Сиам в первой половине XVIII в.»),

А.Л.Рябинин (гл. 29 «Вьетнам в XVIII в.»),

А.Л.Сафронова (гл. 9 «Цейлон в XVI — середине XVII в.» и гл. 26 «Цейлон в середине XVII — XVIII в. „Голландский“ период»),

И.М.Сырицын (гл. 19 «Япония в XVI в.» и гл. 37 «Япония в XVII — начале XVIII в.»),

В.А.Тюрин (гл. 3 «Ранний европейский колониализм в странах Востока», гл. 12 «Малайя в XVI—XVII вв.», гл. 13 «Малайский архипелаг в XVI—XVII вв.», гл. 30 «Малайя и Северный Калимантан в XVIII в.» и гл. 31 «Малайский архипелаг в XVIII в.»),

А.И.Чернышев (гл. 33 «Монголы в XVI—XVIII вв.»).

Библиография составлена авторами глав и ответственными редакторами тома.

Карты выполнены И.В.Бушуевой и Ю.А.Бушуевым по материалам, представленным авторами глав.

Указатели составлены Л.В.Исаевой и Г.М.Кузнецовой.

Часть I. Страны Востока в XVI—XVII вв.

Глава 1

ФОРМАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН ВОСТОКА НА РУБЕЖЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

В томе II «Истории Востока» обосновывался тезис о том, что общественный строй средневековой Азии и Северной Африки можно назвать «восточным феодализмом», т.е. строем, стадиально более или менее соответствующим феодальной эпохе в Западной Европе, но имеющим ряд особенностей. По основным параметрам того явления, которое принято называть феодализмом (или строем средневековья — терминология не существенна), Восток не только демонстрировал совпадение, но даже бóльшую близость к модели. Если можно так выразиться, «феодальность» восточных обществ была даже выше, чем обществ западных. Так, если для феодализма характерно сочетание частновладельческих и государственных прав на землю и население, то на Востоке эта сращенность особенно заметна, что и выразилось в широком применении в литературе термина «власть—собственность». Если для феодализма характерна значительная натуральность хозяйства, то именно на Востоке хозяйственная замкнутость общины наиболее выражена. Если для феодализма характерна тесная связь человека с конкретным видом труда, то именно в одной из стран Востока, в Индии, эта связь находит свое абсолютное воплощение в виде кастовой системы. К Востоку не в меньшей, если не в большей степени можно отнести большинство характеристик, прилагаемых обычно к феодализму.

Однако именно эта близость к «идеалу феодализма», высокий уровень системности отношений затрудняли появление в обществе новых веяний, идей, институтов, которые могли бы обеспечить эволюцию этого общества за пределы феодализма, или традиционных отношений, как их еще часто называют. Западная Европа сумела сравнительно быстро преодолеть вязкую систему феодализма потому, что сохранила или выработала (в данном случае неуместно анализировать — как и почему) ряд общественных институтов, несистемных с точки зрения господствовавших отношений. Это, прежде всего, римская правовая система, сохранение представления о частной собственности даже в течение периода, когда она была опутана семейными, общинными и вассальными ограничениями, перестала существовать. Это, во-вторых, сохранение представления об индивидуальной личности, о ее равноправии перед Богом и ответственности за себя перед ним (возможно, что христианская догматика сыграла в этом наиболее важную роль, но, повторяю, вопрос о причинах особого пути Европы мы не можем здесь затрагивать). Наконец, это самоуправляющиеся города, бросавшие вызов всему феодальному порядку самим фактом своего существования, разрушавшие

феодализм психологически, даже если не всегда и не во всем — экономически.

Соответственно отсутствие этих несистемных с точки зрения феодализма элементов на Востоке, бóльшая гомогенность общества определили застойность жизни в течение веков и медленность эволюции.

Нельзя сказать, что на Востоке отсутствовали права личности или право собственности. Но существовали они только в пределах частного права. Частное лицо могло успешно отстаивать свои интересы против другого частного лица, но не против государства. Частный собственник (низовой, налогообязанный) имел полные права на свое имущество, в том числе на землю, включая право отчуждения, но государственное вмешательство в имущественные отношения, в том числе в землевладение, было законодательно не ограничено.

Понятно, что в этих условиях не мог возникнуть самоуправляющийся город как заметное явление. Элементы нового социально-экономического порядка не имели ниши для постепенного вызревания, не столько разлагали прежние отношения, сколько боролись за выживание.

Особенностью Востока, неблагоприятной для социального развития, было разделение собственности на землю между двумя классами, или социальными слоями. Собственность на землю как на территорию с подвластным населением, или «власть—собственность», или государственная собственность, находилась в руках правящего слоя, или военно-административного аппарата. Собственность же на землю как на объект хозяйства принадлежала слою налогоплательщиков, находившихся в состоянии постоянной «холодной» или «горячей» войны со слоем правящим.

Такая социально-экономическая ситуация породила особый тип государства, который можно назвать «восточной деспотией», — государства, не ограниченного четким законом в его действиях по отношению к подданному. Употребляя термин «деспотизм», мы имеем в виду не одиозное звучание этого слова и не особую жестокость государственной машины. Бездушие государства служит источником мучений простого человека во всем мире и во все времена. Более того, если мы проследим деятельность различных государей и их аппаратов в средневековых странах, мы, наверное, отметим, что благополучием подданных чаще озабочены восточные государи, чем западные. Восточное государство можно даже назвать патерналистским или «опекунским» (custodial, как его называют в англоязычной политологической литературе). Но забота о подданном — другая сторона государственного вмешательства в личную жизнь и психологическая основа для тех ситуаций, когда к власти приходят безжалостные тираны, которые и вскрывают встроенные в восточную государственную систему деспотические возможности.

Вопрос об уровне формационного развития стран Востока к началу нового времени формулируется так: какую фазу феодализма они переживали, можно ли считать, что в этих странах вызревали предпосылки самостоятельного, без определяющего внешнего влияния, перехода к буржуазным отношениям? Подготовка капитализма в Европе была многосторонней, шла по нескольким взаимосвязанным направлениям. Надо

посмотреть, наблюдалась ли такого же типа эволюция по этим направлениям на Востоке в XVII—XVIII вв. Мы остановимся на проблемах роста товарно-денежных отношений, формирования частной собственности, роли торгово-ремесленных слоев в социально-политической жизни, появления капиталистически организованных производств.

ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Развитие торговли и увеличение доли продуктов, поступающих на рынок, не могут считаться показателями разрушения старой системы и возникновения новой. Но все же господство в целом натуральных или же в целом товарных хозяйственных связей служит важнейшим базисом, на котором покоятся все остальные суждения об экономике. Поэтому мы должны прежде всего рассмотреть динамику этих связей. Конечно, измерения глубины товарности не могут быть точными, придется довольствоваться общими впечатлениями.

Исходя из этих впечатлений представляется, что на Ближнем Востоке, в Османской империи рост товарности имел место. Близость бурно развивавшейся Европы, расположение на торговых путях, пересекающих Евразию и по морю, и по суше, наличие городов с греческим и армянским населением — все это способствовало как внешней, так и внутренней торговле. Но в других районах Востока расцвет Европы не вызвал последствий. Наивысший уровень торговли и денежных отношений в Средней Азии относится к XV — началу XVI в. Этот уровень впоследствии никогда не был перекрыт до российского завоевания Средней Азии.

В Индии XVII век тоже, видимо, не превысил по своим показателям XVI, хотя Индия в XVII в. стала поставщиком не только пряностей, но и тканей в Европу.

Индонезия должна была испытать значительное воздействие нидерландской и другой колониальной торговли. Но в целом уровень развития Архипелага был столь низким, что серьезного прорыва в товарном производстве тут нельзя было ожидать.

В Китае период династии Мин (XIV—XVI вв.), кажется, по всем показателям экономического развития превосходил последующий (XVII—XVIII вв.), когда правила маньчжурская династия Цин. Это относится и к товарно-денежным отношениям. В начале XV в. Китай достиг небывалых успехов в освоении морей и океанов. К 1420 г. было построено около 3800 кораблей, наиболее крупные из которых достигали 1500 т водоизмещения. Экспедиции адмирала Чжэн Хэ в 1405—1433 гг. достигали Индии и Восточной Африки, не говоря уже о том, что были хорошо освоены морские пути в Корею, Японию, страны Южных морей. Но в 1436 г. под предлогом экономии средств было запрещено строить новые суда. Старые суда гнили на берегу, моряки были переведены на речной флот. Есть разные точки зрения на то, почему Китай резко ограничил внешние связи во второй половине XV — первой половине XVI в. Для

нас в данном случае важно то, что правящие круги императорского Китая не понимали значения торговли вообще и внешней торговли в частности для экономического развития страны. В 1567 г. китайским кораблям снова стало можно плавать за море (получив разрешение), но было уже поздно: моря были захвачены пиратами, которые имели более совершенные корабли, чем императорские флотоводцы.

Сложившиеся в большинстве стран Востока отношения распределения и перераспределения (редистрибуции), а именно то, что большая или бóльшая доля земельной ренты изымалась централизованно в виде государственного налога, поступала в казну, откуда затем производились выплаты армии и чиновничеству, толкали к раннему переводу платежей в денежную форму. Во второй половине XVI в. налоги были формально переведены в деньги в Китае и в Северной Индии. В Южной Индии это произошло гораздо раньше, в первой половине XIV в. Однако это была лишь «счетная коммутация». Реальные выплаты из крестьянского хозяйства нередко оставались натуральными.

Иным был путь Японии. Объединители этой страны в XVI в. Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси попытались в ходе реформ законсервировать товарно-денежные отношения, как и всю экономику. Налог был установлен в рисе, выплаты из казны самураям также производились рисом, торговлю могли вести только официально утвержденные «корпорации» купцов, которые значительную часть прибыли отдавали в казну. Однако рыночные отношения сразу же стали подрывать систему регламентаций. Шла скрытая от чиновников торговля, на ней богатели частные лица, которые официально считались «крестьянами», документы на получение риса из казны вполне легально стали объектом спекуляций, образовался нелегальный рынок земли. Создалась развитая «теневая экономика», которая впоследствии и взорвала изнутри сёгунат Токугава.

Влияние торговли с европейцами тоже нужно рассмотреть, хотя это имеет лишь косвенное отношение к основной теме главы — оценке внутренних потенций восточных обществ к преобразованиям. Подробно вопрос о периоде торгового колониализма будет рассмотрен в главе 3. Здесь же следует сказать, что определенное влияние на экономику стран Востока европейские купцы XVI—XVIII вв. оказали. Производителям пряностей и тканей в странах Востока открылся дополнительно европейский рынок. Европейцы привезли на Восток ряд новых культур, которые были товарными и, следовательно, способствовали общей товаризации хозяйства, — томаты, табак, маис, стручковый перец. Но наиболее серьезным фактором, оказавшим влияние на экономику по крайней мере передовых стран Востока, а следовательно, и на их политическое положение, стала так называемая «революция цен», вызванная резким увеличением производства серебра в Америке и падением его стоимости.

Месторождения серебра были обнаружены и стали широко разрабатываться в 1535 г. в Мексике и в 1545 г. в Боливии. В Китае в это время серебро считалось основным драгоценным металлом и его цена в отношении к золоту была примерно в 2 раза выше, чем на других рынках, особенно в Европе. К тому же в Китае императоры династии Мин в

1570-е годы ввели единый налог, который нужно было уплачивать в серебре. Серебро из Америки потекло в Китай и другие страны Азии через Европу (около 150 т в год в конце XV — начале XVII в.) и непосредственно из Америки на Дальний Восток через Манилу (около 135 т в год примерно в тот же период)[1].

Приток серебра на мировые рынки вызвал инфляцию и резкий рост цен. В Европе в течение XVI в. цены выросли в 2,5—4 раза. В Османской империи только за три последних десятилетия XVI в. цены повысились в 6 раз и продолжали расти до середины XVII в. С конца XVI в. стала падать цена на серебро, а следовательно, расти цены на другие товары и в Китае. В Индии влияние этого «валютного кризиса» сказалось позже и было мягче: в течение XVII в. цены выросли в среднем на 50%.

«Революция цен» сыграла противоположную роль в обществах разного уровня развития. В странах, где было развито товарное производство (Нидерланды, Англия и ряд территорий на Европейском континенте), обесценение денег привело к массовому разорению феодального класса и к сравнительному благополучию тех, кто производил товары (ремесленники, крестьяне, мануфактуристы) или нанимался на работу за плату, т.е. тех классов, которые были связаны с новым, капиталистическим укладом. Другими словами, в этих странах «революция цен» дала мощный толчок процессу разложения феодализма и утверждения капитализма.

А там, где капиталистического уклада не было (в данном случае по иронии истории в одну категорию попадают как «колонизуемые» страны Востока, так и основная колониальная держава того времени — Испания), «революция цен» ударила по интересам основной массы населения, сильнее всего в городах, потому что последние были чисто феодальными и состояли в основном не из продавцов, а из покупателей. Впрочем, «объективно-прогрессивную» роль «революция цен» сыграла и в этих странах. Она сократила реальные размеры феодальной ренты (в Испании) и государственных налогов (в странах Востока) и тем самым способствовала укреплению частной, индивидуальной собственности. О проблеме собственности речь пойдет ниже.

Но «серебряная интервенция» западных держав была единственным серьезным фактором влияния Запада на Восток в этот период. Влияние европейской торговли на экономику громадных стран не следует преувеличивать. Европейцы на протяжении всего периода XVII—XVIII вв. смогли переключить на себя всего несколько процентов внешнеторгового оборота даже таких стран, в которые они могли проникать почти беспрепятственно, — Индии, Ланки, Индонезии и т.п. Страны же, «закрывшиеся» от проникновения европейцев (Япония — в 1635 г., Сиам — в 1688 г., Китай — в 1757 г.), еще менее были подвержены этому влиянию.

Именно слабое проникновение европейских торговцев и европейских товаров на рынки Азии, именно то, что европейцам приходилось расплачиваться за пряности, хлопчатобумажные ткани и другие «колониаль-

ные» товары деньгами, а не товарами, служит красноречивым показателем застойного, нединамичного, традиционного характера потребления — как личного, так и производственного — в странах Востока. Сложившиеся социальные структуры, хорошо организованное производство апробированных продуктов, сложившиеся стереотипы потребления — это и есть признаки застойного общества.

Государственная политика в области цен также серьезно влияла на торговлю, а через нее — и на производство. В течение средних веков, а особенно в изучаемый период (в связи с «революцией цен») власти во всех странах Востока — от Османской империи до Японии — стремились сдерживать рост цен, используя различные средства: прямое декретирование, государственные «интервенции» на рынке со своим зерном, специально хранившимся для этой цели в амбарах, меры по подвозу продуктов к городам и т.п. В Османской империи стремление удержать рост цен было порой сильнее, чем стремление к положительному сальдо внешней торговли, т.е. к накоплению денег. Поощрялся ввоз иностранных товаров, и ставились преграды экспорту в Европу, потому что считалось, что это пополняет внутренний рынок и не позволяет ценам идти вверх. Американский историк Мак-Нейл считает, что регулирование цен в интересах потребителя (а не производителя) было одной из основных причин замедленного экономического развития восточных стран.

СОБСТВЕННОСТЬ НА ЗЕМЛЮ

Поступательное развитие восточных обществ выражалось также в становлении частной собственности на землю. Это могло происходить либо путем приватизации государственных прав на землю, превращения временных условных держаний в наследственную собственность, либо путем уничтожения верховной собственности («власти—собственности») и приобретения низовым собственником-налогоплательщиком полных собственнических прав.

Первый из этих процессов хорошо известен исследователям, неплохо изучен на материале большинства стран Востока и не вызывает сомнений, за исключением одного — способен ли он дойти до конца, т.е. привести к торжеству частной собственности. Дело в том, что на протяжении столетий он происходил неоднократно, каждый раз заканчиваясь тем, что государственная собственность восстанавливалась и «власть—собственность», передаваемая в частные руки, снова становилась условной и временной. Так было еще в Арабском халифате, в империи Сельджукидов, в Делийском султанате, Могольской империи, в Османской империи и т.д. Временное владение правом на сбор государственного налога в свою пользу за обязательство содержать военный отряд, как бы это владение ни называлось (*икта, союргал, тиуль, тимар, зеамет, джагир*), нередко с ослаблением государства становилось более постоянным, а то и наследственным. Однако приходили новый правитель или новая

династия — центральная власть усиливалась, и летели головы временщиков, возомнивших себя наследственными собственниками, и на их место назначались новые, снова временные и первоначально покорные. А потом весь этот цикл повторялся от начала и до конца.

Так как в XVII—XVIII вв. происходило ослабление ряда восточных империй, в них шел этот процесс приватизации. Османские сипахи (*тимариоты* и *заимы*) и откупщики налогов (*мультазимы*) иногда явочным порядком добивались наследственности своего статуса и как бы независимости от османского аппарата. То же самое можно сказать и о *джагирдарах* Могольской державы. Стали наследственными откупщики налогов в одной из областей Могольской империи — в Бенгалии (их называли *заминдарами*, но они не были похожи на заминдаров в других районах Северной Индии; те были деревенскими землевладельцами-налогоплательщиками). В Маратхской державе такой же путь приватизации прошел *саринджам*.

Но, как и раньше, у такого процесса растаскивания по частным рукам бывших государственных прерогатив не было будущего. Во-первых, это не меняло отношений — просто теперь данный носитель «власти—собственности» начинал получать бóльшую долю ренты в свою пользу, образовывалось как бы мелкое государство, но того же типа. Хорошо изучен этот процесс на примере упоминавшихся бенгальских заминдаров. Они стали наследственными в начале XVIII в., постепенно сокращая суммы, отсылаемые в казну бенгальского наваба. Полученное таким образом богатство они тратили на религиозные и благотворительные цели и на содержание как можно более пышного двора и различных приживалов.

Дальнейшая судьба бенгальских заминдаров необычна для подобного слоя рентополучателей: они сохранились в колониальный период в отличие от своих собратьев в других районах Индии и в других странах Востока. Английские администраторы по своим соображениям, о которых здесь не место говорить, решили их сохранить, предоставили им полные собственнические права и зафиксировали с них налог, т.е. сделали его постоянно уменьшающимся. Судьба бенгальских заминдаров поучительна тем, что, получив полные возможности для использования земли, они первым делом в массовом масштабе разорились (более половины поместий пошло с молотка, правда, они попали к людям того же социального слоя), а сохранившиеся старые и купившие земли новые заминдары остались феодальными сеньорами, способными только тратить. В ходе реформ 1950-х годов их права на землю пришлось все же отменить. Мы забежали вперед, в следующий период истории, но лишь для того, чтобы проиллюстрировать мысль, что приватизация государственного имущества не обеспечивала вызревáния принципиально новых отношений, даже если она увенчивалась успехом.

Во-вторых, еще раз подчеркнем, что успех на этом пути был всегда эфемерен, неверен, мог легко быть сведен на нет. В той же Индии наряду с дряхлеющей Могольской империей и государствами, унаследовавшими ее дряхлость (Бенгалия, Ауд, Хайдарабад; к этой же категории

государств можно отнести и Маратхскую конфедерацию), возникали и иные, молодые государственные образования, ставившие себе широкие экспансионистские задачи и проводившие политику централизации. Среди них нужно назвать Майсур в Южной Индии во второй половине XVIII в. и сикхское государство Пенджаб, которое, правда, возникло уже за пределами XVIII в., в первой половине XIX в. В этих государствах сгонялись с земли вроде бы прочно утвердившиеся крупные землевладельцы, земля концентрировалась в руках государства, заново создавался разветвленный налоговый аппарат, т.е. «власть—собственность» восстанавливалась в полном объеме.

Второй путь разложения государственной собственности — ее подрыв снизу, со стороны налогоплательщика, постепенное изменение соотношения частной ренты и налога в пользу первой — исторически оказался основным. Там, где в новое время утвердилась частная собственность на землю, она повсюду оказалась в руках слоя, который в средние века рассматривался как «крестьяне». Это так называемые *райаты* в Османской империи и других мусульманских государствах, слой налогоплательщиков в Индии (который в обобщающих трактатах тоже именовался *райятами*, а в документах — *заминдарами*, *мирасдарами* и т.п.). В Китае, Корее, Японии тоже «крестьяне» стали полноправными землевладельцами после соответствующих земельных реформ или в результате незаметного отмирания «власти—собственности».

Имея в виду эту перспективу, важно определить, какова была динамика государственного налога: увеличивался ли он, стремясь охватить бóльшую часть произведенного продукта, или уменьшался? Представляется, что страны Востока делятся в этом отношении на две группы. В одной группе стран заметно отставание государственных доходов от роста производства, а в другой они увеличиваются вне зависимости от состояния хозяйства, на фоне хозяйственного упадка.

Может быть, наиболее ярким представителем первой группы стран служит Япония. Отношения собственности в ней (их основа — характер распределения продукта сельского хозяйства) проделывают в XVI—XVIII вв. многозначительную эволюцию (при неподвижности юридического оформления этих отношений). Реформы Тоётоми Хидэёси уже упоминались в связи с проблемой товарности. В области землевладения эти реформы возвращали государственную собственность в объеме и формах, может быть не существовавших в Японии с VII в. Была проведена перепись (*кэнти*) всех хозяйств — земли и ее владельцев. Крестьяне тем самым были прикреплены к земле. Участки запрещалось продавать (только закладывать) и дробить при наследовании мельче определенного размера (1 *тё*). Таким образом, была сделана попытка заморозить страну на некотором этапе восточного феодализма. Но этого сделать не удалось. О создании «теневой экономики» в Японии XVI—XVIII вв. уже говорилось. В землевладении это выразилось в неофициальной, но вполне реальной скупке земли новыми помещиками (*дзинуси*). Экономической основой всех этих процессов было реальное сокращение налоговой эксплуатации.

Мина под всю систему была подложена ее основателем в момент создания. Налог был установлен очень высокий (хотя вряд ли он равнялся $^2/_3$ урожая, как это иногда утверждается), но исчислялся как доля от «стандартного», ожидаемого, административно назначенного и закрепленного «навечно» урожая. И этот «базовый» урожай был занижен по сравнению с реальным. Со временем урожайность, видимо, росла, а налог оставался прежним и, таким образом, относительно уменьшался. Осваивались новые земли, которые не показывались в отчетах и потому вообще не облагались налогом. Японская деревня в целом начинала богатеть. На видимом уровне это проявлялось в том, что правительство испытывало на протяжении XVII и особенно XVIII — начала XIX в. постоянный бюджетный дефицит, а экономика страны процветала — развивались ремесла, торговля, мануфактурные производства и т.д. Так что в целом можно сказать, что в Японии шло сложение феодальной частной собственности, хотя юридическое оформление она получила лишь после революции Мэйдзи.

Хотя по Корее нет столь же детальных исследований, как по Японии, в ней примерно в то же время отмечаются сходные явления: государство обеднело, не может выплачивать жалованья чиновникам и делать традиционные благотворительные выплаты, а вместе с тем наблюдается бурное развитие частной торговли, которое свидетельствует об экономическом оживлении. Очевидно, что и в Корее шло вызревание частной собственности.

В Китае подушный налог был слит с поземельным и ставки консолидированного налога были зафиксированы. Дополнительные налоги, введенные в конце XVI — начале XVII в., отставали от роста цен и падения стоимости серебра. По-видимому, и относительно Китая можно говорить о продолжении медленного процесса становления частной собственности.

Бюджетный дефицит Османской империи и растущая привлекательность земли как товара указывают на то, что и там шел подобный процесс. В казну Османской империи поступало в 1520-е годы 50% всех доходов, в 1660-е — 25, в первой половине XVIII в. — 20, а в начале XIX в. — не более 12,5%. На протяжении тех же веков росло число *чифтликов* — мелких поместий «как бы крестьян» (*чифт* — это упряжка быков и участок, который можно обработать при помощи пары быков или волов), которые начинают скупать не только просто богатые люди, но и представители воинского сословия (*сипахи*) — правящего слоя империи.

Однако другие страны Востока шли, насколько можно судить, в обратном направлении. Так, в Могольской империи доля валового урожая, отбиравшаяся в счет налога, по-видимому, возросла. Если при Акбаре (1556—1605) налог чаще всего исчислялся как треть урожая, то при Аурангзебе (1658—1707) официально брали половину. Это не значит, что реально собираемый в казну либо в пользу джагирдара продукт либо его стоимость составляли треть, а потом половину всего, что произведено. До раздела урожая на налог и продукт, оставляемый в деревне, из него производились вычеты (на посев, на содержание слуг и деревенской ад-

министрации). Но все же рост доли, изымаемой из деревни, видимо, произошел.

В XVIII в. Могольская империя ослабла, ее налоговый гнет также, возможно, стал легче, но под ее формальной эгидой создались новые государства, хищные, особенно в отношении сопредельных территорий. В Маратхской конфедерации, например, проводились как бы две разные линии налоговой политики. В собственно Махараштре налоги оставались низкими и права землевладельцев (*мирасдаров*, *ватандаров*) не ущемлялись. Но на территориях, захваченных в ходе завоевательных войн, — в Гуджарате, Центральной Индии, Танджуре маратхские вожди пытались увеличивать налог сверх всякой разумной меры. Первоначально, действуя еще под эгидой Могольской державы, они претендовали на $^1/_4$ всех налогов (*чаутх*). Уже одно то, что налоги собирали в могольскую и маратхскую казну две разные группы чиновников, приводило к фактическому повышению поборов. Потом, когда маратхские княжества стали более самостоятельными, они создали административно-налоговый аппарат, гораздо более громоздкий и разветвленный, чем когда-либо при Моголах. Они пытались взять под контроль даже всю хозяйственную жизнь деревни. Именно при маратхах в деревни стали посылать предписания — когда сеять и когда убирать. Ставки налогов были установлены на таком уровне, чтобы их нельзя было уплатить в обычный по урожайности год. Из года в год накапливались, таким образом, недоимки, которые позволяли в самый урожайный год тоже забрать из деревни все излишки.

Землевладелец-налогоплательщик не мог в таких условиях получать ренту сверх прожиточного минимума. Выгодность низовой собственности никогда не была в Индии велика. В сравнительно благоприятный период второй половины XVI — первой половины XVII в. права *заминдари* продавались за сумму, равную 2—3 годовым налогам с данного участка. Во второй же половине XVIII в. эти права в некоторых районах Индии вообще нельзя было продать, потому что владеть землей стало невыгодно. В маратхских государствах отмечаются многочисленные случаи, когда мирасдары бросали свою землю и брали в аренду другие участки в соседних деревнях, чтобы спастись от полного разорения.

Подобная ситуация складывалась в Верхнем Доабе, т.е. области вокруг могольских столиц Дели и Агра, и в новом государстве Майсур. Землевладельцы перестали экономически отличаться от арендаторов. И тех и других одинаково пригибали к земле непомерные налоговые требования государства.

Это означало серьезное изменение традиционной структуры прав на землю — уничтожение (как потом оказалось — временное) низового, податного землевладения. Это вызвало в некоторых областях даже появление никогда прежде не наблюдавшихся в Индии перераспределений земли между домохозяйствами, а именно передачу участков, которые хозяин не мог обработать, другому лицу, даже чужаку. Перераспределения происходили на деревенском уровне и осуществлялись общинными старостами (правда, довольно часто в сотрудничестве с чиновниками),

поэтому получали форму общинного земельного передела по тягловым возможностям семей. Общины с переделом подобного типа получили наименования *бхедж-баррар* (в Бунделкханде, области к югу от р. Джамны), или *висапади* (в Раяласиме, территории к югу от среднего течения р. Кришны). В Майсуре при Типу Султане (1782—1799) права на землю тоже потеряли значение и участки передавались любому, кто мог заплатить налог.

В начале XIX в., после того как государственные налоги снизились до приемлемых размеров, частное землевладение в этих районах восстановилось и «общинные переделы» исчезли. Но в XVII—XVIII вв. Индия двигалась по вектору, противоположному процессу складывания или вызревания частной собственности.

Как регресс с точки зрения частной собственности на землю можно рассматривать также систему *сактина* в Сиаме (Аютии), введенную законом 1451 г. Это была разновидность надельной системы, от которой уже давно отказались страны Дальнего Востока. Но эта попытка остановить вызревание новых отношений в землевладении в изучаемый период практически была преодолена.

Таким образом, нельзя сказать однозначно, что XVII—XVIII века ознаменовались приближением стран Востока к той модели феодализма, которая была более благоприятна для вызревания буржуазных отношений. И даже там, где частная собственность постепенно утверждалась, она была «нежеланной гостьей». Экономическая мысль всех восточных государств воспринимала ее как нарушение должного порядка, продолжала считать идеалом аграрного устроения схему «крестьянин—государь», где государь подобен отцу: он назначает хороших, честных чиновников, а крестьяне трудолюбивы и не претендуют ни на что, кроме доли собственного продукта.

ГОРОД. СОЗРЕВАЛО ЛИ «ТРЕТЬЕ СОСЛОВИЕ»?

Аграрная ориентация общества, опора экономики на сельское хозяйство, столь характерные для феодализма, были выражены на Востоке в некоторых отношениях сильнее, чем в Европе. Аграрная политика, забота о том, чтобы вся земля государства была обработана, организация налогообложения именно сельского населения — все эти вопросы находились в центре внимания любого восточного правительства. Особенно уважительно относится к земледелию китайская традиция, по которой земледелие — ствол, все же остальные занятия — ветви. И ради того, чтобы укреплять ствол, можно даже «обрубать ветви». Эта социальная концепция распространилась также на Корею, Японию, Вьетнам. Она играла свою роль в борьбе с частной инициативой, которую восточное государство давно осознало как угрозу себе. Но и там, где такой концепции не было, — в Южной Азии и на Ближнем Востоке, где занятие торговлей

считалось вполне достойным, стремление подчинить государству торговца, не говоря уже о ремесленнике, проявлялось ничуть не меньше.

Городское население в развитых странах Востока в XVII—XVIII вв. было огромным — 10—20% по сравнению с 1—7% в странах Западной Европы примерно в это же время. В Китае были миллионные города, в то время как в Англии, Франции, Нидерландах численность населения города обычно не превышала нескольких десятков тысяч. Однако эти данные не означают, что в соответствующей пропорции были развиты промышленное производство и прочие городские виды труда.

В политическом отношении город доминировал над деревней. В городе базировались двор правителя, практически весь состав правящего слоя и армия. Соответственно в городе же концентрировались обслуживавшие двор и армию лица — производители оружия, одежды, амуниции, украшений и т.п. Здесь же были и торговцы, которые через свои связи могли достать любую вещь, не производимую в этом городе. Городское ремесло, в значительной своей части ориентированное на элитарный спрос со стороны верхней прослойки господствующего класса, развивалось в направлении совершенствования качества продукции, не учитывая проблемы количества и цен. По выражению А.П.Колонтаева, ремесло азиатских городов к концу средних веков попало в «тупик виртуозности»[2].

Конечно, городские ремесленники производили также какое-то количество товаров для рядового потребителя. Но эта часть производства не была и не стала ведущей в жизни города. Товарные связи городов с сельской периферией оставались слабыми и односторонними. Сельская продукция, продовольствие поступали, конечно, на рынки города, но городские ремесленные изделия почти не попадали в деревню.

То, что товарные связи города и деревни развивались недостаточно динамично, не давало возможности торгово-ремесленным слоям города получить экономическую и бороться за политическую независимость от правящего слоя. Город в большинстве стран Востока остался объектом прямого администрирования со стороны центральной власти.

Нельзя сказать, что в понимании современников город ничем не отличался от деревни. Напротив, слой «горожан» (*шахри* — в Иране и Индии, *тёнин* — в Японии и т.п.) осознавался как особый, имеющий собственные проблемы. К нему относили только ремесленников и торговцев, «людей базара», так что «горожане», например, в г. Эдо в XVII в. составляли лишь половину населения этого города. Общее впечатление таково, что подобная пропорция была типичной и для других городов восточных государств в тот период. Так что функционально (профессионально) «горожане» Востока соответствовали «бюргерам» (тоже «горожане») средневековой Западной Европы. Но социально и политически это был совсем иной слой. У него не было самостоятельности в решении собственных проблем.

Самоуправление в городах существовало в виде так называемых «цехов» (*аснафы* — на Ближнем Востоке, *дза* — в Японии, *ханы* — в Китае, *ке* — в Корее), гильдий купцов (*сичжон* — в Корее), кастовых старост (в Индии). Но, во-первых, за редчайшими исключениями, они не

составляли единой организации в городе, были разобщены, а во-вторых, находились под контролем властей — городских, а в конечном счете — центральных. Руководители цехов, гильдий и каст назначались либо прямо сверху, либо по согласованию с властями. Руководители объединений ремесленников и прочих корпораций получали инструкции от властей и должны были перед ними отчитываться.

Не видно, чтобы в этом отношении намечался прогресс. Более того, в целом возникает впечатление о росте зависимости города от центральной власти, о постепенном подавлении ростков корпоративности и самоуправления. Наглядно это было в Индии, где в раннее средневековье, особенно в южной части полуострова, процветали торговые корпорации (*шрени*), городские советы (*нагараттар*), которые явно самостоятельно распоряжались большими средствами и землей, а в рассматриваемый период исчезли почти без следа. В странах мусульманского Востока как будто бы не отмечено ослабления роли аснафов, но не заметно и какого-либо прогресса в эволюции самоуправления в городах. Даже в Японии, где по многим показателям шло развитие новых отношений, тёнины в изучаемый период не добились никаких успехов в самоуправлении. Более того, именно в XVI в. единственный «свободный» город Японии — Сакаи теряет свою независимость и начинает управляться государственными чиновниками, как и остальные города.

ВОПРОС О «ЗАЧАТКАХ КАПИТАЛИЗМА» В ПРОИЗВОДСТВЕ

В 50—60-е годы идея о том, что в странах Востока по крайней мере в XVII—XVIII вв., если не раньше, вызревали буржуазные отношения, получила широкое распространение и почти полное признание в среде отечественных востоковедов. Признаки возникновения капиталистического уклада видели в отношениях найма в ремесле, в подчинении ремесленников торговцам-скупщикам (что характеризовали как рассеянную мануфактуру), в появившихся отдельных довольно крупных производствах — в судостроении, металлургии, выпаривании соли, сахароварении и т.п.

Существенной для решения вопроса о том, можно ли считать все это зародышами капитализма, была динамика процесса: когда возникли эти явления, умножались ли со временем? Оказалось прежде всего, что ряд «капиталистических» явлений (наемный труд, скупка ремесленных изделий) наблюдались в экономике многих стран Востока чуть ли не с древности, другие (крупные производства) также достаточно стары. И нет никаких оснований считать, что их роль в экономике возрастала и они консолидировались в некий новый, враждебный феодализму социально-экономический уклад.

Более того, иногда становилось ясно, что расцвет «подчинения труда капиталу» или «мануфактур» уже прошел в период до XVII—XVIII вв., а в эти века сменился упадком. Так, в Китае частное железоделательное

производство в провинциях Хунань и Хубэй достигло расцвета в XI в., а затем правительство стало его ограничивать, вводя государственные монополии на продажу ряда железных изделий, а также задавливая налогами. Окончательно производство железа в этом районе прекратилось в 1736 г. Судостроение было прекращено и запрещено еще в XVI в. Политика ограничения производства проводилась и в других странах. Так, во Вьетнаме в 1731 г. были закрыты горные предприятия в Тханьхоа на том основании, что на родине правителя страны «нельзя рыть горы и раскапывать холмы, дабы не причинять ущерб жилам земли».

В последние годы проведено несколько количественных исследований, позволивших представить динамику стран Азии и Европы на протяжении веков в абсолютных числах. В нашей стране такую работу провел В.А.Мельянцев[3]. Выяснилось, что XVII—XVIII века — это период упадка валового внутреннего продукта на душу населения в таких крупнейших цивилизациях Востока, как Китай (на 6%) и Индия (на 11%). В Японии за это же время подушевой доход вырос примерно на 26%, в странах Западной Европы — на 20%. Таким образом, макроэкономический анализ достаточно недвусмысленно говорит о том, что накануне колониального подчинения Восток в целом, за исключением Японии, испытывал застой, попал в тупик в своем экономическом развитии.

* * *

На каком же этапе формационного развития застыли ведущие страны Азии? Феодализм, как и любое иное протяженное явление в истории, можно грубо разделить на ранний, развитой и поздний. В медиевистике, ориентированной на историю Западной Европы, принято считать ранним феодализмом V—X вв. (до появления самоуправляющихся городов), развитым — XI—XIV вв. (до появления капиталистических зачатков), поздним — XV—XVII вв., период, когда в обществе наряду с феодальными отношениями существует и развивается капиталистический уклад. Поскольку сравнение обществ Азии и Европы по уровню развития вполне разумно, мы можем взять указанную выше шкалу как условный эталон и посмотреть, как она соотносится с тем, что мы знаем о Востоке.

Начнем с того, что даже в тот период, когда поиски зачатков капитализма на доколониальном Востоке были в самом разгаре, никто из исследователей не утверждал, что в Индии или Китае (две страны, которые подвергались наиболее внимательному изучению с этой точки зрения) самостоятельно сложился капиталистический уклад и что они, таким образом, достигли уровня, называемого в Европе «поздним феодализмом». Сошлись на том, что эти страны находились на этапе «развитого феодализма», т.е. отстали от современной им Европы на 200—300 лет.

Однако смущало то, что многих институтов, характерных для европейского средневековья, на Востоке не наблюдалось. Это относится

прежде всего к частной собственности на землю, которая в Европе к XI—XII вв. достигла значительной зрелости, самоуправляющимся городам и сословной монархии. В 1979 г. В.И.Павлов выступил с идеей, что передовые страны Азии не достигли ни того уровня производительных сил, ни того уровня социально-политического развития, которые мы называем типично средневековыми (феодальными) в Западной Европе, и, следовательно, находились на этапе раннефеодальном, что означало, что они отставали от Западной Европы на 800 или более лет[4].

Специалисты по истории средневекового Востока практически единодушно отрицательно отнеслись к этой идее. Несмотря на то что при строго линейном подходе к истории аргументам В.И.Павлова нечего было противопоставить, а цивилизационный, или типологический, подход в то время не был еще развит, все же специалисты чувствовали, что логические построения на основе идеи однолинейности заводят в тупик. Определенное отставание в продвижении к капитализму (коль скоро закономерность такого движения никем не ставилась под сомнение) было налицо, но уровень социальной организации, государственности, культуры был, безусловно, сопоставим именно со средневековой Европой и несопоставим с раннесредневековой.

Решение вопроса о степени разрыва в уровнях развития Западной Европы и Азии, как и ряда аналогичных проблем истории, упирается в неразработанность понятия «прогресс». Наряду с прогрессом—преодолением существующей системы отношений есть, очевидно, и прогресс—совершенствование системы, и вторая форма прогресса редко переходит в первую, напротив, часто заканчивается тупиком. Чтобы не превращать данную главу в историософский трактат, воздержимся от разбора иных исторических ситуаций, которые можно было бы назвать тупиковыми, но вернемся к странам Востока XVII—XVIII вв. Их история показывает, что восточное общество имело свои пределы поступательного развития, которые можно определить как достижение

— развитой, отлаженной государственности;

— эффективного в определенных климатических условиях, экологически обоснованного сельского хозяйства;

— значительной дифференциации занятий, выражающейся в большом городском населении, высококачественном профессиональном ремесле, полностью соответствующей нуждам общества торговли.

Но чем совершеннее работал природно-социально-экономический механизм, тем труднее в его недрах было появиться и вызреть новым, несистемным отношениям.

Однако вопрос об отставании Востока от Запада с точки зрения перехода к капитализму остается — и даже приобретает особую остроту. От того, каковы причины непоявления автохтонного капитализма на Востоке, зависит и решение проблем, вставших перед неевропейскими странами в новое и новейшее время, когда им все же пришлось идти к капитализму.

* * *

Вопрос о причинах отставания стоит с того времени, когда Европа осознала себя «передовой». Его пытались разрешить разными способами, вплоть до того, что заменяли противоположным вопросом: «В чем причина ненормально быстрого развития Европы в XVI—XVIII вв.?»

Причины какого-либо явления всегда многослойны, а их поиски подобны археологическим раскопкам. Еще со времен Ф.Бернье, если не раньше, основную причину упадка Востока видели в государственной собственности на землю, вернее, в отсутствии частной. Как показывают исследования, тезис об отсутствии частной собственности на землю на Востоке неточен. Частная собственность была, но придавленная государственной, или верховной. Однако дело не в уточнении тезиса, а в том, что вновь встает вопрос «почему?» Почему частные собственники, нередко богатые и влиятельные, не смогли практически повсюду на Востоке до нового времени ограничить аппетиты государства?

Л.С.Васильев в своих работах[5] обосновывает мысль о том, что государственная собственность на землю, как и вообще «государственный способ производства», существовавший, по его мнению, на Востоке, — это закономерный результат вызревания государства и разрушения первобытного строя, когда общинная административная верхушка становится распорядителем всего имущества коллектива, а затем закрепляет его за собой в собственность. В его терминологии: реципрокность переходит в редистрибуцию. «Запад» же возник в лице древнегреческой цивилизации в результате «социальной мутации». И далее уже частная собственность, ставшая основой общественных отношений в Древней Греции, повела Западную Европу по дороге демократии, права, приоритета личности и технического прогресса.

Мутация в биологии, откуда взято это слово, — явление случайное. Перенос термина из одной науки в другую имеет смысл, только если не меняется его значение. Следовательно, называя возникновение античной культуры «социальной мутацией», мы недвусмысленно заявляем, что не можем этого объяснить. Таким образом, «социальная мутация» — это замена одного неизвестного на другое, это мнимый ответ на вопрос.

Кроме того, стройность концепции Л.С.Васильева нарушается тем обстоятельством, что между «реципрокностью», характерной, с его точки зрения, для первобытного строя, и «редистрибуцией», т.е. системой, основанной на сборе налогов с самостоятельных производителей и перераспределении собранных сумм между членами господствующего слоя, лежит исторически длительный период крупных хозяйств (государственных в масштабах страны — в Египте, царско-храмовых — в Месопотамии, царских — в Микенах). Чтобы возникли такие хозяйства, тоже нужна социальная революция, или, если хотите, мутация — превращение свободных в работников-рабов, создание надзирающего аппарата, письменности и документации. Да, эта мутация оказалась неудачной, и от нее древневосточные страны пошли к системе государственного обложения и сравнительной свободы крестьянства, а античные — к частной собственности. И все тот же вопрос «почему?» остается без ответа.

Как археологи, снимая слой за слоем, доходят до «материка» и на этом прекращают работу, так и здесь, докапываясь до наиболее глубокой причины, неизбежно приходишь к географическим условиям, глубже которых все равно ничего нет.

К.Маркс и Ф.Энгельс, пытаясь понять причины «азиатского способа производства», дошли именно до этого «материка». Они обратили внимание на пустыни и сухие степи, диктующие будто бы искусственное орошение, которое может организовать только государство, в связи с чем и получает огромную роль в экономике, а следовательно, и во всех остальных сферах жизни[6]. Но такой простой ход от природных условий к социальной структуре не проходит. Искусственное орошение, особенно при помощи крупных сооружений и систем, не было характерно для большинства стран Востока в древности и средние века. И мотивы государственного вмешательства в экономику в Иране, Индии, Китае, других странах должны были быть иными. Интересно, насколько живучи стереотипы! Несмотря на многолетние усилия практически всех востоковедов, занимающихся разнообразными странами, доказать, что орошаемое земледелие не было основой хозяйства практически нигде, кроме Египта и Месопотамии, в обыденном сознании Восток до сих пор предстает как область искусственного орошения.

Ю.Г.Александров и Б.И.Славный выдвинули идею о том, что разные исторические судьбы Востока и Европы объясняются разными способами развития производительных сил: на Западе развивалась трудосберегающая технология (повышение **производительности труда**), а на Востоке стремились к повышению **продуктивности земли** безотносительно к количеству затрачиваемого при этом труда[7]. Эта идея вырастала, безусловно, из реальных фактов, приемов ведения сельского хозяйства, отвечала некоторым интуитивно понимаемым реалиям восточных стран. Но вопрос «почему?» оставался. И, подобно К.Марксу и Ф.Энгельсу, авторы этой идеи «списали» причину такого различия на орошаемое земледелие, что не может быть принято по указанным выше причинам.

Недавно С.В.Онищук[8] выступил с совершенно новой идеей, которая связывает социально-политический строй, аграрный строй, темпы развития, системы земледелия и природные условия в разных климатических поясах в единый узел. Кратко говоря, он берет за основу степень или тип интеграции животноводства в земледельческое производство. Он считает, что в западном и центральном районах умеренного пояса Европы природные условия позволяли содержать большое количество скота, что предопределило переход к трехполью и постоянное повышение урожайности полей. В субтропическом поясе Европы и Азии — от Испании до Китая — высокая естественная продуктивность земли приводила к быстрому возрастанию плотности населения и хозяйство попадало в замкнутый круг: чтобы поддержать растущее население, надо было увеличивать запашку и сокращать пастбища, сокращать поголовье крупного рогатого скота, отчего страдала урожайность и требовалось еще больше увеличивать запашку. Страны этого пояса так и не перешли к трехпо-

лью, поскольку такой переход требовал увеличения площади, используемой одним хозяйством, что было физически и социально невозможно.

Содержание большого количества скота без больших трудовых затрат возможно только там, где можно пасти скот круглый год. В восточной части умеренного пояса Европы морозная зима позволяет содержать лишь такое количество скота, которое можно прокормить запасенными летом кормами. В субтропиках же круглогодичному выпасу скота мешает выгорание травы летом.

На стадии переложного земледелия разница в обеспеченности хозяйств скотом не чувствуется. На стадии ротационных систем начинается дифференциация: одни повышают производительность труда, другие — продуктивность земли. Наконец, на стадии паровых систем два типа хозяйствования окончательно расходятся: в субтропиках — к двухполью и системе, которая не может преодолеть некий потолок производительности и обречена на циклическое движение; в умеренном поясе Западной Европы — к трехполью и постоянному повышению производительности. В тропической зоне совсем не было интеграции животноводства и земледелия, и там развитие остановилось на стадии ротационных систем земледелия.

В муссонной Азии развитие пошло в направлении от почти полного уничтожения пара и пастбищ, к росту трудоемкости сельскохозяйственного производства. По мысли С.В.Онищука, природные условия задают типологический ряд, по которому пойдет сельское хозяйство при росте населения, и начиная с определенного этапа переход из одного типологического ряда в другой становится невозможным.

Тип сельскохозяйственной эволюции определяет очень многое. Прежде всего, темп выталкивания рабочей силы из сельского хозяйства, т.е. рост городского населения, развитие ремесла и торговли. Европейский тип эволюции обеспечивает постоянный рост несельскохозяйственного населения. Азиатский тип этого не обеспечивает. Наоборот, постоянно создается ситуация нехватки земледельческого населения, необходимости, «укрепляя ствол, обрубать ветки». Чтобы развивать города, нужно увеличивать налоги с земледельцев, ограничивать цены на зерно, истреблять земельную аристократию и разорять крупных торговцев. Отсюда развитие деспотических форм правления.

Эта гипотеза, возможно, не объясняет всего, на что претендует. В частности, неясно, как совместить большую трудоемкость земледелия на Востоке, постоянно ощущаемый дефицит земледельцев — обстоятельство, подмеченное С.В.Онищуком, — и значительную долю несельскохозяйственного населения в этих странах, как в городах, так и в селах (что гипотезе С.В.Онищука противоречит). Отсюда вытекает общий вывод, подсказываемый и всей историей изучения причин отставания Востока, — нельзя все сводить к одному фактору. Помимо выталкивания из сельского хозяйства по экономическим и хозяйственным причинам действовали еще и другие закономерности, которые не требовали обязательного превращения «несельскохозяйственного» населения в производящее.

* * *

Все указывает на то, что страны Востока в XVII—XVIII вв. попали в исторический тупик, который можно назвать «тупиком феодальности». Общество основных стран Востока в этот период никак нельзя назвать «отсталым», «недоразвитым» или «ранним», если изучать его изнутри, как структуру. Все социальные слои и группы, явления, институты и подсистемы идеально «прилажены» друг к другу и не могут быть разрушены по частям. Но именно поэтому этот строй оказался непреодолимым в исторически реальные сроки. С точки зрения движения к капитализму Индия и Китай, наиболее крупные представители Востока, возможно, действительно не достигли того уровня, который в Западной Европе именуется «развитым феодализмом». Хотя во многих других отношениях Китай продолжал обгонять Западную Европу — например, в степени зрелости государственной структуры. Но это уже не имело значения.

Исторические тупики не бывают абсолютными. Возможно, что Османская империя и особенно Япония уже преодолевали «феодальный тупик» и выходили на путь динамического развития. Но история не отпустила им времени на самостоятельные поиски выхода из застоя. Страны Востока были обречены на страдания, связанные с насильственной ломкой «традиционного» строя и искусственной модернизацией.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Attman A.* The Bullion Flow: Between Europe and the East, 1000—1750. Göteborg, 1981; *Flynn Dennis O.* and *Giralder Arturo.* Born with a «Silver Spoon»: The Origin of World Trade in 1571. — Journal of World History. Honolulu, 1995, vol. 6, № 2, с. 201—221.

[2] *Колонтаев А.П.* Низшие формы производств в странах Южной и Юго-Восточной Азии: Особенности эволюции. М., 1975.

[3] *Мельянцев В.А.* Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996.

[4] *Павлов В.И.* К стадиально-формационной характеристике восточных обществ в новое время. — *Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И.* Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979, с. 173—329.

[5] См., например, *Васильев Л.С.* История Востока. Т. 1. М., 1994.

[6] *Маркс К.* Британское владычество в Индии. — *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения, 4-е изд. Т. 9, с. 132 и др.

[7] *АлександровЮ.Г., Славный Б.И.* Капитал и трудовые ресурсы Востока (опыт теоретического анализа). — Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока. М., 1986, с. 269—289.

[8] *Онищук С.В.* Исторические типы общественного воспроизводства: Политэкономия мирового исторического процесса. М., 1995.

Глава 2

ЦИВИЛИЗАЦИИ ВОСТОКА И ЗАПАДА НА РУБЕЖЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

На рубеже Нового времени Восток был наиболее богатой и населенной частью мира. В 1500 г. в странах Востока (Азия и Северная Африка) проживало около 288 млн. человек[1], или 68% всего населения Земли. Вплоть до промышленной революции в Европе на него приходилось примерно 77% мирового промышленного (мануфактурно-ремесленного) производства. Здесь были наиболее плодородные почвы, дававшие сравнительно высокие урожаи. В могольской Индии, например, при Акбаре (1556—1605) средняя урожайность пшеницы составляла 12,6 ц с гектара, ячменя — 13,1 ц, тогда как в странах Западной Европы — 7—8 ц с гектара. В 1500 г. из 31 наиболее крупного города мира, с населением свыше 100 тыс. каждый, 25 находились на Востоке и только 4 — в Европе (2 — в Африке). Вплоть до XVII в. европейцев, побывавших на Востоке, поражало обилие и высокое качество товаров, особенно тканей, большие густонаселенные города, мастерство ремесленников, богатство и могущество правителей. До промышленной революции, практически до начала XIX в., страны Востока экспортировали в Европу в основном потребительские товары и другую готовую продукцию. Они были поставщиками медикаментов, пряностей, затем кофе, сахара, чая, а также тонких хлопчатобумажных тканей, кашемиров, шелков и других предметов роскоши.

По сравнению с Западом Восток был лучше обеспечен продовольствием, особенно хлебом. Ибрахим-паша, великий везир османского султана Сулеймана Великолепного (1520—1566), хвастливо заявил посланцу из Вены, что только одна османская провинция (Верхняя Месопотамия) производила зерна больше и лучшего качества, чем все немецкие земли императора. В Алжире хлеба было больше, и он стоил в 4—5 раз дешевле, чем в Испании Филиппа II. В большинстве стран Востока в XVI в. наблюдался мощный экономический подъем, сопровождавшийся значительным демографическим ростом. Прирост населения в Азии в XVI в. составил 35%. Положение народных масс было достаточно стабильным. По утверждению современников, крестьяне балканских провинций Османской империи в XVI в. жили значительно лучше, в XVII в. — несколько лучше, чем крестьяне сопредельных стран Запада.

По сравнению с Востоком Европа выглядела более бедной и отсталой частью света. Особенно низким был уровень материального производства. В 1500 г. в странах Запада (католические страны Европы) было 68 млн. жителей, или 16% всего населения Земли. На Европу (без России) приходилось приблизительно 18% мирового промышленного производства; в расчете на душу населения это было несколько меньше, чем

на Востоке. Недоедание и бедность были уделом большей части жителей. Прирост населения, составивший 25% в XVI в., хотя и повысился по сравнению с предыдущим периодом, но был ниже, чем в Азии.

Лишь страны Южной Европы, и прежде всего Италия и Испания, находились на уровне Востока. Постепенно, в процессе «итальянизации», к ним подтягивались менее развитые страны, в первую очередь Фландрия, Франция, Англия и другие земли на северо-западе Европы. Несмотря на это, а также на относительную слабость и неравномерность развития, Запад оказывал все возрастающее влияние на ход мировых событий. Его динамизм и в конечном счете его роль в мировой истории совершенно не соответствовали и не вытекали из численности его населения, его богатств и других условий материальной жизни. Совершенно очевидно, что роль Запада определялась факторами иного порядка, прежде всего так называемым человеческим фактором, «культурой человека», вытекавшей из особенностей западной цивилизации.

Эта новая цивилизация сложилась на Западе в X—XI вв. на базе античных традиций и учения западнохристианской (католической) церкви. Ее основу составлял свободный человек, самостоятельный и независимый индивид, обладавший личными правами и привилегиями. В отличие от Востока на Западе преобладало личностное начало, примат частных интересов перед общественными. Чисто христианская идея богочеловечности всемерно укрепляла это начало и требовала от каждого человека бесконечного самосовершенствования, «соработничества» с богом. В сочетании с вековыми традициями частной собственности это способствовало созданию социальных и ментальных структур, обладавших огромным потенциалом саморазвития. Именно на базе этих структур развился совершенно особый тип личности, обрекавший западного человека на бесконечные поиски нового.

В течение всей жизни человек Запада стремился отличиться, выделиться из массы себе подобных и занять особое, лишь ему присущее положение. На Западе моды менялись с постоянством закона природы. Не было ничего неизменного, и неважно, что многие новшества приходили извне. Известно, что значительная часть технических изобретений, например огнестрельного оружия, бумаги, водяного колеса, ветряных мельниц, книгопечатания и многих других, была сделана на Востоке. Но на Западе они быстро доводились до совершенства и давали импульс для новых открытий. Невозможно перечислить все то новое, что появилось в Европе на рубеже Нового времени. Менялось все — политика, понимание любви, философия, финансы, искусство и технология. Все эти перемены отражали своеобразную духовную атмосферу, царившую на Западе, были проявлениями того духовного настроя, того духа Фауста, который заставлял западного человека ради собственного удовольствия проникать в тайны природы и уходить в далекие страны. Европейцы оставили сотни записок о своих путешествиях за морями. Но мы не знаем ни одного описания Европы, сделанного китайским или индийским путешественником. Да и мусульмане выезжали на Запад только в силу крайней необ-

ходимости, главным образом по делам, связанным с государственными интересами.

По сравнению с Западом Восток был неподвижен. Моды не менялись здесь в течение нескольких поколений. Приданое бабушки ветшало, но не старело. На Востоке преобладало общее начало, конформизм, исходивший из убеждения, что существуют общие закономерности, с которыми каждый человек должен сообразовывать свою жизнь. Эта идея о вечных и объективных законах, а также преобладание общего начала над частным, коллектива над личностью предопределяли инерционность жизни и мысли. Масса подавляла единицу и не давала ей возможности проявить себя. Верность прошлому, прежде всего заветам великих предков, открывших законы правильной жизни, доминировала в системе восточных ценностей. Лишь их действительное или мнимое нарушение заставляло восточных людей искать новые пути и решения, призванные в конечном счете восстановить привычный порядок вещей.

Динамизм Запада, превосходство его ценностей выявились далеко не сразу, а главное, не во всех сферах человеческой деятельности. Вплоть до середины XVII в. у Запада не было преимущества в области военного дела, он по-прежнему отставал от Востока в сфере материального производства и уровня жизни, т.е. в сопоставимых и легко устанавливаемых областях человеческого общежития. Лишь в конце XVII в. превосходство Запада стало очевидным. Тогда же стало отмечаться «отставание» Востока. Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что это «отставание», как и «опережающее развитие» Европы, было не более как внешним проявлением, видимым следствием их предшествующей истории. На рубеже Нового времени в Западной Европе не произошло и не происходило ничего сверхъестественного. «Европейское чудо» XVI—XVII вв. было простым и естественным накоплением результатов, которые неожиданно для других приобрели новое качество. «Отставание» Востока — это также результат его собственного развития. Вплоть до XIX в. его никто не прерывал и не останавливал. Но в отличие от Европы оно происходило другими путями, на базе иных социальных и религиозных ценностей.

При общей противоположности Западу Восток был далеко не един. Его отдельные части различались между собой почти так же, как каждая из них отличалась от Запада. К тому же вплоть до Великих географических открытий эти отдельные части человечества развивались довольно изолированно, не будучи связаны между собой постоянными и взаимообусловленными процессами. Универсальность мира и человека существовала скорее в сознании людей, чем в реальном жизненном опыте. В лучшем случае существовали контакты между сопредельными ойкуменами, каковыми являлись эти отдельные части. В каждой из них доминировала своя цивилизация со своим видением мира, со своими мирохозяйственными связями и культурно-историческими ценностями. На рубеже Нового времени все эти цивилизации выступали как своего рода центр силы, в поле притяжения которых развертывался всемирно-исторический процесс.

Обычно цивилизацию (культурно-исторический тип) определяют как способ, или стиль, жизни, свойственный крупной человеческой популяции, которая руководствуется своим комплексом знаний и признает авторитет определенной системы ценностей. В соответствии с ним и страны, и народы, входящие в цивилизацию, стремятся строить свою жизнь, свои социальные и политические институты. При этом каждая цивилизация опиралась на собственную мифологию и культурно-историческую традицию. Каждой из них был присущ особый тип культуры с собственной концепцией жизни и человека, со своей этикой и моралью.

Каждая цивилизация выступала как целостная система. Как таковая она являлась детерминантом своих частей, подчиняла или преобразовывала их в соответствии со своей собственной природой. Экономика не является исключением. Поэтому каждой цивилизации был присущ свой собственный способ производства, вытекающий из характера ее экономических структур, т.е. совокупности социальных условий, в которых осуществлялась хозяйственная деятельность человека. Поэтому с экономической точки зрения цивилизации, находившиеся на одинаковой стадии развития, отличались не характером орудий и средств производства, а формами организации труда. Они были органически присущи цивилизации и вследствие этого отличались необычайной прочностью. Не случайно К.Маркс в «Капитале» отмечал, что внутренняя устойчивость и структура докапиталистических национальных способов производства в Китае и в Индии являлись непреодолимым препятствием для разлагающего влияния торговли и не поддавались разрушению без помощи политической власти[2].

Роль и значение отдельных цивилизаций были далеко не одинаковы. Они не зависели ни от численности населения, ни от величины ресурсов или территории, находившихся в их распоряжении. Определяющим моментом были уровень развития, динамизм и жизненная сила отдельных цивилизаций. Однако сравнительный анализ уровней развития, тем более динамизма встречает немалые трудности. Нет объективных критериев, нет базы для сравнения. В марксистской историографии, исходившей из гегельянских представлений об однолинейности всемирно-исторического процесса, в течение длительного времени господствовал формационный подход, и соответственно уровень развития определялся ступенью формационной лестницы, достигнутой каждым данным обществом. При всей простоте и кажущейся объективности здесь нет главного — самой возможности сопоставлять то, что на самом деле несопоставимо. В результате уровень развития отдельных стран и регионов, прежде всего Европы, как правило, не совпадал с оценкой их формационной зрелости, к тому же выставлявшейся довольно произвольно, нередко со значительной долей национально-политического пристрастия.

Вследствие этого сравнительный анализ цивилизаций неизбежно несет в себе элементы субъективизма. Как представляется, наибольшие шансы имеет прямое сопоставление взаимных оценок и самооценок, которые делались представителями различных цивилизаций. В принципе их можно корректировать на основе сравнения военно-политической

мощи, выявлявшейся путем пробы сил, а также на основе технологии и общественной производительности труда, точнее, эффективности господствующей системы производства материальных благ.

Опираясь на эти показатели, можно утверждать, что на рубеже Нового времени все ведущие цивилизации Старого Света — китайско-конфуцианская, индусская, мусульманская, западнохристианская и примыкавшие к ним русско-православная, японская и ламаистская — находились на примерно одинаковой стадии развития. Некоторые различия в технико-экономических показателях, например отставание Западной Европы или Ближнего Востока в области производительности сельского хозяйства, не имели принципиального значения и компенсировались в других сферах материальной жизни.

От этих культурно-исторических сообществ значительно отставал ряд других цивилизаций, остановившихся в своем развитии. Будучи реликтовыми, по определению А.Тойнби, такие цивилизации, как, например, полинезийская, эскимосская и аналогичные им популяции Сибири, находились в состоянии глубокого упадка. Задолго до Нового времени они остановились на уровне неолитических культур, не имели ни развитых религий, ни социальных институтов. Уровень развития их хозяйства и корпус знаний зачастую были даже ниже, чем в предшествующие времена. К началу XVI в. они полностью исчерпали свой потенциал развития и, по сути дела, являлись пассивными объектами мировой истории. При исключительно малой численности населения (в Сибири, например, в 1500 г. оно оценивалось в 200 тыс. человек) их территории представали как пустые, незанятые пространства, где, по мнению других народов, не было никакой цивилизованной жизни.

К началу XVI в. наиболее населенной и богатой частью мира были Китай и другие страны китайско-конфуцианской цивилизации (Корея, Вьетнам). В 1500 г. в ее ареале проживало около 106 млн. человек, т.е. 22,3% всего населения земного шара. В своих основных чертах эта новая дальневосточная цивилизация сложилась в середине I тысячелетия христианской эры на базе социокультурного наследия Древнего Китая и учения Конфуция (551—479 гг. до х.э.).

Холодный материализм и бездуховность этой дальневосточной цивилизации сформировали особый тип личности. Она была прочно встроена в незыблемый и вечный порядок — основу основ конфуцианского образа жизни. Он целиком покоился на убеждении, что в мире существуют объективные закономерности, не зависящие от воли отдельных людей. Конфуцианское Пятикнижие давало картину вечной и неизменной жизни, которая движется по твердо установленным законам и в которой нет и не может быть ничего нового. В конфуцианстве нет бога, нет личности творца, не говоря уже об идее богочеловечности. От человека требовалось не развитие свободного творческого начала, а соблюдение раз и навсегда установленных правил, вытекающих из четко осознанной необходимости.

Высшей социальной ценностью конфуцианства было государство. Оно одно, руководствуясь единственно правильным учением, было при-

звано устраивать жизнь общества и человека. Государство пронизывало все, подчиняло себе все стороны человеческой деятельности. Конфуцианское государство объединяло функции правителя, судьи и духовного наставника народа и в этом смысле представляло, по словам Б.Н.Чичерина, наиболее «полное осуществление теократии, основанной на господстве религиозно-нравственного закона и его блюстителей»[3]. В служении государству, отождествлявшемуся с общественным благом, чиновники видели высший смысл своей жизни. Нигде в мире, даже в России, не было такого культа государственной власти. Нигде в мире чиновники не кастрировали себя ради служения государству, без которого китайцы не мыслили справедливости и порядка.

Конфуцианское общество было враждебно по отношению к индивиду и его стремлениям. Здесь не было свободы, даже самого понятия о свободе как праве личности самостоятельно располагать собой и своей деятельностью. Каждый был частью огромного общественного механизма и «служил» ему в меру своих сил и способностей. Чувство долга на конфуцианской шкале ценностей превалировало над всеми другими. От человека требовалось послушание, прежде всего родителям и начальникам. В течение веков конфуцианство воспитывало в человеке аккуратность и обязательность, породившие ту высочайшую культуру труда, которая вызывала неподдельное восхищение у иностранцев. Все было расписано, все регламентировано вплоть до мелочей. В течение всей жизни китаец был пленником ритуала — своего рода научно обоснованных правил поведения, тех знаменитых «китайских церемоний», которые в совокупности составляли довольно жесткую систему повседневного этикета, сковывавшую человека по рукам и ногам.

Конфуцианское общество было формально демократичным. Каждый мог стать Яо (легендарный герой и правитель древнего Китая). Для этого требовались труд и прилежание, прежде всего в приобретении знаний. Конфуций призывал всю жизнь учиться, постигать истину. На деле это означало изучение конфуцианской науки — огромного и крайне догматизированного свода знаний, имевшего ясные и четкие ответы на все случаи жизни. В 1403—1407 гг. эти знания были собраны в 22 877 книгах, составлявших 11 095 томов конфуцианской энциклопедии. Результаты, с точки зрения европейцев, были ужасающи. «Давно замечено, — писал в середине прошлого столетия О.И.Сенковский, — что китаец при всей своей природной смышлености тем ограниченнее умом, чем он ученее». Система конфуцианской науки и образования, по его словам, это «страшнейшее иго, какое где-либо и когда-либо душило за горло ум человеческий»[4].

Догматизм и незыблемость конфуцианского знания предопределили интеллектуальный застой общества. Мысль человека была постоянно обращена назад, в безмерно идеализированное прошлое. Она вращалась в традиционном круге конфуцианских идей и представлений и была совершенно неспособна давать что-либо новое. Вследствие этого при довольно высоком уровне материально-технического развития в духовном отношении китайско-конфуцианская цивилизация оказалась бесплодной.

При этом надо иметь в виду, что китайско-конфуцианская цивилизация имела сугубо оборонительный, даже изоляционистский характер. Активный прозелитизм был ей совершенно чужд. Она в буквальном смысле слова отгородилась от мира Великой китайской стеной. Даже военная доктрина несла на себе печать охранительного начала. Конфуцианство исключало внешнюю агрессивность, стремление к экспансии, к триумфальному распространению и утверждению своих ценностей. Военное дело считалось занятием, недостойным образованных людей. Антипатия мандаринов к военщине была сравнима лишь с их неприязнью к духу торгашества и наживы. Война, как и торговля, воспринималась как неизбежное зло, как печальная необходимость, диктуемая заботой о высшем благе государства.

Весь мир китайско-конфуцианской цивилизации был обращен вовнутрь. Его целиком пронизывали идея самодостаточности, убеждение в ненужности и даже вредности внешних контактов. Это стремление к изоляции сочеталось в конфуцианском сознании с уверенностью в неизмеримом превосходстве своих ценностей. Китайцы рассматривали себя как центр мира, как Срединное царство, вершину и светоч мировой цивилизации. Они снисходительно соглашались, чтобы иноземные варвары учились у них, но сами не испытывали в этом ни малейшей потребности. Одним из наиболее болезненных проявлений конфуцианского нарциссизма было нежелание иметь какие-либо внешние связи, заимствовать чужой опыт и знания.

Всю прелесть китайско-конфуцианского подхода к внешнему миру передает ставшее уже хрестоматийным послание императора Цяньлуна (1736—1796) английскому королю Георгу III.

«Король, — писал Цяньлун в 1793 г., — ты живешь за многими морями и, несмотря на это, снедаемый смиренным желанием приобщиться к благам нашей цивилизации, отправил к нам посольство, почтительно доставившее нам твою записку... Я внимательно изучил твою записку; серьезный тон изложения свидетельствует о почтительном смирении с твоей стороны, что в высшей степени похвально... Что касается твоей просьбы послать одного из твоих подданных, чтобы он был поверенным при моем Небесном Дворе и осуществлял надзор за торговлей твоей страны с Китаем, то это ходатайство противоречит обычаям моих Отцов и не может быть удовлетворено... Хотя ты заявляешь, что благоговение перед Нашими Небесными Отцами переполняет тебя желанием приобщиться к нашей цивилизации, к нашим правилам и законам, они столь отличаются от твоих собственных, что, даже если твоему послу удалось бы познать начатки нашей цивилизации, ты не смог бы перенести наши нравы и обычаи к себе, на чужую почву. Как бы твой посол ни старался, из этого ничего не может получиться.

Властвуя во всем мире, я преследую одну-единственную цель, а именно безупречно осуществлять власть и исполнять долг перед государством. Диковинки и драгоценности меня не интересуют. Если я распорядился принять даннические дары, отправленные тобой, о король, то исключительно из уважения к тому духу, который побудил тебя послать

их из такой далекой страны. Величие Наших Отцов не обошло ни одной земли под Небесами, и цари всех народов шлют по морю и по суше драгоценную дань. Как мог убедиться твой посол, у меня есть все. Я не ценю искусных и диковинных вещей и не буду пользоваться изделиями твоей страны».

Этот беспримерный эгоцентризм привел к самоустранению стран китайско-конфуцианской цивилизации из мировой истории. Их роль, если не считать заимствований их опыта другими, была сведена к самому минимуму, никак не соответствующему их огромному человеческому и материальному потенциалу. Фактически весь ареал китайско-конфуцианской цивилизации остался в стороне от решающих событий международной жизни.

Совершенно иной характер имела японская цивилизация. Она многое заимствовала у Китая, в том числе систему письменности и значительную часть материальной культуры. Нередко ее рассматривают даже как ответвление китайско-конфуцианской цивилизации. На деле она была совершенно другой, во многом даже противоположной. Здесь не было подавления личности, не было культа надчеловеческого государства, этатизированного и эгалитарного сознания.

Японская цивилизация возникла в IX—XI вв. Ареал ее распространения никогда не выходил за пределы собственно страны Восходящего Солнца, население в 1500 г. составляло 17 млн. человек, или всего 4% жителей Земли. Эта небольшая, но исключительно динамичная цивилизация сложилась на базе синтоизма (культа древних японских богов и духов) под сильным влиянием буддизма махаяны. Он проник в Японию в середине VI в. и в IX в. стал государственной религией. В отличие от китайско-конфуцианского общества японская цивилизация обладала исключительной способностью к мименсису — подражательству, восприятию чужого опыта и знаний. В этом отношении она напоминала Западную Европу. Ничто чужое ей не было чуждо. Она легко и естественно интегрировала заимствования, органически включая их в систему собственных ценностей и идеалов. Даже древние японские божества и духи со временем стали восприниматься как *аватары* (ипостаси) различных будд и бодхисаттв.

В отличие от Китая в японском обществе не было отрицания индивида и его права на свободный выбор. Еще до распространения христианства в религиозном сознании японцев не было столь резкого противопоставления человеческого и божественного (детерминирующего) начала, какое мы наблюдаем в других обществах Востока. Истинно конфуцианская культура труда сочеталась здесь с чувством глубокой личной ответственности и высоким престижем ратного подвига. Япония была единственной страной Востока, где существовало благородное сословие рыцарей (*самураев*) и князей (*даймё*) — ближайший аналог европейского дворянства. Даймё и самураи как аристократы пользовались особыми правами и привилегиями. Подобно европейским дворянам, они являлись носителями сословной чести, находившей свое выражение в моральном кодексе самураев — *бусидо* («путь воина»). Наличие дворянства, сослов-

ных прав и привилегий, а также возникновение свободных городов, торгово-ремесленных цехов и хозяйственно самостоятельного крестьянства свидетельствовали о значительном сходстве социальных структур Японии и Западной Европы и во многом предопределили успех амидаизма и дзэн-буддизма в XIII в., проповеди Нитирэна (1222—1282), а в конце XVI в. — католичества.

Распространение амидаизма, дзэна и нитирэна, их эстетики и рыцарской морали, культивировавших чувство личной чести, вассальной преданности и беспримерной ответственности за свое слово, не только завершило формирование самурайского типа личности, но и наложило глубокий отпечаток на национальный характер всего японского народа. Именно с распространением нитирэна и дзэн-буддизма, в конечном счете совершенно особого синто-буддийского комплекса, нередко связывают невиданный подъем экономики и культуры, который переживала Япония в XIV—XVI вв. Население страны возросло с 9,7 млн. в 1300 г. до 22 млн. в 1600 г. Высокие темпы развития, достигнутые в этот период, свидетельствовали об исключительной жизненности и динамизме японской цивилизации. Вплоть до начала XIX в. они нигде и никем не были превзойдены. И лишь гонения на христиан, «закрытие» страны и установление режима Токугава (1603—1868), ориентировавшегося на китайские порядки, затормозили развитие японского общества и на время выключили его из активного международного обмена.

Полной противоположностью дальневосточных цивилизаций, особенно китайско-конфуцианской, являлась великая индусская цивилизация. Она получила распространение в огромном регионе, охватывавшем весь Индийский субконтинент и страны Юго-Восточной Азии. В 1500 г. в нем проживало около 116 млн. человек, или 24,1% всего населения Земли. В своем современном виде индусская цивилизация сложилась в середине I тысячелетия х.э. на основе древней индо-арийской цивилизации, впитавшей в себя различные культурно-исторические традиции Южной Азии. Решающую роль в ее становлении, по мнению некоторых историков, сыграло учение Шанкары (788—820). Этот великий мыслитель коренным образом переосмыслил религиозно-философскую систему веданты, восходящую к древним арийским ведам, и придал ей универсальный характер. На ее основе произошел синтез верований и традиций различных народов Индии, каждый из которых нашел свою нишу в индусском религиозно-культурном социуме. На базе более древних культов сложились многоликий пантеон антропоморфных индуистских богов (Шива, Вишну, его аватары Рама и Кришна, а также Дурга, Кали и др.), общность религиозной жизни и мифологической традиции, предопределившей социальные и морально-этические ценности индусской цивилизации.

В отличие от прагматического материализма китайского конфуцианства индуизм имел глубоко эмоциональный идеалистический характер. Из древнеарийского наследия он сохранил представление о духовной суверенности человека и его индивидуальном отношении к богу. Однако резкое разграничение материального и духовного начала в человеке и представление о самостоятельном существовании души, доходящее до

идеи о метампсихозе (учение о переселении душ), предопределили коренное отличие индусского типа личности от западноевропейского. Индусу было совершенно чуждо сознание единственности и неповторимости земной жизни, чужда идея богочеловечности. В веданте весь мир материальных вещей, даже земная сущность человека, его тело и мысль имеют иллюзорный характер. Жизнь человека лишена конкретного исторического смысла. Индуистское сознание внеисторично: все повторяется и исчезает без следа. Вследствие этого все материальные, земные интересы человека отступали на второй план. Да и духовный мир индуса, при всем его богатстве, был обращен вовнутрь и никак не сопрягался с активным творческим вторжением во все сущее на Земле.

В отличие от конфуцианства индуизму были чужды представления об изначальном равенстве людей. Религиозный идеал, аскеза, интеллектуальная утонченность и другие формы сублимации духа никогда не являлись общим требованием, обращенным к массе. Ее уделом было соблюдение *дхармы* — элементарных правил благочестия и пристойной жизни, что позволяло надеяться на следующее, более высокое рождение. В настоящей же жизни место человека определялось унаследованной им *кармой* — духовным качеством, уровень которого зависел от соотношения грехов и добродетелей, имевших место при прежних рождениях. Чем больше зла было совершено в прошлом, тем тяжелее карма и, следовательно, ниже социальный статус в настоящем.

Таким образом, положение человека в обществе определялось в первую очередь фактом его рождения, практически — социальным статусом его родителей. Наиболее полно это принципиальное отрицание равенства выражалось в системе каст — замкнутых эндогамных коллективов, связанных общностью крови и возможных занятий. Еще в глубокой древности сложилась четкая иерархия каст — от высших, прежде всего брахманских, восходящих к трем арийским *варнам* (сословиям), до низших, относящихся к четвертой сословно-варновой категории (*шудра*), включавшей в себя потомков доарийского населения и различного рода метисов. Каждая каста имела свои обычаи, законы и ритуалы, свой суд и органы самоуправления.

Обладая широкой автономией, даже правом защищать своих членов с оружием в руках, каста направляла и контролировала всю их деятельность. Фактически она определяла место человека в обществе. Она обеспечивала ему социальную защищенность, в случае необходимости оказывала моральную и материальную поддержку. Вместе с тем каста лишала человека индивидуальной свободы, сковывала его личную инициативу и ответственность. На деле она полностью блокировала возможность самореализации индивида, препятствовала самостоятельному раскрытию его творческого потенциала и в конечном счете превращала в раба, подчиненного закону суровой необходимости.

Каста являлась ключевым и наиболее устойчивым элементом индусской социальной структуры. Даже религиозные общины и течения (джайны, христиане, мусульмане, сикхи и т.п.), в принципе не признававшие и даже боровшиеся с кастовой системой, в конечном счете пре-

вращались в замкнутые группировки, вынужденные жить по законам кастового строя. Сам он как таковой не нуждался ни в какой внешней опоре. Для его поддержания не требовалось ни насилия со стороны государственной власти, ни кары религиозных институтов. Одним словом, кастовое общество являлось саморегулируемой системой, не зависевшей от государства и в известной мере даже противостоявшей ему. Вследствие этого индусское государство всегда выступало как «надстройка», как эфемерная суперструктура, оказывавшая минимальное влияние на жизнь отдельного человека и общества в целом. В индусском правосознании государство, политическая власть вообще (*радж*), выступало прежде всего как защитник и покровитель своих подданных, как третейский судья. В этом отношении оно было ближе всего к западноевропейской концепции государства. Однако в отличие от людей Запада, заинтересованных в существовании своих государственных структур, индусы были к ним совершенно безразличны. Лояльность к касте и общине превалировала у них над лояльностью к государству. Жизнь индуса протекала в рамках общинно-кастовых институтов и регулировалась нормами кастового права, а не законами государства, имевшими ограниченное значение.

Если индуизм был самодовлеющей системой, безразличной к внешнему миру, то индусская цивилизация в целом несла в себе большой культурно-цивилизаторский потенциал. Она обладала огромной притягательной силой и оказала немалое влияние на духовное развитие человечества. Правда, это относится в основном не к средневековому индуизму, а к более древней культуре Индии. В какой-то мере это было связано с распространением буддизма, выросшего на индийской почве и впитавшего в себя общее наследие индо-арийского мира.

Эта общность исторического наследия предопределила некоторое сходство между буддизмом и индуизмом. Вместе с тем буддийские идеи о равенстве людей проложили между ними четкую грань и во многом способствовали распространению буддизма среди неарийских народов Индии, а затем и Юго-Восточной Азии. Буддизм отрицал кастовый строй. Вытекающее отсюда своеобразие социальных и морально-этических ценностей дает основание рассматривать буддийские страны как особый субрегион индусской цивилизации или даже выделять их в отдельную цивилизационную общность, лишь генетически связанную с индусским культурно-историческим типом.

Тем не менее цивилизационная близость Индии и стран Юго-Восточной Азии не подлежит никакому сомнению. В начале I тысячелетия все страны этого региона подверглись сильной индианизации. Помимо религиозных культов они восприняли многие индийские обычаи и различные элементы материальной культуры, а главное, письменность, концепцию мироздания и государственности. Даже буддизм, который утвердился здесь в качестве ведущей религиозной системы, был воспринят в его южной, индийской форме — в форме *хинаяны* (или *тхеравады* — «учения старейшин») в отличие от *махаяны*, распространившейся главным образом к северу от Индии.

На рубеже Нового времени религиозно-культурным центром тхеравады была Ланка (Цейлон). После исчезновения буддизма в Индии она выступала как главный хранитель истины и чистоты раннего буддизма. По крайней мере с XIII в. помимо Ланки хинаянистский индо-буддизм стал глубоко народной религией в Бирме, среди шанских и тайских народов, в Камбодже, Малайе и на западе Зондского архипелага. Он был государственной религией таких крупных государств позднего средневековья, как Сукотаи (1238—1438), Аютия (1350—1569) и Маджапахит (1293—1528). Пустив глубокие корни, буддизм противостоял здесь другим цивилизационным влияниям и способствовал сохранению индийского характера культуры народов Юго-Восточной Азии. Вместе с тем консерватизм тхеравады ослабил темпы социально-политического развития и в конечном счете лишил страны этого региона широкой исторической перспективы.

Значительно бóльшим динамизмом отличалось другое направление буддизма — махаяна. Оно сложилось на севере Индии и в первые века христианской эры распространилось в Средней Азии, оттуда проникло в Китай, Корею и Японию. Несколько позже буддизм проник в Непал и Тибет, где в VIII в. утвердился в форме *ваджраяны* — третьего направления в этой религии, оформившегося в середине I тысячелетия. Махаяна и ваджраяна стали, по сути дела, самостоятельными учениями. Они были ближе к мирянам, к простому человеку, имевшему широкие возможности для самосовершенствования. Махаянисты считали, что сущность будды заложена в каждом человеке, надо лишь выявить ее и развить. Помимо этого махаяну сближала с христианством концепция рая и ада, пребывание в которых, хотя и временное, было уготовано для всех обладателей кармы и зависело только от соотношения грехов и добродетелей. Это сходство с учением Христа нередко объясняют значительным влиянием, которое Иран, в частности культ Митры, оказал на развитие как северного буддизма, так и христианства.

Ни махаяна, ни ваджраяна никогда не были едиными религиозными доктринами. В них всегда было много различных школ и течений. Каждое из них внесло свой вклад в духовное развитие Китая, Японии и других стран Дальнего Востока. Но только в Центральной Азии они приобрели характер господствующего мировоззрения, в значительной мере определившего цивилизационный облик региона. Это относится прежде всего к *ламаизму* — особой форме буддизма, возникшей в средневековом Тибете. Его основателем был буддийский монах Цзонкхапа (1357—1419), положивший начало учению *гэлукпа* («добродетель»). Переосмыслив традиционное наследие буддизма, он придал ему новую форму. Особый упор был сделан на соблюдение этических норм и ритуалов. Гэлукпа требовала от каждого человека беспрекословного повиновения своему наставнику и учителю. Это само по себе исключало возможность свободного выбора, не говоря уже о личной свободе. По существу это была новая религия. Из-за желтого цвета головного убора ее последователей стали называть «желтошапочниками», а сам ламаизм — «желтой

религией» в противовес «красной религии» и «красношапочникам» — приверженцам старотибетской школы буддизма.

В гэлукпа сложились многочисленный пантеон почитаемых будд, бодхисаттв и различного рода духов, собственный канон, свои праздники и обряды. Было построено много монастырей, храмов и кумирен. Малопомалу образовалось профессиональное духовенство, объединявшееся в строго иерархическую структуру, своего рода ламаистскую церковь, во главе с далай-ламой. Церковь осуществляла функции как духовного, так и светского руководства, придав ламаистскому обществу и государству чисто теократический характер.

Религиозным центром ламаизма была Лхаса — столица Тибета, где находилась резиденция *далай-ламы*. Тибетский язык приобрел статус священного языка ламаистской церкви. Его изучали в Монголии и других странах «желтой религии». В целом все они составляли особый культурно-исторический регион. Его цивилизация несла печать индобуддийских и древнеиранских влияний, органически вошедших в систему ценностей, сложившихся на базе более древних культур народов Центральной Азии.

В 1500 г. население ламаистских стран оценивалось в 3,6 млн. человек. Его удельный вес был невелик, менее 0,8% жителей Земли. Тем не менее на рубеже Нового времени ламаизм стал быстро распространяться, особенно среди монгольских народов. Вслед за собственно монголами его приняли буряты, ойраты, калмыки; к нему тяготели урянхайцы и маньчжуры. Последние вместе с монголами давали убежище буддистам, спасавшимся от репрессий минского правительства Китая. Современные историки не склонны давать однозначный ответ на вопрос, было ли у правителей Лхасы стремление к созданию обширного панламаистского государства. Во всяком случае, технико-экономическая отсталость ламаистского мира и слабость социально-политических структур обрекали такого рода планы на неудачу. Экспансия ламаизма остановилась на границах Китая и России. В 1581 г. Ермак завоевал Сибирское ханство и открыл путь на восток для русских землепроходцев, которые в 1637 г. вышли к берегам Тихого океана. Дальнейшие успехи ламаизма, таким образом, замкнулись на зоне Центральной Азии, волей-неволей придав ему сравнительно локальный характер.

В центре мировых событий по-прежнему была конфронтация ислама с западным христианством. С самого начала ислам обладал необычайной силы динамизмом. Он противопоставлял себя всем другим религиозно-философским системам и видел свою историческую миссию в утверждении на Земле нового порядка.

Подобно иудаизму и христианству, ислам опирался на библейскую традицию строгого единобожия. Она получила в нем наиболее полное и последовательное воплощение. Догматы и обряды ислама были просты и доступны, особенно для простых людей, и быстро завоевывали у них широкое признание. По своему духу ислам был консервативен. Мухаммад рассматривал свою проповедь не как новую ступень в развитии религиозного сознания, а как восстановление древней истины, искаженной

еврейскими и христианскими пророками. В исламе нет идеи прогресса, нет представлений о богочеловечности и соработничестве и, следовательно, нет требования продолжать дело творца. Наоборот, сама мысль о «сотовариществе» с богом рассматривалась как страшная ересь. Мусульманин обязан был повиноваться богу (само слово «ислам» означает «покорность») и жить в соответствии с объективными законами, установленными свыше.

Учение ислама наложило глубокую печать на характер общества и государства. Как образ жизни, как особый культурно-исторический тип исламская цивилизация сформировалась в XI—XIII вв. Она сложилась на базе синтеза ирано-тюркских традиций и арабо-сирийской цивилизации, постепенно изживавшей в эпоху халифата духовное наследие эллинизма. Религиозным центром ислама на протяжении всей его истории была Мекка, культурно-политическим на рубеже Нового времени был Каир, после падения мамлюкского султаната в 1517 г. — Стамбул, столица Османской империи. В начале XVI в. образовались еще две крупные мусульманские империи: держава Сефевидов и государство Великого Могола. К этим трем великим державам ислама так или иначе примыкало множество более мелких мусульманских государств, расположенных как в Азии и Африке, так и на востоке Европы. Всего в ареале исламской цивилизации в 1500 г. проживало 47,5 млн.человек (11,2% всего населения Земли), а с учетом мусульман Поволжья, Индии и Юго-Восточной Азии — и того больше.

Притягательная сила ислама, во многом определявшая его успехи, заключалась прежде всего в глубоком чувстве коллективизма и равенства людей. Для ислама был характерен крайний антииндивидуализм. В нем не было места для особых прав и интересов личности. Он был враждебен самому принципу частной собственности и признавал лишь то, что было сделано или заработано самим человеком. В исламе все люди считались одинаковыми от рождения. Они не должны были иметь никаких преимуществ, связанных с их происхождением, даже фамилий. В идеале все мусульмане являлись рабами Аллаха, одинаковыми, как зубья одного гребня.

Исламское общество имело глубоко теократический авторитарный характер. Теоретически мусульмане составляли одну братскую общину — *умму*, в которой все было подчинено принципам соборности (*шура*) и товарищества. При такого рода коллективистском идеале социальное равновесие достигалось за счет полного отказа от свободы личности и ее подчинения теократической идее всеобщего счастья. Ислам всегда проявлял заботу о людях вообще, но никогда — об интересах отдельного человека. Последний всегда выступал как член коллектива. Он мог жаловаться на неприменение к нему общего закона, но никогда — на ущемление своих личных прав и привилегий.

Социальные ценности ислама были исключительно привлекательны для человека массы, особенно для социально обездоленных людей, принадлежавших к индусской, западноевропейской и другим плюралистичным цивилизациям. Все они являлись прямыми антиподами ислама и

вызывали в нем чувство протеста. На рубеже Нового времени мусульманская мысль неизменно подчеркивала превосходство ислама как религиозно-философской системы. Ей были свойственны самые крайние формы социально-политического нарциссизма, сравнимые лишь с эгоцентризмом китайско-конфуцианской цивилизации. Это предопределяло, с одной стороны, закрытый характер общества, догматизацию и замкнутость мысли, с другой — враждебность к окружающему миру, ко всему, что не относилось и не вытекало из сущности ислама.

Для мусульманского сознания было характерно биполярное видение мира. Оно делило все страны и народы на две части: *дар аль-ислам* («земля ислама»), т.е. земли, находящиеся под властью мусульман, и *дар аль-харб* («земля войны»), т.е. вражеские территории. Соответственно весь мир представал как арена постоянной борьбы между силами добра и правды, олицетворявшимися самим исламом, и сатанинскими силами зла, которые стремились погубить ислам и не допустить создания царства божия на земле. В этой борьбе мусульмане, тем более мусульманские государства не могли оставаться в стороне. В отличие от политической индифферентности индусов и пассивного высокомерия конфуцианцев приверженцам ислама был присущ дух активного прозелитизма. Религиозный долг повелевал им вести *джихад*, т.е. прилагать максимум усилий для торжества правого дела. Это являлось одной из основных заповедей ислама, его «столпом веры».

Учение о джихаде лежало в основе неукротимой экспансии ислама. Оно логически вытекало из пророческой миссии Мухаммада, но само по себе не являлось доктриной агрессии. Более того, предпочитались — по крайней мере теоретически — мирные формы джихада. Ислам, как и христианство, никогда не исповедовал насилия как средства реализации своих ценностей. И конфликт между исламом и христианством вытекал не из сущности их учений, не из их идеалов, а из их несовместимости. Еще Н.А.Бердяев отмечал, что трагизм мировой истории заключался не в борьбе между силами добра и зла, а в конфликте положительных ценностей. Ни одно религиозное учение никогда не отождествляло себя со злом. Напротив, каждое из них призывало к добру и искоренению зла как причины всех бед и несчастий человечества. Однако несовпадение самих понятий о добре и зле в конечном счете являлось источником конфликта. Каждая цивилизация, опираясь на собственную мифологию, стремилась утвердить свои ценности и идеалы, а главное, защитить их от посягательств извне. Ни ислам, ни христианство не составляли в данном случае исключение. Но, защищая себя, они вступали на путь борьбы, которая имела свою логику и свои законы.

На рубеже Нового времени ислам значительно расширил свои позиции. Это происходило двояко: путем миссионерской деятельности, шедшей обычно параллельно торговле, и путем священной войны за веру (*газават*, или джихад меча). Оба канала были одинаково действенны, причем война велась не ради обращения иноверцев в ислам. Ее непосредственной целью было сокрушение врага и установление власти ислама, т.е. нового порядка, основанного на шариате. Он допускал снис-

хождение к неверным, сложившим оружие, и как следствие этого широкую веротерпимость, практиковавшуюся почти во всех мусульманских государствах. При этом процесс исламизации происходил постепенно, путем индивидуальных обращений, и растягивался на довольно длительный период.

На рубеже Нового времени этот процесс завершился лишь в колыбели ислама, в его коренных землях, прежде всего в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки, а также в Иране и Средней Азии с прилегающими к ним территориями. Здесь по крайней мере с XI—XIII вв. мусульмане стали составлять большинство населения. В XV в. аналогичная ситуация сложилась в Малой Азии и некоторых странах Африки. В остальных частях дар аль-ислам процесс исламизации был далек от своего завершения и протекал крайне неравномерно.

Более успешно шло территориальное расширение мусульманского мира. Особенно значительным оно было в Южной и Юго-Восточной Азии. Основание Малаккского султаната (1414 г.), рост мусульманских общин в южном Индокитае, подъем власти ачехских султанов на Суматре, падение державы Маджапахит (1528 г.) на Яве, создание мусульманских государств на Молуккских островах (1486 г.) и островах Кей (близ Новой Гвинеи), на Калимантане, затем на архипелаге Сулу, на южных Филиппинах (о-в Минданао) и Сулавеси (1605 г.), а также образование империи Великого Могола (1526 г.), воспринявшей наследие Делийского султаната, и разгром Виджаянагара (1565 г.) — самого крупного индусского государства в Индостане — серьезно укрепили позиции ислама; в конце XVII в. под его властью находилась уже почти вся Индия, за исключением ее южной оконечности. Правда, мусульмане оставались здесь в меньшинстве. Они тонким слоем располагались сверху над основной массой населения, сохранившей свои религиозные верования, обычаи и язык — одним словом, свой цивилизационный облик. Не менее прочными выглядели позиции мусульман в Евразии и Китае (Юньнань, Ганьсу). Правда, приход к власти династии Мин (1368 г.) и распад Золотой Орды (1502 г.) несколько ослабили позиции ислама. К тому же мусульмане столкнулись здесь со встречной экспансией ламаизма и московского православия.

Еще более широкие перспективы открывались перед исламом в Европе и Африке. В 1453 г. турки-османы взяли Константинополь и сделали его столицей своей империи — нового халифата, приковывавшего взоры мусульман всего мира. В его состав вошли земли бывшей Византии, т.е. Малая Азия и страны Балканского полуострова. В XVI в. к нему были присоединены страны арабского мира, за исключением Марокко. На южных границах этой обширной империи, по площади равной Европе без Московской Руси, росли и крепли африканские султанаты: уже упоминавшееся Марокко, а также Сонгай, Кацина, Кано, Борну, Дарфур, Фунг и Адал. Они охватывали всю территорию Африки к северу от зоны тропических лесов. К югу от экватора под контролем мусульман находились земли, тянувшиеся вдоль побережья Восточной Африки, где у них были такие крупные центры, как Момбаса, Занзибар, Килва, Мозамбик

и Софала. Таким образом, почти весь Черный континент, за исключением его южной оконечности, бассейна Конго и Гвинеи, находился во власти ислама. К этому можно добавить, что транссахарская торговля, Великий шелковый путь и все торговые коммуникации в бассейне Индийского океана — от Мадагаскара до Китая — находились в руках мусульман. На картах османских *реисов* в начале XVI в. были помечены берега южнополярного материка, еще неизвестного европейским капитанам.

Не будет большим преувеличением сказать, что на рубеже Нового времени ислам выступал как главный претендент на мировое господство. В 1526 г., одновременно со сражением при Панипате, положившим Индию к ногам Бабура, произошла битва при Мохаче (Венгрия), которая открыла туркам путь на Запад. Угрозы Мехмеда II, пообещавшего дать овса своему коню на престоле Св. Петра, приобретали вполне реальные очертания. Несмотря на неожиданное поражение под Веной в 1529 г., опасность мусульманского завоевания была тем сильнее, что в военно-техническом отношении мир ислама не уступал Европе. У турок была лучшая в мире артиллерия, хорошо обученная профессиональная армия и маневренный флот, который вплоть до 1571 г. господствовал на Средиземном море и в водах восточной Атлантики.

Запад тем не менее принял вызов. В отличие от Индии и ряда восточных стран он нашел в себе силы для организованного отпора. По инициативе Св. Престола, призвавшего христианские «нации» и «государства» объединить усилия перед лицом общей угрозы, была создана широкая коалиция католических стран. Несмотря на внутренние противоречия, она вступила в ожесточенную борьбу, во многом определившую дальнейший ход мировой истории. Суть этого великого противостояния, его исторический смысл сознавались далеко не всеми. Как на Западе, так и на Востоке этот крупнейший конфликт цивилизаций воспринимался прежде всего как борьба креста и полумесяца. Во главе лагеря христиан стоял блок наиболее развитых европейских стран, окончательно сформировавшийся во времена Карла V (1519—1556), который объединил под своим скипетром Италию, Испанию, Бургундию, Нидерланды, Австрию, Чехию и ряд других стран с общим населением около 33,5 млн. человек (1500 г.). На Востоке этому блоку противостоял единый фронт мусульманских стран Средиземноморья, признававших верховную власть Порты и насчитывавших в общей сложности около 32 млн. человек. В середине XVI в. каждая из сторон могла выставить примерно по 150 тыс. солдат и несколько сот военных кораблей.

Борьба этих двух лагерей значительно осложнилась глубокими внутренними противоречиями. На Западе Реформация и последовавший за ней длительный период религиозных войн 1534—1648 гг. поставили европейскую цивилизацию на грань гибели. Лишь раскол в лагере мусульман спас положение. Создание шиитской державы Сефевидов, противопоставившей себя всему суннитскому исламу, последовавшие за этим ирано-турецкие войны, шедшие с небольшими перерывами с 1514 по 1639 г., и особенно джелалийская смута 1596—1658 гг. практически парализовали наступательный порыв турок. Им пришлось неоднократно от-

кладывать и, наконец, полностью отказаться от завоевательных планов в Европе. В конце XVI в., примерно с 1581 г., здесь установилось стратегическое равновесие, которое лишь столетие спустя изменилось в пользу Запада.

Внутренние противоречия и примерное равенство сторон предопределили длительный и затяжной характер борьбы. Она происходила как на суше, так и на море. Поворотным моментом, в конечном счете определившим ее исход, была экспедиция Колумба и открытие Америки в 1492 г. Запад постепенно начал утверждать свое господство на морях, прежде всего в Атлантике и бассейне Индийского океана, где проходило большинство водных коммуникаций мусульман. В 1498 г. португальцы обогнули мыс Доброй Надежды и появились у берегов Индии. В 1509 г. в сражении при Диу они уничтожили египетский флот и установили контроль над всей акваторией Индийского океана, в 1514 г. достигли Китая, в 1542 г. — Японии.

Появление европейцев резко изменило ситуацию на Востоке. В его истории началась новая эпоха. Возник новый фактор, новый центр силы, само присутствие которого, не говоря уже о прямом вмешательстве, нарушило существовавшее соотношение сил, а вместе с ним всю систему традиционных ценностей и политических приоритетов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь и далее все расчеты, связанные с оценкой численности населения, основаны на данных: *McEvedy C., Jones R.* Atlas of World Population History. L., 1978.

[2] См.: *Маркс К.* Капитал. Т. III. — *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 25. Ч. I, с. 366—367.

[3] *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. Ч. I. М., 1894, с. 128.

[4] *Сенковский О.И.* Собрание сочинений Сенковского (барона Брамбеуса). Т. VI. СПб., 1859, с. 360, 362.

Глава 3

РАННИЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ КОЛОНИАЛИЗМ В СТРАНАХ ВОСТОКА

Начало европейского вторжения в страны Востока совпадает с эпохой Великих географических открытий — двухвековым периодом гигантского расширения мировых связей, в первую очередь торговых. В течение двух веков европейские мореплаватели, вначале португальские и испанские, затем голландские, английские и французские, проложили пути на Восток — в Африку, Индию, Юго-Восточную Азию и на Запад — в Южную и Северную Америку, на Антильские острова, открыли Австралию. Русские землепроходцы продвинулись в глубь Сибири и достигли берегов Тихого океана. Начиная с Магеллана предпринимается ряд кругосветных путешествий.

Великие географические открытия, а вместе с ними колониальная экспансия были начаты Португалией и Испанией — странами, экономически и политически далеко не самыми развитыми и менее всего претендовавшими на роль провозвестников новой, капиталистической эпохи. Почему движение крестоносцев на Восток, движение, которое в Европе не затихало на протяжении всего средневековья, или морская экспансия арабов и Китая не вызвали таких бурных перемен в жизни мира, как испано-португальская, казалось бы, такая же «феодальная» по своему характеру экспансия?

Ответ на этот вопрос многозначен и противоречив. Он кроется в особенности развития того, что мы называем европейским (а точнее, западноевропейским) миром, к началу эпохи Великих географических открытий. Ибо в конце концов процесс разложения феодализма и возникновения капиталистических отношений оказывал воздействие не только на весь западноевропейский мир, связанный своей системой экономико-политических отношений, но и на мир, ему противостоящий.

Первые колониальные захваты совершались идальго Испании и Португалии, а финансировали экспедиции купцы Фландрии и Брабанта; конкистадоров толкали за моря и океаны жажда наживы или дух приключений, но потребность в золоте возрастала в Европе в гигантских масштабах именно благодаря развитию рыночных отношений, требовавших все более значительных средств обмена. Именно тем, что колониальная экспансия (даже осуществлявшаяся на первых порах едва ли не самыми «феодальными» странами Западной Европы — Испанией и Португалией) отвечала потребностям развивающегося капитализма (в отличие от эпохи крестовых походов, морской экспансии арабов и китайцев), объясняется та особенность этого движения, что оно, развиваясь вместе с капитализмом, становилось всеохватывающим, неся все более глубокие последствия для народов порабощающих и порабощаемых. Испания и

Португалия начинали колониальные предприятия, исходя из побуждений, казалось бы имевших мало общего с капиталистической тенденцией. Те, кто осуществлял экспедиции в Америку и Индию, не предвидели последствий, которые в конечном счете оказались на руку их соперникам.

Ряд причин выдвинул пиринейские страны в пионеры европейского колониализма. В силу своего географического положения на крайнем западе Европы эти страны оказались непосредственно заинтересованными в поисках новых путей через Атлантический океан, к чему не стремились ни итальянские города, уживавшиеся с контролировавшей Средиземное море Османской империей, ни Ганза, монополизировавшая торговлю северо-западной Европы. В заморских походах была заинтересована королевская власть Испании и Португалии, боровшаяся за ликвидацию остатков феодальной раздробленности и нуждавшаяся в средствах. Рвалось в бой мелкое и среднее дворянство, оставшееся не у дел после завершения Реконкисты и попавшее в долги к ростовщикам. Могущественная католическая церковь надеялась приобрести новую паству и новые доходы. Купечество развившихся в XIV—XV вв. приморских городов полуострова желало занять место итальянских и ганзейских купцов в европейской торговле. Конкистадоры нашли поддержку и в городах Испанских Нидерландов, прежде всего в Антверпене, заинтересованных в получении пряностей без участия венецианских посредников.

Начальный этап колониальной экспансии на Востоке связан прежде всего с португальцами, ибо Испания сосредоточила основные усилия на Америке и в Азии утвердилась лишь на Филиппинах, отказавшись в пользу Португалии от борьбы за Острова Пряностей (Молуккские острова).

История португальской заморской экспансии начинается в 1415 г., когда крестоносцы овладели марокканским портом Сеутой. На первом этапе португальцы — вначале медленно, а затем более быстрыми темпами — «осваивали» западное побережье Африки, постепенно продвигаясь к югу. Движение на юг получило мощный стимул в 40-х годах XV в., когда португальские мореплаватели достигли Гвинейского побережья и в Португалию начали поступать золото, слоновая кость и невольники.

Второй этап, охватывающий собственно время образования португальской колониальной империи, открывается плаванием Васко да Гамы, проложившим морской путь в Индию. Вначале португальцы пытались бороться со своими конкурентами, главным образом арабами, в Индийском океане, посылая ежегодные экспедиции из метрополии. Но очень скоро наиболее дальновидные из пионеров экспансии поняли, что для завоевания господства на море необходим не только сильный флот (такой флот у Португалии имелся, и ее морское превосходство было неоспоримым), но и опорные базы на всем протяжении морского пути от Лиссабона и Опорто до Индии и Юго-Восточной Азии (ЮВА).

В начале XVI в. португальцы захватили о-в Сокотру у входа в Аденский залив. Под руководством губернатора Индии Аффонсу д'Альбукерки — едва ли не самой яркой личности среди созидателей португаль-

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ В АЗИИ В XVI—XVII вв.

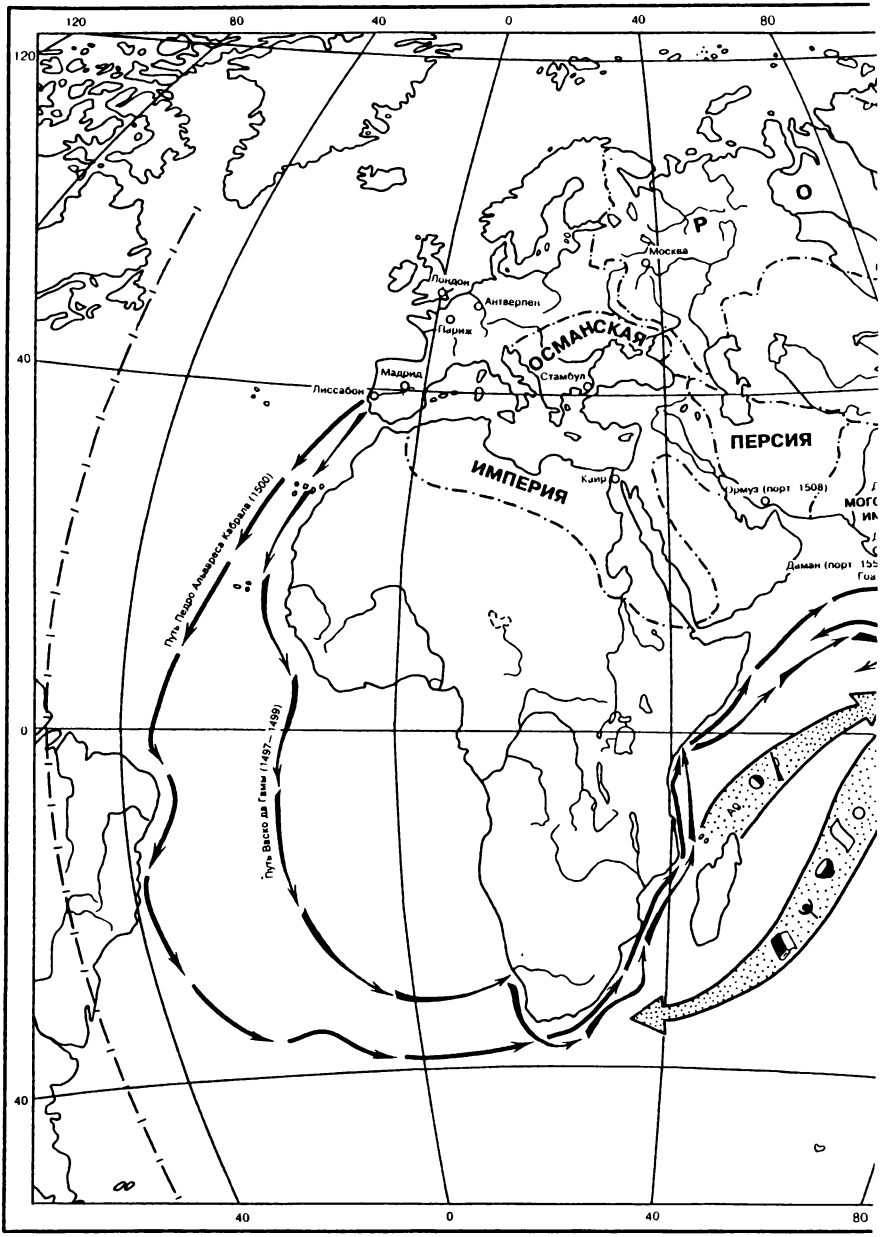
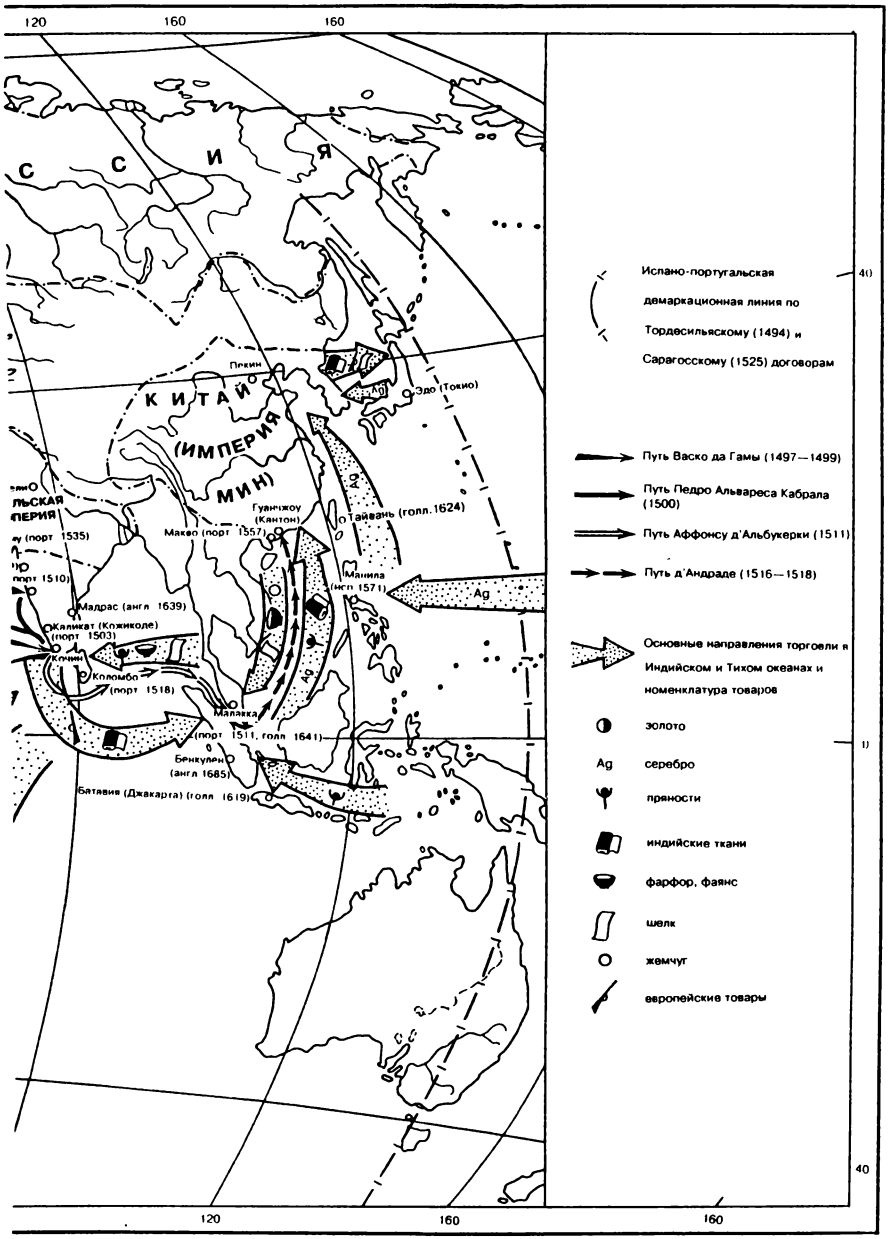


Рис. 1


120
160
160
С С И Я
Пекин
Эдо (Токио)
КИТАЙ
(ИМПЕРИЯ МИН)
Гуанчжоу (Кантон)
Тайвань (голл. 1624)
Макао (порт 1557)
Манила (исп. 1571)
Ag
Мадрас (англ. 1639)
Каликут (Кожикоде) (порт. 1503)
Коломбо (порт. 1518)
Малакка (порт. 1511, голл. 1641)
Бенкулен (англ. 1685)
Батавия (Джакарта) (голл. 1619)
Испано-португальская демаркационная линия по Тордесильясскому (1494) и Сарагосскому (1525) договорам
Путь Васко да Гамы (1497—1499)
Путь Педро Альвареса Кабрала (1500)
Путь Аффонсу д'Альбукерки (1511)
Путь д'Андраде (1516—1518)
Основные направления торговли в Индийском и Тихом океанах и номенклатура товаров
золото
Ag серебро
пряности
индийские ткани
фарфор, фаянс
шелк
жемчуг
европейские товары
40
120
160
160

ской колониальной империи — в 1509—1515 гг. была создана цепь опорных баз от восточного побережья Африки до Малаккского полуострова: к Сокотре прибавились Ормуз в Персидском заливе, Гоа, Даман, Диу, Бомбей на западном побережье Индии и Малакка, захваченная д'Альбукерки в 1511 г. и ставшая главным опорным пунктом португальцев в ЮВА (сразу после захвата Малакки д'Альбукерки направил на Молуккские острова — центр производства пряностей — экспедицию Антониу д'Абреу). На протяжении XVI в. португальские крепости и фактории создавались на Малайском архипелаге (важнейшая на о-ве Тернате на Островах Пряностей), в Сиаме, Китае, Японии, Бирме.

С конца XVI в. начался третий этап португальской колониальной политики. В 1580—1640 гг. Португалия, оказавшаяся в составе Испанской империи, ослабленная непрерывной борьбой с местным населением стран Востока, не смогла противостоять натиску новых колониальных держав — Нидерландов и Англии. Постепенно уступая одну позицию за другой, к середине XVII в. она утратила почти все свои владения в Азии, сохранив лишь Восточный Тимор в Нусантаре, Гоа и Даман в Индии и Аомынь (Макао) в Китае. На этом этапе Португалия лишь оборонялась, не делая сколько-нибудь серьезных попыток (авантюры искателей приключений, действовавших на свой страх и риск, не в счет) расширить свои азиатские владения, перенеся внимание на освоение Бразилии и сохранение колоний вдоль африканского побережья.

Поскольку путь на Восток вокруг Африки был захвачен с XV в. португальцами, корабли Испании, колониальная экспансия которой началась несколько позже — с конца XV в., двинулись на запад через Атлантический и Тихий океаны. После путешествия Магеллана линия разграничения испанских и португальских владений в Тихом океане (Сарагосский договор 1529 г.) прошла на 17° восточнее Молуккских островов, и в 1534 г. испанцы ушли с Островов Пряностей, где у них был опорный пункт на о-ве Тидоре. Единственным владением Испании в Азии оказались Филиппины, где в 60—70-х годах XVI в. она захватила о-ва Лусон, Палаван, Миндоро, северную часть о-ва Минданао и Висайские острова.

Говоря о характере, значении и результатах деятельности португальских и испанских колонизаторов в странах Востока в XV — первой половине XVII в., необходимо обратить внимание на два обстоятельства.

Во-первых, колониальная экспансия осуществлялась феодальным государством с сильной королевской властью, принимавшей непосредственное и прямое участие в управлении колониями. Внешне эта экспансия, особенно ранняя, имела больше общего с крестовыми походами, чем с дальнейшими колониальными захватами других держав. Само начало (взятие Сеуты) было типичным крестовым походом. Идеи распространения христианства, борьбы с «маврами», т.е. с мусульманами, занимали значительное место в обосновании португальской колониальной политики (в то же время португальцы легко смешивались с той частью местного населения, которая была ими добровольно или насильственно обращена в христианство).

Во-вторых, сфера деятельности португальцев и испанцев в Азии охватывала страны достаточно сильные, многие из которых могли с успехом отразить (и отражали) атаки европейцев (Китай, Япония, большинство государств Индии и Юго-Восточной Азии). Показательно, что единственным крупным колониальным владением в Азии в тот период стала часть Филиппин, где даже наиболее развитые районы находились в лучшем случае на протогосударственном уровне.

Эпоха португало-испанской колониальной экспансии не внесла существенных изменений во внутреннюю жизнь стран Востока. Этот колониализм был торговым по преимуществу, причем основные средства добывались за счет внутриазиатской торговли. Португальские корабли с европейскими (немногочисленными) товарами и индийскими тканями шли из Гоа в Малакку. Там они оставляли часть тканей, предназначавшихся для Нусантары и других частей ЮВА, и загружались пряностями. С грузом пряностей они направлялись в Китай, где покупали шелк, который обменивали в Японии (вместе с индийскими тканями и европейскими товарами) на серебро. На обратном пути португальцы закупали в Китае на японское серебро шелк, фарфор, жемчуг для Малакки, Гоа и Европы, а возвращаясь в Европу через Малакку, снова грузили пряности.

Помимо естественного стремления установить торговую монополию (португальцы — на путях в Африку и Азию, испанцы — в Центральной и Южной Америке) для этой стадии колониализма характерны открытое вооруженное насилие, прямой грабеж захваченных территорий, средневековый религиозный фанатизм, работорговля.

С точки зрения влияния португало-испанской экспансии на страны Востока последние можно разделить (правда, весьма условно) на три зоны.

Первая включала территории, на которых была создана колониальная администрация. Такими районами были, как уже отмечалось, португальские Гоа в Индии, Макао в Китае, Малакка и Восточный Тимор в Нусантаре и испанские Филиппины.

Каких-либо серьезных изменений европейские анклавы вначале не принесли, если не считать складывания специфического населения этих анклавов. Исключением (в известной степени) стали Филиппины, где до середины XVII в. основной формой отношений была *энкомендарная* система, введенная в 1570 г. по образцу той, что существовала в американских колониях Испании. Местные жители и их имущество передавались в опеку или под «покровительство» (*энкомьенда*) для того, чтобы испанцы защищали их и помогали избавиться от язычества, за что они должны были платить дань и работать на своих покровителей *энкомендеро*. С середины XVII в. энкомендарная система уступила место *асьендной* (поместной) системе феодального землевладения. Основной категорией землевладельцев — *асьендеро* — были монастыри. Главной формой эксплуатации крестьян в асьендах была издольщина, а прикрепление совершалось посредством долговой кабалы. Наряду с асьендами существовало мелкое крестьянское землевладение на так называемых коронных

землях, где население облагалось подушным налогом. Переход к поместной системе ускорил начавшийся с конца XVI в. процесс феодализации местной верхушки — бывших общинных вождей и патриархальной знати. *Касики*, или *принсипалии*, составили низшие и средние звенья колониальной администрации. Из них начали формироваться местные помещики.

Эти социально-экономические процессы в сочетании с почти полной — ко второй половине XVII в. — христианизацией создали специфические особенности развития Филиппин по сравнению с другими странами Востока.

Миссионерской деятельностью занимались и португальцы, главным образом в своих анклавах (Гоа, Малакка). Самым заметным результатом португальского пребывания в Нусантаре была христианизация населения Южного Амбона, ставшего ядром будущего амбонского этноса. Помимо Амбона португальские миссии активно действовали на Малых Зондских островах, особенно на Флоресе и Тиморе.

Значительных успехов миссионерская деятельность достигла в Японии, где португальцы, появившись в 1543 г., пользовались поддержкой южных князей (в основном на Кюсю), стремившихся получить от европейцев огнестрельное оружие. Но после объединения Японии и «закрытия« страны португальцы были изгнаны из нее, а проповедь христианства запрещена.

Вторую зону составили территории, находившиеся на морских путях, по которым колонизаторы следовали на Восток. В нее входили Малабарский берег в Индии, округ Джафны на Ланке (Цейлоне), Араканское побережье в Бирме, некоторые районы Западной Малайи, Западной и Северной Суматры, Западной и Северной Явы, а также Восточной Нусантары. С одной стороны, колониальная экспансия здесь привела к разорению целых прибрежных районов (Малабар, ряд островов Восточной Нусантары), хозяйство которых оказалось подорванным грабительской политикой колонизаторов. С другой стороны, в ряде районов в связи с перемещением торговых путей отмечается развитие товарно-денежных отношений и ремесленного производства (Западная и Северная Ява, Северная Суматра). Важным следствием появления европейцев стало усиление эксплуатации крестьянства, вызванное как повышением спроса на традиционные экспортные продукты, так и начавшимся в ряде районов вытеснением местной знати из сферы торговли, от которой в приморских государствах правящая элита получала свои основные доходы. К этому же времени относится начало небывалого (по масштабам Малайского архипелага, например) пиратства, которое зачастую становилось формой контрабандной торговли и борьбы с европейской торговой монополией.

Борьба с португальцами способствовала усилению влияния ислама в приморских государствах Востока. Именно в XVI в. ислам победил в малайско-индонезийском мире. Победа ислама способствовала и более широким культурным связям ЮВА с Индией и странами Ближнего и Среднего Востока. И наконец, появление португальцев (и испанцев),

захвативших традиционные торговые центры в Нусантаре — Малакку и Пасей (на Суматре), вызвало к жизни новые государственные образования — султанаты Бантен (Бантам) на Западной Яве, Джохор в южной части Малаккского полуострова и на архипелаге Риау, Аче на севере Суматры, Тернате и Тидоре в Восточной Нусантаре.

Третья зона — область крупных (в основном континентальных) государств Востока — испытала лишь весьма опосредованное влияние начальной европейской колонизации. Португальцы и испанцы не могли бороться ни с Ираном, ни с Китаем, ни с Японией. Испано-португальская агрессия против Сиама в 1628—1636 гг. закончилась поражением. Провалом завершились попытки португальских и испанских авантюристов и наемников (в XVI—XVII вв. многие местные правители, особенно в странах ЮВА, принимали на службу вооруженных огнестрельным оружием европейцев) захватить территории в Сиаме, Бирме и Камбодже.

Хотя Португалия и Испания проложили дорогу европейской колониальной экспансии на Восток, плодами воспользовались их соперники в Европе — Нидерланды и Англия, к которым с конца XVI — начала XVII в. перешла ведущая роль в европейской колониальной экспансии. С выходом их на арену колониальной политики начинается собственно капиталистическая (в ее начальных формах, естественно) история колониализма.

Колониальная система, пришедшая на смену феодальной португало-испанской, была раннекапиталистической системой торгового капитализма. Именно торговому капиталу принадлежала ведущая роль в колониальной экспансии Голландии и Англии в XVII—XVIII вв., он определял ее методы и формы. Основной целью (впрочем, как и у португальцев) были монополизация торговли, извлечение максимальных барышей из торговых операций. И территориальные захваты, особенно на первых порах, совершались не ради непосредственной эксплуатации местного населения, а для обеспечения монопольного положения торговых факторий и вытеснения конкурентов.

Голландское и английское проникновение проходило как бы три этапа: торговый корабль — своего рода странствующий базар; фактория — экстерриториальный участок на побережье; оккупированная территория.

Показательно, что главным проводником колониальной политики в это время становятся монопольные торговые компании. Если в испано-португальской системе основную роль играла государственная феодально-бюрократическая машина, то теперь инициатива принадлежит купечеству, а государство лишь поддерживает объединения пайщиков-монополистов.

Именно таким объединением была возникшая при прямом содействии правительства Нидерландская Ост-Индская компания (НОИК), по образцу которой строились подобные ей объединения в других странах — Швеции, Дании, Курляндии и т.д. В 1602 г. торговые палаты шести городов — Амстердама, Мидлбурга, Делфта, Роттердама, Хоорна и Энкхюйзена — предоставили капитал для НОИК. Каждая палата дейст-

вовала автономно и снаряжала свои собственные суда. Палаты назначали 17 директоров — теоретически высший исполнительный орган НОИК, ответственный перед Генеральными штатами (парламентом Республики Соединенных Провинций) и пайщиками. На практике очень скоро все дела стали вершиться узкой группой представителей олигархии, которая действовала через Постоянный комитет, куда входили лишь часть директоров и адвокаты НОИК. Решающая роль принадлежала патрициату Амстердама. Директора НОИК не представляли никаких отчетов ни парламенту, ни пайщикам. Функции Генеральных штатов ограничивались автоматическим продлением статуса НОИК и предоставлением по мере необходимости займов. От правительства НОИК получала не только право монопольной торговли и мореходства в пределах от мыса Доброй Надежды до Магелланова пролива, но и право содержать войска, объявлять войну, заключать мир, строить крепости и фактории, чеканить монету.

Хотя Англия начала свои заморские экспедиции одновременно с Нидерландами (даже немного раньше), успехи англичан на Востоке в XVII в. были гораздо скромнее. Начальный этап (вторая половина XVI — первая половина XVII в.) был связан с деятельностью королевского двора и феодальной знати. Двор и знать принимали участие в снаряжении пиратских экспедиций, которые нападали на испанские суда, перевозившие драгоценные металлы из Америки в Европу. С 1580 по 1640 г., когда Португалия оказалась под властью Испании, англичане и голландцы начали вторгаться и в сферу влияния Португалии на Востоке.

К Востоку Англия обратилась позже. Вначале англичане активнее проникали в Вест-Индию, где они создавали базы для действий против испанских колоний в Америке, и в Северную и Центральную Америку, где возникли первые английские колонии (Ньюфаундленд, Вирджиния, Британский Гондурас, Бермуды).

Английская Ост-Индская компания (АОИК), возникшая в 1600 г., была вначале значительно слабее голландской. Она, в отличие от последней, получила от государства лишь торговые привилегии, ее первоначальный капитал был намного меньше (30 тыс. ф. ст. против 540 тыс.), она постоянно испытывала финансовые затруднения, была вынуждена непрерывно бороться с конкуренцией других английских компаний и находилась в сильной зависимости от королевской власти. Лишь в начале XVIII в. АОИК укрепила свои позиции в самой Англии.

Главной целью обеих компаний в Азии были первоначально Молуккские острова с их пряностями. Именно сюда устремились первые голландские и английские экспедиции, здесь происходили наиболее ожесточенные схватки сначала с общими врагами — португальцами и испанцами, затем между самими голландцами и англичанами.

В 1596 г. на Яву прибыла первая голландская экспедиция Корнелиса де Хаутмана, в 1599 г. голландцы достигли Молукк, а в 1600 г. адмирал Стефан ван Хаген заключил договор с амбонцами о постройке форта и

монопольной закупке пряностей в обмен на защиту от португальцев. К 1609 г. голландские торговцы окончательно вытеснили португальцев и испанцев с Молуккских островов. В том же году Совет директоров НОИК назначил первого генерал-губернатора своих владений и факторий на Востоке, а в 1619 г. основатель голландской колониальной империи Ян Питерсзоон Кун создал на месте захваченного яванского княжества крепость Батавию (Джакарту), ставшую центром голландских владений (до этого генерал-губернатор не имел постоянной штаб-квартиры и переезжал вместе с флотом из одной фактории в другую по всем просторам Индийского и Тихого океанов). В 1641 г. голландцы овладели цитаделью португальского владычества в Нусантаре — Малаккой. В этом же году только что отделившаяся от Испании Португалия заключила с Нидерландами договор, по которому признавала все захваты последней. По Вестфальскому (Мюнстерскому) договору, который подвел итог Тридцатилетней войны, демаркационная линия, ранее делившая сферы влияния Испании и Португалии, разграничила теперь владения Испании и Голландии.

Во второй половине XVII в. Нидерландская Ост-Индская компания укрепила свою власть на Малайском архипелаге, сокрушив местные центры на Молуккских островах, на Сулавеси и Западной Яве. Более того, она перешла к территориальной экспансии; в течение второй половины XVII — первой половины XVIII в. она подчинила государства Явы и Мадуры. В Индии НОИК закрепилась на Малабарском берегу и усилила свои позиции в Короманделе и Бенгалии, а также на Цейлоне, где она утвердилась в юго-западных и северных районах острова. В Африке голландцы захватили ряд важных пунктов на западном побережье — Аргуин, Гуре, Эльмину, Сьерра-Леоне. В 40—50-х годах XVII в. возникли голландские колонии на о-ве Маврикий и мысе Доброй Надежды (Капская колония). Третьим районом голландской империи стала Америка. Здесь голландцы овладели Гвианой, некоторыми из Малых Антильских островов, бразильским побережьем. Была основана голландская колония и в Северной Америке, в устье р.Гудзон (Новые Нидерланды).

Английская Ост-Индская компания долгое время довольствовалась созданием отдельных факторий на Молуккских островах, Сулавеси, Яве, Суматре, в Индии и Сиаме. Хотя англичане также довольно активно боролись с португальцами (в 1615 г. они разбили близ Сурата португальский флот, а в 1622 г. помогли Персии изгнать португальцев из Ормуза), как правило, они следовали за более сильными голландцами (Голландия в середине XVII в. имела на Востоке в 70 раз больше кораблей, чем Англия). Очень скоро конкуренция с более прочно обосновавшимися в ЮВА голландцами привела к войне между соперничавшими компаниями.

В 1619 г. голландский флот в нескольких сражениях разгромил английский в Сиамском заливе и Зондском проливе, а в начале 20-х годов голландцы вытеснили своих соперников с Молукк. Окончательный удар по Английской Ост-Индской компании в ЮВА нанесла так называемая

амбонская резня, когда в феврале 1623 г. служащие английской фактории о-ва Амбон были обвинены голландским губернатором в заговоре против него и казнены. В борьбе за пряности победила Голландия, а англичанам пришлось искать другие районы для своей торговой деятельности. Вытесненные из ЮВА, они сосредоточили внимание на Индии. Им удалось получить ряд торговых привилегий в Могольской империи, и с 1615 г. там начался быстрый рост английских факторий (Сурат, Масулипатам, Мадрас, Пуликат).

Положение стало меняться со второй половины XVII в., когда начались торговые войны, заполнившие историю колониализма вплоть до конца XVIII в. Несмотря на сохранение и даже расширение своей колониальной империи на протяжении этого времени, Голландия постепенно утрачивает колониальную, морскую и торговую гегемонию. В трех англо-голландских войнах второй половины XVII в. колониальное и морское могущество Нидерландов было сломлено, а четвертая англо-голландская война (1780—1784) закрепила английское превосходство. Голландия потеряла бóльшую часть колоний в Америке и Африке и сумела сохранить владения в Азии лишь благодаря начавшемуся в конце XVII в. англо-французскому соперничеству.

После войн эпохи Французской революции и Наполеона Голландия, ставшая второстепенной державой, потеряла еще ряд колоний, а по Лондонскому договору 1824 г. отказалась в пользу Англии от владений в Индии и Малайе (взамен английских факторий на Суматре) и признала захват в 1819 г. Англией о-ва Сингапур. Основной (практически единственной) колонией Голландии в Азии осталась Индонезия, которую Нидерланды сумели сохранить, допустив туда английский капитал (после войны 1780—1784 гг.).

Со второй половины XVII в., когда на авансцену колониальной политики выдвигаются Англия и Франция, борьба между ними проходит красной нитью через всю историю колониализма XVIII и значительной части XIX в.

После окончания эпохи гражданских войн и укрепления абсолютной монархии началась французская колониальная экспансия. При Людовике XIV была основана Французская Ост-Индская компания (ФОИК), появились опорные пункты в Индии (Чандранагар, Пондишери), были захвачены территории в Северной Америке (Луизиана), расширена колонизация Канады и Антильских островов.

Отсталость социально-экономического и политического строя феодально-абсолютистской Франции, засилье дворянства, бесправие буржуазии, деспотизм королевской власти, бюрократические методы руководства колониальной политикой предопределили конечное поражение Франции в борьбе с Англией за колонии. Французская Ост-Индская компания, возникшая в 1664 г., была поставлена под полный контроль правительства, от которого зависело ее финансирование; ставленники придворной камарильи управляли владениями компании, командовали ее армией и флотом. Компания оказалась слабее своего основного соперника — Английской Ост-Индской компании, в 1708 г. реорганизо-

ванной по образцу голландской и опиравшейся не только на поддержку парламента и королевской власти, но и на поддержку могущественного Сити. Главными районами англо-французских столкновений стали Северная Америка, Антильские острова и Индия.

В войне за Испанское наследство (1701—1714) Англия не допустила перехода к Франции испанских колоний, захватила Гибралтар, отняла у Испании право *асьенто* — поставки африканских рабов в испанские владения в Америке.

Основная борьба между Англией и Францией за преобладание в Индии, ставшей главным объектом англо-французского соперничества в Азии, развернулась с 40-х годов XVIII в.

В войне за Австрийское наследство (1740—1748) французы, опираясь на свою военно-морскую базу на о-ве Маврикий, захватили Мадрас — центр английских владений в Индии. В лице губернатора Пондишери Дюплекса англичане встретились с умным противником, умело использовавшим противоречия между индийскими владетелями для укрепления позиций Французской Ост-Индской компании и создавшим первые отряды *сипайской* (состоящей из местных жителей) армии. Борьба между компаниями в Индии продолжалась и после Аахенского мира, завершившего войну в Европе. В конце 40-х годов XVIII в. в Южной Индии преобладающим стало влияние Франции. Но в Семилетней войне (1756—1763) капиталистическая Англия, становившаяся на путь промышленного переворота, нанесла феодально-абсолютистской Франции тяжелое поражение и окончательно подорвала колониальную мощь союзницы последней — Испании. Франция потеряла Канаду и ряд островов в Вест-Индии. Решающее поражение она потерпела в Индии: англичане разбили французов под Вандевашем и захватили Пондишери. По Парижскому миру 1763 г. Франция отказалась от своих владений в Индии и обещала не возводить укреплений в возвращенных ей пяти городах (в том числе в Пондишери). Победа Англии открыла ей дорогу к утверждению владычества в Индии.

Англия приступила к завоеванию Индии: в 1757—1764 гг. была захвачена Бенгалия, в 1799 г. покорено самое сильное государство Южной Индии — Майсур, в 1818 г. англичане разгромили маратхов. С захватом Пенджаба в 1849 г. завоевание Индии было завершено. Опираясь на владения в Индии, англичане активизировали свою деятельность и в других странах Азии. В 1786 г. они захватили о-в Пинанг, положив начало экспансии в Малайе, в 1824 г. начали первую войну с Бирмой.

Соперничество Англии и Франции на колониальном поприще продолжилось в новую историческую эпоху, наступившую после Французской революции XVIII в. Захват Бонапартом Египта, формально входившего в состав Османской империи (1799 г.), был попыткой Франции стать твердой ногой на Востоке. Но египетский поход закончился разгромом французов (1802 г.).

Англия, опираясь на свое промышленное, торговое и морское могущество, не только сумела удержать позиции в колониях, но и значительно укрепила их. Помимо новых территориальных приобретений в Ин-

дии, в частности захвата французских владений в Бенгалии и на Коромандельском берегу, Англия под предлогом защиты прав штатгальтера Нидерландов, изгнанного в 1795 г. французскими войсками, захватила в 1795—1796 гг. Капскую колонию, Цейлон, Малакку, голландские форты и фактории на Суматре, а также о-в Амбон и о-ва Банда в Малайском архипелаге. В 1811 г. англичане захватили Яву и о-ва Банка и Биллитон у восточного побережья Суматры. Хотя по Лондонской конвенции 1814 г. и соглашениям на Венском конгрессе 1814—1815 гг. Англия вернула Голландии большинство колоний, она сохранила Капскую землю, Цейлон и ряд островов в Вест-Индии.

История человечества начала приобретать поистине всемирный характер с эпохи Великих географических открытий и времени создания колониальной системы. Колониальная система, связав воедино мир, одновременно разделила его на две группы стран: метрополии и колонии. На одной стороне оказалась горстка капиталистических наций, на другой — великое множество народов, за счет которых в значительной мере происходило развитие капитализма в метрополиях.

Говоря о роли раннего колониализма в капиталистическом развитии Западной Европы (и Северной Америки), в том числе в складывании основ первоначального накопления, хотелось бы отметить следующее. В последнее время (в значительной мере как реакция на господствовавшее в прошлом отрицание первоначальной значимости эндогенных факторов генезиса капитализма) подчеркивается, что европейская колониальная торговля составляла в XVI—XVIII вв. незначительную часть внешнеторгового оборота Азии и соответственно не могла играть решающей (ряд ученых полагают — даже сколько-нибудь заметной) роли в процессе первоначального накопления. Подчеркивается также, что в торговле Запада с Востоком последний имел активный торговый баланс, ибо на начальном этапе колониальной экспансии он не мог служить реальным рынком сбыта для европейских товаров. Не оспаривая статистических выкладок, подтверждающих этот тезис, все же трудно отрицать стимулирующее воздействие колониальной экспансии и складывания мирового рынка на укрепление капитализма в Европе (Нидерланды и Англия, в определенной мере — Франция и балтийский регион). Обратим внимание на два обстоятельства. Во-первых, по мере расширения колониальной экспансии и смены ее лидеров росли доходы от торговли с Востоком и прямого ограбления и эксплуатации населения его регионов (Бенгалия — в XVIII в., Ява — в XVII—XVIII вв.). Во-вторых, втягивание в систему мирового рынка оказывало воздействие на общую структуру европейских стран капитализма (накопление капитала, технический прогресс, рост городов, особенно портовых, развитие транспорта, экономические институты — страхование, банковское дело и т.д.).

Колониализм на ранней, торговой его стадии оказал двоякое воздействие на экономическое и политическое развитие метрополий. С одной стороны, деятельность торговых монопольных компаний создавала условия для развития капитализма, с другой — способствовала возникнове-

нию торговой олигархии, тесно связанной с верхушкой дворянства и становившейся тормозом на пути капиталистического развития. В странах, где негативные результаты этого процесса оказались превалирующими, темпы капиталистического развития замедлились. Характерный пример — Голландия, в чьей экономической и политической жизни Ост-Индская компания (500 пайщиков), интересы которой тесно переплелись с интересами правящего дома Оранских и патрициата крупных городов, играла ведущую роль до начала XIX в. Формирование промышленной буржуазии в отличие от Англии было здесь несколько задержано засильем торгового капитала, осуществлявшего торговлю с колониями и их эксплуатацию, так что Голландия пришла к промышленному капитализму позже, чем ряд стран, некогда отставших от нее.

Появление (а точнее, вторжение) европейцев в огромной степени повлияло на Восток. Хотя оно не сказалось немедленно на внутренней структуре общества и коснулось далеко не всех регионов, оно принесло постоянное присутствие новой силы и изменило внешнеторговую (и внешнеполитическую) ситуацию. На первых порах европейцы воспринимались на Востоке как еще одна сила, не всегда одинаково могучая, но всегда непонятная (с точки зрения ее ценностей и устремлений) и отчужденная от местного общества. Но, несмотря на то что в большинстве своем восточные государства (и племенные образования) продолжали жить по-своему в устоявшемся или несколько изменявшемся (Османская империя, Нусантара под влиянием ислама) традиционном мире, европейская колонизация (в отличие от экспансии местных империй) неотвратимо вовлекала их (на разных уровнях и в разное время) в систему мирового рынка. Однажды утвердившись, колонизаторы, движимые духом капиталистического предпринимательства, неизбежно консолидировали свою силу, вмешивались в дела местных государств, подавляли местную торговлю, переходили к прямой эксплуатации населения, т.е. создавали предпосылки для более глубокого влияния на жизнь, характер и направление развития восточного общества.

Появление европейцев, их стремление получить доступ к азиатской торговле, а при удобном случае — и укрепиться в опорных пунктах на побережье (форты, фактории, отдельные владения — княжества, султанаты), а также миссионерская деятельность, особенно заметная в тот период у католической церкви, вызвали естественную реакцию местных обществ, реакцию, которая хотя и могла быть весьма различной в зависимости от характера местных обществ и ситуации в отдельно взятый момент, тем не менее может быть сведена, огрубляя, к трем типологическим моделям.

Первая из них характерна для протогосударственных структур и государств, где значительную роль играла внешняя торговля, в которой была заинтересована правящая элита, связанная (или сращенная) с иноземным (но азиатским!) купечеством. Реакцией на появление пришельцев обычно в таких случаях служило вооруженное сопротивление. Именно такая реакция особенно заметна в начальный, португало-испанский период колониальной экспансии на Малайском архипелаге. Так, на Фи-

липпинах — обществе догосударственных или протогосударственных структур — уже экспедиция Ф.Магеллана (1521 г.) натолкнулась на сопротивление местных вождей, а затем — в 70-е годы XVI в. — упорное сопротивление испанцам оказали правители-вожди Манилы, главного торгового центра о-ва Лусон. В 1509 г. султан Малаккского султаната Махмуд при решительной поддержке индийского купечества, составлявшего значительную силу в многонациональной Малакке, разгромил эскадру будущего португальского вице-короля Индии ди Сикейры. Прибывший в Малакку в 1511 г. д'Альбукерки встретил здесь упорное сопротивление, которое он преодолел с большим трудом.

На Молукках центром сопротивления стал о-в Тернате, правители которого вначале разрешили португальцам построить форт, надеясь на их помощь в борьбе с соперниками — султанами о-ва Тидоре. Но когда португальцы попытались монополизировать торговлю пряностями, утвердившись на о-ве Амбон, находившемся вне сферы влияния Тернате, построив там крепости и обратив в христианство значительную часть населения, султан Хайрун начал с ними решительную борьбу. После смерти Хайруна в 1570 г. (он был убит португальцами во время переговоров) его сын Баабуллах осадил португальскую крепость на Тернате и взял ее в 1574 г.

Население, султаны и вожди Молуккских островов оказывали вооруженное сопротивление и голландцам, которым удалось «замирить» Острова Пряностей лишь после трех кровопролитных «молуккских войн» XVII в. На протяжении XVI—XVIII вв. постоянную борьбу с португальцами и голландцами вели султанаты Малаккского пролива — северосуматранский Аче и южномалайский Джохор.

С подобной же реакцией столкнулись португальцы и в торговых городах западного побережья Индии в XVI в.

Вторая модель типичной реакции характерна для более крупных, сложившихся государств Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Это — полное или частичное «закрытие» страны.

Наиболее последовательно эта политика проводилась в Японии при токугавском режиме. Покровительство внешнеторговым связям (начало XVII в.) сменилось антихристианскими мероприятиями, а после Симабарского восстания 1637—1638 гг. сёгуны Токугава встали на путь политики самоизоляции страны, сохранив связи только с Китаем и Кореей и практически прекратив торговлю с европейцами и их допуск в Японию: лишь голландская фактория сохранилась на о-вах Дэсима и Нагасаки и ее разрешалось посещать ограниченному числу кораблей Нидерландской Ост-Индской компании.

Разрешив в середине XVI в. португальцам создать фактории в Аомыне (Макао), минское правительство, столкнувшись в XVII в. с голландцами и англичанами, закрыло для европейских кораблей допуск во все китайские морские порты, кроме Гуанчжоу (Кантона). Маньчжурская династия Цин продолжила эту политику. После того как маньчжуры укрепили свою власть в Китае и перестали нуждаться в поддержке, а скорее, в

благожелательном отношении господствующих в Южных морях европейских держав, цинский двор ввел ограничения на въезд иностранцев, закрыл большинство христианских церквей, запретил проповедь христианства, выслал из страны почти всех миссионеров, а в 1757 г. запретил иностранную торговлю во всех портах, кроме Гуанчжоу, где торговые операции с европейцами могло вести лишь купеческое объединение «Кохонг» (*гунхан*), находившееся под контролем властей.

Став в 1637 г. вассалом маньчжурской империи Цин, Корея вступила на путь даже более жесткой изоляции, нежели Китай и Япония. Корейцам под страхом смертной казни не разрешалось покидать пределы страны, иностранным судам было запрещено приближаться к корейским берегам, на побережье были расставлены гарнизоны и военные караулы, торговля велась только с Китаем и Японией в определенные сроки и в строго ограниченных местах.

Хотя политика индокитайских государств не была столь последовательной (на протяжении XVI—XVIII вв. в Сиаме, Бирме, Аракане, Камбодже, Вьетнаме спорадически возникали европейские фактории, велась проповедь христианства, действовали наемники и авантюристы), тем не менее к концу периода общее направление политики этих стран было по существу таким же, как и у дальневосточных правительств.

Вариантом такой модели может служить борьба против попыток португальских и испанских авантюристов закрепиться в странах Востока, преимущественно в государствах Индокитайского полуострова. Иногда эти люди получали поддержку испанских или португальских наместников и губернаторов на Востоке, чаще же они действовали на свой страх и риск. Так, в 1596—1599 гг. португалец Дьогу Велоза и испанец Блас Руис попытались (при поддержке генерал-губернатора Манилы) утвердиться при дворе камбоджийских королей Тюнг Прея и Бар Реатеа II, но потерпели неудачу. В 1599 г. португальский авантюрист Филипп ди Бриту, служивший правителю Аракана, захватил порт Танхлин (Сириам) в Нижней (Южной) Бирме и провозгласил себя королем. Время хозяйничанья де Бриту в Сириаме сохранилось в памяти народа как одна из самых трагических страниц бирманской истории. Когда в 1615 г. правитель Бирмы Анаупхелун двинулся на Сириам, против ди Бриту поднялось население его королевства, и португальская авантюра бесславно закончилась. Одновременно Себастьян Тибан, португальский пират, провозгласил себя королем араканского острова Сандвип (1609 г.). Пользуясь поддержкой вице-короля Гоа, Тибан и его пираты грабили побережья Аракана и Бенгалии, но в 1617 г. о-в Сандвип был захвачен араканцами, а в 1664 г. могольский наместник Бенгалии покончил с португальскими пиратами и работорговцами, обосновавшимися в дельте Ганга.

В XVII в. Сиам, занимавший важное место в торговле ЮВА, подвергся нажиму европейских Ост-Индских компаний. После столкновения с голландцами и англичанами и изгнания французов (1688 г.), навязавших Сиаму договор, который ставил страну под контроль Франции, новая

династия закрыла страну для европейцев, причем это было сделано не путем издания каких-либо специальных указов (как в странах Дальнего Востока), а сознательным отказом от активной внешнеторговой политики, что привело к падению значения столицы Сиама Аютии как крупного международного рынка.

Примерно так же сложилась ситуация в Бирме во второй половине XVIII в., когда после ликвидации монского государства Пегу на юге и объединения страны под властью династии Конбаун были ликвидированы английские и французские фактории и двор Авы (столицы Бирмы) прекратил сношения с европейцами.

И наконец, третья модель реакции на контакты с европейцами представлена восточными обществами, которые, в принципе придерживаясь политики самоизоляции, оказались вынужденными достаточно активно контактировать с иностранцами (или быть заинтересованными в таких контактах). Самый яркий пример в ту эпоху — Османская империя, в меньшей степени — Иран.

На начальном этапе колониальных контактов военно-политическое воздействие Запада на страны Востока было довольно ограниченным. Роль торговых факторий в этом отношении была незначительной. Европейские торговые агенты обычно поддерживали слабые контакты с местным населением. Эти контакты ограничивались купеческой средой, которая, как и феодалы, занятые в торговле, воспринимала европейских торговцев как малообразованных, плохо воспитанных и бедных людей. Значительным было влияние католических миссионеров. Но оно зависело от менявшейся (иногда по прихоти) политики местных правителей, а в исламских районах практически было обречено на неудачу. Несомненное воздействие оказывала европейская военная техника, но европейская военная организация в большинстве стран Востока стала использоваться лишь к концу рассматриваемого периода (Османская империя, сипаи в Индии, голландские формирования из местного населения на Яве, Амбоне и т.д.).

Определенное влияние на образованную верхушку местных обществ начало оказывать знакомство с европейскими достижениями в области естественных наук, но говорить приходится скорее именно о знакомстве с отдельными сторонами и артефактами, нежели о систематическом изучении.

Культурно-психологическое воздействие раннеколониальной эпохи на жизнь восточных обществ в целом оставалось незначительным, учитывая, что даже в анклавах (Мадрас, Калькутта, Батавия, Гоа, Малакка, Макао) немногочисленные европейцы в общем мало контактировали с местным населением, которое оставалось вне воздействия западной культуры и ее системы ценностей. Большинство таких анклавов представляло собой изолированные крепости. Типичный пример — португальская (а затем голландская) Малакка. Захватив в 1511 г. город, португальцы построили там форт и другие здания и обнесли их каменной стеной с бастионами. В крепости жили португальские чиновники с семьями и находился гарнизон. Местное и метисное население жило в при-

городах. Даже несмотря на распространение и поощрение браков португальцев с местными женщинами, христиан в Малакке и ее пригородах насчитывалось не более 6,5 тыс. из 20—30 тыс. жителей. Такая же ситуация сохранялась и при голландцах, сменивших в 1641 г. португальцев, с той лишь разницей, что европейское население сократилось вследствие того, что Малакка утратила значение мирового порта, оставшись крепостью в проливах и центром торговли голландцев с султанатами Малаккского полуострова и северной Суматры.

Характерным примером европейской колонии не просто крепостного, а административно-торгово-крепостного типа была голландская Батавия XVII—XVIII вв. — центр владений НОИК. Среди европейского населения Батавии различались две группы: служащие Компании и «свободные горожане». Если принять во внимание, что большинство голландцев (а они составляли основу европейского населения Батавии) устремлялось на Восток с одним лишь желанием — разбогатеть и что в массе своей эти люди представляли собой отнюдь не лучшую и интеллигентную часть голландского общества, то неудивительно, что из них формировались нувориши с соответствующими наклонностями. Косность, презрение к местному населению, привычка жить в роскоши, пренебрежение образованием и культурными ценностями характеризовали осевших в Батавии бывших служащих Компании, ставших «свободными горожанами». Поскольку Компания запрещала им заниматься частной торговлей и предпринимательством, они устремлялись в откупа и ростовщичество — занятия, не способствующие совершенствованию человеческой натуры. «Свободные искусства» были в Батавии не в почете. Когда Корнелис Сюйхофф, зять великого Рембрандта, потеряв надежду прокормить себя живописью, занялся ремеслом, он был обвинен в нарушении монополии НОИК и чуть не попал в тюрьму. К счастью, помогли друзья, и Сюйхофф стал служащим компании — он получил место надзирателя в той тюрьме, куда его собирались отправить.

Остальная (более многочисленная) часть населения города состояла из португальцев, предки которых были вывезены из Малакки после ее захвата голландцами в 1641 г., потомков принявших христианство рабов из Индии, именуемых *мардейкерами*, а также балийцев, бугов, малайцев, макассарцев; яванцам же долго не разрешалось селиться в Батавии, ибо власти, помня осаду города войсками яванского султаната Матарама, их опасались. Общим языком этой разноплеменной массы был малайский.

Культурная и интеллектуальная жизнь города была небогатой. Хотя предпринимались попытки создать «латинские школы» для детей служащих НОИК и школы для христиан-неевропейцев, практические результаты были ничтожны: школы, на содержание которых скуповатой Компанией отпускались незначительные средства, влачили жалкое существование, и к концу эпохи мардейкеры и немногочисленные христиане-индонезийцы оказались поглощенными мусульманской массой.

XVII век дал лишь одного литератора средней руки. Им стал Якоб Стеендам, первый поэт Нью-Йорка (голландской колонии Новые Ни-

дерланды), который, переселившись в Батавию, где получил место попечителя сиротского приюта, написал несколько поэм о батавской жизни. Список книг, опубликованных в Батавии на протяжении XVII—XVIII вв., включает бесконечное число сборников административных распоряжений, некоторое количество книг на португальском и малайском языках, немногочисленные перепечатки голландско-малайских словарей наиболее употребительных слов, а также грамматик и, наконец, с 1731 г. ежегодный справочник (с чинами и должностями) служащих Компании. Монотонность официальных публикаций и перепечаток лишь изредка прерывалась такими книгами, как появившаяся в конце XVII в. дидактическая поэма Я.Стеендама для юношества или поэма Питера ван Хоорна о мудрости Конфуция. В этом списке (за 1695 г.) промелькнуло историческое сочинение, повествующее об известной осаде 1629 г. Впоследствии это сочинение вдохновило батавского поэта XVIII в. Питера де Фриса на сочинение драмы, «украшенной песнями, танцами и живыми картинами», под названием: «Ян Питерсзоон Кун, основатель батавской свободы. Драма о войне со счастливым концом».

В 1778 г. Йохан Радермахер, один из высших служащих Компании, основал Батавское общество. Хотя «Сообщения о естественной истории, древностях и обычаях» народов Нусантары приветствовались Обществом, в основном в начальный период своей деятельности оно занималось проблемами городского хозяйства. Тот же Радермахер стал основателем первых франкмасонских лож в Батавии в 60-х годах XVIII в. Идеи европейского Просвещения слабо затронули голландскую колонию, где царил дух стяжательства, презрения к «туземцам» и пренебрежения к образованности, художественным ценностям и знаниям.

Вообще лишь в самом конце периода европейцы, оказавшиеся в колониальной администрации, стали проявлять интерес к местной культуре, истории, нравам и обычаям, выходящий за рамки обычных путевых заметок, описаний путешествий и т.п., которыми так богаты XVII—XVIII вв. В первую очередь это произошло в Индии, где, находясь на службе в Калькутте, У.Джонс в 1784 г. основал Бенгальское азиатское общество и положил начало научной индологии.

Итак, хотя процессы, начавшиеся со времени Великих географических открытий, означали наступление новой эры — эры колониализма, двуликого Януса, сближающего и разъединяющего субъекты мировой цивилизации, к концу XVIII в. обнаружились лишь первые следствия этих процессов. Мировая торговля только начала влиять на производство азиатских стран. Европейские достижения едва воздействовали на внутреннюю жизнь стран Востока, причем весьма избирательно; традиционность местных обществ сохранялась, и элементы модернизации внедрялись медленно, наталкиваясь на огромное сопротивление. В конце XVIII в. мир Востока стал менее гомогенным вследствие различной реакции различных стран на колониальное вмешательство Запада, а также в силу того, что целые районы Азии, в первую очередь Филиппины, Ява

с Мадурой, многие области Индии, где было создано колониальное управление, «выпали» из общей картины.

В Европе эпоха раннего колониализма ускорила процессы складывания европейской цивилизации, с одной стороны, а с другой — способствовала (вследствие неодинакового воздействия «революции цен» и развития буржуазных отношений) разделению этой цивилизации на несколько регионов. Центром стали в основном протестантские страны — Англия, Нидерланды, Западная и Северная Германия и гугенотская Франция, выходцы из которых к концу эпохи более всего преуспели и на колониальном поприще. Другим регионом стали страны Южной и Центральной Европы, в основном католические — Испания, Португалия, Италия, Австрия, Южная и Восточная Германия. И наконец, на периферии стали располагаться католические и православные страны Восточной Европы. И если последствия наступления колониальной эпохи для Западной Европы сказались в разложении феодальных и развитии капиталистических отношений и в создании заморских колониальных империй, то в странах Центральной и Восточной Европы усилился феодальный гнет, произошло «вторичное закрепощение» крестьян и наблюдалась (в духе общего экспансионизма эпохи) тенденция к созданию континентальных империй (Австрия, Россия, Польша).

XVI—XVIII века создали базу для последующего (вместе с промышленной революцией в Европе) бурного развития колониализма как системы. Дело ведь не в том, что торговый баланс был положительным для стран Востока. Гораздо важнее то обстоятельство, что европейские фактории, форты, анклавы в сочетании с безусловным морским и военным превосходством («торговля со шпагой в руках») Европы, окончательно обнаружившимся в XVIII в., брали под контроль сначала внешнюю торговлю азиатских стран, а затем и национальные рынки, подготавливая последующее подчинение местных обществ на государственно-административном уровне. Уже в этот период началось завоевание огромных территорий в Индии (прежде всего Бенгалии), сопровождавшееся частичным разрушением местного производства, оттоком за рубеж (в Англию) доходов, полученных от налогов, пошлин, откупов, монополий и т.п. Еще ярче это проявилось на Малайском архипелаге, где Испания в этот период превратила в свою колонию Филиппины (за исключением южных районов), а Нидерландская Ост-Индская компания, завоевав Яву, основные доходы стала извлекать путем непосредственного грабежа, военных контрибуций и налоговой эксплуатации местного населения.

Вне зависимости от субъективных намерений тех, кто колониализм приносил, или от объективных последствий (иногда — благотворных, правда, проявившихся в весьма отдаленном будущем) экспансия европейских держав означала для стран Востока, как правило, разрушение или деформацию традиционных структур, часто просто гибель местной цивилизации, массовое уничтожение населения (достаточно вспомнить африканскую работорговлю), грабеж и эксплуатацию. Трагедия народов,

вовлеченных в колонизацию, состояла в том, что процесс создания мирового хозяйства и разрушения традиционных систем происходил в насильственной форме. В этот период приспосабливание стран Востока к мировому капиталистическому развитию не вызвало (и не могло вызвать) к жизни появления собственного капитализма.

Глава 4

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В XVI—XVII вв.

На рубеже Нового времени в мире ислама произошла коренная перегруппировка сил. На месте мамлюкского султаната, грозной империи Тимура, Делийского султаната и распадавшейся Золотой Орды образовались новые могущественные державы, прежде всего империи Великих Моголов, Сефевидов и Османов. После взятия Константинополя (1453 г.) османское государство превратилось в мировую державу, начавшую играть первостепенную роль в международной политике. В эпоху Возрождения Османская империя являлась главным врагом христианской Европы. Она стала центром притяжения всех сил, выступавших против католической церкви, князей и дворянства. Почти все еврейские общины Германии откликнулись на обращение одного из наиболее авторитетных раввинов, Исхака Сарфати, который в 1454 г. призвал своих единоверцев всячески поддерживать турок-османов и переезжать на жительство в их владения, на «новую еврейскую родину». В 1485 г. мусульмане Испании прислали гонцов в Стамбул и воззвали о помощи. На сочувствие и поддержку турок ориентировались все крайние антикатолические течения — от дунайских антитринитариев до французских гугенотов.

Еще больше надеялись на помощь со стороны османов на земле ислама. Мусульмане Северной Африки, Арабского Востока, Крыма и даже Индии искали защиты и покровительства у властителей Стамбула. После взятия Константинополя в мире ислама сформировался устойчивый имидж османского государства как возрожденного восточного халифата, способного навести порядок в «стране полумесяца», установить справедливость и защитить от внешнего врага.

На рубеже XV—XVI вв., как уже отмечалось (гл. 2), экспансия ислама натолкнулась на встречную экспансию со стороны западно-христианского мира, прежде всего Испании и Португалии. Начался новый этап глобальной конфронтации Востока и Запада, причем турки-османы взяли на себя роль боевого авангарда мусульманского Востока. Это неизбежно привело к обострению борьбы за верховную власть в исламе, за вселенский имамат, т.е. за руководящее положение в лагере мусульманских стран. Несмотря на претензии Тимура, Шахруха и Узун Хасана, носителями верховной власти в исламском мире со времен Салах ад-Дина были правители Каира, принявшие титул «султан ислама и мусульман». Они осуществляли халифские прерогативы, в частности являлись покровителями священных городов ислама (Мекки и Медины), руководили хаджем и обеспечивали безопасность паломников. С 1258 г. в Каире при дворе мамлюкских султанов жили потомки аббасидских

халифов, освящая своим именем легитимность власти мамлюкских султанов как законных преемников исламского халифата.

Однако внутренний кризис мамлюкской империи и ослабление ее военной мощи подорвали престиж мамлюкских султанов. Взоры мусульман все чаще стали обращаться в сторону правителей Стамбула, в которых видели руководимых богом борцов за веру (*гази*) и истинно мусульманских государей. Их сравнивали с четырьмя первыми так называемыми праведными халифами (*ар-рашидун*, т.е. «идущие правильным путем») и превозносили как поборников шариата. По крайней мере со времен Мурада I (1360—1389) османские султаны носили халифскую титулатуру и потому могли рассчитывать на широкое признание своих прав на верховенство в мусульманском мире.

Конфликт между двумя самыми крупными и некогда дружественными державами становился неизбежным и вскоре после взятия Константинополя принял открытые формы. Османская политика в Малой Азии, в частности присоединение Карамана (1468 г.), вторжение в Киликию (1485 г.) и вмешательство в дела зулькадиридских правителей Альбистана (Каппадокии), находившихся под протекторатом мамлюков, привела к первой османо-мамлюкской войне 1486—1491 гг., не давшей, правда, решающего перевеса ни одной из сторон.

Заключение мира с мамлюками позволило османскому правительству завершить консолидацию своей власти в Анатолии. Борясь с сепаратизмом старых тюркских династов, оно вводило там новую для этих мест систему административного управления, выработанную на опыте завоевания и хозяйственного освоения западных областей Малой Азии и Балканского полуострова. Эти мероприятия ущемляли права и имущественные интересы прежней анатолийской знати, связанной с ранее существовавшими здесь самостоятельными *бейликами* (тюркскими княжествами). Новые османские власти особенно активно повели наступление на былые вольности и привилегии кочевых племен, в результате чего именно кочевники выступили главной движущей и организующей силой в антиосманской борьбе тюркского населения Анатолии. Идеологическим знаменем борьбы с османскими властями стал шиизм. Положение осложнялось тем, что часть недовольных османскими порядками тюркских племен ушла в Иран и Азербайджан, где приняла активное участие в движении кызылбашей, которое привело в 1502 г. к образованию государства Сефевидов (см. гл. 5). Уравнительные лозунги кызылбашей, связанных с крайними шиитскими сектами, многие из которых выступали с проповедениями социального и имущественного равенства, грозили опрокинуть порядки, устанавливавшиеся османскими властями. К тому же правители Стамбула видели в тюрках-кызылбашах не только еретиков, но и настроенных проирански изменников.

Первое крупное восстание шиитов произошло в 1508 г. в районе Токата под руководством дервишского проповедника Нуреддина и продолжалось несколько месяцев. Наиболее массовым было восстание 1511—1513 гг., охватившее значительную часть Анатолии. Во главе его вплоть до своей гибели в июне 1511 г. стоял кочевник из племени текелю, на-

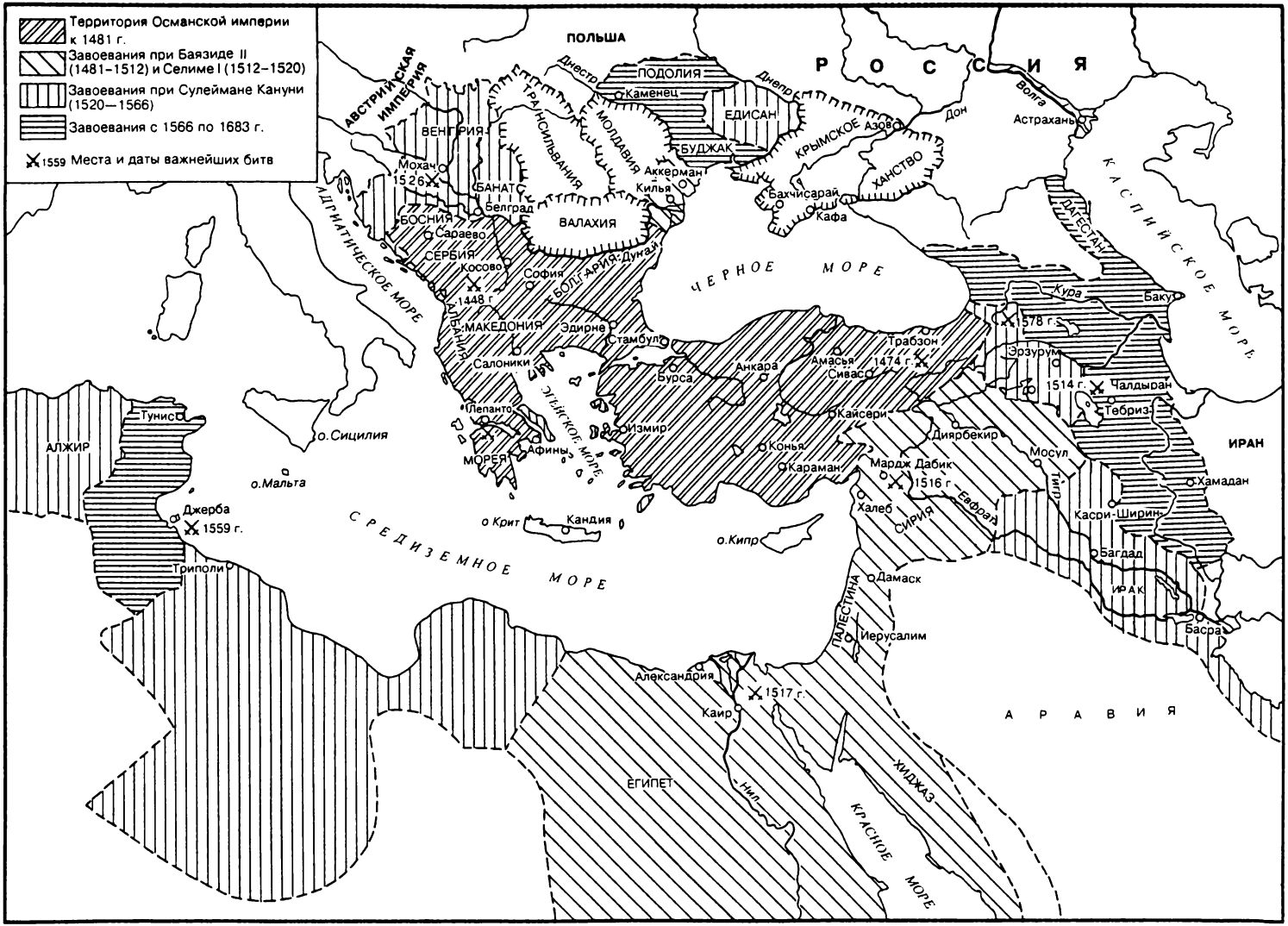

Территория Османской империи к 1481 г.
Завоевания при Баязиде II (1481–1512) и Селиме I (1512–1520)
Завоевания при Сулеймане Кануни (1520—1566)
Завоевания с 1566 по 1683 г.
1559 Места и даты важнейших битв
ПОЛЬША
Р О С С И Я
АВСТРИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
ВЕНГРИЯ
ТРАНСИЛЬВАНИЯ
МОЛДАВИЯ
ПОДОЛИЯ
ЕДИСАН
БУДЖАК
КРЫМСКОЕ ХАНСТВО
Днестр
Днепр
Дон
Волга
Астрахань
Каменец
Аккерман
Килья
Бахчисарай
Кафа
Мохач 1526
БАНАТ
Белград
БОСНИЯ
Сараево
СЕРБИЯ
Косово 1448 г.
ВАЛАХИЯ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
АДРИАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
АЛБАНИЯ
МАКЕДОНИЯ
Эдирне
Стамбул
Салоники
Бурса
Анкара
Амасья
Сивас
Трабзон 1474 г.
Эрзурум
1514 г.
Чалдыран
Тебриз
ДАГЕСТАН
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
Кура
Баку
1578 г.
ИРАН
Лепанто
Измир
Кайсери
Диярбекир
Мосул
Тунис
АЛЖИР
о. Сицилия
о. Мальта
Джерба 1559 г.
МОРЕЯ
Афины
ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ
Конья
Караман
Мардж Дабик 1516 г.
Халеб
СИРИЯ
Евфрат
Тигр
Хамадан
Касри-Ширин
Багдад
ИРАК
Басра
о. Крит
Кандия
о. Кипр
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Триполи
Дамаск
ПАЛЕСТИНА
Иерусалим
Александрия
1517 г.
Каир
АРАВИЯ
ЕГИПЕТ
Нил
ХИДЖАЗ
КРАСНОЕ МОРЕ

Рис. 2

зывавший себя Шах-кулу, т.е. «раб шаха». Таким образом он хотел показать свою безграничную верность Исмаилу — вождю кызылбашей и первому правителю из династии Сефевидов. Турки прозвали его Шайтан-кулу, т.е. «раб дьявола». При подавлении восстания османские власти не останавливались перед самыми массовыми расправами. Только в 1513 г. они уничтожили до 40 тыс. анатолийских шиитов. В 1519 г. восстание вспыхнуло снова. Отряды повстанцев, действовавшие в районах Токата, Амасьи и Турхала, беспощадно расправлялись с приверженцами суннизма. Имя их вождя шейха Джеляля, провозгласившего себя *махди*, надолго осталось в памяти жителей Анатолии и приобрело нарицательное значение, обозначая безжалостного бунтовщика и разбойника.

Все последующие антиправительственные восстания в Анатолии, отличавшиеся особой жестокостью, османские писатели XVI—XVII вв. называли не иначе как *джеляли*. По социальному составу и выдвигаемым требованиям анатолийские выступления начала XVI в. были очень пестрыми. В них участвовали бывшая знать анатолийских бейликов, крестьяне, кочевники, воины-поселенцы, имевшие тимарные пожалования от правителей прежних бейликов, исламское неортодоксальное духовенство. Широта социального состава участников восстаний свидетельствует о крупных социальных изменениях в Анатолии, начавшихся там в связи с установлением османского господства. В ряде случаев во время восстаний наблюдались столкновения кочевников с оседлыми земледельцами, т.е. налицо был конфликт не только социальных, но и хозяйственных отношений. После подавления ряда восстаний некоторые из их участников бежали в Иран, где, однако, их крайний шиизм не встретил поддержки у сефевидских правителей.

Складывавшаяся в это время ситуация в центре Европы предоставила османам полную свободу рук на Востоке. Растущий хаос в Германии и крестьянское восстание 1514 г. в Венгрии парализовали военные усилия Запада и на несколько лет обеспечили тыл османской армии. Это позволило Селиму I (1512—1520) одним ударом разрубить весь узел восточных проблем. Прежде всего он нанес решительный удар по шиитскому Ирану. 23 августа 1514 г. сефевидский шах Исмаил потерпел сокрушительное поражение в битве на Чалдыранском поле (к востоку от оз. Урмия), бросил свою столицу г. Тебриз и с остатками войск ушел в глубь Иранского нагорья. В результате османы присоединили северо-восточную часть Малой Азии с городами Эрзинджан и Эрзерум, а также Курдистан и богатую хлебом Верхнюю Месопотамию (Джазира) с такими крупными центрами, как Кара-Амид (Диярбакыр), Урфа, Мардин и Мосул.

Мамлюки, выдвинувшие к Евфрату огромную «наблюдательную» армию, так и не решились вступить в войну. Положение в Сирии и в самом Египте было крайне напряженным. Османские шпионы и агитаторы повсюду находили благоприятную почву для антимамлюкской пропаганды. Крестьяне Сирии, а затем и Египта вышли из повиновения и в пятничных молитвах прославляли Селима I. Войска, многие военачальники и даже лица из ближайшего окружения мамлюкского султана Кансух аль-Гури сочувствовали туркам-османам и были крайне ненадежны.

Войну начали турки. В первом же сражении, в битве на Дабикском поле 24 августа 1516 г., они одержали полную победу. Часть мамлюков перешла на их сторону, остальные бежали. Султан Кансух аль-Гури погиб на поле боя. Под восторженные клики толпы Селим I вступил в Халеб, затем в Дамаск, куда одна за другой стали прибывать делегации с выражением покорности из Триполи, Бейрута, Сайды и других городов Сирии, Ливана и Палестины. 29 августа 1516 г. Селим I принял титул «султан ислама» (или *падишах-и ислам*) и уже в сентябре 1516 г. приступил к организации хаджа, а также к исполнению других халифских прерогатив. В Халебе состоялась встреча Селима I с последним аббасидским халифом, Мутаваккилем III, который передал своему новому покровителю плащ и несколько волос из бороды Пророка, меч халифа Омара и другие реликвии аббасидского дома.

В декабре 1516 г. османские войска перешли границу Египта и 22 января 1517 г. в сражении при Риданийи в пригороде Каира разгромили мамлюкскую армию. На поле боя осталось 25 тыс. египетских солдат. Около 50 тыс. горожан погибло в ходе трехдневных боев на улицах и крышах Каира. Последний мамлюкский султан, Туманбай, еще некоторое время с оружием в руках скитался по Египту, пытался найти убежище у бедуинов и был выдан ими османским властям. 13 апреля 1517 г. он был повешен как уголовный преступник под аркой ворот Баб Зуэйла. Самый крупный город Востока, цитадель мамлюкского рыцарства, роскоши и утонченной культуры, перешел под власть османов.

По примеру Анатолии в завоеванных арабских странах османы ликвидировали *икта*, *ризки* и другие формы мамлюкского «феодального» землевладения, конфисковали «незаконные» *вакфы*, обобществили жилой фонд (многоэтажные дома) и другую городскую недвижимость. Были отменены «неправильные» налоги, поборы и другие повинности крестьян, установлены твердые цены на товары широкого потребления. Для укрепления мусульманской морали новые власти запретили танцы *альмей* и стали налагать штрафы за появление женщин в «сладострастных нарядах». По всему Египту были закрыты кабаки, винные лавки и курильни гашиша, разогнаны публичные дома.

Как правопреемники мамлюкских султанов турки-османы унаследовали их сюзеренные права на ряд мусульманских территорий в Африке и Аравии. Под непосредственное управление османских пашей перешли Джидда (1517 г.) и некоторые другие пункты на восточном побережье Красного моря, затем эйалеты Йемен (1538 г.) и Хабеш (1551 г.), образованные на месте существовавших здесь с 1517 г. вассальных владений. Под верховный сюзеренитет и покровительство Порты перешли также Мекканский шерифат Хашимитов (1517 г.) в Хиджазе, султанаты Фунг (1517 г.) в Южной Нубии, Адал (1517 г.) на Африканском Роге и Хадрамаут (1538 г.) в Южной Аравии. Из Стамбула посылали им время от времени деньги, оружие и военных инструкторов, прибывавших, как правило, во главе небольших отрядов гази — волонтеров священной войны.

После падения мамлюкской империи главным врагом османов на Востоке оставалась держава Сефевидов. Борьба с ней растянулась на два

с лишним столетия. У османов не было здесь ни серьезных союзников, если не считать относительно слабых и географически далеких суннитских правителей Средней Азии и Поволжья, ни тем более — широкой социальной базы. На первых порах турки-османы обладали бесспорным военно-техническим превосходством и, когда позволяла обстановка в Европе, наносили Сефевидам сокрушительные удары. В ходе двух персидских войн в 1533—1535 и 1548—1555 гг. Сулейман I присоединил Ирак (Нижнюю Месопотамию) с Багдадом (1534 г.) и Басрой (1546 г.), Неджд и другие земли Восточной Аравии, образовавшие эйалет аль-Хаса (ок. 1550 г.), а также западные районы Грузии и Армении. По миру в Амасии в 1555 г. шах Тахмасп I признал эти и сделанные ранее приобретения османов, отказавшись в их пользу от доброй половины первоначальных сефевидских владений. Во время войны 1578—1590 гг., последовавшей за новой активизацией шиитского движения в Малой Азии и Йемене, османы завоевали Сухум и земли по восточному берегу Черного моря, оккупировали Картли, Восточную Армению, Луристан, Азербайджан, Карабах, Ширван и Дагестан с городами Тебриз, Баку и Дербент. Правда, в 1603—1607 гг. шаху Аббасу I, реорганизовавшему сефевидскую армию и государство, удалось вернуть эти земли и даже в 1623 г. отвоевать Ирак, который до 1638 г. оставался под властью Ирана.

Попытки изолировать Сефевидов, в частности прервать их коммуникации по волжско-каспийскому пути, предопределяли приоритеты османской политики в Восточной Европе. Османская армия в 1569 г. пыталась овладеть Астраханью. Находившееся в вассальной зависимости от Османской империи Крымское ханство вело борьбу за объединение под своим главенством всех татарских юртов, оставшихся от распавшейся Золотой Орды, организовывало набеги на московские земли. Разрабатывались проекты строительства канала, соединяющего Дон с Волгой, что облегчило бы подвоз османских войск к волжским землям.

Однако здесь османская экспансия успеха не имела. Вытеснение ногайцев из донских степей, взятие Казани (1552 г.) войсками Ивана Грозного, гибель турецкой армии под Астраханью в 1569 г. (из участвовавших в походе 30 тыс. воинов вернулись лишь около 7 тыс.) и разгром крымской орды под Москвой в 1572 г. явились теми поворотными событиями, которые положили конец османскому продвижению в этом направлении. Однако османам удалось изолировать этот район от внешнего мира. С 1592 г. Черное море было закрыто для всех иностранных кораблей. Само Черное море стало «османским озером», а прилегающие к нему христианские земли — неиссякаемым источником рабов. По оценке В.И.Ламанского, с конца XV по середину XVIII в. из Южной России и с Украины было уведено в Османскую империю не менее 3—5 млн. человек, использовавшихся в качестве гребцов на судах османского флота, они же находились в домашнем услужении и пополняли армию и гаремы.

В результате завоеваний на Востоке Османская империя включила в свой состав огромные территории с преимущественно мусульманским населением. В середине XVI в. оно составляло 75% всех жителей империи, главным образом в азиатских и африканских провинциях. Лишь на

Балканах численность мусульман не превышала 20% населения. Следует, однако, подчеркнуть, что остальные 80% — в основном православные, а также антитринитарии, богомилы, иудаисты — были не менее лояльными подданными султана, чем самые фанатичные поборники ислама, и поддерживали его борьбу с латинским Западом.

Победы Селима I в 1514—1517 гг. предоставили османам возможность продолжить завоевания на Западе. Сосредоточив в своих руках ресурсы всех наиболее развитых мусульманских стран, они начали широкое наступление в Европе, решившись наконец сорвать то заветное «красное яблочко»*, которое давно уже манило османских гази и являлось главным препятствием на пути реализации мировой миссии ислама. В 1521 г. Сулейман I взял Белград — ключ к центру Европы, открывший османским войскам путь в Венгрию и далее на Запад, в самое сердце католического мира.

Основными врагами Османской империи в Европе были итальянские государства, Испания и Португалия, действовавшие под эгидой Св. Престола — главного организатора и вдохновителя крестовых походов против Порты. На севере туркам непосредственно противостояли Австрия и другие земли Габсбургского дома, Венгрия и Польша, на юге — духовно-рыцарский орден госпитальеров, или иоаннитов (Орден Св. Иоанна Иерусалимского, основан в 1113 г.), ставка которого находилась на о-ве Родос, и Венеция, располагавшая мощным флотом и наемной армией, контролировавшей Далмацию, Ионические острова, Крит и Кипр (с 1489 г.). Соответственно образовалось три фронта борьбы: сухопутный, к северу от Балкан, и два морских: один — в Средиземном море, против Ордена, Венеции и Испании, второй — в бассейне Индийского океана, против Португалии.

Наибольшие успехи были достигнуты на Средиземном море. В 1522 г. Сулейман I ценой больших потерь захватил о-в Родос, вынудив рыцарей перенести свою ставку на о-в Мальту (отсюда более позднее название иоаннитов — Мальтийский орден), и развернул энергичную морскую войну против Испании, начавшуюся еще в 1486 г. В центре борьбы были берега Андалузии и Северной Африки. В 1515 г. турки поддержали оружием и деньгами антииспанское восстание в Алжире, поднятое братьями Барбаросса. В 1518 г. повстанцы взяли г. Алжир, к 1529 г. ликвидировали «алжирское королевство» Карла V, которое в 1533 г. было включено в состав Османской империи. Дальнейшие успехи, особенно уничтожение испано-венецианского флота при Превезе (1538 г.), а также гибель испанской армады (более 500 военных и транспортных кораблей с 24 тыс. человек десанта) под стенами г. Алжир (1541 г.), сделали Османскую империю хозяйкой Средиземного моря. Их корабли начали выходить в Атлантику, а в экипажах появились выходцы из Вест-Индии, разжигавшие честолюбивые устремления османских адмиралов, возмечтавших уже о завоевании Америки.

---

* Kyzyl Elma — иносказательное выражение, принятое в османских правящих кругах для обозначения Св. Престола, папства; своего рода символ латинского Запада.

В бассейне Индийского океана турок преследовали неудачи. Им не удалось параллельно с вторжением в Северную Индию дружественных войск Бабура нанести удар с моря по Южной Индии. Запоздалый турецкий десант численностью 20 тыс. человек (в том числе 7 тыс. янычар) со своими устаревшими пушками потерпел поражение под Диу (1538 г.) и ни с чем вернулся в Суэц. Потеря Кятифа (1550 г.) в Персидском заливе и гибель османских эскадр в сражениях под Ормузом (1552 г.) и близ Маската (1554 г.) заставили османов расстаться с мечтой о завоевании Индии — сначала временно (в 1556 и 1565—1569 гг. еще строились планы восстановления древнего Суэцкого канала), затем навсегда.

В Европе на первых порах туркам сопутствовала удача. Реформация, религиозные распри в Венгрии и Крестьянская война в Германии 1524—1525 гг. создали для них максимально благоприятную обстановку. Весной 1526 г. османская армия двинулась на север. 29 августа 1526 г. в сражении у Мохача Сулейман I разгромил венгерские, хорватские и чешские полки Лайоша II, короля Венгрии и Чехии. Король и знатные рыцари нашли смерть на поле боя. 10 сентября турки вступили в Буду, посадили на венгерский престол своего ставленника, трансильванского магната Яноша Запойяи, который признал себя вассалом Османской империи.

В то же время сеймы Венгрии и Чехии провозгласили королем австрийского эрцгерцога Фердинанда I Габсбурга — штатгальтера Германии. При поддержке Карла V, императора Священной Римской империи, он начал борьбу с османами и их венгерскими протеже. Однако Мартин Лютер и его сторонники в германском сейме, считавшие Яноша Запойяи своим союзником, не давали Фердинанду I ни денег, ни войск. Лишь в 1529 г., когда османская армия стала вплотную приближаться к границам Германии, они поддержали Габсбургов и дали согласие на мобилизацию войск. 27 сентября 1529 г. османская армия — 20 тыс. верблюдов, 120 тыс. солдат, свыше 300 орудий — подошла к Вене. Однако стойкая оборона города, подход войск Фердинанда I и наступление холодов заставили Сулеймана I снять осаду (14 октября 1529 г.). Столь же безрезультатным оказался поход 1532 г. Узнав о приближении испанских, итальянских и немецких солдат Карла V, спешивших на помощь Фердинанду I, Сулейман I в последний момент свернул с венской дороги, разграбил Штирию и вернулся в Стамбул.

В 1533 г. был заключен мир. Он не распространялся на Испанию и папу римского, которому в качестве непременного условия было предложено соединиться с Лютером и созвать собор для объединения церкви. Весьма непрочным оставалось положение в Венгрии. Когда же после смерти Яноша Запойяи активизировалась проавстрийская партия, Сулейман I разделил находившиеся под его покровительством венгерские земли на две части. Трансильвания сохранила статус османского вассала и определенную независимость в решении внутренних дел. Другие же венгерские территории были превращены в эйалет Будин, переданный под непосредственное управление османских властей (1541 г.).

В период борьбы за Венгрию Османская империя была вовлечена в орбиту европейской политики. Ее непримиримыми врагами были като-

лическая церковь, князья и дворянство, возглавляемые польско-габсбургскими феодально-государственными структурами, при равнодушии, а порой и сочувственном отношении к туркам со стороны широких крестьянских масс, особенно в районах этнорелигиозной розни между верхами и низами (например, на Родосе, Кипре, северо-западе Балкан и т.п.). Позднее, в связи с угрозой османского продвижения в глубь Европы, среди умеренных протестантов усилилось осознание «европейского единства» и необходимости защиты общеевропейских ценностей. При этом надо учитывать, во-первых, что османское нашествие воспринималось частью населения как божья кара за творимое зло, роптать против чего было греховно (отсюда определенная общественная пассивность). Во-вторых, в Европе возник огромный интерес к османскому опыту военной и социально-государственной организации, который широко использовался для сравнения и призыва к реформам в собственных странах (Бусбек, И.Пересветов, отчасти Лютер и др.) и даже создания различного рода социальных утопий (Л.Агостино, Ф.Альбергати, Т.Кампанелла). В-третьих, появились государства и группы населения, которые в политических целях посчитали для себя возможным пойти на союз с «неверными».

Активно это продемонстрировали протестанты в пограничных с Османской империей районах, особенно в той же Венгрии, а также во Франции и Нидерландах. Так как Священная Римская империя воевала тогда с Францией, то последняя видела в турках-османах своего возможного союзника. В 1534 г. в Стамбул прибыл первый французский посол. С 1535 г. между двумя странами была достигнута договоренность о совместных военных действиях против Габсбургов. Франция, в частности, предоставила османскому флоту базу в Тулоне. Турецкие рейдеры, или «пираты», как их называли в европейских источниках, совершали разбойничьи набеги на берега Италии и Испании.

В середине XVI в. основная борьба развернулась на средиземноморском фронте. Развивая успех, турки старались окончательно сломить оборонительную систему Запада. В 1551 г. им удалось нанести тяжелое поражение Мальтийскому ордену и взять Триполи, присоединив к империи новые территории в Северной Африке, образовавшие эйалет Западный Триполи. Однако уничтожить Орден не удалось. В 1565 г. отборные войска Порты не смогли взять Мальту, выдержавшую десять генеральных штурмов. Несмотря на это поражение, которое некоторые современные историки характеризуют как «настоящий Сталинград» османской армии, османы продолжали методичное продвижение в Тунисе. По Западной Европе ходили слухи о скором начале широкомасштабного османского наступления, и в частности нападения на Испанию. В 1568 г. в районе Мостаганема (близ Орана) было сосредоточено свыше 74 тыс. османских войск передового десанта, большое количество артиллерии, пороха и другого военного снаряжения.

В это время происходили восстания на Корсике (1564 г.), в Андалузии (1568 г.) и Нидерландах (1566 г.). Во Франции в 1562—1572 гг. произошло три вооруженных выступления гугенотов. В Мадриде царила паника.

Однако к счастью и удивлению Филиппа II, крупные силы османских войск двинулись в Йемен и на Волгу. Флот в 1570 г. направился на о-в Кипр, целый год потратил на его завоевание и лишь в 1571 г. двинулся на Запад. Здесь его постигла непредвиденная катастрофа. 7 октября 1571 г. в знаменитом сражении при Лепанто объединенные силы Священной Лиги (Испания, Венеция, Мальта, Генуя, Савойя и другие итальянские государства) под командованием дон Хуана Австрийского полностью уничтожили османский флот и развеяли, по словам Сервантеса, миф о непобедимости турок. Реванш в Северной Африке — взятие в 1574 г. казавшихся неприступными Туниса и Ла Гулетты — практически не отразился на дальнейшем развитии военно-политической ситуации на западе Европы.

Катастрофа при Лепанто, по сути дела, означала провал джихада (священной войны) на Западе. Военные действия в центре Европы (незавершенный поход на Вену 1566—1568 гг., пограничные конфликты, даже Тринадцатилетняя война 1593—1606 гг. с Габсбургами, не говоря уже о польско-турецких войнах 1616—1617 и 1620—1621 гг.), несмотря на огромный накал борьбы и вовлечение в нее большого числа стран и народов, имели скорее локальный характер, нежели характер войн мирового значения. Во всяком случае, они не имели своей непосредственной целью установление османского господства в Европе. К тому же Лепанто и сражения Тринадцатилетней войны выявили более низкий профессиональный и даже технический уровень османских вооруженных сил, особенно в области кораблестроения и некоторых видов огнестрельного оружия. В целом наступило стратегическое равновесие. Стабилизировались силы и позиции сторон. Самое главное, внутренние трудности и начавшийся кризис османской государственности парализовали наступательный порыв турок. Начался «период остановки», или *тевакку́ф деври,* 1579—1683 гг., как называется в турецкой историографии эта эпоха застоя и разложения османского общества.

Основные социально-политические и экономические институты Османской империи как мировой державы сложились еще при Мехмеде II. Во времена Баязида II (1481—1512) они были упорядочены и получили четкую религиозно-правовую основу, в немалой степени связанную с деятельностью Мехмеда ибн Фира-Мурзы (ум. в 1480 г.) и целой плеяды османских улемов. В эпоху Селима I (1512—1520) и Сулеймана I Кануни (1520—1566) государственные институты приобрели тот законченный вид, который на протяжении веков считался в османском обществе нетленным образцом для подражания.

В основе османской государственности лежали традиции ахийского и газийского движений XII—XIII вв., которые всячески культивировались османскими правителями. Недаром в своей титулатуре они больше всего гордились титулом *сайид аль-гуззат* («вождь газиев», т.е. воинов священной войны, газавата). И действительно, большинство военных, социальных и политических институтов империи являлись непосредственным продолжением и развитием ранних османских учреждений (см. т. II). Попытки Х.Иналджика и других турецких историков либерально-запад-

нической школы представить их как нечто особое, принципиально отличающее их от социально-политических институтов других стран мусульманского Востока, вплоть до наличия «светского законодательства», являются скорее всего стремлением выдать желаемое за действительное. Современники да и последующие поколения мусульман до середины XIX в. рассматривали Османскую империю как истинный халифат, как первое в мире шариатское государство, в котором нормы шариата на деле регулировали все стороны общественной, государственной и личной жизни. Османская империя была первым в истории государством, в котором мусульманское духовенство получило официальный статус и образовало особую иерархическую организацию профессиональных людей религии с четким обозначением функций и должностей. Крупнейшие османские теологи — уже упоминавшийся Мехмед ибн Фира-Мурза (Мулла Хюсрев), Ибрахим аль-Халеби (1458—1549), Шейх-заде (ум. в 1667 г.), аль-Хаскафи (ум. в 1677 г.) и др. — разработали идейно-теоретическую и правовую базу османского общества. На ней основывалась османская интерпретация шариата. Из нее исходили представители государственной власти в своей законодательной и административной деятельности. Любое действие власти должно было иметь религиозную санкцию, которая давалась в форме *фетвы* — заключения экспертов о соответствии того или иного акта принципам шариата.

Во главе империи стоял султан из дома Османа. Он считался светским и духовным правителем государства, хранителем, исполнителем и толкователем священного закона. Как и во всякой теократии, верховная власть была несвободна. В отличие от европейских монархов османские султаны были крайне ограниченны в выборе решений и не могли выйти за рамки изначально прокламированных ценностей. В противном случае «народ» имел право на «революцию». В XVI—XVII вв. из 15 султанов 6 были низложены по обвинению в нарушении шариата; двое из них казнены.

Свои полномочия султан осуществлял совместно с имперским советом (*диван-и хумайюн*), состоявшим из высшего духовенства и крупнейших военачальников. Следует подчеркнуть, что политические структуры Османской империи исходили из принципов единства власти (в противоположность принципу разделения властей) и коллективного руководства. Последнее подразумевало совместное обсуждение и принятие решений, считавшихся выражением воли всех мусульман и требовавших общего согласия, или консенсуса (принцип *шура*, т.е. соборности, совета). Вследствие этого в Османской империи не было четкого размежевания между законодательной, исполнительной и судебной властью, а также между религиозными и административными функциями. Все они находились в одних руках, взаимно проникали и дополняли друг друга. Свое конкретное воплощение эти политические структуры находили в органах коллективного руководства — правящих советах (*диванах*), от имени которых осуществлялась власть на каждом уровне государственного управления.

Наиболее крупным территориальным подразделением были *бейлербейства* (провинции). К началу XVI в. их было три — это Румели (с цен-

тром в Эдирне), Анадолу (Анкара и Кютахйя), Рум (Амасья, Сивас); к 1520 г. — шесть, а к 1610 г. — уже 32. С 1590 г. они стали называться *эйалетами*. Провинции делились на уезды (*санджаки*, или *лива*), а те, в свою очередь, — на волости (*нахии*). Города в зависимости от величины и значения подчинялись либо эйалету, либо санджаку, иногда даже — нахии. В ряде районов, особенно в горных местностях (Курдистан, Ливан), могли существовать автономные единицы — *хюкюметы*, *юрдлуки* и *оджаклыки* во главе с местными династами. В какой-то мере они являлись аналогами вассальных государств, только в масштабе санджака или нахии. Свои отношения с подвластным населением местные династы строили без какого-либо контроля со стороны османской администрации, хотя по военной линии они подчинялись соответствующим османским властям, участвовали в ополчении эйалетов и т.п. В XVI в. при подчинении Египта и ряда других арабских стран были созданы так называемые эйалеты с *сальяне* (т.е. ежегодными выплатами в казну и на содержание аппарата *бейлербея*). Свои отношения с центральными властями они строили по типу даннических или вассальных. Такой статус получили почти все территории, завоеванные или окончательно подчиненные османами в середине XVI и в начале XVII в.

Самой оригинальной особенностью османской административно-политической структуры были так называемые *миллеты* — автономные религиозно-политические образования иноверческого населения, пользовавшегося значительными правами внутреннего самоуправления. В XVI—XVII вв. было три миллета: *рум миллети* (византийский миллет), *яхуди миллети* (еврейский миллет) и *эрмени миллети* (армянский миллет). Первый из них объединял православное население Османской империи, второй — различные еврейские конгрегации (включая караимов и самаритян), третий — армяно-грегориан и последователей других восточно-христианских нехалкидонских конфессий (копты, яковиты, несториане). Все эти миллеты при условии признания верховной власти султана и уплаты подушной подати *джизье* пользовались полной свободой культа и самостоятельностью в решении своих общинных дел. Не имея определенной территории, эти своего рода церковно-конфессиональные государства обладали тем не менее всей полнотой внутреннего суверенитета. Другими словами, их суверенитет имел экстратерриториальный характер, т.е. распространялся не на население определенных территорий, а на определенные категории лиц независимо от их места жительства. Соответственно на одной и той же территории люди разных вероисповеданий подчинялись разным властям. Лишь в вопросах экономической и политической жизни решающее слово принадлежало мусульманскому государству.

Управление миллетом находилось в руках духовенства. Во главе его стоял *миллет-баши*. Это был патриарх православной церкви или, в других конфессиях, лицо, признававшееся верховным религиозным руководителем, например *гахам-баши*, считавшийся главным раввином империи. Миллет-баши был членом имперского совета, утверждался султаном и отвечал перед ним за состояние дел в миллете. Свои полномочия он

осуществлял совместно с диваном миллета, куда наряду с религиозными сановниками могли входить представители мирян. Миллет-баши назначал иерархов миллета, имел собственную казну, тюрьму, полицию, собирал налоги и различного рода пожертвования. В его руках были суд, школа, религиозные и благотворительные учреждения. Судопроизводство основывалось на законах и обычаях миллета (византийский свод законов XIV в. и каноны церкви у православных, *галаха* у евреев, Кормчая книга Кирилла III у коптов и т.д.). Эти законы регулировали всю сферу семейно-брачных отношений, имущественное право, другие гражданские и ряд уголовных дел.

Наконец, следует отметить, что в ряде эйалетов по образцу миллетной системы строились отношения между османскими властями и местными религиозно-этническими меньшинствами (язиды, друзы, андалусцы, или мусульмане-испанцы, и т.п.). При переходе под власть Османской империи им были предоставлены права внутреннего самоуправления, аналогичные правам миллетов.

Текущее управление империей шло по двум линиям власти: военно-политической и шариатской (кадийский, или религиозно-судебный, аппарат). Главой военно-политической власти являлся великий везир, на уровне эйалета — *бейлербей* (с 1590 г. — *вали*), далее — *санджакбей* и *субаши* (воевода). Каждый из них отвечал за порядок и безопасность на своей территории, за соблюдение законности и за своевременное выполнение обязательств перед государством. Гражданское управление — прежде всего контроль за хозяйственной деятельностью и соблюдением принципов шариата, а также суд, школа, религиозный культ и благотворительность — находилось в руках мусульманского духовенства. Во главе его были *шейх уль-ислам* и три *казиаскера*, стоявшие во главе автокефальных шариатских организаций (Анатолии, Румелии и Египта). На уровне эйалета шариатскую власть возглавлял главный кадий (*кади аль-кудат*, или шейх уль-ислам провинции), в санджаках и крупных городах (*шехир)* — старший кадий. На низовом уровне — кадии малых городов (*кудат аль-касабат)* и сельских нахий (*кудат ан-навахи*). Последние нередко объединяли под своей властью две-три нахии, и тогда кадийские округа (*каза*) составляли как бы промежуточную инстанцию между санджаком и нахией (*субашилыком*). Высшие сановники назначались султаном: бейлербеи — на три года, главные кадии — на один год. Бейлербей был председателем дивана эйалета и утверждал его решения, кадий — заместителем. Он обнародовал принимаемые решения и тем самым обладал правом вето в случае несоответствия этих решений принципам шариата.

Особой отраслью управления была финансово-налоговая служба во главе с *баш дефтердаром*. В эйалетах он имел своих представителей — дефтердаров провинций. Им подчинялись дефтердары санджаков и управляющие казенными имуществами крупных городов (*шехир эмины*), а также начальники специализированных ведомств: казначейства (*хазинэ*), палаты учета доходов (*рузнаме*), палаты тимаров и палаты казенных имуществ, отвечавшей, в частности, за деятельность начальников

(эминов), управлявших городскими и сельскими *мукатаа*. Если мукатаа (т.е. земли, различное имущество и т.п.) оставались непосредственно в ведении государства (а не передавались на откуп), то они именовались *хавасси хумайюн* (имперские имения) или просто *эманеты*. Таким образом, в руках дефтердаров и подчиненных им служб находился весь огромный бюрократический аппарат, ведавший сбором, учетом и распределением материальных ресурсов государства.

Базовой ячейкой османской социально-политической структуры были самоуправляемые территориально-производственные коллективы, или общины (*таифа*). Во главе их стояли *шейхи*, избиравшиеся под контролем, а то и просто назначавшиеся местным кадием. Шейхи опирались на советы старейшин. Наиболее важные вопросы выносились на утверждение общего собрания или схода всех членов коллектива. Эта система общинного самоуправления распространялась на все сферы профессиональной деятельности. Были крестьянские общины (*таифа*, *джемаат*), торгово-ремесленные корпорации, или цехи (*таифа хирафийя*, *аснаф*), объединения купцов (*таифат ат-тудджар*) и даже войсковые товарищества, существовавшие во всех частях традиционной османской армии и флота. Войсковая таифа (или джемаат) ведала хозяйственно-бытовыми вопросами воинской жизни, избирала командиров низшего и среднего звена и представляла интересы военных перед властями. Торгово-ремесленные корпорации и крестьянские товарищества занимались непосредственной организацией производственно-трудового процесса, разрешали конфликты внутри коллектива и обеспечивали социальную защищенность своих членов. Они несли солидарную ответственность («круговая порука») за уплату налогов и выполнение других повинностей перед государством. Систему автономных самоуправляемых коллективов дополняли кочевые и полукочевые племена, родо-племенная организация которых легко вписывалась в общую корпоративную структуру империи. С этой точки зрения османское государство представало как необъятный мир сравнительно мелких самоуправляемых общин, находившихся под покровительством и контролем имперских властей.

В деревне, особенно в Анатолии и балканских провинциях, контрольные и административно-полицейские функции государства выполняли *сипахи-тимариоты*. Помимо военной службы они были обязаны следить за порядком, осуществлять надзор за соблюдением правил землепользования, за своевременным выполнением полевых работ и за сбором налогов. В хассовых деревнях аналогичные организационно-хозяйственные функции выполняли эмины, в случае необходимости прибегавшие к помощи кадия и субаши. В XVI в. в тимарной системе произошли значительные изменения. Раздача тимаров подверглась жесткой централизации и регламентации. Тимары стали предоставляться только на основании султанских *бератов* (жалованных грамот) с учетом официальной доходности мукатаа. С этой целью османские власти периодически, обычно раз в 30—40 лет, производили переписи всех мукатаа, в том числе земельных угодий и податного населения. На основании этих перепи-

сей составлялись кадастровые книги (*дефтеры*), отдельно по каждому санджаку. Дефтер предварялся *канун-наме*, в котором фиксировались ставки налогов, таможенных и базарных пошлин, а также права и обязанности тимариотов, эминов, *амилей* (различных управляющих и сборщиков налогов), а нередко и чиновников более высокого ранга.

При первых переписях во вновь присоединенных землях, как правило, сохранялись те рентные формы и платежи, которые сложились в них до завоевания. На Балканах и в дунайских странах им давались принятые у мусульман налоговые наименования (такие, как *ушр*, *харадж*, *ресм-и чифт* и т.п.). Например, после включения в состав Османской империи земель бывшего Венгерского королевства был введен налог джизье в размере одного флорина с человека. Однако этот один из самых традиционных шариатских налогов был по сути не чем иным, как той подушной податью, которая именно в таком размере взималась венгерским казначейством до османского завоевания, т.е. по существу налог лишь поменял свое название.

Составление дефтеров и канун-наме было в основном завершено при султане Сулеймане I, вошедшем в историю под именем Кануни («Законодатель»).

Общий уровень рентно-налоговых платежей, которые взимались с податного населения (*реайя* или *райаты*), был примерно одинаковым для всего западно-анатолийско-балканского региона, где закладывались основы социальных отношений османского общества. В сравнении с рентно-налоговой эксплуатацией, которая существовала в этом регионе до османского завоевания, ее уровень был несколько ниже. Полностью видоизменялись отработочные повинности крестьянства. Они, как правило, составляли теперь три дня в году. На некоторые группы крестьянского населения возлагалось постоянное выполнение отдельных повинностей, например починка дорог, охрана переправ и перевалов и т.п. За это они освобождались от уплаты всех или части налогов.

При Сулеймане Кануни этот общеосманский уровень налогообложения, хотя и с сохранением некоторых местных особенностей, был распространен на Восточную Анатолию и Месопотамию. Об этом просили местные жители, так как та система налогообложения, которая оставалась здесь от государства Ак Коюнлу, была более тяжелой. Были значительно снижены налоги в странах Северной Африки, особенно в Алжире, где они составляли около 2% валового дохода крестьянского хозяйства. Следует также отметить, что во всех частях Османской империи не было крепостного права, никаких форм личной зависимости. В целом, как свидетельствуют очевидцы, крестьяне здесь в XVI в., а зачастую и в XVII в., жили лучше, свободнее, чем в сопредельных странах Западной Европы.

Власть и права эминов, амилей и тимариотов строго ограничивались. Ничего нельзя было брать сверх тех платежей, которые указывались в бератах и канун-наме. В отличие от высших сановников, имевших права на «особые» (*хасс*) ренты, рядовые сипахи получали сравнительно небольшие доходы. В XVI в. средний размер тимарной ренты не превышал

годового заработка каменщика или плотника (3—4 тыс. акче). Правда, в дополнение к ренте тимариот имел право на получение пахотных и сенокосных угодий в размере одного *чифта* (полного надела члена крестьянской общины), а также пользовался приусадебным участком, общинным выгоном, гумном и т.п.

Первоначально (см. т. II) тимары предоставлялись лишь воинам-кавалеристам и их военным командирам (*заимам*), получавшим так называемый *зеамет*, т.е. большой тимар с доходом свыше 20 тыс. акче. Однако в XVI в. наряду с сипахи к налоговым доходам стали приобщаться чиновники центрального государственного аппарата, высокопоставленные слуги султанского двора и некоторые категории кадиев, начавшие получать в дополнение к денежному жалованью и тимарные ренты.

В османскую эпоху все земельные и водные ресурсы считались собственностью *уммы* (сообщества мусульман), выступавшей в двух формах: государственной (*мири*) и вакфной. В 1528 г. на долю земель мири приходилось 87% всех обрабатываемых площадей, на долю вакфов — 13%. Мюльковых земель практически не было. В эйалете Анадолу, например, в 1520—1535 гг. владельцы мюльковых участков в сельской местности составляли 0,6% всех налогоплательщиков, проживавших в 66 деревнях из 11278. Доходы с земель мири шли либо непосредственно в казну (при эманете), либо в распоряжение различного рода рентополучателей (хасс, зеамет, тимар и т.п.).

В 1528 г. в целом по империи из 437 929 006 акче государственных доходов 51% приходился на эманеты и соответственно 49% составляли децентрализованные изъятия, в том числе 37% собственно тимары. По отдельным провинциям удельный вес тимарных и других служебных пожалований был далеко не одинаков. Больше всего он был в пограничных («прифронтовых») районах и в местах традиционного расквартирования сипахийских ополчений. В Египте, например, в 1528 г. на служебные ренты приходилось только 14% государственных доходов, в Сирии и Румелии — по 52, в Верхней Месопотамии — 69, а в Анатолии — 74%, в том числе 56% собственно тимары. Из этого можно сделать вывод, что в Румелии, Сирии, Месопотамии и особенно в Анатолии тимары были главным административно-организующим фактором в сфере рентно-налоговой системы и сельского управления. В Египте, Йемене и странах Северной Африки преобладали государственно-бюрократические формы управления крестьянством.

Социальная структура османского общества была типична для восточной деспотии. Все подданные султана были равны или, что то же самое, бесправны перед лицом верховной власти. В отличие от Западной Европы в Османской империи не было дворянства или какого-либо другого благородного сословия. Не было свободы, никаких личных прав и привилегий. Не было понятий о чести и личном достоинстве, о суде пэров и т.п. Правда, в массовом сознании существовали представления об иерархичности социальной структуры, о знатности и аристократизме. Обычно они связывались с древностью рода, с социальным происхождением или занятием отдельных лиц, с их культурным уровнем, поведени-

ем и стилем жизни. Особым престижем пользовались потомки пророка (*сейиды* и *шерифы*), а также лица, которые вели происхождение от различного рода мусульманских «святых», от сельджукских или мамлюкских султанов, от беев-гази и т.п. Однако все эти различия, существовавшие на уровне обыденного сознания, не закреплялись действующими нормами права. Другими словами, в османском обществе не было сословий, т.е. формально признанных общественных групп, объединявших людей на основе общности социального положения, прав и обязанностей, вытекающих из их происхождения. По османским понятиям, все люди были одинаковы от рождения. У них не было и не могло быть никаких преимуществ, связанных с кровью, а их достоинство не могло передаваться по наследству.

Теоретически, в доктринальном плане, османские писатели — большей частью авторы социально-дидактических трактатов — делили османское общество на четыре «класса», или «разряда» (*аснаф*): духовенство (*улама*), военные (*аскери*), мещанство (*ан-нас*) и крестьянство (*реайя*). К последнему иногда относили *зиммиев* и даже рабов, довольно многочисленных в XVI—XVII вв. В это время рабы, в основном домашняя прислуга, были во всех более или менее зажиточных семьях. В связи с этим к концу XVII в. произошла определенная дифференциация понятий. Термин *реайя* (*райя*) постепенно перестал употребляться в применении к мусульманскому крестьянству и стал обозначать по преимуществу немусульманских подданных султана, приобретя в связи с этим некое социально приниженное значение.

Внешне, по своим социопрофессиональным признакам, указанные выше четыре «разряда» напоминали сословия. В действительности они не были таковыми, они не имели юридически закрепленного статуса и носили чисто отвлеченный, умозрительный характер. Это была социологическая абстракция. На деле, с точки зрения административно-судебной и налоговой практики, все подданные султана делились на два класса: военных (аскери) и податных (реайя). Это деление довольно четко проявило себя в законодательных актах Мехмеда II и Сулеймана I Кануни, а также в структуре судебных органов. В каждой *махкаме* (судебной палате при кадии) имелось два отдела: военный отдел (*кисма аскарийя*) и обычный отдел, в арабских странах нередко именовавшийся просто «арабский отдел» (*кисма арабийя*). В одном рассматривались дела «военных», в другом — всех прочих обывателей.

Эти два «класса» османского общества различались не правами, а обязанностями. К первому «классу» относились профессиональные воины-мусульмане, духовенство, прежде всего кадии и их аппарат, а также чиновники государственных канцелярий. Их основной обязанностью была служба государству, освобождавшая их от уплаты налогов. Ко второму «классу» относились мещанство и крестьянство, включая христианских подданных султана. Их главная обязанность заключалась в уплате налогов. Одним словом, первые являлись «управляющими», вторые — «управляемыми».

Как и во всякой деспотии, «управляющие» составляли господствующий класс. На рубеже XVI в. в его составе произошли значительные из-

менения. Во второй половине XV — начале XVI в. старые газийские роды и сипахийская верхушка утратили ведущее положение в государстве. На первый план выдвинулся новый слой — «рабы (августейшего) порога» (*капыкулу*), т.е. воины и чиновники, подчиненные непосредственно султану, «государевы холопы». Первоначально они рекрутировались из перебежчиков и военнопленных, принявших ислам и добровольно поступивших на службу к османам. Однако к XVI в. главным поставщиком капыкулу стало так называемое *девширме* — ранняя рекрутская повинность (ее называли иногда «налогом кровью»), падавшая на детей христиан, в основном Румелии. Мальчиков в возрасте 9—14 лет отрывали от родителей, обращали в ислам, отдавали в турецкие семьи разного материального достатка для обучения «турецкому языку и рабскому служению». Через несколько лет их снова собирали и помещали в специальную школу при дворце. Там «чужеземные мальчики» (*аджеми огланы*) подготавливались к военной или гражданской службе. Из них формировались армейские части, состоящие на жаловании у султана, среди которых особую известность получили пехотные войска — османские стрельцы (*янычары*). Из этой же категории лиц выходили многие чиновники центрального управления.

Наличие такой прослойки в армии и управленческом аппарате придавало своеобразие всей османской социальной структуре. Лично зависимые от султана, чуждые окружающему их обществу, а порой и презираемые им, капыкулу оказывались наиболее преданными режиму. Они всегда находились в распоряжении властей и были призваны защищать государство от всех внутренних и внешних врагов. Наличие такого института в Османской империи способствовало усилению деспотических начал в османской государственной структуре, порождало конфликты внутри османского господствующего класса, препятствовало его превращению в закрытый феодальный класс.

Верхушка капыкулу, или аристократия-девширме, как ее называют некоторые турецкие авторы, в качестве жалования за должности в дворцовой или государственной службе получала тимарное рентное обеспечение в форме хассов и арпалыков. Эти пожалования были неразрывно связаны с определенной должностью и, следовательно, не наследовались, как сипахийские владения, а передавались преемникам по должности. Размеры их намного превышали тимарные пожалования сипахи. В отличие от сипахи капыкулу не были связаны с местным населением, не проживали в своих тимарах и смотрели на них как на временный источник дохода, который мог меняться по мере продвижения по служебной лестнице. Следовательно, по сравнению с тимариотами-сипахи они представляли собой более паразитический и оторванный от хозяйственной жизни слой османского общества. Между тем на протяжении XVI в. происходило перераспределение тимарного фонда в пользу капыкулу. Для тимариотов-сипахи и даже их командиров с укреплением института капыкулу сокращались возможности для получения новых тимаров да и для продвижения к высшим должностям при дворе и в правительстве.

Выходцы из капыкулу стали занимать все высшие должности в государстве, вплоть до великих везиров, причем многие из государственных деятелей-капыкулу выступали как ставленники определенных социальных или этнических групп османского общества. Так, некоторые тюркские роды, ведшие свое происхождение от беев-гази, действовавших на Балканах в XIV — начале XV в., ко второй половине XV в. утратили свои позиции, но, действуя через капыкулу, которые были воспитаны в их семьях, сумели сохранить некоторое влияние на имперскую политику. Так же действовало и султанское семейство. В частности, особое распространение получило назначение на посты великих везиров многочисленных султанских зятьев (*дамадов*), происходивших из капыкулу. Пользовались этим институтом и многие христианские семейства, которые через девширме внедряли своих представителей в османскую правящую элиту. Например, выходец из капыкулу, знаменитый великий везир трех султанов — Сулеймана I, Селима II и Мурада III, султанский дамад Мехмед Соколлу происходил из известного сербского рода Соколовичей. Процветанию этого рода в XVI—XVII вв. несомненно способствовало то обстоятельство, что его представитель находился в ближайшем окружении султана.

На базе девширме формировались наиболее боеспособные части османской армии, содержавшиеся за счет казны. Это прежде всего полки янычар, шесть конных корпусов султанских сипахи, артиллеристы (*топчу*), минёры, саперные части и основные силы османского флота. С конца XV в. эта армия капыкулу стала составлять главную ударную мощь османских вооруженных сил. Ее численность постоянно росла. Тимарные сипахийские ополчения утрачивали сколько-нибудь серьезное военное значение. Устарели их организация, тактика и вооружение. Тимариоты не владели порой даже огнестрельным оружием. На протяжении XVI—XVII вв. неоднократно предпринимались попытки реорганизации этого войска. С конца XVI в. провинциальные паши, наряду с сипахийским ополчением, начинают формировать и свои собственные наемные воруженные силы, известные под разными названиями — *секбаны*, *левенды*, *делии* и т.д.

Содержание растущей армии капыкулу, флота и наемных войск требовало все больших расходов. Они тяжелым бременем ложились на податное население и поставили под угрозу экономическое равновесие государства.

Османская империя имела аграрную экономику нерыночного типа. Регламентация и контроль сдерживали свободное развитие производительных сил. Тем не менее установление османской законности и порядка, прежде всего обуздание кочевников и ликвидация бесконтрольной власти мелких феодальных владетелей, привело к некоторому оживлению крестьянской жизни. На время был приостановлен процесс деградации и обезлюдения деревни. Вплоть до 80-х годов XVI в. отмечались увеличение сельскохозяйственного производства и рост численности населения. В XVI в., по оценке турецкого историка О.Л.Баркана, оно увеличилось в целом на 40%. Появилось большое число новых деревень

и выселков. В Верхней Месопотамии, например, количество крестьянских дворов в 1528—1548 гг. выросло на 54%. Был введен ряд новых сельскохозяйственных культур, в том числе завезенных из Америки. Наибольшее значение имело внедрение кукурузы, довольно быстро распространившейся почти во всех провинциях Османской империи.

Значительно хуже обстояло дело в городских секторах экономики, прежде всего в сфере торговли. Османский город находился в полной зависимости от государства. Его общественная и хозяйственная жизнь целиком контролировалась шариатской властью. Города не имели ни самоуправления, ни муниципального устройства. Кадий был подлинным хозяином города. От него зависели шейхи торгово-ремесленных корпораций, он устанавливал объемы производства, регулировал ввоз и вывоз товаров. Кадий и его службы осуществляли надзор над разверсткой и сбором налогов, контролировали вакфные учреждения, устанавливали цены на основные потребительские товары, организовывали общественные работы, фиксировали жалобы частных лиц, доносили о них центральным властям и на основании полученных директив давали ответы.

В городах без специального разрешения кадия нельзя было открыть лавку или мастерскую. Ими же вырабатывались нормативы на те или иные изделия и, главное, устанавливались цены почти на все товары широкого потребления и продукты питания. При этом учитывались сезонность, транспортные расходы и даже возможная прибыль торговца, которая не должна была превышать 10%, лишь в редких случаях 20%. В соответствующих дефтерах фиксировались пути и размеры поставок тех или иных продуктов. Система лицензий, льготных цен и налогов тяжелыми путами сковывала всю сферу торговли. Самые старые канун-наме, устанавливавшие цены-нормативы, были изданы в 1501 г. Некоторые цены, не подверженные сезонным изменениям, устанавливались на длительные сроки, на десятилетия, а на ряд товаров поддерживались почти столетиями.

Целью регламентации цен, торговли и ремесленного производства была постоянная забота о повседневном снабжении крупных городов, и особенно Стамбула. По шариату, главная забота правителя процветающего государства должна была состоять в обеспечении регулярного и достаточного поступления товаров на рынок. Отсюда проистекала и османская концепция внешней торговли. Поощрять следовало прежде всего ввоз товаров. Каких-либо протекционистских представлений в отношении собственного производства в экономических воззрениях османских правителей того времени не существовало.

Известно, что начиная с 1535 г. велись переговоры о торговых привилегиях французских купцов в Османской империи. Такое соглашение, предоставившее им на территории империи льготные условия для торговли (низкие ввозные пошлины, право экстерриториальности, освобождение от налогов), было впервые подписано с Францией в 1569 г.

Несколько позже аналогичные соглашения, получившие название *капитуляции* («главы», «статьи»), были заключены и с другими европейскими странами. Капитуляции сыграли отрицательную роль в судьбе

Османской империи, создав в дальнейшем благоприятные условия для установления ее экономической зависимости от европейского капитала. Однако в XVI—XVII вв. это были соглашения, дававшиеся как милость султана, они действовали лишь в период правления подписавшего их османского правителя. У каждого следующего султана европейские послы должны были снова добиваться согласия на подтверждение капитуляций.

Значительного поощрения султанских властей была удостоена транзитная торговля. К концу XV в. Османская империя полностью контролировала малоазиатский участок важнейших караванных путей, по которым издревле шли азиатские товары в Европу. Это Шелковый путь и маршруты пряностей. Выгода от обслуживания торговых путей и сбора таможенных пошлин традиционно считалась азиатскими властями наиболее важной статьей государственных доходов. Включение османов в мировую посредническую торговлю пряностями хронологически совпало с активизацией на этом поприще португальцев, открывших морской путь в Индию (1497—1498). Османы всячески поощряли традиционную караванную торговлю. При возраставших потребностях Европы в пряностях караванная торговля еще долго сосуществовала с морской. Более того, доходы от нее, получаемые османскими властями, продолжали расти. Так, сбор таможенных пошлин в анатолийском центре транзитной торговли г. Бурсе с 1487 по 1582 г. вырос в 4 раза (без существенного изменения размеров обложений). Меняются, однако, контрагенты этой торговли. Более активно стали действовать представители народов, населявших Османскую империю (армяне, греки, евреи, арабы, турки). Они оттеснили венецианцев, а несколько позднее флорентийцев и генуэзцев. В Европе из-за соперничества с Венецией и Португалией потоки пряностей сдвинулись на северо-восток. Все большее значение начали приобретать торговые пути, шедшие через Молдавию, Львов, Крым. Возрастало значение связей с Восточной Европой, и в частности с Россией.

Экономическое равновесие Османской империи было опрокинуто «революцией цен», связанной с наплывом на Восток американского золота и серебра. В отличие от Западной Европы здесь она имела более тяжелые последствия. Это объяснялось рядом факторов, наложившихся на процесс инфляции. Прежде всего это быстрый рост населения (в городах на 80%), значительно обгонявший темпы роста сельскохозяйственного производства, нерыночный характер экономики, не имевшей достаточно эффективного механизма саморегулирования, а главное, непомерные военные расходы, связанные с политикой мировой экспансии. В этих условиях рост цен, начавшийся в 80-х годах XVI в. (в арабских провинциях на 10—15 лет раньше), поставил перед властями неразрешимые задачи. К началу XVII в. цены на продукты питания в Стамбуле, Бурсе и Эдирне увеличились в шесть раз. В Йемене месячного жалованья янычар едва хватало на покупку кофе. В 1584 г. правительство попыталось провести денежную реформу, уменьшив содержание серебра в акче с $^1/_5$ до $^1/_8$ дирхема. Эффект реформы быстро исчерпал себя, и курс акче стремительно полетел вниз. Если в 1582 г. за испанский реал давали

еще 60 акче, то в 1595 г. — 120, а в 1609 г. — 160 акче (на черном рынке 300 акче за реал, в Йемене — до 3 тыс.). К 1630 г. османская денежная система не выдержала напряжения и полностью развалилась. Даже внутри османского экономического пространства крупные платежи стали рассчитываться и производиться в испанской валюте (реал, пиастр), которая вытеснила османскую монету с внутренних рынков империи.

Действуя через рычаги государственного контроля и регулирования, правительство сумело сохранить соотношение цен, особенно на товары первой необходимости, но не смогло сдержать сам процесс обесценения денег. Это имело роковые последствия. Прежде всего изменился социальный климат в империи. Инфляция тяжело ударила по всем слоям османского общества, но особенно по тем, которые жили на фиксированные доходы. Пострадали тимариоты, ренты которых обесценивались одновременно с деньгами. В еще более тяжелом положении оказались чиновники государственного аппарата и армия капыкулу. Не имея других источников дохода, кроме обесцененного жалованья, чиновники стали прибегать к массовым злоупотреблениям. Коррупция, которая со времен Сулеймана I процветала в верхах, дошла до самых низов османской администрации и приобрела всеобщий характер. Даже султан Мурад III, говорили, не гнушался брать взятки. Вслед за верхами и чиновничеством разложение охватило полки капыкулу. Солдаты стали заниматься торговлей и ремеслом. От железной, почти римской дисциплины, царившей в армии капыкулу до 1584 г., ничего не осталось. В 1589 г. янычары совершили первое вооруженное выступление в столице. В 1592 и 1603 гг. волна мятежей захлестнула образцовые корпуса султанских сипахи.

Наступил кризис власти. Его начало современники, а затем историческая традиция обычно связывают с убийством великого везира Мехмеда Соколлу (октябрь 1579 г.). Его смерть открыла эпоху политической нестабильности. В 1579—1595 гг. сменилось десять великих везиров и семь руководителей шариатского аппарата. До предела обострилась традиционная борьба верхушечных кланов. С середины XVI в. у них установились тесные связи с гаремом, который со времен Рустем-паши (1544—1561) стал одним из наиболее серьезных факторов, определявших ход государственных дел. Уже при Сулеймане I Кануни в борьбе за влияние на султана вместе с принцами активное участие стали принимать дамады-капыкулу и султанские жены. Одна из них, Хуррем-султан (Роксолана, галичанка по происхождению), чары которой сохраняли свою силу до самой смерти падишаха, участвовала в дворцовых заговорах и способствовала смещению великих везиров. Добившись казни одного из наследников, Мустафы (сына Гюльбахар-султан), она активно продвигала на престол своих сыновей. Борьба политических группировок за влияние при дворе имела отклик в османском обществе. За Мустафой, бывшим наместником в Амасье, шли сипахи, беи тюркских племен и даже низы анатолийского населения, недовольные засильем выходцев из девширме. После казни принца объявились два самозванца, вошедшие в историю под именем Дёзме Мустафа (Лже-Мустафа) и поднявшие восстание в Румелии. Затем те же силы (тимариоты, улемы) поддержали

младшего сына Хуррем-султан — Баязида, также поплатившегося за это головой.

Борьба за власть закончилась победой капыкулу и воцарением после смерти Сулеймана I Селима II (1566—1574). При его преемнике Мураде III (1574—1595) решающее влияние при дворе приобрела Сафийе-султан, венецианка по происхождению. Не без ее содействия итальянские ренегаты оттеснили в высших эшелонах власти славянских выходцев из капыкулу. С помощью своих ставленников Сафийе-султан продолжала сохранять влияние и после смерти Мурада III, обеспечив трон своему сыну Мехмеду III (1595—1603) — первому султану, который открыто признал наличие глубокого кризиса в стране. В *адалет-наме*, изданном Мехмедом III при вступлении на престол, отмечалось, что справедливость и законность, царившие при Сулеймане I, отброшены и забыты, а различного рода несправедливые новшества вошли в практику государственного управления.

На рубеже XVI—XVII вв. в Османской империи воцарилась атмосфера анархии и безначалия. Приказы и распоряжения властей не выполнялись. Коррупция и разброд в правящих кругах, гаремные интриги и борьба кланов, опиравшихся на армию, привели к небывалому падению авторитета султанской власти, «центра» вообще. Начиная с Селима II всех последующих султанов большинство историков склонно характеризовать как бездарных правителей, изнеженных сибаритов и безвольных воспитанников гарема. С 1589 г. решающее слово получили янычары. Подобно преторианской гвардии, они начали назначать и смещать дефтердаров, везиров и даже султанов. В большинстве провинций янычарские очаги стали наиболее влиятельной силой, а кое-где превратились в настоящие правящие «партии».

Ослабление центральной власти имело катастрофические последствия для единства империи. Отдельные провинции, земли и вассальные княжества старались обособиться от Стамбула и встать на самостоятельный путь развития. В конце XVI в. эти центробежные тенденции нашли благодатную почву в растущем недовольстве масс. Простой люд утратил веру в своих правителей. В условиях идеологического вакуума, не видя никаких перспектив, он обратился к самым диким и разнузданным формам протеста. В большинстве случаев они выливались в обыкновенный бандитизм, лишь иногда сливаясь с более политизированными движениями, выступавшими под флагом возрождения местных традиций.

В целом все это привело к небывалому росту массовых насилий, разбоев и локальных восстаний, которые на рубеже XVI—XVII вв. охватили всю территорию Османской империи. На Балканах действовали ускоки, клефты и гайдуки — одиночные народные мстители, представлявшие собой своего рода партизанское движение, направленное против всех и всяческих властей, но пользовавшееся, как правило, поддержкой местного населения. Аналогичная ситуация была в Малой Азии и арабских странах. В 1590—1600 гг. волна бандитизма охватила здесь все провинции и регионы. Из-за разбоев на дорогах купцы боялись выезжать в одиночку. В Алжире, Сирии и Ираке в 1596—1610 гг. царила атмосфера

бунта и полного безначалия. В Кербеле в 1604 г. местные жители целиком вырезали турецкий гарнизон. В Йемене, аль-Хасе и других аравийских землях османская власть фактически пала. Укрепленные форты были разрушены, османские гарнизоны укрылись в нескольких приморских крепостях. В 1591 г. в Тунисе, затем в Западном Триполи янычары при поддержке городской бедноты захватили власть. Установленные здесь режимы «военной демократии» в конечном счете привели к возникновению самостоятельных государственных образований (в Тунисе в 1594 г., в Западном Триполи в 1603 г.) во главе с *деями* — выборными янычарскими правителями, лишь номинально считавшимися с прерогативами османских пашей. В Алжире аналогичный режим сложился в 1659—1671 гг. В Египте в 1587—1605 гг. произошло пять янычарских мятежей. В 1609 г. восставшие мамлюки захватили г. Танту (Нижний Египет) и попытались провозгласить здесь создание независимого мамлюкского султаната. В Сирии и Ливане успешные восстания друзских эмиров Али Джумбулата в 1602—1607 гг. и Фахр ад-Дина II в 1598—1613 гг. привели к созданию недолговечных самостоятельных государств со столицами в Халебе и Бейруте. В 1618—1635 гг., пользуясь поддержкой папы, Фахр ад-Дин II вторично пришел к власти и значительно укрепил связи Горного Ливана со Св. Престолом, установленные в 1578 г. На севере наиболее крупные восстания произошли в дунайских вассальных княжествах, возглавляемые их *господарями* (Молдавии в 1572—1574 гг., Валахии в 1594—1601 гг., Трансильвании в 1594 г.). В 1598 г. вспыхнуло восстание в г. Тырново, выдвинувшее лозунг восстановления болгарского государства.

Наибольшую опасность для султана представляли волнения, охватившие армию и собственно турецкие земли империи. В условиях безначалия сипахи-тимариоты не справлялись со своими административно-полицейскими, а главное, с военными обязанностями. Армия, особенно ополчения из Анатолии, как это было в войне с Австрией (1592—1606), не успевала за теплый период года даже собраться к театру военных действий, шедших на пределе оперативных возможностей сипахийской конницы. Традиционно собирая армию каждую весну и распуская на зиму, османское командование не могло добиться успеха за короткий летний период на столь отдаленном театре военных действий.

В 1596 г., после битвы под венгерским городом Керезтешем (Хачова), в османском войске была организована проверка сипахийской кавалерии, выявившая отсутствие многих анатолийских тимариотов. В наказание по приказу великого везира Синан-паши, генуэзца по происхождению, около 30 тыс. тимариотов были лишены своих тимаров. Это не поправило положения, но вызвало массовое восстание в Анатолии, у которого не было конкретного противника. Все воевали против всех. Сипахи и *чифтбозаны*, т.е. бывшие тимариоты и безземельные крестьяне, боролись за возвращение былых порядков. Виновниками их нарушения они считали султанское окружение, и особенно складывавшуюся на основе девширме аристократию-капыкулу. Поэтому в восстаниях конца XVI — начала XVII в. начинают проявляться не только социальные, но и

этнические моменты. Автор одного из социально-дидактических трактатов того времени, Кочи-бей, писал даже, что всем в империи управляют иностранцы (*эджнеби*) и в этом одна из причин имперских трудностей.

Восстание в Анатолии положило начало «джелялийской смуте», продолжавшейся с 1596 до примерно 1658 г. Первыми и наиболее опасными были восстания Кара Языджи и Дели Хасана (1599—1603). Одновременно с ними действовало еще множество не подчинявшихся никому повстанческих отрядов. Восставшие неоднократно разбивали султанские войска, которые выступали против них. Возглавляли повстанцев профессиональные военные — сипахи. В отрядах было множество чифтбозанов, потерявших всякую надежду на получение земли. И сипахи, лишенные тимаров, и чифтбозаны юридически оказались деклассированными элементами, взявшимися за оружие, чтобы отвоевать себе некий социальный статус. Многие из них пытались найти службу у крупных пашей, занимавших ту или иную должность при султанском дворе или в султанской армии. Получалось так, что и восставшие, и действовавшие против них карательные отряды были сходными по своему социальному составу. Паши, бейлербеи и санджакбеи, действовавшие против джелялийцев, оказавшись не в состоянии выполнить какое-либо распоряжение султанских властей, переходили на сторону восставших вместе со своими наемниками.

В то же время и правительство неоднократно пыталось привлечь на свою сторону наиболее популярных руководителей джелялийцев, предоставляя им военно-административные должности и давая зеаметы. Так, пост санджакбея Чорума получил Кара Языджи, а Боснии — Дели Хасан. Правда, подобные пожалования не всегда прекращали восстание и не гарантировали бывшего джеляли от произвола султанских властей. Тем не менее они вносили разлад в ряды восставших и стирали грани социального разобщения между восставшими и теми силами, которые оставались верными правительству. В среде восставших действовали, к примеру, бывший бейлербей Хабеша Хусейн, беи Амасьи, Чорума, Сиваса, братья крымского хана. Эти беспорядки продолжались в Анатолии более девяти лет. Султанские власти смогли подавить их лишь после того, как правительство срочно пошло на заключение мира с Австрией (1606 г.) и получило возможность использовать против повстанцев регулярные силы. Однако отдельные выступления недовольных происходили в течение всей первой половины XVII в.

В ходе восстаний и массовых репрессий были опустошены многие сельские районы Анатолии. Большой ущерб был нанесен городам, разрушены их предместья и базары. Многие крестьяне бежали из своих деревень. Их земли прибрали к рукам новые хозяева, в большинстве своем бывшие джелялийские вожди или местная знать. В условиях значительного обескрестьянивания новые владельцы зачастую отказывались от земледелия и переходили к кочевому скотоводству.

В период джелялийской смуты государственные институты Османской империи оказались на грани катастрофы. По выражению турецкого исследователя И.Ортайлы, несмотря на блистательное владение всеми

приемами бюрократического манипулирования, правительство не могло справиться с надвигавшимся хаосом. Нужны были реформы, требовавшие новых подходов к решению проблем, вставших перед османским обществом в конце XVI в. Однако по этому вопросу в верхах не было единства. Часть стояла за более или менее радикальные преобразования, связанные с отходом от староосманских традиций, т.е. склонялась к тому курсу, который исподволь проводился еще при Мураде III. Большинство же выступало за восстановление доброго старого порядка, т.е. за сохранение и укрепление тех социально-экономических и политических институтов, которые сложились во времена Сулеймана I Кануни. На рубеже XVI—XVII вв. поклонники старины стали безмерно идеализировать времена Сулеймана как эпоху всеобщего благоденствия и процветания. Этот курс на реставрацию староосманских порядков встречал поддержку большинства населения, во всяком случае наиболее консервативных слоев османского общества, прежде всего крестьянства, янычар и тимарных сипахи.

В этих слоях забвение старых законов и обычаев вызывало подозрительность и недоверие. Любые попытки отступить от них немедленно блокировались всемогущим духовенством и стоявшим за ним народом, как это, например, случилось в период короткого правления Османа II (1618—1622). Едва придя к власти, он попытался изменить основы османской государственности, прежде всего резко ограничить власть мусульманского духовенства. С этой целью он задумал реформировать шейх уль-исламат и весь аппарат шариатской власти, перейти к единоличному формированию иерархии улемов. В первую очередь он хотел избавиться от влияния капыкулу, женщин гарема, опиравшихся на различные янычарские группировки. Для этого, как утверждают современники, он намеревался провести военную реформу, распустить янычар и сипахийские полки капыкулу и создать новое войско. Оно должно было формироваться за счет призыва в армию крестьян из мусульманских районов Анатолии и Сирии, частично за счет мамлюков. Во всем этом усматривали стремление Османа II тюркизировать армию и государственный аппарат, избавить их от засилья *эджнеби*. С этим же связывали его намерение перенести столицу в турецкую Бурсу или Анкару. В 1621 г. Осман II выступил против аристократии-девширме и под предлогом хаджа начал подготовку к отъезду из Стамбула. В ответ на это янычары, подстрекаемые духовенством, подняли восстание и на основании фетвы шейх уль-ислама низложили Османа II, затем подвергли его зверской и унизительной казни.

После гибели Османа II в Стамбуле возобладал прямо противоположный курс — политика традиционализма, подразумевавшая искоренение еретических «новшеств» и восстановление староосманских порядков. Однако утвердить их было непросто. При Мустафе I (1622—1623) и в первый период правления Мурада IV (1623—1640) в стране продолжалась борьба различных группировок капыкулу и отдельных провинциальных пашей, неоднократно угрожавших походами на столицу (например, в период восстания Абаза-паши в 1622—1628 гг.). В самом Стамбуле бес-

чинствовали различные вооруженные банды, грабившие, а то и убивавшие наиболее зажиточных горожан. Отдельные знатные люди и жители городских кварталов, вынуждены были сами заботиться о своей безопасности, используя наемников. Лишь во второй период правления Мурада IV традиционалисты добились решающего успеха. В 1631 г. султану была подана знаменитая «Записка» (*рисале*) Кочибея — подлинный манифест янычар, мелких тимариотов и других приверженцев старины, требовавших вернуться к «законности» Сулеймана I Кануни. Мурад IV благосклонно принял «Записку» и положил ее в основу своей политики. Командиры отдельных янычарских корпусов и лидеры различных группировок правящего класса подписали общий документ-декларацию о поддержке султана. С их помощью Мураду IV в сравнительно короткий срок удалось навести железный порядок. При содействии янычар и сочувствии широких народных масс было организовано массовое побоище участников вооруженных банд, радикальных сторонников реформ и других противников реставрации. Примечательно, что в это время посты великих везиров стали занимать, как правило, албанцы-мусульмане, вытеснившие из высших эшелонов власти итальянских ренегатов и выходцев из сербских кланов капыкулу.

Мурад IV сделал довольно успешную попытку восстановить тимарную систему как финансово-экономическую основу османской армии и администрации. Одновременно был ужесточен контроль над всеми слоями общества. Султану удалось избавиться от наиболее одиозных фигур в своем окружении, запятнавших себя коррупцией и другими злоупотреблениями. Происшедший в это время страшный пожар в Стамбуле (выгорела почти четверть этого огромного города) был объявлен знамением Аллаха, наказывавшего за отступления от шариата. Строжайшим образом были запрещены спиртные напитки, кофе, табак, закрыты все кофейни и питейные заведения, считавшиеся рассадниками вольномыслия. Более жестко стали соблюдаться конфессиональные различия в одежде и головных уборах. Усилились внутренний шпионаж, доносительство, слежка. Ходили легенды, что сам султан в простом платье тайно бродил по улицам, наблюдал за своими подданными, а затем строго карал их за всевозможные, даже мелкие нарушения. Успехи Мурада IV были недолговечными, но память о терроре того времени и одиозная фигура султана-шпиона надолго остались в народном сознании. Характерно, что после Мурада IV отпрыскам султанской фамилии долгое время не давали этого имени.

Смерть тирана привела к новому разброду в правящих кругах и вновь обострила борьбу за власть. При Ибрагиме III (1640—1648) возобновились выступления в провинциях, коррупция, продажи с торгов всех должностей в государстве. Снова усилилось влияние гарема. Кёсем-султан подозревалась даже в тайных сношениях с венецианцами в ходе начавшейся (с 1645 г.) войны за Крит. При дворе культивировалось стремление ко всевозможной роскоши, возникла мода на меха, в связи с чем усилилось значение торговли с Россией — главным поставщиком мехов. Свержение султана Ибрагима и возведение на трон семилетнего

Мехмеда IV (1648—1687) не решило проблемы. В стране продолжался хаос. Усилился процесс обесценивания денег, что вызвало в 1651 г. в Стамбуле одно из наиболее сильных городских восстаний. В провинциях правители эйалетов и их наемные войска выступали как грабители населения. Турецкий историк М.Акдаг называет это время периодом «разбоя пашей». Местная знать через кадиев и их службы пыталась найти защиту от этих чиновных разбойников у султана, что помогло султанскому окружению на время овладеть обстановкой. Подавление восстания в Стамбуле, конфискация имущества у ряда придворных, жестокие наказания за взятки позволили несколько стабилизировать финансовое положение. В 1652—1653 гг. была сделана даже попытка составить бюджет империи, в котором на год вперед были бы сбалансированы все расходы и доходы. Эта попытка, однако, не увенчалась успехом, а ее инициатор Торхунджу Ахмед-паша был казнен. В 1653—1656 гг. опять начался политический хаос.

Дополнительные трудности порождались затянувшимися военными конфликтами. Особенно тяжелой и кровопролитной была война 1623—1639 гг. с Ираном, который при шахе Аббасе I значительно усилил свою военную мощь. В ходе войны персы оккупировали Ирак и в течение 15 лет удерживали Багдад. Лишь благодаря неимоверным усилиям Мураду IV удалось на время взять Ереван (1635—1636), вернуть Месопотамию и Багдад (1638 г.). От некогда великого города остались нагромождения кирпичей — пристанище диких собак и нескольких десятков тысяч жителей. На западе на фоне конфронтации с Испанией шла непрерывная морская война, обострявшаяся во время конфликтов с Венецией из-за Далмации и Крита. Опираясь на укрепленные базы вдоль южного побережья Средиземного моря (самой сильной была неприступная цитадель г. Алжира), турецкие рейдеры наносили внезапные удары по торговым коммуникациям европейских стран. На севере постоянным фактором внешней политики было противоборство с Австрией и Польшей. Главным объектом борьбы были дунайские земли и Украина. После включения Левобережной Украины в состав Московского государства (1654 г.) сначала крымский хан, а с 1676 г. и Османская империя начали борьбу за Украину с Россией. По Бахчисарайскому миру 1681 г. империя вынуждена была признать присоединение Левобережной Украины и Киева к России.

Войны с Венецией 1645—1669 гг., с Россией 1676—1681 гг., Австрией 1663—1664 гг. и Польшей 1666—1672 гг. были успешными для Османской империи. Они укрепили ее военный престиж и позиции в Европе. Однако они не дали решающего перевеса, более того, истощили ее ресурсы. Все чаще давали о себе знать зловещие симптомы глубокого внутреннего неблагополучия, поразившего османское общество в конце XVI в.

В течение всего периода *тевакку́ф деври* османское общество не могло выйти из состояния застоя. Попытки гальванизировать староосманские институты при Мураде IV и его преемниках сделали положение совершенно безнадежным. Крестьянство — эта «казна падишаха» — лишилось

защиты и покровительства государства. Упал уровень благосостояния. Крестьяне и их общинные земли стали объектом посягательств со стороны власть имущих, прежде всего тимариотов, амилей и других местных мироедов. Нарушая социальный статус реайи, они стали незаконно присваивать крестьянские наделы. На бывшей крестьянской земле возникли так называемые *чифтлики*, владельцы которых, не изменяя юридического статуса земли, по-новому организовывали свое хозяйство. Путем концентрации наделов они создавали личные «поместья», которые обрабатывались трудом батраков и издольщиков.

Другим новшеством XVII в. явилось широкое распространение *ильтизама* — откупной системы взимания налогов. При этом, как и при создании чифтликов, *мультазимы* (откупщики) свои отношения с крестьянством стали строить на частноправовой основе. В последнее десятилетие XVII в., сначала на востоке Анатолии, а затем и по всей стране, откупа, как правило, стали пожизненными. Откупщики взамен уплаты государству установленных налогов получали право на «вознаграждение» и полную свободу распоряжаться оказавшимся в их руках земельным владением. В дальнейшем многие из откупов стали передаваться по наследству. Через откупную систему к эксплуатации земли и крестьянства приобщились торгово-ростовщические круги.

Во второй половине XVII в. владельцы чифтликов, откупщики, различные управители крупных чиновных хассов и арпалыков начали выступать как особый провинциальный класс, заменивший собой тимарных сипахи. Эта новая местная знать не была связана с государственной службой и вела себя более независимо по отношению к центру. Она получила название *аяны*. В ее ряды вливались также командиры янычар и других войск капыкулу, расквартированных в провинциях, в Румелии — отдельные представители старых фамилий беев-гази, сохранивших свои позиции благодаря вакуфной собственности. Еще в эпоху завоевания многие турецкие гази, опасаясь конфискаций, уже в первом поколении передавали захваченные ими земли в вакф, т.е. в собственность мусульманских религиозно-благотворительных учреждений. Владелец земли, обративший ее в вакф, получал по шариату наследственные права учредителя вакфа и определенный процент (чаще всего 20) отчислений в свою пользу от доходов пожертвованного в вакф имущества. Некоторые исследователи считают, что земельный вакф был, по сути дела, единственной в Османской империи категорией частного землевладения. Именно вакуфы, несмотря на господство принципа государственной собственности на землю, позволили сохранить на протяжении веков экономические позиции потомкам первых беев-завоевателей, действовавших на Балканах одновременно с османами, ряда высших военно-административных чинов и придворных служителей. Формы эксплуатации крестьянства в вакуфных владениях и на государственных землях несколько отличались друг от друга. В частности, в вакуфах длительное время эксплуатировались наиболее обездоленные и зависимые категории крестьянства, зачастую бывшие рабы, военнопленные и бродяги. Вакуфная администрация как постоянный хозяин была больше, чем тимариот

или заим, заинтересована в интенсификации хозяйства на своих землях. Именно вакуфное хозяйство было больше и раньше, чем другие, ориентировано на рынок, а владельцы вакфов, вливаясь в ряды аянства, возрождали к новой жизни, казалось бы, уже ушедшие в небытие старые аристократические фамилии и бейские роды.

Позиции аянства укреплялись по мере разложения старых социально-политических структур. Последней и наиболее серьезной попыткой остановить их распад была политика традиционализма, которую проводили великие везири из семейства Кёпрюлю. Им удалось установить относительно твердый порядок, ознаменовавший очередной и наиболее длительный период (1656—1683) стабилизации. Султан Мехмед IV (1648—1687), занятый охотой и гаремными развлечениями, передал везирам всю полноту власти, обещав полное невмешательство в их деятельность. Кёпрюлю по происхождению были албанцами одного из последних наборов девширме. Первый из этой династии везиров, Мехмед-паша (1656—1661), прошел длительный путь службы в провинциальных янычарских гарнизонах, был санджакбеем и бейлербеем, многие годы служил при дворе. Это был не выскочка-временщик, а чиновник старого закала, хорошо знавший и военную и придворную службу. Сын его, второй везир Фазыл Ахмед-паша (1661—1676), был к тому же мусульмански хорошо образован, в молодости он мечтал быть улемом. Жесткими полицейскими мерами везиры Кёпрюлю сумели еще раз заставить работать тимарную систему, сбалансировать бюджет, назначить своих людей на все ключевые должности при дворе, в важнейшие провинции государства и даже в руководство миллетов. Однако главной опорой Кёпрюлю был чиновничий аппарат центральной администрации, так называемая «Порта», *Баб-и Али*, ведомства которой они отделили от дворца. Тем самым они добились большего профессионализма своего правительства и его независимости от султанского семейства и гаремных слуг. Мероприятия Кёпрюлю не внесли чего-то нового в османскую государственную и общественную структуру, но позволили правительству снова овладеть положением и организовать последнюю волну военных походов в Европу.

Возобновление военной экспансии в Европе поставило империю на грань катастрофы. Упорядоченный застой времен Кёпрюлю отнюдь не означал действительного возрождения османского общества. Под восстановленным фасадом продолжался процесс разложения. Положение было тем более опасно, что консервация староосманских порядков происходила на фоне обновления Европы, которая после Вестфальского мира (1648 г.) быстро двинулась вперед, наращивая свой военный и экономический потенциал. Мехмед IV, Кёпрюлю и их окружение явно не отдавали себе отчета в реальном положении дел. Вполне вероятно также, что успехи в войнах с Россией, Польшей, Венецией создали в правящих кругах превратное представление о военных возможностях Порты.

В 1683 г., выступив в поддержку антиавстрийского восстания Текели в Венгрии, Порта развязала большую войну в Европе. Ее инициатором был энергичный и честолюбивый представитель клана Кёпрюлю, великий везир Кара Мустафа-паша (1676—1683), ближайший сподвижник и

преемник Фазыл Ахмед-паши, женатый на его сестре. Он собрал двухсоттысячное войско и с огромным обозом, челядью и вспомогательными частями двинулся на Вену. В пути к нему присоединилось еще около 40—50 тыс. конников крымского хана. Конечной целью похода было все то же «красное яблочко». Кара Мустафа-паша не скрывал этого, заявляя, что после взятия Вены «все христиане будут подчинены османам».

14 июля 1683 г. армия во главе с султаном и великим везиром подошла к Вене. Ее жителям предложили принять ислам или покинуть город. Крымская конница вышла к границам Баварии, грабя и опустошая австрийские земли. Осада затянулась, и это позволило подойти войску численностью ок. 70 тыс. человек во главе с польским королем Яном Собесским. Генеральное сражение произошло 12 сентября 1683 г. Османская армия потерпела невиданное поражение и стала беспорядочно отступать. Почти вся артиллерия, обоз и знамена попали в руки победителей. Лишь беспримерная отвага личной гвардии позволила Мехмеду IV избежать постыдного плена. Ответственность за поражение была возложена на Кара Мустафа-пашу, который через три месяца был удушен по приказу султана. Сам Мехмед IV в ходе бесчисленных разбирательств не смог отвести обвинений в пренебрежительном отношении к своим государственным обязанностям и в 1687 г. был низложен. Через пять лет он умер в заточении.

Слабость турок воодушевила католический мир. В 1684 г. по инициативе папы римского Иннокентия XI была образована «Священная лига», к которой помимо Австрии, Польши, Венеции и Мальтийского ордена примкнула Россия, впервые вышедшая на арену европейской политики. Поддержку лиге оказали Португалия и все итальянские государства. Для турок война была необычайно тяжелой. Бои шли на трех фронтах: в Адриатике, Венгрии и Правобережной Украине. Османская армия утратила дисциплину, войска бунтовали и не могли оказать достаточного сопротивления. У себя в тылу янычары грабили и мародерствовали, как на вражеской территории. Сменявшие друг друга великие везиры и *сераскиры* не могли навести порядок и терпели одно поражение за другим. В 1686 г. пала Буда — «щит ислама» в центре Европы, в 1688 г. — Белград. В 1697 г. в сражении при Зенте Евгений Савойский, по его собственным словам, устроил туркам «ужасную кровавую баню». В бою погибло 20 тыс. османских солдат, еще 10 тыс. утонуло в болотах и топях во время поспешного бегства. Австрийские авангарды вступили на территорию Боснии. Империю спасло лишь заключение при посредничестве Англии и Голландии унизительного Карловицкого мира 26 января 1699 г. Порта потеряла такие важные для нее территории, как Морея, часть Далмации и острова Архипелага, отошедшие к Венеции; Азов, перешедший в руки России; почти всю Венгрию, Трансильванию, Бачку и Славонию, оказавшиеся под властью Австрии; Подолию и часть Украины, полученные Польшей. Карловицкий мир историки не без основания считают первым разделом Османской империи, которая оказалась на грани полного распада.

Военные поражения на фоне структурного кризиса развязали центробежные тенденции. Начался развал Османской империи. Под более или

менее эффективным управлением Порты оставались только Румелия и Анатолия; сохраняли лояльность крымские ханы, простиравшие свою власть на Северное Причерноморье, Южную Бессарабию и Кубань. Во всех остальных провинциях, по крайней мере со времен последних из Кёпрюлю, Порта не имела действенной власти. Арабские страны фактически целиком вышли из-под контроля центрального правительства. Даже Сирия и Ирак, где османское влияние было наиболее сильным, находились скорее под опекой, чем управлением османских наместников. Друзские шейхи Ливана, курды, туркменские и арабские племена Ближнего Востока чувствовали себя совершенно свободно и в любой ситуации действовали по своей собственной прихоти. Йемен, Неджд и другие аравийские земли, за исключением вассального Хиджаза, фактически полностью отделились от империи. Лишь тень османского сюзеренитета осталась в африканских владениях Порты. Янычарские режимы Туниса, Алжира и Западного Триполи совершенно не считались с интересами центрального правительства и в лучшем случае поддерживали с Портой отношения, основанные на дружественном внимании. В Египте османские паши были бессильны что-либо изменить в борьбе за власть, которая происходила между янычарами, *азабами* и мамлюкскими лигами *касымийа* и *фикарийа*. Повсюду в этих землях высоко чтилось имя османского султана, но нигде не допускалось его вмешательство во внутренние дела.

Глава 5

ГОСУДАРСТВО СЕФЕВИДОВ В XVI — НАЧАЛЕ XVIII в.

В последней четверти XV в. еще недавно сильное политическое объединение Ак Коюнлу («Белые бараны») стало клониться к упадку и распаду. Наследники Узун Хасана Ак Коюнлу не ладили друг с другом и даже соревновались в попытках убить или свергнуть с престола своего же брата или племянника. Османская империя в ту пору еще не была способна поглотить владения «белых баранов», и, будучи не в ладах с другими соседними властителями (прежде всего ширваншахами), они предавались политическим распрям и интригам.

Из преемников Длинного Хасана, кажется, ни один не умер своей смертью. Один из наиболее крупных «белобаранных» правителей конца XV в., Ахмед, внук Узун Хасана, пытался провести реформы в государстве, желая даже облегчить положение райатов, но в итоге бежал из Карабаха, где скрывался от своего родича Рустама, к султану Баязиду II, который даже выдал за него свою дочь. С помощью османов Ахмед завладел престолом, но вскоре погиб в борьбе с эмирами-туркменами (*туркеман*).

Очень активную роль в событиях в Западном Иране той поры играли правители Ширвана, с которыми породнились некоторые властители Ак Коюнлу, а также Гиляна, бывшего в ту пору самостоятельным. Восточный Иран пребывал под властью Тимуридов, теснимых наступавшими из степей нынешнего Казахстана узбеками.

В это смутное время на арену истории и выдвинулись Сефевиды, наследственные шейхи, стоявшие во главе основанного в начале XIV в. дервишского ордена Сефевийе. Основатель ордена шейх Сефи ад-Дин был мелким феодалом из окрестностей Ардебиля. Из его биографии, составленной в XIV в. шейхом Хусейном ибн шейх Абдал Захиди, известно, что предки Сефевидов действовали в округе Ардебиля еще в начале XIII в., когда грузины овладели этим городом. Сефевиды состояли в родстве с гилянскими шейхами; их контакты сохранялись и в XV в.

Относительно этнической принадлежности ранних Сефевидов можно сказать следующее. Известно несколько четверостиший, приписываемых шейху Сефи ад-Дину и написанных на иранском наречии, которое, очевидно, и явилось тем самым языком *азери*, о котором пишут средневековые авторы и на котором в средние века до тюркизации говорило население Южного (Иранского) Азербайджана. Язык этот на поверку оказался идентичным талышскому, и, следовательно, последний представляет собой один из сохранившихся рудиментов языка азери. С тюркизацией Азербайджана тюрками стали и Сефевиды, но когда точно это случилось — мы не

знаем. Сохранившиеся тесные связи с Талышом, чье население и в XVI—XVII вв. считалось кызылбашским «племенем», показывают, что Сефевиды не утеряли связей с сохранившими свою этническую принадлежность северными иранцами. О том же говорят и их связи с Гиляном.

Из Сефевидов XV в. наиболее известны дед и отец Исмаила I — шейхи Ибрагим и Хайдар. Выглядят они типичными феодальными разбойниками, которые периодически собирали военные отряды и с ними ходили с целью *джихада* в языческие тогда еще районы Дагестана. Кстати, оба — и Ибрагим, и Хайдар — сложили головы в этих походах. Отряды их состояли из тюрок Западного Ирана, которых источники называют туркменами. Эти туркмены — потомки пришедших сюда огузов — обитали на всем пространстве Малой Азии, Западного Ирана, Ирака и Сирии. Некоторые их потомки, еще не слившиеся с турками и азербайджанцами, и поныне называются туркменами. К ним принадлежали племена Кара Коюнлу и Ак Коюнлу; в конце XV в. из эмиров полусамостоятельных туркменов наиболее известны правители Южного Азербайджана.

Сефевиды сначала, очевидно, не были шиитами, каковыми стали впоследствии. Однако уже в XV в. они для своих приверженцев ввели головной убор в виде чалмы с двенадцатью пурпурными полосами, отчего и получилось название *кызылбаши* («красноголовый»). Основанное Исмаилом I Сефевидом (1502—1524) государство чаще всего и называлось *доулет-е кызылбаш*, т.е. Кызылбашское государство. Правитель его носил традиционный титул *шаханшах-е Иран*, использование которого показывает желание уже ранних Сефевидов представлять себя наследниками прежних государей Ирана. Западноевропейские источники называли государство Сефевидов Персией.

Основатель государства Исмаил родился в 1486/87 г. Он был младшим сыном сефевидского шейха Хайдара, убитого в Табасаране (Дагестан) во время похода 1491/92 г. Понятно, что в годы создания Кызылбашского государства (конец XV — начало XVI в.) Исмаил был ребенком и просто не мог определять политику, которую вершили кызылбашские эмиры, уцелевшие после гибели Хайдара. Из них наиболее известными были Хусейн-бек леле, Хадим-бек и Деда-бек. Позже, когда Исмаил возмужал, он отстранил от дел многих из тех, кто привел его к власти. Деда-бек за то, что он оставил Мерв узбекам (1513/14 г.), не выдержав их натиска, был подвергнут позорному наказанию: его одели в женское платье, посадили на осла и возили перед войском.

Попытка его старшего брата, Султана Али, вернуть отцовские владения закончилась гибелью.

Состав кызылбашей был довольно сложным и по происхождению, и по организации. Кызылбаши традиционно рассматривались как отдельные племена с соответствующей структурой, восходящей к древним тюркским традициям. Из семи главных кызылбашских «племен» (*шамлу, румлу, устаджлу, текелю, афшар, каджар и зулкадар*) некоторые (текелю, афшар), по-видимому, являлись осколками реальных племен, которые известны еще с XI—XII вв. Текелю (точнее, его части) расселялись и в

Средней Азии, и в Западной Анатолии, что говорит против признания их азербайджанцами. Однако в составе этих носивших старые названия племен были и присоединившиеся к ним представители иных тюркских (и не только тюркских) родов. А вот шамлу и румлу, самого разного происхождения, не были племенами изначально, а составились из выходцев из Рума (Турции), Шама (Сирии). Наконец, среди кызылбашских «племен» значились туркаманы, т.е. осколки разных родов, прежде входивших в состав Ак Коюнлу и Кара Коюнлу. Кызылбаши не были чистыми кочевниками уже в ту пору, хотя кочевой быт у них преобладал. Одним словом, термин «племя» в применении к кызылбашам условен, и его не следует понимать буквально. Больше он относился к курдским, дурским, бахтиарским племенам, которые были кровнородственными объединениями и искони проживали на своей территории, тогда как кызылбаши таковую меняли в зависимости от обстоятельств. Часть кызылбашей проживала на территории Малой Азии, подвластной османам.

Кызылбаши занимались междоусобными склоками, проявляя при этом исключительную жестокость и изощренность. Так, в 1503/04 г., когда кызылбаши взяли одну из крепостей в Восточном Иране, попавшего в плен Мурад-бека из кызылбашского же племени шамлу суфии (так источники именуют сторонников Исмаила) в назидание другим зажарили и съели. Согласно «Любб ат-таварих», «пищей победоносных газиев» стали и другие защитники крепости. Сам Исмаил, будучи стихотворцем, отнюдь не был образованным и гуманным человеком. По его приказанию в Фарсе перебили местных хатибов, казнили известного философа Казими Хусейна Изди и т.д. Будучи в Ширване и Дагестане, мстительный шах приказал умертвить всех участников войны с его отцом Хайдаром, что и было выполнено. После взятия Баку была учинена страшная резня. Из голов убитых сооружались минареты. Такого рода фактов можно привести немало.

Активизация кызылбашей началась в 1499 г. В течение нескольких лет были побеждены правители из числа потомков Длинного Хасана (в родстве с которыми по матери был, кстати, и Исмаил). Были нанесены поражения Ширван-шаху и на некоторое время подчинены Баку и Шемаха (1500—1501). У султана Ак Коюнлу были отобраны Иранский Азербайджан и Тебриз, где и состоялась коронация Исмаила, а шиизм был провозглашен официальным вероисповеданием.

Спустя некоторое время Исмаил двинул свои войска против султана Мурада Ак Коюнлу и нанес ему поражение близ Хамадана. Ирак Персидский оказался во власти Исмаила, а государство Ак Коюнлу прекратило свое существование (1503 г.). В течение первого десятилетия XVI в. и первых десяти лет правления Исмаила он подчинил себе Фарс, Хузистан, Курдистан, Гилян и Мазандеран, т.е. почти всю территорию Ирана, за исключением Хорасана.

Военные действия велись и на востоке, где властвовали Тимуриды, изгнанные узбеками из Мавераннахра. Престарелый гератский правитель — тимурид Хусейн Байкара — стал союзником Исмаила. Теснимые с севера узбеками, Тимуриды не видели для себя иного выхода. После

кончины Хусейна Байкара узбеки приступили к завоеванию и Хорасана. Начавшаяся война оказалась роковой для Шейбани-хана Узбека. Он был разбит кызылбашами и пал в сражении под Мервом, а Хорасан перешел под власть Исмаила (1510 г.).

Отношения последнего с кызылбашами строились по принципу мусульманского религиозного ордена. Шах (а Исмаил принял этот титул в 1501 г.) считался *пиром* (старейшиной) кызылбашей, а последние рассматривались как его *мюриды* (религиозные ученики-последователи). Но кызылбашские эмиры, посадившие малолетнего Исмаила на престол и, по сути дела, создавшие своими руками его государство, позднее, с возмужанием честолюбивого шаха, не склонны были мириться с усиливавшейся властью последнего. Шах, в свою очередь, стал пытаться различными мерами ограничить их влияние. Первое время все эмиры, независимо от их реального положения и роли, носили титул бек. Исмаил ввел некую субординацию, или иерархию, титулов. Высшим званием считался хан, затем — султаны и беки. Но примечательно, что такие старые сподвижники Исмаила, как Хусейн-бек леле, так и остались беками.

Гораздо важнее были другие мероприятия возмужавшего шаха. Понимая всю опасность своей зависимости от кызылбашской знати, Исмаил стал создавать себе новую социальную опору в лице представителей оседлой, преимущественно иранской (этнически) знати, главным образом из духовенства и чиновников. В Сефевидском государстве с первых лет его существования имелась должность *векиля* (буквально «заместителя»), или *амир ал-умара* (т.е. «главы эмиров»). Это было второе после шаха лицо в государстве. Первым векилем был воспитатель Исмаила Хусейн-бек леле шамлу. Однако вскоре шах отнял должность векиля у Хусейн-бека и передал ее духовному лицу, иранцу Наджму Гиляни. Этот деятель умер через два года, и тогда шах сделал векилем уроженца Центрального Ирана Яр-Мухаммеда Хузани, дав ему прозвище Наджм-е сани. Последний оказался человеком недалеким, но сумевшим втереться в доверие к шаху. Это не помешало придворным рифмоплетам сочинить касыду: «Наджм-е сани второго (то есть подобного ему) не будет, а если где-нибудь и будет, об этом лучше знает Аллах Великий». Кстати, этот Наджм «Бесподобный» был затем послан в Мавераннахр, где своими бесчинствами, наглостью и глупостью вызвал восстание, был убит, а множество его воинов-кызылбашей погибло. В итоге Мавераннахр был потерян для Сефевидов навсегда. Нового векиля Исмаил назначить не успел, так как началась война с Османской империей. После поражения в этой войне на должность эмира ал-умара стали назначаться кызылбаши (сначала Чайан-султан устаджлу, а потом Див-султан румлу).

Отношения кызылбашей с османами изначально были напряженными, особенно после того, как в 1501 г. от имени Исмаила был издан указ, содержащий, по шиитским обычаям, проклятие трех первых халифов (Абу Бакра, Омара и Османа). В 1507 г. войска Исмаила заняли Армению, Курдистан и Диярбакыр, а в следующем году — Багдад и Ирак Арабский. Отношения с Османской империей обострялись. По словам одного европейского путешественника, султан Баязид II и Исмаил заве-

ли по борову, наградив их соответственно именами Баязид (в Иране) и Исмаил (в Турции). Несколько лет происходил обмен довольно недипломатичными посланиями. Исмаил надеялся на поддержку малоазиатских шиитов из числа тамошних кызылбашей. Однако восстания турецких шиитов, в которых принимали участие и крестьяне, и кочевники, в 1508 г., а затем 1511 г. были потоплены османами в крови. Вступивший же на престол новый султан, Селим I Явуз («Грозный», 1512—1520), устроил всеобщую резню своих политических противников, истребив более 40 тыс. человек.

Это была прелюдия ирано-османской войны, которая вскоре и началась. 23 августа 1514 г. у местечка Чалдыран (недалеко от Маку, возле нынешней ирано-турецкой границы) встретились армии османов и кызылбашей. По иранским источникам, Селим привел на поле сражения 200 тыс. воинов (цифра явно преувеличена). Тем не менее кызылбашская конница яростно бросилась на штурм османских укреплений, состоявших из повозок и телег. Дело решило огнестрельное оружие — пушки и мушкеты, которыми были вооружены специальные отряды османов. Они рассеяли кызылбашскую конницу, обратившуюся в бегство после первого яростного натиска противника. Лошадь Исмаила утонула при переправе через реку, но Хызр-ага устаджлу уступил повелителю своего коня, и шах спасся. Османы приняли за шаха Султана Али-мирзу афшара и изрубили его. В руки османов попала огромная добыча, в том числе золотой трон шаха, и поныне хранящийся в музее Топкапы в Стамбуле. В сражении погибли многие эмиры, в том числе Хусейн-бек леле. Селим двинулся на Тебриз, взял его, но затем по не вполне понятным причинам ушел оттуда и вскоре занялся сирийскими и египетскими делами. Северный Ирак с Мосулом отошли к Османской империи.

По сути дела, после чалдыранского поражения политическая карьера первого шаха Сефевида была закончена. Продолжались войны на востоке (в 1515—1516 гг. Див-султан румлу привез из Балха мешок голов убитых узбеков), но, очевидно, шах был настолько сломлен поражением, что начисто утратил интерес к большой политике. Для того чтобы не снижать боевую активность кызылбашей, совершались походы в Грузию, сопровождавшиеся грабежами и угоном пленных. Исмаил умер в 1524 г. в возрасте 37 лет, оставив четырех сыновей и пять дочерей.

Исмаил так и не преуспел в своих попытках ослабить власть кызылбашских эмиров, которые безраздельно господствовали в Сефевидском государстве. По сути дела, весь Иран и прочие страны, непосредственно подчиненные кызылбашам, были разделены между главами тех или иных «племен» на владения *улька*. Кроме того, обширные территории передавались в пользование воинам, членам этих «племен». С таких территорий старое население, как правило, изгонялось. Так происходило в Армении и некоторых других областях. На юге Ирана отнимались земли у иранских кочевников и передавались тюркам-кызылбашам, которые расселились по всему Ирану, включая Фарс и Хорасан. Исключение составляли лишь прикаспийские области Гилян и Мазандеран, так как они не были удобны для ведения кочевого хозяйства. Закавказские области (Ширван

и Шеки) при Исмаиле еще сохраняли свою автономию, имея собственных правителей, но их заселение тюрками шло особенно интенсивно. Грузия (восточная) формально подчинялась Исмаилу, но сохранила внутреннюю самостоятельность.

Если при предшественниках Сефевидов главной формой земельного служебного держания был *союргал*, наследственное и освобожденное от государственных налогов владение, и правители Ак Коюнлу щедро одаряли союргалами своих приверженцев, то при первых Сефевидах земли стали жаловать на правах *тиула*, который предполагал лишь условное владение с обязательством военной службы и уплаты определенных налогов. Впрочем, многим феодалам давалось право *муафи*, т.е. освобождения от всех или части государственных обязанностей.

Столицей Кызылбашского государства стал сначала Тебриз, который был в ту пору крупнейшим городом Ирана. К тому же утверждение Тебриза в качестве стольного города практиковалось со времен Хулагуидов и при Ак Коюнлу.

Государственной религией стал ислам в форме шиизма. Это в значительной степени определялось враждой с суннитскими государствами — османским и узбекским.

По отношению к суннитам осуществлялась политика нетерпимости: их избивали и заставляли переходить в шиизм. По отношению к христианам политика была более мягкой, хотя они считались людьми второго сорта. В то же время Исмаил, как, впрочем, и османские султаны, стремился поддержать богатое купечество, как мусульманское, так и христианское. Показательно, что даже в период военных действий торговые караваны старались не трогать. Когда в 1511—1512 гг. воины племени текелю разграбили в Азербайджане купеческий караван, двигавшийся из Тебриза на запад, умертвив часть купцов, уцелевшие прибыли к Исмаилу, находившемуся тогда в Рее, и пожаловались шаху. По приказу Исмаила виновных кызылбашей строго наказали: главарей казнили, а прочих раздали более «порядочным» эмирам в качестве *мулязимов* (слуг).

Преемником Исмаила I стал его старший сын, Тахмасп I (1524—1576). Будучи ребенком, он полностью зависел от эмиров кызылбашских племен. Сначала всем управлял Див-султан румлу, умертвивший вазира покойного шаха. Но сразу же появился соперник Див-султана — Кепек-султан устаджлу. Див-султан был даже вынужден одно время делить с последним должность векиля. Доходило до того, что строптивые соперники-эмиры устроили перестрелку (из луков) в шахском шатре, и стрелы едва миновали Тахмаспа. Распрями эмиров немедленно воспользовались узбеки, и уже в 1526/27 г. Убейд-хан узбек перешел Амударью, захватил Мерв, затем Тус и двинулся на Астрабад. Див-султан в конце концов был убит в результате заговора, но дела государственные были попрежнему неустроенны. Эмиры враждовали друг с другом, отнимали один у другого *улька* и мало заботились о державе.

Однако главная опасность исходила с запада, от Османской империи. Наследник Селима Явуза Сулейман Кануни (1520—1566), или, как его называли в Европе, Великолепный, стал самым могущественным монар-

хом в истории этого государства. После разгрома венгерской армии при Мохаче (1526 г.) Сулейман, по словам историка Шараф-хана Бидлиси, провел год в радости и веселье в столице (Стамбуле), а затем обратил свое внимание на Закавказье и Ирак Арабский. К активным действиям османы приступили лишь в 1533/34 г., когда на их сторону перешел один из знатнейших кызылбашских эмиров — Улама-бек текелю. Началась длительная османо-иранская война. В 1535/36 г. османы взяли Тебриз, и Тахмасп запросил мира. Султан затем отправился опять в европейскую часть державы, а кызылбашам удалось вернуть Тебриз. Шах вел борьбу с внутренним сепаратизмом в государстве. В 1538 г. была ликвидирована автономия Ширвана, куда был поставлен наместником родной брат шаха Алкас-мирза. Но через несколько лет Алкас восстал против брата и перешел на сторону османов. На стороне османов в Закавказье выступали также крымский хан и зависимые от Стамбула северокавказские черкесы и дагестанские владетели.

Постоянная угроза на востоке государства со стороны кочевых узбеков вынудила Тахмаспа искать мира с османами. В 1555 г. в г. Амасье было заключено соглашение, по условиям которого Западная Армения, а также Ирак Арабский были потеряны для Сефевидов и перешли под власть турок. В период вражды с последними не только мятежные сефевидские принцы переходили на султанскую службу, но известны и обратные случаи перехода в Иран представителей османского правящего дома. Так, в 1559 г. сын султана Сулеймана Баязид, восстав против отца, ушел со своими приверженцами к Тахмаспу. Последний, однако, выдал беглеца его отцу, а воинов распределил по кызылбашским племенам.

Сефевиды поддерживали традиционные дружественные связи с индийскими Моголами. Сын основателя династии Великих Моголов Бабура — Хумаюн, потерявший престол отца в Северной Индии в борьбе с Шер-шахом Суром, был восстановлен на троне с помощью шаха Тахмаспа.

Еще в начале XVI в. важным фактором истории Ирана стало установление господства португальцев в Персидском заливе. Завладев о-вом Ормуз, они основали здесь свою факторию. Ормуз стал одной из укрепленных опорных баз португальцев и частью их «точечной» морской империи.

Возникла и новая политическая сила, с которой Ирану приходилось считаться, — англичане. После завоевания русскими Казани и Астрахани (1552 и 1556 гг.) вся Волга оказалась под властью Москвы. Немедленно предприимчивые английские купцы появились при дворе Ивана IV, а затем через Россию направились в Иран и Среднюю Азию. Одним из первых такое путешествие совершил Энтони Дженкинсон (в 1559—1563 гг.). Англичане предполагали наладить через Россию вывоз шелка в Европу, поскольку в Персидском заливе хозяйничали португальцы, а традиционный путь через Средиземное море контролировался турками, которые из всех европейских стран в добрых отношениях в ту пору были лишь с Францией. На какое-то время это англичанам удалось. Сефевидский наместник Ширвана Абдулла-хан устаджлу, как и многие эмиры,

управлял этой областью вполне полновластно. Он принял Дженкинсона весьма любезно и оказал ему помощь в налаживании торговли шелком через Россию. Однако спустя десяток лет ситуация изменилась в связи с новыми смутами в Кызылбашском государстве. При Исмаиле и Тахмаспе поддерживались связи и с другими европейскими государствами. Хасанбек Румлу упоминает о прибытии в 1574—1575 гг. португальского посольства.

Постоянная османская угроза Тебризу побудила Тахмаспа в 1548 г. перенести столицу в Казвин. Компенсируя неудачи в войнах с османами и узбеками, Тахмасп делал новые попытки лишить самостоятельности тех местных владетелей Ирана, которые ее еще сохраняли. В 1551 г. он ликвидировал автономию княжества Шеки (северо-запад современного Азербайджана), а в 60—70-х годах вел упорную борьбу против гилянских владетелей, земли которых пытался передать кызылбашским эмирам. В 1572 г. шаху наконец удалось подчинить Гилян (источники говорят об использовании кызылбашами огнестрельного оружия). Но в 1571—1573 гг. поднялось мощное восстание в прежней столице — Тебризе, в котором приняли участие самые разные слои населения огромного города. Подавить восстание удалось лишь через два года, посредством дарования городской знати ряда привилегий, в том числе налоговых.

От всех этих неприятностей, по словам современника-историка Шараф-хана Бидлиси, «благородное здоровье шаха пошатнулось», а в 1576 г. «птица благородной души его разломала клетку груди и улетела в священные райские сады».

Со смертью Тахмаспа смуты среди кызылбашских эмиров усилились: почти все они радели лишь собственным интересам, не заботясь о державе. Это стали понимать наиболее дальновидные люди, как из числа приближенных ко двору, так и среди таких слоев населения, как шиитское духовенство, крупное купечество, заинтересованные в укреплении государства.

В 1576 г. преемником Тахмаспа стал его второй сын, Исмаил II (1576—1577), которого Тахмасп двадцать лет держал в заточении. Он начал правление с репрессий, в том числе в отношении своих родственников. По его приказу были убиты шесть его братьев. По-видимому, Исмаил был психически больным человеком. Возвели Исмаила на престол эмиры Афшары, надеявшиеся управлять от его имени. Кажется, другая группа эмиров составила заговор и умертвила тирана. На престол взошел старший из сыновей Тахмаспа, Мохаммад (1577—1587), человек слабый, полуслепой (что, кажется, и спасло его от смерти от рук брата Исмаила II), получивший прозвище Ходабенде («раб божий»). Он больше всего любил проводить время в молитвах и беседах с духовенством. Такой правитель был идеалом для строптивых и властолюбивых кызылбашских правителей, и, по словам Шараф-хана Бидлиси, самые видные эмиры племен зулкадар, текелю, туркаман, устаджлу, афшар, шамлу и румлу в 1578/79 г. заключили соглашение, по которому разделили Иран между собой, оставив шаху лишь титул. В иранской державе начиналась смута. По словам историка, за этот год эмиры растранжирили все богатства, которые в течение 53 лет копил Тахмасп.

Таким стечением обстоятельств немедленно воспользовались враги Ирана, и прежде всего османы. В том же году турецкий султан направил войско, «напоминающее ревущее море», для захвата западных частей Кызылбашского государства. Некоторые местные правители пытались организовать сопротивление, но мало в этом преуспели. Лучше других это удалось грузинам, во главе которых стал картлийский царь Симеон, освобожденный Мохаммадом Ходабенде из крепости Аламут, куда Симеон был посажен Тахмаспом.

Шах Мохаммад, сознавая свою слабость, выдвинул на первый план одного из сыновей — принца Хамзу, человека, несомненно, талантливого и подающего надежды. После того как османы в 1585 г. овладели Тебризом, а их вассалы, крымские татары, громили Закавказье, Хамза-мирза пытался организовать противостояние османам и даже достиг в этом некоторых успехов. Однако он был убит в результате очередного заговора эмиров. Мохаммад Ходабенде отправился на подавление восстания в Фарсе и вскоре умер. Тем временем, на востоке активизировали свои действия узбеки. Сефевидский Иран как государство практически прекратил существование.

Но именно там, на востоке, произошли события, изменившие ход истории страны.

Один из сыновей Мохаммада Ходабенде, десятилетний принц Аббас, еще в 1581 г. был провозглашен эмирами Али Кули-ханом шамлу и Муршид Кули-ханом устаджлу правителем Хорасана. Его судьба в эту пору напоминала судьбу его прадеда Исмаила I и деда Тахмаспа, которых в таком же приблизительно возрасте возвели на престол. По матери Аббас происходил из владетелей Мазандерана, т.е. был иранцем, и недолюбливал строптивых и диких кызылбашей. Это вовсе не означает, что принц руководствовался какой-то национальной иранской идеей. Его помыслы были направлены на восстановление могущества Сефевидского государства любой ценой и посредством любых мер. Он искал себе опору среди той части эмиров, которые понимали, что необходимо объединиться вокруг сильного правителя, и среди иных слоев общества.

В первые годы правления Аббас (1587—1629) вынужден был слушаться своих наставников, в том числе Али Кули-хана, который был к тому же его *леле* (воспитателем). Но в год смерти отца Аббасу было уже 16 лет, и он стал проявлять первые признаки самостоятельности. В Хорасан с огромным войском вторгся и захватил его восточную часть узбекский хан Абдулла. Угроза нависла и над западным Хорасаном, где, в Мешхеде, находился молодой шах. Действовавший против узбеков Али Кули-хан умолял Аббаса прийти на помощь, но тот, имея под рукой всего 6 тыс. воинов, предпочел оставить Хорасан и уйти на запад, в Казвин, куда стал созывать всех верных ему эмиров. Там же он отделался от своего воспитателя, обвинив его в утере Хорасана (на это толкал Аббаса и Муршид-Кули-хан, стремившийся сохранить собственное влияние над юным правителем). Некоторое время спустя был убит и Муршид Кули-хан.

В Казвине Аббас стал готовить почву для возрождения державы. Он понимал, что на два фронта (против османов и узбеков) бороться не

способен, и намеревался сначала воевать с османами. С этой целью он начал переговоры с Русским государством о заключении военного союза против турок, обещая уступить Москве Дербент и Ширван. Однако переговоры успехом не завершились, и в 1590 г. Аббас вынужден был заключить мирный договор с Османской империей, крайне невыгодный для Ирана. Турции были уступлены «права» на все Закавказье, Азербайджан (кроме Ардебиля), Курдистан и часть Луристана. Таким путем, однако, молодой шах развязал себе руки для войны на востоке против узбеков, а также для подавления сепаратизма в оставшихся под его властью областях Ирана.

Уже в то время стали закладываться основы серьезных внутренних реформ. Важнейшей задачей было создание сильной постоянной армии, призванной заменить изжившие себя племенные ополчения кызылбашей, показавшие свою слабость еще в Чалдыране. В процессе борьбы шаха со своевольными кызылбашами многие из них были истреблены, лишены своих земель, а ханы племен утратили свои позиции. Из 114 кызылбашских эмиров в середине XVI в. при Аббасе осталось несколько больше трех десятков. Аббас I назначал эмирами представителей иранских племен (курдов, луров, бахтияров и др.), а также шахских гулямов, главным образом из армян и грузин. Все же можно говорить лишь об ограничении роли кызылбашской знати, так как некоторые ее представители продолжали занимать важные посты. В частности, Амиргюне-хан каджар был в числе лиц, наиболее близких Аббасу. Аббас щедро вознаграждал тех кызылбашей, которые были преданы ему.

Если кызылбашские полчища сами по себе вроде бы никаких средств не требовали, поскольку это воинство кормилось в мирное время за счет своих стад и земель, а в военное — посредством грабежа, то содержание постоянной наемной армии требовало больших материальных ресурсов. Эту проблему Аббас намеревался решить с помощью расширения фондов шахского домена (*хассе*) за счет земель *дивани*, находившихся в распоряжении племен. Подавив восстания в Гиляне (1592 г.), он обратил всю эту богатую, в частности шелком, область в шахский домен. В 1596 г. в хассе был обращен Мазандеран, а затем и ряд других территорий. Последнее крупное приращение фонда хассе имело место уже при преемнике Аббаса Сефи I, когда доменом стал Фарс, коренная иранская область на юге страны. Доменом эти земли назвали французские путешественники, увидевшие здесь аналогию с личными владениями европейских монархов. Швед Э.Кемпфер (80-е годы XVII в.) писал, что в его время домен включал области Гилян, округ Исфагана, Казвин, Кашан, Йезд, Кум, Сав, Лар, Шираз и некоторые другие.

Управлялись земли хассе специальными шахскими чиновниками, и все доходы от них поступали в личную шахскую казну. На первом этапе эти меры действительно способствовали обогащению и укреплению государства. Однако затем, уже при наследниках Аббаса I, ситуация закономерно стала меняться. Назначенные шахами чиновники всеми методами стремились обогатиться за время пребывания на своих постах, и в итоге разорение земель хассе уже во второй половине XVII в., как

отмечают европейские путешественники, достигло ужасающих размеров.

Самоуправство местных правителей в Сефевидской державе вообще не знало пределов, хотя порой проворовавшихся губернаторов (*хакимов*) жестоко наказывали, что не мешало прочим изо всех сил обирать население, временно подпавшее под их власть. Армянский купец Захарий из городка Акулиса на о-ве Аркас оставил любопытный дневник, в котором описывает, как обогащались местные правители. Акулис не входил в хассе и подчинялся то правителям Азербайджана, то Чоухрсаада (Ереванского *бегляр-бекства*). По словам Захария, например, в 1673 г. в Акулис прибыл посланник ереванского хана с приказом от шаха собрать 1000 туманов. За одну ночь было повешено 35 человек, но собрать удалось только 350 туманов. Через год ереванский Сефи Кули-хан был снят с должности, и его конфискованное имущество было отправлено в столицу на 400 верблюдах. Такого рода обогащение было обычным. Пока шахская власть была сильной, она пыталась бороться и с насилиями, и с разбоями, но всех виновных покарать не могла, да и не хотела. Кстати, в отношении разбойников при Аббасе применялась крайне суровая мера: их живыми зарывали в землю (по горло) вдоль дорог, на которых они грабили.

Тем не менее, как уже сказано, первоначально реформа Аббаса дала весьма положительные результаты. Огромные доходы от земель хассе и от торговли шелком, монополия на которую перешла в руки правительства, позволили укрепить военную мощь государства.

Хотя ополчения племен по-прежнему составляли большую часть иранского войска, но наряду с ними существовали четыре постоянных военных корпуса. Первый из них именовался *курчи*, и во главе его стоял *курчи-баши*, обычно из числа знатнейших кызылбашских эмиров. Впрочем и сами *курчии*, численность которых, по данным Тавернье, составляла 22 тыс. человек, формировались исключительно из кызылбашей, что было несомненной уступкой им. Курчии получали весьма высокое жалованье (деньгами и натурой): тысячник (*мин-баши*) — 70 туманов, сотник (*юз-баши*) — 10 туманов и т.д.

Кроме курчиев Аббас создал еще три военных корпуса. Корпус *гулямов* (букв. «рабов») формировался из обращенных в ислам христиан, по большей части грузин (по образцу янычар в Турции). Уже при преемниках Аббаса I большая часть придворных чинов формировалась из числа этих гулямов, поскольку они полностью зависели от шаха и не имели племенной опоры, как курчии.

Следующий созданный Аббасом корпус назывался *туфенгчи* (мушкетеры). Их основным вооружением были мушкеты, хотя они имели сабли, а в походах им выдавались кони. Корпус был создан с помощью англичан — братьев Шарли. По данным Тавернье, число «мушкетеров» достигало 40—50 тыс. человек. Туфенгчи формировались из оседлого населения (и не только из персов, как иногда полагают). Лишь часть их находилась в столице, прочие же пребывали в тех или иных областях, правители которых были обязаны каждые три месяца устраивать им

смотр. Так было при Аббасе I и, возможно, при его двух ближайших преемниках, а затем число туфенгчи сократилось, да и сам корпус потерял свое первоначальное значение.

Наконец, Аббас создал артиллерию как отдельный род войск, во главе которого стоял *тупчи-баши*. Однако уже при преемнике Аббаса Сефи I пушки времен его деда бесцельно стояли у дворца, а при Аббасе II (1642—1666) этот корпус был вообще ликвидирован.

Борясь со своеволием кызылбашей и их непомерным влиянием, Аббас I все более ориентировался на оседлые иранские элементы, из которых набирались кадры гражданской бюрократии. Многие представители иранской землевладельческой и городской знати получили при нем высокие назначения. Важной чертой внутренней политики шаха было покровительство центральным областям Ирана, в отношении которых проявлялась забота об улучшении состояния земледелия, о строительстве ирригационных приспособлений. Улучшению состояния экономики этих областей способствовала налоговая политика: снижение или упразднение многих налогов, оставшихся весьма обременительными для населения окраинных территорий Сефевидского государства и собиравшихся частично натурой, а частично деньгами.

Особое значение приобрела столица Исфаган. В XVII в. это был огромный город. Число жителей оценивалось по-разному: французский путешественник Шарден, посвятивший Исфагану почти весь седьмой том своего десятитомного описания Ирана, приводит оценки от 1 млн. до 600 тыс. человек. Сам Шарден полагал, что Исфаган можно было сравнить с Лондоном, который в ту пору был самым значительным городом Европы. В окружности город равнялся 12 лье. Городские стены насчитывали более 20 тыс. шагов в окружности. Город делился на две части, каждая из которых, в свою очередь, состояла из ряда кварталов (*махалла*). В городской стене было восемь ворот, от которых начинались дороги, ведшие в разные части государства. Исфаганский базар был самый большой из виденных Шарденом. Доходы с рынка шли в шахскую казну. Возле Исфагана располагалось несколько предместьев, из которых наиболее значительным была Новая Джульфа, населенная богатейшими армянскими купцами. Кроме армян там проживали и гебры (зороастрийцы). Шарден объяснял перенесение столицы в Исфаган лучшим расположением Исфагана, более умеренным климатом и близостью к Персидскому заливу.

Другим важным предместьем Исфагана был Аббас-Абад, называвшийся также Тебризским, поскольку основная часть его обитателей была переселена шахом из Тебриза.

Столицей управлял *даруга*, который в XVII в. обычно происходил из знатной грузинской семьи, чаще всего Багратидов. Кроме даруги весьма значительным лицом был городской *калантар*, которого европейцы именовали купеческим старшиной, хотя на деле его обязанности были шире.

В столице был возведен роскошный шахский дворец и разбиты знаменитые шахские сады (*чарбаг*), перешедшие после смерти Аббаса в вакф, управляющие которым были обязаны уплачивать правившему шаху в год 200 туманов.

Кроме Исфагана большими городами Ирана были Мешхед, Казвин, Тебриз и Шираз.

Крупной торговлей занимались преимущественно армянские купцы, персы и индусы, которых в Исфагане (в 60-е годы XVII в.) насчитывалось до 20 тыс., также пытались играть в ней свою роль. В свое время Аббас, опекавший армянских купцов, запретил индусам проживать в Иране, но его преемник этот запрет снял, как утверждали, под влиянием приближенных, которых индусы подкупили.

При Аббасе I в Иране значительно возросла добыча полезных ископаемых (железо, медь, свинец, серебро). Производилась неплохая сталь, хотя лучшую привозили из Индии. Шарден называет основные места, где добывались те или иные полезные ископаемые. Например, медь — в Сари, Мазандеране, на территории современного Афганистана, в районе Казвина, свинец — в Кермане и Йезде, серебро — неподалеку от Исфагана и т.д.

У шаха имелись конные заводы, где разводили породистых лошадей (особенно в Иране Персидском). Монополия на это была у шаха.

Доходы шаха исчислялись миллионами туманов. Туман, строго говоря, не был денежной единицей, но служил формой расчета. По сведениям европейских современников, в середине XVII в. на содержание войска шло 13 млн. туманов, а на содержание гарема — 4 млн. Однако деньгами оплачивали лишь одну шестую расходов, прочее обеспечивалось доходами с пожалованной земли и натуральными поставками. Шарден считал шаха богатейшим монархом на земле.

В связи с этим утверждением целесообразно коснуться так называемых *кархане* (букв. «работных домов»), большинство из которых находилось в столице и принадлежало шаху, хотя были и кархане крупных вельмож. Европейцы именовали их мануфактурами. В отличие от посессионных мануфактур, учреждавшихся позднее в России Петром I, на которых использовался труд крепостных крестьян, в Иране, где крепостного права не существовало, рабочие кархане формально нанимались из числа ремесленников, причем отбор был весьма тщательным. Ремесленник представал перед интендантом, ведавшим кархане, а после него — перед руководителем соответствующей мастерской по своей профессии с лучшими образцами своего труда, а также с заявлением о принятии на работу. Затем следовала проверка профессиональных качеств претендента, после чего его представляли шаху, и уже тот отдавал распоряжение о зачислении ремесленника в ту или иную мастерскую. Платили работникам кархане *баратами* (род гарантийных бумаг). Существовали кархане по производству тканей (шелковых, шерстяных), ковров, оружия и т.д. К категории кархане относился и монетный двор. Неверно рассматривать кархане как капиталистические производства, поскольку их продукция не предназначалась для рынка. Во второй половине XVII в. некоторые кархане начали закрываться, так как стало выгоднее давать заказы самостоятельным ремесленникам, в том числе и на селе. Это были зачатки рассеянной мануфактуры, не получившие, однако, дальнейшего развития.

Государственный строй Сефевидской державы в XVII в. пережил серьезные изменения. Должность векиля, что была в XVI в. важнейшей и первой после шаха, утратила свое значение. На первый план вышел так называемый *этемад ад-доуле* (букв. «доверие державы»). Современники сравнивали его с османским великим вазиром, уточняя, однако, что в отличие от последнего иранский этемад ад-доуле был скорее человеком пера, чем меча, т.е. гражданской персоной. Для руководства армией существовала должность *сипахсалар-е кулли Иран* (главнокомандующий всей армией Ирана). По придворной иерархии сипахсалар был вторым лицом в государстве после этемад ад-доуле. Вообще военные чины по-прежнему занимали главенствующее положение, однако заметно выросло и влияние чиновной знати — гражданской бюрократии.

При преемниках Аббаса все большую силу при дворе стали иметь евнухи гарема (как и в Османской империи). «Тазкират ал-мулук» сообщает, что до Аббаса существовали лишь черные евнухи, по большей части происходившие с Малабарского берега в Индии. Аббас же велел оскопить 100 пленных грузин, и с тех пор появилась категория белых евнухов. Их влияние на некоторых шахов, особенно на Сулеймана (1667—1694) и Султан-Хусейна (1694—1722), было практически неограниченным. У шаха в гареме евнухов было около трех тысяч. Показательно, что после смерти шаха Сулеймана (1694 г.) именно евнухи решили вопрос о наследовании и возвели на престол дурачка Султан-Хусейна вместо умного и волевого принца Аббаса.

Усиление роли шиитского духовенства при Аббасе и его наследниках — факт вполне реальный. Среди духовенства были не только персы и гилянцы, но и тюрки, особенно из Азербайджана. При шахском дворе Аббаса и его преемников было по-прежнему распространено тюркское азербайджанское наречие, на котором даже составлялись официальные, в частности дипломатические, документы. Они в изобилии сохранились в архивах. Однако господствовал и в делопроизводстве, и в историографии персидский язык, на котором творили даже выходцы из кызылбашских племен (Искандер-мунши туркеман, Хасан-бек румлу и т.д.). Впрочем, персидским языком пользовался и курд Шараф-хан Бидлиси.

Реализация реформ Аббаса I принесла свои плоды, а сам шах проявил себя умным, дальновидным, хотя и коварным и деспотичным правителем. Война с узбеками завершилась в 1598 г. возвращением всего Хорасана (западного с Мешхедом и восточного с Гератом). Со смертью в следующем году узбекского хана Абдуллы в Мавераннахре начались смуты, осложненные постоянной враждой узбеков с их родичами казахами в Дашт-е кыпчак. В итоге Аббас развязал себе руки для действий на западе своего государства. Готовясь к решающей схватке с османами, шах активизировал связи с рядом стран Европы, прежде всего со Священной Римской империей, Польшей и Россией. Есть основания полагать, что в начале XVII в. между Аббасом I и Борисом Годуновым было заключено секретное соглашение, направленное против османов. С целью отрезать путь крымским татарам в Закавказье была предпринята русская военная экспедиция в Дагестан (1604—1605), закончившаяся, однако, неудачей.

А затем в России началось Смутное время, и она надолго потеряла активный интерес к иранским делам.

В Османской империи в ту пору имели место восстания, прежде всего в Малой Азии, так называемые движения *джелалиев*. В основе их лежало разорение мелких ленников и их недовольство действиями султанских властей. Но в движении джелалиев участвовали и крестьяне, и кочевники, в том числе из числа кызылбашей, проживавших на турецкой территории. Потерпев поражение в сражениях с правительственными войсками, отряды джелалиев уходили на восток, прежде всего в пределы Армении, где, окончательно разложившись, предавались грабежам и насилию. К тому же в первые годы XVII в. Закавказье и соседние страны пережили ряд природных бедствий, в результате чего их постигли голод и всеобщее опустошение. Страшные картины бедствий рисуют армянский историк XVII в. Аракел Даврижеци и другие хронисты.

Именно в это время Аббас и предпринял наступление на Закавказье. В 1603 г. его войска вошли в Армению и Курдистан. Однако османы оказали сопротивление, и кызылбашское воинство вынуждено было отступить. По приказу шаха кызылбаши угоняли армянское население, особенно из Нахичеванского края и Ереванского ханства, в Иран. Множество людей погибло, детей и женщин обращали в рабство, уцелевших селили во внутренних районах Ирана. Масса людей, однако, бежала в горы и труднодоступные места. На место изгнанных армян были поселены тюрки-кызылбаши (каджар и др.).

Затем шахские войска вновь перешли в наступление и добились успеха. Османы вынуждены были заключить в 1612 г. мирный договор, согласно которому завоеванная Аббасом часть Армении и Азербайджан, а также Ширван и Восточная Грузия остались за Сефевидами.

Война с османами возобновилась в 1616 г., но через два года был опять заключен мир на прежних условиях, который вновь был нарушен в 1623 г. Затем Аббас сумел покорить Ирак Арабский с Багдадом и священными для шиитов городами Кербела и Наджаф.

Периодические возобновления войн с османами были в определенной степени связаны с событиями в Грузии. Еще по договору 1590 г. Аббас передал «права» на восточную Грузию османам. Но грузины таких «прав» не признавали и вели упорную борьбу с «сюзеренами». Она закончилась в 1601 г. пленением царя Картли Симона I, которого отправили в Стамбул, где он и умер. Ведя войну в Закавказье, шах стал разжигать вражду между царями Картли и Кахети, которая в ту пору была богатой и населенной страной. Аббас внушил детям кахетинского царя Александра мысль о заговоре против отца, в результате которого Александр был убит. Но лишь в 1614 г. Аббас предпринял решительные действия против восточногрузинских царств. При этом он умело использовал распри грузинских феодалов, в частности привлек себе на службу крупного полководца и государственного деятеля Картли, *моурави* (правителя) Тбилиси, Георгия Саакадзе («Диди Моурави»). Именно Саакадзе служил проводником и советником шаха во время похода 1614 г. Кахетинский царь Теймураз бежал в Западную Грузию, а картлийский правитель Луарсаб

попал в плен, был отвезен в Ширазскую крепость, где позже задушен тетивой.

Уже после похода 1614 г. кызылбаши увели тысячи грузин в Иран. Новое нашествие было предпринято в 1616 г., когда по указу шаха переселению подлежало все население Кахети, и значительная часть его была действительно уведена в плен, а на ее место поселены те же кызылбаши (борчалу, казах и др.).

После этого шах замыслил таким же путем поступить с Картли, куда направил огромное войско во главе с сипахсалар-е кулли Иран Курчиха-ханом. Это был гулям, насчет происхождения которого спорят некоторые грузинские и армянские историки. Первые полагают, что он был грузин. При Курчиха-хане находился и Георгий Саакадзе, который в 1623 г. возглавил антииранское восстание своих соотечественников. В Марткобской долине кызылбаши потерпели поражение от грузин. Курчиха-хан был убит. Через два месяца в Грузию прибыла новая иранская армия во главе с курчи-баши Иса-ханом. На этот раз грузины были разбиты (1624 г.). Шах, однако, отказался от реализации ранее намечавшихся репрессивных планов и поставил в Грузию царем принца Ростома. Саакадзе бежал в Османскую империю, где был затем обвинен в заговоре против султана и казнен (1629 г.).

В том же году умер (от дизентерии) и Аббас I. Кроме сомнительных успехов в Закавказье ему в последние годы жизни сопутствовали и другие военные удачи. С помощью англичан он изгнал португальцев с о-ва Ормуз (1623 г.). На материке была воздвигнута крепость и построен порт, получивший название Бендер-Аббас (Порт Аббаса).

Аббас поддерживал тесные связи со многими странами, тем более что престиж Ирана после побед над османами весьма возрос. При дворе шаха часто бывали английские, французские, испанские и иные послы. Еще в 1588 г. начался регулярный обмен посольствами с Россией. Особенно благоволил шах к англичанам, которые в 1623 г. оказали Аббасу I помощь, предоставив ему свои корабли для изгнания португальцев с о-ва Ормуз. За эту помощь Английская Ост-Индская компания получила от шаха право беспошлинной торговли и ряд других привилегий. В Исфагане и Ширазе были открыты фактории компании. Важные привилегии были предоставлены также голландцам.

Аббас I по праву считается одним из крупнейших политических деятелей иранской истории, не случайно иранские и европейские ученые посвятили ему несколько солидных монографий. Он был воспитан на восточных интригах и научился ими умело пользоваться в своих интересах, был своенравен, подозрителен и жесток. Он без колебания отдал приказ об убийстве своего воспитателя. Столь же просто он приказывал вырезать целые племена и выселять сотни тысяч людей с их земли. К концу жизни все эти черты у шаха обострились настолько, что он приказал убить своего наследника — принца Сефи, а двоих других сыновей велел ослепить. Внука, будущего шаха Сефи I, он с детства травил опиумом, что, несомненно, способствовало дальнейшей деградации династии.

Вместе с тем Аббас был умным и дальновидным политиком. Средства, которые он использовал для достижения своих целей, были традиционными не только для Востока, но, пожалуй, и для средневековья в целом. Но ставить политические задачи и решать их этот шах умел. Прежде всего у него была способность подбирать своих приближенных независимо от национальности и происхождения. Единственное, что требовалось, — исповедание ислама шиитского толка и преданность ему, шаху. Среди его сановников был упомянутый Аллаверды-хан грузинского (или армянского) происхождения, который верой и правдой служил своему повелителю, репрессируя и армян, и грузин. Среди приближенных шаха находим и знаменитого Сару Таги, этемад ад-доуле последних лет Аббаса. Это был тюрк, к тому же евнух, хотя и незнатного происхождения, который мог, однако, чувствовать себя равным с Иса-ханом курчи-баши, знатнейшим эмиром и ближайшим родственником шаха.

Вместе с тем умный шах не заставлял армянских купцов Новой Джульфы принимать ислам, понимая, что они полезнее ему, исповедуя свою собственную веру. Шах умел вести беседы с послами разных стран, разрабатывать, считаясь с мнением других, планы военных кампаний и т.п. Одним словом, это был крупный государственный деятель, со всеми пороками своего времени.

Смерть Аббаса возвела на престол его внука Сефи I (1629—1642), человека ограниченного, легко подпадавшего под влияние случайных советников. Именно при этом шахе евнухи гарема начинают оказывать все возрастающее влияние на государей Ирана. Главы евнухов, начиная с правления Сефи, приобретали огромную власть, причем периодически преобладали белые или черные юз-баши из евнухов. Свое правление Сефи начал с отказа от некоторых указов и постановлений деда, в частности с отмены государственной монополии на торговлю шелком. В течение ближайших лет он так или иначе отстранил большинство крупных деятелей предшествующего царствования. Так, по его приказу был снят с должности и казнен вместе с семьей Имам-Кули-хан старший — сын крупнейшего полководца Аббаса I Аллаверды-хана, правитель Фарса. Брат казненного, правитель Карабаха Давуд-хан бежал в Грузию к царю Теймуразу, непримиримому врагу Ирана.

Непродуманные репрессии нового шаха в отношении сподвижников его деда побудили османов начать новую войну с Ираном. В результате ее Сефевиды навсегда потеряли Ирак Арабский с Багдадом. Заключенный в 1639 г. мирный договор установил границу между Ираном и Османской империей, почти совпадающую с нынешней западной границей Ирана (исключая район Закавказья).

Пора больших внешних войн на западе для Сефевидского государства окончилась. В дальнейшем военные действия велись лишь на востоке, с узбеками, да на территории нынешнего Афганистана, где в 1649 г. шла война с Моголами за Кандагар. В 1653 г. по требованию некоторых дагестанских владетелей шахские войска совершили поход на русскую крепость Сунженский городок, но затем его оставили, и через несколько лет нормальные отношения с Россией были восстановлены. В этом немалая

роль принадлежала армянским купцам Новой Джульфы, которые в 1667 г. заключили выгодный договор на транзит шелка через Россию в Европу.

Некоторые осложнения в ирано-русские отношения вносили набеги казаков, которые, например, в 30-е годы ограбили окрестности Баку, а в 1667 г. состоялся знаменитый поход Разина на прикаспийские провинции Ирана. Но эти походы не санкционировались русскими властями, которые всякий раз убеждали иранское правительство в том, что казаки — злодеи и разбойники, не подчиняющиеся Москве. Кстати, казачьи походы не ограничивались Волгой и Каспием. В первой четверти XVII в. запорожцы и донцы, постоянно нападавшие в ту пору на турецкие владения и Крым, делали попытки закрепиться в Грузии, и даже были случаи предложений со стороны казачьих атаманов перейти на службу к шаху для совместной войны с турками.

Шах Аббас II был полностью погружен в гаремные удовольствия, да к тому же был пьяница. И если придворный летописец Мухаммед Тахир Вахид в соответствии со своей должностью идеализирует этого правителя, то европейские очевидцы (Шарден, Кемпфер, Сансон и др.) приводят множество фактов продолжающейся при нем деградации государственной власти в Иране. Разрушалась оросительная система, сокращались доходы казны и т.д.

Его преемник Сулейман (1667—1694) был орудием в руках евнухов и прочего окружения и в государственные дела почти не вникал. Наконец, последний Сефевид, Султан-Хусейн (1694—1722), перещеголял всех своих предшественников. Русский посол Артемий Волынский писал, что такого дурачка даже среди простонародья редко «можно сыскать, не токмо из коронованных». Когда в 1722 г. афганцы овладели Исфаганом, шах при сдаче города вымолил лишь разрешение сохранить при себе любимых жен.

При Султан-Хусейне, слабом и фанатичном правителе, в течение 1698—1701 гг. налоги на земледельцев были увеличены втрое. Резко вырос и подушный налог с немусульман. Налогами были обложены и многие кочевники-иляты, ранее освобождавшиеся от них. Сбор налогов сопровождался пытками и истязаниями плательщиков. Шахский указ от 1710 г. гласил, что беглые крестьяне должны быть возвращены на прежние места поселения. Розыск их и водворение в покинутых местах могли осуществляться в течение 12 лет.

Резко сократилась внешняя и посредническая торговля Ирана, что было связано с вытеснением местных купцов и переходом торговли в руки европейцев. Доходы государства заметно упали. В городах, в частности в Тебризе (1709 г.) и Исфагане (1717 г.), вспыхивали восстания. Одно за другим происходили волнения на окраинах Сефевидского государства, в покоренных Сефевидами Армении, Грузии, Ширване, Дагестане, Афганистане.

Держава слабела, но ее правители этого не замечали, вели себя как будто ничего серьезного не происходило и лишь усиливали поборы. Француз Р. Дю Ман, проживший в Иране более 50 лет, писал, что там

вместо того, чтобы сказать: такой-то правит областью, говорят: тот, кто поедает страну или область. Между тем население нищало. Люди стремились покинуть родные места и бежать куда глаза глядят. Шахские власти требовали порой выдачи беглецов, но, как правило, безуспешно. От времени Султан-Хусейна сохранился фирман, требовавший возвращения беглых райатов. Такого рода документы известны от эпохи монгольского владычества, когда ощущался недостаток рабочих рук в результате монгольских репрессий. Теперь нечто подобное появилось вновь.

Особенность состояла в том, что деградация и Ирана, и соседней Османской империи происходила тогда, когда в Западной Европе развивались новые, капиталистические отношения и складывались новые формы государства, системы вооруженных сил. Соседняя обеим крупным азиатским державам Россия начиная с Петра I пыталась посредством государственных реформ преодолеть отставание от Запада и кое в чем преуспела, прежде всего в создании мощной современной армии. В Иране же реформы Аббаса в конечном счете закончились полным крахом. Начало XVIII в. ознаменовалось волнениями на окраинах державы. Особенно острые формы они приобрели на востоке, в Афганистане. Именно оттуда в начале 20-х годов на Исфаган двинулись афганские отряды, быстро овладевшие и столицей Сефевидов и центральным Ираном. 8 марта 1722 г. при Гульнабаде произошло решающее сражение. Шахской армией командовал *куллар-агаси* (командир корпуса гулямов) Ростом-мирза, брат картлийского царя Вахтанга VI. Личная храбрость полководца успеха не принесла. Ростом пал в сражении, и путь на Исфаган был открыт. Семимесячная осада столицы закончилась ее сдачей (октябрь 1722 г.). Предводитель афганцев Махмуд провозгласил себя шахом Ирана.

XVI—XVII века были временем, хотя и несколько одностороннего, расцвета иранской культуры. Сохранилось немалое число памятников архитектуры, прежде всего в столице Исфагане. В центре города была сооружена огромная площадь, к которой примыкала с юга Шахская мечеть, а напротив последней был расположен Кайсарийе — знаменитый исфаганский базар. Сохранились мечети, построенные в XVII в. Эти сооружения вызывали восторг у итальянских и французских путешественников.

Шах Аббас I построил себе резиденцию в Мазандеране, откуда происходила его мать. Этот город назывался Феррахабад. Там также были сооружены роскошные дворцы, беседки, парки и т.п. В Феррахабад вела специально сооруженная, хорошо вымощенная дорога, сохранившаяся до сих пор.

Ряд зданий разного предназначения времени Сефевидов есть и в других городах Ирана. Сохранились мосты, караван-сараи.

Односторонность культурного развития Ирана XVI—XVII вв. заключалась в начавшемся упадке точных наук, в том числе и географии, еще в предыдущие века давшей миру славные образцы географической литературы. К огромному историческому сочинению Хондемира было приложено географическое описание мира в XVI в., но это не идет в срав-

нение ни с трудами Хамдаллаха Казвини (XVI в.), ни с трудами более ранних исламских географов, творивших в Иране.

Первоначально культурными центрами Ирана были его восточные области, прежде всего Хорасан, и особенно его крупнейший город Герат. Здесь еще в конце XV в. творили такие поэты, как классик персидской литературы Джами и основоположник узбекской словесности Алишер Навои. Позже очагами поэзии в самом Иране стали центральные области. Здесь жил и работал Хусейн Замири Исфагани (ум. в 1578 г.), написавший очередную версию легенды о Лайле и Маджнуне. Начали использоваться и традиционные шиитские сюжеты, причем иногда неплохо. Мухташам из Кашана (ум. в 1587/88 г.) написал *марсийе* (траурная элегия) об убиении внука пророка в Кербеле (VII в.).

Любопытно, что многие крупные поэты, писавшие по-персидски, жили при дворе Великих Моголов в Индии. Например, в Индию уехал уроженец Шираза Мухаммад Урфи (1555—1590), который творил при дворе императора Акбара. Урфи был суфием и находился под сильным влиянием закавказской школы персидских поэтов, в частности Низами.

Шах Аббас покровительствовал также персидской и азербайджанской поэзии и даже состоял в дружеских отношениях с рядом поэтов, например с Джалалом Асиром из Исфагана.

Говоря о литературе периода Сефевидов, нельзя обойти молчанием дальнейшее развитие поэзии на азербайджанском языке, на котором говорили даже при дворе последних Сефевидов. На этом языке под псевдонимом Хатал писал шах Исмаил I. По указанию Аббаса I были собраны тюркские пословицы и поговорки. Однако вершиной этой поэзии стало творчество Физули (1494—1556), автора многих газелей, а также поэмы на все тот же излюбленный на Востоке сюжет о страданиях Лайлы и Маджнуна.

На XVI — первую половину XVII в. падает расцвет персидской миниатюры. Начался он со школы великого Бехзады, жившего сначала в Герате, но затем переехавшего по приглашению Исмаила I в Тебриз. В XVI в. господствовала тебризская школа миниатюры, сменившаяся в XVII в. исфаганской. Шах Аббас направил одного из представителей последней, Мохаммада Замана, на учебу в Италию (говорят, что там художник втайне принял христианство). Вернувшись на родину, он украсил великолепными миниатюрами ряд рукописей, сохранившихся до наших дней.

Когда русские войска под командованием Паскевича взяли в 1827 г. Ардебиль, они вывезли оттуда часть знаменитой библиотеки Сефевидов, находившейся при гробнице сефевидских шахов, которых по традиции хоронили в этом городе. Рукописи затем остались в России как «компенсация» за варварское убийство в Тегеране А.С.Грибоедова и в настоящее время находятся в Публичной библиотеке Санкт-Петербурга. Многие из них украшены шедеврами лучших мастеров миниатюры Ирана той поры.

XVI—XVII века были периодом дальнейшего расцвета персидской историографии, множество образцов которой сохранилось до настоящего

времени. Практически правление каждого из сефевидских шахов описано в официальных исторических трудах, иногда не одном. Для правления Исмаила лучшим является последняя часть исторического труда «Хабиб ас-сийар» Хондемира. Правление Тахмаспа I лучше всего описано в 12-м томе труда Хасан-бека румлу «Асхан ат-таварих». Дальнейшие события, и особенно история Аббаса I, подробно рассказаны в огромном сочинении Искандер-бека туркемана Мунши «Тарих-е алам арайе Аббаси». Престарелый ученый начал было составлять и описание царствования Сефи I, но довел изложение лишь до 1633 г., года своей смерти. Его начинание было продолжено другими авторами. Есть история шаха Аббаса II («Аббас-наме») и т.п. Все эти сочинения написаны практически по официальному заказу и потому, как правило, являются панегириками тем или иным правителям. Поэтому для истории Ирана XVI—XVII вв. огромное значение имеют многочисленные описания европейцев, многие из которых долго жили в этой стране и хорошо ее знали. К сожалению, официальные архивы времени Сефевидов погибли в период смут XVIII в., и сохранились, как правило, лишь документы из частных собраний.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ ПРИ ШЕЙБАНИДАХ (XVI в.)

В обширных степях между реками Уралом и Иртышом издавна жили тюркоязычные племена. С конца XIV в. источники называют их узбеками. Во второй половине XV в. Шейбани-хан попытался объединить племена узбеков, но другие ханы противились этому. Борьба велась с переменным успехом, дважды Шейбани-хану приходилось спасаться бегством, но постепенно влияние его росло, он завоевал сначала некоторые северные города Средней Азии, предпринял поход на Ташкент, Самарканд и далее и вернулся с огромной добычей. С 1499 г. Шейбани-хан начал систематическое завоевание Средней Азии и уже в 1501 г. овладел столицей среднеазиатских Тимуридов — Самаркандом. Новая династия получила в науке название по имени завоевателя — «Шейбаниды».

Междоусобицы среди Тимуридов облегчили Шейбани-хану завоевание других городов и областей (на территории современного Узбекистана, Таджикистана и Северного Афганистана), а Хусейн Байкара, «главный» Тимурид, сидевший в г. Герате, не принимал никаких мер. Лишь когда Шейбани-хан завоевал Хорезм, Хусейн Байкара выступил против него, но в походе умер. Вскоре Шейбани-хан уже стоял под стенами Герата, в мае 1507 г. вельможи без боя сдали ему город. Затем Шейбани-хан завоевал прочие города и области Тимуридской державы (вплоть до Каспийского моря), а на северо-востоке укрепил свои границы, одержав победу над кочевниками.

Его внутреннюю политику определяли две тенденции: с одной стороны, стремление удовлетворить притязания родичей и верхушки кочевых узбекских племен, с другой — попытки расширить социальную базу своей власти, привлечь на свою сторону светскую и духовную знать и возможно более широкие слои зажиточного оседлого населения завоеванных территорий.

Шейбани-хан поделил завоеванную территорию на уделы и владения, раздав их родичам и приближенным (такая децентрализация государства не способствовала, конечно, укреплению его власти).

Борясь с Тимуридами, Шейбани-хан переманивал на свою сторону служивших им эмиров, сановников и т.д. Жестоко расправляясь с противниками, Шейбани-хан милостиво относился к тем, кто добровольно переходил к нему на службу. Для привлечения верхушки общества на свою сторону он прибегал к таким приемам, как амнистия бывшим врагам.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ, СЕВЕРНЫЙ ИРАН И АФГАНИСТАН, ГОСУДАРСТВА ШЕЙБАНИДОВ И ДЖАНИДОВ (XVI—XVIII вв.)

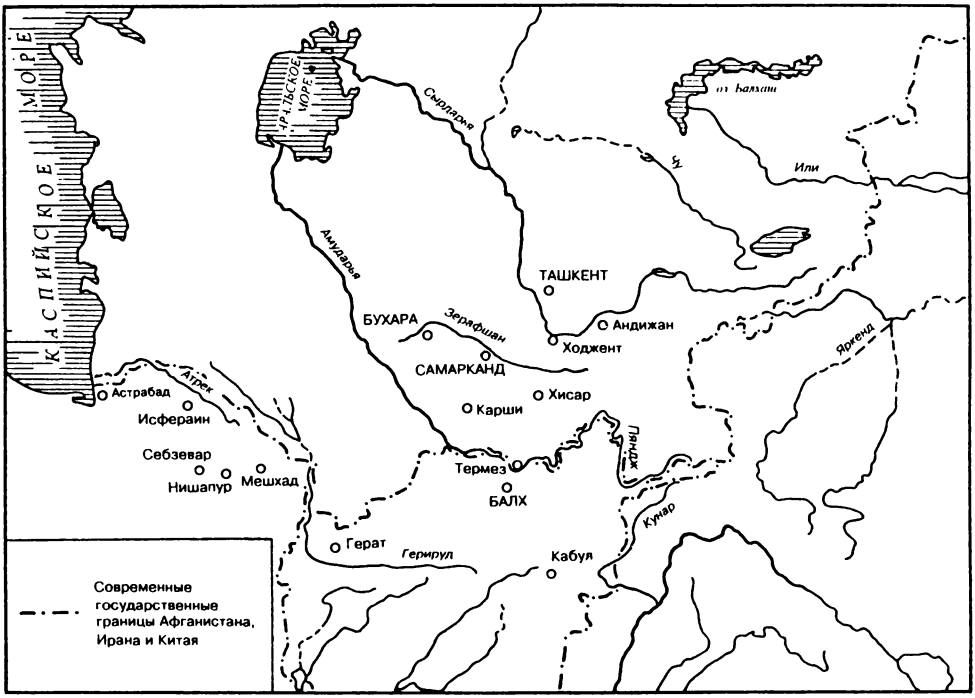


Рис. 3

О стремлении Шейбани-хана привлечь не только знать, но и более широкие слои в первую очередь городского населения неопровержимо свидетельствует его денежная реформа. Не случайно она была оглашена в пятничной мечети Герата сразу после взятия города в 1507 г. Согласно реформе, серебряные монеты, например, стали чеканить во многих городах огромной империи от имени Шейбани-хана. Главное, что везде они имели одинаковый вид, одинаковый вес и одинаковую пробу. Денежная торговля, переживавшая в конце XV в. тяжелые времена, была стабилизирована, денежное обращение избавлено от инфляции.

Несколько последующих лет мирной жизни способствовали укреплению огромного государства. Однако в 1510 г. этому благоденствию наступил конец. На северо-востоке империи объединенные силы кочевников нанесли Шейбанидам сокрушительное поражение, а на юге сефевид шах Исмаил I за короткий срок захватил все завоеванные Шейбани-ханом города Ирана. Сражение между Исмаилом I и Шейбани-ханом окончилось поражением и гибелью последнего.

Всем этим воспользовался Бабур, талантливый представитель Тимуридской династии: поэт, мемуарист, впоследствии основавший в Индии новое государство. С помощью сефевидских войск он без особого труда захватил почти всю Среднюю Азию, но затем столь же легко и быстро ее потерял. К тому времени, когда Шейбаниды вторично завое-

вали Среднюю Азию, страна была разорена войной и грабежами. К этому прибавились тяготы холодной и снежной зимы 1512/13 г. Цены на продукты выросли чрезвычайно, во многих местах наступил голод, от которого гибли люди. Не избежали этой участи и жители Самарканда.

После прекращения на территории Средней Азии военных действий нормализации хозяйственной жизни, особенно земледелия, препятствовали не только тяжелые последствия предшествующих войн и междоусобий, но и «внедрение» кочевого хозяйства на территорию оседлого. К тому же Шейбаниды поделили государство на большие и малые уделы, где полновластно правили члены династии или их приближенные сановники. Значительные территории и районы были переданы в «кормление» тем племенам кочевых узбеков, которые участвовали в завоевании Тимуридского государства.

Но еще более тяжелые экономические трудности переживали города. Шейбаниды, вместо того чтобы способствовать нормализации городской жизни и торговли, делали все для дальнейшего их разрушения. Например, после Бабура денежное хозяйство требовало решительного вмешательства. Шейбаниды же этого не сделали. Денежное обращение было настолько нарушено, что серебряные монеты исчезли с рынка, а медные никто не хотел брать. Понадобилось целое десятилетие для кардинальной денежной реформы, которая была проведена в три этапа и завершена лишь в 1525 г.

Дальнейшая политическая история XVI в. совершенно четко делится на три этапа. Первый этап (до 40-х годов XVI в.) характеризуется относительным спокойствием внутри государства. Хотя удельные владетели, особенно крупные, фактически были совершенно самостоятельны, внешние признаки единства государства строго соблюдались.

Чрезвычайно частые на первом этапе походы и набеги на Хорасан, в которых принимали участие многие, а иногда и все шейбанидские султаны, объективно являлись тем фактором, который тормозил развитие междоусобий. Первый такой поход Шейбаниды совершили сразу после победы над Бабуром, причем на короткое время им удалось овладеть почти всем Хорасаном. Всего на первом этапе было осуществлено восемь крупных походов. Инициатором их был Убайдаллах-хан, владетель Бухары и самый влиятельный среди Шейбанидов. Некоторые походы не были успешными, и дело ограничивалось осадой отдельных городов и грабежами; во время других походов Шейбаниды неоднократно овладевали крупнейшими городами Хорасана — Гератом (три раза), Мешхедом (четыре раза), Нишапуром, Астрабадом и др. Убайдаллах-хан пытался захватить также и Хорезм, но удача была кратковременной.

Второй этап (до начала 80-х годов XVI в.), наступивший после его смерти, характеризуется смутами; междоусобицы достигали таких размеров, что даже внешние формы единства государства и признания

хакана (главы династии) многократно нарушались. Некоторые султаны — удельные владетели — чеканили монеты уже не от имени главы государства, а от своего собственного. Разные группировки провозглашали своих хаканов, и в этих случаях выпускались монеты от двух претендентов.

В это время заметно выделился Абдаллах-хан. Его отец был удельным владетелем Миankаля — большой области между Самаркандом и Бухарой. Не отличаясь ни воинственностью, ни честолюбием, он старался держаться в стороне от отдельных группировок султанов. Иного склада был его сын, энергичный и честолюбивый Абдаллах-хан. Еще при жизни отца он активно вмешивался в происходившие междоусобицы. Ему удалось сколотить группу, которая провозгласила главой династии (*хаканом*) сначала его дядю Пир-Мухаммада (владетеля Балха), а в 1561 г. — его отца, Искандара. С этого времени Абдаллах-хан усиленно боролся с другими султанами за овладение мелкими и крупными уделами, за централизацию власти. Борьба была трудной и продолжалась более двадцати лет. Абдаллах-хан не щадил противников; преследуя свои цели, он не останавливался ни перед какими средствами, как бы жестоки они ни были.

Самыми сильными и активными его противниками были владетели Самарканда и Ташкента. Недаром одну из побед над ташкентскими султанами Абдаллах-хан отметил надписью, высеченной на скале недалеко от Самарканда. Решающими вехами были окончательный захват одного за другим крупнейших городов-уделов Средней Азии: в 1573 г. — Балха, в 1574 г. — Хисара, в 1578 г. — Самарканда, в 1582 г. — Ташкента. Бухара, взятая раньше (в 1557 г.), окончательно стала столицей государства.

Третий этап в истории Шейбанидов начинается с момента, когда Абдаллах-хан, объединив страну и сосредоточив в своих руках фактическую власть, в 1583 г. формально провозгласил себя хаканом государства.

Этот этап характеризуется известной централизацией государственной власти, мероприятиями по нормализации хозяйственной жизни страны, удачными военными действиями, значительно расширившими границы государства.

Абдаллах-хан II не уничтожил и не мог уничтожить удельного устройства государства, но при нем удельные владетели превратились фактически в наместников. Это было крупным политическим успехом и имело важные экономические последствия. До этого хакан государства был лишь удельным владетелем. Теперь Абдаллах-хан II выступает в качестве верховного главы всего государства, обладающего р е а л ь н о й властью.

Некоторые мероприятия Абдаллах-хана II способствовали улучшению экономического положения в стране. Согласно сохранившимся народным преданиям, он якобы построил многие оросительные каналы. В письменных источниках упоминаются такого рода работы, действительно выполненные по его приказу. Он также заботился о развитии торговли. Известно, что он улучшал дороги, строил мосты, караван-

сараи и сардобы-водохранилища. Это создавало самые благоприятные условия и для внутренней, и для внешней торговли. Чрезвычайно большое значение для торговли имела денежная реформа. Предшествующий этап междоусобиц, грабежа и разорения населения, самых беззастенчивых махинаций с чеканом и обращением монет пагубно сказался на состоянии торговли. Общегосударственный характер денежного обращения был нарушен. Самостоятельные действия удельных владетелей приводили к тому, что иногородние монеты принимались неохотно или по более низкому курсу, что затрудняло торговлю между городами. Наконец, серебро почти исчезло из обращения. Часть его была спрятана, значительное количество было вывезено за границу (в Кабул и в Индию). Государственный, официальный курс серебряных монет и их рыночный курс резко разошлись.

Абдаллах-хан II провел важную денежную реформу: сократил число монетных дворов, обеспечил равное обращение монет по всему государству, уравнял официальный и рыночный курс монет, строго проверял продукцию монетных дворов, особенно пробу монет из валютных металлов.

Нормализация хозяйственной жизни, укрепление и расширение экономической базы центральной власти создали реальные предпосылки для осуществления давнишней цели Шейбанидов — завоевания Хорасана. Еще в 1584 г. Абдаллах-хан II завоевал Бадахшан, а в следующем году отправил посольство в Индию, к Акбару Великому. Приступая к завоеванию Хорасана, он особенно дорожил спокойствием всех границ своего государства. Ответное посольство Акбара Великого Абдаллах-хан II принял с почетом в 1587 г., а в следующем году захватил Герат. Затем были завоеваны Мешхед, Нишапур, Исфераин, Сабзавар и другие города, однако до смерти Абдаллах-хана II узбеки прочно владели лишь восточной частью Хорасана (Мешхед, Герат). В результате нескольких походов в руках Абдаллах-хана II оказался и Хорезм.

После смерти Абдаллах-хана II в государстве начались династические смуты и вскоре воцарилась новая династия.

В XVI в. основой сельского хозяйства по-прежнему было земледелие, причем основную часть продукции давало поливное земледелие. Важно, что при Шейбанидах были проведены крупные ирригационные работы, орошались новые площади. Сетка отводных каналов стала гуще, в юридических документах того времени часто упоминаются «новые» каналы. Сеяли зерновые, бобовые; значительные площади занимали посевы клевера. Высаживали тутовые деревья. Были развиты огородничество, садоводство, виноградарство. Славились дыни из Бухары, самаркандский виноград сорта *сахиби*, бухарский виноград сорта *халили*. В Ташкенте лучшими сортами винограда считались сахиби, *хусайни*, *шакарангур* и др. Лучшие гранаты поставляли Ходжент и Маргилан, лучшие яблоки — Самарканд, лучшие груши — Андижан. Прославившийся миндаль Канибадама целиком шел на экспорт.

Удельный вес животноводства в XVI в. вырос, так как в разных местах Средней Азии кочевали и постепенно оседали племена узбеков.

Категории собственности, владения и пользования землей не отличались от прежнего времени, но удельный вес некоторых за XVI в. изменился. Основная часть земли оставалась собственностью государства (*мамлакат-и падшахи*, *мамлакат-и султани*, *мамлакат*). Вся рента с этих земель принадлежала казне, взимали ее натурой (например, с посевов зерновых) и деньгами (например, с садов, огородов, клеверников и пр.). Рента делилась на основную, фиксированную часть — *мал*, *мал-уджихат* (с поливных земель она составляла $^3/_{10}$ урожая зерновых) и прочие налоги (*ихраджат*, *аваризат*), количество и размер которых изменялись. Практически рента с государственных земель в XVI в. лишь частично попадала в казну, так как именно она была основным фондом пожалований. Ренту раздавали членам династии, племенам узбеков, чиновникам, духовенству. Размеры и условия пожалований, естественно, были разными. Терминология не отличалась четким разграничением. Например, термином *союургал* иногда называли области, переданные во владение и управление членам династии или крупным представителям узбекской родовой знати. Этим же термином обозначали совершенно определенные по размерам пожалования чиновникам за службу. Пожалования (преимущественно небольшие) за военную службу чаще называли *икта* и *танха*.

Обрабатывали государственную землю крестьяне, которые отдавали ренту либо целиком в казну, либо целиком или частично пожалованным владетелям.

Значительным был фонд земель, которые мусульманское право считало частной собственностью. Юридический и экономический статус частнособственнических земель не был одинаковым, поэтому разные их категории получали даже самостоятельные названия. В источниках чаще всего упоминаются земли *милк*. Их можно было продавать, дарить, передавать по наследству. Иногда эти обычные милки имеют более точные названия: «милк одной и двух десятых» или «милк трети и двух третей». Это значит, что одна десятая урожая зерновых, соответствующая одной трети фиксируемой ренты, поступала собственнику, а две десятых урожая, равные двум третям ренты, — в казну. Богатых собственников из числа членов династии, чиновников, духовенства государство часто освобождало от выплат в казну.

«Милк трети и двух третей» стал источником образования особой категории земельной собственности, когда государство и частное лицо делили его пропорционально долям ренты, оформляя раздел в канцелярии *кази* (судьи). В результате две трети площади отходили казне (они становились государственной землей), а одна треть — частному лицу, которое после этого всю ренту забирало себе и ничего не отдавало казне. Такая полная форма земельной собственности получила название *милк-и халис*.

За XVI в. вырос фонд вакуфных земель: в *вакф* передавали земли милк (реже милк-и халис). У милковых земель, переданных в *вакф*, менялся не экономический, а юридический статус: их нельзя было отчуждать (продавать, дарить, менять). Но казна своей доли ренты при этом не теряла. Правда, из богоугодных соображений династы иногда освобо-

ждали вакуфные земли от налогов. В XVI в. (как и прежде) было два вида вакуфных земель (как и прочего вакуфного имущества). Чаще всего вакф учреждали в пользу какого-либо института (медресе, мечети, мавзолея и др.) для его поддержания, ремонта здания и содержания персонала. В других случаях милковые земли превращали в наследственный вакф в пользу потомков, оберегая таким способом семейную собственность от распродажи, разбазаривания и от конфискаций.

Крестьян условно можно разделить на три группы. Привилегированное положение занимали крестьяне, имевшие землю *милк*. За XVI в. число таких мелких земельных собственников сократилось, документы фиксируют продажу маленьких крестьянских участков. Заметно, что продажа часто была принудительной: это крупные земельные собственники «округляли» свои земельные массивы.

Большая группа — крестьяне-общинники, жившие в деревнях. Именно они платили собственнику земли (государству либо частным лицам) или жалованному владетелю фиксированную часть ренты в рассмотренных выше размерах (например, с поливных земель — три десятых урожая зерновых натурой) и все прочие налоги. Статус общины можно определить как «вечную аренду». Собственники земли (государство, частные лица) могли жаловать и продавать общинные территории целиком или даже частями, но фактически жаловалась и продавалась не земля, а рента, которую платили крестьяне-общинники. В документах зафиксированы случаи, когда у одной общинной территории было несколько собственников, но они делили между собой не территорию, а ренту.

В наихудшем положении были крестьяне-арендаторы (*музари'ан*, *карандаха*). Во-первых, сроки аренды были разные и чаще всего короткие. В документах иногда прямо сказано, чтобы землю сдавать в аренду только на 2—3 года. Во-вторых, условия аренды были тяжелые, арендная плата была намного больше того, что причиталось с общинников. В-третьих, крестьяне арендовали землю не только непосредственно у собственников, но у жалованных владетелей, превращаясь в субарендаторов; положение же субарендаторов было особенно тяжелым и непрочным.

В городах XVI в. существовали те же категории земельной собственности, владения и пользования, что и в сельской местности. В городах основная часть земли также принадлежала государству и крупным собственникам. Земельная собственность рядовых горожан за XVI в. сократилась. Горожане были арендаторами не только земли, но часто и жилых домов, ремесленных мастерских, торговых помещений. Процесс концентрации городской собственности заметен по документам XVI в. Члены династии, богатые светские и духовные собственники скупали в городах не только землю, но и лавки, мастерские, жилые постройки; они же строили очень доходные крупные торговые помещения и городские караван-сараи. Городское имущество крупные собственники часто превращали в вакф. Сохранились документы XVI в., из которых видно, что в вакф передавали не только десятки и сотни земельных участков, но и десятки и сотни разных городских построек (более всего торговых).

Судя по источникам XVI в., ремесленников можно было встретить в селениях, в сельских пригородах, но центрами ремесленного производства были среднеазиатские города. Роль ремесел в экономике страны становилась все более значимой. О росте производительности труда в ремесленном производстве имеется ряд косвенных данных. Интенсивно развивались и специализировались не столько те виды ремесел, которые обслуживали быт богачей, сколько ремесла, поставлявшие продукцию рядовому потребителю.

В городах было большое количество лавок и заведений по изготовлению и продаже различных продуктов питания. Какие бы товары ни продавались на многочисленных базарах, там всегда были хлебопекарни, булочные и харчевни, количество которых, судя по документам о куплепродаже и вакуфным грамотам, было очень велико. В источниках упоминаются профессии изготовителей пирожков, сластей (отдельно халвы), жареного мяса, рыбы, бараньих голов, ножек и т.д. Каждый вид продуктов продавался отдельными, специализировавшимися на их изготовлении мастерами.

В этот период первое место среди среднеазиатских ремесел занимали обработка металлов и изготовление металлических изделий. Перечень профессий достаточно убедительно свидетельствует о размахе металлообрабатывающей промышленности и о крайне узкой специализации ее мастеров: ювелиров, граверов, тянульщиков золотой и серебряной проволоки, кузнецов, литейщиков (в том числе отдельно литейщиков котлов), медников, ножовщиков, гвоздарей, мастеров по изготовлению напильников, игл и т.д. Некоторые из них имели даже отдельные базары — продавцов иголок в Бухаре, подковщиков в Самарканде, медников в других городах и т.д.

Следующая группа специализированных ремесленников была связана с изготовлением тканей и шитьем одежды. Здесь разделение труда зашло, пожалуй, еще глубже. Много ремесленников обрабатывали кожу, причем разные мастера занимались разными ее видами. Сапожники также имели узкую специализацию. Большое число ремесленников изготавливали оружие, в том числе огнестрельное. Источники называют даже имена наиболее прославленных мастеров.

В XVI в. в связи с интенсивным строительством большое развитие получили всевозможные прикладные ремесла: резьба по камню, дереву и алебастру, роспись, различная по технике и виду, мозаичные и майоликовые работы и т.д. Специализация в области строительного дела также была весьма дробной.

Разделение труда в ремесленном производстве шло в двух направлениях. С одной стороны, отпочковывались ремесла по изготовлению отдельных готовых предметов потребления (производство гвоздей, игл, ножей и т.д.), с другой — специализация шла как бы внутри, по отдельным процессам производства (например, выделялись ремесленники, изготовлявшие только полуфабрикаты для другого ремесленника). Такое техническое разделение труда по существу прогрессивно, но в средние

века его развитие возможно лишь до известных пределов. Связь между такими ремесленниками осуществлялась через рынок.

Ремесленники, изготовлявшие одинаковую продукцию, были объединены в цехи. Во главе цеха стоял старшина, которого утверждала государственная власть. Старшина следил за качеством продукции, выпускаемой мастерами, за выполнением принятого стандарта, отвечал за раскладку и сбор налогов внутри цеха, устанавливал цены на товары и т.д. Члены цеха обычно селились вместе, в одном квартале города. Названия некоторых городских кварталов прекрасно это подтверждают: квартал изготовлявших посуду, кварталы золотошвей, кузнецов, сапожников и др.

Центральной фигурой цеха был мастер (*устад*), имевший учеников. Мастера были заинтересованы в длительных сроках ученичества, так как бесплатно эксплуатировали учеников. Поэтому договорные сроки всегда значительно превышали практически необходимые для обучения ремеслу. Например, обучение у ткача *алачи* продолжалось от полутора до четырех лет. Фактически же сроки обучения нередко достигали пяти лет. Эксплуататорская сущность ученичества не скрывалась и официальными документами, где подчеркивалось, что в течение всего срока обучения ученик обязан выполнять любую работу, порученную ему мастером. Мастер же, со своей стороны, обязан был кормить и одевать ученика и выучить ремеслу так, чтобы мастера соответствующего цеха одобрили его. Положение ученика по существу было положением батрака, работавшего лишь за еду и одежду, без денежного вознаграждения.

В источниках упоминаются также и рабочие. Вероятно, это были подсобные работники, необходимые во многих отраслях ремесел и работавшие по найму или на каких-либо других условиях.

Налоги в городе собирали в денежной форме. Общие суммы налоговых поступлений в казну с городов были очень значительными. Например, Самарканд ежегодно вносил в казну 1 млн. 600 тыс. серебряных монет (*танга*), что при уровне цен того времени было колоссальной суммой.

Ремесло и торговля облагались особым налогом (*тамга*); в XVI в. он достигал 10% цены любого изделия. С привозных товаров взимали особые налоги и пошлины. Практиковали произвольные надбавки (*тавфир*, *тафавут*) к фиксированным нормам.

Торговля была денежной. Высокий уровень развития и значительный объем мелкотоварного производства и розничной торговли внутри города, между городом и сельской округой определили большое значение медных монет (медного *динара* и его кратных). Для более крупной торговли (включая торговлю недвижимостью — землей на селе и в городе, дуканами, домами и пр.) во многих городах государства Шейбанидов чеканили высокопробные серебряные монеты (*танга* и ее кратные). Развитая денежная торговля открыла для казны важный источник фискальных доходов. Танга делились на две группы: «старые» и «новые». Казначейство довольно часто меняло границу между ними, объявляя «новыми» танга только последнего выпуска, предшествующие попадали в разряд

«старых» и сразу теряли 10% своей покупной способности. Когда «новые» танга равнялись 30 медным динарам, «старые» — только 27, хотя вес и проба были одинаковые. Подобным же способом казна извлекала доходы из чекана и обращения медных монет. По мнению одного современника, это сильно разоряло страну и купцов.

Процветали ростовщичество и заклад, хотя мусульманское право (шариат) их запрещает. Практика хитроумно обошла теорию: документы оформляли заклад как незаконченную продажу, а проценты — как плату за вымышленную работу ростовщика (например, сохранение экземпляра Корана). Ростовщический процент был значительным, обычно в пределах 35—50 годовых или даже больше.

При Шейбанидах общий объем ремесленного производства был стабильным и даже, возможно, несколько снизился. Сократился объем внешней торговли с Ираном и Индией, зато окрепли связи с Россией — и дипломатические, и торговые.

Для XVI в. характерен огромный размах строительства различных монументальных сооружений. Особенно интенсивно застраивалась Бухара. Но и в других городах — Самарканде, Ташкенте, Балхе, Кермине, Карши, Ура-Тюбе, Исфаре — также было возведено много новых зданий. Развитие городов, ремесел и торговли привело к преобладанию практического подхода к задачам строительства. Новые черты в архитектуре XVI в. определены именно такими рационалистическими воззрениями. Особое внимание уделялось строительству монументальных сооружений общественного назначения. Так, было построено несколько крупных мостов, на караванных дорогах появились новые *рабаты* (укрепленные караван-сараи) и многочисленные водохранилища (*сардоба*), в городах сооружались различные монументальные торговые постройки и целые ансамбли, появились десятки новых караван-сараев и благоустроенных бань.

Не менее явно реалистическое направление выразилось в новом понимании декоративной отделки монументальных сооружений. Архитектурная декорация перестала быть самоцелью. Отказ от очень дорогой и трудоемкой мозаики был закономерным следствием стремления ускорить и удешевить процесс отделки. Это отвечало большому размаху строительных работ и их практическому назначению.

Рационалистический взгляд на задачи декоративной отделки зданий возобладал, конечно, не сразу и воплотился в разных сооружениях поразному. В памятниках культового назначения, особенно в первой половине столетия, тимуридские декоративные традиции оказались крепче и устойчивее, хотя и здесь центр тяжести был перенесен на отделку внутренних помещений.

Архитекторы XVI в. большое внимание уделяли освещению. В обширных подкупольных пространствах часто применялись два приема: окна в барабане купола и подкупольные световые фонарики. Многие памятники демонстрируют дальнейшее развитие и усовершенствование конструкций сводчато-купольных перекрытий.

Значительных успехов достигло искусство переписки, оформления и иллюстрации рукописей. Именно в XVI в. сформировалась местная, бу-

харская школа книжной миниатюры. Для нее характерно сочетание спокойной немногофигурной композиции и тонкой прорисовки мельчайших деталей.

В литературе XVI в., так же как и в прошлые века, мы наблюдаем два течения, качественно отличающиеся друг от друга. Одно из них — это застывшая форма придворной литературы, другое — народно-прогрессивное течение. Характерно также, что иногда эти два противоположных течения уживались в творчестве одного и того же поэта. Именно такие поэты создали самые значительные произведения XVI в.

Хотя отдельные представители Шейбанидской династии выступали в роли просвещенных меценатов, положение профессиональных поэтов, художников, музыкантов было все же весьма тяжелым и зависимым. Они не могли, например, по своему желанию выбрать город и двор, где хотели бы жить и работать. Переехать на новое место они могли только с разрешения хана или султана, при дворе которого находились; их без согласия и даже против воли могли отправить ко двору другого удельного владетеля.

Но литература в XVI в. была достоянием не только придворных кругов: литературные встречи происходили на базарах, в лавках ремесленников, в частных домах горожан. Социальная база литературного творчества стала более широкой, многие поэты происходили из среды ремесленников, простых горожан. Это отразилось на содержании, идеологической направленности и языке литературных произведений.

Если культура XVI в. достигла довольно высокого уровня и в некоторых областях отмечена значительными и прогрессивными достижениями, то про науку в целом этого сказать нельзя. Известное развитие получила историческая наука. К XVI в. относится несколько оригинальных придворных исторических хроник и мемуаров. Интерес к истории был значителен. Исторические сочинения переписывали, переводили; некоторые рукописи этого рода богато иллюстрированы миниатюрами.

Из естественных наук в наилучшем положении находились медицина и фармакология. Известен ряд медицинских трактатов, написанных в Средней Азии при Шейбанидах. Сохранилась рукопись медико-фармакологического трактата, переписанная в середине XVI в. самаркандским каллиграфом. В рукописи 594 иллюстрации с изображением животных, лекарственных растений, сосудов для приготовления и хранения лекарств и т.д. Некоторые рисунки исполнены с большим мастерством и точностью.

Глава 7

АФГАНИСТАН И АФГАНЦЫ В XVI — СЕРЕДИНЕ XVIII в.

В 1504 г. сын правителя Ферганы, потомок Тимура, Захир ад-Дин Бабур захватил Кабул. Значительная часть земель, заселенных афганскими племенами, подпала под его власть. В своих мемуарах «Бабур-наме», являющихся важнейшим источником для изучения Афганистана и афганцев, он сообщает ценные сведения о расселении, особенностях быта, нравах и обычаях афганских племен, дает подробные описания ряда городов и местностей; особенно большое внимание Бабур уделил Кабулу, который он очень любил.

Политика Бабура в отношении афганских племен определялась во многом задуманным и осуществленным им походом в Индию. Часть афганских племен, которая не желала ему подчиниться и платить дань, он жестоко покарал. У других (например, юсуфзаев) небезуспешно стремился найти поддержку и привлечь их в свое войско.

В 1526 г., после сражения, в котором при Панипате погиб делийский султан Ибрахим-шах Лоди (1517—1526), Бабур с войском, большую часть которого составляли афганцы, захватил Дели, а затем распространил свою власть вплоть до Бенгалии. Основанная им династия известна как династия Моголов. В 1530 г. он умер в Индии, но похоронен, согласно его желанию, в Кабуле. В состав созданной им державы кроме индийских земель входила весьма значительная часть территории нынешнего Афганистана, в том числе Нангархар, Систан, области Кабула, Герата, Газни, Кандагара.

Область Кандагара и сам город находились на путях караванной торговли, дававшей большие доходы. Являясь, кроме того, важным стратегическим пунктом в направлении Индии, Кандагар многие годы был объектом борьбы между Моголами и Сефевидами. В XVI — первой половине XVII в. он несколько раз переходил из рук в руки. В 1649 г. город был захвачен войсками сефевидского шаха Аббаса II (1642—1666). Племена гильзаев и абдали, селившиеся в районе Кандагара, принимали участие в длительной борьбе за этот город. Их вожди примыкали то к Сефевидам, то к Моголам. Часть абдали переселилась в район Герата, другие, поддерживавшие Моголов, направились в Индию и обосновались главным образом в Мултане; гильзаи укрепились в районах Заминдавара и Кандагара.

Вожди гильзаев, абдали и других афганских племен, селившихся на территории Сефевидов, подчинялись сефевидским наместникам, назначавшимся иранским шахом. Стремясь сохранить лояльность племен и будучи заинтересованы в военной поддержке афганских вождей, Сефевиды нередко давали им на откуп сбор налогов, награждали титулами,

АФГАНИСТАН И АФГАНЦЫ В XVI — СЕРЕДИНЕ XVIII в.

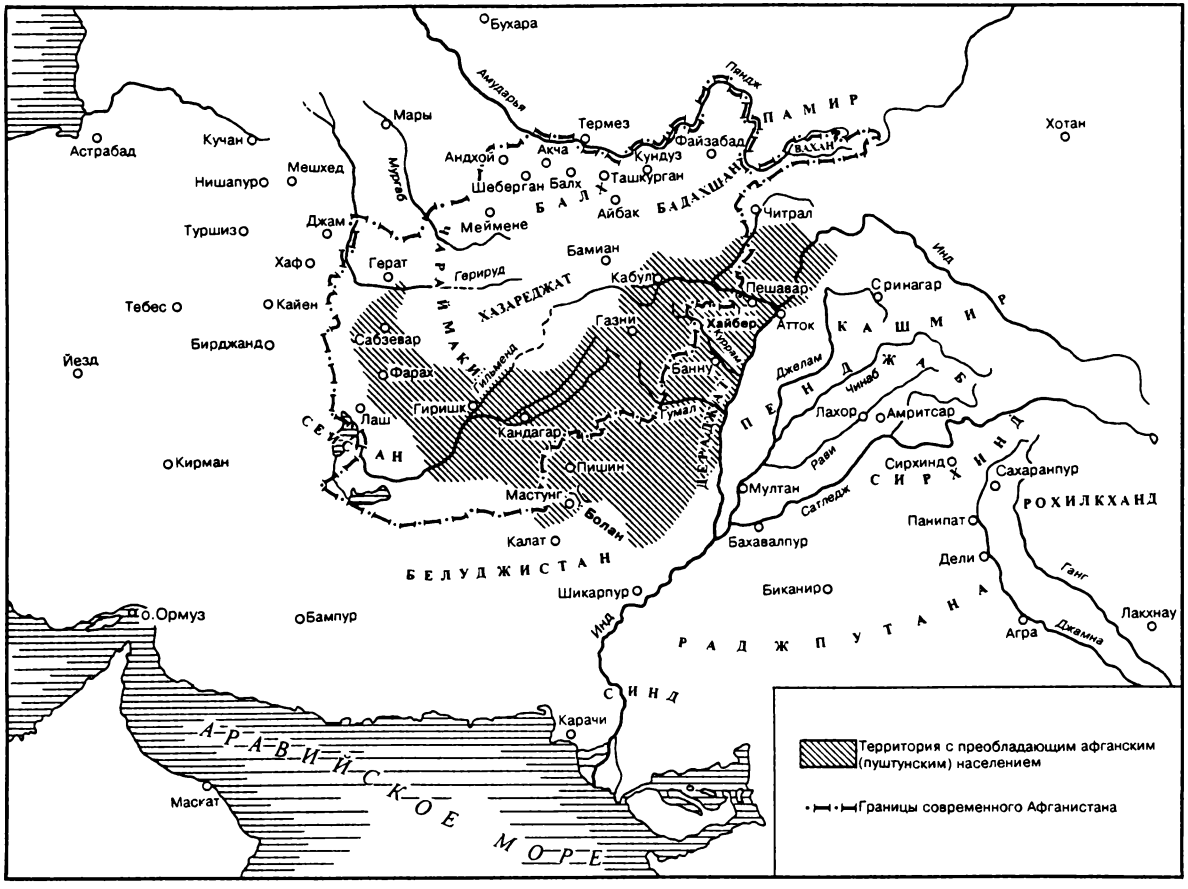


Рис. 4

земельными пожалованиями, деньгами, используя при этом в своих интересах распри и борьбу между отдельными племенами и их подразделениями.

Так, при Аббасе I (1587—1629) в 1597 г. абдалийский вождь малик Садо из клана попользаев получил титул «вождя афганцев» за содействие в борьбе за Кандагар. Племенному ополчению Садо была поручена охрана пути от Герата до Кандагара. Члены его рода получили привилегии, впоследствии закрепленные за их потомками — садозаями, которые стали обладать правом выдвигать вождя всех абдали.

Участвуя в военных походах различных правителей и ведя почти непрекращавшуюся борьбу с другими племенами и оседлым населением за захват земель и пастбищ, занимаясь посреднической торговлей и охраняя караванные пути, афганцы длительное время сохраняли внутриплеменную военную организацию. Одновременно создавались союзы племен, главным образом для ведения совместной борьбы с другими племенами, а также правителями — либо местными неафганскими, либо назначавшимися из центра. Внутри таких союзов отношения между племенами все чаще строились на основе господства и подчинения, что в значительной степени способствовало расшатыванию патриархально-родовых отношений. В процессе освоения завоеванных земель и пастбищ, расселения на захваченных землях различные подразделения афганских племен постепенно смешивались, племенные же союзы приобретали тенденцию к превращению в зачатки территориально-племенных объединений.

В силу различных обстоятельств подразделения одного и того же племени нередко занимали пастбища и земельные оазисы не сплошной массой, а чересполосно. В результате вожди племен взамен племенного ополчения постепенно стали создавать дружины, не связанные кровным родством.

Овладев землями, в частности в областях Кабула и Кандагара, в Пешаварской долине, афганцы делили их между членами племен, применяя при этом различные принципы раздела — по едокам, по наследственным долям, в зависимости от степени знатности глав семей или их усилий и участия в борьбе за завоеванные земли. Значительная часть земель доставалась знати. Все чаще обедневшие члены племени, клана или отдельные семьи были вынуждены обращаться к более сильным, просить у них покровительства на правах *хамсая* (зависимых), укрепляя положение знати племен, постепенно превращавшейся в феодальных землевладельцев.

Рост имущественного неравенства, а также природные условия новых мест заселения, где ведение кочевого скотоводческого хозяйства нередко исключалось, имели своим результатом переход к оседлости отдельных групп и подразделений некоторых племен. Так, часть гильзаев, абдали, момандов, какаров, мухаммадзаев стала возделывать поля, выращивать зерновые культуры, рис и продавать их; другие, обосновавшиеся в городах, например в Кабуле, Герате, Газни, занимались ремеслом и торговлей. И те и другие, переходя к оседлости, вливались в уже сложившуюся

здесь систему феодальных связей и хозяйства. Знать племен, завоевывая освоенные земледельческие оазисы, стремилась не раздавать земли соплеменникам, а присваивать их, превращая население в хамсая.

Развитие в афганском обществе обмена и торговли, появление ростовщичества, закрепление права собственности на землю сначала за мусульманскими богословами, а потом и за знатью — все это способствовало расшатыванию патриархально-родовых отношений, превращению вождей и верхушки племен в наследственную феодализирующуюся знать.

В процессе феодализации афганских племен патриархальные по форме институты, в частности *джирга* (совет племени, рода и т.п.), начинали постепенно изменять свое социальное содержание, приспосабливаться знатью для утверждения своих прав не только на эксплуатацию рабов и хамсая, но и на подчинение и закабаление свободных соплеменников.

Процесс феодализации у различных племен происходил неравномерно. Так, у скотоводческих племен, например у вазиров, разложение патриархально-родовых отношений в XVI—XVIII вв. находилось на начальной стадии, феодализация же перешедших к оседлости хаттаков, халилей, мухаммадзаев, равнинных момандов происходила более быстрыми темпами; процесс концентрации земли верхушкой этих племен был более интенсивным.

В период разложения патриархально-родовых отношений представители мусульманского духовенства первыми в афганском обществе обеспечили себе право на земельную собственность. Многие обедневшие соплеменники искали у них покровительства, передавая им свои земли и превращаясь в хамсая.

Становясь крупными землевладельцами, верхушка мусульманского духовенства нередко эксплуатировала не только хамсая, но и других землевладельцев. Поэтому не случайно движение *роушанитов*, начатое афганцами в XVI в. против феодализирующейся верхушки племен и власти Моголов, было направлено также и против ортодоксального ислама и его служителей.

Как и многие другие движения в средние века, оно возникло и развивалось как сектантское. Его руководителем и идеологом был Баязид Ансари. Он родился в Панджабе, а затем вместе с семьей переселился на родину своего отца в Канигурам (Вазиристан). Посетив Среднюю Азию и Индию, он познакомился здесь с различными течениями ислама и индуизма. В середине XVI в. Баязид Ансари объявил себя пророком — «старцем света» (*пир-и роушан*) и стал проповедовать новое учение. Его основные положения состояли в том, что божественное начало разлито во всем мире и все люди, независимо от принадлежности к тому или иному этносу, религии, имущественного положения и наследственных привилегий, равны перед богом. Веря в переселение душ, он проповедовал, что «путь спасения» одинаков для рабов, хамсая, афганцев и неафганцев, и видел спасение в борьбе за достижение равенства в земной жизни.

Согласно учению Баязида Ансари, люди делились на не принявших и принявших его учение («людей света» — *роушанитов*). Лица, не принявш-

шие это учение, его противники, периодически объявлялись несуществующими, не имеющими права владеть землей и другим имуществом и нередко даже физически уничтожались. При этом имущество не принявших учение конфисковалось и подлежало разделу между членами секты. Основы своего учения Баязид Ансари излагал в поэтических сочинениях и в прозе. Наиболее известным его произведением является трактат «Хайр-уль баян» («Преблагая весть»), написанный в форме диалога Баязида с Богом. Баязид Ансари был не только прекрасный оратор и поэт, но и талантливый политический и военный руководитель.

В 60-х годах XVI в. он перешел от проповедей к организации восстания. По своим лозунгам и составу участников движение роушанитов являлось в основном крестьянским и было направлено против феодализирующейся знати племен и мусульманских богословов. Поскольку оно имело также и ярко выраженную антимогольскую направленность, к лагерю повстанцев примыкали отдельные представители знати, вожди некоторых племен. Охватывая главным образом области, расположенные на северо-западе нынешнего Пакистана (центром и основной базой движения был Тирах), роушаниты достигли значительных военных успехов. Им удавалось захватывать, хотя и временно, Нангархар, а также Газни, Кабул и прилегающие к ним районы, перекрывать подступы к Хайберскому перевалу, нарушая не только традиционные торговые пути, но и военные коммуникации могольских правителей.

На землях, захваченных роушанитами, положение хамсая и рядовых членов племен улучшалось, освобождались рабы. Земли и имущество знати, мусульманских богословов, могольских ставленников подлежали разделу между членами секты; $^1/_6$ добычи поступала руководителю секты. Встречая сопротивление, роушаниты нередко казнили захваченных в плен.

Наиболее активно участвовали в движении такие племена, как халилы, мухаммадзаи, равнинные моманды, хугиани, в среде которых социальные противоречия достигали значительной остроты, а рядовые члены племен подвергались двойной эксплуатации — со стороны знати племен и могольских наместников. Роушанитов поддерживали и другие племена, иногда вместе с их вождями.

Могольский падишах Акбар (1556—1605) предпринимал энергичные действия против движения роушанитов, снаряжал военные экспедиции для борьбы с ними. В конце 80-х годов, сумев привлечь на свою сторону знать ряда племен и объединив усилия, он нанес серьезные поражения роушанитам, после чего их движение пошло на убыль. После смерти Баязида Ансари движением руководили его сыновья, затем внуки. Последний из руководителей движения — внук Баязида Ансари Каримдад погиб в 1638 г.

В ходе движения некоторые племена то примыкали к нему, то отходили от него. Такая непоследовательность объяснялась не только и не столько тем, что знать, будучи заинтересована в получении земельных пожалований, титулов и привилегий, шла на сговор с Моголами. В среде самих племен, например у юсуфзаев, проявлялось недовольство уравни-

ванием в правах свободных членов племени с рабами и хамсая, что устраняло возможность эксплуатации последних.

Несмотря на поражение роушанитского движения, его значение для дальнейшего исторического развития афганских племен очень велико. Наряду с тем что движение было одной из ярких страниц борьбы народных масс против феодальной эксплуатации и иноземного владычества, выступления роушанитов и их идеи объединения населения на территориальной основе в условиях разложения патриархально-родовых отношений сыграли несомненную роль в дальнейшем развитии афганского общества и формировании афганской государственности.

Идеи объединения нашли широкое отражение в новом антимогольском восстании афганцев, которое возглавил в 60-х годах XVII в. правитель княжества хаттаков Хушхал-хан (1613—1689).

Хаттакское княжество с центром в Акоре, расположенное на путях к Пешавару, в районе слияния рек Кабул и Ландай, было создано как зависимое от Моголов владение в XVI в.

Знати хаттаков удалось не допустить активного участия своих соплеменников в роушанитском движении. Выступая на стороне Моголов, она в течение многих лет враждовала с юсуфзайскими вождями. Акбар дал хаттакским вождям ряд привилегий (инвеституру на управление Акорой на правах *джагира* — условного земельного пожалования) и обязал охранять от нападений других племен торговые караваны, могольские военные отряды и их обозы на дорогах к Пешавару. Несмотря на то что власть в Акоре передавалась по наследству, могольские падишахи специальными указами утверждали правителей хаттаков, время от времени поощряя их в различной форме. Отец Хушхал-хана, Шахбаз-хан, получил от могольского падишаха откуп на сбор налогов с юсуфзайских земель в районе Пешаварской долины в размере 12 тыс. рупий ежегодно. После смерти Шахбаз-хана (1641 г.) могольский падишах Шах-Джахан (1628—1658) утвердил правителем хаттаков его сына Хушхал-хана. За участие в походах могольских войск Хушхал-хан получил крупный джагир со 150 тыс. рупий ежегодного дохода, за это он должен был выставлять отряд в полторы тысячи воинов. Являясь вассалом могольского падишаха, Хушхал-хан имел в своем подчинении хаттакских маликов.

Значительная часть хаттаков в период правления Хушхал-хана уже перешла к оседлости. Имущественное и социальное расслоение достигло здесь весьма высокого уровня. Хаттаки занимались земледелием, ремеслом, разрабатывали соляные копи, продавая соль за пределы княжества. По указу Хушхал-хана в княжестве были проведены земельный кадастр и фиксация земельных наделов, определявшихся по числу едоков в семье; все эти данные заносились в особые реестры. Таким образом, ставя своей целью упорядочение взимания налогов, Хушхал-хан, по существу, прикрепил членов племени хаттаков к определенным участкам земли, которые уже не подлежали практиковавшимся ранее периодическим переделам (*веш*).

Несмотря на подавление основных сил роушанитов в 30—50-х годах XVII в., антимогольские волнения среди афганских племен продолжа-

лись. Усиление этих волнений было связано с наступательной политикой Моголов, их военными экспедициями в район Пешавара и в направлении Кабула, где расселялись многие племена — афридии, юсуфзаи, моманды, шинвари, сафи. Войска Моголов, совершая нападения на афганские поселения, бесчинствовали, грабили, жгли жилища. Центром волнений афганцев, вылившихся затем в открытое восстание, стали земли афридиев.

Хушхал-хан вначале активно не участвовал в выступлениях племен. Однако могольский падишах Аурангзеб (1658—1707), заподозрив, что Хушхал-хан поддерживает восставших, схватил его и в течение нескольких лет (1664—1668) продержал в крепости, а затем под домашним арестом. В эти годы подняли восстание юсуфзаи. Их отряды сражались с могольскими войсками в районах Аттока и Пешавара. Юсуфзаев поддержали племена Свата и Тираха.

Новое крупное восстание началось в 1672 г. в племени сафи, к которому присоединились моманды, афридии и шинвари, перекрывшие Хайберский проход. Повстанцы одержали победу над могольским правителем Кабула. К ним присоединились хаттаки во главе с Хушхал-ханом. Аурангзеб безуспешно посылал все новые и новые войска, но они неизменно терпели поражения.

Будучи бесстрашным воином, Хушхал-хан обладал в то же время большим ораторским и поэтическим талантом. В своих выступлениях и стихах он проявил себя поборником объединения афганцев, призывая их отбросить племенные распри и усобицы и начать совместную борьбу с Моголами. По некоторым данным, к 1675 г. число восставших составляло более 30 тыс.

Аурангзеб, лично возглавив свои войска, в течение почти двух лет сражался против афганских племен, поголовно истребляя население, разжигая межплеменную вражду, уничтожая посевы. Он стремился подчинить свободолюбивых афганцев, склонить их вождей к измене. Источники приводят многочисленные сведения об интригах и подкупе вождей могольскими властями. Это принесло свои плоды: вызвало обострение в отношениях между племенами, а затем раскол. Тем не менее в 80-е годы XVII в. власть могольских падишахов во многих районах расселения афганцев была уже номинальной.

Вслед за антимогольскими восстаниями афганцев поднялись на борьбу племена, территории которых были включены в состав державы Сефевидов (1502—1736).

В конце XVII — начале XVIII в. государство Сефевидов, в состав которого входили Герат и Кандагар, переживало глубокий экономический и политический кризис.

На борьбу против Сефевидов поднялись народы, чьи земли были насильственно включены в состав их державы. Одним из первых восстало население Кандагара — оживленного торгового центра и важного военно-стратегического пункта.

Процесс разложения родо-племенного строя и складывания феодальных отношений протекал неравномерно и имел свои особенности у каж-

дого из этих племен. На более высоком уровне социально-экономического развития стояли абдали и гильзаи. В среде гильзайских племен процесс феодализации племенной верхушки наиболее далеко зашел у хотеки, составлявших значительную часть афганского населения Кандагарской провинции. В подразделение хотеки входил ханский род всего племени гильзаев (*шах-алемхель*), что, несомненно, объясняет политическую силу и влияние хотеки среди других гильзайских племен.

Положение афганских племен в составе Сефевидской державы в конце XVII — начале XVIII в. было тяжелым. Только в течение 1698—1704 гг. налоговые ставки в Кандагарской провинции увеличивались дважды. Усиление налогового нажима было особенно обременительно для афганцев Кандагара, экономическое положение которых значительно ухудшилось в результате резкого сокращения транзитной торговли с Индией, дававшей прежде большие доходы. Афганские племена подвергались национальному гнету и религиозным преследованиям. Последнее было связано с усилением в Сефевидском государстве роли шиитского духовенства (афганцы исповедовали суннизм).

В ответ на усиление налогового бремени и произвол шахских чиновников в конце XVII в., в первые годы правления шаха Хусейна (1694—1722), в Кандагарской провинции начались народные волнения. В 1704 г. правителем (*беглербегом*) Кандагара был назначен известный своей жестокостью Гурген-хан. Проводившаяся им политика еще более усилила недовольство народных масс. Во главе их встал *калантар* («старшина») Кандагара, гильзай Мир-Вайс, принадлежавший к клану хотеки.

Мир-Вайс отправился в Исфахан с жалобой на Гурген-хана. Там он убедился в слабости Сефевидов и понял, что, объединив всех недовольных, сможет бороться не только против Гурген-хана, но и за освобождение Кандагара от власти Сефевидов. Затем Мир-Вайс совершил хадж в Мекку, где получил благословение суннитского духовенства на борьбу против «еретического государя» (сефевидского шаха, исповедовавшего шиизм).

Вернувшись в Кандагар, Мир-Вайс организовал заговор против Гурген-хана. Его поддержали племена насыр, бабури, тарин, какар и некоторые другие. В 1709 г. афганцы подняли восстание. Сефевидский наместник был умерщвлен, а его войско перебито. Кандагар стал центром независимого владения, управлявшегося Мир-Вайсом. Образование этого владения знаменовало собой один из этапов сложного процесса складывания афганского государства.

В восстании 1709 г. принимали участие все слои населения. Однако основной силой были племена, поддержанные неафганцами.

После безуспешных попыток Сефевидов вернуть Кандагар мирным путем против Мир-Вайса были снаряжены две военные экспедиции (в 1710—1711 и 1713 гг.). Обе они окончились разгромом иранских войск. Большую поддержку афганцам в борьбе с сефевидскими отрядами оказали белуджские племена, кочевавшие на Кандагарской равнине. После этих поражений сефевидское правительство было уже не в состоянии послать новые силы в Кандагар.

Восстание в Кандагаре и образование там независимого владения послужили вдохновляющим примером для других народов. Вслед за гильзаями на борьбу за освобождение выступили народы Северного Кавказа во главе с Сурхай-ханом Казыкумухским, начались волнения в Грузии и Армении.

В 1716 г. восстали афганские племена (в основном абдали), населявшиеЕратскую область.

Волнения среди племен абдали начались вскоре после известия об убийстве в Кандагаре Гурген-хана, по приказу которого тысячи афганских семей в начале XVIII в. были переселены в Герат из Кандагара, а многие вожди племени, в том числе дед и дядя Ахмад-хана (будущего основателя афганского государства), убиты.

Вожди племени абдали вызвали в Герат Абдулла-хана садозая и его сына Асадуллу, находившихся в то время в Мултане. По дороге они были схвачены сефевидским военачальником Хосровом Мирзой, однако вскоре им удалось бежать в Герат, где они и начали подготовку к восстанию. Узнав об этом, сефевидский наместник Герата Аббас Кули-хан шамлу арестовал их. Волнения в городе, в которых участвовало и неафганское население (главным образом таджики и узбеки), напугали Сефевидов. На шахском *дурбаре* было решено отозвать из Герата Аббас Кули-хана и вместо него назначить нового наместника — Джафар-хана устаджлу.

Тем временем Абдулла-хан садозай бежал из заточения и скрылся в горах Душах. К нему стали прибывать тысячи сторонников. Восставшие заняли Исфизар, а затем двинулись к Герату и осадили его. Джафар-хан безуспешно посылал в Исфахан одного за другим гонцов с просьбами о помощи. В сентябре 1717 г. при активной поддержке горожан Герат был взят повстанцами. Вскоре их власть распространилась на районы Мургаба, Бадгиса, Кусавийе, Гуриана, а затем и Фараха, ранее захваченного гильзаями.

Потеря этих районов, а главным образом Герата, была тяжелым ударом для Сефевидов. Российский посол при дворе Сефевидов Артемий Волынский отмечал, что изЕратской области «как хлебом, так и скотом резиденция их (Сефевидов. — *М.А.*) Испагань, так же и иные места большая часть довольствовалась; однако ж оную персияне в бытность мою (в Иране. — *М.А.*) потеряли, которую у них афганцы завоевали, сия причина персиян к войне побуждает...». Однако подавить восстание Сефевиды не смогли. Войско, посланное из Исфахана в Герат, было разгромлено повстанческими отрядами.

Политическое положение Сефевидской державы все более обострялось: в течение 1717—1719 гг. усилилось освободительное движение дагестанских племен, в Кермане восстали белуджи, в Хорасан вторглись узбеки; на побережье Персидского залива действовали арабы Маската, захватившие Бахрейн.

Однако наибольшую опасность для державы Сефевидов представляли афганцы. Укрепившись в Герате, они стали угрожать Мешхеду. Вторая (и последняя) попытка усмирить повстанцев также окончилась неудачей. В 1719 г. оснащенное артиллерией 35-тысячное шахское войско во главе

с Сефи Кули-ханом встретилось с 15 тыс. восставших у крепости Кафир-Кала (на пути из Мешхеда в Герат). Стремительная атака афганцев обратила в бегство шахских воинов. Сефи Кули-хан в замешательстве приказал открыть по бегущим огонь из пушек. В результате шахские войска, несмотря на численное превосходство и наличие артиллерии, потеряв 10 тыс. убитыми, были разгромлены.

После этого поражения Сефевиды уже не смогли оправиться. Смуты и восстания охватили всю страну. Знать племени гильзаев организовала поход на Исфахан и после долгой осады в 1722 г. захватила его. Вслед за Исфаханом пали области Керман, Фарс, Персидский Ирак. Турция оккупировала северо-западные области Сефевидского государства.

В течение нескольких лет в Герате шла борьба за власть, которая закончилась тем, что вождем абдали был избран Аллаяр-хан.

В это время Надир Кули-бек афшар, будущий шах Ирана, полностью подчинив своему влиянию сына сефевидского шаха Хусейна Тахмаспа (1722—1732), занял значительную часть Хорасана, Мазендеран, Астрабад и, сплотив воинственные хорасанские племена, стал готовиться к борьбе против турок и гильзаев. Прежде чем выступить против гильзаев, Надиру было необходимо подчинить Герат.

Готовясь к подходу, Надир в беседе с российским посланником в Иране С.Аврамовым подчеркивал важность взятия Герата: «Идем мы на пятьдесят тысяч афганцев абдалинцев и... ежели побеждены будем, то ведай, что персидскому государству кончина». С.Аврамову было известно, что до выступления главных сил к Герату отправился отряд численностью около 20 тыс. человек.

Однако из-за мятежа в Астрабаде и Мазендеране поход основных сил Надира был отложен на год. Узнав о намерении Надира подчинить Герат, вожди прекратили распри. В Герате начались серьезные приготовления к защите — возводились укрепления, собирался провиант и фураж, формировались отряды. Как сообщал очевидец, население многих городов и деревень области уходило к афганцам.

В мае 1729 г. Надир с 20-тысячным войском и артиллерией выступил из Мешхеда в Герат. Повстанцы во главе с Аллаяр-ханом вышли из Герата навстречу противнику, отправив вперед отряды всадников, которые должны были обойти войска Надира с тыла. Фарах защищал Зульфикар-хан, старший брат Ахмад-хана; Надир же двигался очень осторожно. В нескольких фарсахах от крепости Кафир-Кала, у которой расположились восставшие, произошло первое сражение, длившееся до наступления темноты. Надир был ранен, а его войско понесло большие потери. Во второй битве успех также был на стороне афганцев, и лишь появление Надира с новыми силами вынудило их отступить к Гуриану. Узнав об этом, вожди племени вызвали в Герат из Фараха Зульфикар-хана с войском. Чтобы выиграть время, повстанцы стали вести переговоры о мире, которые были прерваны с прибытием Зульфикара.

В последовавшем вскоре после этого кровопролитном сражении войска восставших, несмотря на отчаянное сопротивление, потерпели тяжелое поражение.

Тогда же отряды Надира разграбили Фарах, захватив там семьи знатных повстанцев (в том числе Зульфикар-хана и Аллаяр-хана). Эти события заставили вождей племени поторопиться с заключением мира, который и был подписан в июне 1729 г. По условиям мира племя абдали должно было освободить пленных и платить дань; эмиром остался Аллаяр-хан, но уже как наместник Надира; племя джемшидов, исповедовавшее шиизм, переселялось на север Хорасана. По настоянию афганцев Надир с войсками не вошел в Герат и не оставил в области своего гарнизона. Такая «уступчивость» объяснялась тем, что Надир, стремясь обезопасить свой тыл для борьбы с гильзаями и турками, не хотел обострять отношения с абдали.

Однако вскоре в Гератской области начались новые волнения. Народные массы, разоренные при Сефевидах податями и изнуренные борьбой, длившейся почти 15 лет, отказались платить поборы, установленные по условиям мира. Возмущение было поддержано духовенством. Вожди племени, лишенные самостоятельности и обязанные не только подчиняться приказам Надира, но и делиться с ним своими доходами от эксплуатации податного населения, также стали готовиться к восстанию. Им обещал поддержку и правитель Кандагарского княжества, напуганный успехами Надира и опасавшийся, что тот двинется на Кандагар.

Попытки Аллаяр-хана сохранить в области спокойствие ни к чему не привели. Возмущенное население свергло его и изгнало из Герата. Власть перешла в руки Зульфикар-хана, объявившего Герат независимым. Затем повстанцы двинулись на Мешхед, намереваясь распространить свою власть на весь Хорасан.

В сражении под Мешхедом войска гарнизона во главе с Ибрагим-ханом афшаром потерпели поражение и скрылись в крепости. Зульфикар осадил город, но, получив сведения о приближении войск Надира, был вынужден вернуться в Герат.

Надир направился из Мешхеда к Герату, опустошая селения, попадавшиеся ему на пути. В начале мая 1731 г. его войско подошло к Герату и на правом берегу Геriруда в Джу-йи-Нукра разбило лагерь.

В Герате деятельно готовились к отражению противника. Обороной руководил Сейдал-хан гильзай, прибывший из Кандагара с отрядом воинов. Горожане и население пригородов, нашедшие убежище в Герате, строили укрепления и создавали отряды. Городская знать вместе с вождями племени и муллами поклялись держаться до последнего и не сдавать крепость. В Кандагар были посланы гонцы с просьбой прислать подкрепление.

Повстанцы днем и ночью совершали вылазки, нанося противнику большой урон и держа его в постоянном напряжении. Во время одной из таких вылазок Надир едва не попал в плен. Его многократные атаки с целью захвата высот, на которых укрепились повстанцы, были безрезультатными. Каждая пядь земли, взятая воинами Надира, стоила им больших потерь. При обстреле гератцами вражеского лагеря ядро пробило палатку Надира. Взбешенный упорством защитников Герата, Надир решил окружить город плотным кольцом и лишить его возможности полу-

чить подкрепление, для чего прежде всего приказал перерезать дорогу на Кандагар и разорить Фарах. В июне Герат был блокирован. В городе начал остро ощущаться недостаток продовольствия и соли. Во время одной из вылазок, вследствие опрометчивости Зульфикара при переправе через р. Герируд, погиб большой отряд гератских воинов.

С каждым днем положение осажденных становилось все хуже. Это вынудило их отправить посланцев к находившемуся в лагере Надира Аллаяр-хану и с его помощью начать переговоры о мире. Надеясь на получение подкрепления из Кандагара, повстанцы несколько раз прерывали переговоры. Аллаяр-хан, посланный Надиром в Герат с предложением сдать город, в конце концов сам примкнул к восставшим.

Поздней осенью 1731 г. двухтысячный отряд повстанцев вышел ночью из Герата и, пройдя через Паропамиз, захватил г. Оба. Население снабдило повстанцев провиантом, после чего они вернулись в Герат.

Победа в Оба нашла живейший отклик у окрестного населения. Дервиш Али-хан с примкнувшими к нему многочисленными сторонниками из местных жителей двинулся к Герату на помощь повстанцам. По дороге численность его отрядов возросла за счет населения тех местностей, через которые лежал их путь. Надир, предупрежденный о приближении этих отрядов, выслал навстречу своих воинов под командованием Делавар-хана; они без труда разгромили Али-хана, который был взят в плен и казнен.

Убедившись в том, что артиллерия не может пробить крепостных стен Герата, Надир решил прибегнуть к подкупу. Но и эта мера ничего не дала. Тогда Надир приказал арестовать семью Аллаяр-хана, надеясь склонить его к переговорам. Но ни угрозы, ни поголовные казни пленных не сломили духа осажденных.

Между тем запасы продовольствия, привезенные в Герат из Оба, подошли к концу, и повстанцы были вынуждены начать переговоры. Прибытие к Надиру десятитысячного отряда хорасанцев, постройка у городских ворот новых укреплений, сделавших невозможной всякую связь осажденных с окрестностями, окончательно лишили их надежд на получение помощи извне. В городе начался сильный голод. Аллаяр-хан, убедившись в безвыходности положения, отказался от звания эмира и предложил прекратить сопротивление.

В марте 1732 г. по решению дурбара осажденные, заручившись обещанием Надира сохранить им жизнь и не разрушать город, открыли крепостные ворота.

Войдя в Герат, Надир назначил правителем города своего военачальника Мухаммед-хана Мерви, взамен дурбара учредил совет, в который входили только назначенные им лица. Несколько тысяч семей абдали были переселены в Хорасан.

С конца 1736 г. неоднократно подвергалось нападениям войск ставшего шахом Надира и Кандагарское княжество. Надир понимал, что, находясь в руках афганцев и являясь центром освободительной борьбы, Кандагар всегда будет представлять для него угрозу. Кроме того, захват Кандагара должен был стать первым шагом в подготовке задуманного им

похода на Индию. Несмотря на неоспоримое военное превосходство, Надир более года осаждал Кандагар. Продолжительная осада имела результатом возникновение на месте военного лагеря целого города.

Источники содержат многочисленные сведения о героической борьбе кандагарцев. Их вылазки наносили немалый урон армии Надира. К декабрю 1737 г. от огромного войска, пришедшего к Кандагару, осталось лишь несколько тысяч человек. Почти во всех областях государства был объявлен новый набор в войско. Только 23 марта 1738 г., получив крупное подкрепление, Надир смог захватить Кандагар.

Овладев Кандагаром, Надир разрушил его и провел ряд мероприятий, имевших целью ослабление экономической силы и политического влияния хотеки, а также устранение возможности новых восстаний: хотеки и другие подразделения племени гильзаев были насильственно переселены в различные районы Хорасана и Муганской степи, их земли объявлены государственной собственностью и розданы представителям племени абдали. Наместниками Кандагарской провинции и ряда ее округов были назначены абдалийские ханы. Последние занимали привилегированное положение в войске Надира: им устанавливалось повышенное жалованье, раздавались земли. В отличие от знати племен Ирана и Азербайджана они не подвергались казням и штрафам, особенно участившимся в последние годы жизни и правления Надир-шаха.

Еще во время пребывания Надира в Кандагаре началось восстание афганцев в районе Газни. Особенно активно они действовали у Кермана и на пути между Кандагаром и Кабулом.

В Кабуле в борьбе против Надира объединились различные слои населения — знать, духовенство, рядовые иляты. Несмотря на военное превосходство войск Надира, оснащенных артиллерией, кабульцы оказали им ожесточенное сопротивление.

Восстали против Надира и афганские племена, жившие в горах между Кабулом и Джелалабадом. Двенадцатитысячный отряд отборных войск шаха под командованием Аслан-хана кырхлу был послан против этих племен, издавна славившихся своей воинственностью. Однако шахские войска были разбиты.

Афганцы использовали любую возможность для оказания сопротивления Надиру. Часть их, бежав от его преследований, вступила в могольское войско.

Немногим более чем через год после падения Кандагара вновь начались волнения западных афганских племен, отказавшихся подчиняться шахским властям. Для их подавления Надир послал одного из своих лучших военачальников — Тахмасп-хана джелаира, назначив его *сердаром* Афганистана и северо-западных провинций Индии. В 1746 г. волнения вспыхнули с новой силой, охватив территории Кандагарской и Кабульской провинций. Правитель Кабула Таги-хан поддержал повстанцев и объявил о своем неподчинении шаху. Восставшие наладили связь с другими племенами, также боровшимися против Надира, с населением Систана, ургенчскими йомудами; на их сторону переходили и шахские войска. Примеру кандагарцев и кабульцев последовали хезарейцы, кото-

рые, объединившись с населением Герата, тоже выступили против иранских властей; тогда же восстали и юсуфзаи.

Выступления афганцев наряду с освободительными движениями в Дагестане, Грузии, Средней Азии были одной из основных причин краха Надировой державы (1747 г.). Распад государства Надир-шаха, в свою очередь, создал благоприятные условия для образования в 1747 г. афганского государства, первым правителем которого стал Ахмад-хан абдали, основатель династии Дуррани.

Глава 8

ИНДИЯ В XVI—XVII вв.

ОБРАЗОВАНИЕ МОГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

В начале XVI в. Индия являла собой картину политической раздробленности. На Декане в процессе распада некогда крупного и могущественного государственного образования — Бахманидского султаната возникли несколько более мелких государств. Наиболее значительным из них был Биджапур, где в 1490 г. власть захватила династия Адил-шахи. В том же году в Ахмаднагаре пришли к власти Низам-шахи, а в Берар — Имад-шахи. Несколько позднее, в 1512 г., династия Кутб-шахи стала править в Голконде. Бахманидские султаны сохраняли за собой лишь небольшую часть своих прежних владений — Бидар, где в 1525 г., после бегства в Биджапур Калимуллы, последнего бахманидского султана, укрепилась династия Барид-шахи. Между образовавшимися султанатами Декана происходила постоянная борьба, в которой принимало участие южноиндийское государство Виджаянагар, многолетний соперник Бахманидского султаната.

Политическая раздробленность была характерна, возможно, в еще большей степени для Северной Индии. Ареной борьбы враждующих сил в конце XV — начале XVI в. была Бенгалия. Здесь вслед за гибелью в 1442 г. последнего правителя индусской династии, раджи Ганеша, установили свою власть мусульмане Илиас-шахи. Значительным влиянием пользовались рабы-военачальники — абиссинцы, своеволие которых было причиной постоянных неурядиц и анархии. Некоторая стабильность наступила после захвата власти Сайидом Хусейн-шахом (1493—1519), который подчинил себе ряд территорий в результате войн с Ориссой и Ассамом.

В Кашмире правила мусульманская династия, основанная еще в XIV в. Шах-мирзой, вступившим на престол под именем Шамс уд-Дин-шаха. В начале XVI в. Кашмир, как и ранее, оставался в значительной мере изолированным от других частей Северной Индии, что определило ряд специфических черт его развития.

Богатая земледельческая область Малва находилась с 30-х годов XV в. под властью династии тюрков-хильджи, подчинивших себе местных раджпутских князей. Однако именно раджпуты в лице князя Мевара раны Санграм Сингха (Рана Санга, 1509—1528) покончили с правлением Хильджей, нанеся поражение и взяв в плен последнего султана, Махмуда II (1510—1531), слабого и не отличавшегося воинскими способностями. Воспользовавшись этим, Малву захватил правитель Гуджарата из династии Ахмад-шахи, или Танк, Бахадур-шах (1526—1537).

ИНДИЯ В XVI в.

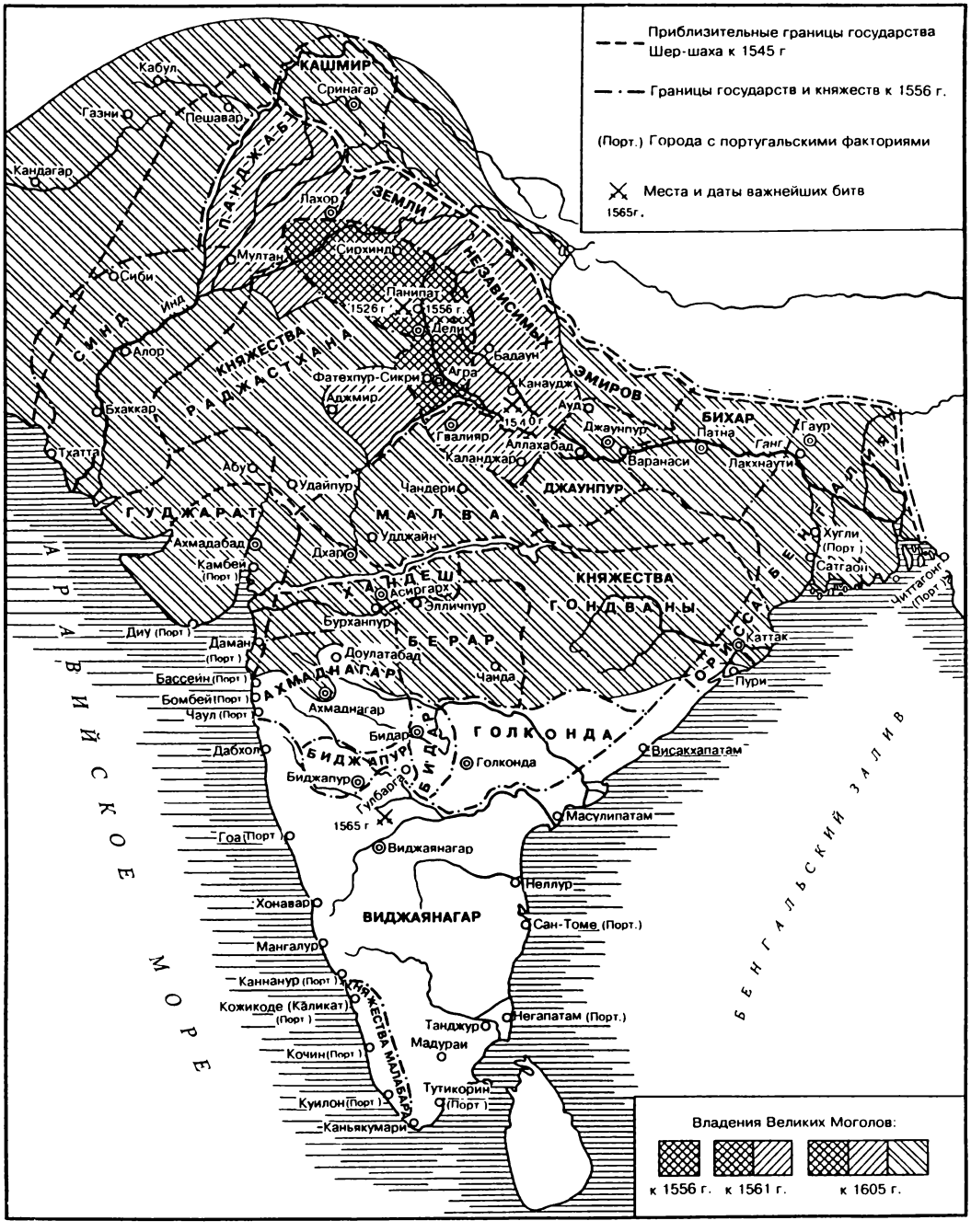


Рис. 5

«Заповедником» индусского феодализма была Раджпутана (Раджастхан). Здесь существовало одновременно несколько княжеств, где правили князья из различных раджутских кланов. Самым могущественным из княжеств был Мевар, правители которого из клана сесодия в XV в. вели войны с соседними государствами — султанатами Малвы и Гуджарата. В начале XVI в. при Ране Санге был одержан ряд побед над мусульманскими правителями этих областей. Раджпутские воины Раны успешно сражались также против войска, посланного против Мевара последним султаном Дели — Ибрахим-шахом Лоди.

Делийский султанат в начале XVI в. оставался одним из значительных государств Северной Индии, хотя пределы его были несопоставимо скромнее, чем прежде, в XIV в., когда они охватывали значительную часть полуострова Индостан. Султанат теперь включал Панджаб, область Дели и двуречье Ганга и Джамны. Правившие здесь султаны из афганской династии Лоди предпринимали усилия к расширению своих владений. Сикандар-шах Лоди (1489—1517) подчинил себе Джаунпур и Бихар, достигнув пределов Бенгалии, привел в повиновение многих мятежных афганских и других военачальников-эмиров. Он заложил крепость Агру, ставшую позднее, во второй половине XVI в., блистательным городом, столицей Могольской империи. Агра служила Сикандару базой наступательных и карательных действий против мелких раджпутских и других феодальных владетелей в Гвалияре, Коле, Биане, Итаве, Дхолпуре.

Однако часы истории уже отсчитывали последние годы правления делийских султанов. В 1517 г. на престол вступил сын Сикандар-шаха Ибрахим-шах Лоди (1517—1526). Это было время, когда могущество афганских эмиров, непосредственной опоры предшественников Ибрахима — Бахлул-шаха и Сикандар-шаха, достигло своего апогея. Афганцы расселились по Северной Индии (в частности, в ряде округов современного Уттар-Прадеша и в Панджабе) задолго до описываемых событий. С их реальной силой считались их же ставленники-султаны.

Основатель династии Лоди Бахлул-шах (1451—1489) был вынужден свято чтить традиции племенного быта афганцев, отказывался от пышности при дворе, скромно питался, никогда во время аудиенций знати не садился на трон, а опускался на ковер и сидел рядом со своими подданными. Его внук Ибрахим-шах был молод и решителен. Он бросил вызов афганской знати, своим соплеменникам и родичам, отказавшись от «демократических» традиций патриархальной организации и быта афганцев в пользу принципов монархической власти. Пышной коронацией было отмечено его вступление на трон. В ответ на непомерные притязания афганских военачальников-эмиров он заявлял, что у падишаха нет родственников, а есть только подданные. Многие эмиры и вельможи стали жертвами его политики, направленной на укрепление власти государя и приведшей к серьезному конфликту между султаном и афганской знатью. Мятежи некоторых представителей этой знати ставили своей целью возвести на трон брата ненавистного Ибрахим-шаха. Популярность султана не возросла и в результате предпринятого им похода против «язычника» Раны Санги, правителя Мевара. Афганские

эмиры Ибрахим-шаха — Доулат-хан и Алам-хан Лоди, движимые ненавистью к заносчивому султану, вступили в переписку с установившим свою власть в Кабуле тимуридом Захир ад-Дином Мухаммадом Бабуром, призывая его избавить знать от тирании Ибрахим-шаха и обещая ему свою поддержку и легкую победу.

Отец Бабура, Омар Шейх-мирза — правитель Ферганы, был известен тем, что покровительствовал ученым и поэтам. В кругу их рос и воспитывался будущий завоеватель Индии, основатель династии Моголов. Объявленный после смерти отца (1494 г.) правителем Ферганы, Бабур столкнулся с другими тимуридами, в частности с правителем Мавераннахра Султан Ахмад-мирзой и правителем Ташкента Султан Махмуд-ханом, посягавшими на власть в Фергане. Бабур, в свою очередь, стремился овладеть Самаркандом, самым значительным городом Средней Азии, некогда столицей Тимура. В 1497 г. он на короткое время (100 дней) захватил этот город, но вскоре оставил его, опасаясь за свое ферганское владение.

В 1500 г. Бабур вновь овладел Самаркандом. Однако уже в следующем, 1501 г. против города двинул свои войска Шейбани-хан, глава кочевых узбеков, появившихся в Средней Азии из сибирских областей Тобол и Тара. В апреле 1501 г. в местности Сери-Пул произошла битва, в которой Бабур потерпел жестокое поражение. Судьбу битвы решила примененная Шейбани-ханом тактика *тулгама*, т.е. охвата флангов противника с последующим ударом в тыл. Бабур укрылся за стенами Самарканда. Четыре месяца продолжалась осада города. Начался голод. Бабур покинул его. Самаркандом овладел Шейбани-хан. Вскоре была потеряна и Фергана; обескровленная долгими войнами, она стала довольно легкой добычей Шейбани-хана, покорившего весь Мавераннахр. Бабур, «подобно шахматному королю, передвигавшемуся с одного квадрата в другой», направлялся на восток и в 1504 г. овладел тимуридским уделом с г. Кабул, крупным торговым центром на пути из Индии в Среднюю Азию и Иран.

Тем временем в Средней Азии продолжал укрепляться Шейбани-хан, посягавший на Хорезм. Обороной его руководил Чин Суфи, наместник правившего в Герате тимурида Султана Хусейна. Хорезм вместе с его главным городом Ургенчем был покорен Шейбани-ханом. После его походов на Меймен и Фараб (Хорасан) нависла угроза над Гератом. В мае 1505 г. по призыву Султана Хусейна Бабур выступил с войском из Кабула против Шейбани-хана. Однако внезапная смерть Султана Хусейна и несогласие между тимуридами и хорасанскими эмирами обрекли на неудачу попытку создания коалиции против Шейбани-хана. Бабур вернулся в Кабул (май 1507 г.), дабы, как говорят историки, восстановить там порядок и наказать мятежников. Это позволило Шейбани-хану к весне следующего года шаг за шагом овладеть всеми бывшими владениями Султана Хусейна, в том числе Гератом. Таким образом, последнее крупное тимуридское государство было уничтожено.

В начале правления Бабура в Кабульском уделе большинство из 14 *туманов* (здесь — округов) ему фактически не подчинялось и не пла-

тило податей. Другие, однако, поставляли ему наемников-нукеров; это были племена мехмандов, юсуфзаев и гигиани. Со временем Бабуру подчинились и многие племена области Кабула. Они поступили к нему на службу и принимали участие в его военных предприятиях.

Отчаявшись взять реванш в Средней Азии, Бабур устремил свои взоры на Восток — на Индию. Сам Бабур откровенно писал в своей книге «Бабур-наме», что после взятия Кабула (1504/05 г.) был одержим «мечтой завладеть Хиндустаном» и его богатствами. К тому же Панджаб и часть Северной Индии, некогда завоеванные его предком Тимуром, он рассматривал как законное владение тимуридов.

С 1518/19 по 1526 г. войска Бабура пять раз преодолевали Хайберский проход и вторгались в Индию, грабя ее богатые города и плодородные земледельческие долины.

Пятый поход оказался роковым для Ибрахим-шаха Лоди. Войско Бабура, состоявшее из набранных в Средней Азии джагатаев, барласов, джелаиров и афганцев, выступило в поход в ноябре 1525 г. и прокладывало себе путь к Дели по Панджабо-Харьянской равнине — плодородной аллювиальной низменности, тянущейся, словно коридор, к востоку и сливающейся с равниной Ганга. В Панджабе к нему примкнули хохары и некоторые другие этнокастовые группы. Здесь неожиданно оказал ему сопротивление наместник Лахора Доулат-хан, когда-то обращавшийся к нему за помощью. Но, потерпев поражение, он признал свою зависимость от Бабура. Панджаб оказался относительно легкой добычей, поскольку пять рек, давших название самой области («Панджаб» — перс. «Пятиречье»), в зимний сезон мелели и во многих местах их было легко перейти вброд.

Оснащенность войск Бабура по тем временам мощной артиллерией (находившейся под началом турецких военачальников и пушкарей) давала им немалые преимущества перед индийскими войсками, практически не использовавшими ее. Удачно была применена им и унаследованная от монголов фланговая тактика при мощном ударе в тыл и лоб противника.

Решающее сражение с силами делийского султана Ибрахим-шаха Лоди произошло 21 апреля 1526 г. при Панипате. Несмотря на численное превосходство, войско султана Дели (оно насчитывало, по одним данным, 100 тыс., по другим — 40 тыс.) было наголову разбито 12-тысячным войском Бабура. Из пушек Бабура было сделано несколько метких выстрелов, после чего отряды Бабура окружили Ибрахим-шаха, осыпая его градом стрел. Десятки тысяч людей остались на поле сражения. «Великий господь, по своей воле и благоволению, — писал Бабур, — сделал легким для нас это трудное дело; столь многочисленное войско он в полдня сровнял с землей». Бежавших противников воины Бабура преследовали, сбрасывали с коней. Среди множества трупов опознали Ибрахим-шаха. Его отрубленная голова была доставлена Бабуру. Путь на Дели был открыт. Так завершилась история одного из значительных государств средневековой Индии — Делийского султаната, и была основана династия Моголов, правившая в Индии вплоть до установления колониального господства.

Угрозу для власти новоявленного владетеля представляли афганские военачальники восточных областей Северной Индии — Бихара и Бенгалии. Против них было послано войско во главе с Хумаюном, старшим сыном Бабура. При его появлении отряды двух знатных афганцев — Наср-хана Лохани и Маарufа Фармули рассеялись. Границы владений Бабура простирались теперь с запада на восток от р. Атток до Бихара.

Еще большую опасность представляли раджпуты. Могущественный Рана Санга, правитель Мевара, доброжелательно настроенный к Бабуру до Панипата и видевший в нем противовес Ибрахим-шаху Лоди, стал его главным противником после Панипата. Завоевание Бабуром Калпи, Джолпура и Бианы были зловещим симптомом его имперских тенденций. В марте 1527 г. при Кхануа между Раной и Бабуром произошло сражение. Несмотря на численное превосходство, войска Раны и его союзников потерпели поражение. Еще несколько поражений, нанесенных Бабуром раджпутским военачальникам, положили конец притязаниям князей-раджпутов на политическое преобладание в Северной Индии.

Вслед за этим в 1529 г. были разгромлены силы Махмуда Лоди, ставшего во главе коалиции афганских эмиров. Затем города по берегам Ганга — Аллахабад, Варанаси, Гхазипур — оказались под властью Бабура. Его войсками был занят Бихар. Силы султана Бенгалии Нусрат-шаха пришли на помощь афганцам, но на берегу р. Гхогра были разбиты и рассеяны Бабуром (6 мая 1529 г.).

Большая часть Северной Индии, включая практически всю долину Ганга, оказалась под его властью. Завоеванные земли Бабур раздавал своим сподвижникам-военачальникам и приближенным. В основном это были джагатаи, тюрки, узбеки, а также афганцы, пришедшие с ним в Индию из Кабула. Однако значительная часть их вскоре покинула Индию и ушла обратно в Афганистан, довольствуясь захваченной добычей. Оставшиеся в Индии и получившие в качестве *ваджха* (пожалования) города и округа-*паргана* должны были с каждого *лакха* (100 тыс.) дохода выставлять сотню всадников. Возможно, ваджхи были пожалованиями типа тимуридского *союргала*, получившего широкое распространение в XV в. в Иране, Средней Азии и Афганистане, т.е. военным леном — наследственным и обеленным в налоговом отношении служебным владением. Сам Бабур не называет эти пожалования-ваджхи специальным термином. Однако его внучка Гульбадан-бегум в своем сочинении «Хумаюн-наме» называет их *джагиром*.

Всего три года продолжалось правление Бабура, сделавшего своей ставкой Агру, тогда — небольшую крепость к юго-востоку от Дели. Согласно утвердившейся в науке точке зрения, он был больше полководцем-завоевателем, чем государственным деятелем. Тем не менее, как человек, получивший хорошее, традиционное в высших слоях мусульманской конфессии образование, он проявлял незаурядный интерес к вопросам политической теории и государственного управления. Свои взгляды, в духе шариатских установлений, Бабур изложил в стихотворном произведении — трактате «Мубайин», написанном, как и его знаменитые мемуары «Бабур-наме», на джагатайском языке.

Перед смертью (1530 г.) Бабур разделил свои владения между сыновьями. Хиндустан достался старшему — Хумаюну, которому, согласно воле отца, должны были подчиняться младшие братья, получившие Панджаб, Кабул и Кандагар. В их лице Хумаюн видел не столько помощников и союзников, сколько соперников. Храбрый полководец, Хумаюн не был сильным администратором. Будучи знатоком и любителем персидской поэзии, он облекал свои идеи по организации управления в весьма фантастические и поэтизированные образы, например учредил четыре ведомства: ведомство огня (т.е. военное ведомство); ведомство воды, уполномоченное обеспечивать орошение дворцовых садов и следить за винными запасами в дворцовых кладовых; ведомство земли, которое должно было заниматься налогами, а также управлением коронными землями-*халиса*; наконец, ведомство воздуха, которому поручались дела, связанные с мусульманским духовенством, придворными поэтами и историографами.

Афганская оппозиция Моголам потерпела в свое время поражение, как считают, в частности, из-за измены клана суров и их вождя Шерхана (первое имя — Фарид). Он был сыном Кахана Сура, одного из афганских эмиров делийского султана Ибрахим-шаха Лоди, и в течение некоторого времени держал от него джагир в Сасараме (Южный Бихар). Шер-хан некоторое время управлял джагиром своего отца. Позднее, когда джагиром завладели его сводные братья, он покинул Сасарам и некоторое время служил Бахар-хану Лохани, правителю Бихара. После победы Бабура при Панипате Шер-хан поступил на службу к Бабуру, что помогло ему вернуть отцовский джагир. Однако он не был слишком верным подданным первого могольского правителя и в 1530 г., в год смерти Бабура, овладел крепостью Чунар, которую в 1531 г. осадил Хумаюн, заставивший Шер-хана признать свое поражение. Но едва Хумаюн покинул Бихар, как Шер стал вновь помышлять об укреплении своего положения на востоке Северной Индии, чему послужила его решительная победа в 1534 г. при Сураджгархе над султаном Бенгалии Махмуд-шахом и поддерживавшими его афганцами-лохани. Южный Бихар оказался под его нераздельной властью. Вслед за этим Шер вторгся в Бенгалию, и Махмуд-шах передал ему несколько округов и уплатил крупную сумму денег. Сплотив вокруг себя много афганских военачальников, он овладел фактически всей Бенгалией вместе с ее столицей г. Гаур (1533 г.).

Это не могло не встревожить Хумаюна, с полным основанием видевшего в Шере угрозу собственной власти. Предприняв поход в Бенгалию, Хумаюн взял Гаур, заставив Шера уйти в горную крепость Рохтас. После девятимесячного пребывания в Гауре Хумаюн покинул Бенгалию. Тем временем он успел захватить важные города на р. Ганг — Варанаси и Джаунпур и разграбил долину реки вплоть до Канауджа. 27 июня 1539 г. Шер совершил внезапное нападение на лагерь двигавшегося вдоль южного берега Ганга войска Хумаюна. Хумаюн бежал, оставив свою армию. Шер-хан в конце того же года короновался под именем Шер-шаха Сура (1540—1545).

ИНДИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII — НАЧАЛЕ XVIII в.

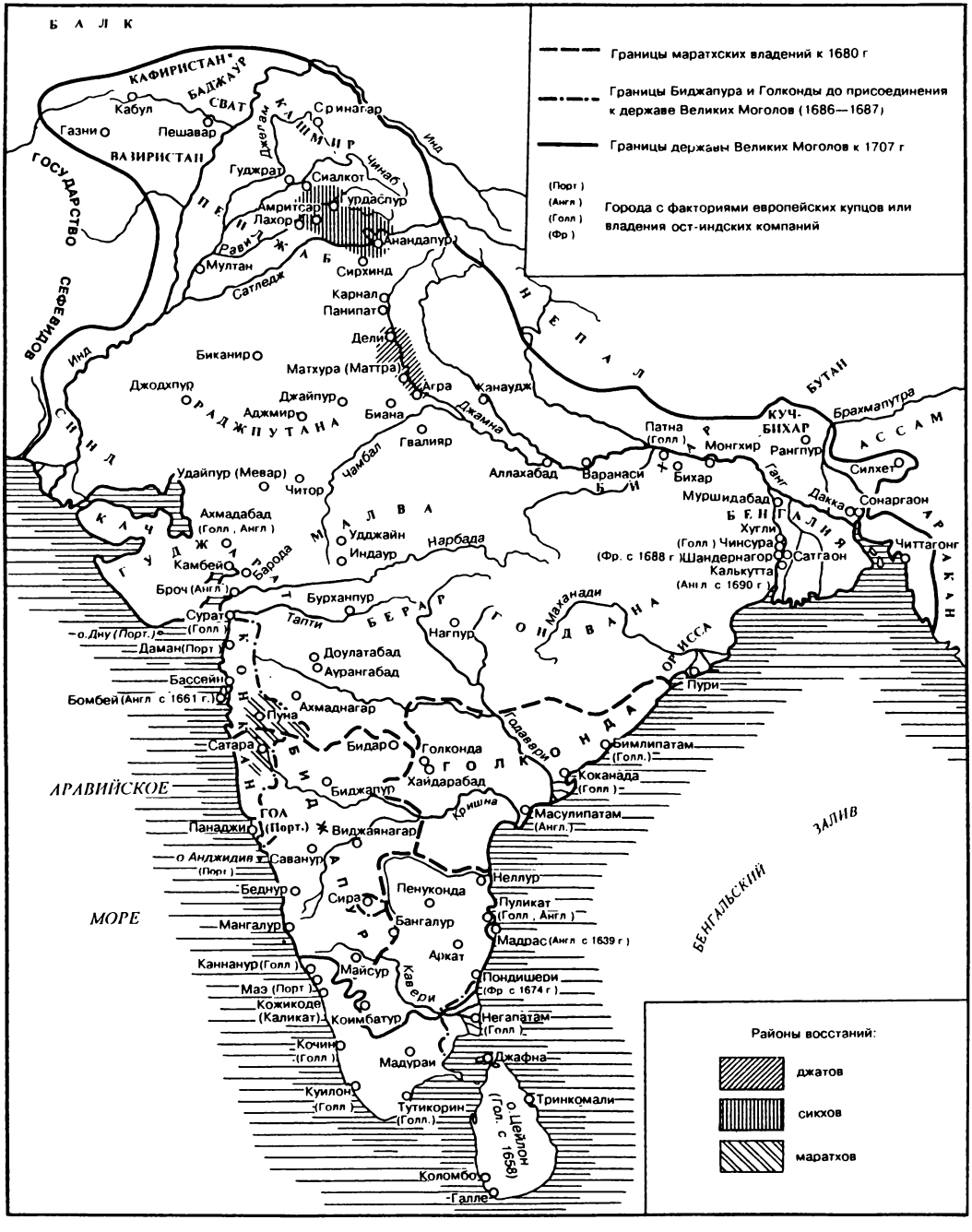


Рис. 6

Попытка Хумаюна в следующем году вернуть себе царство не имела успеха. В битве при Канаудже весной 1540 г. вновь собранное войско Могола было разгромлено. Все попытки Хумаюна обрести союзников и подчинить себе некоторых мелких владетелей в Синде и Раджпутане были безрезультатны. Отчаявшись, Хумаюн ушел в Кандагар. Преследуемый военачальниками Шер-шаха, Хумаюн оставил и этот край и бежал в Иран.

Все пять лет недолговечного правления в Северной Индии Шер-шаха прошли в бесконечных войнах, в результате которых были завоеваны Панджаб и Синд на северо-западе, Гвалияр и Малва — в Центральной Индии, а также имевшие стратегическое значение города-крепости Аджмер, Джодхпур, Читор и другие в Раджпутане. Шер из маловлиятельного, малоизвестного военачальника-афганца (напомним, что о нем практически ничего не пишет в своем труде Бабур, довольно подробно рассказывающий о ряде крупных представителей военной знати, афганцах и индусах) превратился в могущественного правителя. И хотя он опирался прежде всего на своих сородичей из племени сур, созданное им государство не было племенным образованием. Шер-шах был не только воином, но и способным администратором. Правда, сведения о задуманных и, видимо, частично осуществленных им реформах сохранились лишь в исторических трудах, написанных после его смерти, во второй половине XVI — начале XVII в. Это сочинения его друга Хасан Алихана и историков Аббас-хана Сарвани и Абдаллаха.

В целях упорядочения налогообложения и изъятия налогов он назначил в административные единицы-округа, известные с более ранних времен как паргана, строго определенный штат чиновников — *амина*, *шикдара* и двух *каркунов*. Последние должны были вести налоговую документацию не только на фарси (персидском языке), но и на хинди, доступном представителям низших звеньев налоговой администрации на уровне старост деревень. Несколько паргана (иногда до нескольких десятков) составляли область-*саркар* под началом *шикдар-и шикдаран*. Впоследствии при Моголах эта административная единица сохранилась и составила подразделение *субы*, или провинции.

Налоги должны были определяться в соответствии с возделываемой площадью; за единицу обложения был взят *джариб*, а система такого обложения именовалась *джарибана*. Государственный налог со всех облагаемых земель должен был равняться $^1/_3$—$^1/_4$ валового урожая. Выплата его производилась в деньгах или в натуре, в зависимости от желания самого налогоплательщика. Сумма платежей и сведения о форме их выплаты вносились в специальные документы — *кабулият* (перс., букв. «соглашение») или *патта* (хинди, букв. «документ»). Чиновники должны были при изъятии налога учитывать потери в урожае от стихийных и прочих бедствий. Деревенские старосты были ответственны не только за своевременный и полный сбор налогов, но и за по обеспечение порядка, вплоть до розыска преступников. Тем самым они вполне органично включались в систему государственной администрации в качестве ее низшего звена.

Реформа была разработана «не знавшим себе равных в делах управления» чиновником Ахмад-ханом Таги с помощью «способных и ученых брахманов», писал Хасан Али-хан. Утверждая умеренные налоги, Шершах преследовал, естественно, интересы государства. По словам историка Абдаллаха, он не раз призывал своих чиновников и приближенных не чинить насилий и произвола; он не только взывал к их совести, но и грозил казнью тем, кто не хотел внимать его словам. «Если я нанесу обиду крестьянам, — говорил он, — они разорятся; тогда разорится государство и понадобится время, чтобы оно вновь стало процветать».

На укрепление центральной власти были направлены и другие реформы. Не имея возможности упразднить систему земельных пожалований, Шер-шах осуществлял отдельные меры по ограничению злоупотреблений пожалованных лиц, а именно восстановление забытой в XV в. своеобразной инспекции — практики клеймения лошадей служилых и военачальников.

Налаживание коммуникаций путем строительства дорог и караван-сараев служило как укреплению государства, так и развитию торговли. Последнему должны были немало способствовать выпуск большого количества серебряных монет и отмена дорожных пошлин.

Центром государства Шер-шаха был Дели. Здесь им была сооружена в добавление к уже существовавшим или пришедшим в упадок укреплениям крепость, ставшая впоследствии известной как Пурана-кила («Старая крепость»). Она построена близ берега р. Джамна, на месте, где, согласно преданиям, находилась Индрапрастха, легендарный город «Махабхараты», а позднее — ставка Хумаюна Динпанах, разрушенная Шер-шахом вместе с сооруженным там семиэтажным дворцом Могола. В крепостной стене, тянувшейся на 2 км, было заложено несколько ворот. В пределах крепости находилась мечеть с грандиозным залом для молитв и пятью подковообразными арками. В дни Шер-шаха Дели был большим городом, простираясь с севера на юг не менее чем на 15—16 км.

Случайность при штурме раджпутской крепости Каланджар в Бунделкханде в 1545 г. прервала карьеру Шер-шаха, погибшего в результате взрыва бомб от попавшего в них рикошетом снаряда, выпущенного в стан врагов его собственными артиллеристами.

Его сын Джелал-хан короновался под именем Ислам-шаха (1545—1554). Он направил свои усилия на обуздание мятежных афганских вождей и независимого панджабского племени гакхаров, а также на укрепление западных границ своих владений в Кашмире. Его смерть стала сигналом к началу кровопролитных войн между афганскими военачальниками, возводившими на трон то одного, то другого претендента. Распри между ними помогли Хумаюну, поддерживаемому иранским шахом, разбить войско Сикандар-шаха Сура и в 1555 г. вновь завладеть Дели и Агрой. Однако победа была омрачена тем, что у Хумаюна объявился новый соперник — опытный военачальник, индус из торговой касты Хему, считавший себя приближенным одного из правителей — Суров. Их враждебность не успела вылиться в военное столкновение, так как Хумаюн внезапно умер: в январе 1556 г. он разбился, упав с мраморной лестницы

в своей библиотеке в Дели. Его приближенные в военном лагере в Каланпуре (Панджаб) совершили церемонию возведения на престол его тринадцатилетнего сына Акбара, которому Хумаюн в свое время передал в наместничество Панджаб. Опекуном Акбара был прославленный военачальник и поэт Байрам-хан.

В это время к Дели направлялся с 50-тысячным войском Хему. Взяв город, он объявил себя раджей Викрамадитьей. Акбар и Байрам-хан выступили против него. Им удалось захватить высланную вперед и оторвавшуюся от основного войскового контингента артиллерию Хему и стать лагерем под Панипатом. Здесь произошло еще одно сражение, решившее судьбу Северной Индии. 5 ноября 1556 г. пятитысячный строй боевых слонов Хему, которых даже в период нехватки кормов кормили рисом, маслом и сахаром, потеснил могольскую конницу; фланги войска Акбара оказались смятыми. С большим трудом удалось организовать контратаку, которая вызвала замешательство в войске противника. Раненный стрелой в глаз, Хему упал со слона. Это произвело еще большее смятение в войске, обратившемся в бегство. Хему был схвачен, доставлен в лагерь Акбара и убит. Войска Акбара вошли в Дели.

Влияние Байрам-хана возросло непомерно. Это вызвало недовольство придворных Акбара. В прошлом подданный иранского шаха, позднее верой и правдой служивший Бабуру и Хумаюну, а теперь Акбару, Байрам-хан был шиитом и покровительствовал шиитам, что оскорбляло других приближенных к трону лиц, исповедовавших суннизм, и суннитское духовенство. Самоуправством и деспотизмом Байрам-хана тяготился и Акбар, который под влиянием знати в 1560 г., будучи уже семнадцатилетним юношей, объявил о своем желании править самостоятельно. Байрам-хану было предписано отправиться в Мекку, по дороге куда он был убит (1561 г.). Дела управления пришли в расстройство из-за борьбы соперничавших групп, в которой принимали участие пользовавшиеся влиянием при дворе мать и кормилица Акбара. Однако вскоре ему удалось взять в свои руки бразды правления и обуздать своеволие непокорных придворных.

АКБАР И ЕГО РЕФОРМЫ

Власть Акбара (1556—1605) первоначально фактически не выходила за пределы двуречья Ганга и Джамны и области Дели—Агра. Однако еще в период регентства Байрам-хана были завоеваны Гвалияр, Аджмер, Джаунпур, Малва. Позднее без боя подчинился Акбару раджа Амбера. Его сын и внук (в будущем знаменитый полководец Акбара Ман Сингх) были приняты на службу к падишаху. В 60-х годах были завоеваны раджпутские княжества Гондваны и сильные крепости Читор и Рантхамбхор в Раджпутане.

В отношении раджпутских князей Акбар проводил дальновидную политику, обеспечивавшую их поддержку. В этом он видел способ не толь-

ко укрепления своих военных сил, но и создания определенного противовеса влиянию тюркской, в частности джагатайской и узбекской знати. Акбар обещал раджпутам (и неукоснительно выполнял свое обещание) неприкосновенность их храмов и освобождение от *джизьи* (подушного налога с иноверцев в мусульманском государстве). Раджпутские князья, сохраняя свои владения, должны были со своими войсками участвовать в военных предприятиях падишаха, однако на них не распространялся практикуемый Акбаром вслед за Шер-шахом обычай клеймения лошадей. Предоставлялись раджпутам и некоторые другие привилегии, например право входа вооруженными в зал аудиенций или приемов (*диван-и ам*).

С некоторыми раджпутскими князьями путем браков были установлены родственные отношения, скреплявшие их союз с могольским падишахом. Такая политика вызывала недовольство знатных мусульман при дворе и стала причиной мятежа полководца Асаф-хана, победителя раджпутов Гондваны. Почти одновременно, в 1563 г., начался мятеж в Панджабе. Мятежные силы объединились и, взяв Лахор, объявили падишахом младшего брата Акбара, находившегося в Кабуле. Их поддержали *мирзы* («принцы»), как называли некоторых военачальников-узбеков из Самбхала. Только в 1567 г. мятеж, угрожавший власти Акбара, был подавлен. Мирзы бежали в Гуджарат, где правил последний отпрыск династии Ахмад-шахи, или Танк, Музаффар III. Гуджарат, не славившийся своим земледельческим производством, был богатейшей областью Индии благодаря множеству портов вдоль прибрежной его части, игравших большую роль и в международной, и в каботажной торговле. Здесь процветали многие города, превратившиеся также и в центры ремесленного производства, в частности хлопкоткачества.

Еще в 1534 г. отец Акбара Хумаюн нанес поражение гуджаратскому султану Бахадур-шаху (1526—1537) и занял его столицу Ахмадабад. Оставив здесь в качестве наместника своего брата Аскари, Хумаюн ушел в Агру. Заручившись поддержкой португальцев, Бахадур-шах сумел вернуть Гуджарат. Однако вскоре, коварно обманутый *франгами*, как называли всех европейцев, в том числе португальцев, Бахадур-шах был убит ими (1537 г.). Обстановка была такова, что Хумаюн не мог вновь утвердиться в Гуджарате, и здесь восстановила свою власть династия Ахмад-шахи, хотя правившие после Бахадура султаны не пользовались реальной властью.

В 1572 г. Акбар вторгся в Гуджарат. Музаффар-шах III выразил ему свою покорность, за что ему было назначено пожизненное содержание. Акбар оказался лицом к лицу с португальцами, обосновавшимися на западном побережье Индии. Ему удалось заключить с португальцами договор, гарантировавший безопасность индийских паломников-мусульман, отправлявшихся в Мекку. Продолжая завоевания, Акбар в 1574—1576 гг. подчинил своей власти Бенгалию, находившуюся дотоле во власти афганских вождей. Один из них, Давуд, чеканил монету и приказал читать *хутбу* с упоминанием своего имени. Он владел Ориссой, частью Бенгалии и Бихара, однако в борьбе с Акбаром потерял большую часть

своего государства, сохранив за собой лишь Ориссу. Последняя была завоевана могольским войском в 1592 г. Зависимость Бенгалии и Ориссы от могольского падишаха оставалась в значительной мере номинальной. С этих областей поступали налоги, однако точная фиксация их размеров отсутствовала. Многие местные феодальные владетели-индусы и афганские вожди практически сохраняли свою независимость.

Государство Акбара включало на востоке Бенгалию и Ориссу, на западе простиралось до Кабула и Кандагара. На севере в него входил Кашмир, на северо-западе — Синд, откуда могольские войска вторгались в Белуджистан, хотя власть Моголов здесь никогда не была реальной. К югу от владений Акбара располагались мусульманские султанаты Хандеш, Бидар, Ахмаднагар, Биджапур и Голконда. Угрожая вторжением, Акбар добился того, что правитель Хандеша, обладавший мощной, имевшей важное стратегическое значение крепостью Асиргарх, признал свою зависимость от могольского падишаха. В 1595 г. были посланы войска под командованием знаменитого полководца Абдур-Рахима, имевшего титул *хан-и ханан*, и принца Мурада, которые осадили город-крепость Ахмаднагар. На выручку вышло войско из Биджапура, но объединенным силам Биджапура и Ахмаднагара на р. Годавари, при Супе, был нанесен мощный удар могольской армией (1597 г.).

В августе 1600 г. штурмом был взят осажденный Ахмаднагар, однако большая часть султаната осталась во владении представителя местной династии.

Незадолго до этого Акбар лично во главе своего войска направился к Бурханпуру и захватил этот город, после чего осадил Асиргарх (1599 г.). Более года продолжалась блокада Асиргарха. Голод и вспыхнувшая эпидемия заставили его защитников капитулировать (январь 1601 г.). Один из принцев — Даниял был назначен наместником Акбара в завоеванных на Декане землях.

Свою столицу Акбар перенес сначала в Агру, затем в 37 км от нее он основал город-крепость Фатехпур-Сикри, которая стала его новой резиденцией.

Основным направлением внутренней политики Акбара было укрепление власти падишаха. В этом Акбара поддержал его друг и крупный государственный деятель Абул-Фазл Аллами, идеолог сильной власти, хорошо знакомый с мусульманскими и индусскими политическими теориями. Развивая свои взгляды на государственную власть в соответствии с мусульманской юридической доктриной *ишраки*, он обращался также к принципам древнеиндийских политической науки и правоведческих школ. Власть монарха, по Абул-Фазлу, «исходит как сияние от бога, подобно солнечному лучу». Истинным монархом он считал того, кто руководствуется принципами разума и всеобщего блага, создает всем своим подданным безотносительно их религиозной принадлежности благоприятные условия для мирной жизни. Ради этого он даже может изменять существующие устои и законы. Таким «совершенным руководителем или наставником» (*муршид-и камил*) Абул-Фазл считал Акбара, обладателя высоких моральных качеств.

Акбар, по словам Абул-Фазла, уделял много внимания управлению государством. Ему представлялись все дела, имеющие отношение к крупным назначениям, пожалованиям, налогам; особый день отводился для судопроизводства. Злом, подрывавшим власть монарха, Акбар считал своеволие и мятежность подданных. Дабы покончить с этим, он задумал лишить эмиров и прочих представителей военной знати источников их влияния и богатства, а именно обусловленных службой земельных владений — *джагиров*. Последний термин при Акбаре в официальных документах и историографии вытеснил бытовавшие ранее термины *икта* (при делийских султанах) и *паргана* (при Бабуре), коими обозначали земельные пожалования знати, обязанной служить государю. Вместо джагиров служилые, согласно падишахскому указу от 1574 г., должны были получать денежное жалованье, а налоги с деревень и округов передавались откупщикам-*курурийам* (от «крор», букв. «десять миллионов»), которые должны были посылать их в падишахскую казну, подобно налогам с земель *халисе* (коронные земли). Откупщики, в большинстве своем индусы, торговцы и ростовщики, получая право на сбор налогов, произвольно увеличивали их ставки, тем самым разоряя крестьян. Однако в условиях недостаточно развитых денежных отношений казна, даже получая от откупщиков крупные залоговые суммы, не могла обеспечить служилым регулярного поступления жалованья, которое к тому же не было эквивалентно доходу от джагира. Острое недовольство бывших джагирдаров и их мятежи вынудили Акбара отказаться от реформы и вернуться к старой системе пожалований.

Однако он решил упорядочить ее, с тем чтобы джагирдары-военачальники содержали наемные войсковые контингенты, по численности соответствующие доходу с пожалованной территории. С этой целью он, как и Шер-шах, сделал обязательным клеймение коней при инспекциях наемных отрядов джагирдаров в установленные сроки. Джагирдары уже не могли обмениваться конями на время инспекции. Кони должны были по своим физическим данным соответствовать принятым нормативам. И все же при инспекциях нередко обнаруживалось, что джагирдары содержали отряды, не соответствовавшие их доходу. Виновные в этом лишались джагиров или подвергались другим наказаниям.

Численностью наемного отряда определялся *мансаб* (ранг) джагирдара. В соответствии с введенной Акбаром системой мансабдарства — рангированной структурой, включавшей как военных, так и лиц, занятых в административной системе, — все служилые разделялись на три категории. Обладателями высших мансабов — «10 тысяч», «8 тысяч» и «7 тысяч» — были принцы крови. Следующую группу представляли мансабдары, имевшие чин от «5 тысяч» до «200» (так, их было 412 человек); их именовали эмирами. Подавляющее большинство мансабдаров (1400 человек) имели мансабы от «150» до «10».

Постоянный разрыв между номинальным и реальным числом воинов на службе джагирдаров вынудил ввести понятия *зат* («чин») и *савар* («всадник»), первое из которых являлось личным чином должностного лица, а последнее, которое всегда было ниже зата, указывало на реаль-

ное число набираемых всадников. Жалование (размер джагира) определялось с учетом и зата, и савара.

Ряд изменений был внесен в существовавшую практику налогообложения. В большинстве областей налог переводился в денежную форму. Эта реформа, исходившая прежде всего из интересов государственного фиска, осуществлялась с учетом складывавшейся если не повсеместно, то во всяком случае в округах больших городов рыночной ситуации. Но даже здесь денежный налог оказывался обременительным для землевладельцев и, ввергая их в сферу товарно-денежных отношений, приводил к установлению зависимости от купцов-перекупщиков и ростовщиков.

Одновременно вводился ряд правил, направленных на упорядочение налоговой системы и сбора налога. Размер его ставился в зависимость от категории земельного участка. С земель, возделываемых из года в год (*поладж*), он составлял $^1/_3$ урожая, с лежащих один-три года под паром (*чачар*) и вновь возделанной целины (*банджар*) налог был значительно ниже. В зависимости от выбора налогоплательщика размер налога устанавливался тогда, когда урожай стоял на корню, или после сбора урожая, или путем обмера полей. Учитывая злоупотребления чиновников при обмере полей, производившемся с помощью веревки, которую можно было в мокром состоянии удлинить или, высушив, укоротить, Акбар приказал использовать бамбуковый шест, скрепленный железными кольцами. При обложении учитывались урожайность последних 10 лет и рыночная стоимость земледельческих продуктов.

Налог был весьма обременительным, и его нередко собирали с помощью войска. За многими налогоплательщиками числились недоимки. Неоднократно издавались падишахские указы, прежде всего в интересах фиска, о выдаче из казны земледельцам займов-*такави* для покупки семян, скота и «всего, что необходимо для земледельца».

Покровительствуя торговле, важному источнику доходов государства, Акбар издал ряд указов об унификации системы мер и весов, а также денежных единиц со стандартным содержанием золота и серебра. Интересам развития торговли служила и деятельность по строительству дорог и караван-сараев.

В правление Акбара политическая раздробленность предыдущего периода исчезла. Это произошло, однако, не потому, что в обществе появились социально-экономические и другие предпосылки к централизации, а благодаря военным успехам Акбара в его завоевательных войнах. Централизации препятствовали не только различия в уровнях развития отдельных регионов, недостаточно высокий уровень межрегиональных экономических связей, но и огромное многообразие социально-культурных традиций, основанных на различных религиозных системах, прежде всего индуизме и исламе. Преодоление этого дезинтегрирующего фактора виделось Акбару и Абул-Фазлу в ослаблении конфессиональной разобщенности подданных империи, в религиозном синкретизме, способном обеспечить падишаху поддержку его немусульманских подданных и в то же время оградить его от чрезмерного влияния высшего мусульманского духовенства.

Принципом религиозной политики провозглашался *сульх-и кул* («всеобщий мир»), подразумевающий мирные отношения между последователями всех религий, за которыми в равной мере признавалась истинность. Религиозные взгляды Акбара и Абул-Фазла обнаруживают сильное влияние мистических течений в исламе (суфизм) и индуизме (бхакти), хотя они и остались чужды их эгалитарным идеалам. Своим духовным наставником Акбар выбрал шейха (главу) суфийского ордена *чиштийя*, известного некогда своими связями с демократической средой и отличавшегося от ряда других суфийских орденов (в частности, *накшбандийа*) большей веротерпимостью.

Уже в 1563 г. Акбар отменил дававшую казне большой доход *джизью* с паломников-индусов, а вскоре вообще упразднил этот подушный налог со всех иноверцев. Столкнувшись с неодобрением мусульманского духовенства, он восстановил джизью и повторно отменил лишь в начале 80-х годов.

В соответствии со своими религиозными исканиями в 1575 г. в столице Фатехпур-Сикри Акбар учредил Ибадат-хане («Молитвенный дом»), предназначенный для религиозных диспутов. Поначалу они происходили между последователями различных мусульманских толков, но несогласие между ними заставило Акбара усомниться в истинности исламских догм. Принимавший участие в диспутах падишах претендовал на соединение в своем лице светской и духовной власти, власти падишаха и имама. Согласно изданному *мазхару* (заявление, декларация), подписанному, добровольно или по принуждению, многими мусульманскими улемами двора, Акбар как обладатель верховной светской власти признавался *муджтахидом*, т.е. высшим авторитетом в делах, относящихся к религии и религиозным законам.

В Ибадат-хане с 1578 г. начали приглашать приверженцев других религий. По словам Абул-Фазла, здесь собирались сунниты, шииты, суфии, брахманы, джайны, зороастрийцы, иудаисты, христиане. Возглавлявший одну из трех миссий иезуитов ко двору Акбара Монсеррате описал подробно придворную жизнь и быт, политические и другие происходившие в столице события. С 1580 г. Акбар стал появляться на официальных приемах с кастовым знаком на лбу, со шнурами, украшенными драгоценными камнями, на кистях рук, как это было принято у брахманов. Тогда же, в знак уважения религиозных чувств индусов, он запретил убой коров и употребление в пищу говядины. При дворе отмечались индуистские праздники. Вместо мусульманского лунного календаря был введен солнечный, принятый у индусов и христиан. Яростного противника Акбар встретил в лице главы суфийского ордена накшбандийа Ахмада Сирхинди, выступавшего с проповедью мусульманского пуританизма — очищения ислама от «ереси», «новшеств» (*бидат*), т.е. позднейших по отношению к кораническому исламу и его практике философских, этических, обрядовых и других элементов, которые среди индийских мусульман имели своим источником местные быт и культуру. Среди противников религиозной политики Акбара был также историк Бадауни.

В том же году представители мусульманской ортодоксии — улемы издали *фетву* (религиозное предписание), объявляющую Акбара еретиком, недостойным управлять мусульманским государством и поэтому низложенным. Под знамена ортодоксии встали также многие мятежные феодалы Панджаба и Бенгалии, объявив о своей приверженности младшему, сводному брату Акбара, его наместнику в Кабуле Мухаммаду Хакиму (1581 г.).

Акбар с трудом подавил восстание, которое, однако, не поколебало его убежденности в истинности избранной им политики религиозного синкретизма. В 1582 г. при дворе была торжественно провозглашена *дин-и иллахи* («божественная религия»), эклектически соединившая в себе положения различных религиозных учений, не имевшая, однако, ни своей мифологии, ни священного писания. Не получив сколько-нибудь широкого распространения, дин-и иллахи оставалась своеобразным братством, в которое вошла часть придворных, а позднее, после смерти Акбара, превратилась в небольшую секту.

Религиозный синкретизм Акбара был не только элементом его политики укрепления и централизации феодальной деспотии, но и частью происходившего в Индии на протяжении ряда столетий синтеза различных культурных традиций индуизма и ислама. Сам ислам постепенно приспосабливался к древним обычаям страны, что проявилось, в частности, в восприятии элементов кастовой структуры и появлении мусульманских каст.

Утопичность концепции религиозного единения предопределила неудачу религиозной политики Акбара, отражавшей весьма прогрессивную тенденцию к сближению и преодолению разобщенности различных конфессий.

Социальные и политические конфликты в империи Акбара выливались преимущественно в форму религиозного сектантства. Много последователей имела все еще секта мессианцев-махдистов. Разгром их Ислам-шахом Суром лишь ослабил, но не искоренил деятельность секты, в которую кроме простонародья входили также лица духовного звания, шейхи, тесно связанные с городской средой.

Среди мусульман-афганцев получил поддержку Баязид Ансари, «старец света» (*пир роушан*), человек из народа. Роушаниты, его последователи, оказывали вооруженное сопротивление карательным походам падишахских военачальников. В бою с ними погиб легендарный полководец и приближенный Акбара, индус раджа Бир Бал, с именем которого связано множество легенд и преданий, блестящих образцов народного творчества. После смерти Акбара движение роушанитов вновь оживает. Подробнее о движении роушанитов рассказано в седьмой главе.

Широкое распространение получило социокультурное явление *бхакти* (букв. «любовь», «преданность»). Проповедники и последователи бхакти отвергали религиозную обрядность и миссию священнослужителей как посредников между богом-абсолютом и человеком. Постижение бога, слияние с ним, в чем виделась цель человеческого существования, объявлялись доступными всем, безотносительно происхождения и положе-

ния в обществе, путем любви и личного служения богу, перед которым все равны. В течении бхакти нашли отражение как социальные, так и этические и эстетические взгляды различных общественных слоев, но прежде всего укрепившегося торгово-ремесленного городского населения, недовольного низким статусом в кастовой иерархии индуизма. В отрицании бхактами кастовой иерархии видится социальный протест против феодальных порядков, а в проповедовавшейся ими идее единого бога — тенденция к преодолению конфессиональной разобщенности торгово-ремесленного населения и к созданию городского сословия.

Близки и понятны в широких слоях были не только идеи, но и форма изложения бхактийских учений на живых разговорных языках, использование поэтических образов, близких народной поэзии и навеянных жизнью народа — ремесленников, торговцев, крестьян.

В бхакти следует видеть не только проявление социального протеста, но и результат взаимовлияния и взаимодействия на индийской почве индусской и мусульманской культур, местного и привнесенного мусульманскими мигрантами цивилизационных субстратов.

С проповедью мистических идей бхакти в период правления Акбара выступили Чайтанья в Бенгалии, Даду — в Раджастхане, Экнатх — в Махараштре и др. Большое социально-политическое звучание приобрел сикхизм в Панджабе. Его первым проповедником и основателем был *гуру* («учитель») Нанак (1469—1539), испытавший на себе влияние известного поэта-бхакта XV в. Кабира. Вера в бога, учил Нанак, снимает с человека «позор рождения» в низкой касте и возвышает нищих и убогих. Богохульниками называл он священнослужителей-брахманов, которые «ежедневно вкушают запретный плод лжи, и при этом они еще поучают других, объясняя, что́ есть истина, а что́ — ложь; сами заблудшие, они вводят в заблуждение тех, кто идет за ними по их пути».

В гимнах сикских гуру, пение которых (*киртан шабад*) считалось способом выражения любви к богу, прославлялся личный труд на благо всех; угодным всевышнему объявлялся «домохозяин», занятый «делом». Это было вызовом не только праздной знати, но и призывавшим к уходу от мирских дел святошам.

При гуру Амардасе (1552—1574), современнике Акбара, сикхи были весьма многочисленны и делали богатые подношения своему «учителю». Амардас купил в пенджабском городе Амритсар землю и соорудил большой, считавшийся священным пруд, вокруг которого селились «ученики». Преемник Амардаса Рамдас (1574—1581) вел себя как настоящий правитель и не случайно был прозван *сача падишах* («истинный падишах»). Его агенты-*масанды* собирали огромные пожертвования и проповедовали сикхизм. При следующем гуру, Арджуне (1581—1606), пожертвования фактически превратились в налог-десятину, а масанды — в сборщиков его. Можно сказать, что процесс феодализации сектантской верхушки сикхов завершился еще в XVI в. Однако сектантская идеология и организация сикхов определили их оппозиционность Моголам. Попытки властей собрать с сикхов налоги не имели успеха, а после смерти Акбара сикхские гуру открыто поддерживали выступления против падишахов.

17 октября 1605 г. Акбар скончался. Возможно, что его смерть была ускорена гибелью его верного друга Абул-Фазла. Он был убит в 1601 г. по дороге в Дели из Декана по наущению старшего сына Акбара — Салима. Принц еще в 1601 г., обосновавшись в Аллахабаде, вел себя как независимый правитель, раздавал джагиры и издавал свои фирманы, что должно было вызывать недовольство Абул-Фазла, вся деятельность которого была направлена на укрепление единовластия и трона. Полагая, что Абул-Фазл настраивает Акбара против него, Салим вступил в заговор с мятежным Бир Сингхом Бунделой, приведшим в исполнение его замысел. Бир Сингх был схвачен и убит Акбаром, гнев Акбара пал и на Салима. Но в 1604 г. произошло их примирение, и падишах, учитывая мнение многих знатных эмиров, назначил его своим наследником. Спустя несколько дней после смерти Акбара Салим вступил на трон в Агре, приняв имя Нур уд-Дин Мухаммад Джахангир-падишах Гази (1605—1627).

ПРЕЕМНИКИ АКБАРА

Вскоре по вступлении на трон Джахангир отменил многие нововведения Акбара, в частности отражавшие политику веротерпимости. Это вызвало недовольство индусов-военачальников. При поддержке одного из них, влиятельного при дворе Акбара Ман Сингха, восстал Хосроу, старший сын Джахангира. Бежав из крепости Агры, куда он был, по существу, заточен Джахангиром за непокорность, Хосроу направился в Пенджаб. Здесь к нему присоединились некоторые могольские джагирдары. В сражении с верными Джахангиру войсками Хосроу был наголову разбит и вновь бежал, но был схвачен и ослеплен.

Мятеж Хосроу вынудил Джахангира прекратить начатые военные действия против правителя Мевара Амар Сингха, одного из самых могущественных независимых раджпутских владетелей, и заключить с ним мир. Только в 1608 г. военные действия возобновились, не принеся, однако, ощутимых результатов. В 1613 г. могольское войско под командованием третьего сына Джахангира, принца Хуррама, вновь появилось в Раджпутане. Сам падишах обосновался вместе со своим двором в Аджмере, в непосредственной близости от театра военных действий. Могольские войска жгли и грабили селения и мелкие города. Началась острая нехватка продовольствия и в Меваре, которая сопровождалась вспышкой эпидемии чумы. Амар Сингх запросил мира, по условиям которого его сын получил *мансаб* (ранг) пятитысячника на службе Джахангира и подарки, что символизировало подчинение раджпутского княжества и должно было привлечь других князей на сторону победителей (1614 г.). Параллельно с операциями против Мевара военные действия были начаты против независимых афганских военачальников в Бенгалии, что привело к полному их разгрому и подчинению. Несомненным успехом могольского оружия было завоевание хорошо укрепленной горной крепости Кангра в Панджабе, контролировавшей двуречье Джелама и Рави (1620 г.).

Меньше славы снискало себе могольское оружие в Декане, где под эгидой государственного деятеля и военачальника из Ахмаднагара раба-эфиопа Малика Амбара сформировалась антимогольская коалиция, включавшая также султанаты Биджапур и Голконда. И все же Малик Амбар вынужден был уступить Моголам часть территории и согласиться на уплату дани-*назрана* (1620 г.).

Войны в Декане ослабили позиции Джахангира на западе, в Афганистане. Обмен посольствами между ним и сефевидским падишахом Аббасом I (1587—1629) на протяжении 1611—1620 гг., казалось, свидетельствовал о добрососедских и дружественных отношениях между этими правителями. Однако в 1622 г. Аббас I осадил и взял важный в стратегическом плане и стоявший на торговой магистрали Кандагар, который в течение многих лет был яблоком раздора между Сефевидами и Моголами.

Тем временем при дворе безвольного пьяницы и наркомана Джахангира господствующее положение заняла клика, возглавлявшаяся его любимой женой Нур Джахан. Опасаясь влияния Махаббат-хана, опиравшегося на раджпутов, она добилась его назначения в далекую Бенгалию; кроме того, ему было предложено дать отчет о своих доходах. Оскорбленный Махаббат-хан восстал. На берегу р. Джелам, где находилась августейшая чета, следовавшая в Кабул, во главе своей раджпутской кавалерии он напал на лагерь Джахангира и взял его в плен. Однако между его раджпутскими и мусульманскими эмирами возникли перепалки; раджпуты были в большей своей части истреблены. Махаббат-хан бежал в Декан к мятежному принцу Хосроу (1626 г.).

Последовавшая вскоре смерть Джахангира (1627 г.) открыла Хосроу путь к трону. Он короновался в начале 1628 г. под именем Шах-Джахан и сохранял за собой престол 30 лет (1628—1658).

Крупным успехом его было изгнание обосновавшихся в конце XVI в. в Бенгалии, в Хугли, португальцев (1632 г.), превративших этот небольшой городок в крупный торговый центр. Хугли был взят после трехмесячной осады; много португальцев было захвачено в плен, многие — убиты. Напротив, неудачными оказались кампании по захвату Балха и Бадахшана (1636—1646). Однако удалось взять Кандагар, правда ненадолго; в 1649 г. его отвоевал иранский шах Аббас II. Последовавшие затем три попытки Шах-Джахана вновь взять Кандагар были безуспешны из-за преимущества иранского войска в артиллерии.

Феодальные распри в Ахмаднагаре облегчили вмешательство Шах-Джахана в дела этого султаната. Фатх-хан, сын Малика Амбара, принимавший в них деятельное участие и бывший главным министром слабого правителя из династии Низам-шахи, убил его и выразил желание читать хутбу и чеканить монету от имени могольского падишаха.

Однако маратхский вождь Шахджи с помощью правителя Биджапура Адил-шаха посадил на престол Ахмаднагара свою марионетку, отпрыска династии Низам-шахи. Правитель Биджапура, в свою очередь, захватил сильную крепость султанов Низам-шахи Паренду.

Против султанатов Декана была отправлена из Дели большая армия. Правители Голконды и Биджапура признали верховную власть Шах-

Джахана и согласились на уплату дани. Часть территории Ахмаднагара была передана султану Биджапура, другая — отошла к могольскому падишаху. С помощью Биджапура могольское войско окружило в Северном Конкане Шаджи, который был вынужден сдать и передать в руки победителей и занятые им крепости, и марионеточного султана. В качестве вассала Биджапура Шаджи получил небольшой джагир — округ Пуны.

Наместником деканских владений Шах-Джахан назначил своего сына Аурангзеба. Своей резиденцией тот сделал небольшой городок, основанный некогда Маликом Амбаром и названный теперь в честь принца Аурангабадом. Через некоторое время он был смещен (1644 г.), но в 1652 г. вновь назначен *субадаром* деканских владений. Своим *диваном* (главой фиска) он сделал опытного чиновника из Хорасана Муршид Кули-хана, который приспособил к условиям Декана практиковавшуюся в Могольской империи при Акбаре налоговую систему.

Принц Аурангзеб продолжил наступательную политику своих предков в Декане. Его привлекали плодородные земли и алмазы Голконды, необъятные пространства «от моря до моря», принадлежавшие слабым правителям Биджапура.

Воспользовавшись конфликтом между Абдулла Кутб-шахом, правителем Голконды, и его вазиром Мир Джумлой, имевшим обширные земельные владения и несметные сокровища, Аурангзеб установил контакты с Мир Джумлой и его сыном Мухаммадом Амином и принял их на службу. В 1656 г. войска Аурангзеба осадили крепость Голконду. Опасаясь непомерного усиления власти Аурангзеба, Шах-Джахан приказал снять осаду. Однако султану Голконды пришлось все же уплатить контрибуцию и недоимки по дани, а также пойти на территориальные уступки Моголам. Мир Джумла был затребован в Дели и назначен Шах-Джаханом главным министром государства.

С согласия Шах-Джахана в следующем, 1657 г. Аурангзеб вторгся в Биджапур. Город Бидар и крепость Кальяни были захвачены. По приказу Шах-Джахана наступление было приостановлено, но Бидар и Кальяни отошли к Моголам.

Шах-Джахан не предпринимал каких-либо важных реформ, касающихся дел управления государством. Джагирдары при нем получили право содержать лишь $^1/_3$ того числа воинов, которое они должны были иметь согласно мансабу. Еще дальше, чем его отец Джахангир, он отошел от политики Акбара в отношении индусов. Он вновь ввел отмененный Акбаром лунный календарь, запретил браки мусульманских вельмож с индусками, приказал разрушить ряд индуистских храмов. Сокровища, поступавшие в казну, шли на содержание пышного двора. В столичных городах Агре и Дели и ряде других городов сооружались крепости и дворцы, отличавшиеся монументальностью и богатством. Многие из них были выполнены в белом мраморе, инкрустированы сердоликом и другими драгоценными камнями. Среди них — великолепный мавзолей любимой жены падишаха Мумтаз-махал в Агре — знаменитый Тадж-Махал.

В годы правления Шах-Джахана разразился вызванный засухой голод, поразивший Гуджарат и Декан. В Гуджарате от него погибло около 3 млн. человек, в том числе много городских жителей и производителей хлопка. Сокращение посевов последнего было столь значительным, что английская Ост-Индская компания, главный экспортер индийских хлопчатобумажных изделий, перенесла свою деятельность на восточное побережье полуострова Индостан, здесь был арендован участок земли, где впоследствии вырос город Мадрас.

Внезапная болезнь Шах-Джахана вызвала кровопролитную борьбу за власть между четырьмя его сыновьями. Старший сын, Дара Шукох, наместник Аллахабада и Панджаба, человек образованный и склонный к мистицизму, не был искусен в военных делах. Он находился постоянно при дворе, где пользовался большим влиянием, так как именно его Шах-Джахан объявил наследником престола. Сыновья Шуджа и Мурад правили в Бенгалии и Гуджарате. Опытный и хладнокровный Аурангзеб, субадар Декана, вышел победителем из трехлетней, полной драматизма междоусобной борьбы, которая велась с ожесточением, хотя Шах-Джахан уже выздоровел. В этой борьбе погибли три брата Аурангзеба. Наследник Дара, бежавший после своего поражения к белуджскому вождю, был схвачен и казнен в Дели по приказу Аурангзеба. Шуджа, потерпевший поражение от Мир Джумлы, выступившего на стороне Аурангзеба, был убит местным племенем магхов. В Гвалиярскую крепость был заточен Мурад, обезглавленный спустя несколько лет также по приказу Аурангзеба. Шах-Джахана заточили в крепость Агра, где он и умер в 1668 г.

В противоположность Шах-Джахану Аурангзеб был склонен к аскетическому образу жизни. Фанатик и святоша, он не возражал против титула *пир-и зинда* («живого бога»). Он запретил столь обычные при дворе музыку и танцы, как и употребление спиртных напитков и наркотиков; специальный указ на имя государственных должностных лиц и джагирдаров запрещал сеять на коронных землях и землях джагиров бханг (коноплю), из которого изготавливались наркотики. Запрет был наложен и на составление придворных хроник; известные ныне истории периода правления Аурангзеба писались, видимо, тайно или после его смерти и не были официальными хрониками.

Правление Аурангзеба проходило в бесконечных войнах и карательных походах. Во многих из них он лично командовал войсками. Во время одной из кампаний в Декане, будучи уже глубоким стариком, Аурангзеб умер и был похоронен, подобно обычному мусульманину-дервишу, в скромной могиле близ Аурангабада.

Едва короновавшись, Аурангзеб решил удалить от двора влиятельного и энергичного Мир Джумлу, который, по существу, обеспечил ему победу в междоусобной борьбе с братьями. Мир Джумла был назначен субардаром Бенгалии, где активно занялся делами управления. Талантливый военачальник, он сумел расширить пределы Могольской империи, завоевав на северо-востоке Ахом (Ассам), потерянный, однако, вскоре же после его смерти.

Неспокойно было на северо-западе империи, где проживали многочисленные афганские племена — хаттаки, афридии, юсуфзаи и др. Вожди некоторых из них признавали власть падишаха, но зависимость их была номинальной. В 1667 г. против него восстали юсуфзаи и перекрыли дорогу, соединявшую могольскую столицу с Кабулом. Спустя несколько лет, в 1672 г., подняли голову хаттаки и афридии.

Хаттаков возглавлял их вождь, патриот и поэт Хушхал-хан, признанный и другими афганскими племенами. Усмирение афганцев потребовало немалых усилий, как военных, так и дипломатических; не обошлось и без взяток, подкупов вождей и разжигания розни между племенами. Хушхал-хан, преданный собственным сыном, был схвачен и отправлен узником в Гвалиярскую крепость.

Еще большего напряжения требовала активная завоевательная политика Аурангзеба в Декане, благодаря которой Могольская империя достигла своих максимальных пределов, охватив после завоевания Биджапура (1686 г.) и Голконды (1687 г.) почти весь полуостров Индостан.

В соответствии со своими взглядами Аурангзеб стремился превратить Индию, которую считал *дар аль-харб* («страной войны», т.е. страной «неверных», немусульман), в *дар аль-ислам* («страну ислама»). В этом он опирался прежде всего на мусульманскую знать и на ортодоксальное суннитское духовенство, недовольных той заметной ролью, которую играли в системе власти многие раджпутские и другие индусские феодалы (по подсчетам индийского историка Атхара Али, индусы составляли при Аурангзебе $^1/_3$ всех мансабдаров). Это определило полный разрыв с принципами политики веротерпимости Акбара, которыми в какой-то мере руководствовался соперник Аурангзеба в борьбе за престол Дара Шукох, один из самых образованных людей своего времени, мистик-суфий и большой почитатель индуизма. Аурангзеб запретил строительство индуистских храмов, многие из существовавших были разрушены. Запрету подверглись и популярные индусские праздники *дивали* и *холи*. Паломники-индусы облагались специальным налогом. Пошлина с индусских купцов, согласно указу от 1665 г., была вдвое выше (5%), чем с купцов-мусульман, плативших *закят* в размере 2,5% от стоимости товара; с 1667 г. последний был упразднен вообще, но пятипроцентный налог с купцов-немусульман сохранялся. Известно также, что была предпринята даже попытка изгнания из административно-налогового аппарата чиновников-индусов. Впрочем, она заранее была обречена на неудачу, поскольку этот аппарат, особенно низшие и средние его звенья, состоял в большинстве из индусов.

В 1679 г., дабы «покончить с неверными», Аурангзеб восстановил джизью. Это оскорбляло достоинство индусов, но зато давало казне огромные доходы — примерно 5% от всех поступлений. Джизью, согласно падишахскому указу, должны были взимать во всех областях с немусульманского населения, со всех мужчин в зависимости от их имущественного положения. Освобождались от джизьи лишь те «неверные», у которых не было никакого имущества, а также калеки. Следовало «ежегодно взимать 12 дирхемов с бедных, 24 дирхема с [людей] среднего [достатка]

и 48 дирхемов с богатых». К последним причислялись лица, имущество которых оценивалось более чем в 10 тыс. дирхемов; «середняками» признавались обладатели имущества в 200 и более дирхемов; те, кто имел менее 200 дирхемов, считались бедными. Хотя в денежном выражении джизья с бедных была в четыре раза меньше, чем с богатых, однако в процентном отношении была значительно больше и, таким образом, всей тяжестью ложилась на плечи бедняков.

Введение джизьи вызвало волну недовольства в разных общественных слоях. Люди отказывались выплачивать ее. Даже в самом Дели возмущенные указом падишаха толпы вышли на улицы, преградив дорогу его кортежу. Многие были растоптаны слонами.

Став причиной мощной волны недовольства, политика религиозной нетерпимости Аурангзеба сама была в определенной мере реакцией на резкое обострение в империи социальных и политических противоречий. В последние десятилетия XVII и начале XVIII в. Могольскую империю сотрясали мощные массовые движения.

Еще в 1669 г. в районе Агра—Дели выступили крестьяне-землевладельцы из касты *джатов*. Они отказались от уплаты налога и под руководством местного заминдара Гокла построили несколько небольших крепостей, в которых укрепились, и прервали коммуникации между двумя столицами, Агрой и Дели. Повстанцы были разбиты, а Гокла схвачен и четвертован в Дели.

Спустя всего три года, в 1673 г., в том же районе, в Нарноле, выступила индусская секта *сатнами* («истинное имя», т.е. секта последователей истинного бога). Это были те же крестьяне-джаты, доведенные до отчаяния вымогательствами и поборами чиновников. Своей целью они объявили установление «царства справедливости». 10-тысячная могольская армия усмирила «мятежников», но лишь на время. Восстания джатов происходили в 1685—1691 гг. и позднее, в 1704 г., когда они выступили под руководством Чаураманы.

В Гуджарате и некоторых областях Северо-Западной Индии обрела своих последователей секта *сатпантх* («истинный путь»), выступавшая также с позиции эгалитаризма. Она, как и многие другие секты, возвеличивала личный труд и осуждала богатых и богатство. Учение сатпантхов представляло собой эклектическое соединение догматов исмаилизма и индуизма. Последователями секты были крестьяне-землевладельцы из каст *матья-кунби, лева* и др.; к ним присоединились мелкие торговцы и ремесленники. Восстав, они едва не захватили крупный гуджаратский город Броч, но были разгромлены войсками могольского наместника-субадара.

Секты, как правило, обладали крепкой организацией, их члены были связаны строгой дисциплиной, клятвой беспрекословно повиноваться воле и слову своего учителя. Верхушка общины сектантов рано или поздно феодализировалась, и практика приходила в противоречие с проповедуемым учением.

Весьма упорное сопротивление оказывало могольскому войску восставшее индусское население Бунделкханда под руководством заминдара

Чхатрасала. После смерти Аурангзеба, в 1731 г., восставшие создали независимое княжество в Малве.

В Раджастхане в 70-х годах выступили раджпуты-ратхоры Марвара. Посланный против них принц Мухаммад Акбар перешел на сторону «мятежников», объявил своего отца низложенным и даже предпринял поход против него. Но предприятие не имело успеха, и неудачливый принц был вынужден бежать в Махараштру. Ратхоры и другие раджпутские кланы продолжали борьбу против Моголов. Правивший после Аурангзеба его сын Бахадур-шах (1707—1711) признал независимым правителем Марвара отпрыска ратхорского клана Аджит Сингха (1709 г.).

Мощное антимогольское движение развернулось в Панджабе. Это было движение сикхов. Девятый гуру сикхов, Тег Бахадур, выступал как военный вождь. Укрепившись в отстроенной им крепости Анандапур, вооруженные сикхские конные отряды нападали на могольские опорные пункты, грабили караваны. Тег Бахадур был схвачен и казнен (1675 г.). Это дало новый импульс движению сикхов, начал меняться социальный состав сектантов в результате вовлечения в секту джатского крестьянства. Сикхизм из идеологии городских торгово-ремесленных слоев превратился в идеологию крестьянской войны.

В это время во главе секты встал сын Тег Бахадура, десятый гуру Гобинд (1675—1708). Сикхская община-*хальса* при нем была военизирована; ядро сикхской армии составляли крестьяне-джаты. Для сикхов, членов хальсы, вводились особые символы-приметы, отличавшие их и от индусов, и от мусульман: сикх не должен был стричь волосы и бороду, обязан был иметь при себе гребень, кинжал и железный браслет, носить одежду особого покроя. Обряд посвящения в сикхизм, который принимали также лица из низких каст и мусульмане, состоял в том, что посвящаемого окропляли водой, взболтанной кинжалами. После этого он мог прибавить к своему имени титул *сингх* («лев»), по примеру того, как это было принято у раджпутов. Власть «живого гуру» переходила к *хальсе*, дела которой решались на общем собрании ее членов — *сарбат хальса*. Институт масандов, непопулярный среди сикхов, был упразднен. Члены общины обязывались выплачивать долю своих доходов непосредственно в пользу хальсы. Учителем сикхов была объявлена книга «Ади Грантх», или «Грант Сахиб» («Изначальная книга», или «Книга-Господин»), в которую вошли произведения десяти гуру, а также некоторых поэтов-бхактов и суфиев — Кабира, Шейха Фарида.

Гобинд построил несколько крепостей — опорных пунктов войска — и вступил в союз с рядом мелких раджей Джамму и Гархвала для совместных действий против Моголов. При их содействии сикхам удалось нанести не одно поражение могольскому войску. Но измена раджей ослабила сикхов. Могольское войско осадило Анандапур, взятый после упорного сопротивления. Гуру Гобинд бежал на север, сначала в предгорья Гималаев, затем в Декан, скитаясь в тщетных попытках собрать новое войско. В Декане, уже после смерти Аурангзеба, он был убит (1708 г.). Это печальное событие не ослабило накал антимогольской борьбы сикхов. Она продолжалась в Панджабе под руководством Банды, возглавившего

хальсу и принявшего титул «истинного падишаха». В Панджабе образовалось несколько сикхских княжеств. Таким образом, движение джатского крестьянства привело к созданию военизированных феодальных образований.

Процесс политической и этнической консолидации происходил в северо-западной части Декана, в горной стране, населенной маратхами, земледельческим народом, делившимся на множество (называется 96) кланов. Маратхские территориальные общины в XVII в. представляли собой гетерогенные, социально неоднородные образования. Феодализированная общинная верхушка маратхов отличалась воинственностью. Многие ее представители во главе наемных отрядов служили мусульманским султанам Биджапура и Ахмаднагара, а затем Моголам. В консолидации маратхов большую роль сыграло творчество религиозных реформаторов-бхактов, философов и поэтов — Экнатха (1548—1608), Тукарама (род. в 1608 г. — ум. в 60-е годы XVII в.) и Рамдаса (1627—1680). Красной нитью через творчество последнего проходит тема патриотизма, ненависти к завоевателям-Моголам.

В середине XVII в. среди маратхских вождей выдвинулся Шиваджи (1627 или 1630—1680), сын маратхского военачальника Шахджи, служившего султану Биджапура. Свою военную карьеру Шиваджи начал с того, что захватил принадлежавшие Биджапуру территории и ряд крепостей. Вслед за этим он напал на владения Моголов на юго-западе Декана, но понес поражение от Аурангзеба, в то время наместника Декана. В период междоусобной борьбы сыновей Шах-Джахана Шиваджи возобновил натиск на владения Биджапура и подчинил себе Северный Конкан. Коварно убив биджапурского военачальника Афзал-хана во время переговоров с ним, Шиваджи двинул свои войска далее на юг и захватил Южный Конкан.

Главного своего противника Шиваджи видел теперь в Моголах. Пришедший тогда к власти Аурангзеб, дабы покончить с «горными крысами», как он презрительно называл маратхов, послал войско под командованием Шаиста-хана, который занял Пуну — центр владений Шиваджи, однако был изгнан подоспевшим маратхским отрядом. После этой победы Шиваджи напал на богатый город-порт Сурат, принадлежавший Моголам, и разгромил его. Новое могольское войско во главе с раджпутом Джай Сингхом, одним из лучших полководцев Аурангзеба, нанесло тяжелое поражение Шиваджи, который был вынужден подписать в 1665 г. в местечке Пурандхар соглашение с Моголами. Ему пришлось отдать свои крепости и согласиться на службу Аурангзебу. Поддавшись уговорам Джай Сингха, Шиваджи отправился в могольскую столицу Агру, где был арестован по приказу падишаха. Однако, бежав, он собрал новое войско и начал грабительские набеги на Сурат и города Декана. Награбленное воины распределяли между собой по определенным долям.

В 1674 г. в Пуне состоялась пышная коронация Шиваджи. Маратхское крестьянство было обложено налогами (впрочем, не слишком обременительными). Однако основным источником доходов государства была

по-прежнему военная добыча, и войска Шиваджи продолжали грабительские рейды на соседние территории. Многие феодальные владетели и могольские наместники предпочитали платить маратхам «отступные», дабы избежать погромов и разбоя. Эти «отступные» стали известны как *чаутх* (букв. «одна четверть», т.е. четвертая часть налоговых поступлений с данной территории; в действительности чаутх мог превышать свой номинальный размер) и были превращены Шиваджи в своеобразную подать, более или менее регулярно поступавшую с огромных территорий. Шиваджи постоянно укреплял свои военные силы. Кроме 240 крепостей, которыми он владел, пехоты и конницы он обзавелся флотом из четырех сотен судов, команды которых состояли главным образом из *коли* (этнокастовая группа в Западной Индии). С помощью флота он держал в постоянном страхе прибрежные города.

Освободительное движение, в котором активную роль играло маратхское крестьянство, привело к образованию феодального государства, а сам Шиваджи из военного вождя, стоявшего во главе этого движения, превратился в феодального правителя, власть которого после его смерти (1680 г.) перешла по наследству к его сыну Самбхаджи.

Таким образом, еще при жизни Аурангзеба в результате антимогольских движений, в которых весьма ярко была выражена народная, крестьянская главным образом, струя, многие владения Моголов были, по существу, утрачены ими. Империя распадалась словно карточный домик.

ХОЗЯЙСТВО

Население Индии, по наиболее авторитетным подсчетам современных историков (И.Хабиба), составляло в 1600 г. 150 млн. человек. Основная его часть, примерно 85%, проживала в деревнях, которые по своим размерам значительно уступали современным.

Земледелие, составляя основное занятие населения, во многих частях страны зависело от искусственного орошения с помощью колодцев и резервуаров (*танк*), от которых отводились к полям канавы. Вода в них подавалась из источников орошения с помощью простого деревянного ковша (*дхенкли*) или кожаных ведер, прикрепляемых к веревке, натянутой на шкив колеса, приводимого в движение быками. Последний метод был известен как *чарас*. Несколько сложнее было «персидское колесо» (*сакийя*) с глиняными кувшинами, приводимое в действие благодаря зубчатому приводу и ремню; зубчатый механизм тоже вращался с помощью погоняемых по кругу животных. Использование его вследствие относительной дороговизны было весьма ограниченным.

Колодцы, как правило, были глинобитными. Они выкапывались на один сезон, затем забрасывались. Выложенные кирпичом колодцы были распространены меньше.

Танки были важным источником орошения в Центральной Индии и на Декане. Известны грандиозные резервуары, в частности искусствен-

ное озеро Мадаг, сооруженное еще раджами Виджаянагара в XV—XVI вв. Танки сооружались и в гористых местностях, в частности в Раджастхане.

В бассейнах Ганга, Инда и ряда других рек земля пропитывалась влагой во время их разливов. Здесь было множество колодцев и мелких каналов, ведущих к полям. Каналы большой протяженности, некогда построенные Фируз-шахом (1351—1388) на севере страны, пришли в запустение. Однако известно, что и в XVII в. проводились крупные работы по ремонту старых и сооружению новых каналов. Канал Нахр-и Фаис, проложенный при Шах-Джахане, имел 150 миль в длину. Около 100 миль была протяженность канала от р. Рази к Лахору. Однако практическое значение этих каналов было намного скромнее, чем колодцев.

Площадь возделываемых земель в XVI—XVII вв. составляла примерно $^1/_2$ — $^3/_4$ возделываемых площадей в 1900 г.

Климатические условия Индии позволяли почти повсеместно выращивать два урожая в год — *хариф* (осенний) и *раби* (весенний). Урожайность существенно возрастала благодаря обильному применению естественных удобрений. В конце XVI — XVII в. средняя урожайность была примерно такой же, как в 1870 г., однако производство на душу населения в конце XVI в. — значительно выше. Земли возделывались простыми орудиями труда, в частности деревянным плугом с железным лемехом, подобным тому, который использовался в средневековой Европе. Лемех его имел, в отличие от английского плуга, не два, а один небольшой железный зубец, что вполне соответствовало условиям земледельческого производства на «легких» почвах Индии. Инвентарь земледельца был весьма разнообразен.

По многочисленности выращиваемых культур Индия существенно опережала Европу, как и ряд стран Востока. Судя по статистике «Аин-и Акбари», весной собирали урожай 16 культур, а осенью — 25. Это были зерновые и бобовые культуры — рис, пшеница, *грэм*, *джовар*, *баджра*, горох, *дал* и др. Все большее распространение получали технические культуры — сахарный тростник, хлопок, индиго, шафран. В XVII в. почти повсеместно начали выращивать табак и маис (*макка*), которые были вывезены европейцами из Америки и быстро распространились в Индии. В Бенгалии культивировали тутовые деревья, что дало толчок развитию шелкоткацкого производства не только здесь, но и в других частях Индии, в частности в Гуджарате. В Карнатаке начали выращивать кофе; культура чая не была известна. Своими пряностями славилось западное, Малабарское побережье Индии. Фрукты в изобилии выращивались в Кашмире, однако садоводство получило в XVI—XVII вв. широкое распространение и во многих других частях страны.

Кокосовая пальма и специи составляли богатство южных областей страны. Пальма помимо орехов давала волокно (копру) и древесину, использовавшиеся в быту и в кораблестроении.

Специи, гуджаратский хлопок, индиго из округов Бианы и Калпи закупались иностранными, главным образом европейскими, купцами в огромных количествах.

Наличие пригодных для земледелия, но невозделываемых земель часто приводило к тому, что истощенные земли забрасывались и земледельцы, в одиночку или целой деревней, переходили на новое место.

И поливное, и богарное земледелие зависели от погоды, от количества выпадаемых осадков. Голод нередко поражал деревни из-за отсутствия дождей. Страшная засуха поразила, например, Гуджарат в 1630—1632 гг., когда опустели деревни и погибло несколько миллионов человек. Фактором, подчас разорительным для земледельцев и земледелия, служила налоговая политика властей.

Ремесло, издавна развивавшееся в Индии, в могольский период наряду с земледелием являлось важнейшим занятием населения. Оно было как деревенским — натуральным, обслуживавшим потребительские и производственные нужды земледельцев, так и городским — мелкотоварным. Согласно одной из хроник 1593 г., в государстве Акбара было 120 больших городов (*шахр*) и 3200 маленьких (*касаба*). По подсчетам И.Хабиба, при Аурангзебе, во второй половине XVII в. в Могольской империи было примерно 5 тыс. поселений городского типа. В них проживало около 15% населения (16—17 млн. человек).

Посещавшие Индию европейские путешественники писали о многочисленности городов, величина и многолюдность которых поражала их воображение. Об Агре и Фатехпур-Сикри англичанин Ральф Фитч писал в 1583 г., что они «гораздо больше Лондона и очень населенны». По данным посещавших Индию европейцев, самым крупным городом была Агра, где в 1609 г. проживало 500 тыс. человек, а в 1666 г. — 800 тыс. Полумиллиона достигало население Дели, немного ему уступало население Лахора (а по некоторым данным, даже превосходило). По 100—200 тыс. насчитывали Тхатта, Ахмадабад, Сурат, Патна, Масулипатам. Им едва ли уступали многие другие крупные города Индии, сведения о населении которых в источниках не приводятся. В Западной Европе в 1600 г. только три города имели население свыше 200 тыс. и девять — 100 тыс.

Города были административными центрами, крупные города, как правило, центрами провинций-суба и областей-саркаров, касаба — центрами округов-паргана. Это определяло относительно высокий процент непроизводительного городского населения.

В городах, даже самых крупных, являвшихся местом концентрации ремесла и торговли, определенную роль играло земледелие, прежде всего, конечно же, огородничество и садоводство. Однако удельный вес земледелия в больших городах в XVI в. не был велик. Так, в Ахмадабаде в канун завоевания его Акбаром (1573 г.) налоги с городского земледелия составляли всего 50 тыс. рупий в год, или 3,27% в общей сумме городских налогов.

Ремесло и торговля концентрировались также и близ храмов, в местах паломничества. Рынки возникали и бойко функционировали на пересечении торговых путей и на дорогах между городами, превращая эти дороги, по описаниям европейских путешественников, в «торговые улицы».

В городах работали ремесленники различных специальностей — оружейники, медники, каменщики, резчики по камню и дереву, ювелиры, шорники и т.д. Особенно многочисленны были ткачи, выделывавшие всевозможные хлопчатобумажные, шерстяные и шелковые ткани, такие, как тончайшие муслины, золотая и серебряная парча, кашмирские шали, а также грубые ткани, находившие широкий спрос среди различных слоев населения. Посетив ряд городов Индии, португальский путешественник Д.Барбоша писал, что здесь, «как во Фландрии», множество разных ремесел; а обилие сортов тканей — хлопчатобумажных, тонких и грубых, шелков, бархата, сатина и тафты — поразило его. В индийские ткани, по его словам, были одеты «все мужчины и женщины» от берегов Красного моря до Индонезии.

Городской ремесленник работал в своей мастерской один или с помощью членов семьи; он был собственником мастерской (а по существу, также и земли, на которой она стояла) и используемых сырья и орудий труда. Простейшие орудия ремесленник изготовлял сам, более сложное оборудование (например, медные котлы в красильном деле, отдельные детали ткацкого станка и т.п.) покупалось на рынке. Орудия труда ремесленника, как и земледельца, были хотя и несложными, но весьма многообразными, их количество достигало нескольких десятков.

В XVI—XVII вв. продолжались диверсификация ремесел и появление новых специальностей. Как отмечал посетивший Индию в 30-х годах XVII в. гольштейнский дипломат Дж.Мандельсло, предмет проходил через несколько рук, «прежде чем работа окажется завершенной». Процесс изготовления тканей, например, распадался на ряд последовательных процессов — расчесывание и сучение хлопка или шерсти, прядение, тканье, отбеливание ткани, ее крашение, вышивка, набивка и др.

На базе специализации ремесла складывались простейшие предприятия-мануфактуры (*кархане*). Принадлежавшие крупным купцам шелкоткацкие кархане были многочисленны в XVII — начале XVIII в. в Гуджарате. В них работали мотальщики и прядильщики, красильщики, ткачи, вышивальщики. Известны кархане и в ряде других отраслей производства. В них трудились наемные работники, получавшие сдельную или поденную оплату. Вспомогательные операции по изготовлению тканей и других изделий (например, украшений из полудрагоценных камней) совершались нередко в различных местах.

Рост удельного веса наемного труда в ремесле свидетельствовал о наметившейся тенденции к разложению средневековой формы его организации — производства самостоятельного мелкого товаропроизводителя, выступающего в роли продавца своего изделия.

Мастерские-кархане принадлежали не только частным лицам, но также шахскому двору. Здесь, как и на казенных строительных работах, оплата труда наемного работника была обычно ниже, чем на частных предприятиях. Так, при Аурангзебе строительные работники обращались к падишаху с требованием платить им столько же, сколько получают работники, занятые в частном строительстве.

Ремесленники, терявшие статус самостоятельных товаропроизводителей, не только становились наемными работниками, но и пополняли городские люмпенские слои. Многие ремесленники в конце XVI — XVII в. находились в долговой зависимости от купцов и ростовщиков, авансировавших их и выступавших в роли скупщиков. Они орудовали даже в отдаленных горных районах Кашмира. Как писал Ф.Бернье, в Кашмире купцы каждый год ходят по горам, собирая там тонкую шерсть для выделки шалей.

В отдельных случаях купцы определяли объем и параметры создаваемого ремесленниками изделия, что позволяет говорить об эпизодическом, спонтанном перерастании торгового капитала в предпринимательский.

В городах реализовались не только изделия ремесла, местного производства или привозные. Здесь сложились рынки сельскохозяйственной продукции. Однако зерно в преобладающей своей массе попадало в город по каналам налогообложения. Изъятые у землевладельцев в виде ренты продукты превращались здесь в товар. Введение Акбаром денежного налога с земледелия насильственно вовлекало земледельческие хозяйства в сферу рыночных отношений, способствуя их разорению. В условиях, когда устои натуральных отношений в деревне не были еще подорваны, коммутация налога не приводила к росту земледельческого производства как необходимого условия его товаризации. Отношения в деревне оставались в основном натуральными, а торговля между городом и деревней — крайне ограниченной.

Заметное развитие получила межобластная торговля. Определенную роль в ее развитии сыграла деятельность Акбара, по приказу которого было проложено и обустроено несколько дорог. От Агры до Лахора тянулась «шахская дорога», по обочинам которой высаживались деревья. На расстоянии каждого полудня пути были построены караван-сараи. Через Лахор и Мултан проходила дорога из Дели в Тхатту (Синд). Еще несколько дорог соединяли столичные города друг с другом и с отдаленными от них областями.

Значительных объемов достигла внешняя торговля. В международной торговле Индия играла большую роль уже в силу того, что она находилась на пересечении морских путей Индийского океана.

ПРОНИКНОВЕНИЕ ЕВРОПЕЙЦЕВ

Как уже говорилось в главе 4, первыми открыли морской путь в Индийский океан португальцы. 17 мая 1498 г. португальская эскадра во главе с Васко да Гама появилась в порту г. Кожикоде (Каликут) на западном побережье Индии. Вскоре португальцы основали несколько факторий по побережью, а в 1510 г. вице-король Аффонсу д'Альбукерки захватил у Биджапура о-в Гоа, который стал официальным центром всех португальских владений на берегах Индийского и Тихого океанов. Кроме Гоа португальские фактории и поселения на территории Индии возник-

ли и существовали в Кочине (в 1503-1663 гг.), Каннануре (в 1503—1656 гг.), Куилоне (в 1503—1653 гг.), Каликуте (в 1510—1616 гг.), Чауле (в 1522—1739 гг.), Крангануре (с 1520-х годов до 1662 г.), Бассейне (в 1534—1739 гг.), Бомбее (в 1534—1661 гг.), Диу (с 1534 г.), Хугли (в 1537—1642 гг.), Негапатаме (в 1540—1660 гг.), Тутикорине (в 1540—1658 гг.), Сан-Томе (в 1540—1660 гг.), Читтагонге (в 1540—1666 гг.), Дамане (с 1559 г.), Порто-Ново (с 1575 г.), Камбее (в 1583—1616 гг.).

Португальцы вывозили в Европу пряности, но основную часть доходов получали от монополии на торговлю в пределах вод, омывавших Африку и Азию. Монополию эту они получили отчасти по той простой причине, что обладали наиболее быстрыми и грузоподъемными в то время кораблями (каравеллами). Но кроме того, они удерживали свою монополию также насильственно. Они выдавали (правда, за символическую плату — одну золотую монету с судна) разрешения (лицензии) на каждый рейс. Застигнутые в море суда без лицензии португальцы беспощадно грабили и топили. Контроль над торговлей портовых городов резко сократил торговые операции местных купцов, хотя португальцы в отдельных случаях привлекали их в качестве своих младших партнеров, стремясь использовать их опыт и связи. Сильно пострадали от португальской монополии также и арабские мореходы, некогда игравшие большую роль в каботажной торговле Индии с Ближним Востоком и Восточной Африкой.

Стимулируя товаризацию земледельческой продукции и, возможно, расширение ее производства, португальская торговля, сопряженная с пиратством, насилиями, вымогательствами и ограничивавшая поле деятельности индийских торговцев, привела к резкому сокращению доходов портовых городов. В Гуджарате в конце XVI в., при Акбаре, эти доходы составляли примерно четвертую часть тех, что поступали ранее в казну султанов Гуджарата. Захирел знаменитый порт Камбей, известный прежде богатством проживавших там купцов и широкими торговыми связями с различными странами.

Гегемонию на мировых торговых путях в конце XVI — начале XVII в. захватили две мощные морские державы — Голландия и Англия, наиболее развитые страны Европы, прочно вставшие на путь развития капитализма.

Созданная в 1602 г. Нидерландская (Голландская) Ост-Индская компания основала большое число факторий для закупки местных, индийских товаров в городах Масулипатам (в 1605—1611 гг.), Пуликат (в 1609—1781, 1785—1795, 1818—1825 гг.), Сурат (в 1616—1668 гг.), Ахмадабад (в 1616—1744 гг.), Агра (в 1618—1620 гг.), Патна (в 1620—1763 гг.), Чинсура (в 1645—1781, 1783—1795, 1814—1825 гг.), Каннанур (в 1656—1784 гг.), Куилон (в 1653—1803 гг.), Тутикорин (в 1658—1782, 1785—1795, 1818—1825 гг.), Негапатам (в 1660—1781 гг.), Сан-Томе (в 1660—1672 гг.), Кранганур (в 1662—1776 гг.), Кочин (в 1663—1795 гг.), Порто-Ново (1678 г.), Коконада и Бимлипатам (до 1825 г.). Голландцы скупали и вывозили из Индии рис, животное и растительное масло, селитру, воск, шелк-сырец, шелковые и хлопчатобумажные ткани, парусину; большой

интерес проявили они к красителю индиго. В Индию они ввозили из Японии и Юго-Восточной Азии медь, золото, олово, ртуть, слоновую кость, пряности. Отобрав у португальцев Молуккские острова и захватив Малакку, голландцы обеспечили себе гегемонию на Островах Пряностей. Постепенно они вытеснили португальцев также с Малабарского побережья Индии. Индийскими хлопчатобумажными тканями они расплачивались за перец и другие специи Малайского архипелага. Таким образом, голландцы присвоили себе посреднические функции в торговле Индии с другими азиатскими странами.

Вытесненные голландцами из Юго-Восточной Азии, англичане сосредоточили свою деятельность на Индии. Созданная в 1600 г. английская Ост-Индская компания быстро укрепляла позиции в Индии. Монопольное право на торговлю со странами к востоку от мыса Доброй Надежды предоставлялось ей хартией королевы Елизаветы. В 1608 г. в гуджаратский порт Сурат прибыл первый английский корабль. Находившийся на нем Вильям Хоукинс передал падишаху Джахангиру личное письмо короля Иакова I, однако добиться каких-либо торговых привилегий для английских купцов ему не удалось. Возможно, Джахангир боялся ущемить интересы португальцев. Но победа в 1612 г. англичан над португальским флотом недалеко от Сурата изменила отношение падишаха к англичанам, в которых он увидел реальный противовес хозяйничавшим на индийских берегах португальцам. Привилегии были дарованы, и одновременно было разрешено основать в Сурате английскую факторию (существовала в 1613—1616 гг.).

С 1615 г., когда в результате деятельности посольства Томаса Роу англичане получили право торговли во всех владениях Могола, начали появляться английские фактории также и на Коромандельском (восточном) побережье Индии (Масулипатам, Пуликат, Армагаон). В 1639/40 г. Ост-Индская компания арендовала у местного раджи Чандрагири землю вокруг селения Мадраспатнам, где построила форт Св. Георга (Сент-Джордж). Вокруг форта вскоре вырос город Мадрас. Здесь в XVII — первой половине XVIII в. была главная английская фактория. Английские фактории вскоре появились в Харихарпуре, в дельте р. Маханади, Касимбазаре, Патне, Агре. На р. Хугли в Бенгалии были куплены три деревни, на месте которых основана Калькутта (1690 г.) и выстроена крепость Форт-Вильям.

Концентрация во второй половине XVII в. английской торговли на восточном побережье Индии объяснялась отчасти тем, что в Гуджарате (здесь английские фактории были в Ахмадабаде и Броче) в начале 30-х годов XVII в. разразился страшный голод, губительно сказавшийся, в частности, на производстве хлопка-сырца и ткачестве, изделия которого составляли важнейшую статью английского экспорта. В Бенгалии, Бихаре, Ориссе в больших количествах закупались хлопчатобумажные пряжа и ткани, шелк-сырец и шелковые ткани, а также лак, селитра. Затраты на закупку этих товаров росли на протяжении XVII в. и к 80-м годам достигли 230 тыс. ф. ст. Предметами английского ввоза в Индию были медь, олово, ртуть, краски, шерстяные ткани; последние,

впрочем, не находили здесь широкого сбыта, и нередко Компания дарила их представителям индийской знати.

На западном побережье Индии английские купцы обосновались в Бомбее, расположенном на небольшом острове, попавшем к англичанам в качестве приданого португальской инфанты, вступившей в брак с английским королем Карлом II. Сюда перешла часть торговли Сурата.

Деятельность Компании поощрялась английской короной и правительством. Большую роль в укреплении ее позиций сыграли предоставленные ей, согласно ряду правительственных хартий, права объявлять войну и заключать мир (хартия Кромвеля 1657 г.), чеканить монету и содержать собственные армию и флот (хартия 1686 г.).

К индийским рынкам проявляли интерес и другие европейцы, в частности датчане, основавшие в 1620 г. свою факторию. Датская Ост-Индская компания была учреждена еще в 1616 г., однако роль ее в торговле была невелика. В 1664 г. возникла французская Индийская компания, немногочисленные фактории ее находились в Южной Индии (Масулипатам, Маэ) и в Бенгалии (Чандернагор, ныне — Чандранагар). Центром французских владений был Пондишери (ныне — Путтуччери, к югу от Мадраса).

И англичане, и главным образом голландцы получали свои доходы не только от торговли, но и от фрахта грузов, принадлежавших индийским купцам и короне, торговавшей обычно через подставных лиц.

Вывозимые из Индии товары, и прежде всего ткани, попадали на европейские рынки лишь в ограниченных количествах, тем более что политика протекционизма, проводившаяся европейскими правительствами, искусственно снижала возможности их реализации на рынках Европы. Основная масса индийских тканей и ряда других товаров ввозилась европейцами в страны Востока и продавалась здесь по более низким ценам, чем товары, привозимые самими индийскими торговцами. Огромная товарная масса индийского ручного ткачества, относительная дешевизна тканей (из-за дешевизны труда, сочетающейся с большой искусностью ремесленников, унаследовавших производственный опыт многих поколений) позволяли европейцам в период, когда продукция их собственной домашинной промышленности была относительно невелика, делать крупные накопления благодаря реэкспорту индийских товаров и выполнению, по существу, посреднических функций в экономических отношениях между отдельными восточными странами.

Активная торговая деятельность европейцев в Индии, стимулируя расширение производства также коммерческих культур (прежде всего пряностей и хлопка), не способствовала, однако, развитию внутреннего рынка. Более того, она гасила потенции к складыванию его в результате вывоза из страны громадной товарной массы, необходимой для этого. Вместе с тем индийский торговый капитал оказался отрезанным от ключевых позиций в торговле с Европой и странами Востока и лишенным, таким образом, выгодных источников накопления — доходов от вывоза продуктов земледелия и ремесла Индии.

Эпизодически предпринимавшиеся гуджаратскими султанами Махмудом Бегара и Бахадур-шахом, могольскими падишахами Хумаюном и Акбаром попытки изгнать европейцев из их укрепленных приморских баз и факторий оказались в общем бесплодными. Поводом для выступления против англичан в 1694 г. послужил захват ими в Сурате принадлежавшего Аурангзебу большого корабля «Гандж-и Саван», который вернулся сюда с грузом золота и серебра, оцениваемого в 52 лакха рупий, вырученного от продажи индийских товаров в Мокке и Джидде. Корабль, самый крупный из всех, которыми обладал Могол, был снабжен 80 пушками и имел на борту 400 мушкетеров. Несмотря на ряд успехов падишахского войска, поставленная задача — изгнание англичан с о-ва Бомбей — осталась невыполненной.

Торговый баланс Индии в средние века был активным, вывоз безусловно преобладал над ввозом товаров. Основная масса вывозимых европейцами товаров приобреталась ими за драгоценные металлы. В конце XVII в. французский врач, проведший в Индии 12 лет, Франсуа Бернье писал, что Индию можно назвать «пропастью, поглощающей значительную часть золота и серебра всего мира, которые находят многие пути, чтобы туда проникнуть со всех сторон, и почти ни одного — для выхода оттуда». Ввоз драгоценных металлов из Европы, переживавшей «революцию цен» в результате притока американского серебра и золота, приводил к определенному обесцениванию денег и росту цен на внутренних рынках Индии. Уже при Акбаре цены на сельхозпродукцию по меньшей мере в 2,5—3 раза превышали цены на начало XIV в. Новое, весьма существенное повышение отмечалось в XVII в.

Агенты европейских компаний не только скупали ткани, но временами и авансировали их производство. Спрос на ткани, предъявляемый иностранцами, способствовал увеличению объема производимой ремесленной продукции и торговли ею. Однако производители все более попадали в зависимость от Ост-Индских компаний, а торговля приносила все меньше выгоды индийским купцам.

Сухопутные торговые пути связывали Индию со Средней Азией, Ираном, Турцией. Через Кашмир и Синьцзян шла дорога на восток, в Китай.

Если на морских путях, где господствовали европейцы, торговля осложнялась их соперничеством, делавшим ее рискованным предприятием, то пролегавшие на сотни и тысячи километров караванные дороги были не менее опасны из-за феодального произвола, войн, восстаний и обыкновенного разбоя грабителей. Тем не менее значение караванных дорог в XVII в. для Индии существенно возросло в результате перехода морской торговли в руки европейцев. По этим дорогам через Бухару и Иран индийские купцы торговали с Россией. В Астрахани в 1649 г. они основали свой «двор» — обнесенный стеной участок, где расположились их лавки, жилые помещения, храм бога Вишну. Они появлялись со своими товарами также в Москве и Нижнем Новгороде, на знаменитой Макарьевской ярмарке.

Русские цари проявляли интерес к торговле с Индией и стремились установить с ней регулярные торговые и дипломатические отношения. В 1646 и 1651 гг. в эту страну были снаряжены два посланца, однако оба были задержаны в пути иранскими властями. Еще одно посольство было задержано в Кабуле уже по приказу Аурангзеба. Все же в 1695 г. посольство Семена Маленького посетило Дели, Агру, Сурат и Бурханпур. Ему удалось получить от падишаха фирман на право свободной торговли для русских купцов в Индии. Однако реализовать его так и не удалось.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ

Общественный строй Индии в XVI—XVII вв. был феодальным. Основу его в условиях преобладания натуральной экономики и примитивной ручной техники составляло самостоятельное мелкое хозяйство крестьян, у которых методами внеэкономического принуждения изымались как частновладельческая рента, так и централизованная рента в виде государственного налога. Получатели обоих видов ренты представляли господствующий класс. Оба класса — крестьян и феодалов — были неоднородными, аморфными образованиями. Грань между ними была «стертой», существовало множество смешанных, промежуточных и переходных статусов.

Характерная черта средневекового индийского общественного строя — сложное переплетение социальных и кастовых градаций, которые усложнялись конфессиональным многообразием, особенно выраженным в городе, где наряду с индусским населением значительную прослойку составляли джайны и мусульмане. Последние в Индии также делились на касты, в чем сказалось мощное воздействие индуизма и его многовековых традиций. Впрочем, мусульманская каста была гораздо менее замкнутой, чем индусская.

Каста — эндогамная экстерриториальная социальная группа, осознающая свою общность. Каждая каста имела свои обряды, мифологию, даже предписываемые одежду и украшения. Основной особенностью касты является общепризнанный и религиозно санкционированный круг традиционных занятий, охватывающий одну или несколько профессий. Объединяя группу людей одного социального статуса, каста была своеобразным сословием, не получившим, однако, юридического оформления.

Из-за сакрализованности системы каст они были крайне нединамичны (что способствовало иллюзии абсолютной их неподвижности), и кастовое сознание с большим «опозданием» фиксировало эволюцию, изменение социальных статусов отдельных групп. Вследствие этого каста оказывалась «разорванной» между различными социальными и классовыми группами, придавая им упомянутую аморфность.

В целом иерархия каст отражала социальную иерархию, не совпадая с ней, однако, абсолютно. Формально определяемые степенью ритуальной

чистоты, кастовые статусы были тем не менее функцией экономического и социального статуса.

В аграрном обществе Индии к наиболее важным, ритуально чистым кастам принадлежали те, кто владел землей и занимал определенное место в структуре власти. Это были индусские касты — *брахманы* и *раджпуты*, а также высокие мусульманские касты — *шейх*, *сайид*, *могол*, *патан*, относимые к «благородным» (*ашраф-зат*). Касты делились на подкасты, которым у раджпутов соответствовали доминировавшие в данном месте кланы (*ратхор, тонвар, чаухан, качваха, парихара, панвар* и др.). Ашраф-зат были представлены пришельцами-мигрантами из Средней Азии, Ирана, Афганистана и их потомками. Именно они были наиболее влиятельной частью феодального класса, занимая в Могольской Индии и деканских султанатах высшие должности при дворе и в войске. Впрочем, во все времена в верхнем эшелоне власти были и индусы, как принявшие ислам, так и сохранившие веру отцов. При Аурангзебе одна треть мансабдаров исповедовала индуизм.

Значительная часть крестьянского населения относилась к землевладельчески-земледельческим («средним») кастам. Это были *кунби* (в Махараштре и Гуджарате), *джаты* (в Северной Индии), *веллала* (в Тамилнаде), *редди* и *велама* (в Андхре), *оккалига* (в Карнатаке). Они представляли верхнюю прослойку в общинах — полноправных общинников и были известны как *мирасдары* (наследственные владельцы), *малики* («собственники») или *худкашт райяты* (самостоятельные земледельцы-крестьяне).

Пришлые — «чужаки»-арендаторы возделывали не только поля общинных землевладельцев, но и земли, принадлежавшие отдельным мелким феодалам, где не было общин. Их называли *музаре*, *иджарадар*, *аджир* (позднее — *райат-и пайикашт*) и др. Они не были налогоплательщиками в отличие от общинников, чем объясняется крайняя немногочисленность сведений о них в источниках. Не исключено, однако, что удельный вес труда крестьян-арендаторов уступал по объему труду общинного крестьянства в общественном производстве. Арендаторы и на общинных, и на частновладельческих землях находились в феодальной зависимости. Общинники, имевшие право владения и распоряжения землей, могли выступать как мелкие феодалы, получатели ренты от наследственных или ненаследственных арендаторов.

На своих полях полноправные общинники использовали также труд низкокастовых и неприкасаемых — чамаров, дхеров, иногда — лишь в страдную пору. Последние получали от хозяина земли пищу, определенную плату или клочок земли для возделывания. Положение этих кабальных наемников было полукрепостным, полурабским. Именно эта прослойка составляла самую угнетенную часть земледельческого населения.

Существовали общины различных типов. Они отличались специфическими, присущими данному типу формами присвоения земли, видами локальных и межлокальных связей. Общины состояли из индивидуальных или больших семей, объединенных в кастовые группы.

Преобладающим типом общины в XVI—XVII вв. была соседская. Она лишь относительно может рассматриваться как пережиток первобытной

общины. На протяжении средневековья общины распадались и вновь возникали, воспроизводя самое себя, что порождало у их членов представление об извечности и неизменности общинных институтов. В XVI—XVII вв. территориальная община представляла собой интегральную часть феодального общества, и в ней находили отражение многие из социальных и кастовых противоречий, характерных для него.

Топографическая близость членов локальной группы определяла во многом то, что люди в общине были связаны не только экономическими, но и личностными отношениями. Эти локальные группы имели также и функции культурного общения. Община была миром, в котором жил индивид, единственным полем его духовного контакта и получения информации. Ее функции кроме культурного общения были многообразны и встречались, видимо, в различных комбинациях. Это — функции организации производства, регулирования землепользования, упорядочения налогообложения, организации вооруженного сопротивления, обеспечения своего социального доминирования.

К XIX в. традиционные натуральные отношения в деревне предстают в значительной мере подорванными: растущая часть производственных и потребительских нужд общинных землевладельцев удовлетворялась мелкими товаропроизводителями. Возможно, что элементы этого явления складывались еще в могольский период, отмеченный весьма высоким для эпохи средневековья развитием товарно-денежных отношений.

Система натурального обмена услугами известна в более поздней литературе как система *джаджмани*. Хотя в натуральном обмене были заинтересованы обе стороны — и землевладельцы, и ремесленники, в их отношениях изначально присутствовал элемент неравноправия и эксплуатации первыми вторых, что было обусловлено поземельной зависимостью от общины слуг и ремесленников, считавшихся обычно неприкасаемыми и проживавших в некотором отдалении от деревни или на ее окраине.

Внутриобщинное разделение труда на натуральной основе соответствовало относительно невысокому уровню общественного разделения труда. В этих условиях оно обеспечивало как воспроизводство земледельческих хозяйств, так и автономию общинных коллективов.

Торговля и ремесло в аграрном обществе Индии были менее престижными, а кастовый статус занимавшихся ими людей — относительно невысоким. Однако существовали определенные различия в положении торговцев и ремесленников. Агент голландской Ост-Индской компании Пельсарт, посетивший Индию в 30-х годах XVII в., заметил: «Чем бы ни торговал лавочник — специями, лекарствами, фруктами, хлопчатобумажными изделиями, тканями или чем-нибудь еще, он пользуется бóльшим уважением, чем ремесленники. Некоторые из них весьма состоятельны, но и они испытывают на себе произвол правителей и чиновников, страдают от доносов. Знать может требовать от них товары по низким ценам». Дабы избежать притеснений, купцы часто искали себе влиятельных покровителей среди знати. Унижаемые и обираемые властями, купцы скрывали свое богатство. Их протест против произвола обнаруживал

себя в петициях-жалобах, с которыми они обращались к падишаху. В 1664 г. Аурангзеб сместил чиновников, произвольно поднявших пошлины, так как купцы в своей жалобе угрожали оставить Сурат, где они торговали. В некоторых случаях купцы осуществляли свои угрозы прекратить торговлю.

Среди торговцев существовало множество кастовых и имущественных групп. Наиболее богатыми и влиятельными были индусы-банья, относимые к варне вайшьев, мусульмане-бохра, джайны, парсы. Однако некоторые виды торговли (в частности, солью) считались занятием непрестижным, и занимавшиеся ими причислялись к неприкасаемым.

Богатые купцы вели обширную торговлю в Индии и за ее пределами. Их опыт и изощренность в делах коммерции поражали европейских торговцев, вынужденных прибегать к их посредничеству для заключения торговых сделок с местным населением. Деятельность европейских торговцев, отрицательно сказываясь на доходах местных купцов, вызывала их недовольство. Известны случаи, когда они требовали от властей запретить иностранцам торговать в индийских городах и закупать индийские товары.

Ремесленные и торговые касты выполняли многие функции, присущие европейскому цеху. Следование принципу строгой эндогамии обеспечивало наследственность профессии. Как писал Ф.Бернье, ремесленник «не стремится улучшить положение, в котором он очутился по рождению. Вышивальщик воспитывает своего сына вышивальщиком, сын золотых дел мастера становится золотых дел мастером. Городской врач воспитывает сына так, чтобы он стал врачом. Никто не берет жен иначе как из своей профессии, и этот обычай почти столь же строго соблюдается магометанами, как и индусами, которым он прямо предписывается законом».

Каста обеспечивала ее членам взаимопомощь, кастовая система служила гарантией сбыта изготовленной продукции, обеспечивала сохранение секретов производства. От цеха ее отличал ряд других черт, прежде всего бóльшая замкнутость, упомянутая выше эндогамия. Однако специализация и диверсификация ремесел приводили к появлению все новых профессий — каст и подкаст, или к размыванию касты, члены которой переходили к новым профессиям, а также к расширению традиционного круга профессий, предписываемых данной касте.

Ремесленники одной профессии в городах проживали обычно компактно в особых кварталах (*пура*, *махалла*), формируя своеобразную квартально-кастовую общину соседства. Особые помещения отводились для собраний общины. Здесь находился храм божества-покровителя данной касты. Население однокастовых кварталов (а они преобладали) нередко собой представляло экзогамную группу родичей, называвших друг друга «братьями»; девушки и вдовы считались дочерьми общины и пользовались коллективной защитой.

Известны также многокастовые городские кварталы. Так, квартал-пура Панчала в Ахмадабаде получил свое наименование от общего названия пятерки ремесленных каст, составлявших ее население, — кузне-

цов, плотников, золотых дел мастеров, медников, горшечников. Квартально-кастовая община была своего рода аналогом института сельской общины: каждый житель квартала был владельцем земли, на которой располагался его дом. Но он не мог продать или заложить землю кому-либо из чужаков, не предложив ее сначала жителям данного квартала. Это сближало городские общины с сельскими. Однако отсутствие в городе, в отличие от деревни, доминирующей землевладельческой касты создавало иную социальную обстановку. Вместо отношений поземельной и личной зависимости, которые существовали в деревне между высококастовыми общинниками и остальным населением, каждая из городских общин в вопросах землевладения была вполне самостоятельной по отношению к другой, даже была высокой.

Всеми делами городских кастовых общин, как и сельских, заправляли советы. В ремесленных, как и в сельских, общинах они именовались *панчаятами*, в кастовых общинах купцов — *махаджанами*. Возглавлявшие их наследственные старшины занимали особое положение; через них происходили сбор налогов, а часто и распределение заказов.

Кастовость торговли и ремесла не исключала появления в позднее средневековье (еще в доколониальный период) надкастовых и кросскастовых объединений купцов и ремесленников. Не случайно, что это наблюдалось ранее всего в Гуджарате — области высокого развития рыночных отношений.

При Моголах кастовые общины городских ремесленников и торговцев находились в подчинении феодальной администрации города. В «Аин-и Акбари» Абул-Фазла среди прочих рекомендаций и предписаний правителям областей и чиновникам содержится инструкция градоначальнику-*котвалу*, в которой говорится: «В каждой касте ремесленников пусть назначит он одного из них начальником, а другого — *даллалом* (маклером) и с их ведома составит перечень покупаемого и продаваемого ими. Ежедневные записи пусть посылает в казну».

Нет сомнений в том, что фискальная администрация Моголов проникала в корпоративную структуру городских общин, присваивая или дублируя некоторые функции городских кастовых общин. При Аурангзебе, согласно его указу, чиновники взимали сбор в размере 1,5 рупии с «чужаков» — чесальщиков хлопка и маслоделов, которые, «придя из других мест», поселялись, естественно, на территории той или иной существующей кастовой общины. Специальный налог взимался чиновниками с купли-продажи домов в городских кварталах (2,5 рупии на каждые 100 рупий цены проданного дома). Прежде чем овладевший специальностью ремесленника — вышивальщика, ткача и др. — приступал к работе, он был обязан уплатить определенный налог. «Противным религии» объявил Аурангзеб сохранение кастами секретов производства.

С феодальными элементами в городе и феодальной государственной администрацией сращивалась верхушка городских общин. В Гуджарате богатый купец, глава общин джайнов-шраваков, Шанти Дас был назначен согласно указу Джахангира *нагарсетхом* (букв. «глава города») с функциями градоначальника: от контроля за торговлей и поддержания

чистоты в городе вплоть до подавления беспорядков и содержания в исправном состоянии городских стен и укреплений. Должность нагарсетха после смерти Шанти Даса занимали представители его «дома», в частности его внуки.

Несмотря на существование среди торговцев и городских ремесленников множества кастовых групп, в социальном плане они представляли собой некую общность, именуемую в источниках «люди базара» (*базари*, *мардум-и базар*), «люди города» (*шахри*, *мардум-и шахр*) и др. Эта общность определялась местом торговцев и городских ремесленников в системе экономических отношений как носителей товарно-денежных отношений и их общим бесправием, делавшим возможным внеэкономическое принуждение. Безраздельное политическое господство феодалов в городе и устойчивость касты были серьезными препятствиями на пути к формированию сословия горожан, подобного европейскому бюргерству.

Могольская империя была государством типа феодальной деспотии, не знавшей сословного представительства и выборных органов. Стоявший во главе ее государь (падишах) пользовался неограниченной властью. В Могольской империи, деканских султанатах и в ряде других государств, где ислам был официальной религией, государи представляли интересы прежде всего мусульманской знати, являвшей собой верхнее звено властной цепи. В Могольской Индии большая часть эмиров и других мансабдаров были завоевателями или мигрантами (или их потомками) из Средней Азии, Ирана, Афганистана. Среди мансабдаров были и представители местной знати, индусы по вероисповеданию.

«Столпами государства» считались должностные лица, возглавлявшие важнейшие ведомства: во главе налогового ведомства стоял *диван* или *вазир*; *мир-бахши* ведал военными делами; мастерскими и многообразными «службами» короны — *мир-саман*; *садр-ус-судур* (он же *кази ул-куззат*) был уполномочен вести дела мусульманского духовенства. Все они назначались падишахом, так же как наместники в провинциях-суба, градоначальники-котвалы больших городов. Каждый из высших должностных лиц представлял падишаху кандидатуры чиновников своего штата на предмет назначения им жалованья, денежного или в виде земельного пожалования. Чиновники, получавшие денежное довольствие, были известны как *накди* (от *накд* — наличные). Подавляющая часть крупных должностных лиц, включая военачальников, получала земельные пожалования (джагиры).

Формально пожалование джагира считалось передачей государем мансабдару своего права на получение с населения определенной территории (деревни, группы деревень, округа) причитающихся казне налогов. Джагиры нередко отбирали у мансабдаров в знак немилости или меняли на другие. Падишахскими указами устанавливались размер и форма изъятия джагирдаром государевой доли дохода земледельческих хозяйств; диван и чиновники его ведомства могли требовать у джагирдаров отчета об их доходах и расходах, следить за выполнением джагирдаром условий пожалования (содержание того или иного войскового контингента, выполнение каких-либо административных функций). На практике, одна-

ко, джагирдары сплошь и рядом нарушали условия пожалования, не набирая положенного числа воинов. Нередко они жили в джагирах с семьями, сами определяли размер изымаемой доли продукта, через своих управляющих-агентов взимали ее, передавали джагир по наследству.

Как феодальный институт джагир был аналогичен западноевропейскому бенефицию, однако частные права субъекта этой формы землевладения были более ограниченными, чем у бенефициария и тем более ленника.

В руках государя сохранялись фактически лишь земли *халисе* (букв. «выделенный», «особый»; хорошим переводом могло бы служить известное слово «опричный»), которые находились в ведении чиновников фиска. Доход с этих земель шел на строительство крепостей, содержание падишахского двора, гарема, арсенала и конюшен, личной гвардии, государственных кархане и служб (*буютат*).

Доход с коронных земель существенно уступал совокупности доходов с джагиров. По подсчетам индийского историка Ширин Мусви, основанных на данных «Аин-и Акбари», примерно от 67 до 76% суммы налога попадали в карманы мансабдаров-джагирдаров; от 24 до 33% составлял доход с земель халисе. Вероятно, что доля самого государя в действительности была еще меньше, поскольку часть получаемых с халисе средств шла на оплату тех же мансабдаров, получавших денежное жалованье.

При Джахангире доход с земель халисе составлял всего 50 лакхов рупий, или 5% в совокупном налоге, и обеспечивал лишь треть расходов короны. Дефицит покрывался из накопленной ранее казны. Это сокращение произошло в результате недальновидной раздачи земельных пожалований. Щедрость падишаха беспокоила министров двора. При Шах-Джахане доход с земель халисе равнялся трем крорам рупий, а с джагиров — 22 крорам, т.е. составлял примерно $^1/_7$ всех поступлений. В первые годы правления Аурангзеба фонд земель халисе несколько увеличился и доходы короны составили $^1/_5$ поступлений, несколько уступая лишь доходам казны при Акбаре. Однако многочисленные джагирные пожалования, в частности деканской знати, к концу его правления исчерпали фонд земель халисе. Тем временем бесконечные войны и карательные походы Аурангзеба требовали огромных сумм. Попытки падишаха урезать доходы джагирдаров рассматривались как посягательство на их привилегии и имущество и вызывали яростное сопротивление.

Видимо, лишь в связи землями халисе можно говорить о совпадении ренты и налога. Что же касается джагирных владений, то феодальная рента с них поступала, по крайней мере в XVII в., практически целиком джагирдарам, которые делали в государственную казну, да и то эпизодически, лишь незначительные отчисления (вроде *асьям-и хилали*, равной 11-дневнему доходу джагирдара, или *хурак-и давабб*, шедшего на содержание слонов и лошадей в падишахских конюшнях). Такое положение дел вынуждало Аурангзеба изымать в момент пожалования джагира определенную сумму, что сближало джагир с откупом налогов.

Из-за непрерывных войн середины и второй половины XVII в. сократились доходы не только короны, но и джагирдаров. Многие из них даже

отказывались от джагиров и просили падишаха Аурангзеба предоставить им денежное жалованье. Однако, как правило, они получали отказ, поскольку казна Аурангзеба и его преемников была сильно истощена.

Стремление джагирдаров превратить свои джагиры в наследственные владения порой получало санкцию правителей. Еще Махмуд Бегара, султан Гуджарата, издал рескрипт, согласно которому «в случае гибели какого-либо эмира или воина в бою, или в случае естественной смерти, его джагир [следует] утверждать за его сыном. Если у покойного нет сына, то дочери предоставляется половина джагира. Если и дочери нет, то джагир утверждается за каким-либо родичем, так чтобы [никто] не жаловался на свою судьбу». По словам историка Гуджарата Сикандара, джагир при Махмуде Бегара не мог быть изъят у держателя, за исключением случаев, когда тот был жесток и тираничен.

Попытка Акбара ликвидировать джагирную систему была заранее обречена на провал, и сам Акбар, как отмечалось выше, продолжал практику предоставления джагиров военачальникам и другим должностным лицам.

Сын и преемник Акбара падишах Джахангир сохранил прежние должности и джагиры за теми, кто имел их ранее. В одном из двенадцати изданных им установлений говорилось: «Следует, чтобы мансабы и джагиры всех служилых (*нукеров*) моего отца были бы утверждены на срок их жизни». Тем самым санкционировался принцип пожизненности джагиров. Однако нарративные и документальные источники содержат много сведений также и о передаче джагиров по наследству сыновьям, братьям и прочим родичам джагирдаров. Со временем в источниках все чаще встречаются упоминания о «старых, давних джагирах» (*джагир-и кадим*), о наследственных джагирах (*джагир-и моурус*) того или иного лица. В источниках XVII в. нередки упоминания о «джагирах по образу вотчины» (*джагир бе-тарик-и ватан*) и даже «джагире по образу милка» (*джагир-бе-тарик-и милкийат*). Эти категории джагиров не подлежали «замене или упразднению».

Джагирная система или условное землевладение под эгидой государства, как некогда в XIII—XIV вв. система икта, накладывалась на существовавшую до мусульман вотчинную структуру землевладения раджпутов и других местных феодальных владетелей. В источниках XVI—XVII вв. их называли *ватандарами* («вотчинниками») или, чаще, *заминдарами* («владельцами земли»). Часть их существовала вполне независимо от имперского фиска, присваивая доход в виде феодальной ренты. Другая часть, видимо подавляющая, выполняла посреднические функции, роль промежуточного звена между казной или джагирдаром, с одной стороны, и землевладельцами—плательщиками ренты — с другой. Включенные в имперскую систему управления и феодальной службы, в число мансабдаров, местные феодалы-индусы (заминдары) сохраняли при условии службы государю свои земельные владения, которые рассматривались уже как принадлежащие им наследственно джагиры (*джагир-и ватан*).

Вне служебного землевладения была категория земель, рассматриваемых как частная собственность, — *мульк (мильк)*. И юридически, и по существу это было владение, которое передавалось по наследству, могло быть объектом купли-продажи и не было обусловлено службой государю. Мульками считались поднятая целина или обводненная земля, земли общинных владельцев в деревне; в городах это были земли под домами и лавками, принадлежавшими купцам и ремесленникам. Мульками могли быть как отдельные участки земли, так и целые деревни, платившие ренту собственнику-*милькдару*.

Владельцами земель, обычно освобожденными от каких-либо налогов, были мусульманские мечети и суфийские монастыри-*ханека*, медресе, индуистские храмы, отдельные представители духовенства и жречества, целые религиозные общины. В источниках могольского периода эти земли назывались обычно *союргал* («пожалование»), *мадад-и мааш* («средства к жизни»), *мадад-и харадж* («средства на расходы»), *инам* («дар»), *вазифа-йе ашма* («содержание имамов») и др. Это были в основном мелкие и средние владения, в отличие от многих джагиров, хотя были и владения, включавшие десятки деревень.

Государь, государство и огромный бюрократический аппарат, различные категории феодальных землевладельцев и земельных собственников существовали благодаря изъятию у земледельцев *хараджа*, т.е. ренты-налога (если земля была государственной или коронной), либо феодальной ренты (если земля принадлежала отдельным феодальным владельцам на правах собственности или обусловленного службой держания).

Государство определяло размер и форму ренты (*мал*, *харадж*, *мал-уджихат* и др.) с земель халисе, требуя соблюдения джагирдарами тех же норм. Уплата ренты, как и возделывание земли, были обязанностью землевладельцев-крестьян. Указ Аурангзеба от 1668 г. предписывал чиновникам применять строгие меры — заключение в тюрьму и побои — в отношении тех, кто, будучи в состоянии возделывать землю, не делал этого.

Мал (харадж) был крайне обременителен для его плательщика. Далеко в прошлом остались времена, когда соблюдался установленный шариатом размер его. Если при Шер-шахе он взимался в размере $^1/_4$ — $^1/_3$ урожая, при Акбаре декларировался в том же размере, но мог достигать и $^1/_2$ урожая, то во второй половине XVII в. харадж, видимо, превышал в реальности $^1/_2$; во всяком случае, указ Аурангзеба от 1668 г. предписывал чиновникам не взимать более половины.

В зависимости от способа обложения налог назывался по-разному: *харадж-и мукасима* (если урожай делился в долях между землевладельцем и получателем налога), *харадж-и мауззаф* (если уплате подлежала фиксированная сумма) и *харадж-и мукатаат* (если урожай с части участка отдавался в качестве ренты со всего участка).

Помимо ренты с землевладельцев взимали разнообразные дополнительные поборы (*абваб*, букв. «статьи»). 16 таких поборов перечислены в грамоте-*санаде* Шах-Джахана от 1654 г.; сбор их запрещался с жалуемой территории, но подобные запрещения не выполнялись.

Обременительными были принудительные работы (*бегар*), на которые привлекали крестьян при сооружении дворцов, крепостей. Подлинным бедствием для крестьян становились постои должностных лиц. Земледельцы, большую часть которых составляли индусы, до Акбара и после, с 1679 г., облагались также подушным налогом — джизьей.

Преобладавшие натуральные платежи временами заменялись денежными. В начале XVI в. Ибрахим-шах Лоди попытался вернуться к взиманию налогов только зерном, однако это привело к накоплению у знати огромных запасов продуктов и резкому понижению цен на продовольствие.

Шер-шах, напротив, устанавливал денежную ставку налога с единицы площади — джариба. Натуральные платежи допускались лишь в исключительных случаях: когда заселялись заброшенные деревни или поднималась целина.

Денежная рента, согласно указу Акбара, должна была выплачиваться повсюду, за исключением некоторых областей, в частности Кашмира. Однако этот указ не проводился в жизнь неукоснительно, и натуральная рента практиковалась наряду с денежной. Последняя, однако, видимо, преобладала в XVII в. Об этом свидетельствует специальный указ Аурангзеба, принятый вскоре после коронации, о сборе с ряда областей, разоренных в ходе междоусобной борьбы с его братьями, натурального налога.

Денежная рента, создавая условия для деятельности торговцев и ростовщиков, утяжеляла лежавшее на земледельцах бремя налогов. За многими из них числились недоимки. Население областей Аллахабад, Агра, Ауд, Дели, Сахаранпур, Бадаун и некоторых других в 80—90-х годах XVI в. задолжало $^1/_8$ — $^1/_{10}$ налоговой суммы.

Красной нитью через многие произведения средневековой историографии проходит мысль о зависимости урожая и доходов государства от хорошего или дурного правителя. Для увеличения своих доходов государство и джагирдары поощряли крестьян, снижая недоимки, выдавая ссуды и осуществляя другие меры для развития земледелия. Однако нередким явлением были применение репрессий в отношении крестьян и насильственное изъятие налогов, уплата которых считались государственной обязанностью.

Отсутствие в Индии в сколько-нибудь широких масштабах барщинного хозяйства во многом обусловило отсутствие крепостного права как юридически оформленного института. Это не означало, однако, полной свободы передвижения. Институтом, привязывавшим земледельца к земле, служила община. Только в своей общине как крестьянин, так и ремесленник, получившие в наследство от предков землю или профессию, имели право на определенные традицией занятия. За пределами общины они становились чужаками, неполноправными пришлыми. Неразвитость внутреннего рынка, отсутствие рынка труда, ограничивая возможности и сферу приложения труда в городе, вынуждали общинника держаться за свой клочок земли.

Это не исключало того, что крестьяне все же покидали землю, переходили во владения другого феодала или уходили в города. Для предот-

вращения бегства крестьян-должников власти принимали определенные меры. В 1583/84 г. был издан указ Акбара о необходимости описать «все дома и строения в каждом городе (шахр), городке (касаба) и деревне и внести в реестры жителей всех кварталов (махалла) от дома к дому с указанием рода их занятий — сколько земледельцев и сколько всевозможных ремесленников, сколько воинов (*сипахи*), сколько дервишей». Далее говорилось о том, что «ни один домовладелец (*сахиб-и хана*) не может отправиться куда-либо, не поставив в известность соседа, начальника махаллы и «информатора» (*хабардар*). «О каждом из гостей ли, постороннем ли, пришедшем к нему, домовладелец должен докладывать начальнику махаллы, [с тем чтобы] *хабаррисан* („регистрирующий события") вписал его в книгу (*дафтар*)». Запрещалось кому-либо поселяться на новом месте без поручителя. Источники XVII в. прямо упоминают факты бегства и возвращения беглецов на прежние места поселения. В указе Аурангзеба на имя откупщика-курурия Рашик Даса говорилось: «Если какой-нибудь крестьянин убегает, чиновники должны установить причину этого и приложить все старания для возвращения его на прежнее место». Землевладельцы, дабы предотвратить уход крестьян, договаривались между собой не допускать беглых к земледелию на своих землях.

КУЛЬТУРА

Индийская культура XVI — середины XVIII в. представляла собой комплекс культур различных этнолингвистических и конфессиональных общностей, что придавало ей необычную пестроту и многоликость. Индийская культура в это время, как и ранее, основывалась прежде всего на многовековой и богатой традиции, неразрывно связанной с индуизмом. Вместе с тем продолжался обнаруживший себя еще в XIII—XV вв. синтез ее с культурой ислама, привносившейся в страну мигрантами из Средней Азии, Ирана и других стран мусульманского мира.

Большую роль в развитии культуры страны в XVI—XVII вв. играл персидский язык (фарси), принятый в качестве официального в мусульманских государствах Индии. Начиная с XIII в. он оказывал огромное влияние на развитие местных живых языков и литературы на них.

На самом фарси развивалась богатая литература, в частности поэзия. Сложившийся в XVI—XVII вв. так называемый индийский стиль характеризовался вычурностью, сложностью поэтической символики, малодоступной несведущим. Это было, видимо, симптомом кризиса прежних стихотворных форм и отражением сложной борьбы религиозно-философских идей и религиозно-философского вольнодумства.

В Могольской империи жили и творили на фарси поэты Мулла Джами Бихуд, Мир Джалауддин Саядат из Лахора. Возможно, самым значительным из них был Файзи, брат Абул-Фазла Аллами. Особое место в творчестве персоязычных поэтов занимают казненный Аурангзебом его

брат Дара Шукох, хорошо знакомый с философией и религиозными исканиями суфиев, испытавший огромное влияние индийской религиозной и культурной традиции. По его требованию на фарси были переведены с санскрита «Бхагавадгита» и другие произведения. Хорошо зная веды и упанишады, будучи знаком с Пятикнижием и Новым Заветом, он заявлял: «Моя религия — религия семидесяти двух народов». За это он был обвинен в ереси суннитским ортодоксальным духовенством и фанатиком «правоверия» Аурангзебом.

Последним крупным персоязычным поэтом был Абдул-Кадир Бедиль (1644—1720) — философ-пантеист, хорошо знакомый с философией индуизма. На фарси писали также и многие менее значительные поэты, ориентировавшиеся на вкус придворных кругов.

В могольский период дальнейшее развитие получила персоязычная историография. Хроники представляли особый жанр прозы. Они служили средством выражения социальных и политических взглядов ученых-историков. Виднейшим представителем персоязычной историографии был Абул-Фазл Аллами. В основной части его огромного труда «Акбар-наме» подробно год за годом, с 1556 по 1593 г., изложены события правления могольского падишаха Акбара. В последней части, известной как «Аин-и Акбари» («Установления Акбара»), приводятся сведения о придворной жизни, государственных мастерских и службах (кархане), об организации армии, реформах Акбара, памятки для должностных лиц и т.д.

Абул-Фазл как историк оказал влияние на многих своих современников, в частности на Низам уд-Дина Ахмада, автора другого крупного труда — «Табакат-и Акбари» («Акбаровы разряды»). Видным историком был Абдул-Кадир ибн Мулук-шах Бадауни, выступивший в своих «Избранных историях» («Мунтахаб ат-таварих») противником реформ Акбара. В первой половине XVII в. было написано немало исторических трудов, в основном хвалебных историй про падишаха Джахангира и Шах-Джахана. Вторая половина XVII в. беднее официальными хрониками; главная причина этого в том, что Аурангзеб не держал при дворе историков, запретил писать его историю, а сохранившиеся «Тайные истории» не представляют ни исторической, ни художественной ценности. Только в XVIII в., уже после смерти Аурангзеба, появляются капитальные исторические труды, в частности «Мунтахаб ал-любаб» («Избранные отрывки»), принадлежащий перу Хафи-хана.

Прозаическая литература на персидском языке в Индии получила свое развитие также благодаря эпистолярному жанру. Особый интерес представляют письма Аурангзеба, адресованные заточенному им отцу Шах-Джахану и сыновьям. Образцом мемуарной литературы был переведенный при Акбаре на фарси труд основателя могольской династии Захир ад-Дина Мухаммада Бабура «Бабур-наме» («Книга Бабура»), содержащий этногеографическое и историческое описание современной ему Индии. Мемуары вышли также из-под пера его внучки Гульбадан-бегум, посвященные ее отцу Хумаюну («Хумаюн-наме»). Тонкий знаток словесности и ценитель искусств, падишах Джахангир написал свои ме-

муары «Джахангир-наме», являющиеся ценным историческим источником.

Под влиянием фарси развивался язык хиндустани, в особенности одна из его литературных форм — урду, воспринявшая арабскую графику. Важнейшими центрами литературы на урду с XV в. были города Декана. Виднейшими представителями урдуязычной поэзии Декана по праву считают Мухаммада Кули Кутб-шаха и Ваджиха. В конце XVI — начале XVII в. эти города представляли уже литературную провинцию, центром же урдуязычной литературы стал Дели. Среди самых значительных поэтов был Сафруддин Мухаммад Фаиз, автор многочисленных маснави и газелей. Под его влиянием выросла плеяда писавших на урду поэтов, в том числе Мир Таки Мир, Назир Акбарабади.

В XVI—XVII вв. складывалась богатая литература и на других языках Индии — бенгали, маратхи и др. Многие образцы ее проникнуты идеями бхакти. В XV—XVII вв., когда творили крупнейшие поэты-бхакты, идея любви к богу как пути к спасению сочеталась с идеей религиозного синкретизма — единения индусов, мусульман и адептов других конфессий. Идею религиозного синкретизма следует считать одним из ярчайших проявлений индо-мусульманского культурного синтеза. Крупнейшим представителем поэзии бхакти в XVI в. был творивший на зарождавшемся панджаби гуру сикхов Нанак, испытавший огромное влияние знаменитого поэта-бхакта XV в. Кабира, многие стихи которого были позднее включены в священную книгу «Ади Грантх». На бенгали обращался к своим последователям поэт-бхакт и религиозный деятель Чайтанья. На маратхи творили Намдев и Экнатх. На одном из вариантов хинди была написана поэма Тулси Даса «Рамаяна», рисующая социальную утопию «Царства Рамы» — царства справедливости. Герои поэмы «Рамаяна» снискали себе широкую популярность среди хиндиязычного населения. Близка и понятна самым обездоленным слоям была идея поэта о том, что Бог милостив ко всем, в том числе и к неприкасаемым, что означало, по существу, утверждение принципа равенства людей перед Богом.

Утопию социального равенства нарисовал слепой поэт из Агры, писавший на западном хинди, — Сурдас. Его «деревня Гокуль» — идеал патриархальной общины, где все равны и где царит справедливость.

Идея религиозного синкретизма выдвигалась также и политической мыслью средневековой Индии и нашла отражение в творчестве Абул-Фазла Аллами и религиозной политике Акбара.

XVI—XVII века оставили глубокий след в истории индийской архитектуры. Большинство образцов зодчества этого времени свидетельствует о двух явлениях: дальнейшем синтезе индийских и среднеазиатско-иранских архитектурных стилей и значительном техническом прогрессе в строительном деле.

Синтез архитектурных стилей особенно характерен для сооружений, воздвигавшихся в период правления падишаха Акбара. Многие из этих сооружений, в том числе крепость в Агре, но особенно сооружения в Фатехпур-Сикри, городе, выстроенном им в пустынной местности в 30 милях от Агры и являвшемся его резиденцией между 1569—1585 гг.,

носят печать влияния архитектуры раджпутских крепостей, а также индуистских и джайнских храмов. В свою очередь, строгие формы, характерные для мусульманских культовых и дворцово-крепостных сооружений, нашли подражателей в раджпутских княжествах, где они сочетаются с пышностью декора, свойственной индийской архитектурной традиции.

Жемчужиной архитектуры второй половины XVI в. является гробница Хумаюна в Дели, размещенная в центре большого парка подобно многим образцам иранской архитектуры. Искусство разбивки парков с водоемами и фонтанами достигло совершенства в первой половине XVII в.

Строители этого времени все чаще используют мрамор, более трудный в обработке по сравнению с мягким песчаником, из которого сооружались дворцы и крепости Акбара. Это свидетельствует о высоких навыках мастеров и, возможно, об использовании ими более совершенных орудий труда, позволявших не только тесать и шлифовать мрамор, но и превращать его в «кружево».

Бесценным образцом архитектурного искусства того времени является знаменитая «индийская гробница» Тадж-Махал, усыпальница, сооруженная Шах-Джаханом для его покойной жены.

Во второй половине XVII в. наступает упадок в архитектурном искусстве. Ни один из памятников того времени не может выдержать сравнения с прекрасными сооружениями XVI и первой половины XVII в. Высокими художественными и техническими характеристиками отличались лишь сооружения в раджпутских городах-крепостях — Гвалияре, Альваре, Джайпуре.

Прекрасные архитектурные памятники возвышались над морем лачуг из тростника и бамбука не только в деревнях, но и в городских поселениях. Лишь дома состоятельных горожан строились из камня, отличались богатым убранством и были удобны для проживания.

В XVI — первой половине XVII в. достигают совершенства мастера фресковой живописи и миниатюры. Могольская миниатюра во многом была продолжением развития иллюстративного искусства Ирана. Однако она испытала сильное воздействие раджпутской и джайнской миниатюры.

В XVI—XVII вв. благодаря контактам с европейцами — христианскими миссионерами, путешественниками, купцами — расширяются представления индийцев о мире за пределами собственной страны, происходит знакомство с европейской техникой и культурой. В государственных кархане эпизодически использовались труд и опыт европейских оружейников, стеклодувов, кораблестроителей. Миниатюра испытывала влияние европейского портретного искусства. Некоторые представители знати проявляли интерес к европейской науке. Придворный врач Аурангзеба Ф.Бернье переводил на фарси для одного вельможи выдержки из трудов П.Гассенди, Р.Декарта, У.Гарвея. Раджа и астроном Джай Сингх, построивший в Индии несколько обсерваторий, был знаком со звездными каталогами европейских астрономов. Европейцы со своей стороны проявляли интерес к индийской науке и навыкам индийцев в производстве стали, отличавшейся высокими качествами, в красильном деле.

Однако контакты с европейцами были омрачены насилиями и грабежами португальцев, экспансионизмом заинтересованных в упрочении своих позиций в индийской торговле европейских Ост-Индских компаний, столкновениями с местными правителями. XVIII век открывает новую страницу и в истории Могольской империи и других индийских государств, и в истории взаимоотношений их с европейцами.

Глава 9

ЦЕЙЛОН В XVI — СЕРЕДИНЕ XVII в.

Остров Цейлон (Ланка), занимавший важное стратегическое положение в Индийском океане, расположенный на пересечении торговых путей, ведущих из стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии в Переднюю Азию, и обладавший богатыми природными ресурсами, стал одной из первых стран Азии, попавшей в колониальное подчинение.

Политическая раздробленность и экономическая слабость Цейлона облегчали проникновение европейских колониальных держав, первой из которых была Португалия. В 1505 г. португальцы впервые посетили остров. Убедившись в доходности местной экспортной торговли, португальские власти Гоа взяли курс на строительство торговых факторий на побережье, которые постепенно должны были стать опорными пунктами для военного захвата Цейлона. В 1518 г. на остров была направлена португальская миссия, возглавляемая Л.С. д'Альбергария, для установления торговых отношений с Котте, наиболее крупным и могущественным государством на Цейлоне. Переговоры завершились тем, что португальцам разрешили построить торговую факторию близ столицы и обещали ежегодные поставки корицы в качестве платы за обещанную помощь царю Котте в его борьбе за верховную власть на острове.

Государство Котте к началу XVI в. было разделено на провинции, находившиеся под управлением царских наместников, носивших, как и сам царь — правитель Котте, титул *раджа*. Провинции обладали большой автономией. Процесс децентрализации государства Котте был ускорен политическими интригами правителей соседних цейлонских государств — Канди и Джафны, стремившихся ослабить своего главного противника. Так, велика была роль правителя Канди Джаявиры (1511—1552) в подготовке и осуществлении убийства царя Котте Виджаябаху в 1521 г. его тремя старшими сыновьями, недовольными тем, что их отец объявил наследником престола младшего, четвертого брата. После убийства Виджаябаху его государство распалось на три враждующих между собой объединения с центрами в Котте, Ситаваке и Райагаме.

Государство с центром в Котте — основной район произрастания коричного дерева на острове, — доставшееся старшему из братьев, Бхуванаикабаху, представляло наибольший интерес для португальской стороны, заинтересованной в экспортной торговле корицей. Португальцы постарались получить прочные позиции при дворе этого княжества. В частности, они поддерживали своим флотом правителя Котте Бхуванаикабаху.

В 1528 г. правитель Райагамы умер, и подвластные ему территории были присоединены к государству Ситавака. Заключив союз с одним из южноиндийских правителей, чей военный флот не уступал по численно-

ЦЕЙЛОН НАКАНУНЕ ПОРТУГАЛЬСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

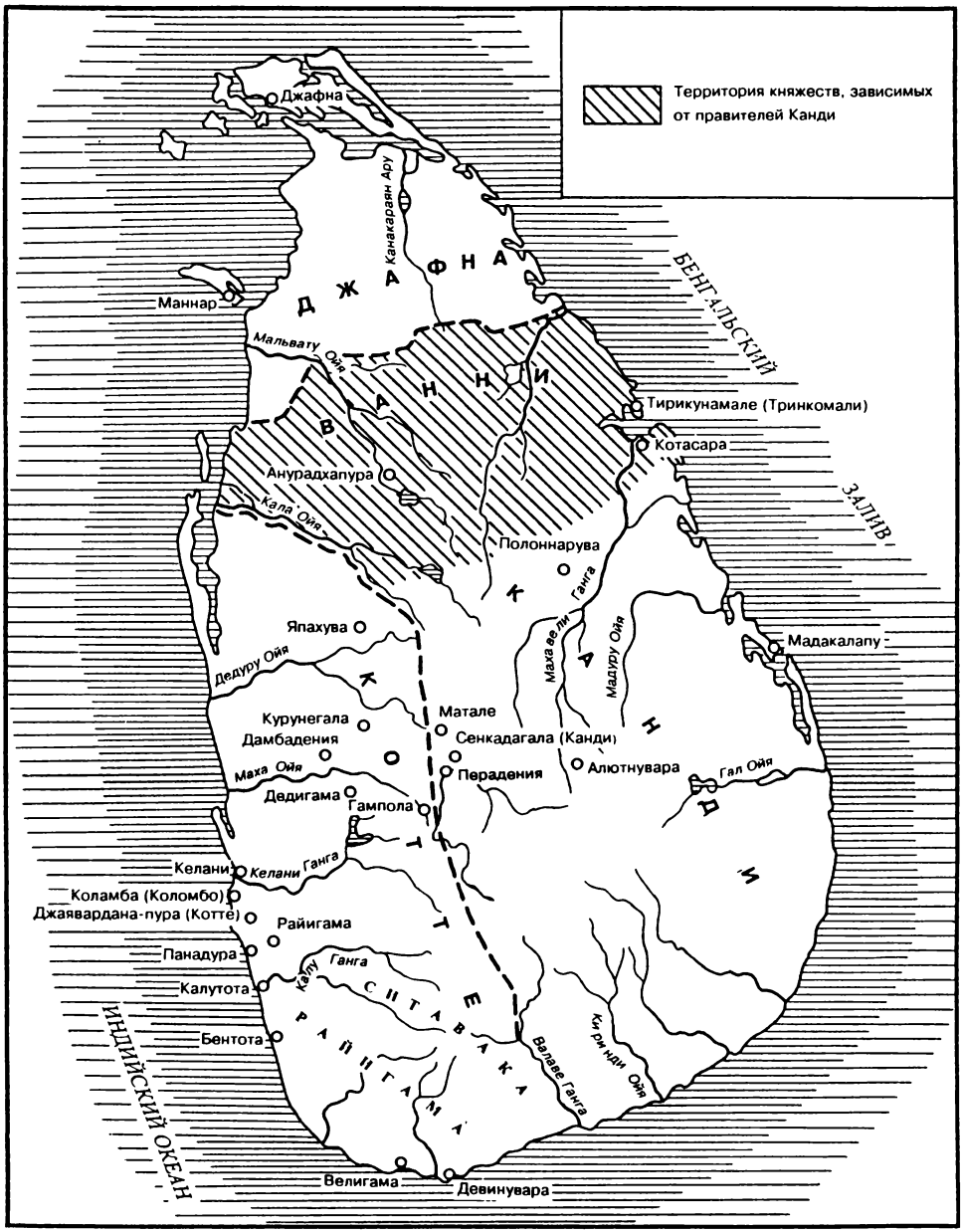


Рис. 7

сти португальскому, раджа Ситаваки Маядунне решил захватить также и Котте. Однако превосходство военной техники португальцев обеспечило победу правителю Котте, и Маядунне был вынужден просить мира. Мир был заключен на условиях, крайне унизительных для него — португальцы потребовали, чтобы им были присланы головы казненных военачальников-малабарцев, союзников Ситаваки.

Хотя первая война за престол Котте окончилась поражением для Маядунне, он сумел за короткий срок частично одолеть, частично склонить на свою сторону многих провинциальных наместников Котте. К 1541 г. большая часть территории этого государства оказалась фактически под властью Ситаваки; номинальным сувереном Котте продолжал оставаться Бхуванаикабаху. Решающую роль в завоевании правителем Ситаваки расположения населения Котте сыграло его отрицательное отношение к португальцам.

На территории Котте активно вели прозелитическую деятельность католические миссионеры-францисканцы. Бхуванаикабаху дал им разрешение на строительство католических храмов и свободную пропаганду христианского учения среди населения. Самого Бхуванаикабаху не удалось склонить к изменению веры. Однако зависимость его от «союзников» и их роль в управлении Котте все более увеличивались.

Так как у Бхуванаикабаху не было сыновей, Маядунне, следующий по старшинству брат царя, согласно сингальской традиции, имел все основания рассчитывать на провозглашение его наследником. Однако в 1540 г. Бхуванаикабаху объявил наследником престола Котте своего внука Дхармапалу (сына его дочери Самудрадеви) и направил посольство в Лиссабон ко двору португальского короля Жоао III с целью получить его одобрение и благословение. В 1543 г. португальский король торжественно короновал присланную ему золотую статую Дхармапалы, санкционировав тем самым столь необычный и беспрецедентный для Цейлона порядок наследования.

Государства XVI в. на территории Цейлона — Котте, Ситавака, Канди и Джафна, увлеченные борьбой между собой за верховное господство в стране, не только не стремились противостоять проникновению в нее португальских колонизаторов, но, напротив, сами в значительной степени способствовали их усилению. Все они, включая Ситаваку и Канди, в разные годы пытались добиться военной помощи португальской короны и заключения союзных договоров.

В 50-е годы XVI в. в ходе военных действий между Котте и Ситавакой был убит правитель Котте Бхуванаикабаху. Это послужило началом второй войны за престол в Котте. Маядунне, объявив себя законным наследником, двинул войска к столице, португальцы же при поддержке значительной части знати провозгласили правителем Дхармапалу. Регентом до достижения царем совершеннолетия был назначен отец Дхармапалы Видийе Бандара. Объединенные сингало-португальские войска изгнали Маядунне с территории Котте и вступили на землю Ситаваки. Маядунне бежал, оставив свою резиденцию на произвол судьбы. Союзные войска прекратили преследование и вернулись в Котте.

Видийе Бандара пытался добиться большей независимости. Пойдя на уступку португальцам и приняв католичество, он направил свои усилия на уменьшение их военного присутствия в Котте и политического давления. Избежав в 1553 г. тюремного заключения, которому намеревались подвергнуть его португальские власти, недовольные его деятельностью, он поднял восстание против засилья португальцев. Видийе Бандара был поддержан Маядунне, и в результате совместной боевой операции войск Котте и Ситаваки португальцы были отброшены на побережье. Однако успех сингальских армий закреплен не был, так как Маядунне, увидев в Видийе Бандаре соперника, поспешил вступить в союз с разбитыми португальскими частями и разгромил войско Видийе Бандары.

Неожиданный альянс с португальской стороной был вызван также опасностью, нависшей над Ситавакой со стороны внутренних районов страны: кандийская армия подошла к границам Ситаваки и требовала немедленной выдачи получившего там убежище смещенного с престола правителя Канди Джаявиры.

Причиной повышения престижа Ситаваки на политической арене Цейлона в 60-е годы XVI в. послужило проведение португальцами ряда мероприятий, направленных на подрыв экономического могущества правящего клана Котте, что заставило последний перейти в лагерь оппозиции португальской короне. Ставленник португальцев на престоле Котте — Дхармапала в 1557 г. был обращен в католичество и в доказательство истинности своей новой веры конфисковал все земли буддийских и индуистских монастырей, передав их в качестве дара францисканским монахам. Потеряв в результате подобных акций поддержку своих подданных, Дхармапала был вынужден в 1565 г. последовать за португальцами, оставившими Котте перед наступающими войсками Маядунне, и обосноваться в португальском форте Коломбо, став, таким образом, царем без царства.

В 60—80-е годы государство Ситавака, осуществлявшее контроль над большей частью территории острова, переживало период расцвета своего могущества. Сын Маядунне Раджасинха продолжил завоевательную политику своего отца и в течение более чем двадцати лет сдерживал португальцев на побережье.

В 1574 г. португальцы выступили инициаторами заключения брачного союза между Дхармапалой и кандийской принцессой. Усмотрев в этом браке угрозу потенциального военного союза португальцев и кандийцев, Раджасинха двинул свою армию в поход на Канди. Поход был прерван внезапным нападением португальской военной эскадры с юго-западного побережья. Португальские войска углубились на территорию Ситаваки, разгромили и разграбили множество сингальских деревень, буддийских монастырей и индуистских храмов. Когда Раджасинха в 1578 г. вторично организовал военную экспедицию в Ударату (Канди), португальская эскадра повторила свою вылазку из бухты порта Коломбо.

Наличие сильного военного флота и господство на море обеспечили португальцам прочность их позиций на Цейлоне. В 70-е годы они построили еще один форт на юго-западном побережье — Галле. Их опор-

ными пунктами на острове стали также Тринкомали и Баттикалоа на востоке и Путталам на северо-западе. Двухлетняя осада Коломбо, предпринятая Раджасинхой, не дала желаемых результатов, так как сингальская армия была не в силах помешать регулярному прибытию португальских судов из Гоа.

В 1580 г. номинальный правитель Котте Дхармапала объявил в Коломбо, что завещает все юридически подвластные ему территории португальской короне.

В 1581 г. умер Маядунне, и Раджасинха взошел на престол Ситаваки. Вступление его на трон вызвало недовольство большой части населения, так как частые военные походы, предпринимавшиеся им в период правления его отца, приводили к увеличению налогообложения. Быстрота, с которой разрастались территории, контролируемые Ситавакой начиная с конца 50-х годов XVI в., создавала серьезные препятствия для налаживания системы управления и сбора налогов. К тому же торговля корицей с 1565 г. стала монополией царей Ситаваки и основным источником поступлений в царскую казну. Это требовало перестройки всей системы хозяйствования. Однако проведенные Раджасинхой меры не были эффективными: устранение неугодных ему военачальников лишь обезглавило государство и фактически приблизило его крах.

Успешная кампания против Канди в 1582 г. привела к установлению контроля Ситаваки над Ударатой. Однако вскоре началось восстание кандийцев против Ситаваки в центральном районе, которое продолжалось до 1593 г. Восстание было подавлено на территории Ситаваки, в провинции Хатара Корале.

Со смертью Раджасинхи в 1593 г. политическому могуществу Ситаваки пришел конец. В 90-е годы португальцы существенно расширили подвластные им районы и контролировали бóльшую часть страны. Номинальным правителем Котте, куда была включена и территория Ситаваки, стал Дхармапала; фактически же все прибрежные районы острова перешли в полное владение португальских колонизаторов. После смерти Дхармапалы, завещавшего свои владения португальской короне, в 1597 г. португальский генерал-капитан на Цейлоне дон Иеронимо де Азеведу подписал конвенцию с наместниками всех провинций Котте, согласно которой король Португалии Филипп I был официально провозглашен королем португальских владений на Цейлоне.

Португальское вмешательство во внутренние дела государства Джафна на севере острова началось в 40-е годы XVI в. Активная миссионерская деятельность католических священников среди тамильского населения привела к созданию многочисленной тамильской христианской общины на северном и северо-восточном побережье острова. Овладение Джафной сулило немалые экономические выгоды португальцам, заинтересованным в установлении контроля над ловлей жемчуга у северного побережья и над торговлей слонами. Результатом военной экспедиции 1560 г. под предводительством Андре Фуртадо де Мендосы были основание военного поселения в Джафне и коронование португальского ставленника Итириманна Чинкама, согласившегося на регулярную выплату дани пор-

тугальским властям Котте. Однако год спустя индуистская тамильская знать организовала заговор против него, и он бежал в португальский форт. Португальские войска жестоко расправились с участниками заговора, и Итириманна Чинкам был вновь водворен на трон. В 1591 г. был установлен протекторат над Джафной.

После смерти Итириманна Чинкама в 1615 г. в государстве разгорелась борьба за право наследования. Власть была захвачена Санкили Кумарой, который устранил всех претендентов на престол и потребовал у португальцев признать его регентом при трехлетнем сыне Итириманна Чинкама. Португальцы пошли на это с условием предоставления свободы передвижения и действий португальским католическим священникам по территории Джафны, а также ежегодной выплаты дани.

В 1618 г. против Санкили Кумары был организован заговор группой христиан, подавляя который правитель Джафны пригласил в помощь себе войска княжества Танджур (в Южной Индии), а также запросил военную помощь от голландцев, обосновавшихся в ряде факторий на побережье Южной Индии. Узнав об этом, португальцы в 1619 г. снарядили экспедицию в Джафну и захватили Санкили в плен. С 1620 г. здесь стало осуществляться прямое колониальное управление.

Таким образом, к концу XVI — началу XVII в. юго-западные и северные части Цейлона (территории бывших государств Котте, Ситавака и Джафна) оказались в руках португальцев. Лишь Кандийское государство, расположенное в центральных, труднодоступных районах острова, сохраняло свою независимость.

В 1594 г. португальские власти организовали военную экспедицию во главе с командующим португальской армией Педро Лопесом де Соусой в центральные районы острова с целью подчинить Кандийское государство и посадить на престол свою ставленницу — кандийскую принцессу Кусумасанадеви, вошедшую в историю под именем Доны Катарины. Португальцы были встречены кандийской армией под предводительством Конаппу Бандары и потерпели сокрушительное поражение в битве при Ганноруве. Захваченная в плен Дона Катарина стала женой победителя, который правил в Канди до 1604 г., приняв имя Вимала Дхарма Сурия I.

Проводимая им внутренняя политика, продолженная его преемником Сенератом (1604—1635), была направлена на усиление экономической и военной мощи Кандийского государства. Особое внимание уделялось укреплению границ, на которых было построено значительное число фортификационных сооружений. Максимально использовались и естественные преграды: вырубка деревьев в приграничных лесах сурово каралась законом — густые, непроходимые леса призваны были служить надежным препятствием для продвижения войск противника.

Целью кандийских правителей являлось сохранение мира с португальцами на любых условиях. Португальская же сторона, стремившаяся овладеть природными богатствами внутренних районов острова и портами на северо-восточном побережье, принадлежавшими Канди, совершала постоянные опустошительные рейды в глубь кандийской территории.

Пытаясь ослабить Кандийское государство, португальские власти неоднократно предпринимали попытки организовать экономическую блокаду. Однако восточное побережье острова продолжало оставаться под контролем кандийцев, и индийские купцы беспрепятственно доставляли в восточные порты необходимые товары.

В 1617 г. между португальцами и кандийцами был заключен договор, согласно которому португальская сторона признавала Сенерата правителем Канди, кандийская же сторона — права португальцев на управление прибрежными районами острова. Кандийцы соглашались выплачивать ежегодно дань и не впускать во внутренние районы враждебные португальцам силы.

Однако, несмотря на условия договора, португальцы вскоре заняли Тринкомали, крупный порт, принадлежавший Кандийскому государству. Ответной мерой кандийского правителя Раджасинхи II, сменившего на троне Сенерата, стали постоянные вылазки отрядов сингальских воинов на подвластные португальцам территории.

В конце 20-х — начале 30-х годов португальцы организовали три военные экспедиции на территорию Канди. Самой крупной из них была экспедиция 1630 г. Но им не удалось удержать захваченных позиций, и в том же году армия под командованием Константина де Саа была разбита и почти полностью уничтожена.

В 1633 г. португальские власти заключили с кандийским правителем новый мирный договор, по условиям которого кандийская сторона сохраняла за собой всю прежнюю территорию, но обязалась по-прежнему выплачивать португальцам дань.

Португальцам так и не удалось завоевать Кандийское государство. В 30-е годы XVII в. они сумели лишь добавить к своим прежним владениям — Котте, Ситаваке и Джафне — важный стратегический пункт на восточном побережье острова — форт Баттикалоа, отошедший португальской короне по условиям договора 1633 г.

Вплоть до конца XVI в. португальские колонизаторы не выступали в качестве самостоятельной силы на Цейлоне, а попеременно оказывали помощь местным правителям, получая за это разрешения на строительство торговых факторий, которые становились опорными пунктами для дальнейшего вмешательства.

Португальское население торговых факторий было малочисленно, вело замкнутый образ жизни, строившийся по образцам метрополии, и влияние его на окружающую территорию было крайне ограниченным.

С завоеванием районов юго-запада и севера острова власть португальцев вышла за пределы этих своеобразных островков европейской цивилизации и охватила обширные территории прибрежной зоны, где проживала значительная часть населения страны.

Малочисленность собственно португальского населения, а также стремление найти социальную опору среди местной верхушки привели к тому, что провинциальное управление было практически полностью сохранено за сингальской и тамильской элитами. Португальцы монополизировали лишь центральный аппарат власти.

Во главе колониальной администрации на Цейлоне стоял португальский генерал-капитан, подчинявшийся, в свою очередь, вице-королю Португалии в Гоа. Именно там, в центре португальских колониальных владений в Азии, разрабатывались формы и методы колониального управления подвластными территориями. Постепенно гоанская администрация поставила под контроль деятельность колониальных властей на Цейлоне, вывела из ведения последних ключевое звено колониального управления — департамент финансов, глава которого стал подчиняться непосредственно вице-королю. Руководство же военным и налоговым управлением было оставлено за генерал-капитаном.

Торговым, административным и военным центром португальцев на Цейлоне стал Коломбо.

Инструментами португальского господства на острове были колониальные войска и флот, позволявший быстро перебрасывать из Гоа военные подкрепления. Войска были крайне неоднородны по своему социальному и этноконфессиональному составу. Главнокомандующий и высшие офицеры назначались вице-королем Португалии в Гоа и формировали военные подразделения из наемников. Часть солдат португальской армии набиралась в самой метрополии, как правило, из беднейших слоев крестьянства и городских низов, а также нередко среди лиц, приговоренных к различных срокам каторжных работ. Наемные солдаты вербовались и в других странах. Так, например, значительную прослойку составляли индийцы из Гоа и африканцы.

Кроме того, португальские власти нередко бывали вынуждены полагаться на войска правителей местных государств.

Подобный пестрый состав колониальных войск на Цейлоне легко объясняет многочисленные военные неудачи португальцев, а наличие деклассированных и преступных элементов — крайнюю жестокость при ведении боевых действий, неоднократно отмечаемую в источниках.

Португальцы вели активную кампанию по обращению местного населения в католичество. С 1543 г. на острове начала действовать первая католическая миссия (францисканская), а к концу португальского правления — еще три миссии: иезуитская, доминиканская и августинианская, укрепившиеся главным образом в северных районах. Португальцы негативно относились к представителям всех местных религий, однако их политика в отношении различных этноконфессиональных групп — сингалов-буддистов, тамилов-индуистов и «мавров»-мусульман — не была одинаковой.

Так, наибольшему преследованию в XVI — начале XVII в. подверглись «мавры». В их руках была сосредоточена внутренняя и внешняя торговля страны, и португальцы, заинтересованные в получении торговых монополий, видели в них своих конкурентов. Они не раз сжигали мусульманские кварталы Котте, а также топили суда мавров-торговцев в Индийском океане.

В подвластных португальцам прибрежных областях (прежде всего на территории бывшего государства Котте) португальский король был провозглашен верховным собственником земель. Для выработки основных

принципов земельной политики португальцев на острове была создана специальная комиссия, состоявшая из представителей военных властей, католической церкви и департамента финансов. Результатом ее деятельности явилось перераспределение земельного фонда в пользу чиновников колониального аппарата, находившихся на военной службе, а также представителей местной верхушки, принявших христианство и проявлявших лояльность колониальным властям.

На рубеже XVI—XVII вв. наиболее крупными землевладельцами на острове стали высшие чиновники португальской администрации и католическая церковь, которой отошла значительная часть земель, ранее находившихся в собственности буддийских и индуистских храмов, — *вихарагам* и *девалагам*. Эти земли, перешедшие католическим миссионерам, полностью сохраняли закрепленные за ними иммунные права и были освобождены от всех видов налогов.

В целях упорядочения системы налогообложения на острове в начале XVII в. португальская администрация приступила к проведению первой на Цейлоне земельной переписи (кадастрации). Она продолжалась в течение двух лет (1613—1615) и охватила все подвластные португальцам районы юго-запада страны. Результаты переписи были изложены в четырех томах и направлены ко двору португальского короля в Лиссабон. Земельные кадастры (*томбо*) не только регистрировали права на землю, но и фиксировали повинности, связанные с каждым земельным владением.

Перепись сделала возможным введение воинской повинности, устанавливавшейся в зависимости от размера дохода, записанного в томбо, с того или иного земельного владения. Воинскую повинность несли почти все категории населения, кроме представителей кастовых групп, занятых в производстве продукции, представлявшей интерес для колониальных властей. К ним относились сборщики корицы, охотники на слонов, оружейники, а также перевозчики казенных грузов.

Земельная политика администрации была направлена на создание широкой прослойки землевладельцев-португальцев и постепенную повсеместную замену ренты-налога на отработочную систему.

В 20-е — начале 30-х годов XVII в. португальские владения на Цейлоне были убыточными для колониальных властей Гоа. Такая ситуация объяснялась главным образом расходами на постоянные безуспешные боевые операции, предпринимавшиеся для захвата Канди. С установлением мира в 1633—1634 гг. между кандийским правителем и португальским генерал-капитаном финансовое положение португальской администрации упрочилось, и доходы от колонии впервые окупили издержки на содержание административного аппарата и армии.

Росту доходности колонии в этот период способствовали увеличение спроса и беспрецедентный рост цен на корицу на мировых рынках. Экспортная торговля корицей и плодами арековой пальмы являлась наряду с земельным налогом существенным источником доходов казны правителей государства Котте уже в XV в. С установлением португальского господства в прибрежных районах острова торговля экспортными культура-

ми стала превращаться в ведущий источник доходов колониальной администрации.

Португальцы постепенно сосредоточили в своих руках контроль над сбором корицы в прибрежных районах и последующими экспортными операциями. В 90-е годы XVI в. Коломбо, крупнейший опорный пункт португальцев на Цейлоне, был объявлен единственным портом, через который могла легально осуществляться экспортная торговля корицей. В 1595 г. экспорт корицы стал монополией генерал-капитана Коломбо, который должен был ежегодно продавать португальской короне установленное количество ее по твердым ценам.

Однако в 1614 г. в целях стабилизации цен на корицу было принято решение сделать торговлю ею государственной монополией. Все коричные деревья, в том числе находившиеся на землях сельских общин, объявлялись собственностью португальского короля, и сбор коры коричного дерева частными лицами карался смертной казнью.

Организация труда сборщиков корицы была детально разработана еще до прихода колонизаторов, а португальцы использовали эту систему, приспособив ее к своим целям. Как и в доколониальную эпоху, сбор корицы оставался традиционной повинностью — *раджакарией* членов касты *салагама*. В первой половине XVII в. для увеличения сбора корицы к этому занятию были насильственно привлечены представители некоторых других каст. Имеются данные, что в 1650 г. сбором коры коричного дерева занимались касты *карава*, *хуну* и *паду*. Принятые меры способствовали резкому увеличению сбора этой культуры на Цейлоне. В отдельные годы объем заготовленной корицы оказывался настолько велик, что во избежание перепроизводства и снижения цен часть ее сжигалась по распоряжению колониальных властей.

Португальские колонизаторы проявляли значительный интерес и к другим экспортным культурам Цейлона, прежде всего к перечной лиане и арековой пальме. Однако экспорт черного перца и орехов арека не являлся монополией португальских властей, а осуществлялся индийскими купцами. Колониальная администрация ограничивалась взиманием с них экспортной пошлины.

Крупные доходы поступали в португальскую казну от целого ряда промыслов, являвшихся монополией португальского короля. Среди них наиболее важными были добыча жемчуга, добыча и обработка драгоценных камней, отлов слонов.

* * *

Хотя пребывание португальцев на Цейлоне длилось 150 лет, прямое управление юго-западными прибрежными областями они осуществляли лишь в течение 60 лет, а северными — 37 лет.

В период с 1505 по 1597 г. португальцы выступали в качестве одной из воюющих сторон в борьбе сингальских государств за верховное владычество на острове, и их влияние на социально-экономическую жизнь страны было крайне ограниченным. После 1597 г. внимание португаль-

ской администрации было в значительной степени сосредоточено на ведении боевых действий против независимого Кандийского государства и на ограничении военного присутствия на острове Нидерландской Ост-Индской компании.

Португальцы не стали разрушать существовавшую в доколониальный период систему управления, и конвенция, заключенная в Малване в 1597 г., закрепила действие норм традиционного сингальского права. Вместе с тем установление колониального господства португальцев на Цейлоне имело серьезные последствия для дальнейшего политического, социально-экономического и культурного развития страны, так как заложило основы колониального типа экономики и общества в прибрежных районах. Одним из этих последствий стали оживление торговли и товаризация хозяйства.

Политика христианизации привела к созданию многочисленной общины католиков, что оказало существенное воздействие на идеологическую ситуацию в стране; из традиционной верхушки цейлонского общества выделилась христианизированная чиновничья прослойка.

Поощрение смешанных браков с представительницами местного населения привело к возникновению группы лиц смешанного сингало-португальского и тамило-португальского происхождения.

Социальная политика португальцев обусловила глубокие сдвиги в традиционном сознании названных категорий цейлонцев, приводила к ломке системы ценностей и представлений о мире, нередко к забвению собственной культуры и религии и принятию иных морально-этических поведенческих норм.

Определенное влияние оказали португальцы на материальную культуру и быт населения прибрежных городов Цейлона, в первую очередь Коломбо. Оно прослеживается в гражданской архитектуре, скульптуре, живописи. В городах вошли в обиход деревянная европейская мебель, отдельные элементы европейской одежды. В сингальском языке до сих пор сохраняются многие португальские заимствования.

На рубеже XVI—XVII вв. Цейлон оказался разделенным на две исторические области: подвластные португальцам прибрежные районы юго-запада и севера и центральные и северо-восточные районы, входившие в состав независимого Кандийского государства.

Развитие этих исторически сложившихся областей пошло различными путями и неодинаковыми темпами, что проявилось уже к середине XVII в. К моменту завоевания Цейлона Голландией, датируемого 1658 г., экономические связи двух районов оказались подорванными и хозяйственная инфраструктура существенно различной, что привело в конечном счете к складыванию на острове двух обособленных хозяйственно-культурных типов.

Нарушение контактов между центральными и прибрежными районами послужило отправной точкой для складывания двух этнических общностей среди сингальского населения — сингалов равнинных и кандийских.

Глава 10

БИРМА В XVI—XVII вв.

Характерной чертой бирманской истории XVI—XVII вв. была устойчивая тенденция к созданию имперской политической модели, к объединению государственных структур бирманцев, араканцев, монов, шанов, а также народов, находившихся на более низких ступенях развития.

На это время приходится объединение всей Бирмы под властью династии Таунгу. Созданная ею в 1531 г. империя просуществовала до 1599 г., но вновь возникла в XVII в. А в 1752 г. произошел окончательный распад бирманского государства Таунгу, и Бирму объединила династия Конбаун.

В процессе развития имперской модели в Бирме происходил синтез социально-экономических, политических и религиозно-культурных традиций, связанных как с Паганом (черты так называемого государственного феодализма), так и с шанскими княжествами, с их вольницей периода становления государственности.

Определенное воздействие на развитие страны в начале XVI в. стало оказывать появление в регионе Юго-Восточной Азии европейцев.

В этот период Бирма была раздроблена на ряд государственных образований, созданных бирманцами, монами, араканцами, шанами. Они находились в состоянии постоянной борьбы друг с другом, осложненной вторжением шанов с северных границ страны. Созданию единого государства, на гегемонию в котором претендовали бирманские, шано-бирманские, шанские и монские династии, препятствовали как социально-экономические, так и политические причины. Продолжающаяся миграция шанов оставалась наиболее дестабилизирующим и дезинтегрирующим фактором истории Бирмы в начале рассматриваемого периода.

В наибольшей степени от шанских вторжений страдало бирманское население северной и центральной частей страны. Государство Ава, созданное здесь еще во второй половине XIV в., с начала XVI в. уже не смогло выдерживать шанских набегов, начинавшихся обычно с окончанием муссонов. Особенно активизировавшееся княжество Мохньин в 1524 г. захватило северо-восточную часть Авского государства с г. Бамо, а затем его войска дошли до Таемьо и Прома. В 1527 г. шаны захватили, разгромили и сожгли г. Аву. Ее последний бирманский правитель, принимавший участие в битве, был убит на своем боевом слоне выстрелом из мушкета (считается, что это первое упоминание об использовании огнестрельного оружия в Бирме).

В дальнейшем, до 1555 г., престол в Аве занимали шанские князья, выходцы с севера. Хотя они и носили бирманские имена, но, в отличие от свергнутой ими Авской династии — бирманизированной и принявшей буддизм, — были еще, по мнению бирманских летописцев, «варварами»,

БИРМА ПРИ ДИНАСТИИ ТАУНГУ. 1531—1752 гг.

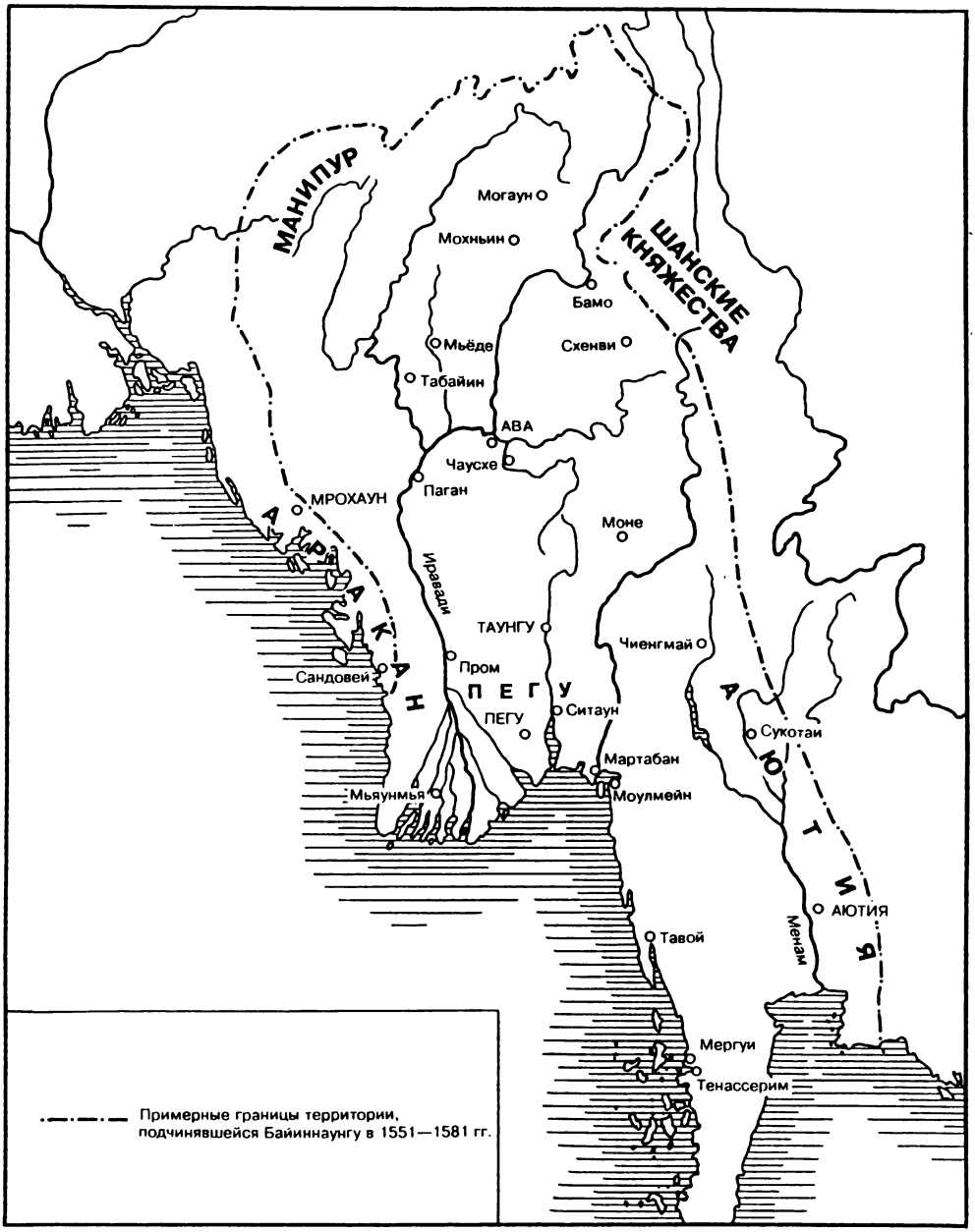


Рис. 8

о зверствах которых во время набегов, разграблении буддийских пагод, монастырей, реликвий они повествовали в хрониках.

К югу от государства Ава (на р. Ситаун) бирманское княжество Таунгу, основанное еще в 1280 г. и ставшее прибежищем для бирманцев, спасавшихся от шанских набегов, сильно расширилось при правителе Минчжиньо (1486—1531) за счет присоединения плодородной области Чаусхе на центральной равнине, где системы искусственного орошения позволяли снимать несколько урожаев риса в год. Были построены города Дваявади (Мьочи) и Котумати (современный Таунгу), который стал столицей. Ее обнесли стеной, внутри соорудили дворец для правителя и большой водоем. Особенно многочисленным был приток бирманского населения в княжество в 1527 г., последовавший за разгромом шанами Авы. Сюда же пришли многие мелкие владетели центральной Бирмы со своими чадами и домочадцами, знатью и простолюдинами — так сообщали хроники.

Вскоре преемники Минчжиньо возглавили бирманское движение за объединение страны под эгидой династии Таунгу.

Наиболее стабильным и процветающим на территории Бирмы к началу XVI в. оставалось монское государство Пегу, занимавшее южное морское побережье. Этому способствовали два основных фактора — защищенность от шанских вторжений княжествами Ава и Таунгу и включенность Пегу еще с середины XV в. в международную морскую торговлю в Индийском океане.

Из Пегу вывозили в Малакку и на Суматру рис и другие продукты питания, небольшие суда, а также драгоценные металлы и камни, бензойную смолу (доставлявшиеся из северной Бирмы). Импорт монского государства включал в себя преимущественно китайские товары и пряности с Малайского архипелага.

Наибольшее значение для монских купцов имела торговля с Западной Азией и Индией, особенно с Коромандельским побережьем, Бенгалией и Гуджаратом. Там закупались главным образом индийские хлопчатобумажные ткани высокого качества, которые обменивались в Пегу на бирманскую продукцию и привозимые из Малакки и с Суматры пряности.

Еще один торговый путь пролегал через монские порты Мартабан, Йе, Тавой, которые были связаны сухопутной дорогой через перешеек Кра в Тенассериме с Сиамским заливом, куда также доставлялись пряности с Малайского архипелага.

В этот же период появляется интерес к Пегу у европейских купцов и путешественников из Генуи, Венеции. Пегу упоминает и русский купец Афанасий Никитин. Наибольшую активность в Бирме проявляли португальцы — создатели первой колониальной империи на Востоке; они начали разведку торговой ситуации в Бирме в самом начале XVI в., когда в 1512 г. д'Альбукерки направил из Малакки в Пегу Нуньеса д'Акуньо, а в 1519 г. Антонио Корреа уже подписал с монским правителем Бинья Раном II (1492—1526) соглашение об учреждении португальской фактории в Мартабане (фактория просуществовала до 1613 г., а затем была перенесена в Пегу).

По этому же соглашению Бинья Ран II начал использовать впервые в Бирме португальских наемников, владевших огнестрельным оружием, в том числе и артиллерией, значительно усилив этим свои позиции в борьбе с Авским государством.

Государство Аракан, занимавшее западное морское побережье Бирмы, оказалось в этот период в наибольшей степени вовлеченным в сферу португальской экспансии. Множество португальских флибустьеров, служивших наемниками при дворе правителя Аракана в его столице Мрохауне, вскоре расселились в районе Читтагонга, захваченного у Бенгалии еще в 1459 г., и на о-ве Дианга. Здесь был создан португальский флот, который поначалу помогал араканскому правящему дому отстаивать свою независимость от притязаний Авы, Таунгу и Пегу.

Однако вскоре обосновавшиеся в Бирме португальцы перестали подчиняться штаб-квартире португальской империи в Гоа и выступили не только соперниками (совместно с араканскими купцами) в торговле своих компатриотов из Гоа, но и грозой всей международной торговли в Бенгальском заливе. Пиратство португальских наемников в Аракане до известной степени повлияло на торговлю мусульманских купцов в этом регионе.

Главным событием истории Бирмы рассматриваемого периода было создание объединенного государства на территории страны с приходом к власти правителя Табиншветхи (1531—1551) из династии Таунгу. Это знаменовало конец трехвековой дезинтеграции Бирмы.

Сын и преемник Минчжиньо — Табиншветхи получил от отца княжество Таунгу, население которого постоянно пополнялось за счет притока бирманцев, спасавшихся от шанов и стремившихся отвоевать у последних свои родные места на центральных равнинах Бирмы. Двадцатилетний монарх, честолюбивый и энергичный, оказался блестящим полководцем. Он сумел вернуть бирманцам былое величие и, по словам историка Дж.Харвея, избавить страну от кошмара шанских нашествий.

Однако первым объектом завоевательных походов Табиншветхи стала не Ава, на троне которой сменялись шанские *собва* (князья), ослаблявшие и разорявшие своей междоусобной борьбой и набегами княжество, а богатое монское государство Пегу. В 1535 г. Табиншветхи во главе большой армии, к которой присоединились многие бирманские феодалы со своими отрядами, быстрым маневром овладел западной частью дельты Иравади и г. Мьяунмья, а затем осадил монскую столицу Пегу. Город защищался целых четыре года и был захвачен только в результате интриг (в 1539 г.).

Полное подчинение монского государства было закончено с завоеванием богатейшего порта Мартабан (1541 г.), а также Моулмейна и территорий до границ с Аютией (Сиамом).

В борьбе бирманцев с монами в Мартабане с обеих сторон участвовали португальские наемники. У Табиншветхи было 700 человек под командованием Жоана Карейру, вооруженных мушкетами и легкими пушками. Поддерживавшие монов португальцы, во главе которых стоял Паоло Сейхас, обладали семью кораблями, защищавшими город. Однако

бирманцам удалось с помощью горящих плотов сжечь часть судов, а другие захватить.

Мартабан был подвергнут жестокому разграблению, длившемуся три дня. Огромная добыча состояла из драгоценных камней, пряностей, шелков, привезенных португальскими, греческими, венецианскими, армянскими, персидскими, арабскими, абиссинскими и суматранскими купцами в монский порт. Сам город был сожжен дотла, правитель захвачен вместе с семьей и предан жестокой казни, имущество иностранных купцов конфисковано.

Чтобы консолидировать завоеванные южные территории, Табиншветхи трижды проводил ритуал своей коронации. В первый раз, в 1541 г., он короновался в Пегу после покорения южной Бирмы, а во второй — в 1542 г. в Пагане, в соответствии с бирманскими традициями, во время предпринятого им похода на север для покорения Прома (захвачен в 1542 г.) и районов Мьинбу и Мьинджана. В 1546 г., желая продемонстрировать единство своего государства, Табиншветхи короновался в третий раз, соблюдая и бирманский, и монский ритуалы, в Пегу, объявленном столицей новой империи.

Бирманский правитель стремился привлечь монов, особенно монскую знать, на свою сторону. Он не только уравнял в правах бирманцев и монов, но и оставил в прежних владениях и на постах монских сановников; покровительствуя монской культуре, Табиншветхи щедро одаривал буддийских монахов пагоды Шуэдагон, занимался украшением монских храмов и даже сам носил прическу и одежду по монскому образцу.

Табиншветхи придавал большое значение в строительстве своей империи южному морскому побережью, через порты которого Бирма становилась участником международной торговли в Индийском океане. Именно поэтому он выбрал для своей столицы не Таунгу, откуда вышла династия, и не древний Паган, остававшийся национальной святыней, расположенные в центральной части страны, а Пегу. Отсюда можно было быстрее проникнуть к сиамскому и араканскому побережьям. В своих стратегических целях Табиншветхи не предпринимал поход на Аву, хотя и имел для этого возможность, а попытался в 1546 г. захватить Аракан и в следующем году — Аютию, т.е. оба государства, являвшихся активными участниками торговли в Индийском океане, контроль над которой был несомненной целью объединителя Бирмы — Табиншветхи.

Однако его планам не суждено было осуществиться: обе кампании были неудачными.

Хотя бирманские войска, усиленные новыми отрядами португальцев во главе с Диего Суарешем ди Меллу, захватили араканский город Сандовей, взять Мрохаун — столицу Аракана, хорошо укрепленный город и порт, защищаемый также с помощью португальских наемников, им не удалось.

Поход против Аютии Табиншветхи начал в холодный сезон 1547/48 г. Огромная армия двинулась к сиамской границе. Кавалерия галопом пересекла реку между Мартабаном и Моулмейном по мосту, сделанному из лодок (в качестве понтонов). Слоны, на которых доставлялись пушки и

боеприпасы, были перевезены на плотах. Во главе экспедиции на боевом слоне, в окружении своих сановников и португальской гвардии из 400 человек двигался сам монарх. Ежедневно продвигавшиеся сквозь джунгли передовые отряды и многочисленные слуги обеспечивали Табиншветхи каждый новый ночлег во временном деревянном дворце, богато украшавшемся царскими регалиями.

Город Аютию защищали надежные укрепления с пушками, а также португальские наемники Диего Перейры, в конечном счете сумевшие отстоять сиамскую столицу. Табиншветхи пришлось вернуть пленных и бесславно отступить, теряя своих людей в болотистых чащах Тенассерима.

Царь был морально сломлен повторявшимися неудачами и отошел от дел. Вскоре он был убит восставшими монами.

Власть перешла к Байиннауну (1551—1581), брату жены Табиншветхи. Байиннаун прославился как полководец еще при жизни своего предшественника, участвовал почти во всех его военных кампаниях, фактически управлял государством в последние годы жизни царя, соблюдая ему верность.

Начало правления Байиннауна было тяжелым. Страну охватил очередной мятеж монов, восстановивших на троне в Пегу своего свергнутого правителя. Властители в центральной Бирме и даже братья Байиннауна (в Проме и Таунгу) провозгласили независимость. Распад государства поставил перед новым царем ту же задачу, которую, казалось, решил Табиншветхи, — объединение Бирмы.

Призвав на помощь верных ему людей и португальцев во главе с ди Меллу, Байиннаун предпринял бросок на Таунгу. Здесь было семейное гнездо династии и имелась наиболее вероятная возможность набрать войско из бирманцев, чтобы подавить сопротивление монов, мечтавших о самостоятельном государстве.

Вскоре в его армию начали вливаться бирманцы, шаны и даже часть монов, что позволило занять всю территорию Таунгу, а также главные города центральной Бирмы — Мьедé, Сагу, Таемьо.

При захвате Пегу Байиннаун использовал европейскую тактику взятия городов — обстреливая сначала город из португальских пушек. Их грохот был подобен грому, сообщали хроники, и деморализовывал бирманских солдат.

Под стенами Пегу произошло и традиционное единоборство Байиннауна с монским правителем Смимтхо Буддакетти на слонах, в котором победа досталась бирманскому полководцу. Пегу был подвергнут жестокому грабежу. Убивали всех без разбора, в том числе женщин, детей и даже животных.

Смимтхо был пойман в горах около Ситауна и казнен. С его смертью кончилась монская династия, основанная Вареру еще в XIII в. В Пегу началось строительство дворца для Байиннауна, короновавшегося здесь с чрезвычайной пышностью.

Восстановив свою власть над территориями центральной и южной Бирмы, объединенными при Табиншветхи, Байиннаун обратил взоры на многовекового врага бирманцев — шанов. Перед лицом этой угрозы

шанские княжества, занимавшие центр Бирмы вокруг Авы, а также северные и северо-восточные районы, примыкавшие к Китаю, сумели объединиться.

В 1554 г. началось наступление бирманцев на Аву, которая была захвачена в 1555 г. (так же как и округа Монъюа и Шуэбо). В следующих кампаниях, продолжавшихся в 1569 г., Байиннаун покорил большинство шанских княжеств до границ с Китаем, а также Сиамом, в значительной мере уменьшив опасность военных конфликтов на своих границах. Именно с периода завоеваний Байиннауна шанские государственные образования были поставлены под более строгий сюзеренитет Бирмы, хотя князья и поднимали частые восстания. Власть бирманцев в княжествах поддерживалась военной силой: во всех крупных городах стояли бирманские гарнизоны, в столицах воинские силы подчинялись бирманскому чиновнику *(сикé)*. Сюзеренитет подразумевал также, что князья-вассалы приносят клятву верности бирманскому монарху, уплачивают ежегодную дань, приходят в его армию со своими ополчениями, посылают дочерей в гарем, а сыновей — на службу во дворец.

Бирманское государство, пытаясь интегрировать шанов в структуру общества, проводило жесткую политику бирманизации шанских районов, часто насильственным образом. Оно также рассылало буддийских миссионеров для обращения шанов в буддизм, строило буддийские храмы и пагоды. Часть шанского населения из различных княжеств целыми семьями выселяли на территорию бирманских опустошенных районов. Самых искусных ремесленников из шанов селили вблизи столицы. Так, наиболее известное в Бирме производство лаковых изделий возникло с переселением ремесленников *лао* из Чиенгмая. Байиннаун также издал указы, запрещавшие еще бытовавшие у шанов обряды жертвоприношений рабов и животных.

Байиннаун в период побед над шанами сделал подношения в пагоде Шуэзигон в Пагане стольким монахам, сколько ему было лет, а в надписи на большом бронзовом колоколе (на языках пали, бирманском и монском) он гордо сообщил о своих имперских амбициях и покровительстве буддизму. Единственное, что, по мнению Байиннауна, ущемляло его авторитет, — это наличие в его дворце меньшего числа белых слонов — столь почитаемой царской регалии в странах Индокитая, — чем у монарха соседнего тайского государства Аютия.

Бирмано-сиамские войны в XVI в. начинались, как правило, под предлогом отказа тайского царя Маха Чакрапата послать Байиннауну именно белых слонов. Однако подлинные причины лежали в экономической сфере, поскольку Аютия была богатым, процветающим государством, пользовавшимся своим удобным географическим положением на морских путях для широкой торговой деятельности. Как и Табиншветхи, Байиннаун прекрасно понимал выгоды захвата Сиама.

В 1563 г., после окончания муссонов, бирманские войска довольно быстро пересекли долину Ситауна, захватили Сукотаи, а вскоре и Аютию, которая капитулировала в 1564 г. Байиннаун заставил вражескую сторону согласиться на выдачу в качестве заложников царя и его сыно-

вей, отменить пошлины для бирманских кораблей в Тенассериме и ежегодную дань в виде 30 боевых слонов, а главное — подарить четырех белых слонов, символизировавших могущество буддийского государства.

Оставив на престоле Аютии своего ставленника — одного из принцев свергнутой тайской царской семьи, — Байиннаун с несметными сокровищами и пленными вернулся в Пегу, где во время его отсутствия началось восстание, в ходе которого была сожжена столица вместе с царским дворцом. Со свойственной ему энергией Байиннаун подавил восстание и принялся за строительство нового города и дворца. Богатства и красоту восстановленного Пегу с восхищением описывали европейские путешественники.

В 1568 г. Байиннаун с армией более 500 тыс. человек вновь выступил против Аютии, где с помощью португальцев были возведены мощные оборонительные укрепления с пушками, в том числе и по берегам р. Менам. Тайские правящие круги искали союзника для борьбы с бирманцами и интриговали среди лаосских государств.

Осада Аютии длилась до августа 1569 г. Город оказал ожесточенное сопротивление и был взят лишь с помощью предательства. Байиннаун отдал тайскую столицу на разграбление своим солдатам. Сокровища и люди были вывезены в Бирму. Страна на целые пятнадцать лет стала вассалом Бирмы.

Империя, созданная усилиями Байиннауна, была огромна и занимала весь запад Индокитайского полуострова. Как считал венецианец Сезаро Фредериче, бирманское государство «по людским ресурсам, размеру своих владений, количеству золота и серебра далеко превосходит богатство и мощь Великой Турции».

Власть бирманцев в империи опиралась на огромную армию, дисциплина в которой поддерживалась самыми жестокими мерами. Байиннаун не прощал даже своим приближенным малейшей воинской провинности, приговаривая их к смертной казни. Состоящая из представителей всех народов, входящих в империю, армия использовалась против любого вида неповиновения, особенно против консолидировавшегося национального движения тайцев, монов, а также шанских и лаосских восстаний.

Строитель империи Байиннаун, хотя и обращал внимание на судопроизводство и законодательство, производил стандартизацию мер и весов, всю жизнь провел в военных кампаниях, причем карательные экспедиции приходилось многократно повторять. В самой его столице Пегу восстания вспыхивали, как только правитель выступал в поход. Управлением государства он занимался мало. Поскольку все крупные центры были оставлены во владении ближайших родственников царя, а завоеванные государства шанов, лао, таи оставались под управлением традиционных вождей (при условии вассалитета), феодальный сепаратизм буквально разрывал страну на части.

Истощение ресурсов перманентными экспедициями и войнами привело бирманскую империю на грань краха со смертью Байиннауна.

Правление его наследника и сына Нандабайна (1581—1599) прошло в бесконечных попытках сохранить громаду бирманского государства.

В 1584 г. Нандабайну пришлось выступить против сепаратистских мятежей, поднятых в Аве, Проме и Таунгу родственниками царя и его министрами. Ужасная казнь была учинена над изменниками: их заживо сожгли вместе с семьями, о чем сообщил в описании своего путешествия венецианской ювелир Гаспаро Бальби. В 1587—1593 гг. Нандабайн направил три экспедиции против освободительного движения тайцев в Сиаме, возглавляемого Пра Наретом (приходившимся родственником Нандабайну), в 1584 г. провозгласившим независимость Аютии.

Все три сиамских похода были неудачными. С января по июнь 1587 г. бирманские армии безуспешно осаждали Аютию. Покорение Сиама стало для Нандабайна невыполнимой задачей, так как с 1590 г. Пра Нарет, занявший престол в Аютии, начал отвоевывать у Бирмы порты в Тенассериме и побуждать монов к выступлению против власти бирманцев. Юг постепенно стал отпадать от империи.

Моны совместно с тайцами захватили Моулмейн и Мартабан, а затем начали наступление на Пегу. Столицу отстояли с помощью пришедших с севера бирманских отрядов. Однако вскоре родственники Нандабайна — владетели Авы, Прома, Таунгу и др., видя слабость центральной власти, вступили в междоусобную борьбу за престол. В конце концов правитель Таунгу в союзе с правителем Аракана Мин Разаджи (1593—1612) начал наступление на Пегу и захватил город в 1599 г. Араканцы сожгли столицу, а Нандабайна, взятого в плен, увезли в Таунгу. Впоследствии он был там отравлен.

Бирма снова распалась на несколько враждующих между собой феодальных государств и владений. Дельта Иравади и побережье около Тенассерима были почти полностью опустошены, а наиболее важные торговые центры захвачены: Сириам — араканцами, Тавой и Тенассерим — сиамцами. Вскоре юг страны перешел в руки португальца ди Бриту, араканского наемника, который распространил свою власть из Сириама (отвоеванного им у араканцев) на другие монские территории (восточная дельта Иравади и др.) и установил контроль над морской торговлей.

Так закончилась история первой династии Таунгу. Никогда в дальнейшем под властью бирманцев не оказывалась столь обширная держава, как при ее «великих царях» XVI в. — Табиншветхи, Байиннауне и Нандабайне. Восстановление империи при второй династии Таунгу произошло достаточно быстро, стимул к интеграционным процессам в стране продолжал сохраняться, чему в значительной степени способствовала политика так называемой «восстановленной» династии Таунгу.

Центром собирания нового государства второй династии Таунгу, родоначальником которой был Ньяунджан (1547—1605), один из сыновей Байиннауна, стал доставшийся последнему округ Мейтхила в сухой зоне. Здесь население меньше пострадало от войн, поборов, наборов в армию и проч. Здесь была плодородная равнина, сохранилось большое водохранилище для искусственного полива полей. Вскоре Ньяунджан стал собирать собственное войско, в которое он привлек многих беженцев с юга и депортированных во время военных экспедиций бирманцев, монов, шанов, лао, тайцев, араканцев и др.

В 1597 г. (еще при Нандабайне) сюзеренитет Ньяунджана, провозгласившего себя царем, признали многие владетели в центральной Бирме. В 1600 г., после восстановления стен и дворца в Аве, он совершил здесь обряд коронации и провозгласил Аву столицей своего государства. Только правители Прома и Таунгу сумели продолжить соперничество с Ньяунджаном, власть которого вскоре усилилась за счет контроля, установленного им в результате военных походов над шанами в верхнем течении Иравади. В 1601—1606 гг. были подчинены княжества Могаун и Бамо, а также более восточные шанские государства — Яунджве, Моне, Схенви и др.

Политику отца продолжил сын Ньяунджана Анаупхелун (1606—1628), с которого, собственно, начинается «восстановленная» династия Таунгу. Стремясь к восстановлению империи Байиннауна, т.е. объединению севера и юга страны, в 1609—1610 гг. он подчинил Пром и направил свои войска в Таунгу. Захват княжества был ознаменован уничтожением царских регалий его владетеля, расквартированием в городе бирманского гарнизона и депортацией почти двух третей населения в Аву.

Затем наступила очередь «королевства» ди Бриту в Сириаме. Анархия в стране, а также европейские пушки и мушкеты помогали сохранению его власти в Бирме некоторое время. Ситуация изменилась с началом консолидации бирманского государства при второй династии Таунгу. Кроме того, ди Бриту вызвал ненависть местного населения жестокостями, насильственной христианизацией буддистов и т.д. Избавление от иноземца и иноверца для южной Бирмы пришло в 1613 г., когда Анаупхелун взял штаб-квартиру португальца и казнил ди Бриту. Почти вся Бирма, за исключением Тенассерима, который не удалось отвоевать у сиамцев, оказалась объединена Анаупхелуном. Столица снова была перенесена в Пегу, куда постепенно начали возвращаться беженцы, тем более что бирманский монарх не ущемлял в правах монов. Монские порты продолжали торговать с иностранными купцами в Индийском океане, однако этому в значительной мере препятствовал Тенассерим, остававшийся в руках сиамцев. Анаупхелун постепенно готовился к войне против соседей. Вскоре он захватил Чиенгмай.

Пришедшего к власти Талуна (1629—1648) хроники называют самым мудрым из бирманских правителей. Именно он стал выразителем интересов той части северной бирманской аристократии, которая выступила за изоляционистскую политику государства и отказ от завоеваний. Были оставлены планы покорения Сиама, и, как свидетельствуют бирмано-сиамские переговоры 1634—1648 гг., Талун признал независимость соседней державы. Недаром тронное имя Талуна означает, что его правление было мирным. Бирма была консолидирована в границах от Могауна и Бамо на севере до Тавоя и Чиенгмая на юге и от шанских княжеств Кентунг и Чиенгхонг на востоке до Аракана на западе.

Столицу снова перенесли в Аву (в 1635 г.), и вплоть до английского завоевания Бирмы в 1885 г. столичный район государства оставался на севере, в родовых бирманских землях, вдали от морских торговых путей. Однако, как считают исследователи, это вовсе не означало, что бирман-

ское государство «восстановленной» династии Таунгу совершенно отказалось от интересов в доходах от международной морской торговли. В южные порты продолжали приходить иностранные корабли, Талун поддерживал связи с Аче, с индийскими княжествами, вел переговоры с представителями английской Ост-Индской компании.

И тем не менее это было уже другое государство, развивавшееся в традиционной для бирманцев (в отличие от монов) континентальной модели; основные доходы его снова, как и в пагановую эпоху, стали зависеть не от морской торговли, а от земледелия и ремесла.

Главное внимание при второй династии Таунгу стало уделяться консолидации государства в более или менее постоянных границах, новым взаимоотношениям между центром и периферией, между царем и всей иерархической структурой управленцев, среди которых не оставалось места *байинам*, т.е. элите, наместникам, имевшим царские регалии. Самую большую роль в консолидации государства сыграли реформы Талуна, которой провел первую в Бирме перепись всего населения с указанием видов земельных владений и их владельцев, количества податных и следуемых в казну налогов и проч. Владетели *мьо* (*мьотуджи*) были включены в списки чиновников, что означало для них переход в низшую категорию бюрократии. Тем самым сепаратистские тенденции, свойственные периоду XIII—XVI вв., были значительно ослаблены.

Другой удар Талун направил против монастырского землевладения, еще сохранявшего сильные позиции. Его указ запрещал передачу в монастырские рабы военнопленных (т.е. ограничивалась власть монастырей); последних стали поселять в районах орошаемого рисоводства на царских землях, где они должны были поддерживать в порядке имеющиеся и строить новые ирригационные сооружения, а в военное время — принимать участие в экспедициях.

Реформы Талуна были весьма действенными. Бирма добивается объединения севера и юга, консолидации страны как в экономическом, так и в политико-административном отношении. Прежде всего уничтожение системы наместничеств и новые взаимоотношения центра и периферии привели к резкому снижению центробежных тенденций со стороны крупной местной элиты. Начиная с периода «восстановленной» династии Таунгу можно говорить о централизации Бирмы.

Даже правившие после Талуна слабые цари: Пиндале (1648—1661), Пье (1661—1672), Минъечжодин (1673—1698), Сане (1698—1714), Таninганве (1714—1733) — сумели сохранить целостность империи, избегнуть больших внутренних смут.

Этому способствовала также ситуация «затишья» в межгосударственных отношениях на Индокитайском полуострове, т.е. отсутствие крупных войн, которые были характерны для XVI в. Лишь в 1658 и 1662 гг. вспыхнули бирмано-китайские конфликты по поводу попытки последнего минского императора укрепиться на территории Бирмы. Не возобновлялась также и борьба с Сиамом.

Консолидации и стабилизации Бирмы благоприятствовала и политика европейских держав в регионе; их торговая и миссионерская деятель-

ность мало сказалась на внутриполитических и социально-экономических процессах в стране в тот период. Бирма занимала достаточно второстепенное положение на морских путях через Индийский океан, да к тому же сама не производила пряностей. Это не вызывало к ней большого интереса со стороны пионеров европейской торговли в Юго-Восточной Азии — португальцев. Последние оказали на Бирму гораздо большее воздействие не как купцы, а как военные наемники — *феринджи*, высоко ценившиеся за владение огнестрельным оружием в странах Индокитая в условиях перманентных войн XVI в. В Бирме феринджи даже не были проводниками колониальной политики Португалии, так как действовали на свой страх и риск, не будучи связанными с ее администрацией в штаб-квартире в Гоа.

Лишь один из этих авантюристов, ди Бриту, как было показано, попытался в начале XVII в. создать свое «королевство» на территории Бирмы, с центром в Сириаме; но вскоре он был изгнан из страны. Такая же участь постигла и португальских наемников в Аракане, где они сыграли значительно большую роль в развитии этого государства, занимаясь не только торговлей, но и пиратством и разбоем в устье Ганга и Бенгальском заливе, что заставило мусульманских купцов несколько изменить свои торговые маршруты в Индийском океане. Феринджи были изгнаны из Аракана в 1622 г., причем захваченный ими ранее Читтагонг снова отошел к империи Великих Моголов.

Монопольные Ост-Индские компании Великобритании и Нидерландов также не добились в XVII в. заключения выгодных торговых соглашений с Бирмой, которая усилилась в правление династии Таунгу. Ее правители не позволяли европейским торговцам вести здесь выгодную торговлю, устанавливая государственные монополии на вывоз драгоценных металлов и камней. Резкое падение роли бирманского побережья из-за разорения монских портов в результате войн и усобиц XVI в. уменьшило их участие в международной торговле, что также снизило интерес Ост-Индских компаний к этой стране, особенно после жестокого уничтожения ди Бриту, а с середины XVII в. — и перенесения столицы в центр страны. В 1679 г. закрыла свою факторию в Сириаме (основанную в 1636 г.) Нидерландская Ост-Индская компания. Еще раньше, в 1665 г., она ликвидировала факторию в Аракане (была создана в Мрохауне в 1610 г.).

Неудачи с торговыми факториями в Бирме преследовали и английскую Ост-Индскую компанию. В Сириаме фактория существовала всего 10 лет — с 1647 по 1657 г. Причины ее закрытия заключались не только в политике противодействия бирманских властей, но и в невозможности конкуренции англичан, в частности английского флота с более сильным голландским, а также с индийскими и армянскими купцами, уже укрепившимися в стране. Однако Великобритания все же не хотела терять Бирму и неоднократно пыталась заключить торговое соглашение с правителями Таунгу. Кроме того, в Бирме появились новые конкуренты англичан в Азии — французы.

Конец XVII в. стал переломным моментом в колониальной политике держав, которые после закрытия факторий перешли к новому этапу в этой политике — попытке захвата плацдармов в странах Индокитая, в том числе и в Бирме, еще сохранявших независимость. Укрепление страны при династии Таунгу, централизаторская политика позволили противостоять экспансионизму западных держав.

Консолидация Бирмы в XVII в. привела не только к упорядочению социально-экономических и политических основ государства Таунгу, но и к процветанию культуры. Национальная историография считает этот период «золотым веком» бирманской словесности. Прозаическая литература и поэзия представлены огромным количеством жанров. Как представляется Ю.М.Осипову, исследователю литератур Индокитая, бирманская поэзия в этой период обнаруживает новые тенденции в своем развитии, а именно ослабление ее функциональности в отношении прославления государства и государя и проявление личностных мотивов человека — любви, страданий, описаний красоты природы и пр.

В эпических произведениях серьезные религиозно-дидактические обобщения дополняются романтически-авантюрными сюжетами. Наиболее известными в литературе Бирмы периода Таунгу были Навадей из Прома (1498—1588), Шин Каравика (1588—1648) и др. Исторический жанр — как правило, хроника: династийная, монаршья или местная, — распространенный в Бирме в этот период, сохраняет средневековый характер, т.е. отличается переплетением исторической правды и авторского вымысла, который, основывался на использовании палийской буддийской мифологии. Легендарные сведения обычно затмевали исторический контекст. Гораздо большее значение для историков имела бы кадастровая книга, составленная при Талуне, сохранись она до наших дней. Однако, записанная на бумаге (*пайебай*), сделанной из пальмовых листьев, она почти полностью исчезла, не утратив характер крупного фактора культурной (и экономической) жизни периода Таунгу.

В государстве Таунгу большое внимание уделялось также архитектуре и градостроительству, особенно если вспомнить, сколько раз переносилась при династии Таунгу столица из Пегу в Аву и обратно, частые войны и пожары, в которых деревянные бирманские города исчезали в один миг. Лучшее описание Пегу принадлежит венецианцу Сезаро Фредериче (1569 г.), подтвержденное в 1587 г. английским путешественником Ральфом Фитчем. Авторы указывали на широкие красивые улицы, обсаженные пальмами, которые шли к 20 воротам, охранявшимся специальными частями гвардии правителя. Город, построенный в форме квадрата, имел в центре великолепный царский дворец с многочисленными строениями для придворных. Как правило, эта часть города обносилась стеной, кроме того, его защищали рвы, полные воды, с живущими в них крокодилами.

В пределах столичных городов или вблизи них существовало множество буддийских пагод и монастырей. Большинство из них получали крупные дары, в том числе и буддийские реликвии, от правителей династии Таунгу. Шуэдагон, наиболее известная пагода Пегу, уже в XVI в.

была сформирована как целый ансамбль пагод, храмов, домов для паломников и проч., причем каждый из правителей считал за заслугу перед Буддой увеличить ее шпиль в высоту и украсить еще более щедро, чем его предшественник. Несомненно, что достижения в литературе, религиозном и культурном строительстве в период Таунгу заложили основы для расцвета бирманской культуры в следующий период развития страны — при династии Конбаун.

Глава 11

АЮТИЯ В XVI—XVII вв.

История государства Аютии в историографии делится на «ранний» (1350—1569) и «поздний» (1584—1767) периоды. В 1569 г. Аютию подчинило бирманское княжество Таунгу; независимость ее была восстановлена в 1584 г. В 1628 г. к власти в Аютии пришла новая династия, именуемая «Династией Прасат Тонга» — «Династией Золотого дворца». При ней вступило в фазу завершения формирование централизованного военного государства. На направление внутренних процессов в этот период в немалой степени начало влиять установление деловых и политических контактов с европейцами, появлявшимися в странах Юго-Восточной Азии с XVI в. Это были в основном торговцы и авантюристы; прибывали и посланцы католической церкви. Первой европейской державой, с которой двор Аютии вступил в деловой и политический контакт в начале XVI в., была Португалия, «открывшая» это государство для торговли.

Правитель Аютии Рама Тибоди II (1491—1529) подписал первый торговый договор с европейской державой — Португалией, предоставив португальцам право свободной торговли в стране и особые привилегии на торговлю в столице и южном городе Накхонсритхаммарате, а также на побережье Бенгальского залива в Тенассериме и Мергуи. В Аютии была открыта христианская миссия и построена первая в стране христианская церковь; средства на нее пожертвовал и правитель Сиама. Португальцы в качестве советников появились в войске Аютии. У них же было приобретено огнестрельное оружие, а местные мастера получили навыки литья пушек. Отлитые по европейским образцам сиамские пушки вскоре стали известны в других странах Юго-Восточной Азии.

В Аютии появляется государственная монета — *тикаль*, хотя расчеты на местных рынках продолжали вестись на раковины каури. Внешний рынок предъявлял спрос на продукты промысловой деятельности: олово, свинец, продукты леса, ценные сорта дерева, слоновую кость, шкуры диких животных и т.п. Для участия во внешней торговле государству требовались значительные объемы этой продукции, и оно пыталось обеспечивать рост сельскохозяйственного производства, но основную массу редкой промысловой продукции оно могло изъять лишь с помощью силы во внешних провинциях.

Внимание правящей столичной элиты с начала XVI в. и было направлено на усовершенствование военной системы, военно-оборонительных сооружений вокруг Аютии, улучшение подготовки воинов. При Рама Тибоди в 1519 г. мужское население деревень околостоличных провинций в возрасте от 18 до 60 лет было поделено на два разряда: *прай сом* — молодежь 18—20 лет и *прай луанг* — старше 20 лет. Их имена заносились в государственный реестр. Прай сом проходили необходимую профес-

сиональную подготовку в «домах» должностных лиц. Эти лица («господа», *най*) задерживали прай сом при своих дворах на длительный срок, что приводило к установлению отношений личной зависимости. Но основная масса прай сом по достижении 20 лет переходила в разряд прай луанг: до 50 лет они выполняли шестимесячные безвозмездные работы на государство. С земли (поля — *на*) они платили государству десятину от урожая риса. В тайских святилищах — *мыангах* бытовал обычай подносить дары духу-покровителю мыанга. В государстве Аютии земледельцы стали делать подношения как плату за покровительство также и должностным лицам. Патронатные отношения между най и прай не были формализованы: если должностное лицо оказывалось не в состоянии быть покровителем или прай луанги прекращали подношение даров, отношения покровительства расторгались.

На изменения в положении прай луанг в период ранней Аютии указывает и закон 1536 г. об ордалиях, доживших в обществах Индокитая до начала XVII в. К судебным тяжбам, которые решались путем ордалий, прибегали в случаях нарушений прав «свободных» жителей деревень, присвоения их «свободы» или «свободы» их семей должностными лицами, споров по поводу имущества.

Контроль над трудовыми ресурсами деревень, несмотря на определенное расширение сферы частноправовых отношений, сохраняло государство. По распоряжению двора проводилась военная мобилизация населения южных («правых») околостоличных провинций в случае начала военных действий, а также сбор «гражданских» («левых») жителей в северных околостоличных провинциях для проведения строительных работ.

Система управления государством была подчинена следующим главным целям: извлечению прибавочного продукта в виде налога, выплачивавшегося рисом, и неоплаченного труда земледельческого населения; централизации земель вокруг Аютии; сосредоточению доходов в центре страны и их распределению. Органами управления являлись ведомства *(кромы)*. Всего было шесть главных кромов, важнейшим был кром дворца, следивший за делами столицы; он же ведал делами управления и хозяйством в околостоличном районе — «доме правителя».

Кром калахом управлял южными провинциями и «правой», военнообязанной частью населения. Судя по описаниям португальцев, правитель Аютии имел крупнейшее в Индокитае войско. Был у него и хорошо организованный слоновий корпус, подчиненный крому калахому. В начале XVI в. была сделана попытка обобщить военно-стратегический опыт в военном трактате.

Крому калахому в столице был подчинен *кром сатсади*, ведавший регистрацией прай. Учет (*сак лек*) населения, обязанного работать на государство, был проведен в 1519 г. в околостоличных провинциях — «ядре» государства.

Кром махатай ведал управлением северных провинций, население которых считалось гражданским. Казна, внешняя торговля и внешние сношения государства относились к ведению *крома пракланг*.

Административная система государства была построена исходя из задач обороны от соседних государств, для чего использовалась система крепостей. Наместниками («кормленщиками») в удельных крепостях являлись принцы с высшими титулами, родственники правителя — его дядья, братья, сыновья, племянники.

Центром политической системы государства выступал дворец правителя. Правитель считался воплощением космической силы, противостоящей хаосу. Его власть ритуально представлялась настолько возвышенной, что простое обсуждение вопроса о престолонаследии могло рассматриваться как предательство. Правитель считался главой судебной системы, назначал и смещал должностных лиц, был главнокомандующим в период военных действий. Пышный шиваитский ритуал противопоставлял его обществу.

В соответствии с традиционным, не порвавшим с мифологией восприятием пространства ритуально возвышенными считались дворец правителя и столица как средоточие сакральности сиамского социума. Сакральность и значимость административных единиц убывали по мере удаления от центра. В последнем сосредоточивались важнейшие храмы, сюда вывозились из подчиненных удельных княжеств статуи-хранители земель. В столице отливались статуи Будды из золота — символа нетленности. Правитель как высшее воплощение дхармы ассоциировался с вещами, которые должны были ему сопутствовать. Символами его сакральной власти и силы государства служили белые слоны: увеличение их числа символизировало возрастание государственной мощи.

Владетели уделов, «кормившиеся» с них (*кын мыанг*), имели равные с правителем права на ношение регалий власти. В казну они направляли часть (до 10%) фиксированных поборов с населения, но право на кормление рассматривали как наследственное. Правители уделов (*чао мыанг*) имели отряды из рабов, боевых слонов. С этой силой они и выступали во время военных действий, выполняя приказы правителя Аютии. Их роль в военной системе была вспомогательной.

«Кормленщики» были связаны с центром не поземельной зависимостью, а родством и патронажными отношениями, чао мыангов зависели от столицы, магического и религиозного центра государства, как младшие от старших в иерархии родства, закреплявшейся браками. Столица доминировала над «уделами» не только как религиозный, административный, но и военный центр. Главные военные функции выполняли столичные кромы (*ван на* и *ван ланг*): возглавлявшие их принцы командовали авангардной и арьергардной частями войск Аютии. Основные войска возглавлял правитель.

В такой социальной системе духовная элита и военно-административная бюрократия и составляли «класс», находившийся между дворцом и народом (прай). Основная масса трудовых ресурсов и главные источники доходов государства были под контролем глав шести столичных кромов и чао мыангов. Общая численность должностных лиц в средневековой Аютии не превышала одной десятой процента от общей численности населения, т.е. не более 2 тыс. человек. Все они имели ранги

(*сактина**) выше 400 и получали от правителя денежную плату (*быават*). Высшие сановники могли рассчитывать на 4 тыс. тикалей, низшие — на 80. Некоторые должностные лица получали землю, но в качестве исключения, а не правила. Все обладатели должностей освобождались от выполнения безвозмездных работ на государство, а их поля — от налогообложения. Представитель государственной бюрократии жил в городе, присваивая установленную по сактина долю трудовых ресурсов и централизованных доходов государства. Среди элиты, не имевшей фиксированных земельных держаний, постоянно шла борьба за более высокие посты в системе патронажных отношений.

Четкой социальной грани между бюрократией и прай не было: верхи общин, крестьянские по своему положению (они имели ранг по сактина 20—350), были связаны родством с нижним слоем бюрократии. Путь в нее открывало буддийское образование, прививавшее почтение к государственной карьере, которая обеспечивалась, по представлениям того времени, только лицам высоких духовных качеств. Накопление богатства само по себе осуждалось, но оно подлежало обмену на высшую духовную ценность через дарение буддийскому монастырю (*вату*).

Представители деревенской администрации, получив ранг сактина 400, могли считать себя членами элиты. Совершив обряд подношения цветов и свечей правителю, они становились *куннаг* — знатными лицами, имеющими право на быават, освобождение без выкупа от выполнения государственных работ. Различные инсигнии (*крыангйот*) использовались как показатели ранга.

Социальная мобильность, несмотря на отсутствие закрепленных законом сословных перегородок, не была высокой в «спокойные» времена, но резко возрастала в конфликтной ситуации. А конфликтной в истории Аютии была вся вторая половина XVI в.

Социально-политическая система ранней Аютии для нормального функционирования требовала более или менее регулярного притока ресурсов извне. К середине XVI в. государством, не подпавшим под власть Аютии, оставался Чиенгмай в верховьях р. Менам и зависимые от него северные мыанги. Средневековый роман в стихах «Кун Чон Кун Пэн», рисующий картины жизни времен Рама Тибоди II, сохранил рассказ о наборе в войска для похода на север. Кун Пэн получил приказ (*чакр*) от правителя набрать войско для похода на Чиенгмай. Он требует: «Привести людей (прай) силой либо заставить хозяев (най) занять место зависимых от них людей, если последние скрылись. Забирайте деньги вместо службы у тех, кто болен, собирайте слонов и коней, распределяйте пушки и каменные ядра, все необходимое для военных действий». Аналогично набиралось войско и в Чиенгмае: «Должностные лица собирали мужчин или приводили жен и детей тех, кого не могли найти. Дабы принудить людей идти на службу, их били и бранили».

Военные действия Аютии против Чиенгмая, начатые в 1545 г. при правителе Прачае (1534—1546), поддержанные португальскими торгов-

* См.: История Востока. Т. II, с. 585—587.

цами, не увенчались успехом. В столице Сиама началась борьба за власть клана (*рачакун*) жены правителя с правившим кланом. В конечном итоге дворец занял брат Прачая — Маха Чакрапат (1549—1569), последний в династии, правившей в Аютии с 1350 г.

С притязаниями на материальные ресурсы Индокитая, на районы, откуда поступала экспортная продукция, и их захват с помощью военной силы выступило бирманское государство Таунгу. В 1549 г. войска бирманского правителя, перейдя западные горы через перевал Трех Пагод, спустились в долину р. Менам и подошли к Аютии. Судьбу последней решала битва на слонах правителей Бирмы и Сиама. Маха Чакрапата в битве поддерживали его жена Пра Сурийотай, переодетая в мужской костюм упарата, дочь и два его сына. Поединок был неудачен для сиамской стороны: Пра Сурийотай была убита на своем боевом слоне наместником Прома, погибла и дочь. Правитель с войском укрылся за крепостным валом в Аютии. Положение спас наместник Сукотаи, Питсанулока и Кампенгпета, подошедший с войском на выручку Аютии. Бирманское войско отступило и направилось в Кампенгпет, где его настигло войско, набранное в Питсанулоке. Но командовавший им Пра Маха Дхармарача попал в засаду и был взят в плен бирманцами. За выкуп (правителю Таунгу были переданы два прославившихся боевых слона) Дхармарача был освобожден.

Военное столкновение с бирманским государством показало господствующему классу Аютии силу нового соперника. Для укрепления обороноспособности были приняты такие меры, как тщательно проводимый учет мужского населения не только в окрестностях столицы, но и дальше на север — до Чайната и на юг — до Чонбури и Петбури. За набор войск отвечала местная администрация во главе с наместниками. Трудоспособное население было собрано по приказу правителя в Аютии, окружавший ее земляной вал заменила стена из кирпича, был сооружен ров, защищавший столицу с севера. Крепостные валы других укрепленных пунктов (в Супанбури, Лопбури, Накхоннайоке) были срыты, усилен речной флот, построены суда новых образцов. Увеличилось число слонов, обслуживавших транспортные нужды войска. Правители северных и южных государств, сохранявших независимость от Аютии, передали Маха Чакрапату белых слонов — знак вассальной зависимости. В стойлах Аютии оказалось семь белых слонов, символизировавших политическую силу государства.

В 1563 г. правитель Таунгу Байиннаун, в 1556 г. поставивший под свою власть Чиенгмай, потребовал от Аютии в знак признания его политической значимости передать двух белых слонов. Отказ Маха Чакрапата от выдачи белых слонов бирманскому князю послужил сигналом к началу военных действий. Бирманские войска на этот раз шли через Кампенгпет, в их составе было 400 португальских наемников. Наемники-португальцы состояли и в войске Аютии.

Постепенно северные мыанги, где правили наместники Аютии, признали сувереном Байиннауна и повернули войска против Аютии. Войска бирманской коалиции вновь оказались под стенами столицы Сиама.

Байиннаун на правах победителя потребовал уже четырех белых слонов, выплаты дани в размере 30 слонов и 300 *катти* (около 180 кг) серебра, передачи права на сбор пошлин в западном порту государства — Мергуи. Правитель Аютии Чакрапат согласился на эти требования. Под властью Аютии остались Лигор (Накхонсритхаммарат) на юге и Накхонратчасима — на востоке. Войска Байиннауна отошли от стен Аютии.

Правящая элита Аютии, несмотря на поражение, нашла средства для дальнейшего укрепления обороноспособности столицы. В крепостной стене были пробиты бойницы, а в них помещены пушки разного калибра. Строились новые крепости, также вооруженные пушками; по берегам р. Менам возводились форты. Предпринимались и дипломатические усилия (поиск союзников против Таунгу среди лаосских государств), а также военные действия против Питсанулока, где правил зять Маха Чакрапата, перешедший под сюзеренитет Байиннауна.

Активность Аютии вызвала подозрения в Таунгу. В ноябре 1568 г. бирманские войска были отправлены к стенам Аютии. Столица Сиама активно оборонялась, но ситуацию усложнила смерть правителя Маха Чакрапата. Его преемник, Пра Махин, не сумел удержать под контролем враждующие группы столичной знати. После девяти месяцев обороны Аютия была сдана. Это произошло 30 августа 1569 г. В Бирму были уведены молодые и сильные жители столицы и ее окрестностей, семья правителя и он сам, многие из столичной знати. Туда же была переправлена государственная казна Сиама. Укрепления Аютии были уничтожены, а сама она превращена в «удел». Править в ней стал зять Чакрапата — Пра Маха Дхармарача. Аютия на 15 лет попала в зависимость от бирманского государства. Заложником в Таунгу был направлен сын Дхармарачи принц Наресуан. По красноречивой оценке португальца Мендеша Пинто, падение Аютии было событием первостепенной важности для Азии того периода, ибо это было самое большое государство между Индией и Китаем.

Бирманское завоевание разрушило архаичную государственную систему Аютии, основанную на концентрации религиозной и политической власти, материальных и человеческих ресурсов в одном центре, и тем самым сыграло в какой-то мере позитивную роль, освободив провинции от гнета со стороны центра. Молодое бирманское государство не могло, конечно, удержать все завоеванные территории. Оно предоставляло им широкую автономию. В Аютии правил Маха Дхармарача, выходец из правящей семьи Сукотаи. В 1571 г. в Питсанулок из Таунгу был направлен «кормленщиком» его сын Наресуан, сумевший создать на основе общинных отрядов самообороны конные боевые отряды молодежи, получившие название «дикие тигры».

В условиях децентрализации усилились административные и экономические позиции местной наследственной администрации с титулом *кун*. Эти социальные силы и возглавили борьбу за восстановление независимости Сиамского государства. Поддержал эту борьбу и торговый капитал в Аютии.

* * *

В 1584 г. принц Наресуан (Пра Нарет) в Питсанулоке провозгласил независимость Сиамского государства от Таунгу. Ему удалось собрать и вернуть в Сиам уведенные бирманцами в полон сиамские семьи. С ними в Аютию пришли семьи монов, поселенные Наресуаном в Аютии. На севере, около Питсанулока, были расселены шаны, бежавшие из Бирмы.

В 1590 г., после смерти отца, Наресуан стал правителем в Аютии: сплотив вокруг себя искусных военачальников, он сумел отбить последовавшие атаки бирманского соседа. В 1593 г. под власть Аютии были возвращены западные порты Тенассерим и Мергуи. Правление Аютии было восстановлено и в северных мыангах. В 1594 г. Сиам вышел к берегам р. Меконг. Из западных областей Камбоджи были выведены военнопленные кхмерские семьи, поселенные в северных мыангах, подвластных Сиаму. В 1599 г. вассалом Аютии стал Чиенгмай. Наресуан скончался в 1605 г., в это время Сиам вдвое превосходил те пределы, в которых он существовал до бирманского завоевания. Тридцать лет провел в военных походах Наресуан — отважный воин и выдающийся государственный деятель, и скончался он, как воин, во время похода против бирманского государства Авы.

Его преемник и брат Экатотсарат (1605—1620) прервал поход против Авы. Перед правящими кругами Аютии встала более важная задача — упрочение политического господства на территории, включившей в свой состав монское государство Пегу на западе, лаосский Чиенгмай — на севере, Камбоджу, где правил вассальный от Аютии правитель, — на востоке. В пределах этой территории происходила политическая консолидация отдельных областей как основы будущих государств.

В первой трети XVII в. — в правление Наресуана, Экатотсарата и Сонгтама (1620—1628) — изменилось соотношение групп в составе господствующего класса Аютии. Укрепили свои социально-экономические позиции старосты и старейшины деревень, представители главных генеалогических линий в населении последних — кун. Административные посты оставались в таких линиджах столетиями: как представители деревенской администрации кун были ответственны за мобилизацию населения на государственные работы и в войско. В периоды смут кун скрывали точные данные о числе земледельцев в подведомственных им общинах, ставили под свой контроль беглые и малоимущие семьи; им же поступали периодические дары от сельского населения. Власть кун в ряде случаев могла выходить за пределы подведомственных им деревень. Возникал новый баланс сил между столичной управленческой элитой и местной администрацией. В первой трети XVII в. социальная группа кун расширила влияние среди бюрократии столицы, введя своих представителей в состав руководителей кромов. Так подготавливались условия для политических перемен — появления новой династии Прасат Тонга.

С начала XVII в. в Аютии поселилось много выходцев из торговых групп азиатских стран. К 1602 г. относится появление в столице Сиама богатого арабского купца — родоначальника знатной семьи Буннак, иг-

равшей заметную роль на сиамской политической сцене вплоть до XIX в.

Порты Мергуи, Тавой на побережье Андаманского моря вновь стали морскими воротами Аютии. «Прибыльная торговля, плодородие и безопасность страны», как отмечал голландский автор, привлекли внимание Голландии, которая в 1604 г. получила от правителя Аютии разрешение на открытие торговой фактории. В правление Экатотсарата в Аютии селились торговые семьи из Японии, а при дворе была сформирована гвардия из японских воинов. Ее глава Ямада был удостоен титула пхрайя. Сёгун Японии через Аютию производил закупки оружия, в том числе пушек, а также пороха, рассчитываясь серебром, становившимся основой денежного обращения в странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Поддерживалась торговля с Китаем и государствами Индии. Ареал внешнеполитических связей Аютии в начале XVII в. настолько расширился, что в 1608 г. было снаряжено первое посольство в Европу; оно прибыло в Гаагу, где его принял штатгальтер принц Мориц Оранский.

В интересах столичных торгово-предпринимательских групп при Сонгтаме государственные трудовые повинности стали заменять денежным выкупом. Был установлен денежный налог на рынки и лавки, введен 10-процентный налог на товары. Но несмотря на развитие торговли, в Сиаме не было богатых торгово-ремесленных городов, которые могли бы проявить заинтересованность в консолидации территории. Эту задачу выполнял элитный слой населения с помощью религии и военной силы.

По наблюдениям европейцев, «бóльшая часть золота расходовалась на храмы и монастыри»: буддийское духовенство выступало посредником между правящей элитой и массой земледельцев. Храмовые и дворцовые ритуалы были направлены на преодоление политических и социальных конфликтов. Строго соблюдались традиционные формы поведения должностных лиц и высших сановников в отношении народа, что было важным принципом социальной регуляции. При Сонгтаме принцы королевской крови впервые получили титул *чао фа* («небесные»), заимствованный в северных землях у шанов. Принцы чао фа — дети правителя и его главной жены — считались основными претендентами на трон; это стало важным установлением в системе передачи власти: принцип передачи власти по старшинству заменялся принципом ее передачи по нисходящей линии. Заметнее стала тенденция рассматривать должность в административном аппарате как личное право, а не как безличную функцию временного профессионального обязательства. В этом же направлении ориентировал индивида буддизм, фокусируя внимание на индивидуальной ответственности, а не на социальной солидарности.

В начале XVII в., в результате численного разрастания зависимого земледельческого населения под патронатом отдельных групп знати, усилилось стремление этих групп к автономии. В столице *пракалахом*, например, по словам голландского автора, имел к своим услугам свыше двух тысяч «рабов», двести слонов, прекрасных коней. Большими богатствами владел *пракланг*. Двор Аютии в этот период поражал иноземцев

«великолепием, поскольку было много сеньоров, носивших богатые одежды с украшениями из драгоценных камней; их обычно сопровождала сотня, а то и две сотни рабов и значительное число слонов». Возникшая децентрализация ресурсов лишала государство значительной части ренты-налога и подрывала его военную силу.

Как уже говорилось, в 1628 г. к власти пришла новая династия. Ее основателем стал Прасат Тонг (1628—1656).

Крупнейшие чао, как, например, чао мыанга Кампенгпет, известный тем, что «мог содержать более двухсот слонов, свыше двух тысяч рабов и большое число коней», были физически уничтожены новым правителем. Их сменили наместники — *пу ран*, направлявшиеся в мыанги сроком на три года, главнейшей обязанностью которых стало поддержание численности прай луанг, недопущение их захвата местными землевладельцами. Были конфискованы и богатства пракланга (этот пост занимал представитель мусульманской торговой общины). В бюрократический аппарат управления включали новых людей, отличившихся на военной службе или на административном поприще. Центральная власть обеспечивала должностному лицу постой по месту службы, предоставляла знаки отличия, транспортные средства, крестьян прай сом, рабов и немного пахотной земли, которую должностные лица были обязаны обрабатывать с помощью рабов. Многочисленные мелкие должностные лица кормились поборами с населения. В 1632 г. правительство Голландии, стремившееся упрочить свои торговые позиции в Сиаме, в послании приветствовало вступление на трон Прасат Тонга. «В королевстве Сиам, — отмечал современник событий голландец ван Влит, — произошла большая перемена: ряд знатных вельмож утратили свободу и богатство, а некоторые рабы тем временем стали мандаринами и выдвинулись в число могущественных при дворе».

В период правления Прасат Тонга и его преемника Нарая (1656—1688) сепаратизм наместников не проявлялся: они сохраняли лояльность центральному правительству. Законодательно была установлена норма эксплуатации «подданных», за ее превышение полагались наказания. Господствующий класс упрочил свои права на неоплаченный труд членов деревенских общин и прибавочный продукт. В самых отдаленных провинциях государства появились казенные склады, куда свозили рис и ценные продукты, шедшие на внешний рынок. За пополнением этих складов следили должностные лица в ранге *ок луанг*. Укрепленные центры мыангов превратились в места пребывания провинциальной администрации, обеспечивавшей поступление в столицу экспортной продукции и риса. Сложился штат должностных лиц — *муннай*, отвечавших за учет трудоспособного населения; они же хранили налоговые реестры *сак лек*.

Традиционная социально-экономическая структура не была преобразована, она лишь приспосабливалась к новым потребностям — массовым поставкам продукции для внешнего рынка. Торговая деятельность правителей Аютии в XVII в. охватывала как территорию собственной страны, где она осуществлялась через административную структуру, так и

главные торговые центры Азии, где возникли постоянные торговые фактории крома пракланг. Отношения между земледельческим населением и господствующим классом не опосредовались рынком, а базировались на внеэкономическом изъятии неоплаченного труда прай луанг в центральных провинциях и натуральных сборах (в частности, ценными продуктами лесных промыслов) с крестьян прай суэй в отдаленных провинциях страны.

Европейцы отмечали стремление местного населения откупиться от государственных работ. По их сообщениям, в 1688 г. можно было откупиться от работ на государство за 15 бат в год. Однако откуп в условиях преобладания натурального хозяйства, слабого развития рынка и денежной ренты не мог быть распространен. Земледельцы не имели достаточных средств для уплаты выкупа: при займе главе семьи приходилось закладывать свободу ее младших членов. Итогом был рост долговой зависимости и продажи в рабство. В общинах усложнились имущественные отношения; это отразил закон о наследовании 1635 г.: были установлены права ближайших родственников, т.е. членов малой семьи, на имущество усопшего, что отвечало интересам появившегося в общинах зажиточного слоя. В его интересах закон «о рабах» запрещал выкуп должника в период сельскохозяйственных работ. В своем стремлении к установлению монополии на экспорт продукции государство не создавало условий для товаризации крестьянского хозяйства и развития внутренних экономических связей.

Рыночные цены на рис в XVII в. показывали тенденцию к росту, что открывало перед земледельцем возможность наладить торговлю рисом и извлечь для себя пользу из конъюнктуры цен. Но это направление в развитии крестьянского хозяйства проявилось лишь в районе к югу от Аютии, где стало заметно стремление к накоплению сокровищ. По словам европейцев, Бангкок — в начале XVII в. небольшое укрепление южнее Аютии — «„опоясывали“ многочисленные богатые крестьянские хозяйства». Остальные районы страны с 30-х годов XVII в. были подчинены государственной монополии и традиционным формам отчуждения прибавочного продукта через натуральный ренту-налог. Монополия государства на значительную часть прибавочного национального продукта и на изъятие его из деревни отрицательно влияла на развитие сельского хозяйства. Полученные в результате реализации части этого продукта на внешнем рынке денежные средства накапливались у столичной элиты, представителей служилой иерархии, иноземных торговцев.

Под сильным давлением внешнего рынка оказалось текстильное ремесло: по приказу казны население было обязано регулярно покупать импортные ткани, пополняя таким образом доходы государства. Домашняя промышленность землевладельцев занимала доминирующее положение. Рынка орудий труда не сложилось. Ремесло в городах было делом по преимуществу представителей несвободных социальных групп. В подобных условиях не могли возникнуть организации ремесленников, которые ограждали бы городское ремесло от домогательств должностных лиц. В Сиаме XVII в. не наблюдалось ни заметного развития частного

предпринимательства, ни вложений богатыми ремесленниками средств в мастерские.

Городское ремесло обслуживало нужды государства и двора. Двор пытался с начала XVII в. внедрить в местную примитивную мануфактуру технические достижения Запада (например, были предприняты попытки модернизации сиамского флота с помощью местных ремесленников, обучавшихся мастерству либо в Голландии, либо у английских мастеров в самом Сиаме).

Существенную функцию города составляла торговля. Однако наиболее зажиточные торговцы, владевшие значительными капиталами, были иноземцами. Внешняя торговля обеспечивала приток в страну серебра — основного средства платежа в странах Юго-Восточной Азии. В XVII в. наблюдался некоторый рост городского населения, а также увеличение налоговых поступлений в казну от торговли.

Столица государства Аютия оставалась местом притяжения политически господствовавших социальных слоев, центром накопления финансовых средств: именно сюда стекались суммы, поступавшие в счет ренты-налога.

Политическая власть и социальное господство в столице и провинциальных городских центрах находились в руках светской элиты и бюрократии. Большую роль играло буддийское духовенство. По свидетельству европейцев, в 80-х годах XVII в. в Аютии в пределах городской стены жители занимали одну шестую часть территории, остальная часть была занята буддийскими храмами. Окружавшие Аютию острова поделили общины иноземного купечества.

Деревенские общины не являлись объединениями парцеллярных собственников земли; продолжали действовать вертикальные социальные связи, условия для появления патриархальной семьи еще не сложились. Глава тайской земледельческой семьи был связан традиционными нормами: дом, земля под ним и рисовое поле переходили в семье к младшей дочери. У сыновей не было интереса к расширению хозяйства отца, поскольку сами они переселялись в матрилинейные семьи своих жен, где долго оставались на положении младших членов семьи, «чужаков». Нарушение этого порядка отмечено лишь в южных районах страны; главные земледельческие области вокруг столицы оставались мало затронутыми этим процессом. Социальное положение общинной верхушки зависело не от землевладения, а от степени связи с государственной бюрократией.

Буддизмом была разработана этатистская идеология, прививавшая подданным уважительное отношение к государственной службе, которая считалась особо престижной. Согласно концепции буддийского государства, последнее выступало воплощением идеи общинной справедливости, а его глава — *чакравартин*, отец народа, радеющий о всеобщем благе, воплощал собой Будду, устроителя мира, поддерживавшего незыблемый социальный и космический порядок. Народные чаяния справедливости были включены в официальную этатистскую идеологию буддизма в виде мифа о приходе Будды Арья Майтреи, который в конце концов создаст совершенный вариант сакральной монархии.

В XVII в. французами была предпринята безуспешная попытка обращения правителя в христианство, что, по их расчетам, привело бы к христианизации всего населения страны и возможному политическому подчинению ее Франции. Задача подчинения Сиама французскому королю и католической церкви была возложена на иезуита Ташара, прибывшего в Сиам ко двору правителя Нарая в 1685 г. в составе посольства де Шомона.

В 1687 г. в Сиам из Франции прибыло новое посольство, во главе с Ла Лубером, заключившее договор о торговле и торговых привилегиях. В 1688 г. Франция направила в Сиам военную экспедицию, которая должна была помочь осуществлению планов по захвату стратегических и торговых позиций в этой стране. Ряд военных и административных должностей в Сиаме был уже занят представителями ордена иезуитов, прибывшими из Франции. Французы фактически распоряжались в форте Бангкок и в порту Мергуи. Однако Франции не удалось создать в Сиаме свои форпосты: народное восстание в ноябре 1688 г. привело к свержению правителя Нарая и бегству французов.

Восстанием руководил командир отряда боевых слонов Петрача, его поддерживал глава буддийской общины, призвавший защищать буддизм. Широкие слои народа, привлеченные обещанием снижения тягот и повинностей, поддержали антифранцузское движение в столице и других городах. В ходе победоносного восстания правителем стал Петрача (1689—1703). Страна была «закрыта» для торговли с европейскими державами.

Глава 12

МАЛАЙЯ В XVI—XVII вв.

Начиная с 1511 г., после разгрома Малаккского султаната португальцами, на историю Малайи значительное влияние стала оказывать европейская колониальная экспансия в Нусантаре, т.е. на Малайском архипелаге и Малаккском полуострове.

Малакка превратилась в одну из опорных баз португальской колониальной империи на Востоке. Сильно укрепленный (особенно с моря), занимавший выгодную стратегическую позицию на холме, город был практически неприступен для местных владетелей. Слабее Малакка была укреплена со стороны суши, но превосходство португальцев в артиллерии позволяло им в течение почти полутора веков успешно отбивать все осады.

Главная ценность Малакки для португальцев состояла в том, что город был важным торговым портом, через который шел поток товаров из Индии на Архипелаг, в Китай и Японию и в обратном направлении, а также одной из основных морских крепостей, поддерживавших португальскую торговую монополию в странах Южных морей.

Португальцы облагали местную торговлю чрезвычайно высокими пошлинами. Это побуждало торговцев в XVI в. избегать Малакку и вести торговлю в портах южной Малайи, северной и восточной Суматры, западной Явы. Португальское управление в Малакке очень скоро обнаружило общие для португальской колониальной администрации недостатки — невероятную коррупцию, нарушение государственной торговой монополии должностными лицами и т.п.

Власть португальцев в Малайе практически ограничивалась Малаккой и ее ближайшими окрестностями. Северные малайские княжества после падения Малакки попали в вассальную зависимость от Сиама. С юга, востока и севера Малакку окружали малайские государства — Джохор, Паханг и Перак, где правили отпрыски малаккской династии, враждебно настроенные в отношении захватчиков. Серьезным противником португальцев стал султанат Джохор, возникший после падения Малакки и игравший главенствующую роль среди малайских княжеств на протяжении XVI—XVIII вв.

В 1521 г. султан Джохора Махмуд-шах перешел на о-в Бинтанг (архипелаг Риау) и построил там новую столицу. На протяжении всей истории Джохора местонахождение столицы постоянно менялось (то на архипелагах Риау и Линга, то на р. Джохор).

Уже при Махмуде власть Джохора признавали княжества полуострова, за исключением северных, находившихся в зависимости от Сиама, острова между Малайей и Суматрой (включая Сингапур) и султанаты восточной Суматры, т.е. султанат Джохор распространял свое влияние на

СУМАТРА И МАЛАККСКИЙ ПОЛУОСТРОВ (1511—1800)

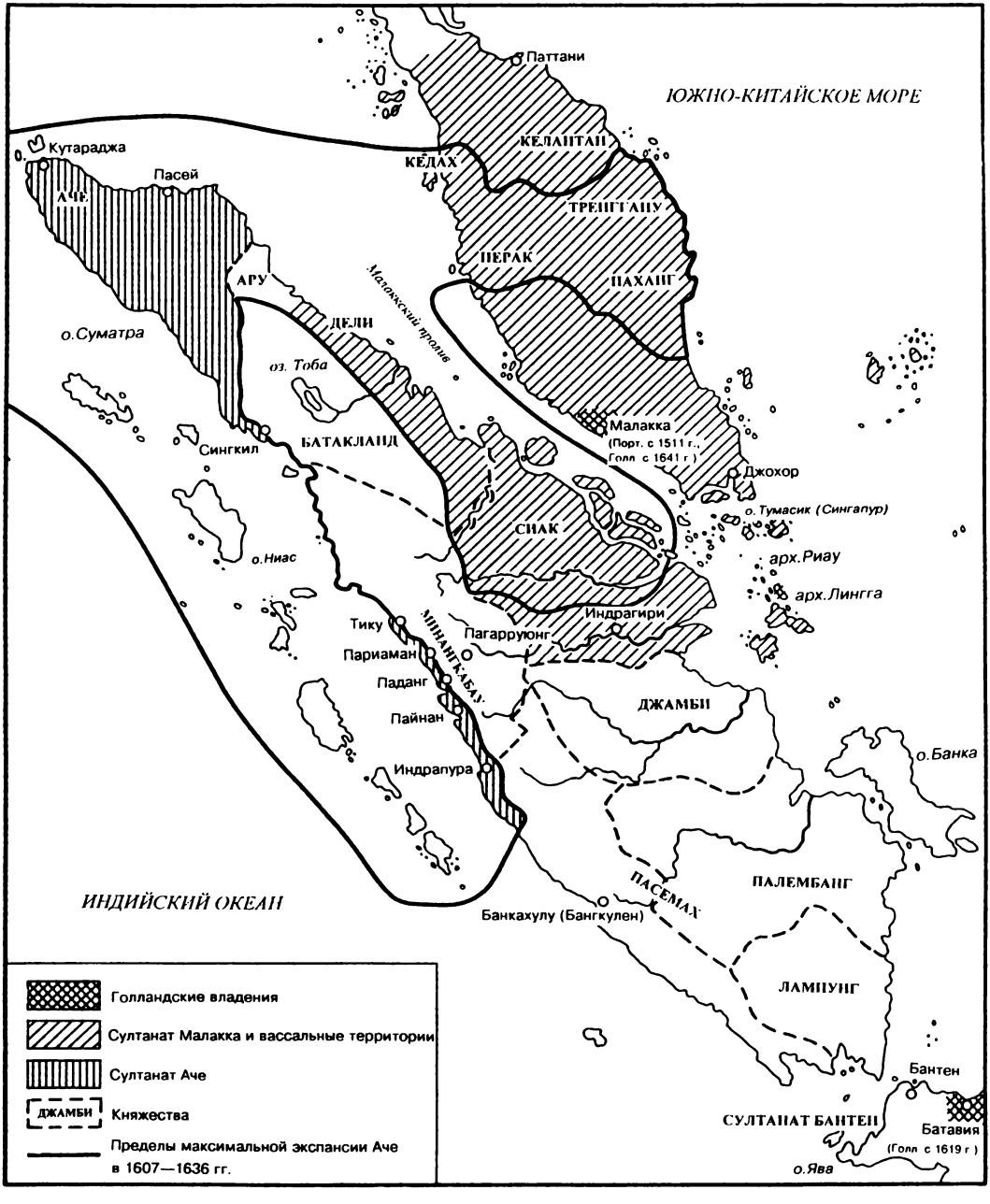


Рис. 9

бóльшую часть территорий, некогда подвластных Малакке. Джохор с самого начала повел ожесточенную борьбу с португальцами. В 1521—1524 гг. португальцы потерпели несколько поражений при попытке захватить Бинтанг, а в 1525 г. Махмуд-шах осадил Малакку. Но в 1526 г. сильный португальский флот напал на Бинтанг и сжег столицу Джохора; султану пришлось бежать на Суматру, где он и умер в 1528 г.

Махмуду наследовал его младший сын, Алауддин Риаят-шах II (1528—1564), в то время как старший, Музаффар-шах, стал султаном Перака, положив начало династии, которая существует в этом султанате по сей день. Алауддин продолжал политику отца и в 1533 г. совершил новое нападение на португальцев. В 1551 г. он атаковал Малакку, объединив силы Джохора, Перака и Паханга, и предпринял попытку взять ее штурмом. Превосходство в вооружении, организации и джохорско-ачехские противоречия помогли португальцам отстоять город.

Важным фактором, влиявшим на положение Малакки и борьбу за торговые пути через проливы, стал северосуматранский султанат Аче, который в короткий срок превратился в один из главных торговых центров на Архипелаге. Стремление к контролю над путем через Малаккский пролив неминуемо привело Аче к столкновению с португальцами и Джохором. В 1537 г. ачехский флот напал на Малакку, а спустя десять лет, в 1547 г., повторил нападение. Ценой огромного напряжения сил португальцы сумели разбить ачехский флот в устье р. Перлис, на севере Малайи.

Вражда Аче и Джохора мешала им объединить свои силы против португальцев. В 1539 г. Джохор и Аче воевали друг с другом из-за восточной Суматры. В 1564 г. ачехская армия сожгла джохорскую столицу Джохор-Ламу, причем султан Алауддин II был увезен в Аче, где его отравили. Когда же в 1568 г. Аче вновь осадил Малакку, Джохор пришел на помощь португальцам. В 1575 г., после новой неудачной осады Малакки, ачехский флот двинулся на север и захватил Перак, султан которого был убит, а его семья увезена в Аче.

Союз Джохора с португальцами был непродолжительным. Жесткая торговая политика колонизаторов продолжала вызывать недовольство Джохора, который, улучшив отношения с Аче, в 1586—1587 гг. снова осаждал Малакку. Малакка была блокирована, и ее связи с внешним миром практически были сведены к нулю. Но подошел португальский флот из Гоа, и адмирал Паолу ди Лима Перейра предпринял в июле 1587 г. экспедицию против Джохора. Столица Джохора была взята штурмом, португальцы захватили огромную добычу.

Таким образом, в течение всего XVI века португальцы в Малакке, отбивая атаки малайских и суматранских государств, ценой огромного напряжения сил удерживали торговую и морскую монополию.

В конце XVI в. в Юго-Восточной Азии появились европейские соперники Португалии и Испании (последняя с 1580 по 1640 г. владела Португалией) — англичане и голландцы. Они устремились в этот район в погоне за пряностями. В борьбе со своими конкурентами они стремились использовать недовольство местных владетелей и населения порту-

гальскими и испанскими колонизаторами, особенно их торговой монополией и религиозной нетерпимостью.

В 1592 г. корабль английской экспедиции под командованием Эдуарда Ланкастера достиг о-ва Пинанг, расположенного у западного побережья Малайи. В 1598 г. другая английская экспедиция, во главе с Вудом, посетила Кедах. В 1595 г. через Малаккский пролив прошла голландская экспедиция Корнелиуса ван Хаутмана.

Хотя основное внимание новых колонизаторов было сосредоточено на Молукках, они действовали и в Малайе, стремясь обосноваться в этом стратегически важном районе. Особую активность проявила в тот период Нидерландская Ост-Индская компания (НОИК). Понимая, что для окончательного вытеснения португальцев и испанцев из Юго-Восточной Азии необходимо уничтожить их опорные базы, голландцы стремились овладеть самой мощной из них — Малаккой. 17 мая 1606 г. адмирал Магелиф заключил договор о союзе с султаном Джохора Алауддин Риаятшахом III (1597—1613), который предоставил голландцам монопольные торговые права в своих владениях; обе стороны обязывались бороться с Малаккой. В 1606 г. союзники осадили Малакку, которая с трудом выдержала эту осаду. Город сильно пострадал от бомбардировки, многие здания были разрушены. В том же году Мателиф нанес жестокое поражение португальскому флоту. Падение Малакки было отсрочено разногласиями между союзниками — голландцами и Джохором: последний в 1610 г. разорвал союз с Нидерландской Ост-Индской компанией.

В начале XVII в. султанат Ачe вступил на путь широкой завоевательной политики, острие которой было направлено против Малакки и Джохора — соперников в борьбе за господство над Малаккским проливом. Султан Искандар Муда (1607—1636), самый могущественный государь в истории Ачe, в 1613 и 1615 гг. дважды разграбил джохорскую столицу. Султан Алауддин III был увезен в Ачe и там казнен. В 1618—1620 гг. Искандар Муда захватил Паханг, Кедах и Перак. Жестокая политика ачехского султана, творившего бесчинства в захваченных малайских княжествах и вывозившего тысячи людей с полуострова в Ачe, где многие умирали от голода и непосильного труда, вызвала ненависть к ачехцам и породила движение за освобождение от ачехского ига.

В 1629 г. Искандар Муда осадил Малакку. Собрав 20-тысячную армию, султан Ачe разбил португальские войска, вынудив их укрыться в крепости. Город подвергся жестокой бомбардировке ачехской артиллерии. Но на помощь португальцам пришли войска Джохора, и ачехцы отступили с тяжелыми потерями. Неудача Искандара под Малаккой позволила Джохору вернуть независимость, а в 40-х годах XVII в. Ачe потерял все свои владения на полуострове.

Вскоре Нидерландская Ост-Индская компания возобновила с Джохором союз, целью которого была ликвидация власти португальцев в Малакке. В июне 1640 г. голландский флот начал бомбардировку Малакки, в конце июля подошло подкрепление из Джохора. Город был плотно блокирован. В Малакке начался голод, свирепствовали эпидемии: к концу осады из 20-тысячного населения уцелело лишь 3 тыс. Наконец

14 января 1641 г. союзники предприняли штурм северной, самой слабой стены города. После ожесточенного боя губернатор ди Соуза Коутиньо сдал крепость.

Взятие Малакки сопровождалось всеобщей резней и грабежом. Почти все здания были разрушены, усадьбы и сады вокруг города уничтожены. От эпидемий погибли тысячи жителей города и окрестностей.

Для голландцев Малакка представляла интерес главным образом с военной точки зрения — как сильная крепость на пути через Малаккский пролив. Форт был восстановлен и даже укреплен, в нем постоянно находился голландский гарнизон. Административно Малакка была подчинена столице Нидерландской Индии — Батавии, откуда назначался губернатор.

При голландцах Малакка утратила значение мирового порта, так как Нидерландская Ост-Индская компания стремилась сосредоточить торговлю между Дальним Востоком, Архипелагом и Индией в Батавии. Малакка же служила крепостью в проливах и центром торговли для полуострова. Главным предметом ввоза в Малакку стали продукты питания из Явы, Сиама, Суматры и Бенгалии и ткани из Индии, а основной статьей экспорта — олово. НОИК, как и португальцы, стремилась монополизировать торговлю, заставляла суда, проходящие через пролив, останавливаться в Малакке и платить высокие пошлины. Методами поддержания монополии стали навязанные малайским султанатам договоры, по которым те обязывались продавать компании олово и перец по низким ценам, а также блокада побережья, сооружение фортов, патрулирование голландских судов в проливе. Подобная политика вызывала сопротивление малайских княжеств и индийского купечества, торговавшего в Малайе, и усиливала стремление использовать другие центры на полуострове для международной торговли.

Голландские колонизаторы наибольший интерес проявили к Пераку и Кедаху, где добывался главный экспортный продукт полуострова — олово. В 40—50-е годы XVII в. они заставили Перак и Кедах заключить ряд соглашений, дававших голландцам монополию на торговлю оловом в этих султанатах.

Помимо султанатов северо-западного побережья голландцы пытались подчинить своему влиянию мелкие минангкабауские княжества, расположенные в окрестностях Малакки. Минангкабау Суматры стали переселяться в этот район в основном в XVI в., поощряемые португальцами, заинтересованными в разработке золотых приисков и получении риса из внутренних областей полуострова. Они заселили старинный торговый путь из Малакки в Паханг и создали несколько мелких владений. Их отношения с португальцами были неодинаковыми на протяжении XVI в., а в XVII в. они открыто враждовали с Малаккой. Стремясь упрочить свои позиции в Малакке, голландцы в 1641 г. заставили бывшего союзника по борьбе с португальцами — минангкабауское княжество Нанинг, расположенное близ Малакки, подписать договор о вассальной зависимости.

1641 год открыл период нового усиления и процветания Джохора. В этом году была ликвидирована власть португальцев, врагов султаната в

Малайе, и умер султан Аче Искандар Тани, после чего влияние Аче в Малайе резко ослабло.

Султан Джохора Абдул-Джалил-шах III (1623—1677) сумел воспользоваться переменами для укрепления своего государства. Он вновь поставил Паханг под контроль Джохора, его вассалами стали архипелаги Риау и Линга и восточная Суматра; с Аче, Джамби и Паттани поддерживались дружественные союзнические отношения. Власть Абдул-Джалил-шаха распространялась даже на минангкабауские княжества Центральной Малайи, т.е. на районы, непосредственно граничащие с Малаккой. Из Паханга, с архипелагов Риау и Линга, из суматранских владений в столицу Джохора Бату-Савар стекались олово, перец, слоновая кость, камфора, копра, ценные породы дерева, которые продавались голландцам, а часто и их торговым конкурентам — гуджаратцам, китайцам, португальцам и англичанам. В Джохор везли ткани из Индии, фарфор, чай, табак и другие товары из Китая. В середине XVII в. он превратился в крупный торговый центр, успешно конкурировавший с Малаккой.

Но процветание Джохора длилось недолго. Соперничество двух дворцовых партий привело к столкновению Джохора с его союзником — суматранским княжеством Джамби. В 1673 г. войска Джамби обрушились на джохорскую столицу Бату-Савар, откуда вывезли 2500 пленников и четыре тонны золота. Абдул-Джалил-шах бежал в Паханг, где через четыре года скончался в девяностолетнем возрасте. Поражение Джохора привело к распаду государства.

Трудностями султаната воспользовались голландцы, которые в 1685 г. начали переговоры с Джохором о предоставлении им торговой монополии. В 1689 г. договор с голландцами был подписан. Он предоставлял последним право беспошлинной торговли в Джохоре и запрещал индийским торговцам селиться во владениях султаната. В 1699 г. закончилась джохорская династия, ведущая начало от султанов Малакки. Ее последний представитель, Махмуд-шах II, был необузданным тираном, что послужило причиной его убийства одним из придворных. На престол Джохора взошел *бендахара* султаната (первый министр), принявший имя Абдул-Джалил-шах IV (1699—1718).

Положение новой династии было крайне неустойчивым. Тирания младшего брата султана, фактически управлявшего страной, вызвала новые волнения и усобицы, которыми воспользовался правитель султаната Сиак на восточной Суматре минангкабау раджа Кечиль, объявивший себя сыном Махмуд-шаха II. Он неожиданно захватил в 1718 г. столицу Джохора и стал султаном.

Глава 13

МАЛАЙСКИЙ АРХИПЕЛАГ В XVI—XVII вв.

В эту эпоху история островной части Юго-Восточной Азии складывается под влиянием двух основных факторов — исламизации общества и вторжения европейских колонизаторов.

Гибель Маджапахита в 1527 г. под напором исламизированных городов побережья северной Явы знаменовала конец исторической эпохи существования «индианизированных» государств на Архипелаге. Но не приходится говорить о разрыве исторической традиции в связи с приходом ислама, проникновение которого совершалось постепенно и не сопровождалось слишком разрушительными потрясениями, а социально-экономическая и, в значительной мере, политическая структура индонезийского, особенно яванского, общества осталась в принципе прежней, хотя отдельные народности отличались и по времени приобщения к мусульманству, и по глубине проникновения ислама в их быт и духовный мир.

Победа ислама в Индонезии, одержанная в XVI — начале XVII в., объясняется целым рядом причин. Переход в ислам означал для жителей Архипелага, связанных с мореплаванием и торговлей, приобщение к влиятельному братству мусульманских торговцев и если и не гарантию полной безопасности на морском пути через Архипелаг, все более контролировавшемся купцами-мусульманами, то по крайней мере ощущение определенной надежности. С политической точки зрения для правителей прибрежных княжеств принятие ислама становилось символом их независимости и самостоятельности. В атмосфере общего для всего региона Юго-Восточной Азии кризиса старой идеологии, основанной на воспринятых из Индии религиозно-философских системах и государственном культе правителя и его обожествляемых предков, ислам, и особенно мусульманский мистицизм — суфизм, содержавший идеи равенства людей, придававший огромное значение духовной стороне жизни, проповедовавший отрицание роскоши, умеренность и простоту во всем, отвергавший необходимость посредников между человеком и богом, зачастую выступавший оппозиционно по отношению к светской власти, стал привлекательным и для широких масс населения. И наконец, распространению ислама способствовало вторжение колонизаторов-христиан на Архипелаг в начале XVI в.: переход в мусульманство князей и населения целых районов островов Малайского архипелага (особенно восточной его части) стал формой протеста и способом организации сопротивления захватчикам.

Пути и методы распространения ислама на Архипелаге были разнообразными. Мусульманские купцы и проповедники, как за много веков до них носители индийской культуры, вступали в браки с дочерьми мест-

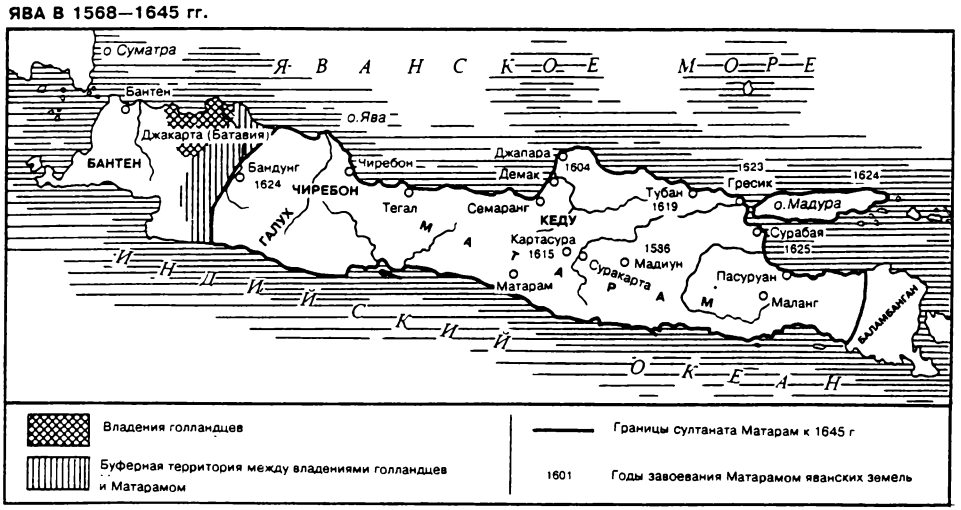


Рис. 10

ной знати, заинтересованной в морской торговле. Местные правители, стремясь укрепить свои позиции в обстановке нестабильности, характерной для этого периода, становились адептами новой религии. Обычно за знатью следовало и население, которое к тому же искало опоры в меняющемся и беспокойном мире. Мощными центрами распространения новой религии стали религиозные школы — *песантрены*, куда к прославленным проповедникам стекались ученики из разных областей. Огромную роль в восприятии ислама индонезийцами сыграл суфизм, в своих архаических первоосновах созвучный местному шаманизму и подвергшийся значительному влиянию индуизма и буддизма, что облегчало ему проникновение в местную среду.

Утверждение ислама на Архипелаге не означало разрыва с местными традициями социального и культурного развития. Постепенно распространявшийся ислам приспосабливался к особенностям индонезийского общества, социально-экономическая и политическая структура которого оставалась принципиально прежней. Даже в собственно идеологической сфере под покровом ислама, как раньше под оболочкой индийских религий, продолжали сохраняться местные верования, понятия и т.д. Особенно это было характерно для аграрного яванского общества, тогда как приморские районы вне Явы, главным образом на Суматре, испытали на себе более стойкое и глубокое воздействие новой религии.

Крупнейшим мусульманским государством *на западе Архипелага* в XVI—XVII вв. стал султанат Аче на северной Суматре. Ролью Аче как антипортугальского центра местной торговли и ориентированностью его правителей на враждебное португальцам мусульманское купечество Индии и других стран объясняется его превращение в оплот ислама на Архипелаге. Географическое положение северной Суматры — близость ее по сравнению с другими районами Индонезии к Индии и Аравии, куда

совершались паломничества и откуда приходили проповедники, — также способствовало успехам ислама в Аче. На протяжении XVI в. Аче настойчиво боролся за гегемонию над Малаккским проливом с португальцами и южномалайским султанатом Джохор, претендовавшим на роль преемника Малаккского султаната. Султан Алауддин Риаят-шах аль-Кахар (1530—1568), незаурядный правитель, создал мощный флот, объединил против португальцев прибрежные княжества восточной Суматры и установил связи с Турцией. Несколько раз он осаждал португальскую Малакку и наносил чувствительные поражения португальскому флоту. Последняя треть XVI в. прошла в бесконечных войнах Аче с португальцами и Джохором.

Период расцвета Аче приходится на первую половину XVII в. Султан Искандар Муда (1607—1636), воспользовавшись падением мощи португальцев, которые в Малакке с трудом отбивали совместный натиск появившихся в этом районе голландцев и Джохора, укрепил власть Аче в княжествах северной Суматры. При нем и его преемнике Искандаре Тани (1636—1641) Аче достиг предела своего могущества. Султанат распространил влияние на западное побережье Суматры, почти до южной оконечности острова, его вассалами были княжества Малаккского полуострова. Ачехские султаны контролировали районы производства перца и добычи олова — основных продуктов, вывозимых из Малайи и Суматры. Аче превратился в значительное торговое государство. Ачехские корабли плавали в Индию и даже к берегам Красного моря, в Аче встречались торговцы из Индии, Персии, Эфиопии, Турции, Китая, Пегу и Аравии, не говоря уже о малайцах и яванцах. Сюда прибывали посольства из Мекки, которых щедро одаривали местные султаны. В дружеских отношениях находился султанат с Турцией и с империей Великих Моголов.

С середины XVII в. начался упадок Аче. Государство, возникшее как конгломерат слабо связанных между собой территорий, сохранявших свою государственность и общественную структуру, не было прочным. Как и все подобные образования, оно своим существованием в значительной мере было обязано благоприятной внешнеполитической обстановке. Как только эта обстановка стала изменяться, начался упадок государства, лишенного внутренних связей.

На *севере Явы* центром мусульманской религиозной активности стали порт Демак и его мечеть. Именно имамы этой мечети возглавили «священную войну» против Маджапахита, в результате которой это государство в 1527 г. прекратило свое существование. Гегемония на Яве перешла к Демаку, и султан Трангана (1504—1546) стал сюзереном многих княжеств, возникших на развалинах Маджапахита в центральной и восточной Яве.

После смерти Трангганы султанат быстро распался. Вторая половина XVI в. на Яве характеризовалась борьбой за гегемонию различных государств, причем по мере распространения ислама в глубь острова основным стержнем этой борьбы стало соперничество между внутренними аграрными государственными образованиями, по сути дела слепками Маджапахита, и портовыми городами-государствами.

На *западе Явы* в конце 20-х годов XVI в. возник мусульманский Бантен (Бантам). В начале XVII в. в Бантене появились голландские и английские торговые фактории, и султанат стал главным центром международной торговли на Яве. Правители (с 1628 г. — султаны) Бантена, поставив под свой контроль всю западную Яву, а также южную Суматру (Лампунг), стали хозяевами Зондского пролива. Торговцы из стран Востока (индийцы, персы, арабы), стремясь обойти Малаккский пролив, где господствовали португальцы, стали плавать вдоль западной Суматры и через Зондский пролив, заходя в Бантен.

Самым известным и сильным княжеством на северном побережье *восточной Явы* была Сурабая, двор которой превратился в конце XVI в. в центр яванской культуры. Западная и восточная Мадура, представлявшие собой отдельные княжества, начали исламизироваться после падения Маджапахита, в первой половине XVI в. К востоку от Сурабаи в XVI в. существовали «индианизированные» княжества, где правили потомки маджапахитской династии. Самым значительным из них был Баламбанган на крайнем востоке Явы.

Эпоха расцвета портовых государств Явы была короткой. Исторически сложившаяся модель «ирригационного» государства, базировавшегося на внутренних районах острова, которая существовала на протяжении столетий, взяла верх над торговыми центрами, подверженными внешним влияниям, населенными смешанным и разноязычным людом, таившими в себе элементы беспокойства и угрозы для устоявшейся традиционной системы отношений и ценностей. Жизнеспособность традиционной модели и ее соответствие особенностям исторического развития, системе социально-политических связей, наконец, культурно-психологическому яванскому стереотипу еще раз проявились в XVI в., когда «ирригационное» яванское общество, восприняв ислам, сумело интегрировать его таким образом, что не утратило своих основных характеристик.

Во второй половине XVI в. во внутренней части *центральной Явы* возник султанат Паджанг. Но плодами начавшегося возрождения центральной Явы воспользовался не сам Паджанг, а один из его вассалов. Покинутый в X в. и превратившийся в захолустное владение, Матарам (теперешний район Джокьякарты) снова выступил объединителем Явы. Яванская история завершила круг, вернув силу и славу тому месту, откуда началась. Согласно традиции, в Матараме в конце 50-х годов XVI в. утвердился Ки Паманахан, который то ли находился на службе у правителя Паджанга, то ли был искателем приключений, действовавшим на свой страх и риск. Он умер в 1584 г., оставив своему сыну, прозванному Сенапати («полководец»), дворец-*кратон* — знак княжеского достоинства и честолюбивые замыслы безродного сильного человека. Сенапати бросил вызов престарелому Адивиджае, султану Паджанга, и разгромил в 1587 г. его армию близ Прамбанана. Правление Сенапати (ум. в 1601 г.) прошло в непрерывных походах и войнах. Его главным соперником была Сурабая, возглавлявшая коалицию восточнояванских княжеств.

Сын и наследник Сенапати, Седа инг Крапьяк (1601—1613), продолжал походы отца. Борьба по-прежнему велась в основном с Сурабаей, в

начале XVII в. превратившейся в многолюдный процветающий город, под властью которого находились многие центры яванского побережья, внутренние области на восточной Яве и территории на южном Калимантане. Правление Крапьяка отмечено строительной активностью в столице Кутагеде и оживлением литературной деятельности при дворе. При Крапьяке матарамский двор, пополнившийся знатью и служилыми людьми из Демака и Паджанга, вернулся к утонченным традициям яванской культуры, а династия постаралась поскорее забыть о своем сомнительном происхождении, положив начало сочинению родословной и легенды о божественном вмешательстве в судьбу Сенапати в типично яванском стиле.

Истинным создателем могучего и объединенного Матарама стал султан Агунг (1613—1645), одна из самых значительных и мрачных фигур в индонезийской истории. В 1620—1625 гг. он развернул наступление на Сурабаю и ее союзников, закончившееся покорением всего побережья, Мадуры и успешной осадой Сурабаи. Агунг объединил под своей властью всю центральную и восточную Яву, включая Баламбанган на крайней восточной оконечности острова, который пал в 1638 г. Матарам при Агунге превратился в сильную державу, зависимость от которой признавали Палембанг и Джамби на Суматре, Сукадана и Банджармасин на Калимантане.

Но именно в правление Агунга на Яве утвердилась сила, которой суждено было стать в последующем важным фактором индонезийской истории, — голландские колонизаторы. Столкнувшись с голландцами уже в первые годы своего правления, Агунг дважды (в 1628 и 1629 гг.) осаждал воздвигнутую ими крепость Батавию. Обе осады окончились неудачей и огромными потерями в матарамской армии, плохо подготовленной к войне с таким противником. Отношения Матарама с Нидерландской Ост-Индской компанией продолжали оставаться напряженными до конца жизни Агунга.

Стремясь укрепить престиж Матарама и династии, Агунг в 1624 г. принял титул *сусухунан* («тот, кому все покоряются»), а в 1641 г. получил из Мекки титул султана. Но величие Матарама, достигнутое при Агунге, содержало семена своего разрушения, ибо возврат к традиционной системе и политике не соответствовал изменившимся условиям. Разрушив города побережья и истребив его население, Агунг, по сути дела, нанес непоправимый удар по яванской торговле и земледелию. В результате войн была нарушена ирригационная система, Ява перестала быть связанной с другими островами, и голландское торговое и морское преобладание никем не оспаривалось. Разгром побережья означал устранение наиболее динамичных элементов местного общества, а сосредоточение внимания на внутренних районах привело к изоляции Матарама и воспроизведению старой модели развития в условиях резкого изменения внешней ситуации.

Целому ряду районов *восточной* части Архипелага, прежде всего Молуккским островам и южному Сулавеси, описываемый период принес нечто качественно новое — ускорение процесса складывания государственности и ее институциализацию.

Главную роль на *северных Молукках* играли султанаты Тидоре и Тернате, расположенные на двух небольших островках у западного побережья о-ва Хальмахеры и отделенные один от другого проливом шириной в несколько километров. Сфера влияния Тидоре распространялась на восток и юго-восток, во владении султаната были центральная и восточная часть Хальмахеры, опорные пункты на новогвинейском (ирианском) побережье, а также восточный Серам. Основой экономики Тидоре была торговля рабами и корой дерева массаи (употреблялась как благовоние и лекарство), вывозимыми с Новой Гвинеи. Самым сильным из северомолуккских государственных образований был султанат Тернате, экономика которого базировалась на производстве гвоздики и торговле ею. В эпоху наивысшего подъема султаната (XVI—XVII вв.) он контролировал все основные центры торговли пряностями, кроме о-вов Банда. Во владения Тернате входили северная и южная часть Хальмахеры, острова между Хальмахерой и Сулавеси, значительная часть Сулавеси (север и восток острова), о-в Буру, о-ва Сула, западный Серам, северная часть Амбона и множество других, менее значительных островов в морях Серам и Молуккском.

Тернате и Тидоре были образованиями прибрежного типа. Владения управлялись местными правителями-вождями, а в ключевых пунктах находились наместники, следившие за действиями вассалов и регулярным поступлением дани. Территория северомолуккских султанатов представляла собой сеть отдельных торговых опорных пунктов, связь между которыми поддерживалась сильным флотом. После создания северомолуккских султанатов в разных местах вдоль торговых путей стали появляться мелкие государственные образования, обычно вассальные по отношению к Тидоре и Тернате. В остальных районах Молуккских островов, где продолжал господствовать первобытнообщинный строй, сохранились родо-племенные верования с некоторым влиянием индуизма.

Торговые пути на Молукки из Западной Индонезии пролегали через южный Калимантан и южный Сулавеси. Исламизация калимантанского побережья происходила благодаря торговым и политическим связям с Малаккой и городами северной Явы. В середине XVI в. ислам принял раджа Банджара, за которым около 1575 г. последовал правитель древнего «индианизированного» государства Кутэй на восточном Калимантане.

Княжества юго-западного Сулавеси в XVI в. стали центрами процветающей морской торговли и активно боролись с португальской монополией. В этих условиях макассарские и бугские раджи, чья власть и богатство зависели в значительной мере от торговли, стали принимать ислам, стремясь найти опору в борьбе с пришельцами. В 1605 г. мусульманином стал раджа Гова, самого могущественного княжества в этом районе. Вслед за тем в начале XVII в. ислам приняли правители Бони, Ваджу, Сопенга и других княжеств.

Старая религия сохранилась лишь на о-ве Бали и частично на Ломбоке, завоеванном балийскими раджами. Резиденцией балийских раджей был Гелгел в юго-восточной части острова. Формально власть раджей Гелгела в XVII в. охватывала Бали, Ломбок, некоторые острова из груп-

пы Малых Зондских, а также Баламбанган на Яве. Фактически же балийское государство состояло из нескольких княжеств во главе с потомками яванской аристократии, лишь номинально признававшими власть Гелгела. Самое большое по размерам княжество — Булеленг — занимало северное побережье. С начала XVI в. Бали развивался изолированно, не испытывая влияния извне. Балийцы не контактировали с мусульманами Явы и оставались вне сферы интересов ранних колонизаторов. Все это способствовало сохранению на острове оригинальной культуры, обычаев, жизненного уклада и определило своеобразие развития балийского общества.

Два типа общественного устройства прочно сохранялись в малайско-индонезийском мире на протяжении доколониального и раннеколониального периодов. Это прежде всего *приморские (военно-феодальные) общества*, генетически выросшие из *нагар* (городов-государств), возникавших на морских путях, которые проходили через Архипелаг. Они развивались преимущественно в малайских (восточных) районах Суматры, на архипелагах Риау и Линга, в Аче, на Калимантане, южном Сулавеси, Молуккских островах. Многие их черты были свойственны и возникшему на западной Яве Бантену.

В приморских обществах четко прослеживается водораздел между знатью и простонародьем. Представляется, что это деление своими истоками уходит в малайско-полинезийскую (австронезийскую) родовую структуру с ее социальными группами «благородных», «свободных» и «зависимых». В основе этой системы отношений лежала военная функция. Связи внутри господствующего класса строились прежде всего как связи военного подчинения. Характерный пример дает общество Аче.

Ачехская знать состояла из двух групп — наследственных вождей (*теуку*) и султанской семьи (*туанку*). Ядро первой группы составляли владетели определенных территорий — *имамы* и *улубаланги*, объединяемые под общим названием «адатной знати». Деревни (*кампонги*) в Аче группировались в территориальные единицы — *мукимы*, главами которых были имамы, ведшие происхождение от религиозных наставников, появившихся в XVII в., в эпоху усиления центральной власти. Но очень скоро имамы стали превращаться в наследственных владельцев мукимов, которые первоначально были объединениями верующих вокруг мечети, а сами мукимы — в территориальные феодальные единицы. Трансформация должности имамов — характерный пример поглощения традиционными формами приморского мира новых институтов, которые утверждались, лишь найдя место в сложившейся структуре.

Верхний слой наследственной знати составляли *улубаланги*, само название которых («военный предводитель») указывает на их происхождение от военных вождей родо-племенных объединений. Улубаланги были владетельными феодалами, обладавшими военной, налоговой, судебной и административной властью в своих областях. Они предводительствовали ополчениями подданных и прежде всего именно в этом качестве воспринимались населением. Судебная, налоговая и административная власть улубалангов была производной от их военной роли.

Господствующий класс стремился не к расширению, не к полному контролю над низовыми социальными ячейками, не к вовлечению их верхушки в систему своей организации, а к обособлению, к замкнутости. В частности, он не насаждал единую для всего общества идеологию. Религиозная жизнь и религиозные организации в прибрежных областях Суматры, Калимантана и в определенной мере северной Явы существовали отдельно от светской власти и в социальном, и в имущественном отношениях. Раздельное существование религиозной организации, связанной с государством, но не поглощенной им, вызвало впоследствии в обществах приморского типа такой феномен, как создание теократического государства в результате народных движений (государство падри у минангкабау в 20—30-х годах XIX в., государство Самана в Аче в 80—90-х годах XIX в.).

Верховная власть в этом приморском типе общества была обособленной и самостоятельной; она представляла собой не вершину, венчающую иерархическую пирамиду, а в известной мере была внешним, основанным на военном подчинении и личной власти элементом. Такой характер верховной власти придавал ей огромную силу и самостоятельность в эпоху расцвета и завоеваний и в то же время служил источником ее слабости, когда рушились или ослабевали государства этого типа. С ослаблением Аче, начавшимся в середине XVII в., султаны из полновластных деспотов, смещавших и утверждавших улубалангов, превратились во владетелей небольшого домена вокруг столицы и стали игрушкой в руках соперничавших феодальных клик.

Социальный статус в этом обществе, как правило, передавался по наследству. Пополнение рядов господствующего класса происходило не столько за счет включения в его состав низших социальных элементов данного общества, сколько за счет элитарных элементов другой этносоциальной структуры. В прибрежном мире обычным явлением, начиная с эпохи образования первых государств, было включение представителей других этносов в господствующий слой. Процесс образования торговых этносов, дополненный миссионерской деятельностью мусульманских проповедников, привел к широкому пополнению рядов господствующего класса за счет притока извне. Малайцы Суматры и Малаккского полуострова основали правящие династии и положили начало феодальным родам в Брунее, на Сулу, Минданао, Молукках. Минангкабау Суматры и буги Сулавеси образовали правящий слой малайских султанатов Негри Сембилан и Селангор.

Для социальной структуры господствующего класса приморского типа характерны определенные черты корпоративизма. Поскольку сословные границы здесь были более жестки, роль наследственной преемственности важнее, то господствующий класс в большой мере осознавал себя и представлялся другим противостоящим подневольной массе. Значительно большую роль играло понятие благородства происхождения и разделение на знатных и простолюдинов.

Особенность структуры крестьянства в этом типе общества — социально-сословная однородность. Ачехская и малайская деревни были

населены полноправными общинниками, которые не делились на разряды. Единственное крупное разделение в эксплуатируемом классе лежало в плоскости «свободные—зависимые». Но зависимые, формировавшиеся из должников и военнопленных, в массе составляли прислугу и окружение в домах знати, и лишь часть из них жила в деревнях, образуя низший слой сельского населения.

Особенности социально-экономического развития приморского общества заключались в следующем. В приморских районах основными занятиями населения стали торговля, рыбная ловля и пиратство, которые лишь дополнялись ладанговым (переложным) земледелием и собирательством. В условиях, когда население было сравнительно немногочисленно и основные доходы правящий класс получал от торговли и связанного с нею пиратства, а также от судебных штрафов, проблемы нехватки земли практически не существовало. При наличии большого количества свободных земель долгое время не возникало необходимости в установлении прав индивидуального землепользования.

Специфическим было положение торговли в этом обществе. Хотя существовали торговцы из простонародья, в общем торговля сосредоточивалась в руках султанов, феодальной знати и примыкавшего к ней богатого иноземного купечества. Несмотря на «торговый» характер приморского общества, его центрами оставались укрепленные кампонги, а возникавшие периодически (и так же периодически исчезавшие) города, вызываемые к жизни в основном внешними обстоятельствами, представляли собой механическое соединение или разрастание тех же кампонгов. Эти эфемерные города — места встречи иностранных купцов, пиратские стоянки — были практически не связаны со своей периферией и не стремились к распространению на нее своего влияния, поскольку их интересы лежали в межостровной и заморской торговле. Население этих городов было мало связано с местными жителями, так как основную массу этого населения составляли пришельцы с разных концов Архипелага, а также из других стран (Индии, Китая, полуостровной Юго-Восточной Азии, Ирана и Аравии). Изменение внешнеполитических и внешнеторговых обстоятельств приводило к исчезновению такого города и отливу его населения в другое место.

На Яве развился и оформился другой вариант средневекового общества, который можно назвать *государственно-патриархальным*. Этот тип устройства сохранялся (несмотря на отдельные модификации) в социально-политических структурах, возникавших на центральной и восточной Яве в XVI—XVII вв.

В государственно-патриархальном типе структурообразующим элементом выступала управленческая функция, но наряду с ней значительную роль играли связи группового (кланового) характера, обусловливавшие относительную (по отношению к государству) самостоятельность феодалов на местах, стойкое сохранение наследственного характера должностей, титулов, владений, особенно в средних и низших звеньях. Социально-политическая организация яванских обществ государственно-патриархальной модели определялась отношениями между центром,

олицетворявшим тенденции централизованного феодально-бюрократического развития, и довольно устойчивыми территориальными единицами во главе с феодальными родами, представители которых формально включались в государственно-административную систему. Хотя попытки создать единую государственно-административную систему, превращавшую всех феодалов в чиновников, предпринимались на протяжении всей истории, общества этого типа сохранили систему своего рода вассальной зависимости владений от центра. В основе системы лежали иерархические отношения центра с самодовлеющими единицами, обеспечивавшиеся прямыми и личными связями между носителями власти в центре и на местах. Структура и формы конкретных проявлений социальных связей основывались на патриархальном господстве. Аппарат управления состоял из лично зависимых от монарха дворцовых служителей, родственников, личных друзей или связанных с ним узами личной присяги и верности (в той или иной форме) феодалов-чиновников на местах (как правило, наследственных).

Сельское население жило в деревенских общинах, которые продолжали оставаться автономными единицами, распоряжаясь землей и обеспечивая самоуправление через старейшин. Основная масса населения состояла из свободных общинников. Государство не стремилось к детальной регламентации статуса эксплуатируемого населения и не вмешивалось в самоуправление общин.

В Матараме, несмотря на некоторую унификацию и упорядоченность административной системы, структурообразующими связями продолжало оставаться сочетание государственного, верховного, имеющего тенденцию к бюрократизации, и патриархального, наследственного, локального, автономного начал. Резиденция султана Матарама именовалась кратоном. К нему прилегали *нагара* (округа), которые вместе с кратоном образовывали столицу государства. Вокруг столицы располагалась *нагара агунг* («большая столица») — область, контролируемая непосредственно центральной администрацией, где имели свои владения родственники султана и высшие сановники. Города на северном побережье Явы, управлявшиеся наместниками (*шахбандарами*), назывались *пасисир*. Главная обязанность наместников заключалась в контроле за торговлей. Основная же территория государства носила название *манчанагара*; здесь сидели *бупати* — обычно наследственные владетели, включенные в систему администрации, но подчинявшиеся непосредственно султану, с которым были связаны узами личной зависимости. Бупати осуществляли свою власть практически без вмешательства со стороны центра. Характерно, что каждое владение (оно же административная единица в манчанагаре) копировало административную систему столицы, так что султанат состоял из соединения единиц, каждая из которых составляла замкнутую и единообразную систему. Объединяющим же началом служила верховная власть, осуществлявшая контроль посредством личного вмешательства.

В Матараме более отчетливо, чем в предшествовавших яванских обществах, прослеживается тенденция к образованию своего рода наслед-

ственной аристократии. Таким слоем, отделенным от остального населения происхождением, воспитанием и занятиями, стало в Матараме и пришедших ему на смену Суракарте и Джокьякарте сословие *прияи*. Это сословие, которое поставляло чиновников и придворных, постепенно выкристаллизовалось в отдельную социокультурную общность со своей системой ценностей. Оно образовало социальную прослойку между правителем и сравнительно немногочисленной группой принцев, с одной стороны, и массой населения — с другой. Простой народ (вне зависимости от имущественного положения) именовался *тиянг алит* или *вонг чилик*. Хотя яванское общество формально было открытым и простолюдин мог, став чиновником или приближенным правителя, подняться до положения прияи, на практике чиновники рекрутировались из уже сложившегося сословия прияи. Подобно дворянам в Европе или самураям в Японии, яванские прияи соблюдали определенный кодекс чести и правила поведения и этикета.

В эпоху Матарама дальнейшее развитие получила система служебных пожалований. Пожалования делились на *лунггух* и *бенгкок*. Суть лунггух состояла том, что султаны передавали право на сбор части ренты-налога и использование крестьянского труда своим чиновникам и придворным (в нагара агунг) и бупати (в манчанагара). Лица, получившие те или иные деревни в лунггух, передавали их своим представителям — *бекелям*. Существовали специальные документы, определявшие условия, на которых бекель собирал налоги в пользу держателя лунггух. В бенгкок («поля жалования») раздавались земельные участки (обычно орошаемые) должностным лицам и родичам правителя. Эти участки обрабатывались трудом крестьян окрестных деревень, и доходы с них целиком шли держателю, а не делились в определенной пропорции между ним и султаном, как при системе лунггух.

В Матараме и других поздних государствах Явы выделились земли, налоги и отработки с которых шли в пользу правителя, назначавшего специальных чиновников для управления ими. Кроме того, существовали так называемые свободные деревни, которые взамен налогов поставляли ко дворам султанов и бупати рис, масло, цветы, бетель и т.д. Султан и держатель лунггух обычно получали половину продукции земли, после того как деревенские власти забирали себе пятую часть урожая. Существовали многочисленные дополнительные поборы и подношения в пользу султана, бупати, бекеля, различных должностных лиц. Трудовая повинность существовала в форме *гавэ деса* («деревенские работы») и *гавэ аджи* («государственные работы»). Она заключалась в строительстве и ремонте дорог, каналов, мостов, работе на полях феодалов, строительстве и ремонте их домов, сопровождении в путешествиях, переноске грузов, участии в военных действиях и т.д.

В Матараме в условиях сокращения пригодного для земледелия земельного фонда государство перешло к более жесткому контролю над общиной *(деса)*. В эпоху Матарама в яванской деревне существовало пять групп, различавшихся своим социальным статусом: общинная верхушка; полноправные общинники с правом на надел общинной земли,

имеющие дом и приусадебный участок; люди, имеющие дом и приусадебный участок и ожидающие включения в число полноправных общинников и соответственно получения общинного надела; люди, жившие в чужой семье. Ясно, что последние две категории относились к социально приниженным группам сельского населения. Но государство непосредственно не определяло и не регламентировало социальный статус населения, влияя на его структуру лишь через систему налогообложения. Как и прежде, заметной частью эксплуатируемого населения продолжали оставаться зависимые, пополнявшиеся за счет военнопленных, должников и преступников.

Балийское общество, в принципе относясь к тому же типу, что и яванское, отличалось от него рядом особенностей. Процесс становления и укрепления государственности, совершавшийся под заметным влиянием Явы, привел на Бали к разделению населения на *хинду-бали*, т.е. тех, кто принял индуизм и власть раджей, и *бали-ага*, жителей горных деревень-общин, сохранявших старые верования и обычаи (хотя последние также видоизменились под воздействием синкретической религии и раннеклассовых порядков хинду-бали). После установления на Бали в середине XIV в. власти Маджапахита и особенно после того, как в XVI в. многие яванские аристократы и священнослужители вместе со своим окружением переселились на Бали, не желая подчиняться мусульманским султанам, оформились основные черты балийского общества. Феодальные отношения развивались в основном в южной, равнинной части острова. Но даже здесь, не говоря уже о большей части Бали, деревенская община сохраняла исключительно важное значение. Хотя на Бали существовала маджапахито-матарамская система кормлений и раздачи служебных наделов, по-видимому, власть феодалов над общиной была более ограниченной, чем на Яве. Социальный строй основывался на общинных коллективах, которые в рамках феодального государства сохраняли свою самостоятельность.

Система общин создавалась как переплетение трех типов организации — *десы, банджара, субака*. Деса, которая, как правило, совпадала с деревней (хотя иногда и она включала в себя несколько деревень или в одной большой деревне было несколько дес), составляла административную, социально-экономическую и религиозную единицу. Ей принадлежали земли деревни, без ее ведома невозможны были отчуждение или передача индивидуальных участков и усадеб. Имелась общественная земля, доходы с которой шли в общинный фонд. Деса выступала как хранительница культа, традиций и обычаев, с которыми были связаны все сельские институты и которые пронизывали всю повседневную жизнь балийца. В отдаленных и горных общинах сохранялась старая система управления — общее собрание глав домохозяйств и совет старейшин. В деревнях, находившихся под влиянием раджей, появился староста.

В состав десы входили территориально-генеалогические единицы — банджары, которые действовали как стабильные группы взаимопомощи и включали в свой состав всех постоянных жителей десы (не только ее уроженцев). На южном Бали банджар имел тенденцию превращаться в

самостоятельную социально-экономическую единицу, а в окраинных и горных районах сохранялся как подразделение десы с ограниченным кругом обязанностей преимущественно ритуального характера.

На базе оросительных систем, занимавших важное место на Бали, возникла еще одна общинная организация — субак, объединявшая лиц, связанных одной ирригационной системой. В *субак* могли входить члены одной десы или банджара, он мог охватывать несколько деревень или их части. При неизбежном имущественном неравенстве субак стремился поддерживать социальное равенство. Основываясь на объединении земель индивидуальных владельцев, субак являлся общинной организацией.

* * *

Вторжение европейских колонизаторов на Архипелаг в огромной степени повлияло на его историю.

В августе 1511 г. португальский губернатор Индии Аффонсу д'Альбукерки штурмом захватил столицу Малаккского султаната — Малакку, которая была превращена в главный опорный пункт португальцев в Нусантаре. Основным объектом колониальной экспансии Португалии на Архипелаге стали Молуккские острова — центр производства пряностей (гвоздики и мускатного ореха), ценившихся в тогдашней Европе на вес золота.

Португальцам на Молукках противостояли испанцы, достигшие Архипелага с востока в 1521 г., во время кругосветной экспедиции Магеллана. В 1526 г. испанцы появились в султанате Тидоре. Португальско-испанское соперничество продолжалось до 1534 г., когда испанцы ушли с Островов Пряностей, оставив португальцев хозяевами положения.

Стремление португальцев монополизировать торговлю пряностями, их хищническая торговля и религиозная нетерпимость вызывали естественный отпор со стороны населения. Центром сопротивления стал султанат Тернате на Молукках. Борьба особенно обострилась после того, как португальцы утвердились на о-ве Амбон, находившемся вне сферы влияния Тернате, построили там крепости, обратили в христианство значительную часть населения и стали использовать новообращенных как свою опору.

В районе Малаккского пролива — важнейшей морской артерии Юго-Восточной Азии — основными противниками колонизаторов являлись помимо южномалайского султаната Джохор, распространявшего власть также на архипелаг Риау и временами на княжества восточного побережья Суматры, североявanское государство Джапара и султанат Аче.

Воздействие португальской колониальной экспансии на Индонезию не было значительным. Несмотря на все усилия, она не смогла серьезно повлиять и на сложившуюся систему торговых связей. Самым заметным результатом португальского пребывания была христианизация населения южного Амбона, ставшего ядром будущей амбонской народности. Основная же масса населения Молуккских островов или сохраняла языческие верования, или переходила в ислам.

С конца XVI — начала XVII в. ведущая роль в колониальной экспансии переходит к наиболее развитым странам Европы — Нидерландам и Англии. С их выходом на арену колониальной политики начинается собственно капиталистическая история колониальной экспансии. Вторжение голландцев и англичан в сферу влияния Португалии на Востоке было ускорено тем, что Португалия после 1580 г. на длительный срок (до 1640 г.) оказалась под властью Испании, с которой Нидерланды и Англия находились в состоянии непрерывной войны.

Основной ареной борьбы стала Юго-Восточная Азия, в особенности же Нусантара. Создавая колониальную империю, Голландия и Англия опирались на свое промышленное, торговое и морское превосходство, на сочувствие местного населения, ненавидевшего португальцев и не сумевшего сразу разобраться в истинных намерениях новых колонизаторов. Главной целью выступивших одновременно голландских и английских торговцев в Азии первоначально были Молуккские острова с их пряностями.

Первыми на Архипелаге появились англичане. В 1580 г. Фрэнсис Дрейк, вернувшись из кругосветного путешествия, привез с собой груз гвоздики, который он приобрел на Тернате. В 1591 г., спустя три года после гибели Великой Армады (1588 г.), лондонские купцы отправили экспедицию на Архипелаг. Несмотря на определенный успех первых экспедиций, англичане в конце XVI в. не смогли установить прочные торговые отношения с государствами Архипелага.

Гораздо успешнее с самого начала действовали голландцы. 5 июня 1596 г. четыре голландских корабля появились у западного побережья Суматры, а 13 июня эскадра бросила якорь в порту Бантен, где голландцев приняли очень гостеприимно, поскольку увидели в них возможных союзников в борьбе с соседними владетелями и торговых конкурентов португальцев. Через несколько недель, однако, эти отношения резко изменились к худшему из-за вызывающего поведения командующего голландской экспедицией Корнелиса ван Хаутмана, грубого и заносчивого человека, за время путешествия показавшего себя и никудышным моряком, и плохим торговцем. Покинув Бантен, голландцы двинулись вдоль северного побережья Явы. Они посетили гавань Сунда Калапу, на месте которой позже возникла Джакарта, имели столкновения с яванским флотом близ Сурабаи, бесчинствовали на мадурском побережье и достигли Бали, где два матроса, прельщенные островом и его обитательницами, дезертировали.

Несмотря на скромные результаты (ван Хаутман привез небольшой груз пряностей), первая экспедиция возбудила огромный интерес в Нидерландах. Амстердамские торговцы немедленно снарядили новый флот, на этот раз из восьми кораблей. Их примеру последовали судовладельцы и богатые купцы других городов, и в 1598 г. из Голландии отбыли пять экспедиций.

Правители и главы общин Молуккских островов, непрестанно боровшиеся с португальцами, благожелательно отнеслись к появлению голландцев, рассчитывая на их помощь. Кроме того, появление новых покупателей привело к повышению цен на пряности.

Но и на первых порах отношения голландцев с местным населением, несмотря на благоприятные обстоятельства, складывались далеко не идиллически. Движимые жаждой наживы, презирающие «туземцев», готовые на любое преступление ради прибылей, голландские моряки и торговцы, в массе своей представлявшие далеко не лучшие элементы своей нации, прибегали к пиратству, грабежам, насилию.

20 марта 1602 г. Генеральные штаты (парламент) Нидерландов утвердили статус Объединенной Ост-Индской компании (ОИК). Компания получила не только право монопольной торговли в пределах от мыса Доброй Надежды до Магелланова пролива, но и право содержать свои войска, объявлять войну, заключать мир, строить крепости, основывать фактории, чеканить монету.

В первой четверти XVII в., когда закладывались основы голландского владычества на Архипелаге, основными районами, где индонезийским государствам пришлось столкнуться с новыми колонизаторами, были Молуккские острова, западная Ява и Суматра.

Наиболее серьезное сопротивление голландским колонизаторам на Молуккских островах в тот период оказали жители архипелага Банда. В 1620 г. его население, доведенное до отчаяния голландскими требованиями о поставке мускатного ореха по предельно низким ценам и подстрекаемое англичанами, восстало. Генерал-губернатор нидерландских владений Я.П.Кун в начале 1621 г. отправился во главе большой эскадры на Банда. В марте голландцы обрушились на о-в Лонтор. Восемьсот пленных было продано в рабство на Яву, вожди племен после пыток были казнены. Такая же участь постигла о-в Рун. Архипелаг Банда обезлюдел. На Сераме экспедиция Куна устроила такую же резню, как и на Банда. В 20-х годах XVII в. ОИК установила почти безраздельный контроль над Молукками (только на Тидоре еще продолжал существовать испанский форт).

В западной части Архипелага, на Суматре, где Компания боролась главным образом за контроль над Малаккским проливом, основным ее соперником выступал султанат Аче. В первой четверти XVII в. почти вся торговля перцем — главным предметом экспорта Суматры — была сосредоточена в руках ачехских султанов. Натолкнувшись на решительное сопротивление Аче, голландцы были вынуждены ограничиться факториями в слабых султанатах восточной Суматры — Джамби и Палембанге.

С точки зрения утверждения голландского владычества на Архипелаге гораздо большее значение имели события, развернувшиеся на западной Яве. Здесь еще в самом начале своей деятельности голландцы создали торговую факторию в Бантене. В 1613 г. ее главой был назначен Ян Питерсзоон Кун, который стал подлинным основателем голландской колониальной империи в Индонезии. Способный, не стеснявшийся в средствах для достижения своих целей, энергичный, дальновидный и жестокий человек, Кун, сделав быструю карьеру в Ост-Индской компании, выдвинул план создания постоянного центра владений на Архипелаге, откуда можно было бы легко контролировать ключевые позиции на Молукках и бороться с торговыми соперниками.

Выбор Куна пал на небольшое княжество Джакарту, владетель которого был вассалом Бантена. Играя на противоречиях между Джакартой и Бантеном, Кун в 1618 г. перевел сюда факторию из Бантена и начал сооружать укрепленный форт. В 1619 г. Кун разгромил бантенцев. Вслед за тем его войска захватили Джакарту и до основания ее разрушили. На месте яванского города стали создаваться мощный форт и голландское поселение вокруг него. Батавия была превращена в административный и торговый центр ОИК на Архипелаге и в других районах Азии.

В первой четверти XVII в. Компания смогла окончательно утвердиться на островах, оттеснив своего главного колониального соперника — Англию. Созданная в 1600 г. Английская Ост-Индская компания вначале была значительно слабее нидерландской. На первых порах обе компании совместно боролись против португальцев. Но уже в 1604 г. между ними начались столкновения из-за торговли пряностями на Молукках. После похода Куна на о-ва Банда в 1621 г. позиции англичан на Архипелаге ослабли. Кульминацией стала «амбонская резня», когда в феврале 1623 г. англичане, служащие фактории на Амбоне, были арестованы голландскими властями по обвинению в заговоре с целью захвата голландского форта Виктория. После пыток и «признания» большинство из них были казнены, и английская фактория на Амбоне перестала существовать. Вслед за тем англичане ушли с Архипелага, оставив голландскую ОИК хозяином положения. И хотя на протяжении XVII в. в разных местах Архипелага спорадически возникали английские фактории, серьезной конкуренции деятельности голландцев они не создавали.

Если в конце XVI — первой четверти XVII в. голландцы лишь закрепились в некоторых районах Архипелага и основные государства островов успешно противостояли натиску колонизаторов, то с конца 20-х годов XVII в. положение начало меняться. Создавшая важные опорные пункты на Яве и Молукках, вытеснившая своих европейских конкурентов, ОИК постепенно стала решающей силой на Архипелаге в военном, политическом и торговом отношении.

В 1635 г. вспыхнула «первая молуккская война», вызванная хищнической политикой голландцев, не разрешавших жителям Амбона и Серама торговать пряностями без участия ОИК. В 1650—1656 гг. произошла «вторая молуккская война», когда антиголландское движение охватило почти всю территорию Молуккских островов. Восстание потопили в крови. Были уничтожены целые племена, погибли десятки тысяч людей, сожжено множество деревень, вырублены все гвоздичные и мускатные деревья везде, кроме Амбонских островов.

В 1641 г. ОИК в союзе с южномалайским султанатом Джохор захватила португальский оплот в Юго-Восточной Азии — Малакку. Морское и торговое преимущество голландцев в ЮВА стало неоспоримым. Голландская политика в Индонезии при генерал-губернаторе Й.Метсюйкере (1653—1678) в наибольшей степени отвечала идеалу правления ОИК: ограничение владений несколькими важными портами, поддержание с помощью флота жесткой торговой монополии и минимальное вмешательство во внутренние дела местных государств. Но объективные зако-

номерности развития колониализма оказались сильнее, чем его субъективная модель: именно при Метсюйкере ОИК начала на Архипелаге территориальные захваты и вмешательство в яванские дела.

Главные усилия голландцев в 50—60-х годах XVII в. оказались сосредоточенными помимо Молукк на Суматре и Сулавеси. Воспользовавшись ослаблением Аче после смерти султана Искандара Тани (1636—1641), ОИК подняла восстание среди вассалов султаната на западной Суматре.

Самым серьезным противником колонизаторов в Индонезии в 50—60-х годах XVII в. оказался султанат Гова (Макассар) на южном Сулавеси. В 1666 г. Метсюйкер направил на Сулавеси экспедицию, во главе которой стоял Корнелис Янсзоон Спеелман, один из главных создателей голландской колониальной империи. Карьера Спеелмана — от простого торговца до адмирала, командующего армией Нидерландской Индии и генерал-губернатора — отразила процесс превращения ОИК из торговой организации в суверена территориальной империи. Умный и образованный человек, знавший несколько восточных языков, храбрый и не жалевший других, абсолютно беспринципный, обогащавшийся за счет покоренных им народов и государств, он позволял своим подчиненным грабить как и что им вздумается. Новая политика ОИК заключалась в переходе к прямому вмешательству во внутренние дела государств Архипелага и широкой территориальной экспансии.

Спеелман повел против Макассара 21 корабль и 600 европейских солдат. Эти силы были существенно пополнены за счет христиан-амбонцев во главе с капитаном Йонкером и бугов из княжества Бони, владетель которого Ару Палакка был изгнан Хасануддином, султаном Макассара. После четырех месяцев ожесточенной борьбы Хасануддин подписал Бонгайский договор (18 ноября 1667 г.), по которому предоставлял голландцам монополию на торговлю, обязывался изгнать всех прочих европейцев из своих владений, выплачивать значительную контрибуцию. Бони, где была восстановлена власть Ару Палакки, стало вассалом ОИК. С падением Макассара торговая монополия ОИК на востоке Архипелага никем более не оспаривалась. Испанцы и англичане были вынуждены ликвидировать свои фактории; португальцы сохранили лишь Восточный Тимор.

В результате «третьей молуккской войны» (1679—1683) голландцы покончили с остатками независимости Тернате, султан которого признал себя подданным ОИК. Компания установила границы владений и других вассалов — Тидоре и Бачана, а также поставила в зависимость княжества Минахасы на северном Сулавеси.

В последней четверти XVII в. ОИК встала на путь прямых территориальных захватов в Нусантаре, не ограничиваясь контролем над морскими путями через Архипелаг и владением несколькими опорными пунктами. Эти действия не планировались заранее в Амстердаме, где находился директорат ОИК, или в Батавии, но сама логика колониальной экспансии подталкивала голландцев к вмешательству во внутренние дела индонезийских государств, что неизбежно вело в тех условиях к территори-

альным захватам. К последней четверти XVII в. ОИК сокрушила три значительных государства Индонезии — Тернате, Аче и Гова (Макассар), но ограничилась установлением торговой монополии, не участвуя непосредственно в эксплуатации крестьянства.

Ситуация изменилась, когда Ост-Индская компания начала агрессию против государств Явы — самого плодородного, населенного и богатого острова Архипелага. Наиболее крупное яванское государство — Матарам — испытывало серьезные трудности. Тяжелые и обременительные завоевательные походы разорили не только население территорий, где велись военные действия, но и крестьянство центральной и восточной Явы, страдавшее от поборов и насильственных мобилизаций. Хищническая политика центрального правительства привела к массовому недовольству крестьянства и торговых слоев городов северного побережья Явы, страдавших от произвола и вымогательств портовых наместников. Проявляло недовольство и мусульманское духовенство. Правитель Матарама сусухунан Амангкурат I (1645—1677) — жестокий самодур, казнивший ближайших родственников и приближенных по первому подозрению или вообще без всякой видимой причины, — сумел восстановить против себя и значительную часть феодалов. Положение в Матараме осложнилось также в связи с появлением на побережье Явы в 70-х годах XVII в. бугов, покинувших Сулавеси после разгрома Гова и установления голландской торговой монополии. Буги во главе со своими феодально-клановыми предводителями рассеялись по Архипелагу и Малаккскому полуострову, занимаясь пиратством и активно участвуя в феодальных усобицах.

Разнородные силы объединились вокруг мадурского *радена* (князя) Трунаджаи, выступившего против сусухунана с лозунгом восстановления империи Маджапахит. К Трунаджае, высадившемуся на северо-восточном побережье Явы, примкнули буги; его поддержали владетели во внутренней части центральной Явы, тесно связанные с религиозными и торговыми кругами Матарама; на его стороне выступило мусульманское духовенство. Но самое главное — под знамена Трунаджаи стекались разоренные и обездоленные яванские крестьяне, встретившие мадурского князя как избавителя, который восстановит «золотой век» Маджапахита и попранную справедливость. Движение Трунаджаи было сложным и неоднородным: в нем прослеживались и антиголландские настроения, и мессианистские мотивы, и борьба светских и религиозных элементов в яванском обществе, и соперничество дворцовых клик, и сепаратистские устремления местных феодалов, и, наконец, честолюбивое стремление создать новые династию и государство.

В 1676 г. Трунаджая разгромил матарамскую армию на северном побережье Явы, а в 1677 г. повел наступление на столичный район Матарама.

В этот момент в матарамские усобицы вмешалась ОИК. В мае 1677 г. Спеелман взял штурмом Сурабаю и подчинил Мадуру власти сусухунана. Но Трунаджая в июне 1677 г. захватил столицу Амангкурата I, который в сопровождении небольшой свиты вместе с наследным принцем бежал на побережье под защиту голландских войск. В деревне Тегалванги, близ побережья, он умер, измученный тяжелой дорогой и угнетаемый непре-

рывным страхом перед преследователями и собственными сыновьями, начавшими делить наследство еще при жизни отца.

Голландцы признали сусухунаном старшего сына покойного — Амангкурата II. 19 октября 1677 г. он подписал договор с ОИК. Последняя признала Амангкурата II сусухунаном Матарама и обещала ему помощь. Взамен Амангкурат II передавал Компании право на сбор налогов и пошлин во всех портах северной Явы, признавал владениями ОИК области к югу и востоку от Батавии (территория бывшего княжества Джакарта и Прианган), так что теперь ОИК получала выход к Индийскому океану, а также предоставлял голландцам различные торговые преимущества.

Смерть Й.Метсюйкера в январе 1678 г. выдвинула на первые роли сторонников широкой экспансии на Яве — нового генерал-губернатора, Рейклофа ван Гунса, и сменившего его в качестве генерального директора по делам торговли К.Спеелмана. В июле 1678 г. голландцы, поддержанные бугами, двинулись на столицу Трунаджаи — Кедири.

25 декабря 1679 г. Трунаджая, с горсткой своих приверженцев скрывавшийся в горных районах восточной Явы, сдался Компании. Доставленный в столицу Матарама — Картасуру, основанную после того, как голландцы возвели Амангкурата II на престол, Трунаджая во время приема был ранен сусухунаном и добит придворными.

В результате Матарам перестал существовать как сильное государство. Компания не только захватила часть его владений, но и поставила под контроль его северный порт и столицу Картасуру, где был размещен голландский гарнизон. С точки зрения внутреннего развития Матарама главным результатом этих событий было ослабление торгово-ремесленных элементов государства. Это привело к укреплению власти титулованной знати, значительная часть которой после восстания Трунаджаи стала ориентироваться на союз с колонизаторами, что явственно обнаружилось в последующий период матарамской истории.

Добившись контроля над Матарамом, ОИК обратилась к бантенским делам. Ставший в 1681 г. генерал-губернатором, Спеелман проявлял особую заинтересованность в установлении голландского владычества в Бантене, где продолжали существовать фактории торговых соперников ОИК — англичан, французов, португальцев и датчан.

17 апреля 1684 г. султан Хаджи, обязанный троном Компании, подписал с последней договор, согласно которому Бантен переходил под покровительство ОИК, султан предоставлял голландцам монополию на торговлю перцем, тканями и опиумом и обязывался изгнать всех иноземцев, кроме голландцев, из своих владений.

Таким образом, к середине 80-х годов XVII в. ОИК сумела подчинить оба яванских государства и существенно расширить свои территориальные владения на острове.

* * *

Ислам принес новые веяния и влияния в культурную жизнь Нусантары и способствовал активизации ряда ее аспектов.

В развитых районах Архипелага в XVI—XVII вв. происходило сближение «высокой», санскритизированной культуры и культуры массовой, чему ислам, несомненно, способствовал. И наконец, на Архипелаге появляются новые центры культуры, хотя ведущая роль по-прежнему остается за Явой. Взаимопроникновение и взаимовлияние культур кратона и народной, возникновение наряду с утонченным двором провинциальных центров и аристократических усадеб, внедрение усложненных форм теологии, расцвет литературы и театра, появление торговых городов и рост ремесел — все это создавало новые явления и в яванской культуре.

Приход и победа ислама на Архипелаге существенно повлияли на Индонезию: возникла культура прибрежных районов, связанных общим языком; сюжеты исламских мифов, персидских и арабских произведений были перенесены на местную почву и вошли в фонд местных литератур; благодаря работам мусульманских богословов и мистиков-суфиев Архипелаг познакомился не только с достижениями мысли мусульманского мира, но и с греческой философией.

На передний план в качестве языка общения выдвинулся малайский, и малайская литература соответственно в XVI—XVII вв. заняла ведущие позиции. Вначале арабописьменная малайская проза была представлена переводными мусульманскими романами. Затем в ее круг были включены произведения, существовавшие до этого в устном виде, особенно малайские рыцарско-приключенческие романы. Значительные произведения были созданы на малайском языке в области теологии и исторической прозы. Центрами малайского языка и литературы были Пасей и Аче на Суматре и Малакка на Малаккском полуострове, хотя малайская культурная традиция существовала и в Палембанге, и на Риау, и в Бруней, и на побережье Калимантана.

В конце XVI — первой половине XVII в. на северной Суматре, издавна бывшей центром распространения ислама на Архипелаге, создается ряд теологических сочинений на малайском языке. Самым крупным из их авторов был Хамза Пансури, живший в Аче в конце XVI — первой половине XVII в. По своим философским взглядам он был приверженцем суфизма крайне монистического толка. Хамза оставил три богословских трактата — описания мистического самосовершенствования и размышления о бытии и свойствах бога, но более всего он известен своими религиозными поэмами, которые оказали заметное влияние на дальнейшее развитие малайской поэзии.

Крупным богословом второй половины XVII в., писавшим на малайском языке, был Абдурауф Сингкельский (1615—1693), до сих пор почитаемый в Аче как святой. Он оставил сочинения по суфизму и мусульманскому праву, в которых сосредоточил внимание на предостережении от крайностей и нетерпимости в вере.

Для малайской литературы с самого начала был характерен интерес к исторической прозе. Малайская историческая проза XVI—XVII вв., несмотря на содержащийся в ней обильный мифологический, легендарный материал, уже лишена магического значения яванских поэм-хроник.

Ислам на Яве подвергся «яванизации». Новые произведения — *сераты*, повествовавшие о мусульманских пророках и святых, и *сулуки*, суфийские поэмы, оказались тесно связанными с местной доисламской традицией. Ислам с его идеей линейного (в отличие от индо-яванского циклического) времени подтолкнул яванскую литературу к рождению местных хроник-*бабадов* и вообще к соотнесению мифологических персонажей и событий с хронологией, т.е. в XVI — начале XVII в. были заложены основы для составления яванского исторического свода.

Распространение ислама с его запретом изображать человека и животных оказало затормаживающее влияние на индонезийскую архитектуру и скульптуру. В первое время (XV—XVI вв.) индонезийские архитектурные формы еще использовались при строительстве мусульманских мечетей, гробниц и минаретов. Так, минарет в Кудусе (начало XVI в.) почти целиком воспроизводит форму восточнояванского *чанди* с той разницей, что наверху находится не глухое многоярусное ступенчатое покрытие, а открытая площадка, над которой на деревянных колоннах покоится легкая пагодообразная крыша. Ворота мусульманского кладбища в Сандангдувуре напоминают вход в храмовых комплексах восточной Явы. С течением времени стиль храмовых построек все больше приближается к стилю традиционной арабской мечети. Скульптура вообще перестала существовать, и в оформлении построек ведущее место занял орнамент, который развивался на базе традиционных индонезийских мотивов.

Глава 14

ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАН В XVI—XVII вв.

В течение XV в. владения могольских ханов в центре Азии постепенно расширялись. Сначала они ограничивались кочевьями Моголистана — от оз. Балхаш на западе до оз. Баркуль на востоке. Позднее влияние и власть Моголов распространились к югу от Тянь-Шаня — на Кашгарию, или Восточный Туркестан. Уже в первой четверти XV в. Моголы контролировали Турфанский оазис в восточной части этой страны.

В начале XVI в. под натиском сильных кочевых соперников (узбеков-шейбанидов, узбеков-казахов) они были вынуждены постепенно оставить свои владения в Моголистане, а также в Фергане. Часть Моголов и их правящей династии нашли прибежище в Кабуле и Индии, основав там государство Великих Моголов, другая — обосновалась в Восточном Туркестане. Западная часть Могольского государства с центром в Яркенде возникла на месте бывшего государства Караханидов (илек-ханов), исламизированного в начале XI в. Восточный могольский удел [Турфан и Чалыш (Карашар)] — это земли бывшего буддийского царства Кочо (X—XIII вв.). Если Моголы приняли ислам в XIV в., то исламизация этого удела завершилась лишь в начале XVI в. Однако в могольской политике историко-культурная разнородность страны сказывалась в рассматриваемый период уже незначительно.

До начала XVI в. оазисы Восточного Туркестана контролировались влиятельными могольскими кланами, например Кашгар — кланом Чурасов, но политически оставались периферией державы Моголов. Могольский эмир Абу Бекр Чурас полновластно правил Кашгаром до того, как центр Могольского ханства переместился в Восточный Туркестан. Этот могущественный соперник ханов с трудом был изгнан последними из своих владений. Затем Могольское государство целиком сосредоточилось на восточнотуркестанской земле, поначалу объединив почти всю эту страну, за исключением Комульского оазиса.

Комул на протяжении всего XV века пребывал в сфере ожесточенного военно-политического соперничества Моголов и ойратских правителей. В домонгольские времена (до XIII в.) самостоятельное Комульское княжество не существовало, город и оазис входили в древнеуйгурское царство Кочо, а сам топоним «Комул» не был известен. В период усобиц между наследниками Чингис-хана и их потомками царство распалось, а в первой половине XIV в. почти одновременно с государством Моголов возникли Турфанское и Комульское княжества. Когда первое перешло под контроль Моголов, второе осталось яблоком раздора между Моголами, ойратами и сравнительно слабым минским Китаем.

Пока ойратское государство было сильнее своих соседей, Комул подчинялся его влиянию. К концу XV в., после гибели Эсена-тайджи и рас-

ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАН В XVI—XVII вв.

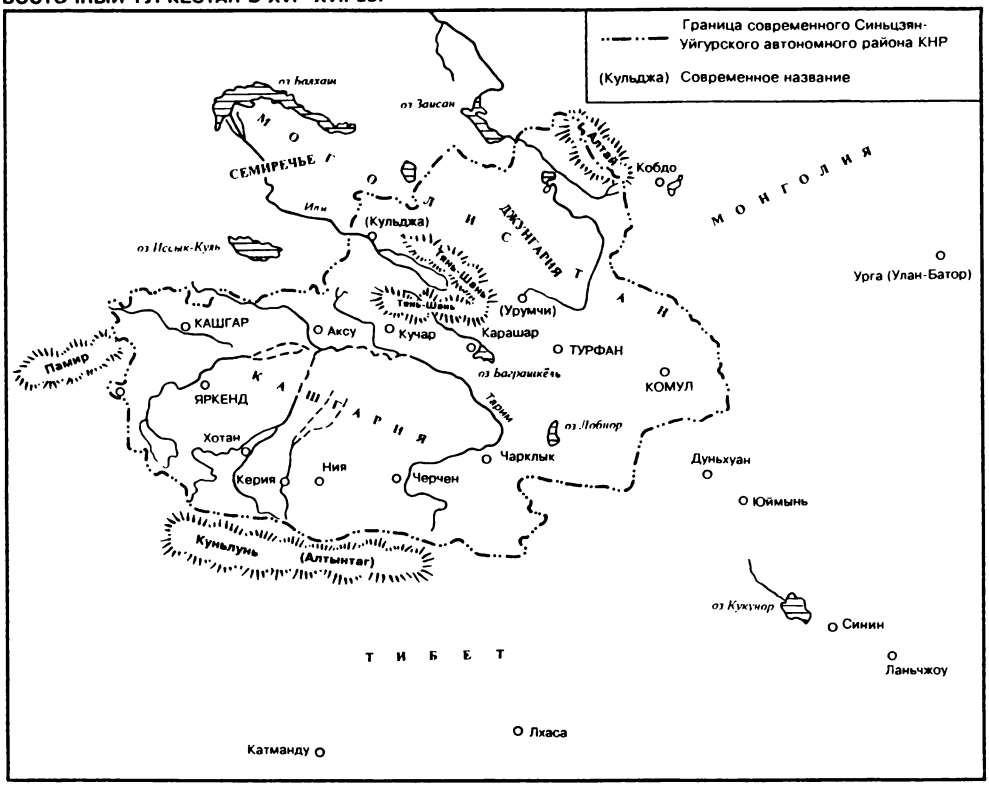


Рис. 11

пада ойратского объединения, Комул все сильнее испытывал давление могольских правителей соседнего Турфана. Лишившись сильных ойратских союзников, комульские князья-буддисты тщетно искали поддержки в лице слабеющей империи Мин. Испытав еще в середине XV в. сокрушительные удары ойратов, она становилась все пассивнее в центре Азии. Под натиском Моголов и союзной им общины комульских мусульман местные князья, как двумя веками ранее последние цари Кочо, все чаще искали убежища на северо-западной окраине Минской империи (ныне — китайская провинция Ганьсу).

Процесс интеграции ханства Моголов в Восточном Туркестане в первой четверти XVI в. повлек за собой и окончательное присоединение Комула к могольским владениям. Через десять лет после смерти могольского Султан Ахмад-хана (1487—1504) его сыновья Мансур и Султан Саид поделили свои восточнотуркестанские владения (1514 г.). Младший брат — Султан Саид стал править западной частью страны с центром в новой могольской столице — Яркенде. Но старшинство в ханском роде сохранил Мансур-хан, удельный правитель Турфана и Чалыша (Карашара), с именем которого чеканилась могольская монета. Мансур не только успешно воевал с ойратами, но и подчинил Комул. Для устраше-

ния властей минского Китая он предпринял ряд нападений на его западную окраину (нынешняя Ганьсу). Его конница проникала в глубь территории Китая, вынуждая местные власти запираться в городах Ганьчжоу и Сучжоу.

Лишившись кочевий Моголистана, Могольское государство укрепилось в Восточном Туркестане. Султан Саид-хан (1514—1533) много усилий затратил на стабилизацию государства и походы против соседей. Он ходил войной в Фергану и Андижан на северо-западе, Бадахшан и Болор на западе, Кашмир и Тибет на юге и юго-востоке, Моголистан на севере и северо-востоке. В итоге границы Могольского государства стабилизировались. Однако вернуть Моголистан не удалось ни ему, ни его потомкам, ни его брату Мансуру, несмотря на его победы над ойратами.

В 1533 г. на обратном пути из успешного, но изнурительного тибетского похода Султан Саид умер. Его наследник Абд ар-Рашид (1533—1560) вступил на ханский престол в Яркенде. Но с первых же дней царствования он столкнулся с сопротивлением своего дяди — турфанского удельного хана Мансура, хотя тому не удалось добиться перевеса над племянником. Новый хан сумел подавить и сопротивление ряда эмиров, собравшихся на юго-востоке страны, в Хотане, а сами они вскоре были изгнаны из страны. Для укрепления власти Абд ар-Рашид вынужден был передать своему сыну — наследнику престола не наследный удел — Кашгар, а пограничные с владениями Мансура оазисы Уш (Уч) и Аксу.

Удел Аксу был вверен наследнику престола потому, что непосредственно граничил и был связан перевалами с Моголистаном, захваченным казахами и киргизами. Часть киргизов еще в XV в. поселилась в могольских владениях, куда их оттеснили ойраты Амасанджи-тайджи, а в 30-е годы XVII в. киргизы осели вокруг Кашгара. Этот последний был поручен четвертому сыну хана — Суфи-султану, а Хотан, прикрывавший столицу с юго-востока, — седьмому сыну, Курейш-султану. Так в Восточном Туркестане XVI в. утвердился территориально-политический дуализм — борьба яркендской и турфанской ветвей Моголов. Обе ветви династии боролись за столицу и центральные уделы, т.е. за ханский престол в Яркенде. Расположенные восточнее Аксу города-оазисы Бай и Кучар ханам то и дело приходилось отбивать у турфанских родственников. Абд ар-Рашид-хану удалось нанести урон новым хозяевам Моголистана — казахам и киргизам, но не вернуть эти земли. Его двадцатисемилетнее царствование по драматизму сходно с периодом правления его отца — основателя яркендского ханства Султан Саида. Во внешней политике Абд ар-Рашид от союза с казахами против узбеков перешел к союзу с последними против казахов. Впрочем, и этот союз с прежде заклятыми врагами моголов не принес победы и не помог вернуть Моголистан.

После смерти Абд ар-Рашида его сын Абд аль-Керим (1560—1591) правил Восточным Туркестаном более тридцати лет. Он, в сущности, отказался от попыток вернуть кочевья Моголистана, и вторая половина XVI в. протекла в Восточном Туркестане довольно мирно. Менее ста-

бильным было положение во владениях Шах-хана, сына Мансура (включавших Турфан, Чалыш и Комул). Шах-хан продолжал воевать с ойратами (калмыками) и погиб в борьбе с ними в 1570 г., тогда как союз с последними заключил его собственный брат-соперник — Мухаммед, который на время сумел закрепиться в Комуле. В свою очередь, против него выступил еще один брат Шах-хана — Суфи-султан. В этой длительной усобице принимали участие также султаны (принцы) Курейш и Худабенде. Некоторое время они правили турфанским уделом, но были вытеснены оттуда Абд аль-Керимом.

Самих по себе усобиц, осложненных соперничеством эмиров и вмешательством внешних сил, для быстрого упадка Могольского ханства было недостаточно. Предпосылки к нарастанию усобиц в Восточном Туркестане имелись и ранее, но в XVI в. их негативное влияние сказывалось меньше. Территориальная разобщенность восточнотуркестанских оазисов никогда в истории страны не была непреодолимой, их извечно связывали караванные пути, общая история и культура. Глубокий кризис политической системы Могольского ханства обозначился с начала XVII в., именно тогда, когда началось резкое усиление политического влияния вождей суфийских группировок *ходжаган*.

Исламский духовный орден накшбандийа-ходжаган появился в Средней Азии в XV в. и лишь в XVII в. распространил свою деятельность на Восточный Туркестан. Основатель ордена Бахаадин Накшбанди Бухараи умер в 1389 г., а в свержении Улугбека важную роль сыграл ходжа Ахрар — основатель движения ходжаган. На Восточный Туркестан впервые пытался распространить деятельность ордена ходжа Махмуд-и Азам (Ахмад Касани), возглавивший орден в 1490 г. Он углубил учение о *тарикате* — мирском служении суфиев ходжаган по обращению в ислам тюрок-язычников. Отрицая традиционное отшельничество суфиев, тарикат, напротив, предусматривал активное вмешательство в политику. Эти интересы привели ходжей в давно уже исламизированный Восточный Туркестан.

Жестокое соперничество двух группировок ходжаган — «белогорцев» (*актаглык*) и «черногорцев» (*каратаглык*), охватившее в XVII в. и Восточный Туркестан, имело длительную историю. Старший из тринадцати сыновей Ахмада Касани (Махмуд-и Азама) — Мухаммед Амин вошел в историю как ходжа Ишан-и Калан (отсюда второе название «белогорцев» — *ишкия*). Его младший брат, Мухаммед Исхак Вали, был его соперником в борьбе за наследие отца (отсюда второе название «черногорцев» — *исхакия*). Влияние ходжей на верующих было таким сильным, что они не стеснялись прибегать к голому насилию и к изощренным интригам. В борьбе за власть и богатство хорошо организованный религиозный орден всеми средствами вербовал простых и, что еще важнее, знатных светских последователей — мюридов. К последним принадлежали и члены могольской династии. Зная силу и влияние ходжей в стране и регионе, ханы предпочитали одаривать их щедрыми земельными пожалованиями и другими наградами. В руках ходжей оказались и ценнейшие ханские копи знаменитого восточнотуркестанского нефрита. Однако

только в XVII в. ходжи стали влиятельнейшими феодалами Восточного Туркестана. Напротив, в XVI в. первая попытка утвердиться в стране закончилась неудачей для самого ходжи Исхака Вали.

Такие сильные ханы, как Абд ар-Рашид или Абд аль-Керим (чья власть была достаточно стабильна, а соперники — слабы), предпочитали союз с более умеренным духовенством местного ордена увейсия. В центре учения этого ордена стоял культ местного кашгарского святого — основателя первого исламского государства в Восточном Туркестане Сатук Богра-хана (Карахана; XI в.). Общей святыней для увейситов и могольских ханов была гробница Карахана в древней караханидской столице — Кашгаре, уделе наследников яркендского престола. Именно влияние ордена увейсия при дворе Абд аль-Керима помешало ходжам проникнуть туда. Но хотя ходжа Исхак и был выслан из страны, ему удалось добиться духовного влияния на далеко уступавшего своему отцу (Абд аль-Кериму) наследника престола — будущего Мухаммед-хана. Тот был назначен ходжой Исхаком ни больше ни меньше как главой (*халифа*) всех мюридов ордена в Восточном Туркестане. Но реальное руководство мюридами и манипулирование властью султана осуществлял умелый и жестокий политик, эмиссар ходжи Исхака Шатур-халифа.

В 1591 г. Абд аль-Керим умер, но лишь через три месяца на престол взошел вернувшийся из узбекского похода его сын Мухаммед-хан. Начало его правления отмечено волнениями среди могольских султанов и внезапным нападением узбеков на могольскую столицу — Яркенд (1594 г.). Нападение удалось отбить с немалым для неприятеля уроном. Для решения «внутреннего» турфанского вопроса новому хану ничего не оставалось, как пожаловать турфанский удел своему младшему дяде — Абд ар-Рахиму. Тот отбил удел у Худабенде-султана. Последний сменил своих прежних, казахских союзников на ойратских, но те его предали и выдали Абд ар-Рахиму, который в это тревожное время княжил в Турфане целых сорок лет (1595—1635).

Уже в начале XVII в., когда царствование Мухаммед-хана подходило к концу, Абд ар-Рахим взбунтовался против своего племянника, но был разбит и потерял Карашар. Сорокалетняя борьба турфанского Абд ар-Рахима за яркендский престол дестабилизировала государство в целом. Участие казахских ханов и султанов в местных усобицах на стороне турфанцев придавало этим усобицам международное значение. Но казахские ханы увязали в собственных раздорах, ради чего сами подчас искали союза с турфанскими Моголами.

В обстановке кризиса ханской власти при Мухаммед-хане реванш за неудачу своего отца ходжи Исхака взял его сын и предводитель «черногорцев» Ходжа Шади (Мухаммед Яхья). Вскоре он приобрел такое политическое влияние, что выступал посредником между ханами и их эмирами, организовывал устранения ханов. Он посредничал в конфликте Абд аль-Латифа (Аппак-хана) с турфанским Абд ар-Рахимом, участвовал в заговоре с целью убийств Шудж ад-Дин Ахмад-хана и Султан Ахмад Пулад-хана. После воцарения своего покровителя Мухаммед-хана «черногорцы» укрепились в окрестностях столицы. Удел же наследников

престола — Кашгар закрепили за собой их собратья-соперники «белогорцы».

Прочность позиций ходжей в могольской политике объясняется не только их полувоенной организацией, политическим опытом и международными связями, но прежде всего глубоким влиянием ордена на ведущих эмиров. Так, заместителем самого Ходжи Шади стал видный представитель клана Чурасов — Мазид-бек (Халифа-бек). Этот эмир назывался так благодаря своему духовному титулу — *халифат аль-хулафа*, престижному для мирянина: от имени ходжи его обладатель мог руководить паствой — мюридами. Мазид-бек сыграл важную роль в убийстве Султан Махмуда (Кылыч-хана). При этом происходило синхронное возвышение клана Чурасов и ходжей-«черногорцев». Мухаммед-хан и его окружение рассчитывали выиграть от противопоставления духовных феодалов светским, но явно ошиблись в расчетах, ибо та и другая группировки объединились.

Мухаммед-хан умер после восемнадцатилетнего царствования в 1610 г. Его сын Шудж ад-Дин Ахмад-хан захватил престол с помощью влиятельных могольских эмиров, а дядей своих — правителей Хотана и Сарыкола — изгнал в Среднюю Азию. В его царствование обострились отношения как внутри яркендского ханства, так и последнего с Турфаном. Турфанский Абд ар-Рахим продолжал воевать со своими яркендскими родственниками. Против Шудж ад-Дин Ахмада выступил и его зять, сын Худабенде-султана. После десятилетнего царствования хан погиб в результате заговора. Младшему его сыну, Абд аль-Латифу (Аппак-хану, 1619—1629), пришлось воевать за престол с узурпатором Курейш-султаном. Аппак-хан совершил ряд успешных походов против казахов и киргизов, но и сам погиб в этой борьбе. Разразилась усобица между его сыновьями — Султан Ахмад-ханом и свергнувшим его Султан Махмуд-ханом. Процарствовав всего три года, Махмуд умер в 1635/36 г. Последующие пять лет яркендским ханством правил Султан Ахмад-хан, пока его не сверг Абдаллах — сын Абд ар-Рахима. Турфанские Моголы боролись с яркендцами не за отделение от единого государства, а за центральную власть. В 1639/40 г. под руководством Абдаллаха они победили в этой борьбе. Он смог свергнуть Султан Махмуда (Кылыч-хана) с помощью не только эмиров, но и ходжей.

В первой трети XVII в. обстановка в Восточном Туркестане весьма осложнилась. После смерти Мухаммед-хана вся западная («яркендская») часть государства вошла в полосу острого кризиса, усобицы не утихали более тридцати лет. В результате практически все яркендские ханы были свергнуты и даже убиты. В начале 40-х годов власть над всей страной захватила турфанская (восточная), т.е. старшая, ветвь династии Моголов в лице Абдаллах-хана, а представители младшей были изгнаны из страны.

Объединение Восточного Туркестана Абдаллахом должно было бы стабилизировать страну, но на деле этого не произошло. Если в течение около ста предшествующих лет западная (яркендская) часть ханства укреплялась, то всего за тридцать лет (после 1609 г.) пришла в полный упадок, после чего перешла под контроль турфанской ветви могольской

династии. Абдаллах-хан сумел продержаться у власти почти тридцать лет не в последнюю очередь благодаря тому, что балансировал между разными группировками местной, иноземной по происхождению знати. Он открыто противопоставлял могольским эмирам киргизских биев, уже в 1631 г. вмешавшихся в яркендские усобицы. Позднее Абдаллах не только воевал с «внешними», тянь-шаньскими киргизами, но и использовал кашгарских киргизов против своих противников и друг против друга. При Абдаллахе наметилось вытеснение могольских эмиров киргизами с командных постов в ханском войске.

Положение в стране обострилось после образования в 1635 г. сильного Джунгарского ханства. Поначалу Абдаллаху удавалось изгонять ойратов, вторгавшихся в Восточный Туркестан на всю глубину его территории. Но они все активнее поддерживали султанов Исмаила, Ибрахима и Йолбарса против Абдаллаха. Непримиримая борьба двух ветвей ордена ходжаган усугубила противоречия хана с его наследниками. Глава «белогорцев» Аппак-ходжа подчинил своему влиянию честолюбивого сына Абдаллаха — Йолбарса. Женившись на тетке наследного принца, ходжа стал родственником правящей династии. В Яркенде Абдаллах-хан и его союзник, «черногорский» ходжа Мухаммед Абдаллах (Ходжам Падишах), усмотрели в поведении наследника престола и главы «белогорцев» опасность для ханской власти. Они вынудили Йолбарса бежать к ойратам. Однако объединенными усилиями ойратов, султанов и ходжей Абдаллаха удалось свергнуть. После двадцати семи лет правления он был изгнан в Индию (1667 г.). Абдаллах оказался последним могольским ханом, который правил долго при относительно стабильной обстановке в стране. После его свержения начался быстрый упадок ханства.

Яркендские ханы все более опасались гегемонии «сильных домов» — кланов могольских эмиров, своей главной политической опоры, костяка своей военно-феодальной администрации. К сильнейшим могольским кланам принадлежали барласы, арлаты, дуглаты, чурасы. Политический вес этих кланов бывал неодинаков. Так, чурасы не всегда принадлежали к родам первой руки. В первой трети XVI в. Султан Саид опирался на род дуглатов, занимавших самые влиятельные посты. После 1533 г. Абд ар-Рашид-хан опирался уже на барласов. Дуглаты лишились преобладающего положения при яркендском дворе, а Мирза Хайдар покинул страну, став правителем Кашмира. Позднее Абд аль-Керим расправился с двумя влиятельнейшими эмирами из барласов.

С начала XVII в. заметно возвышаются чурасы. Более того, постепенно и в столице, и в уделах соперничество двух ветвей яркендских Моголов дополнилось борьбой двух ветвей могущественного клана чурасов. Служа разным удельным правителям (и в яркендской части ханства, и даже в турфанской), чурасы бывали и союзниками, и противниками друг друга. Но они не скрывали, что полнота власти в государстве сосредоточивалась именно в их руках. Уже в 1614 г. Тимур-султан (Зия ад-Дин Ахмад), сын Шудж ад-Дин Ахмад-хана, при первых признаках возвышения чурасов организовал убийство сразу четверых из них. Тем не менее остановить возвышение новых гегемонов не удалось. Именно с помощью

чурасов Абдаллах сверг своих яркендских родственников, но оставаться заложником чурасов он не пожелал.

В XVII в. в борьбе с эмирами «сильных домов» ханы пытались опереться на две альтернативные силы: немогольских кочевников и влиятельных религиозных лидеров — суфийских ходжей. Однако ханам не удалось ни взаимно уравновесить бесконтрольные могольские кланы во главе с чурасами, ни нейтрализовать иноземцев.

К этому времени Восточный Туркестан был поделен на зоны влияния двух ойратских правителей — Сенге и Элдана-тайджи. При поддержке Сенге и ходжи Аппака Йолбарс ненадолго захватил престол, но вскоре был убит в результате заговора «черногорцев» и ойратов во главе с противником Сенге Элданом-тайджи. Те привели в 1670 г. к власти Исмаила — брата свергнутого Абдаллаха, дядю убитого Йолбарса. Исмаил изгнал «белогорцев» во главе с Аппаком, а родовую знать в администрации максимально заменил незнатными служилыми людьми.

Аппак-ходжа, стремясь к безраздельной теократической власти и не смирившись с поражением, прибыл в Тибет, куда был изгнан своими соперниками. Он сумел установить доверительные отношения с буддийскими теократами Тибета, а через них — с новым ойратским ханом, Галданом Бошокту, воцарившимся после убийства Сенге. С его помощью Аппак добился свержения Исмаила, последнего могольского хана, и стал теократическим монархом. Своему сыну он, по примеру ханов, пожаловал кашгарский удел. Наследники турфанского удельного правителя Султан Саид Баба-хана вынуждены были, против собственного желания, помочь ему в захвате яркендского престола. Аппак-ходжа правил в Кашгаре до своей смерти в 1693 г.

Через несколько месяцев его сын и наследник Ходжа Яхья был убит в результате заговора своей мачехи. В стране возобновилось двоевластие: если в Кашгаре власть перешла к «белогорцу» Ахмад-ходже (внуку Аппака), то в Яркенде ненадолго воцарился последний сын комуло-турфанского Баба-хана — Мухаммед Мумин (Акбаш-хан). В Яркенд вернулся из изгнания предводитель «черногорцев» ходжа Даниял. Он и киргизские бии при поддержке ойратов убили Акбаш-хана. Ойратские правители вновь отдали предпочтение восточнотуркестанской теократии — на этот раз «черногорской» в лице Даниял-ходжи. Так, за несколько десятилетий ходжи организованного суфийского духовенства — ордена накшбандийа стали теократическими правителями Восточного Туркестана, вытеснив с политической сцены принявших их под свое покровительство могольских ханов. Могольская династия сошла с исторической сцены, а страна распалась на отдельные владения теократов-ходжей и могольских удельных князей — данников ойратских правителей.

Ходжи и ойратские правители постарались не допустить нового перераспределения власти среди членов ханского рода. Последние сохранили власть лишь в Турфане и вновь выделившемся из этого удела Комульском княжестве. В «белогорцах» ойратские правители усматривали более верных вассалов на яркендском престоле. Комульские и турфанские Моголы также сохраняли верность ойратским сюзеренам, видя в них

определенную гарантию нераспространения теократии на их владения. Ходжи с их теократическими устремлениями невиданно дестабилизировали обстановку в стране. Усиление ходжей углубило во многом необратимую территориальную дезинтеграцию Восточного Туркестана XVII в. По мере того как они вытесняли из политики яркендских Моголов, могольские правители Турфана, где ходжи влиянием не пользовались, стремились отгородиться от неурядиц в западной части страны. В результате процесс интеграции бывших государств Караханидов и Кочо пошел как бы вспять. Одновременно политическая гегемония и в регионе, и внутри Восточного Туркестана перешла к усилившейся Джунгарии. Сами ходжи охотно искали покровительства ойратских правителей и союза с ними.

В итоге к 1683 г. политический статус Восточного Туркестана сильно изменился: самостоятельное и единое Могольское ханство распалось на одно теократическое и два светских государства, подчиненные Джунгарии, хотя Джунгарское ханство само было расколото надвое. Если комульский князь был вассалом Галдана, то Турфан и в значительной мере бывшие яркендские владения подчинялись Цэван Рабдану, сопернику Галдана.

С конца 80-х годов XVII в. у восточных границ бывшего Могольского ханства (прежде всего в Комуле) начало ощущаться растущее влияние цинского Китая. Отношения Моголов с империей Мин заглохли еще столетием ранее. Империя Цин формально восстановила эти отношения в середине XVII в., но столкнулась на своей северо-западной территории (нынешней провинции Ганьсу) с серьезными осложнениями. Там возникло независимое государство дунган (китайских мусульман), а честолюбивый Баба-хан решил было объединить Турфанский удел и Ганьсу под своей властью. Сделать этого он не успел. Позже Турфан и Комул оказались данниками разных ойратских князей-соперников. После поражения Галдана в халхаских войнах и подчинения Халха-Монголии цинскому Китаю комульский князь сменил сюзерена — ойратского Галдана на цинского Канси (1697 г.). Империя Цин обрела первый плацдарм в Восточном Туркестане, на стыке его границ с Джунгарией и Халхой.

Так примерно за девяносто лет XVII в. еще недавно могущественное ханство Моголов стремительно ослабло. Не только младшая, яркендская ветвь Моголов не удержалась на ханском престоле, но и сменившая ее старшая, турфанская также через три десятилетия лишилась наследственной власти. Усиление соседнего Джунгарского ханства не смогло бы сыграть столь фатальную роль, если бы гораздо раньше на политической сцене Восточного Туркестана не появилась прекрасно организованная сила — ходжи. Изощренный политический опыт позволил ходжам в союзе с эмирами расшатать ханскую власть и устранить ее носителей. В свою очередь, ойратские тайджи подчинили себе Восточный Туркестан также с помощью ходжей. Оказавшись с последней четверти XVII в. тесно связанным с Джунгарским ханством, Восточный Туркестан вместе с ним стал объектом борьбы империи Цин за господство в Центральной Азии. Превратившийся из единого могольского ханства в конгломерат мелких владений, Восточный Туркестан уже не смог сыграть в этой борьбе самостоятельную роль.

Глава 15

КИТАЙ В XVI — НАЧАЛЕ XVII в.

После бурных событий, связанных со становлением империи Мин в конце XIV — начале XV в., и потрясений, последовавших за поражением, понесенным от ойратов в середине XV столетия, Китай вступил в сравнительно спокойный период своей политической истории. К началу XVI в. империя Мин по-прежнему выглядела могучим и прочным централизованным государством. Однако именно в начале XVI в. отчетливо проявились негативные последствия тех процессов, которые берут начало еще в период становления империи Мин и подспудно развиваются впоследствии. К отмеченному рубежу выявилось значительное, хотя и неформальное изменение структуры власти, повлекшее за собой разложение правящей верхушки.

При сохранении всех атрибутов неограниченного самодержавия происходит фактическое отстранение императоров от непосредственного ведения государственных дел. Однако реальная власть сосредоточивается не в рамках традиционной имперской управленческой администрации, а в руках неординарных с точки зрения политической традиции «внутридворцовых» служб. «Внутридворцовая» администрация не была однородной. Власть в ней делили назначавшиеся императором секретари (*дасюэши*) Дворцового Секретариата (*Нэйгэ*) и выдвиженцы-фавориты, многие из которых были придворными евнухами — людьми, повседневно общавшимися с императором. Этот дележ происходил далеко не мирно. Поэтому вся история минского двора в XVI — начале XVII в. пронизана ожесточенным противоборством отдельных деятелей и клик.

Уже в конце XV в. императоры стали уклоняться от приемов сановников, ведавших государственными делами. У-цзун (Чжу Хоучжао, 1505—1521) вообще отказался от таких приемов. Практически не занимался решением государственных дел и Ши-цзун (Чжу Хоуцун, 1521—1566), проводя время в поисках эликсира бессмертия и беседах с даосами. Шэнь-цзун (Чжу Ицзюнь, 1572—1620) после 1589 г. под давлением обстоятельств устроил лишь один прием. Си-цзун (Чжу Юцзяо, 1620—1627), передоверив управление всесильному временщику, занимался плотницким делом.

Кроме того, с конца XV в. обозначились черты фаворитизма (до 1498 г. большим влиянием при дворе пользовался Ли Гуан). У-цзун из-за трений с Секретариатом в начале своего царствования возвысил евнуха Лю Цзиня, назначив его главой Приказа жертвоприношений (*Сылицзянь*). Тот в 1508 г. возглавил созданный им новый сыскной орган — *Нэйсинчан*, свел на нет влияние дворцовых секретарей и приобрел такую власть, что стал опасен для трона. В результате в 1510 г. он был казнен, а его имущество — конфисковано. При Ши-цзуне сначала усиливается

ИМПЕРИЯ МИН В КОНЦЕ XVI в.

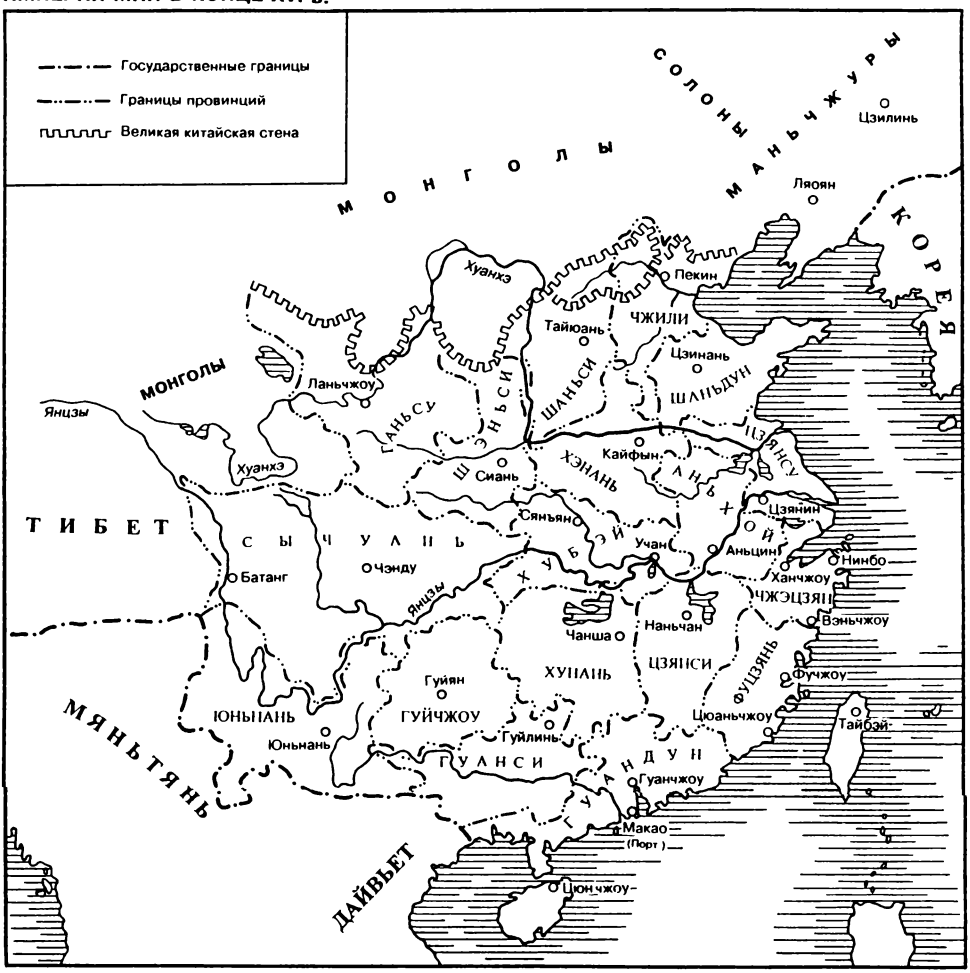


Рис. 12

влияние главы Секретариата Ян Тинхэ, помогшего ему получить престол. Затем большую силу при дворе поочередно приобретали секретари Чжан Цун (после 1529 г.), Ся Янь (после 1536 г.) и особенно Янь Сун (с небольшими перерывами с 1542 по 1562 г.). В первые десять лет царствования Шэнь-цзуна практическая власть находилась в руках Чжан Цзюйчжэна. Наконец, при Си-цзуне всеми делами управлял евнух Вэй Чжунсянь, произвол которого превзошел бесчинства всех предшествующих. Будучи главой Приказа жертвоприношений, он передал в этот Приказ из Секретариата все государственные дела, возглавил сыскной орган *Дунчан*, распоряжался жизнью и смертью придворных и чиновников. Его падение произошло лишь после смерти возвысившего его императора.

В свою очередь, роль Дворцового Секретариата заметно возросла с 20-х годов XVI в. Тогда было официально признано, что этот орган стоит выше Шести Ведомств, считавшихся высшей администрацией после 1380 г. Одновременно усилилась дифференциация внутри Секретариата, где преимущественные позиции получил его глава (*шоуфу*). В секретари попадали в основном ученые мужи из столичной академии Ханьлинь. Но были среди них и начальники отдельных из Шести Ведомств, которые по совместительству сохраняли и эту свою должность.

Так как Секретариат не являлся органом «регулярной» бюрократической машины, то его функции не были четко определены. Но практически секретари составляли проекты императорских указов и прочих официальных бумаг, налагали резолюции на поступающие сообщения и писали ответы на доклады чиновников. Все это, естественно, подразумевало получение одобрения императора. Помимо того, секретари имели право подавать «тайные доклады» монарху лично, а также беседовать с ним о политических делах или толковать ему книги в его учебном кабинете. Это открывало немалые возможности для влияния на императора. Поэтому неудивительно, что некоторые из глав Секретариата, такие, как Ся Янь, Янь Сун, Чжан Цзюйчжэн, фактически не отличались по своему положению и влиянию от существовавших ранее (до 1380 г.) канцлеров. Секретари вели также подневную хронику текущих событий для составления «Записей о свершившемся» (*ши лу*) в каждое из царствований и составляли книги по истории.

Отмеченное отстранение императоров от реального управления государственной машиной отнюдь не означало умаления их прав и возможностей для произвола. Они были вольны выдвигать и убирать фаворитов, поощрять ту или иную придворную группировку, по своему усмотрению одаривать, казнить, наказывать и т.п. Но на деле ни один из позднеминских императоров не представлял собой сколько-нибудь значительную политическую фигуру.

Рельефно обозначившиеся в начале XVI в. перемены в управлении сопровождались быстро прогрессировавшей деградацией правящих кругов. Тон в этом задавали сами императоры. У-цзун, например, совершал грабительские налеты на близкие и далекие окраины столицы, опустошал лавки и дома своих подданных, захватывал и увозил женщин. Огромные суммы шли на увеселения — пиршества, поездки, охоты, содержание зверинца, парков и т.д. Расходы двора возросли в пять-шесть раз по сравнению с предшествующим царствованием. На праздник по поводу бракосочетания Шэнь-цзуна были истрачены средства, предназначавшиеся для укрепления обороны границ. Более 33 млн. лян серебра (1 *лян* — 37,3 г) было затрачено при этом императоре на строительство дворцов и приобретение драгоценностей. Шэнь-цзун употреблял опиум, развратничал, вымогал «подарки» от сановников и государственных учреждений, продолжал безмерные траты средств, любил наблюдать за казнями.

Не отставали от монархов и временщики. Получая практически бесконтрольную власть, они использовали всевозможные средства для обо-

гащения. После ниспровержения Лю Цзиня у него было конфисковано 2,5 млн. лян золота, 50 млн. лян серебра и много иных ценностей. Огромным состоянием обладали Янь Сун и Вэй Чжунсянь. Окружил себя роскошью и Чжан Цзюйчжэн. Вэй Чжунсянь вынуждал местные власти строить храмы в свою честь и поклоняться поставленным там его изображениям. Его величали здравицей «9500 лет», желая почти такого же долголетия, как императору, — «10 тысяч лет».

Временщики расставляли всюду «своих людей». На этой почве возникали противоборствующие клики: Шаньдунская, Хунань-Хубэйская, Чжэцзянская, придворная группировка «праведных» и группировка евнухов *яньдан*. К концу правления династии Мин число евнухов достигло приблизительно 100 тыс. человек. Они занимали ответственные и выгодные посты не только при дворе, но и в провинциях, будучи губернаторами, правителями городов, командующими войсками, инспекторами двора и т.п. Восемь наиболее влиятельных из них в начале XVI в. получили прозвище «тигров». Однако было бы упрощением сводить противоборство в правящих верхах к противостоянию евнухов и остальных сановников. Те и другие, преследуя личные и групповые интересы, вступали в сложные отношения. Например, глава Секретариата Янь Сун действовал в контакте с придворными евнухами, Чжан Цзюйчжэн также добился высокого положения с помощью евнухов. Взяточничество сделалось нормальным явлением. К концу XVI в. число претендентов на чиновное звание так возросло, что чины стали давать по жребию. «Удачный» жребий зависел опять-таки от подношений. Невнимание императоров к государственным делам выразилось в конце XVI в. в забвении практики утверждения служащих на различные посты. Многие должности оставались вакантными, хотя в претендентах на них недостатка не было. Подолгу не назначались начальники ведомств и их помощники.

Склоки и интриги охватывают в XVI в. и «малые дворы» удельных властителей. В начале века вновь, как сто лет назад, происходят вооруженные конфликты между удельной аристократией и правительством. Многие удельные властители и их разросшаяся родня продолжали чинить произвол в своих уделах. Они смещали назначаемых из центра чиновников, бросали неугодных в тюрьмы, казнили, обзаводились собственными сыскными организациями, грабили и эксплуатировали население, не считаясь с принятыми ограничениями и предписаниями.

В начале XVI в. снова, как и в первые десятилетия империи Мин, усиливается служба сыска, распространяется практика арестов и казней.

Все это, вместе взятое, пагубно отражалось на поведении местных властей. Здесь наряду с усилением страха и раболепия перед вышестоящими также усиливаются произвол, коррупция, стремление ко всемерному обогащению.

Тенденции к разложению обнаруживают себя и в армии. Система военных поселений, задуманная как способ содержания солдат и командиров, была сведена к минимуму еще в конце XV в. ввиду перехода полей военнопоселенцев в практически частное распоряжение армейского на-

ИМПЕРИЯ МИН В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

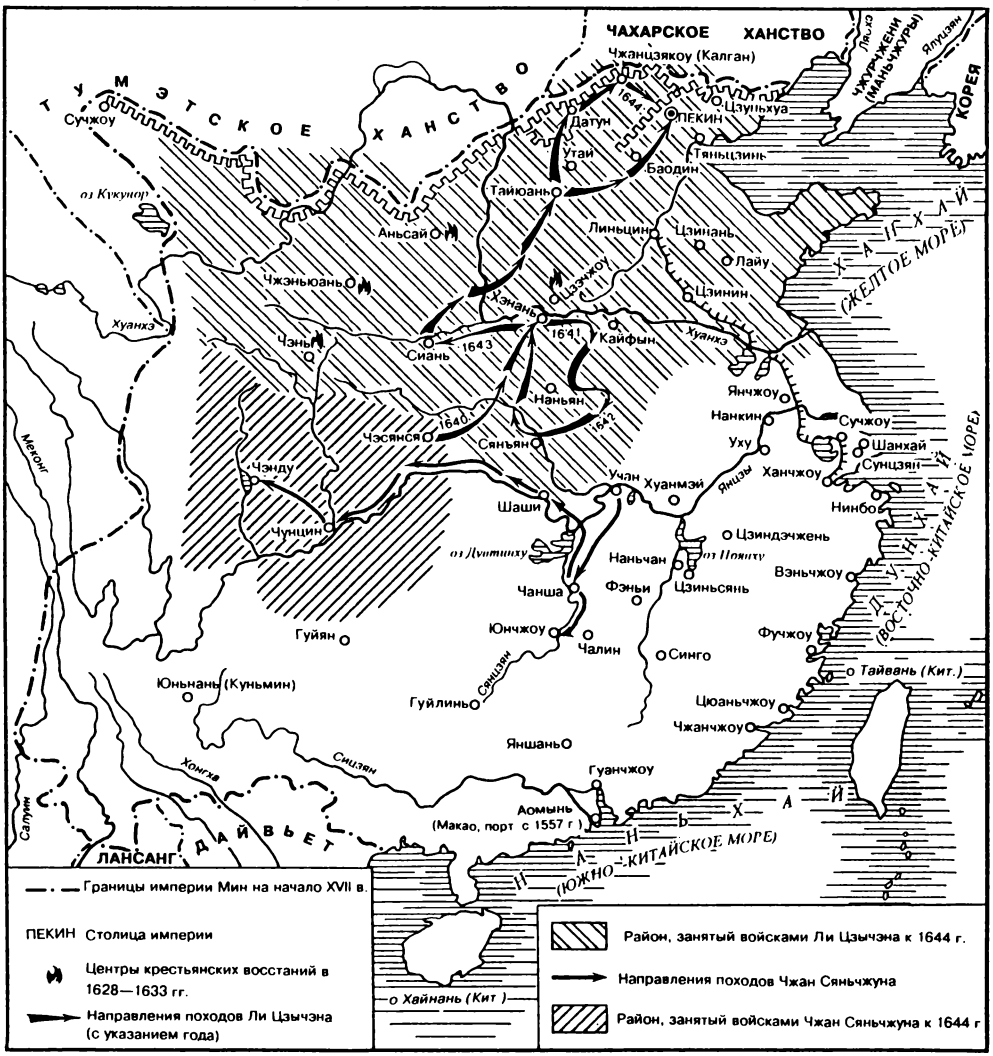


Рис. 13

чальства и привилегированных сановников. Многие военнопоселенцы бросали свои участки и бежали. В результате правительство все чаще переходило к практике найма солдат. С появлением наемников постепенно отмирало наследственное военное сословие — «военные дворы». Появление и рост в течение всего XVI в. наемного войска имели и свои преимущества, ибо солдаты не отвлекались на полевые работы. Однако с его появлением казнокрадство военных чиновников отнюдь не уменьшилось. Подготовка и боеспособность армии также были не на высоте. Это проявилось в неспособности предотвратить монгольские набеги,

участившиеся в первые годы XVI в., после объединения монгольских племен Даян-ханом.

Особенно значительные монгольские вторжения происходят в 1532 и 1546 гг. Попытки китайских войск отвоевать у монголов Ордос не принесли успеха. В 1550 г. монгольские войска овладели г. Датун и подошли к стенам Пекина. Оттеснение их потребовало новых наборов солдат и переброски войск из глубинных районов империи. Лишь в конце 60-х годов имперским армиям удалось потеснить монголов, вслед за чем был заключен мирный договор 1570 г. Но отдельные набеги с северо-запада продолжались и позже.

Неблагоприятная обстановка в XVI в. складывалась и на морских рубежах. Здесь в начале 20-х годов вновь (как в конце XIV — начале XV в.) обостряется борьба с пиратством и контрабандной торговлей. Активное участие в этой торговле принимали японцы. Чтобы пресечь нападения пиратов на побережье, правительство Мин ввело строгий запрет на всякие сношения с заморскими странами и закрыло принимавшие иноземцев и их товары Управления торговых кораблей (*Шибосы*). Этот шаг знаменовал собой окончательный отказ от достигшей столетие назад апогея политики всемерного привлечения «данников» из заморских краев, служившей повышению престижа китайского двора и открывавшей каналы для иноземной торговли. Сопряженное с этим прекращение морской торговли не устраивало китайское купечество приморских районов. Поэтому торговые связи продолжались нелегально. Наибольшие усилия по поддержанию описываемого «морского запрета» были предприняты в 1547—1549 гг. губернатором Чжу Ванем. Но противникам запрета удалось его сместить. Вслед за тем пиратские флотилии активизируются и доходят по р. Янцзы до Нанкина. Лишь в начале 60-х годов удается отбить их натиск.

В этой сложной обстановке происходит открытие и освоение западноевропейскими мореходами, торговцами и колонизаторами морского пути в Китай. В 1516 г. к его берегам подходит корабль состоявшего на португальской службе итальянца Рафаэля Перестрелло. В следующем году прибывает португальская эскадра Фернана д'Андраде и первый португальский посол — Томе Пиреш отправляется в Пекин. Португальцы пытались получить факторию в Китае, но переговоры не дали результатов. Тогда возникли вооруженные столкновения. В 40-х годах XVI в. португальцам удается явочным порядком получить торговую базу близ Нинбо, где начинают селиться их колонисты. Но в 1549 г. они были вытеснены оттуда усилиями Чжу Ваня. Конфликты и столкновения продолжались, пока в 1557 г. с помощью подкупа местных властей португальцы не получили в свое распоряжение город и порт Макао (Аомынь).

Говорить о полном разложении китайской армии было бы неправильным. Свидетельством тому служит не только стабилизация положения на монгольской границе и приморских рубежах в 60-х годах XVI в., но и победы в боях с регулярной армией правителя Японии Хидэёси в Корее в самом конце века. Дважды, в 1592—1593 гг. и 1597—1598 гг., китайские войска, призванные на помощь корейцами, вытесняли оттуда

многочисленную японскую армию, пытавшуюся захватить страну и затем нанести удар по северным районам Китая. Но это был последний крупный внешнеполитический успех империи Мин.

В начале XVII в. на северных границах возникает новая угроза в лице консолидировавшегося союза маньчжурских племен. В 1618 г. маньчжурский хан Нурхаци начинает войну, в которой китайцы понесли ряд поражений и утратили свои земли в Ляодуне и южных районах Маньчжурии. Правда, затем им удается остановить маньчжурское продвижение в собственно Китай. Но в 1644 г. именно маньчжурская конница оказалась той силой, которая привела к окончательной гибели империи Мин.

В 20-х годах XVII в. к берегам Китая подходят голландцы, захватившие южную часть Тайваня. Но проникнуть на континентальную территорию им не удалось. Почти одновременно у Гуанчжоу появляются английские корабли. Добиваясь права вести здесь торговлю, они разрушили из орудий китайские укрепления в Хумэне (близ Гуанчжоу). В 1603 и 1639 гг. испанские конкистадоры, обосновавшиеся на Филиппинах, спровоцировали здесь массовую резню китайских колонистов. Минское правительство отказалось защищать их интересы, считая жителей многочисленных китайских поселений в странах Юго-Восточной Азии нарушителями «морского запрета».

В 1618 г. в Пекине побывала первая русская миссия, возглавлявшаяся томским казаком Иваном Петлиным. В доставленной им назад в Россию грамоте китайского двора содержалось предложение наладить посольский обмен и торговлю. Такой обмен мыслился китайским правительством в традиционной форме прибытия «данников». Империя Мин отнюдь не была намерена пересматривать исходные идеологические основы построения внешних отношений, несмотря на упомянутый отказ от политики привлечения «данников», резкое сокращение в XVI—XVII вв. посольских связей и военные неудачи на пограничных рубежах. Несоответствие традиционной китайской доктрины построения внешних связей и принятых среди европейских народов дипломатических норм послужило источником непонимания и трений с самого начала появления кораблей европейцев у китайских берегов.

В конце XVI в. в Китае начинают оседать христианские миссионеры из различных стран. Прибывший в Гуанчжоу в 1581 г. итальянский иезуит Матео Риччи в 1601 г. перебрался в Пекин и достиг там большого влияния при дворе. Известно также о деятельности другого итальянского миссионера, Н.Лонгобарди, португальского — Д.Пантоха, немецкого — А.Шааля и многих других. Наряду со своими основными обязанностями они выполняли и определенные дипломатические функции, способствуя проникновению европейцев в Китай, а также собирали различные сведения о стране для своих покровителей и правительств.

Обозначившееся на рубеже XV—XVI вв. разложение правящей верхушки и внешнеполитические неудачи вызывали у части сановников и представителей причастного к власти учено-служилого сословия стремление исправить положение. Наиболее активно выступали служащие Цензората и ученые-конфуцианцы из академии Ханьлинь. Оппозицион-

ные настроения стали выражаться в традиционной форме подачи докладов на высочайшее имя с критикой существующих порядков и различными предложениями для улучшения дел. Податели докладов не были формально объединены и не имели общей программы, но их требования и предложения сводились приблизительно к одному и тому же. Они настаивали на прекращении «нерегулярности» управления, т.е. хотели, чтобы император реально взял в свои руки государственные дела и решал их в полном соответствии с конфуцианскими нормами, опираясь при этом на должностных лиц из ординарного административного аппарата. Конкретно же предлагалось отстранить от управления временщиков и взяточников, отменить устаревшие законы, укрепить армию, прислушиваться к мнениям, выражаемым в поступающих «снизу» докладах. Некоторые доклады были выдержаны в достаточно резкой форме и содержали требование к императору признать свою вину перед Поднебесной.

Двор, однако, не шел на сколько-нибудь существенные перемены. Особо упорствующих жалобщиков арестовывали, подвергали наказаниям и изгнанию. Правда, со вступлением на престол Ши-цзуна, не являвшегося прямым наследником и пришедшего к власти с помощью главы Секретариата Ян Тинхэ, наметились некоторые перемены. Была провозглашена «новая политика», казнили наиболее одиозных деятелей прежнего царствования, ограничили произвол евнухов, на 10 тыс. человек сократили репрессивно-сыскные организации, отобрали у придворных награбленные земли, снизили налоги. Но меньше чем через два года все стало возвращаться к прежнему. В 1524 г. Ян Тинхэ был отправлен в отставку. Сторонники перемен в знак протеста устроили коллективный плач во дворце, стоя на коленях. Этот штрих многое говорит о методах борьбы. По сути, реформаторы втягивались в ту же борьбу придворных клик.

Плакальщики были схвачены и биты палками. Но петиции с обвинениями и предложениями продолжали поступать (хотя и не так интенсивно, как в начале XVI в.). В 1572 г. при дворе почти неограниченную власть получает глава Секретариата Чжан Цзюйчжэн, являвшийся сторонником реформ. Наиболее существенными были его реформы в области экономики. Но происходили некоторые изменения и в политической сфере: был усилен контроль за результативностью действий административного аппарата, возрождены аудиенции чиновников при дворе, укреплен командный состав армии. Однако после смерти Чжан Цзюйчжэна в 1582 г. его реформы были осуждены и во многом сведены на нет.

Следующая яркая страница борьбы за реформы связана с группировкой Дунлинь. Ее основатель Гу Сяньчэн, принимавший участие в столкновении придворных клик по поводу выбора наследника престола, в 1594 г. был отправлен в отставку и уехал в г. Уси (в низовьях р. Янцзы). Здесь он преподавал в местной академии Дунлинь и сплотил вокруг себя группу единомышленников. Они писали и распространяли свои сочинения и памфлеты на политические темы, по-прежнему подавали доклады двору, поддерживали одних деятелей и порицали других. Их деятельность вызвала отклик в стране. Многие присоединились к движению, в частности ставший затем активным его деятелем сановник Ли Саньцай.

Формально движение организовано не было и по-прежнему не имело четкой программы. Но в политическом плане дунлиньцы выдвигали тезисы, сходные с требованиями реформаторов начала века: участие императора в государственных делах, отстранение временщиков и евнухов, внимательное рассмотрение поступающих докладов, борьба со взяточничеством, выдвижение в чиновники лишь после получения ученой степени, отмена публичных палочных избиений, укрепление армии. В области экономики они выступали сторонниками снижения налогов и повинностей, ослабления контроля над частной торговой и промышленной деятельностью, отмены государственных монополий и т.п.

Вплоть до смерти Шэнь-цзуна в 1620 г. группировке Дунлинь не удалось провести в жизнь свои предложения. Лишь с приходом к власти поддерживаемого ими ранее наследника, ставшего императором Гуанцзуном (Чжу Чанло), она получила возможность действовать. Реформаторы оттеснили придворных евнухов, выдвинули на государственные посты своих людей, отпустили средства на оборону границ, отменили налоги на рудники. Но через два месяца Гуан-цзун был отравлен, а реформаторы отстранены от управления; власть перешла к Вэй Чжунсяню. Правда, дунлиньцы пытались продолжать борьбу. Возглавивший движение после смерти Ли Саньцая в 1624 г. Ян Лянь (Гу Сяньчэн умер еще в 1612 г.) подал доклад с перечнем 24 «больших преступлений» Вэй Чжунсяня. В результате в 1625—1626 гг. произошли массовые аресты и расправы над дунлиньцами, после чего движение потеряло свое былое значение.

Неудачные попытки реформ предопределили дальнейшее разложение правящих верхов, что с 20-х годов XVII в. вызывало все больший стихийный протест населения. Народные выступления против властей наблюдались и раньше. В 1509—1513 гг. довольно крупные очаги восстаний вспыхивают в провинциях Хэбэй, Хэнань, Шаньси, Шаньдун и др. Их основной движущей силой было угнетаемое безудержными поборами крестьянство. Но с первых лет XVI в. отмечаются и отдельные выступления работников, занятых на горных разработках и в крупных мастерских. С последних лет того же столетия наблюдаются и выступления горожан, среди которых наиболее значительным было восстание ткачей в г. Сучжоу в 1601 г. Всего же с 1596 по 1626 г. можно выявить более двадцати городских движений протеста. В 1608 г. наблюдалось серьезное возмущение среди солдат. Волна крестьянских движений снова нарастает в 10-х годах XVII в., охватывая Хэнань, Шэньси-Ганьсу, Гуйчжоу, Шаньдун. С 20-х годов пламя восстаний становится неутихающим, вспыхивая то в одних, то в других районах.

С 1625 г. отдельные повстанческие отряды вели постоянную борьбу в районе Шэньси—Ганьсу. В 1628 г. предводители десяти отрядов объединили свои усилия, избрав главным вождем Гао Инсяна, после чего движение приобретает характер крестьянской войны. В 1635 г. руководители тринадцати наиболее крупных отрядов договариваются о совместных действиях. Однако уже в следующем году правительству удается, подтянув силы с северных границ, нанести повстанцам ряд тяжелых поражений. После этого движение быстро пошло на убыль. Ряд вождей, в том

числе игравший заметную роль Чжан Сяньчжун, перешли на службу правительству.

Но победа оказалась неполной. Уже в 1639 г. восстание вспыхивает с новой силой. На этом этапе решающую роль в нем сыграли Ли Цзычэн и Чжан Сяньчжун. Закрепившись в Хэнани, а затем в Хубэе и Хунани, Ли Цзычэн переформировал на строго централизованных началах армию и приступил к созданию противостоящего официальным властям административного аппарата. В начале 1644 г. в занятой им перед тем и объявленной западной столицей Сиани он принял титул императора, назвав свое государство Да Шунь. В апреле того же года его войска вступили в Пекин. Император Сы-цзун повесился. Одновременно закрепившийся в Сычуани Чжан Сяньчжун также был объявлен императором и сделал своей столицей г. Чэнду.

Воссоздавая прежние формы управления, Ли Цзычэн и его сподвижники вместе с тем сменили всю прежнюю правящую верхушку, арестовав или казнив особо ненавистных народу притеснителей. К тому же в новой империи при Ли Цзычэне существовал совет из двадцати видных повстанческих деятелей, который решал наиболее важные военные и гражданские дела. Количество чиновников было сокращено. Уездными и областными начальниками стали выходцы из восставших. В ходе движения сформировалась и отличная от прежней социальная политика повстанческого руководства. Был выдвинут лозунг уравнения земли и имущества, многие богатые и знатные казнены, а их владения розданы участникам движения и населению. Повстанческие власти отменяли на несколько лет налоги с крестьян, списывали недоимки и долги, уничтожали реестровые списки налогоплательщиков. Правда, затем налог снова ввели, но во много раз меньший, чем существовавший в последние годы империи Мин. В войске велась строгая борьба с мародерством и насилием. Были выпущены на волю арестанты, приняты на службу гонимые прежним режимом сановники. В области торговли и ремесла провозглашался принцип «справедливого обмена».

Многие из этих мероприятий, особенно осуществленные в ходе восстания перераспределение земли и налоговая политика, несомненно способствовали улучшению положения крестьянства, оздоровлению ситуации в стране. Однако их результаты были сведены на нет скорым падением новой власти и разгромом восстания. В том же, 1644 г. войска командующего обороной северных границ У Саньгуя совместно с маньчжурской конницей разгромили армию Ли Цзычэна, заставили его уйти из Пекина в Сиань, а затем далее на юг. В следующем году Ли Цзычэн был убит, а остатки его отрядов рассеяны. Вслед за ним был разгромлен Чжан Сяньчжун. Призванные У Саньгуем маньчжуры заняли Пекин и провозгласили своего малолетнего правителя императором новой династии — Цин. Ее власть, несмотря на упорное сопротивление проминских сил, особенно в центрально-южной части страны, постепенно установилась во всем Китае (подробно см. гл. 17).

К началу XVI в. продолжал достаточно успешно действовать хозяйственный механизм, установленный в первые годы существования импе-

рии Мин и базировавшийся на традиционных принципах, хотя в нем происходили изменения, все более отдалявшие его от принятых первоначально за образец порядков. Служившее основой страны сельское хозяйство, в котором издревле ведущее место занимало земледелие, было для своего времени высокоразвитым и продуктивным. Многовековой опыт сельских тружеников в сочетании со специализированными и разнообразными орудиями труда, отлаженной системой орошения, умелым использованием природных условий позволял в ряде районов получать по два урожая в год при средней урожайности 2 ши зерна (1 *ши,* иначе — *дань,* — 107,37 л) с 1 му земли (1 *му* — приблизительно 0,046 га). Средние ежегодные поступления зерна в казну за счет налогов составляли в начале XVI в. 26,8—27,7 млн. ши, что соответствовало уровню, установившемуся с 40-х годов XV в., и даже немного превышало его.

Однако именно в первые десятилетия XVI в. внутренние процессы, наблюдавшиеся в аграрных отношениях в течение всего предшествующего столетия, заметно усиливаются и обостряются. Это в равной степени относится и к размыванию фондов государственной земли за счет превращения ее в частные владения, и к росту крупной земельной собственности, и к сокращению учтенных, облагаемых налогами земель, а следовательно, числа налогоплательщиков и доходов казны. Все эти процессы были тесно взаимосвязаны и выражали общую тенденцию в развитии аграрных отношений в Китае в XVI — начале XVII в. Но в разных районах огромной страны они протекали не одинаково. Их ход не всегда был поступательным, иногда правительству удавалось приостановить его или даже повернуть вспять. Иначе говоря, отмеченные тенденции проявлялись отнюдь не однозначно прямолинейно, хотя и достаточно отчетливо.

Размывание фонда государственных земель шло различными путями. Во-первых, с разложением системы военных поселений все большее их число переходило в частное распоряжение местного военного начальства, чиновников и присылаемых для надзора дворцовых евнухов. В результате к началу XVI в. доходы казны от военных поселений составили $^1/_{10}$ от первоначальных. С 20-х годов XVI в. начинается возрождение системы поселений. Однако это возрождение проходило на иной, чем прежде, основе. Власти вербовали для обработки поселенческих полей гражданский люд, сдавая ему участки на условиях, напоминавших аренду. Закрепленные за отдельными хозяевами участки со временем приобретали черты фактического владения, а поднимаемая целина сразу считалась их «вечной собственностью».

Во-вторых, в начале XVI в. резко увеличилось число «усадебных полей» (*чжуан тянь*) и «императорских усадеб» (*хуан чжуан*) — земельных владений поместного типа, продолжавших в большинстве числиться государственными, но фактически полностью переходивших в частное распоряжение своих хозяев и передававшихся по наследству.

Что касается «усадебных полей» знати, то к середине XVI в. они составляли приблизительно $^1/_{20}$ часть всех пахотных площадей в стране. Особенно велики были усадебные угодья удельных властителей и их кланов.

О масштабах размывания государственного фонда может свидетельствовать следующий пример: если в начале существования империи Мин в районе Сучжоу—Сунцзян частные земли составляли всего около 7% всех площадей, то в начале XVI в. — 59%.

Крупные земельные владения образовывались в описываемое время не только за счет казенных земель. По-прежнему основным каналом приобретения земельной собственности оставалась купля-продажа земли. Вложение денег в землю приносило твердый доход, поэтому цена на землю в XVI в. несколько поднялась и составляла в зависимости от качества от 50 до 100 лян серебра за 1 му. Зачастую богатые и знатные побуждали крестьян продавать и передавать им землю силой. В юго-восточных районах страны крупные землевладения составляли в среднем 700 *цин*, в Хэнани — от 500 до 1000, владения в несколько сотен цин были характерны и для Шэньси.

Крупные земельные владения в подавляющем большинстве не представляли собой единого массива, а были разбросаны в различных местах. Эксплуатировались они также не как единые хозяйства, а либо с помощью приписанных к данной земле крестьянских дворов, ведших самостоятельное хозяйство (как было в случае с «усадебными полями» знати), либо с помощью арендаторов, что в описываемое время было наиболее распространено.

Вместе с тем само понятие собственности в то время в Китае не было юридически разработано. Отсюда проистекала определенная расплывчатость в разграничении казенных (*гуань*) и частных (*минь*) угодий, позволявшая под теми или иными предлогами присваивать казенную землю, а сильным мира сего захватывать как государственные, так и частные владения. Надо учитывать и произвол властей, всегда в той или иной степени существовавший в средневековом Китае и позволявший, не приобретая землю в собственность, присваивать до половины поступавших с нее налогов.

Обладатели крупных и средних земельных владений изыскивали всевозможные способы, чтобы освободить как можно больше своих угодий от уплаты налогов. В результате фонд учтенной, облагаемой налогами земли к началу XVI в. сократился по сравнению с концом XIV — началом XV в. на 2,3 млн. цин, а сумма поступавших налогов (в натуральном выражении) — приблизительно на 2—3 млн. ши зерна. В источниках специально подчеркивается, что это было результатом произвольных захватов земли императорской родней, а также действий «обманщиков из народа» (т.е. непривилегированных землевладельцев). Есть основания полагать, что данный процесс продолжался довольно интенсивно вплоть до 70-х годов XVI в.

Среднегодовое поступление налогов упало с 20-х годов того же столетия до 22,8—24 млн. ши зерна. Новая кадастровая перепись в конце 70-х годов выявила около 3 млн. цин «утаенной» от налогообложения земли, а так как вся зарегистрированная тогда земля составила около 7 млн. цин, то учтенная ранее площадь должна была равняться прибли-

зительно лишь 4 млн. цин. По сравнению с началом века эта последняя цифра дает сокращение еще примерно на 2 млн. цин.

Соответственно уменьшилось и количество податных дворов, служивших основной единицей обложения налогами. Продавать свою землю или просто бежать с нее вынуждала жестокая эксплуатация, усугубляемая широко распространенным произволом властей.

Налоговая система в XVI в. была весьма запутанной. Хотя юридически в стране продолжала действовать система «двух налогов» (летнего и осеннего), налоговые реестры не отражали реального положения в землевладении и землепользовании. Собирался налог преимущественно натурой — продукцией, производимой в данном районе. Насчитывалось до 20 видов такой «основной» продукции. Существовали различные нормы пересчета налогов из одного вида продукции в другой. За счет налогоплательщиков осуществлялась доставка собранной в виде налога натуральной продукции в казенные хранилища в уездных, областных и столичных центрах. Затраты на такую перевозку иногда превышали сумму самих налогов.

В среднем налог с государственной земли составлял приблизительно 1 ши с каждого му земли, т.е. около 50% урожая. На частных землях он был несколько ниже, в «усадебных» владениях знати и двора — выше этой средней нормы. Помимо основного налога продолжали существовать различные дополнительные сборы и трудовая повинность для непривилегированных слоев населения. Исчисление налогов в серебре хотя и имело место в отдельных районах, но до середины XVI в. не было сколько-нибудь широко распространено.

Сокращение налоговых поступлений отнюдь не вело к уменьшению расходов двора. Наоборот, они возрастали. Выше уже говорилось о своеобразном скачке расточительности двора в начале XVI в. Ее проявления наблюдаются и позже. Росли и расходы на оборону границ, содержание наемных гарнизонов. По сравнению с первоначальным управленческим аппаратом империи Мин в XVI в. значительно возросло количество гражданских и военных чиновников, получавших содержание из казны. Весьма существенной расходной статьей стало выплачивание жалованья императорской родне, обитавшей в удельных владениях. Число ее быстро множилось, достигнув к рубежу 60—70-х годов XVI в. приблизительно 28 тыс. человек. Положенное им содержание в начале 60-х годов составляло 37,3% поступавших от налогов средств.

Казна не могла обеспечить покрытия требуемых расходов. С 50-х годов XVI в. не хватало средств даже на половину из них. Сложившееся положение можно охарактеризовать как острый финансовый кризис. Выход из него сторонники реформ видели в упорядочении системы землевладения и налоговых ставок. Эту задачу попытались решить получивший фактическую власть в начале 70-х годов XVI в. Чжан Цзюйчжэн и его помощники, опираясь на опыт самопроизвольно возникавших в отдельных местах новых форм взимания налогов. В 1577—1581 гг. была проведена новая всеобщая опись облагаемых земель и налогоплательщиков, увеличившая учтенный земельный фонд более чем на 40%, а коли-

чество податных дворов (по сравнению с данными конца XV в.) — на 1,5 млн. В 1581 г. был декретирован новый порядок сбора налогов — так называемый единый налог (*итяобянь*).

Сутью нового порядка была замена всех прежних разнообразных налогов и повинностей единой денежной ставкой, исчислявшейся в серебре. Считалось, что прежние налоги составляют 60% этой общей ставки, а повинности — соответственно 40%. Сумма единого налога исчислялась властями для десятидворок и стодворок, т.е. фискальных общин, а внутри этих объединений производилась раскладка на отдельные дворы исходя из количества получаемого ими урожая и числа работников. Высчитывалась и общая сумма, положенная для выплаты с каждого уезда и области.

Упорядочение и унификация налогов, упразднение трудовых повинностей несомненно должны были облегчить финансовый кризис, улучшить положение налогоплательщиков, и прежде всего несшего непосредственную тяжесть налогового бремени крестьянства. Но положительные результаты этой реформы оказались довольно кратковременными. К тому же новая налоговая система была в неодинаковой степени внедрена в различных районах обширной империи. При раскладке налогов по подворьям в одних местах за основу бралась продуктивность хозяйства (т.е. количество и качество земли), в других — число работников. Кое-где денежные выплаты по-прежнему подменялись натуральными (зерновыми). Там же, где налог был переведен в денежное выражение (исчисляясь в серебре, он уплачивался медной монетой), положение плательщика, особенно небогатого, осложнялось общей неразвитостью товарно-денежных отношений в сельских районах страны. Наконец, на следующий год после начала реформы (1582 г.) умер ее главный инициатор — Чжан Цзюйчжэн, после чего многие его начинания были приостановлены и дальнейшее продвижение реформы лишилось систематических усилий со стороны двора.

Уже в 90-е годы XVI в. в связи с войной в Корее ставка единого налога была повышена на 9 ли (1 *ли* — 37,3 мг) серебра с 1 му земли. В 1601 г. произошло новое повышение, и к 1630 г. эта ставка превышала первоначальную на 2 фэня 4 ли 9 сы (1 *фэнь* — 373 мг, 1 *сы* — 0,37 мг). В 1618 г., в связи с активизацией военных действий в борьбе с маньчжурами, был введен особый, «ляодунский» налог на общую сумму 5200 тыс. лян серебра. После 1627 г. его увеличили еще на 1600 тыс. лян. Кроме того, ввели налоги на содержание «карательных войск», на «обучение войск» и другие поборы на общую сумму 18 млн. лян. В результате только за одно десятилетие после 1618 г. налоговое бремя возросло в два раза. Рост налоговой эксплуатации в сочетании с произволом властей и накоплением огромных богатств в руках удельных властителей, знати, временщиков, администрации в целом привел в конечном итоге к вспышке крестьянской войны, похоронившей державу Мин.

Рассматриваемый период отмечен заметным прогрессом в области городского, профессионального ремесла и торгово-промышленной деятельности. Особенно значительные изменения наблюдаются во второй

половине XVI — начале XVII в. Происходившие в этой сфере производства сдвиги позволяют исследователям говорить об экономическом подъеме в стране с середины XVI столетия.

Взятые в совокупности, отрывочные данные (за неимением систематических) свидетельствуют о росте городского населения. Если в конце XIV в. в Сучжоу было 245 тыс. жителей, то к середине XVI в. — 339 тыс., а к концу периода Мин — 650 тыс. Население Цзиндэчжэня к концу данного периода стало приближаться к 1 млн. человек. Число жителей торгово-промысловых поселений, фактически превращавшихся в города, но не имевших полного городского статуса — *чжэней* и *ши*, в среднем составляло (в центрально-южном районе страны) от 10 до 20 тыс. человек. В крупных чжэнях в конце XVI — начале XVII в. могло обитать около 50 тыс. жителей, а в наибольших — до 350 тыс. Если к началу XVI в. в уезде Уцзян насчитывалось 3 ши и 4 чжэня, то на рубеже XVI—XVII вв. — 10 ши и 7 чжэней. Разумеется, отмеченный рост наблюдался не повсеместно и был характерен прежде всего для центрально-южных районов страны, наиболее развитых в экономическом отношении. Но в общих чертах он отражал преобладавшую тенденцию развития описываемого времени. Отмеченный рост был связан с развитием городского ремесла, с одной стороны, и обезземеливанием крестьян в процессе концентрации земли в руках крупных землевладельцев — с другой.

В больших городах наблюдается значительная локализация отдельных видов ремесла в тех или иных кварталах. В Нанкине, например, были улицы красок, парчовая, медная, железная и т.п., в Пекине — улицы и переулки шелковых нитей, котлов, шапок, виноваренный, масличный, хлопковый, жестяной, ювелирный и т.д. Отдельные данные свидетельствуют и о росте ремесленного населения в городах. В Сучжоу, например, более половины населения в начале XVII в. было занято различными ремеслами. С середины XVI в. ремесленно-торговые кварталы образуются в «застенной» части крупных городов, т.е. в их предместьях. К рубежу XVI—XVII столетий число жителей этих предместий иногда стало превышать количество «внутристенных» обитателей. Характерно, что наибольшее количество торгово-промысловых поселений городского типа возникало вокруг городов, являвшихся крупными центрами сосредоточения ремесла и торговли (Сучжоу, Сунцзян, Цзядин, Цзясин и др.). Это служит косвенным показателем более тесного вовлечения в торгово-промышленную деятельность прилегавшей к таким центрам сельской округи.

Последнее подтверждается также сведениями о расширении посадок технических и сырьевых культур вокруг ремесленно-торговых городов. В XVI в. увеличиваются площади под масличными культурами, виноградом, хлопком, индиго, табаком, сахарным тростником, тутовником. К рубежу XVI—XVII вв. вокруг г. Цзядин было занято хлопком до 70% возделываемой земли, а в районе современного Шанхая — до 50%.

Отдельные города становятся главными центрами того или иного вида ремесла в масштабах всей страны. Среди известных в XVI в. 40 центров производства фарфора пальма первенства принадлежала Цзиндэчжэню, а

в шелкоткачестве по-прежнему первенствовали Сучжоу и Ханчжоу, в изготовлении железных изделий вперед выдвинулся Фошаньчжэнь, в производстве бумаги — Шитанчжэнь, в красильном и лощильном деле — Сунцзян, Фэнцзин, Чжуцзунь и т.д.

По своему качеству и количеству изделия китайского шелкоткачества, хлопкоткачества, фарфорового дела и бумажного производства отвечали наивысшим мировым стандартам. На высоком уровне находились крашение тканей, художественные ремесла, обработка сельскохозяйственного сырья. Достаточно развиты были горнодобывающие промыслы, плавка и обработка металлов. Увеличивались масштабы ремесленного производства, совершенствовались техника и технология труда.

Наблюдается дальнейший прогресс в разделении труда, увеличении сортов и видов продукции какой-либо отрасли ремесла. Властями были зарегистрированы и соответственно различно оценивались 23 вида тканей, 7 видов кожи и шерсти, 14 видов бумаги, 25 видов фарфоровых изделий, 13 видов красителей, 28 видов различного сырья для ремесла, 36 видов продуктов моря и т.д. В XVI в. в казенных ткацких мастерских г. Нанкин работали мастера 32 различных специальностей, в Сучжоу в начале XVII в. — 16.

О мощности передовых отраслей китайского ремесла в описываемый период можно судить по следующим цифрам. Только в казенных мастерских на рубеже XVI—XVII вв. ежегодно выпускалось приблизительно 90 тыс. кусков, или отрезов, шелка длиной 40 чи (1 *чи* — 31,1 см) и шириной в 2,2 чи. Лишь по заказу двора в 1554 и 1597 гг. было соткано по 30 тыс. кусков шелка, а в 1606 г. ко двору поступило 24 600 кусков атласа для шитья одежд императору и императрице.

Казенное ремесло в Китае в XVI в. управлялось через столичное Ведомство работ и специальное дворцовое Ремесленное управление *(Нэйфу цзяньцзюй)*. О его масштабах можно судить и по тому, что в начале XVI в. в четырех провинциях страны имелось 19 местных управлений, ведавших только казенным ткацким производством. Основную рабочую силу казенных мастерских составляли отбывавшие посменно трудовую повинность работники. Однако число таких обязанных нести трудовую повинность ремесленников к 60-м годам XVI в. составляло 142 тыс., что значительно меньше их количества, зарегистрированного в начале правления династии Мин (почти на 90 тыс.) и в XV в. (приблизительно на 150 тыс.). Это было связано с санкционированной властями в конце XV в. возможностью откупаться от отработок фиксируемой в серебре платой.

Процесс перехода ремесленников на выплату денежного налога вместо отработок привел к тому, что последние были отменены в 1562 г. Трудовую повинность заменил ежегодный налог в 4 цяня 5 фэней серебром (1 *цянь* — 3,73 г.). На выплату налога перешло тогда до 80% ремесленников, а к концу 60-х годов XVI в. — около 90%. Он был закреплен налоговой реформой 1581 г.

Однако это не привело к исчезновению казенного ремесла. На средства, поступавшие в счет налога, власти, ведавшие казенными мастерскими, нанимали мастеров и работников, причем зачастую насильно.

Кроме того, оставалась такая категория ремесленников, как *чжуцзо*, которые были обязаны отрабатывать повинность на дому. К 1645 г. их насчитывалось более 15 тыс. человек, т.е. почти вдвое меньше, чем в начале XV в., но на 3 тыс. больше, чем в середине XVI в. Оставалось и небольшое число отрабатывавших повинность ремесленников, приписанных к военному сословию. Однако авторитарные порядки управления позволяли властям и после налоговой реформы сохранять практику принудительной эксплуатации ремесленников. Это осуществлялось с помощью издавна существовавших «принудительных закупок», когда казна по устанавливаемой ею заниженной цене скупала продукцию различных видов ремесла, и с помощью оплачиваемой, но фактически принудительной «вербовки» работников для выполнения поступавших сверху в приказной форме «заказов». Такие «заказы» уже с середины XVI в. зачастую превышали возможности казенных мастерских и перекладывались на частного ремесленника.

Однако, несмотря на перечисленные оговорки, замена трудовой повинности денежным взносом сыграла стимулирующую роль в развитии китайского ремесла, существенно сузив рамки мешавшей естественному прогрессу частного ремесленного производства казенной промышленности и значительно изменив ее характер. В этом отношении показательно, что в 1628 г. было сочтено рациональным закрыть казенное производство в основных центрах шелкоткачества — Сучжоу и Ханчжоу (и такое положение сохранялось до конца существования империи Мин).

Частное ремесленное производство в XVI — начале XVII в. переживает как чисто количественный рост, так и глубокие качественные изменения. Если во второй половине XV в. в Цзиндэчжэне было 50 частных печей для обжига фарфора, то к концу XVI в. — около 300 печей, на которых было занято 16 тыс. мастеров. В производстве бумаги работало от 50 до 60 тыс. человек, в г. Сучжоу, в его восточной части, «все занимались ткачеством».

Основной фигурой в частном ремесле оставался индивидуальный мастер, обладавший собственными средствами производства и работавший с помощью своих домочадцев или с привлечением учеников и помощников со стороны. Его хозяйство заносилось в государственные списки ремесленных дворов как податная единица. Помимо выполнения трудовых повинностей (а после 1562 г. денежных выплат вместо нее) ремесленник уплачивал ежегодный налог. Большинство городских ремесленников было охвачено цеховой организацией (*хан*, *туань* и т.п.), строившейся по профессионально-земляческому принципу и имевшей свои уставы, правила, сложившиеся отношения с властями.

В описываемое время, и особенно к концу XVI в., среди «ремесленных дворов» прослеживается заметная дифференциация. Более состоятельные прибегают к привлечению наемных работников, расширяют производство. Наряду с мелкой мастерской-лавкой чаще, чем раньше, появляются такие, где было 20 и более станков. Хозяевами таких крупных мастерских выступали как разбогатевшие ремесленники, так зачастую и чиновники, обычно связанные с надзором за данным производст-

вом, и обладавшие значительными средствами торговцы. В горнодобывающем деле появляются компании, основанные на паевых началах. Здесь, а также в ткачестве, изготовлении фарфора, бумаги, красильном и лощильном деле, сахароварении начинает широко применяться наемный труд. Если в начале XVI в. в Сучжоу зафиксированы случаи единовременного найма до 100 работников, то к рубежу XVI—XVII вв. — до нескольких тысяч. Один из хозяев железорудных копей, Чжан Шоуцин, имел около трех тысяч наемных работников. В начале XVII в. в Цзиндэчжэне насчитывалось несколько десятков тысяч наемников. В экономически развитых районах центрально-южного Китая, прежде всего в ткачестве, появляется организация труда типа рассеянной мануфактуры с раздачей сырья отдельным работникам и получением от них в определенные сроки продукции за установленную плату.

Сравнительно крупные мастерские (как частные, так и казенные), где применялись разделение труда, наем работников и денежная оплата приближались по характеру к простейшим формам мануфактуры.

Все отмеченные явления в сочетании с некоторыми признаками усиления товаризации сельскохозяйственной продукции позволили китайским исследователям поставить вопрос о зарождении в конце XVI — начале XVII в. в Китае зачатков капиталистического способа производства. Однако, нисколько не принижая значимость этих явлений, а также отмечая несомненный прогресс китайского ремесла в отмеченный период, необходимо сказать о следующем. Прогрессивные изменения наблюдались отнюдь не повсеместно, а лишь в наиболее экономически развитых районах страны. Сведения о больших мастерских отрывочны. Их описания носят печать исключительности, необычности подобного явления. Поэтому многие другие исследователи склонны говорить лишь о тенденции к развитию мануфактуры или же о мануфактуре феодального типа. Превращению их в капиталистическую мануфактуру препятствовали недостаток капиталов, отсутствие развитого права собственности, высокие налоги, весь авторитарный порядок управления, не гарантировавший от произвола властей. Натуральное хозяйство в земледелии и ориентация ремесла на создание потребительских, а не меновых стоимостей оставались в целом абсолютно преобладающими. Процесс разорения крестьян вел к расширению арендаторства, а не к возникновению сколько-нибудь широкого рынка труда.

К тому же, несмотря на определенные сдвиги, ремесленная техника в целом оставалась на уровне ручного труда. Производство станков было по-прежнему ручным и не выделилось в особую отрасль производства. В рамках одного и того же производства передовые технологические приемы сочетались с самыми примитивными. Уровень мастерства китайского ремесленника превышал уровень техники. Наемный труд не до конца избавился от сопровождавшей наем внеэкономической зависимости. Поэтому его сравнительно широкое применение не вело к коренным преобразованиям в характере производства.

Во внутренней торговле развивались тенденции, наметившиеся еще в XV в. По отдельным, хотя и не систематическим данным можно судить о

нарастании ее общего объема. Между 1506 и 1521 гг. сумма налоговых поступлений, собиравшихся с товаров при провозе их в Пекин через крепостные ворота, возросла в 6 раз в ассигнациях и в 2 раза в звонкой монете. В середине XVI в. в город ежегодно поступало на продажу около 1200 тыс. кусков различных тканей, 6 тыс. тюков хлопка, 500 вьюков шелка-сырца и 20 тыс. цзиней (1 *цзинь* — 596,82 г) северного шелка-сырца, 10 тыс. чжанов (1 *чжан* — 3 м 11 см) кожи, 30 500 ши риса, 200 подвод с мясом, 200 тыс. ящиков чая, 500 тыс. свиней, 300 тыс. баранов, 500 цзиней яшмы (или нефрита). В Шэнцзэчжэне в конце XVI — начале XVII в. «сотни и тысячи контор» (*яхан*) закупали и продавали шелка. Интенсивность торговли производила сильное впечатление на европейцев, посещавших китайские города в XVI в. (Г.Перейра, Г. де Круз и др.).

В крупных городах действовали специализированные рынки, или торговые ряды: в Пекине — гончарный, угольный, рисовый и сенный, в Нанкине — съестной, медно-железный, кожевенный, деревянные, бамбуковые, барабанные ряды, ряд луков и стрел. В других городах находились шелковые, хлопковые, фарфоровые, сахарные, железные и прочие рынки. Усилилось движение встречных потоков сырья и продукции между различными районами страны. На север шли шелка и хлопчатные ткани, на юг — хлопок-сырец. Пекин в XVI в. превращается в крупнейший торговый центр, тесными узами связанный с торгово-промышленными центрально-южными районами. В связи с этим вновь возрастает роль Великого Канала как торговой артерии. На одно из ведущих мест в области торговли выдвигается стоявший на нем город Линьцин.

В конце XVI — начале XVII в. значительное число сельских ремесленников привозило свои товары на городские рынки. Вместе с тем продукция городского ремесла через разъезжавших по стране купцов и бродячих торговцев проникала в самые глухие и отдаленные районы. Приезжий купец становится обыденной и повсеместной фигурой в обществе. Купеческий капитал в отдельных случаях участвовал в скупке сырья, раздаче его ремесленникам, получении от них готовой продукции и перепродаже ее. Некоторые цеховые объединения типа хан и бан стали приобретать чисто торговый характер, т.е. превращались в своеобразные гильдии. В торговых операциях участвовали (иногда непосредственно, иногда тайно) обладавшие богатствами знать и чиновничество.

В XVI в. получают развитие посредническая торговля и комиссионерская деятельность. Именно этим занималось большинство торгово-посреднических контор (*яхан*, *ядянь*, *якуай*). Как отмечалось, в одном лишь Шэнцзэчжэне их были «сотни и тысячи», хотя это, несомненно, и известная гипербола. Деятельность многих из них охватывала и сельские районы.

Однако в целом отмеченные процессы на внутреннем рынке не привели к радикальному изменению ситуации. Наметившееся отделение торговли от ремесла не завершилось. Здесь сказывались и тормозящее воздействие казенного ремесла и казенной торговли, упоминавшихся выше принудительных закупок властями товаров по заниженным ценам

и сохранение монополии казны на реализацию соли, железа, чая, уксуса, вина и других товаров (хотя со второй половины XVI в. торговля ими все чаще отдавалась на откуп частным купцам). Власти стремились сохранять мелочный надзор за торговой деятельностью: устанавливали правила, время и место торговли, ограничивали ассортимент, фиксировали цены и т.п. Товары по-прежнему облагались налогами и таможенными сборами при перевозках. К концу XVI в. число таможен возросло, налоговое бремя усилилось. С 1596 г. двор стал рассылать по стране особых уполномоченных для сбора на местах торговых налогов (*цзянь*). Всеми способами выколачивая налоги, они вводили дополнительные поборы, чинили произвол. Не изменился и традиционный подход императорского правительства к торговле как к «низкому», «второстепенному» занятию. Попытки реформаторов в конце XVI — начале XVII в. несколько ослабить давление властей на торгово-промысловую деятельность успеха не имели. В результате развивавшаяся торговля была вынуждена приспосабливаться к феодальным порядкам и могла лишь ограниченно способствовать появлению новых форм производства.

К началу XVI в. происходят заметные изменения во внешней морской торговле Китая. К тому времени правительство почти отказалось от попыток свести все контакты по морю к обмену посольскими миссиями. Управления торговых кораблей (Шибосы), находившиеся в крупных портах и призванные контролировать все заморские сношения, к означенному моменту уступили часть своих полномочий местным властям, получавшим от торговли с иноземцами значительные доходы. В 1514 г. гуандунские власти добились разрешения для иноземных кораблей в любое время прибывать к южнокитайским берегам. Еще в конце XV в. был ослаблен так называемый «морской запрет» на выход частных китайских судов в море. При наличии специального разрешения и соблюдении установленных правил такой выход стал возможен.

В 1507—1509 гг. в центральную казну отправлялись лишь наиболее редкие и ценные заморские товары, остальные же пускались местными властями в свободную продажу. «Иноземные товары продавались очень дешево, и много бедных людей разбогатело, пользуясь распоряжением о возможности их закупки», — отмечается в источниках. Одновременно росло число частных торговых посредников, участвовавших в сбыте доставлявшихся к берегам Китая товаров. Благодаря им от половины до 70% товаров попадало в руки местных богатых и знатных домов, связанных с торговлей, до официальной регистрации прибывшего корабля. Лишь после этого о нем докладывали властям, которые описывали товары и взимали налоги, а оставшееся пускали в продажу по казенным каналам.

Однако усиливавшееся у побережья пиратство, где наряду с китайцами действовали вооруженные отряды из южной Японии, а также силовые действия появившихся к описываемому времени португальцев спровоцировали в начале 20-х годов XVI в. новую попытку китайского правительства полностью прекратить все неконтролируемые (а в отдельные годы и всякие вообще) сношения с заморскими странами. Естественно, это не могло остановить внешнюю морскую торговлю, а лишь переводи-

ло ее на нелегальное положение, толкало к использованию контрабандных способов и обостряло ситуацию в прибрежных районах, вызывая недовольство местных жителей и властей.

Апогей запретительных мер связан с деятельностью начальника морской обороны Чжу Ваня в 1547—1549 гг. Однако под натиском противников запретов Чжу Вань был отозван и казнен. После этого морская торговля вновь оживилась по всему юго-восточному побережью. Наконец, в 1567 г. были отменены всякие запреты на сношения со всеми заморскими кораблями (кроме японских). Соответственно ослабел и «морской запрет» для китайских мореплавателей. В результате к концу XVI в. частная торговля китайских купцов охватывала практически все крупные порты стран Южных морей, а количество китайских колонистов, поселявшихся там на длительное время или на всю жизнь, значительно выросло по сравнению с началом XV в. В Сиам (Таиланд) и Сингапур ежегодно приходило более сотни китайских торговых кораблей. На Филиппинах только в 1583 г. их побывало около 200.

В Китай ввозились различные породы поделочной и ценной древесины, благовония и ароматические средства, лекарства, металлы и руды (железо в брусках, медный купорос, олово, ртуть), сера, красители, хлопок-сырец, горючие материалы, продукты питания тропических стран (бананы, кокосовые орехи, таро, бетель, перец, гвоздика и т.д.), драгоценности (золото, серебро, драгоценные камни, жемчуг, кораллы, слоновая кость), а также крокодиловая кожа, оперение редких птиц, панцирь черепах и т.п. Из Китая в заморские края шли шелковые и прочие ткани, фарфор, изделия из бронзы и железа, продукция художественных ремесел, ювелирные изделия, бумага, пищевые продукты (в том числе зерно).

Однако и после 1567 г. китайское правительство пыталось сохранить определенный контроль за морской торговлей. Все выходившие в море корабли должны были иметь письменное разрешение (*инь пяо*), за которое надо было заплатить. В зависимости от размеров корабля взимался налог. Кроме того, по возвращении корабля с доставленного товара также выплачивались налоги. Ежегодные поступления от обложения морской торговли в 70-х годах XVI в. только в районе Чжанчжоу составляли 29 тыс. лян серебром, а в районе Макао — от 22 до 26 тыс. лян. Правительство по-прежнему остерегалось тех, кто покидал пределы страны, и не поддерживало никаких официальных связей с обосновавшимися в странах Южных морей китайскими колонистами и отказывалось, как отмечалось выше, защищать их.

На северо-западных границах империи по-прежнему велась торговля с кочевыми и оседлыми народами, основу которой составлял обмен китайского чая на лошадей. Сохраняя монополию на чай, государство пыталось направить эту торговлю через казенные каналы, осуществляя обмен через специальные управления — *чамасы* и придавая ему форму доставки иноземцами «дани». Однако наряду с этим выдавались лицензии на торговлю чаем и частным купцам. Частная торговля с иностранцами, обмен чая на лошадей, шерсть, войлок и другие товары, оказывалась выгодной обеим сторонам и подрывала казенную. Не раз предприни-

мавшиеся в XVI в. попытки ограничения и запрещения частной торговли не могли ее остановить.

Некоторые изменения произошли в XVI — начале XVII в. и в денежном хозяйстве страны. Хождение ассигнаций законодательно не отменялось. Но, обесценившись к середине XV в., они к описываемому времени почти не участвовали в практическом обращении, уступив свое место медной (бронзовой) монете и серебру, ходившему в весовых, часто маркированных слитках. Тем не менее вплоть до 20-х годов XVII в. казна продолжала выплачивать часть жалованья чиновникам и солдатам в ассигнациях, обесценившихся к тому времени до предела.

Вытеснение из обращения ассигнаций потребовало возобновления отливки медной монеты (которая не отливалась после 1433 г.). Первая партия новой монеты была отлита в 1503 г., а затем, после 1527 г., ее отливка стала массовой и регулярной. Каждый медный вэнь весил около 1 цяня 3 фэней (примерно 4,8 г). Как и прежде, он имел квадратное отверстие посередине, плоский ободок по краям и датировку по девизу годов правления императора. На рубеже XVI—XVII вв. вновь (как и в XIV в.) появляются монеты разных номиналов. С 20-х годов XVII в. ходили монеты самого разного размера, веса и достоинства.

Все большее утверждение серебра в качестве одной из основ денежного обращения является характерной чертой экономической истории Китая в XVI—XVII вв. Этот процесс шел параллельно с обесцениванием и вытеснением ассигнаций. Закреплению серебра в обращении способствовали ослабление в середине XV в. запрета на использование в торговле драгоценных металлов и переход к исчислению части налога в серебре. Реформы 1562 г., касавшиеся трудовой повинности, и 1581 г., о введении всеобщего обложения, окончательно утвердили серебро в качестве мерила в налогообложении. Это способствовало и укреплению денежных функций серебра в целом. Именно с 60-х годов XVI в. в стране начинает ощущаться нехватка этого металла. Увеличивается его ввоз из зарубежных стран, в частности в виде монет, чеканившихся в испанских владениях в Латинской Америке. Ввоз их в конце XVI в., осуществлявшийся через захваченные испанцами Филиппины, достигал в отдельные годы нескольких сотен тысяч штук. По количеству накопленного серебра стали исчисляться состояния знати и купцов (последние делились по этому признаку на три разряда: имевшие свыше 100 тыс. лян, свыше 10 тыс. и лишь несколько тысяч или сотен лян). В то же время весовое серебро проникало и в розничную торговлю и обыденные расчеты. Золото же (также употреблявшееся в слитках) оставалось по преимуществу средством накопления и мало участвовало в обороте (его обменный стандарт на серебро в начале XVI в. составлял приблизительно 1:7, а к середине XVII в. — 1:13).

Несмотря на широкое распространение серебра как средства платежа и использование иностранной монеты, императорское правительство не перешло к отливке или чеканке монеты из драгоценных металлов, оставляя основной денежной единицей медный вэнь. Платежеспособность

медной монеты и серебра по-прежнему во многом зависела от цены на зерно. Последняя же имела общую тенденцию к повышению.

В социальных отношениях в Китае к концу XVI — началу XVII в. можно проследить некоторые изменения: укрепляется положение городской верхушки, еще более возрастает социальный престиж богатства, окончательно оформляется цеховая структура ремесла, уходят в прошлое некоторые формы кабальных отношений старого типа, ослабевает личная зависимость наемных работников в ремесле и арендаторов в деревне, появляются новые формы социального протеста. Но эти сдвиги происходили в рамках прежней, официально закрепленной властями схемы сословного деления, несшей отпечаток многовековой традиции. Заметного разрушения феодальной по сути социальной структуры не произошло.

Господствующий класс империи Мин состоял из нескольких неравнозначных по своему положению прослоек. Верхнюю страту привилегированного сословия составляла аристократия. Она состояла из императорских родичей, рассредоточенных по различным удельным дворам, и «заслуженных сановников», обладавших наследственными титулами знатности. Если последние были сравнительно малочисленны, то удельная аристократия, как уже упоминалось, быстро разрасталась. В начале XVI в. она насчитывала около трех тысяч человек, а к концу династии — предположительно 150—160 тысяч. Положение их было не одинаково и определялось строгой иерархией в зависимости от степени родства по отношению к императору. Все кланы императорских родичей жили за счет выплат из казны и эксплуатации легально или нелегально приобретенных земельных угодий. В начале XVI в. было лишь 20,4 тыс. гражданских чиновников и около 10 тыс. военных, т.е. удельная аристократия, даже если учесть, что бюрократический аппарат тоже разрастался, примерно к началу 80-х годов должна была сравняться с ним по численности, а затем намного превзойти его. Этот момент очень важен, ибо свидетельствует об известной аристократизации социальной пирамиды к концу периода Мин.

Практически положение аристократов занимали также сановники из высшей столичной администрации и придворные фавориты-евнухи.

Реальное влияние и могущество представителей аристократической верхушки выходили за рамки юридически закрепленных правил. Через своих подчиненных они чинили расправы над личностью и имуществом простолюдинов разного положения и состояния: сгоняли для выполнения не санкционированных правительством работ, принуждали отдавать землю, выгоняли с насиженных мест, отбирали жен и дочерей, забивали насмерть батогами. Санкции против них предпринимались, как правило, лишь тогда, когда такого рода действия переходили всякие границы. Например, Лян Чу, сын одного из членов Дворцового Секретариата, истребил около двухсот человек, чтобы завладеть их землями.

Чиновничество, как и прежде, сохраняло высокое положение в обществе, сочетавшееся с непременным материальным достатком. Оно также было привилегированным слоем господствующего класса, хотя и не относилось к аристократии. Помимо жалованья чиновники (или их семей-

ные кланы) обладали земельными владениями и часто занимались (сами или через посредников) торгово-промысловой деятельностью. Многие имели и нелегальные доходы. Пополнение их рядов осуществлялось через систему государственных экзаменов. При этом наблюдается некоторое ослабление влияния наследственности при получении чинов, сокращение длительности существования своеобразных чиновных династий. Однако это отнюдь не значило, что свободный доступ в чиновную касту выходцев из социальных низов расширился. Большая сменяемость административных кадров обеспечивалась за счет расширения на местах круга представителей местной элиты, имевших реальную возможность пробиться наверх. Именно в XVI в. этот круг людей, причастных к учености, сдавших экзамены, но не имеющих чиновной должности и статуса, оформляется в особую социальную прослойку, именуемую *шэньши* (хотя сам термин появился раньше).

Шэньши имели свои привилегии: освобождались от трудовых повинностей вместе с двумя мужчинами из их семьи, могли временно освобождаться от налогов. Со временем эта прослойка становится одним из существенных элементов социальной и административной системы, составляя опору власти на местах, выступая связующим звеном между чиновными службами и населением. Постепенно становятся более явными отличия названной прослойки от остальной массы, крепнет ее непосредственная связь с властями, выражавшаяся в исполнении некоторых функций низовой администрации (контроль, учет, организационные мероприятия, идеологическое воспитание и т.д.).

Вместе с тем в описываемое время весьма значительная часть экономически господствовавшего класса — крупных и средних землевладельцев — оставалась непривилегированной и не выделялась официально из общей массы простолюдинов. Вне зависимости от их имущественного положения на них в полном объеме распространялась тяжесть налогового бремени, повинностей, произвола властей — всего того, что можно назвать государственной формой эксплуатации. Однако имущественное положение давало им возможность теми или иными путями укрепить свое социальное положение: приобщаться самим или через своих родичей к учено-служилой карьере, покупать почетные звания, задабривать власти с помощью подкупа, ссуд и т.п. и действовать прочими нелегальными способами. Поэтому, хотя их личность и имущество оставались не защищенными от произвола сверху, грань, отделявшая их от привилегированной верхушки, была не столь резкой и непреодолимой. Так или иначе местные землевладельческие круги оказывались связанными, переплетенными с шэньши, а через них — с чиновной администрацией. Неформальность этих связей придавала им особую гибкость и эластичность. С конца XVI в. заметно возрастает и социальный престиж богатства как такового.

На материальном состоянии базировалось и социальное положение торгово-промышленной, преимущественно городской верхушки. Несомненно, что некоторые хозяева больших мастерских, приисков, плавильных печей и т.п. выходили из преуспевающих мастеров-ремесленников,

а крупные купцы — из средних и мелких торговцев, служащих посреднических и финансовых контор и зажиточных крестьян. Но поскольку торгово-промышленную деятельность вели и представители привилегированных кругов (часто через своих родичей, подчиненных, слуг и т.п.) и состоятельных землевладельцев, «третье сословие» росло в Китае не как антипод или параллельный слой господствующего класса, а как бы «внутри» его. К описываемому времени уже не существовало запрета на сдачу экзаменов и приобщение таким путем к привилегированным верхам для выходцев из ремесленного и торгового сословий. В сочетании с финансовой силой это давало возможность непривилегированной части торгово-промышленных кругов, в свою очередь, в той или иной степени приобщаться к социальной верхушке общества.

Формально путь наверх был открыт и для эксплуатируемого класса — лично свободных простолюдинов, приблизительно 80% которого составляло крестьянство. Однако это было весьма трудно осуществить на практике. Помимо неординарных способностей такому выходцу из низов для успеха нужно было заручиться благосклонностью местной ученой элиты, найти соответствующее покровительство, выдержать конкуренцию прочих претендентов из зажиточной местной верхушки, что опять-таки упиралось в проблему связей и материальной обеспеченности. По этому рубежу реальной возможности продвижения по социальной лестнице и пролегала довольно резкая, хотя и подвижная грань между господствующим и эксплуатируемым классами.

Уровень жизни основной массы китайского крестьянства был невысок. Многие хозяева не могли себя прокормить. О бедности свидетельствует продолжавшийся в описываемый период процесс расширения арендных отношений в деревне. В некоторых районах страны (например, в отдельных местах бассейна нижнего течения р. Янцзы) в XVII в. до 90% крестьянских дворов превратилось в арендаторские. Бедность и бесправие перед властями, вся существующая система эксплуатации крестьян определяли фактически приниженное социальное положение считавшегося лично свободным земледельца. Параллельно с ростом арендаторства убывало количество крестьян—собственников земли. Их наделы составляли от 15 до 100 му. Они несли всю тяжесть увеличивавшихся налогов и повинностей. Еще тяжелее было бремя держателей государственной земли (государственных арендаторов) и крестьян, попадавших к владельцам «усадебных полей».

Арендуя дополнительную землю, при сохранении своего хозяйства, крестьянин, как и прежде, попадал в экономическую и внеэкономическую зависимость от землевладельца. Арендная плата не была единообразной и составляла от 50 до 80% урожая. Помимо того, арендатор выполнял в пользу хозяина различные повинности. Существовал даже термин «арендатор-слуга» (*дянь-пу*). Однако к началу XVII в. появляются признаки некоторого ослабления внеэкономической зависимости арендатора от хозяина. В частности, расширяется «вечная аренда» (*юн дянь*), дававшая право на гарантированное наследственное использование арендованной земли. Появляется также субаренда, где первый арендатор выступает как эксплуататор более мелких, вторичных арендаторов.

Городские ремесленники были занесены в податные списки, обложены налогами. Надзор за их работой, за сбытом продукции осуществляли и специальная администрация, и цеховая организация. Этот надзор сохранился и после замены принудительных работ денежными выплатами (1562 г.). По-прежнему властями в приказном порядке проводились закупки изделий по заниженным ценам. Вместе с тем система деления населения, особенно городского, на наследственные сословно-профессиональные группы, узаконенная в начале периода Мин, к XVI в. значительно ослабла и разложилась.

С XVI в. можно проследить изменения в самой цеховой организации. К тому времени цехи (ханы) теряют свою прежнюю территориальную привязку и превращаются в полном смысле в социальную ячейку, базирующуюся на профессиональном принципе. Их функции — сохранение секретов мастерства, подготовка учеников, раскладка налогов и повинностей, забота о конкурентоспособности цеха — становятся более детализированными и регламентированными. С XVII в. заметна дифференциация цеховых ремесленников: в противовес выделившейся цеховой верхушке рядовые и обедневшие члены цехов предпринимают попытки создавать собственную организацию — цехи внутри цеха. Этот процесс наряду с возрастанием роли подрядчиков и наемного труда внутри цехов позволяет говорить о первых признаках разложения цеховой системы.

Потребности развивающегося ремесленного производства выйти за цеховые рамки отвечало и создание новых организаций цехового типа — *хуэйгуаней* и *банов*. Первые возникли на рубеже XVI—XVII вв. как постоялые дворы для приезжавших из других районов торговцев и ремесленников. В 20—30-х годах XVII в. эти подворья превращаются в самостоятельные социальные организации земляческо-территориального характера. У них были свои постоялые дворы, склады, места собраний, храмы и кумирни, лавки и т.п. Они регистрировались властями и уплачивали определенные поборы. Приблизительно на тех же основах строились и возникавшие одновременно с хуэйгуанями баны — союзы мастеровых из других провинций. Однако эти параллельные цехам организации в целом повторяли сложившиеся ранее формы цехового строя, и их роль в разложении цехов-ханов не следует преувеличивать.

К описываемому времени торговля еще не отделилась окончательно от промыслово-ремесленной деятельности, и потому говорить о социальном положении рядового (а не крупного) торговца весьма трудно. Мелкая торговля ширилась и проникала из города в деревню. Многие хуэйгуани объединяли именно торговцев.

Хотя правительственное распоряжение от 1588 г. предписывало считать наемных работников (как в ремесле, так и в сельском хозяйстве) лично свободными людьми, фактически отношения найма продолжали нести традиционно сложившийся элемент кабальности. Хозяин мог по своему усмотрению менять условия труда работника, наказывать его. В наибольшую зависимость попадали те, кто подряжался на долгосрочный наем. Практиковавшийся наем работников казенными мастерскими

и учреждениями также носил принудительный характер, ибо от него нельзя было отказаться и все условия диктовались свыше.

Правительственные статуты запрещали такую форму зависимости, как «уход под покровительство» знатных и богатых. Однако на смену этой архаичной форме кабальных отношений в XVI—XVII вв. пришла денежно-долговая кабала, закреплявшаяся письменным обязательством и переходившая в случае необходимости по наследству. Заменой «покровительства» часто выступало фиктивное «усыновление», укреплявшее зависимость в характерных для Китая патриархально-семейных формах. Сохранялись в описываемый период и слуги, и рабы (*нупу*, *нубэй*), относимые к категории «подлого люда» (*цзяньминь*). Правда, иметь их разрешалось лишь представителям привилегированных слоев. В целом политика властей была направлена на ограничение рабства, но отдельные знатные дома имели до тысячи и более слуг и рабов. Они не вносились в регистрационные списки, оставаясь в полном распоряжении хозяев. Однако в описываемое время рабство носило полностью домашний характер, вписывающийся в патриархально-семейные отношения. Об использовании рабов в производстве сведений нет. К тому же в общей массе населения их было весьма мало.

Определенные сдвиги в социальном развитии — некоторое смягчение сословных перегородок, разложение системы наследственно-профессионального деления, частичное ослабление кабального характера аренды и найма, расширение отношений найма, ограничение властями рабства и других форм личной зависимости, процессы в цеховой организации и налоговой политике — явились отражением новых явлений в экономическом развитии страны. Но эти сдвиги оказались недостаточными для структурного изменения социальной пирамиды старого, традиционного для средневекового Китая образца.

Правда, эти сдвиги нашли некоторое отражение и в формах социального протеста. Как упоминалось, весьма существенное место в докладах и предложениях реформаторов занимал вопрос о предоставлении более льготных условий для предпринимательской деятельности (в частности, в области горноразработок). Симптоматично и возникновение в начале XVII в. первых движений и восстаний среди городского населения. Наряду с уравнительными устремлениями крестьян-повстанцев, их борьбой с имперской администрацией в XVII в. учащаются случаи отказа арендаторов от внесения арендной платы. Размах крестьянской войны 1628—1645 гг., слагавшейся из множества очагов восстаний, полыхавших по всей империи, говорит о силе социального протеста. Однако ни реформаторское движение, ни сопротивление городских низов не привели к радикальной перемене общественно-политических порядков, сдерживавших дальнейшее социально-экономическое развитие.

По переписи 1578 г., в империи было учтено 10 621 436 дворов, в которых проживало 60 692 856 человек. Сравнительно небольшая часть населения оставалась неучтенной. В течение 66 лет до падения империи Мин оно должно было несколько увеличиться, хотя темпы прироста, исходя из предшествующих данных, не были высоки. Прирост же под-

утверждается тем, что, несмотря на неизбежную убыль населения в связи с маньчжурским завоеванием, через 15 лет после падения Мин в стране насчитывалось приблизительно 105 млн. жителей (проживавших в учтенных дворах).

Как и в начале периода Мин, в XVI — начале XVII в. границы империи не выходили далеко за пределы «собственно Китая». Основную массу населения здесь составляли китайцы. В южной части страны, на ее западных и северных рубежах проживали некитайские народы — монголы, уйгуры, тибетцы, хани, лоло, бай, гэлао, байи, мяо, яо и др. В тех местах, где некитайское население проживало компактными группами, во главе их оставлялись местные вожди, подчинявшиеся, естественно, китайской администрации ближайшего уезда или области. Это именовалось системой «местного управления» (*тусы*). Но общая численность всех некитайских народов в империи была весьма небольшой по сравнению с китайским населением. Китайцы (самоназвание — *хань*), несмотря на известные региональные и диалектные различия, составляли к описываемому времени сложившуюся этническую общность, скрепленную общностью культуры.

Традиции материальной и духовной культуры Китая в том виде, в котором они сложились к XVI — началу XVII в., оказали непосредственное воздействие на всю последующую жизнь страны, вплоть до середины XIX в., когда существенно изменилось само положение китайской империи в мире. Техника земледелия была для своего времени очень развитой. Достаточно сказать, что землю неоднократно (и осенью, и весной) вспахивали и боронили. Широко использовались удобрения. Для орошения террасных полей на горных склонах использовались водоподъемные колеса. Ведущее место принадлежало рисосеянию. Рис являлся основой питания приблизительно 70% населения страны. Наряду с этим выращивались пшеница, самые различные овощи и фрукты, многие виды технических культур (в частности, начинается разведение табака).

Некоторые усовершенствования были внесены в шелкоткацкие и особенно хлопкоткацкие станки с ножным приводом. В результате один человек теперь мог вырабатывать столько ткани, сколько в начале XVI в. производили три-четыре. В фарфоровом деле были освоены новые виды сырья, появились новые типы глазури и технологии их нанесения на изделия, различные по назначению печи для обжига. В плавильном деле стали использовать смесь каменного и древесного угля. Шире применялась сила воды и скота. Иначе говоря, развитие ремесла и промыслов шло за счет не только количественного увеличения, но и совершенствования технологии труда. Вместе с тем это совершенствование, как отмечалось выше, не привело к массовому производству. Высокое качество продукции обеспечивалось мастерством китайских ремесленников, основывавшемся на их ручном труде. Кроме того, если в таких областях, как шелкоткачество, хлопкоткачество, фарфоровое дело, производство бумаги, китайский технологический уровень оставался наивысшим, то в области горнодобычи, обработки и плавки металлов он уже тогда был ниже, чем во многих европейских странах.

Совершенствование техники сельского хозяйства и ремесла нашло отражение в ряде научных трудов, посвященных описанию различных технических приемов. Своеобразной энциклопедией по аграрным вопросам явилась книга известного ученого и эрудита Сюй Гуанци (1562—1633) «Нун чжэн цюань шу» («Полная книга о направлении сельского хозяйства»). В ней были описаны также некоторые отрасли ремесла (ткачество, крашение). Труд имел практическое предназначение. Описания самых различных производств, снабженные рисунками станков, приспособлений и технических приемов, собраны в книге Сун Инсина «Тянь гун кай у» («Вещи, рождаемые трудами Неба»), появившейся в 30-е годы XVII в. Богатый материал по научным и техническим знаниям содержится в энциклопедическом труде Ван Ци «Сань цай ту хуэй» («Иллюстрированный свод, построенный по трем разделам»), составленном в 1609 г. Знаменательно появление и таких узкоспециальных трудов, как «Янь-сянь мин тао лу» («Описание прославленной керамики из Яньсяня») У Цяня.

В XVI — начале XVII в. значительно увеличивается количество книжных издательств, главным образом частных (только в Пекине их насчитывалось одиннадцать), процветает книготорговля. Это поднимало на еще большую высоту издавна характерную для Китая книжную культуру. Распространяются труды по самым разным отраслям знания. В начале XVII в. выходит энциклопедия «Ту шу бянь» («Подборка карт и книг») Чжан Хуана (1527—1608), несколько раньше — энциклопедический труд упомянутого выше Ван Ци «Сюй вэнь сянь тун као» («Продолжение полного исследования письменных памятников»). Появляются сборники-коллекции систематически подобранных трудов различных авторов, такие, как «Цзи лу хуэй бянь» («Собрание записей») Шэнь Цзэфу (1533—1601), выпущенное в 1617 г. и включавшее 123 работы, или «Баояньтан би цзи» («Потайная копилка с книгами из кабинета Баоянь») Чэнь Цзижу (1558—1639), включавшая 226 работ. Знаменательным событием в области просвещения было появление в конце существования империи Мин периодически выпускавшегося с помощью передвижного шрифта «Императорского вестника» («Ди бао») — прообраза газеты.

Всегда популярный в Китае жанр историко-политических сочинений становится чрезвычайно многообразным. Наряду с официальными (выполняемыми придворными историками) трудами издаются работы типа всеобщих или охватывающих отдельные царствования хроник, описания походов и значительных событий, биографии различных деятелей, своего рода мемуары и записки, разрозненные заметки, публикуются подборки императорских указов и распоряжений, государственных установлений, докладов чиновников и т.д. Появляются сборники трудов одного автора, как, например, книга известного историка Чжэн Сяо (1499—1566) «У сюэ бянь» («Подборка мною изученного»), куда вошло 14 его работ. Благодаря своим трудам по истории более ранних, чем династия Мин, периодов получили известность Кэ Вэйци (1497—1574), Ли Чжи (1527—1602), Чэнь Банчжань (ум. в 1623 г.).

В 1534 г. была составлена новая редакция атласа «Гуан юй ту» («Карты обширных пространств»), включавшего данные не только по импе-

рии, но и об известном китайцам мире. Становятся более частыми и подробными описания зарубежных краев, примером чего могут служить книги Хуан Хэнцзэна «Си ян чао гун дянь лу» («Записки о странах-данниках Западного океана», 1520 г.), Янь Цунцзяня «Шу юй чжоу цзы лу» («Записки мнений знающих людей об иноземных краях», 1574 г.), Чжан Се «Дун си ян као» («Исследование Восточного и Западного океанов», конец XVI в.) и многих других авторов.

Языкознание шло по линии изучения различных диалектов и норм произношения. В 1606 г. был составлен фонетический словарь Сюй Сяо, основанный на диалекте Пекинской области, в 1642 г. — словарь Би Гунчэня, основанный на шаньдунском диалекте.

Значительным вкладом в китайскую медицину было появление труда Ли Шичжэня (1519—1593) «Бэнь цао ган му» («Перечень деревьев и трав»), в котором описывалось 1892 лекарственных препарата и приводилось более 100 рецептов лечения. Фань Лисюнь в своем трактате «Хэ фан и лань» («Общее обозрение обуздания рек», середина XVI в.) подытожил многовековой опыт борьбы с наводнениями. В первой половине XVII в. работал над математическими трудами и военными трактатами Сунь Юаньхуа.

Характерной чертой позднеминской эпохи было проникновение в Китай западноевропейских научных знаний. Они поступали прежде всего от христианских миссионеров, обосновавшихся в стране. В 1601 г. Матео Риччи в специально написанном труде познакомил китайский двор с достижениями европейской механики, астрономии и географии. Адам Шааль и другие знакомили китайцев с изготовлением и применением огнестрельного оружия. Никола Триго в 1626 г. написал трактат о возможности применения латинской транскрипции для китайской иероглифики. Под руководством миссионеров при дворе была создана комиссия для уточнения календарных исчислений.

Ряд китайских ученых стали использовать западные знания в своей работе, переводить европейские научные труды на китайский язык. Одним из первых, освоивших латынь, был Ван Чжэн, занимавшийся, в частности, западной механикой. В 1607 г. упомянутый выше Сюй Гуанци выпустил сокращенный перевод трудов по Евклидовой геометрии. Всего же по его инициативе было издано около сотни переведенных с западноевропейских языков книг. Соответственно определенные достижения европейской науки нашли отражение в многосторонней научной деятельности этого человека. С европейскими знаниями в своих областях был знаком и Сунь Юаньхуа. Знакомство с алфавитным письмом стимулировало поиски новых подходов китайскими филологами.

Что же касается общественно-политической и философской мысли, то она развивалась по-прежнему в рамках национальной традиции. Это отнюдь не значит, что в этих областях знаний не было никакого движения вперед. Наиболее выдающимся философом описываемого времени был Ван Янмин (Ван Шоужэнь, 1472—1529). Он оспаривал многие положения неоконфуцианства (чжусианства). Как и большинство китайских мыслителей, он не сосредоточивал внимание на постулировании

или противопоставлении материальной либо идеальной субстанции. В центре его учения был человек. В каждом человеке подразумевалось нечто существенное, что характерно для людей в целом, единосущное «истинное я». Его раскрытие путем самосовершенствования должно было служить всеобщему благу. В учении, остававшемся по сути конфуцианским, можно обнаружить немалое влияние даосских и буддийских (в частности, чань-буддийских) постулатов. Оно оказало воздействие на формирование последующей философской мысли не только в Китае, но и в некоторых сопредельных странах (Корее, Японии).

Эгалитаристские социальные утопии на основе патриархально-общинного идеала развивались мыслителями Ван Синьчжаем (1483—1541) и Хэ Синьинем (1517—1579). Определенная критика конфуцианских догматов содержалась в учении Ли Чжи (1527—1602), поплатившегося за это жизнью. В конце эпохи Мин формировались философские и общественно-политические взгляды таких выдающихся мыслителей и просветителей, как Хуан Цзунси (1610—1695), Ван Фучжи (Ван Чуаншань, 1619—1692), чья деятельность в полной мере развернулась уже после падения империи Мин.

Как и в начале периода Мин, официально признанным государственным культом и идеологией продолжало оставаться конфуцианство, точнее, неоконфуцианство, вобравшее в себя некоторые черты прочих, издавна существовавших в Китае религиозно-этических систем. Буддизм и даосизм не подвергались гонениям. Некоторое покровительство этим вероучениям оказывал император Ши-цзун (1521—1566). Но их влияние значительно уступало ортодоксальному культу. На уровне народных верований по-прежнему была широко распространена сектантская традиция. Секты могли иметь как буддийский или даосский, так и синкретический характер, быть признаваемыми или еретическими. С XVI в. появляется и становится популярным такой жанр сектантской пропагандистской литературы, как «драгоценные свитки» (*бао цзюань*).

Через миссионеров с конца XVI в. в Китай начинает проникать христианство, преимущественно в католической форме. Матео Риччи построил в Пекине церковь и приобщил около двухсот прихожан. Христианство принял упомянутый выше Сюй Гуанци (крещенный под именем Павел), который занимал высокое служебное положение, а также другой чиновник — Ли Чжицзао. В дальнейшем с увеличением числа миссионеров росла и христианская община в Китае.

Жесткая привязанность официальной идеологии к интересам государственной машины, сакрализация императорской власти, искусственное поддержание патриархальных начал, сведение почитаемых знаний к изучению и толкованию (подчас схоластическому) древних канонических книг — все это мешало появлению и укоренению новых методов накопления научных знаний и мировоззренческого опыта и тем самым — более успешному развитию новых явлений в социально-экономической жизни страны в конце XVI — начале XVII в. В связи с этим китайские ученые склонны характеризовать идеологическую политику периода Мин как деспотизм в области культуры.

В литературном творчестве наибольшие достижения в XVI — начале XVII в. наблюдаются в жанре прозы. Появляется ставший одним из самых популярных в народе романов «Путешествие на Запад» («Си ю цзи») У Чэнъэня (1500—1582), где в занимательной, фантастической форме описано странствие Сюань Цзана в Индию в VII в. В конце XVI в. автор под псевдонимом Ланьлинский насмешник создает роман «Цветы сливы в золотой вазе» («Цзинь, Пин, Мэй»), в котором большое место отведено описанию человеческих страстей. В начале XVII в. выходит ряд сборников коротких рассказов (*хуабэнь*) в стиле новелл XI—XIII вв. В них много необычайного и сверхъестественного, что не мешает их общей направленности — утверждению жизнелюбивых начал, здравого смысла, добра и справедливости. Особой известностью пользовался сборник «Удивительные истории нашего времени и древности» («Цзинь гу ци гуань»), куда вошли 40 лучших рассказов XVI — начала XVII в.

Поэзия данного периода остается в плену подражания традиционной манере и сюжетам (лирическое описание природы, женская тоска в разлуке и т.п.). Наряду с этим в творчестве некоторых поэтов появляются социальные мотивы. Хэ Цзинмин (1483—1521) и Вэнь Дали (род. ок. 1500 г.) говорят о тяжелой доле тружеников и прихотях властей и богатеев, Ван Шичжэнь (1526—1593) — об ужасах войны.

В театральном искусстве получают распространение родившиеся в XVI в. в юго-восточных районах страны новые формы музыкальной драмы — в стиле Иянцян и Куньшань. Одним из выдающихся драматургов своего времени был Тан Сяньцзу (1550—1617). Наибольшей популярностью пользовалась его пьеса «Пионовая беседка».

В XVI в. продолжается сооружение храмового ансамбля Храма Неба в Пекине и храмовых комплексов императорских погребений в Шисаньлине. В архитектуре того времени, представленной довольно значительным числом сохранившихся памятников, начинает преобладать новый стиль, характеризующийся пышностью и изяществом внешнего декора (крыш, карнизов, колонн и т.п.). Примером этому могут служить постройки в дворцовом комплексе в столице, храм Конфуция в Цюйфу и сооружения на священной буддийской горе Утайшань (в Шэньси).

В живописи, как и в поэзии, в описываемое время преобладал подражательный стиль. В традиционном жанре «цветов и птиц» большого мастерства достиг Люй Цзи (1495—1576). К новым моментам следует отнести развитие получившего распространение еще в XV в. так называемого «погребального портрета» с его характерной реалистичностью. С XVI в. возникает жанр иллюстрации литературных произведений. Особый миниатюрный стиль в этой области доводит до совершенства работавший в середине века Цю Ин. В качестве книжной иллюстрации большое распространение получает гравюра (в частности, впервые появившаяся тогда цветная). Пользовалась популярностью и художественная критика, видным представителем которой был ученый, художник и коллекционер Дун Цичан (1555—1636).

Изящество и совершенство были присущи изделиям прикладного искусства того времени: фарфору и керамике, мелкой пластике, тканям и

предметам домашнего обихода из дерева, кости, перегородчатой эмали, лака, поделочного камня и других материалов. В конце XVI в. изменяется стиль росписи фарфора (появляются монохромные глазури с прорисовкой красным и зеленым ветвей растений и птиц). Изделия начинают датироваться по девизам правления императоров. Китайские предметы прикладного искусства проникают в европейские страны, вызывая восхищение и подражание (стиль *шинуазри*).

В целом в XVI — начале XVII в. Китай переживал сложный, во многом противоречивый период своей истории. Появившиеся кризисные явления в правящей верхушке еще не означали, по крайней мере до рубежа XVI—XVII вв., что империя Мин погрузилась в социально-экономический кризис. В основной производственной сфере — сельском хозяйстве до начала XVII в. общего кризиса не наблюдалось. Процесс же концентрации земли в руках крупных собственников и соответственно разорения крестьян и перехода все большего их числа на положение арендаторов был традиционен для Китая и мало чем принципиально отличался от аналогичного процесса в XI—XIII вв. и позднее. К кризисному состоянию он привел лишь к 20-м годам XVII в. В области ремесла, промыслов и товарно-денежных отношений вторая половина XVI — начало XVII в. отмечены заметным прогрессом и спорадическим появлением качественно новых моментов. В экономическом плане нельзя недооценивать реформы 60-х — начала 80-х годов XVI в. Наметились некоторые прогрессивные сдвиги и в социальных отношениях. Не наблюдалось кризисных явлений в стоявшей на достаточной для своего времени высоте материальной и духовной культуре.

Вопрос о характере наблюдавшихся к концу XVI — началу XVII в. сдвигов в ремесле, некоторых областях сельского хозяйства, во внешней и отчасти внутренней торговле и денежных отношениях, что в какой-то мере отражалось и на социальных отношениях, остается дискуссионным. Они, как отмечалось, проявлялись лишь спорадически, на фоне несомненного преобладания феодальных отношений традиционного для Китая типа. Могли ли они в конечном итоге повести к появлению и закреплению здесь капиталистического уклада? Решение этой проблемы может быть лишь чисто гипотетическим, ибо конкретные исторические обстоятельства в середине XVII в. существенным образом повлияли на дальнейший ход развития страны. Имеются в виду нарастание социально-политического кризиса с 20-х годов XVII в., переросшего в длительную и грандиозную по масштабам крестьянскую войну, и последовавшее за этим иноземное завоевание. Тем не менее сама множественность проявлений нового позволяет говорить о том, что к концу XVI в. китайские феодальные порядки переходят на новую стадию развития, которую можно охарактеризовать как позднюю (что, однако, не подразумевает прямых аналогий с позднефеодальным периодом в европейских странах).

Идейно-политические устои общества не претерпели кардинальных изменений по сравнению с последней третью XIV — XV в. Более того, к концу XVI в. здесь наметились некоторые застойные признаки. Такое положение, естественно, не могло не мешать нормальному развитию и

обновлению экономической жизни страны, в результате чего произошло дальнейшее обострение социальных отношений. В 20-е годы XVII в. кризисные явления охватывают и политическую, и экономическую сферы и в итоге приводят к грандиозной крестьянской войне. Однако формы социального протеста, несмотря на некоторые новые моменты (городские восстания, отражение в движении за реформы интересов торгово-промышленных слоев, отказ от внесения арендной платы), оставались в целом традиционными и, судя по действиям руководства повстанцев после их кратковременной победы, вряд ли могли привести к кардинальному изменению общей ситуации в стране. Но такой вывод можно сделать лишь гипотетически, ибо дальнейший естественный ход внутриполитических процессов был прерван новым иноземным завоеванием страны, установлением в Китае маньчжурского господства.

Глава 16

ВЬЕТНАМ В XVI—XVII вв.

В начале XVI в. во Вьетнаме (Дайвьет) со всей очевидностью проявились симптомы кризиса, в котором оказалось это централизованное феодально-бюрократическое государство после «золотого века» вьетнамского общества во второй половине XV в., вошедшего в историю под названием эпохи «Великой добродетели» (Хонг Дык). Начало XVI в. стало одним из самых бедственных периодов в истории страны. В XVI в. Вьетнам отказался от традиций «золотого века» гражданской бюрократии и перешел от чиновничьей гражданской власти (XV в.) к власти военно-землевладельческих местных родов. Дорогостоящие начинания, обширные войны и малоэффективный аппарат управления разорили крестьян, поступления от налогов уменьшились, а сам централизованный аппарат все более слабел. Об этом периоде можно говорить как о начале конца централизованной системы. XVI — первая половина XVII в. стали временем политического распада государственно-феодальной системы Вьетнама. Развитию сельского хозяйства не уделялось внимания, ирригационные сооружения были в запустении. Вместо дамб праздные правители страны возводили дворцы. Между тем в первой четверти XVI в. из года в год случались засухи, наводнения, неурожаи, голод. Голод во Вьетнаме в XVI в. случался 13 раз, а в XVII в. — 16 раз.

Основным содержанием этого периода (XVI—XVII и XVIII вв.) можно считать начало расслоения общины (*са*), которая в течение веков была фундаментом вьетнамского общества. Развитие внутри общины чиновничьего землевладения наряду с ростом населения в Дельте (р. Красная) вело к ухудшению положения крестьянства. Доведенные до полного разорения, крестьяне поднимали восстания. В 1516 г. в Донгчьеу (Куангнинь) началось одно из крупнейших в истории Вьетнама восстаний под руководством крестьянского вождя Чан Као. Повстанческая армия во главе с Чан Као после двукратных попыток захватила столицу Тханглаунг. Двор Ле был вынужден бежать и искать укрытия в Тханьхоа — традиционном убежище династии. Повстанцы продолжали действовать вплоть до 1521 г., пока не были разбиты в результате контрнаступления верных династии Ле сил.

В 1521—1522 гг. были подавлены и другие восстания, но центральная власть так и не смогла оправиться от их мощных ударов, в результате теряла свои позиции одну за другой.

Ослаблению центральной власти, упадку династии способствовали прежде всего обострившиеся конфликты между феодальными группировками в стране. В отсутствие грозной внешней опасности со стороны Китая, где династия Мин переживала серьезные внутренние трудности и сама служила объектом экспансии извне, во Вьетнаме набирали силу

соперничество, взаимные территориальные претензии и распри между феодалами. Период национальной консолидации, обусловленной борьбой с агрессией династии Мин в XV в., сменился периодом раздробленности и сепаратизма. К тому же в XVI в. стали сказываться отрицательные последствия практики земельных пожалований, которую осуществляли монархи династии Ле в XV в. Высшее чиновничество получало в кормление обширные земельные угодья и сотни крестьянских дворов с повинностями в его пользу. Благодаря колоссальным богатствам, сосредоточенным в руках аристократической прослойки, последняя обрела такое влияние, что стала претендовать на захват верховной власти.

В 1527 г. феодальная группировка Мак Данг Зунга, многие годы состоявшего на военной службе при дворе Ле, одержала верх над соперниками и оттеснила законных претендентов на власть в провинцию Тханьхоа. Провозгласив себя императором в 1527 г., Мак Данг Зунг обосновался в столице страны — Тханглаунге. Опасаясь недовольства народа, сохранявшего преданность Ле, и учитывая непредсказуемую реакцию Китая, Мак Данг Зунг оставил многие из политических институтов свергнутой династии и «притворился, что принимает меры по розыску потомков Ле». Одновременно (в 1528 г.) Мак Данг Зунг отправил в Китай миссию с богатыми дарами и сообщением, что «никого из дома Ле не осталось, и род Маков временно правит страной и народом». Мак Данг Зунг просил китайского императора пожаловать инвеституру на правление в стране. Убедительным аргументом кроме золота и серебра стали земли и население двух административных единиц — тяу Куйхоа и Тхуанан, которые Мак Данг Зунг передавал Китаю. Получив от минского двора признание своей династии, Мак Данг Зунг передал престол сыну Мак Данг Зоаню, который правил 10 лет (1530—1540).

Между тем сторонники династии Ле, пытаясь восстановить у власти своего ставленника, направляли морем одну за другой (1533, 1536 гг.) миссии в Китай с просьбой о помощи в восстановлении законной династии, свергнутой «узурпатором Мак». Мины, не упускавшие случая подтвердить свой верховный суверенитет над Вьетнамом, сконцентрировали войска на границе с Лангшоном. Мак Данг Зунг во избежание невыгодного развития событий заявил, что «отдает себя на милость минского императора», и направил в Китай просьбу «провести расследование». В 1540 г. в стране правил уже другой его сын — Мак Фук Хай. Но Мак Данг Зунг лично явился на пограничную заставу Намкуан для «разбирательства».

Позиция Минской династии в этой ситуации весьма показательна. Сначала она встала на защиту законной династии Ле и сосредоточила войска на пограничной территории. Во Вьетнаме распространяли прокламации, в которых Мак Данг Зунг и весь его род объявлялись преступниками, за поимку которых была обещана крупная награда. Однако в результате хитроумных действий Мак Данг Зунга (подкупа китайских военачальников и передачи в пользу Китая дополнительно ряда вьетнамских земель) положение резко изменилось. «Опекаемый» минским двором Ле превратился в двусмысленную личность, происхождение которой

еще предстояло доказать. В документе минского двора (1541 г.), в котором признавалось право дома Мак править Вьетнамом, о роде Ле говорилось, что в их «родословной много неясного». Что касается дома Мак, то он был признан Китаем (1541 г.), но на условиях, которые сильно ударили по престижу страны. Вьетнам лишался статуса государства и объявлялся наместничеством *(Аннам дотхонг ши ти)* провинциального (Гуанси) подчинения с необходимостью традиционной выплаты дани Китаю.

Унизительный статус наместничества для Вьетнама сохранялся в течение всего периода пребывания у власти дома Мак (1527—1592) и в первые 50 лет правления династии Ле, вновь потеснившей Маков на вьетнамском престоле. Претензии династии Ле на традиционный для нее титул *куок выонга* (государя) не увенчались успехом. В 1598 г. в ответ на просьбу Ле «различать» узурпаторов трона Маков и законную династию китайский император ничего не изменил, сославшись на непродолжительный срок пребывания Ле у власти.

Вскоре после воцарения Маков на борьбу с ними поднялись их соперники, также стремившиеся под предлогом восстановления законной династии Ле к захвату власти. В конце концов Нгуен Ким, военачальник, служивший при Ле, объединил все оппозиционные группировки и, захватив в 1542 г. провинции Тханьхоа и Нгеан, установил там свою власть. Хотя это правление носило название «возрожденной династии Ле», представители последней были марионетками в руках новых узурпаторов. В 1545 г. вся власть в Тханьхоа—Нгеане перешла к зятю Нгуен Кима — Чинь Кьему. Таким образом страна оказалась разделенной на две части. Род Маков, или Северная династия (Бак Чьеу), продолжал господствовать в районе Бакбо (Северный Вьетнам) со столицей в Тханглаунге, т.е. в наиболее важной части страны. Род Чиней под прикрытием династии Ле (Нам Чьеу — Южная династия) контролировал район Нгеан—Тханьхоа. Борьба между этими домами длилась более полувека. Признанный Китаем дом Маков был тем не менее крайне непопулярен в народе как узурпатор, к тому же поправший национальную независимость и территориальную целостность страны. Маки не только не расширили границы страны, что последовательно делали их предшественники (XV в.) и последующие правители (XVII в.), но и добровольно уступили часть территории Китаю. Это ставится им в вину потомками вплоть до настоящего времени. От этого в немалой степени зависело поражение Маков в борьбе с Южной династией, которая одержала победу над Северной и вернула Ле на престол в Тханглаунге в 1592 г.

Эта дата считается одной из ключевых в истории Вьетнама, так как означает победу центростремительных сил и восстановление единства страны (правда, ненадолго) после почти 70-летней смуты, что связывалось прежде всего с восстановлением династии Ле. После 1592 г. могущество Маков сошло на нет. В Каобанге они продолжали пользоваться покровительством Китая, который еще в течение трех поколений держал их про запас. Время от времени Маки выступали против Чиней вплоть до 70-х годов XVII в., но сами перестали быть сколько-нибудь серьезным фактором внутриполитической жизни страны. Тем не менее потенци-

ально опасный тандем Мины—Маки учитывался Чинями в их политике. Обладая полнотой власти при марионетках Ле уже в 70-е годы XVII в., они не решались на свержение династии, как в свое время сделал дом Мак, именно потому, что под знаменем Ле могли на законных основаниях бороться с Маками. Чини также боялись открытым свержением династии Ле спровоцировать вмешательство Китая, как это не раз бывало в истории страны.

В Китае, похоже, знали, в чьих руках реальная власть, и, в целом проводя двойную и даже тройную игру (поддерживая Маков и терпимо относясь к Ле), Китай оказывал знаки повышенного внимания как раз Чиням. В марте 1599 г. Чинь Тунгу были присланы в подарок от Минов дорогая лошадь, жемчуг, парадный головной убор в «знак добрососедства». В послании, сопровождавшем эти дары, подчеркивались заслуги Чинь Тунга в «умиротворении страны». Уже в следующем месяце, используя «дружбу» с Китаем, Чинь Тунг потребовал и получил от Ле титул «вьонга-умиротворителя» (*бинь ан вьонг*). В 1651 г., незадолго до окончательной гибели династии, Мины даровали *тюа* Чинь титул *фо куок вьонг* (вице-король). Впервые некто, формально не принадлежащий к роду Ле, получил титул вьонга, и вместе с ним была как бы узаконена вся полнота военной и политической власти Чиней. Режим, вошедший в историю под названием «тюа Чинь» (князья, правители Чинь), официально начинается именно с этого времени — четвертого месяца 1599 г. Но, сосредоточив в своих руках всю власть, дом Чиней оказался неспособным овладеть ситуацией и закрепить достигнутые успехи в объединении страны.

Отношения с Китаем складывались все же не так, как хотелось Вьетнаму. В 1599 г. династия Мин выдала инвеституру на правление во Вьетнаме для Ле, но такого же «достоинства», как пожалованная ранее дому Мак, с титулом *Аннам дотхонг ши*, т.е. «наместник», а не вьонг, ван («король»), как прежде. Мины объяснили свое решение неуверенностью в легитимности только что вступившего на престол Ле и необходимостью «выждать, чтобы убедиться, что народ подчиняется этому правителю». Пообещав в будущем пожаловать надлежащий титул, Мины в то же время обязали Ле обеспечить возможность семье Маков править в Каобанге (чэн Тхайнгуен), как бы легализуя эту сепаратистскую группировку во Вьетнаме. Титул *куок вьонга* Ле получили почти через 50 лет.

Но главный очаг сепаратизма, надолго определивший развитие исторических событий во Вьетнаме, формировался в эти годы на Юге. Там поднимала голову сильная феодальная группировка — тюа Нгуен. Сын Нгуен Кима, о котором речь шла выше, — Нгуен Хоанг добился от двора Ле разрешения на управление районом Тхуанхоа (1558 г.), а затем и Куангнам (1570 г.). Район Тхуанкуанг (Тхуанхоа, Куангнам) с этого времени стал оплотом Нгуенов, которые затем взяли курс на отделение от остального Вьетнама. Однако вначале Нгуен Хоанг поддерживал нормальные отношения с домом Чиней и династией Ле, которым оказывал уважение как родственник и верный подданный, выплачивал оговоренную подать, участвовал в походах Чиней против Маков, потерял в боях двух своих сыновей.

По случаю победы Чиней над Маками Нгуен Хоанг после 35 лет отсутствия прибыл в Тханглаунг в пятом месяце 1593 г. с богатыми дарами, армией (отрядом слонов) и флотом из 300 судов. Он несколько лет провел при дворе, участвовал в походах против Маков, но был фактически под домашним арестом. Нгуен Хоанг опасался, что Чини, развязав себе руки на Севере, укрепив позиции внутри страны, при дворе, примутся за Нгуенов на Юге. В 1600 г. под надуманным предлогом он вместе с верными людьми вернулся в свои владения на Юге. Он их никогда больше не покидал, и вместе с сыном Нгуен Фук Нгуеном взялся за расширение подконтрольной Нгуенам территории.

Так на политической сцене страны появились и в начале XVII в. оформились два «центра силы» — Нгуены и Чини, антагонизм которых не мог не проявиться в их действиях в отношении друг друга. Чини, со своей стороны, испробовав дипломатические методы, не исключали необходимости пресечь сепаратизм Нгуенов военным путем. Опасаясь самостоятельности Нгуен Хоанга и не желая выпускать его из-под своего контроля, Чинь Тунг сразу же после бегства Нгуен Хоанга сделал попытку восстановить статус-кво. В 1600 г. он направил искусно написанное увещевательное письмо. Последнее вошло во вьетнамские исторические хроники целиком (случай не частый) как образец эпистолярного стиля Чиней. В письме угрозы сменяются ласковыми обращениями к родственнику, которого не хотят провоцировать на окончательный разрыв. От Нгуен Хоанга требовалось выполнение обязанностей подданного Ле — уплата налогов, поставки продовольствия, помощь, как и прежде, в «государственных делах» и «делах предков». В случае непослушания Чинь Тунг угрожал послать войска, для чего, как подчеркивалось, у «династии оснований более чем достаточно». Нгуен Хоангу предлагалось «основательно подумать, чтобы потом не раскаяться».

После смерти Нгуен Хоанга в 1613 г. его сын тюа Шай (Нгуен Фук Нгуен), известный как идеолог и практик сепаратизма, стал вести себя как полностью независимый правитель. Отношения между феодальными домами Чиней и Нгуенов становились все более напряженными и в конце концов вылились в вооруженный конфликт. Его датируют поразному: то ставят в рамки 1620—1673 гг., то начало его относят к 1627 г., а конец — к 1672 г. Курс тюа Шая на отделение не находил поддержки у его братьев Хьепа и Чатя, которые обратились за помощью к Чинь Чангу для осуществления своего плана по свержению сепаратиста тюа Шая. Чинь Чанг с готовностью направил в 1620 г. армию в пять тысяч человек во главе с военачальником Нгуен Кхаем к р. Ньятле, которая была тогда естественной границей между владениями Чиней и Нгуенов. Однако это предприятие не удалось: войско Чиней было разбито и оба брата — Хьеп и Чать погибли.

В 1626 г. к власти после смерти Чинь Тунга пришел Чинь Чанг, правивший под именем тюа Тхань. Он продолжил политику предшественника по объединению страны. От Чинь Тунга он принял «умиротворенный» Каобанг, где Маки после серии тяжелых поражений капитулировали и с 1625 г. официально признали свое зависимое от Тханглаунга по-

ложение. Они согласились получать оттуда документ об утверждении в должности и титул для управления Коабангом от лица династии Ле. Имея прочный тыл и учитывая, что Мины и Цины в Китае заняты борьбой друг с другом, Чини вплотную занялись решением проблем Юга. Тюа Тхань неоднократно посылал гонцов в Тхуанкуанг (1624, 1626 гг.) с требованием выплаты установленной традиционной подати (*конг тхюе*) в подтверждение подчиненного положения Нгуенов по отношению к центральной власти в рамках единого государства, но не получал ответа. В январе 1627 г. тюа Тхань запросил у Нгуенов 30 судов и 30 слонов, необходимых якобы для традиционной транспортировки дани в минский Китай, которая таким образом представлялась общим делом Чиней и Нгуенов. На этот раз, получив «надменный отказ», тюа Тхань направил армию к р. Ньятле. Войско Чиней встретило сильное сопротивление, к тому же Нгуены пустили слух, что внутри клана Чиней готовится заговор, и армия поспешила назад. Все эти события стали началом серии войн, которые с перерывами тянулись до начала 70-х годов XVII в. На протяжении десятилетий постоянной ареной боев стал район Нгеан—Ботинь (провинции Хатинь и Куангбинь).

Война возобновилась зимой 1629 г., когда тюа Тхань, желая мирно решить конфликт, пригласил тюа Шая принять участие в кампании против Маков на Севере, напомнив, что так «поступал его отец Нгуен Хоанг в прошлом». Ответив уклончиво, Нгуены форсировали р. Ньятле и захватили южную часть Ботиня. На занятой территории тюа Шай организовал мастерские по производству оружия. Здесь же были возведены знаменитые оборонительные сооружения Ньятле (Донгхой) — две большие стены на северном берегу р. Ньятле, бывшие в течение долгого времени серьезным препятствием для армии Чиней. Предпринятые Чинями походы на Юг в 1634—1635 гг. и в 1643 г. не имели успеха, но армия Чиней сумела удержаться на землях северного Ботиня. В походе принимал участие Фам Конг Чи, известный вьетнамский реформатор, глава (премьер-министр) гражданской администрации Чиней.

Поход Чиней в Куангбинь (1648 г.) также закончился неудачно. Их армия была встречена Нгуенами на боевых слонах и, полностью разбитая, отступила на северный берег р. Зянь. В плен было взято много военачальников и три тысячи солдат-северян. Чтобы закрепить успех, Нгуены приступили к подъему целины в Тхангхоа и Дьенбане и переселению туда людей.

Следующая война началась с похода Нгуенов с целью захвата Нгеана (1655—1660). Войсками южан командовал талантливый военачальник тюа Хьен. Ему противостояли северяне во главе с тюа Тэй. Нгуенам удалось продвинуться в Нгеан, захватить часть территории, и в результате границей стала река Лам (Зянь). Предпринимая поход, Нгуены надеялись использовать недовольство населения политикой Чиней. Однако, захватив часть Нгеана, Нгуены обложили жителей тяжелыми налогами, провели мобилизацию в армию, стали вводить свои порядки, назначать своих чиновников. Некоторые из перешедших на службу к Нгуенам чиновников были казнены Чинями. В ходе контрнаступления, предприня-

того Чинь Каном с девятого месяца 1659 г., Нгуены отступили, и семь хюенов в районе р. Лам снова перешли к Северу.

Причина провала похода Нгуенов отчасти состояла в том, что они не располагали достаточным количеством войск для крупномасштабных военных действий. Кроме того, не оправдался расчет на поддержку населения Нгеана: оно не выступило против армии Чиней. Для жителей Нгеана армия Чиней была армией Ле, отечественной армией (*куан куок*), а Нгуены — антигосударственной группировкой сепаратистов. Взяв под контроль весь район северного Ботиня, Чинь Кан вернулся в Тханглаунг.

Война 1662 года началась с форсирования р. Зянь. У Нгуенов хватило сил только на оборону, но Чини, закрепившиеся на захваченной территории, стали испытывать нехватку продовольствия и вынуждены были отступить. Надо отдать должное настойчивости правителей Северного Вьетнама в их стремлении объединить страну. Чини чаще выступали с объединительными инициативами, при этом не отказывались от дипломатических методов и, как правило, начинали с них. Последнюю попытку присоединить земли Нгуенов, Тхуанхоа—Куангнам, Чини предприняли в 1670—1672 гг. Тюа Тэй направил миссию с указом-напоминанием о необходимости уплаты налогов (подати — *конг тхюе*), но тюа Шай даже не дал возможности посланцу, остановившемуся перед р. Ньятле, приблизиться к своей резиденции. Армия, посланная Чинями в 1672 г., численностью 100 тыс. человек, как и прежде, стала жертвой нехватки продовольствия из-за затрудненного подвоза, болезней и в конце концов была вынуждена отступить. Не помогло обращение тюа Чинь Кана к населению Тхуанхоа и Куангнама. В нем доказывалось, что земли, находящиеся под управлением Нгуенов, и живущие здесь люди принадлежат Ле, а населению предлагалось переходить на его сторону.

После войны 1672 г. и Чини, и Нгуены считали себя победителями. Обе стороны, каждая по-своему, праздновали «победу», награждали военачальников, устраивали благодарственные моления в храмах. Нгуены освободили от налогов население в районах боевых действий. На самом же деле поход северян на Юг провалился, но и южане удержались на своих землях только благодаря колоссальному напряжению сил.

В военном отношении Чини превосходили Нгуенов, но северяне вели боевые действия вдали от своего тыла. Транспортировка людей и снаряжения была затруднена, а южане сражались на своей территории, имели надежные, прочные укрепления и преданных военачальников. Поэтому ни одна из сторон не могла обеспечить себе ощутимого перевеса, и война вела только к крупным людским и материальным потерям с обеих сторон.

Чини всегда, а в ходе войны с Нгуенами особенно, уделяли большое внимание военному строительству. Сильная армия нужна была и для подавления частых крестьянских волнений, и для «сдерживания Маков» на Севере. В конце XVI в. войско Чиней составляло 120 тыс. человек, причем главная его группировка была сосредоточена в районе Тхань-Нге. В XVII в. численность армии увеличилась до 200 тыс. (включая

морскую пехоту). В состав войска входили и особые отряды на боевых слонах (*тыонг бинь*), а также флот. В XVI в. у Чиней уже было порядка тысячи единиц различных судов. Что касается Нгуенов, то их армия в начале XVII в. имела только 30 тыс. человек. Но при Нгуен Фук Тане (1648—1687) в ходе войны ее численность выросла до 160 тыс. Начиная с 1630 г. Нгуены вели строительство системы мощных укреплений в районе р. Зянь, в Куангбине, под названием Чыонгзык и Донгхой (или Ньятле — по названию реки). Укрепления (земляные валы и стены) были оснащены крупнокалиберной артиллерией местного и иностранного производства. В целом вьетнамские историки оценивают армию Нгуенов как мощную военную силу, на чем в немалой степени зиждился авторитет этого режима среди соседних малых народов, за счет которых, как увидим ниже, территория Нгуенов прирастала на Юге.

Итак, в ходе войн между Чинями и Нгуенами ни одна из сторон не смогла одержать решительной победы над противником. К 1673 г. оба противника окончательно выдохлись и военные действия прекратились. Армия Чиней отступила на северный берег р. Зянь, которая и стала границей между двумя частями страны. Северные земли остались владением Чиней (Дангнгоай, или Бакха), а южные (Дангчонг, или Намха) — владением Нгуенов. Под этими названиями они впоследствии и вошли в историю Вьетнама. Никакого договора между сторонами подписано не было, да и едва ли вообще это было в практике того времени. В известных источниках такого документа нет. Стихийно сложившееся «перемирие» продолжалось примерно сто лет — вплоть до восстания *тайшонов*. Нация оказалась расколотой. В национальном сознании возникли и закрепились такие понятия, как «южане» и «северяне», отражавшие известный антагонизм между ними, что и в последующие века сказывалось на развитии вьетнамского общества.

Поделив страну, а вернее, мешая друг другу ее объединить, как Чини, так и Нгуены принялись укреплять свои позиции на удерживаемых территориях с тем, чтобы каждую из территорий превратить в отдельное самостоятельное государство. О серьезных претензиях на независимую государственность говорят обращения Нгуенов к цинскому Китаю в 1702 г. и позже с просьбой об инвеституре, которая бы легализовала их правление. Когда стало ясно, что цинский Китай не поддерживает Нгуенов в их стремлении легализовать фактическую независимость от Ле и Чиней (Китай ссылался именно на династию Ле как законного правителя всего Дайвьета), тюа Нгуен Фук Кхоат в 1744 г. объявил себя выонгом и сделал Фусуан столицей уже без оглядки на Ле и Китай. Однако ни Чини, которые правили во Вьетнаме под эгидой законной династии Ле, ни сепаратисты Нгуены, уверенно подчинившие себе Юг, не отказывались от сверхзадачи — объединения страны. И тот и другой режим считал себя частью единого, временно разделенного Дайвьета.

Что касается Нгуенов, то их цели зафиксированы в источнике «Дай Нам Тхык Люк», где одному из Нгуенов — основоположников рода приписываются такие слова: «Если сумеем поднять народ на борьбу с Чинями, это будет великое, судьбоносное предприятие. Если же силой не

удастся их одолеть, то надо будет укрепиться на этих землях и ждать удобного случая, чтобы выполнить наше предназначение».

Укрепление своего режима Нгуены понимали, помимо всего прочего, и как расширение его территориальных границ. Именно на время правления тюа Нгуенов приходится осуществление большей части территориальной экспансии, которая вошла в историю Вьетнама под названием *Нам тьен* («Движение на Юг») и была начата их предшественниками — династией Ле и более ранними династиями (XI—XV вв.). В XVI в. движение на Юг было приторможено из-за войн, которые династия Ле вела с Маками. Но с самого начала XVII в. Нгуены самостоятельно и весьма энергично возобновили экспансию и такие года, как 1611, 1653, 1697, 1698, 1708-й стали вехами крупных территориальных завоеваний Нгуенов за счет земель соседних Тямпы и Камбоджи. В 1697 г. государство Тямпа перестало существовать, а ее население подверглось постепенной ассимиляции и стало частью вьетнамской нации. К концу XVII в. Дангчонг вырос вдвое за счет тямских земель, приобретенных в 1653—1697 гг., и стал непосредственным соседом Камбоджи.

Однако на этом экспансия не закончилась. Целью Нгуенов в процессе становления их государства стала плодородная долина Меконга, принадлежавшая Камбодже. Самые южные и очень плодородные земли в районе дельты Меконга с редким населением почти не обрабатывались. Сюда издавна группами переселялись вьеты. В число переселенцев входили безземельные крестьяне с Севера, противники режима Чиней и просто уклонявшиеся от наказания шайки бандитов с Севера. В XVII в. группа минских чиновников и военачальников числом в пять тысяч, спасавшихся от преследования маньчжуров, пришедших к власти в Китае, с разрешения Нгуенов обосновалась на целинных землях в Митхо и Бьенхоа. Другая группа китайских эмигрантов во главе с Мак Кыу (Мо Цзю) стала осваивать новые земли в Хатиене в самом начале XVIII в. (1708 г.). В итоге уже в начале XVIII в. вьетнамцы в основном закончили это продвижение на Юг с включением в состав своего государства территории, составляющей южную часть современного Вьетнама. Вьетнамская экспансия на Юг — расширение территории своей страны за счет других народов, ассимиляция местного населения, тямов и кхмеров, включение их в ареал вьетнамской культуры и системы хозяйствования — может быть названа прагматически и культурно детерминированным типом экспансии.

Вьетнамская политика на землях Тямпы и Камбоджи была изначально ориентирована на бесконфликтную ассимиляцию местного населения. Однако вьетнамская колонизация только сначала была «мягкой», вьетнамцы селились рядом с кхмерами, организовывали общины и постепенно брали власть в свои руки. Уже потом проявились жестокость, с которой вьетнамцы насаждали свою культуру, и суровое обращение с местным населением.

На новых землях Нгуены создавали сельские общины, которые были обязаны платить налоги, выполнять общественные работы и нести воинскую повинность. Налоговая система и источники пополнения казны у

Нгуенов были те же, что и на Севере, где действовали нормы, установленные еще в XV в. Ле Тхань Тонгом. Земли, с которых взимался налог, делились на несколько категорий в зависимости от плодородия, размеров, выращиваемых культур и других факторов. Особый налог Нгуены ввели для самых плохих, бросовых земель. Число жителей на новых землях в XVII в., согласно переписи, составляло около 200 тыс. человек.

Существует принципиальная разница в содержании движения Нам тьен XI—XV вв., войн Чиней против Нгуенов в XVII в. и экспансии Нгуенов на Юг в XVII — начале XVIII в. С одной стороны, стремление средневековых правителей расширить территорию страны за счет южных соседей было экономически мотивировано, обусловлено перенаселением, поиском новых плодородных земель всегда страдавшего от их недостатка Севера. С другой стороны, движение на Юг в те века выражало политическую волю национально мыслящих правителей занять пространство, расширить границы государства и таким образом не только приумножить его силу и богатства, но и защитить нацию от поглощения Китаем. Аналогичными мотивами руководствовались Чини в своих походах (1627—1672) против Нгуенов, став выразителями и проводниками государственной интеграционной идеи.

Что касается Нгуенов, то мотивация их экспансионистской деятельности была скорее более личностной, амбициозной, ими больше двигало чувство высокомерного соперничества с Чинями, нежели заботы об общем деле, «завещанном предками». Нгуены, следуя логике сепаратизма, как бы «убегали» от Чиней, все более умножая могущество своего рода за счет приобретенной территории, теоретически все время имея в виду, но оставляя на потом решение «чиньского вопроса». Стремясь быть подальше от Чиней, Нгуены перенесли свою резиденцию в Фусуан (Хюе) еще при тюа Нгуен Фук Чане (1687—1691). Чисто экономических мотивов как доминирующих в экспансии Нгуенов на Юг, по крайней мере на раннем этапе, не просматривается. Объективно эта деятельность Нгуенов стала мощным стимулом экономического развития и даже процветания края, а приобретенные территории составляли, как говорилось выше, более половины современного Вьетнама. Захватническая политика тогдашнего правителя Южного Дайвьета Нгуен Фук Тю (1691—1725) основывалась и на необходимости предотвратить аграрный кризис, назревавший в результате перенаселения областей, находившихся под властью Нгуенов, и избежать антифеодальных выступлений народных масс.

Из-за постоянных междоусобиц и конфликтов между феодальными группировками, а также повсеместных крестьянских волнений сельское хозяйство в XVI — начале XVII в. приходило в упадок, а в некоторых местах было вовсе разорено. Равнинный район Тханьхоа—Нгеан был опустошен: крестьяне разбрелись по другим местам, земли не возделывались. О каком-либо поступательном развитии сельского хозяйства в Северном Вьетнаме можно говорить только с середины XVII в., когда наступила относительная стабилизация. Сельское хозяйство Юга также страдало от войн, но здесь были более благоприятные условия. В результате широкого освоения новых земель, проводимого Нгуенами в Данг-

чонге, сельское хозяйство там получило интенсивное развитие. Появление новых плодородных пашен и поселений привело к росту числа налогоплательщиков. Тхуанкуанг превращался в процветающий край. Образовавшийся слой богатых помещиков с огромными земельными угодьями стал социальной опорой Нгуенов на Юге. Местное население быстро освоило возведение дамб, научилось прокладывать каналы для отвода воды, создавать террасные поля в горных районах. Долина Меконга давала очень высокие урожаи риса. По свидетельству выдающегося вьетнамского историка XVIII в. Ле Кюи Дона, в южных районах на одну меру посеянного зерна приходилось от 100 до 300 мер полученного урожая. За единицу брался *хок тхок* — мера сыпучих тел, равная 10 л.

В XVI—XVII вв. среди крестьян получила широкое распространение домашняя промышленность — «семейные ремесла», а в городах и сельской местности появлялось все больше городских ремесленных кварталов и специализированных промысловых деревень. К XVIII в. только в дельте Красной реки уже насчитывалось свыше 20 различных ремесленных производств. В эпоху постоянных войн между Чинями и Нгуенами большое значение придавалось оружейному делу. В 1632 г. Нгуены организовали несколько мастерских по его производству. В ручном ремесле наибольшее развитие получили гончарное производство, резьба по дереву, ювелирное дело (украшения из золота, серебра, драгоценных камней, слоновой кости), ткачество, обработка морепродуктов, разведение тутового шелкопряда и шелкопрядение. Хотя двор в Тханглаунге оставался еще крупным потребителем разнообразных сортов шелковых тканей (муслиновых, тонких шелков, газовых), шелкоткачество к тому времени приобрело широкий рынок со спросом на обычные шелка. На Юге одежда из дорогих шелковых тканей (шифон, атлас) была привилегией высшего чиновничества, но простые шелка и хлопчатобумажные ткани имели широкого потребителя. Производство шелковых и хлопчатобумажных тканей во Вьетнаме получило массовый выход на внешний рынок, что привело к обособлению этого вида производства от сельского хозяйства.

В те времена были разведаны месторождения и налажена добыча (главным образом старательским способом) многих полезных ископаемых, таких, как железо, медь, золото, серебро, свинец. Вьетнамские хроники свидетельствуют, в частности, что недавно пришедшие на Юг Нгуены знали об ископаемых, таившихся в недрах здешних земель, и умели оценить значение этих богатств.

В XVII в. во Вьетнаме продолжают развиваться и процветать города. Это столица — Тханглаунг, а также Фохиен, Хойан, Тханьха, Зядинь. Европейцы, побывавшие во Вьетнаме в XVII в., отмечали, что Тханглаунг был одним из крупнейших городов Азии, где обитатели целых улиц специализировались на выпуске и продаже определенной продукции. В описываемый период официально Тханглаунг назывался по-разному: Донгдо, Киньтхань, Киньдо, Донгкинь. С 1830 г. столица стала называться Ханоем. Почти все перечисленные выше города были не только центрами товарного производства, но и резиденциями центральной или местной власти.

С развитием производства росло товарное и денежное обращение. Расширялись экономические связи между различными районами, но связи между Севером и Югом были слабые. В XVI в. были впервые установлены торговые отношения Вьетнама с западными странами. С середины XVI в. в его торговых портах появляются португальские суда из Макао, причем Португалия торговала преимущественно с Южным Вьетнамом (Дангчонг) и даже помогала Нгуенам изготовлять оружие, используемое против Чиней. Вслед за Португалией с Вьетнамом в XVII в. стала торговать Голландия, которая основала фактории во вьетнамских городах. Голландцы, наоборот, были на стороне Чиней в их войне с Нгуенами. В июле 1643 г. голландская флотилия из трех кораблей была разбита военной эскадрой Нгуенов во главе с губернатором Куангнама Нгуен Фук Таном. В результате флагманский корабль затонул, а два других обратились в бегство. С тех пор авторитет Голландии как партнера в Дангнгоае упал, и торговля с этой страной сошла на нет. На Юге же Голландия какое-то время еще успешно торговала, несмотря на инцидент 1643 г. Однако в 1654 г. голландская фактория в Хойане закрылась, и торговые суда Голландии лишь изредка заходили в порты Юга. Сами вьетнамцы в то время еще не владели искусством дальнего мореплавания, ограничиваясь каботажными рейсами вдоль побережья с северной части страны до Таиланда, в то время как много иностранных судов приходило во вьетнамские порты. Особенно оживленно в XVII в. развивались торговые связи с Китаем и Японией. Множество китайских и японских судов, используя муссонные ветры, прибывали во вьетнамские порты, прежде всего в Тханглаунг, Фохиен и Хойан. Во Вьетнаме покупали изделия кустарных промыслов — шелка, ценные породы древесины, сахар, алойное дерево, пряности, украшения из золота, серебра и слоновой кости.

В XVI—XVII вв. власть опиралась на конфуцианство, которое в этот период было официальной идеологией вьетнамского общества. Однако наряду с ослаблением в это время феодальной централизованной монархии конфуцианство как ее идеологическая основа также стало сдавать позиции и утрачивать монопольное положение в обществе. Буддизм и даосизм, развитие которых в XV в. ограничивалось, стали поднимать голову. В то же время с XVI в. европейские миссионеры начинают проповедовать христианство. Их деятельность особенно активизировалась в XVII в. С образованием во Франции в 1668 г. Общества иностранных миссий миссионеры этой страны постепенно получают почти исключительное право на проповедническую деятельность во Вьетнаме. Власти Вьетнама с самого начала отрицательно относились к распространению новой религии, идущей вразрез с устоями конфуцианства и задевающей национальные обычаи и традиции народа. Однако, несмотря на указы, запрещающие христианство, многие миссионеры продолжали действовать тайно. В XVII в. стала очевидной и экспансионистская направленность деятельности миссионеров, шедшей рука об руку с европейским капиталом, который видел во Вьетнаме источник прибыли и обильных природных ресурсов.

Среди позитивных моментов, которые безусловно были в деятельности европейских миссионеров, следует выделить обогащение вьетнамской культуры новой письменностью. Впоследствии она получила название «национальной» (или «государственной» — *куок нгы*). В ее основе лежало использование латинского алфавита для фонетической передачи вьетнамской речи. Создание латинизированной письменности куок нгы было безусловно прогрессивным явлением, облегчавшим доступ более широких слоев народа к ценностям культуры. Литература, в частности, переставала быть достоянием избранных, владевших китайской иероглифической письменностью, малопонятной простым людям.

Итак, в XVI—XVII вв. во Вьетнаме можно было наблюдать две как бы взаимоисключающие тенденции. Рост сепаратизма среди феодальных группировок имел своим результатом ослабление центральной власти. Это привело к разделу страны между двумя феодальными домами — Маков и Чиней (XVI в.), а затем к более фундаментальному ее расколу между Чинями и Нгуенами (XVII—XVIII вв.). В то же время конфликт между Чинями и Нгуенами, принявший вооруженные формы в 1627—1672 гг., подтолкнул последних к дальнейшему продвижению на Юг. В результате этого было завершено формирование территории Вьетнама в его современных границах.

С точки зрения национально-государственных интересов Вьетнама эта часть деятельности Нгуенов объективно заслуживает позитивной оценки. Однако сами они в течение почти двух веков были носителями центробежной тенденции, и их продвижение на Юг осуществлялось в ее рамках. Чини же в основном выступали в противоборстве с Нгуенами в качестве центрообразующего ядра нации, но и у них не хватило политической воли и динамизма, чтобы объединить страну.

За счет эксплуатации населения и Чини и Нгуены имели возможность содержать довольно мощные армии, ориентированные главным образом друг против друга и на подавление внутренних волнений. Однако это была весьма убедительная сдерживающая сила и в отношении внешнего противника. С ее помощью поддерживался баланс сил на Индокитайском полуострове в XVII—XVIII вв. в пользу Вьетнама, в частности, в его отношениях с главным соперником за влияние в регионе — Сиамом. В эти века Сиам не сумел помешать экспансии Вьетнама на полуострове и аннексии земель, всегда бывших предметом соперничества двух государств. В целом уровень развития Вьетнама к XVIII в., был не ниже уровня таких крупных стран Индокитая, как Сиам и Бирма, а в некоторых аспектах и превышал его.

Глава 17

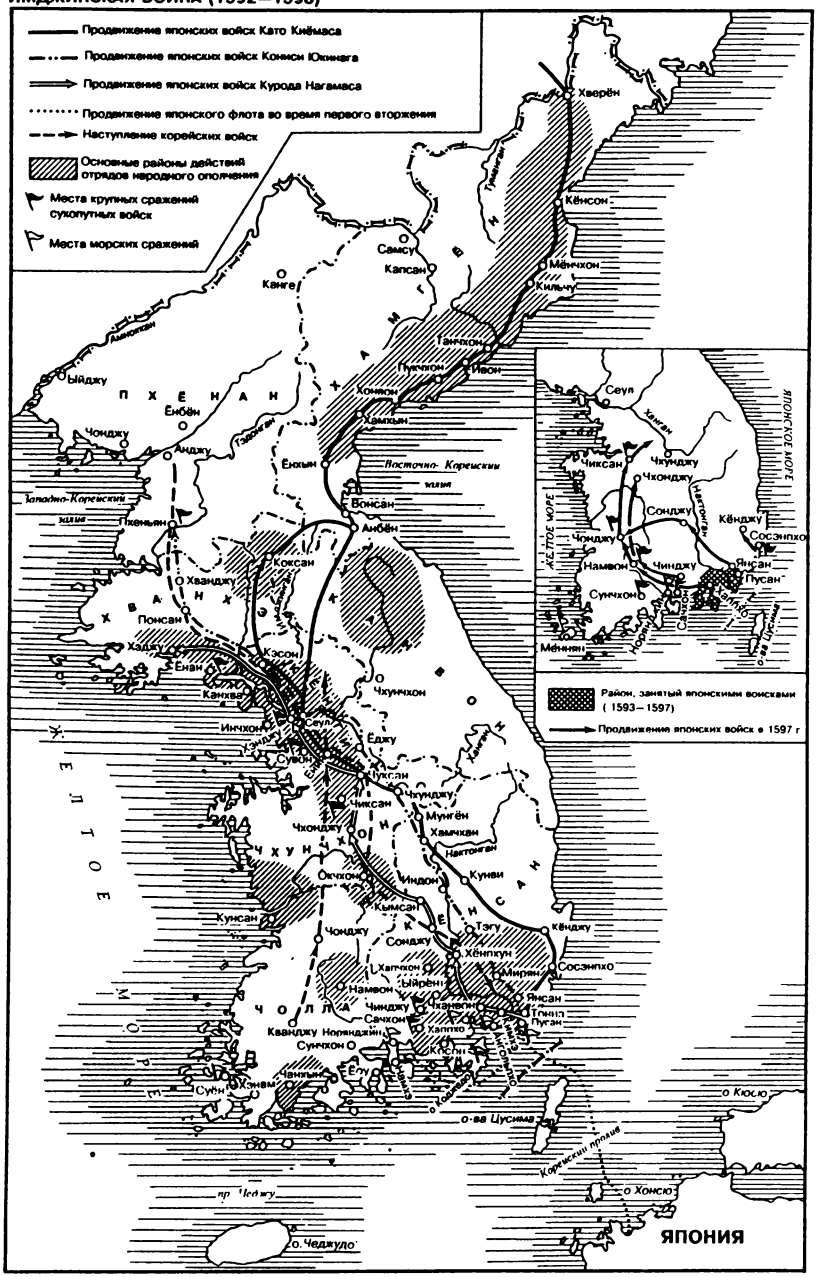
КОРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО ЧОСОН В XVI—XVII вв.

Социально-экономическое и политическое положение Кореи на протяжении XVI в. неуклонно ухудшалось. В тяжелых условиях оказались все отрасли хозяйства, но особенно ощутимым был упадок земледелия. Сократился пахотный фонд страны: к концу XVI в. в нем числилось немногим более 1,5 млн. *кёль* (почти на 200 тыс. кёль меньше, чем в середине XV в.). Вероятно, на самом деле он был еще меньше, поскольку тогда значились обрабатываемыми многие участки, уже брошенные крестьянами. Участившееся их бегство уменьшало облагаемое налогом земледельческое население. Ирригационная система пришла в еще большее расстройство: часть сооружений перешла в частные руки и отведенная под них земля не всегда использовалась по назначению, другие подолгу не ремонтировались и постепенно разрушались, новых же строилось мало. Корея вновь и вновь переживала стихийные бедствия, неурожаи, эпидемии. Средств, которые собирала с населения казна, едва хватало на текущие расходы. Не было возможности создавать резервные накопления, регулярно выплачивать жалованье чиновникам и служилому люду, оказывать традиционную помощь голодающим и пострадавшим от стихийных бедствий.

Экономические трудности подтолкнули развитие в Корее внутренней торговли. Нехватка в городах продовольствия, топлива, фуража, а в деревнях — орудий труда, предметов первой необходимости побуждала людей заняться торговлей, издавна считавшейся недостойной профессией. Для многих она была способом хоть как-то обеспечить свое существование. Группы мелких торговцев, бродящих по дорогам страны, толпящихся на городских улицах и сельских околицах, стали непременным атрибутом корейской действительности. Роль денег выполняли специальные листы бумаги (*чохва*) и дешевые ткани, но чаще всего по-прежнему производился натуральный обмен. Появились богатые торговцы, монополизировавшие куплю-продажу ходовых товаров или все операции в отдельных районах. Благодаря своему могуществу они пополняли ряды местной элиты.

Новое крупное явление экономической жизни Кореи — формирование местных рынков. Если прежде они имелись лишь в нескольких городах (Сеул, Пхеньян, Кэсон и др.), то с середины XV в. начали возникать в уездах провинции Чолла. В XVI в. рынки функционировали уже в трех южных провинциях (Чолла, Кёнсан, Чхунчхон), постепенно продвигаясь далее на север. Власти безуспешно пытались воспрепятствовать их распространению, видя в них «притоны» для бродяг и разбойников. Возражая против этого, видный чиновник и философ Ли Хван в 1547 г.

ИМДЖИНСКАЯ ВОЙНА (1592—1598)


Продвижение японских войск Като Киёмаса
Продвижение японских войск Конisи Юкинага
Продвижение японских войск Курода Нагамаса
Продвижение японского флота во время первого вторжения
Наступление корейских войск
Основные районы действий отрядов народного ополчения
Места крупных сражений сухопутных войск
Места морских сражений
Район, занятый японскими войсками (1593—1597)
Продвижение японских войск в 1597 г
Хверён
Кёнсон
Мёнчхон
Кильчу
Самсу
Капсан
Кэнге
Ыйджу
Ёнбён
Чонджу
Анджу
Пхеньян
Енхын
Пучхон
Ивон
Конъян
Хамхын
Сеул
Инчхон
Суон
Кэсон
Енан
Канхва
Пхаджу
Ёнъан
Чхунчхон
Ёджу
Чхунджу
Мунгён
Чхонджу
Чхиксан
Хвачхон
Нактонган
Кунви
Кёнджу
Тэгу
Кимчхон
Сосэнпхо
Янсан
Пусан
Чинджу
Намвон
Сунчхон
Кванджу
Ноханджин
Сончхон
Ёсу
Хэнам
Чханъён
Кохын
Кохын
Кокчхан
Ёнгван
Кохын
Пхёнсан
Ёнгван

убеждал вана Мёнъджона, что у народа нет иной, кроме рынка, возможности обмениваться средствами существования и тем помогать друг другу. С середины XVI в. было разрешено устраивать торги 2—3 раза в месяц, причем обязательно в единые для всех дни, чтобы не допускать таким образом хождения «праздных людей» с рынка на рынок.

Сложная ситуация в экономике отражала продолжавшееся в XVI в. разложение феодальной общественной системы, созданной в Корее реформами конца XIV — первой половины XV в. Как и прежде, его основу составлял двуединый процесс: укрепление и расширение частной феодальной земельной собственности при параллельном ослаблении государственной собственности на землю. Последнее проявилось, в частности, в постепенной потере государством контроля над земельным фондом страны. В конце XV — первой четверти XVI в. удалось провести всего несколько выборочных проверок его состояния в центральных и южных провинциях. Лишь в 1577 г. была сделана попытка организовать новую всеобщую перепись земель. Но она провалилась в самом начале из-за саботажа не заинтересованных в ней местных чиновников и сопротивления крестьян, опасавшихся, что перепись принесет им дополнительные поборы.

Одновременно происходило сокращение владений государства. Существенный урон несли все их категории, но особенно те, что предназначались на содержание местных учреждений. Выделенные им участки обслуживали преимущественно личные потребности чиновной верхушки, фактически утрачивая ведомственную принадлежность. Все более активно расхищались земли военных поселений (*тунджон*), которые должны были поставлять средства органам управления армией и флотом, гарнизонам крепостей и военных портов. Местные правители либо сами незаконно присваивали их, либо ради карьеры под разными предлогами передавали столичным «влиятельным лицам». Возникшую таким образом нехватку средств, как обычно, старались возместить реквизициями у окрестного населения. Прогрессирующее сужение принадлежавшего государству земельного фонда негативно сказывалось на эффективности административной системы, ослабляло обороноспособность страны.

Численность и аппетиты бюрократии росли, возможности же государства обеспечивать ее должностными наделами (*чикчон*) продолжали уменьшаться. Из-за неурожаев казна несколько раз (в 1512, 1525, 1534 гг.) была вынуждена прекращать на время выплату чиновникам причитавшихся им поступлений с этих земель. Наконец, в 1556 г. (некоторые авторы называют 1557 г.) пришлось вообще ликвидировать должностные наделы. С этого времени их перестали выдавать. Но, судя по отсутствию сведений о конфискациях, полученные прежде наделы навсегда остались у их владельцев. Тем самым во второй половине XVI в. завершилась история служебного землевладения, составлявшего на предшествующих этапах важный элемент феодальной земельной системы в Корее.

Обратная сторона отмеченных выше явлений — неуклонный рост частной феодальной земельной собственности. В этом отношении тон за-

давала царствующая семья, любыми способами расширявшая свои владения. Управлявшее ее имуществом ведомство Нэсуса, не довольствуясь официальными пожалованиями, скупало земли для членов семьи вана и их родственников на средства, взятые из казны или полученные от ростовщических операций. Не гнушалось оно также мошенническими сделками и прямыми захватами собственности государства и отдельных лиц. Присваивались не только пахотные и лесные угодья, но даже прибрежные участки моря, используемые обычно населением для рыболовства.

Не отставали от правящего клана столичная знать, крупные чиновники в провинциях и уездах. Вызванные нехваткой земли у государства сокращение ванских пожалований и ликвидация должностных наделов приводили к попыткам чиновников расширять свои владения посредством скупки, различных махинаций с ведомственной собственностью, насильственных акций против тех, кто не мог отстоять свое имущество. Нередкими стали случаи, когда одному или нескольким хозяевам принадлежала пахотная земля целого уезда, население которого из-за этого теряло средства существования и разбегалось. Захватывались также леса, луга, камышовые заросли, места рыбной ловли. Так, в Сеуле в 1554 г. возникли трудности с топливом, поскольку к тому времени все леса на расстоянии 30 *ли* от города оказались в частных руках и резко подскочила цена на дрова.

Еще более упрочились экономические позиции буддийской церкви. Повсеместно строились новые монастыри и молельни, росла численность монахов. Соответственно увеличивались монастырские владения, главным образом за счет пожертвований. Особенно благоприятной для буддизма в Корее была середина XVI в., когда ван Мёнъджон оказывал ему активное покровительство: десятки монастырей получили от него земли и разнообразные привилегии. В 1566 г. монастырская собственность подверглась частичной конфискации, которая, впрочем, слабо на ней отразилась. К концу XVI в. в Корее, по неполным данным, насчитывалось около трех тысяч монастырей и различных молелен, многие из которых имели обширные владения и большое число монахов. В совокупности монастыри являлись влиятельной группой земельных собственников.

С середины XVI в. в Корее начали возникать «храмы славы» (*совон*), посвященные памяти наиболее видных конфуцианских деятелей. Каждый из них сочетал в себе центр изучения и комментирования трудов данного деятеля, место проведения празднеств и церемоний, школу для местных детей. К началу XVII в. в стране было уже 102 «храма славы», превратившихся в важные органы пропаганды конфуцианства, а заодно — в политические клубы местных его сторонников. Создавались они отчасти на средства, полученные в дар от вана, но в гораздо большей степени — на пожертвования состоятельных жителей. Немалую долю приобретенного таким образом имущества составляла земля, благодаря чему «храмы славы», роль которых в идейно-политической жизни Кореи быстро возрастала, также становились богатыми землевладельцами.

Рост крупной земельной собственности осуществлялся в значительной мере посредством поглощения мелких ее форм, что соответственно от-

ражалось на положении и настроениях низших слоев господствующего класса. Но в целом мелкая феодальная земельная собственность сохраняла свои масштабы, поскольку ряды ее обладателей пополнялись разбогатевшими торговцами и ростовщиками, нерангированными служащими местных учреждений, деревенской верхушкой. Так постепенно размывалась прежняя сословная ограниченность феодального землевладения. Пользуясь ослаблением введенных ранее правил, бесконтрольностью и коррупцией, упомянутые выше лица присваивали казенную собственность, покупали или отнимали чужие земли. Из их среды выходили *тхохо* — местные богачи, которые с XVI в. набирали в провинциях все больше сил и влияния. Они не только любыми путями наращивали свои владения, но и угнетали и грабили окрестное население, уклонялись от всех повинностей, не считались с властями и законом. Изданные в 1546-м и в последующие годы указы о наказании самых злостных тхохо не могли остановить их захватнических действий.

Разложение существовавшей с XV в. аграрной структуры, общее ослабление правопорядка открыли простор дальнейшему росту феодальной эксплуатации. Соответствующие изменения произошли в традиционной «триаде» повинностей. К началу XVI в. самопроизвольно прекратилась прежняя градация земельного налога в зависимости от урожайности и качества почвы. Установилась единая для всей страны ставка, считавшаяся некогда минимальной, — 4 *ту* с каждого кёль. Произошло это не по чьей-то милости, а из-за обнищания крестьянских хозяйств, с чем нельзя было не считаться, а также из-за нежелания местных властей обременять себя хлопотами по строгому выполнению Податного закона 1444 г. (ежегодное определение категорий земли, урожайности, степени ущерба от стихийных бедствий и т.д.). Но и минимальная ставка (вкупе с другими повинностями) часто оказывалась непосильной для крестьян, принуждая их бежать из своих деревень. В 1521 г. официально числилось около 11 тыс. кёль брошенных земель, хотя их наверняка было больше (чиновники нередко не докладывали о них, боясь наказаний). Возникшие таким образом недоимки насильно взимали с соседей беглецов. Злоупотребления со сбором земельного налога с пустующих земель в XVI в. и позже получили большое распространение.

В начале XVI в. правивший Кореей князь (*гун*) Ёнсан, чтобы поправить дела казны, увеличил и без того разорительную натуральную подать с крестьян. По свидетельству современников, наименований ее видов было тогда «как шерстинок у вола». В 1544 г. податной реестр несколько сократили, в последующее время делались частичные послабления отдельным провинциям и уездам. Однако мелкие уступки затем возмещались с лихвой, и к концу XVI в. перечень и объемы податей были столь же велики, как и прежде. Особенно тяжелыми стали «подношения государю», включавшие зачастую даже то, что в данной местности не производилось. Местные власти собирали с жителей дополнительные средства, чтобы через торговцев приобрести недостающее в других уездах. В XVI в. этот способ получил широкий размах, породив своеобразную систему податных откупов. Население лишали возможности самому поставлять

даже то, что было в его силах. Вместо него все необходимое вносили в казну торговцы, которые вместе с чиновниками затем брали с людей в несколько раз больше потраченного. Подати становились все более невыносимыми. С середины XVI в. выдвигались предложения заменить основную их часть умеренным рисовым налогом, используя полученные от него средства на покупку казной нужных товаров. Но в ту пору эта идея не нашла поддержки.

Увеличились также число видов и интенсивность трудовой повинности. Ее продолжительность и тяжесть были столь велики, что крестьяне иногда не имели возможности обработать свои поля и властям приходилось полностью или частично освобождать их от земельного налога. Среди наиболее трудных была военная повинность, превратившаяся для не служивших в армии в еще один регулярный налог — «воинское полотно» (*кунпхо*). Нехватка средств на содержание войск побуждала чиновников, преследовавших и собственные интересы, искусственно раздувать списки плательщиков, повышать ставку налога. В 1537 г. ее сократили до 2 *пхиль* (около 40 м) ткани с человека в год, но все равно она вдвое превышала нормативы XV в. и осталась тяжелой (напомним, что в семье, как правило, имелся не один военнообязанный).

Непосильные платежи и повинности усугублялись ростовщической кабалой. Упадок земледелия усилил спрос на ссуду «возвратным зерном», но уменьшил возможности ее выдачи. Соответственно в государственных и частных ссудных конторах увеличивались проценты, выплатить которые обнищавшему населению было все труднее. Огромные размеры приняла многолетняя массовая задолженность по ссуде. Действовавшие с конца XV в. правила требовали отправлять в отставку начальников уездов, где накапливались крупные недоимки. Одновременно, чтобы предотвратить произвол чиновников, ограничили долю взимаемой прежней задолженности 30 процентами в год. Рост невыплаченных долгов еще более уменьшал предназначенные для ссуды накопления зерна, особенно у государства, не позволял проводить практиковавшееся прежде списание недоимок. Когда ван Мёнъджон решил в 1546 г. сократить по всей стране старые долги, он столкнулся с сопротивлением чиновников, ведавших финансами. Вану пришлось объяснить им, что невозможно собрать старые долги, поскольку приходится открывать государственные склады и кормить голодающих.

Следствием расширения частной феодальной земельной собственности, усиления эксплуатации являлось дальнейшее обезземеливание крестьянства. Об этом можно судить по замечанию чиновника одного из ведомств Лю Ока, высказанному в 1518 г. вану Чунъджону: «Вообще, существование народа зависит от его земли. Но богачи прибирают ее к своим рукам. Обнищавшие же люди продают ее, хотя раньше их земля передавалась от отца к сыну. Вот почему у богачей — межа за межой, а у бедняков негде даже шило воткнуть. Богатые становятся еще богаче, бедные — еще беднее. Никогда это не было таким сильным, как сейчас». Вынужденная продажа земли нередко происходила по принудительно заниженной цене и мало чем отличалась от обычного захвата.

Численность свободного крестьянства — главной социальной опоры средневекового корейского государства (оно в основном несло бремя налогов, податей и повинностей, службы в армии и т.д.) — постепенно сокращалась. Воспользовавшись некоторым оживлением буддизма, часть крестьян уходила в монахи. Другие превращались в бродяг. Многие крестьяне оставались на своих наделах в качестве арендаторов, и испольщина (*пёнджак*) вновь приобретала заметное место в корейской деревне. Часть бывших крестьян становились батраками у богачей. Но все больше росло число тех, кто насильно или даже по своей воле попадал под «покровительство» местных влиятельных лиц, пополняя категорию частных *ноби* (крепостных). В частные руки стремились перейти и казенные ноби. Как бы ни было там тяжело, все же люди предпочитали иметь дело с одним эксплуататором, а не со сворой чиновников.

Росту «подлого» сословия способствовало законодательство конца XV в., вводившее при смешанных браках передачу крепостной зависимости не только по материнской, как полагалось прежде, но и по отцовской линии. В течение XVI в. при дворе несколько раз обсуждались предложения отменить это новое правило, закрывавшее один из каналов пополнения свободного крестьянства и отражавшееся на обороноспособности страны. Однако интересы крупных землевладельцев, нуждавшихся в зависимой рабочей силе, преобладали, и такие предложения неизменно отвергались.

Народные массы Кореи оказывали нарастающее сопротивление угнетателям, чаще всего путем подачи коллективных жалоб и протестов, бегством в глухие места (на севере — даже за пределы пограничных рек Амноккан и Туманган). Но нередко приходилось браться за оружие. Главной ареной восстаний были центральные и южные провинции, где активнее всего происходили отмеченные выше социально-экономические процессы. Иногда здесь создавались крупные повстанческие отряды. Один из них, действовавший в 1515 г. в провинции Чолла, насчитывал более 440 человек. В 1530 г. восстание охватило провинции Кёнги, Чхунчхон и Чолла. Возглавляемые крестьянским вожаком Сунсоком отряды отражали нападения местных правительственных войск, отдельные группы восставших даже проникали в Сеул. Когда эти отряды были разгромлены, помимо Сунсока и 39 его сподвижников (вероятно, командиров отрядов) власти выявили еще несколько сот повстанцев.

С середины XVI в. восстания в Корее участились. Особенно напряженной была борьба в западной провинции Хванхэ. Возникшие здесь в 1557 г. отряды, руководимые О Нинсоком, сражались с карателями в ряде уездов. Однако, разбив их, власти не добились спокойствия. В 1559 г. восстание вспыхнуло вновь, на этот раз во главе с Лим Ккокчоном (Заикой Лимом). Его отряд во взаимодействии с другими совершал набеги на уезды Хванхэ и соседних провинций, доходил даже до столицы, нападая при этом на правительственные учреждения и дома богачей, освобождая узников из тюрем, перехватывая обозы и т.д. Поддержка населения помогала укрыться от преследований, отразить натиск карателей. Так, в конце 1560 г. повстанцами был рассеян отряд правительст-

венных войск (500 солдат) под командованием присланного из Сеула военачальника. Двинув против восставших еще более значительные военные силы, правительство использовало и иные меры: отменило в провинции Хванхэ земельный налог, согнало местное население и заблокировало отряд Лим Ккокчона. Но и эти меры были малоэффективны. Только измена одного из помощников командира повстанцев решила исход борьбы. Длившееся около двух лет восстание Лим Ккокчона считается крупнейшим в XVI в. После его подавления в разных районах Кореи не прекращались народные волнения.

Ухудшение положения страны вызвало дальнейшее обострение противоречий в среде господствующего класса. На первый взгляд две враждующие группировки — *хунгупха* (сторонники ортодоксального конфуцианства) и *сарим* (неоконфуцианцы) — расходились в трактовке вопросов вероучения, но на самом деле первая из них отражала интересы столичной знати, вторая — провинциального чиновничества. Они боролись между собой прежде всего за власть и привилегии, а также спорили и по вопросам управления страной. В конце XV в. группировка сарим, пользовавшаяся тогда влиянием при дворе, в результате интриг противников была отстранена от власти, многие ее члены казнены, отправлены в ссылку, их имущество конфисковано.

Занимавший в то время престол князь Ёнсан — одна из наиболее одиозных фигур среди феодальных правителей Кореи (последующие поколения даже не признали его ваном). Неуравновешенный и жестокий, он вел разгульный образ жизни и прославился тем, что приказал снести все здания в радиусе 30 ли вокруг Сеула, чтобы устроить охотничьи угодья. При нем резко возросли все виды поборов, процветали коррупция и произвол, жертвами которых нередко становилась и столичная знать. В 1506 г. группировка хунгупха свергла Ёнсана. Однако ее засилье при дворе довольно скоро начало тяготить нового вана, Чунъджона, и в 1515 г. он приблизил к себе нескольких молодых деятелей из группировки сарим во главе с видным конфуцианским философом Чо Гванджо.

Выражая общее недовольство быстрым ростом крупной земельной собственности, представители сарим в 1517 г. развернули при дворе дискуссию о необходимости аграрных преобразований. Выдвинутая ими утопическая идея возврата к уравнительному надельному землевладению (за образец предлагалась система «равных полей» в танском Китае) после ряда обсуждений была отвергнута. Лишь в 1518 г. им удалось склонить вана к тому, чтобы установить предел (50 кёль) для вновь создаваемых владений (тех, что уже имелись, указ не затрагивал). Через год этот предел понизили в пять раз. Хотя решения, вырванные у вана группировкой сарим, не были практически исполнимы и оставались на бумаге, они тем не менее всполошили крупных земельных собственников, которые перешли в наступление. В 1519 г. Чо Гванджо и несколько десятков его соратников, обвиненные в покушении на власть вана, были казнены.

Соперничество двух группировок продолжалось и впоследствии с переменным успехом. Позиции сарим все же оказались более перспективными, так как ее поддерживали набиравшие силу провинциальное чи-

новничество, разбогатевшие местные землевладельцы, а кроме того, ее опорой был растущий в сфере идеологии и политики авторитет неоконфуцианства. Во второй половине XVI в. многие уже называли себя его сторонниками, даже потомки деятелей хунгупха, и сарим заняла господствующее положение, утратив при этом былой радикализм. Однако мир и стабильность длились сравнительно недолго. Постепенно снова разгорелась борьба за власть, в ходе которой формировались крупные группировки (их называли теперь «партиями») столичных и местных чиновников, землевладельцев, конфуцианских ученых, объединенных родственными и дружескими узами. На поверхности это выглядело как противоборство из-за толкования конфуцианских догм. В 1575 г. произошел первый раскол сарим на две враждующие «партии»: «западников» и «восточников» (наименования связаны с расположением районов Сеула, где проживали лидеры). Сначала преобладали «западники», затем «восточники». Последние в 1591 г. сами распались на «северных» и «южных», разойдясь во мнениях о том, как поступить с отстраненными «западниками». Увлеченные борьбой за власть и препирательствами по пустякам, деятели этих «партий» уделяли все меньше внимания реальным потребностям государства.

Внутренние трудности Кореи сочетались с ухудшением ее внешнеполитического положения. На севере продолжались опустошительные набеги чжурчжэней. В 1540 г. удалось окончательно вытеснить с корейской территории ту их часть, которая обитала возле Амноккана. Одновременно корейские войска перешли за Туманган и нанесли удар по находившимся здесь племенам. Некоторое время на границе сохранялось спокойствие, но с начала 80-х годов возобновились нападения чжурчжэней из-за Тумангана. В организации сопротивления отличился выдающийся корейский военачальник Ли Сунсин. Неспокойно было и на юге Кореи, где японские поселенцы в трех открытых для них портах (Пусан, Нэипхо, Ёмпхо) отказывались подчиняться местным властям. В 1510 г. произошло восстание, поддержанное присланным с Цусимы отрядом. Подавив его, корейское правительство затем ограничило на этой территории японскую торговлю, несколько раз было вынуждено прерывать все сношения с Японией. В 1555 г. японская эскадра (более 60 кораблей) совершила пиратский налет на побережье провинции Чолла, но была разгромлена. Владетель Цусимы выдал Корее головы пиратских предводителей и такой ценой выхлопотал ее согласие на возобновление торговли (с допуском не более 50 японских кораблей в год).

Ослабленная в экономическом и военном отношениях, раздираемая междоусобицами при дворе — такой была Корея к началу 90-х годов XVI в., когда вспыхнула тяжелейшая в ее истории война. Правитель Японии Тоётоми Хидэёси, лелеявший планы захвата Китая и создания империи на Дальнем Востоке, не скрывал своих притязаний на Корею. Однако корейские высшие сановники, занятые внутренними дрязгами, отмахивались от тревожных сообщений и не занимались подготовкой страны к обороне. Незначительные по масштабам меры попытались предпринять лишь тогда, когда было уже поздно.

Весной 1592 г. японские войска (в общей сложности свыше 200 тыс. человек) в несколько приемов высадились на юго-восточном побережье Кореи (по корейскому календарю 1592 год — это год *имджин*, потому и война названа Имджинской). Малочисленные гарнизоны и население Пусана и Тоннэ оказали им отчаянное, но безуспешное сопротивление. Тремя мощными колоннами японская армия устремилась на север. Известия о ее вторжении повергли Сеул в растерянность. Навстречу ей спешно послали несколько военачальников с задачей задержать противника у горных перевалов на пути к столице. Но те не сумели собрать достаточное количество войск, укрепиться на выгодных позициях, подготовиться к бою и были наголову разбиты. Дорога на столицу оказалась открытой для врага.

Тогда сеульские власти вызвали войска из провинций, намереваясь организовать оборону. Вести о разгроме авангардных сил породили в городе панику, прежде всего в правящих кругах. Под покровом ночи ван Сонджо, его семья и ближайшие придворные тайно покинули столицу, бросив ее на произвол судьбы. Трусливое бегство правителей возмутило жителей Сеула, которые сожгли здания нескольких дворцов и ведомств, уничтожив при этом списки казенных и частных ноби. Когда ван и его сопровождение прибыли в Кэсон, их с плачем и гневными упреками встретила толпа, забросавшая беглецов камнями и комьями грязи. Чтобы успокоить население, вану пришлось отправить в отставку ряд министров. Затем двор перебрался в Пхеньян.

Японская армия в сравнительно короткий срок достигла Сеула и заняла его без боя. Корейские военачальники, на которых ван возложил оборону столицы, не смогли ее организовать и бежали. Срочно набранное в трех южных провинциях 50-тысячное войско, поспешившее на выручку, на подступах к столице было разбито, во многом из-за бездарности командиров. Проведя некоторое время в Сеуле и основательно его разграбив, японская армия двинулась дальше. Возле р. Имджинган она впервые столкнулась с серьезным сопротивлением корейских войск. Его удалось преодолеть лишь с помощью военной хитрости (инсценировав отступление и заманив корейцев на южный берег реки). Завладев Кэсоном, японская армия разделилась на две части: одна направилась на северо-запад, другая — на северо-восток.

Едва японские передовые отряды подошли к р. Тэдонган, ванский двор переместился из Пхеньяна в пограничный Ыйджу, рассчитывая в дальнейшем укрыться в Китае. Жители Пхеньяна и находившиеся здесь войска, брошенные на произвол судьбы бежавшими военачальниками, мужественно защищали город, но не смогли его удержать. Здесь, в Пхеньяне, японское наступление на северо-запад было приостановлено. Прибывший из Китая на помощь корейцам пятитысячный отряд пытался освободить Пхеньян, но был разбит. Между тем вторая часть японской армии с боями продвинулась на крайний северо-восток, вплоть до корейско-китайской границы.

Отмеченные выше внутренние факторы, а также лучшая подготовленность и оснащенность оружием японских войск (мушкеты против луков

со стрелами у корейцев) предопределили неудачи Кореи на начальном этапе войны. Но японская армия не была всесильна. Несмотря на большую численность, она смогла держать под контролем только крупные города и прилегающие к ним районы по пути своего продвижения. Остальная территория страны в той или иной мере оставалась в ведении корейской администрации, а в самую южную провинцию — Чолла захватчикам вообще не удалось прорваться. В ряде мест сохранились отдельные подразделения правительственных войск, способные дать отпор захватчикам. Не занятая противником территория постепенно стала оплотом начавшегося после первоначальной растерянности сопротивления корейцев. Его наиболее боевую часть составило народное ополчение *Ыйбён* («Воины справедливости»), возникшее в тылу японской армии еще на ранней стадии войны. В числе первых были отряды конфуцианских деятелей Квак Чэу, Чохона и др. Нередко ополчение приходилось создавать вопреки воле местных властей, боявшихся вооружать население. Действуя в трудных условиях, ополченцы сумели отбить у врага несколько уездных городов, вдохновляя тем самым силы народного сопротивления.

Если на суше армия Кореи терпела поражения, то на море складывалась совсем иная ситуация. Две корейские эскадры, размещавшиеся у берегов провинции Кёнсан, где началась японская агрессия, из-за трусости и нераспорядительности своих командующих (Пак Хона и Вон Гюна) сразу же были разбиты, однако в провинции Чолла сохранились еще две эскадры. Их возглавил упоминавшийся ранее военачальник Ли Сунсин, организовавший взаимодействие с сухопутными войсками провинции. Уже через месяц после начала войны руководимый Ли Сунсином флот нанес удары по японским базам на побережье и островах, потопив 42 корабля. Затем у порта Норянджин на о-ве Намхэдо были уничтожены еще 12 крупных японских кораблей. В этом бою с корейской стороны впервые участвовали «корабли-черепахи» (*кобуксон*) — подвижные гребные суда, покрытые металлическим навесом, предохранявшим экипаж от обстрела, и имевшие в общей сложности более 70 пушек. В ряде последующих сражений флот Ли Сунсина снова нанес большой урон противнику (тот потерял свыше 150 кораблей), лишив его возможности продвинуться на запад, поддержать с моря свои сухопутные войска, пополнить резервы. Завершились летние операции корейского флота дерзким прорывом в Пусан — базу главных японских морских сил, где было сожжено еще более 100 кораблей.

Наряду с успехами корейского флота ширилась борьба ополченцев. Летом и осенью 1592 г. их боевые действия охватили все провинции страны. Война с японскими захватчиками стала в Корее в полном смысле слова общенародной. В ней участвовали все слои населения, но, естественно, в первую очередь крестьяне, городские низы, люди «подлого» сословия. Большую активность проявили буддийские монахи. Отрядами командовали местные военные и гражданские чиновники, конфуцианские ученые, буддийские деятели, простолюдины. Помимо названных выше прославились Квон Нюль, Ко Гёнмён, Пак Саджэ, Ким Мён, Ким

Хэ, Ким Симин, Сосан дэса («отец Сосан») и многие другие. Отряды часто объединялись в крупные формирования, наносившие ощутимые удары по врагу. Под натиском ополченцев японцам пришлось оставить некоторые взятые ранее города или отказаться от намеченных нападений.

Действия флота и народных ополченцев серьезно ослабили наступательный порыв японских войск, дали возможность корейскому правительству частично восстановить и укрепить свою армию. Но главную ставку оно делало на помощь минского Китая, над которым также нависла угроза японского вторжения. Минские власти, занятые подавлением мятежей на окраинах империи, лишь в конце 1592 г. смогли направить в Корею подкрепление. Китайская армия под командованием Ли Жусуна и взаимодействующие с ней корейские войска в начале 1593 г. выбили японцев из Пхеньяна. Начался быстрый откат японской армии с северо-запада и северо-востока Кореи. Стоило, однако, японцам нанести ответный удар, как Ли Жусун приостановил наступление, позволив противнику сосредоточить силы и закрепиться в Сеуле. Несмотря на призывы корейских военачальников возобновить преследование, он долгое время уклонялся от боевых действий и самовольно начал переговоры с японским командованием о мире. В Сеул китайско-корейская армия вступила только после того, как японцы сами оставили его под угрозой окружения отрядами ополченцев. Перед этим они перебили часть жителей, устроили в городе пожары. После освобождения Сеула Ли Жусун вновь надолго затормозил наступление, чем воспользовались японские войска. Они отошли на юго-восток, создав линию обороны в районе Пусана. Чтобы расширить этот плацдарм, японцы пытались в середине 1593 г. прорваться в провинцию Чолла и осадили закрывавшую им путь крепость Чинджу. Взяв ее после длительных, кровопролитных боев, они не смогли продвинуться дальше и укрылись на пусанском плацдарме.

С этого времени военные действия в Корее практически прекратились. Между Японией и Китаем (в обход Кореи) продолжались затяжные переговоры о мире, в ходе которых Хидэёси выдвигал непомерные требования, главным из них было — уступить ему половину корейской территории. Не дожидаясь результатов переговоров, минские власти в середине 1594 г. вывели свои войска из Кореи. На первых порах сократила свои силы в Корее и Япония, оставив лишь необходимые для обороны удерживаемого плацдарма. Но уже с конца 1596 г. она вновь стала направлять сюда крупные подкрепления.

Поражения 1592 г. и неясность исхода войны побудили корейское правительство заняться укреплением своей армии. Расплывчатую прежде структуру заменили более четким делением на три рода войск: воинов рукопашного боя (с копьями и мечами), лучников и войска огневого боя (с мушкетами и пушками). Усовершенствовали также управление войсками: местные формирования возглавили постоянные командиры; теперь не нужно было, как раньше, при возникновении военных действий ждать прибытия из столицы назначенных ваном военачальников. Улучшилось вооружение армии: наряду с копьями и мечами поставлялись мушкеты (их знали еще до войны, но почти не применяли), несколько

видов пушек, фугасы для подрыва крепостных стен и т.д. Имелось некоторое количество «огневых колесниц» — повозок с 50 мушкетами, из которых каждые 10 стреляли залпом от одного фитиля. В Сеуле создали учебный военный корпус (*Хуллён тогам*), который готовил профессионалов для трех родов войск.

Военные преобразования не давали должного эффекта из-за тяжелого экономического положения страны. Огромные материальные и людские потери в районах боевых действий дополнил массовый голод, охвативший в 1592—1595 гг. всю страну. Не считаясь с этим, власти усилили поборы, провели насильственные реквизиции продовольствия для армии. С этой же целью разрешили продажу за зерно чинов и званий, а также права простолюдинам перейти в «благородное» сословие, ноби — в простолюдины. В столь сложной обстановке вновь оживилось соперничество придворных клик, предпринимались даже попытки мятежа. По ложному доносу был смещен и разжалован Ли Сунсин. Назначенный вместо него Вон Гюн, жаждавший реванша за провал в первые месяцы войны, ухитрился в короткий срок своими безответственными действиями ослабить боеспособность корейского флота.

В Корее замечали приготовления Японии к новому туру войны и принимали некоторые предупредительные меры (стягивали войска, укрепляли крепости, накапливали припасы). В начале 1597 г. по просьбе корейских властей с Ляодуна возвратилась часть китайской армии. Вскоре после этого на юге Кореи высадились главные японские силы. Направленный против них корейский флот был разбит, а его незадачливый командующий Вон Гюн убит во время бегства. Развивая достигнутый успех, японская армия летом 1597 г. перешла в развернутое наступление на суше и на море, намереваясь захватить провинцию Чолла, являвшуюся базой корейского сопротивления. Однако из-за активного противодействия корейско-китайских войск ей удалось овладеть лишь несколькими уездами провинций Чолла и соседней Чхунчхон. В решающем сражении у Чиксана она потерпела поражение и снова откатилась на юг. Надежды закрепиться там и через некоторое время возобновить наступление развеялись из-за натиска корейско-китайских войск (из Китая прибыли крупные подкрепления) и отрядов народного ополчения.

Восстановленный в прежней должности, Ли Сунсин с остатками флота (12 кораблей) осенью 1597 г. вступил в бой с превосходящими силами противника и потопил 30 его кораблей. Одновременно он энергично пополнял свой флот, готовил его к новым операциям. В начале 1598 г. к корейскому флоту присоединилась китайская эскадра. Сухопутные и морские силы Кореи и Китая совместными действиями измотали и оттеснили на крайний юг японскую армию. Лишенная возможности подвоза продовольствия и снаряжения, неся большие людские потери, она к середине 1598 г. оказалась на грани катастрофы.

Пришедшая на исходе лета 1598 г. весть о смерти Хидэёси явилась сигналом к бегству японцев из Кореи. Спешно погрузившись на суда, они пытались проскользнуть мимо блокировавшего побережье корейско-китайского флота. Но свыше 500 японских судов были перехвачены в

бухте Норянджин. В ожесточенном сражении многие из них были сожжены, противник потерял более 10 тыс. человек. В этом же бою погиб командующий флотом Ли Сунсин, военное мастерство и героизм которого снискали ему заслуженную славу у современников и потомков.

Имджинская война причинила Корее колоссальный ущерб. В 1611г., через 13 лет после ее окончания, пахотный фонд страны все еще не достиг трети довоенного. В наиболее пострадавших южных провинциях обрабатывалось тогда немногим более четверти прежнего количества земли. В зоне боевых действий было уничтожено большинство запасов семян и орудий труда, истреблен скот, разрушена оросительная система. Пришло в упадок ремесленное производство: многих мастеров, особенно по керамике и фарфору, насильно увезли в Японию. Резко сократилась торговля. Война и сопутствовавшие ей голод и эпидемии сделали некоторые уезды почти безлюдными. Даже в 20-е годы XVII в. население Кореи оставалось на 15% меньше довоенного.

Понадобились гигантские усилия нескольких поколений, чтобы преодолеть последствия войны. Властям пришлось с этой целью возродить традиционную для феодальной Кореи политику «поощрения земледелия». В основные земледельческие районы направлялись специальные чиновники с задачей собрать беженцев и вернуть их на прежние земли. Крестьян ссужали семенным зерном из государственных запасов, наделяли орудиями труда. Общими усилиями восстанавливались оросительные сооружения. Местные начальники, сумевшие привлечь в свои уезды больше людей, лучше организовать распашку заброшенных земель, поощрялись наградами, продвижением по службе.

Меры хозяйственного возрождения осуществлялись при сохранении прежней системы эксплуатации. Ее даже пополнили новым налогом — *самсуми* (2 ту с каждого кёль). Введенный в годы войны под предлогом обеспечения упомянутых трех родов войск (отсюда его название — «зерно для воинов трех категорий»), он взимался вплоть до конца XIX в. Вместе с тем послевоенная разруха наконец-то заставила правительство прислушаться к давним протестам против натуральной подати. Вместо нее в 1608 г. учредили зерновой налог «заменный рис» (*тэдонми*) в размере 16 ту с каждого кёль (из них 10 шли в центральную казну, 6 — местным властям). Сразу отказаться от подати было нелегко, поэтому введение зернового налога растянулось на столетие. Несмотря на высокую ставку, для крестьян он все же был предпочтительнее, чем прежние подати. Впрочем, последние не были отменены совсем, ведь еще оставались «подношения государю», достигавшие по-прежнему больших размеров.

Тяжелая обстановка в стране неоднократно вызывала народные волнения, самые крупные произошли в 1623 г. Не считаясь с объективными трудностями, правящая верхушка вновь развернула борьбу за власть. Едва закончилась война, как господствовавшая при дворе партия «северных» раскололась на две враждующие фракции. Длительные столкновения между ними, происходившие на фоне усиления недовольства народа своим положением, привели к тому, что их давние конкуренты —

«западники» устроили в 1623 г. вооруженный переворот. Но стоило им только захватить власть, как в их среде также обострились противоречия. Один из вожаков партии «западников», Ли Гваль, назначенный командовать войсками провинции Пхёнан, домогавшийся первых ролей в правительстве, в 1624 г. поднял мятеж. С 12-тысячной армией он двинулся на столицу и даже захватил ее, но был вскоре разгромлен.

Между тем над Кореей, еще не оправившейся от Имджинской войны, нависла новая угроза, на этот раз с северо-запада. Сложившееся к началу XVII в. государство маньчжуров (так стали именовать себя чжурчжэни) с 1618 г. приступило к завоеванию Китая. По требованию минских властей в 1619 г. Корея отправила на Ляодун 13 тыс. своих воинов на помощь китайской армии. Постигшая тут Корею крупная неудача вынудила ее впоследствии придерживаться нейтралитета в маньчжуро-китайском конфликте. Когда к власти пришли «западники», они слишком явно изъявляли симпатии к Минской династии, прекратив всякие отношения с маньчжурами. Такая их позиция раздражала маньчжурских правителей, не желавших терпеть минских союзников у себя в тылу.

В самом начале 1627 г. 30-тысячное маньчжурское войско внезапно перешло по льду Амноккан и вторглось в Корею. Преодолевая отчаянное сопротивление гарнизонов и населения встречавшихся на пути крепостей, маньчжуры овладели Пхеньяном и двинулись к Сеулу, но на полпути к нему вынуждены были остановиться. Их задержали бесконечные стычки с отрядами народного ополчения, а также трудные условия, в которых они оказались: при приближении захватчиков население разбегалось, заранее укрывая продовольствие и фураж. Возглавлявший поход сын маньчжурского правителя Абахая (Тайцзуна) Амин предпочел в такой обстановке предложить мир. Ван Инджо и его приближенные, по старой традиции укрывшиеся от опасности на о-ве Канхвадо, согласились с ним. «Братский союз» Кореи с маньчжурами предусматривал вывод их войск, отказ Кореи от помощи Китаю, ежегодный обмен посольствами, взаимную пограничную торговлю.

Корейско-маньчжурский «братский союз» был вынужденным и потому сохранялся сравнительно недолго. После его подписания завоеватели пытались остаться на северных корейских землях и ушли только под давлением отрядов народного ополчения. Но и впоследствии они совершали набеги на приграничные районы, грабили население; воюя с Китаем, требовали поставок продовольствия, военных кораблей, судостроителей. Все это вызывало возмущение в Корее. В такой обстановке ван Инджо отказался принять послов, прибывших с требованием признать вассальную зависимость Кореи от провозглашенной маньчжурами в 1636 г. Цинской империи. Естественно, что этот шаг не мог остаться без последствий.

В последние дни 1636 г. в Корею вступила 100-тысячная маньчжурская армия под командованием самого императора Тайцзуна. Обходя хорошо укрепленные крепости, она устремилась прямо к Сеулу. Ван Инджо переправил на о-в Канхвадо свою семью и семьи знати, но сам уехать туда не успел: все дороги перекрыли маньчжуры. Вместе с наследником и группой придворных он укрылся в горной крепости Намхан

к югу от Сеула, где размещался небольшой гарнизон и имелись 50-дневные запасы продовольствия. Несколько недель защитники Намхана, отрезанные от остальной страны, мужественно отбивали атаки численно превосходящего противника. Исход обороны решили не боевые действия, а пришедшие в крепость вести о том, что маньчжуры сумели перебраться на Канхвадо и захватили семьи вана и сановников. Узнав об этом, Инджо после некоторых колебаний решил капитулировать.

Условия мира 1637 г. были теперь для Кореи значительно более тяжелыми. Ван признавал себя вассалом Цинской империи, подтверждая это отправкой заложников (в том числе двух своих сыновей), разорвал все связи с Минской династией, казнил по требованию маньчжуров трех придворных, сопротивлявшихся капитуляции. Корея обязалась помогать маньчжурам в завоевании Китая (поставками продовольствия и кораблей), ежегодно отправлять им четыре посольства с большой данью (золото, дорогие ткани и пр.). Унизительный мир вызвал негодование в Корее. Даже после его подписания в некоторых местах отряды народного ополчения продолжали нападать на маньчжуров. Среди высших чиновников теплилась надежда на помощь Минской династии, по этому поводу с ней велись секретные переговоры. По настоянию маньчжуров восемь их участников были казнены. Утвердив в 1644 г. свое господство над всем Китаем, Цинская династия ради умиротворения Кореи в 1645 г. сократила число ее посольств с данью до одного. Но и после этого антиманьчжурские настроения в Корее не ослабевали. Вступивший на престол в 1649 г. ван Хёджон, долгое время являвшийся заложником при цинском дворе, начал даже приготовления к «походу на север», но из-за тяжелого положения в стране вынужден был оставить мысли о реванше. В 1654 и 1658 гг. Корее пришлось участвовать в борьбе цинских войск с русскими на Амуре, послав туда отряды отборных стрелков.

Маньчжурские нашествия по масштабам разрушений уступали Имджинской войне, но они принесли Корее немало бед, затормозив ее социально-экономическое возрождение. Столь грозные проявления внешней опасности, от которой и впредь не было гарантий, породили у корейского правительства иллюзию, что можно сохранить страну и свое господство над ней, отгородившись от остального мира. С этой целью населению под страхом смерти запрещалось вступать в контакты с иностранцами; с побережья выселили жителей и расставили там посты, следившие за тем, чтобы к корейским берегам не подходили иностранные корабли; на верфях не разрешалось строить суда дальнего плавания, рыбакам — уходить далеко в море. С XVII в. за Кореей надолго укрепились названия «страна-отшельник», «запретная страна». Естественно, что полностью порвать связи с внешним миром было невозможно. Тем не менее политика изоляции (со временем ее, вероятно, усилили доходившие сюда сведения о европейской колониальной экспансии, затронувшей уже Восточную Азию) в целом неблагоприятно сказалась на всех аспектах развития Кореи.

Ликвидация последствий маньчжурских нашествий потребовала от властей дополнительных мер для «поощрения земледелия». В Монголии

закупили партию домашнего скота, распределив его в наиболее пострадавших уездах. Вновь проводилась выдача крестьянам ссуд семенным зерном. В Сеуле учредили специальное ведомство, отвечавшее за строительство и ремонт дамб, плотин, различных оросительных сооружений. Главные усилия направлялись на восстановление пахотного фонда. К 1639 г. он насчитывал уже 1300 тыс. кёль, в 1719 г. — 1395 тыс. Это меньше, чем до начала Имджинской войны, но скорее всего приведенные официальные данные не отражали истинного положения дел (из-за непорядков в учете, злоупотреблений и всякого рода махинаций с государственным реестром и т.д.). Сведения хроник о распашке крестьянами целины и даже пастбищ, повсеместном распространении «огненных полей» (участков подсечного земледелия) позволяют думать, что на рубеже XVII—XVIII вв. земельный фонд Кореи был больше формально зарегистрированного.

Гигантский труд корейского народа, более активное внимание властей к хозяйственным нуждам, наступивший длительный мир обусловили определенный подъем экономики Кореи. Всеобщее применение в XVII в. получила высадка на поливных землях рисовой рассады, повысившая урожайность этой важнейшей культуры. Крупным достижением стало разведение женьшеня (основной центр — район Кэсона), создание пригодного для этого особого сорта («красный женьшень»). Вошли в употребление заимствованные у соседей новые огородные растения: томат, табак, перец, тыква. Увеличилось производство технических культур: хлопка, конопли, китайской крапивы (рами). Расширились посадки тутового, лакового и бумажного деревьев. Велись большие работы по разведению фруктовых садов, сохранению и расширению лесонасаждений.

Соответствующие сдвиги произошли и в других отраслях хозяйства. Возродилось и окрепло ремесло: изготовление разнообразных тканей, фарфора, керамической и металлической посуды, письменных принадлежностей, бумаги и пр. Практически заново воссоздавалось уничтоженное в годы Имджинской войны книгопечатание: в середине XVII в. корейские мастера отлили несколько сот тысяч наборных знаков. Увеличилось производство орудий труда, оружия (в том числе огнестрельного), развивались судостроение, солеварение, рыболовство, заготовка морепродуктов. Производственные потребности вызвали подъем горного промысла. В больших количествах добывалась руда и выплавлялось железо. Двухвековой запрет на добычу серебра был снят, и к концу XVII в. серебряные рудники имелись в 68 уездах (в них попутно получали свинец). Добывалось также некоторое количество золота. В целом промышленное производство велось по-прежнему на низком техническом уровне, но во многих его видах углублялась специализация, появлялись отдельные новшества в технологии.

Несколько оживилась также внутренняя и внешняя торговля. Ее стимулировали как рост городского населения (в Сеуле, например, по официальным данным, число жителей увеличилось с 80,5 тыс. в 1657 г. до 185,8 тыс. в 1717 г.), активизация различных отраслей хозяйства, так и периодически случавшиеся неурожаи и голод (в 1670—1671 гг. от голода

погибло около 1 млн. человек). Как и прежде, купля-продажа осуществлялась в основном торговыми фирмами (*сиджон*), которые действовали по поручению казны и имели монопольные права. Количество принадлежавших им лавок увеличилось, они появлялись в уездных центрах и даже в крупных селах. Однако все более сильную конкуренцию им составляли не связанные с фирмами частные купцы, доставлявшие товары преимущественно по рекам, а также многочисленные «сидячие» и странствующие торговцы. Продолжала расширяться сеть местных рынков.

Курс на изоляцию Кореи не отменял внешней торговли, лишь ставил ее под жесткий контроль властей. Урегулирование отношений с соседями, позитивные процессы в корейской экономике обусловили некоторый рост внешних связей. Главным торговым партнером Кореи оставался Китай. Возобновленный при Цинах регулярный обмен посольствами был одновременно обменом крупными купеческими караванами, которые по прибытии в Пекин или Сеул несколько недель вели куплю-продажу в специально отведенных местах. Наряду с этим в XVII в. зародилась корейско-китайская пограничная торговля. Велась она на трех рынках: два располагались возле Ыйджу (один — на китайской территории, другой — на островке посреди Амноккана), третий — у г. Хверён на Тумангане. Периодичность и продолжительность функционирования рынков была разной, но на всех наблюдалась интенсификация торговых сделок. Как и во внутренней торговле, частные купцы из Сеула, Кэсона и других городов неуклонно теснили здесь старые фирмы, представлявшие интересы казны. То же самое происходило в торговле с Японией, восстановленной с 1609 г. Вместо прежних трех портов был открыт для нее только Пусан. Первоначально сюда допускалось не более 20 японских торговых судов в год, в 1635 г. квоту увеличили до 23. Помимо этого в Корею прибывали посольства с Цусимы, сопровождаемые группами купцов. Рынок для торговли с японцами устраивался сначала три, а с 1610 г. — шесть раз в месяц.

Новым явлением экономической жизни Кореи, отражавшим нарастание в ней товарно-денежных отношений, стало употребление в качестве денег медных монет. Вопрос о необходимости их введения для нужд торговли обсуждался при дворе с 1603 г. Дважды делались попытки организовать их производство и распространение, но оба раза все мероприятия срывались из-за маньчжурских нашествий. В середине XVII в. завезли из Китая большую партию монет; некоторое их количество отлили корейские мастера. Однако монеты получили тогда ограниченное хождение, преимущественно в примыкавших к Сеулу и Кэсону относительно развитых районах. Лишь с 1678 г. монетное дело в Корее приняло более или менее устойчивый характер, началось постепенное расширение сферы применения медных денег. Их внедрение происходило медленно, и натуральные деньги еще долго сохраняли преобладающее положение, особенно на окраинах.

Длительный период войн и разрухи способствовал дальнейшему ослаблению позиций государства в аграрной сфере и росту частного феодального землевладения, в первую очередь крупного. Ведомство ванского

имущества Нэсуса только в западной провинции Хванхэ в 1662 г. контролировало земли в 92 местах, причем одно из его владений имело 70 ли в окружности. Ведущее место в системе земельной собственности с конца XVI в. заняли дворцовые земли (*кунбанджон*), принадлежавшие членам семьи и родственникам вана, и ведомственные земли (*амун тунджон*), находившиеся в распоряжении чиновной верхушки. Приобретались они разными путями, но чаще всего посредством насилия. Как сообщалось в одном из докладов вану в 1659 г., «даже в окрестностях Сеула земли в большинстве своем захвачены дворцами. Они захватывают целые горы и равнины и ставят там межевые знаки». В сходных масштабах и теми же способами увеличились владения ведомств. Дворцовые и ведомственные земли изымались из налогообложения, отчего страдала казна. Стремясь приглушить всеобщее недовольство, ван Сукчон объявил в 1690 г. о прекращении земельных пожалований своей родне, заменив их выдачей больших сумм денег (до 500 тыс. медных монет) на покупку земли. Впрочем, члены правящего дома добились возобновления ванских пожалований.

Продолжали шириться и другие из названных выше категорий земельной собственности. В частности, это происходило с владениями конфуцианских «храмов славы». К началу XVIII в. их уже стало 592, из них 232 получили наделы в дар от вана. Гораздо существеннее для «храмов славы» были многочисленные частные пожертвования, зачастую включавшие землю. Видимо, не случайно $^2/_3$ всех храмов находилось в южных провинциях страны — основном районе частного феодального землевладения. Наиболее динамично, однако, росла собственность местных богачей — тхохо, отличавшихся крайней бесцеремонностью и стяжательством. Еще в 1603 г. в одной из петиций вану Сонджо сообщалось: «После войны потеряны земельные списки. Нарушая законность, тхохо захватывают обширные земли. Бедные люди лишаются работы». Со временем объектами их присвоения стали также лесные участки, места рыбной ловли и даже общественные кладбища, за пользование которыми они требовали высокую плату.

Обогащение одной части господствующего класса сочеталось с обнищанием другой, преимущественно средних и низших его слоев, имевших меньше возможностей выстоять в трудных военных и послевоенных условиях. В попытке оградить их интересы, а заодно и умерить аппетиты знати часть чиновников предложила возродить в Корее систему служебных наделов (*чикчон*). Дискуссии об этом с 1660 г. неоднократно возникали при дворе, но всякий раз кончались безрезультатно из-за нежелания ванов покушаться на владения сородичей. Сторонникам возврата к служебным наделам все же удалось в 1688 г. вырвать у Сукчона согласие на их предложение, но оно осталось только на словах. Очередная попытка ограничить произвол и хаос в сфере отношений земельной собственности также не принесла успеха.

В такой обстановке естественным было усиление в Корее социальных противоречий. Периодически происходили выступления крестьян и городской бедноты против поборов и своеволия чиновников и землевла-

дельцев. Масштабы и острота выступлений особенно возрастали в пору неурожаев и голода. В тяжелейшем с этой точки зрения 1671 году народные волнения прокатились по всей стране. Власти жестоко расправились с их участниками.

Приготовления к несостоявшемуся реваншу у маньчжурских завоевателей несколько ослабили распри в правящей верхушке Кореи. Но с конца 50-х годов XVII в., когда пришлось отказаться от «похода на север», возобновились прежние междоусобицы. Правившая в то время страной «западная» партия в 1674 г. была отстранена от власти. Пришедшие ей на смену «южане» вскоре погрязли в собственных противоречиях, и в 1680 г. их свергла «западная» партия. Последняя также затем разделилась на «стариков» — высших сановников из числа крупных конфуцианских деятелей — и «молодых», выражавших интересы рвавшейся к власти чиновной молодежи. Разногласия между ними позволили «южанам» в 1689 г. вернуть бразды правления, казнив при этом более 80 своих противников. Однако их триумф был недолгим: в 1694 г. ван Сукчон передал власть лидерам «молодых». С тех пор на многие годы стержнем политической жизни господствующего класса Кореи стало противоборство партий «молодых» и «стариков».

Тяжкие невзгоды, обрушившиеся на Корею в XVI—XVII вв., нанесли большой ущерб корейской культуре, но не остановили ее развитие. Как и прежде, оно определялось растущими потребностями общества, огромным творческим потенциалом корейского народа и характеризовалось существенным продвижением по многим направлениям. Указанный период знаменателен началом знакомства корейцев с европейской культурой. В XVII в. корейские послы и сопровождавшие их лица неоднократно привозили из Китая появившиеся там труды европейских ученых, географические карты, образцы оружия, подзорные трубы, часы и др. Состоялись также первые непосредственные контакты с европейцами. В 1628 г. в Корее оказались три голландских моряка, потерпевших кораблекрушение. К ним отнеслись благожелательно и даже приняли на службу (поручили обучать солдат обращению с огнестрельным оружием). В 1653 г. на корейском берегу высадились более 30 голландских моряков, спасшихся от кораблекрушения. В течение 13 лет, проведенных ими в Корее, они делились своими знаниями по военному делу, мореходству и т.д. Не преувеличивая значения этих контактов с европейцами, все же следует отметить, что благодаря им несколько расширился кругозор образованной части корейского общества, прежде ограниченный общением только с Китаем и Японией.

В XVI—XVII вв. техническая мысль Кореи по-прежнему не стояла на месте. Своеобразием времени обусловлено то, что известны в основном новинки военного характера: «корабль-черепаха», «огневая колесница», фугасы для подрыва крепостных стен, разрывные снаряды, забрасываемые внутрь осажденных крепостей. Корейские оружейники изготовили тысячи мушкетов, медных пушек разного калибра, большое количество боеприпасов. Их мушкеты пользовались спросом в Китае. Там проявляли интерес не только к изделиям, но и к технологии производства в Ко-

рее огнестрельного и холодного оружия, высших сортов шелка, бумаги, узорчатых циновок и т.д. Считается, что корейские мастера, вывезенные в годы Имджинской войны, предопределили подъем производства в Японии бумаги и особенно фарфора.

Ученые Кореи создали ряд крупных трудов по различным отраслям знания. Среди них выделялась обширная (25 книг) «Тоный погам» («Сокровищница восточной медицины»). Ее автор Хо Джун, проанализировав более 500 корейских и китайских медицинских трактатов, составил в 1610 г. систематизированный свод сведений об известных тогда болезнях и способах их лечения, ставший пособием для нескольких поколений корейских лекарей. Многочисленные новые данные о своей стране, накопленные с конца XV в., позволили группе ученых (Ли Хэн, Юн Ынбо, Син Гонджe и др.) значительно расширить и уточнить изданный ранее обобщающий труд по географии Кореи. В 1530 г. они опубликовали «Синджын тонгук ёджи сыннам» («Новое, дополненное описание корейской земли и ее достопримечательностей») в 55 книгах, содержащее разнообразную информацию о каждом уезде. Его переиздали в 1609 г. Понадобилась большая работа для восстановления по единственному уцелевшему в ходе Имджинской войны экземпляру «Лиджо силлок» хроники правившей в Корее династии Ли. В 1603—1606 гг. заново отпечатали 804 тома, освещавших период 1392—1592 гг. Все они, как и хроники последующих ванов, хранились в нескольких местах, чтобы таким образом сберечь их для истории.

Дальнейшее развитие получила борьба двух основных течений в философии. Зародившуюся еще в XV в. материалистическую концепцию сформулировал и отстаивал Со Гёндок (Хвадам*, 1489—1546), взгляды которого подверглись нападкам сторонников ортодоксального неоконфуцианства, господствовавшего в корейской идеологии. Ведущие позиции в их среде занимал Ли Хван (Тхвеге, 1501—1570), утверждавший незыблемость постулатов идеализма и отвергавший любую критику учения Чжу Си. Крупный конфуцианский ученый и государственный деятель Ли И (Юльгок, 1536—1584) пытался сочетать идеалистическое мышление с элементами стихийного материализма, подчинить теоретические суждения насущным запросам общества. Но в идеологии и политике преобладали воззрения последователей Ли Хвана. Их нетерпимость к инакомыслию усилилась после завоевания Китая маньчжурами, когда в Корее стали считать свою страну единственным хранителем истинного конфуцианства. Воинственный догматизм привел к тому, что это учение утрачивало изначально присущие ему рациональные черты и все более замыкалось в рамках пустой схоластики.

Между тем страна нуждалась в осмыслении происходивших в ней противоречивых процессов, поиске путей решения назревших проблем. Потребности общественного прогресса породили на рубеже XVI—XVII вв. идейное течение *сирхак* («реальные науки»), представлявшее в течение двух столетий все передовое в корейской культуре. Его сторонники, как

* Здесь и далее в скобках приводятся литературные псевдонимы.

правило, были образованнейшими людьми своего времени, впитавшими все богатства опыта и знаний, накопленных Кореей и ее соседями. В отличие от официальных идеологов, занимавшихся в основном бесплодным комментированием конфуцианских канонов, они делали упор (подчеркнув это названием своего идейного направления) на практически полезные изыскания в различных отраслях науки. В центре их внимания находились злободневные вопросы положения страны, забота об улучшении жизни народа, выработка рекомендаций властям о проведении необходимых преобразований. Все это обычно сопровождалось критическим анализом существовавших теорий и конкретной действительности, что требовало немало личного мужества.

Основоположником сирхак считается Ли Сугван (Чибон, 1563—1628). Трижды посетив в составе корейских посольств Китай, он ознакомился там с трудами европейских и китайских ученых, привез многие из них на родину. Полученные сведения и свои взгляды по разным аспектам жизни корейского и других народов Ли Сугван изложил в 1614 г. в «Чибон юсоль» («Рассуждения Чибона»). Выступая в этом произведении против курса на изоляцию Кореи, он высказывался за широкое восприятие всего нового и полезного, что имеется в других странах. Вместе с тем он критиковал традиционное для верхушки корейского общества слепое преклонение перед Китаем. Ли Сугван осуждал междоусобицы придворных «партий», выражал сочувствие простому народу, подчеркивая его решающую роль в успешном для Кореи исходе Имджинской войны. Избранная им методика исследования научных проблем (критический подход к распространенным представлениям, объективное сравнение реалий Кореи и других стран, выдвижение конструктивных предложений) была унаследована и развита несколькими поколениями деятелей сирхак.

Среди ближайших последователей Ли Сугвана наиболее значительным был Лю Хёнвон (Панге, 1622—1673). Довольно рано отказавшись от чиновной карьеры в столице, он провел основную часть жизни в одной из деревень провинции Чолла, посвятив себя научным занятиям. Важнейшее из его произведений — «Панге сурок» («Записки Панге») — содержит первые в истории сирхак проекты реформ в экономике, политике, военном деле, просвещении, конкретные идеи о развитии в Корее земледелия, ремесла, торговли, денежной системы, об улучшении многих сторон деятельности государства. Центральное место отводилось земельной реформе, которая, по замыслу автора, должна была обеспечить равномерное наделение землей крестьян, резко ограничить крупную собственность. Предусматривались также меры по устранению социального неравенства (ликвидация крепостничества, отмена экзаменов на чин и выдвижение людей только в зависимости от их способностей и т.д.). Предложенные Лю Хёнвоном преобразования отвечали действительным нуждам общества и потому обрели немало приверженцев в образованной среде, но не нашли отклика в правящих кругах.

В литературе и искусстве Кореи также происходили позитивные процессы: росло жанровое многообразие и стремление к реалистичному

отображению окружающего мира, повысилось внимание к своей стране, ее природе и людям, ослабевало распространенное прежде следование китайским образцам. Наряду с традиционной тематикой заметное место в литературе заняла Имджинская война. Известными поэтами были Чон Чхоль (1537—1594), Лим Дже (1549—1584), Пак Инно (1561—1642), Квон Пхиль (1569—1612), Юн Сондо (1587—1671) и др., а также упоминавшиеся выше философы Ли Хван, Ли И. В прозе на первый план выдвинулись повесть и роман. Крупнейшими писателями являлись Хо Гюн (1569—1618) — создатель «Повести о Хон Гильдоне», благородном разбойнике, и Ким Манджун (1637—1692) — автор повести «Скитания госпожи Са по Югу» и романа «Облачный сон девяти». Своей повестью «Мышь под судом» Лим Дже положил начало сатирической прозе. Еще один новый жанр — военное повествование, первый образец которого — анонимное сочинение XVII в. «Имджинская хроника».

Соответствующие изменения претерпевали музыкальная культура (возрос интерес музыкантов к народным мелодиям, городскому фольклору), театр масок и театр марионеток (бродячие труппы исполняли пьесы безымянных авторов, преимущественно сатирического характера). В традиционных видах живописи (изображение растений, животных, птиц) выделялись Хван Джипчун (род. в 1533 г.), Ли Джон (род. в 1541 г.), О Моннён (род. в 1566 г.) и др. Новое в архитектуре XVI в. связано в основном со строительством многочисленных «храмов славы» (некоторые из них отличались изяществом форм). Имджинская война и маньчжурские нашествия потребовали больших реставрационных работ. Несмотря на это, в XVII в. были сооружены конфуцианские храмы в Сеуле и Кэсоне, беседки, павильоны и ряд других зданий в Канге, Чинджу, Пхеньяне.

Глава 18

МАНЬЧЖУРСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ КИТАЯ

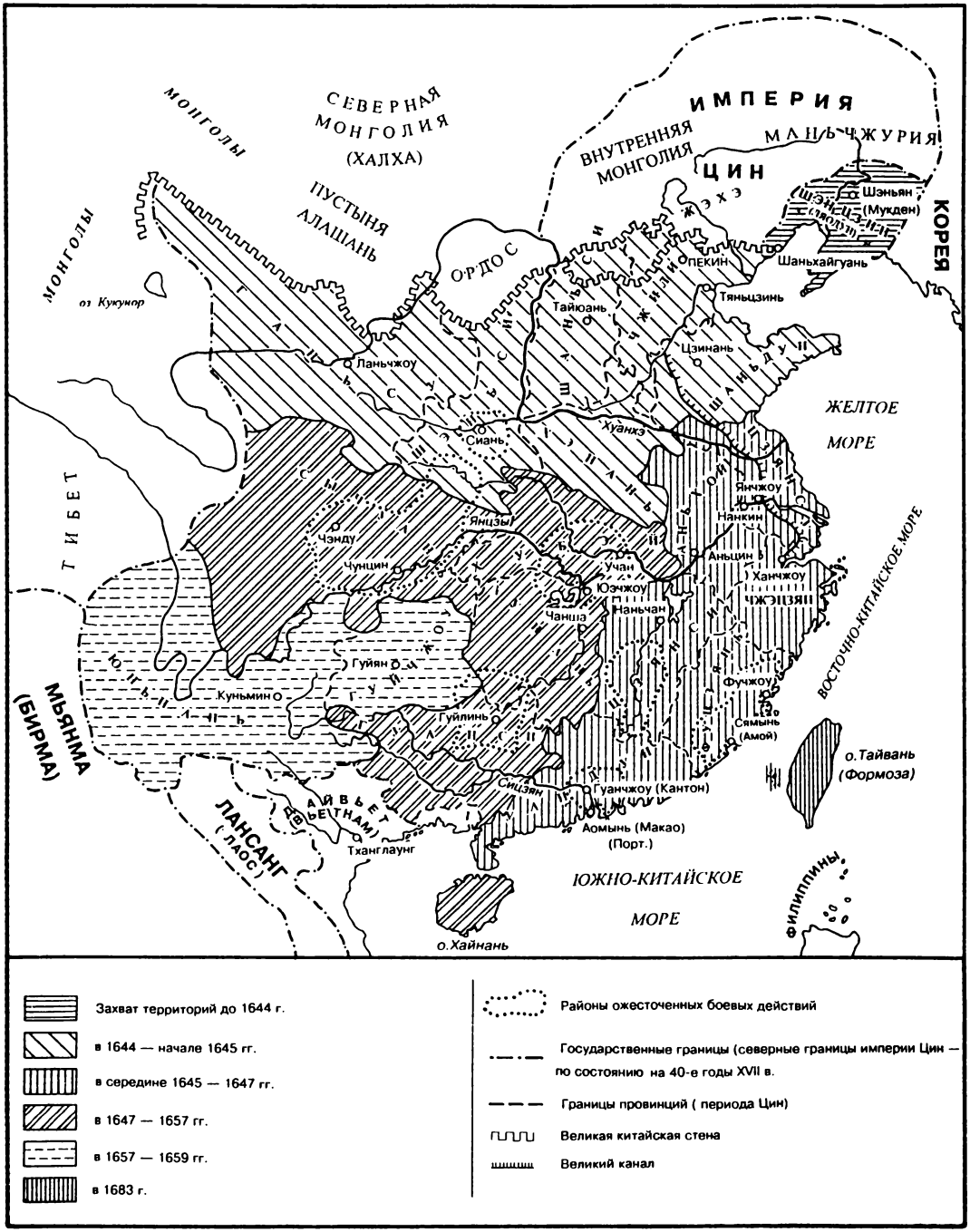
В середине XVII в. империя Мин вступила в стадию экономического, социального и политического кризиса. Он сопровождался не только победным шествием Крестьянской войны 1628—1647 гг., но и начавшейся утратой китайских территорий, переходивших под власть иноземных завоевателей. Ко времени вступления повстанцев Ли Цзычэна в Пекин империя Мин утратила о-в Тайвань. В 1641—1642 гг. он был захвачен Нидерландской Ост-Индской компанией. В 1621 г. войска маньчжурского хана Нурхаци, главы ханства Цзинь, завоевали Ляодун в Южной Маньчжурии. Его сын Абахай провозгласил себя в 1636 г. императором государства Цин. В 1641 г. цинские военачальники присоединили к последнему и Ляоси. Цинская империя простерла свои владения практически вплоть до Великой стены, став серьезной угрозой империи Мин и повстанческому государству Да Шунь.

Положение в маньчжурском государстве к весне 1644 г. осложнилось. Еще в сентябре 1643 г. умер Абахай — бывший хан. На трон был возведен его сын, пятилетний Фулинь, правивший под девизом Шуньчжи (1644—1661). Князья Доргонь и Цзиргалан — его родственники и соперники в борьбе за престол — стали равными по званию принцами-регентами. Талантливый полководец и волевой, умный политик Доргонь (Жуй ван) вскоре забрал себе основные рычаги власти, а в 1644 г. понизил соперника до звания «регент-помощник», став фактическим правителем государства. В отличие от Китая, где царили раздробленность и внутренняя борьба в обществе и правящей верхушке, цинский лагерь сохранил единство.

Минскую империю с севера, у Великой стены, прикрывала «Восточная армия» У Саньгуя. Под командованием этого опытного военачальника к 1644 г. насчитывалось до 120 тыс. отборных строевых солдат, воинов-поселенцев, наемников-пехотинцев и конницы. Лагерь У Саньгуя с центром в крепости Шаньхайгуань полнился бежавшими из столицы и других мест минскими солдатами, военачальниками, чиновниками, шэньши и землевладельцами, толкавшими полководца на разгром повстанческой власти Да Шунь. Желая избежать кровопролития, совет повстанческих вождей в Пекине предложил У Саньгую признать новую власть и династию государства Да Шунь. Авангард повстанцев вплотную подошел к Шаньхайгуаню. Здесь У Саньгуй наголову разгромил двадцатитысячное войско Тан Туна и Бай Гуанэна, посланное из Пекина.

В середине мая Ли Цзычэн со своими основными силами двинулся против У Саньгуя, овладевая по маршруту следования городами и крепостями. В ответ на это У Саньгуй стал спешно набирать новых солдат и вступил в переговоры с маньчжурами о взаимопомощи и союзе. Напуган-

МАНЬЧЖУРСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ КИТАЯ. 1644—1683 гг.



Захват территорий до 1644 г.

в 1644 — начале 1645 гг.

в середине 1645 — 1647 гг.

в 1647 — 1657 гг.

в 1657 — 1659 гг.

в 1683 г.

Районы ожесточенных боевых действий

Государственные границы (северные границы империи Цин — по состоянию на 40-е годы XVII в.

Границы провинций (периода Цин)

Великая китайская стена

Великий канал

Рис. 15

ный приближением армии Ли Цзычэна, минский полководец сам примчался в ставку Доргоня. Его встретили как желанного союзника. К этому времени крестьянская армия уже потеснила и разгромила заслон, выставленный У Саньгуем, а повстанческий авангард окольным путем проник за Великую стену. Здесь, у прохода Ипяньши, Доргонь крупными силами нанес ему поражение, двинувшись после этого на Шаньхайгуань, к которому с юга уже подошли основные силы Ли Цзычэна.

27 мая у Великой стены состоялось генеральное сражение. В нем участвовало до 400 тыс. человек. Доргонь со «знаменными» войсками находился неподалеку. Он приказал У Саньгую бросить в бой все его силы, чтобы измотать крестьянскую армию. В решающий момент из-за рядов армии У Саньгуя, огибая ее правый фланг, на поле появилась маньчжурская конница Доргоня, стремительно врезавшаяся в боевые порядки повстанцев. Неожиданный и сильнейший удар свежих сил многочисленной кавалерии смял ряды крестьянской армии. После короткой схватки с маньчжурами она дрогнула, начала отходить и вскоре обратилась в бегство. Только Лю Цзунминь во главе арьергарда прикрывал беспорядочное отступление, сопровождавшееся большими потерями. Разбитая крестьянская армия отошла к Пекину.

После повторной коронации Ли Цзычэна, состоявшейся 3 июня, повстанцы в походном строю и полном порядке покинули Пекин, а его жители ожидали вступления войск У Саньгуя. В самый последний момент Доргонь не разрешил У Саньгую даже подойти к Пекину, а приказал, обходя столицу, спешно преследовать армию Ли Цзычэна. Сам же регент с частью «знаменных» войск без лишнего шума 6 июня проник в Запретный город, т.е. укрепленную стеной дворцовую часть Внутреннего города — аристократического района Пекина.

С подходом новых «знаменных» войск маньчжуры установили власть над всей столицей, стали скапливаться во Внутреннем городе, выселяя оттуда китайцев и усиливая повсюду охрану. Всем жителям Пекина было приказано обрить головы и оставить косу на макушке, что означало подданство государству Цин. Доргонь объявил, что столица последнего переносится в Пекин.

Через несколько месяцев Фулиня привезли в Пекин и 30 октября 1644 г. повторно провозгласили императором. Доргонь объявил о благоволении к бывшим минским чиновникам и военачальникам. Тем из них, кто признавал и поддерживал власть Цин, давались чины и звания в новом государственном аппарате. Всех прочих призывали поддержать новую династию в целях общей борьбы с повстанцами. Землевладельцам и купечеству гарантировалась защита. Всем, кто раскается, покинет лагерь «разбойников» и перестанет их поддерживать, было обещано прощение. Крестьянам обещали снижение налогов. Сельскому и городскому населению маньчжурский регент сулил покой и порядок.

Эта гибкая политика и умелая пропаганда возымели успех в северных провинциях — зоне Крестьянской войны 1628—1647 гг. По своей исконной религии Доргонь и его окружение были шаманистами, однако с момента вторжения в Китай сразу же объявили себя рьяными сторонниками

и защитниками конфуцианства, стремясь тем самым привлечь на свою сторону минских чиновников, шэньши, помещиков, интеллигенцию и простой народ.

Оставив Пекин, армия Ли Цзычэна двинулась на юго-запад с целью соединения со своими частями, оставшимися в крупных городах столичной провинции и Шаньси. Войска У Саньгуя и Шан Кэси, подкрепленные маньчжурской конницей князей Додо и Боло, неотступно преследовали повстанцев, взяв Баодин. Около Чжэндина повстанцы дали преследователям новое сражение. Ожесточенный бой длился два дня, обе стороны понесли большие потери, был ранен сам Ли Цзычэн. Ни та ни другая сторона не одержали победы, оставшись стоять друг против друга. Через некоторое время ночью повстанцы начали отход. Повернув резко на запад в сторону гор Тайхан, крестьянская армия через перевал Гугуань вступила в провинцию Шаньси.

Это послужило сигналом феодальным силам в Хэнани. Здесь чиновники, шэньши и помещики с помощью помещичьих дружин, сельского ополчения и минских войск, посланных с юга, разгромили местных повстанцев. В северных провинциях не только бывшая минская бюрократия, шэньши, помещики, купцы и ростовщики, но и крестьянство и трудовой люд городов были измучены длительной войной и разорением. Из-за этого армия Ли Цзычэна в Шаньси не получила поддержки со стороны населения и понесла значительные потери. С резким ухудшением положения начались раздоры в совете повстанческих вождей. Один из них, Ли Синь, был убит из-за разногласий, некоторые командиры со своими частями отделились от главных сил, другие скрылись. Ослабленная крестьянская армия оставила юг Шаньси и через перевал Тунгуань перешла в соседнюю провинцию Шэньси, сделав своей базой г. Сиань. Здесь повстанцы укрепились и резко увеличили численность войск. Ли Цзычэн предпринял неудачную попытку договориться с Чжан Сяньчжуном — правителем Великого Западного государства (Дасиго). Последний с титулом князь (*ван*) под девизом правления Да Шунь создал повстанческую власть в Сычуани и враждовал с Ли Цзычэном. Между тем войска У Саньгуя и маньчжурская конница покорили провинцию Шаньси.

В целом завоевание Северного Китая происходило для государства Цин малой кровью. Войска У Саньгуя, Шан Кэси и других полководцев-китайцев здесь встречали самое благожелательное отношение, прежде всего со стороны чиновников, шэньши, помещиков и вообще богатых людей. Помещичьи дружины, отряды сельской самообороны во главе с землевладельцами и шэньши всячески помогали полководцам и «знаменным» войскам бороться с «разбойниками» и наводить «порядок и спокойствие» в своих уездах, округах и областях. Так была завоевана южная часть столичной провинции и большая часть Шаньдуна. Тем не менее в Шаньдуне маньчжуры впервые столкнулись с партизанским движением, охватившим затем частично Хэнань и Чжили. Повстанцы организовали свои отряды — «войска из вязовых рощ».

С присоединением Северного Китая к империи Цин маньчжуры захватили громадные пахотные площади — государственные земли ди-

ВОЙНА "ТРЕХ КНЯЗЕЙ-ДАННИКОВ". 1673—1681 гг.

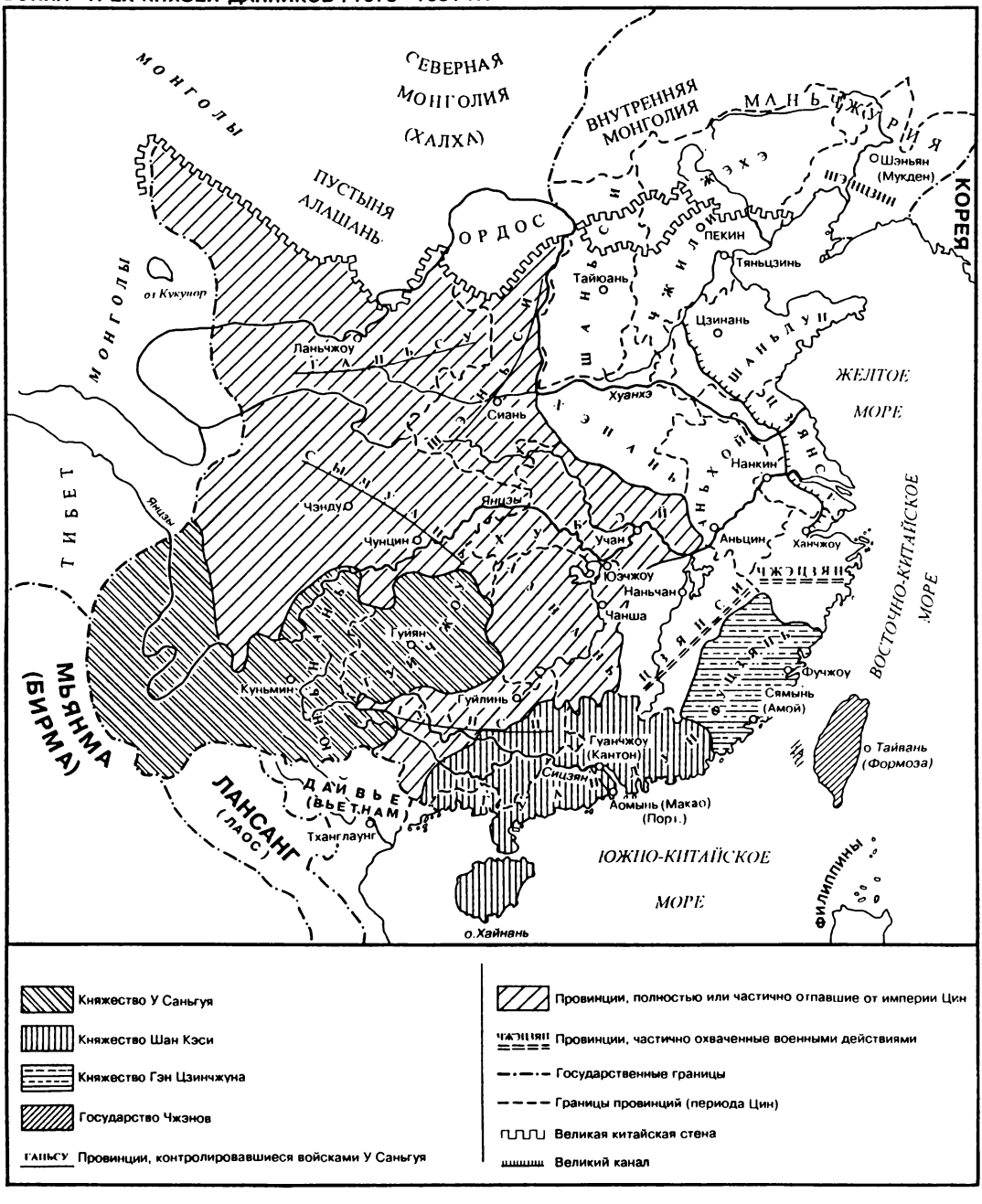


Рис. 16

настии Мин, а также земли помещиков и крестьян. Завоеватели либо просто сгоняли крестьян с их участков, либо превращали их в краткосрочных арендаторов, крепостных, слуг или рабов. На захваченных землях династия Цин создала свою систему казенного землевладения. Это были прежде всего императорские (*хуан чжуан*), княжеские (*цзунши чжуан*), «восьмизнаменные» (*баци чжуан*) и просто казенные поместья (*гуан чжуан*). Земли в этих поместьях обрабатывали крепостные крестьяне — *чжуандины* и *тоучунжэни*. Первая категория состояла из бывших пленных, посаженных на землю, и из государственных крестьян, навечно приписанных к этим поместьям. За каждым чжуандином закреплялся участок земли, с которого взимался оброк зерном или деньгами. За всем этим следили специальные старосты (*чжуантоу*). Вторая категория — тоучунжэнь — состояла из китайцев, «по своей воле» перешедших в крепостную зависимость со своей землей или без нее. Тоучунжэни становились либо наследственными, либо кабальными арендаторами. Кроме того, у маньчжуров было распространено рабство. Число рабов (*аха*) быстро росло за счет массы пленных, захваченных во время военных походов в Корею и Китай.

С укреплением власти Цин все маньчжурские военные и гражданские чиновники и даже простые солдаты (*пицзя*) обзавелись рабами (*нубэй, нупу*) и слугами (*цзяжэнь*). Часть рабов была занята обработкой земли, а другая предназначалась для домашних услуг. После овладения Пекином началось массовое переселение основной массы маньчжуров и остальных «знаменных», до этого живших на равнине Ляохэ в Южной Маньчжурии. Большей частью они были перемещены в провинцию Чжили, особенно в столичную область Шуньтянь и сам Пекин. Согласно указу регента Доргоня от 1644 г., по мере переселения происходил массовый захват у местных китайцев земли и домов со всем имуществом; прежние хозяева изгонялись. Это называлось «окружением участка» (*цюаньди, цюаньтань, цюаньчжань*). В итоге только в Чжили более трети всех земель перешло к «знаменным» и маньчжурской верхушке.

Обосновавшись в Северном Китае, новая династия оставила в неприкосновенности минские ставки основных налогов, но отменила введенные в конце Мин три дополнительных налога — «ляодунский», «карательный» и «налог для обучения войск». Этим маньчжуры в той или иной степени купили нейтралитет со стороны крестьянства и помещиков. Последние за пределами столичной провинции получили гарантии неприкосновенности своих владений. На этой основе стал складываться союз маньчжурских и китайских феодалов, в массе своей сохранивших земли, чины, звания и должности либо получивших новые посты в цинском государственном аппарате.

При покорении Северного Китая «знаменные», как правило, шли позади войск полководцев-изменников (*ханьцзянь*), как бы наблюдая за их усердием и верностью. Метод князя-регента Доргоня состоял в завоевании Китая руками китайцев. Это отводило от «северных варваров» часть гнева местного населения, когда на авансцене действовали ханьские полководцы и солдаты. Малочисленных маньчжуров Доргонь всячески берег. Уже к весне 1645 г. во власти завоевателей оказались вся Северо-

Китайская равнина и провинции Лёссового плато, т.е. почти все земли до р. Янцзы. Практически это была та половина Минской империи, которая до этого служила ареной Крестьянской войны 1628—1647 гг.

Для завоевания Южного Китая цинское правительство в начале 1645 г. создало две ударные группировки. Одна из них — «восточная» — готовилась наступать из Аньхуэя против империи Мин в низовьях р. Янцзы и приморских провинциях. Другая, выступив из Шаньси, должна была добить войска крестьян и продвигаться на юг через долину р. Хань. Тем самым империя Мин и ее основные вооруженные силы в среднем течении Янцзы были взяты в «клещи» с востока и запада. К осени 1644 г. против армии Ли Цзычэна регент Доргонь направил крупные силы — три китайские армии, которыми командовали У Саньгуй, Шан Кэси и Кун Юдэ. С тыла их подпирали «знаменные» войска князя Додо, одного из сыновей Нурхаци, и бэйлэ Аджигэ.

Цинские войска переправились на правый берег р. Хуанхэ и подошли к стратегически важным узкому горному проходу и крепости Тунгуань. В марте 1645 г. здесь произошла грандиозная битва, в которой повстанческая армия была разбита. С помощью пушек завоевателям удалось взять и саму крепость. Оставив без боя Сиань и юг Шэньси, повстанцы, разделившись на несколько колонн, двинулись горными дорогами через хребет Циньлин на юг — в долину р. Хань. Крестьянские войска, двигаясь вдоль ее берегов, вышли к Янцзы, переправились на правый берег и в мае 1645 г. на короткое время заняли Учан.

Уклоняясь от битв с минскими войсками хугуанского наместника и карательными помещичьими силами, измученная долгими переходами и боями местного значения, сильно поредевшая армия Ли Цзычэна отступила на юг провинции Хубэй, в горы Цзюгун. Здесь в июне 1645 г. при неизвестных обстоятельствах погиб Ли Цзычэн. Армия У Саньгуя стала преследовать войска Ли Цзычэна в долине р. Хань, но, перейдя через Янцзы, потерпела поражение от повстанцев, которыми уже командовал племянник Ли Цзычэна Ли Го. Бросив пушки и прочее снаряжение в воду, армия У Саньгуя отступила за Янцзы. Более чем двухсоттысячная армия Ли Го попала в безвыходное положение, ибо она была обречена на гибель в войне на два фронта — с маньчжурами на севере и империей Мин на юге. Тогда Ли Го резко изменил стратегическую линию. Считая завоевателей главной опасностью, он сумел договориться с минскими военачальниками и правительством в Нанкине о совместной борьбе против «северных варваров» и изменников-ханьцев.

Со смертью Ли Цзычэна и переходом армии Ли Го в подчинение династии Мин Крестьянская война 1628—1647 гг. не закончилась. В Сычуани действовало второе «Великое Западное государство» повстанцев во главе с Чжан Сяньчжуном и его приемными сыновьями — молодыми командирами крупных отрядов — Сунь Кэваном, Ли Динго, Ай Нэнци и Лю Вэньсю, получившими от приемного отца почетные титулы. Сложившееся в жестокой борьбе с местными чиновниками, шэньши и помещиками, это второе, после империи Ли Цзычэна, повстанческое государство под девизом правления Да Шунь охватывало в основном юг Сы-

чуани. Их противники — минские чиновники, богатые шэньши и помещики — собрали шесть воинских формирований из минских солдат и помещичьих дружин, опиравшихся на деревенскую самооборону. В боях с этими формированиями армия Чжан Сяньчжуна потерпела поражение. Повстанцы оставили свою столицу Чэнду и отошли в северо-восточную часть Сычуани.

Зимой 1646 г. на завоевание Сычуани Доргонь направил большое маньчжурское войско во главе с сыном Абахая бэйлэ Хаогэ. Здесь, на севере Сычуани, положение повстанцев оказалось критическим, среди их вождей начались раздоры. Крестьянская армия попала в ловушку в горах Фэньхуан. Застигнутые врасплох, воины Чжан Сяньчжуна приняли бой с маньчжурами Хаогэ и китайцами-изменниками. В этом ожесточенном сражении близ Сичуна в январе 1647 г. повстанцы были разбиты и понесли огромные потери. Сам Чжан Сяньчжун был убит. Его приемные сыновья с поредевшим войском, разделенным на несколько групп, начали отступление на юг. Им с большим трудом удалось форсировать р. Янцзы у Чунцина и уйти в Гуйчжоу. Здесь позже они признали власть одного из минских правителей и включились в общекитайскую борьбу с завоевателями. Так закончилась Крестьянская война 1628—1647 гг.

Между тем от 200 до 300 тыс. воинов Ли Го, стотысячная армия минского наместника Хугуана полководца Хэ Тэнцзяо и некоторые другие соединения в долине среднего течения Янцзы зимой 1647 г. были реорганизованы в армию Тринадцати соединений (*Шисаньчжэнь*) под общим командованием Хэ Тэнцзяо. Поражение У Саньгуя южнее Янцзы и стойкая оборона армии Тринадцати соединений на этом водном рубеже резко затормозили движение «западной» группировки на юг. Упорные бои затянулись здесь до лета 1648 г. В итоге глубокий прорыв и охват Минской империи с запада во многом был сорван.

К весне 1645 г. на всей территории южнее Янцзы сохранялась власть империи Мин со столицей в Нанкине. В этой второй столице государства, как и в Пекине, находились шесть ведомств (*любу*), управлявших южной частью страны. Новым императором династии Мин был провозглашен бездарный пьяница Фу ван (Чжу Юсун). В Нанкине не придавали особого значения маньчжурской угрозе и серьезной подготовки к войне не вели. Опираясь на экономически более развитой, многолюдный и богатый Юг, здешняя верхушка до лета 1645 г. считала себя в относительной безопасности и не понимала весь ужас нависшей угрозы. В самом Нанкине продолжалась грызня придворных клик.

Весной 1645 г., когда войска «восточной» группировки под командованием князя Додо вышли к р. Хуайхэ, Минскую империю в долине Янцзы охраняли четыре армии. Однако они были крайне разбросанны. В итоге Нанкин с севера прикрывала только одна, и притом малочисленная, армия под командованием Ши Кэфа. Будучи выдвинута к р. Хуайхэ, она не смогла остановить на равнине панцирную маньчжурскую и монгольскую конницу, потерпела поражение и отступила под защиту крепостных стен Янчжоу на Великом канале севернее Янцзы. Ши Кэфа отверг

предложение капитулировать и возглавил оборону. В течение семи дней войска и население героически обороняли этот большой и богатый город.

Овладев Янчжоу, маньчжуры устроили кровавую резню, длившуюся десять дней и унесшую 800 тыс. жизней. Эта вакханалия жестокости сопровождалась пожарами, грабежом, насилием и угоном пленных в рабство. Взятый в плен, Ши Кэфа отказался служить династии Цин и был казнен. Янчжоу — прославленный центр ремесла и торговли — был разрушен до основания. В середине июня 1645 г. армия Додо с помощью предателей-китайцев форсировала Янцзы и подошла к Нанкину. Фу ван и его придворные бежали, бросив столицу на произвол судьбы. Более чем двухсоттысячный минский гарнизон не захотел сражаться и отступил на юг. Чиновники открыли ворота столицы и капитулировали. При этом большинство их пошло на службу к завоевателям.

Это, однако, не избавило сдавшийся без боя Нанкин от массовых насилий, грабежей и убийств. Маньчжуры сожгли императорский дворец. В июле «знаменные» войска подошли к Уху, куда бежал Фу ван. При приближении врага он был арестован своими же военачальниками, поспешившими вместе с войсками перейти в цинское подданство и сдать город. Фу ван был отправлен в Пекин и там умерщвлен. «Знаменные» устремились к Ханчжоу, где после пленения Фу вана государем империи Мин был объявлен Лу ван (Чжу Чанфан). Однако маньчжурская конница разгромила и обратила в бегство его войска. Ханчжоу капитулировал, а неудачливый претендент на трон был увезен в Пекин и умерщвлен голодом.

Между тем жестокость и насилие «знаменных» вызвали в тылу соединений маньчжурских князей, шедших на юг, восстания жителей Сунцзяна и ряда других городов, а также крестьян, к которым присоединилась часть минских солдат. Небольшой городок Куньшань цинские войска взяли штурмом только на пятые сутки осады, после чего было вырезано свыше сорока тысяч жителей. После гибели Лу вана, готовясь к обороне против «северных варваров», минские сановники и военные в Чжэцзяне и в Фуцзяни провозгласили временными правителями (*цзянго*) Минской империи двух претендентов на трон. В Шаосине, объявленном временной столицей, государем был посажен новый Лу ван (Чжу Ихай), а в Фучжоу правителем был объявлен Тан ван (Чжу Юйцзянь).

Однако вместо объединения сил перед лицом общего грозного врага оба претендента на императорский трон ссорились, их окружение занималось интригами, причем многие заранее готовились переметнуться в стан завоевателей. В провинциях южнее Янцзы сопротивление захватчикам было ослаблено остротой социальных противоречий в минском обществе. Доведенные до крайней степени налоговая эксплуатация, чиновничий произвол, насилие со стороны минских князей, сановников и евнухов, усиление помещичьего гнета, со своей стороны, во многом обусловили пассивность значительной части населения Южного Китая. Ко всему этому добавились деградация и развал единой власти Мин южнее Янцзы, что создало объективные и субъективные условия для успехов цинских армий.

После взятия Нанкина правительство Доргоня издало указ о бритье голов. На всей территории, уже присоединенной к империи Цин, китай-

цам-мужчинам, носившим тогда длинные волосы, надлежало перейти от традиционной китайской к маньчжурской прическе, т.е. обрить волосы спереди, а оставшиеся на темени заплести в косу. Не выполнивший это в десятидневный срок считался «сопротивляющимся разбойником», и ему отсекали голову. Китайский народ увидел в новой прическе символ рабской покорности завоевателям. Из уст в уста передавалось решение патриотов: «Лучше потерять голову, чем волосы!» Массы горожан и сельских жителей, противясь надругательствам над национальной гордостью ханьцев, брались за оружие.

Более месяца героически обороняли свой город восставшие жители г. Цзянъинь. Взломав крепостные стены огнем осадных орудий, ворвавшиеся «знаменные» в течение трехдневной резни убили более 172 тыс. человек, в том числе женщин, стариков и детей. Два месяца восставшие патриоты удерживали в своих руках г. Цзядин, после чего каратели вырезали 20 тыс. жителей. Однако и после этого горожане восстали вновь. Кровавая баня была повторена, как и прежде, руками бывших минских солдат по приказу военачальника—предателя родины. Эти и другие восстания в тылу армии князя Додо, а также большие потери к концу 1645 г. измотали войска и сбили темпы их наступления.

При завоевании Южного Китая малочисленные маньчжуры столкнулись не только с героическим сопротивлением китайского народа, но и с демографическим феноменом этой страны. Ее население (почти 200 млн. человек) многократно превосходило численность «восьмизнаменной» армии и ее союзников, составлявшую около 1 млн. человек. Для покорения этой гигантской силы, для снижения ее количественного перевеса маньчжуры шли на массовое уничтожение населения любого сельского района или города, оказавшего сопротивление. Цинские войска в этом случае руководствовались правилом «не сдаются — убивай, сдаются — тоже убивай», подтверждая его сожжением и разрушением городов и деревень.

Летом 1645 г. цинские войска из Цзяннани двинулись в Цзянси. Минский командующий войсками (*тиду*) в этой провинции Цзинь Шэнхуань без боя сдался маньчжурам в Цзюцзяне и был оставлен ими в этой должности. Силами своих войск он присоединил бóльшую часть провинции к империи Цин. К весне 1646 г. завоевателям удалось подавить восстание в покоренной Цзяннани, получить подкрепления, усилить свои ряды и тыл за счет войск китайских полководцев-изменников, что дало «знаменной» коннице поддержку китайской пехоты. В марте регент Доргонь назначил князя Боло главнокомандующим начавшегося похода в Чжэцзян и Фуцзянь. Войска Лу вана не могли остановить цинскую армию, которая захватила его столицу Шаосин и другие города. Лу ван с частью войск бежал на острова, а большинство его военачальников признали себя подданными государства Цин.

Завоеватели вышли к границам Фуцзяни. В этой провинции всеми делами заправлял всемогущий сановник, богач и землевладелец Чжэн Чжилун, в чьих руках находились большинство войск Тан вана и сильный флот. Перед броском маньчжуров в Фуцзянь Чжэн Чжилун пере-

метнулся во вражеский лагерь, но был увезен в Пекин, вскоре заключен в тюрьму, а позднее казнен. Обезглавив тем самым правительство Тан вана, маньчжуры во главе с Боло осенью разгромили его войска в ущелье Сяньсягуань. В ходе упорных боев за крепость Тинчжоу минские войска были вторично разбиты. Маньчжуры обезглавили более 10 тыс. человек, в том числе Тан вана и его свиту. После этого завоеватели захватили ряд крепостей и без боя вошли в главный город провинции — Фучжоу. К декабрю 1646 г. армия Боло завоевала всю Фуцзянь.

И снова в минском лагере, на этот раз в Гуандуне, появилось два очередных претендента на императорский трон: один — в Чжаоцине, другой — в Гуанчжоу. Возобновились междоусобная борьба и военные действия. Цинские власти при помощи дезинформации усыпили бдительность минских полководцев и зимой 1646/47 г. нанесли неожиданный удар. В Гуандун была брошена китайская пехота, перешедшая под власть маньчжуров еще в восточных приморских провинциях. Ею командовал перебежавший во вражеский лагерь бывший минский военачальник Ли Чэндун. Его войска в январе 1647 г. беспрепятственно вошли в Гуанчжоу, где погиб один из претендентов на престол. Вслед за этим Ли Чэндун повел полки против Чжаоцина, где находился другой претендент — Гуй ван (Чжу Юлан). Последний со своим окружением бежал в главный город провинции Гуанси — Гуйлинь.

Гуй ван оказался в центре борьбы военачальников и населения юго-западных провинций, чье сопротивление позволило последнему минскому правителю продержаться на троне почти 15 лет (1646—1661).

Столь длительному сохранению этой части империи Мин способствовал ряд факторов. Большую роль играли отдаленность и труднодоступность Юго-Запада, расположенного на Гуйчжоуском плато и Юньнаньском нагорье. Маньчжуры не желали тратить на завоевание этого отсталого, бедного «угла» государства Мин «драгоценную» кровь своих «знаменных». Сказывались скованность маньчжуров необходимостью подавления сопротивления в уже завоеванных провинциях, а также невысокий боевой дух сражавшихся на их стороне китайских армий под командованием полководцев—предателей родины, кои были брошены на покорение этого трудного региона, а позднее переход некоторых из них снова в лагерь Мин. Все это обусловило длительность героического сопротивления Юго-Запада, окончательно сломленного лишь в 1663—1664 гг. Одним из важнейших факторов столь упорной обороны стало наличие в регионе крупных и боеспособных соединений из бывших повстанческих армий Ли Цзычэна и Чжан Сяньчжуна. Переход этих закаленных в боях частей под знамена государства Мин существенно отдалил окончательное крушение последнего. Тем не менее к бывшей крестьянской армии Ли Го окружение Гуй вана относилось со страхом и подозрением, хотя это были лучшие части не только в минских войсках вообще, но и в числе Тринадцати соединений.

Войска Тринадцати соединений до середины 1647 г. стали непреодолимой преградой на пути «западной» группировки цинских войск. Если «восточная» группировка за два с лишним года (весна 1645 — лето 1647 г.) прошла через четыре провинции (Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун) и

завоевала их, то «западная» все это время протопталась в долине Янцзы перед фронтом войск Ли Го и Хэ Тэнцзяо. Тогда Доргонь организовал мощный удар им в тыл и во фланг с запада — из Цзянси. Летом 1647 г. цинские войска разгромили части минского полководца Ян Тинлиня и вышли к Чанша. В результате угроза окружения, снова нависшая над войсками Ли Го и Хэ Тэнцзяо, заставила их спешно отходить на юг. Началось массированное наступление армий Кун Юдэ, Шан Кэси и Гэн Чжунмина, занявших всю Хунань и теснивших минские войска в северной части провинции Гуанси.

Одновременно из Гуандуна в южные районы Гуанси вторглась армия цинского прислужника Ли Чэндуна. Таким образом удалось загнать в одну провинцию все войска сопротивления и взять их в «клещи» — с севера и с юга. Цинские полководцы рвались к Гуйлиню, где обосновался последний минский правитель — Гуй ван. Армии Ли Го и Хэ Тэнцзяо оказались в тяжелейшем положении. Цинские войска трижды безуспешно осаждали Гуйлинь. Между тем в тылу у Ли Чэндуна началось восстание в Гуандуне, где отряды повстанцев соединились под стенами Гуанчжоу и атаковали его. Ли Чэндун со своей армией спешно покинул театр военных действий и устремился назад — наводить порядок в своей провинции. Тем временем в декабре 1647 г. в тяжелых боях под Цюаньчжоу были разбиты и отброшены за пределы Гуанси пришедшие с севера цинские войска. Угроза полного поражения обороняющихся сил отодвинулась. Империя Мин, потеряв многие из ранее захваченных территорий, сохранилась. Так закончился второй этап (1645—1647) маньчжурского завоевания, когда под власть империи Цин перешла основная минская территория южнее Янцзы, а под контролем Мин на Юго-Западе сохранились лишь три провинции — Гуанси, Гуйчжоу и Юньнань.

В 1648 г., когда регент Доргонь готовил последний удар по минским силам, наступил резкий перелом в общей обстановке и в военных действиях в пользу сил сопротивления. На фоне возросшего антиманьчжурского движения в завоеванных провинциях произошел раскол в цинском лагере. Цзинь Шэнхуань и Ли Чэндун считали себя обделенными, ибо не получили всей полноты власти в завоеванных ими провинциях, а были поставлены под начало цинских наместников, также из числа китайцев-предателей. В 1648 г. оба полководца восстали против маньчжуров и перешли на сторону империи Мин вместе со своими армиями и провинциями Цзянси и Гуандун, повернув оружие против цинских войск.

Это послужило сигналом к массовому восстанию против власти завоевателей в 1648—1649 гг. Воспользовавшись резким изменением обстановки, армии Хэ Тэнцзяо и Ли Го повели наступление на Хунань и освободили эту провинцию. Они были поддержаны многочисленными восстаниями деревенского населения против маньчжуров. Во многих районах Северо-Западного и Южного Китая началось массовое движение против власти завоевателей. Поднялись крестьяне и горожане, начались восстания китайских провинциальных войск «зеленого знамени» (*люйин*, *люйцибин*), создавались тайные братства и вооруженные отряды. В городах происходили перевороты, патриоты восстанавливали здесь власть династии Мин.

Во главе ее зачастую вставали вчерашние перебежчики в лагерь маньчжуров. В Сычуани восстали три бывших минских военачальника — Ли Чжаньчунь, Тань Вэнь и Тан Хун с подчиненными им частями «зеленого знамени». К ним присоединились командиры двух отрядов численностью свыше 10 тыс. человек каждый. В результате на сторону Минского государства перешли южная и восточная части Сычуани. Население поддержало восставших военачальников, признавших власть Гуй вана.

В 1648—1649 гг. западные подступы и тыл Гуанси — обломка империи Мин укрепились с возникновением дружественного Великого Западного государства (Дасиго) во главе с Сунь Кэваном, со столицей в Куньмине. Его создали на территории провинции Юньнань и Гуйчжоу четыре полководца — приемные сыновья Чжан Сяньчжуна, отступившие сюда в начале 1647 г. со своими войсками из Сычуани. В итоге общая база сопротивления захватчикам резко расширилась и охватила семь провинций. Антицинские войска перешли в наступление по всем направлениям. Этому способствовал резкий подъем антиманьчжурского движения в тылу цинских армий на еще удерживаемых ими территориях.

Крупное восстание произошло в Шаньси, где повстанцы освободили более 50 уездов. В 1649 г. на их сторону перешел со своими войсками полководец Цзян Сян. Он разгромил сильную маньчжурскую армию, взял столицу провинции — г. Тайюань и крепость Датун, создав угрозу Пекину. Подавляющая часть провинции Шэньси в 1648—1649 гг. была занята отрядами местных повстанцев. Власть маньчжуров сохранялась лишь в столице провинции — г. Сиань. Против иноземцев поднялись мусульмане Ганьсу во главе с Дин Годуном (Дин Гочэнь) и Ми Лаинем. Их отряды овладели районом к западу от Хуанхэ, захватили г. Ланьчжоу и прилегающие к нему области, сея панику среди маньчжуров.

Практически весь северо-запад Китая вышел из-под власти государства Цин. Под его контролем осталось всего восемь провинций, но и на их территории разгоралась антиманьчжурская борьба. В Шаньдуне ширились партизанские действия «отрядов из вязовых рощ». Минские войска с о-ва Наньао у побережья Фуцзяни в 1647—1648 гг. высадили крупный десант на материк. В восточной части Чжэцзяна — в горах Сыминь успешно действовали антиманьчжурские отряды. В районе оз. Тайху сражались повстанцы из «армии белоголовых». Китай стоял на пороге всенародного восстания против завоевателей. Между тем антицинские силы никак не могли объединиться и действовать сообща. Каждый полководец и политик поступал по собственному усмотрению, на свой страх и риск, каждый заботился о своей армии, о своем отряде, районе, провинции и преследовал свои цели. Все это давало возможность немногочисленным цинским войскам громить повстанческие очаги поодиночке.

В критический период военного и политического перелома 1648 — начала 1649 г. правительство Доргоня приняло действенные меры для удержания завоеванных китайских провинций в рамках государства Цин. Доргонь произвел некоторые уступки в налогообложении, раздавал награды, пожалования и почетные титулы, объявил амнистии непокорным. «Четырем князьям-данникам» (*сыфань*), У Саньгую, Кун Юдэ, Шан Кэси

и Гэн Чжунмину, посулил должности автономных правителей в провинциях, которые им предстояло завоевать. Эти меры несколько ослабили сопротивление захватчикам и заметно укрепили цинские войска, позволив им перейти от отступления и обороны к активным действиям.

С 1649 г. началось контрнаступление. Сосредоточив у Нанкина 120-тысячную армию, маньчжуры бросили ее на покорение Цзянси. После трехмесячной героической обороны сдался Наньчан, войска Цзинь Шэнхуаня были разбиты. Затем была захвачена вся провинция, которая подверглась разрушениям и разорению. Вслед за этим настала очередь Шэньси. Сюда двинули армию У Саньгуя и войска из соседних провинций, а также из-под Наньчана. Перед лицом превосходящих цинских сил местные повстанцы сняли осаду Сиани, отступили и рассеялись. Было подавлено восстание мусульман в Ганьсу, и взяты все города провинции. Однако после ухода правительственных войск сопротивление вспыхнуло вновь, потребовав очередных усилий карателей.

Особую опасность для Пекина представляли восстание в соседней Шаньси и армия Цзян Сяна, заручившегося поддержкой одного из влиятельных монгольских князей. Поэтому против мятежной Шаньси было двинуто более чем стотысячное отборное «знаменное» войско во главе с самим Доргонем. С ним шли и другие опытные полководцы — Никань, Аджигэ, Боло. Им в помощь были стянуты войска из соседних провинций. Сочетая заманчивые обещания и амнистию покорившимся с осторожной тактикой, Доргоню удалось окружить армию Цзян Сяна в крепости Датун, павшей в октябре 1649 г., после чего было подавлено сопротивление и во всей провинции.

Тем самым были ликвидированы самые крупные очаги сопротивления на уже присоединенной к империи Цин территории к северу от Янцзы. Доргонь двинул освободившиеся крупные силы в южные провинции и продолжил контрнаступление с крайне выгодного цзянсийского плацдарма силами полководцев—изменников родины. Армии Шан Кэси и Гэн Чжунмина двинулись в мятежный Гуандун, а войско Кун Юдэ — в Гуанси. В 1650 г. свежие цинские части перешли в наступление в Хунани, разбили ослабленную расколом армию Тринадцати соединений южнее Чанша и захватили г. Сянтань.

При обороне этой крепости погибли основные силы Хэ Тэнцзяо, а сам он был казнен. Серьезные поражения понесли войска Ли Го. Измотанные боями и сильно поредевшие, они отступили в Гуанси. Превосходящие силы противника вынудили их двинуться в Гуйчжоу, где им преградили дорогу отряды, руководимые местными чиновниками, шэньши и помещиками. Здесь погиб Ли Го, и командование принял его приемный сын Ли Лайхэн. Он повел своих воинов на соединение с ранее ушедшими частями Ли Го на границу провинций Хубэй и Сычуань.

С уходом Ли Го на запад войска Кун Юдэ беспрепятственно устремились в Гуанси и осадили Гуйлинь. Его обороняли немногочисленные войска минского губернатора Цюй Шисы. После жесточайшей осады город пал в конце 1650 г. и так же, как и вся провинция Гуанси, подвергся кровавой расправе. Почти девять месяцев армии Шан Кэси и Гэн

Чжунмина подавляли сопротивление в Цзянси, продвигаясь от поверженного Наньчана к границам Гуандуна. Войска Ли Чэндуна были разбиты, и полководцы-каратели со своими солдатами весной 1650 г. осадили Гуанчжоу. Эта южная твердыня патриотов героически оборонялась около десяти месяцев. В ноябре город пал. Три недели здесь продолжалась резня, в ходе ее было убито более ста тысяч человек. Гуй ван бежал и с остатками своих войск укрылся в Гуйчжоу, отдавшись под покровительство Ли Динго и Сунь Кэвана. Весь Гуандун был захвачен цинскими войсками. На время рухнули последние остатки империи Мин. Так завершился третий период маньчжурского завоевания Китая (1648—1650) — от народного восстания 1648—1649 гг. до его подавления и временной ликвидации Минского государства. После внезапной смерти Доргоня в 1650 г. крупные военные действия прекратились до весны 1652 г.

На западе Китая оставалось три очага антиманьчжурского сопротивления. Первый, меньший из них, находился на стыке провинций Хубэй, Хунань и Сычуань. Здесь укрепились отряды Хао Яоци, в свое время отколовшиеся от армии Ли Го, а также пришедшие сюда в 1651 г. на соединение с ними части Ли Лайхэна. Второй очаг располагался в самой Сычуани, где главенствовали минские военачальники и повстанцы. Третьей и значительно более боеспособной силой оставалось Великое Западное государство (Дасиго) во главе с Сунь Кэваном. Армии Дасиго, прошедшие горнило Крестьянской войны под знаменами Чжан Сяньчжуна и его четырех приемных сыновей-полководцев, отличались высокой боеспособностью. Не дожидаясь цинского наступления, государство Сунь Кэвана нанесло упреждающий удар. В начале 1652 г. его северная армия двумя колоннами под командой Лю Вэньсю и Бай Вэньсюаня вошла в Сычуань, форсировала Янцзы и, поддержанная местными повстанцами, развернула успешное наступление в Красном бассейне (Сычуаньской котловине). В то же время многочисленное войско Сунь Кэвана освободило всю провинцию Хунань.

Одновременно в Гуанси стремительно двинулась восточная колонна. Ее составляла отборная, хорошо вооруженная и прекрасно обученная 100-тысячная армия под руководством выдающегося полководца и народного героя Ли Динго. Прорвав горные заслоны, он разбил войско Кун Юдэ и овладел Гуйлинем. Вместе со своим воинством погиб и сам Кун Юдэ. Падение Гуйлиня стало сигналом к началу большого наступления антицинских сил, спешивших присоединиться к Ли Динго, который двинулся в Цзянси и Хунань. Ему наперерез была брошена отборная, почти 100-тысячная «знаменная» армия под началом опытного и талантливого военачальника Никаня, участника многих успешных походов. Ли Динго устроил ему западню и разгромил его войско в битве под Хэнчжоу, где был убит и сам Никань.

В конце 1652 г. армия Ли Динго в том же районе нанесла новое поражение завоевателям. От маньчжурского господства были освобождены Гуанси, Хунань, юго-запад Цзянси. В 1653 г. Ли Динго совершил победоносный поход в Гуандун, освободив ряд областей провинции. Фактически это было второе после 1648 г. общее наступление антицинских

сил, хотя и менее мощное из-за недостатка войск и усталости населения от войны, разрухи и карательных акций. Компенсируя эти серьезные слабости, Ли Динго навязал маньчжурам изматывающую маневренную войну со стремительными передвижениями, неожиданными ударами и отходами. После того как цинские войска занимали какой-нибудь город или уезд, появлялись части Ли Динго и его подчиненных и возвращали утраченные территории и крепости силам сопротивления, которые стойко оборонялись повсюду. Так, около восьми месяцев в 1652—1653 гг. патриоты отражали нападения войск Шан Кэси на Гуйлинь. Авторитет Ли Динго и его полководческий талант позволили ему удерживать в своих руках стратегическую инициативу вплоть до конца 1654 г. Почти четыре года (1652—1655) цинские военачальники ничего не могли поделать с этой дисциплинированной и грозной армией, хотя и имели численное превосходство.

На юго-востоке Китая сын Чжэн Чжилуна Чжэн Чэнгун, опираясь на большой флот и на помощь местных повстанческих отрядов, в 1652 г. занял почти весь юг Фуцзяни. Его корабли полностью контролировали побережье, а в 1654 г. поднялись вверх по Янцзы вплоть до Нанкина. Измотанные более чем десятилетней войной, цинские войска не могли сломить силы сопротивления, а те не имели возможности для массированного наступления. В итоге на ряд лет установилось стратегическое равновесие сил и завершился очередной этап борьбы (1652—1654), начатый походами Ли Динго, Лю Вэньсю и Сунь Кэвана.

Бросив в наступление в конце 1654 — начале 1655 г. огромные воинские силы, в том числе и армии оставшихся «трех князей-данников» (*саньфань*), маньчжурам удалось осуществить перелом и перейти в контрнаступление. Ли Динго вынужден был оставить Гуандун и отступил через Гуанси в Гуйчжоу. Цинские войска разбили армию Сунь Кэвана, вытеснили патриотов из Хунани и заняли Гуанси. Еще раньше в Сычуани У Саньгуй одержал победу над Лю Вэньсю под Ланчжуном и заставил его отступить в Гуйчжоу. Цинские войска разгромили отряды Хао Яоци. Неудачи антицинских сил резко обострили вражду между Сунь Кэваном и Ли Динго. В начавшемся в 1657 г. вооруженном столкновении все войска первого перешли на сторону второго. Ли Динго вместе с Гуй ваном укрепился в Юньнани. Власть Сунь Кэвана рухнула, и он бежал в стан маньчжуров. Великое Западное государство ослабло.

Войска У Саньгуя, цинского наместника пяти провинций Хун Чэнчоу и еще трех маньчжурских князей, наступая с трех сторон — из Гуанси, Хунани и Сычуани, в 1658 г. заняли провинцию Гуйчжоу. В 1659 г. превосходящие цинские силы по нескольким направлениям вторглись в Юньнань. Из Хунани наступали войска Хун Чэнчоу и маньчжурских князей Доки и Лоло, из Гуанси — «знаменные» части Жаобгая, из Сычуани — армия У Саньгуя. Завоеватели заняли Куньмин. Гуй ван с приближенными бежал в Бирму. Ли Динго отбивался от наседавших со всех сторон цинских войск, пытаясь удержать последний плацдарм — глухие юго-западные районы Юньнани.

В 1659 г. флот Чжэн Чэнгуна вторично вошел в Янцзы и подступил к стенам Нанкина. Его солдатами был занят Чжэньцзян. Действовавшие в

союзе с ним войска Чжан Хуанъяня развернули наступление в провинции Аньхуэй. В Пекине это вызвало панику, ибо успех антиманьчжурских сил грозил отрезать южные провинции от государства Цин. Крупные силы противника вынудили Чжэн Чэнгуна оставить Янцзы и нанесли поражение войскам Чжан Хуанъяня. В погоню за Чжэном был послан флот, вдвое превосходивший по численности флот Чжэна. В морском сражении у Сямэня в 1660 г. цинские морские силы были разгромлены. Под натиском превосходящих сил завоевателей Ли Динго отвел свои сильно поредевшие отряды в Бирму, где безуспешно пытался выручить арестованного там Гуй вана. Для захвата последнего правителя из династии Мин на бирманскую территорию послал свои войска и У Саньгуй, добившийся от короля Бирмы выдачи беглеца. В 1662 г. он был казнен в Куньмине У Саньгуем.

С разгромом антиманьчжурских сил в юго-западных провинциях сопротивление новой власти не закончилось. Цинским войскам долго не удавалось разгромить остатки отрядов Бай Вэньсюаня в Сычуани. До 1662 г. сражалась «армия белоголовых» в районе оз. Тайху. В 1663 г. в Фуцзяни вспыхнуло крупное крестьянское восстание под руководством Ван Тефу. Там же в 1664 г. были разгромлены войска Чжан Хуанъяня. В восточной части Сычуани, в глухой горной местности на границе с Хубэем, еще держались отряды Ли Лайхэна и местных вожаков. Этот очаг сопротивления с большим трудом был сломлен лишь в 1663—1664 гг.

Таким образом, для первоначального завоевания материкового Китая маньчжурам и их пособникам потребовалось два десятилетия (1644—1664). Это были годы героической борьбы китайского народа за свою независимость. В царствование Фулиня (1644—1661), т.е. за первые 18 лет маньчжурского господства, в Китае произошло более 100 крупных и мелких восстаний против завоевателей.

На десять лет — с 1663 по 1673 г. — в завоеванной стране наступило затишье, во многих местах напоминавшее кладбищенскую тишину. Десятки ранее густонаселенных торгово-ремесленных городов лежали в развалинах. Множество мастерских и мануфактур было разрушено. На больших пространствах опустели деревни, а поля лежали заброшенными. Завоеватели и их пособники оставили после себя пепелища, горы трупов, развалины, скелеты убитых вдоль дорог. Массовое истребление гражданского населения должно было, по мысли маньчжурских правителей, вселять ужас перед завоевателями, парализуя любую попытку неповиновения. Актами настоящего геноцида стали уничтожение почти всех жителей таких городов, как Янчжоу, Цзядин, Шаочжоу, Цзянъинь, массовая резня в Нанкине, Гуанчжоу, Гуйлине и других крупных городах — Цзинани и Линьцине. Были разорены некогда богатые торгово-ремесленные города (Сучжоу, Сунцзян, Цзинань, Цзиндэчжэнь и др.). В некоторых городах среднего масштаба население было почти полностью уничтожено или бежало. Многие волости, уезды и округа обезлюдели.

Крестьянская война и маньчжурское завоевание — эти два гигантских социально-политических катаклизма привели к заметному сокращению населения Китая. С 1623 по 1660 г., по некоторым оценкам, было убито

свыше 10 млн. человек, не считая десятки миллионов умерших от голода, холода, эпидемий и стихийных бедствий. Маньчжурское завоевание Китая отбросило экономику страны на 70—80 лет назад, укрепило казенное землевладение, активизировало и расширило самые отсталые формы эксплуатации — рабство и крепостничество, привело к ренатурализации былого товарного хозяйства, значительно снизило роль городов, ремесла и торговли в экономике. Разруха привела к резкому сокращению валового производства и в деревне, и в городе.

В ходе завоевания Китая маньчжуры восстановили минскую фискальную систему *лицзя* и стали вводить полицейскую систему круговой поруки *баоцзя* как средство укрепления своего господства. К 70-м годам XVII в. баоцзя была распространена на всей сельской местности, находившейся под цинским контролем. Обстановка экономической разрухи, резкое сокращение податного населения и поступлений от налогов заставили цинское правительство еще в ходе завоевания Китая принимать действенные меры по восстановлению производства и увеличению поступлений от налогов в казну. В годы Шуньчжи (1644—1661) и Канси (1662—1722) власти собирали беженцев, привлекали их к распашке пустошей, передавали им на правах аренды казенные земли, отдавали во владение заброшенные поля, отпускали ссуды на приобретение семян, инвентаря и рабочего скота, освобождая таких новопоселенцев от налогов на три года. В результате стало заметно расти число крестьян—собственников земли (*цзыгэннун*) и тяглового населения. Беженцы постепенно возвращались на заброшенные земли, шло медленное восстановление сельского хозяйства, росли налоговые поступления в казну.

Богдохан Фулинь в последние годы своего правления оказался в руках могущественной клики евнухов, число которых при дворе превысило пять тысяч. Они активно вмешивались в дела правления и занимали высокие государственные должности, потеснив у кормила власти маньчжурских князей. Накануне смерти Фулиня в 1661 г. императором был провозглашен его второй сын — семилетний Сюанье, принявший девиз правления Канси. Умирающий богдохан создал регентство из четырех человек во главе с князем (*гун*) Обоем (Аобай). Они должны были править страной до совершеннолетия Сюанье. Регенты и маньчжурская аристократия немедленно отстранили от дел и разгромили клику евнухов, казнив ее главу У Лянфу.

В начале 60-х годов внутренние распри парализовали активность цинского правительства. Обой захватил власть в свои руки, образовал при дворе сильную клику и самовластно правил империей Цин восемь лет (1661—1669). Беспощадно истребляя своих противников, главный регент создал обстановку междоусобной грызни в верхних эшелонах власти, что привело к хаосу в государственных делах. На фоне гигантских человеческих жертв, разрухи и национального унижения заметные потери понесли и китайские феодалы — чиновники, шэньши и помещики. Они лишились «своей», китайской династии и части земель, покорились «северным варварам», были оттеснены на верхних уровнях административного контроля, сохранив лишь второстепенные и третьестепенные позиции.

С окончанием военных действий в Юго-Западном Китае правительство Обоя получило возможность заняться обустройством своих территорий к северу от Великой стены, заброшенных после 1644 г. С 1662 г. «земли Мукдена» превращались в особую провинцию Фэнтянь (Шэнцзин) и считались «внутренними землями», т.е. входили в состав Цинской империи. Все территории, лежавшие дальше на север, именовались «внешними землями» и не считались частью маньчжурского государства. В 1668 г. правительство Обоя особым указом объявило Маньчжурию — «священную родину» маньчжуров и их тыловую позицию — запретной зоной, закрытой для китайцев-переселенцев.

Борьба в высших эшелонах маньчжурской власти в период правления Обоя ослабляла власть завоевателей. Положение стабилизировалось лишь в 1669 г., когда молодой император Сюанье и его дядя князь Сонготу (Соэту) свергли Обоя и разогнали его клику. Ведение государственных дел взял в свои руки Сонготу. Он же стал лидером Совета князей-регентов и сановников и почти на десять лет (1669—1679) фактическим правителем Цинской империи при юном богдохане. Чтобы сбить волну недовольства, князь Сонготу и его соратники пошли на ряд уступок и послаблений. Так, в 1671 г. был восстановлен существовавший при Минах Дворцовый Секретариат (*Нэйгэ*), который состоял из равного числа китайцев и «знаменных». Однако его функции были чисто исполнительными.

Незавершенность завоевания Китая остро давала о себе знать. С поражением армии Ли Динго наиболее боеспособные антицинские силы продолжали сопротивление в Фуцзяни. Это были части Чжан Хуанъяня и особенно армия и флот Чжэн Чэнгуна. В приморских районах им активно помогало местное население. Дабы лишить этих полководцев массовой поддержки, с 1661 г. власти начали поголовное переселение жителей в глубь провинций. За исключением обнесенных крепостными стенами городов, все прибрежное население Цзянсу, Чжэцзяна, Фуцзяни и Гуандуна было насильственно согнано со своих мест и перемещено в среднем на 15—20 км от моря. На этом рубеже была проведена укрепленная «граница», нарушение которой каралось смертью. В безлюдной полосе между «границей» и морем создавалась мертвая зона: жилища сжигались, поля вытаптывались. Масса людей, лишившись крова и источников существования, бедствовала, голодала и бродяжничала. Такой жесткий режим поддерживался более 20 лет — с 1661 по 1683 г.

К началу 60-х годов все крупные очаги сопротивления и более или менее значительные воинские силы, сражавшиеся под знаменами династии Мин на материке, были уничтожены завоевателями и их пособниками из числа китайцев. Чжэн Чэнгун перебросил на Тайвань почти все свои силы с материка, оставив лишь крупные гарнизоны на двух укрепленных островах у берегов Фуцзяни — Сямэнь и Цзиньмэнь. В мае 1661 г. флот Чжэн Чэнгуна из ста кораблей высадил на Тайване десант численностью 25 тыс. воинов. Частично потопив, а частично отогнав корабли голландцев и взяв без боя крепость Провидение, китайцы осадили крепость Зеландия. Последняя во главе с губернатором Формозы Ф.Койеттом капитулировала в феврале 1662 г.

Господство Ост-Индской компании рухнуло, ему на смену пришло проминское, антицинское государство во главе с семьей Чжэнов. В этом же, 1662 г. прославленный флотоводец и военачальник Чжэн Чэнгун умер. В борьбе за власть победил его старший сын, Чжэн Цзин, принявший титул отца «главнокомандующий-усмиритель». Он возглавлял эту «монархию без монарха» вплоть до 1681 г. Цинское войско и флотилия совместно с голландским флотом после первого неудачного морского сражения весной 1663 г. все же овладели к концу года Сямэнем и Цзиньмэнем. Они разрушили и сожгли все сооружения, а затем отразили удар крупного десанта Чжэн Цзина. В 1664 г. были разгромлены последние отряды Чжан Хуанъяня, а сам он казнен. В дальнейшем значительные военные действия надолго прекратились.

После падения Куньмина и ухода остатков войск Ли Динго в Бирму в 1661 г. цинское правительство, желая избежать новой вспышки сопротивления и новой военной кампании, выполнило свое старое обещание — передать завоеванные армиями «четырех князей-данников» (*сыфань*) провинции в личное владение этих полководцев, из коих после смерти Кун Юдэ осталось трое. Так произошел территориальный раздел Китая к югу от р. Янцзы между четырьмя государственными образованиями — империей Цин и тремя «даннническими княжествами» (*фаньго*). Провинции Чжэцзян, Цзянси и Хунань, а также юг Цзянсу, часть Гуйчжоу и ряд областей Гуанси отошли к маньчжурам и были включены в их империю. На остальных землях Юга и Юго-Запада были созданы три полусамостоятельных княжества, зависимых от империи Цин. Армия Гэн Чжунмина, а с 1651 г. — его сына Гэн Цзимао была переведена в Фуцзянь, и ее командующий получил эту провинцию в качестве «данническое княжества». После смерти Гэн Цзимао в 1671 г. оно перешло к его сыну Гэн Цзинчжуну. Шан Кэси получил в свое владение Гуандун и прилегающие области Гуанси. Наиболее знаменитому полководцу У Саньгую еще в 1659 г. был отдан в княжение самый дальний и «дикий» угол региона — Юньнань, а также прилегающие области Гуйчжоу. Тем самым на трех новых правителей (*ванов*) возлагалась миссия политического «умиротворения» и хозяйственного восстановления этих разоренных многолетней войной провинций. «Князья-данники» считались цинскими наместниками (*цзунду*) и должны были выполнять приказы из Пекина.

На двенадцать лет (1661—1673) в провинциях к югу от Янцзы установилось относительное затишье, за исключением приморских районов Фуцзяни. Здесь войска Гэн Цзимао первое время вели борьбу с антицинскими силами Чжан Хуанъяня и Чжэн Чэнгуна, а затем Чжэн Цзина. До 1671 г. войска и флот последнего систематически нападали с моря на цинские прибрежные посты в Фуцзяни. За двенадцать лет мирной передышки «князья-данники», равно как и династия Цин в остальной части Китая, делали все, чтобы укрепить свою власть. Частичное восстановление экономики Цинская империя и князья использовали для усиления армий и укрепления влияния. К 1673 г. обе стороны привели свои территории в относительный порядок, а войска — в боевую готовность. Отборная армия У Саньгуя насчитывала 80 тыс. солдат, у Гэн Цзинчжуна

имелись 150 тыс. бойцов и флот. К счастью для маньчжуров, третий князь — семидесятилетний Шан Кэси был прикован к постели болезнью. Он удерживал своего сына Шан Чжисиня и армию от столкновения с Пекином.

Весной 1673 г. император Сюанье приказал «князьям-данникам» сложить с себя власть. Позже цинский двор издал указ о роспуске княжеских армий. Самим правителям было предложено явиться в Пекин, ибо их решили поселить в Маньчжурии, что означало почетную ссылку. В ответ на это в декабре 1673 г. У Саньгуй поднял мятеж. В своем княжестве он отказался от цинского летосчисления по годам Канси, от маньчжурской одежды и ношения косы, а также объявил о переходе на все стандарты эпохи Мин. У Саньгуй провозгласил себя «полководцем, поднимающим войска по всей Поднебесной», и двинул свою армию в отошедшие к государству Цин части Гуйчжоу и Гуанси. Так началась война саньфань («трех князей-данников») против маньчжуров (1673—1681).

У Саньгуй призвал всех китайцев подняться на борьбу с «северными варварами» и объединиться под его руководством. В первую очередь он апеллировал к преданным ему военачальникам (*тиду*, *цзунбин*) Запада и Юга. Восстание поддержали высшие чины Юньнани и Гуйчжоу, а также провинции Сычуань во главе с военным губернатором Ло Сэнем. Однако, обессиленный войной и разрухой, народ не спешил вставать под знамена предателя родины, прислужника завоевателей и кровавого карателя. Сторонники У Саньгуя просили его выступить в поход на Пекин. Шестидесятилетний князь отказался от этого плана и решил создать свое государство в Юго-Западном Китае. Массовой поддержки в разоренных войной провинциях У Саньгуй не получил, хотя на его сторону переходили местные китайские части. Так, восстали бывшие минские, а ныне «зеленознаменные» войска в Сычуани, которые признали власть У Саньгуя. Его собственная боеспособная армия весной 1674 г. победоносно двинулась в Хунань. Здесь города и гарнизоны «зеленознаменных» повсеместно переходили на сторону У Саньгуя. К нему примкнул и *цзянцзюнь* провинции Гуанси Сунь Тинлин. За первые десять месяцев похода на северо-восток У Саньгуй стал властелином пяти провинций. Против династии Цин восстали «зеленознаменные» войска в Шэньси, Ганьсу и Хубэе.

В стране набирало силу широкое антиманьчжурское движение. В 1674 г. против завоевателей выступил второй князь — Гэн Цзинчжун. Его войска из Фуцзяни повели наступление на Чжэцзян. Встретив там стойкую оборону, Гэн перебросил свою армию в Цзянси, нанеся удар в тыл цинским силам, противостоявшим У Саньгую. Однако и здесь его натиск застопорился. Цинская армия во главе с дядей императора разгромила войска Гэна. Кроме того, в его тылу находились флот и войска Чжэн Цзина, с которыми он воевал с начала 60-х годов по приказу из Пекина. В 1675 г. Чжэн Цзин разгромил фуцзяньский флот Гэн Цзинчжуна. У Саньгуй настоял на примирении и союзе Гэна и Чжэн Цзина. Последнему были обещаны две, а потом три области в Фуцзяни.

С высадкой войск Чжэн Цзина на побережье в войну саньфань включилась еще одна китайская армия. На ее сторону стали один за другим

переходить города, гарнизоны и области. Этот непрочный союз сохранялся лишь в период стабильности фронта в долине р. Янцзы и тяжелого положения цинских войск, в тылу у которых произошло восстание чахарских монголов. Третье княжество на юге не участвовало в войне саньфань до 1676 г. Шан Кэси не присоединился к борьбе против Цинов и сохранял нейтралитет.

Цинская империя оказалась в критическом положении. Из 15 тогдашних провинций от нее отпали шесть, восстания против маньчжуров произошли в четырех, в ряде провинций шли боевые действия. В Монголии против империи выступил потомок династии Юань чахарский князь Буринай (Сачар), стремившийся восстановить в Пекине монгольскую династию. Со стотысячной конницей он в 1675 г. угрожал столичной провинции, отвлекая на северо-запад значительные силы «знаменных», занявших оборонительное положение. Маньчжурский лагерь оказался в крайне тяжелом положении и перешел к обороне. Однако силы враждующих лагерей оказались в состоянии известного равновесия, а борьба шла с переменным успехом.

После смерти Шан Кэси в 1676 г. его сын и наследник Шан Чжисинь откликнулся на призыв У Саньгуя. Однако союз четырех китайских государств (трех княжеств и государства Чжэнов) продержался всего несколько месяцев. Стабилизировав положение на фронте против У Саньгуя, маньчжурские силы перешли в контрнаступление в приморских провинциях. Уже в том же, 1676 г. сильная цинская армия вторглась в Фуцзянь и одержала верх над войсками Гэн Цзинчжуна. Последний капитулировал и смиренно поехал в Пекин. Получив прощение, сохранив свое княжество и армию, он двинул последнюю вместе с цинскими соединениями против Чжэн Цзина. После упорных боев войска последнего отошли на острова Цзиньмэнь и Сямэнь у побережья. Развивая успех, цинские части двинулись из Фуцзяни в Гуандун. После недолгих боев ими в 1677 г. был занят Гуанчжоу. Ни армия, ни чиновничество княжества не хотели дальнейшей борьбы. Шан Чжисинь капитулировал. Позже его ставка и княжество были ликвидированы маньчжурами.

В 1679 г. император Сюанье отстранил князя Сонготу от управления государством и взял всю власть в свои руки. С этого времени началась так называемая «эпоха Канси». Укрепив личную власть, Сюанье в той же мере ослабил влияние органа маньчжурской аристократии — Совета князей-регентов и сановников, самостоятельно принимал важнейшие решения и сам руководил завершением войны саньфань. Сюанье максимально использовал все слабости позиции У Саньгуя: его плохую репутацию среди тех, кто всегда боролся с маньчжурами, его нежелание продолжать наступление, форсировать р. Янцзы и перенести войну в Северный Китай, стремление создать свою империю на уже отвоеванных землях.

Оборонительная доктрина У Саньгуя обернулась рядом поражений, нанесенных его армии значительными силами «знаменных» войск, сконцентрированных в долине среднего течения р. Янцзы. Между тем У Саньгуй видел выход в создании империи Чжоу, вокруг которой, по его мнению, должны были сплотиться все китайцы. В марте 1678 г. он

провозгласил себя императором под именем Чжоу ди. Через полгода после восхождения на престол он скончался, и на трон вступил его внук У Шифань. Располагая четырьмя провинциями и боеспособной армией, империя Чжоу упорно оборонялась от наступавших маньчжурских войск.

В том же, 1678 г. обозначился перелом в пользу антицинских сил. Чжэн Цзин силами флота осуществил вторую высадку на побережье Фуцзяни крупных воинских соединений. Вместе со своим военачальником Лю Госюанем он начал успешное наступление против цинских войск. Это подтолкнуло Гэн Цзинчжуна на вторичное выступление против маньчжуров, которое окончилось неудачей и пленением князя. Маньчжуры были крайне обеспокоены не только победами Чжэн Цзина и Лю Госюаня в 1678—1679 гг. в Фуцзяни, но и крайне опасным для них восстанием китайских войск в провинции Шэньси под руководством Ян Цилуна в 1680 г. Кроме того, по мере затягивания самой войны саньфань в нее стали постепенно вовлекаться все более широкие слои населения.

Династийная поначалу, война между феодальными государствами грозила принять черты нового народного восстания против иноземных завоевателей. В Чжэцзяне успешно действовало крестьянское ополчение, располагавшее сетью горных укреплений. Аналогичное ополчение «белоголовых» под руководством Цай Иня сражалось на побережье Фуцзяни, а затем присоединилось к войскам Чжэн Цзина. Повстанцы под командой Ли Третьего и Гуаня Седьмого пытались овладеть Гуанчжоу. В прибрежных водах Гуандуна и Фуцзяни против маньчжуров действовали флотилии «морских пиратов». Как и ополченцы, они существенно отвлекали на себя цинские сухопутные и морские соединения, затягивая тем самым военные действия. Однако летом 1679 г. цинский флот одержал верх над эскадрами соперников.

С конца 1679 — начала 1680 г. война саньфань вступила в последнюю стадию. Тем не менее еще целых три года упорно сражалась армия У Шифаня, на покоренных маньчжурами территориях вспыхивали восстания, а в ряде мест отряды сопротивления даже одерживали победы. Действуя с крайним напряжением сил, цинским военачальникам удалось добиться стратегического перелома. В 1680 г. в Шэньси было подавлено восстание Ян Цилуна. После ряда неудач силы Чжэн Цзина и Лю Госюаня отошли на острова у побережья. Здесь они были разбиты в двух морских сражениях и эвакуировались на Тайвань. «Знаменные» войска одержали верх над армией империи Чжоу в Хунани. Под их напором потрепанные полки У Шифаня отступили в Гуйчжоу, а затем в Юньнань. В 1681 г. цинские военачальники овладели Куньмином. Империя Чжоу рухнула, У Шифань покончил с собой, а в следующем году был казнен Гэн Цзинчжун. Продолжавшаяся почти восемь лет (1673—1681) война саньфань была прямым продолжением сопротивления маньчжурскому завоеванию Китая. В ходе ее к государству Цин были присоединены южные и юго-западные провинции страны.

По окончании войны саньфань незавоеванным остался последний обломок империи Мин — государство Чжэнов на Тайване. Крушение трех княжеств, в свою очередь, предопределило его быстрое падение. Война

истощила его экономику, а поражения войск и флота ослабили оборонные возможности. Последние сводились на нет внутренним разложением режима. В 1681 г. скончался Чжэн Цзин. Вследствие начавшейся борьбы за власть двух придворных клик был свергнут и задушен его наследник. Правителем объявили другого малолетнего сына, а его окружение искало выгодные варианты капитуляции, получая обещания амнистии и другие щедрые посулы из Пекина.

Тем не менее летом 1683 г. огромный флот и экспедиционный корпус, собранные маньчжурами для броска на Тайвань, двинулись на его покорение. Наступавшие столкнулись с героическим сопротивлением гарнизона и флота Чжэнов на островах Пэнху. Семь дней длилось ожесточенное и кровопролитное сражение, в котором полегло 12 тысяч защитников архипелага. Зато на самом Тайване чиновники и войска капитулировали, были прощены и вывезены на материк. Многие воины не смирились с поражением: одни покончили с собой, другие бежали в горы к аборигенам (*гаошань*), третьи на кораблях флотилии Хуан Циня отплыли в Камбоджу. На Тайване, включенном в состав провинции Фуцзянь, был размещен цинский гарнизон. Тем самым было завершено завоевание Китая государством Цин — кровавая эпопея, растянувшаяся с перерывами почти на сорок лет (1644—1683). Причинами того, что включение Китая в состав Цинской империи затянулось на столь долгий срок, были героическое сопротивление китайского народа и гигантские масштабы Минской империи. Тем не менее малочисленные чужеземцы, часто руками самих же китайцев, покорили громадное по своему демографическому потенциалу государство.

С падением государства Чжэнов цинское правительство отменило политику морских запретов. Населению позволили вернуться на побережье. Разрешались морской каботаж и внешняя торговля, хотя и с рядом ограничений, для чего были созданы четыре морских таможни.

С начала 80-х годов XVII в. наступил резкий спад вооруженной борьбы. За 60 лет царствования Сюанье (1662—1722) произошло более 50 больших и малых восстаний против маньчжурских завоевателей — в два раза меньше, нежели за 18 лет царствования Фулиня (1644—1661), т.е. общий накал антицинской борьбы снизился в шесть-семь раз, причем основная масса восстаний периода Сюанье приходилась на восемь лет войны «трех князей-данников» (1673—1681). Поражение защитников независимости в открытой борьбе привело к развитию иных, скрытых форм сопротивления и к созданию в Восточном и Южном Китае нового тайного общества — «Триада» (*Саньхэ хуэй*). «Триада» объединяла крестьян, ремесленников, торговцев и городской люд провинций Гуандун, Хунань, Гуанси, Фуцзянь, Цзянси, Чжэцзян и Хунань, а также о-ва Тайвань. В период маньчжурского господства это было самое многочисленное и влиятельное тайное общество. Его главной целью являлось «свержение Цин — восстановление Мин». После покорения Тайваня тайные общества и религиозные секты стали главными организаторами борьбы против чужеземного ига. Если севернее р. Янцзы основной такой силой выступала секта «Белый лотос» (*Байлянь*), то на юг от главной реки Китая доминировало тайное общество «Триада».

Война саньфань, охватившая более половины территории Китая, на восемь лет прервала восстановление разрушенной кровавым завоеванием экономики. Более того, к уже существовавшей разрухе события 1673—1681 гг. добавили новые разрушения. В этих условиях вывод страны из социально-экономического кризиса стал важнейшей задачей новых хозяев Китая. После окончания войны «трех князей-данников» в 1681 г. правительство вновь активизировало курс на восстановление земледелия (распашка залежи, возвращение беженцев, ремонт и строительство ирригационных сооружений, особенно на Хуанхэ, установление фискального и полицейского контроля над основной массой населения).

Определенные сдвиги произошли и во внутренней политике. Сюанье прекратил гонения на христиан, вернул из ссылки миссионеров, сам учился у них математике и другим наукам и даже сделал одного из них главой астрономического управления. Вплоть до конца XVII в. иезуиты были доверенными советниками Сюанье. Они оказывали ему помощь в литье пушек, в точных науках, в переводах с европейских языков и в дипломатии. Получив китайское классическое образование, Сюанье стал ревностным конфуцианцем.

С окончанием войны саньфань и присоединением Тайваня Сюанье особое внимание стал уделять войне с Московским государством в Приамурье. В 1685 г. маньчжурская армия во главе с князем Пэнчунем после осады овладела Албазином, но вскоре казаки вновь заняли и отстроили крепость. В 1686 г. цинские войска опять атаковали Албазин. После пятимесячной осады, понеся большие потери, они отступили, но блокировали его со всех сторон. Московское правительство направило на Амур посольство Ф.Головина с предложением переговоров, и блокада Албазина была прекращена. В 1689 г. в Нерчинске был заключен договор, подписанный Головиным под давлением большой цинской армии, окружившей город. Нерчинский договор определил границу России с Цинской империей в верхнем течении Амура, а в нижнем течении земли остались неразграниченными. Крепость Албазин подлежала срытию; устанавливались мир и торговые отношения между обоими государствами. Нерчинский договор был навязан России силой оружия. Он передавал Цинской империи значительную территорию Албазинского воеводства и одноименного уезда, т.е. земли, которыми Московское царство владело в течение 50—60 лет. С установлением здесь общего участка границы к маньчжурам фактически отошла и значительная часть ранее нейтральной ничейной земли. Цинский рубеж продвинулся далеко на северо-запад, при этом существенно перекрывался выход России к Тихому океану. Это был большой военный и дипломатический успех Сюанье, присоединившего к своей империи новые земли не только на юге, но и на севере. Однако на оставленной русскими территории Сюанье запретил кому бы то ни было селиться, и она осталась безлюдной буферной зоной.

Вслед за подчинением Халхи в 1691 г. завершилась первая и самая кровавая полоса маньчжурских завоеваний. Цинская империя присоединила к себе Китай и Монголию, став к концу XVII в. самым крупным и многонациональным государством в Азии.

Глава 19

ЯПОНИЯ В XVI в.

Заключительный, столетний период *сёгуната* Асикага (1467—1568) получил наименование «Эпохи воюющих провинций» (*Сэнгоку дзидай*). Он ознаменован борьбой вассалов сёгуна против него и между собой. Еще в самом начале периода, в 1467—1477 гг., в результате непрерывных войн, происходивших в центре страны, в районе Киото, этот город оказался разрушенным, многие культурные ценности были уничтожены. Сёгуны из дома Асикага утратили контроль над столицей, где образовалось сильное городское самоуправление. Лидерство перешло к местным правителям в провинциях — князьям (*даймё*). На территории своих княжеств они стремились к установлению полного контроля над хозяйственной и политической жизнью.

В это время существенно изменилась структура доходов князей. Если, например, доход крупного феодального рода Сандзёниси в период раннего средневековья (XIII в.) от вотчины (*сёэна*) составлял более 50%, то в начале XVI в. он снизился до 29%. Примерно столько же своих доходов князь получал от обложения торговцев на заставах и переправах. Определенное вознаграждение он получал за составление прошений, редактирование стихотворений и другой литературный труд, так как князь являлся самым грамотным человеком в княжестве. Значительно повысился доход от ремесленно-торговых объединений, который составлял уже 43% всех княжеских доходов. Это обстоятельство определило заинтересованность князей в развитии ремесленного производства, горного дела и торговли на территории княжества и страны в целом. В 1549 г. в призамковом городе Исидэра в провинции Оми (современная префектура Сига) при буддийском храме Каннодзи появился первый в стране «Свободный рынок» (*Раку ити*), где для привлечения ремесленников и купцов рыночное налогообложение было отменено. Такие же рынки со временем возникли и в других местах.

Производимая в княжествах продукция не только удовлетворяла местный спрос, но и частично вывозилась в другие районы; в столицу поставлялись главным образом сырье и полуфабрикаты. Если раньше провинциальные ремесленно-торговые объединения в той или иной мере были связаны с *дза* («гильдиями») оптовых торговцев центрального района, то в XVI в. местные дза добиваются независимости от оптовиков, а князья на своей территории стремятся устранить влияние киотоских купцов и предоставляют льготы своим собственным «официальным торговцам» (*гоё сёнин*).

Внешняя торговля с Китаем, хотя и осуществлялась в форме дани, приносила большую прибыль, и между феодалами шла ожесточенная

борьба за установление контроля над ней. Еще в 1434 г. шестой сёгун, Ёсинори, заключил с Китаем торговый договор, который действовал до 1547 г. Согласно этому договору, предусматривалась посылка один раз в десять лет торговой миссии под видом поднесения «дани». Всего в Китай за время действия этого договора было направлено одиннадцать миссий, в общей сложности около 50 кораблей, из которых семь контролировались правительством (*бакуфу*), а остальные — храмами и местными князьями, среди которых особенно выделялся князь Оути, имевший свои владения на западе о-ва Хонсю и именовавшийся европейцами «королем Ямагути». Соперником князя был его вассал Мори Мотонари, который в 1555 г. в битве при Ицукусима (остров к юго-западу от г. Хиросима) разгромил войска Оути и захватил его владения.

Соперником Мори на северо-востоке страны являлся князь Такэда Сингэн, который упорядочил в своем владении меры веса, отливал металлические монеты, выпускал бумажные деньги, взимал поборы за торговлю, за перевозки на почтовых лошадях, за отправление религиозных культов (с паломников на священные горы Фудзи, Минобэ и Митака). Он разработал свое законодательство, воинский устав, где требовал от истинного самурая «ни на минуту не... расставаться со своим мечом, даже тогда, когда находится с любимой женщиной».

Такэда завоевал владение князя Уэсуги Кэнсин (современная префектура Нагано), а также земли, расположенные на территории современных префектур Гумма, Сидзуока и Айти. Он намеревался захватить Киото, однако смерть помешала осуществлению этих замыслов.

Междоусобицы «Эпохи воюющих провинций» ухудшили положение крестьян: сократилась площадь обрабатываемой земли, выросли налоги, взимались дополнительные поборы. Это вызвало волну крестьянских восстаний. Некоторые из них охватывали целые провинции, поэтому их называли «провинциальными восстаниями». Крупнейшим было восстание в Ямасиро в 1485—1493 гг. Борьба крестьян продолжалась и в XVI в. Крестьяне многих общин осуществляли самоуправление (решали, в частности, вопросы использования общинных земель, средств орошения, вырабатывали требования к феодалам). Члены крестьянских общин часто были вооружены и представляли угрозу самому самурайскому строю. Примечательно, что если раньше они платили феодалам за пользование водой, то теперь последние платили общинам. Таким образом, князья имели дело уже не с вотчинной деревней, практически не знавшей самоуправления, а с сильной сельской общиной.

Помимо восстаний в масштабе провинций крестьяне эпизодически выступали за аннулирование долгов торгово-ростовщическому капиталу; такие восстания именовались «Восстаниями за аннулирование долгов» (*Токусэй икки*). Они отражали противодействие крестьян проникновению в деревню и неуклонному росту здесь торгово-ростовщического капитала.

Еще в XV, но особенно в XVI в. широкое распространение получили выступления крестьян под религиозными лозунгами. Недовольство кре-

стьянских масс пытались использовать в своих интересах различные буддийские школы, активно участвовавшие в междоусобных феодальных войнах. Наибольшее влияние в то время среди крестьян имела буддийская школа «Учение об Одном» (*Икко*), и поэтому эти выступления именовались «Восстаниями Икко» (*Икко икки*). Ее сторонники считали, что для спасения души достаточно одного: многократно повторять «Благословен Амида будда!» (*Наму Амида буцу!*), но они не призывали к отречению от мирских благ, что делало это учение чрезвычайно популярным в среде трудящихся масс, и прежде всего крестьянства.

Школа Икко получила наибольшее распространение в провинции Кага (современная префектура Исикава). Восстание сектантов началось в 1488 г. и продолжалось около 100 лет; в нем участвовало примерно 200 тыс. крестьян. В процессе его крестьяне создали свое государство. Свою армию они неоднократно направляли в соседнюю провинцию Этидзэн для освобождения ее от деспотизма феодала Асакура, стремившегося захватить провинцию Кага, однако примерное равенство сил не обеспечило победы ни одной из сторон.

Восстание в Кага стимулировало рост влияния школы Икко и в других провинциях, в том числе в Микава (современная префектура Айти). Крупнейшее выступление произошло летом 1532 г., когда повстанцы осадили г. Сакаи; затем они направились в г. Нара, где сожгли буддийский храм Кофукудзи, принадлежавший знатной семье Фудзивара, и, разграбив храм Касуга, намеревались начать наступление на Киото, но оно не состоялось.

Крестьянские восстания под религиозными лозунгами были направлены против местной администрации, представители которой обогащались за счет крестьян и превращались в крупных феодальных земельных собственников. Социальный протест крестьян использовался церковью как для фракционной религиозной борьбы, так и для противоборства со светскими феодалами. После поражения этих выступлений победитель-феодал обычно приказывал побежденным «переменить школы», а если последние отказывались, они подвергались преследованиям и изгонялись за пределы провинции.

Укрепление экономического положения горожан выразилось в появлении городского самоуправления: создавалась городская стража, избирались старейшины. Это имело место прежде всего в портовых городах, процветавших на заморской торговле, таких, как Нагасаки и Хаката на о-ве Кюсю, Сакаи и Осака на о-ве Хонсю, во всех городах, расположенных на р. Иодо, на побережье оз. Бива, Внутреннего и Японского морей, вдоль побережья Тихого океана. Всего возникло 30 вольных портовых городов.

В процессе междоусобной борьбы периода ослабления сёгуната губернаторам-князьям, однако, не удалось превратить контролируемые ими провинции в личные феодальные владения. Исключение составили лишь немногие, в том числе губернатор Оути, который временно укрепил свои позиции на западе о-ва Хонсю, но и он пал в 1555 г. под ударами Мо-

ри — представителя местных провинциальных феодалов (*кокудзин*). Усилившиеся кокудзин, ставшие известными как «князья воюющих провинций» (*сэнгоку даймё*), окончательно упразднили вотчины (*сёэны*) и, опираясь на сельскую общину, укрепили свою власть с помощью военной силы, основу которой составляло огнестрельное оружие.

Появление у берегов страны португальцев в 1543 г., а спустя шесть лет — испанцев, достигших Японии из Мексики, положило начало импорту в страну огнестрельного оружия, совершившего переворот в военном деле: раньше главная роль в бою принадлежала всадникам-самураям, а пехотинцы были оруженосцами; теперь на первое место вышли пехотинцы (*асигару*), и возникла необходимость в профессиональном солдате, владеющем огнестрельным оружием. Это могло быть достигнуто лишь в результате систематических, повседневных тренировок. Князья стали формировать свои дружины не только из самураев, но и из крестьян, которых заставляли жить при замках, полностью оторвав их от сельского хозяйства, а в качестве жалованья выдавали им рисовый паек.

Введение огнестрельного оружия оказало влияние и на технику возведения укреплений, в частности замков, которые окружались теперь крепкими стенами и рвами с водой. Эти опорные пункты стали центрами призамковых городов.

Приход португальцев и испанцев привел и к распространению христианства в Японии. Католические миссионеры были особенно активны на о-ве Кюсю, где они открывали христианские церкви, школы; многие князья принимали христианство и заставляли своих вассалов следовать примеру. Они рассчитывали таким образом привлечь в страну иностранных торговцев, вооружиться огнестрельным оружием и получить поддержку европейцев в междоусобной борьбе.

Интерес европейцев к Японии способствовал усилению местного торгового капитала, совершенствованию военного дела; их деятельность стала фактором обострения междоусобной борьбы и наглядно обозначила опасность подчинения Японии европейцам по образцу Филиппин, где в 1571—1575 гг. укрепились испанцы.

В этих условиях появляется тенденция к объединению страны. В нем были заинтересованы князья «воюющих провинций», поскольку междоусобные войны, сопровождаемые крестьянскими восстаниями, создавали реальную угрозу самому существованию феодалов. К объединению страны и созданию единого рынка, устранению феодальных преград стремились и представители торгового капитала. Немаловажное значение имело зародившееся в обществе стремление оградить страну от иностранного порабощения.

Инициаторами объединения Японии выступили феодалы центральной части о-ва Хонсю — Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу.

Последняя треть — начало 80-х годов XVI в. известны в истории Японии как «Период спокойной земли» (*Адзути дзидай*). Наименование пе-

риода происходит от местности в современной префектуре Сига, где Ода Нобунага в 1577 г. основал призамковый город Адзути, ставший его резиденцией.

Ода Нобунага происходил из провинции Овари (современная префектура Айти). Он был вторым сыном мелкого феодала, и отец поселил его отдельно от семьи, построив небольшой замок в Нагоя. После смерти отца в 1551 г. Нобунага проявил немалое коварство, захватывая чужие земли, не щадя ни родственников, ни свойственников, ни соседей. Военным успехам Ода способствовало вооружение его дружины огнестрельным оружием.

Совершив набег на замок одного из родственников, Ода сжег его, а сородича казнил и захватил его земли. Одного из своих одиннадцати братьев, особенно активно выступавшего против него, Нобунага заманил в ловушку, предложив мировую. Брат прибыл в замок к Нобунага, был убит, а клятвопреступник присоединил к своим и его владения.

Ода был женат на дочери соседа феодала Сайто. У последнего служили три воина, которые отличались исключительной преданностью господину и были его ближайшими советниками. Нобунага «под большим секретом» сообщил жене, что, по имеющимся у него сведениям, эти воины замышляют заговор с целью убийства ее отца. Этого было достаточно, чтобы подозрительный Сайто, не разобравшись в сути дела, приказал казнить своих любимцев. Вскоре Сайто был убит своим сыном. Ода начал борьбу против шурина-отцеубийцы и в конце концов, убив его, завладел землями Сайто.

Владения феодала Имагава простирались на три провинции — Суруга, Тотоми и Микава (современные префектуры Сидзуока и Айти), а его резиденция находилась в замке Касадэра. Начальником гарнизона этого замка был Тобэ, который к тому же слыл искусным каллиграфом. Ода неоднократно пытался взять Касадэра штурмом, но безуспешно. Тогда он сделал вид, что ищет мира, и поступил к каллиграфу в ученики. Досконально изучив почерк Тобэ, Ода написал себе почерком Тобэ письмо, в котором излил свою преданность самому себе. Письмо было направлено Имагава, и тот казнил Тобэ за «измену».

Лишившись своего лучшего военачальника, Имагава терпел одно поражение за другим. Он заключил союз с феодалом центральной Японии Токугава Иэясу, чтобы совместными силами отомстить Ода и захватить его земли, однако в 1560 г. в битве при Окэхадзама (в современной префектуре Айти) 45-тысячное войско Имагава потерпело сокрушительное поражение от 3-тысячного отряда Ода. Внезапность нападения и наличие огнестрельного оружия предопределили успех Ода и гибель Имагава. С тех пор понятие «Окэхадзама» стало в Японии синонимом победоносного сражения. Для облегчения дальнейших завоеваний победитель заключил союз со своим бывшим противником Токугава Иэясу.

Еще в 1562 г. Ода повел секретные переговоры с императором о «восстановлении мира» в стране, а спустя шесть лет вступил в Киото и, открыто встав на сторону императорского дома, предоставил ему большие средства.

Сожжением в 1571 г. буддийского монастыря на горе Хиэй, считавшегося «неугасимым светильником Закона», Ода нанес сокрушительный удар по церковной оппозиции и двумя годами позже сверг последнего Асикага, который к тому времени полностью утратил политическое влияние.

Для обеспечения войск продовольствием Ода в 1558 г. ввел ренту продуктами, хотя сохранил ее прежнее наименование «система денежной ренты» (*каммонсэй*), установленное в период Камакура. При Ода это была, по существу, типичная продуктовая рента, которая при следующем объединителе, Хидэёси, стала именоваться *кокудака* и сохранилась до конца феодального периода.

Ему подчинилось около половины территории страны, и в завоеванных районах упразднялись заставы, отменялись таможенные поборы, которые взимались феодалами за провоз товаров и являлись одним из главных источников их доходов, а также доходов придворной аристократии и церкви, что встретило с их стороны сильное противодействие. Поэтому упраздненные в Киото семь застав по неоднократным петициям придворных были вскоре восстановлены, что свидетельствует о непоследовательности политики Ода в защиту интересов торгового капитала. Однако с многими его представителями Ода сотрудничал. Так, купцу Имаи Сокю из г. Сакаи, наладившему для него производство огнестрельного оружия, было предоставлено право собирать налоги с соляного дза и дза по добыче продуктов моря.

Ода стремился изъять дза из-под контроля придворных и церкви и использовать доход от дза для вознаграждения своих вассалов. Он стимулировал развитие торговли путем постройки дорог, наказания за разбой, создания «свободных рынков», однако последние были территориально ограничены призамковыми городами, а в прочих местах продолжала господствовать монополия дза.

Были упразднены частные меры жидких и сыпучих тел и введена унифицированная киотоская мера (*кё масу*), которая равнялась примерно 1,8 л. Установив обменный курс, Ода запретил использовать рис в качестве средства обмена, стимулировал применение золота и серебра для покупки пряжи, шелка, лекарств, чайной посуды из-за рубежа. Он начал чеканить золотые монеты (*ханкин*), однако золота и серебра было еще мало для налаживания массового изготовления монет, хотя им были захвачены серебряные рудники Икуно (в современной префектуре Хёго) в результате победы над князем Ямана.

Понимая большое значение городов, Ода наотрез отказался от предложенных ему сёгуном почетных титулов и просил взамен предоставить ему право разместить своих представителей в городах Оцу (юг оз. Бива), Кусацу (к востоку от Оцу) и в Сакаи. Ода стремился контролировать города, имевшие самоуправление. В 1568 г. он обложил Сакаи тяжелым военным налогом (*ясэн*), что встретило сильное сопротивление со стороны горожан, однако оппозиция была подавлена, а населению города было запрещено иметь военное снаряжение. Когда жители северной части Киото (*Камигё*) и г. Амагасаки (к западу от Осака) отказались вносить

военный налог рисом (*хёромай*), они подверглись нападению, а их жилища преданы огню. Город Хирано за союз с Сакаи, направленный против Ода, был поставлен под непосредственный контроль Ода, а жители подверглись репрессиям. Только г. Сакаи удалось сохранить свою независимость.

Правдами и неправдами расширяя свои владения, жесточайшим образом подавляя крестьянские восстания, Ода Нобунага положил начало «сёгунско-княжескому» (*бакухан*) государству. В 1582 г., будучи окружен в одном из киотоских храмов войсками противника, Ода покончил жизнь самоубийством.

«Период Персиковой горы» (*Момояма дзидай*), охватывающий 1582—1598 гг., назван по одному из районов в г. Киото, где находилась резиденция второго объединителя страны — Тоётоми Хидэёси.

Фамилия «Тоётоми» была принята им лишь в конце жизни, а обнаруженные недавно документы свидетельствуют, что он стремился присвоить себе фамилию Фудзивара. Настоящее же его имя не Хидэёси, а Хиёси.

Хиёси родился в 1536 г. в состоятельной крестьянской семье в деревне Накамура (провинция Овари — современная префектура Айти). В восьмилетнем возрасте он лишился отца, а отчим отдал пасынка в буддийский монастырь. Нрав у Хиёси был озорным, он досаждал монахам, и они пытались вернуть его домой, но когда Хиёси узнал об этом, он пригрозил, что сожжет монастырь. Однако его все же вернули к отчиму, который отдал его в обучение сначала горшечнику, затем плотнику, а потом кузнецу. Хиёси всюду быстро осваивал ремесла, но они ему скоро надоедали. Наконец, он вступил в шайку разбойников и пробыл с ними несколько лет.

Однажды он встретил синтоистского монаха, который шел собирать подаяние на храм, и отправился вместе с ним в странствия. Монах устроил Хиёси слугой у феодала Мацусита, где тот прослужил пять лет. Мацусита решил сделать Хиёси воином и поручил ему купить себе воинское снаряжение. Хиёси бежал, присвоив деньги, купил оружие и под вымышленным именем поступил на службу к Ода Нобунага, где проявил себя как расторопный слуга и способный организатор.

Ода в то время был занят ремонтом замка, но работа затянулась, и тогда он поручил организацию ремонтных работ Хиёси, который разбил рабочих на десятки, поставив во главе каждой из них ответственное лицо, и через два дня ремонт был закончен. Однажды во время смотра войск Ода рассердился на одного из своих командиров, сказав, что даже Хиёси мог бы лучше командовать, и назначил на место смещенного самурая своего слугу. И действительно, Хиёси командовал лучше, проявив недюжинные воинские способности! Ода стал прислушиваться к советам Хиёси и в 1566 г. поручил ему построить укрепления вдоль пограничной реки Суномата, которая отделяла владения Сайто от земель Ода.

Хиёси, собрав местных разбойников, построил укрепления, отразил атаки Сайто и сам перешел в наступление. Сайто потерпел поражение.

Ода наградил победителя частью владений Сайто, присвоил ему штандарт и в знак особого расположения даровал Хиёси второй иероглиф имени своего умершего отца Нобухидэ. С тех пор иероглиф *хидэ* стал первым в новом имени Хиёси — Хидэёси. Хидэёси настолько почувствовал прочность своего положения, что, приютив у себя главаря разбойников, ослушался приказа Ода о его выдаче и даже помог ему бежать, что подняло авторитет Хидэёси среди деклассированных самураев (*ронинов*), которые все охотнее шли к нему на службу.

Отныне Ода поручал Хидэёси в походах возглавлять авангард, и тот всегда справлялся с заданиями.

Спустя два года после смерти Ода Хидэёси отдает свою сестру в жены Токугава Иэясу и договаривается о разграничении сфер влияния: Токугава получил право контроля над землями к востоку от г. Хамамацу, а Хидэёси — к западу от Нагоя. Однако, нарушив соглашение, Хидэёси в 1587 г. не только установил свой контроль над о-вом Кюсю, городами Хаката и Нагасаки — важными центрами внешней торговли, но и захватил район Канто, а спустя три года совершил карательную экспедицию на северо-восток в провинцию Муцу (современная префектура Аомори), чем завершил объединение страны.

Стремясь установить свой контроль над рынком риса, Хидэёси построил замок в устье р. Йодо, в Осака, который к тому времени превратился в центр рисовой торговли.

Внутренняя политика Хидэёси была аналогична мероприятиям Ода. На завоеванных территориях осуществлялся обмер земель: они были отнесены к категории «прямо контролируемых владений», которые давали 2 млн. *коку* риса (1 коку — 180,4 л). К «прямо контролируемым владениям» были отнесены города Осака, Киото, Нара, Оминато (север о-ва Хонсю, в современной префектуре Аомори) и связанные с внешней торговлей города Хаката и Нагасаки. По приказу Хидэёси в Сакаи засыпали ров — символ сопротивления горожан, а сам город был поставлен под контроль администратора, назначенного Хидэёси. Однако самоуправление Сакаи во внутригородских делах все же было сохранено.

Хидэёси впервые в масштабе всей страны провел перепись (*кэнти*). Крестьяне были подразделены на две группы: податные «основные крестьяне» (*хомбякусё*), к которым причислили не только зажиточных крестьян, но и менее состоятельных с целью увеличения численности податного населения, и безземельные крестьяне, которые находились «вне переписи» (*мё хадзурэ*) и не были привязаны к земле; им разрешалось передвижение.

Перепись Хидэёси свидетельствовала о решительном упразднении вотчин, о существовании сильной сельской общины и наличии развитых вассальных отношений (*сюдзю канкэй*).

Будучи выходцем из крестьян, Хидэёси тем не менее жесточайшим образом подавлял крестьянские восстания.

Хидэёси осуществил ряд важных реформ. В 1568 г. издается указ о прикреплении крестьян к земле и норме подати; согласно указу, крестьянин имел право не более чем на $^1/_3$ урожая, а сеньор — не менее чем на $^2/_3$.

Закрепощение крестьян сопровождалось изъятием у них оружия. Согласно указу 1588 г. об «Охоте за мечами» (*Катанагари но рэй*), отобранные у крестьян мечи и кинжалы надлежало использовать для изготовления гвоздей и заклепок при создании статуи Великого Будды.

Обезоружены были не только крестьяне, но и служители культа, особенно буддийского, противившиеся объединению страны из боязни утраты независимости. Это произошло за три года до лишения крестьян оружия.

Спустя три года (в 1591 г.) издается указ, закреплявший социально-сословные различия. Устанавливалось трехсословное социальное деление: на самураев (*си*), крестьян (*но*) и горожан (*симин*). Последнюю группу составляли купцы и ремесленники, которые в то время социально еще не были дифференцированы.

В качестве низовой административной единицы в 1597 г. вводятся пяти- и десятидворки и устанавливается система круговой поруки.

Спустя год с целью увеличения налогов с крестьян уменьшаются единицы земельной площади (*тан* с 0,12 га сокращается до 0,09, а *тё* — с 1,2 до 0,9 га) при сохранении прежних норм обложения, в результате чего налоговый гнет увеличился примерно на 30%.

Хидэёси официально заменил денежную ренту (*каммон*) на продуктовую (*кокудака*), что фактически осуществил еще его предшественник Ода Нобунага, но последний не менял наименования ренты.

Хидэёси запретил деятельность католических миссионеров, но это «закрытие страны» (*сакоку*) было неполным, поскольку он рассчитывал с помощью европейцев получать суда и оружие для осуществления своих внешних авантюр.

Для всего периода деятельности Хидэёси характерна неустойчивость финансовой базы, что было обусловлено непрерывными войнами и недостаточными поступлениями с земель общественного пользования. Финансовая слабость Хидэёси предопределила его союз с торговым капиталом и политику в интересах последнего. Уже в 1582 г. Хидэёси упразднил контроль двора над заставами в Киото, восстановленный в свое время Ода в результате многочисленных петиций придворных. Эта мера Хидэёси стимулировала свободное движение товаров на рынке. Спустя три года в Киото, а затем и в провинциях упраздняются дза, чтобы лишить придворную аристократию и храмы прибыльного для них контроля над ремесленно-торговыми объединениями. Повсеместно вводится единая киотоская мера жидких и сыпучих тел (*кё масу*), равная 1,8 л, осуществляется выпуск монет, обусловленный развитием товарно-денежных отношений и ростом добычи золота, серебра и меди.

Большая заинтересованность Хидэёси в благородных металлах свидетельствует об определенной тенденции меркантилизма в его внутренней политике: он считал, что источник богатства не в производстве, а в обращении, богатство же отождествлялось с деньгами. В 1587—1588 гг. Хидэёси поручил Гото Токудзо изготовить большие золотые монеты (*обан*), которые стали применяться в крупных торговых сделках.

При Хидэёси укрепляется «сёгунско-княжеское» государство, в котором за князьями сохранялись административные и судебные права.

Официальным поставщиком Хидэёси был купец из г. Сакаи Кониси Рюса, а его банкирами являлись Камигая Содзин, Симай Сосицу и Харада Магоситиро, которые вели обширную заморскую торговлю — с Кореей, Китаем, Сиамом и Филиппинами. Пользуясь расположением Хидэёси, они оказывали влияние на внешнюю политику, например Харада Магоситиро убеждал его завоевать Филиппины. И хотя эта идея не была реализована, Харада за «заслуги» был награжден участком земли, дававшим доход в 500 коку риса.

Стремясь восстановить официальную торговлю с Китаем и Кореей, Хидэёси в 1591 г. направляет князя Со с о-ва Цусима в Корею с требованием, чтобы корейский правитель стал вассалом Японии. Корейские власти ответили отказом. Тогда в апреле 1592 г. 137-тысячная армия японцев высадилась на юге Корейского полуострова и тремя колоннами за 20 дней, захватив важнейшие стратегические пункты, подошла к Сеулу.

Борьбу корейского народа против японских захватчиков возглавил талантливый адмирал Ли Сунсин, сумевший в короткий срок организовать оборону и поднять в тылу у японцев партизанское движение, которое стимулировалось действиями захватчиков, грабивших страну и крайне жестоко обращавшихся с местными жителями: в качестве доказательства победы они отреза́ли у корейцев уши, 38 тыс. которых было отправлено в Японию и захоронено в Киото в «могиле ушей» (*мимидзука*). Подробнее о попытках Хидэёси захватить Корею см. гл. 17.

Корейская кампания ослабила юго-западных феодалов и торговый капитал, связанный с внешним рынком. На передовые позиции вышли северо-восточные феодалы и князья центральной Японии, менее пострадавшие от тягот войны, и торговый капитал, действовавший на внутреннем рынке.

Смерть Хидэёси в 1598 г. свела на нет усилия первых объединителей. С новой силой вспыхнула междоусобная борьба между Токугава Иэясу и его противниками, которые сгруппировались вокруг сына Хидэёси — Хидэёри.

Потерпев поражение в битве при Сэкигахара (на восточном побережье оз. Бива) в 1600 г., Хидэёри и его сторонники обосновались в г. Осака, который на 15 лет стал центром оппозиции.

В битве при Сэкигахара Токугава использовали лазутчиков-«невидимок» (*ниндзя*). Это были профессиональные разведчики, прошедшие специальную подготовку. Они освоили «искусство невидимки» (*ниндзюцу*): одетые в черные балахоны, вооруженные крюками с веревкой, могли, забросив крюк на стропила дома, мгновенно забраться под крышу и часами, оставаясь незамеченными, находиться там. К рукам «невидимок» были привязаны металлические пластины для отражения ударов меча. На вооружении они имели бамбуковые трубки с раструбом на конце для подслушивания и духовые ружья с отравленными стрелами.

В 1603 г. Токугава Иэясу принял титул сёгуна и захватил власть над всей страной. Хотя Токугава отстранили императорский дом от политической жизни, однако они продолжали подчеркивать его религиозный авторитет и постоянно говорили о том, что получили санкцию на власть от самого императора.

Культура XVI в. отражала эстетику городского населения, прежде всего богатых купцов-ростовщиков, являвшихся главной экономической силой, импортировавших из Китая и Кореи произведения искусства, в том числе и прикладного. Именно тогда было положено начало чайной церемонии (основатель Мурата Дзюко) и искусству составления букетов (*икэбана*), родоначальником которого был Икэнобо Сэнкай, внедривший это искусство в среду киотоских горожан.

Городская культура отвечала бытовым потребностям именитых горожан. Получила распространение роспись раздвижных перегородок (*фусума*), ввозилась и изготавливалась керамика повседневного обихода: чайные чашки и вазы для цветов.

В городе устраивались карнавалы, на время которых отменялись социальные ограничения, широко практиковалось переодевание, высмеивались власть имущие и восхвалялись простые, сметливые слуги, представлявшие диаметральную противоположность своим господам.

Развитие буддийского праздника поминовения умерших (*урабон*) превратило пляски поминовения (*бонодори*) в народные танцы-развлечения, где религиозный элемент постепенно ослабевал.

Развивается театр Но, пользовавшийся большой популярностью среди самураев и у самого сёгуна. Феодалы и их вассалы принимали участие в представлениях. Это считалось признаком хорошего тона, исполнения вассального долга. В конце XVI в. появляется профессиональный кукольный театр (Дзёрури).

Японское искусство в своей основе природоподражательное (по определению Акимото Сюнкити). Для него характерны тонкая наблюдательность, любовь к природе, эмоциональность, конкретность образов и бесспорный интерес к деталям. Вместе с тем некоторые исследователи (Ямагути, Моити) считают, что оно не было склонно к абстракциям, синтезу.

В XVI в. на смену монохромной живописи, одним из ярчайших представителей которой был всемирно известный Сэссю (1420—1506), приходит светская красочная профессиональная живопись школы Кано, представители которой расписывали стены дворцов и дома горожан.

Появляется садово-парковое искусство в дзэнском стиле: на небольшой площадке, усыпанной белым песком, размещались камни, символизировавшие скалы, выступающие из волн моря.

Возникает поэзия «нанизывания» стихов (*рэнга*), когда последнее слово стиха становится началом нового стихотворения.

Получает развитие роспись по лаку на шкатулках, коробках, ширмах. Эти изделия высоко ценились в Корее и Китае и составляли одну из существенных статей экспорта.

Провинциальные феодалы стремились подражать культуре столицы и превратить свои призамковые города в «маленькие Киото» с местными миниатюрными горами Хиэй и Хигаси, имитируя памятники столицы, копируя храмы, быт и нравы горожан. Однако Киото продолжал сохранять свое значение если не политического, то культурного и религиозного центра страны.

Часть II. Страны Востока в XVIII в.

Глава 20

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В XVIII в.

При характеристике состояния державы турецких султанов в XVIII в. историки чаще всего используют понятие «упадок», имея в виду наступление такой фазы ее существования, когда уже невозможно дальнейшее нормальное функционирование всего общественно-политического организма и следует ожидать скорого его кризиса и неизбежного распада. В подтверждение своего заключения они ссылаются на факты, свидетельствующие о падении османского военного могущества и снижении эффективности аппарата государственного управления, усилении сепаратизма и внутренних неурядиц в провинциях империи. Вслед за современниками событий исследователи воспринимают эти процессы как симптомы неизлечимой болезни, поразившей государство и ведущей общество к полной деградации.

Не соглашаясь с подобным диагнозом, Ф.Бродель отмечал, что «опасное слово „упадок", слишком часто не сходящее с уст специалистов по османской Турции, вводит в игру столько факторов, что всё запутывает под предлогом объяснения всего»[1]. Действительно, хотя почти все современники, особенно европейцы, были уверены в близкой и неминуемой гибели империи «Великого турка», их предсказания не подтвердились. Османская держава не только продолжала существовать еще почти полтора столетия, но и продемонстрировала относительную стабильность как государственных порядков, так и общественных устоев. Эта устойчивость особенно заметна на фоне развала в XVIII в. других позднесредневековых империй на мусульманском Востоке — Сефевидской и Могольской.

Более точно состояние Османской империи в XVIII в. можно было бы определить через понятие «структурный кризис», вызванный появлением заметных диспропорций между отдельными компонентами общественной системы, которые нарушали ее нормальное функционирование. Важнейшим результатом подобного явления должно быть устранение, по крайней мере частичное, образовавшихся диспропорций и обеспечение возможностей дальнейшего развития всего имперского организма. К числу отличительных черт османского структурного кризиса следует отнести ограниченность сферы его действия лишь социально-политической областью общественной жизни, его направленность на частичное обновление, а не на ломку существующих порядков, относительно затяжной и весьма трудный характер самого процесса.

Известные факты османской действительности XVIII в. позволяют говорить о том, что основная причина социально-политических потрясе-

ний, которые угрожали устоям империи, коренилась в отставании институциональной системы от развития социально-экономических отношений и в тормозящем воздействии первой на общественное производство.

Сдвиги, происходившие в социально-экономической жизни османского общества XVII—XVIII вв., были весьма масштабны. В аграрной сфере они нашли свое выражение в окончательном разложении сипахийской системы условных держаний и одновременном утверждении ведущей роли крупного частного землевладения. Новые порядки означали изменение отношений, во-первых, между крестьянами и землевладельцами, а во-вторых, между последними и государством. Неравномерность развития отдельных районов империи крайне затрудняет выявление общих черт поземельных отношений, сложившихся в XVIII в. Однако если оставить в стороне специфические ситуации в отдаленных и пограничных областях, где султанская власть имела лишь чисто военно-политическую основу, то на большей части государства, включавшей Балканы, Малую Азию, Сирию, Палестину, Египет, все же можно выделить два наиболее распространенных варианта новой аграрной структуры. Один из них связан с практикой откупов (*ильтизам*), другой — с появлением фактически частных владений (*чифтликов*).

Обычно исследователи воспринимают откупщиков-*мультазимов* как своего рода агентов фиска, озабоченных лишь тем, чтобы сумма собранных с крестьян платежей не только покрывала их собственные расходы по приобретению откупа, но и обеспечивала им какой-то доход. Но подобный подход не учитывает того обстоятельства, что государство не только уступало право сбора определенных налогов, но и передавало мультазимам на время аренды владельческие права на землю. Это и позволяло откупщикам выступать в качестве вполне самостоятельных эксплуататоров крестьян, а последних вынуждало признавать явно завышенные требования первых.

С конца XVII в. султанское правительство обратилось к практике пожизненных откупов — *маликяне*, что свело до минимума возможности вмешательства властей в деятельность откупщиков. Через последних в сферу сельского хозяйства стал проникать значительный денежный капитал, концентрировавшийся в руках горожан, в первую очередь представителей государственного аппарата, торговцев и ростовщиков. Государственные земли, прежде изъятые из операций по купле-продаже, закладу, дарению и иным формам отчуждения, стали выступать объектом спекуляций, включаться в торговый оборот.

Как разновидность условных держаний, откупа не были связаны с выполнением определенной, чаще всего военной службы, с осуществлением хозяйственно-организационных функций, подобных тем, которые возлагались на *сипахи* в выделенных ему деревнях, а главное — владельцы ильтизамов и маликяне были избавлены от жесткой государственной регламентации в своих отношениях с крестьянами. Такая ситуация способствовала развитию частноправовых отношений в ущерб публично-правовым в сельских районах империи.

В еще более полном объеме оба отмеченных явления оказались присущими системе чифтликского землевладения. Ее выражением стали небольшие товарные хозяйства, использовавшие труд батраков и поденщиков и ориентированные на удовлетворение рыночного спроса в зерне, мясе, хлопке и другой сельскохозяйственной продукции. Средний размер чифтликов колебался в XVIII в. в пределах 25—50 га, т.е. они объединяли от 2 до 6 крестьянских наделов (*чифтов*). Преобладание относительно небольших владений не исключало появления крупных, поскольку в условиях усилившейся анархии и произвола крестьяне предпочитали «добровольно» перейти под опеку наиболее могущественных землевладельцев (*чифтлик сахиби*). К концу XVIII в. некоторые из них (например, Али-паша Янинский, Пазвандоглу Осман-ага и др.) держали под своей властью десятки и даже сотни сел.

Исследователи обратили также внимание на то обстоятельство, что наиболее интенсивно образование частных владений шло в тех районах, которые были связаны с крупными городами, предъявлявшими значительный и устойчивый спрос на сельскую продукцию, или располагались вдоль водных путей, существенно облегчавших ее вывоз.

Складывание аграрной структуры, отмеченной усилением частновладельческих тенденций, означало увеличение значимости вещной, прежде всего поземельной, зависимости крестьян при сохранении определенных старых и появлении некоторых новых признаков личной несвободы. При этом менялась не только позиция эксплуатируемого производителя, но и фигура его эксплуататора. На смену сипахи или прямому агенту правительства, действия которых были строго регламентированы султанскими установлениями, пришли люди, чья деятельность определялась узкособственническими, а не государственными интересами.

Сколь бы ни было ограниченным участие подобных лиц в организации сельскохозяйственного производства, их стремление добиться увеличения доходности земельных владений выступало как своеобразный импульс к более эффективному использованию ресурсов, находившихся в их распоряжении, — земли, людей, скота.

Имеются свидетельства, подтверждающие некоторый прогресс производительных сил в земледелии. Появляются новые зерновые (кукуруза), технические (табак), садово-огородные (томаты, перец) культуры. На протяжении столетия значительно расширился экспорт сельскохозяйственной продукции из Леванта в страны Европы. Вполне вероятно, что увеличились поставки продовольствия и промышленного сырья в растущие города империи. Таким образом, можно говорить и о повышении общего объема сельскохозяйственного, особенно земледельческого, производства.

Сдвиги в поземельных отношениях затронули не только низы, но и верхи. В наибольшей степени от них пострадали сипахи, которые уступили свое главенствующее положение на местах новым провинциальным нотаблям — *аянам*, выросшим и окрепшим благодаря откупной системе и чифтликскому землевладению. Роль аянов, как наиболее характерных выразителей частновладельческих тенденций в общественной жизни Османской империи, достаточно многообразна. Оценивая ее в свете новой

аграрной структуры, следует особенно выделить взаимоотношения аянов с государством, поскольку именно в этой сфере отчетливо видно, насколько расширились возможности османских землевладельцев в XVII—XVIII вв. Отныне государство не в состоянии жестко регламентировать объем их прав и доходов. Более того, расширение сферы действия откупов и умножение числа чифтликов привели в конечном счете к увеличению доли прибавочного продукта, присваиваемого аянами за счет доли, поступавшей в распоряжение султанского правительства.

Согласно подсчетам российских дипломатов, в первой половине XVIII в. при общей величине доходов империи в 250—300 млн. курушей «публичная» казна могла рассчитывать на 45—60 млн., или на пятую часть поступлений[2]. Для сравнения укажем, что в 20-х годах XVI в. центральное правительство распоряжалось примерно половиной общих доходов, в 60-х годах XVII в. — четвертой частью. Тенденция к уменьшению поступлений в государственную казну еще больше усилилась во второй половине XVIII в., ибо в начале XIX в. в распоряжение Порты поступала восьмая часть всех сборов. Пока невозможно определить, какая доля совокупного прибавочного продукта оседала именно у аянов, но конфликт интересов государства и крупных землевладельцев в рамках нового режима аграрных отношений достаточно явственен.

Новые явления в жизни османских городов выразились в изменении их роли в экономической структуре империи. Хотя сами города продолжали расти за счет притока сельских жителей, они стали терять свое привилегированное положение, что соответственно уменьшало долю прибавочного продукта, предназначавшегося на городское строительство и благоустройство, на поддержание ремесленников, артистов, поэтов, массы челяди османской правящей верхушки. Само функционирование городов стало в большей степени определяться экономическими процессами. Поэтому развитие хозяйственной активности горожан шло на протяжении столетия довольно медленно. По сравнению с предшествующим периодом городское ремесленное производство достигло определенного прогресса, но по количественным и особенно по качественным показателям (технологический уровень, формы организации труда) оно все более уступало европейской промышленности.

Неоднозначным оказалось воздействие расширявшихся внешнеэкономических связей со странами Западной Европы. Радикальные перемены, происшедшие в предшествующие два столетия, когда капиталистический рынок вышел за пределы Европы и стал превращаться в мировой, означали не только потерю турками-османами монополии на сбыт шелка и пряностей, но и превращение их владений в источник сельскохозяйственного сырья (шелка-сырца, шерсти и зерна) для европейских стран. Произошло также смещение центра экспортных операций из Египта и Сирии, являвшихся прежде основными районами сбыта транзитных товаров, в Западную Анатолию и на Балканы, ставшие крупнейшими поставщиками продукции земледелия и животноводства. В результате к началу века пришли в упадок прежние центры транзитной торговли, такие, как Халеб и Бурса, но получили новый импульс к развитию

Салоники и особенно Измир. В целом же расширение торговых контактов османского общества с раннекапиталистическим Западом в XVIII в. способствовало повышению ритма хозяйственной жизни империи, хотя они и не разрушили той экономической структуры, где решающую роль продолжал играть перераспределительный механизм государственного контроля.

Вместе с тем возможности вмешательства государства в общественную жизнь несколько сократились, что способствовало переходу от состояния, близкого к поголовному рабству, к более дифференцированным и индивидуализированным отношениям как на уровне эксплуатации, так и на уровне взаимопомощи. Важнейшие компоненты прежней социальной организации — сельская община и цехи в городах — потеряли большую часть своих функций общественно-производственных коллективов, все более превращаясь в административно-фискальные единицы. Тем самым были ослаблены эгалитарные и коммуналистские потенции этих социальных организмов, расширились возможности для личной инициативы.

Изменения в положении крестьянства заключались в определенной унификации и понижении его правового и социального статуса. Это было связано с потерей сельскими общинниками наследственных прав на землю и превращением многих из них в арендаторов. По существу, земледельцы, лишившиеся *тапу* (документа, гарантировавшего крестьянам возможность передачи по наследству права на обработку своего чифта), переставали восприниматься как часть податного населения. Они оказывались в одном ряду с цыганами, кочевниками и лицами рабского статуса. Не случайно в XVIII в. термин *райя*, которым ранее обозначалось все податное население, и в частности крестьяне, теряет свой прежний смысл. «Турки,— читаем мы в трактате анонимного французского автора середины XVIII в., — как правило, презирают всех христиан и рассматривают райя, или народы, подвластные их империи, как своих рабов»[3].

Самым значимым новым явлением в жизни торгово-ремесленного населения городов было его сближение с янычарским корпусом. На протяжении XVIII в. Порта неоднократно пыталась бороться с обращением янычар к ремесленным профессиям и торговле и встречным стремлением многих городских жителей записываться в янычары. Широкие масштабы и разнообразные формы взаимных связей и взаимодействия янычар, торговцев и ремесленников позволяют говорить о тенденциях к складыванию более широкой социальной общности, располагавшей не только известными материальными возможностями, но и определенными правами. Для деятельности ее членов характерно, во-первых, осознание некоторых общих интересов, связанных с состоянием жизни в городах и отношениями с центральной властью. Во-вторых, их стала отличать бóльшая оппозиционность по отношению к государству. Она проявлялась в стремлении заставить султанское правительство вернуться к прежнему курсу покровительства по отношению к городам и вместе с тем в активном противодействии мерам, которые ущемляли интересы городских жителей.

Восстание городских низов Стамбула под руководством Патрона Халила в 1730 г. и частые выступления жителей других городов против местных властей позволяют говорить о неприятии горожанами тех новшеств, которые пыталась вводить Порта, чтобы приспособиться к меняющимся условиям общественной жизни империи. Именно такая позиция торгово-ремесленных слоев стала основой союза с янычарами, озабоченными сохранением своих старых и вновь обретенных привилегий. Та же причина обеспечивала и устойчивую поддержку оппозиционеров со стороны городского плебса, для которого ухудшение условий жизни в городе означало зачастую физическую гибель.

Конечно, уровень оппозиционности не следует преувеличивать. Ведь города нуждались в сильной государственной власти. Лишь невнимание султанского правительства к проблемам горожан обращало последних в силу, противодействующую властям. Чем явственнее проявлялась подобная тенденция, тем четче вырисовывались расхождения между основной массой городских жителей и местной верхушкой, стремившейся сохранять лояльность по отношению к Порте.

Сближение трудового населения городов с янычарами имело ярко выраженную асимметричность, поскольку этот процесс ставил в более выгодное положение мусульманских ремесленников и купцов по сравнению с немусульманскими. То обстоятельство, что мусульмане сумели потеснить своих коллег-христиан на ключевых позициях экономической жизни городов, наиболее явственно ощущалось в европейских провинциях империи. С одной стороны, это заставило наиболее богатую часть христианского населения искать новые возможности сотрудничества с правящей верхушкой посредством обращения в ислам и включения в господствующую этническую общность. С другой стороны, резко обострился религиозно-национальный конфликт, приведший во второй половине XVIII в. к массовым выступлениям на Балканах против османского господства, в частности к греческому восстанию 1770 г.

Изменившиеся условия, выдвинувшие иные критерии успеха, ускорили уход с политической арены военно-бюрократической элиты с ее идеалами безоговорочной преданности и верности султану. Ее место оспаривали новые группы внутри господствующего класса, не только противостоявшие друг другу, но и объективно единые в своих воззрениях и методах борьбы за власть. На провинциальном уровне формируется группировка аянов, состоявшая из наиболее влиятельных и богатых представителей местного мусульманского населения. С ее образованием связано и появление могущественных династий *деребеев* в различных провинциях империи.

В XVIII столетии существенно расширились и масштабы проникновения аянов на высшие посты провинциальной администрации. В Османской империи, как и в других средневековых восточных деспотиях, богатство само по себе еще не гарантировало его обладателям высокого положения в обществе. Подобный статус обеспечивался прежде всего причастностью к системе публичной власти. Политическому возвышению провинциальных нотаблей помогло само султанское правительство,

рассчитывавшее с их помощью обуздать сепаратизм провинциальных наместников — *бейлербеев* и *санджакбеев*. Правители Стамбула, видимо, не осознавали необратимого характера перемен и потому рассматривали обращение за помощью к местной знати как временное и преходящее явление. Нежелание Порты допустить даже самых видных аянов в ряды правящей верхушки определялось тем, что для султанского правительства они оставались выразителями местных, а не общегосударственных интересов, представляли собой центробежные, а не центростремительные силы.

Собственные же устремления османских аянов явно не совпадали с замыслами Порты. Они рвались к власти, опираясь на собственные вооруженные отряды и свои финансовые возможности. В конце XVIII в. их притязания выглядели достаточно вескими: бóльшая часть провинций Османской империи находилась под контролем таких могущественных династов, как Али-паша Янинский, Осман-ага Пазвандоглу, Мустафа-паша Байрактар, Али-паша Джаникли, Сулейман-бей Чапаноглу, шейх Дагер. Своим возвышением они были обязаны не принадлежностью к сипахи или султанским рабам (*капыкулу*), а наличием земельных владений, денежного богатства и прочных местных связей.

На столичном уровне шел процесс складывания другой общности — стамбульской бюрократии, чему способствовало образование нового центра власти в результате выделения канцелярии великого везира из служб султанского двора и отделения дел, касавшихся османской династии, от государственных. С этим обстоятельством связано усиление роли великих везиров и их аппарата в решении основных вопросов внешней и внутренней политики империи, а также падение значимости традиционных источников пополнения рядов османской правящей элиты, в частности султанского двора. Подсчеты исследователей показывают, что в конце XVII — начале XVIII в. за счет лиц из султанского окружения заполнялось 26,3% вакансий в центральном аппарате и 38,5% — губернаторов провинций[4]. Зато значительно возросло число претендентов, опиравшихся на поддержку влиятельных покровителей из числа везиров и пашей, а также на родственные связи.

От султанских капыкулу новую группу внутри правящей верхушки отличала тенденция к карьере в рамках определенного ведомства. Так, в XVIII в. руководители наиболее специализированных ведомств — *реис-эфенди* (управляющий канцелярией великого везира, ведавший внешними связями) и *баш дефтердар* (глава казначейства) — делали свою карьеру в рамках той службы, которую они в дальнейшем возглавляли. Соответствующие показатели в первом случае составили 81,8% (первая половина XVIII в.) и 72,2% (вторая половина XVIII в.), во втором — 85 и 85,7% соответственно. Для сравнения отметим, что для поста командующего флотом (*капудан-паши*) степень профессионализма оставалась низкой (35,3% в первой половине столетия и 56% во второй)[5], что лишний раз демонстрирует отсталость османской армии и относительно низкий профессиональный уровень ее командного состава. Тенденция к ограничению деловых интересов какой-то одной сферой правительственного

аппарата создавала возможность специализации, накопления и передачи навыков и опыта, приобретенных за время службы. Таким образом, бюрократия XVIII в. может рассматриваться как социальная группа, переходная от военно-бюрократической элиты XV—XVI вв. к профессиональному чиновничеству XIX в.

При всех различиях между аянами и стамбульскими политиками, ведшими между собой жестокую борьбу за власть, можно определить и некоторые общие черты, которые их сближают. Одна из них — страсть к наживе и личной выгоде, к накоплению богатства, в котором виделось верное средство для достижения и укрепления собственной власти. Английский дипломат Гренвиль, делясь своими наблюдениями за деятельностью Порты в 60-х годах XVIII в., отмечал: «Деньги — вот высший двигатель всех поступков этого продажного, непостоянного и плохо управляющего правительства»[6].

Перемены в жизни османского общества наступали неодновременно. Ранее всего они проявились в сфере материального производства, гораздо позже — в области социально-политических отношений. Заметное отставание процесса перестройки политической системы, начавшейся лишь в XVIII в., объясняет остроту кризисной ситуации в империи. Ее внешними выражениями стали акции, нарушавшие существовавшие порядки и приводившие к конфликту с государством, которое охраняло традиционные нормы общественной жизни. Само неподчинение реализовалось либо в виде внутриклассовой оппозиции, либо в виде социально-классового противоборства.

К выступлениям первого порядка следует отнести действия аянов и деребеев, срывавших все попытки центрального правительства добиться увеличения поступлений от податного населения в свою пользу. Иной смысл имела борьба народных масс против усиления гнета и произвола местных землевладельцев, ростовщиков и действовавших заодно с ними представителей властей. Формально выступления трудовых низов не были направлены против государства, но оно тем не менее оказывалось вовлеченным в эти конфликты. С одной стороны, райя апеллировала к султанскому правительству, добиваясь справедливости, понимаемой как восстановление прежде существовавших порядков; с другой — сама Порта принимала всевозможные меры для усмирения недовольных, не останавливаясь перед самыми суровыми наказаниями «мятежников». Одновременно она стремилась ограничить своеволие нотаблей, но шаги, предпринимавшиеся против них, не идут ни в какое сравнение с репрессиями против бунтующей «черни».

Как бы ни были внешне активны действия османских властей, они не могут опровергнуть единодушное мнение современников о неспособности центрального правительства контролировать ситуацию в стране. Социально-политический кризис в крупнейшей державе мусульманского мира был результатом двух различных, но тесно связанных между собой процессов.

Во-первых, он отражал резкое снижение дееспособности аппарата государственной власти. Выявившаяся к началу XVIII в. отсталость осман-

ских политических институтов сказалась как на падении эффективности прежних методов управления, так и на заметном сокращении материальной основы деятельности Порты из-за оскудения государственной казны и нехватки средств на содержание армии и растущего управленческого аппарата.

Во-вторых, неудачи попыток правящей верхушки восстановить свою власть над страной были связаны с изменением функциональной направленности действий государственного механизма. В период складывания имперской структуры основное внимание уделялось обеспечению существования как единого целого того политического конгломерата, каким была Османская держава. С переходом к более зрелым формам общественных отношений первостепенное значение обрела классовая функция, выражавшая отношение эксплуататоров к эксплуатируемым массам. Отсюда и столь явный интерес представителей государственной администрации к собственному обогащению и усилению налогового и иных форм гнета. При этом заботы о регулировании хозяйственной жизни, деятельность в социальной сфере, усилия по реализации внешнеполитического курса, поощрение деятелей культуры и искусства неизбежно отходили на второй план.

К началу XVIII в. имперская структура не исчерпала своих адаптивных возможностей, которые заключались в сочетании ее централизаторских и децентрализаторских начал. Меры, предпринимавшиеся османской правящей верхушкой на протяжении этого столетия, свидетельствовали о поиске средств приспособления к изменявшимся условиям. Конечным результатом этих усилий стало складывание фактически нового режима власти. От прежних порядков были унаследованы имперская организация и деспотическая (хотя и в ослабленном виде) форма правления. К числу новых черт следует отнести формирование более сложного и дифференцированного государственного механизма, открывавшего возможности для образования обширного бюрократического аппарата. Другая отличительная особенность состояла в появлении элементов обратной связи, что позволяло периферии оказывать известное влияние на решения центра. Еще одно новшество заключалось в переносе тяжести с прямых директивных методов управления, подкрепленных использованием репрессивных мер, на более опосредованные и менее насильственные.

Правящие круги предприняли реорганизацию структуры центральной власти с целью «перераспределения ролей» в аппарате управления. В итоге многие дворцовые службы и школы, готовившие основные кадры для султанского двора, высших эшелонов столичной бюрократии и провинциальной администрации, потеряли свое прежнее значение. Зато значительно расширились и стали более престижными канцелярии при великом везире и баш дефтердаре. Важным аспектом трансформации можно считать окончательное выделение ряда ведомств правительственного аппарата из сферы дворцовых служб и изменение порядка рекрутирования, подготовки и вознаграждения должностных кадров.

Сложившаяся к концу XVIII в. система управления оказалась сложной и довольно противоречивой. Активность периферии плохо совмеща-

лась с предполагавшими сильную центральную власть бюрократическими началами; последние составляли потенциальную оппозицию деспотическим нравам правителей. В результате эффективность действий госаппарата в центре и на местах заметно снизилась.

Столь же противоречивыми выглядели замыслы правящих кругов. Среди множества правительственных акций, носивших в большинстве своем рутинный характер, особое внимание привлекают те, что отражали сдвиги во внешней и внутренней политике и были связаны, как правило, с осуществлением различных нововведений и преобразований. Их предпосылкой стал устойчивый интерес многих деятелей Порты к военному опыту европейских держав, к их политической и культурной жизни.

Наиболее явственно желание больше знать о Европе и лучше понимать ее проявилось в годы правления великого везира Дамада Ибрагим-паши Невшехирли (1718—1730), известные как *ляле деври* («эпоха тюльпанов»). Именно в это время была открыта первая турецкая типография (1727 г.); появились различные проекты по созданию военных и учебных заведений, развитию в империи мануфактур и поощрению наук; столичная знать принялась за строительство загородных дворцов (*кёшк*) на манер Версаля, Марли и Фонтенбло; стало модным выращивать тюльпаны, клубни которых специально привозили из Голландии.

Однако первые проекты реорганизации османской армии на европейский лад появились еще при предшественниках Ибрагим-паши Невшехирли. Некоторые из них были прямо или косвенно связаны с именем князя Ференца II Ракоци (1676—1735), руководителя антигабсбургского восстания в Венгрии в 1703—1711 гг. Именно с ним вел переговоры великий везир Шехид Али-паша (1713—1716) относительно создания корпуса регулярных войск из христиан и мусульман, и притом под командованием князя. Последний принял предложение переселиться в Османскую империю, однако он смог прибыть в страну лишь спустя год после гибели Али-паши.

С венгерской эмиграцией в Османской империи был тесно связан и другой автор проектов реформ, Ибрагим Мютеферрика (ок. 1674—1745), выходец из Трансильвании, принявший в конце XVII в. ислам и ставший видным османским дипломатом, политическим деятелем, основателем первой турецкой типографии. В своем сочинении «Усул ал-хикам фи низам ал-умам» («Основы мудрости в устройстве народов»), изданном в 1732 г., он открыто высказал мысль об отставании империи от европейских государств и утверждал необходимость внимательного изучения и использования европейского опыта.

Концом *ляле деври* считается восстание Патрона Халила, которое привело к свержению султана Ахмеда III (1703—1730), гибели Ибрагим-паши Невшехирли и некоторых лиц из его окружения. Тем не менее интерес османской верхушки к Европе, к идее реорганизации армии не угас. Более того, попытки «европеизации» турецкого общества продолжались и при преемниках Ибрагим-паши, причем в 30-е годы они были более активными и успешными, о чем свидетельствует деятельность еще одного ренегата — А.К.Бонневаля (1675—1747) по созданию корпуса *хумбараджи* (бомбардиров) и военно-инженерной школы (*хендесхане*).

Сообщения европейских дипломатов из Стамбула в 40—60-х годах содержат мало упоминаний о мероприятиях, которые можно было бы рассматривать как продолжение новаций *ляле деври*. Основное внимание Порты было переключено на события внутренней жизни, и прежде всего на усилия по сохранению контроля над провинциями; борьбу с мятежами и другими выражениями недовольства курсом центрального правительства; на изобретение средств для пополнения истощенной казны.

Со смертью Ибрагима Мютеферрика и Бонневаля первое поколение османских «западников» ушло с политической арены, а их идеи временно потеряли свою привлекательность. Однако в 70—80-х годах возрождается интерес к задуманным ими проектам преобразований, а реформы осуществляются более последовательно. Показательно, что нововведения этих лет начинались как раз с того, на чем остановились первые реформаторы. Иными словами, налицо полная преемственность целей и методов деятельности, разорванная на четверть века. Важно и другое обстоятельство: новые действия вестернизаторов стали возможными благодаря усилению позиций бюрократической элиты в османской политической системе. Этому в немалой степени способствовали усилия великого везира Коджа Рагыб Мехмед-паши (1757—1763), которого американский историк Н.Ицкович считает «одним из самых замечательных администраторов, государственных деятелей и поэтов XVIII в.».

Деятельность Коджа Рагыба выявила еще один аспект османской политической жизни 50—60-х годов, в котором видна явная преемственность курсу султанского правительства. Речь идет об отношениях Порты с европейскими дворами. Если на протяжении XVI—XVII вв. Османская держава оставалась лидером мусульманского Востока в противостоянии христианскому Западу, то в рассматриваемый период правители Стамбула начали воспринимать себя как участников европейского концерта сил, по выражению того времени. Отсюда пристальное внимание Порты к противоборству европейских государств и особенно к росту могущества России, ее готовность к заключению договоров с такими странами, как Швеция, Пруссия, Дания, ее активность в польском вопросе, ее стремление овладеть навыками европейской дипломатии.

С изменением отношения турецких политических деятелей к христианскому миру связана и практика регулярного направления посольств в европейские страны, сложившаяся при Ибрагиме Невшехирли и ставшая, по образному выражению американского турколога Ст.Шоу, «первой щелью в османском железном занавесе». В начавшейся серии посольских поездок особое место занимает миссия Йирмисекиз Челеби Мехмед-эфенди во Францию (1720—1721), в ходе которой турецкий посол должен был по указанию великого везира «разузнать о средствах цивилизации и образования во Франции и сообщить о тех, которые можно применить». Отчет посла (*сефарет-наме*), представленный им Порте по возвращении, вызвал особый интерес в Стамбуле, поскольку его основу составляло не изложение дипломатических переговоров, а описание всего достопримечательного, что привлекло внимание Челеби Мехмед-

эфенди. По такому же принципу стали создаваться и другие сефаретнаме, составившие отдельный жанр турецкой литературы.

Новый внешнеполитический курс Стамбула был несомненно связан с коренным изменением соотношения сил на международной арене, возросшими возможностями мировой капиталистической системы. Хотя сама эта система еще находилась в состоянии формирования, но уже к началу XVIII в. быстро растущий экономический и военно-политический потенциал европейских держав обеспечил им возможности активного воздействия на страны Востока для постепенного инкорпорирования последних (в том числе и Османской империи) в «мироэкономику», создаваемую капиталистическим Западом.

Реакцию Порты на новые тенденции в мировой политике вряд ли можно считать адекватной. Султанские министры, определяя программу своих действий, по-прежнему исходили из категорий религиозного сознания (мусульманский мир — христианская Европа). Ясно, что они не осознавали, да и не могли осознать, в какой мере осуществление планов Стамбула зависело от таких внешних обстоятельств, как формирование новой системы международных отношений. Тем не менее после тяжелых поражений турецкой армии в войне 1684—1699 гг. с государствами Священной лиги и заключения — ценой уступки некоторых османских владений — Карловицкого мира 1699 г. руководители Порты поняли, что они уже не в состоянии продолжать традиционную внешнюю политику в Европе, основанную на силе оружия. Поэтому в XVIII в. усилия османской правящей верхушки направлялись главным образом на сохранение территориальной целостности империи и поддержание ее престижа в глазах европейских монархов. В сложившейся ситуации попытки использовать противоречия между христианскими державами превратились едва ли не в главное средство реализации замыслов Порты.

Вполне очевидно, что одних стараний османских дипломатов было явно недостаточно для осуществления внешнеполитического курса Стамбула. К тому же в султанском окружении не было единства относительно целей и методов деятельности правительства. Были еще достаточно сильны позиции военно-бюрократической знати, делавшей ставку на продолжение открытого противостояния с «неверными». Внутренние трудности и опасения народных бунтов также заставляли правителей империи время от времени вновь обращаться к военным действиям. Таковы, в частности, причины русско-турецкого конфликта 1710—1711 гг. и войны 1714—1718 гг. против Венеции и Австрии.

Чем активнее Порта стремилась включиться в европейскую политику, тем глубже она увязала в борьбе европейских соперничавших группировок. Выбранная султанскими властями ориентация на Францию должна была обострить отношения Стамбула с Петербургом и Веной. Наиболее осторожные и дальновидные турецкие государственные деятели хорошо понимали опасность столкновения с двумя наиболее могущественными соседями империи и старались избежать его. Тем не менее сама логика европейской политики Порты делала конфликт неизбежным. Об этом свидетельствовали и война Османской империи против России и Авст-

рии в 1735—1739 гг., и русско-турецкие войны второй половины XVIII в. В первом случае Стамбулу благодаря поддержке французской дипломатии удалось не только избежать существенных территориальных потерь (за исключением Азова, который окончательно был передан России), но и добиться от венского двора возвращения Белграда и части балканских земель, утраченных по Пожаревацкому мирному договору 1718 г. В двух других войнах худшие опасения османских политиков оправдались.

Поражения, которые потерпели турецкие войска в кампаниях 1768—1774 и 1787—1791 гг., имели для Стамбула весьма существенные последствия. Они показали несостоятельность тактики Порты, избранной для сохранения целостности империи. Особенно чувствительной оказалась потеря Крыма. По Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г. Россия добилась отторжения Крымского ханства от Османской империи, а в 1783 г. российская императрица Екатерина II включила его территорию в свои владения. Война 1787—1791 гг. и завершивший ее Ясский мирный договор 1792 г. никак не изменили нового статуса Крыма. Порта впервые вынуждена была уступить территорию, населенную мусульманами.

Столь же значимым был и другой пункт Кючук-Кайнарджийского договора, согласно которому Россия получала право судоходства по Черному морю. Тем самым Стамбул лишался единоличного владычества в Черноморском бассейне, сохранявшегося с конца XV в.

К середине XVIII в. военная слабость Османской державы стала столь явственной, что в европейских столицах начал обсуждаться вопрос о полном изгнании турок с Балкан и разделе «османского наследства». Инициатором этих планов выступила Екатерина II. Обеспокоенные военными успехами России и опасавшиеся ее выхода к Средиземному морю, Англия, Франция и другие европейские государства выступили против проектов Екатерины, заявляя о своей готовности защищать «целостность и неприкосновенность» Османской империи. В этих условиях внешняя политика Порты стала терять самостоятельность. Взаимная борьба христианских держав Европы за право определять будущее империи и отдельных ее территорий легла в основу так называемого Восточного вопроса, который с конца XVIII в. обрел очень важное значение в международных отношениях.

Войны второй половины XVIII в. показали также отсталость османской армии с точки зрения ее организации, уровня материально-технического оснащения и состояния военных знаний. Они подтвердили правоту тех «западников» в османской правящей верхушке, которые поддерживали проекты военных реформ и иных нововведений, и способствовали появлению более обширных планов преобразований. Эти предложения составили основу реформаторских начинаний, предпринятых султаном Селимом III (1789—1807) и получивших название *низам-и джедид* («обновленное устройство»).

Главной целью низам-и джедид было укрепление центральной власти за счет воссоздания боеспособной и сильной армии. Ее основу должны были составить регулярные, по-европейски обученные части. Изданные Селимом III в 1792—1793 гг. указы предписывали организацию корпуса

«дворцовых стрелков», введение обязательного военного обучения и строгой дисциплины во всех подразделениях, строительство нового флота, открытие школ для подготовки офицерского состава и военных инженеров. Для осуществления этих проектов были приглашены иностранные инструкторы, главным образом французские офицеры. Реорганизация армии потребовала расширения деятельности существовавших и создания ряда новых казенных заводов по производству оружия и боеприпасов, разработки угольных и железорудных месторождений, строительства верфей. Финансирование всех этих мероприятий осуществлялось за счет дополнительных налогов с населения, доходов от конфискованных тимарных владений и иных поступлений, изысканных при реорганизации фискальной системы.

Начинания, осуществлявшиеся султанским правительством, задели многих представителей правящего класса, которые в союзе с рядом влиятельных улемов выступили против султана, обвиняя его в нарушении древних законов государства и введении новшеств, заимствованных у *гяуров*. В борьбе с Селимом III его противники активно использовали янычар, чьи привилегии оказались под угрозой в результате проведения военной реформы. Поэтому реализация планов низам-и джедид шла успешно лишь в первые годы. Позже ход преобразований замедлился, а в 1807 г. Селим, пытаясь удержаться на троне, и вовсе отказался от своих нововведений.

Неудачный исход первых попыток модернизации империи был связан прежде всего со слабой и непрочной социальной базой сторонников преобразований. Структурный кризис XVIII в., по существу, не затронул сферу духовной жизни. Основная масса населения империи, связанная с докапиталистическим производством, придерживавшаяся традиционных отношений родства и солидарности, бережно сохранявшая многие старые нормы поведения, продолжала оставаться под непосредственным воздействием религиозной идеологии и устаревших представлений об османском величии и превосходстве мусульманского мира над христианским. Такое общество было явно не готово к восприятию достижений раннекапиталистического Запада.

Как бы ни были скромны итоги начинаний столичной бюрократической элиты в XVIII в., они все же показательны. Представляя по форме продолжение усилий реформаторов XVII в. (Османа II, везиров Кёпрюлю), они весьма серьезно отличались по своей направленности. Ориентация на использование европейского опыта в какой-то мере была продиктована действительным убеждением в значимости успехов «неверных», в какой-то — определялась просто поиском средств для сохранения империи. Однако при всей непоследовательности инициаторов нововведений, их готовности отступить, пойти на любые компромиссы или вовсе отказаться от задуманного они дали толчок переменам в социально-политических отношениях. Тем самым достигалось снятие диспропорций в общественном развитии и более устойчивое функционирование всей системы. Осуществленная ими реорганизация государственного механизма усилила способность имперской структуры реагировать

на изменявшиеся условия, подготовив в конечном счете последующую трансформацию османского общества в XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Бродель Ф.* Материальная цивилизация: экономика и капитализм, XV—XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992, с. 496.

[2] АВПР, ф. Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1742, д. 5, ч. 1, л. 626об.

[3] Цит. по: *Thibault G.* Un rapport français sur l'Empire Ottoman en 1756. — Journal Asiatique. P., 1970, t. 258, fasc. 3—4, p. 342.

[4] *Abou el-Haj R.* The Ottoman Vezir and Paşa Household, 1683—1703. A Preliminary Report. — Journal of American Oriental Society. Baltimore, 1974, vol. 94, № 4, p. 443.

[5] *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII в.: Черты структурного кризиса. М., 1991, с. 128.

[6] *Grenville H.* Observations sur l'état actuel de l'Empire Ottoman (1762—1765). Ann Arbor, 1965, p. 47.

Глава 21

АРАБСКИЕ СТРАНЫ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА. ВАХХАБИТЫ

В XVIII в. арабские провинции Порты находились в состоянии крайнего запустения. Усилились центробежные тенденции, приведшие в конечном счете к фактическому распаду империи. На рубеже XVII—XVIII вв. в большинстве арабских стран возникли относительно самостоятельные государственные образования феодально-регионалистского характера. Их правителей в какой-то мере можно сравнивать с *деребеями* Малой Азии. В европейских документах по Северной Африке эти государства назывались «регентства». Русский посол в Порте граф П.А.Толстой, находившийся в Стамбуле в 1702—1713 гг., охарактеризовал их как «речи посполитые», где паши правительствовали «купно с первыми людьми — жителями тех вышереченных мест».

Границы этих государственных образований отнюдь не являлись игрой случая. Они отражали издавна сложившиеся исторические связи, главным образом культурно-цивилизационного характера. Среди них прежде всего следует отметить мамлюкский эмират в Египте, дейский Алжир и другие регентства Северной Африки, вассальный мекканский шерифат в Хиджазе, мамлюкское государство Хасанидов в Ираке, владения аль-Азмов в Сирии, а также отдаленные и труднодоступные вотчины мелких феодальных династов Курдистана, Ливана и Неджда. В горах Южной Аравии существовали «раскольнические» имаматы: зейдитов в Йемене и хариджитов в Омане. Они противопоставляли себя суннитскому исламу и не признавали религиозного авторитета османских султанов как халифов всех мусульман.

В отличие от этих двух имаматов другие государства Северной Африки и Ближнего Востока считали себя частью османского *дар аль-ислам*, скрупулезно соблюдали обязательства, вытекавшие из их религиозного долга по отношению к султану, и перед внешним миром выступали в качестве единого блока, который европейцы обычно называли «Турция». При общей приверженности к социальным и моральным ценностям османского ислама эти государства обладали значительной самостоятельностью во внешних и внутренних делах и в большинстве случаев самостоятельно поддерживали отношения с консулами западноевропейских стран. На их территории не было турецких войск и собственно османской администрации. Они имели свои таможни, чеканили собственную монету и лишь по пятницам в мечетях воздавали хвалу падишаху как повелителю всех правоверных мусульман.

Экономическое состояние арабских стран было крайне тяжелым. Несмотря на периоды временного оживления, даже «процветания», как они воспринимались местными летописателями, привыкшими к постоянному

АРАБСКИЕ СТРАНЫ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В XVIII в.

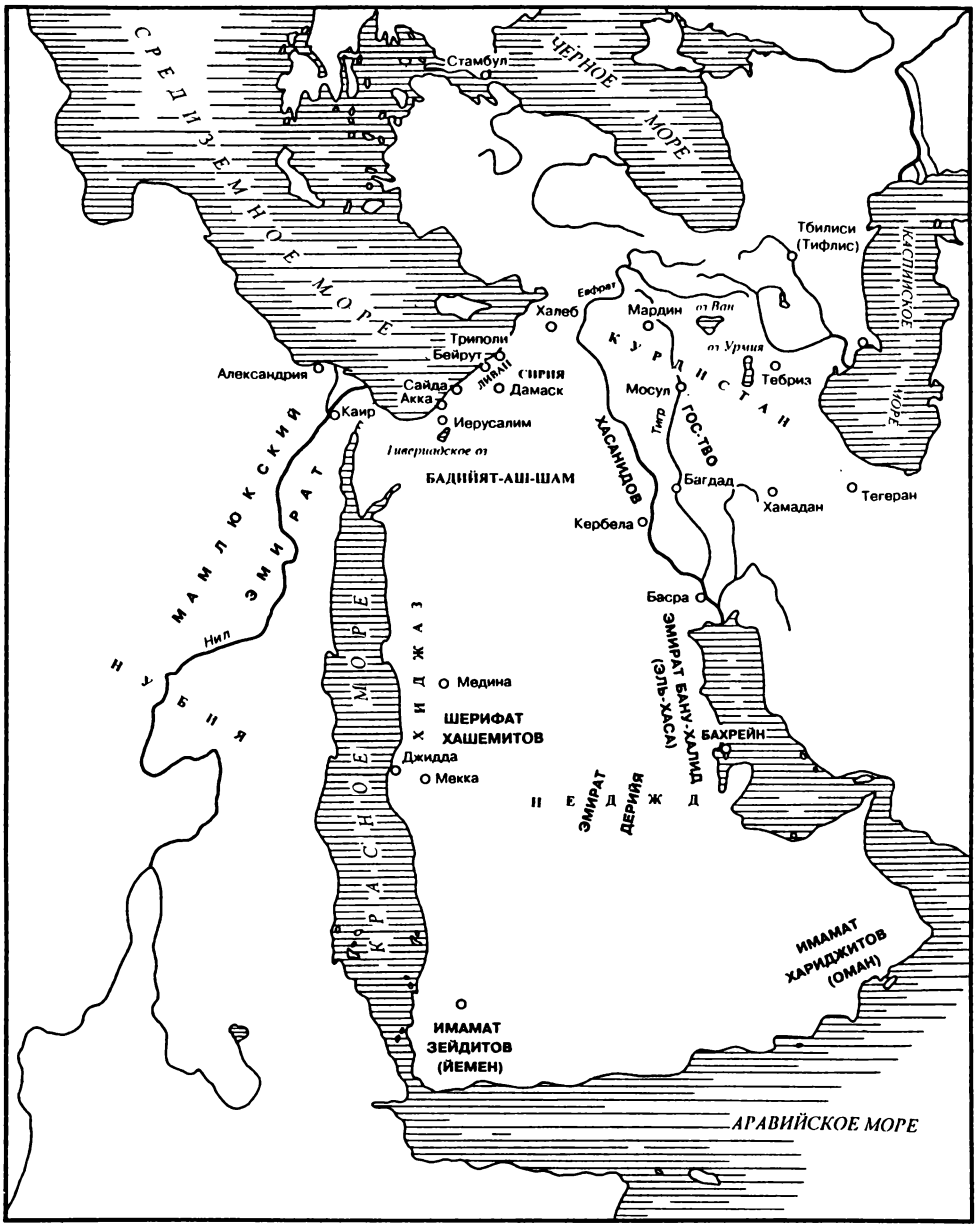


Рис. 17

дефициту продовольствия, арабское хозяйство постепенно, но неуклонно деградировало. XVIII век — это эпоха наибольшей «бедуинизации» Ближнего Востока. Вторжение арабских кочевых племен шаммар и анейза, пришедших на смену племенам мавали — степным клиентам Порты, изменило обстановку в регионе и привело к небывалому расширению зоны кочевого скотоводства. Вся Северная Аравия, Южный Ирак и Сирийская пустыня (Бадийят аш-Шам) превратились в огромное пастбище с редкими, захудалыми поселениями. Его границы вплотную подошли к Евфрату и к линии Халеб—Дамаск. Крестьяне искали пристанища в городах, становились бродягами. По данным французского путешественника Вольнея, количество деревень только в эйалете Халеб сократилось с 3200 в XVI в. до 400 в конце XVIII в. Численность населения Ирака уменьшилась с 5 млн. в 1600 г. до 2,5 млн. в 1800 г., Сирии — с 2,8 млн. до 1,5 млн. — самой низкой отметки за весь период средних веков и Нового времени.

Примерно пятая часть населения жила в городах, очень многолюдных по сравнению с Европой. В Халебе было 150 тыс. жителей, в Багдаде — 100 тыс., в Дамаске — 100 тыс., в Триполи — 80 тыс., в Мосуле — 65 тыс., в Басре — 45 тыс. Большинство горожан было занято в непроизводительной сфере, а также в садоводстве и огородничестве. Ремесленники и торговцы составляли не более четверти городского населения. Мануфактура, ремесло и торговля находились в глубоком упадке. В XVIII в. не зарегистрировано никаких сдвигов в характере и процессе производства. Исчезли целые отрасли (производство хрусталя, дамасской стали и т.п.), сократился объем и снизилось качество продукции. В XVIII в. на всем Ближнем Востоке предпочитали ткани иностранного производства, в частности из Индии и частично Европы. Средства транспорта и коммуникаций были полностью разрушены. Исчезли дороги, в том числе военного назначения. Средством сообщения были караваны и немногочисленные водные пути, главным образом по морю.

На рубеже XVIII в. изменился состав правящего класса. Хотя власть была по-прежнему в руках армии, сама армия претерпела значительные изменения. Полностью разложились традиционные очаги (корпуса) янычар и другие части старой османской армии. Слившись с торгово-ремесленными корпорациями, они превратились в вооруженную городскую милицию. Она представляла куда большую опасность для собственного правительства, чем для противника. Утратив всякое военное значение, традиционные очаги уступили место отрядам наемников, прежде всего *левендам, делиям* (разновидность кавалерии) и *магариба* («магрибинцам»), которые, подобно левендам, могли сражаться как в пешем, так и в конном строю. Большое значение приобрели личные дружины правителей, особенно мамлюки, в большинстве своем грузинского происхождения.

Военачальники всех ступеней занимали ключевые посты в государстве. Шариатская власть, некогда уравновешивавшая политическую власть военных, утратила всякое значение. Даже посты *кадиев* и *мухтасибов* нередко замещались офицерами, приоритет которых придавал власти

характер военного режима. Официально правители декларировали свою приверженность старым идеалам османской социальной теократии. На деле же официально исповедуемые ценности утратили свою жизненность и силу, особенно в высших слоях общества. Правящий класс воспринимал их как не более чем отвлеченные догмы. Не решаясь порвать с ними, он оказался в моральном вакууме. Беспредельный цинизм и двурушничество стали реальной жизненной позицией. Коррупция царила на всех ступенях бюрократической иерархии, порождая атмосферу всеобщей безнаказанности.

Социальной опорой большинства арабских режимов XVIII в. являлась патрицианская буржуазия — городские аяны. Это была сравнительно новая социальная прослойка, зародившаяся и окрепшая в конце XVII в. Она состояла из «отцов города» — представителей знатных фамилий, нередко с налетом специфически восточного аристократизма. В большинстве они возводили свое происхождение к потомкам пророка Мухаммада (*шерифы* и *сейиды*), его ближайших сподвижников, членов давно угасших царствовавших домов и даже европейских рыцарей-крестоносцев. Как правило, они сочетали ученую (*ильмийа*) и бюрократическую (*каламийа*) карьеру с выполнением различного рода религиозных функций, а также с вполне конкретными материальными интересами, вытекавшими из владения городской недвижимостью, *вакфами* и сельскими *маликяне* — государственными имениями, сдававшимися на откуп на основе пожизненного подряда.

В начале XVIII в. в большинстве арабских стран патрицианская буржуазия вышла на первый план. Она оттеснила от власти янычарские очаги, связанные с торгово-ремесленным населением и городскими низами. Это предопределило значительные изменения в структуре власти. Ее центр переместился в сторону верхов городского населения — различного рода шейхов, улемов и эфенди, в основном местного происхождения, связанных с местными интересами и ориентировавшихся на местное общественное мнение. Их борьба за власть и влияние с различного рода янычарскими группировками составляла в XVIII в. ведущую ось политической жизни.

Разложение староосманской политической системы и развал экономики отнюдь не означали культурной деградации общества. Скорее наоборот. В XVIII в. отмечается значительное оживление интеллектуальной и духовной жизни, по-прежнему носившей традиционный характер. Фольклор и народная культура преобладали над элитарными формами. Местное искусство находилось под сильным влиянием османских школ архитектуры, миниатюры и музыки. Многочисленные куттабы и медресе поддерживали относительно высокий уровень элементарной грамотности. Книжная культура была представлена главным образом религиозными науками, историей и лингвистикой. Большим успехом пользовались сочинения в жанре биографий и путешествий.

Властителем дум Арабского Востока был Абд аль-Гани Набулси (1641—1731) — крупнейший арабский мыслитель, суфий и поэт, развивавший наследие великого андалусского мистика Ибн аль-Араби. Су-

физм, особенно в его народной форме, доминировал в духовной жизни арабов. Прошлое определяло настоящее. Свободная человеческая мысль по-прежнему была вне закона. Новые идеи и представления не выходили из замкнутого круга традиционных ценностей. По существу, они лишь по-новому ставили старые вопросы. Во второй половине XVIII в., особенно после русско-турецкой войны 1768—1774 гг., широкое распространение получил исламский фундаментализм. По самой своей сути он противостоял традиционным формам османской религиозной жизни, но ничего принципиально нового не содержал. Большую известность получили труды Муртады аз-Забиди (1739—1791), вдохновлявшегося идеями аль-Газали. Началось возрождение ханбалитской мысли. Появились первые работы Мухаммеда аш-Шаукани (1759—1834). Широкую популярность приобрели шейхи *накшбандийа*, в Аравии — *ваххабиты*, выступавшие за «очищение» ислама от всякого рода наслоений и ересей, или *бид'а* (новшеств).

Европейские веяния, проявившие себя в Стамбуле в «эпоху тюльпанов», довольно медленно проникали в арабское общество. Наиболее восприимчивыми к ним были верхи правящего класса и некоторые христианские общины, особенно униаты (арабские греко-католики и мароните). Многие из них поддерживали непосредственные связи с иностранными консулами и миссионерами. В начале XVIII в. с их помощью в Халебе, Бейруте и горных селениях Ливана было основано несколько типографий. Самой знаменитой из них была типография в униатском монастыре Мар Ханны в Шувейре (Ливан), которую в 1733 г. основал выходец из Халеба Абдаллах Захир ас-Сайиг (ок. 1690—1755), модифицировавший арабский шрифт. Одновременно создавались школы и семинарии. Их выпускники вместе со слушателями Восточной коллегии в Риме положили начало формированию новой прослойки европейски образованных людей. Правда, она была очень тонка, а главное, далека от народа, который воспринимал ее крайне враждебно, как своего рода отщепенцев, порвавших со своей страной. Власти также преследовали униатов. Они закрывали их церкви, жгли католические книги и беспощадно расправлялись со всеми, кого подозревали в распространении «сатанинских идей».

Запад по-прежнему выступал в образе врага. Он олицетворял темные, враждебные силы, противостоявшие принципам добра и справедливости. Запад представал прежде всего как мир безбожия, материализма и распутства. В XVIII в. жители арабских стран никогда не выезжали туда. Муллы и представители греко-православного духовенства всячески оберегали народ от его тлетворного влияния. Главными поборниками ислама выступали янычары и связанные с ними группировки мусульманских улемов. В XVIII в. из-под их пера вышло немало сочинений, призванных «защитить шариат от философии» и доказать превосходство социальных и духовных ценностей ислама.

В конце XVIII в. накал антизападных страстей постепенно начал спадать. Иноземные купцы стали появляться в домах местной знати; изменилось отношение к консулам. В первую очередь это было связано с

ослаблением позиций янычар, а также со все более четким осознанием «упадка» Османской империи, но главное, с кризисом «османизма» как мировоззренческой системы.

Во второй половине XVIII в. почти во всех арабских странах начали распространяться чувства арабского регионализма. Они находили свое выражение как в восстановлении традиций местной государственности, так и в пробуждении исторического сознания патрицианской буржуазии, в ее культе арабских обычаев и языка. Это был далеко еще не национализм. И тем не менее как первичная форма патриотического сознания он довольно четко противопоставлял себя национальному нигилизму классического османизма. Хотя массам это было абсолютно безразлично, целый ряд правителей арабских стран в конце XVIII в. выступили под флагом независимости, мечтая о возрождении былой славы и величия существовавших здесь средневековых государств.

МАМЛЮКСКИЙ ИРАК

Наиболее сильным и могущественным регионалистским образованием Ближнего Востока был мамлюкский Ирак. Его становление происходило во времена правления Хасан-паши (1704—1723) — основателя династии пожизненных правителей Багдада, *арнаута* (албанца) по происхождению. Он и его преемники на основе семейной унии управляли также эйалетами Басры, Мардина и Шахризора, объединив под своей властью все земли Ирака, за исключением Мосула и курдских княжеств. Их социальной опорой была патрицианская буржуазия Багдада и Басры, а также мамлюкские дома. Начало их могуществу положил сам Хасан-паша. Он основал школу, в которой обучались и воспитывались будущие мамлюкские рыцари. В основном их привозили с Кавказа, главным образом из Грузии, и на протяжении всей своей жизни они сохраняли грузинский язык и связи с родиной.

Из кавказских мамлюков формировались отряды личной гвардии правителей. Мамлюкские офицеры назначались на все ответственные посты в армии и государстве. Во главе иракского правительства стоял *кяхья*, или *капы-кяхья*. Он рассматривался как вице-паша, имел ранг *мирмирана* и в качестве главного помощника паши (или везира) управлял всеми внешними и внутренними делами. Ключевыми фигурами правительства были также *дефтердар* — отвечавший за экономику, а фактически за всю внутреннюю политику, *диван эфендиси* — канцлер, *хазнадар* — казначей и *кадий* — глава шариатского ведомства.

В целом внутреннее положение Ирака было довольно устойчивым. Лишь изредка происходили буйные выступления янычар. Самое крупное имело место в 1748 г., в период, когда Порта попыталась восстановить старый порядок. Не менее серьезной проблемой были отношения с бедуинскими племенами. При помощи золота и интриг Хасанидам удавалось жить с ними в мире. Правда, временами этот мир нарушался и уступал место шумным феодальным баталиям, когда мамлюкские рыцари

во главе своих багдадских ополчений шли войной на племена степных и болотных арабов.

В области внешней политики главной заботой Хасанидов были отношения с Ираном. В 1723 г., после развала державы Сефевидов, багдадские паши приняли участие в разделе сефевидского наследства. Едва русские войска заняли Баку и другие прикаспийские провинции, а турки — Грузию, Ширван и Тебриз, как иракская армия вступила в западный Иран, взяла Керманшах (1723 г.) и Хамадан (1724 г.). Последовавшая за этим оккупация Ирана афганцами-суннитами и создание державы Надир-шаха изменили ситуацию. В 1730 г. иракцам пришлось оставить захваченные территории. Начался затяжной период военных действий, которые с переменным успехом продолжались до 1746 г. Новое обострение отношений произошло в 60—70-е годы и было связано с вмешательством зендских правителей Ирана во внутренние дела Ирака.

После смерти Хасан-паши правителем Ирака стал его единственный сын, Ахмед-паша (1723—1747), затем мамлюки его дома. Наиболее известными были Сулейман-паша (1749—1761), Омар-паша (1764—1775) и Сулейман-паша аль-Кабир (1780—1802), или Буюк-Сулейман. Все они были женаты на дочерях Ахмед-паши. Эти последние приобрели огромное влияние и держали в своих руках все нити дворцовых интриг. Власть стала тенью гарема. Особой активностью отличалась Адиля-хатун — жена Сулеймана I, старшая дочь Ахмед-паши от брака с местной арабской княжной. Общественное мнение считало ее фактической правительницей Ирака. Действительно, Адиля-хатун вникала во все дела государства и даже принимала жалобы от населения во время собственных аудиенций.

Мамлюкские правители Ирака заботились о процветании страны, строили медресе, базары и караван-сараи. Багдад был расчищен от руин и вновь стал средоточием религиозно-интеллектуальной жизни. Мамлюки поддерживали связи с местной арабской знатью, уважали историю и обычаи страны и в открытую говорили о своем желании возродить величие и блеск аббасидского двора.

СИРИЯ

Положение в Сирии было значительно хуже. Янычары имели здесь довольно сильные позиции. Первая попытка установить новый режим, предпринятая при Насух-паше (1708—1714), окончилась неудачей. В Халебе и Дамаске вспышки фракционной борьбы полностью парализовали действенность государственного механизма. Лишь с приходом к власти в Дамаске в 1725 г. Исмаил-паши аль-Азма анархия уступила место более упорядоченной форме правления, напоминавшей регионалистские режимы других арабских стран.

В 1725—1783 гг. в Дамаске в течение почти 60 лет с небольшими перерывами правила династия пожизненных пашей. Все они происходили из рода аль-Азмов — потомков арабского *аскера* из Маарры (Северная Сирия). На началах семейной унии они управляли также эйалетами

Триполи и Сайда. Временами под их власть переходил Халеб — важнейший интеллектуальный и культурный центр Ближнего Востока, резиденция иностранных консульств и миссий, средоточие европейских торговых факторий. Это особое, «анклавное» положение Халеба, его космополитический характер привели к тому, что в османскую эпоху город постепенно обособился и оторвался от остальной Сирии, хранившей верность традициям старины, ксенофобии и османизма.

Подлинной столицей страны стал Дамаск. Его правители — Исмаил-паша (1725—1730), Сулейман-паша (1733—1743), Асад-паша (1743—1757), Осман-паша ас-Садек (мамлюк Асада, 1761—1771) и Мухаммед-паша (1773—1783) аль-Азмы — были самыми османскими из всех арабских правителей. Они стояли на страже ислама, ориентировались на Стамбул и проводили политику объединения сирийских земель. Свою власть дамасские паши поддерживали с помощью мамлюков и многочисленных отрядов делиев и североафриканских наемников (магариба). В течение длительного времени им удавалось лавировать между враждующими янычарскими группировками и поддерживать относительную стабильность. Попытки одного из популярных вождей Дамаска, Фатхи ад-Дефтердара, отстранить от власти аль-Азмов закончились полным провалом. В марте 1747 г. Асад-паша учинил кровавое побоище янычар-*йерлийя*, поддерживавших ад-Дефтердара, и на время укрепил позиции своего клана.

Борьба с янычарами, исламизм и терпимое отношение к антиуниатскому православному клиру обеспечивали аль-Азмам поддержку патрицианской буржуазии. Вместе с тем бедственное положение народа, рост цен и голод подрывали социальную стабильность. Возмущение городских низов вызывали факты фантастической коррупции и вымогательств со стороны дамасской олигархии. В стране постоянно тлели очаги недовольства. Перебои с продовольствием нередко служили причиной массовых выступлений. На протяжении всего XVIII века Дамаск сотрясали голодные бунты и янычарские мятежи. В стране царило насилие. Паши посылали в деревню продовольственные отряды, которые занимались принудительным изъятием у крестьян зерна и других продуктов питания. Грабительские набеги бедуинов довершали разорение деревни — главной жертвы военно-олигархического режима.

Несмотря на массовые репрессии, в стране было мало порядка. Режиму не удалось создать прочную политическую базу, особенно в Ливане, Халебе и Палестине. В 1755 г. восстал наместник Иерусалима Хусейн-ага аль-Макки, затем правитель Сафеда шейх Захир аль-Омар. Постоянная фронда царила в горах Ливана.

ЛИВАН

Эта небольшая горная страна была традиционным убежищем сирийских диссидентов. Здесь в глухих, изолированных районах селились различного рода сектанты, в частности алавиты, друзы, шииты (*метуалии*) и мароните. В XVIII в. сюда бежали униаты и даже часть православных

христиан. Все они жили бок о бок, нередко в одних и тех же селениях. При этом каждая община ревниво оберегала свою самостоятельность и не допускала постороннего вмешательства. Главы религиозных общин — эмиры, шейхи и *мукаддамы* — одновременно выступали как военачальники, духовные руководители и даже как османские администраторы, или *мукатаадджи* (откупщики). В этом последнем качестве они утверждались османскими властями, обычно пашами Триполи и Сайды, которые формально управляли горным Ливаном.

Фактически мир и безопасность в горах поддерживались исторически сложившейся системой вассально-сюзеренных связей. В конце XVII в. главенствующее положение занимали друзы, шииты и туркмены. Их феодальные кланы делили между собой власть над всеми районами горного Ливана. К началу XVIII в. на первое место вышли друзские феодалы (эмиры и великие шейхи), находившиеся в различного рода вассальных связях с правящим эмиром (*амир аль-хаким*) горного Ливана, имевшим резиденцию в Дейр аль-Камаре.

В 1697 г. угасла династия Маанидов. В связи с этим на съезде друзской знати в качестве правящего эмира был избран Бешир I (1697—1707). Он происходил из рода Шехабов и по материнской линии был связан с прежней династией. Шехабам довольно быстро удалось закрепить свои позиции. В 1711 г. в сражении при Айндаре эмир Хайдар I (1707—1732) нанес сокрушительное поражение коалиции друзов-*йеменитов* («белых»), которые пытались оспаривать власть Шехабов, стоявших во главе группировки друзов-*кайситов* («красных»). Йемениты были вынуждены бежать. Вместе с семьями они переселились в Хауран (Южная Сирия), где образовался новый очаг расселения друзов. Исход йеменитов привел к уменьшению численности друзского населения в Ливане. Однако это не отразилось на политическом равновесии, поскольку было компенсировано ростом численности маронитов, традиционно выступавших в качестве младших партнеров и клиентов друзской знати.

Возвышение маронитов было самым важным событием в новой истории Ливана. Еще в середине XVII в. ряд маронитских мукаддамов был включен в феодальную иерархию друзской знати. Приток униатов и православных значительно усилил позиции маронитской общины, влияние которой росло в основном за счет уменьшения роли шиитов и туркмен. В 1759 г. мароните при поддержке друзов подняли восстание против шиитов Северного Ливана и к 1773 г. полностью изгнали их из Бшарри, Батруна, Джубейля и Кесруана. Началась интенсивная христианская колонизация центральных районов. Шииты бежали на юг и в долину Бекаа, являвшуюся основным районом их традиционного расселения.

Христианская колонизация постепенно изменила облик горного Ливана. Она способствовала развитию торговли, ремесла и террасного земледелия, особенно шелководства. Оживилось хозяйство, быстро росли богатства маронитской церкви. Большое значение имели связи с Римом и поддержка Франции. Не меньшую роль сыграло движение за реформы, начатое на церковном соборе в 1736 г. Борьба за обновление, продолжавшаяся вплоть до 1790 г., сопровождалась дальнейшей латинизацией

церкви, европеизацией духовенства и ростом его культурного, идеологического и политического влияния. В 1756 г. сыновья эмира Мульхима (1732—1754) приняли христианство, в 1770 г. на трон в Дейр аль-Камаре вступил первый христианин — Юсуф Шехаб (1770—1788).

Опираясь на друзов и маронитов, Шехабы распространили свою власть практически на все районы горного Ливана. В 1748—1772 гг. они управляли Бейрутом и большинством прибрежных районов от Триполи до Сура (Тира). Однако дальнейшее формирование самобытной ливанской государственности, зарождавшейся на базе католической церкви и маронитской общины, было приостановлено процессами, шедшими в противоположном направлении: исламским фундаментализмом, возобладавшим в политике османских властей в последней четверти XVIII в., и связанной с этим герильей друзской знати. В 1778—1788 гг. большинство друзских феодалов во главе с представителями рода Джумблатов выступило с оружием в руках против правящего эмира. В конце концов Юсуф Шехаб был вынужден отречься от престола и в 1790 г. погиб в сирийской тюрьме. Его преемнику эмиру Беширу II (1788—1840) пришлось выдержать длительную и напряженную борьбу, чтобы отстоять свои права на престол и самобытность Ливана как особого государственного образования.

ПАЛЕСТИНА

В середине 70-х годов такой же неудачей закончилась попытка создать самостоятельное арабское государство в Палестине. Эта попытка связана с именем шейха Захира аль-Омара аз-Зейдани (ок. 1690—1775) — сына шейха (старосты) г. Сафед, выходца из семьи мультазимов крестьянского происхождения. В 1707 г. после смерти отца Захир аль-Омар занял пост шейха и с помощью многочисленной родни начал округлять свои владения, беря на подряд все новые и новые мукатаа. В 1737—1743 гг. в ходе вооруженного конфликта с Сулейман-пашой аль-Азмом он отобрал у дамасских пашей Тиверию, Назарет и Наблус, в 1746 г. «купил» у сайдского паши пустое заболоченное побережье Средиземного моря около небольшого селения Акка, где еще сохранялись руины некогда существовавшей здесь крепости крестоносцев Saint Jean d 'Acre. За несколько лет Захир аль-Омар построил здесь порт, город (30 тыс. жителей в 1770 г.) и новую крепость с мощными бастионами, выдержавшую впоследствии осаду войск Бонапарта, и в 1750 г. перенес сюда столицу своих владений. Практически они охватывали все земли Галилеи и Самарии, т.е. всю Северную Палестину. В 1768 г. путем подкупа и интриг ему удалось уговорить Порту признать его в качестве правителя этих мест с титулом «шейх Акки, эмир аль-умара, хаким Назарета, Тиверии, Сафеда и всей Галилеи».

Государство Захир аль-Омара имело чисто арабский характер. В старинных народных песнях он неизменно предстает как борец за дело арабов, как носитель идей арабской народности. В его владениях не было

ни турецких чиновников, ни янычарского очага. Все командные и административные посты занимали лица арабского происхождения. Его первым министром, управлявшим всеми хозяйственными делами, был Ибрахим ас-Саббаг — араб православного вероисповедания. Основной опорой Захир аль-Омара были арабские племена Заиорданья, с которыми он поддерживал дружественные отношения. Армия состояла из магрибинских наемников и шиитов (метуалиев), вербовавшихся в Ливане.

Веротерпимость была наиболее характерной чертой внутренней политики Захир аль-Омара. Помимо шиитов он покровительствовал христианам, особенно арабам и грекам православного вероисповедания. Недруги считали его скрытым христианином, чуть ли не агентом Мальтийского ордена, поскольку он принимал в Акке мальтийских корсаров и скупал у них добычу, захваченную во время нападений на мусульман.

На деле Захир аль-Омар был типично мусульманским правителем. Ему были присущи все черты, свойственные обычному восточному деспоту. Его воля считалась высшим законом; он не терпел никаких противоречий, лично руководил государственными делами. Деспотический характер режима особенно сильно проявлялся в хозяйственном строе и в экономической политике властей. Все земли находились в ведении государства. Развивая земледелие, прежде всего производство пшеницы, хлопка и шелка, Захир аль-Омар установил монополию правительства как на скупку, так и на сбыт сельскохозяйственной продукции. Его внешними контрагентами выступали французские купцы, которые в большом числе обосновались в Акке. Импортные товары (шерстяные ткани, индиго, сахар) также поступали в распоряжение властей, и уже они распределяли их внутри страны.

В области внешней политики основной задачей была борьба с Сирией. Именно это побудило Захир аль-Омара заключить союз с мамлюкским правителем Египта Али-беем и вместе с ним установить тесные отношения с Россией. Во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. в Средиземном море появилась русская эскадра под командованием графа А.Г.Орлова. В июле 1770 г. в знаменитом Чесменском бою А.Г.Орлов уничтожил турецкий флот и прочно обосновался на островах Эгейского архипелага. Воспользовавшись этим, Захир аль-Омар прекратил платить дань Порте, фактически отложился от нее и начал войну против пашей Дамаска, Сайды и Триполи.

Вначале союзники добились крупных успехов. Зимой 1770/71 г. мамлюки совместно с войсками Захир аль-Омара разбили сирийцев, подошедших к Яффе, и вскоре освободили от них всю территорию Палестины. Весной 1771 г. 54-тысячная мамлюкская армия при поддержке 26-тысячного войска Захир аль-Омара под общим командованием египетского военачальника Мухаммед-бея Абу аз-Захаба вторглась в Сирию, 5 июня разгромила войска Осман-паши ас-Садека и вступила в Дамаск. Одновременно войска Захир аль-Омара заняли Сайду, а в июне 1772 г. — Бейрут, переданный им русским командованием.

Вместе с тем война с Портой в союзе с неверными была крайне непопулярна среди войск и мусульманского населения. Летом 1771 г. мам-

люки отказались воевать с братьями по вере. Мухаммед-бей Абу аз-Захаб был вынужден увести их обратно в Египет. Недовольство отмечалось и среди солдат Захир аль-Омара. К тому же в апреле 1772 г. Али-бей, союзник шейха, был свергнут с престола, бежал в Палестину и в мае 1773 г. погиб при попытке вернуть власть.

В этой критической ситуации Захир аль-Омар решил укрепить отношения с Россией. 12 июня 1773 г. был подписан с представителем А.Г.Орлова премьер-майором графом Войновичем «Трактат о дружелюбии с Великой Россией», в соответствии с которым он признал протекторат России и обязался воевать с Портой, пока русские будут находиться в состоянии войны с Турцией. В Акке, Сайде, а затем в Бейруте, вторично взятом русским десантом в сентябре 1773 г., почти постоянно находились русские корабли. Благоприятная ситуация складывалась в Ливане. Юсуф Шехаб прекратил борьбу с русскими, начал переговоры о принятии протектората России и выразил готовность к союзу с Захир аль-Омаром.

Но в этот момент престарелый шейх совершил непростительную ошибку. В преддверии Кючук-Кайнарджийского мирного договора он вопреки советам собственного окружения отказался от протектората России. Воспользовавшись вступлением на трон нового султана, Абдул-Хамида I (1774—1789), он заявил о своей лояльности Порте, обещал выплатить недоимку по дани за шесть лет и добился фирмана об *амане* («пощаде»), в соответствии с которым султан «простил» его и назначил наследственным правителем Сайдского эйалета и Палестины, за исключением санджака Иерусалим.

В феврале 1774 г. русский флот покинул Сайду и Бейрут, а в марте 1775 г. в Палестину вторглась 60-тысячная египетская армия Мухаммед-бея Абу аз-Захаба, выступавшего под флагом джихада. Магрибинские наемники перешли на сторону мамлюков и фактически без боя сдали Акку и Сайду. Лишь неожиданная смерть Мухаммед-бея Абу аз-Захаба в июне 1775 г. и поспешный уход египтян позволили шейху вернуть власть, но ненадолго. В августе 1775 г. перед Аккой появился османский флот, формально для того, чтобы покарать мамлюков. Воспользовавшись этим, наемные войска Захир аль-Омара перешли на сторону турок. Шейх пытался бежать, но был убит собственной охраной.

Владения Захир аль-Омара были переданы под управление Ахмед-паши Джеззара (1720—1804) — безжалостного фундаменталиста, отличившегося в борьбе с русскими войсками. По происхождению он был крестьянином, родом из Боснии. Спасаясь от кары за насилие над односельчанкой, он бежал в Стамбул и поступил на службу к великому везиру. В 1756 г. вместе с ним прибыл в Каир, совершил хадж и уже в качестве мамлюка остался в Египте, став в 1756 г. *кяшифом* Бухейры. В отместку за убийство своего патрона он учинил столь жестокую резню бедуинов, что получил прозвище «Джеззар» («Мясник»), которое осталось за ним на всю жизнь.

В 1768 г. Ахмед Джеззар бежал из Египта. К этому времени он уже проявил себя как ярый поборник ислама и староосманских традиций.

В своем трактате «Низам-наме-и Миср» он писал о том, как следовало бы управлять Египтом в соответствии с законами Сулеймана Великолепного (1520—1566). В 1773 г., во время осады Бейрута русскими, он приобрел славу мусульманского героя, приказав разбирать дворцы знати для восстановления разрушенных укреплений.

Став пашой Акки, Ахмед Джеззар вскоре распространил свою власть на Сирию и Ливан. Путем давления и интриг он добился устранения Юсуфа Шехаба и приручил друзскую знать, которой помыкал как своими вассалами. Бешир II в эти годы воспринимался не иначе, как марионетка Ахмеда Джеззара. Он несколько раз отстранял Бешира II от власти, затем милостиво возвращал на трон. Влияние Джеззара еще более возросло, когда Порта передала под его управление эйалет Триполи, затем Дамаск, который в 1785—1804 гг., с небольшим перерывом, находился под его властью.

Столицей своих владений Ахмед Джеззар сделал Акку. В Сайде, Триполи и Дамаске правили наместники, нередко его собственные мамлюки. Арабы были оттеснены от управления. На всех постах находились выдвиженцы Ахмеда Джеззара, который сам вершил всеми государственными делами. Как типичный азиатский деспот, он установил сильно централизованную систему власти с авторитарными методами управления. Его главной опорой были мамлюки и албанские *башибузуки*, которые вместе с выходцами из Боснии составляли основное ядро его вооруженных сил. Управление финансами находилось в руках евреев. Его первым министром стал Хаим Фархи — *сефард*, выходец из семьи еврейских откупщиков Дамаска. Независимо от занимаемых постов все они трепетали перед правителем и беззастенчиво измывались над местным арабским населением.

Отношения с Портой были неровными. Как всякий поборник староосманских традиций, Ахмед Джеззар выступал за единство империи. Он никогда не выходил из роли лояльного слуги падишаха, но на деле правил совершенно самостоятельно. По существу, он лишь посылал дань в Порту и выражал чисто словесную солидарность с султаном. Политика обновления, проводившаяся Селимом III, была ему совершенно чужда. В своих владениях он сохранял староосманские порядки и под флагом укрепления шариата развернул борьбу против «иностранщины», изгнал из Акки французских купцов и резко ограничил «духовные свободы». Усилились преследования униатов, маронитов и других сторонников Запада. До истинно восточного совершенства была доведена система сыска и террора, от которого никто не был застрахован, даже его собственные мамлюки.

Одно из «дел» в 1789 г. послужило поводом к мятежу мамлюкских войск. К нему присоединились наместники Триполи и Сайды, ряд ливанских князей. Мукатааджи и городские аяны выражали открытое сочувствие повстанцам, которые помимо Триполи и Сайды взяли Бейрут, Сур и осадили Акку, поставив режим на край гибели. Ахмед Джеззар мобилизовал всех своих албанцев и босняков, раздал оружие ремесленникам и другим представителям низших городских слоев и с их помощью сумел подавить мятеж.

Режим террора достиг апогея. Под флагом конфискации нечестно нажитых богатств и восстановления справедливости по всей стране производились массовые экспроприации. Людей истязали и подвергали самым мучительным пыткам, добиваясь признания о скрытых сокровищах. Не менее сурово карались «экономические преступления», связанные с нарушением системы монополий. Она была унаследована от Захир аль-Омара и получила дальнейшее развитие. Все земли находились в руках государства и управлялись его агентами на основе подряда. Крестьяне получали твердые указания, что́ сеять и куда свозить полученную продукцию, изымавшуюся у них в форме налогов и государственных закупок. Ремесленники и торговцы были обязаны вступать в «ассоциацию» с правительством и выполнять его заказы. Вся товарная продукция была монополизирована властями, которые ввели систему твердых закупочных и продажных цен.

При Ахмеде Джеззаре погибли тысячи жителей Сирии и Палестины. Многие укрывались в Халебе и неприступных районах Ливана. Большинство же жило надеждой на скорое избавление от власти тирана. В 1795 г. при получении известия о смещении Джеззара, у которого Селим III попытался отнять управление Дамаском, «улицы города были украшены, лавки иллюминированы». Но радость оказалась преждевременной. Ахмед Джеззар вернул Дамаск. Более того, отстояв Акку от войск Бонапарта в 1799 г., он значительно укрепил свой престиж, приобретя славу неукротимого поборника ислама и избавителя страны от иноземного порабощения.

ВАХХАБИТЫ В АРАВИИ

В это же время в Северной Аравии возник еще один очаг раннего исламского фундаментализма. Он был связан с религиозно-политическим движением ваххабитов, эксцессы которых потрясли мир на рубеже XVIII—XIX вв. Основателем движения был неистовый богослов Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб (1703—1792). Он был родом из религиозной мусульманской семьи. Его отец, кадий г. Аяйна в Неджде, дал сыну традиционное образование, которое тот основательно пополнил во время скитаний по очагам аравийской образованности. Он совершил хадж, долго был в Медине и Басре, где беседовал с наиболее видными улемами этих провинциальных мест. Наибольшее влияние на формирование его взглядов оказала фундаменталистская доктрина *ханбализма*, особенно ее крайняя интерпретация в трудах Таки ад-Дина ибн Таймийи (ум. в 1328 г.).

Аравия в это время представляла собой довольно унылую картину разоренной и раздробленной страны. Хозяйство носило экстенсивный характер и было основано на сочетании кочевого скотоводства и поливного земледелия оазисов. Значительные пространства занимали пустыни. Единой государственности не существовало. Власть османских султанов имела чисто номинальный характер. По существу, Аравия являлась

конгломератом мелких и мельчайших эмиратов. Их правители враждовали между собой, отстаивая свои мелкие интересы. Наиболее крупные государства — эмират Бану Халид в Эль-Хасе и мекканский шерифат Хашимитов в Хиджазе — переживали глубокий упадок.

Османские паши, имевшие резиденцию в Джидде, практически не вмешивались во внутреннюю жизнь вассальных аравийских государств. Их беспокоили лишь положение на границах, точнее, на морских подступах к Аравии, и безопасность хаджа. Ежегодно в Хиджаз, где находились священные города ислама Мекка и Медина, приходило до 100—150 тыс. паломников. Их снабжение и охрана составляли главную заботу османских властей и вместе с тем повод для раздоров с местными правителями. Бедуины нередко нападали на караваны с паломниками. Они явно недолюбливали этих людей, шедших в сопровождении пышных военных эскортов, с музыкой и знаменами, со множеством маркитантов, певиц и танцовщиц. Их шокировали свободные нравы и поведение этих «турок», которые сочетали паломничество с мелкой торговлей, пили кофе, курили табак, пользовались благовониями, хной и т.п. Суровые ханбалиты рассматривали их как рассадник коррупции и разврата, как источник бед и социального зла.

Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб начал борьбу с этим злом. В 1730 г. он вернулся на родину и сразу же приступил к проповеди истинного ислама, гневно обличая еретические «новшества» турок, забвение ими шариата, социальную несправедливость и произвол. В первые же дни своей деятельности Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб прославился тем, что приказал забить камнями жительницу Аяйны, изобличенную в прелюбодеянии. Поборник равенства и суровой простоты нравов, он прославлял бедность, запрещал носить шелковые одежды, курить табак, перебирать четки. Запрету подвергались танцы, пение, различного рода игры и шумные празднества. Со всей страстью не очень далекого человека, абсолютно уверенного в своей правоте, он давал советы, как вести себя, как должен смеяться настоящий мусульманин, зевать, пожимать руку, когда и с кем ему можно шутить.

С чисто догматической точки зрения учение Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба не представляло собой ничего нового. Его книга «Китаб аттаухид» и другие сочинения на 90—95% состояли из цитат. Он не вникал в сущность религиозно-философских проблем, и если отличался от Ибн Таймийи, то только тем, что излагал его взгляды крайне примитивно. Как всякий искренний ханбалит, он призывал вернуться к истокам веры, восстановить ислам в его первоначальной чистоте и руководствоваться только Кораном и сунной пророка. В чисто доктринальном плане, как считают большинство мусульманских теологов, ваххабизм, т.е. учение Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба, является вполне ортодоксальной интерпретацией ислама и не содержит ничего еретического. Однако с исторической точки зрения ваххабизм, как отклонение от общепринятой религиозной нормы, является сектантским вероучением. Да и сами вахабиты противопоставляли себя другим мусульманам и отвергали ислам в его всеобщей и наиболее распространенной форме.

Ваххабиты ненавидели османских сановников и улемов. Они объявили их «неверными» и развернули против них священную войну. Наибольшую поддержку они встретили со стороны крестьян и низов городского населения. Постепенно к ним примкнули некоторые аравийские улемы и даже правители. В ряде городов образовались воинствующие общины фанатиков, поднявших знамя ваххабитского джихада. Неистовые борцы за веру, они жгли неваххабитские книги, слагали костры из табачных трубок, разрушали *куббы* на могилах святых и праведников, сносили мавзолеи и другие здания, не соответствовавшие их архитектурно-политическим вкусам. В борьбе со злом ваххабиты устраивали массовые казни, уничтожая всех, с чьими умами играл шайтан. Репрессиям подвергались не только открытые противники ваххабизма, но и те, кого подозревали в ростовщичестве, в пристрастии к роскоши, магии и недозволенной любви.

Решающее значение для успеха раннего ваххабизма имело обращение в истинную веру в 1744 г. Мухаммеда ибн Сауда — правителя (с 1726 г.) небольшого эмирата Дерийя, расположенного в плодородной долине в горах Тувайк в центральном Неджде. Союз Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба и Мухаммеда ибн Сауда положил начало ваххабитскому теократическому государству. Вероучитель получил поддержку государственного аппарата, а честолюбивый эмир — идеологическое оружие, которое давало ему моральное оправдание и даже основание для политики безудержной экспансии. После смерти Мухаммеда ибн Сауда в 1756 г. его дело продолжал Абд аль-Азиз I (1756—1803), затем его сын Сауд, который еще при жизни отца возглавлял наиболее важные военные кампании.

В 1744—1773 гг., в ходе почти непрерывных войн и походов, ваххабиты подчинили себе эмираты и кочевые племена Неджда. В 1773—1787 гг. они покорили Касым, Вади Давасир и Джебель-Шаммар, объединив под своей властью всю Центральную Аравию. В 1796 г. они окончательно утвердились в Эль-Хасе и вышли к берегам Персидского залива. Создав флот, захватили Бахрейн (1803 г.) и начали борьбу за господство на море, одновременно продвигаясь в сторону Омана.

В Западной Аравии главным врагом ваххабитов были правители Мекки. Война с ними началась в 1790 г. В ходе нескольких кампаний ваххабиты нанесли им ряд тяжелых поражений, взяли Мекку (1803 г.), Медину (1805 г.), Янбо (1805 г.) и завоевали большую часть Хиджаза. Шериф Мекки бежал в Джидду, где находились османские войска. Возникли трудности с хаджем. Его проведение ваххабиты обставили рядом условий. В частности, они потребовали, чтобы в Мекке представители Порты отказались от претензий на руководство и чтобы караваны с паломниками шли не только без женщин и спиртных напитков, но даже без музыки и оружия.

Порта была бессильна. Султан не имел никаких возможностей восстановить положение. Мятежи и беспорядки в Румелии, экспедиция Бонапарта в Египет (1798—1801), войны с Россией (1787—1791 и 1806—1812), Австрией (1788—1791) и Англией (1807—1809) поглощали все его

силы. Ахмед Джеззар думал больше о Дамаске, чем о войне с ваххабитами, и выдвигал неприемлемые условия для похода в Аравию. Несколько мелких экспедиций, организованных в 1797—1799 гг. мамлюкскими правителями Ирака, закончились неудачей. Все это ободряло ваххабитов, которые в самом конце XVIII в. вышли за пределы Аравии. Их летучие отряды стали все чаще появляться на окраинах Сирии и Ирака. Подлинной сенсацией явился налет на Кербелу — одну из святынь шиитского ислама. Он был совершен 20 апреля 1802 г. и привлек к ваххабитам всеобщее внимание. В течение восьми часов «пуритане пустыни», как называли ваххабитов некоторые европейские публицисты, громили город. Они осквернили и разрушили усыпальницу имама Хусейна, вывезли из нее несметные сокровища, а заодно вырезали около двух тысяч «многобожников», в основном немощных стариков, женщин и детей.

К этому времени империя ваххабитов находилась в зените своего могущества. Она охватывала обширные территории, почти весь Аравийский полуостров. Следует, однако, подчеркнуть, что при всех военных успехах, к тому же обязанных в основном вакууму сил на Ближнем Востоке, государство ваххабитов было крайне непрочным. Оно было создано саблей и, по сути дела, оставалось конгломератом завоеванных провинций, союзных государств, вассальных владений и почти независимых территорий данников эмира. Не было ни единого государственного аппарата, ни достаточно боеспособной армии, отвечавшей требованиям времени. Кроме того, нельзя упускать из виду грызню за власть и раздоры среди ваххабитской верхушки, а также сопротивление покоренного населения. Доведенное до отчаяния, оно поднимало восстания и нападало на ваххабитских стражей порядка и нравственности. В 1803 г. в столичной мечети ударом кинжала был убит Абд аль-Азиз I. Народная молва приписала убийство фидаю-шииту, потерявшему при налете на Кербелу всю свою семью. Хотя Сауд, новый повелитель ваххабитов, поклялся мстить и беспощадно подавлять все заговоры и мятежи, укротить страну не удалось, и убийство Абд аль-Азиза I стало своего рода прологом к падению первого ваххабитского государства.

Глава 22

ОСМАНСКИЙ ЕГИПЕТ И СЕВЕРОАФРИКАНСКИЕ ВИЛАЙЕТЫ В XVIII в.

В Египте и странах Северной Африки регионализм проявлял себя особенно ясно и четко. В начале XVIII в. здесь сложились фактически независимые арабские государства, лишь формально считавшиеся частью Османской империи. Здесь не было ни турецких войск, ни турецкой администрации. Каждое из этих регионалистских образований имело свое государственное устройство и правительство, чеканило собственную монету, имело свои таможни и вооруженные силы. Правители этих стран сами определяли свою внешнюю и внутреннюю политику, самостоятельно поддерживали отношения с третьими странами, нередко на базе двусторонних договоров. В каждой из них сложились свои культурно-цивилизационные ценности, свои обычаи частной и общественной жизни. Лишь приверженность исламу, общность социальных идеалов, сходство общественных и политических институтов и вытекающая отсюда общность интересов господствующего класса, особенно перед лицом третьих стран, удерживали Египет и государства Северной Африки в рамках Османской империи.

МАМЛЮКСКИЙ ЭМИРАТ В ЕГИПТЕ

Самостоятельное мамлюкское государство образовалось в итоге острой политической борьбы, охватившей Египет на рубеже XVII—XVIII вв. Эта борьба происходила на фоне острого экономического и структурного кризиса. В течение всего периода Смутного времени (*фитны*) (1671—1711) страна переживала беспрецедентное расстройство хозяйственной жизни. Два поколения египтян жили в условиях постоянного дефицита и катастрофического роста цен. Временами царил настоящий голод. Продукты продавались из-под полы, по невероятно высоким ценам. Народ роптал, обвиняя во всем продажных чиновников и богачей. Беспорядочные сборища у правительственных канцелярий нередко перерастали в голодные бунты, когда толпы доведенных до отчаяния людей громили государственные склады с зерном и продовольствием.

Неурядицы со снабжением до предела обостряли накал политических страстей. Если говорить в целом, то борьба происходила между мамлюками и янычарами, которые с начала 80-х годов XVII в. осуществляли безраздельную власть в стране. Положение осложнялось наличием серьезных противоречий между войсковыми старшинами и янычарской массой, соперничеством между различными очагами (корпусами) традици-

онной османской армии и, наконец, глубоким расколом, разделившим мамлюкские «дома» на два лагеря. Как отмечалось выше, еще в начале XVII в. сложились две мамлюкские лиги, или партии (*хизб*): *касымийа* («красные») и *фикарийа* («белые»), связанные с двумя группировками (*соффами*) городского и сельского населения соответственно — *нисф харам* и *нисф саад*. При всех колебаниях политической конъюнктуры, вызывавших периодические перегруппировки противоборствующих сторон, эти два лагеря оставались неизменными.

Формально обе группировки выступали под легитимистскими лозунгами восстановления османской законности, фактически — за установление своих порядков, отвечавших их классово-политическим интересам. Фикарийа представляла собой коалицию прежде всего янычар, бедуинов и части мамлюкских домов. Они пользовались поддержкой паши — наместника султана и апеллировали к низам городского населения, отличавшегося крайним фанатизмом, ксенофобией и ностальгией по старым османским временам. Касымийа объединяли большую часть мамлюкских домов, выступавших в союзе с *азабами* и другими очагами традиционной османской армии. Касымиты пользовались симпатиями некоторых бедуинских кланов и зажиточных горожан, прежде всего каирского купечества и войсковых старшин. В начале XVIII в. во главе касымитской лиги стояли весьма влиятельные и энергичные мамлюкские эмиры Ибрахим-бей Абу Шанаб и Иваз-бей. Они осторожно, но настойчиво выступали за отход от староосманских ценностей и, по существу, являлись партией обновления.

Правление янычарских тиранов, особенно Ахмед-аги (1697—1703), Али-аги (1703—1704) и *башодабаши* Ифрандж Ахмеда (1704—1707), окончательно бросило городской патрициат в объятия мамлюков. Демагогическая политика янычар — восстановление цен-максимумов (*тасъир*), расселение нищих и бедняков в домах каирской знати, обязывавшейся «добровольно» содержать их вплоть до нормализации обстановки, расправы, особенно жестокие при Али-аге, за сокрытие товаров и спекуляцию, наконец, запрещение вывозить кофе и продовольствие в страны католического мира — в сочетании с привилегиями янычарского очага вызывала крайнее раздражение у шести других очагов и вообще у зажиточного населения Каира.

Низкий уровень Нила в 1705 г. и последовавший затем голод еще более обострили обстановку. В 1707 г. ремесленники и торговцы Каира закрыли лавки и укрылись в казармах шести неянычарских очагов. За их спиной стояли шейхи аль-Азхара и касымиты. Под их давлением паша был вынужден сместить Ифрандж Ахмеда и передать власть «восьмерке» янычар-«диссидентов», пытавшихся сблизить позиции мамлюков и каирских *йолдашей*. Однако реального компромисса достичь не удалось. В июне 1709 г. «восьмерка» была отстранена от власти и бразды правления вновь перешли к Ифрандж Ахмеду. Несмотря на отдельные попытки договориться, напряженность нарастала и в 1711 г. привела к открытому вооруженному конфликту.

В начале марта 1711 г. одно из столкновений между азабами и янычарами переросло в уличные сражения. Постепенно в конфликт вовлека-

лись союзники противоборствующих сторон: фикариты выступили в поддержку янычар, касымиты — азабов. В середине апреля, после вступления в Каир бедуинских ополчений, поддерживавших янычар, события приобрели характер широкой гражданской войны. С нарастающим ожесточением она продолжалась свыше двух месяцев. 22 апреля 1711 г. в сражении с фикаритами погиб Иваз-бей — один из виднейших вождей касымитов. Его смерть привела в действие законы кровной мести, что перекрыло все пути к возможному компромиссу, которым обычно заканчивалось большинство предыдущих конфликтов.

Началась борьба на уничтожение. В течение 70 дней в Каире и прилегающих районах шли ожесточенные бои. В ходе их янычары потерпели сокрушительное поражение. Фикаритские эмиры один за другим выходили из игры; многие бежали из Египта, часть перешла на сторону Ибрахим-бея. 22 июня 1711 г. азабы и их союзники вступили в цитадель, где размещались правительственные учреждения и казармы янычар. Халиль-паша, официальный наместник султана, был низложен и заключен под домашний арест. Ифрандж Ахмед, пытавшийся бежать, был схвачен и убит. Его труп за ноги выволокли из цитадели и бросили на ар-Румейле — в то время главной площади Каира. Одновременно были казнены его главные сподвижники. Репрессии продолжались в течение нескольких месяцев. Беспощадно уничтожались все, кого подозревали в симпатиях к Ифрандж Ахмеду.

В результате этих событий, получивших в литературе название «Великой революции 1711 г.», власть в Египте перешла в руки мамлюков. Под покровом старых османских институтов началось становление новой египетской государственности, происходившее в обстановке ожесточенной борьбы за власть. Убийства, заговоры и дворцовые перевороты следовали один за другим. В начале 1719 г. умер престарелый вождь касымитов Ибрахим-бей, в 1724 г. — Исмаил-бей, сын и преемник знаменитого Иваз-бея. Чаша весов стала клониться в сторону фикаритов. Их успеху в немалой степени содействовало возвышение мамлюкского дома Каздоглия, основатель которого Мустафа эль-Каздоглу еще в период Смутного времени бросил вызов другим мамлюкским домам, установив тесные связи с войсковыми старшинами.

Хотя борьба между мамлюками носила чисто верхушечный, феодальный характер, фикаритской партии были на руку экономические трудности, переживавшиеся страной в период касымитского правления. Уровень Нила неоднократно падал, вызывая резкое сокращение посевных площадей. Закрома быстро пустели, цены росли. Временами хлеб полностью исчезал из продажи, порождая массовое недовольство. В 1714, 1718, 1722 и 1724 гг. в Каире и других городах отмечались серьезные беспорядки, возникавшие на почве голода. К тому же во время мамлюкских междоусобиц стороны зачастую устанавливали блокаду городов, находившихся в руках враждебной партии. Особенно разорительной была война 1729—1730 гг., в ходе которой Мухаммед Джеркес-бей, одна из ключевых фигур египетской политики 20-х годов, попытался нанести фикаритам решительное поражение. Однако счастье ему изменило, и

касымиты потерпели неудачу. Сам Джеркес-бей, уходя от преследования, 12 апреля 1730 г. утонул в Ниле. Его смерть поставила точку в беспощадной феодальной междоусобице, во время которой погибли все наиболее видные вожди касымитов, а сама партия прекратила существование.

Мамлюкские междоусобицы 1711—1730 гг. явились своего рода «переходным периодом». В это время окончательно сложились новые социальные и политические структуры Египта. Он превратился в полунезависимое государство, лишь номинально признававшее сюзеренитет Порты. По словам К.Нибура, датского путешественника XVIII в., Египет находился скорее под покровительством, чем под властью османского султана. Мамлюкские правители рассматривали его не более как верховного арбитра, как религиозного главу всех мусульман и лишь в этом качестве оказывали ему соответствующие почести.

В порядке выполнения религиозного долга они посылали дань в Порту, отправляли янычар для войны с «неверными», принимали пашу и египетского казиаскера, которые представляли в Египте верховную власть султана. Имя турецкого падишаха чеканилось на монетах египетского производства и произносилось в пятничной хутбе. В остальном мамлюки самостоятельно управляли страной: назначали должностных лиц центральной и местной администрации, вершили суд, собирали налоги и торговые пошлины. Паша, официальный наместник (*вали*) султана, осуществлял чисто протокольные функции. По существу, он был, как пишет современный американский историк, «османским послом при мамлюкском диване». Не имея реальной власти, паша занимался интригами, стараясь столкнуть между собой различные мамлюкские группировки. Зачастую это оборачивалось смещением и высылкой его из Египта. В этом случае мамлюки назначали *каймакама* (местоблюстителя), который выполнял функции паши вплоть до прибытия нового посланца из Стамбула.

При мамлюках резко упало военное и политическое значение всех очагов османской традиционной армии. Прежде всего это относилось к очагу янычар, который на протяжении всего османского господства являлся наиболее надежной опорой власти. Поражение в 1711 г. и последующие чистки привели к деполитизации и дальнейшему разложению очага. Он полностью утратил свои боевые качества и превратился, по сути дела, в иррегулярное городское ополчение. В первой половине XVIII в. завершилось сращивание очага с торгово-ремесленным населением. Если в 1690—1700 гг., по данным А.Рэймона, членами военных очагов состояло 77% всех ремесленников и торговцев Каира, то в 1747—1756 гг. — 89%, т.е. практически все торговцы и ремесленники. Даже слово *йолдаш* («товарищ», обращение к янычарам) стало восприниматься как синоним «человека базара», ремесленника и мелкого торговца. За пределами очагов остались лишь отдельные неудачники и представители немусульманских общин (в основном копты), которым из-за их иноверия путь в очаг был закрыт.

Полностью изменился характер египетской армии. Ее основную часть стали составлять отряды наемников, прежде всего делиев и магрибинцев.

Все командные посты находились в руках мамлюкских беев, непосредственной опорой которых были личные дружины, состоявшие из мамлюкских рыцарей (*джунди*). Они вновь обрели характер привилегированной военно-аристократической касты, своего рода «знати одного поколения». В большинстве своем мамлюки были выходцами с Кавказа (в основном грузины, черкесы и абхазы). Приняв ислам и арабскую культуру, они, как правило, сохраняли свой язык, свои привязанности и даже связи с бывшей родиной. Отвага мамлюков, их выучка и профессиональное мастерство вызывали восхищение всех, с кем им приходилось иметь дело. Даже Бонапарт впоследствии был вынужден признать, что «два мамлюка безусловно превосходили трех французов, 100 мамлюков были равноценны 100 французам» и лишь более крупные массы регулярных французских войск были в состоянии одержать верх над мамлюкскими рыцарями.

Мамлюки полностью сохранили старый фасад османской администрации. По-прежнему существовали многочисленные ведомства и канцелярии (*калам*), военные очаги, цеховое самоуправление, шариатские учреждения — вся пирамида власти, на вершине которой находились большой и малый диваны (правительственные советы) как органы коллективного руководства. В их состав по-прежнему входили высшие военачальники и представители мусульманского духовенства. Новое состояло в том, что весь этот административно-управленческий аппарат оказался в руках новых людей, совершенно чуждых самому духу старых османских учреждений. Самоуправление превратилось в чистейшую фикцию. Диван стал чисто декоративным органом, безропотно утверждавшим все решения мамлюкского правительства.

Руководящее ядро новой власти составляла неформальная группа лидеров, объединявшая наиболее влиятельных мамлюкских беев. Они выдвигали из своей среды одного или нескольких правителей (дуумвират, триумвират, кватуорвират), которые распределяли между собой все высшие государственные посты. Главой правительств являлся *шейх аль-балад* (букв. «староста»), который на первых порах именовался также *амир аль-Миср* («князь Египта») или *азиз аль-Миср* («властитель Египта»). Далее шли *сирдар* (главнокомандующий), *амир аль-хадж* (начальник каравана паломников), *амир аль-хазина* (начальник каравана, доставлявшего египетскую дань в Стамбул), *дефтердар* (руководитель административно-хозяйственного аппарата) и т.д. Всего в высшем звене иерархии насчитывалось 24 *санджак-бея*, или *сангака*. Среди них были наместники важнейших провинций, командующий флотом (*кабтан*) и управляющий хлебными складами (*амин аль-амбар*). С приходом к власти фикаритов (1730 г.) высшие сановники стали добавлять к названиям своих должностей почетные титулы, характерные для командиров в военных очагах (*ага*, *кетхода*).

Формально мамлюки избирались на все эти руководящие посты. Фактически они приходили к власти путем военного переворота, сопровождавшегося коренным перераспределением всех важнейших государственных должностей.

Вслед за центром менялась власть на местах. В административном отношении Египет делился на два десятка провинций (*иклим*), которыми управляли мамлюкские *кяшифы* (губернаторы). Во внутренней иерархии мамлюков кяшиф рассматривался как второе лицо после эмира (*сангака*), стоявшего во главе мамлюкского дома. Вследствие этого провинции превратились фактически в вотчины отдельных мамлюкских домов, которые хозяйничали в них как в своих удельных княжествах, выдвигая и смещая кяшифов по своему усмотрению.

Часть провинций, особенно в Верхнем Египте, находилась во власти бедуинских шейхов. Подобно мамлюкам, они рассматривали их как свои вотчины и нередко заводили в них собственные порядки. Некоторые современные египетские исследователи склонны идеализировать эти порядки, называя их прообразом некой особой арабской государственности. Например, Луис Авад охарактеризовал правление шейха Хумама в Верхнем Египте в 1736—1769 гг. как попытку создания республиканского режима.

После 1730 г. мамлюкам удалось стабилизировать экономическое положение. В течение почти 50 лет в стране не было сколько-нибудь заметного дефицита потребительских товаров. В 1737—1783 гг. цены оставались сравнительно устойчивыми. Их постепенное повышение, в среднем, по расчетам А.Рэймона, на 0,2% в год, отражало в первую очередь падение стоимости самих денег — неизбежное следствие несовершенства османской хозяйственной системы. Мамлюкские правители не знали, как можно было бы улучшить ее, нейтрализовать действие долговременных факторов упадка. А эти факторы по-прежнему предопределяли застойный характер египетской экономики и неуклонный процесс постепенного разрушения производительных сил. Иностранцев поражала растущая нетребовательность к себе египетских мастеров: небрежность исполнения, многочисленные отступления от технологии и погоня за плохим, но дешевым сырьем. В результате снизилось качество, а вследствие этого и само производство египетских товаров.

В полосу упадка вступила текстильная промышленность, особенно изготовление шелковых тканей. Из номенклатуры египетского экспорта, по существу, исчезли хлопок и сахар. В середине XVIII в. начался развал египетской торговли кофе. В критическом состоянии находились пути сообщения. Уменьшалось количество и тоннаж судов торгового флота. Каналы пришли в запустение и практически не восстанавливались. Забрасывались поля, пустели деревни. Численность населения неуклонно снижалась и к 1798 г. едва достигала 2,4 млн. человек. Соответственно сокращалось и экономически активное население. В Каире, например, число ремесленников и торговцев уменьшилось со 119 тыс. в 1660 г. до 81 тыс. в 1798 г.

В XVIII в. происходило дальнейшее снижение уровня жизни основных масс населения. Усилились бедность и социальное неравенство. Средние размеры состояния ремесленников, по данным А.Рэймона, уменьшились с 48,8 тыс. *пара* в 1679—1700 гг. до 29,6 тыс. (в неизменных ценах) в 1776—1798 гг., т.е. на 40%. Разрыв между самым крупным и

самым маленьким наследством увеличился с 1:10 000 в XVII в. до 1:60 000 в XVIII в.

Каир при мамлюках слыл столицей роскоши и богатства. Это значит, что блеск аристократии временами затмевал нищету народных масс, но не делал их менее обездоленными. В 1776—1798 гг. на 10% наиболее состоятельных лиц приходилось 71,4% всей суммы наследств, а на 50% наиболее бедных — только 4,3%.

Основу социальной пирамиды составляло трудолюбивое египетское крестьянство. Оно несло бремя каждодневного труда на полях общины и страдало от тяжелых налогов. В 1798 г. налоги, взыскиваемые с феллахов, в два раза превышали сумму, которую деревня платила во времена Сулеймана Великолепного. И это не считая щедрых подношений должностным лицам и расходов на их содержание, когда они посещали деревню, особенно во время уборки и обмера урожаев. Не менее разорительными были вымогательства бедуинов и собственных мироедов — деревенских шейхов и их многочисленных приспешников, которые верховодили в крестьянском миру и безжалостно обирали своих односельчан.

Безысходность деревенской жизни усиливала отток феллахов в города. Но здесь они пополняли и без того многочисленную армию бездомных пролетариев и поденщиков и, если повезет, становились рабочими мелких мануфактур или работали по найму в сфере услуг и ремесленного производства. В сходном положении находились прослойки малоимущих (состояние менее 5 тыс. пара) мелких ремесленников и торговцев. В целом все эти слои составляли около 70% городского населения. Они перебивались скудными заработками и в лучшем случае снимали одну-две комнаты в обветшалых коммунальных домах (*раб*). Десятая часть горожан жила в своего рода шалашах, не имея ничего, кроме ободранной циновки.

Бóльшую часть имущих слоев составляли представители своего рода среднего класса (состояние — от 5 до 50 тыс. пара, 55% всех наследств) — зажиточные мастера, торговцы, мелкие служащие, а также средняя торговая буржуазия (состояние — 50—200 тыс. пара, 28% всех наследств), связанная в основном с подрядами и внешней торговлей. При мамлюках эти слои (около 15—20% городского населения) жили довольно сносно, некоторые имели слуг и рабов. В большинстве своем люди среднего достатка снимали двух-трехкомнатные квартиры с кухней в коммунальных домах; часть имела собственное жилье (обычно треть или четверть дома, реже — половину). В XVIII в. заметно улучшились одежда средних горожан, их обстановка, посуда и сам стиль жизни, ставшей значительно более открытой.

К средним слоям можно отнести также зажиточную часть иноверческих общин. В начале XVIII в. среди них преобладали последователи иудаизма, по традиции тесно связанные с янычарским очагом. Они процветали в сфере государственных финансов, ростовщичества и откупов, нередко выступая в качестве субподрядчиков и управляющих при янычарских начальниках. Однако после «Великой революции» и особенно

после 1730 г. социально-экономическая роль евреев быстро пошла на убыль. При мамлюках на первый план выдвинулись христиане: сирийские униаты, бежавшие из Халеба и Дамаска, а также копты, которые к концу XVIII в. практически полностью заменили евреев в качестве сельских *саррафов* — сборщиков налогов, державших учетные книги.

На верхних ступенях социальной лестницы находились купечество (*тудджары*), патрицианская буржуазия (*аяны*) и феодальная знать, главным образом мамлюкская военная аристократия. После «Великой революции» их богатства и социальный престиж значительно возросли. Особым почтением пользовались знатные городские фамилии — семьи потомственных улемов, шейхов и сейидов. Они перестали скрывать свою знатность и открыто демонстрировали вкус к более утонченной и роскошной жизни. В большинстве своем шейхи сочетали религиозную деятельность с общественными и бюрократическими постами, а также с торговлей и операциями с недвижимостью. По своим богатствам многие из них не уступали мамлюкским домам, монополизировавшим все высшие посты в армии и государстве. Те и другие владели землей, домами и загородными дачами, брали на откуп городские *мукатаа* и сельские *ильтизамы*. В конце XVIII в. две трети ильтизамов принадлежали мамлюкам, одна треть — аянам.

Начиная с 1692 г. все большее развитие получала новая форма подряда — *маликяне*, т.е. пожизненный откуп казенных имуществ с предпочтительным правом передачи по наследству. К 1756 г. почти все ильтизамы Египта превратились в маликяне, т.е. стали фактически частными владениями аянов и мамлюкских домов. Последние распоряжались ими как своей собственностью и даже предоставляли их в качестве *икта* своим мамлюкам.

В руках феодальной знати сосредоточились огромные богатства. Обычно их оценивали миллионами пара, иногда — десятками и даже сотнями деревень. Лучшие архитекторы возводили для мамлюкских эмиров дворцы и загородные резиденции, нередко являвшиеся подлинными произведениями искусства. В небольших парках или внутренних дворах устраивали вольеры, собирали редкостные растения и птиц, чаще всего павлинов. Жены мамлюков одевались во французские шелка, носили русские меха и кашемировые шали, очень любили бриллианты и жемчуг. Исключительное положение мамлюков подчеркивалось особым церемониалом приемов и торжественных выездов. Каждого эмира сопровождала элегантная свита с военным оркестром, штандартами и внушительным эскортом всадников, сверкавших доспехами и золоченым оружием.

В управлении страной мамлюки ориентировались на местные традиции общественной и государственной жизни. В области культуры они покровительствовали египетским поэтам, музыкантам и архитекторам. В ущерб арабо-мусульманскому классицизму, который в период мамлюкского правления переживал глубокий кризис, росло значение фольклора и народной культуры вообще. Слабость и подражательность литературы на классическом арабском языке с лихвой компенсировались бурным развитием литературы на египетском разговорном, или народном

языке (*люгат ахль Миср*). Ее подъем начался еще на рубеже XVI—XVII вв. и был связан с именами Юсуфа аль-Магриби и Юсуфа аш-Ширбини. Наиболее крупным поэтом, прославившим египетскую поэзию XVIII в., был Хасан аль-Бадри аль-Хиджази (ум. в 1719 г.). Его стихи пользовались огромной популярностью как среди народа, так и в высших слоях общества. Тогда же стали появляться первые суфийские трактаты и проповеди, написанные на египетском разговорном языке. Большое развитие получил культ местных святых. При мамлюкской власти египетские *маулиды* и другие местные праздники стали отмечаться с особой пышностью и привлекали массы людей.

Культурный подъем XVIII в. был тесно связан с развитием египетского национального партикуляризма. Правда, новое регионалистское сознание развивалось чрезвычайно медленно, охватывая в первую очередь высшие слои общества. В массах, даже в конце XVIII в., продолжали господствовать староосманские религиозные представления. Как и в других арабских странах, регионализм проявлялся прежде всего в чувстве культурно-этнической обособленности. Он находил свое выражение в растущем интересе к местной жизни, традициям и языку и, что не менее важно, к истории, в частности к эпохе независимых мамлюкских султанов. Следует подчеркнуть, что в отличие от ряда современных историков египетское общество XVIII в. не воспринимало мамлюков как чуждый Египту иноземный элемент. Хроника Абд ар-Рахмана аль-Джабарти (1754—1826) свидетельствует, что мамлюки в противоположность туркам воспринимались в качестве интегральной части *авлад аль-араб* («сынов арабов»). Они выступали как особая, элитарная группа египетского общества, как аристократия страны, хранившая исконно египетские традиции знатности и благородства.

Периодом наивысшего расцвета полунезависимого мамлюкского государства было правление Ибрахима Кетходы (1744—1754) — главы фикаритского дома Каздоглия, официального руководителя янычар. Он пришел к власти в 1744 г. в результате очередного военного переворота. В августе 1747 г. Ибрахим Кетхода отделался от пяти других организаторов переворота, претендовавших на равное участие в управлении страной, и жестоко расправился с их мамлюками. Наконец, в июле 1748 г., подавив мятеж Хусейн-бея, вставшего во главе мамлюкской фронды, Ибрахим установил в Египте единоличную диктатуру. Его официальный соправитель Рыдван-бей, близкий друг, единомышленник и второй член дуумвирата, самоустранился от политики. Он вел жизнь мецената, покровительствуя поэтам и художникам.

В правление Ибрахима Кетходы все трепетало и гнулось под тяжелой дланью диктатора. Всякое ослушание, а тем более неповиновение карались смертью. Повсюду были шпионы, которые доносили Ибрахиму обо всем увиденном и услышанном. Как всякий тиран, Ибрахим Кетхода боялся насильственной смерти. На каждом шагу ему мерещилась измена. В Каире у него было несколько дворцов, и никто не знал, в каком он будет ночевать.

Режим сильной власти благотворно сказался на внутреннем положении. Полностью прекратились волнения, уличные драки и грабежи. На-

селение наслаждалось покоем и безопасностью. Всякого рода припасы, пишет аль-Джабарти, мясо, хлеб, рис, финики и кофе, продавались по невероятно низким ценам. Люди, как простые, так и гранды, жили в полном достатке.

Отношения с Портой свелись к чисто символическому признанию верховного сюзеренитета султана. Паша, по-прежнему считавшийся официальным правителем Египта, не осмеливался даже принимать иностранцев и говорить с ними без предварительного разрешения Ибрахима. Европейские консулы сообщали, что сразу же после беседы с ними паша спешил с докладом к могущественному правителю, который тщательно сверял его показания с информацией собственных шпионов. На деле Ибрахим правил совершенно самостоятельно. Де-факто он восстановил средневековое мамлюкское государство, но без открытого провозглашения независимости и без отделения Египта от Османской империи.

Этот шаг был сделан при Али-бее аль-Кабире (1757—1773) — мамлюке и преемнике Ибрахима Кетходы. Вопреки опасениям Ибрахим умер естественной смертью 22 ноября 1754 г. Через шесть месяцев, в мае 1755 г., был свергнут его друг и соправитель Рыдван-бей. В Каире развернулась ожесточенная борьба за власть между различными группировками правящего дома Каздоглия. За три года произошло три дворцовых переворота. В результате четвертого к власти пришел Али-бей, который 25 ноября 1757 г. стал шейх аль-баладом.

Новому правителю Египта едва минуло 29 лет. Он родился в 1728 г. в Абхазии в семье православного священника. Еще отроком его похитили и продали в Египет. Образование он получил в доме Ибрахима Кетходы, который рано заметил его выдающиеся способности. В 1749 г. Али стал кяшифом, через пять лет — беем. Иностранные консулы признавали его государственный ум и личную отвагу, которая сочеталась у него с коварством и жестокостью по отношению к врагам. В Каире вокруг Али-бея сплотилась группа мамлюков кавказского происхождения, разделявших его честолюбивые замыслы. Большую роль играли советники из числа христиан, особенно венецианец Карло Розетти и целая группа униатов из Сирии. Говорили, что жена Али-бея Мария, родом с Украины, втайне до конца своих дней оставалась христианкой.

Первые годы правления Али-бея прошли в борьбе с бедуинами и мятежными мамлюкскими беями. В марте 1766 г. ему пришлось даже бежать из Каира. Лишь 18 месяцев спустя, в сентябре 1767 г., он вернулся в столицу, расправился с враждебными мамлюкскими группировками и установил режим личной власти. Более 20 беев были казнены, многие бежали из Египта.

Борьба между мамлюкскими беями носила верхушечный характер. Она шла на уровне дворцов и практически не отражалась на повседневной жизни страны. В городах и селах поддерживался твердый порядок. Несмотря на случавшиеся стихийные бедствия (недороды, чума), экономика в целом была на подъеме. По словам аль-Джабарти, Каир в это время благоденствовал. «В нем царил покой и поселилось процветание, — пи-

сал он, — продукты продавались по низким ценам, а деревня была богата и полна жителей».

Али-бей хотел большего: мечтал о возрождении былой славы и величия Египта, видел его могущественным и процветающим государством, обладающим сильной армией и флотом. Он прекрасно понимал, что страна сильно отстала, и хотел ее полностью реформировать. Как и в других частях Османской империи, на пути преобразований стоял очаг янычар — главный оплот османских традиций. Поэтому, приступая к реформам, Али-бей первым делом решил ликвидировать янычарство. 26 сентября 1768 г., подобно Петру I, истребившему московских стрельцов, он учинил кровавую расправу над египетскими янычарами. Их вожди были казнены, привилегии отменены. Вместо них он хотел создать корпус бомбардиров — ядро регулярной армии Египта, обученной по европейскому образцу. С этой целью Али-бей обратился к королю Франции, прося его прислать советников и оружие.

Крупные изменения начались в сфере экономики, прежде всего торговли. Али-бей выступил против традиционного нигилизма османских властей, безучастно относившихся к судьбам собственного купечества, и по совету К.Розетти решил перейти к политике меркантилизма. В первую очередь он обновил административно-хозяйственный аппарат. В сентябре 1768 г. из него были удалены почти все еврейские откупщики и саррафы, которые издавна были связаны с очагом янычар и держали в своих руках египетскую торговлю, финансы и таможни. На казнокрадстве и многочисленных злоупотреблениях выросли целые династии еврейских саррафов. Борясь с ними, Али-бей обратился к сирийским грекокатоликам (униатам) и коптам, которые были не столь подвержены коррупции и более восприимчивы к новым веяниям. В 1768 г. они заменили евреев почти на всех административно-хозяйственных постах. Еврейские саррафы были казнены, их имущество конфисковано.

Дальнейшее развитие событий было ускорено началом русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Под флагом джихада султан Мустафа III объявил всеобщую мобилизацию. В этот ответственный момент Али-бей проявил полное неповиновение. Собрав войска, он отказался посылать их на север. Более того, он прекратил уплату дани и выслал из страны наместника султана. К функциям шейх аль-балада он присоединил обязанности каймакама, став единоличным главой правительства и государства. В 1769 г. вместо борьбы с неверными войска Али-бея совершили поход в Верхний Египет, а летом 1770 г. предприняли завоевание Хиджаза.

К этому времени победы русского оружия окончательно убедили Али-бея в возможности обрести независимость Египта. В июле 1770 г., после уничтожения А.Г.Орловым турецкого флота в Чесменском бою, Али-бей принял титул *султан Миср ва хакан аль-Бахрейн* («султан Египта и повелитель обоих морей»), прекратил упоминать имя турецкого султана в пятничной хутбе и стал чеканить монету от собственного имени. Началась открытая борьба с Портой. В ноябре 1770 г. войска Али-бея вступили в Палестину для совместных действий с войсками его давнего друга и

союзника шейха Захир аль-Омара. Весной обе армии двинулись на север и в июне 1771 г. взяли Дамаск.

Наличие общего врага со всей очевидностью диктовало необходимость самого тесного союза с Россией. Однако в Каире долго не решались на этот шаг. Лишь весной 1771 г. Али-бей направил своих представителей в ставку А.Г.Орлова на о-в Парос. В декабре прибыло второе посольство, весной 1772 г. — третье. Нерешительность Али-бея, про которого Екатерина II говорила, что он «неповоротливее мумии», а также удаленность партнеров друг от друга привели к неоправданной затяжке переговоров. Лишь 26 апреля 1772 г. стороны пришли к соглашению, и Россия направила в распоряжение Али-бея военных советников, оружие и часть средиземноморского флота.

Положение Али-бея тем временем резко ухудшилось. Начав борьбу с Портой, он всячески подчеркивал самобытность Египта и апеллировал, как пишет Анвар Абдель Малик, «к национальному чувству народа». Али-бей пытался пробудить в нем чувство патриотической гордости и противопоставить его туркам-османам, напоминая о временах египетского величия и славы. «Защищайте свою жизнь, — писал он, — и помните, что в давние времена Египтом управляли люди из мамлюков, которые были могущественными султанами, прославившими землю и небо; так верните же славу Египту».

Однако апелляция к национальному чувству осталась без ответа. Египетскому народу была абсолютно чужда идея национальной независимости, и война с Портой не вызвала ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего патриотический подъем. Более того, едва пробудившись, чувства национального партикуляризма, даже в среде мамлюкской аристократии, были придавлены сознанием религиозной общности египтян и турок-османов. После взятия Дамаска армия отказалась воевать с братьями по вере и восстала против Али-бея. 24 апреля 1772 г. он бежал из Каира и нашел убежище в Палестине. В марте 1773 г., пытаясь вернуть власть, он предпринял поход на Египет, был разбит, взят в плен и умер от ран 7 мая 1773 г.

Власть в стране перешла в руки Мухаммед-бея Абу аз-Захаба (1773—1775), затем мамлюкских дуумвиров Ибрахим-бея и Мурад-бея (1775—1798). В целом они продолжали политику Али-бея, но без крайностей, связанных с борьбой за независимость. Прежде всего они постарались восстановить былые связи с султаном как халифом всех правоверных и формально признали сюзеренитет Порты. Однако благосклонность к христианам и по-прежнему сильное влияние сирийцев-униатов вызывали раздражение у мусульман. После русско-турецкой войны 1768—1774 гг. в Египте, как и в других странах Арабского Востока, начался бурный расцвет исламского фундаментализма. Во главе оппозиционного движения стояли шейхи аль-Азхара, которые обрели массовую поддержку среди торговцев и ремесленников, почти сплошь бывших янычар.

Ситуация резко обострилась в начале 80-х годов. С 1783 г. отмечается безостановочный рост цен, появились перебои с продуктами питания.

В Каире и других городах начались грабежи, кое-где отмечались голодные бунты. В 1784 и 1785 гг. разъяренные толпы громили продовольственные склады и жилища христиан. Особую активность проявляли учащиеся каирских медресе. Они открыто ориентировались на Порту, требовали упразднить самочинную власть мамлюков, ввести справедливые налоги и управлять страной в соответствии с предписаниями прежних османских султанов.

Порта решила использовать ситуацию и восстановить в Египте прямое турецкое управление. В 1786 г. после длительной подготовки османские войска и флот под командованием Хасан-паши аль-Джазаирли двинулись на Египет. 7 июля турки взяли Александрию, 13 июля — Розетту. В своих прокламациях Хасан-паша возвестил о намерении «утвердить шариат», покончить с коррупцией и изгнать из страны мамлюков, которых он обвинил в угнетении бедняков и вероотступничестве. Он обещал снизить налоги и управлять страной строго в соответствии с «Канун-наме Миср», изданном во времена Сулеймана Великолепного.

Приход турок вызвал бурное ликование, особенно среди крестьянства и городских низов. На сторону Хасан-паши перешли также шейхи аль-Азхара и даже часть мамлюков. Отряды магрибинских наемников наотрез отказались воевать с турками. Жители Каира и других местностей саботировали мобилизационные мероприятия мамлюков и оказывали всяческое содействие турецким войскам, которые нанесли противнику ряд серьезных поражений. Наконец, 3 августа 1786 г. по приказу Хасан-паши в Каире началось восстание, в котором приняли участие наиболее обездоленные слои населения, а также янычары и другие горожане, сохранившие «верность Аллаху и султану». Ибрахим-бей и Мурад-бей бежали, отступив сначала в Верхний Египет, затем — в Нубию.

8 августа 1786 г. в Каир вступили османские войска. Египет полностью перешел под контроль турок. Однако это мало что изменило во внутренней жизни страны. В полной неприкосновенности осталась структура власти и управления. Сменилось лишь правительство. Отныне оно состояло из ставленников Порты, из людей, приверженных исламской традиции и старине. В порядке возрождения староосманской законности Хасан-паша объявил о снижении налогов, о восстановлении твердых цен-нормативов и других шариатских установлений.

Начались массовые преследования христиан. Их изгоняли из административно-хозяйственного аппарата, арестовывали и отбирали имущество. Один за другим издавались указы, предписывавшие христианам носить отличительную одежду, запрещавшие им покупать рабов и невольниц, держать в услужении мусульман и т.п. В два раза была увеличена *джизья* — подушная подать с христиан. Одновременно восстанавливались привилегии янычар. Женщинам было предписано тщательно закрывать лицо и руки, воздерживаться от модной одежды и причесок и даже не выходить из дому без особой надобности, в частности на базары и людные улицы.

В связи с началом новой русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Хасан-паша и большая часть османских войск покинули Египет. В октябре

1787 г. власть в стране перешла в руки Исмаил-бея, занявшего пост шейх аль-балада. Опираясь на небольшой турецкий гарнизон, он пытался продолжать политику Хасан-паши. Однако это не принесло ожидаемых результатов. Народ был разочарован, экономическое положение продолжало ухудшаться. Продовольствия не хватало, цены росли. Коррупция, вновь введенные налоги и вымогательства привели к таким невыносимым бедствиям, каких Египет не знал с конца XVII в. В 1792 г. низкий паводок Нила, пересохшие поля и чума, начавшаяся в 1791 г., обернулись подлинной катастрофой. Начался падеж скота. Люди гибли десятками тысяч. Массы голодающих устремились в Каир. «Днем и ночью, — пишет аль-Джабарти, — раздавались плач и стенания. По улицам нельзя было пройти, чтобы не наступить на человеческие существа, обессилевшие от бедствий и голода. Набрасывались на трупы павших ослов и лошадей. Доходило до того, что ели детей».

Власть Порты распалась сама собой. Еще в апреле 1787 г. Ибрахим-бей и Мурад-бей возвратились из Нубии и постепенно установили контроль над Верхним Египтом. В 1791 г., после смерти от чумы Исмаил-бея, они прибыли в Каир и воссоздали мамлюкский эмират. Однако вплоть до французской экспедиции 1798 г. страна не могла оправиться от последствий голода и кризиса 1783—1792 гг. Отношения с Портой, несмотря на внешние проявления лояльности, оставались довольно натянутыми. Внутри страны оппозиция во главе с шейхами аль-Азхара продолжала выступать против «незаконной» власти мамлюков и требовала восстановить истинно шариатское правление на староосманский манер.

ГОСУДАРСТВО КАРАМАНЛЫ В ЛИВИИ

В Триполитании, Киренаике и Феззане, составлявших османский эялет Западный Триполи (Тарабулюс аль-Гарб), регионалистские тенденции имели сильную исламистскую окраску. В этом отсталом регионе, напоминавшем бедуинскую Аравию, не было ни крупных европейских факторий, ни местных христианских общин, которые в странах Ближнего Востока являлись своего рода рассадниками новых веяний и идей, шедших с Запада. Тем не менее и здесь девальвация староосманских ценностей привела к возрождению местных традиций общественной и государственной жизни. Их основными носителями были городские аяны и *кулугли** — представители своеобразной социально-экономической прослойки, образовавшейся в результате смешанных браков турок с местными арабскими женщинами. Арабы по языку и культуре, они несли службу в османской армии, сочетая ее с занятиями земледелием и ремеслом. За несение военной службы кулугли освобождались от налогов и не подлежали суду местных маликитских кадиев. Вследствие этого они образовали как бы особую, привилегированную прослойку, состоявшую

* Собственно *кул-оглу* — букв. «сын раба», т.е. сын человека, находящегося на государственной службе.

из местных воинов-земледельцев, которые противопоставляли себя янычарам, вербовавшимися, как правило, за пределами страны и сохранявшими турецкий язык и обычаи.

На рубеже XVII—XVIII вв., в период Смутного времени (1671—1711), когда страна находилась в состоянии всеобщей анархии и разрухи, кулугли выступили против тиранического режима *деев* — избираемых военных правителей, утвердившихся у власти в Триполи в 1609 г. Деи выдвигались очагом янычар, являвшихся их главной опорой. Режим пользовался также поддержкой корпорации (*таифы*) реисов (капитанов) военного флота Триполи, заслуживших в Европе нелестную репутацию безжалостных морских пиратов. Обе группировки отличались фанатичной преданностью исламу, ксенофобией и духом бескомпромиссной священной войны.

Вождем более умеренной партии, выступавшей против янычар, являлся Ахмед Караманлы — энергичный и честолюбивый военачальник, командовавший войсками кулугли. Его прадед был выходцем из Карамана (провинция в южной Анатолии), служил на кораблях знаменитого Торгут-реиса, который в 1544—1565 гг. наводил ужас на берега Европы, а позднее осел в Триполи. Все его потомки были военными. Отец Ахмеда, *каид* (окружной начальник) Меншии и Сахеля (прибрежных земледельческих районов близ Триполи, населенных в основном кулугли), к концу жизни стал беем, т.е. командующим войсками, обеспечивавшими сбор налогов и безопасность внутри страны. Ахмед, идя по стопам отца, сделал быструю военную карьеру и в конечном счете стал также каидом и беем. Тесно связанный с местными интересами, он пользовался поддержкой *спахиев* (конницы) и кулугли. В борьбе за власть ему удалось привлечь на свою сторону ряд бедуинских племен, а также городских аянов и виднейших представителей мусульманского духовенства.

28 июля 1711 г. Ахмед Караманлы совершил военный переворот. Власть деев была свергнута. Около 300 янычарских командиров — практически вся правящая верхушка дейского Триполи — было убито. Ахмед Караманлы пригласил их на торжественный банкет в свою загородную резиденцию, и по мере прибытия гостей их одного за другим уничтожали в длинном узком проходе, ведущем в приемный зал. Одновременно в городе началось истребление янычар и других сторонников дея. В начале августа на совещании триполийских военачальников и духовенства по предложению Ахмеда Караманлы было решено не принимать более наместника Порты. Турецкий десант, намеревавшийся водворить его силой, был разбит 25 августа 1711 г. в сражении у Сабраты. Сам паша погиб в бою. Летом 1712 г. Ахмед Караманлы учинил еще одну расправу над своими противниками, в 1713—1716 гг. подчинил Киренаику и Феззан, объединив под своей властью всю страну. В конечном счете Порта была вынуждена примириться со сложившимся положением. В 1722 г. она официально признала особый статус эялета Западный Триполи, назначив самого Ахмеда Караманлы своим представителем в стране с присвоением ему титулов паши и бейлербея.

В результате этих событий Ливия стала самостоятельным государством, лишь номинально признававшим верховный сюзеренитет султана.

Ее основные социально-политические институты сложились в правление Ахмеда Караманлы (1711—1745), который по примеру соседнего Туниса установил монархический принцип власти, ввел придворный церемониал и окружил себя поистине царским великолепием. Помимо титулов *паша* и *бейлербей* глава государства носил титул «эмир мусульман», к которому местные панегиристы присоединяли титулы *халиф* и «тень Аллаха», желая подчеркнуть истинно шариатский характер новой власти.

Основную социальную опору Караманлы составляли общины кулугли. Из них формировались наиболее надежные воинские части. Большую роль играли свободные арабские племена, которые имели привилегированное положение и держали в подчинении земледельческое население оазисов и большую группу податных (*мурабитун*) племен. Караманлы уважали их традиции и старались поддерживать с ними союзнические отношения. Особое почтение правители из династии Караманлы оказывали местным *марабутам* («святым») и религиозным братствам, которые пользовались при них огромным влиянием.

В управлении страной сохранилось много османских традиций. Прежним остался бюрократический аппарат. Ключевыми постами в правительстве являлись бей — командующий войсками, отвечавший за сбор налогов и порядок внутри страны, и *кяхья* — первый гражданский сановник, своего рода главный помощник паши по управлению государством. Большое значение имели также *реис аль-бахр* (глава адмиралтейства, в ведении которого помимо флота находился сбор таможенных пошлин), *хазнадар* (казначей), *шейх аль-балад* (градоначальник г. Триполи) и ханифитский кадий. Вместе с ходжами — государственными секретарями по отдельным отраслям управления — они составляли государственный совет, или малый диван. Время от времени созывались заседания большого дивана — своего рода совещательного собрания, в состав которого входили представители духовенства, шейхи кочевых племен и аяны г. Триполи, представлявшие различные слои городского населения.

Переход власти в руки кулугли привел к постепенной арабизации правящего класса и государства. Если при Ахмеде и его сыне Мухаммеде Караманлы (1745—1754) основным языком продолжал считаться турецкий, то при Али-паше (1754—1793) положение коренным образом изменилось. В правящих кругах стали широко пользоваться арабским, который при Юсеф-паше (1795—1832) стал официальным языком двора и триполийского государства.

Отношения с Портой приобретали все более призрачный характер. Вассальные связи, по существу, ограничивались уплатой дани и признанием религиозного авторитета султана как халифа всех правоверных. В 1768 г. Али-паша, несмотря на официальные предписания Порты, не принял участия в войне против России и не отправил на помощь султану ни одного триполийского корабля. Не менее серьезные трудности возникали, когда Караманлы предпринимали враждебные акции в отношении держав, с которыми Порта находилась в дружественных отношениях.

Караманлы имели собственную концепцию внешней политики и преследовали собственные интересы. В течение всего XVIII века они нахо-

дились в состоянии перманентной конфронтации с Западом. В их глазах он представал как враг ислама, и они считали своим долгом вести с ним священную войну. Ахмед Караманлы построил в Триполи новые верфи и значительно усилил свой флот. Его корабли захватывали и топили торговые суда христиан. Исключение составляли Англия и Голландия, которые еще со времен Нидерландской революции считались союзниками ислама. При Караманлы к ним была отнесена также Франция, с которой в 1729 г. был заключен договор о мире. Аналогичные договоры время от времени заключались с другими европейскими странами, которые в обмен за свободу судоходства обязывались выплачивать Триполи ежегодную дань. Иногда по примеру Англии и Голландии они поставляли также пушки, паруса, канаты и другое оснащение для кораблей. Вместе с морскими призами эти поставки и дани составляли немаловажную часть государственных доходов. Неудивительно, что вопрос о сроках и размерах платежей занимал центральное место в отношениях с европейскими странами и служил поводом для многочисленных конфликтов, которые в целом создавали атмосферу постоянной напряженности.

Внутренняя жизнь государства Караманлы была заполнена дворцовыми интригами, заговорами и феодальными междоусобицами. За 34 года своего правления Ахмед Караманлы подавил более 20 антиправительственных выступлений. Постоянное недовольство наблюдалось среди янычар и реисов. Их влияние снова стало расти во второй половине XVIII в. После русско-турецкой войны 1768—1774 гг. оппозиционные силы стали все чаще обращаться к лозунгам исламского фундаментализма и открыто ориентировались на Порту.

В конце 70-х годов появились первые признаки нового экономического кризиса. Недостаток товаров, рост цен и ряд стихийных бедствий, особенно голод 1784 г. и последовавшая за ним чума 1785 г., еще более обострили ситуацию. Беднота роптала, янычары чуть ли не в открытую претендовали на власть. Избавления ждали от турок, и они пришли. Летом 1793 г., в самый разгар внутренних неурядиц, на рейде Триполи появились корабли Али Джезаирли, алжирского авантюриста, ренегата греческого происхождения, одно время процветавшего под сенью своего брата — дея Алжира. В Триполи многие считали его самозванцем. На самом деле он действительно заручился поддержкой Порты, которая с его помощью надеялась восстановить в стране прямое турецкое управление. Высадив около 400 алжирских наемников, Али Джезаирли практически без сопротивления занял Триполи. Али Караманлы, его сыновья и прочие родственники бежали в Тунис.

Утвердившись у власти, Али Джезаирли обещал восстановить в стране мир и справедливость. Достичь этого он намеревался путем применения грубой силы. Прежде всего он назначил алжирцев на все ответственные посты и увеличил армию, затем повысил дань с иностранцев и установил дополнительные налоги на богатую часть населения, в частности на представителей еврейской общины. В результате резко обострились отношения с европейскими странами, торговля замерла. Купцы закрывали лавки и скрывались. Под флагом борьбы с саботажем Али Джезаирли

начал массовые репрессии. Каждый день происходили казни, производились конфискации имущества.

Спасаясь от грабежей и террора, аяны и кулугли покидали Триполи. В конце концов они обратились за поддержкой к находившемуся в Тунисе Юсефу Караманлы — сыну Али-паши и одному из главных претендентов на престол. С их помощью он поднял восстание в западной части Триполитании и в ноябре 1793 г. начал осаду Триполи, которая продолжалась в течение 14 месяцев. Лишь с прибытием значительных тунисских подкреплений ему удалось в январе 1795 г. взять город и свергнуть Али Джезаирли. К власти в Триполи вновь пришли представители династии Караманлы — сначала Ахмед II, затем его брат Юсеф (1795—1832), который восстановил в стране прежние порядки, в целом сохранявшиеся вплоть до 1835 г.

ХУСЕЙНИДСКИЙ ТУНИС

По сравнению с большинством арабских стран, разложение османских порядков в Тунисе приобрело наиболее интенсивный характер. Глубоко укоренившиеся традиции городской культуры, наличие значительного числа хозяйственно самостоятельных земледельцев, наконец, андалусская иммиграция, во многом сохранявшая свой полуевропейский облик, — все это способствовало сравнительно быстрому забвению османских ценностей и возрождению местных традиций социальной жизни. Среди тунисских янычар было много кулугли и ренегатов (европейцев, принявших ислам). Вследствие этого очаг янычар утратил чисто турецкий характер, да и в таифе реисов преобладали выходцы из стран Южной Европы.

С конца XVI в. в правящей верхушке Туниса ключевыми фигурами считались дей, бей и паша — наместник султана. В середине XVII в. на первый план вышли беи — командующие местными военными формированиями, отвечавшие за сбор налогов и порядок внутри страны. Они были тесно связаны с местной знатью и быстро оттеснили янычар и выдвигавшихся ими деев, стоявших во главе правительства с 1594 г. Деи, затем беи (с 1640 г.) сосредоточили в своих руках всю полноту реальной власти. Паши, официальные представители Порты, осуществляли в основном чисто протокольные функции.

Начиная с 1612 г. все беи происходили из дома Мурада Корсо (1612—1631). Передача власти по наследству привела к фактическому возрождению тунисской монархии. Это стало очевидно с 1650 г., когда были ликвидированы полномочия дивана (политического совета) как органа коллективного руководства, и особенно со времен Мурада II (1659—1675), который поселился в бывшей резиденции хафсидских султанов и ввел настоящий придворный церемониал.

Эпоха Смутного времени, как и в других частях Османской империи, в конечном счете ускорила становление новой тунисской государствен-

ности. Династические распри и мятежи 1675—1705 гг., сопровождавшиеся вторжениями алжирских войск в 1686 и 1694 гг., укрепили чувства национального партикуляризма и вместе с тем усилили тягу к созданию твердой власти. В 1702 г. ага спахиев (начальник конницы) Ибрахим аш-Шериф произвел военный переворот, уничтожил всех представителей династии Мурадидов и провозгласил себя беем. В 1704 г. он присвоил себе функции дея и добился от Порты полномочий паши. Сосредоточив в своих руках все три главных поста, Ибрахим аш-Шериф стал единоличным правителем Туниса. Он покончил с анархией и установил в стране режим сильной власти, отвечавшей интересам горожан, прежде всего патрицианской буржуазии.

Несколько иной оборот приняли внешние дела. Вслед за неудачным походом в Триполитанию зимой 1704/05 г. Ибрахиму аш-Шерифу пришлось отражать очередное нашествие алжирцев. В июне 1705 г. его войска потерпели тяжелое поражение, сам он попал в плен. Оборону столицы возглавил новый ага спахиев, Хусейн бен Али Турки — сын уроженца Кандии (Крита), служившего в армии Мурадидов. 13 июля 1705 г. собрание тунисской знати — войсковых старшин, улемов и аянов г. Туниса — избрало его беем. «Единодушие, — отмечает в связи с этим А.Рэймон, — с которым военачальники, сановники и именитые граждане Туниса доверили освободившийся пост аге турецких спахиев Хусейну бен Али как единственному человеку, способному спасти Тунис, можно рассматривать в качестве одного из первых проявлений национального сознания в Тунисе».

Хусейн бен Али оправдал возлагавшиеся на него надежды. Располагая войском всего в 18 тыс. солдат, он с помощью бедуинских ополчений нанес поражение 40-тысячной армии алжирских янычар и заставил их покинуть Тунис.

Отразив нашествие, Хусейн бен Али значительно укрепил свою власть. Он подавил попытку дея Туниса вновь занять главенствующее положение, а затем вообще упразднил этот пост, точнее, сделал его простым полицмейстером столицы. Одновременно он отказался принимать наместника из Стамбула. В 1708 г. Порта была вынуждена согласиться с этим и назначить самого Хусейна бен Али пашой и бейлербеем Туниса. В 1710 г. новое собрание тунисской знати провозгласило его право передавать свои полномочия по наследству и таким образом официально санкционировало учреждение новой тунисской монархии, которая просуществовала вплоть до 1957 г.

Беи из династии Хусейнидов признавали себя вассалами Османской империи. Но их связи с Портой носили скорее религиозно-идеологический характер. Султан рассматривался в Тунисе не как светский сюзерен, а как имам, или халиф, т.е. духовный глава тунисских мусульман. Его имя упоминалось в пятничной хутбе и чеканилось на монетах тунисского производства. В отличие от большинства других арабских стран, Тунис не платил дань Порте. Время от времени, обычно при вступлении на престол или по другому важному поводу, беи отправляли в Стамбул посольства с дарами. Сановники Порты, где Тунис продолжал значиться

в списке османских провинций, фиксировали их в качестве дани, а самих послов рассматривали как обычных эмиссаров провинциального наместника. Однако эта бюрократическая фикция ничем не стесняла самостоятельность Туниса, который проводил собственную политику как во внешних, так и во внутренних делах.

В Тунисе не было ни турецких войск, ни османской администрации. Турецкие законы не имели здесь юридической силы. Договоры и соглашения, которые Хусейниды заключали с другими странами, не подлежали ратификации в Порте. Тунис имел свой флаг, герб и другие атрибуты государственного суверенитета. У него были собственная армия, флот и администрация; бей сам вершил суд и производил назначения на все государственные должности.

Глава хусейнидского государства носил титул «паша, бей, мирмиран Туниса». Еще при жизни назначался его наследник — *бей аль-махалла* («бей лагеря»), самый старший в семье Хусейнидов, обычно сын, брат или племянник царствующего государя. Дважды в год во главе походной колонны, или «лагеря», он объезжал страну, собирал налоги и карал всякого, кто допускал отступления от законности и порядка. Главным министром тунисского правительства считался *сахиб ат-табаа* («хранитель печати»). Среди других сановников важнейшими были хазнадар — казначей, кяхья — командующий войсками и *кяхья Халк аль-Вади* (Ла Гулетты), в ведении которого находились флот и отношения с европейскими государствами. Большую роль играл также *башкятиб* (главный секретарь), стоявший во главе государственного секретариата, в котором было две секции: арабская и турецкая.

Основной социальной опорой Хусейнидов была феодальная знать как арабского (тунисцы, андалусцы), так и османского (турки, босняки) происхождения. Выдвиженцы янычарского очага утратили свое руководящее положение. Их место постепенно заняли мамлюки, в основном уроженцы Кавказа. Из них комплектовалась личная гвардия Хусейнидов. Наиболее отличившиеся занимали крупные государственные посты и командовали войсками. В конце XVIII в. мамлюки образовали замкнутую аристократическую касту, связанную между собой и с династией взаимными родственными отношениями.

Большую роль в управлении страной играли представители патрицианской буржуазии и духовенства. Они служили в государственных канцеляриях и занимали большинство постов в духовной и шариатской иерархии. Огромное влияние имели марабуты — святые подвижники и шейхи могущественных религиозных братств, или тарикатов. Их *завии* пользовались правом неприкосновенности и предоставляли убежище всем, кто обращался к заступничеству «святых».

Во внутренних районах, особенно в степях, прилегающих к Сахаре, беи, по существу, делили свою власть с шейхами кочевых племен. В XVIII в. кочевники составляли около половины всего населения. Часть из них имела привилегированный статус свободных племен. При Хусейнидах они делились на две группы: племена *махзен*, которые несли службу правительству и освобождались от налогов, и так называемые

знаменные племена, которые были обязаны как нести военную службу, так и платить налоги. Обе группы свободных племен осуществляли «покровительство» над зависимыми от них податными племенами (*маауин*), жившими на их землях, а также над земледельческим населением оазисов и внутренних районов. Многие шейхи одновременно являлись каидами (воеводами), осуществлявшими власть на местах. Они подчинялись непосредственно бейскому правительству.

Особое положение занимали андалусцы (мориски), изгнанные из Испании. В основном они жили в городах и селениях Северного Туниса. Вплоть до середины XVIII в. многие из них сохранили испанский язык и обычаи, отличавшие их от тунисских горожан. С 1609 г. они пользовались широкой административно-судебной автономией. Андалусцы имели свои мечети, школы и собственные органы власти (*альгуазины* и *мушаварун*) во главе с «шейхом андалусской нации», который рассматривался как каид морисков.

На море Хусейниды унаследовали традиции священной войны, или газавата. Их флот считался одним из наиболее сильных в Северной Африке. В конце XVIII в. ежегодно в море выходило от 50 до 100 кораблей под тунисским флагом. Они захватывали торговые суда европейских стран, вели бои с кораблями противника. Кратковременные периоды мира наступали время от времени после заключения договоров о торговле и мореплавании, в соответствии с которыми европейские страны платили дань Тунису. Она была крупным источником доходов, хотя, быть может, и не столь важным, как в Триполи или Алжире.

Восстановление порядка при Хусейне бен Али (1705—1735) открыло дорогу для возрождения страны. Однако в 1729 г. мир вновь был нарушен. Спор о порядке наследования трона положил начало новому туру гражданских войн. Вся страна раскололась на два враждующих лагеря, или *соффа*: *башийа* — сторонников Али-паши, племянника царствующего бея Хусейна бен Али, первоначально провозглашенного наследником, и *хассинийа* — сторонников Хусейна бен Али и его поздно родившихся сыновей, которые по достижении совершеннолетия предъявили свои права на престол. Возмущенный Али-паша в 1729 г. поднял восстание. Потерпев неудачу, он обратился за помощью к алжирцам. В сентябре 1735 г. при их поддержке он взял г. Тунис и провозгласил себя беем.

Все правление Али-паши (1735—1756) прошло в борьбе с группировкой хассинийа. Хусейн бен Али и его сыновья бежали в Кайруан. Опираясь на поддержку населения Сахеля и некоторых племен, они в течение пяти лет успешно противостояли войскам Али-паши. Лишь в 1740 г. ему удалось взять Кайруан и казнить Хусейна бен Али. Сыновья последнего нашли убежище в Алжире и, заручившись, в свою очередь, содействием дея, продолжали борьбу за власть.

В 1746 г. алжирские войска предприняли очередной поход на Тунис, но потерпели неудачу. Летом 1756 г. они повторили поход. На этот раз им удалось разбить войска Али-паши и благодаря предательству тунисских янычар, перешедших на их сторону, взять столицу Туниса. Вся семья

Али-паши была уничтожена, сам он задушен. К власти пришли сыновья Хусейна бен Али: сначала Мухаммед-бей (1756—1759), затем Али-бей (1759—1782). За помощь в борьбе с Али-пашой они признали вассальную зависимость от Алжира, сохранявшуюся до 1806 г. Она выражалась в уплате символической дани (два вьюка с маслом для освещения мечетей г. Алжира), а также в обязательстве не возводить укреплений на алжиро-тунисской границе и не поднимать тунисский флаг выше алжирского.

Мухаммед-бей и Али-бей возобновили политику Хусейна бен Али, направленную на возрождение Туниса. После жестокой расправы над племенами в 1759—1762 гг. во владениях Хусейнидов воцарились мир и порядок. В течение почти 50 лет в стране не было ни одного восстания или мятежа. Главное же, Мохаммед-бей и Али-бей резко изменили общее направление экономической политики. От государственной опеки и регламентации они перешли к политике свободной торговли. В 1759 г. в Тунисе была отменена система монополий. Беи, сами являвшиеся крупными купцами, не препятствовали частному предпринимательству и во многом содействовали развитию внешней торговли.

Дальнейшее развитие новая экономическая политика получила при Хамуда-паше (1782—1814) — наиболее выдающемся представителе династии Хусейнидов. Это был умный и просвещенный правитель. Он свободно говорил и писал на арабском и турецком языках, знал итальянский. Подобно Али-бею, он оказывал покровительство ученым и поэтам, строил мечети, школы и благотворительные учреждения. Обоих правителей окружала плеяда талантливых государственных деятелей. Среди них были Ибн Абд аль-Азиз — историк и главный министр Али-бея, Мустафа Ходжа — мамлюк грузинского происхождения, женатый на сестре Хамуда-паши, Юсеф Сахиб ат-Табаа — министр Хамуда-паши, погибший от рук заговорщиков в 1815 г.

Отход от жесткой регламентации и государственного контроля дал хорошие результаты. Разрешение свободной торговли стимулировало быстрый подъем сельского хозяйства. В прибрежных районах и на севере возникли первые очаги торгового земледелия, особенно в зерновом хозяйстве и в оливководстве. За 25 лет (1759—1784) площадь обрабатываемых земель увеличилась на треть. Впервые за многие годы отмечалась тенденция к оседанию кочевников на землю. Росло число деревень. Население страны к концу XVIII в. достигло 2,5—3 млн. человек, а по некоторым оценкам — и того более. В атмосфере экономической свободы стихийные бедствия — недобор зерна в 1758 г., засуха и голод 1776—1779 гг., чума 1784—1785 гг. и ряд неурожайных лет в 1794—1800 гг. — не имели столь губительных последствий, как в других арабских странах. Прочные торговые связи позволяли нейтрализовать дефицит продовольствия, во всяком случае, стихийные бедствия не выходили за рамки временных трудностей и не перерастали в хозяйственную разруху.

Что касается ремесленного производства, то его подъем был тесно связан с развитием внешней торговли. Наибольший рост отмечался в тех отраслях, которые ориентировались на массовый экспорт. Производство, например, шеший (головных уборов) достигло 50—100 тыс. дюжин в год.

В нем было занято 15 тыс. человек. Появились предприниматели, которые координировали работу ремесленников, поставляли им сырье и скупали продукцию. Однако рост производства, в частности в литейном деле, изготовлении фаянса (*элидж*), шерстяных и шелковых тканей, происходил на старой технической базе, в основном за счет дополнительных затрат времени и труда.

Торговля была главным двигателем прогресса. В отличие от староосманских властей Али-бей и Хамуда-паша энергично поддерживали тунисских купцов и арматоров. Защищая их интересы, они лишили европейцев торговых привилегий в Тунисе, вели войну с Венецией (1784—1786) и трижды вступали в конфликт с Францией (1769—1770, 1789—1795, 1798—1800). Договоры о торговле и мореплавании, как правило, возобновлялись и соблюдались лишь в отношении стран Северной Европы (Голландия, Швеция, Норвегия, Дания) и Испании и не распространялись на ближайших торговых конкурентов. Вследствие этого священная война на море приобрела довольно отчетливый характер ожесточенной торговой войны. В конце XVIII в. именно купечество было наиболее фанатичным поборником газавата и всячески разжигало антихристианские настроения. За свой счет купцы снаряжали корсарские корабли, которые вели настоящую охоту за итальянскими и французскими парусниками. Тунисские пираты не знали пощады и буквально терроризировали торговый флот Неаполя и Марселя. Успехи на море, а также события Французской революции 1789 г. и падение Мальты открыли для тунисского судоходства путь на север. В 1800 г. тунисские суда впервые появились на о-ве Мальта, затем в Ливорно и других итальянских портах.

Средиземноморская торговля, особенно с Францией и Египтом, была чрезвычайно выгодна для Туниса и давала огромные прибыли. Она привела к обогащению и выделению верхушки тунисского купечества (около 600 фамилий, державших в своих руках всю экспортно-импортную торговлю и транзит). Тунисские купцы находились в постоянном деловом контакте между собой, создавали торговые товарищества, использовали векселя и другие ранние формы кредита. С точки зрения политики не менее важное значение имело установление тесных связей купцов с представителями правящей верхушки, также активно включившейся в торгово-спекулятивные операции. В результате в конце XVIII в. в Тунисе сложился своеобразный альянс интересов, который придал хусейнидской монархии характер феодально-купеческого государства.

Осознание особых тунисских интересов придало новый импульс развитию национального партикуляризма. Можно утверждать, что во второй половине XVIII в. рост регионально-патриотического сознания стал определяющим фактором культурного развития страны.

В XVIII в. прекратился интеллектуальный регресс общества. Если в XVII в. в Тунисе появилось четыре труда по истории, то в XVIII в. — семь. После трех столетий забвения вспомнили о своем великом историке и мыслителе Ибн Халдуне. Если до середины XVIII в., пишет Ахмед Абдассалям, в стране нельзя было найти ни одного экземпляра его сочи-

нений, то теперь они имелись как в турецком переводе, так и в арабском оригинале. Помимо интереса к прошлому в обществе нарастал интерес к жизни тунисского народа, к его обычаям и языку. Появились суфийские трактаты, стихи и даже исторические сочинения, написанные на разговорном арабском языке.

Культурный подъем XVIII в. сопровождался некоторым ослаблением ксенофобии и религиозного фанатизма. Тем не менее антикатолические настроения османских гази и морисков продолжали жить, составляя основу как народного сознания, так и официальной идеологии. Апология ислама по-прежнему была нормой, определявшей интеллектуальную и духовную жизнь. Хотя в отличие от других арабских стран жители Туниса чаще выезжали за границу, они были обязаны соблюдать там максимальную осмотрительность и не терять своего мусульманского достоинства. По возвращении, писал французский наблюдатель, они не должны были восторгаться чужими странами и даже сравнивать их порядки, богатства и культуру с тунисской действительностью. В противном случае их ждали репутация плохих мусульман и даже обвинения в пособничестве иностранцам.

В сознании последующих поколений эпоха Хамуда-паши воспринималась как «золотой век» тунисской истории. Бурное развитие торговли, относительное благосостояние и мир внутри страны способствовали подъему производительных сил и национальной консолидации тунисского общества. Можно утверждать, что к началу XIX в. завершился довольно длительный процесс трансформации османского эялета в полунезависимое национальное государство. И даже последующие мятежи янычар существенно не изменили характер тунисской государственности. Правда на рубеже XIX в. хусейнидский Тунис сильно отставал от стран Запада и в лучшем случае «знал, пишет Л.Валенси, торговый капитализм и промышленность, соответствующую мануфактурной стадии в Европе».

ДЕЙСКИЙ АЛЖИР

Развитие Алжира в XVIII в. имело принципиально иной характер. Национально-регионалистские тенденции едва пробивали себе дорогу. Господствовало традиционное исламское сознание. Можно сказать, что наряду с Сирией Алжир был «самой османской» из всех арабских стран.

В начале XVIII в. Алжир представал еще как могучая военно-крестьянская держава. Из 2,5 млн. населения 95% жили в сельской местности. Половина из них говорила на берберском языке, остальные — на арабском и лишь немногие — на турецком. В степях основную массу населения составляли кочевники, тесно связанные с горными крестьянскими районами. Немногочисленные города жили обособленно и даже по этническому составу отличались от сельской местности. В городах было много турок, ренегатов (европейцев, принявших ислам) и кулугли, т.е. алжирцев, родившихся от смешанных браков ренегатов и турок с местными алжирскими женщинами, а также евреев и «мавров» (так на-

зывали как коренных алжирских горожан, так и потомков андалусских беженцев, покинувших Испанию в XVI — начале XVII в.) Все эти группы жили обособленно, не смешиваясь между собой, нередко в отдельных кварталах. Городская жизнь, культура вообще, находилась в довольно жалком состоянии. Старинные культурные центры — Тлемсен, Константина, не говоря уже о Беджайе (Бужи), — пришли в полное запустение. Алжир — столица страны — представлял собой гарнизонный город. Это была крупнейшая морская крепость, средоточие арсеналов, казарм и правительственных учреждений. Упадок морской мощи повлек за собой упадок города. Численность населения г. Алжира, составлявшая в середине XVII в. около 100 тыс., упала до 50 тыс. в середине XVIII в. и 30 тыс. к 1830 г. В Константине в 1787 г. было 30 тыс. жителей, в Беджайе — 20 тыс., в Тлемсене — около 18 тыс.

Вся полнота власти находилась в руках армии. Она состояла из янычар, зуавов — наемной пехоты, вербовавшейся из горцев Кабилии, и спахиев (спаги) — турецкой и арабской конницы, находившейся на жалованье у государства. Артиллерия и некоторые пехотные части формировались из кулугли. Флот пополнялся в основном за счет ренегатов — выходцев из различных средиземноморских стран, преимущественно из восточного Средиземноморья. Внутри страны порядок поддерживался при помощи *мохазни* — военных контингентов, поставлявшихся военно-служилыми племенами махзен. Они находились непосредственно в распоряжении местных правителей, составляя их *даиру* («окружение»), или размещались в поле в особых лагерях, называвшихся *змала*. В случае войны производилась также мобилизация крестьянских ополчений.

В XVIII в. Алжир мог выставить армию численностью до 100 тыс. человек. Из них 10—12 тыс. приходилось на очаг янычар — своего рода гвардию режима, его основную надежду и опору. Со времен Селима I (1512—1520) алжирский очаг пополнялся за счет добровольцев, вербовавшихся в Стамбуле. В большинстве своем это были выходцы из простого народа: портовые рабочие, лодочники, сапожники, погонщики ослов — одним словом, как писал русский офицер М.Г.Коковцев, «самые левантские бездельники и ренегаты». Прибыв на место, они превращались, по словам Ш.-А.Жюльена, в «славных и великолепных сеньоров», не порывавших, однако, с портовыми привычками и жаргоном. В Алжире эти волонтеры священной войны образовывали замкнутую корпорацию, закрытую для местных жителей. Сыновья янычар, родившиеся в стране, наследовали их личное имущество, но не могли вступать в ряды очага. Вследствие этого в отличие от других арабских стран в Алжире янычарский очаг не подвергался арабизации и вплоть до французского завоевания в 1830 г. сохранял свой инонациональный характер.

Как борцы за веру, янычары пользовались многочисленными привилегиями. Они освобождались от налогов, имели собственный суд, получали регулярное жалованье и специальные продовольственные пайки — мясо, хлеб и другие продукты, отпускавшиеся им по сниженным ценам, не превышавшим так называемой себестоимости товаров. Йолдаши («товарищи»), как называли янычар, жили в казармах, отдельно от своих

семей, питались из общего котла, сами выбирали своих командиров, которые совместно с выборными от солдат образовывали войсковой диван, или совет. Важнейшие дела решались на войсковом круге. Среди янычар тщательно поддерживался культ боевого товарищества и взаимовыручки. Все их сознание было пронизано духом эгалитаризма и нетерпимости ко всему, что нарушало принципы равенства и братства.

Оскорбленное чувство справедливости вызывало немедленный отпор янычар. Их возмущение, нередко подогревавшееся винными парами или гашишем, в большинстве случаев выливалось в буйные мятежи. Один из них, в 1659 г., привел к установлению в Алжире власти войскового дивана. От его имени страной стали править янычарские командиры, или аги, избиравшиеся на два месяца без права переизбрания. Калейдоскопическая смена правителей и их некомпетентность полностью парализовали действенность власти. В 1672 г., после многих лет безначалия, восстание янычар и примкнувших к ним горожан покончило с этим режимом необузданной вольницы. По соглашению между повстанцами вся полнота власти была передана единоличному янычарскому правителю в лице дея, который должен был избираться войсковым советом и утверждаться населением. Полномочия турецкого паши превратились в пустую фикцию. Попытки Порты восстановить свою власть вызвали серьезное недовольство. В 1711 г. дей Али Чауш выслал из страны последнего наместника султана и отказался принимать нового пашу.

Таким образом, в 1711 г. Алжир стал фактически независимым государством. Хотя формально он продолжал считаться османской провинцией, на деле это никак не проявлялось. Алжир имел собственную армию, флот и администрацию, проводил самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, заключал международные трактаты. Сюзеренитет Порты, точнее, принадлежность Алжира к османскому *дар уль-ислам* («земле ислама»), выражалась в основном в признании религиозного авторитета султана как главы всех мусульман. Его имя упоминалось в пятничной хутбе, чеканилось на монетах алжирского производства. Он назначал верховного кадия (*кади аль-кудат*), или *шейх уль-ислама* Алжира, принимал дары и посылал подарки алжирскому правительству, главным образом по случаю мусульманских праздников и знаменательных дат.

Большинство современников воспринимало алжирское государство как республику. Дей выступал как своего рода пожизненный президент, избиравшийся без ограничения срока полномочий. Впрочем, выборы в Алжире, как и в других мусульманских странах, никогда не производились на основе большинства голосов. Требовалось единогласие, своего рода консенсус. Вследствие этого выборы превращались в длительную процедуру, которая продолжалась, как писал М.Г.Коковцев, «дотоле, пока все согласятся в наименовании себе начальника». Процедура сопровождалась закулисными сделками, подкупами и скандалами. Если достичь согласия не удавалось, то противоборствующие стороны выясняли отношения с помощью оружия. В большинстве случаев оно играло решающую роль. В 1672—1816 гг. из 25 деев 14 пришли к власти путем военного переворота. Правда, в XVIII в., после окончания периода смут

и междоусобиц, власть приобрела более стабильный характер. Из 10 деев, правивших страной в 1710—1798 гг., только трое пали жертвами переворотов. В остальных случаях выстрел из сигнальной пушки и подъем зеленого флага над Дженино (резиденцией правительства) в честь нового дея означали завершение более или менее регулярной процедуры, установленной «конституцией» 1672 г.

Система управления в дейском Алжире была точной копией османской. Дей, именовавшийся также султаном Алжира, в 1711 г. присвоил себе функции бейлербея, или паши, — официального представителя Порты (и таким образом выступал одновременно как глава государства и правительства). Свои полномочия он осуществлял совместно с диваном (правительственный совет), в состав которого входило около 60 человек, в том числе все наиболее видные военные и гражданские сановники, а также представители духовенства во главе с шейх уль-исламом. Самыми важными считались посты *хазнаджи* (канцлера казначейства), который ведал государственной казной и замещал дея в случае отсутствия или болезни, *ага аль-араб* (командующего сухопутными войсками) и *укиль аль-хардж* (главы алжирского адмиралтейства), ведавшего также внешней торговлей и иностранными делами. За ними шла череда руководителей отдельных ведомств и канцелярий. Несколько сот секретарей (ходжа) вели делопроизводство, в котором использовался арабский литературный язык, реже (особенно в переписке с Портой) — турецкий. Все указы (*дахиры*, или *ираде*) и другие решения правительства должны были основываться на шариате, изобиловали цитатами из Корана и сунны пророка и вступали в силу только после их обнародования шейх уль-исламом.

Как глава шариатского государства, дей должен был воплощать все добродетели ислама. Он выступал как главный хранитель османской аутентичности и янычарских традиций. С воцарением в Дженине он уже не принадлежал себе, жил отдельно от семьи и занимался только государственными делами. Его день был строго расписан. За каждым шагом правителя бдительно следили его сулаши и чауши. Заняв самый высокий пост в государстве, дей продолжал считаться рядовым членом янычарского очага и как таковой получал жалованье и паек простого янычара. Все остальные доходы (бакшиш при назначении сановников, подношения от подчиненных и подарки от иностранных консулов), строго говоря, были незаконны. До поры до времени на это закрывали глаза, но в нужный момент могли поставить в вину как злостное нарушение законности.

Осуществление функций дея было сопряжено с постоянной опасностью. На каждом шагу его подстерегали ловушки, расставленные клеветой и завистью. Любой промах мог стоить жизни. «Буйство злонравных янычар, — писал М.Г.Коковцев, — не оставляет ему ни одной минуты спокойной; он беспрестанно трепещет и боится; рассылает повсюду лазутчиков для разведывания заговоров и вымышляет способы к пресечению оных». Это чувство страха, говорил Ш.-А.Жюльен, толкало самых добрых деев на самые бесчеловечные поступки. По малейшему подозрению, даже простому доносу людей хватали и подвергали мучительным

пыткам. За «измену» сажали на кол или на длинные железные крюки, крепившиеся к крепостной стене, на которых несчастные висели до наступления смерти, иногда по пять-шесть суток. Христиан и евреев, уличенных в деятельности против ислама, сжигали на костре.

Аналогичный характер имела власть на местах. Алжир делился на четыре санджака, или бейлика, как они обычно именуются в современной историографии. Один из них, по османской традиции, находился под непосредственным управлением бейлербея, функции которого с 1711 г. исполнял дей. Его бейлик назывался Дар ас-султан («Земля правителя») и включал Митиджу с прилегающими к столице районами побережья. Наиболее крупным и богатым был Восточный бейлик со столицей в г. Константине. Далее шли Южный бейлик (или Титтери) со столицей в небольшом местечке Медея и Западный, столица которого переносилась из Маскары в Тлемсен, затем в Оран (с 1792 г.).

Единого государственного аппарата не существовало. Страна была сильно децентрализована и фактически являлась конгломератом автономных полугосударственных образований. Каждый бейлик имел собственную казну, вооруженные силы и свое правительство во главе с беем, назначавшимся диваном Алжира. Бей управлял своими землями совместно с местным диваном, в состав которого входили *халифа* (заместитель бея), *ага* (командующий войсками), *хазнадар* (казначей), представители духовенства и другие сановники. Бейлики делились на столь же автономные *утаны* во главе с каидами, объединявшими под своим началом конфедерации племен и крестьянских общин. Как и в других частях Османской империи, в Алжире не было низового звена государственного аппарата. Все общины и племена пользовались полным самоуправлением, и никто не имел права вмешиваться в их внутреннюю жизнь. Они сами избирали своих шейхов и других должностных лиц, входивших в состав общинного совета, или *джемаа* (в Кабилии — *таджемайт*).

При слабости государственного аппарата особое значение приобретали неформальные структуры власти. В основном они сложились на рубеже XVII—XVIII вв. и сразу же оказались под контролем еврейских мафиозных кланов. Еще со времен османского завоевания представители еврейской общины выступали в качестве административно-хозяйственных агентов государства, брали откупа и подряды. Одновременно они являлись кредиторами и доверенными лицами алжирских правителей. Выдвиженцы очага были, как правило, невежественны, зачастую просто неграмотны и при принятии важных решений, особенно финансово-экономического характера, были вынуждены полагаться на своих личных советников. Еврейские мафиози пользовались этим без всякого стеснения. Помимо высоких покровителей они имели разветвленную систему связей. Повсюду у них были осведомители, клиенты и субклиенты. Действуя из-за кулис, патроны мафиозных кланов играли решающую роль при назначении беев и других важных сановников, определяли основные направления внешней и внутренней политики. Влияние мафиозных кланов непрерывно росло, и к концу XVIII в. они стали, по существу, теневым правительством Алжира. Их главари, в частности Нефтали Буснаш и

его внук, носивший то же имя, а также Иосиф Бакри, превратились, по словам А. де Граммона, в «подлинных королей Алжира».

В целом своеобразие господствующего класса вытекало из характера собственности. В Алжире не было помещиков и крупных землевладельцев. В частной собственности находились только сады и огородные участки (*фахс*). Земли *хауш* («обнесенные забором») в окрестностях столицы были не поместьями, а скорее «дачами», принадлежавшими высшим сановникам, пока они стояли у власти. Все остальные земли — леса, пастбища и поля — считались достоянием уммы и находились в коллективном пользовании крестьянских общин и племен. В городах большинство недвижимости являлось *хабусом* (вакфом). Арсеналы и пороховые заводы, рудники, карьеры и мельницы находились в исключительной собственности казны. Торговля и цеховое ремесло жестко регламентировались. Строго соблюдалась система твердых цен-нормативов («максимумы»). Внешняя торговля являлась монополией правительства. Начальники, писал М.Г.Коковцев, «насильно» забирали у своих подданных «за малую цену» зерно, масло, шерсть и перепродавали их иностранным купцам с «немалым выигрышем для себя».

В условиях господства монополий и общественного характера собственности правящие классы не претендовали на владельческие права, тем более на права собственности. Их богатство и материальное могущество проистекали из права распоряжения. Они управляли казенными и вакуфными имуществами, брали на откуп (*лезма*) налоги и другие сборы. За это им полагались определенные отчисления. Но основной формой реализации их права распоряжения были незаконные поборы в виде хищений и взяток. Вполне возможно, что к концу XVIII в. сложилась негласная система регламентации этих доходов. Во всяком случае, их капитализация составляла продажную цену должностей, которыми чуть ли не в открытую торговало алжирское начальство.

Деньги и товарообмен имели второстепенное значение. Хозяйство страны носило натуральный характер. По сравнению с Тунисом население Алжира казалось более бедным и, по свидетельству М.Г.Коковцева, выглядело «весьма убого». Это можно объяснить как господством шариатской морали, побуждавшей алжирцев скрывать свой достаток, так и низким развитием потребностей. Иначе трудно понять, почему источники XVIII в. обычно говорят об относительной зажиточности населения, в частности крестьянства. Оно, видимо, было вполне удовлетворено своим положением. Власти не вмешивались в его жизнь, да и фискальные изъятия были невелики. Из всех османских провинций в Алжире были самые низкие налоги. В среднем они не превышали 2% доходов крестьянского хозяйства.

Если не считать первой четверти XVIII в., то экономическое положение Алжира было достаточно стабильным. Невероятный голод 1716—1722 гг., когда на базарах, как говорили, торговали человечьим мясом, был сравнительно быстро забыт, и в памяти последующих поколений XVIII век, особенно его вторая половина, остался как время процветания и достатка. Лишь изредка, раз в 10—15 лет, ровное течение жизни нару-

шалось нашествиями саранчи, засухой и голодом, нередко сопровождавшимися эпидемиями чумы.

В годы народных бедствий в некоторых районах отмечались волнения среди жителей. В остальном внутреннее положение отличалось исключительным равновесием. Интриги, заговоры и казни практически не выходили за пределы правящих кругов. Лишь в 1754 г. страну потрясли два военных переворота. 11 декабря заговорщики во главе с Узун Али, албанцем по происхождению, убили Мухаммеда бен Бакра, чуть ли не единственного дея Алжира, владевшего грамотой, и, в свою очередь, пали жертвой кровавой расправы. Страшная резня в Дженине продолжалась несколько часов. Молва говорила о пяти деях, возведенных в этот день на престол и тут же убитых.

Алжир являлся одной из самых закрытых стран османского мира. У него не было даже собственного торгово-пассажирского флота. Если не считать паломничества в Мекку, то подданные деев никуда не выезжали. Европейские консулы и купцы практически не имели контактов за пределами официальных кругов. В интеллектуальной жизни царил застой. Инерция, догматизм и ксенофобия определяли духовный климат страны. Мечеть была единственным прибежищем, где еще теплились очаги традиционной мусульманской образованности.

Господствующий класс был полностью денационализирован. В верхах наибольшим влиянием пользовались турки и другие выходцы с Востока, а также кабилы и евреи. Их объединяли корысть и общая приверженность старине. Новых веяний, в той или иной степени охвативших большинство арабских стран, в Алжире практически не ощущалось. Едва заметные ростки национального партикуляризма пробивались лишь в старых культурных центрах, главным образом в Тлемсене. Именно здесь жили наиболее известные суфии и поэты, писавшие на *мальхуне* — алжирском диалекте арабского языка. Своим творчеством они пробуждали интерес к алжирской истории, к языку и обычаям народа. Наиболее ярко эти мотивы звучали в поэзии Бен Мсайаба (ум. в 1768 г.), который воспевал былое величие Тлемсена и призывал возродить его славу.

Наибольший отклик национально-партикуляристские настроения находили среди кулугли, особенно среди военных. Они чувствовали за собой поддержку горожан и составляли основную силу оппозиции. В январе 1746 г. кулугли подняли восстание в Тлемсене. На первых порах им сопутствовал успех. Повстанцам удалось изгнать бея, захватить город и провозгласить восстановление независимости тлемсенского государства, существовавшего здесь до османского завоевания. Однако войскам дея Кючук Ибрахима (1745—1748) удалось сравнительно быстро подавить восстание. В ходе расследования были установлены связи повстанцев с кулугли г. Алжира и других районов. Начались массовые казни. При Мухаммеде бен Бакре (1748—1754) и Али Мельмули (Баба Али, 1754—1766) было подавлено еще несколько военных мятежей, в частности в г. Алжире (1750 г.) и Тенесе (1755 г.), а также два крупных восстания христианских рабов (в 1752 и 1763 гг.).

Не менее серьезную опасность представляли восстания в Кабилии в 1754—1758 и 1767—1769 гг. Они отражали общий подъем борьбы за местные интересы, тесно связанный с активизацией религиозно-дервишских братств (тарикатов). В XVIII в. «братья» (*ихваны*), или *марабуты*, резко оживили свою деятельность. Создавались новые братства. В их проповедях находили отражение чаяния наиболее широких слоев алжирского населения, в частности их неосознанный протест против дейского режима. В форме мюридизма (послушничества) марабуты создавали параллельные структуры власти, в какой-то мере осуществлявшие функции национально-государственной интеграции. Наибольшую известность получили братства рахманийа, созданное в Кабилии Мухаммедом аль-Гуштули (ум. в 1793 г.), деркауа — ветвь шазилийи, выделившаяся в начале XVIII в. в особый орден, и тиджанийа, основанная Ахмедом ат-Тиджани (1737—1815) с центром в Айн-Махди (к западу от Лагуата). В западной части Алжира большим влиянием пользовались также марабуты тайибийи и кадирийи. Успехи «братьев» означали постепенную утрату режимом живой связи с населением и в конечном счете вели к изоляции правящей верхушки.

Одновременно началось ослабление военной мощи Алжира, особенно на море. На суше алжирцы в течение всего XVIII века продолжали одерживать победы. Они трижды разгромили войска марокканского султана Мулай Исмаила (1672—1727) и надолго отбили желание у марокканцев вмешиваться во внутренние дела Алжира. В 1705—1756 гг. алжирские войска четыре раза вторгались в Тунис и в конце концов навязали ему свой сюзеренитет. В Европе наибольшее впечатление производили победы Алжира над испанскими войсками. В 1708 г. алжирцы взяли Оран, и хотя испанцы вернули его в 1732 г., бои шли почти без перерыва в течение 60 лет. Испанский гарнизон находился в состоянии постоянной блокады и служил неиссякаемым источником рабов для алжирской казны.

В 1775 г. испанцы предприняли крупную экспедицию. Под защитой 44 военных кораблей к берегам Алжира отправилась армада из 344 транспортных судов с 22,6 тыс. человек на борту под командованием О'Рейли, фаворита короля Карла III. 8 июля под стенами столицы войска дея Мухаммеда бен Османа (1766—1791), стяжавшего в тот день славу национального героя, окружили и наголову разбили испанский десант. В 1783 и 1784 гг. испанский флот дважды бомбардировал г. Алжир, но безрезультатно. И в 1786 г. Испания была вынуждена подписать мирный договор с Алжиром, отпустить пленных и отказаться от Орана, который в 1792 г. окончательно перешел в руки алжирцев.

На море за Алжиром сохранялась репутация наиболее опасного гнезда пиратов. Почти весь север Европы и Венеция платили дань дейскому правительству. Англия и Франция регулярно делали крупные «подарки» и поставляли пушки, якоря и другое оснащение для алжирского флота. Корабли строились в самом городе Алжире. Лес поступал из Кабилии, где существовало специальное военно-лесное ведомство. Из поколения в поколение его возглавляли представители влиятельного рода Мокрани, при турках бывшие подлинными хозяевами Кабилии. По сравнению с

предшествующим периодом флот Алжира значительно сократился. Если не считать канонерок, то в 1703—1724 гг. он состоял из 24—27 кораблей, в середине XVIII в. — из 10—17, а в 1798 г. — вновь из 27 боевых единиц. Но если в начале века алжирские корабли оценивались европейцами как «хорошие», то к концу столетия положение изменилось в худшую сторону.

Основной акваторией священной войны была западная часть Средиземного моря и прилегающие районы Атлантики, особенно зона Канарских и Азорских островов. Объектом нападения служили торговые суда Испании, Португалии и большинства итальянских государств. Как отмечали современники, морская политика Алжира нередко совпадала с интересами торгово-ростовщических кланов Ливорно и полностью игнорировала международные обязательства Порты. Впрочем, до открытого разрыва с султаном дело не доходило. Более того, в середине XVIII в. при получении известий о намерении Св. Престола организовать крестовый поход против Алжира дейское правительство обратилось за помощью к Стамбулу, а затем приняло участие в войне 1768—1774 гг. против России. Захват русскими кораблями в 1771 г. французского судна с алжирскими паломниками вызвал панику и вынудил Мухаммеда бен Османа принять срочные меры по усилению флота и береговых укреплений.

Заключение мира с Испанией в 1786 г. обернулось шквалом атак на торговые суда итальянских государств, Пруссии и США. В 1785—1795 гг. алжирцы захватили несколько десятков американских судов, особенно много в 1793 г., когда они действовали в союзе с английским флотом. США были вынуждены по примеру европейских стран искать соглашения с Алжиром и в 1795 г. заключить с ним договор о мире. Они обязались поставлять ему навигационное оборудование и выплатить контрибуцию в размере 642,5 тыс. долл.

Успехи на море отнюдь не соответствовали общей ситуации в стране. Режим был абсолютно неспособен адаптироваться к велениям времени. Страна увязла в глубоком застое. На фоне Европы социальные и политические институты Алжира выглядели чудовищным анахронизмом. Встречающиеся в литературе утверждения о развитии на рубеже XVIII—XIX вв. частной собственности на землю, об усилении податной эксплуатации крестьянства и соответственно о трансформации алжирской олигархии в класс землевладельцев явно не соответствуют действительности и требуют более серьезного обоснования. Ничто не говорит о каких-либо изменениях в социальном строе страны, тем более о трансформации правящей верхушки. Ее политическое и правовое мышление не выходило за рамки староосманских традиций и шариата. Вплоть до 1816 г. в Алжире не делалось никаких попыток обновить социальные и политические учреждения. Более того, в условиях серьезных экономических трудностей, возникших в конце XVIII в., все более четко выявлялся глубокий кризис режима, закостеневшего в варварстве и застое.

Глава 23

ИМПЕРИЯ НАДИР-ШАХА И ИРАН В XVIII в.

В октябре 1722 г. глава афганского племени гильзаев Махмуд-хан после сдачи Исфагана и пленения Султан-Хусейна провозгласил себя шахом Ирана. Однако большинство провинций этого не признало, и если в восточных областях государства новоявленный шах мог утверждать свою власть силой, то в других частях страны дело обстояло иначе.

В период осады Исфагана последний Сефевид рассчитывал на помощь картлийского царя Вахтанга VI, брат которого Ростом незадолго до этого пал в битве с афганцами. Однако Картли подверглось нападениям аварских правителей, и Вахтанг помощи оказать не смог. Сын Султан-Хусейна Тахмасп бежал на север Ирана и там провозгласил себя шахом. Его опорой стали Азербайджан и прикаспийские провинции Ирана.

Захватившие центр страны гильзаи вели себя разнузданно, чем и вызвали сопротивление населения, все более набиравшее силу. Это сопротивление, по сути дела, перешло в народную войну, когда отдельные селения и города в течение ряда лет воевали против захватчиков.

Махмуд-шах оказался таким же подозрительным деспотом, как и предыдущие властители Ирана. Он устроил в начале 1723 г. настоящую резню среди знати Исфагана, ограбил западных купцов, а *калантара* Новой Джульфы обезглавил.

Пришедшие с востока новые властители страны все больше чувствовали себя чужими, во враждебном окружении. Им удалось с трудом овладеть на юге Ширазом, но соседние районы они захватить не сумели.

Трагической ситуацией в развалившемся Сефевидском государстве воспользовались его соседи, и прежде всего Россия и Турция. Однако действовали они по-разному, в зависимости от той опоры, что могли найти в самом Иране.

Петр I, победоносно закончивший долголетнюю Северную войну, откликнулся на призыв Вахтанга VI, который, потеряв всякую веру в возможность Тахмаспа II восстановить власть, обратился за помощью к России. Впрочем, и Тахмасп в этих условиях вел переговоры с Россией о помощи за счет уступки северных провинций. Поэтому закавказский поход Петра (1722 г.) с точки зрения дипломатии был оправдан: император выступал на стороне легитимного монарха Ирана (Тахмаспа), и к тому же был призван одним из местных правителей Закавказья — картлийским царем. Союзниками России стали и армянские *мелики* Карабаха. Петр I овладел Дербентом, но дальше не пошел. Позже русские войска взяли Баку, однако активно в дела Закавказья вмешаться не решились, опасаясь Турции. Османская империя внимательно следила за событиями в Иране и, как только власть Сефевидов пала, предприняла активные действия, дабы захватить Закавказье, Курдистан и другие об-

ласти. У турок также были союзники и доброжелатели, прежде всего аварские правители и часть (суннитская) феодалов Ширвана.

Петр I, как известно, в 1711 г. потерпел неудачу в войне с Турцией и теперь не решился на новое столкновение из-за Закавказья. Поэтому воины Вахтанга VI вместе с армянскими отрядами, собравшись возле Ганджи, тщетно ожидали прихода русских войск. А когда в 1723 г. в Закавказье вторглись османы, захватившие Ереван, а потом и Тбилиси, царь Вахтанг VI со своим окружением вынужден был эмигрировать в Россию и умер по дороге из Астрахани в Петербург. Армяне Карабаха начали отчаянную борьбу с турками.

Тахмасп же, которому с юга угрожали афганцы, а с запада — турки, заключил с Россией договор (1723 г.), согласно которому передавал ей Дербент, прибрежный Ширван, Гилян и Мазандеран. Впрочем, две последние области так и не были заняты русскими войсками. Но русский отряд добрался до Астары, заключил союз с Яхья-ханом талышским и контролировал эту область (сообщение шейха Хазина).

Затем Турция и Россия договорились между собой, и 24 июля 1724 г. в Стамбуле был заключен договор, по которому то, что уступил Тахмасп России, отходило ей, а османы присоединили западный Иран. Опираясь на этот договор, а больше просто на силу, турки заняли не только то, что им было «уступлено» по Стамбульскому договору, но даже Казвин, официальную столицу Тахмаспа. Последний бежал в горы Мазандерана.

Между тем события продолжали развиваться. В стране объявилось несколько самозванцев, претендентов на престол Сефевидов. Махмуд в ответ приказал вырезать всех настоящих Сефевидов, попавших в его руки, но вскоре погиб сам в результате дворцового заговора, приведшего к власти его двоюродного брата Ашрафа (1725 г.).

Ашрафу удалось остановить турок буквально на подступах к Исфагану, но он вынужден был заключить с ними договор (1727 г.), по которому фактически признавал себя вассалом султана и передавал Турции весь западный и северный Иран, включая округ нынешней столицы страны — Тегерана.

Не надо думать, что Иран был оккупирован афганцами, как порой полагают. Махмуд и Ашраф опирались преимущественно на собственное племя гильзаев, тогда как прочие многочисленные, родственные персам афганские племена нередко занимали иную позицию. Поэтому в Иране шла освободительная борьба не против афганцев, а против узурпировавших власть глав гильзаев, к тому же оказавшихся неспособными противостоять османам и другим врагам.

Отдельные местные выступления, о которых мы немало знаем из источников, эффекта не давали. Нужен был сильный руководитель, который смог бы их объединить и возглавить сопротивление. И такой человек нашелся. Им оказался некий Надир из кызылбашского племени афшар, точнее, из той его части, что еще в XVI в. была переселена в Хорасан. Происходил он из бедной семьи, а в возрасте 18 лет даже был угнан в рабство узбеками (Надир родился около 1688 г.). От узбеков Надир бежал, некоторое время промышлял разбоем, а затем поступил на службу

к сеистанскому правителю, где проявил незаурядные способности военачальника. Он захватил крепость Келат в Хорасане, сделал ее своей резиденцией. В 1726 г. Надир поступил на службу к Тахмаспу II и был назначен наместником Хорасана. Именно тогда он принял титул *Тахмаспкули хан* («Хан — раб Тахмаспа»), тем самым демонстрируя преданность сефевидскому шаху, который на деле ничем, кроме титула, не владел и вообще был личностью весьма посредственной. В 1729 г. Надир нанес решительное поражение Ашрафу, несмотря на помощь со стороны Турции. Ашраф погиб во время бегства.

Теперь перед Надиром стояла задача изгнать османов из Ирана. Все свои усилия он направил на создание сильной армии. По данным англичанина Ханвея, в армии Надира в 1744 г. числилось около 200 тыс. воинов, среди которых было: афганцев — 50 тыс., афшар — 20 тыс., узбеков — 6 тыс., туркмен — 6 тыс. белуджей — 6 тыс., личной гвардии (*гулямов*) — 10 тыс. Остальную часть составляла *кара кошун* (букв. «простое войско») — пехота из мобилизованных крестьян.

Из приведенных данных ясно, что основная часть армии Надира состояла в то время либо из кочевой конницы, либо из довольно плохо организованной нерегулярной пехоты. Однако для войны с османами были необходимы и более современные войска и вооружение. Практически всю энергию и все материальные возможности Надир направил именно на создание армии и ее оснащение. В этом он отличался от Аббаса I, который, будучи гораздо более дальновидным политиком и государственным деятелем, стремился провести серьезные и долговечные социально-экономические реформы.

Надир создал, точнее, возродил артиллерию. По данным иранского историка XVIII в. Абул-Хасана Голестане, в *тупхане* (артиллерийском парке) Надира было 1500 больших, средних и малых пушек и значительное число снарядов к ним. Часть пехоты имела на вооружении мушкеты.

Все это дало возможность Надиру одержать ряд серьезных побед. Но пока Надир воевал в Хорасане (1731 г.), Тахмасп II подписал новый, унизительный мир с турками. Тогда Надир сверг Тахмаспа и провозгласил шахом его восьмимесячного сына Аббаса III.

По инициативе Надира в 1732 г. был заключен договор с Россией, согласно которому последняя немедленно возвращала Ирану Мазандеран и Гилян, а позже предусматривалась и передача остальных (закавказских) областей, ранее уступленных Петру I. Россия пошла на это по двум причинам. Во-первых, большая часть закавказских приобретений Петра фактически под русскую власть так и не перешла. Во-вторых, назревал конфликт России с Турцией. Вассал султана крымский хан получил приказ совершить очередной набег на русские пределы. Это произошло уже в 1735 г., после того как между Ираном и Россией был заключен союзный договор и прикаспийская часть Ширвана и Дербент были возвращены Ирану. Надир к тому времени уже одержал ряд побед над турками и очистил от них Закавказье. Более того, именно в 1735 г. он совершил свой первый поход в Дагестан против местных владетелей, союзников турок.

Положение османов было крайне сложным. Им приходилось воевать и с Ираном, и с Россией, а позже и с Австрией (с 1737 г.). Правда, турецкой дипломатии удалось склонить Надира к подписанию в 1736 г. сепаратного мира, по которому восстанавливалась ирано-османская граница 1722 г. Надиру этот мир был необходим потому, что создалась сильная оппозиция из кызылбашских эмиров, опасавшихся дальнейшего упрочения его власти. До него дошли слухи о возможном заговоре, и он решил таковой предупредить. С этой целью в весьма благоприятный психологический момент победы над турками и изгнания их из Ирана он в январе 1736 г. созвал в Муганской степи курултай, на который пригласил всю высшую знать Ирана. Курултай продлился до марта. Сборище было огромным по численности; источники говорят о 20 тысячах его участников. Кроме кочевой знати на курултай были приглашены главы шиитского духовенства, городские старшины и даже некоторые сельские старшины-*кедходы*. Присутствовал и католикос армян Авраам Кретаци, давший наиболее объективное описание этого события. От имени Надира собравшимся были перечислены его заслуги перед отечеством и предложено выбрать достойного государя. Для вида Надир заявил, что сам он устал и готов удалиться на покой в Хорасан. После совещания собравшиеся сошлись во мнении и стали просить Надира принять шахское достоинство. Против выступили лишь правитель Карабаха Угурлу-хан каджар и *молла-баши*, глава шиитского духовенства Ирана. Любопытно, что одним из условий, поставленных Надиром, был призыв к отказу от традиционных для шиитов проклятий первых трех халифов, а также от кровавого празднования шахсей-вахсей. По сути дела, это был призыв к миру между шиитами и суннитами Ирана.

Муганский курултай был триумфом Надира, который вовсе не собирался установить, как обещал, мир в стране. Наоборот, все его усилия были направлены на организацию новых войн и походов.

Прежде всего он «наказал» те афганские племена, что завоевывали Сефевидское государство. Совершил он это обычными жесткими методами, сумев привлечь на свою сторону другие афганские же племена.

Под предлогом преследования ушедших афганских «мятежников»-гильзаев Надир в 1739 г. совершил свой знаменитый поход в Индию. По сути дела, это было разбойничье мероприятие, которое принесло иранскому владыке огромную добычу. На радостях Надир даже издал указ об освобождении населения Ирана от налогов на три года, но уже на второй год нарушил свое обещание, когда затеял совершенно бесперспективную со всех точек зрения войну против «вольных обществ» Дагестана. Здесь в полной мере проявилась натура шаха, человека, вышедшего из низов общества и жаждавшего безмерного обогащения любой ценой. Часть сокровищ, награбленных в Индии, Надир собрал в своей крепости Келат, и позже они были разграблены его сподвижниками и убийцами.

Поход в Дагестан оказался не просто началом военных неудач Надира, но и закатом его политической и военной карьеры. «Горная страна» (Дагестан) в XVII—XVIII вв. была не только населена множеством народностей и племен, но и раздроблена политически. Формально страной

управлял *вали*, которым, как правило, был *шамхал*. Но помимо него существовало сильное Аварское ханство, в формальной зависимости от которого находились так называемые «вольные общества» южного Дагестана (преимущественно аварские).

Надир должен был понимать, что поход в дагестанские горы не принесет ему ни добычи, ни славы, большей, чем он уже приобрел (перед этим он опустошил и среднеазиатские ханства узбеков). Однако шаху изменили чувство меры и политическое чутье. Гибель во время первого похода в Дагестан брата Надира Ибрагим-хана лишь разъярила шаха, привыкшего к победам, и он направился в горный край лично, но снова безуспешно (1743 г.).

Потерпев неудачу, Надир вознамерился компенсировать ее новой войной с Турцией, которая и началась в том же, 1743 г., а завершилась в 1746 г. миром на прежних условиях. Одновременно была затеяна еще одна авантюра — завоевание Аравии, также завершившаяся плачевно. Все эти войны требовали огромных средств, а добычи уже не давали. Поэтому крайне усилился налоговый гнет в самом Иране. Современники (например, англичанин Ханвей) описывают ужасы налоговой политики последних лет правления Надир-шаха.

Но еще более губительные последствия имели усиливавшиеся конфликты его с кочевой знатью, и прежде всего кызылбашской. Мнительный и подозрительный шах не доверял даже своим сородичам афшарам и пытался противопоставить им узбекских и афганских эмиров. Не случайно в заговоре, организованном в 1747 г. с целью убийства Надира, ведущую роль играли афшарские, каджарские и прочие кызылбашские беки. Заговор удался, и Надир был умерщвлен в своем шатре. В Хорасане был провозглашен шахом его племянник Адил-шах, но страна, раздираемая последние годы восстаниями и усобицами, тут же стала распадаться на владения отдельных групп, преимущественно кочевых эмиров.

Одним из непосредственных результатов убийства Надира явилось образование самостоятельного Афганского государства, правителем которого стал Ахмад-хан из племени абдали. С той поры Афганистан никогда уже не находился в едином государстве с прочими историческими областями Ирана. Более того, Хорасан был разделен на две части, из которых восточная (с центром в Герате) вошла в состав Афганского государства, а западная (с Мешхедом) осталась в составе Ирана.

Иран почти мгновенно распался на практически независимые ханства. Наследники Надира еще какое-то время управляли Хорасаном (западным), тогда как почти на всей остальной территории как грибы выросли местные самодержцы. В Азербайджане (иранском) утвердился полководец Надира Азад-хан афган, который в начале 50-х годов подверг разгрому торговый город Акулис в Нахичеванском крае и стал претендовать на власть в восточном Закавказье. Однако на территории современного Азербайджана и прилегающих районов Армении и Дагестана появилось несколько практически самостоятельных ханств (Ширванское, Карабахское, Ереванское, Бакинское и др.). В округе Хоя усилились курдские ханы думбули.

Самым сильным из закавказских ханств во второй половине XVIII в. постепенно стало Дербентско-Кубинское, охватывавшее северные районы нынешнего Азербайджана и юг Дагестана. Правитель этого ханства Фатх Али-хан предпринимал усилия к захвату соседних владений, что ему в 70—80-х годах порой и удавалось. Он обладал определенными качествами государственного деятеля и успешно лавировал между Турцией, Восточной Грузией, Россией, а позже — правителем Ирана Карим-ханом. Дербентско-Кубинское ханство Фатх Али-хана вряд ли правильно считать азербайджанским. Основная часть его подданных была представлена лезгинами и прочими дагестанскими народами, да и главной его резиденцией был Дербент. Современник событий Абул-Хасан Голестане писал, что у Фатх Али-хана на службе состояло 10 тыс. туфенгчи из «лезгинских молодцов» (*джаванан-е лазги*).

После смерти Надира Восточная Грузия (Картли и Кахети) практически объединилась и стала самостоятельной под властью Теймураза II и его соправителя и сына Ираклия II.

В центральном же и южном Иране шла ожесточенная борьба, в которой в конечном счете к началу 50-х годов победил глава лурского племени зендов Карим-хан. Упомянутый Голестане рассказывает, что при Надир-шахе был некий Мехди-хан зенд, который грабил купцов на торговых дорогах. Посланный Надиром отряд пленил Мехди-хана, доставил к шаху, а тот приказал казнить его вместе с 400 соплеменниками. Племянником того самого Мехди-хана и был Карим-хан, который после смерти Надира победил в междоусобной борьбе, но не принял титул шаха, объявив себя только *векилем* (наместником, регентом) государства. Карим-хан оказался дельным и умным правителем. Большинство споров он старался решить мирным путем, и в период его правления (1750—1779) подвластные ему области Ирана даже переживали некоторый экономический подъем, особенно заметный по сравнению с последними годами правления Надир-шаха. Центром его государства стал Шираз, где были воздвигнуты роскошные строения. Карим-хан покровительствовал торговле, особенно с Европой, и прежде всего английским купцам. Ему удалось на время отвоевать у турок порт Басру (1775 г.), через который шла основная часть торговли Персидского залива.

Между тем в северных областях дела обстояли иначе. В округе нынешней столицы Ирана Тегерана господствовала ветвь каджар (другая их ветвь жила в Карабахе), которые были, пожалуй, самыми серьезными противниками Карим-хана на севере страны. Правда, Карим-хан одолел каджарского главу Мухаммеда Хасан-хана, а сына его Ага-Мохаммеда велел оскопить. Подчинил Карим-хан себе и Азербайджан, но в пределах Закавказья успеха не имел. Здесь все большую роль играла Турция, использовавшая свое влияние на кавказских феодалов-суннитов.

В свою очередь, грузинские государства, а также практически независимые армянские меликства Карабаха ориентировались на ставшую могущественной Россию. Грузинские цари, как и армянское население Закавказья, опасаясь Турции (а позже Ирана), видели в России единственную христианскую страну, способную защитить их от мусульманских

владык. Но ориентация на Россию возникла и среди части мусульманского (азербайджанского и татского) населения Закавказья. В период русско-турецкой войны 1768—1774 гг., когда Восточная Грузия была союзником России, Фатх Али-хан дербентско-кубинский, к которому приезжали турецкие послы, так и не решился выступить на стороне османов. Причину поясняет одно из донесений, хранящееся в АВПР, где сказано: «Подлые народы (т.е. простые люди) ожидают с нетерпением [прибытия русских] и все желают быть подданными России, а знатные хотя слышат то с некоторым прискорбием, однако же и для сопротивления никаких приготовлений не имеют».

Прорусская ориентация в Закавказье возникла и развивалась не потому, что местные народы привлекала царская Россия как таковая. В странах Закавказья, измученных постоянными войнами и усобицами, надеялись, что с помощью России все это отойдет в прошлое и на их землях наконец наступит мир. Наиболее сильная прорусская ориентация была в Грузии, и не только в Восточной, но и в Западной. В 1783 г. Ираклий II заключил знаменитый Георгиевский трактат, по которому Грузия переходила под протекторат России, сохраняя внутреннюю независимость.

Это было время больших и грозных изменений для Закавказья и Ирана. После смерти Карим-хана опять началась междоусобная борьба, в которой победителем оказался уже упомянутый Ага-Мохаммед-хан каджар, или Ахта-хан («Кастрат-хан»), как его называли враги. Это был невероятно даже для восточного деспота жестокий и коварный человек. Уже то, что́ он совершил после своей победы во внутреннем Иране, показывало, чего можно от него ожидать небольшим северным государствам Закавказья. Даже владетели-мусульмане не желали его победы (исключая его родственника, правителя Ганджи, из того же племени каджар). Фатх Али-хан дербентско-кубинский и Ираклий картло-кахетинский перед угрозой со стороны каджаров забыли былые распри и заключили союз, но вскоре после этого Фатх Али-хан умер (1789 г.), а его ханство распалось. Царь Восточной Грузии практически остался без союзников: протектор (Россия) был далеко, а иранский деспот и османы рядом. К тому же Восточная Грузия по подстрекательству турок подвергалась систематическим набегам со стороны аварского Ужма-хана.

Между тем, закрепив свою власть во внутреннем Иране, Ага-Мохаммед-хан в 1795 г. вторгся в Закавказье. Захватив Карабах, иранский правитель пошел на Тбилиси. Небольшие дружины Ираклия II оказались неспособны оказать сопротивление, и город был взят и предан погрому. Только в плен было уведено до 22 тыс. тбилисцев. Великий армянский ашуг Саят-Нова, писавший на армянском, грузинском и азербайджанском языках, укрылся вместе с группой жителей грузинской столицы в одной из церквей. Он пытался обратиться с увещеваниями к кызылбашам Ага-Мохаммед-хана на понятном тем азербайджанском языке, но был зарезан.

Вернувшись в Иран, Ага-Мохаммед-хан в 1796 г. короновался шахом в Тегеране, который с той поры стал столицей Ирана. Затем, покорив западный Хорасан, новый шах выступил во второй поход на Закавказье,

поскольку туда же, вняв наконец мольбам Ираклия, Россия направила отряд во главе с графом В.Зубовым. Но Екатерина II скончалась, а Павел отозвал отряд обратно. Ага-Мохаммед беспрепятственно вступил в Закавказье, предав все разгрому и поруганию. Однако в мае 1797 г. в крепости Шуша он был убит своими же приближенными, которые узнали, что обречены на смерть по его приказу. Шахом был провозглашен племянник убитого Баба-хан, принявший имя Фатх Али-шах. Он и стал истинным основателем династии Каджаров, правившей Ираном до 1925 г.

Иран вступал в XIX в. отсталой, разоренной почти столетними усобицами и войнами страной. Отсталой даже по сравнению с Османской империей, где как раз в 90-е годы XVIII в. султан Селим III пытался осуществить реформы для некоторой европеизации страны. Это было необходимо, если недавно могущественная держава хотела сохранить независимость и политический вес. Ведущие европейские государства уже успешно шли по стезе капитализма; Англия и Франция превращались в мировые империи, щупальца которых проникли не только в дикие дебри Африки или леса Америки, но и в страны древнейших цивилизаций, прежде всего в Индию, которая уже в XVIII в. стала по преимуществу британской. Благодаря реформам и преобразованиям, пусть односторонним и своеобразным, но тем не менее позволившим создать современную промышленность, обслуживавшую армию и флот, великой державой стала Россия, которая закрепила свое влияние на большей части Закавказья и готовилась присоединить весь Кавказ. Иран же на исходе столетия мог жить лишь историей. Количество городов и число их жителей резко сократились. Сельская экономика находилась в стагнации. К власти в стране вновь пришли кызылбаши (каджары), опиравшиеся на племенные ополчения. По данным первой трети XIX в., именно тюркские кочевники составляли основную часть иранской армии, как и в XVI в., пытаясь соперничать с могущественной российской армией, победительницей Наполеона.

Замерла и культурная жизнь. Разумеется, в Иране существовали поэты, создавались подобия научных трудов, но это были эпигоны прежних времен. Поэты повторяли (уже в который раз!) избитые сюжеты или славили шахов новой династии, а, например, географы старательно переписывали материалы, относящиеся к X—XIV вв., забывая, в каком столетии они живут. Продолжала, правда, развиваться историография, но и она в лучшем случае оставалась на уровне предшествующих столетий. Время Надира отражено в нескольких исторических сочинениях, из которых наиболее известны труды Махди-хана и Мухаммед Казима. Есть ряд сочинений по последующей эпохе, из которых наиболее значителен «Моджмал ат-таварих-е бад Надирий-е» Абул-Хасана Голестане (изложение доведено до 80-х годов XVIII в.). Впрочем, уже для второй половины этого века местные хроники теряют свое значение, так как современный историк имеет в распоряжении ценнейшие архивы соседних с Ираном государств.

Глава 24

СРЕДНЯЯ АЗИЯ ПРИ ДЖАНИДАХ (XVII — середина XVIII в.)

После смерти Абдаллах-хана II в государстве Шейбанидов вновь начались смуты и раздоры. Этим сразу воспользовались на юге Сефевиды, вернувшие себе почти весь Хорасан, на северо-западе — хивинская династия, вернувшая власть над Хорезмом, а на северо-востоке — казахи, захватившие Ахсы, Андижан, Туркестан, Ташкент и даже, на короткое время, Самарканд. Последний Шейбанид, Пир-Мухаммад-хан II, владел лишь небольшой частью бывшего шейбанидского государства и вскоре погиб, пытаясь овладеть Самаркандом.

Воцарилась новая династия — Джаниды (другое название — Аштарханиды, два первые представителя которой (Йар-Мухаммад и его сын Джани-Мухаммад) были лишь номинальными главами государства — от их имени чеканили монеты, их поминали в хутбе во время пятничных богослужений. Фактически государством правил Баки-Мухаммад (сын Джани-Мухаммада), который реорганизовал правительственный аппарат и армию. Джаниды вернули Балх (которым завладел ставленник Сефевидов), и именно этот город стал уделом и резиденцией наследников престола. Еще более значительных успехов во внешней и внутренней политике достиг племянник Баки-Мухаммада Имам-Кули-хан (1611—1642). Он усмирил своих взбунтовавшихся родичей, затем одержал победу над казахами и отнял у них Ташкент. Ему удалось также разгромить каракалпаков и калмыков.

Имам-Кули-хан умело противодействовал сепаратистским тенденциям своих родичей и феодалов и установил твердую власть. Вероятно, не простым славословием были слова историка того времени: «Пока его ноги были в стременах государства, ни в какой стороне охраняемых им владений, ни в Балхе, ни в Бухаре, не было ни бунтов, ни беспорядков».

При Имам-Кули-хане его брат Надир-Мухаммад с сыновьями владел Балхом и подчинялся центральной власти. Когда же ослепший Имам-Кули-хан отказался от престола и его занял Надир-Мухаммад, снова в государстве начались междоусобия. В это время казахи напали на Ходжент. В результате заговора бухарский престол перешел к сыну Надир-Мухаммада Абд ал-Азизу (1645—1680). Надир-Мухаммад вынужден был возвратиться в Балх. Причины этого переворота не совсем ясны. Однако сопоставление косвенных данных позволяет предположить, что Надир-Мухаммад попытался значительно увеличить доходы казны и, видимо, задел интересы феодалов.

В борьбу между отцом и сыном активно включились остальные сыновья Надир-Мухаммада, принимая сторону то отца, то брата. В центре событий опять оказался Балх, окончательно разоренный. По словам ис-

торика того времени, в окрестностях Балха «не осталось и следов населенных мест».

Пользуясь этими распрями, на территорию Мавераннахра неоднократно проникали хивинцы, разоряя население и угоняя пленных. Джаниды не могли пресечь опустошительные набеги, поэтому хозяйство некоторых районов междуречья, подобно области Балха, сильно пострадало в этот период. Хивинцы достигали Бухары, а однажды даже захватили часть города. Лишь активная борьба всех горожан и, очевидно, ближайшего сельского населения обеспечила им победу и изгнание хивинцев. По словам историка, «в ту ночь узбеки и таджики, земледельцы и базарные торговцы — все поднялись на уничтожение врага». Набегами хивинцев воспользовался Субхан-Кули (1680—1702), захвативший престол брата в Бухаре.

Хивинские войска, опустошив Мавераннахр, овладели Самаркандом, причем знать города добровольно признала власть хивинского хана, за что позднее, после изгнания хивинцев, Субхан-Кули взыскал с самаркандцев огромную контрибуцию. Многие эмиры (этот титул присвоили главы узбекских племен) удалились из Бухары к своим племенам в Ходжент и Хисар (совр. Гиссар) и направили их против Субхан-Кули-хана. Последний не мог уже преодолеть сопротивление ни хивинцев, ни самаркандцев, ни бунтовавших в разных концах Мавераннахра и Балха узбекских племен и вынужден был обращаться к одним эмирам, дабы усмирить других. Набеги хивинцев в конце концов удалось все же прекратить. Не без влияния Бухары два хивинских хана были смещены местной знатью. Хива признала власть Субхан-Кули-хана, который и послал туда наместника. В Бадахшане, с его знаменитыми, приносящими хороший доход рубиновыми рудниками, также удалось посадить наместника. Но эти внешнеполитические успехи не изменили главного — внутреннего неустройства.

Последние годы правления Субхан-Кули-хана характеризуются чрезвычайным усилением знати узбекских племен, междоусобными войнами племен и крайним ослаблением ханской власти. Восстания племен против центральной власти и их междоусобная борьба вынуждали бухарского хана выступать против них то в Самарканде, то в Гиссаре, то в Термезе, то в Шахрисябзе. Нередко эти походы кончались поражением ханской армии, так как хан не обладал ни средствами, ни достаточным войском и обычно оказывался игрушкой в руках крупных эмиров, опиравшихся на военную силу своих племен.

После смерти Субхан-Кули-хана власть перешла в руки Убайдаллах-хана (1702—1711), последнего Джанида, делавшего попытки укрепить ханскую власть и пресечь своеволие крупных феодалов и племен.

Летописец Убайдаллах-хана Мир Мухаммад Амини Бухари неоднократно писал о вражде между ханом и эмирами: «Его благоуханные мысли отвернулись от эмиров и войска», последние же «тоже отвратили от монарха сердце, и в их умах возникло волнение», «очевидная немилость государя относительно эмиров и армии дошла до последней степени»; «намерение государя, с одной стороны, и эмиров и армии — с другой,

оказались в вопиющем противоречии». Эти слова свидетельствуют, что хан вступил в открытую и острую борьбу со своими противниками. Опирался он на старую знать, чиновничество и те слои общества, которые были заинтересованы в стабильной обстановке для развития земледелия и торговли. Он привлекал к управлению «безродных» людей, сыновей ремесленников и торговцев, не связанных ни с эмирами племен, ни со старым чиновничеством и обязанных своим возвышением лишь ему, Убайдаллах-хану.

Целый комплекс мероприятий был направлен на пополнение пустой казны, без чего нельзя было собрать и содержать армию для борьбы с эмирами племен. Отменялись налоговые привилегии, продавалась государственная земля, улучшались условия для привлечения иноземных купцов (особенно из Индии). Не упущен был даже такой способ пополнения казны: узбекским эмирам и знати регулярно подносили от хана «подарки» (например, халаты), но за каждый «подарок» взимали плату в десятикратном размере.

Убайдаллах-хан (в отличие от своих предшественников) сначала не использовал монетный чекан как источник доходов (путем снижения на 5—10% пробы серебра). Даже наоборот, он укрепил положение серебряной *танга*, повысив содержание серебра в ней до 35%. Зато в решительный момент, когда в казну разными способами собрали много денег, сумму эту решили сразу учетверить: тайно из каждой танга отчеканили четыре (по 9% серебра), а потом приравняли их курс. Но такая реформа потерпела крах: в Бухаре прекратилась торговля, простой народ поднял восстание, курс новых *танга* пришлось уменьшить наполовину, «учетверенное» вливание в казну не состоялось, а многие сторонники хана стали его противниками.

В конце концов эмиры организовали заговор и убили Убайдаллах-хана. Следующий Джанид, Абул-Файз-хан, был лишь номинальным властителем, а государством управлял всесильный временщик Мухаммад Хаким-бий из племени мангыт. Даже чины и должности распределялись без ведома Абул-Файза. Раздробленность достигла таких размеров, что единое государство фактически перестало существовать, распавшись на многие, почти независимые владения. Так, в Фергане один из эмиров племени минг, Шахрух-бий, основал самостоятельное владение. То же произошло в Балхе и Бадахшане.

В период ослабления Джанидского государства в Иране престол захватил Надир-шах. Он не только укрепил свое государство, но и расширил его, дойдя на востоке до г. Дели. Его сын в это же время захватил принадлежавшие раньше Джанидам области по левому берегу Амударьи, затем Балх. В 1740 г. Надир-шах вступил в Мавераннахр. Сначала на его сторону перешли некоторые вельможи, а затем и Абул-Файз-хан с придворными выехал ему навстречу, без сопротивления подчинившись завоевателю. Надир-шах сохранил Абул-Файзу престол и даже породнился с ним. Но фактическую власть он закрепил за Мухаммад Хаким-бием. После смерти последнего власть перешла к его сыну Мухаммад Рахимбию, который при поддержке Надир-шаха начал успешную борьбу с мя-

тежными феодалами, а затем, убив Абул-Файза, в 1753 г. вступил на ханский престол. Формально династия Джанидов просуществовала до 1785 г. Последним ханом этой династии был Абул-Гази.

Междоусобные войны и вторжения извне пагубным образом отражались на хозяйстве. Особенно разорялись города, которые захватывали противники. Набеги кочевников и хивинских отрядов носили откровенно грабительский характер. В центре борьбы оказались Балх с его областью и долина Зеравшана. Сельское и городское хозяйство этих территорий было разорено. Население обрекалось на длительный голод. Массы крестьян бежали в города, бросая свое хозяйство и превращаясь в нищих.

Из городов, наиболее часто страдавших от осад и грабежей, население бежало на окраины государства, где было более спокойно.

В середине XVII в. Самаркандская область находилась еще в цветущем состоянии. А во второй половине столетия там разразился такой страшный голод, что последствия его, по свидетельству источников, сказывались в течение двадцати лет. Многие бежали, оставляя насиженные места.

Во второй половине XVII в. была сильно разорена Балхская область, которую сначала «законно» грабил ее правитель, потом — завоеватели-моголы, а затем продолжали разорять воюющие между собой члены династии.

Различные источники рисуют картину бедственного состояния, до которого были доведены сельское хозяйство и крупнейшие города Средней Азии позднее, в первой половине XVIII в.

По свидетельству Флорио Беневени (1722 г.), все окрестности Бухары были разграблены, и в городе начался невероятный голод. Восставший против хана феодал «ни одну деревню в целости не покинул, все разграбил и утащил. Окромя того, город так оскудел провиянтами и иными запасами, что простой народ принужден был детей своих продавать и тем кормиться, а другие и с голоду померли». По словам Мухаммада Йакуба, «в течение семилетних беспрерывных набегов [кочевники] разоряли земледельческие районы, расположенные между Самаркандом и Бухарой. В Мавераннахре наступил [небывалый] голод... повсюду люди, покинув родные места, разбрелись в разные стороны. В Бухаре осталось два гузара [квартала] жителей; в Самарканде ни одной живой души не осталось».

В первой половине XVIII в. более всего пострадала Самаркандская область, и особенно Самарканд, почти совершенно опустевший. Небольшое число жителей осталось лишь в цитадели.

Однако некоторые области и города, не ставшие ареной постоянных междоусобиц, не только не пострадали, но даже достигли известного процветания, особенно второстепенные и окраинные города, население которых увеличилось за счет беженцев из центра. Их рост, начавшийся именно в рассматриваемое время, стал еще более заметным во второй половине XVIII в., когда многие из мелких в прошлом городов стали крупнейшими ремесленно-торговыми центрами Средней Азии.

Разорительные для хозяйства междоусобицы, слабость центральной власти, пустая из-за малых налоговых поступлений казна (целые области были отданы «в кормление» племенам узбеков) — все это определило специфику и состояние ремесла, внутренней торговли и денежного обращения. В ремесле сохранялась узкая специализация (как и в XVI в. при Шейбанидах), но объем производства и внутренняя торговля сокращались.

Под стать этому была монетная политика и денежное обращение. Если в XVI в., при Шейбанидах, *танга* чеканили неизменно из высокопробного серебра, то при Джанидах пробу регулярно снижали на 5—10%, а то и больше, так что за XVII в. появились *танга*, в которых серебра было от 90 до 22,5%. Население боролось за «хорошую монету», иногда побеждало: процент серебра повышали на короткое время, но потом снова снижали. Более высокопробные монеты выпадали из обращения, оседая в кладах; низкопробным не доверяли. Медные монеты потеряли самостоятельное значение. В XVIII в. начали чеканить высокопробные золотые монеты *(ашрафи),* но лишь во второй половине столетия, по мере стабилизации общей обстановки, золото стало постоянным средством обращения.

Внешняя торговля могла быть более значительной, если бы караванные пути были безопасными. Тем не менее торговали с Ираном, Китаем и особенно с Индией. В Бухаре индийские купцы жили подолгу; упоминается даже квартал, заселенный ими. Велась значительная торговля с кочевниками. Но самая важная примета времени — развитие дипломатических и торговых отношений с Московским государством. Бухарские ханы и владетели Балха в XVII в. направили в Россию 16 посольств, из Москвы в Бухару прибыло пять посольств. Послы по большей части выступали в роли купцов.

В этот период становятся чрезвычайно оживленными торговые пути на Волгу и в Сибирь. Центрами сибирской торговли были города Тобольск и Тара. С 30-х годов XVIII в. основным центром торговли становится уже Оренбург (заложенный в 1735 г.).

Из Бухары и Хивы купцы часто ходили на Самару и Казань сухопутным путем. Несколько позже купцы стали ходить и на Астрахань. В Астрахань шли два пути: сухопутный и по Каспию. Морской путь был удобнее, выгоднее, безопаснее и занимал меньше времени. Однако «государевых бус» (больших парусных судов) не хватало для перевозки всех русских и среднеазиатских купцов. Дипломатическая переписка того времени полна жалоб на своеволие корабельного начальства, на нехватку судов и просьб к московскому правительству увеличить их число.

Для русско-среднеазиатской торговли этого периода характерны общее увеличение объема торговли и активное участие в ней русских торговцев, иногда подолгу живших в среднеазиатских городах. В этой торговле нередко участвовали крупные русские купцы, посылавшие в Среднюю Азию своих приказчиков.

Русские купцы везли в Среднюю Азию главным образом кожи и меха, сукна (в том числе европейские), разнообразную деревянную посуду

(ведра, ушаты, блюда, ставцы, сита) и другие деревянные изделия (сундуки, коробки, ларцы), зеркала, различные галантерейные и ювелирные товары (иголки, булавки, наперстки, пуговицы, серьги, бисер), гвозди, писчую бумагу, а также муку и даже шелк. Московское правительство очень интересовалось возможностью получать среднеазиатский шелк-сырец, однако его вывозили в редких случаях и в весьма ограниченном количестве. Он считался «заповедным» товаром: вывоз его из Бухары и Хивы был запрещен.

Из Средней Азии везли и на Волгу и в Сибирь главным образом различные хлопчатобумажные ткани, в меньшем количестве — полушелковые и шелковые, а также шитые из этих тканей изделия. Пользовались спросом на русских рынках и другие среднеазиатские товары: кожи, бухарские луки, некоторые меха, ковры, «бумага хлопчатая», сушеные фрукты.

Бухарские купцы часто выступали в роли посредников, доставляя на русские рынки товары из Китая и в меньшей степени из Индии и Ирана (китайские ткани, мускус, бадьян, корицу, чай, иногда посуду).

В XVIII в. в ассортименте предметов торговли Средней Азии с Россией появились драгоценные металлы. Золото и серебро среднеазиатские купцы привозили главным образом в виде индийских, персидских и бухарских монет.

Русское правительство охотно покровительствовало среднеазиатскому импорту и старалось создать для него нормальные условия. Среднеазиатские купцы постепенно получили право торговать во всех городах Русского государства. Самой льготной по-прежнему была сибирская торговля: со среднеазиатских купцов здесь взимали пошлину в размере $^1/_{20}$ от стоимости всего их товара, тогда как с русских купцов — в два раза больше. Некоторые товары (например, золото, серебро) пошлинами не облагались. Для привлечения купцов в новые пункты торговли в них создавались особо льготные условия. Например, в Оренбурге в первые годы торговля велась беспошлинно, потом была наложена небольшая пошлина, и лишь через десять лет ее повысили до размера сибирской — до $^1/_{20}$ от стоимости товара.

Как и в предшествующее столетие, развивалась ханская и царская торговля. Она находилась в привилегированном положении; ее товары не облагались пошлинами, а в ассортимент входили «запретные» товары.

Общее состояние хозяйства, разорительные междоусобицы, дороговизна — все это отразилось на строительстве и архитектуре при Джанидах. Центральная власть вообще не была в состоянии производить строительные работы. Лучшие и наиболее значительные памятники относятся к XVII в., воздвигались они на средства богатых и влиятельных вельмож. Так, в Бухаре был завершен ансамбль Ляби-хауз: против медресе XVI в. построены хауз, ханака и еще одно медресе. Другой сановник завершил строительство ансамбля в Самарканде, на Регистане: напротив медресе Улугбека XV в. построил медресе Ширдор, площадь между ними «замкнула» медресе-мечеть Тиллакари.

С точки зрения развития архитектуры XVII век вносит мало нового. Скромное, получившее подчиненное значение декоративное украшение

построек предшествующего времени вновь сменяется пышным убором, сплошным ковром затягивающим стены здания. Здесь явно проступает тенденция возрождения стиля и манеры декорации XV и начала XVI в. Вновь большое место занимают дорогие и трудоемкие мозаики, но меняется цветовая гамма, преобладание желтого и зеленого огрубляет рисунок. Отделка интерьеров виртуозна: сложные сталактиты, плоскости которых иногда покрыты тончайшей росписью, богатая роспись по гладкой алебастровой штукатурке. Чаще, чем в XV—XVI вв., используются изобразительные сюжеты: тигроподобные хищники и лани, летящие птицы, гусеницы, вазы с цветами и целые пейзажи.

Надписи на постройках сохранили нам имена местных среднеазиатских зодчих и декораторов. Но их творческие искания и инициатива были ограничены характером заказов: богатые вельможи из знати узбекских племен не жалели денег, чтобы создать постройки, похожие на наиболее пышные памятники, увековечившие имена ханов и вельмож прошлого. В рамках такого заказа новаторство ограничивалось второстепенными деталями и не приводило к созданию определенного и гармоничного стиля.

Искусство оформления книги и каллиграфия в XVII в. стояли все еще на большой высоте. В Самарканде в это время изготовлялась прекрасная бумага. В области миниатюры сохранялись традиции бухарско-самаркандской школы предшествующего столетия. Богатая палитра, тонкость рисунка, умелая передача движения, искусство компоновки многофигурных композиций — всем этим владели миниатюристы XVII в. Пример — двенадцать блестящих миниатюр к сочинению Шараф ад-Дина Али Йазди «Зафар-наме». Рукопись переписана и иллюстрирована в Самарканде; на одном листе есть дата переписки — 1628 г. На большинстве миниатюр изображены сцены сражений. Миниатюры отличаются яркостью красок, тонким рисунком всех деталей лиц и костюмов, большой динамичностью батальных сцен.

Историческая наука представлена несколькими хрониками. Сочинения типа всеобщих историй для этого периода не характерны. Некоторые хроники содержат историю даже не всей династии, а лишь отдельных ее представителей. События приводятся в хронологической последовательности, с большими подробностями. Авторы стремятся сочетать объективное изложение с панегирическими восхвалениями правителя, которому посвящен труд.

Из всех исторических сочинений этого времени наиболее интересна летопись, посвященная царствованию Убайдаллах-хана. Ее автор, Мир Мухаммад Амини Бухари, происходил из среды придворных канцеляристов. Отдельные его высказывания показывают, что он с ненавистью относился к эмирам и знати узбекских племен, считая их зачинщиками войн и междоусобиц. Автор — сторонник централизованной власти.

По литературным приемам «Убайдаллах-наме» не отличается от обычных придворных хроник. Стиль изложения — цветистый, с массой метафор и пустых славословий, с многочисленными стихотворными вставками. Однако чувствуется, что все это — лишь дань традиции, вынужденно

принятая форма. Автор часто порывает с этой традицией, с этой формой. При описании ряда важнейших событий он нередко переходит на простой и живой язык, изложение его приобретает несвойственную придворным хроникам четкость, ясность, а подчас и лаконичность.

В первой половине XVII в. был закончен весьма интересный трактат по музыке, посвященный Имам-Кули-хану. Автор его — певец и музыкант Дарвиш Али. Этот трактат касается теории музыки, дает характеристику музыкальных инструментов и сообщает о знаменитых музыкантах-исполнителях и композиторах, об известных знатоках, ценителях и теоретиках музыки, о современных ему мастерах музыкального искусства.

Как и в XVI в., из естественных наук продолжали развиваться лишь медицина и фармакология. Субхан-Кули-хан очень интересовался медициной; он построил в Бухаре больницу, где была хорошая специальная библиотека. Сам Субхан-Кули-хан написал медицинский трактат и приказал отыскивать и переписывать ранее составленные трактаты. В XVII в. было переписано и сохранено много старых трактатов по медицине и фармакологии.

Общая обстановка в Средней Азии при Джанидах не способствовала развитию художественной литературы, однако в XVII в. упоминаются 114 поэтов. Часть их жила при дворе; они писали хвалебные оды в обычном для этого жанра стиле, но и число «одописцев» к концу XVII в. оскудело: одни бросили свое ремесло, другие эмигрировали в соседние страны (особенно в Индию). Основные достижения в поэзии принадлежат представителям средних городских слоев, лучшие поэты вышли из среды ремесленников и мелких торговцев. Самым знаменитым и читаемым среди них был ткач Саййидо Насифи. Простота и народность языка его произведений, высокое художественное мастерство создали ему известность, особенно среди трудового народа, с которым поэт был тесно связан и в личной жизни. Об этом свидетельствуют его стихи, посвященные ремеслу живописца, пекаря, медника, мясника, труду крестьянина. Особое место в творчестве поэта занимала бескомпромиссная критика современного общества.

Глава 25

ИНДИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в. РАСПАД МОГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

Первая половина XVIII в. в истории Индии отмечена усилением дестабилизационных процессов в Могольской империи, приведших ее к кризису и распаду. Симптомы этого обнаружились еще в годы правления Аурангзеба (1658—1707). По словам историка Хафи-хана, «ни один из падишахов Дели... не был так благочестив и справедлив, как Аурангзеб, а в отваге он не знал себе равных. Но между его эмирами происходили распри, и его намерения и замыслы приносили мало пользы, а все предприятия не имели успеха».

Смерть Аурангзеба положила начало почти двухлетней кровавой борьбе между его тремя сыновьями, за каждым из которых стояли враждующие друг с другом группировки знати. Победителем вышел старший сын Аурангзеба, уже немолодой Шах Алам, бывший при отце наместником Кабула. Собрав большую армию благодаря захваченным в Агре сокровищам, он нанес поражение своему главному противнику — брату Азаму. Армия Азама, насчитывавшая более 100 тыс. человек, была разбита к югу от Агры, а сам он и двое его взрослых сыновей погибли. Третий брат, Кам Бахш, был разбит в бою при Хайдарабаде позднее, в начале 1709 г., и скончался от ран. Шах Алам короновался под именем Бахадур-шах (1707—1712).

Вместе с троном он унаследовал проблемы, которые стояли перед его отцом. Продолжались набеги маратхов. Бахадур-шаху удалось спровоцировать междоусобицу в Махараштре и временно ослабить давних врагов империи. Имперская власть оказалась фактически парализованной в Панджабе. Здесь после гибели гуру Гобинда (1708 г.) возобновилось сикхское движение. Его возглавил Банда Бахадур, объявленный последователями гуру (учителем) вопреки тому, что Гобинд, десятый гуру сикхов, объявил о пресечении после него линии живых гуру. Банду, как и Гобинда, поддерживали джатское крестьянство и деревенские заминдары, он пользовался также симпатией городских низов («головорезов», по словам хрониста). Если верить ему, Банда привлек к себе много «озлобленных индусов из низких каст: мельщики, кожевники и другие низкорожденные оставили свои дома и присоединились к сикхским вождям, дабы вскоре вернуться в места своего рождения как их правители». Из числа сподвижников Банда назначал начальников крепостей (*тханадаров*) и сборщиков налогов (*амилей*), издавал указы в адрес могольских чиновников и джагирдаров, требуя подчинения и отказа от своих функций и территорий.

Сикхская конница Банды выросла до 30 тыс., а пехота — до 40 тыс. человек. Во власти сикхов оказались почти весь Панджаб и северные тер-

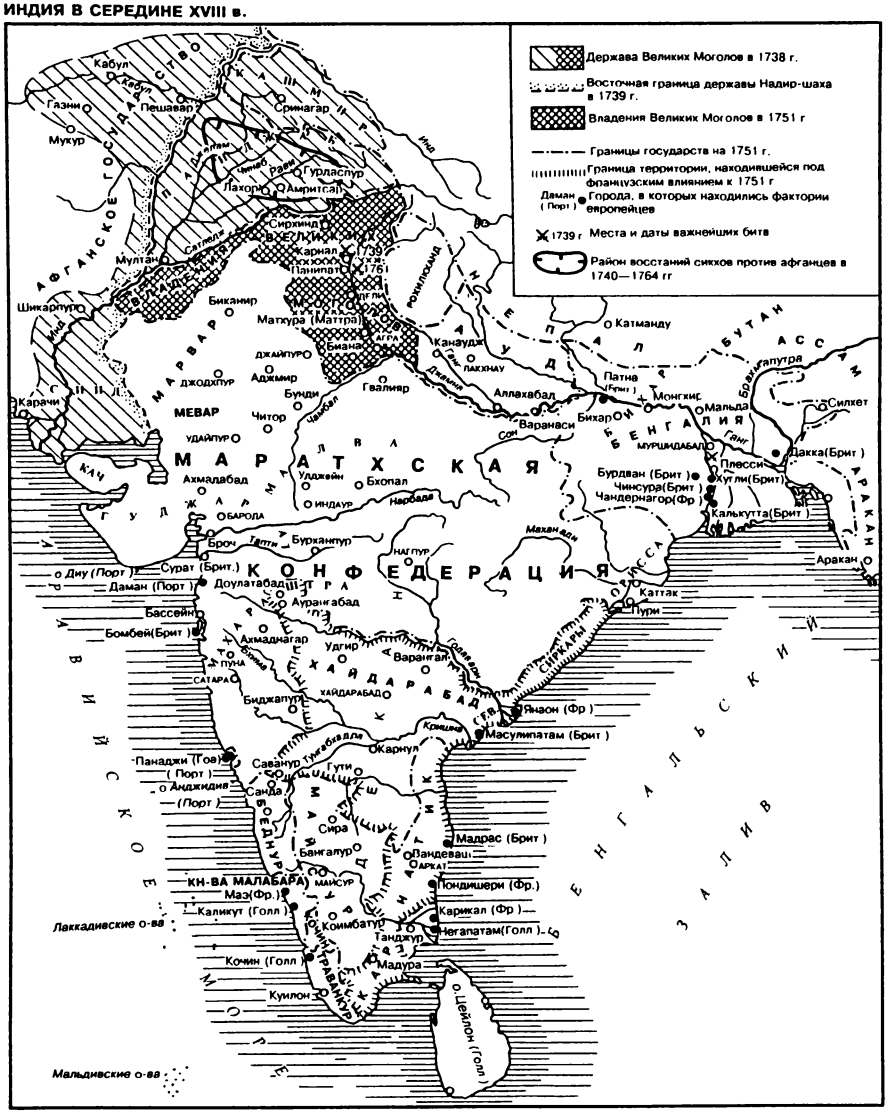


Рис. 18

ритории *субы* Дели. Город Лахор подвергся осаде, но не был взят ими, однако многие другие города, в том числе Сирхинд, оказались под властью сиххов. Сделав в 1708 г. своей ставкой Лохгарх, Банда стал именовать себя *сача падишах* («истинный падишах»).

Однако заметно углубившиеся при Банде противоречия в общине сиххов между земледельцами-землевладельцами *джатами* и торговцами *кхатриями* (многие из кхатриев были могольскими откупщиками-*иджа-*

радарами; как представители торгового капитала они страдали от сикхских рейдов на города), а также враждебное отношение местных неджатских заминдаров, которых сикхи облагали налогами, ослабляли сикхское движение.

Бахадур-шах лично возглавил поход в Панджаб. Банда и его сподвижники были оттеснены могольскими войсками из плодородных равнин в горные районы северного Панджаба. Горные князья состояли в тайном альянсе с сикхами. Они давали им убежище, снабжали оружием, продовольствием. Князь Джамму помог Банде соорудить несколько крепостей-*тхана* в округах к северу от р. Рави. Это побудило Бахадур-шаха принять решение о выступлении против горных князей, но смерть в феврале 1712 г. помешала осуществить этот замысел.

Неспокойно было и в Раджастхане, где раджпутские князья не раз выходили из повиновения Бахадур-шаху.

Представителям стоявшей за ним знати падишах раздавал сокровища и джагиры из коронных земель (*халиса*), что резко сократило доходы короны.

Кончина Бахадур-шаха привела к новой вспышке борьбы среди могольской знати. Влиятельный военачальник и вазир, выдвинувшийся еще при Аурангзебе, Зульфикар-хан, представитель так называемых *иранитурани*, противостоявших более старой, потомственной могольской знати *ханзадеган* («дети ханов»), выступил против энергичного Азим уш-Шана, второго сына Бахадур-шаха, и объединил против него трех других сыновей. Силы Азим уш-Шана были разгромлены, а он сам — убит. На престол Зульфикар-ханом был возведен один из братьев — Джахандар-шах (1712 г.). Возглавлявшие враждебную Зульфикар-хану группировку знати видные военачальники братья-*сайиды* (здесь — высокая мусульманская каста) из Бархи (в восточной части двуречья Ганга и Джамны) Абдулла-хан и Хусейн-хан подняли знамя восстания. Они разгромили силы Джахандар-шаха и Зульфикар-хана и посадили на престол сына Азим уш-Шана Фаррух Сийара (1713—1719).

Братья-сайиды стали по сути временщиками. Один из них занял пост *вазира*, другой — *мир-бахши* (глава военного ведомства). Они повели успешные военные действия против раджпутов, возглавляемых правителем Марвара (Раджастхан), князем из раджпутского клана ратхор Аджит Сингхом, отпавшим от Моголов. Опасаясь новых нашествий маратхов, они передали маратхским вождям *чаутх* в шести суба Декана. Фаррух Сийар, недовольный влиянием и авторитетом братьев, предпринял неудачные попытки выйти из-под контроля и покончить с их властью. За это сайиды заточили падишаха, а спустя некоторое время покончили с ним.

Сайиды возводили на престол поочередно четырех внуков Бахадур-шаха. Четвертым был Раушан-Ахтар, принявший имя Мухаммад-шах (1719—1748).

Возвышая и привлекая на свою сторону новых людей (в частности, из мусульманской касты *шейхзаде*, натурализовавшихся в Индии пуштунов и др.), Мухаммад-шах сумел сломить всесилие братьев-сайидов. Один из

них, предпринявший поход на Декан, был здесь убит, видимо, не без ведома и благословения падишаха, другой — заключен в тюрьму, а спустя некоторое время отравлен.

Мухаммад-шах покровительствовал суннитским теологам, предоставляя им крупные земельные владения (*мадад-и мааш*, букв. «средства к существованию»), приглашал их ко двору, которому стремился придать особую пышность для поднятия авторитета падишахской власти. Однако почти 20-летнее пребывание на троне Мухаммад-шаха оказалось возможным лишь благодаря фактическому устранению его от государственных дел. Именно при нем распад Могольской империи стал свершившимся фактом.

Индийские поэты и историки, свидетели развала могольской имперской системы, воспринимали это как катастрофу. Появился цикл поэтических сочинений о «Потрясенном городе» («Шахр-и ашоб»), в которых рисовалась картина всеобщего бедствия и разорения. Историк середины XVIII в. Али Мухаммад-хан Бахадур с горечью писал о дворцах, превратившихся в руины и ставших обиталищем диких животных, об исчезновении великолепных садов, где росли прекрасные цветы и били фонтаны. Но мы узнаем, что эти сады, будучи проданы наследниками прежних владельцев, были «превращены покупателями в поля» и засевались зерновыми — джоваром и баджрой.

Конечно, мятежи, восстания и войны первой половины XVIII в. сказались отрицательно на состоянии отдельных городов, деревень и даже целых округов, а кризис имперской власти привел к упадку могольские столицы — Дели и Агру. Однако многочисленные данные источников говорят о том, что в это время развитие экономики не прерывалось: многие города оставались оживленными центрами ремесла и торговли, появилось большое число новых поселений и городского и сельского типа, продолжалось расширение посевных площадей, что находило выражение в росте в некоторых регионах страны показателей *джамы* (исчисленного налога) и *хасила* (реально полученного налога).

Однако из двух тенденций предшествующего развития — областной (региональной) консолидации и межрегиональной централизации, имевших в XVII в. своим источником заметное улучшение состояния земледелия и рост объема земледельческой продукции, диверсификацию и специализацию ремесла, расширение торговых связей между городом и сельской округой, между отдельными городскими центрами, — в первой половине XVIII в. возобладала тенденция регионализации. Именно в пределах отдельных регионов устанавливались весьма прочные экономические связи.

Одновременно в ряде регионов происходил процесс консолидации этнолингвистических общностей, спаянных единой культурной традицией, что проявило себя, в частности, в бурно развивающейся литературе на разговорных языках Индии.

В основе развития регионализма было заметное усиление в различных частях империи местной феодальной и феодализировавшейся знати — заминдаров («землевладельцев», в позднемогольский период так называ-

лись иногда и представители верхнего землевладельческого слоя полноправных общинников), глав локальных родственных, клановых и кастовых групп. Включенность в имперскую структуру власти правителей клановых территорий в качестве военачальников или посредников между центром и его представителями на местах (в частности, джагирдарами), с одной стороны, и налогоплательщиками—общинными землевладельцами — с другой, способствовала укреплению социальных позиций клановых вождей и росту их экономического благосостояния (играло роль и увеличение на протяжении всего XVII века объема сельскохозяйственной продукции и соответственно доли заминдаров в прибавочном продукте).

Значительное превышение хасила над джамой в ряде регионов в первой половине XVIII в. свидетельствует, что посредники-заминдары присваивали себе значительно больше, чем предусматривалось центральной властью. Обычным явлением становился отказ заминдаров от уплаты центру собранного ими налога. В статистике XVIII в. доходы государства фиксировались в круглых цифрах, и это показывает, что бóльшая часть «посредников» была, по существу, автономными вождями более или менее крупных локальных групп. Заминдары имели, как правило, поддержку своих кланов, родичей и соседей. В деревнях им принадлежали многочисленные крепости даже на близлежащих к столице территориях. В Ауде, например, где власть могольских падишахов казалась весьма прочной, заминдары были очень могущественными, что делало их сопротивление Моголам весьма эффективным. Так, заминдары клана *баис* обладали внушительными вооруженными силами и контролировали в деревнях 25 крепостей. Заинтересованность глав локальных групп в поддержке центра в их борьбе с другими клановыми, локальными лидерами облегчало Моголам сохранение имперской власти на местах. Однако стремление к максимизации своих доходов от управляемых территорий, порождая стремление к политическому обособлению, приводило в первой половине XVIII в. многих представителей местной элиты к конфронтации и открытой враждебности Моголам, выражавшейся в многочисленных антимогольских выступлениях.

Помимо заминдаров во многих частях Могольской империи значительно усилилась локально ориентированная землевладельческая знать из мусульман — владельцы *мульков* (букв. «собственность, владение») и мадад-и мааш. Среди них было много представителей мусульманского духовенства. Они стремились идентифицировать себя с местными заминдарами, с которыми имели весьма тесные социальные связи и общие интересы, что существенно ослабляло имперскую власть на локальном уровне. С религиозными политическими структурами все более связывали себя и представители торгового капитала, лишавшие своей поддержки центральную власть. Многие из них благодаря широко распространявшейся практике откупа налогов (*иджара*) и авансирования землевладельцев приобретали нередко права *заминдари* и приобщались таким образом к феодальной эксплуатации и феодальной элите.

В первой половине XVIII в. стали очевидны и симптомы разложения джагирной системы, являвшейся ранее основой имперской власти. Джагирдары все менее охотно выполняли свои обязанности и все явственнее стремились превратить пожалованные им территории, с которых они взимали в свою пользу налоги, в пожизненные или наследственные владения по образцу мульков и заминдарских *ватанов*. Тенденция к подрыву служебного землевладения появилась еще в XVII в., но лишь в первой половине XVIII в. принцип несменяемости джагирдара получает санкцию центральной власти. Указ одного из марионеточных могольских падишахов, Рафи уд-Дараджата (1719 г.), возведенного на трон братьями-сайидами, обязывал наместников провинций (*субадаров*) и глав провинциальных фисков (*диванов*) всех областей государства утвердить «земли (*махаллат*) джагирдаров», полученные ими в прежние времена, и «впредь не требовать *санадов*, возобновляющих их права владения». Все пожалованные ранее «джагиры, должности, содержание» утверждались указом Мухаммад-шаха: чиновникам предписывалось не затруднять пожалованных лиц требованием обновления рескриптов (санадов) для подтверждения их прав. Разложение джагирной системы усиливалось благодаря развитию провинциальной автономии.

Ослаблением имперской власти пользовались, насколько это было возможно, могольские наместники-субадары. В стремлении превратиться в независимых наследственных правителей они опирались на местную землевладельческую знать.

Субадары Ауда — перс Саад-хан, более известный под почетным именем Бурхан уль-мульк, и сменивший его на этом посту в 1740 г. его зять и племянник Сафдар Джанг целеустремленно, шаг за шагом, расширяли сферу своей компетенции в этой области, некогда являвшейся «бастионом» могольских падишахов. Они добились от слабых правителей Дели права самим назначать и контролировать диванов субы, что означало полное подчинение провинциальной фискальной администрации субадару, фискальную автономию субы. Им также предоставлялось падишахами право жаловать *мансабы* (чины) и джагиры своим должностным лицам. В то же время субадары Ауда стремились не допускать выделения в их субе джагиров лицам, служившим властям Дели. Субу Ауд они считали *суба-и мульк* или *дар-уль-мульк*, т.е. своей собственностью. Непомерному росту могущества субадаров способствовало присвоение ими (с санкции падишаха и без нее) функций *фоуджаров* (военачальников), назначавшихся ранее в суба и отдельные округа-*паргана* исключительно центральной властью.

Укрепляя свою власть в наместничестве, Сафдар Джанг в то же время домогался почетных должностей и титулов при падишахском дворе и принимал деятельное участие в придворных интригах. Явившись в Дели во главе своего войска, он вынудил могольского падишаха дать ему также титул вазира империи и подтвердить в его семье наследственное право на *субадари* не только Ауда, но и Аллахабада. Его сын Шуджа уд-Доула, ставший субадаром после смерти Сафдар Джанга (1754 г.), на свой страх и риск предпринимал неоднократные военные походы, в ча-

стности в плодородную и богатую равнину соседнего Рохилкханда, игравшего к тому же большую роль в межобластной и международной торговле Индии.

Аналогичные процессы происходили и в других суба, в частности в Бенгалии. Здесь беспрецедентной властью обладал диван субы, обращенный в ислам сын брахмана Муршид Кули-хан, занимавший эту должность еще при Аурангзебе. В 1704 г. Муршид Кули-хан получил от своего патрона должность субадара. В 1713 г. он изгнал из Бенгалии нового правителя, назначенного двором, и с этого времени стал независимым субадаром-*навабом* (от перс. *наиб* — наместник). Позднее, в 1717 г., он был официально признан в качестве такового Фаррух Сийаром. Власть свою он распространил также на Бихар и Ориссу, а основанный им город Муршидабад сделал своей столицей.

Как и субадары Ауда, Муршид Кули-хан единолично контролировал фискальную администрацию, назначал должностных лиц и определял им жалование в виде джагиров. Широкое распространение при нем в Бенгалии получила система откупа налогов — иджара. Откупщиками были, как правило, купцы-индусы, приобретавшие и у рядовых землевладельцев-общинников, и у сельской элиты права собственности (*маликй*). Через несколько десятилетий бенгальских купцов-иджарадаров стали именовать заминдарами. Среди земельных собственников Бенгалии откупщики-заминдары составляли весьма многочисленную прослойку. Многие из них были очень богаты, в силу чего пользовались влиянием на власти. Так, купец из индусской касты *марвари*, кредитор и казначей Муршид Кули-хана, получил от него титул *джагат сетх* («банкир мира»). Наваб поощрял торговлю, в частности с европейскими купцами, но был недоволен предоставлением им Фаррух Сийаром в 1717 г. права торговать беспошлинно по особым пропускам-*дастакам* и отказался от подчинения падишахскому фирману. Не позволял он англичанам также чеканить монету, что предусматривалось фирманом, поскольку монопольное право на чекан принадлежало джагат сетху.

Муршид Кули-хана на посту субадара сменил после его смерти (1727 г.) его зять Шуджа уд-Дин Мухаммад-хан, а затем — сын последнего Сарафраз-хан, против которого поднял мятеж фаворит Шуджи Аливерди-хан; он нанес поражение войскам Сарафраз-хана, который был убит. В 1740 г. Аливерди-хан был признан падишахом Мухаммад-шахом в качестве наваба Бенгалии.

Фактически независимое княжество возникло в Декане, в наместничестве Хайдарабад. Основателем его был выходец из рода бухарского вельможи, поступившего на службу к Аурангзебу, военачальник-авантюрист Камр уд-Дин Чин Килич-хан, ставший известным под титулом *Низам уль-мульк* («Устроитель государства»); поэтому *Низам* стало титулом правителей основанной им династии. На пост наместника шести могольских суба в Декане он был назначен впервые в 1713 г., но вскоре получил должность вазира империи и вернулся в Дели. Однако в 1723 г. ему удалось по собственной инициативе вернуться в Хайдарабад и отвоевать наместничество у своего преемника. Несколько лет, с 1736 по

1740 г., ему приходилось в качестве могольского военачальника воевать за пределами Хайдарабада против маратхов и иранского шаха Надира (1736—1747), захватившего в 1739 г. могольскую столицу Дели. Вновь вернувшись в 1743 г. в Хайдарабад, он присоединил к своим владениям Аркат и Тиручирапалли.

После его смерти (1748 г.) началась междоусобная борьба между его шестью сыновьями. Ставший низамом второй сын, Насир Джанг, столкнулся с противодействием еще одного претендента на власть — Музаффар Джанга, внука Килич-хана. В этой борьбе, окончившейся гибелью обоих соперников, деятельное участие принимали французы, пользовавшиеся большим влиянием при хайдарабадском дворе. Командующий французским отрядом генерал Бюсси в течение ряда лет (вплоть до 1758 г., когда он был отозван) являлся вершителем судеб в Хайдарабаде и поддерживал то одного, то другого претендента. Серьезную опасность для Хайдарабада представляли маратхи. Нанеся ряд поражений его правителю, они обложили его владения чаутхом (букв. «одна четвертая»: имелась в виду четвертая часть всего исчисленного налога данного немаратхского округа или области). Однако победа афганцев над маратхами при Панипате в 1761 г. спасла Хайдарабад от разгрома. Впрочем, оправившиеся после Панипата маратхи нанесли в 1795 г. Хайдарабаду сокрушительное поражение.

Значительно усилились позиции наместника Гуджарата. Здесь, как и в Бенгалии и Ауде, широкое распространение получила система иджара. По свидетельству Али Мухаммад-хана, дивана Гуджарата и автора «Мират-и Ахмади» («Ахмадово зерцало»), практика дачи земель в иджара никогда не достигала таких масштабов, как при субадаре махарадже Абхай Сингхе (30-е годы XVIII в.), который передал в иджара купцам-*баккалам* из торговой касты марвари даже несколько округов из земель халиса. Откупщики-иджарадары обзаводились часто отрядами, используемыми для сбора налогов, и осуществляли, таким образом, определенные военные и административные функции. Имперская система административно-налогового управления была фактически парализована, так как передаваемые в иджара территории изымались из ведения государственных чиновников.

Большую угрозу для имперской власти в Панджабе представляли скрывавшиеся в горах сикхи Банды. Преемники Бахадур-шаха — Джахандар-шах и его вазир Зульфикар-хан, а затем падишах Фаррух Сийар в стремлении изолировать сикхов щедрой рукой раздавали почести, титулы и подарки горным князьям, возвращали им джагиры, отобранные Бахадур-шахом. Горные князья стали оказывать содействие могольским войскам, вынуждая сикхов спускаться в долины. В 1715 г. армия под командованием наместника Панджаба Абдус-Самад-хана, в которую входили отряды многих горных вождей, сломила силу сикхов.

Немалую роль в поражении Банды сыграли дальнейший отход от сикхского движения торговцев-кхатриев, получавших от Джахандар-шаха и Фаррух Сийара высокие должности на падишахской службе, а также противоречия между *джат-хальсой* (сподвижниками гуру Гобинда и его

последователями, не признававшими Банду как гуру сикхов) и последователями Банды (*бандаи хальса*). Банда был схвачен вместе с 700 своих сподвижников и казнен в Дели в 1715 г. Однако в 1720 г. вновь отмечаются отдельные нападения сикхов на могольских чиновников и караваны.

Абдус-Самад-хан в стремлении править как полузависимый наместник-субадар встречал противодействие со стороны центральной власти в лице имперского вазира. В своих интересах он пользовался возникавшими конфликтами между горными князьями и могольским двором, сумел подчинить себе Кашмир, пытался (впрочем, безуспешно) обуздать крупных джагирдаров Панджаба. Власть Абдус-Самада в Панджабе была слабее, чем у наместников Ауда, Бенгалии и Хайдарабада, хотя и она была унаследована после его смерти (1738 г.) его сыном, бывшим при жизни отца правителем Мултана. Главная причина слабости наместника коренилась в продолжавшихся действиях сикхов, грабивших деревни и города, налагавших тяжелую дань на панджабских заминдаров-индусов.

После нашествия Надир-шаха в Панджабе, через который дважды проследовали войска завоевателя, воцарился хаос. Появились десятки (а именно 65) соединений вооруженной сикхской конницы, возглавляемых каждое своим лидером. Вскоре в процессе борьбы некоторые из них слились и образовалось одиннадцать соединений, поделивших между собой Панджаб и образовавших со временем одиннадцать сикхских княжеств-*мисалов*. Особый, двенадцатый мисал образовали мелкие княжества Патиалы, Набха и др.

Между мисалами происходили порой столкновения, однако важную роль в постепенной консолидации их играл сикхизм. Отстроенная в священном городе сикхов Амритсаре крепость (между 1746 и 1748 гг.) подняла его значение как общепризнанного центра политической, военной и религиозной деятельности сикхов. Здесь регулярно устраивались общие собрания сикхов (*сарбат хальса*), принимались религиозные решения-предписания (*гурмата*), выполнение которых было религиозным долгом каждого сикха.

Решающий удар имперской системе был нанесен маратхами. Создание в 1674 г. первым маратхским «императором» (*чхатрапати*), Шиваджи, Маратхского государства было результатом усиления и консолидации феодализировавшейся знати маратхских общин, воинственных мелких феодалов, служивших дотоле наемниками в войсках мусульманских правителей деканских государств — Биджапура и Ахмаднагара. Военная мощь их значительно окрепла в процессе борьбы против Моголов, стремившихся установить свой контроль над страной горцев. Однако при преемниках Шиваджи, умершего в 1680 г., начались междоусобицы маратхских феодалов.

Сын Шиваджи, чхатрапати Самбхаджи (1680—1689) был захвачен могольскими войсками в плен и умерщвлен. Короновавшийся в Сатаре после продолжительной междоусобной борьбы сын Самбхаджи Шаху не обладал реальной властью, в стране маратхов царила смута. В 1714 г. реальная власть перешла в руки главного министра — *пешвы* Баладжи

Висванатха (1713—1720), основателя династии пешв, правившей в Махараштре до английского завоевания.

Начавшиеся еще в конце XVII в. бесконечные грабительские набеги маратхских отрядов на Малву, Берар, Гуджарат и другие области страны в первой половине XVIII в. стали подлинным бичом для Индии. Главным источником богатства маратхских феодалов — притом что эксплуатация маратхского крестьянства была весьма умеренной — был чаутх. Для его сбора в областях за пределами страны маратхов (Махараштры) оставляли чиновников и военные отряды. Отказ от уплаты мог повлечь новый грабительский налет. Кроме военных отрядов в городах многих могольских суба Декана рядом с могольскими наместниками появились маратхские субадары. В 1718 г. маратхи добились от сайида Хусейна Али уплаты чаутха с шести могольских суба в Декане, право на который было позднее признано Мухаммад-шахом. При новом пешве, Баладжи Рао (1721—1740), маратхи отняли часть владений низама Хайдарабада, овладели Бераром, Малвой, Гуджаратом, Гондваной, предприняли набеги на Ауд и округу могольской столицы Дели. Завоевательные походы маратхов на север и юг продолжались при пешве Баладжи Баджи Рао (1740—1761). При нем столицей Махараштры стала Пуна, а роль чхатрапати была сведена к нулю.

В результате завоевательных войн маратхов уже в 30-е годы XVIII в. возникло большое число маратхских княжеств, наиболее крупными из которых были Нагпур, где правила династия Бхонсле, Гвалияр (династия Синдия), Индаур (династия Холкар), Барода (династия Гаеквар). Махараштра и упомянутые четыре княжества составили союз-конфедерацию под эгидой пешвы.

Очаги антимогольских восстаний вплотную подходили к столице. Угрожающие формы в 20-х годах приняло восстание джатов под руководством Чураманы. Могольскому военачальнику радже Джайпура Джай Сингху II, посланному против них, удалось добиться перехода на сторону падишаха ряда джатских руководителей, в том числе брата Чураманы — Бадан Сингха, которым Джай Сингх обещал покровительство и земельные пожалования от Могола. Это предательство Бадан Сингха помогло Джай Сингху взять опорный пункт джатов — крепость Тун. Видя безвыходность своего положения, Чурамана покончил с собой. Бадан Сингху была поручена охрана дороги, связывающей Дели и Агру. Пользуясь слабостью могольского падишаха, он обзавелся собственным постоянным войском, вооруженной мушкетами пехотой, конницей, артиллерией, построил несколько крепостей. Основанное им, фактически независимое от Моголов княжество играло заметную роль в политической жизни Северной Индии в последующие десятилетия.

Можно сказать, что к середине XVIII в. имперская система в Индии разрушилась, а контроль центра над периферией прекратился.

Финал империи был ускорен нашествием Надир-шаха, узурпатора престола сефевидских правителей Ирана. Беспощадный завоеватель, именуемый историками-панегиристами *Джаханкуша* («Покоритель мира»), овладев Кандагаром, предпринял в 1739 г. свой «индийский поход».

Не встретив серьезного противодействия в Панджабе, войско Надир-шаха достигло Карнала (к северу от Дели), где произошло решающее сражение с Мухаммад-шахом, восседавшим на белом слоне и лично командовавшим боевыми действиями. Его многочисленное войско было оснащено большим количеством пушек, но артиллерия, по существу, не была пущена в ход. Брошенные по его приказу на противника, выстроившегося в 72 ряда, боевые слоны были напуганы градом пуль и огнем иранских пушек. Они повернули назад, на могольское войско, внося переполох и давя солдат. Сражение было проиграно Мухаммад-шахом, а путь Надира на Дели — открыт.

Падишах направился в лагерь Надира просить мира. Он был с почетом встречен и с его согласия 12 марта 1739 г. Надир вошел в Дели. Мухаммад-шах передал ему ключи от своих сокровищниц, которые подверглись буквально опустошению. Награбленные богатства (среди них был знаменитый павлиний трон Моголов и бриллиант Кох-и нур, или «Гора света») были столь велики, что Надир отправил в Иран своих гонцов с указом об освобождении населения страны на три года от всех налогов (впрочем, этот указ не выполнялся чиновниками). Тысячи индийских ремесленников были угнаны в плен.

Надир-шах проявил милость и возвратил Мухаммаду «престол и перстень султанской власти Индии», памятуя, что тот был «потомком высокой *курлановой* (*курканами* называли себя потомки Чингис-хана; так называли и Тимура. — *К.А.*) династии». В благодарность Мухаммад-шах «преподнес раздающему короны Надиру» Синд и области к западу от р. Атток, включая Пешавар, Кабул, Газни.

Творимые завоевателями бесчинства вызвали волнения горожан Дели. Ночью, как свидетельствует иранский историк Мухаммед Казим, вооруженные палками и дубинками, они напали на «мир покоряющее войско», на дома, где стояли Надировы солдаты. Бои завязались в районе базара, где сосредоточилось 30—40-тысячное войско Надира. Один из его военачальников взорвал на базаре мешки с порохом, и вскоре весь город оказался объятым пламенем. Горожан расстреливали из ружей, убивали детей и стариков. Восстание горожан было потоплено в крови.

Вскоре после этих печальных событий Надир с награбленными сокровищами ушел за пределы Индии, оставив Могольскую империю на краю полной гибели.

Лишенные казны, Моголы более не могли содержать многочисленное войско и оказались бессильными предотвратить дальнейший раздел земель, оставшихся еще под их властью. Военно-ленная система (система джагиров), по существу, разложилась: джагирдары брали в откуп джагиры, сами диктовали условия службы или вовсе отказывались нести ее. Все менее очерченными становились различия между ними, иджарадарами и заминдарами.

В 1747 г. в войсковом лагере в Хабушане (Хорасан) был убит в результате заговора Надир-шах. Находившийся в лагере Ахмад-хан из афганского племени *абдали*, командовавший конным отрядом афганцев, захватив артиллерию Надир-шаха и часть его сокровищ, ушел в Кандагар, где

объявил себя шахом (1747—1773). В 1748 г. он совершил свой первый грабительский набег на Индию, захватил Лахор, но могольскому войску удалось нанести ему поражение близ Сирхинда, и он был вынужден уйти в Афганистан. Спустя два года Ахмад-шах предпринял следующий поход, вынудил правителя Лахора согласиться выплачивать ему налоги с нескольких округов.

Марионеточные могольские падишахи, преемники Мухаммад-шаха — Ахмад-шах (1748—1754), Аламгир II (1754—1759) и Шах Алам II (1759—1806) — были фактически заложниками враждовавших феодальных клик и попадали в плен то к афганцам, то к маратхам. Территория бывшей империи ограничивалась северной частью двуречья Ганга и Джамны и некоторыми землями к западу от Джамны и подвергалась вторжениям сикхов на западе и джатов на юге.

В 1752 г. произошло третье вторжение Ахмад-шаха Абдали в Индию. Кашмир и Восточный Панджаб вплоть до Сирхинда оказались под его властью, что было признано Ахмад-шахом Моголом. Бывший правитель Лахора Мир Манну был оставлен здесь в качестве наместника Абдали. Вскоре после смерти Мир Манну в Панджабе начались беспорядки, и Ахмад-шах вновь, в четвертый раз, появляется в Индии (1756—1757). Взяв Лахор, он открыл себе дорогу на Дели. Афганцы дошли до Матхуры, взяли ее и разграбили находившийся близ нее древний индуистский храм Бриндаван. Дели был взят фактически без боя. Аламгир II официально признал власть Ахмада над Кашмиром, Панджабом и Синдом. Оставив управлять этими землями своего сына Тимур-хана, Ахмад-шах покинул пределы Индии.

В это время значительно усилился натиск маратхов на северные области Индии. Маратхские войска под командованием Рагхунатха Рао, брата пешвы Баладжи Баджи Рао, еще в 1754—1756 гг. собрали дань с Джайпура и ряда других княжеств Раджастхана; с помощью маратхов могольский вазир Имад уль-мульк низложил беспомощного могольского правителя Ахмад-шаха и возвел на престол Аламгира II. В свое распоряжение маратхи получили земли в Ганга-Джамнском *доабе* (двуречье). Новый поход на север страны Рагхунатх Рао предпринял после ухода Ахмад-шаха Абдали из Индии в 1757 г. Маратхи заняли Дели, вошли в Панджаб и изгнали наместника Абдали, его сына Тимур-хана. В ответ Ахмад-шах вновь появился в Индии. Изгнав маратхов из Панджаба, он вошел в Дели и разгромил стоявший здесь маратхский отряд. Затем афганские войска отошли к Алигарху и стали готовиться к неизбежной встрече с маратхами. Она произошла 14 января 1761 г. при Панипате. 45-тысячная армия маратхов была наголову разбита афганцами. Погибли знаменитые маратхские военачальники. Скончался от ран сам пешва Баладжи Баджи Рао (1740—1781). Только немногим маратхским военачальникам удалось остаться в живых после этого рокового сражения.

Власть над Малвой, Раджастханом, Панджабом и двуречьем Ганга и Джамны была утрачена. В Декане маратхов стал теснить низам Хайдарабада. И хотя при новом пешве маратхи вернули себе утраченные пози-

ции в Северной Индии, а могольский падишах Шах Алам II был игрушкой в их руках, тем не менее военная мощь маратхов была сломлена. Был положен, по существу, конец их притязаниям на господство над всей Индией. Их смертельные враги — афганцы продолжали в 60-х годах свои набеги на Панджаб (было совершено четыре набега). Однако сикхская хальса, зародыш сикхской государственности, продолжала укрепляться в процессе борьбы с натиском афганцев. Ее упорное сопротивление завоевателям позволило сикхам уже в 70-х годах практически безраздельно утвердиться в Панджабе.

Распад Могольской империи и возникновение на ее обломках ряда независимых, но слабых государств позволили европейским торговым компаниям заметно укрепить свои позиции. «Объединенная компания купцов Англии, торгующих с Ост-Индией», образовавшаяся благодаря слиянию в 1702 г. нескольких английских компаний (что было узаконено актом парламента в 1708 г.), получила в 1717 г. от Фаррух Сийара три фирмана. Согласно им компании предоставлялось право беспошлинной торговли по специальным пропускам-*дастакам* в Бенгалии (при условии уплаты 3 тыс. рупий в год) и могольском Декане (в обмен на плату за «аренду» Мадраса); отменялись пошлины с английских купцов в гуджаратском порту Сурат (взамен чего компания обязывалась уплачивать 10 тыс. рупий).

В это время существенно изменилась структура европейской торговли: хотя ткани по-прежнему вывозились европейцами в больших количествах, однако все большее значение приобретали скупка и вывоз сырья, в частности хлопка и пряжи. Гегемонии английской Ост-Индской компании в это время стала угрожать французская Ост-Индская компания. Соперничество между ними привело в 40-х годах к открытому столкновению.

Это произошло в период англо-французской войны за австрийское наследство, которая была объявлена в Европе в 1744 г., а в 1746 г. распространилась на Индию. К этому времени и английская, и французская компании не только чеканили в стране свою монету, но и обладали своими вооруженными отрядами, служившими инструментом колониальных захватов, на путь которых встали европейцы. Это были сипайские отряды, набиравшиеся из индийцев. Их обучали и командовали ими европейские офицеры. К созданию этих отрядов впервые приступили французы в 1740 г., за ними последовали и англичане.

Сипаи французского губернатора Пондишери Ж.Ф.Дюплекса, доставленные к Мадрасу французской эскадрой во главе с Лабурдоннэ, взяли этот английский оплот на Восточном побережье. Город был возвращен англичанам согласно миру, заключенному в Ахене в 1748 г., в обмен на некоторые уступки в Европе.

Активное вмешательство Дюплекса в династийную борьбу между южноиндийскими феодалами привело к усилению в юго-восточной части Декана влияния его ставленника. Англичане, со своей стороны, поддерживали их противников. В течение 1749—1754 гг. происходили военные действия между соперничавшими сторонами за обладание Карнатиком.

Несмотря на военный и дипломатический талант одного из видных офицеров французской компании — Бюсси, война закончилась победой англичан: Карнатик перешел под управление их ставленника Мухаммада Али (1754—1795). Дюплекс был отозван во Францию.

Начавшаяся в 1756 г. Семилетняя война между Англией и Францией захлестнула и Индию. Во время военных действий французскому командиру Лалли Толландалю удалось захватить английскую крепость форт Св. Давида близ Мадраса. Однако Хайдарабад, откуда ушел отряд Бюсси, был захвачен англичанами. События развивались не в пользу французов. В 1759 г. английская эскадра прибыла к Мадрасу, что заставило французов отступить. В сражениях под Вандевашем армия Лалли была разбита, сам Бюсси попал в плен. Началась осада англичанами Пондишери, продолжавшаяся почти год. В городе свирепствовал голод, и Пондишери пал. Укрепления его были срыты. Правда, по Парижскому мирному договору 1763 г. Пондишери и еще несколько городов были возвращены французам, однако с преобладанием их на юге страны было покончено. В течение последних нескольких десятилетий французские офицеры и солдаты нанимались на службу к различным индийским правителям, участвуя в их войнах против англичан.

Победа буржуазной Англии над феодально-абсолютистской Францией была в конечном счете победой ее более прогрессивного общественно-экономического и политического строя.

Еще во время военных действий против французов на юге страны из Мадраса морем были отправлены в Бенгалию адмирал Уотсон и капитан Клайв, отличившиеся в боях с противником. Через посредничество индийских банкиров Джагат Сетха и Амичанда Клайв установил связи с военачальником бенгальского наваба Мир Джафаром. Подкуп и измена последнего обеспечили Клайву победу над многотысячной армией наваба в битве при Плесси. 23 июня 1757 г., когда состоялось это сражение, принято в историографии считать датой завоевания Индии и установления английского владычества.

Таким образом, происходивший в Индии на протяжении XVII—XVIII вв. процесс консолидации компактных этнолингвистических и культурных территорий, который протекал в острой борьбе с имперской властью, вел в перспективе к образованию в Индии ряда национальных государств, экономическое и социальное развитие которых могло бы подготовить предпосылки для будущей интеграции страны. Однако этот процесс, сопровождаясь войнами и восстаниями — неизбежными явлениями эпохи ломки старой политической структуры, был прерван начавшимися в середине XVIII в. колониальными захватами. Наступала новая эпоха в истории страны — история колониальной Индии.

Глава 26

ЦЕЙЛОН В СЕРЕДИНЕ XVII — XVIII в. «ГОЛЛАНДСКИЙ» ПЕРИОД

На рубеже XVI—XVII вв. в соперничество с Португалией за господство в ряде районов Южной и Юго-Восточной Азии вступила Голландия, успехи промышленного развития которой позволили ей создать крупный торговый флот и превратиться в мощную морскую державу. В 1602 г. в Батавии (о-в Ява) была образована Нидерландская Ост-Индская компания. Используя ослабление Португалии, попавшей в зависимость от испанской короны и участвовавшей на стороне Испании в длительной и бесперспективной войне против восставших нидерландских провинций, Нидерландская Ост-Индская компания распространила свое влияние на ряд бывших португальских колоний и зависимых территорий в Юго-Восточной Азии и Африке.

В поисках союзников для борьбы с Португалией Голландия поддержала оборонительные усилия Кандийского государства на Цейлоне. Переговоры между двумя сторонами были завершены заключением договора о совместных боевых действиях против португальской армии на Цейлоне. За обещание военной помощи кандийскому царю Раджасинхе II Голландия получила монопольное право закупки кандийской корицы.

Узнав о кандийско-голландских переговорах, португальцы начали боевые действия против союзных войск. Цейлон превратился в арену борьбы двух крупнейших колониальных держав XVII в.

К 1639 г. голландские и кандийские войска отвоевали у португальцев Тринкомали и Баттикалоа — крупные порты на северо-восточном побережье. Ост-Индская компания добилась от Канди права на размещение в них голландских гарнизонов и фактически превратила эти порты в опорные базы своих вооруженных сил на острове. В 1640 г. кандийско-голландские силы взяли штурмом Негомбо и Галле на юго-западном побережье, где голландцам также удалось утвердить свое военное присутствие.

Падение власти испанских Габсбургов в Португалии и заключение мира между Голландией и Португалией в Европе заставило голландцев нарушить условия договора с кандийской стороной и приостановить дальнейшее наступление на португальские владения на Цейлоне. В 1644 г. был заключен договор о перемирии, по условиям которого португальская и голландская стороны обязались не возобновлять военных действий на острове и поделить захваченную юго-западную часть Цейлона на две зоны — к северу (португальская) и к югу (голландская) от р. Бентоты. В 1645 г. договор о перемирии был дополнен подписанием в Галле соглашения, предполагавшего оказание взаимной военной помощи в случае нападения со стороны Канди.

ЦЕЙЛОН В ПЕРИОД ПОРТУГАЛЬСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА И ГОЛЛАНДСКОЙ ЭКСПАНСИИ

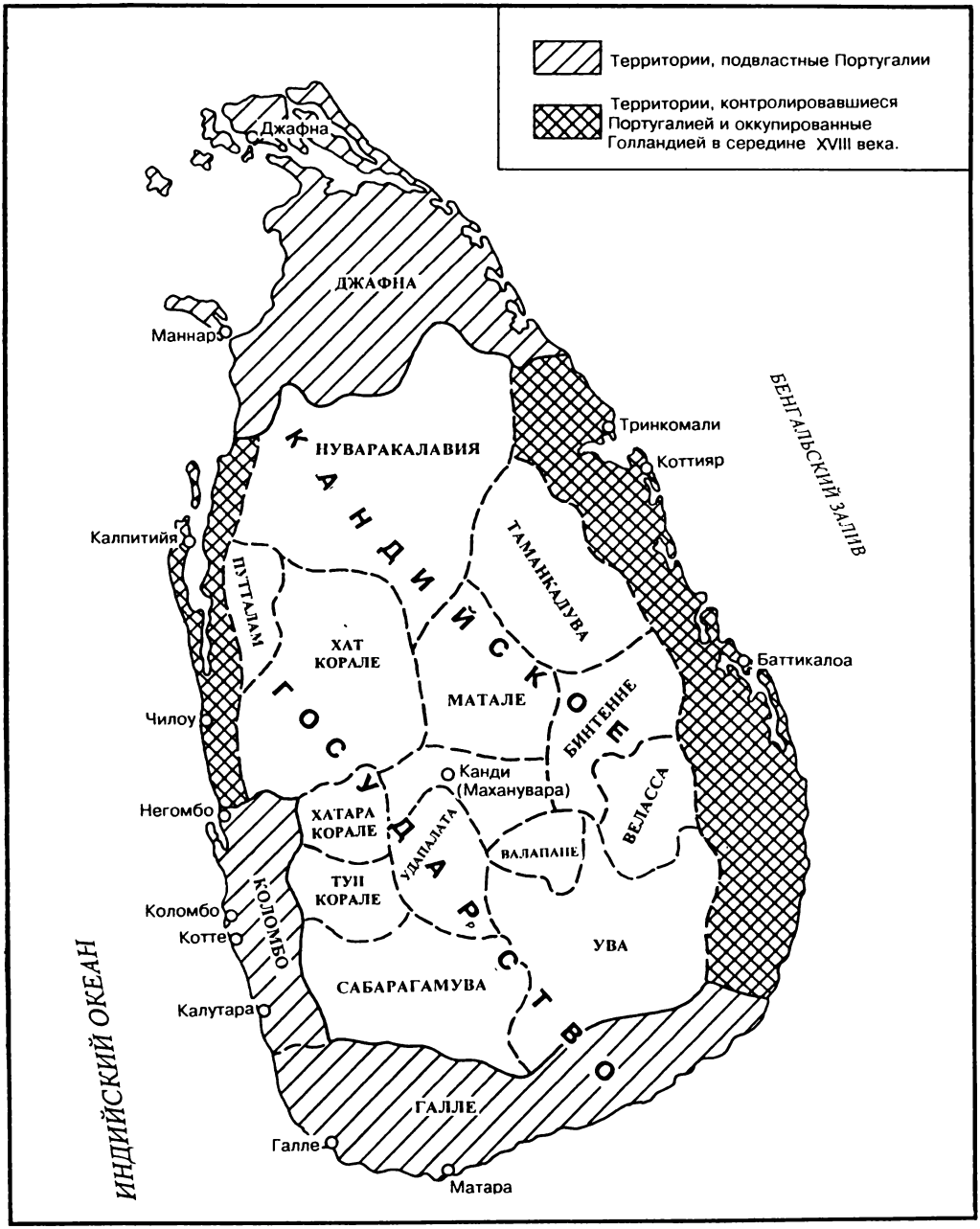


Рис. 19

В 1652 г. мир между Голландией и Португалией в Европе был нарушен, что послужило сигналом для возобновления военных действий и на Цейлоне.

К середине XVII в. превосходство голландского флота над португальским стало настолько очевидным, что голландские власти в Батавии решили окончательно завладеть португальскими территориями на острове. Феодально-абсолютистская Португалия не могла сколько-нибудь эффективно противостоять мощному натиску Голландии, вставшей на путь капиталистического развития, во всех некогда захваченных районах мира. Поставленный перед необходимостью сделать выбор, португальский двор в Лиссабоне сосредоточил свои интересы в районе Атлантики, сделав ставку на сохранение колоний в Южной Америке. В борьбе с Нидерландской Ост-Индской компанией португальские власти в Гоа и колониальная администрация на Цейлоне были предоставлены самим себе.

Голландцам удалось вновь наладить отношения с кандийским правителем Раджасинхой II и с его помощью повести решительное наступление на позиции португальцев. В 1656 г., после семимесячной осады, предпринятой совместно кандийскими и голландскими войсками, сдался Коломбо, главный опорный пункт португальцев на Цейлоне. Голландские войска быстро продвигались на север. После захвата Джафны голландский флот пересек Полкский пролив и атаковал опорные пункты португальцев на южноиндийском побережье. В 1658 г. пал последний португальский форт в этой части света — Негапатам.

Таким образом, к середине XVII в. юго-западные и северные районы острова, принадлежавшие ранее португальской короне, перешли в руки голландских колонизаторов. Голландские власти расторгли союз с Кандийским государством и направили усилия на присоединение его к своим колониальным владениям.

Подвластные голландцам территории были разделены на три военно-административные области с центрами в Коломбо, Галле и Джафне, во главе которых стояли чиновники голландской колониальной администрации в чине капитанов. Они подчинялись губернатору, который, в свою очередь, был ответственен перед Советом директоров Нидерландской Ост-Индской компании в Батавии. Ключевые посты в центральном аппарате власти закреплялись за голландскими колониальными чиновниками, провинциальное же управление было практически полностью сохранено за сингальской и тамильской элитой. С начала XVIII в. в среднем звене колониальной администрации прочное место заняли так называемые *бюргеры* — потомки от смешанных браков голландцев с представительницами местного населения, — ставшие опорой голландских властей. Подобные браки поощрялись Ост-Индской компанией, так как политика привлечения на остров колонистов из метрополии не дала желаемых результатов. Нидерландские колонизаторы внесли ряд изменений в механизм управления, в частности в судебную систему. Были созданы три типа судов — верховные (в Коломбо, Галле и Джафне), окружные и городские, первые из которых действовали на основе европейского права, вторые и

третьи — на основе кодифицированного голландцами местного обычного права.

В целях расширения социальной опоры колониального режима голландская администрация осуществляла активную кампанию по распространению христианства. В период голландского правления имело место и обращение в христианство методами прямого насилия, как и при португальцах, однако более серьезное значение имела сеть христианских учебных заведений, находившихся в ведении администрации или миссионерских обществ. Во второй половине XVIII в. на Цейлоне действовало 163 школы с начальным образованием на местных языках, где в качестве одного из основных предметов было христианское богословие. Большое внимание уделялось также распространению различных христианских изданий пропагандистского характера — молитвенников, сборников религиозных проповедей и т.п. Результатом этой деятельности было создание на Цейлоне значительной по числу и влиянию протестантской общины, которую составили бюргеры, сингалы и тамилы, находившиеся на службе в колониальном аппарате и исповедавшие ранее буддизм и индуизм, а также большинство неофитов католиков, появившихся на острове в период португальского владычества и перешедших при голландцах в протестантство.

Земельная политика колониальной администрации во второй половине XVII — первой половине XVIII в. имела следствием не коренное преобразование форм землевладения, бытовавших на острове, а лишь перераспределение земельного фонда страны в пользу чиновников Ост-Индской компании, протестантских миссий и местной феодальной верхушки, сотрудничавшей с колонизаторами.

Изменение механизма взимания налогов в середине XVIII в. — ликвидация системы посредников между чиновниками колониальной администрации (земельными инспекторами) и общинниками — привело к необходимости создания земельных кадастров, регистрировавших права на землю на основе данных переписи населения. Юридическая фиксация прав на пользование земельными участками сопровождалась составлением подробного плана каждого участка с указанием его размеров, характера почв и степени их плодородия, рекомендациями относительно пригодности для выращивания тех или иных культур, а также приложением карт районов и округов, на которых четко обозначались границы владений.

Во второй половине XVIII в. голландскими властями был принят закон, обязывавший владельцев, не имевших юридических прав на землю, продавать свои участки, а также ряд законов, укреплявших частнособственнические права верхушки цейлонского общества. Так, представители феодальной сингальской знати, принадлежавшие к основной земледельческой касте *гоигама*, получили право выкупа у голландских властей по установленным ценам земель, которыми они распоряжались на правах условных держаний. Был снят запрет на приобретение земель представителями среднестатусных кастовых групп, прежде всего *салагама* (сборщиков корицы), *карава* (рыбаков), *дурава* (сборщиков пальмового сока),

связанных с производством экспортных видов продукции, в которых были заинтересованы голландцы.

Голландские власти широко использовали существовавшую в феодальных государствах Цейлона систему принудительных отработок — *раджакарию*. Сохранив традиционные виды раджакарии, закрепленные за определенными кастовыми группами, власти ввели ряд таких новых повинностей в пользу колониальной администрации, как отработки на строительстве факторий, крепостей, административных зданий, мостов; рытье каналов и прокладка дорог. С середины XVIII в. эти виды раджакарии стали частично оплачиваться, хотя и по крайне низким расценкам.

Основной культурой, выращиваемой на острове, продолжал оставаться рис, но голландские власти, стремившиеся к развитию экспортной торговли, с начала XVIII в. стали предпринимать попытки внедрения в сельское хозяйство страны новых, «коммерческих» культур — хлопчатника, индигоноски, тутового, тамариндового, камфарного, шафранового, ванильного и шоколадного дерева. Наибольший успех имели опыты с разведением кофейного дерева.

Нидерландская Ост-Индская компания унаследовала от португальцев все важнейшие торговые монополии — на корицу, продолжавшую служить основным источником доходов колонизаторов, а также на перец, кардамон, плоды арековой пальмы. В стране был установлен режим строгого контроля над торговыми операциями местных купцов, обязанных продавать свои товары на склады компании, по сути монополизировавшей закупки экспортной продукции на Цейлоне.

В целом при голландцах сохранилась традиционная система заготовки корицы и организации труда сборщиков корицы — салагама. Увеличение объема поставок этого продукта осуществлялось за счет интенсификации труда и привлечения в сезон сбора корицы членов других каст. В 1769 г. голландцы заложили первую плантацию коричного дерева (до этого осуществлялся сбор дикорастущей корицы); во второй половине XVIII в. в районе Коломбо и Негомбо существовал ряд казенных коричных плантаций. Однако организация производства на плантациях оставалась прежней; труд салагама расценивался как раджакария и не оплачивался. Лишь в сезон сбора частично использовалась временная наемная рабочая сила.

Крупные доходы поступали в голландскую казну от ряда промыслов, являвшихся монополией Ост-Индской компании. Среди них наиболее важными были добыча жемчуга, добыча и обработка драгоценных камней, отлов слонов.

Голландская администрация, заинтересованная в преимущественном производстве продукции, идущей на вывоз, была в известной степени безразлична к условиям самого производства. Превращение Цейлона в важный источник финансовых поступлений в казну Нидерландской Ост-Индской компании осуществлялось не за счет изменения организационных форм хозяйствования, а на основе военно-административных мер, предполагавших усиление эксплуатации внеэкономическими методами.

Военная экспансия Португалии, затем Голландии, нарушив естественный процесс развития феодальных государств юго-запада и севера,

заложила основы нового, колониального типа экономики, ориентированной на однобокое развитие экспортных отраслей. Захват прибрежных районов Цейлона колонизаторами существенным образом отразился на судьбе Кандийского государства, обусловив его обособленность от внешнего мира, консервацию традиционных форм общественной организации и идеологии, застойность и архаичность экономики.

В центральных областях Цейлона была сосредоточена основная часть дикорастущих коричных деревьев, и Нидерландская Ост-Индская компания стремилась добиться от кандийских правителей права на беспрепятственный сбор с них коры. XVII — середина XVIII века изобиловали военными столкновениями между кандийскими войсками и голландской наемной армией, и отношения между голландскими губернаторами Цейлона и кандийскими правителями оставались крайне напряженными. В 1766 г., после очередной попытки голландцев подчинить Канди, между двумя сторонами был заключен договор, согласно которому ряд пограничных областей Кандийского государства переходил во владение Нидерландской Ост-Индской компании, получавшей также долгожданное право на сбор корицы во внутренних районах. Договор предусматривал установление голландского сюзеренитета над Кандийским государством.

Кандийское государство представляло собой феодальную восточно-деспотическую структуру с высокой степенью централизации и концентрации власти в руках правителей, которые принадлежали династии *наякаров*, имевшей южноиндийское происхождение. Вместе с тем вряд ли правомерна распространенная среди современных ланкийских историков точка зрения, абсолютизирующая неограниченный характер царской власти в Канди. Подобные утверждения базируются, как правило, на изучении истории правления Раджасинхи II (1635—1687), красочно описанного в «Историческом повествовании о Цейлоне» английским путешественником Р.Ноксом, попавшим в плен к этому кандийскому царю и проведшим долгие годы в центральных районах острова. Деспотическая фигура властолюбивого и жестокого Раджасинхи, тиранические порядки при его дворе и крайности их проявления дали пищу историкам для широких обобщений и распространения представлений о времени его царствования на весь период существования Кандийского государства (конец XV — начало XIX в.). Между тем единоличное правление Раджасинхи является скорее исключением из общего правила.

Источники свидетельствуют, что на протяжении всей истории Канди существенная роль при решении государственных дел отводилась царскому совету — *аматья мандалая*, в который входили министры, высшие царские сановники и главы крупных административных единиц. Во главе совета стоял главный министр — *адигар* (или *маханиламе*), обладавший исполнительной властью в государстве. В середине XVII в. число адигаров было увеличено до двух, а в начале XIX в. — до трех. Боясь чрезмерного усиления власти адигаров, кандийские цари нарушили также общий наследственный порядок передачи должностей при дворе, сделав главных министров назначаемыми на один год при возможности продления срока их пребывания на этом посту.

Адигары обычно возглавляли делегации во время переговоров с португальскими и голландскими, а затем и английскими колониальными властями, контролировали деятельность управляющих провинциями и округами и других должностных лиц провинциальных управлений. Адигары же исполняли судебные функции в Кандийском государстве и руководили войсками во время боевых действий.

Кандийский государственный аппарат состоял из более чем тридцати ведомств (*лекам*), большинство которых обслуживали царя и двор. Дворцовые службы не были отделены от общегосударственного аппарата. Функции различных ведомств четко не определялись.

В Кандийском государстве существовали различные разновидности воинских обязанностей: личная царская охрана из «кафиров»-африканцев, наемные войска из Южной Индии (в основном тамилы и малаяли), а также местные воины, которые награждались за службу земельными участками *хевавасам*.

Кандийское государство было поделено на административные единицы — 9 *рата* и 12 *дисавани*. Дисавани по площади превосходили раты и, расположенные дальше от столицы — Канди, обладали большей автономией. Раты, в свою очередь, были плотнее заселены и занимали самые плодородные земли Кандийского государства.

Наместники рат (*ратералы*) и дисавани (*дисавы*) имели неодинаковый статус. Дисавы пользовались большей властью и были приближены к царю. Как правило, они проживали при дворе в столице и совершали регулярные инспекционные поездки во вверенную им провинцию.

Концентрация власти в провинциях в руках дисавов нередко приводила к временному выходу некоторых из них из повиновения центру. Чтобы избежать сепаратистских поползновений наместников и усиления их влияния в дисавани, кандийские правители строго следили за тем, чтобы земельные владения феодала, назначаемого дисавой, оказались за пределами вверяемой ему провинции.

На границах Кандийского государства — в северо-центральных и восточных районах «сухой зоны» — существовал ряд полунезависимых феодальных образований — *ванни*, правители которых являлись данниками кандийских царей.

Дисавани и раты делились на округа — *корале*, которые, в свою очередь, состояли из более мелких административных единиц — *патту*. Чиновники провинциальной администрации — *гамаралы* (на уровне деревни), а также *мухандирамы*, *видане* и др. — осуществляли власть на местах. Они были ответственны за своевременный сбор налогов и поддержание порядка, а также за исполнение раджакарии в пределах административных единиц.

За исполнением раджакарии представителями профессионально-кастовых групп следили специальные государственные ведомства — *бадды*, регламентировавшие и контролировавшие внутреннюю жизнь отдельных кастовых групп вне зависимости от территориальной принадлежности их членов. Система государственных повинностей, формы которых строго определялись обычаем и законодательно закреплялись для

каждой профессионально-кастовой группы, была разработана до мельчайших деталей. Профессиональные обязанности, права пользования землей для представителей неземледельческих каст, нормы поведения, включая правила ношения одежды, могли быть изменены только самим царем в случае государственной необходимости.

В Кандийском государстве наблюдается дальнейшее развитие системы каст, дробление их на все большее число подкаст. Свидетельством функционирования и признанием значимости кастовости в общественной жизни явилось закрепление основ кастового строя в своде законов Кандийского государства «Нити-нигхандува», в основу которого было положено обычное право.

Господствующей формой налогов в Канди был налог натурой. Коммутация налогов носила временный и нерегулярный характер. Формы и размеры вознаграждения должностных военных и гражданских лиц и представителей буддийского духовенства оставались неупорядоченными, и перевод на жалованье осуществлен не был (хотя частично и вводился в отдельные периоды).

Система землевладения в Кандийском государстве в XVI—XVIII вв. в целом не отличалась от традиционных систем землевладения в сингальских государствах юго-запада доколониального периода. Частноправовой принцип в поземельных отношениях, проникавший в подвластные европейцам прибрежные районы острова в XVII—XVIII вв., в Канди не был известен. Здесь, напротив, наблюдались ужесточение режима контроля правителя над земельной собственностью, пожалованной подданным за службу, и тенденция к сокращению наследственных безусловных владений и ограничению иммунитетов. Земля не являлась объектом купли-продажи; отчуждение по завещанию, а также закладывание земель строжайше запрещалось законом.

Города на территории Кандийского государства были немногочисленны и представляли собой резиденции кандийских царей и крупных феодалов, зависимые от двора и обреченные на гибель в случае перемещения ставки.

Города-порты восточного (Тринкомали, Коттияр и Баттикалоа) и западного побережья (Калпития и Путталам), связанные с внешними торгово-экономическими операциями Кандийского государства в XVI в., уже в XVII в. оказались отрезанными от него по условиям договора с голландцами, обязавшимися оказывать «помощь» кандийскому царю в борьбе с португальцами.

Денежная казна кандийских правителей была пуста. Большинство торговых операций в Кандийском государстве производилось на основе обмена; меновым эквивалентом служил рис. Экономическая морская блокада Канди, осуществлявшаяся португальцами, которые перехватывали иностранные суда, следовавшие в цейлонские порты на восточном побережье, и последующее отторжение основных городов-портов голландцами резко сократили объем внешней торговли Кандийского государства. Развитие внутренней торговли тормозилось не только натуральным характером экономики Кандийского государства и последовательным пре-

сечением частной торговой инициативы со стороны кандийских правителей, взявших под контроль все основные торговые операции внутри страны, но и тем, что по соображениям безопасности строительство дорог и мостов в границах государства было строжайше запрещено. В условиях пересеченного горного рельефа и густых тропических лесов это обстоятельство делало экономические и торговые контакты между отдельными районами практически невозможными.

Во второй половине XVIII в. усилившееся соперничество между голландцами и англичанами за колониальное и торговое преобладание привело к тому, что в результате военных действий, которые велись с небольшими перерывами с 1780 по 1796 г., между голландскими, французскими и английскими войсками при участии Кандийского государства, заключившего военный союз с Великобританией, Нидерландская Ост-Индская компания была вынуждена оставить свои владения.

С 1796 по 1798 г. захваченная англичанами на Цейлоне территория входила в состав Мадрасского президентства Индии и управление островом осуществлялось представителями английского военного командования и директорами Английской Ост-Индской компании.

В 1798 г. в системе управления подвластных англичанам территорий произошли изменения. Во главе гражданской и военной администрации острова был поставлен губернатор, ответственный перед департаментом по делам колоний в метрополии. Контроль же над сбором налогов и торговые монополии оставались в руках чиновников Английской Ост-Индской компании. Система дуального управления просуществовала вплоть до 1800 г., когда Цейлон был полностью выведен из состава Мадрасского президентства и превращен в самостоятельную английскую королевскую колонию. Британское колониальное господство над Цейлоном было закреплено Амьенским мирным договором 1802 г. между Англией и Францией.

Глава 27

БИРМА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

К первой половине XVIII в. политическая и социально-экономическая система государства Таунгу получила определенную законченность. В период его собирания при «великих царях» в XVI в., очевидно, оно еще носило черты более ранней модели развития, традиционно относимой к Паганскому царству, трансформированной в период дезинтеграции под влиянием феодализирующегося шанского этноса в XIII—XVI вв.

Удержание под властью центра разнородных в социально-экономическом плане этносов и государственных структур бирманцев, монов, араканцев, шанов, т.е. периферии в широком смысле слова, сохранявших автономию или полуавтономию, было основной заботой, с которой с трудом справлялись правители династии Таунгу.

В процессе завоевания консолидация периферии покоилась в значительной степени на лояльности прежних владетелей, получавших статус наместников (*байин*). Наместники назначались также из числа родственников правящей династии. Соподчинение центра и периферии, зависимое от кровных связей, дополнялось передачей части харизмы правителя своим наместникам, которые имели царские регалии, т.е. бирманский монарх был не столько неограниченным деспотом, сколько первым среди байинов. Сепаратизм наместников был бичом государства при первой династии Таунгу. Частые выступления байинов против центральной власти, огромные размеры созданной империи вызывали дезинтеграционные процессы. Учитывая, что столица государства находилась на юге, в Пегу, правителям было достаточно сложно отмобилизовать людские и материальные ресурсы (базировавшиеся в основном в центральном районе) для военных экспедиций против Сиама или мятежей.

В эпоху второй, или «восстановленной», династии Таунгу Бирма сделала решающий шаг по пути создания ее классической, доколониальной модели, которую историки называют централизованной.

Структура ее в соответствии с космологическими идеями, заложенными в доктрине буддизма тхеравады, представляла собой как бы три зоны, образующие не совсем правильные концентрические круги от центра к периферии в зависимости от притяжения силы (или власти), исходящей от ядра (или центра). Уподобление государства вселенной придавало огромное значение центральной, или нуклеарной, зоне, по терминологии западных исследователей. Здесь располагались столица, двор правителя и находился сам монарх — буддийский абсолют, даже трон и регалии которого, в соответствии с религиозной символикой, имели магическую силу, способную дать их обладателям власть для установления порядка.

Столичная область вокруг Авы, в междуречье среднего течения и притоков Иравади, меньше пострадала в войнах и усобицах XV—XVIII вв. по сравнению с морским побережьем, куда снова переместился центр государства. Кроме того, первые монархи второй династии Таунгу предприняли массовые депортации населения из дельты Иравади и горных районов северо-востока. В результате земли вокруг Авы радиусом 100—120 км, орошаемые реками Чаусхе, Му, Чиндуина, оказались опять густо заселенными. Восстановление старых ирригационных систем и строительство новых каналов помогли этому району вновь стать житницей государства.

Уничтожение системы наместничеств и отмена прерогатив и обязанностей местной знати, упорядочение разрядов населения, налогов и повинностей, фиксирование земельных владений, переписи, начавшие проводиться со времени правителя Талуна (1629—1648), — все эти мероприятия позволили превратить центр страны, царский домен в подлинную опору власти бирманской монархии, которой уже в меньшей степени грозила периферия. Здесь создавались материальные богатства, сюда притекали налоги со всей страны и всех видов деятельности. Военные подразделения *ахмуданов*, расселенные на домениальных землях, всегда находились под рукой монарха, в непосредственной близости от его дворца, так же как и запасы риса в царских хранилищах.

Это позволяло не только снабжать двор правителя, а главное, его гвардию необходимым количеством риса и другого зерна и содержать армию во время крупных военных экспедиций, но и создавать запасы на случай неурожаев в период стихийных бедствий.

Вторую зону составляли земли по нижнему течению Иравади, в том числе ее дельта и Тенассеримское побережье на юго-востоке страны. Эта зона, населенная монами, состояла из провинций во главе с наиболее крупными городами, управлявшимися губернаторами, назначенными правителем. В провинции входили *мьо* (округа), на которые традиционно делилась территория Бирмы. В них жило податное население — *ати*. Мьо возглавляли *мьотуджи*, наследственные владетели, с эпохи Таунгу поставленные под контроль центральной власти.

И наконец, третья зона, где центральная власть была чисто номинальной (как наиболее удаленная от «ядра»), включала горные районы, окружавшие две первые с трех сторон полукольцом горных хребтов: Аракан-Йома и Чинские горы на западе, Качинское нагорье на севере и Шанское плато на севере и северо-востоке. Местное население этой зоны, стоявшее на более низкой ступени развития по сравнению с бирманцами, монами, араканцами, находилось под юрисдикцией традиционных вождей, приносивших бирманскому правителю клятву вассальной верности.

Таким образом, в Бирме, как и в других странах буддизма тхеравады, в основе политической доктрины государства лежала гармония с космическим пространством, причем сами эти государства, по известному выражению Хейне-Гёльдерна, были микроскопической репродукцией макрокосмических концепций вселенной.

Управление государством строилось в соответствии с описанной выше трехступенчатой структурой. Ее вершиной (вернее, центром) был монарх, по-бирмански *минджи*, — средоточие воли и власти, «хозяин земли и воды», обязанный обеспечивать своим подданным жизненные блага и безопасность. Главной функцией правителя считалось поддержание в обществе, как и в природе, космического равновесия, порядка и справедливости путем соблюдения *дхаммы* — буддийской морали (или учения), на которую опирались религиозно-этические и юридические постулаты тхеравады. Об этом свидетельствуют и наиболее часто применяемые к монарху эпитеты: *минтаяджи* — «царь справедливости» или *дхаммаяза* — «царь, носитель дхаммы» и проч. Природные, социальные, экономические или политические катаклизмы в стране, согласно этой доктрине, не имели иных причин, кроме отклонения правителя от дхаммы, что, в свою очередь, приводило к исчезновению его царской *кармы*, т.е. права на престол. Подобное толкование дхаммы как бы легитимизировало свержение плохого или исчерпавшего карму монарха, что не раз бывало в бирманской истории.

И наоборот, степень совершенствования дхаммы (в том числе покровительство религии и даже войны за обладание буддийскими сокровищами) усиливала царскую карму и три основных качества буддийского монарха (*пон* — харизму, *летйон* — силу и, главное, воинские успехи, *ана* — властность), приближая его к «просветлению», т.е. к ипостаси Будды.

Особую приверженность бирманские правители испытывали к достижению идеала *чакравартина* — буддийского покорителя вселенной, деяния которого предвосхищают появление мессии — Будды Майтреи. Наиболее известные полководцы из бирманских правителей считали, что войны, в которых они захватывают буддийские реликвии, позволяют им еще при жизни называться Чакравартином, хотя, согласно доктринальному буддизму, чакравартин завоевывает мир, т.е. обращает всех в буддизм, мирными средствами.

Таким образом, наряду с образом минджи в качестве «отца народа» бирманский правитель рассматривался как божество, с помощью которого (или под властью которого) народ достигнет *нирваны*, т.е. в социальном смысле — счастливой жизни.

Материализация отношений между верховной властью и всеми подданными выражалась в выработанном буддизмом тхеравады особом понимании общественного устройства. Оно заключалось в том, что, с одной стороны, праведная жизнь, высоконравственные деяния (или заслуга) каждого индивида в предыдущих рождениях способствуют получению им более высокого статуса в настоящем. Однако, с другой стороны, это зависит не только от самосознания личности, но и от поощрения монархом народа к соблюдению дхаммы — моральной этики буддизма. Так религиозно-идеологическая концепция буддизма тхеравады освящала связь правителя с народом и способствовала консолидации государства.

Бирманский минджи был вершиной правящего слоя общества, построенного по должностной иерархии. Ему ежегодно приносили клятву верности все лица, имевшие чиновничий ранг, начиная от самого незна-

чительного, но возвышавшего его над простонародьем. Церемония сопровождалась определенным ритуалом и подношением даров правителю, который в ответ раздавал должности, владения, звания, отличия для каждого ранга.

Теоретически правитель назначал всех должностных лиц государства. Однако, как правило, срабатывали отношения «патрон—клиент», пронизывавшие по вертикали всю структуру управления. Поэтому минджи назначал лишь первый эшелон администрации и своих фаворитов. Далее все назначения производились по традиционной лестнице клиентуры. Министры определяли кандидатуры следующих за ними по рангу чиновников, а те, в свою очередь, нижестоящих. Высшие начальники защищали своих клиентов от царской немилости, помогали им в судебной защите и т.п. В ответ чиновник-клиент обязан был отплатить патрону личной преданностью, услугами и периодическими подношениями.

Подобная система таила в себе опасность злоупотреблений со стороны высших сановников, которые могли использовать государственные земли и труд населения, подвластного их клиентам—чиновникам низших рангов. Чтобы противодействовать этой тенденции, центральная власть сохраняла патриархальные традиции нечеткой дифференциации функций, их дублирования и дробления административной ответственности.

Столица была наполнена множеством правительственных учреждений и чиновниками всех рангов, особенно высшего. Это были и придворные сановники, и военачальники, и губернаторы провинций, и судьи, и крупные чины буддийского ордена — *сангхи*, и главы царских ремесленников и крестьян, обрабатывавших домениальные земли.

Верховным органом управления был Высший совет или Совет министров (*Хлудо*), в штат которого входили четыре главных министра (*вунджи*), четыре младших министра (*вундау*), глашатай, главные писцы и еще около 40 чиновников среднего и низшего звена. Через Хлудо шла передача царских указов и распоряжений по всей стране в территориальные и департаментские управления. Одной из главных функций департаментов было управление царским доменом и населением, обязанным службой правителю (ахмудан).

Второй совет назывался *Бьедай*, или Тайный совет. Его возглавляли четыре *атвинвуна*. Бьедай отвечал за безопасность покоев правителя, осуществлял контроль за передачей указов от правителя в Хлудо, следил за состоянием казны (*шуэдай*) и документации о назначениях чиновников. Находившиеся в постоянном контакте с правителем атвинвуны действовали как его личные советники, и часто их влияние было бóльшим, нежели министров Хлудо, формально имевших более высокий ранг. Из царской семьи, большого, разросшегося клана родственников (учитывая наличие не только нескольких «главных» цариц, но и целого гарема наложниц и фавориток), черпали кадры для элитарного слоя бюрократического аппарата государства. Представители царствующего дома составляли регламентированную иерархическую общность, где вершину представлял минджи (правитель), а близость кровного родства с ним определяла статус человека и соответственно размер содержания, т.е. налогов,

получаемых им с определенных населенных пунктов, районов или видов деятельности. Первыми на этой иерархической лестнице стояли сыновья и братья правителя, преимущественное положение занимал старший сын от «главной» царицы, наследник престола (*эйншемин*, или *юварадж*а). Он имел право не только на роскошный дворец и двор, повторявший в миниатюре царский, но и на трехтысячную гвардию и большое содержание от владений (или «кормлений» — *мьоза*), число которых в соответствии с «табелью о рангах» доходило до семи. Сыновья же наложниц получали в «кормление» не более одного владения.

Сыновья и братья правителя были, как правило, наиболее опасными его соперниками. При первой династии Таунгу узурпации трона имели место, однако при второй династии проблема престолонаследия в государстве была теоретически разрешена: старший сын «главной» жены минджи получал титул юварадж и соответственно приоритет при смене власти. Как явствует из генеалогической таблицы правящего дома, правило это в большинстве случаев соблюдалось при второй династии Таунгу.

Указы центральной власти, издававшиеся с конца XVII в., о запрещении членам царского клана жить вне столицы* (причем сами бывшие наместники лишались титулов и прерогатив и должны были управлять своими владениями через агентов, губернаторов, фаворитов правителя) резко сократили возможность возникновения сепаратизма и нестабильности в верхнем эшелоне правящего слоя, поставив его представителей под неусыпный контроль центральной власти через своих назначенцев и осведомителей. Если институт наместничества был уничтожен, то и другие крупные чины теперь, согласно источникам (при второй династии Таунгу), основную массу владений получали в центральной зоне, вблизи столицы. Доля таких владений составляла здесь 70% всех раздаваемых территорий.

Мьоза имели право на взимание той части налогов с населения, которая обычно шла государству при отсутствии на данной территории кормления. Обычно это составляло 7—10% общей суммы, кроме того, им поступали судебные штрафы. Если во времена Талуна проведение переписей и усиление центральной власти не позволяли мьоза сильно превышать свои полномочия, то к началу XVIII в. казна стала катастрофически пустеть из-за усилившихся вымогательств мьоза и коррупции аппарата. Это заставляло население нуклеарной зоны бежать на окраины страны, в джунгли, отдаваться под покровительство сильных лиц, переходить в долговое рабство или менять свой разряд ахмуданов, только чтобы избежать службы государству и лихоимства чиновников.

Во второй зоне высшего чиновничества было значительно меньше, чем в центральной, тем более что при восстановленной династии Таунгу наместников (*байинов*) практически ликвидировали, заменив их губерна-

* При первой династии Таунгу во владении байинов находились наиболее крупные города: Ава, Таунгу, Пром, Мартабан, Чиенгмай и др. Здесь «правили» ближайшие родственники царя. Менее значительные пункты (Сале, Салин, Тавой, Ньяунджан, Мьяунмья и др.) были отданы представителям боковых линий правящей семьи в качестве наместничеств, или во владение мьоза, т.е. служили формой оплаты службы чиновников.

торами — *мьовунами* из назначенных минджи*; владения мьоза были в большинстве случаев перенесены в нуклеарную зону, а сами «кормленщики» должны были переселиться в столицу. Таким образом, в этой зоне население — налогоплательщики-аги (ахмуданов здесь было немного) — находилось преимущественно под юрисдикцией местных традиционных властей, которые носили титул мьотуджи (*юватуджи* и др.), т.е. глав мьо. Мьо было сельской округой, состоящей из нескольких деревень, правда, число их сильно варьировалось — от нескольких сотен до единиц. Мьо носило название по главному населенному пункту, где жили мьотуджи, его семья, в которой статус главы мьо передавался по наследству. Для крестьян-ати, проживавших в мьо и занимавшихся преимущественно земледелием или рыболовством, мьотуджи были практически полновластными хозяевами, ибо они (или их помощники) собирали налоги, назначали на общественные работы, вершили суд, набирали солдат в армию и т.п.

С периода реформ Талуна централизаторские тенденции в государстве династии Таунгу привели к тому, что мьотуджи хотя и сохранили право на наследование этого титула, но должны были регистрироваться и утверждаться в столице, где они были обязаны предъявить документы (*ситтаны*) на право наследования мьо, сообщить о генеалогии семьи и ее владении мьо в предшествующих поколениях, рассказать о границах мьо, его размерах, землях, количестве населения и следуемых с него налогов (т.е. фактически отчитаться перед казной). И хотя мьотуджи были введены в иерархическую структуру администрации государства, их положение отличалось от положения чиновников низшего или среднего звена (особенно не связанных с правящей фамилией) стабильностью, преемственностью власти, что благотворно влияло на жизнь населения мьо, да и самого государства в целом.

Если мьоза как временщики были заинтересованы в извлечении максимальных доходов в кратчайшие сроки, то мьотуджи, наоборот, старались защитить население своих владений от жестокой фискальной политики мьоза и государства, удержать его от бегства в джунгли. Таким образом, мьотуджи на местном уровне были подлинными владельцами своих мьо и наиболее стабильной стратой системы администрации в стране. В качестве наследственных должностных лиц они способствовали интеграционным процессам в государстве Таунгу.

В первых двух зонах все свободное население четко делилось на два социальных слоя (если считать царскую семью отдельной стратой, то на три) — управляющие (*ахмудата́*), или чиновный люд, начиная с низших постов и до самых верхних, и управляемые, или простонародье, — *синьета́*. Существовал еще слой рабов, эксплуатация которых отличалась патриархальностью. Это были либо слуги, либо рабы при буддийских пагодах, либо зависимые должники. Последние получали свободу при условии выплаты долга.

* Согласно исследованиям, байинов во второй зоне вообще не отмечено, а из 347 мьовунов в период между 1635 и 1740 гг. лишь пять носили титул *мин*, т.е. были из родственников правителя.

Синьета как сословие в целом отличались от чиновников по своим правам и обязанностям: 1) они несли отработочные повинности и платили налоги (от чего были освобождены члены правящего клана и лица, входившие в иерархическую структуру чиновничества) и 2) не имели права участвовать в ежегодной церемонии присяги правителю, являвшейся привилегией и долгом «управляющих».

Ахмуданы, теоретически считавшиеся привилегированной частью простолюдинов, так как они служили правителю лично, несли военную службу, обрабатывали царский домен (одна из категорий ахмуданов — *ламайны*), выполняли натуральные повинности в пользу двора: например, работали гребцами, тюремщиками, различного рода мастерами в царских мануфактурах по производству утвари, специальной одежды, вышивки и т.д.

Как уже указывалось, ахмуданы составляли основную часть простолюдинов в нуклеарной зоне и были потомками тех, кого Талун вывел из Пегу в 1635 г., когда перенес столицу на север, а также военнопленных из шанских княжеств и Нижней Бирмы (монов и каренов), захваченных во время походов и войн первой четверти XVII в. Некоторые ахмуданы происходили от служилых людей, живших в так называемой «сухой зоне» еще с XIII—XIV вв., деревни которых были реорганизованы при Ньяунджане и Талуне.

Ахмуданы, как правило, жили в военных поселениях и разделялись на отряды (асу). Глава деревни, в которой располагались ахмуданы, был одновременно и командиром асу. Ахмуданы получали от государства землю, либо полностью освобожденную от поземельного налога, либо обложенную в $^1/_8$ — $^1/_4$ обычной ставки. Эта земля могла обрабатываться самим ахмуданом, либо сдаваться в аренду.

Определенная часть очередников из асу постоянно находилась на службе, выполняя свои наследственные обязанности. В случае войны все ахмуданы подлежали мобилизации в бирманскую армию и составляли наиболее сильный ее контингент. В мирное время на них падала основная тяжесть работ по поддержанию ирригационных сооружений в домене, строительству дорог, ремонту дворцовых сооружений, городских стен и т.д.

К XVIII в. теоретически стройная система разрядов простонародья, при которой был возможен переход (по браку) в другой разряд, получивший название *каппа*, оказалась подорванной значительно изменившимися экономическими условиями. Усиление эксплуатации ахмуданов, попавших в зависимость от огромного количества чиновников-начальников, наводнивших нуклеарную зону при второй династии Таунгу, привело к тому, что ахмуданы стали стремиться избавиться от государственного давления: переходили в другой разряд, бежали в джунгли, укрывались в монастырях, в домах богатых людей (*тугаун*) и даже предпочитали попадать в долговое рабство. Документы периода Таунгу изобилуют указами, запрещающими переход ахмуданов в другие асу или разряды. Бегство ахмуданов наказывалось клеймением беглого и припиской его с помощью татуировки к покинутому асу.

Ати — податное сословие преимущественно второй зоны — платило значительные налоги: подушный, а также поземельный в пользу государства или мьоза (если таковой имелся над мьо). Ати выполняли также различные общественно-принудительные работы (от которых теоретически освобождались ахмуданы) — работали на строительстве ирригационных сооружений, храмов, пагод, дорог. Во время войны ати составляли ополчение, на которое падали вспомогательные работы при движении армий: перевозка артиллерии, расчистка дорог в джунглях, строительство мостов и т.п. В целом ати находились под более слабым контролем государства и даже спасались от него с помощью своих традиционных наследственных лидеров — мьотуджи.

Рабы занимали наиболее низкую ступень в бирманском обществе. Основную их массу составляли должники, численность которых возросла к началу XVIII в., когда часть свободного населения, особенно в нуклеарной зоне, пыталась избавиться от государственного тягла и найти покровительство «сильных людей», возможности которых противостоять чиновничье-бюрократическому аппарату возросли с ослаблением государства Таунгу в 20—40-х годах XVII в.

Как полагают некоторые исследователи, «сильные люди» появились в начале XVII в., когда при второй династии Таунгу интеграция страны помогла восстановлению торговых связей центральной и южной Бирмы, что способствовало включению всей страны в морскую международную торговлю. Доходы от этой торговли получало не только государство, но и отдельные его представители, которые сумели обогатиться и привлечь на свою сторону часть беглого населения из нуклеарной зоны, лишив таким образом правителя материальных и людских ресурсов и соответственно ослабив казну.

Третью зону государства составляли в основном шанские и тайские княжества по северо-восточным и юго-восточным окраинам страны, а также территории, где обитали отсталые горные племена, жившие деревнями или общинами. Степень зависимости шанских князей (*собва*) от центральной власти была различной. Многие из них признавали двойной вассалитет — и от Бирмы, и от Китая или Сиама, причем играли на противоречиях своих соседей, неоднократно сталкивая их в войнах. Со времени династии Таунгу часть шанских князей приняла или была поставлена под сюзеренитет Бирмы. Это означало приносить присягу верности правителю, отдавать часть налогов или традиционной продукции княжества, принимать военный бирманский гарнизон во главе с *ситке*, который отвечал за положение в княжестве перед центральной властью.

Кроме того, дети князя со времени династии Таунгу должны были жить в Аве (дочери — в гареме, сыновья — в услужении или гвардии), а сам он был обязан приходить с ополчением во время военных экспедиций. Существовала разработанная система взаимоотношений государства Таунгу с шанскими князьями. Часть из них платила ежегодную дань, а некоторые могли признавать двойной суверенитет. Время от времени в период Таунгу Ава была вынуждена направлять военные экспедиции против проявлявших неповиновение княжеств или племен, обычно за-

вершавшиеся уводом части населения для пополнения рядов ахмуданов нуклеарной зоны.

* * *

С конца XVII — начала XVIII в. бирманское государство вступило в период упадка и дезинтеграции, как это уже не раз происходило в истории страны.

Главным фактором внутренней нестабильности оказалась, как и прежде, неспособность центральной власти контролировать правящую элиту (несмотря на все реформы), которая экспроприировала доходы и права центра и сузила базу, на которой держалась вся система государственного управления.

В обстановке не до конца урегулированных отношений престолонаследия (хотя и принявших более четкие формы при второй династии Таунгу), отсутствия корпоративизма в среде правящего класса в сочетании со всеохватывающей системой «патрон—клиент» существовала постоянная возможность создания группировок вокруг отдельных министров, каждая из которых выдвигала своего претендента на трон (обычно предпочтение отдавалось слабой личности, чтобы иметь возможность воздействия на нее). Так, в начале правления Саné (1698—1714) в результате борьбы двух соперничающих кланов министров Немьотихату и Твинтинджи первый был физически уничтожен и к власти пришел в качестве главного министра Твинтинджи, который поставил своих людей на все ключевые посты в государстве и фактически правил при Сане и его сыне Танинганве (1714—1733). При последнем правителе династии Таунгу, Махадхаммаязадипати (1733—1752), этот клан потерпел поражение в столкновении с новыми соперниками из кланов, возглавлявшихся другими министрами.

Все эти группировки и кланы стремились увеличить число своих клиентов в первую очередь за счет ахмуданского населения центральной зоны. Ахмуданы и ати, уклоняясь от возраставших налогов и повинностей, преимущественно со стороны государства, становились слугами или долговыми зависимыми «сильных домов» либо клиентами более сильных патронов. Делались попытки укрываться в монастырях, вступая в монашеский орден. Именно поэтому последние цари династии Таунгу постоянно издавали указы и распоряжения о запрете ахмуданам менять разряд, становиться долговыми рабами и монахами (см., например, эдикт Танинганве от 1728 г.), обязывая чиновников возвращать ахмуданов в их прежние подразделения. Участились также побеги населения из центральной зоны в другие под покровительство местной знати. В результате возрастали налоги и повинности тех ахмуданов, которые оставались в своих подразделениях в непосредственной близости от столицы.

К этому добавилось соперничество между фракциями элиты за возросшие в начале XVIII в. доходы от морской торговли (когда дельта начала оправляться от разорительных войн), а неразбериха во многих от-

раслях управления и переплетение функций между территориальными и департаментскими учреждениями способствовали обогащению «сильных домов», в руки которых попадали не только значительные материальные средства, но и людские ресурсы.

По-видимому, это стало причиной сужения государственного сектора экономики в нуклеарной зоне, а следовательно, и ослабления самого государства.

В условиях падения авторитета центральной власти и контроля ее учреждений, возрастания бандитизма, бродяжничества усилилась роль местных лидеров — мьотуджи. Стремясь защитить себя от бандитов и иноземных вторжений (см. ниже), население сельской местности сплачивалось вокруг мьотуджи. Последние укрепляли мьо, набирали дружины для охраны населенных пунктов, а перестав посылать налоги в центральную казну, даже начинали борьбу с соседями за увеличение своих владений.

К внутренним неурядицам в государстве Таунгу в начале 30-х годов XVIII в. добавились и внешние, в основном связанные с вассальными шанскими и лаосскими княжествами.

Возмущенные новыми поборами, в 1727 г. восстали жители крупнейшего из них — Чиенгмая. Они разгромили бирманский гарнизон, убили губернатора и пригласили на трон лаосского принца. Все три бирманские экспедиции против княжества успеха не имели. Другие северные княжества — Нан, Кентунг, Могаун и др. — также отпали от Авы.

Хотя Сиам, Китай, а также Аракан не вмешивались в бирманские дела*, у Авы появился другой враг — вассальное княжество Манипур.

Раджа Манипура Гариб Наваз (1714—1750), при котором завершилась трансформация этого горного княжества, начавшаяся в XVI—XVII вв. под влиянием канонов и стандартов индуизма, предпринял энергичные набеги на слабевшую бирманскую империю. За первым (неудачным) походом 1723—1724 гг. последовала целая серия новых начиная с 1736 г. Ежегодно манипурские всадники появлялись в долинах Иравади и Чиндуина, выжигая дотла деревни, разрушая буддийские храмы, разоряя поля. Жителей уводили в плен. В 1739 г. манипурцы дошли до Сагайна, города, расположенного на берегу Иравади, напротив Авы, и разорили его. Лишь вторжение в Манипур соперника Гариб Наваза — раджи Трипуры помешало манипурской коннице разгромить Аву в 1740 г.

Хотя при династии Таунгу в Бирму по-прежнему входили северная и южная части страны, при ее последнем правителе, Махадхаммаязадипати (1733—1752), внутренние противоречия привели к дезинтеграции государства.

Центральная власть не смогла удерживать в повиновении зоны, находившиеся в отдалении от столицы. Начали возрождаться местничество и регионализм, а губернаторы провинций стали превращаться в полновластных наместников. В правление Махадхаммаязадипати огромную власть имел губернатор Авы Маун Пу, который вскоре стал главным

* Лишь при араканском правителе Сандавизае (1710—1731) было совершено несколько набегов на долину Иравади, но после его смерти в Аракане снова началась анархия.

министром, ибо способствовал приходу к власти этого правителя. Как сообщает источник, Маун Пу фактически контролировал половину государства через свой клан, члены которого занимали ключевые посты в администрации, а также благодаря своей должности губернатора столицы. В 1735 г. он, например, создал собственные вооруженные силы в тысячу человек (из беженцев-ахмуданов), не согласовав это с правителем.

В 1748 г. в Сагайне (а затем в Таунгу) брат государя получил, практически отделившись от центральной власти, права байина или даже соправителя (*мин-байин*).

Роковой удар по государству Таунгу был нанесен с юга извечными соперниками бирманцев на территории страны — монами, которые к первой половине XVIII в. возродили Пегу. Сюда устремлялись беженцы из нуклеарной зоны, которых привечали местные власти. Благосостояние южной части страны также начало быстро возрастать с расширением в этот период морской торговли. В 1740 г. был убит бирманский губернатор Пегу, а моны провозгласили независимость и посадили на трон Пегу Смимтхо Буддакетти.

Последний, хотя и был монахом, возглавил армию монов, которая, уничтожая бирманские гарнизоны в населенных пунктах, стала продвигаться вверх по Иравади на север.

Захвативший в 1747 г. власть в Пегу Бинья Дала пообещал монам возродить былую славу Пегу. Полагая, что в воинской доблести ему подобает слава Байиннауна, он объединил силы монов своей армии с шанами и монами, поселенными около столицы, и весной 1752 г. захватил Аву. Махадхаммаязадипати с семьей был захвачен в плен и увезен в Пегу. Монская армия покинула центральную Бирму, считая, что с бирманской империей покончено.

Действительно, империя Таунгу погибла, но ее место очень скоро заняло новое бирманское государство.

Глава 28

СИАМ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

В начале XVIII в. Сиам оставался крупнейшим государством на Индокитайском полуострове. В 1689 г. вождь антифранцузского восстания Петрача был провозглашен правителем Сиама, Тенассерима, о-ва Пукет, Питсанулока, защитником Камбоджи и малайских султанатов Джохор, Паттани, Кедах.

Господствующий класс Сиама к XVIII в. численно возрос за счет должностных лиц с титулами *кун* и *мун*, вышедших из общинной верхушки. По сложившемуся к этому времени порядку простолюдин при определенных условиях мог рассчитывать на ранг по системе *сактина* до 10 тысяч. Система рангов сактина связывала лиц разного социального статуса в рамках вертикальной структуры, в определенной мере нейтрализуя размежевание общества на горизонтальные страты. В иерархии рангов сактина на верхних ступенях располагались лица, наделявшиеся традиционно-религиозным сознанием высшей благодатью (*бун*) и моралью (*тхамма*); им же принадлежали самые престижные вещи (дворцы, слоны, кони, паланкины, зонты и т.п.). Носителями высших рангов сактина были *пу ди* — «хорошие люди», обладатели «хороших вещей». Архаическое мифологическое мышление рассматривало вещь вкупе с ее изготовителем и одновременно владельцем. Эти архаические представления с течением времени трансформировались в иерархическую систему распределения трудовых ресурсов страны и произведенных ими «вещей».

В период поздней Аютии система рангов сактина имела 27 ступеней, охватывая весь народ. Самые престижные ранги по сактина — с 10 тыс. до 100 тыс. — присваивались *упарату* (соуправителю), главам *кромов*, наместникам провинций — выходцам из семьи правителя. Титул знатности в обществе Аютии не был наследственно закреплен. Потомки принцев получали более низкие ранги знатности (до 500) и могли переходить в разряд простолюдинов. Но, будучи включенными в состав знати — *куннанг*, служилые семьи получали привилегии: они без выкупа освобождались от государственных работ, имели, хотя и ограниченное, право на передачу личного имущества по наследству, в суде куннанг могли представлять другие лица. Но к лицам с более высокой степенью сактина общество предъявляло более высокие требования в соблюдении норм нравственности. В случае нарушения их лицо с более высокой степенью сактина подвергалось и более суровому наказанию.

Низшим рангом сактина для простолюдина было 10 *рай*: ниже шли рабы, потомки рабов и нищие. Глава домохозяйства имел 20 рай и в силу этого мог распоряжаться рабочей силой всех членов семьи, которые имели низшие ступени по сактина. В то же время сам он подчинялся приказам лиц с более высокими рангами по сактина. Ранги в 50 рай имели

ГОСУДАРСТВА ИНДОКИТАЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА В XVI—XVIII вв.

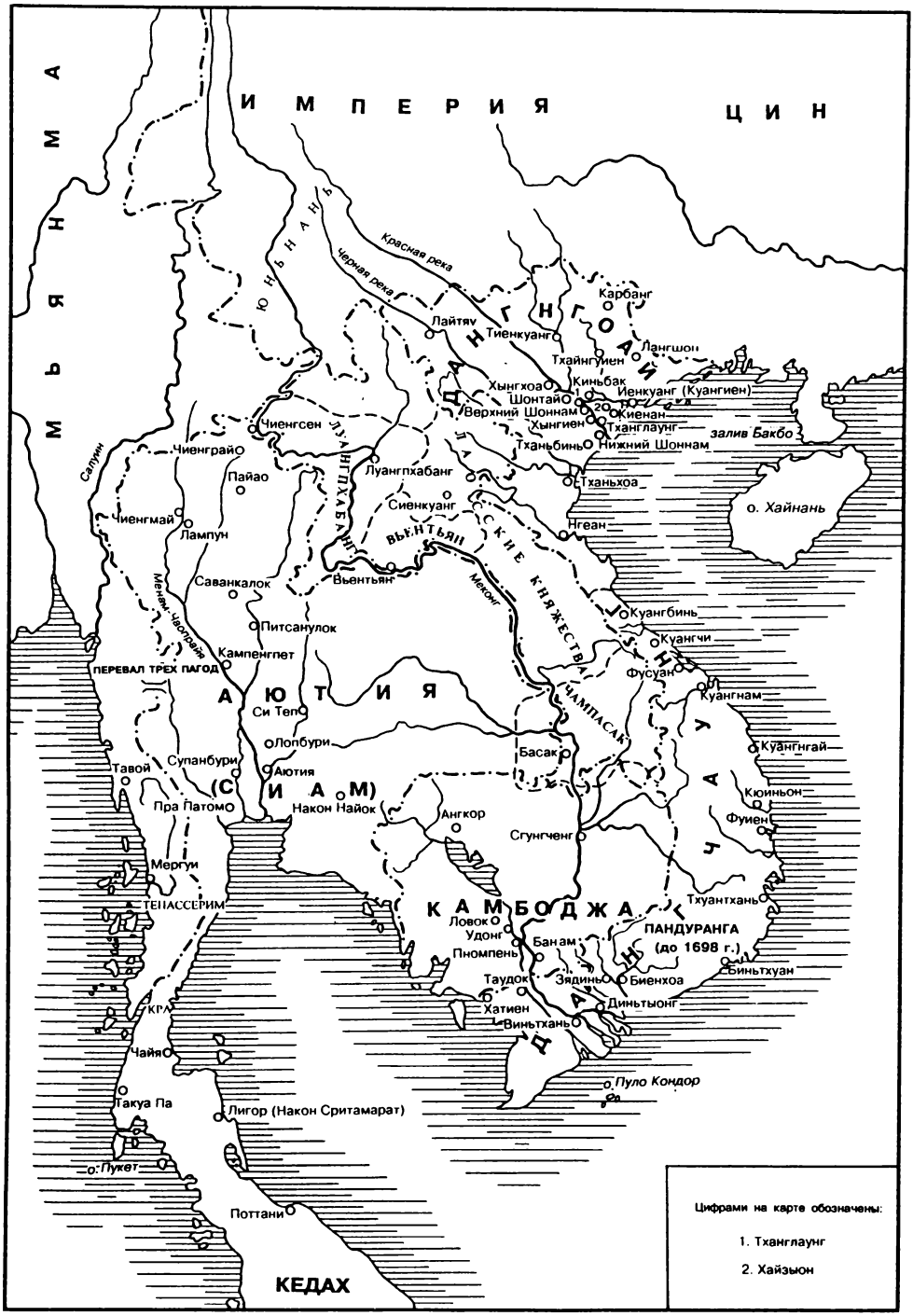


Рис. 20

командиры небольших отрядов солдат; солдаты, овладевшие искусством стрельбы из пушек; ремесленники, ценившиеся за мастерство, особенно в оружейном деле. В данном случае ранг не отражал реального общественного положения ремесленника, выделяя его как создателя престижных либо редких «вещей».

К XVIII в. система рангов (или достоинств) далеко ушла от своих истоков, которые питали ее с XIII в. и состояли в пожалованиях дохода с земли членам семьи правителя. В XVIII в. связь с доходом с определенного участка земли (*на*) была утрачена получателем ранга. Но ранг довольно точно соотносился с долей в общей массе централизованной ренты-налога, приходившейся на долю получателя, регулировал взаимные права и обязанности членов общества сверху до низших этажей иерархии. Такой порядок стабилизировал социально-политическую структуру, укреплял систему распределения. Верхи общин входили в состав господствующего класса в силу своих социально-экономических позиций: они эксплуатировали слои с низшими рангами сактина, сами подвергаясь эксплуатации со стороны государства.

Клановая сплоченность, на чем была основана система рангов сактина, к XVIII в. слабеет, ей на смену приходит осознание эксплуататорскими слоями общности социально-экономических интересов, отличных от интересов эксплуатируемой массы. И эта тенденция укрепляется на протяжении XVIII в. Верхние слои общин в экономически наиболее развитых (южных) районах Сиама в силу специфических торговых интересов оказались ближе к китайскому капиталу, чем к своим верхам и низам.

Смена парадигм, взглядов на свое общество отразилась и в сфере идеологии: памятники индуизма в XVIII в. уже не осознавались народом как святыни, часть их была разрушена временем.

Система рангов сактина в XVIII в. отражала лишь часть социальной реальности. Общество этого периода было четко дифференцировано в зависимости от отношения к шестимесячным безвозмездным работам на государство и уплаты налога. От работ на государство освобождалась знать-*куннанг* (ее высший слой составляла семья правителя), противостоявшая простолюдинам-*прай*, т.е. членам общества с рангами от 10 до 350 рай: это было податное население, обязанное выполнять государственные работы и платить налог в рисе с земли. Ниже прай находились «рабы» — *тхат*.

В социальной структуре Аютии прай были самой многочисленной социальной категорией, сохранившей свою дееспособность и более высокий общественный статус, чем «рабы». В списки прай заносились имена мужчин, женщин и детей. С XVII в. в состав прай включались *прай луанг* (земледельцы, подданные правителя) и *прай суэй*. Прай луанг безвозмездно работали на государство по шесть месяцев в году. У прай суэй эти работы были заменены взносом натурой ценных продуктов, шедших на внешний рынок. Сохранилась и категория *прай сом* — земледельцев, приписанных к должностным лицам в качестве слуг (гребцов, охраны и т.п.). В первой половине XVIII в. численность этой категории стала возрастать. Должностные лица в обход установленных законом норм

приписывали себе большее число прай. Прай сом выходили из разряда податных, что ослабляло силу государства, но делало переход в разряд прай сом притягательным для прай, освобождавшихся таким образом от государственных работ. О размывании слоя прай луанг свидетельствуют многие указы первой половины XVIII в.

Стремясь воспрепятствовать этому процессу, активизировавшемуся в связи с закрытием страны для внешней торговли и ухудшением материального положения прай, господствующий класс усилил регулирующую деятельность политической надстройки. Указ 1710 г. обязывал *най* (хозяев) оказывать помощь тем прай, которые попали в затруднительное положение. Указы 1711 и 1722 гг. требовали от должностных лиц разыскивать прай, приписанных к их *му*-отрядам, в том числе прай, ушедших в буддийские монастыри. Указ 1744 г. пытался воспрепятствовать злоупотреблениям должностных лиц при регистрации прай луанг, требуя присутствия *чао крома* или его заместителя, *палат крома*, возглавлявших приказы, ответственные за регистрацию населения.

Переход в разряд прай сом был не единственной возможностью выхода из податного состояния: в первой половине XVIII в. стало возрастать число «рабов», т.е. лиц, «свобода» которых была заложена или продана. По закону каждый прай луанг имел, в зависимости от пола и возраста, цену, выраженную в раковинах каури. При продаже «свободы» за сумму ниже половины стоимости, указанной в законе, акт продажи фиксировался в документе, который регистрировался в особом ведомстве; при этом должны были наличествовать поручители сделки. Заклад «свободы» обычно совершался в силу «тяжелых обстоятельств», на что указывалось в документе о закладе. Прай, часть свободы которого была заложена, становился *тхат* с правом выкупа. Хозяин долгового раба не имел права на полное распоряжение им, т.е. не мог его перепродать новому хозяину, продать в полное рабство, убить, жестоко наказать. Проданный за часть цены в долговую кабалу, прай оставался прай луанг — «подданным правителя», т.е. был обязан выполнять безвозмездные работы на государство. Но срок последних указом 1724 г. был снижен до четырех месяцев. Форма использования труда таких тхат в хозяйстве их новых владельцев не совсем ясна. Чаще всего закладывали «свободу» женщин и младших членов семьи, их труд использовался в основном в работах по дому.

Проданные за полную стоимость прай становились полными тхат-рабами. Составления документа и наличия поручателей в этом случае не требовалось: такая продажа была рыночной сделкой, и раб поступал в полное распоряжение хозяина. Косвенные данные указывают на укрепление экономических позиций общинной верхушки (най) в южных районах. Тхат поступали в распоряжение богатых най; социальная категория собственников рабов стала экономически значимой к началу XVIII в. Рабами считались военнопленные, потомки рабов, семьи, переданные монастырям навечно. Вся категория полных рабов-тхат освобождалась от выполнения безвозмездных работ на государство. Поступая в частное владение должностных лиц, монастырей, общинной верхушки, рабы расширяли сферу частнособственнических отношений.

Рост экономической мощи най южных провинций влиял на внешнюю политику правящих кругов Аютии. В 1722 г., после долгого перерыва, в Китай была направлена миссия с дарами и предложениями закупить рис в Сиаме. В письме, которое миссия доставила ко двору в Пекин, отмечалась низкая цена сиамского риса. В том же году для южных районов Китая, где случился недород, в Сиаме закупили 300 тыс. пикулей риса. С этого времени рис регулярно направлялся в Фукен. Торговые операции вели китайские купцы, проживавшие в Сиаме. Увеличился флот джонок: в 1744 г. сиамские власти разрешили китайцам сооружать джонки в Сиаме, направляя их для регистрации в Китай. Развилась внешняя торговля сельскохозяйственными продуктами. На этой основе рос местный китайский торговый капитал. Отсутствие нивелирующего фактора в ценообразовании, большая разница в ценах способствовали получению высокой нормы прибыли.

Внешняя торговля рисом стимулировала ведение товарного земледельческого производства. Товаризованный рисопроизводящий приморский район в XVIII в. по многим показателям противостоял натурально-потребительским районам традиционного земледелия.

Поддерживая рыночные отношения, государственная власть в то же время пыталась ограничить чрезмерное социально-политическое усиление торговой прослойки и опереться на традиционную знать. Острый конфликт между столичной знатью и обладателями торгового капитала возник в 1733 г., когда умер внук Петрачи Тайсра (1709—1733), назначивший соуправителем (*упаратом*) своего брата Боромакота. Против него выступили почти все крупнейшие должностные лица столицы, поддержавшие сына последнего правителя.

По словам таиландского историка Дамронгта, в столице развернулась настоящая гражданская война. Боровшиеся за власть партии готовились к ней открыто, в столице сооружались укрепления. Нет достаточных материалов, чтобы судить, кто же поддерживал упарата, но, по-видимому, это были силы, связанные с рынком, а не с традиционной системой распределения. Конфликт закончился победой Боромакота (1733—1758). В этой войне погибли многие представители столичной знати. Должностные лица, которым удалось спастись, бежали из столицы. После этих событий столица, по словам историка, обезлюдела.

Известна еще одна попытка изменить политическую структуру страны в интересах слоев, связанных с рынком: во время паломничества Боромакота по святым местам 300 членов китайской торговой колонии попытались захватить дворец, но в развернувшемся сражении были разбиты. Это заставило Боромакота ввести запрет на занятие государственных должностей лицами, не получившими образования в буддийских монастырях; таким образом ограничивались возможности занятия государственных должностей выходцами из китайской общины, получившими доступ к ним в начале XVIII в.

Правление Боромакота, продолжавшееся двадцать пять лет, отличалось устойчивостью: в таиландской историографии оно характеризуется как «золотой век». При нем сооружались новые храмы. При дворе пра-

вителя в Аютии поэты перелагали и пересказывали в поэмах и драмах содержание считавшегося священным текста «Рамакиен». Эти же сюжеты использовал придворный балет в пантомимах масок и в классическом танце. Разработка сюжета «Рамакиен» была привилегией поэтов — членов семьи правителя, заложивших на основе традиционных образов принципы классической сиамской драматургии. Последняя основывалась на трех видах драмы: *кон*, *нанг* и *лакон*. Кон использовал пантомиму, в которой участвовали мужчины-актеры в масках. Цвет маски ассоциировался с героем и его характером: маска Рамы была зеленой, Лакшмана — золотой, Ханумана — белой, Сугривы — красной. Текст читали декламаторы за сценой. Представление сопровождалось игрой оркестра и пением сидящих на сцене певцов. Каждый жест и движение актеров имели традиционное символическое значение.

Нанг (теневой театр) вырос из шаманского ритуала вызывания душ умерших предков. Лакон — классический сиамский театр без масок. Придворный театр именовался Лакон най, в нем разыгрывались эпизоды из «Рамакиен», из поэмы «Инао», рассказывавшей о приключениях яванского героя Унарут. Роли в Лакон най исполняли женщины.

Драма лакон использовалась и народным театром, где она называлась *лакон нок*. Последний особенно охотно прибегал к роману «Кун Чан Кун Пэн». В его основу положен рассказ о похождениях Кун Пэна, воина при дворе одного из правителей Аютии. Занятные, комические и трагические эпизоды романа увлекали слушателей не меньше, чем рассказы о Раме.

В изложении событий романа не придерживались строгой последовательности: сюжет был открыт для включения в него новых рассказов, обрастая на протяжении времени все новыми эпизодами. В XVIII в. его свели в несколько вариантов, составленных стихотворным размером *клон* — народным стихом, противостоявшим придворному стилю *рачасап*. Все известные виды клóна, бытовавшие в народной поэзии, известны под общим названием *клон кап ронг* — стих с пением, исполнявшийся под инструментальный или вокальный аккомпанемент. Он импонировал слушателям особенностями мироощущения и способами изображения действительности.

В жизни сиамского общества продолжались перемены, определившие направление его дальнейшего развития. Локальные крестьянские выступления начала XVIII в. и сепаратистские устремления местной знати, привлекавшей к участию в мятежах и земледельческое население, сменились полосой относительного спокойствия. Но в середине XVIII в. появились признаки ухудшения положения земледельцев. Из Указа правителя, датированного 1748 г., следует, что прай луанг находились подчас в худшем положении, чем даже тхат.

Указ 1752 г. констатировал широкое распространение «шаек бандитов» — *наклэнг*. С официальной точки зрения участник в наклэнг считался «бездельником», «жуликом», а в народе сложился образ храбреца, всегда готового к схватке, преданного друзьям и родственникам. Наклэнг формировала энергичная молодежь, которой деревня поручала организа-

цию защиты. Не отрываясь от земледельческих занятий, наклэнг создавали формирования с внутренней иерархией и междеревенскими связями. Рост к середине XVIII в. налогового бремени, признаки инфляции активизировали действия наклэнг, приступивших к перераспределению богатств деревенской верхушки в интересах всей деревни. В среде тайских крестьян подобные действия не осуждались, поскольку члены общин воспринимали потерю или приобретение имущества либо скота с точки зрения интересов общины в целом, а не отдельных лиц. При подобном понимании соотношения частной и коллективной собственности действия наклэнг оправдывались традиционной моралью и даже не пресекались местной властью, которая фактически признавала их как законные, стараясь удержать тем не менее в определенных рамках. Но, по-видимому, в середине XVIII в. действия наклэнг в связи с обеднением деревни приобрели такой угрожающий характер, что вызвали беспокойство центральной власти, воспринимавшей распространение «бандитизма» как показатель разорения деревни.

Иноэтническое население, в котором преобладали китайцы, не привлекалось к выполнению безвозмездных работ на государство, что открывало перед ним благоприятные возможности для занятий торговым земледелием и промыслами. К середине XVIII в. денежные средства у этой социальной группы были значительны.

На усиление позиций торговой прослойки указывает и политика правящих кругов. Преемник Боромакота Экатат (1758—1767) обнародовал указ об унификации в интересах торговли системы мер и весов на территории государства.

В 1759 г. на страну вновь двинулись войска Бирмы. Как метко заметил французский миссионер Тюрпен, «для сиамского монарха лучше было бы иметь железо, чтобы ковать оружие, чем слитки золота, которые возбуждают алчную зависть соседей». В 1766 г. Аютия подверглась новой осаде бирманских войск. В апреле 1767 г. город был захвачен и сожжен, казна отправлена в Бирму. Туда же как военнопленные попали семья правителя, представители столичной знати.

Борьбу за независимость возглавил наместник провинции Так, выходец из китайской семьи, адаптированный в тайской служилой среде — Пья Таксин. Он опирался на китайскую деловую общину и экономически развитые районы юга страны. По словам французского миссионера Корре, очевидца событий, «быстрое восстановление сиамской экономики после бирманского вторжения и падения Аютии оказалось возможно благодаря местным китайцам». Независимость Сиама была восстановлена в 1768 г.

Глава 29

ВЬЕТНАМ В XVIII в.

СЕВЕРНЫЙ ВЬЕТНАМ

В начале XVIII в. экономический кризис в Дангнгоае, которым заканчивалось правление *тюа* Чинь Кана (1682—1709), сочетался с социальным и политическим. С 1702 по 1708 г. стихийные бедствия, засухи и наводнения вызывали то региональный, то повсеместный голод. Бегство крестьян носило массовый характер, и раздачи «рисовой помощи» не спасали положения. Одним из последствий всех этих бедствий в Тханьхоа и Нгеане было бегство солдат, рекрутировавшихся исключительно из этих двух провинций. Стала очевидной необходимость военной реформы, но для этого нужна была политическая воля.

В 1702 г. завершилось шестилетнее «премьерство» Ле Хи, политического экстремиста и авантюриста во внешней политике. Его постоянная напряженная борьба на западе с лаосским княжеством Чаннинь привела к определенным успехам, но на севере нунгские горские князья, которым покровительствовали Цины, не признавали установленных вьетнамцами границ и делили свои земли по собственному усмотрению.

Деятельность Ле Хи вызвала появление в столице оппозиции, которой руководили бывшие крупные чиновники. Однако до открытого выступления дело не дошло: Ле Хи умер своей смертью. Из семилетней «ссылки» в Палату цензоров был возвращен и назначен главой Чиновничьего совета старый противник Ле Хи, сподвижник Чинь Кана во время первого его периода правления — Нгуен Куан Ньо. Это означало перемену политического курса: активность во внешней политике снизилась, больше внимания стало уделяться внутренним проблемам. Одним из первых «пожарных» мероприятий нового премьера стало уменьшение фискального притеснения голодающих провинций Нгеан и Тханьхоа: там отменили налоги, а имущество беглых солдат велено было передавать не центральному Военному ведомству, а местным деревенским или провинциальным властям.

В 1703 г., после долгих колебаний правителя и ожесточенной придворной борьбы, началось возвышение молодого и энергичного правнука Чинь Кана: по просьбе заместителя главы (*бой тунга*) Чиновничьего совета Нгуен Кюи Дыка 18-летний Чинь Кыонг получил высокий титул и стал наследником тюа. Против назначения Чинь Кыонга наследником в 1704 г. выступили два его двоюродных деда, настаивавших на своих правах старшинства. Заговор был раскрыт, его участники наказаны. Военные правители окраинных провинций были устранены от непосредственного управления своими территориями и, в соответствии с повсеместно распространенной в ЮВА практикой, их обязали жить в столице.

После этого Чинь Кьонг стал прибирать к рукам власть, которая уже была в тягость старому Чинь Кану. Последовало назначение на ответственные посты многих приверженцев молодого наследника. В 1705 г., еще при жизни императора Ле Хи Тона, на трон вступил его сын Ле Зу Тон (1705—1729). Закрепив за собой власть, новая администрация стала проводить неотложные мероприятия в аграрной сфере: по случаю воцарения Ле Зу Тона по всей стране была отменена пятая часть летних налогов, а в пострадавших от неурожаев провинциях прощали недоимки начиная с 1703 г. Возвращавшимся беглым обещали еще бóльшие поблажки. С 1707 г. крестьянам, убежавшим из своих общин после 1702 г., прощались все налоги и повинности на пять лет, а тем, кто уже вернулся, но был беден, — подушные налоги на три года вперед. Чтобы привлечь на свою сторону армию, новые власти установили пенсионное жалование для офицеров и солдат. Правда, оно было весьма архаичным: офицерам выдавалось по 5—6 га ненаследственной земли в общине и предоставлялось освобождение от налогов, а солдатам — около 1,5 га. Сыновья убитых солдат освобождались от повинностей. Задобрив войска, правительство провело и другую меру безопасности: в качестве превентивной антиповстанческой акции было объявлено о срочном разборе судебных дел в провинциях.

Поначалу Нгуен Куан Ньо еще играл значительную роль в управлении государством, но его позиции все более теснил его заместитель Нгуен Кюи Дык. Именно благодаря усилиям Дыка работа центрального аппарата стала более упорядоченной и эффективной, главным образом потому, что подчиненная тюа гражданская администрация охватывала основные, хотя и не все, аспекты государственного управления. От реформирования структуры аппарата власти перешли к контролю за его функционированием. В 1707 г. провели срочную чистку кадров в провинциях. Началась проверка судебных разбирательств и оценка работы чиновников. Была усилена роль среднего звена служащих государственного аппарата при выдвижении и назначении новых кадров.

В 1708 г. премьер-министра Нгуен Куан Ньо заменил ставленник Чинь Кьонга — Нгуен Кюи Дык. Вся реальная власть перешла к наследнику, хотя формально он получил ее только в 1709 г., после смерти Чинь Кана. Именно в это время внутриполитические мероприятия правительства стали более решительными, но поначалу они были направлены на воссоздание порядков «старого доброго времени». Находясь под влиянием Нгуен Кюи Дыка, Чинь Кьонг прокламировал правила периода правления под девизом Виньчи (1676—1688). В соответствии с ними столичным чиновникам полагалось не прибегать к поддержке «могущественных» людей; военным чиновникам — честно обучать солдат (не эксплуатируя их); местным чиновникам — не угнетать народ. Гражданские чиновники должны были быть образцом честности, а «слуги», близкие к правителю, — преданности. Военные чиновники должны были соблюдать устав, а народ — отличать плохое от хорошего.

Воспользовавшись сравнительно благоприятным периодом 1708—1711 гг. для активного укрепления системы дамб в стране, Чинь Кьонг

начал в конце этого периода решительные реформы в аграрной сфере. При этом, действуя методом проб и ошибок, он попытался поначалу воссоздать архаичную структуру средневековой вьетнамской общины. В связи с этим в 1711 г. были декларированы новые правила распределения общинных земель, чем должны были заниматься специально назначенные чиновники. Численность земельных паев, выделяемых из общинного фонда, устанавливалась по количеству тягловых в семье. Если площадь привилегированных земель, полученных членом общины за службу, или «личных» земель, возделанных после 1669 г. и потому не облагаемых налогом, была равна либо превосходила величину общинного пая, которым пользовался член общины, то в этом случае общинный пай ему не выдавался, т.е. «право» на привилегированные и «личные» земли (последние не были юридически оформлены) частично упразднялось. Скрываемые и таким образом «высвобожденные» от налогообложения земли должны были включаться в число общих земель, распределяемых по паям. Все это било по интересам в основном крупных владельцев земли, так как только у них ранее были средства и возможности заставить местные власти закрывать глаза на финансовые нарушения.

Был также подтвержден запрет на продажу общих и аллювиальных земель, что затрудняло их концентрацию и образование крупных поместий. Тогда же было строго запрещено кому бы то ни было образовывать на своей земле поместья (*чанг чай*) и сажать в них беглых крестьян. За нарушения полагались строгие наказания. Лишь те беглые, которые в новых общинах осваивали целинную или заброшенную землю, могли получить официальный статус тягловых крестьян. Все это нарушало сложившуюся в деревне систему аграрных отношений, во многом базировавшуюся на эксплуатации крупными и средними частными землевладельцами крестьянства, сидевшего на укрываемых от обложения и продаваемых помещикам общих и наносных землях.

Столь грубое вмешательство властей во внутриобщинную земельную структуру вызвало резкое недовольство верхнего слоя деревни, что выразилось в сопротивлении богатых землевладельцев и в саботаже ими предлагаемых правительством мероприятий. 1712 год принес голод, 1713-й — голод и наводнение, 1714-й — засуху, 1715-й — страшную эпидемию в Нгеане. На фоне этих бедствий росла волна народного недовольства. В 1713 г. вспыхнуло длившееся год восстание в Куангнине, в 1714 г. — восстание в Шонтае, в 1715 г. — оппозиционные выступления в Шонтае и Киньбаке. Не помогали ни экстренное сокращение расходов на религиозные нужды и прекращение храмового строительства, ни отказ от половины внутренних таможенных сборов. Чтобы пополнить казну, Чинь Кьонг ограничил расходы на дворцовые нужды, а в 1713 г. изъял часть доходов у титулованной знати, гражданских, военных и отставных чиновников, а также были собраны деньги с зависимых крестьян, прикрепленных к указанным лицам и учреждениям. Но положительного эффекта от всех этих действий не было.

Почувствовав провал своей политики, Чинь Кьонг решил сменить верхний эшелон чиновничества, отдалив от себя Нгуен Кюи Дыка и

приблизив Нгуен Конг Ханга. Постепенно осознавая необходимость отказа от ориентации на «установки древности», тюа в 1716 г. отменил «постоянное обложение». Отныне общины должны были ежегодно платить не зафиксированные в 1669 г. раз и навсегда подушные налоги, а ту сумму, которая соответствовала реальной численности живущих в этих общинах налогоплательщиков, а также размерам и качеству земли, которой они обладали. Так был сделан первый шаг к официальному признанию государством значимости индивидуального хозяйства, выделению его из рамок общины.

Развивая эту тенденцию в аграрной политике, правительство в 1719 г. провело генеральный обмер всех земель, что выявило реальную картину распределения земли и среди богачей, и среди бедняков. Отныне каждый общинник должен был платить налоги в соответствии с точными размерами своей земли, площадь которой, естественно, значительно изменилась по сравнению с зафиксированной земельной переписью 1669 г. При этом налоговые ставки с различных категорий земель, общих и частных (так теперь стали называть «личные» земли), не различались.

С одной стороны, это значительно утяжеляло налоговые подати тех общинников, в составе земельных владений которых частные земли составляли существенную долю, ибо, как уже отмечалось, раньше «личные» (т.е. частные) земли вообще не облагались налогами. С другой стороны, наконец-то наряду с держаниями общих и привилегированных (*лок диен*) земель были официально признаны права индивидуальных владельцев на частные (бывшие «личные») земли, вне зависимости от того, находились ли их обладатели на службе. Если ранее государство просто «не замечало» эти земли, а потому освобождало их от налогообложения, то теперь владение частными землями было юридически зафиксировано. Хотя за них и надо было платить большие налоги, но владелец имел право передавать их по наследству и не служить, а государство и община не могли отнять их без особо веских причин. Теряя на уплате налогов, владельцы частной земли выигрывали в приобретении прочного юридического статуса своих владений, более не подвластных произволу ни со стороны местных, ни со стороны центральных властей. На свет выходила теневая экономика, которая за полвека своего существования приобрела грандиозные масштабы. Юридическая фиксация наследственного частного землевладения значительно продвинула северовьетнамскую аграрную структуру в сторону европейской модели развития.

Получив юридическое признание, частные землевладельцы перешли в наступление на правительство и заставили власти резко снизить налоги на их земли. В 1722 г. была освобождена от налогов часть частной земли чиновников, причем каждому чиновничьему рангу полагалось определенное количество не подлежащей налогообложению земли. Человек, имевший частную землю, при поступлении на службу юридически оформлял ее в качестве свободного от налогообложения, привилегированного владения. Налогом облагалась лишь та часть владения, которая превышала ранговую норму данного чиновника. Если же владение чиновника было меньше его ранговой нормы, то «недостаток» возмещали жалованьем

ем «от двора». Этим был сделан первый шаг к переводу чиновников на денежное жалованье.

В 1723 г. юридическая и налоговая реформа Чинь Кыонга в аграрной сфере получила свое завершение: налоговые ставки с частных земель были снижены приблизительно в четыре раза по сравнению с взимавшимися с общих земель. Тем самым было признано наличие ренты, которую могли присваивать себе частные землевладельцы, а именно — разницу между ставками налогообложения общей и частной земли.

Последняя земельная перепись проводилась в 1725 г. По-видимому, Чинь Кыонг был удовлетворен ее результатами, так как принял решение в дальнейшем переписей не производить, а лишь вычеркивать умерших и вносить в списки лиц, достигших совершеннолетия.

Осуществляя налоговую реформу и избавляясь от внереестровых и экстраординарных налогов, Чинь Кыонг установил и новые подушные ставки, снизив их среднюю норму по сравнению с предшествующим периодом. При этом молодежь, старики и учащиеся платили половинную ставку, а титулованная знать, чиновники, монахи и родственники знати и чиновников вообще ничего не платили.

Государственная трудовая повинность была заменена денежным сбором, равнявшимся по величине подушному налогу. На эти деньги чиновники нанимали рабочих, которые выполняли работы взамен государственной барщины.

Был установлен также новый вид налога на горожан. Все люди, живущие в городах, облагались единообразным денежным налогом, пропорциональным, по-видимому, их доходам, но не менее чем 10 донгов. Прагматизм нововведения заключался в том, что новый налог брался в соответствии с реальным имущественным состоянием и местом проживания человека, а не по формальной «прописке», так как большая часть горожан была приписана к деревенским общинам.

Высокодоходной отраслью в Дангнгоае в начале XVIII в. была горнодобывающая промышленность. Государство передавало шахты государственным «экономическим» чиновникам, использовавшим труд шахтеров-*нунгов*, и китайским промышленникам, эксплуатировавшим рабочих-китайцев. Численность занятых на шахтах была довольно значительной: в 1717 г. Чинь Кыонг ограничил число работающих на одной шахте, определив, что их должно быть от 300 до 100 чел. На практике же количество рабочих доходило до тысячи. На расположенных в северных пограничных провинциях шахтах добывали свинец, медь, серебро и золото. Там же находились плавильные заводы и подсобные производства. Часть продукции шла на экспорт, в основном в Китай.

Большое значение в налоговых поступлениях казны имел сбор «местных продуктов». «Местные продукты» взимались преимущественно с горного и приморского населения, занимавшегося разного рода промыслами и не платившего поземельный рисовый налог. Иногда промысловый налог брался не только вместо поземельного, но и вместо подушного, а в некоторых случаях заменял также воинскую и трудовую повинность. В счет этих налогов и повинностей в казну с гор поступали цинк,

свинец, медь, железо, золото, серебро, уголь, сера, селитра, ценные сорта древесины, сурик, а с морского побережья — рыба и рыбный соус. Из разных частей страны в столицу поставлялись сахарный тростник, шелк, водка, масла, лак, бумага, украшения, благовония. В стране имелось практически все, что служило сырьем для самых различных ремесел.

В торговле Чинь Кыонг действовал более противоречиво, чем в сфере промышленности. С 1723 г. на внутренних таможнях пошлины взимались в размере $^1/_{40}$ стоимости товара. Таких таможен, стеснявших развитие торговли, в Дангнгоае было всего около дюжины. В то же время в 1715 г. Чинь Кыонг отменил запрет на частную торговлю медью, солью и корицей. Торговля стала быстро расти, особенно экспортная торговля красной медью и корицей. Но в 1717 г. свободный экспорт меди и корицы был запрещен, впредь их можно было вывозить только по правительственной лицензии, выдававшейся канцелярией тюа, а внутри страны — торговать по лицензии, полученной от чиновников, собиравших налоги с торговли медью и корицей. Чиновники, связанные с внешней торговлей, сами активно участвовали в торговых операциях, скупая и продавая сырье и готовые изделия. Для развития торговли в 1724 г. были проведены работы по расчистке речных путей в Нгеане и Тханьхоа. В 1721 г. были введены налоги на добычу и торговлю солью. Солевары обязывались сдавать государству 20% продукции, торговцам солью предписывалось закупать сначала государственную соль, и лишь затем — частную. Вся торговля могла вестись только по лицензиям.

Периодически провозглашая возвращение к старинным методам управления — то периода Хонгдык (вторая половина XV в.), то периода Виньчи (1676—1688), — Чинь Кыонг проводил в административной сфере сугубо прагматичную политику, уделяя большое внимание превращению как провинциального, так и центрального аппарата в хорошо отлаженный и работоспособный механизм.

В 1718 и 1720 гг. были проведены ревизии работы гражданских губернаторов провинций, а затем — проверки одного определенного вида деятельности сразу по всем ведомствам, что давало возможность сопоставить их эффективность. Гражданские губернаторы десяти провинций должны были отвечать за сбор налогов, развитие сельского хозяйства, организацию трудовых работ по строительству и защите дамб, перевозку грузов, ведение судебных дел, организацию борьбы с разбойниками, предотвращение злоупотреблений со стороны экономически и социально доминировавших общественных групп, налаживание военного дела. Второй фигурой в провинции был военный управляющий из администрации тюа, который в известной мере дублировал функции губернатора, занимаясь борьбой с разбойниками, разбором судебных дел злоумышленников, ремонтом дорог и дамб, укреплением пограничных застав и набором солдат.

В 1718 г. Чинь Кыонг образовал в центральной гражданской администрации тюа, существовавшей параллельно с декоративным аппаратом Ле, вместо прежних трех — шесть учреждений (*хюенов*), выполнявших функции шести традиционных императорских ведомств (*бо*). После этого

деятельность императорской администрации потеряла всякое значение. Одновременно были созданы шесть специальных налоговых учреждений, взявших на себя функции Ведомства финансов по отношению к провинциям, что способствовало более эффективному сбору налогов. В итоге численность чиновников и потребность в налогах резко возросли, но решение практически всех государственных вопросов стало зависеть только от правителей династии Чинь. Одновременно Чинь Кыонг повысил эффективность периферийной военной администрации, требуя от нее быстроты передачи информации и выполнения приказов. Особое внимание уделялось подаче информации о «мятежниках», восстания которых государство в этот период успешно предотвращало.

Значительные изменения произошли в принципах формирования административного аппарата. В гражданской администрации на наиболее важные должности назначения производились не по результатам экзаменационных конкурсов и выслуге лет, а в рабочем порядке. Усилилось сходство гражданского и военного корпусов чиновников. С 1722 г. было разрешено переходить из одного корпуса в другой. Параллельно шла замена военных чиновников гражданскими, например на должностях правителей горных провинций, которые ранее возглавлялись военными чиновниками. Постепенно тюа переходил от опоры на военных к базированию своей власти на авторитете гражданских чиновников. Одновременно было принято решение «цивилизовать» военных чиновников путем проведения военных конкурсов. В связи с этим при принятии на военные должности Чинь Кыонг ввел в 1721 г. двухэтапные столичные военные испытания, аналогичные экзаменам для гражданских чиновников. Доступ к этим конкурсам был всеобщим, но дети военных получали некоторое преимущество. Высший военный конкурс проводился при дворе самого тюа, который полностью сосредоточил в своих руках все руководство армией.

Укрепляя свою роль общенационального лидера, Чинь Кыонг начал военную реформу и заменил в 1721 г. региональное войско, состоявшее из солдат Нгеана и Тханьхоа, общесеверовьетнамской армией, набиравшейся на основе всеобщей рекрутской воинской повинности. Отныне военные получили право участвовать в гражданском провинциальном конкурсе и получать гражданские должности. Это должно было быстро увеличить гражданский аппарат и сократить в общем объеме чиновников долю военных, которых к тому времени на верхних уровнях административной структуры было в два раза больше, чем гражданских. В рамках программы укрепления личной власти Чинь Кыонг распустил в 1722 г. «частные» армии ближайших родственников тюа, сохранив за ними все остальные привилегии. Наконец, с 1726 г. начала проводиться новая система обучения почти десяти тысяч новобранцев из дальних провинций. Завершалось обучение ежегодным проведением парада-проверки.

Все эти столь важные для северовьетнамского общества реформы Чинь Кыонг проводил с помощью своего ближайшего сподвижника Нгуен Конг Ханга и полководца Чинь Куана. Осуществлявшиеся этой группой реформаторов преобразования вызвали в Дангнгоае довольно силь-

ное социальное напряжение, так как затронули массовые слои северовьетнамского общества, прежде всего его сельскую часть. Если состоятельные владельцы частной земли легализовали свое наследственное право на обладание ею, то общинники навсегда потеряли надежду вернуть эту землю в общинный фонд и соответственно получить тот земельный пай, которым владели их предки. В связи с этим возросло число судебных дел, разбором которых власти занялись по ускоренной процедуре: тюа лично рассматривал срочные жалобы. Одновременно начальникам уездов был отдан приказ подобрать «верных» людей для руководства отрядами сельской молодежи, направляемыми на поимку «бунтовщиков». В 1726 г. в Нгеане были даже введены должности специальных чиновников, в обязанность которым вменялось противостояние «бандам грабителей».

После реформы 1723 г. при дворе обострилась политическая борьба. В 1724 г. были сняты с постов два высших государственных чиновника, а в 1725 г. Нгуен Конг Ханг был приставлен советником к наследнику престола, дабы ограничить его влияние. В 1726 г. один из высших чиновников, уже выступавший против Нгуен Конг Ханга, обвинил одного из близких к последнему людей в мошенничестве на экзаменах. Чинь Кыонг поддержал обвинителя, вывел его из подчинения премьер-министру и приблизил к себе. Позиции Нгуен Конг Ханга в тот момент оказались сильными, однако Чинь Кыонг уже не мог безоговорочно поддерживать вдохновителя проведенных реформ и вынужден был лавировать между различными группировками чиновников. Укрепляя свою власть, правитель не оставил без внимания и императорский род Ле. Сначала наследник престола был заменен на внука Чинь Кыонга по материнской линии, а затем, после смещения императора Ле Зу Тона, на престол в 1729 г. был возведен близкий родственник тюа — Ле Зюи Фыонг (1729—1732). Однако воспользоваться преимуществом своего родства и еще более возвыситься Чинь Кыонг не успел. В том же, 1729 г. он умер, став в последние свои годы ревностным буддистом.

В наследство своему преемнику, Чинь Зянгу (1729—1740), Чинь Кыонг оставил реформированную, но полную социального напряжения страну. Постоянно нарастая, это напряжение вылилось в глубокий социальный и военный кризис 30—40-х годов XVIII в., создававший угрозу самому существованию режима тюа в Дангнгоае.

Первое время после смерти Чинь Кыонга правительство Нгуен Конг Ханга продолжало прежнюю политику. В 1730 г. был упразднен ряд внутренних таможен, сокращены налоги, введен новый, двенадцатилетний (вместо старого, трехлетнего) период переписи тягловых. Между переписями запрещалось подавать доносы об укрываемых от внесения в реестры крестьянах, что позволяло их хозяевам не платить государству подати за своих работников. В 1732 г. правитель отменил налоги «местными предметами» и соляные налоги, так как народ «жаловался». В том же, 1732 г. частные землевладельцы получили возможность самостоятельно распоряжаться делами своей общины: отныне главу общины выбирали члены самой общины и обычно на это место попадал человек, который послушно выполнял все распоряжения общинного совета, со-

стоявшего из самых «уважаемых» и состоятельных жителей деревни. Необходимость в большом количестве чиновников и служащих на уездном уровне отпала, но заметного их сокращения не последовало, что существенно обострило социальный кризис.

Правление Чинь Зянга ознаменовалось и другими новшествами. В 1730 г. для восстановления двух буддийских пагод только из трех уездов было собрано 30 тыс. человек, работавших днем и ночью. В 1731 г. в Тханьхоа были ликвидированы построенные незадолго до того горные предприятия на том основании, что на родине правителя «нельзя рыть горы и копать холмы, дабы не причинять ущерб жилам земли». В 1732 г. по приказу тюа были повышены различные виды налогов с чужаков, внесенных в списки общин, а также с внесписочных, вообще не зарегистрированных в реестрах тех деревень, где они проживали. Несогласный с политикой Зянга, глава правительства Нгуен Конг Ханг был принужден покончить с собой, а новым премьером стал глава Ведомства обрядов. В 1732 г. Чинь Зянг сместил императора Ле Зюи Фыонга, заменив его старшим братом — Ле Тхуан Тонгом (1732—1735). В 1733 г. по инициативе нового премьера резко сократили набор солдат из четырех провинций дельты Красной реки, а также упразднили практику найма солдат из числа неприписных. Армия, снова пополнявшаяся в основном за счет жителей Нгеана — Тханьхоа, стала принимать региональный характер. В том же году подскочили цены на рис в Тханьхоа, а в следующем, 1734 г. здесь начались восстания горских князей. Непредсказуемый Чинь Зянг то смещал, то снова назначал на прежний пост своего премьера, попутно расправляясь с другими высшими чиновниками.

В 1735 г. был убит ранее смещенный с престола Ле Зюи Фыонг и неожиданно умер император Ле Тхуан Тонг. Чинь Зянг некоторое время думал, кого назначить наследником: 17-летнего Ле Зюи Тхана, младшего брата покойного императора, или двухлетнего Ле Зюи Хиеу, сына Ле Тхуан Тонга. В итоге правитель остановил свой выбор на Ле Зюи Тхане, который являлся его троюродным братом по матери и воспитывался во дворце тюа. Уничтожая сторонников политики Чинь Кыонга и разваливая армию, Чинь Зянг попытался в 1736 г. задобрить чиновничество новыми земельными пожалованиями и продажей чиновничьих рангов. Стремясь задержать развитие кризиса, высшие чиновники Чинь Зянга предложили в 1736 г. временно отменить поземельный налог с общих и уменьшить налог с частных земель. Но Чинь Зянг не пожелал ослабить налоговый гнет, усугубивший страдания населения, причиненные наводнением. В итоге страну охватил голод.

В 1737 г. начались восстания в Шонтае и Тхайнгуене. В 1738 г. часть восставших чиновников и три принца из императорского рода Ле, потрясенные убийством Ле Зюи Фыонга и странной смертью Ле Тхуан Тонга, бежали в Тханьхоа и организовали там сопротивление. Чиновники либо погибли, либо были схвачены, два принца умерли от болезней, но третий — Ле Зюи Мат — в горных районах Дангнгоая повел с режимом правителей Чинь войну, которая длилась 30 лет. В 1739 г. вспыхнули восстания в Хайзыонге, и Чинь Зянг решил набрать солдат в четырех

провинциях дельты Красной реки, а также срочно создать наемные войска. Одновременно последовало частичное освобождение населения от налогов.

Но это не ослабило социального напряжения и противостояния в стране. В конце 1739 г. восстания полыхали по всему Дангнгоаю, затронув даже плодородный Шоннам. Чинь Зянг отвечал на это передачей власти евнухам, строительством военных лагерей и учреждением пунктов по вербовке рекрутов. В 1739 г. тюа издал указ об увеличении численности деревенского ополчения и формировании отрядов из вооруженного населения пяти-шести уездов. Однако, получив оружие, крестьяне переходили на сторону восставших, укрепляя их ряды. Так же поступали рекруты на вербовочных пунктах, в связи с чем эти пункты были ликвидированы.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения активных слоев населения Дангнгоая, стала идея возврата к полному обложению частных земель. Стало ясно, что кризис принял общесеверовьетнамский характер, что существующий порядок встречает противодействие со стороны самых различных слоев населения и что для нормализации ситуации в стране необходимы новая социальная политика и соответственно другой политический лидер.

В 1740 г. был произведен военный переворот. Воспользовавшись походом столичных войск против восставшего отставного чиновника Нгуен Туиена, один из сановников собрал войска для защиты Тханглаунга и, договорившись с высшими военачальниками и вельможами, сверг Чинь Зянга. Во время переворота вместе с тюа были убиты многие евнухи и сторонники бывшего правителя. Трон занял тюа Чинь Зоань (1740—1767), который вернул награды всем репрессированным Чинь Зянгом лицам, многим из них — посмертно.

Чинь Зоань пришел к власти в Дангнгоае в разгар социального кризиса. С 1730 по 1741 г. количество почти полностью покинутых общин в стране увеличилось более чем в семь раз (с 527 до 3691). Особенно трудным был 1741 год, когда восстания полыхали почти во всех провинциях. Резко подскочили цены на рис. Народ был вынужден есть мышей и змей. В связи с этим Чинь Зоань обязал в 1741 г. богачей тех провинций, где был хороший урожай, продавать рис государству по принудительно заниженным ценам. Хозяев заставили продавать казне весь рис, оставляя себе только самое необходимое для пропитания семей. Одновременно с государственных складов бесплатно раздавался рис бедным крестьянам и неимущим, создавались также специальные учреждения, отвечавшие за обработку пахотных земель, проведение ирригационных работ и другую деятельность по улучшению сельского хозяйства.

Политическую, социальную и экономическую программу новой власти Чинь Зоань изложил в «15 пунктах по исправлению ошибок [предыдущего правления]». Прежде всего обращалось внимание на восстановление в полном объеме обоих служилых корпусов: военного и гражданского. Раз в три года должна была проверяться и оцениваться деятельность всех чиновников. Должны были быть восстановлены старые

правила подачи жалоб на высших чиновников, злоупотребляющих своим положением. Объявлялась реабилитация невиновных и безосновательно отправленных Чинь Зянгом в отставку чиновников, а также «возвышение» способных и незаслуженно отодвинутых на второй план служащих. Чинь Зоань брал на себя обязанность строже относиться к предоставлению должностей, титулов и привилегий, дабы чиновники честно продвигались по служебной лестнице.

Различным социальным группам давались многочисленные обещания: военачальникам и солдатам — увеличить наделы из фонда общих деревенских земель, расширить действие закона об освобождении от налогов членов семей погибших военных и установить четкий порядок поощрений и наказаний; крестьянам — шире предоставлять снижения подушных и поземельных налогов; всему тягловому населению — прекратить все трудовые строительные повинности; торговцам — ликвидировать все незаконно установленные инспекторско-таможенные пункты; покупателям на рынке — запретить принудительные предварительные выплаты при покупке товаров.

Провинциальным чиновникам было приказано нести ответственность за строительство и поддержание в порядке ирригационных сооружений. Все средства и имущество должны были отныне передаваться в Ведомство финансов. Запрещалась подача прошений по судебным искам ко двору тюа. Наконец, было обещано отменить земельный налог в Нгеане и Тханьхоа. Эти обещания были сразу же частично реализованы. Например, прекратилось строительство некоторых храмов, а предназначенную для них землю вернули крестьянам. В «голодных» районах был отменен налог.

К числу экстренных мероприятий относился объявленный в 1741 г. перевод практически всех чиновников на жалование земельными участками, что стало возможным в условиях массового бегства крестьян и наличия фонда свободных земель.

Не имея возможности наладить выпуск качественных денег, Чинь Зоань приказал в целях поддержания торгового обращения принимать как полноценную, так и испорченную монету. Кроме того, было введено принудительное обращение серебряных слитков для торговли товарами средней и высокой стоимости, причем качество серебра гарантировалось государственным клеймом на слитках. Порча металла сурово преследовалась. Применение жестких принудительных мер для поддержания денежной системы стало возможным благодаря введению в стране военного положения, вызванного массовыми народными восстаниями.

Именно борьба с восстаниями усилила в период правления Чинь Зоаня позиции военных, хотя тюа расширял также и гражданский аппарат. Уже в год своего прихода к власти правитель приказал реконструировать храм Военного Искусства, где проводились регулярные ритуалы в честь знаменитых полководцев. Сохранив общесеверовьетнамскую систему набора рекрутов, введенную в 1721 г., Чинь Зоань отказался от укрепления центральных вооруженных сил, малоэффективных в условиях локальной борьбы с повстанцами. Упор делался на увеличение и упрочение мест-

ных вооруженных формирований, которые должны были принять на себя первый удар восставших. Используя опыт последних лет правления Чинь Зянга, местные власти создавали мобильные формирования из солдат нескольких соседних уездов, в которых появились специальные должности чиновников, ответственных за оборону, поимку дезертиров и тренировку солдат.

В результате в 1742 г. в пяти долинных провинциях в войско было набрано дополнительно около 11,5 тыс. человек, разделенных на 20 соединений. В то время как одна половина соединения несла военную службу, другая занималась сельским хозяйством. Все соединения, размещавшиеся в провинции, были подчинены либо губернатору провинции, либо специально уполномоченному чиновнику. Особое внимание уделялось строительству новых боевых судов и подготовке для них флотских экипажей. В условиях густой речной сети в долине Красной реки передвижение войска без флота было совершенно неэффективным. Столь серьезной подготовки войск к борьбе с народными восстаниями требовал размах массового вооруженного движения, которое чуть было не привело к краху режима тюа в Дангнгоае. При этом наиболее сложной для Чинь Зоаня была проблема подавления тех восстаний, которые начались еще во время правления Чинь Зянга, охватывали долинные вьетские районы и продолжались приблизительно до 1743 г.

К таким восстаниям относятся прежде всего выступления в 1739 г. в двух уездах Хайзыонга: уже упоминавшегося отставного чиновника Нгуен Туиена, собравшего ополчение не только своей родной, но и соседних общин, и представителя крупного «лауреатского» рода Ву Чак Оаня, также объединившего жителей нескольких общин. В начале 1740 г. они вторглись в Киньбак и наголову разгромили высланный против них отряд одного из способнейших военачальников Чиней, убив его самого. Затем Нгуен Туиен вторгся в провинцию Шоннам и, преодолев Красную реку, в середине 1740 г. стал угрожать столице. Призвав на помощь войска Киньбака, Шонтая и Футхо, тюа Чинь Зоань сумел отбросить Нгуен Туиена в Хайзыонг и во второй половине 1740 г. захватить построенную им крепость, а самого Туиена — убить. Остатки отрядов отставного чиновника были окончательно ликвидированы только к концу 1741 г.

Параллельно с восстанием Нгуен Туиена и Ву Чак Оаня тюа Чинь Зоаню пришлось бороться с восстанием Ву Динь Зунга и Доан Ба Тяна, вспыхнувшим в Шоннаме в 1740 г., уже во время его правления. Тюа сам лично повел войска в Шоннам и в конце 1740 г. окружил отряды Ву Динь Зунга. Перебив их, он уничтожил и самого вождя восстания.

В том же Шоннаме еще при правлении Чинь Зянга в 1739 г. началось восстание Хоанг Конг Тята (1739—1769). До 1743 г. оно носило чисто локальный характер и у властей, занятых подавлением других «мятежников», не было возможности вести против Хоанг Конг Тята серьезные боевые действия. Когда же в 1743 г. такая возможность появилась и Хоанг Конг Тята начали окружать, он вступил с властями в переговоры и временно прекратил сопротивление. Такой «переговорный» стиль поведения был характерен не для крестьянской «голытьбы», а для социально

и экономически доминирующих слоев общин и деревень, которые пытались выторговать у центральной власти различного рода привилегии.

Еще более «элитарной» манерой поведения руководства отличалось восстание в Шонтае, возглавленное До Те и Нгуен Зань Фыонгом (1740—1751). Восстание начал До Те, но уже в 1740 г. его отряды были разбиты, после чего во главе повстанцев встал образованный человек Нгуен Зань Фыонг. Сразу же получив амнистию от Чиней, он увел восставших с равнин в населенные невьетнамцами предгорья, где построил крепость и начал создавать княжество, верхний социальный слой которого составили бывшие повстанцы, а основное население — крестьяне, принадлежавшие к различным этносам тайской языковой группы. В итоге повстанцы получили огромные социальные привилегии, а горцы — давно желаемую независимость от равнины. Этот симбиоз был настолько устойчивым, что Чинь Зоаню пришлось дать Нгуен Зань Фыонгу гарантии ненападения на его резиденцию на горе Тамдао, после чего вооруженная борьба здесь в начале 40-х годов тоже прекратилась.

Несколько иной характер, определяемый скорее рельефом местности, чем социальным составом участников, носило восстание в Хайзыонге под руководством образованного представителя почтенного рода Нгуен Хыу Кау (1741—1751), продолжившего дело своего дяди Нгуен Кы после того, как руководимые Кы отряды, принявшие участие в «восстании Нинься» в 1739 г., были разгромлены. Собрав в течение 1740 — начала 1741 г. остатки отрядов в Хайзыонге и сменив лозунг «Принести спокойствие народу» на «Защитить народ», Нгуен Хыу Кау выдвинул претензии на осуществление одной из функций высшей власти. Его опорой стали полупрофессиональные воины-повстанцы. Не контролируя обширной территории, Нгуен Хыу Кау не раз терпел поражения, оставался почти без сподвижников, но через некоторое время собирал многотысячное войско, доставал оружие и продовольствие. В итоге ему удалось создать на труднодоступном для властей участке прибрежного района Дошон крепость, обороняемую с моря небольшим флотом. В 1742 г. силы Нгуен Хыу Кау настолько увеличились, что центральные власти временно перестали посылать против него войска.

Мятеж уже упоминавшегося принца Ле Зюи Мата (1738—1770) носил характер борьбы высшей аристократии за обладание верховной властью в стране. Пробравшись в 1738 г. в горные районы Тханьхоа, откуда брал начало императорский род Ле, мятежный принц обратился к населению своей родной провинции со старым лозунгом «Уничтожить Чинь, восстановить Ле!». Воспоминания о земельных раздачах первой половины XV в. и мощной государственности второй половины XV в. привели в стан Ле Зюи Мата многочисленное народное ополчение. Получив солдат, строителей и продовольствие, принц законной династии начал создавать надежный плацдарм для длительной борьбы в Дангнгоае. Построив в 1738 г. крупную укрепленную базу в предгорных районах Тханьхоа, Ле Зюи Мат в 1740 г. вторгся оттуда в северные провинции Шонтай и Хынгхоа. Разрушив военные и административные структуры в этих провинциях, войска вернулись в Тханьхоа, где поддержка принца несколько

ослабла, так как Чинь Зоань восстановил привилегии рода Ле. В 1741 г. Ле Зюи Мат вторично вторгся в Шонтай, но вскоре был опять изгнан оттуда. Объявив себя «сыном императора Небесного Юга», Ле Зюи Мат ограничился обороной в горных районах Тханьхоа.

Второй период борьбы Чинь Зоаня с оппозиционными движениями (1744—1748) характеризуется отходом повстанцев в предгорья, горы и изолированные приморские участки. Войска Нгуен Зань Фыонга укрепились в нескольких уездах горной провинции Тхайнгуен, где было создано небольшое полунезависимое княжество. Приняв титул «Сын императора», Фыонг построил дворец, организовал двор, начал взимать налоги с рудников (в том числе и расположенных в Туиенкуанге) и торговли. Военных действий против Чинь Зоаня в этот период Нгуен Зань Фыонг не вел.

Нгуен Хыу Кау, укрепившийся в более уязвимом прибрежном районе Дошон, также пытался создать свое собственное княжество и вел переговоры с Чинь Зоанем. В 1744 г. вокруг Дошона располагалось почти 50 тысяч не подчинявшихся властям крестьян. Ликвидировав повстанческое движение в равнинных районах, тюа бросил войска против крепости Нгуен Хыу Кау в Дошоне. Тот бежал на запад, в Киньбак, и в нескольких километрах от столицы построил крепость и укрепленные посты. Вскоре войска тюа окружили отряды Нгуен Хыу Кау. Не сумев прорвать кольцо блокады, Кау начал с Чинь Зянгом переговоры о мире, но они были сорваны чиньским военачальником, и через некоторое время преследуемые противником отряды Нгуен Хыу Кау стали вторгаться в соседние уезды.

Район Хоайтяу в Шоннаме удерживал в 1744—1747 гг. Хоанг Конг Тят, соблюдавший негласную договоренность с правительством: власти оставляли его в покое до тех пор, пока он не выходил за пределы контролируемого им округа. Но в 1748 г. к Хоанг Конг Тяту присоединились остатки отрядов Нгуен Хыу Кау, вслед за которыми пришли правительственные войска. Спокойствию в Хоайтяу наступил конец.

Наиболее успешно в этот период действовал Ле Зюи Мат, который с 1742 г. начал проводить важные боевые операции в близко расположенных к столице областях, где на помощь ему пришли отряды повстанческого вождя Тыонга. Вместе с ними Ле Зюи Мат беспокоил Шонтай вплоть до 1745 г., однако закрепиться на равнине ему так и не удалось.

Третий период борьбы правительственных войск с восставшими лидерами характеризуется разгромом последних «долинных» повстанческих отрядов (в начале периода) и длительным сопротивлением центральной власти со стороны «горных княжеств», в которых малочисленные народности боролись за свою автономию, а дружины оппозиционных лидеров использовали национальное движение в своих интересах.

В 1750 г. против горных крепостей Нгуен Зань Фыонга действовали местные войска из Тхайнгуена, которым ставились жесткие сроки ликвидации повстанцев. Их медлительность не удовлетворила тюа, и в 1751 г. Чинь Зоань лично возглавил армию, выступившую против Нгуен Зань Фыонга. Ценой больших жертв армии Чинь Зоаня удалось разбить

Фыонга, уничтожить его крепость, но сам вождь восставших скрылся. Однако вскоре он был схвачен и доставлен в столицу.

В том же, 1751 г. правительственные войска очистили от повстанцев равнинные районы Хоайтяу, которые контролировали Хоанг Конг Тят и примкнувший к нему Нгуен Хыу Кау. Кау бежал в Нгеан, где был схвачен и отправлен в столицу. Его казнили вместе с Нгуен Зань Фыонгом. Хоанг Конг Тят скрылся в Тханьхоа, откуда увел свой отряд в горную область на северо-западе Дангнгоая (современный Тайбак). Подчинив себе там обширную территорию, он построил в чисто тайском районе (совр. Дьенбьенфу) крепость и основал собственное княжество. Там он правил до самой смерти в 1768 г., борясь за власть над горными районами с другими тайскими княжествами. После смерти Хоанг Конг Тята его сын принял титул *куок выонг*, приравняв себя тем самым к наследнику тюа. Это вызвало возмущение правителя Дангнгоая Чинь Шама, который послал против нового «куок выонга» войска. Тайские князья и главы общин покинули сына Хоанг Конг Тята, а в начале 1769 г. военачальнику Доан Нгуен Тхуку удалось уничтожить его крепость. Сын Тята бежал к Цинам, а часть его сподвижников перешла к Ле Зюи Мату.

Но и для принца из императорского рода наступили тяжелые времена. В 1752 г. Чинь Зоань нанес ему и его союзнику Тыонгу ряд поражений. Вскоре Тыонг погиб, а Ле Зюи Мат, оставив крепость в общине Нгоклау, ушел дальше в горы, где построил ряд новых крепостей, опираясь на которые вплоть до 1763 г. управлял своим горным княжеством. Но в 1764 г. в связи с укреплением власти Чиней над равнинными и горными районами Дангнгоая Ле Зюи Мат вынужден был перенести центр своих владений в столицу небольшого тайского княжества Сиенкуанг (северо-восток современного Лаоса), где был построен его дворец и расположился двор. Кроме лаосских земель Сиенкуанга княжество Ле Зюи Мата включало горные районы Вьетнама от Нгеана до Хынгхоа. После смерти Чинь Зоаня в 1767 г. Ле Зюи Мат предпринял попытку захватить Нгеан, но новый тюа, Чинь Шам, собрал большое правительственное войско и стал постепенно занимать горные районы. Война Чинь Шама с Ле Зюи Матом длилась более двух лет, в течение которых правительственные войска, прокладывая дороги и ведя строительство в горах, постепенно заняли крепости Ле и зимой 1770 г. окружили принца в его столице. Не желая сдаваться противнику, Ле Зюи Мат взорвал себя вместе с друзьями и соратниками во время пира.

Борьба с восстаниями потребовала от Чиней кроме мобилизации людских ресурсов большого количества денежных средств. В связи с этим в 1746 г. Чинь Зоань ввел в новой форме отмененный Чинь Зянгом соляной налог и принудительно установил низкую цену на соль. Соль подешевела, а казна восстановила источник доходов. Кроме того, для пополнения казны была разрешена покупка ученых званий, дававших право на освобождение от налогов и на участие в конкурсах без предварительных экзаменов. Этим воспользовались средние городские и сельские слои, для которых покупка звания реально давала статус свободного горожанина, юридически отсутствовавший во Вьетнаме, и возможность иметь

пожизненно не облагаемые налогами частные земли. Обладатели купленных ученых званий могли быть формально включены и в государственный аппарат, но их назначали чаще всего на номинальные должности. Для перевода на реальные должности требовалась доплата. В итоге социальный статус человека все больше определялся его богатством.

В то же время для предотвращения недовольства бедняков Чинь Зоань в 1751 г. запретил произвольно устанавливать рыночную цену на рис. В итоге последние 15 лет правления Чинь Зоаня, с 1752 по 1767 г., были довольно спокойными, и экономическое положение после подавления основной массы «долинных восстаний» постепенно улучшалось. Это дало возможность тюа в 1754 г. объявить об отмене недоимок начиная с 1741 г., т.е. почти за все годы восстаний. В 1758 г. был отменен введенный ранее денежный взнос с частных земель. Даже армия в 1753—1756 гг. была частично переведена на сельскохозяйственные работы: военные поселенцы распахивали заброшенную землю и целину, а затем передавали обработанную землю местным крестьянам, в связи с чем восстанавливалась численность тяглового сельского населения.

Заботясь о развитии промыслов и торговли, Чинь Зоань отменил в 1743 г. пошлины с промысловиков и налог на перевозку грузов на судах, а в 1753 г. был ликвидирован налог на продукты морского промысла. С 1760 г. шло быстрое восстановление шахт и плавильных заводов в четырех горных провинциях дельты Красной реки. Именно в этом году рудники стали передавать в «вечную» аренду вьетнамцам с условием регулярной уплаты налога. Управление значительной части рудников поручалось вьетнамским «экономическим» чиновникам, которые по договоренности с местными горскими князьями набирали рабочих-нунгов. Такие рудники на пять лет освобождались от налогов, и если они давали доход, то фактически права управления превращались в «постоянную аренду». Возникало национальное предпринимательство предбуржуазного типа.

Что касается китайского предпринимательства в горнорудной сфере, то к нему власти относились с большим подозрением. Китайцы старались не платить налогов и вывозить все полезные ископаемые за границу беспошлинно. Стремление пресечь контрабанду заставило премьера Нго Тхи Ши предложить китайцам или предъявить документ о наличии подданства империи Цин, или принять подданство Дайвьета, сменить имя, одежду и язык, и в этом случае получить разрешение остаться в стране; остальным «беспаспортным» китайцам предлагалось срочно покинуть Данг нгоай. Предполагалось высылать не только китайских предпринимателей, но и рабочих, заменив их местными горцами. Однако китайцы-нелегалы не торопились уезжать. В 60-е годы XVIII в. на рудниках произошли какие-то волнения, в связи с чем туда были посланы войска во главе с военачальником и двумя гражданскими чиновниками. По-видимому, это было связано с высылкой «беспаспортных» китайцев.

Особой заботой тюа стало восстановление нормального функционирования денежного хозяйства. В связи с этим после нескольких лет при-

нудительного курса цинковой монеты, а затем разрешения отливки медной и цинковой монеты в каждой провинции Чинь Зоань приказал ограничить литье денег двумя монетными дворами близ столицы, производя эмиссию под строгим государственным контролем. Все большее хождение получал серебряный слиток определенного веса и содержания драгоценного металла — *ланг*, который для удобства сделок можно было рубить на куски.

Внешнеполитическое положение Дангнгоая в период правления Чинь Зоаня было устойчивым. В 1761 г. к Цинам было послано посольство, в состав которого входил крупный политический деятель Ле Кюи Дон, в конце правления Чинь Зоаня отстраненный от власти. Сменивший внезапно умершего в возрасте 46 лет Чинь Зоаня тюа Чинь Шам (1767—1782) в первый же год своего правления вернул в государственный аппарат Ле Кюи Дона. Любимец Чинь Зоаня — Нго Тхи Ши был снят с высокого поста, выслан в провинцию цензором, а с 1771 г. отправлен в отставку. Группа чиновников, предложившая возвышение Ле Кюи Дона, выступила за проведение широкой амнистии и восстановление в должности всех репрессированных и незаслуженно разжалованных при Чинь Зоане. После раскрытия заговора с целью свержения Чинь Шама власть полностью сосредоточилась в руках преданного новому тюа триумвирата во главе с Ле Кюи Доном.

Правительство Чинь Шама начало с решения внутренних военных проблем, разгромив княжество сына Хоанг Конг Тята, а затем захватив Сиенкуанг с останками Ле Зюи Мата, его родственников и сподвижников. Однако еще до разгрома Сиенкуанга, в 1769 г., в верхах Дангнгоая вспыхнул острый конфликт. Наследник императорского трона Ле Зюи Ви, пользовавшийся определенным влиянием при дворе и в народе, стал открыто возмущаться тем, что «Ле потеряли военную власть». Чинь Шам решил, что после воцарения Ви может оказаться опаснее еще живого в то время Ле Зюи Мата, и обвинил Ле Зюи Ви в заговоре. Император пытался защитить наследника, но вынужден был разжаловать его в простолюдины и посадить в тюрьму. Впоследствии Ле Зюи Ви был казнен, что не прибавило Чинь Шаму любви со стороны широких народных слоев. Наследником был объявлен Ле Зюи Кан, но в итоге трон достался сыну Ле Зюи Ви — последнему императору Поздних Ле — Ле Зюи Ки.

В первые годы правления Чинь Шама усилиями одного из членов триумвирата в Каобанге было проведено в жизнь предложенное им же важное мероприятие — создание местных войск в горных провинциях: в каждом горном уезде должно было быть сформировано одно воинское соединение. Эксперимент прошел успешно, после чего местные войска были расквартированы вдоль всей границы Дангнгоая.

Другой важной акцией было восстановление административной системы в последнем прибежище Хоанг Конг Тята — горном княжестве Мыонгтхань. Попутно вьетнамские войска во главе с Доан Нгуен Тхуком стали подчинять и соседних тайских горских князей. Им простили недоимки, отменили налоги на год и, перестав взимать специальный подуш-

ный налог, включили в податную систему Дайвьета. Вождям запретили воевать друг с другом, заставили получать санкцию для передачи власти по наследству в Тханглаунге и запретили носить ханьскую одежду.

После подавления последних восстаний, с начала 70-х годов, власти сконцентрировали усилия на улучшении работы государственного аппарата. По инициативе главы администрации тюа началась проверка эффективности работы всех провинциальных чиновников, вплоть до уездного уровня. Тогда же была введена проверка компетенции чиновников перед окончательным назначением на должность. Наконец, Ле Кюи Дон предложил меры по регулированию деятельности чиновников: запретить повышение через ранг и отменить уже сделанные подобные повышения; запретить вхождение в корпус чиновников без отбора при дворе.

Что касается экономических мероприятий, то были предложены меры по изысканию дополнительных земельных ресурсов, в связи с чем намечалось произвести учет всех засушливых мест в провинциях, а также земель «второй» категории, проверить соответствие кадастра и реальных земельных полей, осуществить ревизию землевладения привилегированных общин. Эти меры почти сразу же начали реализоваться и дали некоторый эффект, но кардинально разрешить аграрную проблему в Дангнгоае не смогли. Поэтому власти вынуждены были энергично проводить экстренные мероприятия: отменять налоги, раздавать рис и т.д. Регулярно проводился ремонт дамб, но это уже не давало большого эффекта: дамбы продолжало прорывать.

Стремясь увеличить доходы казны, власти обратили внимание на неполивные земли, площадь которых росла по мере заселения вьетнамцами предгорий. В 1769 г. все посадки на неполивных землях под рисом, бататом, бобами и тутовником были учтены и подвергнуты обложению. Тщательно учитывались также все вновь возделываемые поля: власти следили, чтобы с них сразу же взимались налоги.

Одним из способов решения проблемы перенаселения и увеличения числа налогоплательщиков было заселение разорившимися крестьянами заброшенных земель в районе ведения войн с Ле Зюи Матом. Из числа неземледельческих источников пополнения казны государство уделяло внимание восстановлению объемов сбора корицы и ее экспорта. В 1770 г. налоги с производства шелка стали взиматься не только натурой, но и деньгами. Соляные поля стали облагать налогами по тем же правилам, что и рисовые: общие — отдельно; частные, принадлежавшие солепромышленникам, — отдельно. В соляном промысле были задействованы также «экономические» чиновники, но здесь этот вид деятельности был основан на государственной барщине и оказался нерентабельным, в связи с чем казна довольно быстро отказалась от не приносившей дохода формы эксплуатации.

Несмотря на частичное восстановление нормальной политической, социальной и экономической жизнедеятельности в Дангнгоае после подавления восстаний конца 30-х — 60-х годов, режим тюа в Северном Вьетнаме ненадолго пережил социальный кризис и вскоре пал под ударами широкого народного движения *тайшонов*, во главе которого стояли

представители нечиновных экономически и социально доминировавших слоев вьетнамского общества.

ЮЖНЫЙ ВЬЕТНАМ

Начало XVIII в. в Южном Вьетнаме пришлось на правление хотя и молодого, но уже достаточно умелого и амбициозного политика Нгуен Фук Тю (Куок-тюа), имевшего к этому времени десятилетний опыт управления южным государством. В начале XVIII в. Южный Вьетнам уже владел землями к югу от Меконга, куда за два года до наступления нового века был назначен вьетнамский наместник и где были созданы две новые провинции. Теперь здесь наряду с автохтонами-кхмерами и поселенцами-китайцами, обживавшими это место в течение двух десятилетий, проживали и вьетнамцы, численность которых увеличивалась во все возрастающей прогрессии.

Почти сразу же после захвата Крайнего Юга между государством и частным владельцем началась борьба за «непосредственного производителя». Лица, обладавшие высоким должностным статусом и финансовым могуществом, часто заставляли крестьян работать на себя. Те, дабы избежать жестокой эксплуатации, бежали в Камбоджу. В итоге количество потенциальных тягловых уменьшалось.

Беглые, не попавшие в частную кабалу, в основном принадлежали к категории «солдат», на которую власти старались опираться. Поэтому, когда их возвращали из Камбоджи, то не только не наказывали, но и освобождали на три года от подушного и поземельного налогов. Чтобы восстановить число налогоплательщиков, власти переводили некоторых закабаленных крестьян из частного тягла в государственное. Вследствие этого в Зядини создавались новые общины и специализированные, часто с торгово-ремесленным уклоном, поселения.

С начала XVIII в. Куок-тюа ослабил вмешательство в сельское хозяйство. Ранее проверки численности тягловых проводились в отдельных районах, особенно в южных областях, где было максимальное количество беглых. В 1713 г. практика проверок численности тягловых подверглась при дворе резкой критике и при преемниках Куок-тюа вообще не проводилась. В 1703 г. было произведено обложение поземельным налогом всех обрабатываемых полей, что значительно пополнило государственную казну. Тогда же полной налоговой ставкой были обложены обрабатываемые поля в недавно присоединенных южных землях, в течение 16 лет до того пользовавшиеся налоговыми льготами.

Увеличение натуральных и денежных поступлений в казну упрочило не только внутреннее, но и внешнеполитическое положение Дангчаунга. В 1702 г. Куок-тюа попытался формально отделиться от Дайвьета. Он направил в Китай посольство с просьбой вручить ему инвеституру на правление Дангчаунгом. Китайский император оставил эту просьбу без последствий. С этого момента Нгуены испортили отношения не только с Чинями, но и с династией Ле, на верховный суверенитет которых они

покусились. Впрочем, серьезных действий для формального признания императорами династий Цин и Ле независимости Дангчаунга прагматичный Куок-тюа не предпринимал. Во второй половине своего долгого, 34-летнего правления он сосредоточился на укреплении позиций Дангчаунга в более перспективном направлении — на юге.

Здесь, в странах Южных морей, в конце XVII в. появилась очередная волна китайских беженцев, некоторым из них во главе с Мак Кыу кхмерские власти разрешили высадиться в провинции Пеам (современный Хатиен). После того как китайцы изгнали с занятого ими побережья пиратов, кхмерский король в 1710 г. присвоил Мак Кыу звание губернатора Пеама, а затем и соседних Кампота, Кампонг-Саома и острова, ныне известного как Фукуок. Центром княжества Мак Кыу стала крепость Пеам, получившая название Хэцзянь (Волшебная река). Город, расположенный на пересечении международных торговых путей, быстро богател, получая прибыли от растущей коммерческой деятельности. Первоначально это было выгодно Камбодже, которая использовала подданных Хэцзяни также на службе в армии и во флоте во время войн с Сиамом. Население Хэцзяни быстро увеличилось, в том числе и за счет вьетнамцев, называвших город Волшебной реки Хатиеном.

Укрепив свое положение в Пеаме, Мак Кыу решил ослабить зависимость Хэцзяни от Камбоджи и выйти из полного подчинения кхмерскому королю. Для этого между 1710 и 1715 гг. он признал сюзеренитет Куок-тюа, формально не нарушая вассалитета и по отношению к кхмерскому королю. Но ситуация была предельно ясной, и разгневанный король Камбоджи лишил Мак Кыу большей части его владений, ограничив их лишь Пеамом, Фукуоком, Жатьзя и Камау. Пытаясь укрепить свои позиции на юге, Куок-тюа в 1714 г. послал в камбоджийскую столицу Ловек вьетнамские войска, которые изгнали короля Преах Срей Тхомеа, бежавшего в сиамскую столицу Аютию, и посадили на престол дядю беглеца — Анг Ема. Две попытки Сиама, в 1715 и 1716 гг., восстановить права Преах Срей Тхомеа в Камбодже, были неудачны. Наконец, в 1717 г. сиамский король направил в Камбоджу две мощные армии — северную и южную. Северная сиамская армия нанесла кхмерам поражение в ряде сражений и захватила Удонг. Посадив на трон Преах Срей Тхомеа, тайские войска вернулись домой. Судьба южной сиамской армии была менее удачной. Мак Кыу, выполняя свой долг вассала Камбоджи и Дангчаунга, выступил на стороне Анг Ема, в связи с чем тайский флот сжег Хатиен и вынудил бежать его правителя. После этого флот Куок-тюа одержал частичную победу над тайским флотом, а угроза голода заставила отступить остальные тайские корабли и сухопутную южную армию.

В период правления старшего сына Куок-тюа, носившего, как и его отец, имя Нгуен Фук Тю (по-вьетнамски они различаются лишь показателем тона, что невозможно обозначить по-русски) или тюа Нинь (1725—1738), единственным активным направлением государственной деятельности оставалась экспансия в сторону юга. Захват кхмерских зе-

мель продолжался. С 1732 г. вьетнамцы уже осваивали территорию на правом берегу восточного протока дельты Меконга.

Большое значение уделялось строительству флота и втягиванию в сферу влияния Дангчаунга Хатиена (Хэцзяни), получавшего от Нгуенов все бóльшие льготы. Хатиену было разрешено отливать собственную монету и беспошлинно торговать с «дальними» странами. Отношения с Камбоджей начали осложняться после смерти признававшегося Нгуенами кхмерским королем Анг Нона. С его смертью территориальные приобретения вьетнамцев на правом берегу восточного протока Меконга были поставлены под сомнение, что грозило будущим военным конфликтом. В связи с этим сын Куок-тюа в последние годы своего правления довольно много внимания уделял улучшению военного дела.

После смерти тюа Нинь в 1738 г. на дангчаунгский престол взошел его 25-летний старший сын, Нгуен Фук Кхоат (1738—1765). Этот правитель, обладавший с 1744 г. более высоким по сравнению с тюа титулом *выонга*, уже не нуждался в императорской династии Ле, о чем свидетельствует его отказ в просьбе Ле Зюи Мата в 1764 г. поддержать восставшего принца.

В начале своего правления, в 1739 г., Нгуен Фук Кхоату пришлось отражать нападение кхмерской армии на Хатиен и, по существу, спасать Мак Тхиен Ты (Мо Сяньцзы), ставшего правителем Хэцзяни после смерти Мак Кыу в 1735 г. Однако к войне с Камбоджей молодой правитель пока еще готов не был, в связи с чем вьетнамские войска были возвращены в пределы Дангчаунга.

Нуждаясь в деньгах для проведения своей амбициозной внутренней и внешней политики, Нгуен Фук Кхоат через три года после вступления на престол не только повысил некоторые налоговые ставки (например, соляного налога), но и, по-видимому, взыскал разницу за предшествующие годы. Особенно большие средства понадобились правителю еще через три года, в 1744, когда Нгуен Фук Кхоат произвел второй после отделения Дангчаунга в начале XVII в. политический переворот в устройстве Дайвьета. Прежде всего, как и Чини, Нгуен Фук Кхоат приблизил статус Нгуенов к статусу Ле, приняв новое имя-титул — Во-выонг.

Однако этим он не ограничился. Фусуан, являвшийся ранее «главным лагерем», был официально провозглашен столицей наравне с Тханглаунгом. Вся территория Дангчаунга была разделена на 12 провинций (*зинь*), каждой из которых управляли три чиновника: губернатор, сборщик налогов и судья. Расположенный за пределами Дангчаунга Хатиен получил статус специальной административной единицы — *чан*. Фусуан и его округ были объявлены «главным зинем», наряду с которым существовал и «старый зинь» — Айты. Эти два зиня вместе с четырьмя соседними (Ботинь, Куангбинь, Воса и Куангнам) образовали старые владения Нгуенов, где давно преобладали вьетнамцы и заметно ощущалось аграрное перенаселение. Новые земли Нгуенов состояли из сравнительно недавно захваченной территории чамов, где существовали три провинции, и кхмерских областей, где были созданы три зиня.

Довольно сложная ситуация сложилась в южной части старых владений Нгуенов — в провинциях Куангнгай и Кюиньон, ибо контраст с более легким фискально-тягловым режимом в новых владениях был там особенно ярок. В этих двух зинях были введены дополнительные должности чиновников, имевших отношение к охране порядка и разбору судебных дел. Однако местное население, особенно имущие слои, не смирилось с усилением фискального гнета, и через 27 лет здесь вспыхнуло восстание братьев-тайшонов.

Реформа Во-выонга в отношении центрального аппарата имела ярко выраженную тенденцию в сторону отказа от простого и быстрого, а потому и более эффективного управления с помощью военных чиновников, которые осуществляли управление в XVII — первой половине XVIII в. Вместо этого к 1747 г. был создан сложный бюрократический придворный аппарат: *ти* (административные отделы) преобразованы в *бо* (министерства), что приравнивало Дангчаунг к Дангнгоаю. С той же целью создали придворную «академическую канцелярию» (*хан лам*), как это имело место в Северном Вьетнаме; изготовили печать куок-выонга (го-вана) для оформления документов, касавшихся внешних сношений, как у Ле; статус правителя был не только повышен до выонга, но и официальное обращение подданных к Нгуену звучало теперь как «Небесный император». Единственное, на что не решился Во-выонг, — это официально выйти из состава Дайвьета и дать своему владению особое название.

Повышение престижа и статуса Дангчаунга и особенно резкий рост гражданского бюрократического аппарата требовали крупных расходов. В 40-х годах XVIII в. Во-выонг попытался решить эту проблему путем развития торговли и одновременно усиления контроля за коммерческой деятельностью Хатиена. Фусуанские власти предоставили властям Хатиена корабли, завозившие европейские и индийские товары, но направили туда в 1747 г. двух специальных вьетнамских чиновников, отслеживавших деловые связи города Волшебной реки.

Другим источником пополнения денежных средств явилась финансовая реформа Во-выонга. Закупив у европейцев белый цинк, Во-выонг изготовил из него в 1746 г. деньги, которые невозможно было ни подделать в связи с отсутствием во Вьетнаме белого цинка, ни тезаврировать, так как их реальная стоимость была намного ниже номинальной. Эта реформа, вводившая деньги, обладавшие принудительным курсом, была проведена Во-выонгом по совету китайских финансистов, знакомых с мировым денежным обращением. Однако новая денежная система могла успешно функционировать, во-первых, только в условиях экономического благосостояния, а во-вторых, что самое главное, при сильной государственной власти, способной это экономическое благосостояние постоянно поддерживать, вмешиваясь в экономику страны и регулируя ее в соответствии с заданными самой властью параметрами. Нарушение этих параметров грозило сбоем денежной системы, а ухудшение экономической ситуации и неспособность государства сохранять определенный уровень благосостояния населения вели всю систему принудительного денежного курса к неминуемому краху.

Так и произошло, когда в конце 40-х годов XVIII в., охваченный идеей создания мощного южновьетнамского государства, своеобразной империи «Южных морей», Во-вьонг серьезно вмешался в дела Камбоджи. В 1747 г. он направил вместе с вьетнамскими войсками на родину бывшего кхмерского короля Сатху II, которому первоначально удалось занять столицу Удонг. Но затем Сатху II пришлось бежать за пределы страны под ударами восставших жителей. Королем стал противник вьетнамцев Тей Тетха V. Но Во-вьонг не смирился. Несколько раз он вводил войска в Камбоджу, но почти всегда терпел поражения.

Эти неудачные и дорогостоящие походы подорвали экономику Данг-чаунга. Начала давать сбои финансовая система: властям все труднее было заставить население использовать номинальные деньги из белого цинка, не имеющие собственной стоимости. Уже с 1751 г. в стране отмечается повсеместное распространение «голода, воровства и грабежей», а также «толп бандитов». Впервые за долгое время начали вспыхивать крестьянские восстания, причем именно на стыке старых и новых владений Нгуенов. Крестьяне убивали деревенских старост и сборщиков налогов, а их имущество отдавали беднякам. Восстания продолжались недолго и были довольно легко подавлены. Однако на этот симптом среагировала группа чиновников, одним из представителей которых являлся Нгуен Кы Чинь, подавший в 1751 г. Во-вьонгу развернутый проект своих предложений.

Призывая правителя пересмотреть внутреннюю политику, Нгуен Кы Чинь указывал на большие траты, подрывавшие бюджет (расходы на солдат и на боевых слонов), а также на порочную практику оплаты местных чиновников округов (*фу*) и уездов (*хюенов*) исключительно путем внесения населением денег за разбор судебных дел. Упоминая и «бесконечные другие расходы», Нгуен Кы Чинь отнюдь не предлагал сократить траты на армию, а советовал соблюдать экономию и провести довольно существенные реформы в социальной сфере.

Прежде всего он предложил обязать начальников округов и уездов из числа «дипломированных» чиновников наряду с разбором судебных дел взимать и передавать вышестоящим властям поземельные и подушные налоги, сбором которых до этого занимались специально уполномоченные лица. Логическим следствием этого нововведения было упразднение уполномоченных, что являлось определенным ударом по местной частноземлевладельческой верхушке, ибо специально уполномоченные лица по сбору налогов рекрутировались именно из ее числа, усиливая свое экономическое доминирование на местах официальными административными функциями.

Еще более приблизить положение местных гражданских чиновников к традиционной дальневосточной модели должно было другое предложение Нгуен Кы Чиня, который советовал правителю перевести «дипломированных» начальников округов и уездов на ежемесячное жалованье, выдаваемое в зависимости от степени честности и усердия в работе, упразднив практику оплаты самими подсудимыми ведения их судебных дел и содержания под арестом. Это снижало степень злоупотреблений со

стороны местных гражданских чиновников, облегчало положение участвовавших в тяжбах, подсудимых и арестованных, но в то же время увеличивало государственные расходы и вело к возникновению нехарактерного для Дангчаунга института контроля за местными гражданскими чиновниками. В перспективе вырисовывался стандартный облик гражданского чиновничества северного типа на местах, что полностью расходилось с традициями построения государственного аппарата на юге.

Последние два предложения Нгуен Кы Чиня, как отчасти и предшествующие, излагались в духе «заботы о народе». Во-первых, Нгуен Кы Чинь советовал правителю выделить из числа не платящих налоги общинников тех, кто «уклоняется от налогообложения», и тех, кто бежал от тягла из-за «голода и нищеты». С первых он предлагал налоги брать, а вторых — освобождать от тягла и давать им возможность жить в тех районах, куда они бежали. Предложение было очень гуманным, но антипомещичьим (именно помещики держали в общинах тех тягловых, за которых они не хотели платить налоги), а потому трудновыполнимым, так как помещики сосредоточили в своих руках всю реальную власть в общинах и имели возможность торпедировать направленные против них меры. Во-вторых, Нгуен Кы Чинь предлагал ограничить свободу передвижения некрестьянских элементов (охотников ловчих птиц и редких животных и т.д.), которым отныне власти должны были выдавать официальный документ, удостоверяющий их статус. Это предложение носило полицейский характер и было направлено против динамичных слоев города и деревни, желавших как-то изменить свое положение.

В целом почти все предложения Нгуен Кы Чиня носили довольно ярко выраженную социальную направленность в сторону развития вьетнамского общества по «традиционалистской» северной модели: укрепление позиций гражданского дипломированного чиновничества, ущемление интересов помещиков, борьба со свободным передвижением динамичных слоев города и деревни. Но даже этот умеренный «традиционализм» был отвергнут Во-выонгом.

Несмотря на голод 1752 г., когда цена риса повысилась более чем в три раза, что привело к гибели части крестьянства, правитель ограничился отправкой комиссии для разбора жалоб населения на деятельность гражданских и военных чиновников в столичном районе и в старых владениях Нгуенов. В 1753 г., в условиях непрекращающегося голода, Во-выонг впервые приказал подсчитать доходы и расходы бюджета за 1746—1752 гг. и распорядился впредь ежегодно составлять балансовую отчетность. Военные действия на юге были временно прекращены, возможно в связи с тем, что Нгуен Кы Чинь отправился к границе с Дангнгоаем, где Чини готовились напасть на Ле Зюи Мата, проведя войска через лаосское княжество Чаннинь и ударив в тыл мятежному принцу из династии Ле. В связи с этим Чинь Зоань просил Во-выонга пропустить их армию через Куангбинь. Нгуен Кы Чинь по поручению Во-выонга написал ноту-отказ, и Чинь Зоань не стал настаивать на своей просьбе.

Напряженность на северной границе длилась недолго, и уже в конце 1753 — начале 1754 г. Во-выонг направил того же Нгуен Кы Чиня с вой-

сками на юг для подготовки вторжения в Камбоджу. Опасаясь союза кхмерского короля Анг Снгуона с только что обиженным южанами Чинь Зоанем, Во-вьонг решил застраховать себя от неожиданностей и летом 1754 г. приказал Нгуен Кы Чиню ввести войска в Камбоджу. Обороняясь, Анг Снгуон отступил, сдав противнику сначала пограничные крепости, а затем и Пномпень. Заняв Пномпень, войска Нгуен Кы Чиня перекрыли возможные проходы армии Чинь Зоаня из Нгеана в Камбоджу. После начала сезона дождей Нгуен Кы Чинь остановил войска, и вскоре вьетнамская армия покинула Пномпень. Итогом похода 1754 г. стало официальное присоединение к Дангчаунгу территории в восточной части дельты Меконга от Митхо до Зядини.

Весной 1755 г. вьетнамские войска, использовав нападение Анг Снгуона на дружественных им чамов, живших на территории Камбоджи, вновь вторглись в Пномпень и заставили кхмерского короля бежать в Хатиен. Лишь после новых территориальных уступок и внесения дани за три года Анг Снгуону удалось в 1756 г. вернуться в Камбоджу. В это же время Нгуен Кы Чинь убедил Во-вьонга уйти из Пномпеня и «осваивать» только что приобретенные земли, не покушаясь на новые кхмерские территории. Вдохновленный своими военными и дипломатическими успехами в Камбодже, Во-вьонг приказал написать письмо губернатору Фуцзяни и Чжэцзяни, именуя себя *Ань нань го-ваном*, точно так же, как титуловали себя императоры династии Ле. Лишь сопротивление группы чиновников при дворе уберегло Во-вьонга от крупного международного скандала: документ так и не был составлен.

Смерть в 1757 г. Анг Снгуона и междоусобная борьба его наследников дала возможность Во-вьонгу вмешаться во внутренние дела Камбоджи на стороне одного из претендентов на престол, Анг Тонга, бежавшего в Хатиен. Вьетнамские войска, преодолев ожесточенное сопротивление его соперника, возвели Анг Тонга на камбоджийский престол, за что тот передал Дангчаунгу область Тамфонглаунг к северу от Басака. Одновременно большая кхмерская территория отошла и к приютившему Анг Тонга губернатору Хатиена Мак Тхиен Ты.

Строительство новых крепостей на захваченных у кхмеров территориях, создание вьетнамского чиновничьего аппарата и переселение крестьян требовали больших расходов, которые тяжелым бременем ложились на плечи налогоплательщиков, особенно в «старых владениях» Нгуенов, поскольку в «новых владениях» налоги были более легкими. Нужда в деньгах заставила Во-вьонга в 1758 г. распространить повышенное налогообложение на Фуиен, где стало накапливаться народное недовольство, через 13 лет вылившееся в активную поддержку восстания братьев-тайшонов.

За год до смерти, в 1764 г., Во-вьонг отказал в помощи Ле Зюи Мату. Активность правителя, в том числе и военная, резко уменьшилась. Все большее влияние при дворе приобретали жадный и беспринципный интриган евнух Чыонг Фук Лоан и его клика. К моменту смерти Во-вьонга в 1765 г. в руках евнуха оказалась вся реальная власть. Наследником должен был быть провозглашен старший из оставшихся в живых сыно-

вей Во-выонга, 33-летний Нгуен Хынг То, отец будущего императора Нгуен Тхе То. Однако заговорщики подменили завещание и провозгласили правителем 12-летнего Динь-выонга (1765—1777), сына Во-выонга от наложницы, ставшего марионеткой в руках Чыонг Фук Лоана. Нгуен Хынг То был брошен в тюрьму, его приближенные убиты, а через четыре месяца и сам принц неожиданно заболел и умер.

Став регентом и присвоив себе высшие гражданские и военные должности, Чыонг Фук Лоан расставил на ключевые государственные посты верных себе людей и захватил доходы с богатых золотых приисков. Из Зядини был вызван Нгуен Кы Чинь, реабилитацию получили оппозиционные по отношению к умершему Во-выонгу чиновники. В середине 1767 г. Нгуен Кы Чинь умер, а еще через год была изменена в сторону приближения к классическому образцу программа экзаменационных конкурсов, по которой проводился отбор чиновников.

В экономической сфере, в которой преобладающую роль получили южные районы страны (только в Куангнаме в 1769 г. сбор налогов в два раза превышал аналогичные поступления из Тхуанхоа), ситуация ухудшалась год от года. Несмотря на то что в Зядини никогда не происходило наводнений, было распахано много плодородных земель, дававших очень хорошие урожаи, цена на рис в стране ежегодно возрастала. Таковы были последствия денежной реформы Во-выонга. Ослабевшая центральная власть уже не могла заставить население принимать деньги из белого цинка по их номинальной стоимости. Это грозило катастрофой: во-первых, никто не хотел обменивать медные деньги на не имевшие собственной стоимости цинковые, во-вторых, население (преимущественно плодородного юга) не желало продавать за обесцененные цинковые деньги рис и, накапливая его запасы, занималось в лучшем случае натуральным обменом. Начался голод, и некоторые чиновники предложили правителю регулировать цену на рис путем ежегодной продажи государственных запасов по низким ценам. Это предложение было оставлено властями без внимания, вследствие чего положение продолжало ухудшаться.

В 1770 г. в горных районах Куангнама, Куангнгая, Кюиньона и Фуиена вспыхнуло восстание горских народов. Центром этого восстания была гора Давать в Куангнгае. Масштабы восстания заставили дангчаунгские власти создать в Куангнгае шесть боевых лагерей и патрулировать все перечисленные выше провинции. Но это было только началом военных забот нового правительства. В 1771 г. сиамские войска, оправившиеся после разгрома Аютии, захватили Хатиен и вынудили Мак Тхиен Ты бежать в Зядинь. В результате резко упали доходы от международной торговли. В 1772 г. в условиях уже начавшегося восстания братьев-тайшонов в Кюиньоне в Камбоджу были посланы войска, нанесшие поражение сиамцам и захватившие Пномпень. После победного окончания войны наступило хрупкое примирение с сиамским королем Пья Таксином, в связи с чем в Зядини приходилось держать сильную армию. В мятежном Кюиньоне власти вместо решительных военных действий против восставших проводили проверку списков тягловых и набор сол-

дат, чем усугубили недовольство даже не примыкавшего к тайшонам населения.

В 1773 г. дестабилизация в столице Фусуане достигла своей высшей точки: начались заговоры знати против Чыонг Фук Лоана, убийства и казни высших чиновников. Этот кризис совпал с переходом войска восставших тайшонов из горных районов на равнину, что явилось началом широкомасштабной войны экономически доминировавших слоев города и деревни Дангчаунга за обретение политической власти.

Глава 30

МАЛАЙЯ И СЕВЕРНЫЙ КАЛИМАНТАН В XVIII в.

В конце XVII в. в Малайе появились *буги* — отважные мореплаватели, пираты и торговцы Архипелага. Создавшие ряд княжеств на юго-западном Сулавеси, буги под давлением голландцев начали переселяться (со второй половины XVII в.) в другие районы Нусантары. В конце XVII в. они появились в Малайе, где на западном побережье полуострова основали свои поселения.

В начале XVIII в. буги приняли активное участие в борьбе за джохорский престол. В 1722 г. бугские вожди сделали султаном Джохора Сулеймана (1722—1760), сына Абдул-Джалила IV. Фактическая власть в султанате перешла в руки бугов.

Утвердившись на архипелаге Риау, где в то время находился центр Джохорского султаната, буги активно вмешивались в политическую борьбу в других княжествах. Один из бугских вождей, раджа Луму, в 1742 г. стал первым султаном Селангора. Перак также признал власть бугского *ям-туана муда* («младшего правителя»).

Рост влияния бугов в малайских княжествах вызвал беспокойство голландцев. Еще больше голландские власти Малакки были недовольны торговой деятельностью бугских феодалов, которые под прикрытием боевых флотилий, не брезговавших и пиратством, нарушали голландскую торговую монополию.

В борьбе с бугами голландцы использовали недовольство малайских феодалов, оттесненных бугами. Главой малайской партии стал Мансур, султан северомалайского княжества Тренгану, уговоривший султана Джохора Сулеймана обратиться за помощью к голландцам.

В 1756 г. вспыхнула война. Бугский полководец раджа Хаджи разбил флот султана Тренгану и перенес военные действия в окрестности Малакки. Но в 1758 г., после почти двух лет борьбы, бугские феодалы были вынуждены подписать договор, по которому Нидерландская Ост-Индская компания (НОИК) получила монополию на торговлю оловом и право беспошлинной торговли во владениях Джохора; другим европейцам запрещалось торговать в Джохоре.

Джохор начал понемногу оправляться от последствий войны 1756—1758 гг. Пользуясь ослаблением Нидерландской ОИК, буги развернули на Риау оживленную торговлю. Английские, китайские, португальские, индийские купцы, а также торговцы из Сиама, Аче и других частей Архипелага «посещали Риау, чтобы закупить опиум, ткани и китайские товары в обмен на свои продукты... и население Риау продавало и покупало с немалой выгодой для себя», свидетельствует голландский источник XVIII в. Раджа Хаджи восстановил влияние Джохора в Пераке, Кедахе, а также на восточной Суматре — в Джамби и Индрагири.

МАЛАЙЯ И МАЛАЙСКИЙ АРХИПЕЛАГ В XVII—XVIII вв.

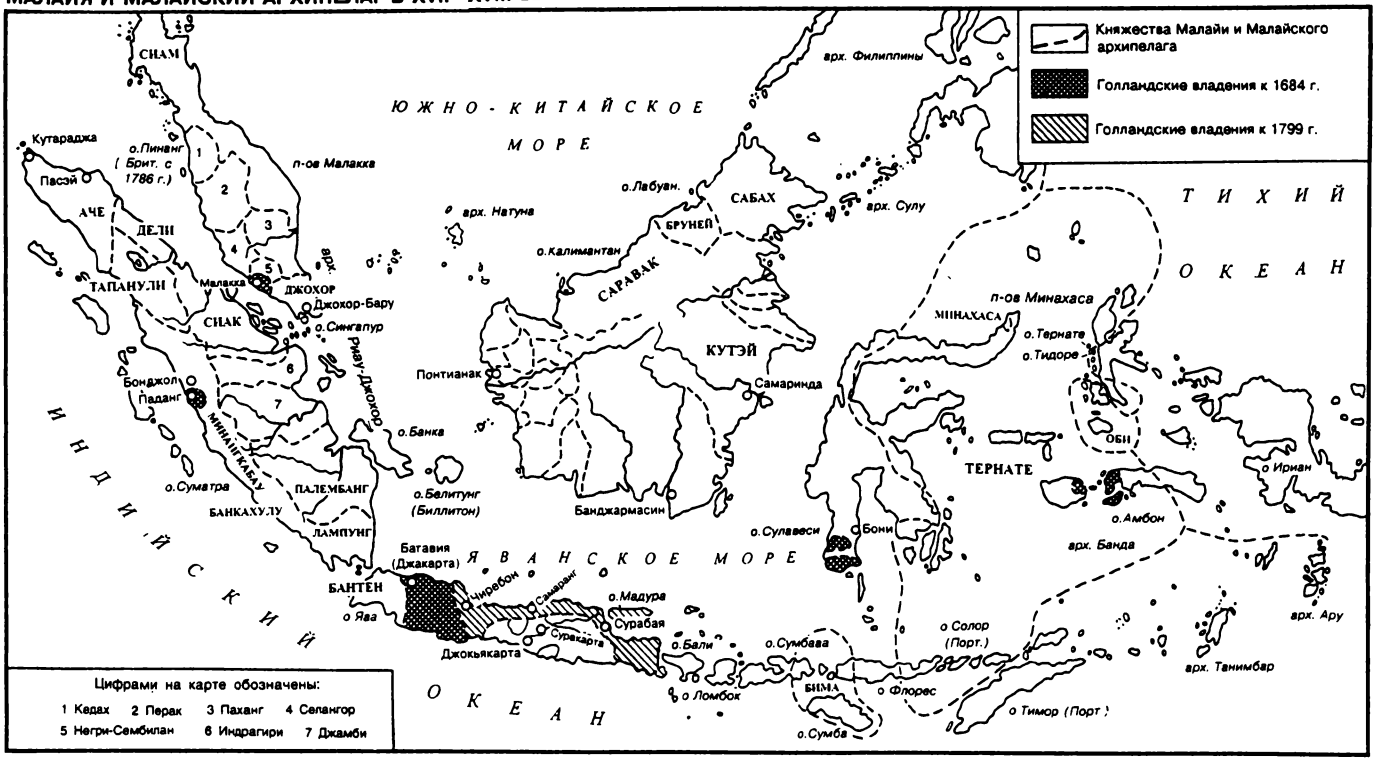


Рис. 21

В 1783 г. вспыхнула новая война между Джохором и голландцами, которые не могли примириться с усилением своего соперника. Из Малакки на Риау была отправлена сильная экспедиция. Голландцев поддерживали султан Тренгану Мансур и ряд суматранских владетелей. Раджа Хаджи поднял на защиту все население Риау, и захватчики встретили на архипелаге единодушный отпор. Голландцы потеряли флагманский корабль и 600 человек и бежали в Малакку.

В начале 1784 г. раджа Хаджи высадился около Малакки и начал осаду города. Одновременно с севера на Малакку двинулся селангорский султан Ибрахим, двоюродный брат раджи Хаджи. Раджа Хаджи провозгласил священную войну против голландцев, которые оставили пригороды и укрепились за стенами города, с трудом сдерживая натиск осаждающих.

Спасло Малакку появление эскадры ван Браама, пришедшей из Нидерландов в Батавию весной 1784 г. 18 июня высадившийся ночью голландский отряд при поддержке корабельной артиллерии атаковал лагерь раджи Хаджи. Смерть полководца в начале сражения заставила бугов отступить от Малакки.

После этого, в августе 1784 г., ван Браам захватил Селангор. В конце октября голландский флот разбил бугов на Риау, а 1 ноября 1784 г. султан Джохора Махмуд и малайские феодалы на борту фрегата «Утрехт» подписали капитуляцию. Джохорский султанат признавал вассальную зависимость от Нидерландской Ост-Индской компании, которая получала право утверждать султана. Все укрепления на Риау уничтожались, и султан принимал голландский гарнизон. Подтверждались также все условия договора 1758 г. о голландской монополии на закупку олова; кроме того, все буги, родившиеся не на Риау, изгонялись с архипелага.

В феврале 1787 г. голландцы заставили султана Джохора Махмуда подписать новый договор, поставивший султанат под их полный контроль. Махмуд обратился за помощью к иланунским (филиппинским) пиратам, которые в мае 1787 г. изгнали голландцев, а заодно и Махмуда с Риау. Бежавший султан стал искать поддержки у голландцев в Малакке и у англичан на о-ве Пинанг, где в 1786 г. была основана английская фактория. Потерпев неудачу в этих попытках, он создал в 1790 г. коалицию, куда вошли малайские и суматранские государства, для изгнания как голландцев, так и англичан. Но нападение на Пинанг и голландский форт на о-ве Диндинг (Перак) кончилось неудачей, и коалиция распалась. Голландцы вновь вернулись на Риау, который иланунское вторжение привело в полный упадок. В 1795 г., после оккупации Англией голландских владений на Востоке, султан Махмуд был восстановлен на троне. В 1801 г. малайские и бугские феодалы заключили соглашение, поделив власть на архипелаге Риау-Линга.

Доколониальное малайское общество типологически можно отнести к приморскому, или военно-феодальному типу, схожему с тем, что существовал в Нусантаре. Малайские султанаты, именуемые *негри* (первоначальное значение — «город», затем — «страна»), занимали обычно территорию в бассейне одной из главных рек полуострова. Столицы султана-

тов размещались при впадении главной реки в море или, как в Джохоре, на реке в некотором отдалении от морского берега.

Во главе государства стоял султан, или *янг-ди-пертуан бесар* (сокращенно *ям-туан*, т.е. «тот, кто является господином»), символизировавший единство султаната. Особа султана считалась священной.

Реальная власть султана по мере усиления раздробленности, особенно после ослабления и распада Джохора, становилась все более призрачной. В большинстве малайских княжеств в начале XIX в. власть султанов распространялась лишь на домен. Центральный аппарат был слабым, так как реальная власть сосредоточивалась в руках крупных феодалов, владевших теми или иными областями государства. При султанах имелись советники, которых правитель старался подбирать из числа родственников или верных людей.

Султанат делился на области (*даэрах*, *джаджахан*), которые являлись владениями того или иного знатного рода. Теоретически владение этими областями было обусловлено военной службой султану и выплатой ему определенной части доходов, но фактически, особенно в XVIII—XIX вв., крупные владетели мало зависели от центральной власти.

Владетельные феодалы, носившие титулы *раджа* или *тунку* (если они происходили из правящей семьи), *дато* или *ван* (если они не принадлежали к султанскому роду), управляли областью, взимали налоги, вершили суд, собирали пошлины, сгоняли крестьян на принудительные работы и т.д. Вокруг каждого из них образовывался круг из родственников и других аристократов, которые были его помощниками, военачальниками, секретарями, послами, управителями, советниками.

Обычным явлением были усобицы. Войны постоянно велись как между султанами, так и между владетельными феодалами. Феодалы жили в укрепленных резиденциях на берегах рек; резиденции обносились палисадом, рвом и земляной насыпью, по углам которой сооружались бастионы для пушек.

Знать в Пераке и Паханге по малаккской традиции делилась на несколько групп: «четыре», «восемь», «шестнадцать» и «тридцать два». Наиболее влиятельной группой была первая, в нее входили: *бендахара* — первый министр и главнокомандующий, *бендахари* — секретарь и казначей султана, *темengунг* — глава полиции, ведавший также военными укреплениями, и *мантри* — главный судья. Высшие вельможи, входившие в «четверку» и «восьмерку», распространяли свою власть на целые районы султаната.

Часть доходов, и довольно значительную, феодалы получали в виде судебных штрафов с крестьян. Каждый феодал в своей округе вершил суд и собирал судебные штрафы. По закону доход от судебных штрафов должен был делиться в определенной пропорции между султаном и феодалами, но с ослаблением центральной власти феодалы стремились присвоить его целиком.

После крупных владетелей в Пераке и Паханге на иерархической лестнице стояли шестнадцать правителей различных областей, должности которых не наследовались. Они назначались крупными феодалами, часто

из числа их сыновей. Кроме того, имелось тридцать два «территориальных вождя», которые, в отличие от крупных владетелей, не имели судебной власти, а являлись их помощниками или просто управителями небольших округов.

Яркий пример раздробленности в конце XVIII в. представлял собой Джохор — жалкий обломок некогда могущественного султаната. Здесь можно было найти по меньшей мере семь владений, правители которых не хотели подчиняться султану.

В условиях Малайи значительные доходы поступали от пошлин на торговлю и оловодобычу. Это способствовало концентрации больших богатств в руках отдельных феодалов и открывало им путь к политическому возвышению.

Малайское общество резко делилось на два слоя: знать и крестьян (*раятов*). Основная масса крестьян передавала свои участки земли по наследству. Эту землю можно было продавать, покупать, закладывать. Крестьянин имел право на владение любым участком земли, который он или его предки отвоевали у джунглей. Права на землю сохранялись в течение всего времени, пока продолжалась обработка земли или сохранялись межевые знаки, указывавшие на право владения землей.

Малайские крестьяне, как правило, были наследственными владельцами земли, несли повинности и платили налоги. В рисопроизводящих районах крестьяне платили так называемую десятину. Размеры десятины не были зафиксированы и различались не только от княжества к княжеству, но даже в районах одного и того же княжества. В некоторых районах Малайи этот налог взимался с крестьян не рисом, а другими продуктами — кокосовыми орехами, фруктами, ценной древесиной и т.д.

Значительное развитие получила трудовая повинность. Крестьяне строили мосты, дороги, рыли каналы и выполняли другие общественные работы, были гребцами на лодках феодалов, смотрели за слонами султана и т.д.

Кроме того, существовали нефиксированные подношения крестьян феодалам. Источники свидетельствуют, что раджи в любое время могли взять «подарки» у крестьян — от дочери до фруктов.

На протяжении XVIII в. продолжалось происходившее с XVII в. освоение новых территорий. Начиная с XVI в. малайцы и минангкабау, постепенно продвигаясь по рекам в глубь страны, основывали новые поселения.

Основными занятиями малайского крестьянства были возделывание риса и рыболовство. Население жило в деревнях, расположенных вдоль морского побережья и рек. Значительное место в Малайе занимали подсечно-огневая система земледелия и выращивание суходольного риса.

Поливной рис сажали в устьях рек, вдоль заливаемых речных пойм, а также вдоль узких речных долин. В прибрежных районах рис культивировался на участках, образованных морскими отложениями. Посевы поливного риса требовали ирригационной сети, которая в Малайе была весьма разнообразна — от очень примитивных приспособлений для задерживания и ограничения стока дождевой воды до искусных сооружений по регулированию речного стока.

Высшим лицом малайской деревни являлся староста (*пенгулу*), должность которого обычно была наследственной. К верхушке деревни относились также помощники старосты (*мата-мата*) и имам — священнослужитель деревенской мечети.

Помимо крестьян-общинников в малайских княжествах были другие разряды эксплуатируемых — долговые зависимые (*оранг берхутанг, каван*) и рабы (*абди*).

Долговыми зависимыми становились люди, заложившие свою землю, или те, кто по каким-либо причинам остались без земли, оторвались от своей деревни и были вынуждены отдаться под покровительство феодала. Такие люди иногда жили в доме феодала, обрабатывали его поля, расчищали новые участки из-под леса. Долговая зависимость не прекращалась со смертью должника: семья наследовала все обязательства умершего.

Собственно рабов в Малайе было сравнительно немного. К ним относились военнопленные, захваченные аборигены, которые сопротивлялись обращению в ислам, лица, совершившие преступления и отдавшиеся под покровительство султана или владетельного феодала, дети рабынь, которые не признавались хозяином за собственных. Кроме того, имелось небольшое число рабов-африканцев, привозимых паломниками из Мекки. Бóльшая часть рабов жила в домах феодалов и не участвовала в производительном труде.

Одной из самых значительных отраслей домашней промышленности крестьян было производство плетеных изделий. Из пальм и бамбука изготовляли сельскохозяйственный инвентарь и снасти для рыбной ловли, домашнюю утварь, разнообразные сосуды, обувь и головные уборы. Глиняная посуда также изготовлялась крестьянами. Существовало ручное ткачество.

Далеко за пределами Малайи славились малайские золотых дел мастера и оружейники. В Келантане и Тренгану производились шелковые одежды. Некоторые необходимые для ремесленников материалы привозили из других стран, например шелковые ткани из Индии и Китая.

Минангкабау Негри-Сембилана отличались по общественному устройству от малайцев. Они сохранили пережитки родо-племенных отношений, у них господствовало материнское право, существовала юридическая неоформленность сословных различий.

Минангкабау, переселившись в Малайю, принесли с собой форму своей родо-племенной организации. На Суматре они принадлежали к одному из четырех *суку* — разросшемуся первоначальному роду, и пришельцы в Малайе сохраняли принадлежность к своему суку. Постепенно суку из некогда родо-племенных организаций превратились в территориальные объединения, в которых, однако, сохранялись черты прежнего родового устройства.

Ранняя история северного Калимантана имеет в своих главных чертах много общего с историей Малайи, с тем, однако, отличием, что остров Калимантан находился на периферии малайско-индонезийского мира и процессы, характерные для этого региона, проходили там в замедленном темпе.

Калимантан был заселен аустронезийскими племенами в ту же эпоху, что и Малайя. Потомками первых аустронезийских пришельцев являлись народы, относившиеся к коренному населению северного Калимантана, — ибаны, даяки и др. Вплоть до английского завоевания эти племена жили в условиях родового строя; социальная дифференциация была крайне незначительной. Многие племена жили родами в так называемых длинных домах, где не существовало даже индивидуальных хозяйств семей.

Позднее на северном Калимантане появились малайцы, создавшие первые княжества на острове. По-видимому, ранние волны малайских поселенцев появились в Сараваке примерно в то же время, что и в Малайе. Бруней был заселен малайцами, уже переселившимися на Малаккский полуостров. Переселяясь на Калимантан, малайцы приносили с собой культуру «индианизированных» государств Суматры и Полуострова. Общественный строй государственных образований на Калимантане был сходен с малайским, но с той разницей, что влияние побережья на периферию, заселенную превосходящими малайцев по численности племенами, проявлялось здесь гораздо слабее.

В начале XV в. в Бруней проник ислам. Правители Брунея разорвали формальные узы, связывавшие их с индуистским Маджапахитом, и стали ориентироваться на Малакку, торговля с которой приносила Брунею немалые выгоды.

В начале XVI в. власть султанов Брунея простиралась на все северное побережье Калимантана. В Сараваке правили родственники султана, признававшие вассальную зависимость от Брунея. Соседом Брунея был султанат Сулу, правители которого претендовали на Сабах, находившийся во владениях Брунея. К западу и югу от Брунея располагались малайские султанаты Самбас и др. Ни один из них не мог соперничать в тот период с Брунеем. Внутреннюю часть острова занимали племена, контакты которых с побережьем оставались незначительными. Но уже в начале XVI в. жившие ближе к побережью даяки суши и меланау начали подпадать под власть малайской знати и принимать ислам.

Первыми европейцами, появившимися в Брунее, были участники экспедиции Магеллана. В июле 1521 г. два корабля экспедиции бросили якорь в гавани Брунея. Итальянец Антонио Пигафетта, один из участников экспедиции, оставил описание Брунея. Он рисует крупный город, с населением более 100 тыс. человек, пышный дворец с залами, украшенными шелковыми занавесями, золотой и фарфоровой посудой, серебряными канделябрами. Пигафетта увидел Бруней в зените могущества. Султан Булкиах, власть которого признавали весь север Калимантана и юг Филиппин, поддерживал торговые и дипломатические отношения с многими мусульманскими государствами Архипелага и с Китаем. Показательно, что весь остров Калимантан стал известен европейцам по названию Брунея — как Борнео.

В 1526 г. португальские корабли под командованием Жорже де Менезиша появились в Брунее. Был заключен торговый договор. Бруней поставлял в португальскую Малакку перец, сушеную рыбу и рис, а взамен ввозил оружие и ткани.

К 1571 г. испанцы закончили завоевание основных островов Филиппин. Их главным противником теперь оказался султанат Сулу, для борьбы с которым они стали искать союзников. В 1578 г. испанцы вмешались в борьбу за престолонаследие в Брунее. Султан, получивший трон с помощью испанцев, не выполнял своих обещаний. Экспедиция, снаряженная испанцами в 1580 г., успеха не имела. Северный Калимантан не стал первостепенным объектом ранней европейской экспансии, и дальше спорадических попыток португальцев и испанцев, а затем голландцев и англичан утвердиться в отдельных районах побережья дело не пошло.

Хотя Бруней фактически остался не затронутым ранней колониальной экспансией, последняя нанесла удар по его торговле — основе могущества султаната. Политика торговой монополии, которую проводили на Архипелаге португальцы и голландцы, привела к свертыванию торговых связей Брунея и уменьшению его значимости как крупного порта. Разрушительные последствия для Брунея имело местное пиратство, начавшее бурно развиваться с середины XVII в.

Пиратство существовало в районе от Индийского океана до Китайского моря издавна, этому способствовали развитие морской торговли и географические условия (множество островов, бесчисленные эстуарии и протоки). Но только с разрушением местной торговли европейцами начиная с XVI в., которое привело к развалу сложившейся социально-экономической и политической системы на Архипелаге, пиратство приняло небывалые масштабы, став истинным бичом Южных морей. Султаны Брунея и Сулу, потерявшие вследствие европейской экспансии доходы от торговли, брали пиратов под свое покровительство, получая за это долю от добычи. Собственная торговля Брунея резко сократилась, в частности окончательно была подорвана торговля с Китаем. Развитие пиратства привело к усилению раздробленности Брунея, так как местные владетели, опираясь на пиратские флотилии, чувствовали себя почти независимыми.

В XVI—XVIII вв. культура Малайи, подвергшаяся сильной исламизации, развивалась главным образом в сфере литературы, в тесной связи с малайскоязычной культурой Суматры и Калимантана (Брунея). В это время продолжался перевод на малайский язык произведений арабо-персидской и индийской литератур («Повесть о мудром попугае», «Повесть о Бахтиаре», «Повесть о Калиле и Димне» и др.).

Значительные произведения были созданы в то время в области теологии, исторической прозы и юриспруденции. Центром малайского языка и литературы после падения Малакки стали княжества Северной Суматры — Пасей и Аче, хотя культурная традиция сохранялась также в Джохоре, Пераке и Кедахе.

В XVII в. на северной Суматре, издавна бывшей центром распространения ислама в Юго-Восточной Азии, создается ряд философских теологических произведений на малайском языке. Наиболее интересны из них сочинения мистиков, приверженцев суфизма, широко распространившегося на северной Суматре в XVII в.

После упадка Аче центр мусульманской теологии переместился в другие места. Одним из таких центров стал Риау.

В XVII — начале XIX в. появился ряд малайских исторических сочинений. В султанате Джохор в начале XVII в. была завершена редакция версии «Седжарах Мелаю». Истории самого султаната были созданы в бугский период. Анонимная «Хикаят негри Джохор» («Повесть о земле Джохорской») описывает историю Джохора и бугов на полуострове между 1672 г. и последним десятилетием XVIII в.

XVI—XVIII века были временем интенсивного развития юриспруденции в малайских княжествах, что объяснялось необходимостью приспособить местное право к требованиям ислама, занявшего господствующее положение в сфере идеологии.

Основой всех позднейших малайских кодексов послужили своды законов Малаккского султаната второй половины XV — начала XVI в. На их базе возник пахангский кодекс, составленный в 1596 г. Этот сборник, носящий следы влияния домусульманского права, использовался как учебное пособие не только в Паханге, но и в Пераке и в Джохоре.

В начале XVIII в. в Пераке был создан свод «Двенадцать законов», в котором делалась попытка приспособить законы минангкабау к патрилинейной системе. «Девяносто девять законов» Перака, также оформленные в XVIII в., характеризуются явным преобладанием норм малайского обычного права над мусульманским. Существовал в XVIII в. отдельный кодекс и в Джохоре, основанный на законодательстве Малакки.

Глава 31

МАЛАЙСКИЙ АРХИПЕЛАГ В XVIII в.

В этом веке Малайский архипелаг вступает в собственно колониальный период своей истории. Голландцы окончательно укрепляются на Архипелаге, прежде всего на Яве, где рушится традиционная общественная структура. Происходит институализация форм колониальной эксплуатации. В то время значительная часть султанатов, княжеств, племенных федераций Внешних островов (в колониальную эпоху — территория Индонезии, исключая Яву и Мадуру) сохраняет свою независимость и доколониальную социополитическую структуру. В целом этот период можно охарактеризовать как переходный — политически, экономически, психологически — от традиционного, доколониального состояния к новому, определявшемуся в первую очередь колониализмом.

Проникновение колонизаторов на Яву, захват ими территорий, на которых устанавливалась новая, чужеземная система управления, усиление эксплуатации — все это вызывало серьезное недовольство населения и выливалось в движения, носившие антиголландскую направленность. Если в предыдущий период восстание Трунаджаи имело характер преимущественно династической и междоусобной войны, в которой антиколониальные настроения находились на заднем плане, то после установления голландского контроля над Матарамом и Бантеном характер выступлений на Яве изменился: по мере распространения голландского господства на первый план даже в движениях, внешне не выходивших из сферы традиционной борьбы за власть, выдвигался антиколониальный элемент, ибо за одной из враждующих сторон всегда стояли голландские власти Батавии.

Наиболее мощным антиколониальным выступлением на Яве в конце XVII — начале XVIII в. было движение Сурапати. Личность самого вождя этого движения по сей день окружена легендами, он стал героем литературных произведений, что привело к несомненной хрестоматизации его биографии, характера и облика. Но одно несомненно: Сурапати открывает галерею наиболее ярких героев антиколониальной борьбы, воспринимаемых в Индонезии в качестве героев не локальных, а общенациональных. В этом, как представляется, и заключается его отличие от Трунаджаи, который относился скорее к персонажам яванского средневековья.

Сурапати был балийцем. В молодости он оказался рабом в Батавии, бежал от хозяина и организовал отряд удальцов в горах западной Явы. Во время бантенской войны он со своим отрядом поступил на службу НОИК. Вслед за тем Сурапати поссорился с голландским офицером, разгромил его отряд и бежал в Чиребон, где организовал антиголландское сопротивление, а затем перешел в матарамские владения. Антиголл-

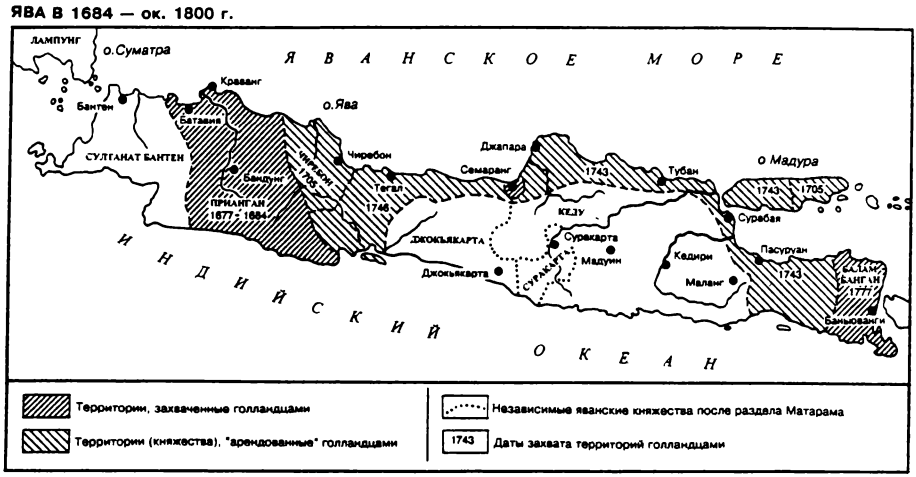


Рис. 22

ландская группировка в Картасуре приняла Сурапати, рассчитывая укрепить свои позиции. Действительно, с его прибытием антиголландские настроения в столице Матарама, подогреваемые присутствием голландского отряда и вызывающим поведением служащих компании в факториях на северном побережье, усилились. Обеспокоенные власти Батавии направили в ноябре 1685 г. в Картасуру в качестве посла капитана Ф.Така — победителя Трунаджаи. Он должен был потребовать от картасурского двора выдачи Сурапати. По прибытии Така Сурапати распространил слухи о своем бегстве на восток. Голландцы бросились в погоню, оставив в Картасуре незначительные силы. Сурапати с небольшим отрядом неожиданно вернулся в столицу и ударил по голландцам. В рукопашной схватке перед дворцом *сусухунана* большинство голландских солдат и офицеров, включая Така, погибли. После этого Сурапати ушел из Картасуры на родину, на восток Явы. Он подчинил своей власти почти все восточные районы острова и создал там независимое государство. К нему стекались недовольные голландским владычеством, обездоленные крестьяне и рабы, за счет которых он пополнял свою армию, ставшую грозной силой.

Положение в Матараме осложнилось в связи со смертью в 1703 г. сусухунана Амангкурата II. Началась борьба за трон между сыном и братом покойного. Сусухунаном стал наследный принц Амангкурат III, или Сунан Мас. Его дядя бежал во владения компании. Там в июле 1705 г. голландцы провозгласили его сусухунаном под именем Пакубувоно I. Он подписал договор с Компанией, по которому уступал НОИК Восточную Мадуру, а также согласился изгнать всех иностранных торговцев, кроме голландских, из Матарама и разместить в Картасуре голландский гарнизон.

Сунан Мас бежал во владения Сурапати. Сильный голландский отряд, поддержанный мадурскими и яванскими войсками, был брошен против

Сурапати. Преодолевая упорное сопротивление, голландцы в октябре 1706 г. пробились к крепости Бангил. Штурм крепости стоил захватчикам более 500 человек убитыми и ранеными. Но оборонявшиеся понесли тяжкую потерю: 11 ноября 1706 г. Сурапати скончался от тяжелых ран, полученных при защите Бангила. Сопротивление продолжали сыновья Сурапати и Сунан Мас. С большими усилиями войска НОИК преодолевали сопротивление их отрядов. В июле 1708 г. Сунан Мас сдался и был отправлен голландцами в ссылку. Так закончились события, известные в литературе, как «первая яванская война за престолонаследие» (1704—1708).

В феврале 1719 г. в семидесятилетнем возрасте скончался сусухунан Пакубувоно I. Его преемником стал старший сын, принявший имя Амангкурат IV (1719—1726). Братья и дядя нового правителя подняли восстание, и сусухунан бежал под защиту голландских пушек в новый форт, выстроенный в Картасуре. Началась «вторая яванская война за престолонаследие» — новая вспышка антиколониального движения в Матараме (1719—1723). Повстанцы отступили к востоку, где соединились с остатками отрядов Сурапати, во главе которых стоял внук прославленного героя. Ожесточенная и изнурительная борьба на востоке Явы продолжалась несколько лет. При сусухунане Пакубувоно II (1727—1749), сыне Амангкурата IV, НОИК уже безраздельно хозяйничала в Матараме.

С дальнейшим наступлением колонизаторов на Матарам в 40-х годах XVIII в. и яванским сопротивлением переплелись судьбы китайского населения, жившего в Батавии и других городах на севере острова. Китайские колонии в Нусантаре появились в значительном количестве в XIV—XV вв. Европейская колонизация Архипелага и бурные события в Китае в XVII в. (вторжение маньчжуров, повлекшее за собой массовую эмиграцию китайского населения) способствовали увеличению числа китайцев на Яве, выполнявших роль торговых посредников и ростовщиков. Значительная их часть занималась также ремеслами и огородничеством. Первоначально НОИК благожелательно отнеслась к появлению китайского — трудолюбивого и искусного — населения в своих владениях, но после того, как Компания укрепила свои позиции на Яве, она изменила отношение к китайцам. В богатых китайцах она стала видеть более ловких, чем она сама, конкурентов, а в бедных, число которых постоянно возрастало, — источник недовольства и социальной нестабильности в своих владениях.

В июле 1740 г. генерал-губернатор Адриан Валкенир (1737—1741), человек необузданного темперамента и непродуманных решений, распорядился выслать всех батавских китайцев, не имевших определенных занятий, на Цейлон и в Южную Африку. Распоряжение Валкенира было использовано служащими Компании: хватали богатых, давно живших на Яве китайцев и под угрозой высылки вымогали у них деньги. В ночь с 8 на 9 октября 1740 г. по прямому наущению властей европейские солдаты и моряки вместе с присоединившейся к ним городской чернью устроили китайский погром в Батавии. Все китайцы, без различия пола и возрас-

та, были перебиты, а их дома разграблены и сожжены. Бойня в Батавии продолжалась в течение недели, в ней погибло не менее 10 тыс. китайцев.

В ответ вспыхнуло восстание. Китайцы организовывались в отряды и нападали на голландские гарнизоны и служащих Компании. В этой обстановке подняла голову антиголландская партия в Картасуре. В июле 1741 г. сусухунан Пакубувоно II решился выступить: голландский форт в Картасуре был осажден, а после подхода китайских отрядов, имевших артиллерию, капитулировал. В результате вся северная Ява оказалась охваченной «священной войной».

Но вскоре сусухунан, против своей воли вовлеченный в антиголландское движение, напуганный первой же неудачей, бежал под защиту голландцев. В этот решающий момент неоценимую услугу голландцам оказал князь Западной Мадуры Чакрадининград IV, который не только помог им удержать важные пункты на побережье, но и двинул свои войска на Картасуру и изгнал из нее китайцев. Вернувшийся в столицу незадачливый Пакубувоно II подписал 11 ноября 1743 г. новый договор с НОИК, отдававший Матарам целиком и полностью во власть последней. Матарам превратился в вассальное, сравнительно небольшое государство, лишенное своих портовых городов. Более того, Компания получила право утверждать в должностях наместников (*регентов*) во владениях сусухунана. Мадурский князь Чакрадининград IV, помогший НОИК во время «китайской войны», оказался обиженным и поднял восстание. Он захватил почти все побережье Явы. Но голландские силы нанесли мадурцам поражение и вытеснили Чакрадининграта с побережья северной Явы. Некоторое время мятежный князь оказывал сопротивление на территории своих родовых владений на западной Мадуре, но в 1746 г. сдался и был выслан в Капскую колонию, а западномадурские князья утратили всякую самостоятельность.

«Третья яванская война за престолонаследие» с самого начала приняла довольно явную антиколониальную окраску. Пакубувоно II умер 20 декабря 1749 г., но уже 15 декабря губернатор северо-восточного побережья Явы барон Й. ван Хохендорф провозгласил старшего сына умиравшего сусухунаном Пакубувоно III (1749—1788). Новый правитель в отличие от прежних стал сусухунаном в качестве вассала НОИК и даже на церемонии провозглашения занял место ниже двух высших голландских служащих, присутствовавших при этом событии. На следующий день, 16 декабря 1749 г., дядя сусухунана, принц Мангкубуми, обосновавшийся в Джокьякарте, провозгласил себя суверенным государем. Мангкубуми контролировал большую часть собственно Матарама и развернул действия в области Багелен, а его племянник Мас Саид, *патих* (первый министр) и командующий войсками Джокьякарты, повел наступление на Суракарту. Ценой огромных усилий ван Хохендорф сумел предотвратить падение Суракарты и вытеснить Мангкубуми из Багелена. В декабре 1751 г. повстанцы нанесли врагу тяжелое поражение на р. Боговонто: была уничтожена голландская кавалерия, артиллерия и обоз попали в руки яванцев, а командир отряда был убит.

К счастью для голландцев, в этот момент вспыхнула борьба между Мангкубуми и Мас Саидом, парализовавшая действия восставших. Воспользовавшись разногласиями в лагере повстанцев, новый генерал-губернатор, Николас Хартинг, начал переговоры с Мангкубуми. 13 февраля 1755 г. в деревне Гиянти, поблизости от Суракарты, Хартинг и Мангкубуми подписали договор, по которому последний получал половину Матарама и становился правителем (султаном) Хаменгкубувоно I. Матарам был разделен на два вассальных государства — Суракарту и Джокьякарту. Раздел Матарама означал окончательное утверждение НОИК на центральной Яве, где не осталось сколько-нибудь значительной силы, способной реально противостоять колонизаторам.

Подчинение Мангкубуми голландцам подорвало силы сопротивления. В течение 1755 г. войска НОИК и государств Центральной Явы разгромили несколько повстанческих отрядов, возглавлявшихся феодалами и мусульманскими проповедниками. Но Мас Саид, ненавидевший голландцев и бывшего соратника — Мангкубуми, продолжал борьбу еще в течение двух с лишним лет. Укрывшись в горах южной части Матарама, он совершал оттуда непрерывные набеги и держал в постоянном напряжении голландские гарнизоны и войска сусухунана и султана. Лишь в начале 1757 г. Хартингу удалось склонить Мас Саида к прекращению сопротивления. 17 марта было заключено соглашение между НОИК, сусухунаном и султаном, с одной стороны, и Мас Саидом — с другой. Мас Саид получил территорию в четыре тысячи дворов во владениях сусухунана, образовавшую в дальнейшем наследственное княжество Мангкунегаран. Таким образом, Матарам подвергся дальнейшему дроблению, что, несомненно, играло на руку колонизаторам, получившим возможность использовать для поддержания своего господства соперничество между правящими домами центральной Явы.

Одновременно с «третьей яванской войной за престолонаследие» голландцам пришлось столкнуться с серьезными осложнениями на западной Яве — в Бантене, который с конца XVII в. находился в сфере влияния НОИК.

В 50-е годы XVIII в. НОИК поставила под более жесткий контроль также Чиребон — владение султанов из боковой ветви правившего дома Матарама, завершив тем самым покорение западной Явы.

НОИК, которая по договору с Матарамом от 1743 г. получила права на восточную Яву, приступила к утверждению своей власти в этом районе только в 60-х годах XVIII в. В марте 1767 г. голландская экспедиция двинулась вдоль восточного побережья острова и разгромила балийские укрепления. В последующие годы голландские власти подавили еще несколько восстаний на Яве.

Политика Компании по отношению к островным государствам вне Явы в XVIII в. характеризовалась двумя особенностями. Во-первых, превращение НОИК в территориальную державу на Яве и Мадуре привело к тому, что главным в ее деятельности (и основным источником доходов) стала не торговля, а отправление управленческо-фискальных функций. Соответственно значимость Внешних островов с точки зрения экономи-

ческих интересов Компании уменьшилась, тем более что торговля пряностями перестала играть в жизни Европы и Ближнего Востока ту роль, которую она играла в начальный период колониальной экспансии. Но, с другой стороны, ослабление островных государств, мощь которых была подорвана голландцами еще в XVII в., и страх перед европейскими (в первую очередь английскими) конкурентами содействовали продолжению экспансионистской политики НОИК вне Явы. Как и прежде, эта экспансия затрагивала приморские районы, в глубь островов колонизаторы еще не проникали. К концу XVIII в. Нидерландская Ост-Индская компания в той или иной мере распространяла свое влияние на все основные острова Архипелага. Исключением были лишь Бали и Ломбок, которые хотя и находились в непосредственной близости от центра голландского владычества — Явы, тем не менее вследствие воинственности жителей и скудости экспортных товаров оставались вне сферы интересов компании.

В XVIII в. голландцы продолжали экспансию в прибрежных районах *восточной* и *южной Суматры*. В 1719—1722 гг. компания приняла активное участие в междоусобицах, разгоревшихся в Палембанге, в результате чего получила монополию на покупку олова на о-ве Банка, входившем во владения Палембанга. На южной Суматре НОИК после подавления бантенского восстания 1752 г. поставила Лампунг, вассальное владение Бантена, под свое прямое управление.

Из прибрежных государств *северной Суматры* полную независимость продолжал сохранять Аче, который в XVIII в. не мог, правда, активно участвовать в суматранских делах, так как находился в состоянии упадка.

На *западном побережье Суматры* серьезными конкурентами НОИК выступали англичане, обосновавшиеся в конце XVII в. в Бенкулене. Помимо форта в Бенкулене на Суматре существовало несколько английских торговых факторий, важнейшими из которых были Тапанули и Наталь в районе, населенном батаками. В 1760 г. небольшая французская эскадра под командованием графа д'Эстена захватила английские фактории на Суматре и передала их голландцам. Но по Парижскому договору 1763 г., завершившему Семилетнюю войну, Тапанули и Наталь были возвращены Английской Ост-Индской компании.

На *Калимантане* основное внимание НОИК сосредоточила на западном и южном побережье острова. В самом конце XVII в. НОИК вмешалась в междоусобную войну между Сукаданой и Ландаком на стороне последнего. Голландцев толкали на вмешательство в дела Западного Калимантана два обстоятельства: стремление заполучить только что открытые здесь месторождения алмазов и желание ликвидировать английскую факторию, появившуюся в Сукадане. В 1699 г. совместная голландско-бантенская экспедиция с помощью Ландака сокрушила Сукадану — формально вассала Бантена. Англичане были изгнаны, НОИК получила половину ежегодно добываемых на Западном Калимантане алмазов. С начала XVIII в. заметную роль в этом районе стали играть бугские поселенцы, с помощью которых султан Сукаданы сумел вернуть власть над своим владением.

В середине XVIII в. богатый арабский купец Хуссейн обосновался в Мампаве, бугском княжестве на западном Калимантане. Его сын Абдур-Рахман основал на одном из притоков р. Ландак торговый центр Понтианак. Новый порт привлек внимание торговцев (местных и иноземных), стремившихся избежать голландских ограничений, и Понтианак за короткое время стал процветающим городом. В 1772 г. Абдур-Рахман провозгласил себя султаном. Обеспокоенная возникновением нового торгового центра на Архипелаге, НОИК в 1779 г. навязала Понтианаку договор, по которому султан обязался платить Компании ежегодную дань, запретить разведение пряностей и кофе в своих владениях и позволить голландцам соорудить форт. Однако находившаяся накануне краха НОИК в 1791 г. была вынуждена покинуть Понтианак.

На южном Калимантане основным государственным образованием был султанат Банджармасин. На протяжении XVII — первой половины XVIII в. НОИК заключила с Банджармасином, который стал заметным центром торговли, несколько договоров о монополии на торговлю перцем, о военной помощи и сооружении фортов во владениях султаната. Несмотря на эти договоры, голландцы не добились реальных успехов на южном Калимантане: султаны Банджармасина не были склонны ни поступаться своими доходами, ни изгонять в угоду НОИК англичан, на протяжении всего периода сохранявших свои фактории в этом районе.

В 80-х годах XVIII в. Компания получила долгожданную возможность вмешаться в дела Банджармасина. В 1785 г. здесь вспыхнула междоусобица, в которой НОИК поддержала одного из претендентов на трон — принца Нату. Ната, став султаном Банджармасина, подписал с Компанией договор, по которому признавал последнюю своим сюзереном, а также предоставлял НОИК монополию на закупку перца и право на сбор торговых пошлин. Но колонизаторам не удалось воспользоваться плодами неравноправного договора. В 1797 г. они были вынуждены эвакуировать свой пост в Банджармасине, подвергавшийся постоянным нападкам со стороны местного населения.

Постоянным источником беспокойства для НОИК оставался *южный Сулавеси*. Свободолюбивое и воинственное население острова не прекращало борьбу с колонизаторами. В конце 30-х годов XVIII в. восставшие буги во главе с Бонту Лангкасой и присоединившиеся к ним жители княжества Ваджу напали на Макассар, изгнали султана и осадили голландский форт. В 1776 г. некто Сангкиланг, выдававший себя за изгнанного голландцами султана Гова, поднял восстание и захватил макассарский трон. Разбитый голландским гарнизоном, он бежал в область Тораджа, во внутренней части Сулавеси. Компания до конца своих дней так и не смогла подавить это движение.

Некогда процветавшие *Молуккские острова* в результате хищнической системы эксплуатации, созданной НОИК, находились в крайне тяжелом положении. Продолжали вырубаться гвоздичные и мускатные деревья повсюду, кроме Амбона и о-вов Банда, население которых было обязано сдавать пряности голландцам по крайне низким ценам и закупать продовольствие у Компании — по высоким. В результате беспощадной экс-

плуатации население Амбона в XVIII в. уменьшилось на треть. Производство пряностей непрерывно сокращалось вследствие полной незаинтересованности местных жителей. Султаны, делившие власть над Молукками, полностью превратились в послушных слуг колонизаторов.

Голландское влияние на *Малых Зондских островах* было незначительным. Раннеклассовые образования и родо-племенные союзы продолжали жить здесь своей жизнью, слабо контактируя с колонизаторами. Сюда проникали не столько служащие НОИК, сколько авантюристы, пираты и другие искатели наживы и приключений — так называемые «черные иностранцы».

Острова Кей, Танимбар, Ару, а также западное побережье Новой Гвинеи в эпоху НОИК оставались районами, фактически не затронутыми европейским влиянием.

Особенности колониальной политики и эксплуатации в период НОИК. XVI век — эпоха португало-испанской колониальной экспансии — не внес существенных изменений во внутреннюю жизнь Архипелага, поскольку еще только создавались исторические предпосылки будущей колониальной системы как политического и экономического организма. Для этой стадии колониализма характерны открытое вооруженное насилие, прямой грабеж захваченных территорий, торговая монополия, работорговля, средневековый религиозный фанатизм. Португалия и Испания, действуя в Юго-Восточной Азии, стремились главным образом к организации баз и стоянок для флота, созданию торговых факторий, но, как правило, не проникали в глубь территории. В отличие от испанцев, которые «воспроизвели» феодальные отношения на захваченных ими Филиппинах, португальцы не повлияли на социально-политическую структуру Архипелага. Едва ли можно говорить о какой-либо трансформации традиционной системы на Архипелаге под воздействием колонизаторской деятельности Португалии и Испании. Правящая верхушка феодальных государств Юго-Восточной Азии воспринимала колонизаторов как представителей аналогичного социального строя или даже как «варваров», стоявших на более низком уровне развития, и видела в колонизаторах возможных союзников в своих политических распрях.

В эпоху ранней колониальной экспансии возросло количество островных контактов, расширились связи с внешним миром. Хотя колонизаторам не удалось в тот период вытеснить азиатских купцов, было положено начало ориентации связей ряда областей Архипелага на центры, лежащие за его пределами.

Ведущая роль в колониальной экспансии Нидерландов эпохи первоначального накопления в XVII—XVIII вв. принадлежала торговому капиталу.

Главным проводником колониальной политики в это время становятся монопольные торговые компании. Инициатива принадлежала купечеству, а государство поддерживало объединения пайщиков-монополистов. Именно таким объединением была возникшая в 1602 г. Нидерландская Ост-Индская компания.

Административно-судебно-налоговая система голландского колониального управления в Ост-Индии окончательно оформилась в середине

XVIII в., после полного подчинения Явы. На протяжении почти всего своего существования администрация в Батавии управляла разбросанными от Японии до мыса Доброй Надежды территориями, поселениями, факториями и фортами. Вплоть до правления генерал-губернатора ван Имхоффа (1743—1750), поставившего управление на территориальную основу, НОИК воспринималась на Востоке скорее как торговая организация, нежели как сюзерен (европейские служащие компании носили «торговые» ранги: старший торговец, торговец, младший торговец, бухгалтер, помощник бухгалтера и т.п.).

Высшую колониальную администрацию составляли генерал-губернатор и члены (советники) «Индийского совета», число которых не было постоянным. Непосредственно административными делами ведал генеральный директор торговли, одновременно являвшийся заместителем генерал-губернатора. Батавии подчинялись девять губернаторств. Фактории и форты, вокруг которых не было подвластных Компании территорий, управлялись директорами НОИК и комендантами; представители при дворах местных владетелей, как вообще все чиновники на регулярной дипломатической службе НОИК, именовались *резидентами*.

На Яве, ставшей цитаделью компании на Востоке, применялись различные формы управления. Однако компания повсюду сохранила местных феодалов — «регентов», через которых она осуществляла эксплуатацию местного населения.

В эпоху Ост-Индской компании зародился институт, которому было суждено сыграть в последующем значительную роль в системе колониальной голландской администрации в Индонезии. В 1681 г. в окрестностях Батавии впервые был назначен сержант с полицейскими функциями для наблюдения за выращиванием культур, которые поступали на склады компании. *Контролеры*, рекрутируемые из отставных солдат НОИК, получили в просторечье название «кофейных сержантов». Постепенно они стали осуществлять контроль над деятельностью местных регентов.

В начальный период своей истории Нидерландская Ост-Индская компания основные доходы получала от торговли. Средства достижения монополии были многообразны, но все они основывались на грубом, неприкрытом насилии. Связь между островами Архипелага осуществлялась только голландскими судами или местными, имевшими голландские пропуска. На Молукках была введена система разведения пряностей на определенных островах. Посадки на остальных островах вырубались, чтобы сохранить высокий уровень цен на них в Европе. Регулярно совершались карательные экспедиции (*хонгитохтен*) для вырубки гвоздичных и мускатных деревьев и наказания жителей за «контрабанду». На Банда земли, с которых было изгнано местное население, разделили между бывшими служащими компании и другими европейцами-плантаторами (*перкенирами*). Они разводили мускатные деревья и сдавали урожай Компании по твердой цене. Работали на плантациях рабы и кули, захваченные или вывезенные из различных районов Архипелага. Именно голландцам принадлежит «заслуга» организации плантацион-

ного хозяйства, основанного на рабском и полурабском труде. Такая политика привела в конечном счете к разорению Молуккских островов — некогда одного из процветавших районов Индонезии.

С конца XVII в. Нидерландская Ост-Индская компания превращается в территориальную державу, и основой колониальной системы служит уже не столько торговая монополия, сколько крепостническая эксплуатация яванского крестьянства. На яванских территориях, подпавших под их контроль, голландцы получали нужную им продукцию (рис, перец, хлопок, индиго) с помощью системы принудительных поставок (*леверенсий* и *контингентов*). В отличие от леверенсий, т.е. налога, замаскированного под торговую операцию, контингенты представляли собой неприкрытый натуральный налог, который Компания собирала на подвластных ей территориях.

Эти формы эксплуатации в XVIII в. стали основным источником доходов Компании. Кроме того, Компания взимала различные налоги (прямые и косвенные), охватив ими всю производственную и торговую деятельность местного и европейского населения, жившего в ее владениях. В сочетании с судебными штрафами и доходами от откупов это приносило значительные поступления в казну НОИК, собственно торговая деятельность которой отходила на второй план.

В XVII в. контингенты и леверенсии взимались традиционными продуктами (рис, пряности, соль, олово), и только в XVIII в. Компания приступила к насильственному внедрению тех культур, на которые имелся спрос на мировом рынке. Наиболее важной из этих культур стал кофе. Зерна, из которых, как с удивлением заметил голландец, оказавшийся в 1616 г. в Аравии, «приготовляют для питья черную горячую воду», попали в Нидерланды в 1661 г. Начиная с 1696 г. предпринимались попытки разведения кофе на Яве. Голландские власти в зависимости от спроса то заставляли яванских крестьян делать новые посадки кофе, то уничтожали их. В 1723 г. кофе стал статьей монополии НОИК, и стоимость ежегодной продукции была определена в 4 млн. фунтов. Введение культуры кофе принесло неисчислимые беды населению. «Регенты» заставляли подвластных им крестьян свертывать производство продовольственных культур. Крестьяне получали жалкие гроши за сдаваемую ими продукцию; кроме того, они были обязаны своими силами осуществлять хранение и перевозку кофе. Другими важными экспортными культурами в XVIII в. стали сахарный тростник, индигоноска и хлопчатник.

Несмотря на то что появление европейцев на Архипелаге в XVII—XVIII вв. не воспринималось современниками как внезапное изменение в политической или торговой области, тем не менее именно колониальную экспансию Компании можно считать явным водоразделом в истории Архипелага, которая придала изменениям, начавшимся с приходом европейцев, необратимый характер.

В отличие от торговых связей прошлого деятельность Компании привязала Архипелаг к складывавшемуся мировому рынку, что создало возможность не ограниченной потребительскими нуждами эксплуатации страны.

С политической точки зрения основным результатом деятельности Компании было создание голландской колониальной империи. Превращение к концу XVII в. Ост-Индской компании в территориальную державу на Архипелаге внесло принципиально новую ноту в политическую жизнь всего Архипелага. Отныне просто в силу своего военного и морского превосходства НОИК могла в случае необходимости вмешиваться в отношения между любыми индонезийскими государствами. Существование голландских владений закрыло путь к политическому объединению (посредством завоеваний или династических браков) Архипелага или его значительных частей. Показательно, что раздел Матарама на Суракарту и Джокьякарту воспринимался современниками как повторявшееся в яванской истории разделение, которое должно смениться новым объединением. Но — и здесь мы подходим к принципиальному отличию новой эпохи — если раздел Матарама в 1755 г. и имел внутренние причины, роднившие этот акт с подобными же, случавшимися в прошлом, то теперь основным побудителем стал внешний фактор — деятельность Компании, заинтересованной не только в разделении государства, но и в увековечении этого разделения. Отныне объединения двух государств без воли и согласия колонизаторов быть не могло, и это разделение сохранялось до конца колониального периода.

Результаты воздействия колониализма на социально-экономическую структуру индонезийского общества также стали сказываться в период деятельности НОИК, хотя по сравнению с политическим воздействием они были подчас не столь явными и прямыми. Голландская капиталистическая система и ее носители не приспосабливались к местному обществу, не ассимилировались, как это происходило с носителями других культур, а существовали отдельно, причем центр этой системы, регулировавшей экономические, политические и культурно-психологические отношения с местным обществом, находился за пределами Ост-Индии.

На Яве колонизаторы ставили местных феодалов-регентов под свой контроль, оставляя им власть и доходы лишь при условии выполнения всех поставок и распоряжений властей. Регенты назначались генерал-губернатором, но, как правило, должность сохранялась за представителями той или иной знатной семьи. Произошла институализация должностей «регентов», которые постепенно стали превращаться в звено колониальной администрации. Однако в дела управления на уровне ниже регентов Компания вообще не вмешивалась, и яванское общество сохраняло свою традиционную структуру. Значительно меньшее влияние оказала голландская колониальная система на районы, управлявшиеся через местных феодалов. Там, особенно на Внешних островах, традиционная социально-политическая структура осталась практически неизменной.

Уже упоминалось о разорении Молукк, где лишь на Амбоне население за годы хозяйничанья НОИК сократилось втрое. На Яве после принудительного введения культуры кофе были разорены целые районы в Приангане, население которых, доведенное до отчаяния двойным гнетом — голландских чиновников и местных регентов, бросало свои поля и

бежало в горы. В конце XVII в. разоренными крестьянами, бежавшими с насиженных мест, кишели окрестности Батавии.

Утверждение голландцев на Яве подорвало развитую торговлю городов северного побережья, купцы и судовладельцы перестали играть заметную роль в яванских приморских городах, были свернуты рыболовство и местные промыслы. Яванцы превратились исключительно в земледельцев, поставлявших вначале рис, а затем экспортные культуры.

Одним из самых заметных результатов деятельности Компании на Яве, имевшим далеко идущие последствия, было усиление роли китайского капитала в социально-экономической жизни. Китайские торговцы, как и их собратья из других стран Азии, принимали участие в юго-восточно-азиатской торговле задолго до появления здесь европейцев и селились (в небольших количествах) в приморских городах. Во второй половине XVIII в. они превратились в экономически очень важный элемент общества в голландских владениях, сосредоточив в своих руках посреднические функции.

Когда Компания стала продавать пустующие земли в окрестностях Батавии (частные земли), китайцы скупили значительную их часть. Владельцы этих земель (китайцы и европейцы) получали феодальные права в отношении населения их владений, а взамен были обязаны продавать всю продукцию Компании по твердым ценам. Китайцы выступали также и арендаторами земель, принадлежавших Компании. Примеру голландских властей следовали регенты. В результате к концу XVIII в. значительное число деревень на Яве находилось под управлением богатых китайцев, которые, получив их на откуп, выжимали из населения все соки, доводя его до полного разорения. Компания сдавала на откуп не только земли с крестьянами, но и налоги и пошлины. Откупщиками также выступали китайцы. Они же занимались и ростовщичеством. Таким образом, благодаря голландцам, подавившим местный торговый слой, китайский капитал занял место посредника между колониальной властью и местным населением.

Несмотря на развитие товарно-денежных отношений (торговля, налоги, ростовщичество, откуп) и частного предпринимательства (китайские сахарные заводы на Яве), о появлении капиталистических отношений в Индонезии в период Компании говорить не приходится, ибо прежняя структура восточного общества в принципе осталась неизменной: Компания основывала свою систему эксплуатации на государственно-крепостнических началах, перекачивая прибыли в метрополию и не допуская деятельности частного капитала. Китайский же капитал, будучи по своему характеру посредническим, участвовал в крепостнической эксплуатации крестьянства, не привнося ничего принципиально нового в сложившуюся систему.

Говоря о культурно-психологическом воздействии Компании на жизнь индонезийского общества, следует отметить, что немногочисленные голландцы и другие европейцы (10 тыс. человек в конце XVIII в.) в общем мало контактировали с индонезийцами, которые оставались вне воздействия европейской культуры и ее системы ценностей.

Колониальная система Компании оказала отрицательное воздействие на мораль и психологию местного, прежде всего яванского, общества. Колонизаторы, скопировав деспотизм, не заметили достаточно гибких социальных связей внутри общества и соответственно пренебрегали ими. И власть местной знати, которую поддерживали голландцы, стала более сильной в отношении подвластных ей, но одновременно оказалась лишенной внутреннего оправдания. В результате местная социальная система хотя и сохранилась, но стала менее гибкой.

Вмешательство в сельскохозяйственное производство, принявшее самые грубые формы, свело на нет всякую хозяйственную инициативу яванской деревни, способствуя не просто сохранению традиционной системы, но консервации ее, причем консервации с резко снизившимся уровнем социальных, культурных и моральных ценностей.

Неискушенному наблюдателю конца XVIII в. мощь и богатство Компании казались непоколебимыми. Регулярно выплачивались дивиденды, и акции Компании продавались по цене, в два с лишним раза выше номинала.

Но блестящий фасад скрывал полностью прогнившее здание. Прибыли Компании падали: в 1724/25 г. ее баланс впервые был сведен с дефицитом, который в 1779 г. оказался равным примерно 85 млн. гульденов. Но поскольку отчеты не публиковались, а бухгалтерские книги в Батавии не соответствовали тем, что находились в Амстердаме, общество Нидерландов не имело представления об истинном положении дел. Расходы на войны и управление поглощали львиную долю доходов от дани, налогов и торговли, а дивиденды пайщикам (неизменные 18% годовых) выплачивались за счет постоянных займов.

Компания была коррумпирована сверху донизу. Генерал-губернаторы с жалованьем 700 гульденов в год привозили домой состояния в 10 млн. гульденов. Коррупция достигла таких размеров, что накануне падения Компании был введен официальный налог на взятки, которые получали ее должностные лица. Коррупция сочеталась с прямым воровством.

Причина упадка НОИК была глубже, нежели дефицит баланса и коррупция. Крах Компании с ее устаревшими методами, препятствиями, чинимыми ею частной инициативе, в том числе и голландских предпринимателей, был неизбежен и закономерен. Несмотря на сохранение и даже расширение голландской колониальной империи, с конца XVII в. Нидерланды теряют свою колониальную, торговую и морскую гегемонию, которая переходит к Великобритании. Накопленные капиталы сосредоточивались в руках торговой буржуазии, которая направляла их не на развитие промышленности, а главным образом в сферу посреднической торговли и ростовщичества.

Попытки наиболее дальновидных колониальных деятелей осуществить некоторые реформы натолкнулись на сопротивление торговой олигархии в метрополии. Эти попытки, впрочем не увенчавшиеся успехом, связаны с именем Гюстаафа ван Имхоффа, одного из самых способных генерал-губернаторов, занимавшего этот пост в 1743—1750 гг.

Окончательный удар по колониальному могуществу Нидерландов и НОИК нанесла четвертая англо-голландская война (1780—1784). Нидерланды совместно с Францией и Испанией выступили в поддержку борьбы североамериканских колоний против Англии. В Индонезии голландцы потеряли фактории на западном берегу Суматры и свой основной опорный пункт в этом районе — Паданг. Но тяжелее всего сказалась на монополии НОИК морская блокада, установленная англичанами. Все связи между Индонезией и Европой были прерваны, огромное количество непроданных товаров скопилось на складах Батавии. Администрация приступила к выпуску бумажных денег, так как из Голландии перестали поступать серебряные и медные монеты. За годы войны более чем в два раза вырос долг Компании.

Уже в 1782 г. Голландия была вынуждена начать переговоры с Англией о заключении мира. По мирному договору 1784 г. Голландия предоставляла английским кораблям свободу плавания в водах, омывающих Архипелаг. В 1786 г. здесь впервые появился американский корабль, и в последующие годы американцы начали активно торговать на Архипелаге.

Во время четвертой англо-голландской войны оживилась антиколониальная борьба в различных районах Архипелага, в первую очередь в возглавленных бугами султанате Риау и западнокалимантанских княжествах, а также в Банджармасине и Бони. Ценой большого напряжения сил правительство Нидерландов снарядило в 1784 г. эскадру ван Браама, которая восстановила позиции НОИК в наиболее угрожавших ее господству районах Индонезии. Но кардинально ситуация не изменилась.

Долги Компании и после окончания войны с Англией продолжали расти, и Компания все чаще прибегала к займам у правительства. В 1791 г. ее долг достиг 91 млн. гульденов.

В 80—90-х годах XVIII в. правящая верхушка Нидерландов безуспешно старалась поправить дела Компании, создавая бесчисленные комиссии и выдвигая различные проекты реорганизации управления НОИК и ее колониальными владениями. Но олигархия и дворянство Нидерландов, а также штатгальтеры, тесно связанные с НОИК, не решались и не желали предпринимать серьезных шагов и ограничивались полумерами и половинчатыми решениями.

В 70-х годах XVIII в. в Нидерландах оформилась буржуазная партия «патриотов», которая требовала контроля над торговой олигархией, ориентации на Францию и борьбы с Англией. В 1785 г. «патриоты» вынудили штатгальтера Вильгельма (Виллема) V покинуть Гаагу. Вильгельм вступил в переговоры с Англией и Пруссией, которые были обеспокоены усилением в Нидерландах французского влияния. В сентябре 1787 г. прусская армия вторглась в Голландию. Власть штатгальтера была восстановлена. Вскоре на «патриотов» обрушились репрессии, и около 40 тыс. человек эмигрировали во Францию. События 1787 г. отсрочили крах Компании.

В 1793 г. революционная Франция начала войну с Англией и Нидерландами. Голландские эмигранты во Франции сформировали Батавский добровольческий батальон. В начале января 1795 г. французская армия

заняла Голландию. Вильгельм V бежал в Англию, а в 1795 г. Генеральные Штаты Нидерландов объявили о создании Батавской республики. Голландия в союзе с Францией вступила в войну с Англией. Ее колонии немедленно стали объектом англо-французского соперничества.

В феврале 1795 г. Вильгельм V направил всем губернаторам и комендантам голландских колоний письма, в которых призывал служащих НОИК передать владения Компании англичанам, чтобы они не попали в руки Франции. Англичане захватили фактории НОИК на Западной Суматре, а также Амбон и о-ва Банда. Голландская администрация в Батавии отказалась выполнить этот приказ.

Падение Оранской династии и приход к власти «патриотов» ускорили конец Компании. 24 декабря 1795 г. был ликвидирован Совет семнадцати и вместо него создан Комитет по делам Ост-Индской торговли и владений, находившийся под контролем правительства. Комитет начал свою деятельность 1 марта 1796 г. В 1798 г. правительство Батавской республики приняло решение ликвидировать Компанию. 31 декабря 1799 г., в день, когда истекал срок действия хартии НОИК, все ее владения и долги (134 млн. гульденов) перешли к государству.

Культура. Хотя непосредственное воздействие европейцев на культуру Нусантары (Батавия, Амбон, Тимор) было в тот период крайне ограниченным и неглубоким, политическая и экономическая ситуация, созданная присутствием колонизаторов, оказала серьезное влияние на процессы в области культуры. Произошла «провинциализация» общественно-культурной жизни.

Невозможность создания нового крупного государства на Яве, резкое ослабление приморских султанатов, прежде всего Аче, Гова и Джохора, падение роли яванских прибрежных городов, нарушение сложившихся торгово-культурных связей с Индией и странами арабо-персидского мира — все это содействовало окостенению культурных форм, замыканию в традициях прошлого, ностальгии по «имперским» временам, не сопровождавшимся попытками выйти из круга устоявшихся норм и сюжетов. В наибольшей степени это отразилось в «яванском ренессансе», зародившемся в последней четверти XVIII в., после разделения Матарама на Суракарту и Джокьякарту.

Матарам стал воссоздавать культурные традиции «имперского» периода. Раздел государства, сопровождавшийся утратой побережья, усилил чисто яванские элементы с их тягой к традиции и прошлому и вызвал к жизни «яванский ренессанс», стремление отгородиться от неприятной реальности стенами кратона, в котором господствовал бы аристократический мир идеальных форм. В культурной жизни Явы именно в этот период оформляются три течения (*алиран*), которые сохранили свою значимость и в новейшую эпоху ее истории: аристократическая культура кратона — культура *прияи*; *абанган* — культура основной крестьянской массы, сохранявшей под внешней оболочкой ислама не только индуистско-буддийские, но и более глубинные, анимистические и мифологические представления; *сантри* — культура слоя населения, теснее связанного с мусульманской религией и воспринявшего традиции и нормы ислама.

Несмотря на определенную условность деления и повседневное взаимодействие этих социально-культурных феноменов, существование трех потоков играло (и в определенной мере продолжает играть) значительную роль в формировании культурных стереотипов на Яве — центре архипелага. Еще одной чертой культурного развития Индонезии стало существование ряда обособленных местных центров, уже не связанных (как это было прежде) «имперской» традицией. Просветительские тенденции, влияние западных идей — все это лишь намечалось в конце периода.

Начало истории Матарама не отмечено значительными явлениями в области литературы или искусства. Гораздо плодотворнее в этом отношении оказался «период Картасуры» — время существования полунезависимого Матарама (1680—1743). В картасурский период Картамурсадах написал легендарную мировую историю в стихах — «Маник Майя», появилась «Бабад инг сангкала» («История в хронограммах») — стихотворное изложение яванской истории, начиная с падения Маджапахита; историограф Чарик Баджра создал «Бабад Картасура» («История Картасуры»).

Новая волна яванской традиционной литературы («яванский ренессанс») была связана с наступлением восемнадцатого столетия яванской эры (в 1774/75 г.), с которым в Суракарте и Джокьякарте связывали надежды на возрождение Матарама. Придворные литераторы в соответствии с традициями воздействия магии слова на возможный ход событий развили кипучую деятельность. Невозможность применить свои способности в политической и военной сферах, вынужденная сосредоточенность на внутренней жизни кратона вызвали повышенный интерес к культурным ценностям, утонченному стилю в этикете и искусстве и соответственно к литературному наследию прошлого «золотого» века.

Крупным литератором «яванского ренессанса» был придворный историограф и поэт Суракарты Ясадипура-отец (1729—1803). Ему принадлежат новояванские переработки произведений древнеяванской классики — «Серат Рама» (пересказ «Рамаяны»), «Серат Братаюда» (пересказ «Бхаратаюддхи»), «Арджунавиваха» и ряд других поэм. Дело отца продолжил его сын — другой Ясадипура (ум. в 1842 г.), также бывший придворным поэтом в Суракарте. Крупнейшей фигурой «яванского ренессанса» был внук Ясадипуры-сына Ронгговарсито (1802—1873), литератор и историк, блестящий стилист, автор необычайно музыкальных стихов. Ронгговарсито оставил и поэмы, восходящие к средневековым яванским традициям, и труды по яванской грамматике, и книги о мусульманских святых на Яве, и грандиозную мифологическую историю Явы в прозе «Пустака раджа» («Книга царей»). В Джокьякарте видным поэтом был Хаменгкубувоно II, который еще в бытность наследным принцем создал в первый год нового столетия яванской эры поэму-аллегорию «Серат сурья раджа» («Книга о царях»), предсказывающую грядущее восстановление единства Матарама.

На Яве продолжали сохраняться традиции *ваянга* — кукольно-теневого театра, ставшего неотъемлемой и существенной частью яванской, а

затем общеиндонезийской культуры. Он был одновременно и священным действием, и зрелищем, и распространителем морально-этических нормативов, и фиксатором системы ценностей. Особенно расцвел ваянг при дворе Мангкунегары. Князь Мангкунегара I (1756—1796) стал инициатором создания нового театра — *ваянг оранг*, в котором играли живые актеры.

Малайский язык оставался самым распространенным в Нусантаре, чему способствовало и употребление его европейцами в их контактах с местным населением (устная речь, переписка, немногочисленные европейские школы, миссионеры и т.д.). Центром исламской религиозной мысли на протяжении XVIII—XIX вв. был Палембанг, известный своими богословами. Наряду с переписыванием традиционных памятников классической малайской литературы создаются новые произведения, в которых повествуется о современной авторам жизни. Таковы «Хикаят находа муда» («Повесть о молодом корабельщике»), автор которого, Лауддин, описал злоключения своего отца, пострадавшего от голландцев, а также многочисленные исторические поэмы-*шаиры*.

Особенность литературного процесса этого периода как в сфере влияния яванского языка, так и там, где раньше господствовал малайский, состояла в развитии литератур на местных языках.

На Бали, культура которого именно в этот период окончательно обособляется от мусульманского мира Архипелага, возникает своеобразная балийско-яванская литература, которая все больше подвергается влиянию балийского языка. В религиозно-дидактической литературе, остающейся самым почитаемым на Бали жанром, все заметнее проявляются местные религиозные представления, традиции и сюжеты. Сказочно-романтические поэмы подвергаются влиянию местного фольклора. Появляется своя литература (на балийском и сасакском языках) на Ломбоке, подчиненном в конце XVIII в. балийскими раджами. У мадурцев на Мадуре и Восточной Яве, а также у сунданцев на Западной Яве в XVIII—XIX вв. начинают создаваться литературные произведения на своих языках, как переводные с яванского, так и черпающие сюжеты в местных традициях и истории.

В сфере влияния малайского литературного языка процесс становления местных литератур был еще более заметен. Так, в Аче в конце XVIII в. ачехский язык стал превращаться в язык литературы; на базе народно-поэтического творчества появились поэмы-хикаяты как религиозного, так и сказочного содержания.

В XVII—XVIII вв. был создан оригинальный жанр — *каба*, или *чарита*, представляющий собой переработку различных видов местного народного эпоса. На южном Сулавеси, где в первой половине XVII в. развивалась малайскоязычная литература (самое известное произведение — «Шаир перанг Менгкасар», т.е. «Шаир о макассарской войне»), в XVIII — первой половине XIX в. развивается собственная проза и поэзия. Уникальным литературным памятником является бугская эпическая поэма «Лагалиго». На южном Сулавеси были распространены и поэмы исторического эпоса, посвященные событиям XVII—XIX вв. Период позднего

средневековья как на Яве, так и в ряде других районов Архипелага отмечен необычайным интересом к исторической литературе.

Предпосылки развития яванского исторического мышления были заложены еще в тот период, когда ослабло индийское влияние, возрос интерес к собственной культуре и событиям своей истории, т.е. в эпоху Маджапахита. Вернувшись к истокам, в частности к династийным историям, основы которых были заложены еще в свойственном аустронезийцам интересе к генеалогии, яванцы начали преодолевать индуистскую традицию цикличности. Этому способствовало и влияние мусульманской историографии с ее линейным восприятием времени и непрерывности истории.

Наиболее важными историческими сочинениями этой эпохи являются *бабады* — династические хроники, как местные, так и охватывающие историю последовательно сменявших друг друга государств — от Маджапахита до Суракарты и Джокьякарты («Бабад Танах Джави» — «История земли Яванской»). Наиболее значительный вклад в создание хроник внесли придворные историографы Картасуры — *пангеран* Адилангу и Чарик Баджра, а также суракартский историограф Ясадипура-отец.

Особенность яванской исторической традиции состояла в ее тесной связи с литературой (бабады и «Серат канда» — поэтические произведения). В то же время исторические сочинения базировались на матарамской государственной концепции, постулировавшей, что матарамские правители являются продолжателями непрерывной линии, возникшей с появлением исторического времени. С точки зрения концепции исторического процесса наибольший интерес представляют взгляды на роль и функции правителя, оказавшие серьезное влияние и на идеологические установки более позднего времени. Хотя яванцы заимствовали у Индии идею сменяющих друг друга и непрерывно деградирующих мировых эр (*юга*), из которых худшей является *калиюга*, когда страна находится в состоянии дезинтеграции и гибели (пралая), основой исторического мышления оставалась восходящая к дуалистическому восприятию мира мысль о неизбежности периодов упадка и расцвета. Власть — один из аспектов божественной энергии, поддерживающей мировой космос и сконцентрированной в том или ином избраннике. Обладание этой энергией (*сакти*) позволяет тому, кто смог ее сконцентрировать, преодолеть действие разрушительных сил и вывести страну из пралаи.

Помимо яванской в Индонезии существовали еще две исторические традиции, также проявившиеся в позднее средневековье, одна из которых представляла собой результат более тесного соприкосновения с мусульманским миром, а другая почти целиком основывалась на местных традициях, восходящих, по-видимому, к аустронезийско-полинезийскому генотипу.

В XVIII в. появился ряд исторических сочинений на малайском языке. На малайскую историографию ислам оказал значительно большее воздействие, чем на яванскую. Если в яванской традиции историческое повествование — часть поэзии, то в умах малайцев оно было, скорее, связано с теологией. В описываемый период политический и культурный

центр малайского мира переместился с северной Суматры и Малакки на архипелаг Риау. В конце XVIII в. Ангку Бусу создал здесь «Седжарах раджа-раджа Риау» («История раджей Риау»), повествующую о периоде между концом XVII и последним десятилетием XVIII в. В XVIII—XIX вв. были созданы местные малайские исторические тексты, повествовавшие об истории различных районов Архипелага.

Третья по значимости историческая традиция Архипелага — южносулавесийская — представляла собой феномен, отличавшийся от яванской и малайской моделей. В княжестве Гова-Талло, или Макассар, а также в бугских княжествах при дворах князей и в аристократических семьях составлялись памятные книги. В этих книгах фиксировались все примечательные события, относившиеся к данному двору или клану, причем фиксировались в бесстрастной, справочной манере. На основе этих записей с XVII в. стали создаваться хроники — лаконичные прозаические произведения, лишенные мистицизма и пророчеств, характерных для яванских хроник, произведения, в которых мифологическая и историческая части отделены одна из другой. Особенно интересны историко-генеалогические произведения бугских княжеств Бони, Ваджо, Сопенга, Таннете, многие из которых ведут свое повествование с XIV—XV вв.

Победа ислама привела к большим изменениям в архитектуре и изобразительном искусстве. Сооружаются мечети в арабском стиле, с луковичными куполами. Наиболее крупные и примечательные — мечети в Кутарадже (Аче) и Медане (восточная Суматра). Живописное искусство и скульптура после победы ислама свелись к раскраске ваянгов-кукол и резьбе по дереву.

Приход и утверждение европейцев, в свою очередь, также вызвали перемены в этих областях культуры. В описываемый период европейское влияние больше всего сказалось на архитектуре. Возникли крепости и форты, стали строиться христианские церкви (католические и протестантские). Батавия была построена как типично голландский город XVII в. — с каналами и сплошными рядами островерхих домов, крытых черепицей. На рубеже XVIII—XIX вв. в Батавии началось строительство особняков, окруженных садами и каменными решетчатыми оградами. В XVIII—XIX вв. предпринимались попытки внедрения европейского классицизма, — например, дворец генерал-губернатора в Бюйтензорге (Богоре), здание музея в Батавии, дворец генерал-губернатора в Велтефредене и ряд других сооружений, преимущественно в Батавии. Города начинают приобретать «колониальный» облик (разделение на европейские, китайские и индонезийские кварталы). Населенная европейцами часть города застраивается в европейском стиле: прямоугольная планировка, широкие улицы и т.п. Возникают *кампунги* — скученные, лишенные элементарных удобств кварталы, населенные индонезийским трудовым людом.

Образцы традиционной индонезийской архитектуры сохранились в народном жилище, а также в комплексах кратонов. Характерным примером последних является джокьякартский кратон, сооруженный в 1760 г. Он состоит из четырех четырехугольников, помещенных один внутри

другого. Из построек кратона наиболее интересен зал для приемов — *бангсала*, представляющий собой пространство без стен под двухъярусной крышей, покоящейся на высоких резных столбах.

Продолжали развиваться художественные ремесла, тесно связанные с изобразительным искусством. Именно в описываемый период появилась центральнояванская школа изготовления набивных тканей (батика) и развилась чеканка по серебру в Джокьякарте и ее окрестностях.

Глава 32

ФИЛИППИНЫ В СОСТАВЕ ИСПАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ

К началу XVIII в. Филиппины прошли уже более чем столетний путь колониального развития. В XVIII в. завершилось формирование модели взаимодействия «метрополия—колония», в которой воплотились как конкретные черты и особенности испанского колониализма, так и специфика филиппинского ответа на вызов Запада.

Поскольку колонизации подверглось традиционное общество, стоявшее на низкой ступени исторической эволюции, со слабо выраженными экономическими, политическими, социальными, религиозными структурами, это не могло не вызывать их сильную деформацию. В результате были подорваны генетические связи Филиппин с Востоком, и филиппинское общество по типу развития оказалось ближе к латиноамериканским колониям Испании, нежели к своим азиатским соседям. При завоевании Филиппинского архипелага в последней четверти XVI в. и в последующем при создании на островах колониального государства испанцы прямо использовали опыт колонизации Латинской Америки. Но полного тождества, вполне понятно, быть не могло, не в последнюю очередь из-за своеобразия местных условий.

На Архипелаге с его малочисленным, разбросанным по множеству островов населением, племенной и этнической пестротой, отсутствием государственности и развитой религии не было почвы для возникновения сколько-нибудь эффективного и организованного отпора европейской экспансии. Поэтому, в отличие от Латинской Америки, завоевание и колонизация Филиппин не сопровождались массовым истреблением их жителей. Кроме того, на процесс колонизации оказывал воздействие экономический фактор. Филиппины были бедны наиболее ценимыми в Европе колониальными ресурсами (золото, серебро, пряности) или вообще лишены их. Вследствие этого основным источником доходов становился труд завоеванного населения.

Специфика демографических и экономических условий предопределила место Филиппин в системе испанской колониальной империи. При отсутствии у испанцев экономического интереса к филиппинской колонии ей отводилась роль крайнего западного форпоста империи (все связи метрополии с архипелагом вплоть до XIX в. поддерживались морским западным путем с территории Латинской Америки) у границ азиатских владений европейских соперников Испании (Португалии и Голландии) и вблизи от китайского рынка.

С данным обстоятельством был связан такой фактор, как малочисленность испанцев на Филиппинах (всех категорий колонизаторов), которые в XVII—XVIII вв. стабильно составляли менее одного процента

всего населения Архипелага (в начале XVIII в. оно насчитывало примерно 0,5 млн. человек), причем лишь не более трети от общего числа испанцев составляли чиновники (гражданские и военные) колониального административного аппарата. Большинство же представляли религиозные институты.

В истории испанского колониализма католическая церковь играла выдающуюся роль, создавая идеологическое обоснование заокеанской экспансии и облегчая с помощью христианизации покорение завоеванного населения. Но ни в одном из колониальных владений Испании она не обладала таким могуществом, какое у нее было на Филиппинах. При этом доминирующие позиции занимало черное (регулярное) духовенство, объединенное в нескольких монашеских орденах и братствах. Оно сосредоточивало в своих руках миссионерскую деятельность и управление приходами — источниками духовной, экономической, политической власти над филиппинцами. Привилегированное положение орденов было связано с их заслугами перед короной еще в период завоевания островов, когда монахи-миссионеры вслед за конкистадорами устремлялись на захваченные территории, занимаясь «духовным замирением» населения, его обращением в католическую веру.

Процесс христианизации филиппинцев, как и военная экспансия, протекал намного более мирно, чем в латиноамериканских владениях, и чрезвычайно быстрыми темпами. Уже к 20-м годам XVII в. было христианизировано практически все население колонии (за исключением мелких языческих племен в труднодоступных горных районах и населения мусульманских султанатов на юге Филиппин). Таким образом Филиппины стали единственным христианским государством в регионе Восточной и Юго-Восточной Азии. В европейских католических странах их называли не иначе как «бастионом веры» и «заповедником католицизма» на Востоке. В XVIII в. был окончательно закреплен территориальный раздел Архипелага между религиозными орденами, в соответствии с которым наиболее богатые и густо заселенные территории отошли к четырем монашеским орденам (августинцев, доминиканцев, францисканцев и реколетов), обосновавшимся на островах еще на начальном этапе колонизации.

Белое (секулярное) духовенство сильно уступало регулярному и по своей численности, и по влиятельности. Во главе церковной иерархии стоял архиепископ манильский, которому подчинялись три епископа.

Роль церкви не исчерпывалась религиозными функциями. Она представляла собой мощную экономическую и политическую силу и вторгалась во все сферы деятельности колониальной администрации, нередко действуя вразрез с интересами последней, что в течение XVII—XVIII вв. служило источником соперничества и конфликтов между светскими и церковными властями.

Одним из главных направлений испанской колониальной политики было создание на островах единой системы административного управления по латиноамериканским образцам, основанной на сильной, фактически неограниченной власти центра в лице генерал-губернаторов, под-

отчетных вице-королям Мексики (Новой Испании). Следующим звеном системы являлось провинциальное управление. *Алькальды* провинций, подчинявшиеся генерал-губернаторам, обладали, так же как и последние, обширными полномочиями, но в рамках доверенных им территорий.

Низовое звено составляли структуры местного управления в муниципальных (*пуэбло*) и сельских (*баррио*) округах, которое было отдано в руки филиппинской привилегированной верхушки (*принсипалия*, или *касики*). Именно в этом звене происходило тесное взаимодействие внедряемой испанской административной культуры и традиционных стереотипов социального поведения. Дело в том, что испанцы, сохранив расселение филиппинцев по общинам — *барангаям*, модифицировали последние, превратив их в основные налоговые и низшие территориально-административные единицы (баррио) в испанизированной системе управления. Каждый баррио (или барангай) в среднем объединял 30—50 семей, несколько барангаев (до 10) образовывали пуэбло.

Формирование принсипалии началось уже на раннем этапе колонизации из традиционной элиты, которая сохранилась в ходе завоевания. Затем местная аристократическая верхушка была превращена в узкий чиновничье-бюрократический слой, освобожденный от всех государственных феодальных повинностей. Касики выполняли обязанности *кабеса* (старост) барангаев, главной из которых был сбор налогов в пользу короны и церкви (что создавало почву для разного рода злоупотреблений). В качестве капитанов пуэбло (или *гобернадорсильо*: по-испански — маленьких губернаторов) они возглавляли муниципальное управление. Они же занимали еще ряд мелких чиновничьих и полицейских должностей на уровне баррио—пуэбло.

Филиппинская принсипалия легко восприняла испанскую административную культуру, усвоив стереотипы бюрократического поведения, в том числе коррупцию (взяточничество, казнокрадство и т.п.). В то же время взаимоотношения касиков с жителями подчиненных им баррио и пуэбло основывались на системе традиционных, патриархальных, «барангайных» связей (принсипалия как бы брала на себя обязательство покровительства и защиты населения «своих» округов), от поддержания которых зависел их социальный престиж. В результате возник своеобразный культурный симбиоз, известный под названием «касикизм», многие черты которого, пережив колониальные времена, дают о себе знать в современной политической культуре Филиппин.

До последней четверти XVIII в. чиновничьи посты, занимаемые филиппинцами, были наследственными, сосредоточиваясь в руках определенного круга семейств из традиционной элиты. В 80-х годах XVIII в. испанцы, пытаясь модернизировать систему колониального управления, ввели на Филиппинах выборность кабеса и капитанов пуэбло (главным образом с целью уменьшения коррупции в их среде), ограничив срок пребывания на этих постах тремя годами. Выборность носила относительный характер, поскольку избираемые принадлежали, как и прежде, к тому же узкому слою принсипалии, а сами выборы полностью контролировались алькальдами провинций и приходскими священниками.

Церковь создала и собственную систему приходского управления. Все крупные баррио служили центрами приходов с приходской церковью (*кабесера*). Им подчинялись мелкие приходы в небольших баррио с собственными церквами (*висита*). В результате приходские священники-монахи держали под своим наблюдением практически всех прихожан — жителей баррио и пуэбло, контролируя местный чиновничий аппарат, влияя на судопроизводство и вмешиваясь в деятельность провинциальных властей. Поэтому монахи в глазах филиппинцев олицетворяли колониальную власть (в глухих районах они вообще были единственными представителями испанского меньшинства).

Вспышки антииспанских бунтов были, как правило, связаны с теми или иными проявлениями монашеского произвола. В истории Филиппин XVII—XVIII вв. таких выступлений было не много, они носили сугубо локальный характер, чаще всего приобретали форму религиозного сектантства (что обусловливалось массовой христианизацией и особой ролью церкви в колониальной системе) и обычно возглавлялись местными касиками, пребывавшими в конфликте с церковными властями. Подобными чертами обладало выделявшееся на фоне мелких бунтов крупное антимонашеское движение на о-ве Бохоль, продолжавшееся около 80 лет — с 1744 г. до 20-х годов XIX в., во главе которого стоял кабеса одного из барангаев Ф.Дагохой (оно известно в литературе как восстание Дагохоя).

Влияние церкви в общественно-политической жизни Филиппин опиралось на ее экономическое могущество.

С испанским колониализмом была связана феодализация филиппинской земледельческой экономики. Кардинальное изменение претерпела система землевладения, существовавшая на архипелаге до европейского завоевания. Испанцы разрушили господствовавшую на острове общинную форму собственности на землю (в барангаях), открыв дорогу для развития частного помещичьего и крестьянского землевладения.

Последнее получило широкое распространение на Филиппинах (в XVIII в. мелкие земельные собственники составляли большинство крестьян), что объяснялось наличием обширных территорий пустующих земель, остававшихся не возделанными из-за малочисленности населения. Феодальные повинности крестьян — мелких собственников осуществлялись в различных формах государственных отработок в пользу короны и церкви.

Что касается помещичьего землевладения, то здесь утвердилась асьендарная система. Основным типом феодального владения была *асьенда* (поместье); помещики-*асьендеро* принадлежали к трем категориям. Самый многочисленный слой крупных землевладельцев представляли монашеские ордены. Первоначальным источником орденского землевладения были королевские пожалования. В XVII—XVIII вв. оно росло в результате присоединения к монастырским пустующих угодий, скупки и захвата крестьянских участков, приобретения земли с помощью ростовщических операций. Именно земельная собственность, сконцентрированная в высокоплодородных районах Архипелага, служила главным богатством ор-

денов, основой их господствующего положения в экономической жизни колонии.

Помещики-испанцы, не связанные с религиозными институтами, образовывали незначительную группу землевладельцев, территориально тяготевшую к окрестностям столицы.

В XVIII в. интенсивно рос слой помещиков-филиппинцев, формировавшийся из местной принсипалии (что дополнительно усиливало ее влияние среди крестьян—жителей баррио и пуэбло), которые, как и монахи, расширяли свои владения за счет скупки и отъема за долги крестьянских участков, а также занятия пустующих земель. По численности этот слой обгонял землевладельцев первой категории, но асьенды местных помещиков были меньше по размерам и намного беднее монашеских.

Повсеместно в асьендах (всех категорий помещиков) применялся труд арендаторов с использованием нескольких разновидностей издольщины.

Колонизация Филиппин Испанией, ускорив становление феодальных отношений, на первых порах способствовала оживлению филиппинской экономики. Но оно продолжалось недолго. Социальная и экономическая отсталость Испании по сравнению с другими метрополиями сказывалась на состоянии колониального хозяйства. Особенно пагубно на филиппинской экономике отражалась политика торгово-экономической изоляции колонии, при помощи которой Испания в XVII—XVIII вв. пыталась защитить свои колониальные владения от натиска торгового капитала передовых европейских стран.

Все связи Филиппин с внешним миром ограничивались отправкой из Манилы в Акапулько (порт в Мексике) ежегодно двух судов-галионов с грузами азиатских товаров. Манильский порт был закрыт для иностранных торговцев, за исключением китайцев, снабжавших испанцев восточными товарами для загрузки галионов (китайские шелковые и индийские хлопчатобумажные ткани, ювелирные изделия китайской и индийской работы, пряности, китайский фарфор). Галионная торговля являлась одним из главных источников обогащения испанцев. По существующим законам 17% стоимости реализованных в Мексике товаров поступало в королевскую казну («королевская пошлина»), остальная прибыль шла генерал-губернатору, чиновникам, монахам и коммерсантам, которые пользовались официальным правом загрузки галионов. Однако самые большие доходы приносила контрабандная торговля, в которой участвовали все перечисленные группы колонизаторов. Объемы и стоимость грузов манильских галионов намного превышали установленные законом нормы (соответственно 300 т и 250 тыс. песо). Объем их, как правило, был не менее 1000 т, а ввоз серебра из Мексики исчислялся суммами в 3—4 млн. песо.

Галионная торговля, процветавшая в XVII в., в XVIII в. постепенно приходила в упадок, что было связано с кризисом испанской колониальной империи. Наплыв дешевых товаров из Европы на американские рынки, чему Испания была не в состоянии воспрепятствовать, нанес удар по филиппино-мексиканским торговым связям. Из Акапулько в

Манилу регулярно возвращались грузы нераспроданных китайских и индийских тканей, не выдерживавших конкуренции с фабричным английским текстилем.

Испанцы не проявляли заинтересованности в освоении естественных ресурсов архипелага (поэтому, в частности, продукция местного происхождения составляла ничтожную часть грузов, отправляемых на галионах). В отличие от колоний Англии и Голландии, на Филиппинах не развивалось производство экспортных культур, которые пользовались спросом на европейских и американских рынках.

Помимо доходов от галионной торговли государственная казна пополнялась поступлениями от сбора налогов с колонизованного населения. Основу налогообложения составлял единый подушный налог (*трибуто*), который были обязаны платить все филиппинцы, начиная с 16-летнего возраста. Он был введен в 1581 г. и отменен только в 1884 г. Подсчет его сбора производился по баррио; по этой же системе собирались два других крупных налога, один из которых — *санкторум* — взимался в пользу церкви.

В целом Филиппины были убыточной колонией, получавшей с конца XVI в. ежегодно денежную субсидию из Мексики для покрытия дефицита в колониальном бюджете. В XVII в. сумма субсидий частично компенсировалась «королевской пошлиной». В XVIII в. из-за упадка галионной торговли размеры этой субсидии намного превышали суммы поступлений от сбора «королевской пошлины».

Представление о Филиппинах как о крайне бедной и отсталой колонии господствовало в европейских колонизаторских кругах. Во многом благодаря данному обстоятельству Испании удавалось в течение XVII—XVIII вв. поддерживать изоляцию архипелага от внешнего мира. Это не означало, что Филиппины вовсе не привлекали внимания молодых торгово-промышленных стран, которые с начала XVII в. приступили к активной экспансионистской политике в бассейне Индийского и западной части Тихого океана. В XVII в. Испания трижды оказывалась перед угрозой потери своей азиатской колонии в результате нападений на архипелаг голландского флота (в 1609, 1616 и 1645 гг.), которые предпринимались в ходе колониальных войн между Голландией и Португалией за господство в Индонезии.

С середины XVIII в., по мере расширения колониальной экспансии Англии в Азии, географическое положение Филиппинского архипелага на подступах к Китаю и у границ голландских владений в Юго-Восточной Азии стало привлекать внимание Английской Ост-Индской компании. Руководители компании в поисках опорных пунктов на путях из Индии (где Англия уже владела рядом территорий) в Китай не исключали захвата Манилы и превращения ее в базу для проникновения на китайский рынок.

Такая возможность представилась англичанам во время Семилетней войны (1756—1763), после того как Испания присоединилась к антианглийскому «семейному пакту» французских, итальянских и испанских Бурбонов, объявив войну Англии. В сентябре 1762 г. английская военно-

морская экспедиция, отправленная из Индии, захватила Манилу без всякого сопротивления со стороны испанских властей. Английская оккупация Манилы и окрестных территорий продолжалась два года. По условиям Парижского мирного договора 1763 г., закрепившего победу в Семилетней войне Англии, последняя, отобрав у Испании Флориду, согласилась уйти с Филиппин, что и было сделано в 1764 г.

Таким образом, события 1762—1764 гг. продемонстрировали военно-экономическую слабость Испании, незащищенность ее колоний от внешних вторжений.

Все же военные столкновения на Филиппинах с европейскими соперниками Испании носили эпизодический характер. Но существовал и постоянный традиционный источник напряжения и конфликтов в лице мусульманских султанатов, расположенных на юге Филиппинского архипелага. Территориальные границы испанской колонии включали северные и центральные районы: о-ва Лусон, Бисайские, Северный Минданао. Южные же районы — Центральный и Южный Минданао, архипелаг Сулу, о-ва Палаван, Басилан, Тави-Тави, — населенные исламизированными народами (испанцы собирательно называли их *моро*, т.е. мавры), сохраняли независимость. Многолетняя борьба филиппинских мусульман против испанцев, начавшаяся с сопротивления европейской агрессии в конце XVI и продолжавшаяся до второй половины XIX в., известна в истории Филиппин как «войны моро».

С обеих сторон борьба велась под лозунгом защиты «истинной веры» (война креста и полумесяца). В противоборстве с испанцами филиппинские султанаты Магинданао и Сулу использовали военно-политическую поддержку соседних мусульманских государств. В ходе «войн моро» ни та ни другая сторона не могла добиться решительного перевеса в свою пользу. Крупные военные кампании развертывались довольно редко. Традиционными были пиратские рейды мусульман в приморские христианизированные районы Бисайев и Южного Лусона, ответные карательные экспедиции испанцев на Минданао и Сулу, захват обеими сторонами пленных и заложников. Военные акции перемежались дипломатическими, завершавшимися заключением непрочных и непродолжительных мирных договоров и соглашений.

Самые значительные по масштабам военные операции на юге Архипелага относились к 30—40-м годам XVII в. Мусульман возглавлял султан Кударат, талантливый военачальник и искусный дипломат, добившийся крупных военных и политических успехов в борьбе с испанцами. Он сумел расширить границы султаната, объединив под своей властью весь остров Минданао, запретил деятельность католических миссионеров на мусульманских территориях и подписал в 1646 г. мирный договор с испанцами, который вплоть до 20-х годов XVIII в. обеспечивал сравнительно спокойную обстановку в пограничных мусульманских и христианских районах Архипелага.

Мир был нарушен с восстановлением испанцами в 1718 г. форта в Замбоанге на Северном Минданао (они покинули эту крепость во время войны с Кударатом), опорной базы для организации экспедиций против

моро и католических миссий в южные районы архипелага. Регулярно проводившиеся в 20—60-х годах XVIII в. военные операции моро, старавшихся вытеснить испанцев из Замбоанги, в целом были неудачными. Но и попытки испанцев закрепиться во внутренних районах Минданао и захватить Сулу также окончились безрезультатно.

Новое осложнение обстановки на мусульманском юге было вызвано английским проникновением в эту часть архипелага накануне и в годы Семилетней войны. Еще не располагая в то время такими важнейшими центрами в Юго-Восточной Азии, как Сингапур, Малакка, Пуло-Пинанг, англичане пытались создавать опорные пункты на путях в Китай на Сулу и Северном Калимантане. В 1761 г. секретарь мадрасского совета Ост-Индской компании А.Далримпл прибыл в Холо (столицу султаната Сулу), где подписал договор «О дружбе и торговле» с сулуанским султаном. В 1762 г. он добился передачи англичанам о-ва Балабанган, который стал служить опорной базой английской торговли с Китаем.

Англичане вмешивались и в отношения между султанами и испанскими властями. Захватив Манилу, они оказали поддержку находившемуся там в качестве заложника сулуанскому султану Алимуддину I, организовав в 1764 г. его возвращение на родину в ответ на одобрение им всех договоров, подписанных ранее правителями Сулу с Ост-Индской компанией. Кроме того, компания получила от Алимуддина I ряд новых территорий на Северном Калимантане для открытия на них торговых факторий. В результате англичане вплотную приблизились к южным границам испанской колонии, создавая потенциальную угрозу позициям Испании.

Внешнеполитические события, связанные с английской оккупацией Манилы и усложнением обстановки на мусульманском юге, в известной мере послужили толчком для проведения испанскими властями в последней четверти XVIII в. серии реформ на Филиппинах. Они были направлены на обновление средневековых методов колониальной эксплуатации и являлись частью программы реформ в метрополии и колониях периода просвещенного абсолютизма Карла III (1759—1788), вызванной к жизни развитием капитализма в Испании и ростом в связи с этим потребности в увеличении колониальных доходов.

Преобразования на Филиппинах включали меры по внедрению производства экспортных культур (табака, абаки, сахарного тростника, хлопка, кофе, какао), созданию текстильной и табачной промышленности, а также введение табачной и винной монополий. Главной же акцией было учреждение в 1785 г. Королевской филиппинской компании по образцу европейских Ост-Индских компаний, наделенной монопольным правом на испано-филиппинскую торговлю и торговые операции с азиатскими странами. Ее деятельность способствовала некоторому экономическому подъему на Филиппинах на рубеже XVIII—XIX вв. (главным образом стимулируя развитие сельскохозяйственного производства на экспорт и оживление торговых связей с соседними азиатскими странами), но не приносила ожидавшихся прибылей. С момента образования ее положение было далеким от процветания. Причины неудач заключа-

лись в том, что она была учреждена в то время, когда старые монопольные компании изживали себя, уступая место свободному торгово-промышленному капиталу, под натиском которого Испания в начале XIX в. была в конце концов вынуждена «открыть» филиппинский рынок.

Каковы были общие итоги двухвекового процесса колонизации и испанизации филиппинского общества? Одним из главных его последствий в экономической сфере стало развитие феодализма. В области общественных отношений происходило усиление социальной дифференциации, в первую очередь выделение местного элитарного слоя (чиновники и помещики — касики), который играл роль посредника между колониальными властями и основной массой колониального населения. Со второй половины XVIII в. (по мере развития торговли и расширения производства экспортных культур) заметное влияние на этнический и социальный состав филиппинского общества стала оказывать быстро растущая прослойка китайских метисов (лица от смешанных китайско-филиппинских браков), занятых главным образом коммерцией и ростовщичеством.

Важным итогом колонизации было создание территориальной общности в границах колониального государства в результате введения единой, централизованной системы административного управления. Самые же драматичные изменения происходили в духовной жизни филиппинцев и были связаны с процессом культурной испанизации. Европейское завоевание нарушило естественный ход культурно-исторического развития Филиппин, протекавшего в русле тесного культурного взаимодействия с соседними азиатскими странами (в основе культурной эволюции лежала малайско-индонезийская традиция, обогащавшаяся влияниями индийской и китайской культур).

Вторжение вместе с испанской колонизацией генетически чужеродных духовных и культурных ценностей Запада вело к неизбежной ломке местных традиций. Однако испанизация культуры не была односторонним процессом: элементы испанской культуры, попадая на филиппинскую почву, частично разрушали, частично видоизменяли исконные традиции, но и сами подвергались ответному воздействию, претерпевая определенную трансформацию. В результате продолжительного процесса взаимовлияния двух культур рождались формы культурного синтеза. Особую роль в культурной испанизации играла христианизация филиппинцев, вызывавшая наиболее глубокие изменения в их духовно-нравственном мире, облегчавшая восприятие ими западных ценностей и создававшая основу для складывания общности культуры христианизированных народов.

При всей глубине и всеобъемлющем характере воздействия христианской религии на духовную жизнь филиппинцев она сама подвергалась известной филиппинизации: происходили усвоение и отбор тех элементов католического вероучения, которые были наиболее близки местным традициям, религиозным представлениям, мироощущению и психологии жителей Архипелага, тем более что серьезное изучение католической доктрины было доступно лишь местной элите, получившей соответст-

вующее образование. Для массы же населения знакомство с основами католического вероучения ограничивалось «классами катехизиса» — воскресными занятиями, проводившимися приходскими священниками. Простые люди, как правило, получали самое поверхностное и примитивное представление о догматах католицизма.

Филиппинцы охотнее всего усваивали обрядовую сторону новой религии. Учитывая эту особенность, монахи-миссионеры на начальной стадии христианизации старались вызвать интерес к католицизму у обращаемого населения организацией пышных процессий, театрализованных представлений на библейские сюжеты, обучением музыкальных от природы филиппинцев церковному пению, музыке и т.п. И впоследствии в религиозной деятельности ритуальная сторона продолжала играть преобладающую роль. Введенная испанцами практика религиозных празднеств (фиесты) в честь святых патронов — покровителей пуэбло, городов, определенных местностей — превратилась со временем в устойчивую социально-культурную традицию, в которой, по признаниям испанских священнослужителей, было больше языческого, нежели христианского. Фиеста представляла собой наиболее яркое проявление филиппинского народного католицизма, возникшего в результате трансформации ортодоксального католического вероучения и объединившего в одну систему строгий монотеизм христианской догмы с пережитками анимистических верований и культов.

Монахи-миссионеры, занимавшиеся обращением филиппинцев, становились основными носителями культуры Запада. В большинстве своем они были малообразованны и, повседневно общаясь с местными жителями, способствовали не столько их культурному развитию, сколько распространению суеверий и мистики уже на новой, библейской основе. Но среди них было немало и просвещенных людей, веривших в цивилизаторскую миссию католической церкви в колониях, внесших большой вклад в развитие хозяйственной и культурной жизни Филиппин. Именно их усилиями уже на рубеже XVI—XVII вв. в колонии была введена довольно эффективная система образования, носившая, однако, строго элитарный характер. Сыновья касиков получали право обучаться в миссионерских школах и затем продолжать образование в католических коллегиях, которые открывались монашескими орденами, где наряду с религиозными преподавались светские дисциплины, необходимые для подготовки местных чиновничьих кадров. С конца XVII в. появился и ряд школ для девочек из семей принсипалии. Со второй половины XVIII в. касики были допущены к обучению в духовных семинариях, готовивших священников-филиппинцев. Но в основанный в 1611 г. доминиканцами Университет св. Фомы (по сей день действующий на Филиппинах) филиппинцев не допускали, в нем могли обучаться лишь испанцы и креолы (испанцы, рожденные в колонии).

Преподавание в монастырских школах и коллегиях велось на испанском языке, знание которого оказывалось привилегией филиппинской элиты. Религиозное же обучение рядовых жителей монахи проводили на местных языках, которые специально изучали. С испанизацией было

связано развитие на Филиппинах книгопечатания. С конца XVI в. здесь издавались книги религиозного содержания, причем не только на латыни и испанском, но и на местных языках (с использованием латинского алфавита). Испанцы принесли на Филиппины ставший здесь чрезвычайно популярным жанр героической эпической поэмы (*коррида*), театрализованные представления религиозного содержания (мистерии *пасьон* и драмы на библейские сюжеты), а также народные драмы *моро-моро* (о борьбе христиан с мусульманами). В XVIII в. появилось большое число музыкантов и композиторов филиппинцев, создателей церковной органной музыки и хоралов. В народной музыке испанское влияние сочеталось с малайской музыкальной традицией.

Культурный синтез особенно отчетливо прослеживается в художественной культуре филиппинцев. Местные ювелиры, резчики по дереву, скульпторы, знакомясь с образцами европейского художественного творчества, ввозившимися из Испании и Мексики, старались не просто копировать их, а вносили в свою работу элементы импровизации, основанной на филиппинской традиции, и заимствования из декоративного искусства Китая, Индии, Индонезии. К примеру, ювелирное дело, развитое среди жителей Филиппин задолго до появления на Архипелаге европейцев, с приходом испанцев почти полностью переориентировалось на изготовление предметов католического культа (кресты, ладанки, четки и т.п.), сохранив при этом собственную технику ювелирной работы, используя традиционные декоративные мотивы и местные материалы (перламутр, черепашьи панцири и др.).

Под воздействием испанской культуры развивалась филиппинская религиозная скульптура — изготовление деревянных статуэток католических святых (*сантос*), которые объединяли в себе черты, свойственные и испанской иконографии, и в большей степени азиатскому искусству. К числу последних относились использование традиционной техники обработки древесины, красочные росписи изваяний, воспроизведение в ликах святых этнических черт малайского или китайского типа (в зависимости от того, филиппинцем или китайцем был мастер-*сантеро*).

Новым видом искусства, возникшим в результате ознакомления филиппинцев с образцами европейской живописи, стала их собственная иконописная школа. Иконопись развивалась на Филиппинах, в отличие от Испании и латиноамериканских колоний, как один из основных жанров культового искусства, в котором проявились природная склонность филиппинцев к живописному творчеству как средству художественного восприятия мира и особенно развитое у них чувство цвета.

С испанским завоеванием началось внедрение западных форм архитектуры, развитие каменного зодчества, в доколониальный период неизвестного филиппинцам. Монументальные каменные церкви и укрепленные военные форты стали символами испанского колониализма на Филиппинах. Но и здесь филиппинская традиционная культура внесла свою лепту. Филиппинские мастера, работавшие по декорированию церквей, в резьбе по дереву и камню воспроизводили традиционный малайский

стиль (*окиль*, или *окир*) и чисто филиппинские растительные и зооморфные орнаменты.

Таким образом, ответ филиппинского общества на испанизацию культуры состоял в сложном процессе отбора, адаптации, усвоении филиппинцами тех элементов культуры Запада, которые были наиболее приемлемы для их эстетического опыта, психологии, духовного склада. В результате культурного взаимовлияния и синтеза многое заимствованное из испанской культуры со временем органически вошло в национальную культуру Филиппин.

Глава 33

МОНГОЛЫ В XVI—XVIII вв.

После смерти Даян-хана в 1543 г. единое монгольское государство в очередной раз распалось: оно было разделено между его сыновьями. С этого времени среди восточных монголов начинают различать северных (халхасы) и южных (тумэты, ордосцы, чахары). Несколько позже на западе Халха-Монголии родственником Даян-хана, Шолой-Убаши-хунтайджи (1567—1630), было образовано государство Алтын-ханов, ставшее оплотом борьбы восточных монголов с ойратами.

Значительное место среди князей Южной Монголии занимал Туметский Алтан-хан (1543—1582), который основал город Гуйхуачэн (современный Хух-Хото во Внутренней Монголии КНР), заложенный в 1554 г. После смерти Даян-хана он занял лидирующие позиции среди восточных монголов, добился от Китая открытия новых рынков.

В 1552 г. Алтан-хан предпринял поход против ойратов, которые стали угрожать позиции восточных монголов в Ордосе и Кукуноре. Ойраты потерпели от него поражение в районе рек Кунгуй и Джабхан, находящийся южнее оз. Киргиз-нур. Разобщенностью ойратов и их ослаблением в результате похода Алтан-хана воспользовались восточномонгольские князья, организовавшие против ойратов серию военных походов (1562, 1570, 1574, 1587 гг.). В результате основная часть ойратов была вытеснена в район монгольского Алтая и полностью отрезана от рынков Китая.

В начале XVII в. Монголия представляла собой ряд независимых владений, располагавшихся по три стороны от пустыни Гоби. В южную группу входили племена корцинь, граничившие с маньчжурскими племенами, а потому поддерживавшие с ними наиболее тесные отношения, а также племена Ордоса, тумоты, харачины и чахары. К северу от пустыни Гоби (Халха-Монголия) обитали три основные группы племен: племена Тушету-хана, Джасакту-хана и Чэчэн-хана. В западной части Монголии кочевали ойратские (джунгарские) племена: чоросы, дэрбэты, торгоуты и хошоуты. Политическая обстановка характеризовалась постоянными междоусобицами в среде монгольской знати. Условия для создания централизованного монгольского государства отсутствовали. Номинальным титулом всемонгольского хана и его печатью обладал глава Чахарского ханства Лигдан-хан, так как он считался старшим среди потомков Чингис-хана.

Монголы-кочевники, основой хозяйственной деятельности которых являлось скотоводство, постоянно остро нуждались в сельскохозяйственной и ремесленной продукции оседлых государств. Необходимое они могли получить, только имея рынки сбыта своей скотоводческой продукции. В основе большинства конфликтов между монгольскими племенами, их войн с оседлыми государствами лежала экономическая необхо-

димость в таких рынках, а не только субъективные устремления отдельных правителей.

Посредством товарообмена монголы не могли получить все необходимое им даже от такого огромного и развитого оседлого государства, как Китай, так как его потребности в скотоводческой продукции кочевников были ограниченны. Возникала конфликтная ситуация. Выходом из нее для Китая был откуп, что фактически и имело место в эпоху Мин (1368—1644), когда Срединное государство при посольском торговом обмене с кочевниками платило за пригоняемый ими скот весьма завышенную цену. В то же время Китай использовал посольский торговый обмен как экономический рычаг, с помощью которого влиял на политику кочевников. Монголы, как свидетельствуют источники, в случае неугодной правительству Китая политики лишались прав на торговые посольства.

Для получения возможности торгового обмена монголам приходилось или вести войны между собой за контроль над торговыми путями в Китай, или объединяться, чтобы силой оружия получать от Китая необходимые кочевому обществу продукты. Поэтому основной целью минской дипломатии было поддержание баланса сил между группировками монголов, чтобы не допустить их объединения и, следовательно, дальнейшего усиления.

Из-за частых набегов, организуемых монгольскими князьями на пограничные районы империи Мин, китайско-монгольские отношения были напряженными.

В конце XVI — начале XVII в. на политической арене региона появилась новая сила в лице Нурхаци, являвшегося одним из правителей маньчжурских племен. В борьбе за объединение маньчжур Нурхаци столкнулся с интересами других князей этих племен, на стороне которых выступили некоторые южномонгольские правители. Однако эта коалиция потерпела поражение, в результате чего в 1616 г. Нурхаци создал маньчжурское государство Цзинь, готовившееся к наступлению на империю Мин.

Нурхаци и сменивший его на престоле сын Абахай (1626—1643) понимали, что задача завоевания огромного Китая неосуществима без покорения Южной Монголии, правители которой обогащались за счет подарков китайского правительства и набегов на его территорию, а потому были враждебно настроены по отношению к новому сопернику. Это привело к тому, что в 1619 г., во время нападения Нурхаци на китайский город Телинчэн, против него выступили многие южномонгольские княжества, объединенные силы которых потерпели поражение.

Для покорения Южной Монголии Нурхаци и Абахай применяли тактику, направленную на раздробление сил монголов. Они привлекали на свою сторону многих правителей южных монголов родственными браками, присваивали им титулы и жаловали награды, оказывали помощь одним правителям в борьбе против других и т.д. Благодаря такой хитроумной политике в 20-х годах XVII в. Нурхаци удалось подчинить себе большинство княжеств Южной Монголии.

В борьбе с маньчжурами империя Мин сделала основную ставку на правителя княжества Чахар Лигдан-хана, который вступил в союз с Китаем и пытался объединить силы южных монголов в борьбе с завоевателями, а также найти поддержку у правителей Северной Монголии. Лигдан-хану не удалось заручиться поддержкой северных монголов, а большинство князей Южной Монголии выступили на стороне маньчжур. Потерпев в 1634 г. поражение от хана Абахая, Лигдан-хан с остатками войск отошел в Кукунор, где вскоре умер, а его сын капитулировал перед маньчжурами.

В результате силы Южной Монголии были разгромлены. В 1636 г. по повелению Абахая собрался съезд правителей 16 южномонгольских княжеств, на котором Абахая провозгласили всемонгольским ханом, что ознаменовало первый этап в завоевании Монголии маньчжурами. В том же году Абахай дал своему государству новое название — Цин, ставшее впоследствии названием правящей в Китае маньчжурской династии.

Возвышение маньчжурского государства, а затем включение в его состав Южной Монголии сказались на положении в других частях Монголии. Так, до маньчжурского нашествия ойратские князья были отрезаны своими противниками от рынков, нуждались в новых пастбищных территориях. Этому, однако, препятствовали правители южномонгольских и северомонгольских княжеств, а также государство Алтын-ханов, располагавшееся к западу от Халха-Монголии. По мере завоевания маньчжурами Южной Монголии опасность потери независимости нависала и над Халха-Монголией. Не случайно с начала 20-х годов XVII в. источники не отмечают вооруженных столкновений между северными монголами и ойратами.

Изменение внешнеполитической ситуации в регионе способствовало консолидации ойратских племен, привело к образованию сильного централизованного государства — Джунгарского ханства. Время образования Джунгарского ханства исследователи относят к 1635 г., когда глава племени чорос Батур-хунтайджи (1635—1653) объединил ойратские племена. В ходе образования централизованного ойратского государства далеко не все правители ойратов согласились подчиниться центральной ханской власти. Это привело к откочевке в 20-х годах XVII в. части ойратских племен во главе с Хо-Урлюком на Волгу и во главе с Гуши-ханом (1636 г.) в Кукунор, где были образованы новые ойратские ханства.

Одним из самых значительных событий периода правления Батур-хунтайджи следует считать всемонгольский съезд князей, на котором не присутствовали лишь представители южных монголов, уже включенных в состав маньчжурского государства. Этот съезд состоялся в 1640 г. в Тарбагатае, т.е. на территории Джунгарского ханства, что уже само по себе указывает на внешнеполитическое положение молодого государства. Съездом были приняты «монголо-ойратские законы», основное содержание которых заключалось в ликвидации конфликтов среди монгольских владений для объединения их против внешнего врага, т.е. маньчжурского государства Цин.

Цель создания единого антиманьчжурского фронта монголов, однако, не была достигнута, что объясняется раздробленностью Монголии, по-

иском отдельными князьями выгод от сепаратных контактов с маньчжурами. Так, известно, что во время правления Батур-хунтайджи Джунгарское ханство практически не поддерживало контактов с империей Цин. В то же время Гуши-хан, ставший светским правителем Тибета благодаря поддержке ламаистской секты «желтошапочников» во главе с Пятым далай-ламой в его борьбе с «красношапочниками», уже в 1637 г. направил посольство к цинскому двору; в 1642 г. последовало второе посольство, а после принятия «монголо-ойратских законов» ряд посольств в империю Цин был направлен князьями Халха-Монголии, которые на первых порах устанавливали с империей равноправные отношения. С укреплением своего положения в Китае цинский двор стал требовать от халхасцев признания зависимости от маньчжурского императора.

После смерти Батура-хунтайджи в ханстве возникла борьба за престол, в результате которой главой ханства стал его сын Галдан Бошоктухан (1671—1697). При Галдане довольно успешно развивались взаимоотношения ойратов с Россией. Но Россия, вследствие малочисленности населения в приграничных с Джунгарским ханством районах, не могла обеспечить потребности ойратов в сельскохозяйственной и ремесленной продукции. Что касается империи Цин, то она проводила политику ограничения торговли с кочевниками, потребность которых в ней использовала как средство политического давления. В поисках выхода правители Джунгарского ханства пытались развивать на своей территории сельскохозяйственное производство, строили городки и создавали ремесленные мастерские. Однако все эти меры не могли полностью решить вопрос снабжения ойратов продовольствием и изделиями ремесел. Поэтому основным объектом завоевательной политики Галдана стали княжества Восточного Туркестана, который в 1680 г. был присоединен к Джунгарскому ханству. С присоединением к ханству этого богатого и развитого земледельческого района Галдан получил твердую экономическую базу снабжения ойратов, что в значительной мере укрепило его государство.

В это время империи Цин удалось склонить некоторых правителей Халха-Монголии к принятию подданства маньчжурского императора. Такое положение дел беспокоило хана Галдана, видевшего залог независимости монголов в их объединении. Для достижения этой цели он вмешался в усобицы в Халха-Монголии. Это привело в 1690 г. к началу военных действий с империей Цин, боявшейся усиления Джунгарского ханства. В 1697 г. Галдан потерпел полное поражение и покончил жизнь самоубийством. В результате Халха-Монголия была включена в состав империи Цин. Такая же участь постигла и овладевших Тибетом хошоутов. К империи отошли также обширные пастбища ойратов по северную сторону монгольского Алтая.

Так закончился второй этап завоевания Монголии маньчжурами.

После смерти Галдан-хана на ойратском престоле находились Цэван Рабдан (1697—1727), а затем Галдан-Цэрэн (1727—1745). Время их правления с полным основанием можно назвать периодом расцвета Джунгарского ханства, когда активно развивались земледелие и ремесла.

С укреплением внутриполитического положения ханства ойраты начали военные действия против империи Цин за возвращение территорий, потерянных в ходе войн Галдана. Успешный для ойратов ход военных кампаний привел к тому, что они предприняли попытки овладеть Хами (1715 г.), являвшимся стратегическим пунктом на пути в империю. В 1717 г. они пытались восстановить влияние Джунгарского ханства в Тибете. О сложном положении империи Цин в это время говорит тот факт, что она пыталась заключить военный союз против Джунгарского ханства с волжскими калмыками и Россией. В 1739 г. обе стороны, изнуренные длительными войнами, заключили мирный договор, по которому ханству была возвращена значительная часть ранее утраченных территорий к востоку от монгольского Алтая.

После смерти Галдан-Цэрэна в ханстве вспыхнула ожесточенная борьба за власть, в ходе которой в течение короткого времени сменили друг друга четыре претендента на ханский престол. Империя Цин, воспользовавшись благоприятным для себя моментом раскола Джунгарского ханства, ввела туда огромные войска, которые к 1758 г. уничтожили не только само государство, но и практически все его население.

В 1771 г. правители волжских калмыков (как стали называться ойраты, переселившиеся на Волгу в начале XVII в.) из-за обострения отношений с правительством России, а также зная об обезлюдении Джунгарии вернулись сюда, так как надеялись, что империя Цин выведет свои войска из этого опустевшего района. Они видели в этом хорошую возможность заселить пустующие земли и создать новое независимое государство ойратов. Но этим замыслам не суждено было осуществиться.

Исторический опыт предшествующих династий показывал, что соседство империи с крупным племенным государством представляло для нее большую угрозу. Маньчжуры в своем отношении к монголам исходили из двух основных целей: использовать их военный потенциал для завоевания Китая и закрепления там своих позиций и в то же время поставить их под свой контроль.

В процессе завоевания на всех монголов была распространена имперская военно-административная система управления, модифицированная с учетом местных условий. Было увеличено число монгольских *джасакств,* или княжеств, независимых друг от друга, что означало дальнейшее дробление владений. В военном отношении такие княжества представляли собой так называемые знамена (*ци*) или ополчения (*хошуны*), состоявшие из эскадронов (*цзолин*) численностью примерно в 150 воинов. В списки эскадронов включалось мужское население от 18 до 60 лет. При этом численный состав «знамен» не был нормативно определен, но каждое знамя формировалось из одноплеменников.

Во главе джасакств стояли лояльные по отношению к цинскому правительству князья, получавшие от него титулы и соответствующее им жалованье. Глава знамени (*джасак*) совмещал функции военной, гражданской и судебной власти, но решающее слово по всем вопросам оставалось за цинским правительством. Каждое «знамя» имело строго определенную территорию. Границы между ними обычно проходили по го-

рам и рекам. Если же последних не было, то границы обозначались грудами камней — *обо*. Покинуть территорию «знамени», не подвергшись наказанию, не мог даже глава «знамени», джасак.

Общее руководство монголами осуществлялось со стороны Палаты внешних сношений (*Лифаньюань*), которая в 1636 г. была образована из *Мэнгуямынь* (Монгольский приказ) и руководствовалась «Уложением Палаты внешних сношений». К 1815 г. это «Уложение» состояло из 526 статей, определявших принципы жизни и деятельности монголов практически во всех сферах. Так, запрещалось поддерживать связи между отдельными племенами, вести между ними торговлю, заключать браки между монголами и ханьцами, изучать китайскую письменность; ограничивалась торговля ханьцев на территории монголов и т.п.

Таким образом, джасакства являлись военно-административными единицами, объединявшими единоплеменное население монголов в строго определенных географических районах. Объективно это было на руку цинскому правительству, так как монгольская знать, ущемленная во многих правах, но находившаяся на содержании режима, более не могла заниматься междоусобицами в борьбе за власть и перераспределение пастбищных угодий и сделалась послушным орудием в руках империи, гарантировавшей ей привилегии второй в стране национальности после маньчжуров. Монголы были сделаны резервом регулярных «восьмизнаменных» войск империи.

Письменность у монголов появилась задолго до самых ранних известных в настоящее время памятников монгольской литературы. В разные периоды использовались как уйгурская письменность, монголо-китайское письмо, так и письмо, созданное на основе тибетского алфавита.

Древнейшим из известных памятников монгольской исторической литературы является «Сокровенное сказание» XIII в., содержащее, помимо прочего, богатейшие сведения о культуре монголов, но, как известно, не дошедшее до нас в оригинале. В XIV в. у монголов появились первые книги. Однако письменные монгольские памятники XIV—XVI вв. не сохранились.

К наиболее известным произведениям монгольской литературы XVII—XVIII вв. относится, например, «Эрдэнийн Тобчи» князя Саган-Сэцэна, написанная в 50-х годах XVII в. Используя ранние монгольские произведения, автор излагает историю монгольских ханов до 1652 г.

В XVII—XVIII вв., т.е. по мере завоевания Монголии, цинское правительство включало монголов в состав комиссий, которые занимались подготовкой историко-географических описаний Центральной Азии. Они переводились на маньчжурский, монгольский и китайский языки.

Изначальной религией монголов был шаманизм, но с ним сосуществовали и другие религии, так как для Монгольской империи была присуща веротерпимость. Ближайшие преемники Чингис-хана еще в XIII в. стремились внедрить среди монголов буддизм, но в то время он не получил распространения. Во второй половине XVI в. буддизм проникает в Монголию в виде учения секты «желтошапочников», основанной Цзонкхапа в XIV в., и становится массовой религией. Не случайно первый ти-

тул далай-ламы был пожалован Алтан-ханом в 1578 г. настоятелю монастыря Дрэпунг Содном-Чжамцо, а его преемником стал выходец из семьи Алтан-хана Йонтэн-Чжамцо (1589—1616). Распространение буддизма в Монголии способствовало повышению грамотности, знакомству с индийской философией, появлению специфического стиля в архитектуре и строительству монастырей. Традиционная монгольская медицина пополняется знаниями тибетской медицины.

Благодаря соседству с оседлыми государствами монголы заимствовали навыки земледелия, садоводства, разработки золотых и серебряных копей. В XVII—XVIII вв. в Джунгарском ханстве имелись мастерские по производству огнестрельного оружия. Монголы были знакомы с резьбой по дереву, чеканкой и кузнечным делом; образцы работ по металлу дошли и до наших дней.

Глава 34

ТИБЕТ В XVI—XVIII вв.

Свои первые официальные контакты с Тибетским государством императорский Китай установил в начале правления династии Тан (618—907). Танская империя в первой половине VII в. вступила в регулярные отношения с первым централизованным Тибетским государством, столица которого получила позднее название Лхаса. В то время власть тибетского правителя распространилась далеко за пределы собственно Тибетского нагорья. В состав Тибета входили: на западе — Ладакх (часть Кашмира), на юге — район Гималаев; на востоке он граничил с империей Тан, достигая сычуаньских равнин. На севере и северо-востоке в период своего наивысшего могущества Тибет контролировал Восточный Туркестан и территорию современной провинции Ганьсу.

С начала 40-х годов VII в. правители Тибета и Китая иногда заключали брачные союзы между представителями династий. Равноправные отношения между ними были оформлены в виде символического родства: тибетский монарх признавался «племянником» танского императора. Хотя по рангу танский император по отношению к тибетскому властителю считался «высшим», на практике зачастую бывало наоборот. Из могущественного союзника Тан Тибет превратился в опасного соседа и завоевателя. В 763 г. тибетцы на время даже овладели столицей танского Китая — городом Чанъань. К 20-м годам IX в. относится договор о разграничении двух империй.

Усиление Тибета заставило слабеющую империю Тан в конце VIII — начале IX в. сблизиться с Уйгурским каганатом и вскоре попасть в зависимость от этого более сильного союзника. В результате Танская империя фактически оказалась под контролем уйгурских каганов. Лишь резкое осложнение обстановки в Центральной Азии привело к благоприятным для Китая переменам — распаду и единого Тибета, и державы древних уйгуров (840—842). Дезинтеграция как Китая, так и Тибета в последующие столетия привела к тому, что до завоевания Китая монголами-чингисидами в XIII в. регулярные связи между двумя странами практически прекратились, особенно в официальной сфере.

В период, предшествовавший объединению Монголии Чингис-ханом, правители Тибета поддерживали связи с тангутским государством Си Ся (Западное Ся), а через него — и с Монголией. Сближение Тибета с Монголией наметилось в 1205 г., после разгрома тангутов монголами, в результате чего в Центральной Азии появился новый гегемон — государство Чингис-хана. Уже к 1227 г. территория Монгольской империи граничила с северным Тибетом. В Ланьчжоу обширными новоприобретениями управлял внук Чингис-хана и сын Удэгея (1229—1241) Годан. В задачу последнего входило пристальное наблюдение за сопредельным

Тибетом. В 1239 г. он направил туда конное соединение Дорда-тархана, который разбил тибетское войско и дошел почти до Лхасы.

Дорда-тархан выяснил, что наиболее влиятельной силой в давно уже раздробленном Тибете была буддийская организация (Сакьяпа), возглавляемая Сакья-пандитой (1182—1251). Годан пригласил Сакья-пандиту в Монголию, куда тот и прибыл в 1245 г. в сопровождении своего племянника и преемника — будущего первосвященника Пагба (Ахагпа-лама). Монголы в тот период стремились не только расширить влияние своей империи, но и приобрести союзников в буддийском мире. В свою очередь, глава Сакьяпа был заинтересован в союзе с монгольскими ханами ради установления своей духовной, а затем и политической гегемонии в Тибете. Между тибетским первосвященником и Годаном установились отношения духовного наставника и ученика. В итоге член правящей династии государства-сюзерена — Монгольской империи стал духовным «вассалом» главы духовенства и политического лидера вассального государства — Тибета. До поры до времени эти особые отношения между Тибетом и Монголией оставались полуофициальными.

Положение изменилось, когда хан Хубилай после 1234 г. приступил к покорению Китая, а Сакья-пандита скончался в Монголии в 1251 г. Еще не будучи монгольским ханом и императором Китая, Хубилай пригласил Пагба-ламу в Китай. Сын Сакья-пандиты стал духовным наставником будущего императора — основателя династии Юань, а ламаизм — государственной религией империи монголов. Статус Пагба-ламы вскоре возрос до уровня *гоши* — наставника государства. В 1263 г., когда Хубилай подчинил весь север Китая и решил перенести столицу из Каракорума в Пекин (Ханбалык, или Даду), Пагба-лама на время вернулся в Тибет, где официально возглавил общину Сакьяпа. В 1268 г. он был вновь приглашен ко двору Хубилая для создания монгольского, так называемого квадратного, письма на тибетской основе. Ламаистский первосвященник провел в Китае еще восемь лет, пользуясь почетом как духовный глава империи, а в 1276 г. получил соответствующий титул *дабаофа ван* («князь великого драгоценного Закона»).

Власть династии Юань была относительно слабой как в завоеванном Китае, так и в родной Монголии. Династия нуждалась в тесных духовных связях с Тибетом, поскольку авторитет императоров-монголов прямо зависел от наставничества ламаистских первосвященников. Весь период Юань, будучи в союзе с монгольской династией, община Сакьяпа руководила Тибетом. В том же, 1276 г. Хубилай учредил в Тибете должность военно-гражданского постоянного представителя юаньского двора. Однако должность эта, по крайней мере поначалу, предоставлялась тибетцам — представителям той же ламаистской общины Сакьяпа.

Контроль империи Юань над Тибетом в политическом отношении не был слишком жестким, поскольку империя была больше заинтересована в духовном авторитете тибетских лам — священнослужителей государственного буддизма. Такого типа отношения с Тибетом были тем более важны, что юг Китая тогда еще не был покорен и управлялся династией Южная Сун. Идеологическая интеграция империи Юань на ламаистской

основе помогла ей не только устоять в Монголии после распада державы чингисидов, но и покорить затем в 1279 г. весь Китай. Особый автономный статус Тибета в рамках империи Юань сохранялся и далее. Ведомство, ответственное в империи Юань за тибетские дела (*сюаньчжэн юань*), возглавлял *гоши* — как правило, представитель высшего тибетского духовенства; им же рекомендовался кандидат на должность военно-гражданского представителя Юань в Тибете.

По мере упадка империи Юань слабела и власть общины Сакьяпа в Тибете. В результате к 1359 г., т.е. за десять лет до падения Юань в Китае, верх взяли ламаистские общины — соперницы Сакьяпа и тем проложили путь к замене ее теократии светскими государствами. Связи Тибета с Монголией и Китаем в середине XIV в. ослабли, однако политический симбиоз ламаистской теократии с правителями монголов или императорами Китая в XIII в. сказался на ходе последующей тибетской истории.

Империя Мин, сменившая в Китае монгольскую империю Юань, проводила в Центральной Азии менее энергичную политику. В начале XV в. активизировались ее дипломатические и торговые связи с соседями, но процесс этот оказался весьма непродолжительным. Влияние на тибетские дела отчасти осуществляли и монгольские правители. В ходе непрерывных внутритибетских усобиц наметилась гегемония светских династий — Ринпун (1436—1565) и сменившей ее Цзанба (1565—1642). Обе они пользовались поддержкой ламаистской общины Кармапа.

Постоянные распри продолжались не только между светскими правителями Тибета, но и между влиятельными группировками духовенства. На сложном фоне религиозно-политических усобиц выделился влиятельный ламаистский священник Цзонкхапа (1357—1419) — вождь «пуританского» направления в ламаизме. Он произвел реформу ламаистского культа и монашества, основав знаменитую впоследствии общину Гэлукпа, или так называемую Желтую церковь, противостоявшую традиционной общине «красношапочников». Лучше организованные, индоктринированные и авторитетные как в делах культа, так и в политике, «желтошапочники» постепенно восстанавливали теократические традиции общины Сакьяпа.

До середины XVII в. «желтошапочники», однако, не имели в Тибете прочного положения: им противостояли светские династии-гегемоны и традиционные общины «красношапочников». Новая «церковь» с начала XV в. пользовалась вниманием минских императоров, но в реальной политике связи с империей Мин значили немного. Сила и авторитет «желтошапочников» возросли с установлением более тесных связей с монгольскими правителями, которые к середине XV в. все заметнее одерживали верх над минским Китаем. Во второй половине XVI в. четвертый глава общины Гэлукпа Содном-Чжамцо (1543—1588) принял приглашение монгольского Алтан-хана посетить Ордос. В 1578 г. Содном-Чжамцо обратил Алтан-хана в ламаизм «желтошапочного» толка. Новообращенный монарх присвоил своему духовному наставнику монголо-тибето-санскритский титул *далай-лама ваджрадхара* — «великий лама-громовержец». Так возник титул духовного правителя Тибета — *далай-лама*. Сод-

ном-Чжамцо был провозглашен сразу Третьим далай-ламой, а два его предшественника посмертно удостоились титулов Первого и Второго далай-лам. Так община Гэлукпа была признана монгольским монархом ведущей в тибетском буддизме, а ее учение — фактически государственной религией Монголии.

Несмотря на поддержку монгольских правителей, Гэлукпа с центром в Лхасе не смогла добиться безусловной власти над Тибетом. В стране уже давно продолжалось противоборство светских и духовных властей. Перелом наметился лишь при Пятом далай-ламе. В 1642 г. он обратился за помощью к Гуши-хану, вождю амдоских (кукунорских) монголов-хошоутов, переселенцев из Джунгарии, против тибетских монархов из династии Цзанба, покровителей общины Кармапа. Когда эта династия была свергнута и община Кармапа побеждена, лхасские далай-ламы превратились в теократических правителей Тибета. Свою власть в Тибете они делили лишь со вторыми лицами в иерархии Гэлукпа — *панчен-ламами,* резиденция которых находилась в Шигацзе.

Тем не менее теократия «желтошапочников»-первосвященников нуждалась во внешних гарантиях и была без них немыслима. По этой причине монгольский Гуши-хан и его потомки были провозглашены наследственными правителями Тибета при сохранении ими своего контроля над тибетской областью Амдо (Кукунор), т.е. современной провинцией Цинхай. В помощь теократии далай-лам к северу от Лхасы у оз. Намцо (Тенгри-Нур) был размещен хошоутский гарнизон. Таким образом, колонизация Амдо джунгарскими хошоутами позволила духовенству «желтошапочников» установить с помощью этих переселенцев свою теократию в Тибете и затем вновь укрепить связи с Монголией, завязанные еще в XIII—XIV вв.

Синхронно с переменами в Тибете важные изменения происходили не только во всем центральноазиатском регионе, но и за его пределами. В середине 30-х годов XVII в. в Джунгарии образовалось Ойратское ханство, практически одновременно в Маньчжурии государство Цзинь, возникшее еще в XVI в., стало претендовать на роль преемника империй Мин и Юань в Китае, приняв название Цин и подчинив себе Южную Монголию. В 1640 г. джунгарский правитель Батур-хунтайджи сумел провести на своей территории общемонгольский съезд (*чулган*), принявший «монголо-ойратские законы». В 1644 г. маньчжуры с помощью оппозиционных китайских сановников захватили Пекин и низложили династию Мин. Обладая традиционными связями с Монголией, Тибет оказался втянутым в длительную политическую борьбу за контроль над Монголией между маньчжурскими императорами и джунгарскими ханами.

XVII—XVIII века стали переломными в истории не только Тибета, но и всей Центральной Азии, равно как и Дальнего Востока. Политика империи Цин, нового гегемона с XVII в., в Тибете являлась производной от единоборства маньчжурских правителей с другими претендентами на юаньское наследие — монгольскими ханами. Сначала это был чахарский Лигдан-хан, провозгласивший себя в 1619 г. Батур Чингис-ханом, затем

джунгаро-ойратские хунтайджи и ханы. Тибет оказался в центре внимания цинского правительства, поскольку там находился духовный центр монгольского мира. Распри между духовными и светскими группировками тибетских политиков заставили тех и других в середине XVII в. искать в той или иной форме союза с династией Цин в Пекине. Монгольская знать Амдо, осуществлявшая военно-политический контроль над Тибетом, включилась в этот процесс по примеру южномонгольских правителей, признавших императора своим богдоханом.

Выдающийся политик, Пятый далай-лама решил уравновесить связи тибетской теократии с монгольскими правителями восстановлением прерванных некогда отношений с пекинским двором. Цинские императоры сделали для Пятого далай-ламы уникальное исключение из доктрины универсальной монархии, фактически признав его равенство с собой. Маньчжурская династия Цин в период завоевания Китая, которое завершилось лишь в начале 80-х годов XVII в., была заинтересована в упрочении своего контроля не только над Южной, но и над Северной (Халха) Монголией. Собственно, империя Цин еще до захвата Пекина (1644 г.) оформилась как маньчжуро-монгольское государство, цинский император был избран монгольским богдоханом.

В борьбе за Монголию и косвенно за Китай империи Цин противостояло Джунгарское ханство. Джунгария в момент консолидации нуждалась в объединяющем религиозном культе, и в первой половине XVII в. здесь также распространился ламаизм. Связи Джунгарии с Тибетом упрочились, началась борьба за влияние на Лхасу различных сил внутри и вне Монголии. Борьба за контроль над политикой далай-лам стала важнейшим стратегическим фактором упрочения империи Цин. Еще до захвата Пекина цинский император Абахай в 1640 г. прислал приглашение далай-ламе и главе светской власти Тибета, монгольскому хану Амдо (Кукунора), приехать в Мукден. Ответное посольство тибетцев прибыло в Мукден в 1642 г., за год до смерти Абахая.

От имени нового маньчжуро-китайского императора Фулиня, правившего в 1643—1661 гг., повторное приглашение далай-ламе было направлено уже из Пекина. Далай-лама прибыл в Китай в 1652 г. и был с почетом поселен под Пекином. Весной 1653 г. первосвященник отбыл на родину, будучи утвержден на своем престоле императорским указом. В тот период цинские власти предпочли ограничиться традиционными проявлениями номинального государственного верховенства китайского императора как монарха «универсального», т.е. всемирного. Император до поры до времени признал особые отношения Тибета с Халхой, Джунгарией и тем более с монголами Кукунора (Амдо).

Светские власти Тибета и монголов настороженно и негативно относились к усилению империи Цин и углублению в связи с этим ее контактов с ламаистским духовенством. Светская военная власть над Тибетом находилась в руках кукунорских наследников Гуши-хана, светская гражданская — в руках *десрида (*или *диба*, условно «регента») Санчжай-Чжамцо, правившего с 1679 по 1705 г. Последний непосредственно поддерживал антицинское движение во главе с У Саньгуем в Южном Китае

в 1673—1681 гг. Начиная с 1682 г. в течение примерно пятнадцати лет регент старался скрыть от цинских властей смерть их союзника — далай-ламы, а в 1689 г. не поддержал борьбу империи Цин с джунгарским ханом Галданом Бошокту, бывшим тибетским ламой из ойратов. Светские власти, проводившие антицинскую политику, стали брать верх. Правительство империи разобщило своих противников в Центральной Азии и, самое главное, нанесло поражение Джунгарии, сорвав объединение Монголии вокруг Ойратского ханства, наметившееся еще в 40-е годы при основателе ханства Батуре-хунтайджи. Император Сюанье и его правительство сумели не только победить и устранить Галдана в 1697 г. с помощью его родственника Цэван Рабдана, но и укрепить цинское влияние в Тибете, подорвав при этом позиции регента. Цинским властям удалось заключить союз с кукунорским Ладзан-ханом (Лабсан, Лхавсан), использовав его не только против Галдана, но и против светского правителя Тибета. В 1705 г. регент Санчжай-Чжамцо, безраздельно правивший Тибетом при малолетнем Шестом далай-ламе, был убит вследствие цинских интриг с помощью Ладзан-хана. Годом позже далай-ламу заставили выехать в Пекин, и он умер в дороге.

С начала XVIII в. империя Цин уже непосредственно вмешивалась во внутреннюю политику Тибета. В 1708 г. туда для изучения положения выехала цинская комиссия во главе с Ладухунем, а в следующем году для наблюдения за действиями Ладзан-хана прибыл маньчжурский сановник Хошоу, который вмешивался в тибетские дела, прикрываясь именем Ладзан-хана. В Тибете росло недовольство Ладзан-ханом, и тибетская оппозиция обратилась за помощью к джунгарскому хану Цэван Рабдану, племяннику покойного Галдана. За помощью к ойратам обратились на этот раз влиятельные ламы крупнейших монастырей, что серьезно осложнило положение империи Цин в Тибете. В ноябре 1717 г. джунгарское войско штурмом взяло Лхасу. Ладзан-хан был убит в Потале, дворце далай-лам, а послушный цинским властям Седьмой далай-лама — свергнут.

Так пала правившая Тибетом с 1642 г. династия монголо-кукунорских ханов — потомков хошоутского Гуши-хана. Временно контроль над Тибетом установил джунгарский хан Цэван Рабдан, чьи некогда союзнические отношения с империей Цин были разорваны. В результате империя Цин столкнулась с серьезной опасностью, ибо Джунгария активизировалась не только на западе Халхи, но и на востоке Средней Азии, установила контроль над Тибетом и Лхасой — религиозным центром ламаистского мира.

Призрак возрождения великомонгольской империи дамокловым мечом висел над империей Цин. Это вынудило Сюанье и его правительство принять экстренные контрмеры. Первый поход цинских войск в Тибет (1718—1719) был плохо подготовлен, и в районе Нагчу китайская армия потерпела поражение. В 1720 г. в Тибет двинулись цинские войска одновременно из Кукунора и Сычуани, им удалось разбить ойратов и отбить у них Лхасу.

Тибетские союзники ойратов были казнены, а союзники Цин образовали временную столичную администрацию во главе с маньчжурским

военачальником Яньсинем. Из восточнотибетского Литана в сопровождении тибетцев, бежавших еще от Ладзан-хана, в Лхасу прибыл новый, Восьмой далай-лама, признанный наследником Шестого далай-ламы, умершего в 1706 г. Седьмой далай-лама, поставленный Ладзан-ханом, был позже казнен. Вслед за тем новые власти упразднили пост регента и заменили его правительственным «советом четырех» (четыре *колона*, или «министра») под контролем маньчжурского командующего. Вернув к власти бывших сторонников Ладзан-хана, цинское правительство поспешило вывести из Тибета свое войско, оставив там лишь сильный китайский гарнизон в Лхасе. Этот трехтысячный гарнизон состоял из маньчжуров, китайцев и монголов, а меньшие гарнизоны были расставлены для охраны дороги из Лхасы в Сычуань.

В 1723 г. администрация нового императора, Иньчжэня, предпочла вывести имперское войско из Тибета, а в следующем году от Тибета был отторгнут Кукунор, превратившийся в имперское наместничество Синин (современная провинция Цинхай). В Пекине в 1725 г. решили перейти от дорогостоящего и менее эффективного прямого контроля над Тибетом к контролю косвенному, политико-дипломатическому. В 1727 г. было проведено разграничение Цинской империи с Тибетом по водоразделу речных систем Янцзы и Меконга. В результате две трети территории тибетского Кхама (в новейшее время — Сикан) оказались в составе имперской провинции Сычуань. Наместнику Сычуани поручалось отныне наблюдение за положением в Тибете. Во второй раз с 1724 г. тибетская территория заметно сократилась в пользу империи Цин.

Усеченный Тибет охватила новая усобица между процинскими политиками и их противниками, возглавленными отцом Седьмого далай-ламы. Два цинских посла — Санге и Мала, прибыв в Лхасу в 1727 г., не сумели уладить эти противоречия. В гражданской войне 1727—1728 гг. победила процинская группировка Поланы (Пола-тайджи). На помощь ему из Китая было отправлено 15-тысячное войско под командованием маньчжура Чаланъа. Установив контроль над Тибетом, процинские силы с помощью императорских войск выслали далай-ламу в восточный Тибет. Полана был удостоен титула *бэйцзы*, или князя императорской крови четвертого класса. На этот раз гражданскую администрацию Тибета контролировал маньчжурский командующий, а когда он отбыл в Китай в 1728 г., эти полномочия приняли от него Санге и Мала, первые постоянные политические резиденты империи Цин в Тибете (*амбани*).

Их пребывание в Лхасе еще не означало полного подчинения Тибета центральным властям Цин. Местная гражданская администрация продолжала функционировать по-прежнему самостоятельно, но под надзором представителей Пекина. К тому же цинский союзник Полана вел себя лояльно, и амбаням достаточно было преимущественно дипломатических усилий по наблюдению за внутренней политикой в Тибете. Полану считали в Пекине надежным союзником Цин, что вполне подтверждалось событиями джунгарского нашествия и гражданской войны в Тибете. Этот незаурядный политик вскоре превратился в фактического главу Тибетского государства, тогда как рядом с ним маньчжурские по-

литические резиденты все более превращались в обычных послов, пусть и постоянно пребывающих в Лхасе. В 1733 г. он добился вывода из Тибета трех четвертей цинских войск, и там осталось лишь около пятисот цинских воинов. Новый цинский император, Хунли, также считал Полану вполне надежным данником. Более того, в 1749 г. Хунли присвоил ему посмертный титул *цзюньвана*, или князя императорской крови второй степени.

В 1747 г. умершего правителя Тибета сменил его сын Джурмэд-Намчжал, титулованный Хунли в качестве *цянвана*, т.е. вассального правителя Тибета. Поддерживая нормальные отношения с цинскими амбанями, цянван тайно сблизился с правителями Джунгарии, а цинское правительство убедил сократить гарнизон в Тибете впятеро — с пятисот до всего ста человек. Как только это произошло, в стране в 1750 г. вспыхнуло новое антицинское восстание. Во время восстания амбани заманили вана в свою резиденцию, где и убили его, но затем их самих убили восставшие. Восстание, однако, не разрослось, и Хунли хватило всего восьмисот воинов, чтобы его подавить. Относительная легкость, с которой восстание 1750 г. в Тибете было подавлено, во многом объяснялась тем, что задолго до этого проойратские силы в Лхасе были поэтапно устранены из политической жизни. Неизменно поддерживая «желтошапочное» ламаистское духовенство, Цинская империя всю первую половину XVIII в. поощряла распри и взаимное истребление светских политических группировок внутри Тибета. В результате к середине XVIII в. эти группировки были настолько истощены, что их сопротивление империи уже не приводило к победе. Успех тибетского освободительного движения зависел от помощи со стороны Джунгарского ханства. Между тем последнее не могло оказать помощи, так как было поражено усобицами, фатальными для его собственной судьбы, в связи с укрепившимися позициями империи Цин в Монголии, Кукуноре и большей части Кхама, а также на востоке Восточного Туркестана.

В 1757—1759 гг. империя Цин с помощью своих монгольских, восточнотуркестанских и даже новоприобретенных джунгарских союзников сокрушила и уничтожила Джунгаро-ойратское ханство. Джунгария и Кашгария (Восточный Туркестан) оказались под полным контролем империи. Попытки части ойратов и жителей Восточного Туркестана поднять антицинские восстания оказались разрозненными, запоздалыми и успеха не имели. Большая часть населения Джунгарии погибла. Перевес сил в Центральной Азии оказался на стороне Цинской империи. После разгрома империей Цин и ее монгольскими союзниками Джунгарского ханства практически все ламаисты-монголы попали под контроль пекинского богдохана. В этой обстановке тибетским инсургентам приходилось бороться с Цин при отсутствии сильных союзников в соседних странах и в условиях, когда границы империи продвинулись в глубь Тибета.

Победа над Джунгарией позволила правительству императора Хунли закрепить власть над Тибетом. При помощи унии с ламаистской теократической властью это позволяло надежно контролировать всех монголоязычных вассалов империи (*вайфань*, букв. «внешних вассалов», но внеш-

них лишь по сравнению с населением собственно империи, подразделенной на китайские и маньчжурские провинции).

Потеря Тибетским государством своего ограниченного суверенитета ознаменовалась тем, что были упразднены титулы не только цинванов, но и вообще ванов, ханов и бэйцзы. Далай-лама сохранил лишь теократические прерогативы, так как был восстановлен совет колонов — четырех «министров», существовавший в период цинского контроля над Тибетом в 1721—1727 гг. Власть цинских амбаней усилилась. Теперь они не только командовали полуторатысячным цинским гарнизоном, но и могли вмешиваться в дела гражданского правления Тибетом, контролируя его повседневно. После смерти Седьмого далай-ламы снова появилась должность регента, но уже нового типа: ее занимал не светский политик, а религиозный деятель, который заменял первосвященника в делах культа, если тот был малолетним. Такого регента легче было контролировать через институт амбаней. Эта система управления оставалась неизменной до нападения гуркхов Непала на Тибет и тибето-непальской войны 1788—1792 гг.

В 1788 г. непальцы атаковали Тибет под предлогом торговых разногласий на общей гималайской границе. Они довольно быстро разбили тибетцев и заставили последних платить ежегодную дань непальскому *махараджахирадже* (королю). В 1791 г. гуркхи напали вновь и заняли часть тибетской территории. На этот раз император Хунли направил в Тибет против них десятитысячную армию Фукананя. Этому войску удалось оттеснить гуркхов почти к самому Катманду.

С учетом опыта внутри- и внешнеполитических осложнений цинские власти с 1793 г. стали управлять Тибетом из Пекина через своих амбаней в Лхасе. С этого времени амбани делили административные функции с далай-ламами и с панчен-ламами. По финансовым, кадровым и правовым вопросам внутренней жизни Тибета ламаистские первосвященники были обязаны консультироваться с амбанями. Под наблюдением и контролем амбаней находились проблемы, связанные с тибетским войском, охраной границ, внешними сношениями и торговлей. Более того, был понижен политический статус самих далай-лам, которые ранее «наставляли» цинских императоров, а теперь были обязаны «испрашивать указаний» у последних.

В Пекине тибетские дела отошли к Лифаньюань — ведомству по управлению почти бесправными вассалами на территориях Монголии, Джунгарии и Восточного Туркестана. Это ведомство распространило на Тибет практику контроля над регулярной уплатой дани цинскому двору, регламентации торговли внутри Тибета и с его соседями. В вопросах экономики и транспорта амбани были связаны с администрацией провинции — наместничества Сычуань, включавшей в себя большую часть тибетского Кхама.

К 90-м годам XVIII в. светская власть в Тибете формально перешла в руки далай-ламы и панчен-ламы, но фактически осуществлялась от их лица местной администрацией под контролем цинских амбаней в Лхасе. В данном виде управление Тибетом сохранилось до самого падения им-

перии Цин в 1911 г. Победа над Непалом и «освобождение» Тибета от гуркхов позволили цинским властям сделать свой контроль над Тибетом безусловным. Подобно Монголии, Джунгарии и Восточному Туркестану, Тибет сохранил лишь ограниченную внутреннюю автономию.

Закрепление империи Цин в Тибете стало последним шагом в образовании маньчжуро-китайской и одновременно маньчжуро-монгольской империи Цин.

Глава 35

КИТАЙ В XVIII в.

К началу XVIII в. в Китае произошло дальнейшее упрочение маньчжурского господства во главе с *богдоханом*.

Все «восьмизнаменные» — маньчжуры, «знаменные» монголы и *ханьцзюни* — были приравнены по положению к высшему сословию профессиональных воинов (*цижэнь*). Занятие торговлей и ремеслом для них считалось позорным и было запрещено законом. Первое время при Фулине считалось зазорным даже изучение ими конфуцианских канонов и иной литературы для сдачи экзаменов на звание шэньши. Сословие завоевателей господствовало над четырьмя исконно китайскими сословиями — «ученых» (*ши*), земледельцев (*нун*), ремесленников (*гун*) и торговцев (*шан*), не говоря уже о внесословном «подлом люде» (*цзяньминь*). В XVIII в. уступая завоеванным по численности в сотни раз, завоеватели опасались раствориться в их массе. Чтобы маньчжуры не ассимилировались с китайцами, были запрещены смешанные браки. Сохраняя обособленное и привилегированное положение «восьмизнаменных», династия Цин превратила их не только в высшее сословие, но и в закрытую касту. После завоевания Китая ни один китаец ни за какие заслуги или деньги не мог проникнуть в «восьмизнаменную» касту-сословие.

Годы правления Сюанье, и особенно время его самостоятельного правления — «эпоха Канси» (1679—1722), отмечены дальнейшей стабилизацией государственной власти и постепенным восстановлением экономики. Уровень разрухи снижался за счет привлечения беженцев на брошенные земли, подъема залежи и ограничения налогового бремени. Восстановление сельского хозяйства происходило медленно, особенно в провинции Сычуань, где основная масса земель оставалась невозделанной. Выход из разрухи тормозился стихийными бедствиями и голодом в провинциях Шаньдун и Хэнань. Из-за неурожаев и дороговизны население Хунани, Хубэя, Цзянси и Гуандуна переселялось в опустевшую Сычуань. С завершением завоевания и начавшимся восстановлением производства, с начала XVIII в., Сюанье постепенно отменял введенные ранее налоговые послабления. Поземельный (*дишуй*) и подушный налог (*диншуй*) оставались обременительными для крестьян, хотя и не в такой степени, как при Мин. Росло число дополнительных, или «смешанных налогов» (*цзацзюань*). В восьми провинциях был введен особый натуральный налог *цаолян* для снабжения «восьмизнаменных» войск на севере Чжили. Налоговое зерно доставлялось в Пекин по Великому каналу, а для покрытия расходов по его перевозке был введен дополнительный денежный сбор (*цаосян*). При взимании денежных налогов серебром добавлялись ощутимые надбавки «на лигатуру», «на стандартизацию» слитков серебра и др. Зачастую сумма этих дополнительных поборов и надбавок равня-

лась и даже превышала ставки основных налогов — поземельного, подушного и натурального.

С целью унифицировать и упростить фискальную систему Сюанье в 1712 г. провел реформу. Ей предшествовал тщательный учет населения и пахотных земель. В 1712—1713 гг. была отменена практика увеличения подушного налога по мере прироста населения, а в 1724 г. при императоре Иньчжэне он был слит с поземельным. В едином подушно-поземельном налоге (*дидин*) прежний диншуй превратился в денежную надбавку к каждому ляну серебра, взимавшемуся в счет дишуй. Начатая в одной-двух провинциях, налоговая реформа постепенно вводилась и в других. После смерти Сюанье она была продолжена его преемниками. Повсеместное утверждение новой системы завершилось лишь к концу XVIII в., сопровождаясь дальнейшим переходом от натуральной к денежной форме (ляновое серебро, медная монета).

В ходе реформы ставки налогов и уровень обложения на 1712 г. были объявлены постоянными и неизменными. Реформа Сюанье—Иньчжэня облегчила положение безземельных крестьян-арендаторов, освобождавшихся от подушного налога. Вместе с тем она увеличила доходы помещиков, ибо дала возможность последним повышать арендную плату. Реформа 1712—1724 гг. облегчила также положение неземледельческого населения деревни и сельских пауперов, постоянно или временно занятых в промыслах, отходничестве, разносной и мелочной торговле, на транспорте и др. Все это способствовало дальнейшему восстановлению деревенской экономики и ускорило ее выход из затяжной разрухи в середине XVIII в.

Ненависть населения к завоевателям заставляла держать ханьский этнос под жесткой системой контроля. Так, боясь тайного изготовления оружия и медной монеты, маньчжуры лимитировали добычу руды и выплавку металла. Сначала разработка рудников была вообще запрещена, но с конца XVII в. власти разрешили восстанавливать старые, заброшенные в годы завоевания рудники под строгим чиновничьим контролем со сдачей более половины добытого в казну: в счет налога или в качестве принудительных закупок по низким ценам. Чтобы ослабить ненависть китайцев к завоевателям, Сюанье покончил с практикой произвольных захватов земли, домов и имущества «знаменными», отменив закон об «отчуждении», или «окружении» (*цюаньди*).

Стремясь укрепить союз маньчжуров с китайской феодальной верхушкой и интеллигенцией, Сюанье привлекал их на сторону нового режима как путем расширения участия китайских шэньши и помещиков в гражданской администрации, так и через обширные культурные программы. Для уменьшения оппозиционных настроений в этой среде он организовал подготовку многотомных энциклопедий, антологий, словарей и других изданий. На эти цели были выделены большие средства из казны. Переиздавались произведения древней и средневековой китайской литературы. Над всем этим работало множество ученых — историков, литературоведов, филологов, писателей, а также каллиграфов, художников и граверов.

Такого рода масштабной, хорошо оплачиваемой работой и выгодными литературными и редакторскими заказами Сюанье стремился отвлечь шэньши и ученых от настроений внутренней неприязни к господству завоевателей. Так, сбор и упорядочение культурного наследия прошлого были использованы Сюанье в политических целях. В ходе этой работы укреплялись позиции неоконфуцианства (школы Чжу Си). Всячески изгонялись самостоятельность мышления, творческий подход и тяга к актуальным проблемам. Вместо этого насаждались бездумное компиляторство, абстрактное мудрствование и всемерное подражание древности. Воспитывались безвольные исполнители, бездумные верноподданные и конфуцианские конформисты, столь необходимые Цинской династии.

Сюанье использовал развертывание литературной работы для одновременного проведения отбора, цензуры и карательных мер. Из собираемых и публикуемых произведений вычеркивались все крамольные места.

Специальные комиссии и коллегии осуществляли цензурирование и фальсификацию текстов, к чему приложил руку и сам император. При Сюанье фактически началась «литературная инквизиция» (*вэньцзы юй*), достигшая своего апогея в 1736—1795 гг., в период правления второго его преемника, Хунли. Всемерно укрепляя позиции неоконфуцианства, он в полном объеме восстановил экзаменационную систему и сеть конфуцианских учебных заведений, всячески привлекал ко двору авторитетных конфуцианских ученых. Даже маньчжурская знать была вынуждена давать своим детям конфуцианское образование.

Курс на сотрудничество с китайской чиновничье-интеллектуальной элитой, расширение ее участия в аппарате управления имел целью укрепить Цинскую империю как централизованное государство. Среди различных направлений конфуцианства выбор завоевателей пал на консервативное неоконфуцианство (*лисюэ*) эпохи Сун, а в этом последнем — на наиболее идеалистическое и реакционное направление Чжу Си и его последователей. Цинов привлекало то, что чжусианство основной упор делало на жесткую регламентацию взаимоотношений людей в обществе и закрепление их обязанностей, т.е. на сохранение и укрепление порядка. Сюанье объявил Чжу Си одним из «десяти мудрецов», особо выделил его для почитания, а его труды — как образец для подражания. Благодаря канонизации Чжу Си чжусианство стало официальной интерпретацией конфуцианских доктрин, превратившись в ортодоксальную школу и государственную догму. В 1712 г. Сюанье особым указом присвоил Чжу Си посмертный титул «выдающегося гения».

Первое время после завоевания Китая цинское правительство в благодарность за оказанную помощь со стороны европейцев относилось к ним довольно благожелательно. В Пекине и других городах миссионеры, в основном иезуиты и францисканцы, занимались проповедью христианства и открывали свои церкви. При дворе католические миссионеры выступали в роли советников и переводчиков, преподавали «заморские науки» самому Сюанье. Купцы из Португалии, Голландии, Англии и Франции вели торговлю на побережье Китая и создавали там свои фактории: англичане — в Гуанчжоу, французы — в Нинбо, а португальцы —

в Макао. Активно действовали Ост-Индские компании Англии и Голландии, направлявшие в Пекин свои миссии. Приезжали португальские посольства и специальный представитель французского короля Людовика XIV. Тем не менее Пекин избегал установления постоянных дипломатических отношений с Западом.

Вся внешняя торговля Китая проходила через руки специально назначенных правительством или за большие деньги получивших это право купцов-откупщиков, или «казенных торговцев» (*гуаньшан*). Стремясь максимально сузить и всемерно контролировать торговлю с иностранцами, Сюанье в 1720 г. приказал гуандунским гуаньшан объединиться в полуказенную-получастную гильдию *гунхан* (*кохонг*). Ее члены получали монопольное право торговли с «заморскими варварами», корпорация осуществляла контроль над ними и сбор таможенных пошлин. Так подготавливалась политика изоляции, которая складывалась постепенно, в течение нескольких десятилетий.

Экономические связи с соседними странами были жестко лимитированы. Сухопутную торговлю с Россией монополизировали торгово-ростовщические компании купцов и банкиров из Шэньси, связанные с соляной монополией и финансированием верхов цинского общества, в том числе маньчжурской аристократии. Была разрешена весьма ограниченная торговля с Кореей, в частности пограничный безденежный обмен товарами. Японо-китайская торговля осуществлялась под строгим контролем цинских властей и строго регламентировалась с японской стороны — правительством сёгунов Токугава. Судостроение, прежде всего морское, находилось под особым контролем маньчжурской бюрократии. Под страхом смертной казни запрещалось строить большие суда, способные уходить далеко от берега в открытое море.

Всемерно укрепляя Цинскую империю, Сюанье особое значение придавал своей политике в недавно (1691 г.) присоединенной Северной Монголии. Он проводил здесь двойственную политику, стремясь одновременно и ослабить, и привязать к себе монгольских феодалов.

Внешняя политика Сюанье имела целью разгром Джунгарского ханства и покорение Тибета. Политическая обстановка в этих странах облегчила реализацию политики Пекина.

В 1715 г. началась вторая война между Цинской империей и Джунгарским ханством, которая шла с переменным успехом, не давая явного перевеса ни ханству, ни империи.

В этой напряженной военно-политической обстановке на северо-западных границах империи Сюанье стремился поддерживать мирные дипломатические и торговые отношения с Россией. Со своей стороны, Петр I неоднократно посылал в Китай своих представителей. В 1715 г. было положено начало Российской духовной миссии в Пекине, занимавшейся, помимо всего прочего, изучением китайского и иных языков, а также переводами с них.

Важным направлением внутренней политики Сюанье, а затем и его преемников стало реальное покорение неханьских народностей Юго-Западного Китая. Сюанье начал длительную кампанию, то мирную, то

насильственную, фактического включения этих районов и этносов в имперскую систему бюрократического контроля и налоговой эксплуатации, т.е. превращения их правителей (*тусы*) из «данников» в обыкновенных подданных. В 1704 г. по приказу Сюанье в районах «национальных меньшинств» провинций Хунань, Гуйчжоу, Юньнань и Гуанси вместо традиционной системы *тусы* стала вводиться общекитайская чиновничья система управления.

С этого времени началось постоянное и планомерное наступление на доходы, земли и независимость местных народностей, вылившееся в своего рода «второе маньчжурское завоевание» этих территорий. В районах, населенных народностями мяо, яо, тун и др., уже в начале XVIII в. произошла частичная ликвидация системы управления с помощью тусы, т.е. племенных предводителей. После захвата районов расселения мяо в провинциях Хунань и Гуанси маньчжуры обязали их жителей платить налоги и носить косу, как и китайцев.

К концу правления Сюанье в собственно ханьских провинциях после почти трех с половиной десятилетий (1683—1718) внутреннего покоя и гражданского мира появились первые всполохи приближавшейся полосы народных восстаний. В 1718 г. секта «Байлянь цзяо» («Белый лотос») подняла восстание в Хунани, а один из ее членов по фамилии Юань объявил себя потомком династии Мин. Повстанцы были разгромлены, а на последователей секты обрушились репрессии. Начались волнения на Тайване. Незаконные поборы, безжалостное выколачивание налогов и массовые аресты привели к восстанию 1721 г., начавшемуся недалеко от главного города острова — Тайваньфу. Население южной части острова поддержало северян. Цинские чиновники, офицеры и солдаты в панике бежали на материк. Вскоре единая армия повстанцев распалась на две части, и между ними начались вооруженные столкновения. Маньчжуры всячески подогревали эту междоусобицу. Тем временем в провинции Фуцзянь была спешно создана огромная карательная армия под началом Мань Бао и Ши Шибяо. Высадившись на остров, она разбила отряды повстанцев поодиночке. Вожди попали в плен и закончили жизнь на плахе. Каратели жестоко расправились с повстанцами, но отдельные группы, уйдя в горы, упорно сопротивлялись. Для предотвращения новых волнений маньчжуры значительно усилили местные гарнизоны. Тайваньское восстание знаменовало собой конец мирного периода маньчжурского господства — конец молчания и безропотного повиновения ханьцев «северным варварам» — завоевателям.

В конце 1722 г. на шестьдесят восьмом году жизни умер Сюанье. Наследником был объявлен Иньчжэнь (1678—1735). На тринадцать лет (1723—1735) он стал фактически самовластным правителем империи. Так же как и Сюанье, он не только царствовал, но и лично управлял всеми делами государства, отличаясь усидчивостью и трудолюбием. Правя страной самовластно, он всячески обходил Совет князей-регентов и сановников. Это, в свою очередь, обусловило напряженность в его отношениях с маньчжурскими князьями императорской крови и всем императорским родом Айсиньгиоро.

Иньчжэнь унаследовал от Сюанье централизованную империю, сильную армию, отлаженный бюрократический аппарат, возрождавшуюся экономику, полную казну (свыше 50 млн. лянов), относительное спокойствие внутри страны, окрепший союз завоевателей с китайскими шэньши и помещиками, а также затянувшуюся вторую войну с Джунгарским ханством. Тем не менее на фоне определенного благополучия режима в его фундаменте обнаружилась весьма опасная трещина. В начале XVIII в. в среде низших и средних слоев «знаменного» сословия наметился процесс разложения. Маньчжурские солдаты переставали заниматься земледелием и переходили к паразитическому образу жизни, перебиваясь жалованьем и подачками казны. Рядовые и низшие офицеры все более оказывались в долговой кабале у китайцев — крупных помещиков, купцов и ростовщиков. В руки последних переходили земли «знаменных» (*циди*), отданные сначала в залог, а затем и в погашение долга. Поскольку практика «окружения», или «отчуждения», китайских земель была отменена Сюанье, обезземеливание *цижэнэй* стало устойчивой тенденцией. Чтобы остановить разорение военного сословия, правительство Иньчжэня с 1729 г. пошло на выкуп проданных и заложенных циди за счет казны с последующей перепродажей их прежним владельцам. Однако мало кто из последних смог или захотел воспользоваться такой возможностью.

Иньчжэнь, как и Сюанье, придавал большое значение духовному порабощению китайцев, делая упор на «промывание мозгов» (*сисинь*) и «чистку мыслей» (*тилю*). Особое внимание он уделял системе «сельских собеседований» (*сянъюэ*), которую всячески укреплял. К ответственным за проведение сянъюэ были приставлены три-четыре помощника, ежемесячно сменявших друг друга. Все сельские и городские жители каждые две недели обязаны были являться в свою группу на «собеседование», что строго контролировалось властями. В свою очередь, Иньчжэнь в 1724 г. издал пространные рескрипты с целью укрепить и расширить роль «священного указа» Сюанье 1670 г. Усилились преследования инакомыслящих. В 1725—1729 гг. один за другим последовали три судебных процесса над учеными и литераторами. Наиболее нашумевшим стало «дело» покойного литературоведа и медика Люй Люляна, в чьих трудах нашли антиманьчжурские высказывания. Его труп был вырыт из могилы и разрублен на части, а ученики и члены его семьи казнены. Для слежки за чиновниками, шэньши и простолюдинами была создана разветвленная сеть тайных агентов *тици* («всадники в красном»). В правление Иньчжэня во всех концах Китая имелись отделения этой секретной организации.

Стремясь укрепить влияние конфуцианства как идеологической основы маньчжурского владычества, Иньчжэнь перешел к борьбе с христианством как оппозиционным конфуцианству вероисповеданием. В учении Иисуса Христа конфуцианская бюрократия видела разновидность идолопоклонства, еретическое, мятежное учение, не признающее священный характер императорской власти в Китае, и угрозу китайской цивилизации. Начались аресты католических миссионеров, им было запрещено

проповедовать, а в 1724 г. последовало их изгнание из Китая. Это был один из важных актов политики изоляции страны от внешнего мира. В правление Иньчжэня и Хунли (1736—1795) католическое христианство было полностью и окончательно запрещено, а число его последователей быстро сокращалось. Всего при Иньчжэне было закрыто более 300 христианских церквей, а большая часть миссионеров изгнана из Китая.

С дальнейшим выходом страны из послевоенной разрухи и укреплением маньчжурского режима Иньчжэнь активизировал начатую еще Сюанье политику полного подчинения некитайских народностей бюрократическому аппарату империи.

С 1726 по 1731 г. многие должности тусы были отменены в Юньнани, Гуйчжоу и Гуанси, а во второй половине XVIII в. и в северо-западных районах Сычуани. Замена косвенного управления прямым, захват земель аборигенов чиновниками, помещиками и особенно китайскими переселенцами, введение разорительных налогов и чиновничий произвол поставили мяо, чжуан, яо, тун, ли и другие народности в крайне тяжелое положение. При помощи своих вооруженных дружин китайские помещики и ростовщики скупали их земли, отбирали их силой, закабаляя местное население. Последнее стало еще более подвергаться насильственной китаизации и маньчжуризации (ношение китайской одежды и косы, замена местного судопроизводства цинским). Бесправие, произвольно завышаемые налоги, насилие со стороны властей и переселенцев резко усилили социальный и национальный гнет, особенно после проведения переписи и распространения здесь системы баоцзя.

При Сюанье были начаты и в годы правления Иньчжэня завершены очередные меры по укреплению северных рубежей Цинской империи. В связи с постепенным заселением земель к северу от Ивового палисада (Лютяобянь) в 1726 г. была образована новая провинция — Гирин. Для защиты этих земель со стороны монгольских кочевий в начале XVIII в. соорудили новую укрепленную линию, шедшую от района Кайюань на север. Эта «вторая очередь» Ивового палисада протянулась на 350 км и получила название «Граница ивовых тычин», так как создавалась из двух рядов ивовых прутьев, а пространство между ними засыпалось землей.

Создание провинции Гирин явилось результатом начавшегося освоения полупустынного до этого края и способствовало его колонизации. Между тем угрозы со стороны северного соседа практически не существовало. После подписания Нерчинского договора Россия и Китай поддерживали мирные отношения. Для установления границы между Халхой, вошедшей в состав Цинской империи, и Российской империей в Пекин было направлено посольство С.Рагузинского. В результате трудных переговоров в 1728 г. был заключен Кяхтинский договор. Он устанавливал границу с монгольскими землями, определял порядок дипломатических отношений через Сенат и Лифаньюань, восстанавливал караванную торговлю с Пекином и оформлял статус Российской духовной миссии в цинской столице. В 1731 г. в Москву и в 1732 г. в Петербург прибыли китайские посольства от Иньчжэня. Россия была первым европейским государством, которое посетили китайские послы.

Политика Иньчжэня в Монголии была направлена на ужесточение контроля над ханами и князьями. Ослабляя их власть, Иньчжэнь способствовал дроблению уделов.

Иньчжэнь всемерно усиливал свой контроль над Тибетом. Восстание 1722 г. в союзном маньчжурам княжестве в районе Кукунора послужило предлогом к завоеванию в 1724 г. Цинхая. В борьбе с Джунгарским ханством цинское правительство рассчитывало на помощь Российской империи, в том числе на использование против ойратов конницы калмыцкого хана Аюки, кочевавшего в Приволжье. Однако китайские посольства 1713—1714 и 1731—1732 гг. в Россию, в том числе на Волгу, не привели к втягиванию Петербурга и волжских калмыков в ойрато-китайскую войну. Вторая джунгаро-китайская война, длившаяся с перерывами 19 лет (1715—1734), измотала и ойратов, и империю.

Правление Иньчжэня ознаменовалось дальнейшим усилением императорской власти в ущерб господству племенной маньчжурской аристократии и политическим традициям ханства Цзинь (1616—1636). Это было следствием дальнейшей китаизации и бюрократизации верхних эшелонов власти. Такой курс отчасти объяснялся и личностью самого Иньчжэня. Волевой, самостоятельный и хитрый, он находился в состоянии вражды с остальным императорским кланом и в сорок три года пришел к власти незаконным путем. Это, в свою очередь, вынуждало его создавать аппарат управления, независимый от императорского рода Айсиньгиоро и остальной маньчжурской аристократии.

Для высвобождения императорской власти из-под контроля Совета князей-регентов и сановников Иньчжэнь фактически осуществил своего рода политический переворот. В 1730 г. под предлогом необходимости более оперативного руководства военными действиями против джунгаров был создан Военный штаб (Цзюньцзифан) — временное военно-административное учреждение. После 1732 г. оно было превращено в Военный совет (Цзюньцзичу) — высший государственный орган при императоре, не подчинявшийся Совету князей-регентов и сановников. Решение всех важных вопросов перешло к Цзюньцзичу, состав которого определялся самим богдоханом. Его члены (от четырех до девяти человек) назначались из числа секретарей Нэйгэ — канцлеров (*дасюэши*), глав шести ведомств (*бушаншу*), их помощников (*шилан*) и других чиновников, почти исключительно из маньчжуров и отчасти из монголов. Впоследствии сюда могли попасть наиболее преданные императору китайские сановники.

Сконцентрировав в своих руках все основные военные и гражданские дела управления, назначения высших чиновников и законодательную власть, Цзюньцзичу превратился в правительство, полностью зависимое от императора и возглавляемое им. Роль Совета князей-регентов и сановников тем самым сводилась к минимуму. Иньчжэнь лишил маньчжурскую аристократию власти над «восьмизнаменными» корпусами и принял на себя командование ими. Он положил конец маньчжурскому правилу наследования трона — по степени кровной близости к богдохану. Отныне вводился новый порядок: наследник избирался по воле самого монарха.

Таким образом, верховная власть избавилась от пут и пережитков, оставшихся от раннего периода цинской государственности. Переворот Иньчжэня ни в коей мере не был направлен против господства «знаменных». Их особое, привилегированное положение в обществе охранялось отныне самодержавной деспотической властью Сына Неба и крепнувшим союзом завоевателей с китайской элитой. Иньчжэнь более последовательно, чем его предшественник, снимал ограничения на занятие китайцами ответственных постов в верхнем эшелоне власти. С 1719 г. ханьцзюням было разрешено занимать посты наместников и военных губернаторов в стратегически важных провинциях Шаньси и Шэньси, а с 1732 г. на эти должности могли назначаться монголы и незнаменные китайцы. Такая политика еще больше усилила ненависть маньчжурской аристократии к Иньчжэню.

В 1735 г. при странных обстоятельствах на пятьдесят седьмом году жизни император Иньчжэнь неожиданно скончался. Поговаривали, что он был отравлен. На престол с девизом правления Цяньлун вступил его четвертый сын, Хунли (1736—1795). Новый богдохан получил китайское классическое образование и во всем стремился подражать своему деду Сюанье, т.е. претендовал на роль ревностного конфуцианца, на славу образцового правителя и великого завоевателя. Так же как Сюанье и Иньчжэнь, он до конца 70-х годов XVIII в. не только занимал трон, но и самостоятельно управлял империей, вникая во все дела.

В первые же годы своего царствования Хунли столкнулся с ослаблением непосредственной опоры династии — военного сословия «знаменных», особенно маньчжуров. Продолжалось постепенное обезземеливание и разорение солдат и низших офицеров «знаменных войск». Последние в основном не имели возможности или не хотели приобретать у казны свои прежние земли, выкупаемые ею с 1729 г. у новых владельцев. Тогда Хунли в 1753 г. передал эти участки в ведение соответствующих «знаменных» управлений для организации их обработки, получения арендной платы и оброков. Натуральные и денежные доходы от таких земель использовались управлениями для поддержания разорившихся цижэней своего «знамени».

Однако и это не смогло остановить нараставшее разложение военного сословия. Земли его низших и средних слоев переходили в руки крупных маньчжурских чинов, а основная часть попадала во владение китайских помещиков, купцов и ростовщиков. Борясь с разложением «знаменного» землевладения, правительство запрещало продажу, залог и сдачу *циди* в аренду китайцам более чем на три года, а также пыталось определить размеры арендной платы с незнаменных арендаторов. Несмотря на строгие указы, все три запрета не соблюдались, и все больше земель военного сословия переходило к незнаменному населению.

Стремясь восстановить былое экономическое положение сословия цижэнь, Хунли в 1737 г. постановил создать для разоренных солдат и офицеров новые земледельческие «знаменные поселения» (*цитунь*) в Южной Маньчжурии, переселив туда из Пекина несколько тысяч маньчжурских семей. В 1744 г. казна произвела очередной выкуп проданных и зало-

женных «знаменных земель». Таким образом правительство восстанавливало позиции казенного землевладения, общие размеры которого постепенно росли. Крупнейшим землевладельцем здесь был сам император, в чьих руках к середине XVIII в. находилось более 700 поместий.

Хунли крайне беспокоило размывание «знаменного» землевладения и на «священной родине» маньчжуров. Несмотря на «закрытие» Маньчжурии и политику сохранения ее для «знаменных», постепенное переселение китайцев за Великую стену продолжалось. Пытаясь остановить этот процесс, Хунли в 1740 г. запретил китайскую колонизацию Ляодуна, а в 1762 г. — района Нингуты. В 1776 г. провинция Гирин и земли Хэйлунцзяна также были объявлены «запретной зоной». Таким образом, вся Маньчжурия повторно «закрывалась» для китайских переселенцев. Однако и новый запрет оказался малоэффективным. К тому же само правительство делало ряд отступлений. Так, в связи со стихийными бедствиями и голодом в Северном Китае в 1748 г. было временно разрешено переселение в Маньчжурию. Кроме того, запрет не распространялся на купцов, мелких торговцев и ремесленников.

Продолжая линию Сюанье на проведение административно-налоговых преобразований, Хунли осуществил реформу системы учета населения. По мере распространения налоговой реформы 1712—1724 гг. на новые провинции массе безземельных крестьян и иных людей уже не надо было прятаться от занесения в списки и реестры. Кроме того, с 1741—1742 гг. учет населения стал проводиться на базе системы баоцзя, т.е. с фиксацией не только «тяглых», но и «нетяглых» (*коу*). Учетная реформа Хунли способствовала завершению налоговой реформы Сюанье—Иньчжэня и была ее продолжением. В итоге число учтенных со 143 млн. в 1741 г. возросло до 313 млн. в 1795 г., т.е. более чем вдвое. С 1661 по 1766 г. площадь пахотной земли, учтенной в земельных кадастрах, увеличилась на 2,3 млн. цин.

Произвольное завышение налоговых ставок послужило причиной восстания мяо 1735 г. в восточных районах Гуйчжоу. Повстанцы захватили ряд округов и уездов. Против них были брошены войска из шести провинций, однако все они потерпели поражения. На невосставшую часть мяо обрушились репрессии, было казнено более тридцати старшин (тусы), до этого изъявлявших покорность. Однако это не только не запугало мяо, но и усилило их сопротивление. В 1736 г. подавление восстания было поручено чрезвычайному уполномоченному Чжан Гуансы. Обещаниями и угрозами он склонил к покорности часть повстанцев, а на оставшихся бросил карательные войска. Последние двинулись в горы, казня всех пленных, предавая все огню и мечу. Каратели истребили 10 тыс. человек. Свыше 400 тыс. жителей погибли от холода и голода в горах во время этой «охоты» на людей. Затем каратель Чжан Гуансы приказал расправиться и с теми, кто ранее поддался на его уговоры и прекратил борьбу. В ходе этой акции было уничтожено до 18 тыс. человек и сожжено 1224 селения.

Тем не менее мяо продолжали сражаться. Они отступили в западные районы Хунани и сопротивлялись вплоть до 1739 г. Новое восстание мяо

вспыхнуло в 1740 г. в пограничных районах Хунани и Гуанси. Здесь к мяо примкнули народности яо и тун. Чжан Гуансы во главе 13-тысячной армии потопил в крови основные очаги сопротивления. Остальное довершили отряды сельской милиции и «добровольцев», набранные местными чиновниками, помещиками и шэньши из числа китайских пауперов и люмпенов. Опасаясь вновь спровоцировать мяо на борьбу, цинские власти освободили их от налогов и восстановили в Гуйчжоу традиционное судопроизводство.

В 1747 г. Чжан Гуансы получил приказ покорить тибетские племена тубо в одном из западных районов Сычуани — Дацзиньчуане. Тубо героически сражались, а их тусы Солобэнь упорно отбивал все цинские атаки на его крепость. Чжан Гуансы потерпел ряд поражений, попал в плен к тубо и был казнен. В 1749 г. войска под командованием Юэ Чжунци вновь двинулись на покорение Дацзиньчуаня. Солобэнь был вынужден сложить оружие, но другие племена тубо продолжали оказывать завоевателям упорное сопротивление и не признавали цинские власти вплоть до середины 60-х годов. Следуя традиционной доктрине «покорять варваров руками варваров», наместники Сычуани использовали силы тусы соседнего района тубо — Сяоцзиньчуаня для завоевания Дацзиньчуаня.

Выход из послевоенной разрухи, укрепление маньчжурского господства в Китае, подчинение Халхи, успехи в покорении народов Юго-Западного Китая позволили Хунли перейти к завоеванию стран, лежавших на запад от Цинской империи, — Тибета (1750—1751), Джунгарии (1755—1757) и Кашгарии (1757—1759). Эта «вторая волна» маньчжурских завоеваний середины XVIII в. помимо «знаменных» войск велась силами китайской пехоты и монгольской конницы. Завоевания Хунли облегчались тем, что три указанные выше страны не только не могли объединиться для отпора общему врагу, но две из них — Джунгария и Кашгария — раздирались внутренними распрями, а третья — Тибет — была уже наполовину подчинена Пекину.

Хунли давно вынашивал планы завоевания Джунгарии. Цинская дипломатия искусно вела дело к ослаблению и внутреннему развалу Ойратского ханства. Пекинский двор умело поощрял здесь внутренние междоусобицы, сепаратизм ханов, способствовал затягиванию кровавой борьбы за ханский престол. Сея рознь среди князей, Хунли одних вынуждал искать его поддержки, других — его посредничества или нейтралитета. С 1745 г. началась почти семилетняя полоса яростной борьбы за престол, заговоров, переворотов и раскола на враждующие лагеря. Вспыхнувшая междоусобная война создала идеальные условия для сложных интриг цинской дипломатии. Уже к середине 50-х годов Хунли весьма преуспел в деле ослабления центральной власти в Джунгарии и внутреннего разложения Ойратского государства. После прихода в 1752 г. к власти хана Даваци (Дабачи) вновь разгорелась борьба между ним и очередным претендентом — главой племени хойтов Амурсаной, его недавним союзником. Потерпев поражение, Амурсана в 1754 г. бежал в Китай, принял цинское подданство и просил помощи у Хунли. Получив предлог для

вторжения, тот послал в район Или большую цинскую армию. Амурсана командовал авангардом одной из двух колонн.

Вторгшись в 1755 г. в Джунгарию, цинская армия в течение нескольких месяцев оккупировала ее. Перегрызшиеся между собой ойратские князья не смогли ни объединиться перед лицом общего врага, ни дать ему отпор. Побежденный Даваци в 1755 г. был свергнут. Используя эту победу, Хунли ликвидировал единовластие и ханский престол в Джунгарии, разделив некогда могущественное государство на четыре отдельных княжества, подчиненных непосредственно Пекину.

Такая децентрализация на основе родо-племенной розни предельно ослабила ойратов. Это и оставленный в Или цинский отряд Баньди сделали Хунли вершителем судеб Джунгарии. Вместо престола Амурсана получил титул и должность, означавшие его подчинение Цинской империи. Обманутый в своих ожиданиях, он вошел в соглашение с рядом ойратских и халхаских военачальников. Осенью 1755 г. Амурсана поднял восстание против иноземных сил, призвав ойратов к объединению. Повстанцы разгромили отряд Баньди. Однако часть князей (тайджи) переметнулась к маньчжурам, а другая сохранила нейтралитет. Большая цинская армия в 1756 г. вторглась в Или, и Амурсана бежал к казахам. Цинские войска по приказу Хунли приступили к поголовному истреблению ойратского населения, в результате чего к повстанцам примкнули многие тайджи. Возвратившийся на родину Амурсана возобновил борьбу с захватчиками.

К этому времени маньчжуры сконцентрировали в Джунгарии крупные силы под командованием Чжао Хуэя, в 1757 г. победившего повстанцев в сражении под Урумчи. Мощная цинская армия, пришедшая из империи, продвигалась по Джунгарии, предавая все живое огню и мечу. Тем не менее сопротивление ойратов продолжалось, и в него включились остальные князья. После очередного поражения Амурсана бежал на территорию России, где умер от тифа. Вслед за этим в 1757 г. потерпели поражение чоросский хан Гэлцан Доржи, Даши-чэрэн и другие тайджи. Восстание ойратов было потоплено в крови, Джунгарское ханство — уничтожено. Хунли отдал приказ цинским войскам поголовно истребить ойратское население. Из общей его численности 600 тыс. человек 95% было перебито, умерло от голода и оспы, а 5% (30—40 тыс.) бежало в Россию. Опустевший край разделили на три округа — Или, Урумчи и Тарбагатай — и отдали под власть наместника (*цзянцзюнь*). Здесь стали создаваться города с цинскими гарнизонами и управами.

В Кашгарии (Восточный Туркестан) доживало последние годы теократическое уйгурское государство. Его раздирали религиозные распри между двумя основными сектами мусульманского духовенства — «белогорскими» и «черногорскими» ходжами, а также между правителями городов (*хаким-беки*) и ханской властью. Последняя боролась за централизацию страны, а хаким-бекам была выгодна ее раздробленность. Борющиеся стороны часто опирались на внешние силы, что значительно облегчало подготавливаемое Хунли завоевание этого края.

Перед походом в Кашгарию цинская дипломатия провела тщательную подготовку. Местным феодалам (бекам) обещали освобождение от власти

теократов (ходжей), установление мира и порядка, неприкосновенность господства местной знати над трудовым населением. При этом маньчжуры умело использовали уже обозначившуюся неспособность местных феодалов к централизации и защите от натиска внешних сил, необходимость для них верховного покровителя-арбитра. В этой роли все чаще выступал маньчжурский богдохан. Хунли умело играл на разобщенности политических сил в Кашгарии, поддерживая «белогорских» ходжей против «черногорских», а хакимов — против тех и других.

«Белогорские» ходжи во главе с Бурхан ад-Дином и его братом Хан-Ходжой боролись против «черногорских» ходжей, правивших Кашгарией. С помощью маньчжуро-китайских войск «белогорские» ходжи в 1755 г. захватили власть в крае, и на ханский престол был возведен Бурхан ад-Дин. Рассматривая его как своего ставленника и «данника», Хунли потребовал от него «дань» и изъявление покорности. Желая сохранить независимость, Бурхан ад-Дин и его брат освободились от цинской опеки и подняли население на борьбу за веру. Хотя на сторону маньчжуров перешли хаким-беки ряда городов, повстанцы в 1757 г. разгромили «восьмизнаменные» части, прибывшие в г. Кучар.

Из покоренной Джунгарии сюда была двинута большая армия во главе с наместником Чжао Хуэем и Ярхашанем. В 1758 г. после двухмесячной осады она овладела Кучаром, казнив более тысячи человек. В течение трех месяцев армия Чжао Хуэя в 1758—1759 гг. осаждала Яркенд, но сама оказалась окруженной под его стенами героически сражавшимися силами Хан-Ходжи и прибывавшими к нему новыми отрядами уйгуров. Они сорвали первую попытку подошедших цинских войск деблокировать армию Чжао Хуэя. Это с большим трудом удалось лишь со второй попытки в 1759 г. Подход новых цинских подкреплений, подкуп маньчжурами хаким-беков ряда городов и внутренние распри среди уйгурских феодалов во многом свели на нет успехи повстанцев. В 1759 г. двумя колоннами завоеватели перешли в наступление, пали города Кашгар и Яркенд. В сражении у оз. Яшиль-Куль уйгурские войска были разбиты. Под давлением превосходящих сил врага Бурхан ад-Дин и Хан-Ходжа с частью войск, беженцами и стадами отступили на запад, во владения бадахшанского правителя, и были им убиты. К концу 1759 г. маньчжурское завоевание Кашгарии завершилось.

Кашгария была поставлена под власть маньчжурского главноуправляющего, подчинявшегося наместнику Джунгарии и Кашгарии, и разделена на шесть округов во главе с маньчжурскими правителями. В городах и кишлаках власть осталась в руках мусульманских феодалов — беков, помогавших держать уйгурское и иное население в повиновении. Беки получали высшую власть над населением на землях, пожалованных им в наследственное владение. В свою очередь, беки контролировались командирами городских гарнизонов и вышестоящими цинскими чиновниками. Уйгурские феодалы верой и правдой служили новым хозяевам, вместе с ними обирая и притесняя мусульманское население. Территория Джунгарии и Кашгарии получила название Синьцзян, т.е. «Новая

территория», или «Новая граница». Здесь стали размещать маньчжурские и китайские войска.

В первой половине XVIII в. экономика страны все еще продолжала испытывать разрушительные последствия Крестьянской войны 1628—1647 гг., маньчжурского завоевания и войны «трех князей-данников». Тем не менее сельское хозяйство, городское ремесло и торговля постепенно возвращались в свое русло. Данный процесс шел весьма медленно, и только к середине XVIII в. деревенское и городское производство, рынок и транспорт достигли уровня начала XVII в., а затем превысили его. Восстановилось ремесленное производство в городах. Во второй половине XVIII в. в Нанкине, Сучжоу и Ханчжоу, вместе взятых, насчитывалось около 40 тыс. шелкоткацких станков. Из Гуанчжоу на иностранных судах ежегодно вывозились шелковые ткани на сумму от 700 тыс. до 1 млн. лян серебра. Развивалось хлопкоткачество в Цзянсу, где только в районе Шанхая было занято около 200 тыс. ткачей. В Сучжоу действовало более 400 красильных мастерских. В Цзиндэчжэне существовало от 200 до 300 частных мастерских по изготовлению фарфора, в которых трудились несколько сотен тысяч рабочих и мастеров. На казенных и частных медных рудниках в Юньнани было занято свыше 700 тыс. человек. В соледобыче Сычуани только в одном уезде имелось около 2,4 тыс. колодцев для подъема соляного раствора.

Восстанавливались и росли различные городские корпоративные объединения — цехи (*хан*, *бан*), земляческие союзы ремесленников и торговцев (*хуэйгуань*), купеческие гильдии (*гунсо*). В крупных городах насчитывались сотни различных корпораций. Возникали казенные и частные мастерские и мануфактуры. В начале XVIII в., с отменой запрета на мастерские с более чем 100 станками, появились крупные ткацкие мануфактуры.

С выходом из разрухи в сельском хозяйстве, городском ремесле и горнодобывающих отраслях восстанавливался прежний, т.е. минский, уровень развития рыночной экономики, торговли и транспорта. Возобновились прежние межпровинциальные и межобластные связи. На былой уровень вышла торговля между специализированными рынками всекитайского значения и их потребительской периферией. Прежнюю масштабность приобрел торговый и торгово-ростовщический капитал. Свои операции развертывали сильные шаньсийские дома. Функционировали специализированные рынки: зерновые — в городах среднего и нижнего течения Янцзы, шелковых изделий — в Нанкине, Ханчжоу, Сучжоу и Хучжоу, хлопчатобумажных тканей — в Сунцзяне и Шанхае, красителей — в Уху, фарфора — в Цзиндэчжэне, железных изделий — в Фошане и бумаги — в Учане. Крупные города (Ханькоу, Янчжоу и Гуанчжоу) вновь стали средоточием ремесел и торговли.

Восстановилось речное и каботажное судоходство на грузовых и пассажирских джонках. По Великому каналу с юга в Пекин ежегодно приходило более 10 тыс. казенных и частных джонок, груженных зерном, собранным в счет налога. В XVIII в. Пекин был больше тогдашнего Парижа. Несмотря на сеть внутренних таможен и собираемые на них по-

шлины, успешно развивалась межобластная и межпровинциальная торговля. За 1753—1795 гг. таможенные сборы возросли с 4,3 млн. до почти 6,5 млн. лян.

Экономический рост, и особенно развитие сельского хозяйства, укрепил финансовое положение цинского режима. Две трети доходов в цинскую казну поступало от поземельно-подушного налога, взимаемого в основном деньгами. Остальная треть складывалась из поступлений от соляных и внутренних таможенных сборов, а также других видов обложений. В 60—70-х годах XVIII в. из 40 млн. лян ежегодного дохода казны на содержание императорского двора расходовалось 5 млн., столичной бюрократии — 1 млн., провинциального чиновничества — 6 млн. и на содержание армии — 20 млн. лян. Последняя включала «знаменные» корпуса центрального подчинения, территориальные войска «зеленого знамени» и части добровольцев (*юнбин*).

После подчинения Тибета, покорения Джунгарии и Кашгарии Цинская империя находилась в зените своего могущества. Западные походы 1751, 1757—1759 гг. принесли Хунли огромную добычу — в состав империи вошли земли общей площадью до 3 млн. кв. км. Завоевания 50-х годов XVIII в. привели к максимальному территориальному расширению маньчжурских владений — к границам, просуществовавшим вплоть до Синьхайской революции 1911—1913 гг. В середине XVIII в. Цинская империя была самым крупным и сильным государством Восточной Азии. Хунли ощущал себя чуть ли не властелином всего мира. Эйфория от собственного могущества надолго стала главным фактором, определявшим внутреннюю и внешнюю политику Цинской империи во второй половине XVIII в. Тем не менее Хунли, как и Сюанье и Иньчжэнь, начал принимать превентивные меры против возможной внешней угрозы.

Маньчжуры и преданные им китайские сановники помнили, что европейцы (из далеких, по их мнению, маленьких и слабых «варварских» стран) вмешались в свое время в борьбу между Минской и Цинской династиями, помогая как той, так и другой. Во избежание возможной кризисной ситуации Пекин решил «закрыть» империю для этих «варваров», хотя подобная мера предосторожности лишила правительство большой части таможенных сборов от морской торговли.

Въезд иностранцев—частных лиц был запрещен, жестко контролировалось прибытие купцов и дипломатов. Караванная торговля с Россией через монгольские степи строго регламентировалась.

Была ограничена внешняя торговля через Макао. С 1725 г. в этот порт ежегодно могло заходить только 25 иностранных кораблей, а с 1732 г. был установлен контроль за каждым таким судном. Ограничения нарастали как в морской, так и в сухопутной торговле. Наконец, в 1757 г. была запрещена иностранная торговля во всех портах, кроме Гуанчжоу. Таким образом, корпорация *гунхан* становилась монополистом в этой области. Даже в Гуанчжоу европейцам не разрешалось селиться в пределах городской черты. Им запрещалось изучать китайский язык. Тех китайцев, которые обучали ему «заморских варваров», казнили. Запрещалось переселяться на прибрежные острова и распахивать там целину;

нарушителей возвращали на материк, а их дома сжигали. В 1787 г. было специально запрещено заселение островов у побережья Чжэцзяна.

Этим завершился длительный процесс «закрытия» Китая. Политика изоляции (*хайцзинь*) стала важной причиной технического, экономического и культурного отставания Китая от Запада и создала своего рода «китайскую стену» между Цинской империей и быстро развивавшимися странами Европы. Постепенно слабели также и оборонные возможности Срединной империи, хотя это обнаружилось только в середине XIX в.

Если эйфория от могущества привела Хунли во внешней политике к завершению изоляции Цинской империи, то во внутренней политике ощущение всесилия породило ужесточение «литературной инквизиции» — ее апогей с кострами и казнями. Стали более строгими прежние интеллектуальные запреты. Произведения, содержавшие «крамолу», подлежали полному или частичному уничтожению. Во втором случае из них изымались опасные главы или части. С 1774 по 1784 г. полному запрету подверглось более 2,3 тыс. книг, а частичному — 343. В 1774—1782 гг. 24 раза разжигали костры, в которых было сожжено 14 тыс. книг. Запрещенные издания под страхом тяжких наказаний отбирали у населения и уничтожали. Те, кто все же продолжал их хранить, а тем более тайно переиздавать, предавались смертной казни. Кроме того, в правление Хунли составлялись огромные списки книг, «не заслуживающих внимания», но не подлежащих сожжению. Занесенные в них произведения не рекомендовалось изучать, издавать, использовать при преподавании.

Власти и специальный штат чиновников-цензоров особенно рьяно выискивали и уничтожали неофициальные труды по истории, составленные по инициативе частных лиц и часто содержавшие антиманьчжурские высказывания. По приказу Хунли изымалась и сжигалась бытовая художественная проза — романы, новеллы и повести реалистического направления. Такие произведения объявлялись «непристойными». Вместо них населению навязывались «сельские собеседования» (*сянъюэ*). С целью повышения их значимости Хунли трижды издавал специальные указы.

В правление Хунли еще более жестокими стали судебные процессы над литераторами. Поэтов казнили за строки, содержавшие антицинские намеки и иносказания, их карали ссылкой за написание грустных стихов, что интерпретировалось как грусть в связи с падением Мин. Всего состоялось несколько сот «литературных» процессов, те или иные произведения были запрещены. Со времен Сюанье до 1772 г. было организовано 12 больших «литературных» судебных разбирательств. При помощи такого рода «письменных судилищ» уничтожались целые семьи шэньши, подпавших под подозрение в нелояльности. В период правления Хунли «письменные судилища» продолжались почти два десятилетия (70-е и 80-е годы). Это был апогей «литературной инквизиции» периода Цяньлун. Карательные акции Хунли, этого «просвещенного монарха», нанесли огромный урон науке и культуре Китая.

Одновременно Хунли предоставил широкое поле деятельности нескольким тысячам китайских ученых и шэньши, усилиями которых соз-

давались новые энциклопедии, составлялись дополнения к энциклопедиям предшествовавших эпох. Крайне важная для культурного наследия, эта гигантская деятельность сопровождалась все теми же цензурными и фальсификаторскими сокращениями, подчисткой и переиначиванием неугодных династии Цин мест в текстах и верноподданническим освещением исторических событий. Составители, авторы и редакторы особо фальсифицировали события конца династии Мин, периода Крестьянской войны 1628—1647 гг., истории маньчжурских племен, их вторжения и захвата Китая.

Прогрессивные мысли и просветительские идеи преследовались, проникновение европейской науки и культуры ограничилось лишь любительскими занятиями самого Сюанье. Из сложного и противоречивого наследия средневековой китайской культуры династия Цин заимствовала все самое консервативное. В Цинской империи процветали догматизм, преклонение перед древностью, начетничество, суеверия, боязнь всего нового. Искусственно укреплялись шовинизм, идея совершенства китайской культуры, погоня за формой, строгая регламентация всех сторон жизни и схоластика. Наиболее ярко это отразилось в произведениях и принципах ортодоксальной Тунчэнской группировки, или школы литераторов, сложившейся в г. Тунчэн (провинция Аньхуэй) в середине и во второй половине XVIII в.

Жесточайший контроль над наукой и литературой заставлял шэньши и ученых уходить от проблем действительности в мир прошлого, т.е. в исторические исследования (критический анализ древних текстов, их комментирование и исправление ошибок). На этой основе возникла известная «источниковедческая школа» во главе с Дай Чжэнем, Цуй Шу и Цзяо Сюнем. Знаменем ортодоксальной поэзии стала «теория духа и рифмы», трактовавшая литературное творчество как нечто мистическое и недоступное простым смертным.

Все это, естественно, влияло и на систему подготовки и отбора кандидатов в сословие шэньши. При Хунли деградация традиционной экзаменационной системы (*каоцзюй*) достигла предела. До 1757 г. от предшествующих периодов Тан, Сун и Мин еще сохранялись кое-какие остатки требований к будущим шэньши и чиновникам в практических вопросах их будущей административной деятельности. С 1757 г. эти критерии профессионализма были отброшены. Темы экзаменационных сочинений полностью состояли из цитат классиков конфуцианской литературы. От экзаменующихся требовалось схоластическое эссе в форме «восьмичленного сочинения» на одну из тем комментариев к конфуцианским канонам, трактуемым в духе школы Чжу Си. Полностью победили догматизм, начетничество и крайняя оторванность от практических нужд будущей служебной карьеры. Многолетняя подготовка к такого рода экзаменам с большим успехом могла быть заменена протекцией, связями, взятками экзаменаторам. Быстро распространялась практика покупки ученой степени, т.е. получения ее без экзаменов. В 1745 г. более четверти вновь назначенных уездных начальников купили ученую степень, а общее число чиновников, купивших степень, немногим уступало получившим ее после сдачи экзаменов.

По сравнению со своими предшественниками Хунли более широко привлекал преданную завоевателям бюрократию из числа китайцев к делам высших эшелонов власти. Так, в Цзюньцзичу с 1732 по 1796 г. китайцы составили уже 37% его членов, 56% приходилось на долю маньчжуров, а 7% были монголами. В эти же годы китайцы составляли почти 43% всех военных губернаторов провинций (*сюньфу*). К началу XIX в. китайцы-чиновники уже решительно преобладали в государственном аппарате.

Западные походы и территориальные захваты 50-х годов резко усилили мироустроительные претензии Хунли. Следуя во всем примеру своего деда Сюанье, он претендовал на реноме не только образцового конфуцианского правителя, но и прославленного воителя. Поразительные успехи 50-х годов породили у Хунли представление о цинской армии как о всепобеждающей силе. А это, в свою очередь, во многом усилило его агрессивные устремления на юг. Ощущая себя всемогущим владыкой и господином всего мира, он охотно склонялся к новым войнам и походам против южных соседних стран — Бирмы и Вьетнама.

Предлогом войны с Авским государством (Мьянмой) послужил пограничный конфликт, вызванный маньчжурским вмешательством во внутренние дела соседней страны. Власти провинции Юньнань дважды посылали войска против бирманцев, а последние вторгались в Юньнань. В 1768 г. в Аву двинулась 40-тысячная цинская армия под командованием Минжуя, получившего приказ Хунли захватить столицу. Не дойдя до нее, китайское войско в 1769 г. попало в тяжелое положение. Бирманцы своими умелыми действиями отрезали его от Юньнани и обрекли на голод. Захватчики отступили с большими потерями, а сам Минжуй повесился.

В 1769 г. состоялся второй поход в Мьянму. На этот раз 60-тысячная армия наступала из Китая тремя колоннами. Жестокие бои развернулись по реке Иравади. Наступавшие пытались захватить г. Аву со стороны г. Бамо, но вновь потерпели неудачу и оказались в тяжелом положении. Однако начавшаяся война Сиама с Авой оказалась для маньчжуров спасительной, ибо правитель Авы предложил им заключить мир. По договору 1769 г. обе стороны очищали занятые ими территории, цинская армия до отхода на границу должна была расплавить все свои пушки, а Мьянма символически признавала себя «данником» Цинской империи.

Хунли был взбешен провалом своих завоевательных замыслов и запретил торговлю с Мьянмой. С 1787—1788 гг. китайско-мьянмские отношения и торговля постепенно нормализовались. В последующем цинские императоры довольствовались прибытием раз в десять лет в Пекин послов из Авы с «данью». Несмотря на явную неудачу в войне с Авским государством, мощь Цинской империи производила большое впечатление на соседей. Так, правитель Сиама — пришедший к власти в 1782 г. главнокомандующий армией Чакри (Рама I) — искал поддержки Хунли в войне против Мьянмы. В 1786 г. он сам прислал послов в Пекин, тем самым как бы признав себя «данником» Цинской империи.

В конце 80-х годов Хунли представилась возможность для покорения северной части Аннама (Вьетнам, Дайвьет). В ходе восстания тайшонов

(1771—1802) последние создали свое государство в центральной и частично южной части страны и боролись за овладение северной. В 1787 г., во время похода тайшонов на север, император Аннама Ле Тьеу Тхонг бежал в Китай и обратился за помощью. Воспользовавшись этим, Хунли в 1788 г. двинул на юг огромную армию.

Используя свое численное превосходство, цинские войска одержали над тайшонами ряд побед. Почти не встречая сопротивления, китайская армия вошла в столицу Аннама Тханглаунг (Ханой). Здесь китайский командующий и наместник Сун Шии вручил императору Ле инвеституру. Вокруг столицы была создана линия укреплений. В лагере отступивших к югу тайшонов Нгуэн Хюэ провозгласил себя императором, назвавшись Куанг Чунгом. Он создал мобильную и сильную армию, усиленную флотом, кавалерией и боевыми слонами. В 1789 г. стремительным наступлением воины Куанг Чунга выбили цинские войска из укреплений вокруг столицы и ворвались в нее. Захватчики оставили Тханглаунг и вместе с Сун Шии и императором Ле бежали.

В бою под деревней Донгда были наголову разгромлены китайские войска Чжан Идуна, потерявшие 10 тыс. солдат. Бежавшие из Тханглаунга к границе цинские отряды в ходе отступления были почти полностью уничтожены. Для восстановления своего престижа Хунли мобилизовал войска во главе с Фукананем. Отдавая себе отчет в неравенстве сил, Куанг Чунг возвратил всех пленных, предложил установить добрососедские отношения и в 1789 г. послал в Пекин посольство с дарами. Хунли был вынужден признать Куанг Чунга правителем Дайвьета (Аннама), а бывшего императора Ле поселить под Пекином. Был восстановлен статус Аннама как «данника» Цинской империи, но попытка Хунли покорить южного соседа фактически закончилась провалом. Зная, как важна для китайских императоров внешняя сторона дела, Куанг Чунг лично прибыл в Пекин в 1790 г., чтобы поздравить Хунли с его восьмидесятилетием.

Провал завоевательных войн против Мьянмы и Вьетнама свидетельствовал не только о героическом сопротивлении их народов чужеземным захватчикам, но и о несоответствии внешнего величия и показной мощи Срединной империи ее внутреннему состоянию. Если с 80-х годов XVII в. до 70-х годов XVIII в. династия Цин не только переживала период укрепления и стабилизации, но и осуществляла успешные завоевательные походы против своих соседей, то с 70-х годов XVIII в. начались загнивание маньчжурского режима и его ослабление под ударами нараставших восстаний крестьян и неханьских народов. Внешний блеск деяний Хунли и эры правления Цяньлун лишь прикрывал начало внутреннего упадка Цинской империи. Происходило дальнейшее ослабление «знаменного» сословия в результате утраты им своих земель. Росли коррупция в чиновной среде и налоговая эксплуатация населения. Его численный рост обгонял рост пахотных земель, в результате чего уменьшились среднедушевые размеры крестьянского землевладения. Усиливалась прослойка бедняков, пауперов и люмпенов. Обострение социальной ситуации шло параллельно нарастанию межнациональных противоречий.

Следуя традиционному курсу китайских императоров — «править варварами руками варваров» — маньчжуры всячески разжигали национальную рознь, умело подогревая и используя противоречия между различными религиями. В северо-западных районах империи цинские власти насаждали вражду между китайцами и дунганами, между монголами и ханьцами, между дунганами и монголами. Особенно успешно власти натравливали ханьцев (конфуцианцев) на дунган (мусульман) и монголов (ламаистов) на приверженцев ислама. В равной мере внутри каждой неханьской народности и каждого народа неконфуцианского вероисповедания маньчжуры старались поддерживать политическую и религиозную рознь.

Настороженное, полувраждебное отношение маньчжуров к исламу и мусульманам еще более укрепилось после религиозных распрей и столкновений в среде дунган (саларов) в начале 60-х годов XVIII в. В противовес «старому учению» (*цзюцзяо*) тогда стало набирать силу «новое учение» (*синьцзяо*). Первое отстаивало чтение Корана про себя, молча, и возглавлялось местными старшинами, управлявшими мусульманским населением, и крупными землевладельцами, связанными с цинскими властями. Второе призывало к чтению Корана вслух и направлялось богатыми купцами и скотовладельцами. «Старое учение» именовало себя «Черной горой», и его последователи носили черные шапки. Новая секта называлась «Белой горой», ее адепты надевали шапки белого цвета. Проповедь «нового учения» начал в 1761—1762 гг. один из крупных вероучителей, Ма Минсинь, встретивший отпор со стороны сторонников «старого учения». С тех пор борьба этих двух сект постепенно нарастала. Маньчжуры встали на сторону «старого учения» и рассматривали его последователей как «добропорядочных верноподданных», а сторонников Ма Минсиня считали «смутьянами», хотя долго (до 80-х годов XVIII в.) не предпринимали против них насильственных мер.

В 1781 г. цинские власти вмешались в борьбу между двумя сектами, переросшую в кровавые столкновения. Посланные в район Сюньхуа в Цинхае войска стали силой оружия «усмирять» сторонников «нового учения». Тогда последние подняли восстание против маньчжурского господства. У стен Ланьчжоу восставшие были разбиты и подверглись массовой резне. Остатки мусульманских отрядов отступили и укрылись в монастыре на лесистой горе Хуалинь к западу от города. Все они погибли в огне пожара, когда цинские солдаты по приказу Агуя подожгли лес.

Ахун Тянь У в 1781 г. возродил секту синьцзяо и начал подготовку к новому восстанию в Ганьсу. Скрытно накапливались силы, заготавливалось оружие, в Шифэньбао (восточнее Ланьчжоу) был создан укрепленный лагерь для укрытия семей будущих повстанцев. Однако власти узнали об этой подготовке, и Тянь У был вынужден раньше времени поднять знамя «священной войны». Его последователи завладели г. Гуюань, но в бою у г. Фуцянь были разбиты, а сам Тянь У пал на поле брани.

Желая запугать мусульман, каратели убили более тысячи женщин и детей. Однако это привело лишь к новому восстанию во главе с Ма Сыгуем и Чжан Вэньцином. Оно было поддержано дунганами многих рай-

онов, а его отряды наголову разбили посланные против них цинские войска. В 1784 г. Хунли направил в Ганьсу крупную армию с артиллерией во главе с Фукананем. Поредевшие силы дунган после ряда неудач и тяжелых боев отступили в свой лагерь в Шифэньбао. Цинские солдаты разрушили водопровод в горах и обрекли более пяти тысяч осажденных повстанцев и членов их семей на мучительную жажду, а затем, ворвавшись в лагерь, вырезали более тысячи человек. Чжан Вэньцина и его помощников доставили на допрос к Хунли в Жэхэ, где вождь повстанцев был четвертован. Вооруженная борьба мусульман Северо-Западного Китая 80-х годов XVIII в. явилась одним из показателей и компонентов кризисной ситуации, набиравшей силу внутри еще величественной внешне империи.

Ослабление маньчжурского режима сопровождалось деградацией правящей верхушки. Хунли старел, и реальная власть в стране к концу 70-х — началу 80-х годов XVIII в. постепенно переходила в руки его могущественного фаворита Хэшэня. Этот молодой маньчжур сделал головокружительную карьеру — от сюцая и императорского телохранителя до фактического правителя государства. В 1776 г. он стал уже главой Дворцового управления и был введен в Нэйгэ и в Цзюньцзичу. Членом последнего Хэшэнь состоял почти четверть века — до 1799 г., а в Нэйгэ в 1786 г. он стал канцлером (*дасюэши*). Женив в 1790 г. своего сына на дочери императора, этот временщик обрел всесилие. Подчинив своей воле престарелого богдохана, Хэшэнь временами занимал до двадцати различных высоких постов и доходных должностей. Хунли постоянно осыпал его милостями. Специально для него был построен роскошный дворец с тысячью слуг. В руки фаворита стекались несметные богатства, питая его и без того невероятную алчность.

Хэшэнь держал в своих руках как столичную, так и провинциальную бюрократию. Вокруг него сложилась целая клика родственников, ставленников и сторонников. Хэшэнь и его окружение использовали свое служебное положение в личных целях. Эта клика торговала титулами, должностями, почетными и учеными званиями, занималась взяточничеством, присваивала государственное имущество, расхищала казенные средства и творила произвол. Хэшэнь и его клевреты повсюду насаждали своих приверженцев, расправляясь с теми, кто подавал жалобы на них или обличал преступления в докладах императору.

Все это оказывало крайне разлагающее влияние на государственный аппарат. Чиновничество на всех уровнях как могло подражало деятельности всесильного временщика и его окружения. Стремясь снискать его расположение, сановники, придворные и высшая бюрократия осыпали Хэшэня дорогими подарками. Он отбирал себе наиболее ценное из числа драгоценностей, присылаемых в Пекин в качестве «дани» из соседних стран, а также из подношений императору от наместников и губернаторов провинций. Безмерная жадность толкала его даже на ростовщичество. Хэшэню принадлежали 117 меняльных контор и ломбардов с общим капиталом 70 млн. лян. Его богатства превышали ценности императорского дворца, а движимое имущество, без земли и дворцов, оценивалось

в 80 млн. лян. Он владел более чем 800 тыс. му земли, а двое его приближенных вместе — 1200 тыс. му. Стоимость всего его имущества примерно равнялась доходу казны за восемь лет.

Всесилие Хэшэня укреплялось по мере отхода престарелого богдохана от дел. Незадолго до этого Хунли внес изменения в систему передачи власти. До него никто, даже самые близкие к императору, причем зачастую вплоть до самой его смерти, не знал имени выбранного им преемника. Хунли же установил официальный институт наследника (*тайцзы*), объявляемого еще при жизни Сына Неба. Им стал Юнъянь (1760—1820), правивший под девизом Цзяцин (1796—1820).

С начала 80-х годов Хэшэнь оказывал определенное воздействие на дела государства, а с 1790 г. стал его фактическим правителем. В течение девяти лет (1790—1799) он и его клика вершили судьбы Цинской империи, в том числе три года (1796—1799) уже при новом богдохане Юнъяне. Последний, боясь показать себя непочтительным сыном и обидеть отрекшегося в 1795 г. от престола Хунли, вплоть до его смерти в 1799 г. не решался трогать всесильного временщика. Кризис власти сочетался с обострением социально-экономических противоречий внутри страны и осложнением внешнеполитической обстановки.

К концу XVIII в., когда иссяк наступательный порыв цинских завоевателей, а военная экспансия Хунли против южных соседей — Мьянмы и Вьетнама — закончилась крахом, наступил явный перелом. Инициатива развязывания войн перешла к высокомерно третируемым Пекином «варварам» — гуркхам Непала. В конце 80-х годов под угрозой с их стороны оказались позиции Цинской империи в Тибете.

В условиях начавшегося внутреннего кризиса поход 1792 г. в Непал восстановил внешний престиж империи, пошатнувшийся после неудач в войнах с Мьянмой и Вьетнамом. Война с Непалом упрочила иллюзию могущества Цинской империи, что проявлялось в отношениях с другими государствами.

Серьезным испытаниям подверглись отношения с Россией. До середины 50-х годов XVIII в. внешне дружественная политика Пекина в отношении Петербурга сохранялась. Однако после завоевания Джунгарии, бегства части ойратов, а затем и самого Амурсаны в русские пределы, после перехода на русскую сторону населения отдельных монгольских княжеств отношение Хунли к Российской империи резко изменилось. Былые заверения в дружбе богдохан и его сановники сменили упреками, оскорблениями в адрес России и ее представителей, а затем и военными угрозами. Возникли пограничные споры, Пекин не раз прерывал русско-китайскую торговлю в Кяхте. Сначала Хунли, а затем и Екатерина II придвинули войска к общей границе. Тем не менее в 1792 г. обе стороны подписали Международный акт. Это соглашение подтверждало их верность Кяхтинскому договору, мирные намерения и право каждой стороны наказывать нарушителей пограничного режима по своим законам. Последнее устраняло возможность вмешательства цинских властей в дела России. С этого времени нормальные соседские отношения между двумя странами восстановились.

В конце XVIII в. «закрытие» Цинской империи для внешней торговли стало препятствием для быстро усиливавшейся экономической и колониальной экспансии Англии. Вступив с 60-х годов в стадию промышленного переворота, последняя искала пути для открытия рынков стран Востока и сбыта своих товаров. Стремясь пробить брешь в системе изоляции Китая, правительство У.Питта под нажимом торгово-промышленных кругов в 1792 г. направило в Пекин посольство Дж.Макартнэя. Он должен был добиться открытия для британской торговли ряда портов, создания складских пунктов, учреждения дипломатического или торгового представительства Англии в столице Цинской империи и отмены некоторых ограничений на торговлю и передвижение англичан в Китае. В Жэхэ и в Пекине Макартнэя в 1793 г. приняли как посла далекого и маленького «варварского» государства — очередного «данника» богдохана. Хунли и Хэшэнь отказались вести переговоры с послом и отвергли все письменные требования англичан. Миссия Макартнэя окончилась в 1794 г. безрезультатно. Пекинские правители все еще ощущали себя вершителями судеб мира, а свою империю — центром Вселенной, перед которым должны были трепетать как азиатские «данники», так и «английские варвары».

При всей внешней помпезности правление Хунли стало переломным для династии Цин. В последней четверти XVIII в. все более ощущалось растущее обнищание масс и нарастание социальной напряженности. Об этом достаточно ясно говорили доклады местных чиновников, направляемые ими в Пекин. Желая разрядить обстановку, Хунли все чаще издавал указы о частичном или полном освобождении от уплаты налогов жителей районов, пострадавших от стихийных бедствий, о раздаче голодающим зерна из казенных хранилищ, о снабжении пострадавших семенами и о распашке целины. Тем не менее фискальная эксплуатация податного населения возрастала с каждым десятилетием.

Усиление налогового бремени во многом было порождено ростом военных расходов казны в связи с непрерывными завоеваниями и походами против соседних стран. С 1685 г. по 1792 г. маньчжурские императоры вели одиннадцать войн, продолжавшихся в общей сложности более 50 лет. С 1721 по 1795 г. в Китае произошло двенадцать крупных восстаний, поднятых в основном национальными меньшинствами. Их подавление потребовало в общей сложности почти 30 лет. Внешние и «внутренние» военные действия зачастую протекали одновременно и параллельно. Они вели к росту налогов, к экстренным наборам, мобилизации крестьян на отбывание транспортной и иных повинностей. Завоевания Хунли и карательные экспедиции истощали государственную казну. Только с 1754 по 1792 г. на эти нужды было израсходовано свыше 120 млн. лян, что примерно равнялось доходам за три года.

За сто лет после окончательного завоевания Китая маньчжурами (90-е годы XVII в. — 90-е годы XVIII в.) население страны увеличилось примерно со 100 млн. человек до 300 млн. Площадь обрабатываемых земель, занесенных в кадастры, за сто лет (1661—1766) возросла с 5,5 млн. цин до 7,8 млн. Если число жителей возросло втрое, то па-

хотные земли — только на две трети. В итоге обрабатываемая площадь на душу населения сократилась, по данным кадастров, с 5,2 до 3,8 му, или почти на 30%. Резко обострилась продовольственная проблема, снизился жизненный уровень населения. Даже неизменяемые ставки налогов для измельчавших крестьянских хозяйств стали невыносимыми. В условиях нараставшей земельной тесноты, уменьшения производства и потребления зерна на душу населения резко усилились все обычные тяготы крестьянской жизни. Налоги, арендная плата, погашение долга, ростовщические проценты, трудовые повинности и стихийные бедствия становились все более разрушительными для крестьянских хозяйств.

Как результат этого к концу XVIII в. стала быстро расти масса бедняков, разоренных крестьян — пауперов и люмпенов. Города, селения, торговые и ремесленные центры, дороги и базары наполнялись безработными, нищими, бродягами, беженцами из районов стихийных бедствий и военных действий. В пограничных между провинциями районах скапливались беглые крестьяне, переселенцы, разного рода отверженные, добывавшие средства к жизни обработкой клочков земли в горах, работой на рудниках и ремесленных предприятиях. Огромное количество таких обездоленных к концу XVIII в. скопилось в горах и в лесах на стыке трех провинций — Хубэй, Сычуань и Шэньси. Их называли *пэнминь* («живущие в шалашах»).

Многие тысячи снявшихся с мест, бредущие по дорогам толпы голодных и опустившихся людей, которым нечего было терять и которые были способны на все, служили горючим материалом для социального взрыва. Некоторые искали спасения в разного рода промыслах и разносной торговле, в том числе солью. Между тем в конце XVIII в. правительство Хунли—Хэшэня еще раз запретило несанкционированную добычу медной руды, выплавку меди и отливку медных денег, а также разносную торговлю солью вне системы казенной монополии и откупов. В связи с непрекращавшимися восстаниями неханьских народностей Юго-Западного Китая власти для покрытия военных расходов на их подавление увеличили налоги, ввели дополнительное обложение и разного рода новые трудовые, транспортные и иные повинности для обслуживания войск. Все это усилило разорение деревенского люда. В итоге в стране сложилась обстановка приближавшегося очередного циклического кризиса, периодичность которого была характерна для специфического китайского феодализма. Предвестником кризиса стала волна народных восстаний под руководством тайных обществ (*хуэйдан*) и религиозных сект.

Обострение социальной ситуации активизировало антиманьчжурские настроения. Национально-патриотическое течение недовольства объединилось в одном русле с антифеодальной борьбой против налогов и чиновников. Такое слияние дало «второе дыхание» деятельности тайных обществ. Еще в 40-е годы XVIII в. возникла новая тайная массовая организация — «Общество старших братьев» (*Гэлао хуэй*), также ставившее своей целью борьбу против маньчжурского владычества. «Гэлао хуэй» первоначально охватило своими ячейками районы среднего течения р. Янцзы. К 70-м годам его влияние распространилось на весь Цен-

тральный и отчасти на Северный Китай. Наиболее активно общество действовало в Хунани, Чжэцзяне и других провинциях бассейна Янцзы. Помимо разорившихся крестьян, мелких торговцев, ремесленников и беженцев большую роль в нем играли солдаты войск «зеленого знамени», как распущенные по домам, так и находившиеся в строю «удальцы» из частей *юнбин* и сельской милиции (*сяньюн*). Одни ответвления «Общества старших братьев» выступали под лозунгом «Свергнем Цин, восстановим Мин!» («Фань Цинь, фу Мин!»), другие дополняли лозунги уничтожения маньчжурской власти планами создания идеального государства, где будут восстановлены исконно китайские устои.

Разрасталась и укреплялась тайная структура возникшего в 1768 г. в Фуцзяни общества «Триада», или «Общества Неба и Земли» («Тяньди хуэй»). Ставя своей главной задачей свержение маньчжурского режима и восстановление династии Мин, «Тяньди хуэй» вкладывало в лозунг «Фань Цин, фу Мин!» не только антицинское содержание, но и наивно-монархические иллюзии народных масс. «Общество Неба и Земли» в привычной для народных движений того времени религиозной форме выдвигало также ряд социальных идей — справедливости, равенства и взаимопомощи.

Власти жестоко преследовали тайные общества. Населению под страхом смертной казни запрещалось вступать в них. Тем не менее число их членов, их новых ответвлений и ячеек, их территориальный охват и авторитет непрерывно росли. Национальный гнет и феодальная эксплуатация делали членов тайных обществ главными застрельщиками борьбы против маньчжуров и чиновников-грабителей. Тайные общества часто служили их членам защитой, сдерживающей силой против крайнего произвола властей и помещиков. Антиманьчжурские лозунги тайных обществ, их активность и влияние в массах нередко приводили в их ряды и зажиточных людей — мелких помещиков, обиженных властями шэньши, торговцев и т.д. Иногда шэньши играли в тайных союзах руководящую роль благодаря своему образованию и авторитету среди простолюдинов.

В 70-х годах в Северном Китае активизировались различные ответвления секты «Белого лотоса». Одно из них, «Байян цзяо», или секта «Белого солнца», в 1774 г. организовало восстание в провинции Шаньдун. В ответ на арест властями Ван Луня — руководителя секты в округе Шоучжан — и группы его соратников члены секты взялись за оружие. В восстании широкое участие приняли женщины. Повстанцы штурмом овладели г. Шоучэн и освободили арестованных. Под началом Ван Луня они захватили ряд окружных и уездных центров, главный город области Дунчан, осадили и взяли г. Линьцин на Великом канале, блокировав маньчжурский гарнизон в городской цитадели. Тем самым повстанцы перекрыли подвоз продовольствия — зерна в счет налога *цяолян* — в Пекин с юга.

Крайне встревоженный, Хунли приказал стянуть сюда из разных провинций отборные войска. Возглавляемые канцлером Шухэдэ, они разгромили повстанцев вблизи Линьцина и ворвались в город. Чтобы не попасть в руки карателей, Ван Лунь и его соратники сами сожгли себя в

горящем доме. Остальных руководителей восстания увезли в Пекин и казнили. В провинции было казнено свыше тысячи пленных.

В 1775 г. ответвление «Байлянь цзяо» — тайная секта «Красное солнце» («Хунъян цзяо») активизировала свою деятельность в окрестностях Пекина и в Мукдене. Арестовав руководителей секты и многих ее членов, власти сумели предотвратить нараставшую опасность. В 1786 г. секта «Восемь триграмм» («Багуа цзяо») — ответвление «Байлянь цзяо» — подняла восстание в области Дамин провинции Чжили. Захватив областной центр и перебив чиновников, повстанцы выдвинули лозунг свержения династии Цин. Восстание было подавлено. В 1788 г. властям удалось при помощи арестов сорвать подготовку восстания этой секты в районе, лежавшем на границе провинций Шэньси и Хэнань. Затем в течение двух последующих лет аресты продолжались.

В конце 80-х годов из-за тяжести налогового гнета и чиновничьего произвола обострилась обстановка на Тайване. На него распространило свое влияние «Тяньди хуэй», действовавшее в Фуцзяни. Первую ячейку тайного общества на острове создал Линь Шуанвэнь, человек из зажиточной семьи и глава сельской дружины самообороны. Затем эта организация пустила глубокие корни во всех населенных ханьцами районах, и по мере роста ее активность возрастала. На север острова против штабквартиры Линь Шуанвэня в 1787 г. был послан карательный отряд, жестокости которого вызвали восстание. Руководимые Линь Шуанвэнем повстанцы разгромили карателей и, действуя стремительно, захватили ряд административных центров. Вслед за этим «Общество Неба и Земли» организовало вооруженное выступление на юге острова. Им руководил деревенский богач Чжуан Датянь.

Почти вся западная часть Тайваня оказалась в руках повстанцев. Линь Шуанвэнь был провозглашен правителем с девизом Тяньюань, а Чжуан Датянь — главнокомандующим (*даюаньшуай*). Повстанцы создали свой госаппарат путем избрания его функционеров из членов тайного общества. Было провозглашено восстановление порядков и обычаев династии Мин, среди повстанцев поддерживалась строгая дисциплина. Однако они не смогли взять главный город острова — Тайваньфу (Тайнань). У них в тылу стали успешно действовать созданные помещиками и шэньши «добровольческие отряды», в том числе и из туземцев (фань, гаошань). При этом гуандунцев натравливали на фуцзяньцев.

На остров с материка прибыло два отряда карателей. Повстанцы сняли осаду Тайваньфу и, отступив в глубь острова, укрепили свои силы. Раздачей отнятых у богачей средств и умелым смягчением межземляческой вражды Линь Шуанвэнь и его помощники заметно расширили и сплотили ряды восставших. Провал первой карательной экспедиции вынудил Хунли направить на Тайвань наместника Миньчжэ (Фуцзянь и Чжэцзян) Чанцина с десятитысячным войском. Тем не менее силы повстанцев резко возросли. Они перешли в наступление, вновь осадили Тайваньфу и Чжуло, но взять их не смогли и только измотали себя в осадах. Северная группировка Линь Шуанвэня и южная Чжуан Датяня оказались разобщены. Между ними возникли расхождения и неприязнь,

тогда как силы карателей и «добровольческих отрядов» росли. С материка почти непрерывно подходили подкрепления.

В конце 1787 г. на остров прибыла новая большая армия из «знаменных» частей и отборных войск различных провинций. Всего с начала восстания правительство перебросило на Тайвань более 100 тыс. солдат из семи провинций. Новым командующим был назначен Фуканань. Группировка Линь Шуанвэня потерпела ряд неудач на подступах к Чжулo, отступила на север, в начале 1788 г. была окружена и разгромлена. Линь Шуанвэнь с двумя тысячами бойцов вырвался из окружения и ушел в горы. Он снова был разбит, схвачен, отправлен в клетке в Пекин и там казнен. Фуканань перешел в наступление на группировку Чжуан Датяня. Потерпев поражение, она отступила на южную оконечность острова, была блокирована с суши и с моря, а затем разгромлена. Чжуан Датяня постигла участь Линь Шуанвэня. Затем были уничтожены мелкие, разрозненные отряды повстанцев, отступившие в горные районы.

Цинские войска жгли селения, грабили и убивали десятки тысяч людей. После этого рядом мер маньчжуры укрепили свое положение на Тайване. В 1792 г. в уголовный кодекс империи «Дацин люйли» было внесено строжайшее запрещение деятельности «Тяньди хуэя». Принадлежность к «Обществу Неба и Земли» каралась смертной казнью или пожизненной ссылкой. Восстания тайных обществ и религиозных сект 70—80-х годов были зарницами, предвещавшими грозу Крестьянской войны 1796—1804 гг. в Северном Китае под руководством секты «Белого лотоса».

Другим важным компонентом назревавшего кризиса Цинской империи явилась борьба неханьских народностей против чужеземного господства, обостренная продолжавшимся «вторым маньчжурским завоеванием» ряда районов Юго-Западного Китая. Хунли завершал покорение этого края, используя силы уже смирившихся с цинским игом групп населения против еще не покоренных. Для завоевания горного района Дацзиньчуань, населенного тибетцами (тубо), наместник Сычуани Оэртай в 1766 г. собрал воинские силы десяти тусы племен тубо, живших в районе Сяоцзиньчуань. В ходе этого наступления тубо Дацзиньчуаня признали цинскую власть.

Однако очень скоро гнет завоевателей вызвал ненависть тибетцев обоих районов. Объединившись в 1771 г., они одержали ряд побед над войсками Оэртая, казненного затем за поражения по приказу Хунли. Против тубо были посланы две армии. Первая, под командованием Вэнь Фу, в 1773 г. была разбита, сам командующий пал в бою, а его солдаты разбежались. Второй удалось, преодолев созданные тубо валы и рвы, завоевать Сяоцзиньчуань. Тремя колоннами войска Агуя двинулись на Дацзиньчуань. Здесь тубо использовали горные преграды, возвели еще более высокие валы, выкопали более глубокие рвы и героически оборонялись. Цинские войска несли колоссальные потери и потратили почти три года на окончательное завоевание в 1776 г. 30-тысячного населения обоих районов. Эта война стоила Хунли до 80 тыс. убитых солдат и до 70 млн. лян. Оба района были превращены в специальные округа провинции Сычуань.

Насильственное включение неханьских районов Юго-Западного Китая в общеимперскую административную систему привело к нараставшей потере земель местными народностями. Их земли усиленно захватывали китайские чиновники, помещики и переселенцы. Обезземеливание сопровождалось произволом властей и ростовщической эксплуатацией. В этой накаленной обстановке в 1795 г. в области Тунжэнь провинции Гуйчжоу восстали мяо во главе с Ши Людэном. В соседней провинции Хунань к ним присоединились мяо ряда округов, руководимые Ши Саньбао, У Баюэ и У Тинъи. Ши Людэн и Ши Саньбао накануне выступления дали клятву «изгнать пришельцев и вернуть исконные земли». Под этим лозунгом мяо в короткий срок свергли цинскую власть в обширном районе на стыке провинций Гуйчжоу, Хунань и Сычуань. В прилегающих к нему областях маньчжуры ввели военное положение и провели массовые аресты мяо.

Помимо войск трех провинций против восставших были двинуты отборные части из Юньнани и Хубэя. Подавление мяо было возложено на наместника Юньгуя (Юньнань и Гуйчжоу) — Фукананя и наместника Сычуани — Хэлиня. Они пообещали вождям мяо чиновничьи должности, а рядовым повстанцам — деньги в обмен на прекращение борьбы. Часть мяо сложила оружие, но большинство продолжало сопротивление. В конце 1795 г. был схвачен и казнен У Баюэ. Цинские войска нанесли поражение силам Ши Людэна, захватили его цитадель и уничтожили до сорока поселений мяо. Ши Людэн бежал в Хунань к местным повстанцам. Последние в 1796 г. стойко держались против огромной армии Фукананя, чьих сил оказалось недостаточно.

После смерти Фукананя цинские военачальники, не имея возможности справиться со своей задачей, просили Юнъяня и Хэшэня пойти на уступки мяо. Отклонив их просьбу, правительство двинуло в Хунань новые подкрепления. Три месяца шли ожесточенные бои за овладение главной базой повстанцев в Пинлуне, на западе Хунани. Здесь в бою погиб Ши Людэн. В конце 1796 г. Пинлун пал, У Тинъи был казнен. Остатки повстанческих отрядов отступили в горы и продолжали сопротивление. Только в начале 1797 г. карателям удалось покончить с ними.

Чтобы разрядить обстановку, власти возвратили мяо какую-то часть отнятых у них земель, но главные причины, вызвавшие восстание 1795—1797 гг., не были устранены. Героическая борьба тубо и мяо за свою независимость в 70—90-х годах в значительной мере опустошила цинскую казну и измотала территориальные войска многих провинций в тот период, когда в Северном Китае уже полыхала Крестьянская война 1796—1804 гг. Стойкость народов Юго-Запада во многом способствовала первым успехам повстанческих армий, сражавшихся под знаменем «Байлянь цзяо».

Самое крупное феодальное государство в Азии — Цинская империя провожала уходящее XVIII столетие демонстрацией внешнего могущества и первым пароксизмом острого внутреннего кризиса.

Глава 36

КОРЕЯ В XVIII в.

В истории феодальной Кореи XVIII век — один из немногих сравнительно благополучных периодов: не было, как прежде, разорительных войн и крупных внутренних конфликтов, страна могла в большей степени сосредоточиться на повседневных делах и заботах. Однако по своему глубинному содержанию этот период, пожалуй, не менее сложен и значителен, чем другие. Феодальный строй в Корее XVIII в. еще оставлял некоторый простор для развития производительных сил, а правящие круги не утратили способность находить решение острейших социальных проблем, что позитивно отражалось на состоянии общества. Тем не менее именно в это время феодализм начал терять возможности роста, становился тормозом социально-экономического прогресса, порождая застой и разложение всей традиционной общественной системы.

Наметившийся после Имджинской войны и маньчжурских нашествий подъем в различных отраслях хозяйства Кореи происходил и в XVIII в. Государственный земельный реестр к концу XVIII в. насчитывал уже около 1,5 млн. кёль. На самом деле пахотный фонд страны был больше, чем значилось в официальных документах. Такой вывод следует из многочисленных мер властей против незаконной распашки лугов и пастбищ, участков, выделенных для нужд армии и строительства оросительных сооружений, а также против массового устройства «огневых полей» в горных лесах. Свыше 36% всех земель Кореи были поливными и требовали разветвленной системы орошения. Для этих целей в конце XVIII в. имелось 2265 водоемов, 3695 дамб и запруд, причем 90% их располагалось в трех южных провинциях — основном земледельческом районе Кореи.

Улучшение агротехники (высадка рисовой рассады, применение удобрений и более совершенных орудий труда) позволило перейти в южных провинциях к сбору двух урожаев в год: осенью высевались ячмень или пшеница, в начале лета их убирали и высаживали там же рис. Новые культуры, появившиеся в XVII в., значительно расширили границы возделывания. В XVIII в. к ним добавился батат (сладкий картофель), завезенный с Цусимы и быстро распространившийся на юге Кореи. Расширилось выращивание технических культур, в первую очередь хлопка и конопли. Власти поощряли развитие садов (освобождая занятое этим население от второстепенных повинностей), периодически устраивали крупномасштабные работы по лесонасаждению.

Ремесло и промыслы также расширили объемы производства. Увеличилось число работающих, появились ремесленные деревни, специализирующиеся на изготовлении отдельных видов продукции. В ряде отраслей были введены новшества в технологию и организацию труда. Так,

шелкоткачество в основном перешло на отечественное сырье, разнообразило расцветку и рисунки тканей. Шире стал ассортимент металлической и фарфоровой посуды, хотя, по отзывам современников, снизились ее художественные достоинства. Судостроители усовершенствовали «корабль-черепаху» (к началу XIX в. их было 17), создали несколько типов новых гребных судов. Большие перемены произошли в книгопечатании: в конце XVIII в. провели унификацию шрифтов, ускорили процесс печати, улучшили ее качество. Возросла выплавка железа, началась добыча меди (до XVIII в. ее ввозили в Корею). Приток рабочих на серебряные рудники был так велик, что власти, опасаясь упустить их из-под контроля, предпочли закрыть почти все рудники (в начале XIX в. их осталось всего три). По той же причине в 1799 г. запретили добычу золота. Но нелегальная добыча золота и серебра продолжалась, причем в нарастающих размерах.

Углубление общественного разделения труда, рост численности населения (с 2,3 млн. в 1657 г. до 7,5 млн. в 1807 г.), прежде всего городского (в Сеуле за тот же период — с 80,5 тыс. до 204,8 тыс.), способствовали активизации внутренней торговли. Как и прежде, приоритетная роль в ней отводилась старым торговым фирмам, связанным с казной (*сиджон*). К началу XIX в. их насчитывалось около 80. Но их все более энергично теснили частные купцы, среди которых имелись обладатели огромных по тем временам капиталов. Они становились ключевыми фигурами в торговле зерном, солью, табаком, топливом и проч., в перевозках товаров и снабжении ими городов и уездов. Сеул, например, в конце XVIII в. неоднократно переживал трудности с зерном из-за того, что купцы задерживали его доставку, взвинчивая цены. Попытки ограничить частную торговлю, защитить с помощью репрессий позиции торговых фирм не принесли успеха. В 1791 г. был принят закон «Об общем участии в торговле», отменивший дискриминацию и уравнявший все купечество в правах. Прежние привилегии сохранили только шесть самых старых и крупных фирм, располагавшихся в центре столицы и обслуживавших ванский двор.

Активизация внутренних экономических связей происходила главным образом на региональном уровне. К началу XIX в. в Корее насчитывался 1061 местный рынок. Данные, вероятно, неполные, так как невозможно было учесть все мелкие рынки, возникавшие без ведома властей в горном захолустье (в том числе в приграничных северных уездах). На рынках продавались десятки видов продукции сельского хозяйства, ремесла и промыслов, преимущественно местного производства. Деятели *сирхак* в XVIII в. высказывали неудовлетворенность обменом товарами между удаленными друг от друга районами. Нельзя сказать, что такой обмен не налаживался (об этом свидетельствуют сведения из хроник того времени о перевозках грузов по рекам и деятельности проникавших повсюду бродячих торговцев), но, безусловно, его масштабы и интенсивность не отвечали растущим потребностям экономики.

Во внешней торговле наблюдались те же количественные и структурные изменения, что и во внутренней. Более многолюдными были купеческие караваны, сопровождавшие посольства Кореи и Китая. Расшири-

лась корейско-китайская пограничная торговля. На северо-западе ее главным центром стал рынок возле Ыйджу с китайской стороны, осуществлявший основной объем сделок. Для северо-востока рынка в Хверёне оказалось мало, и в 1716 г. открыли еще один — в Кёнвоне. С обеих сторон собирались сотни купцов, торговавших по нескольку месяцев товарами, доставляемыми из близлежащих уездов. Торговля с Японией также велась в большом объеме, хотя на ней сказалась утрата корейскими купцами посреднических функций после того, как с 1747 г. начались прямые японо-китайские торговые связи. Как и во внутренней торговле, во внешней торговле купцы (в первую очередь из Сеула и Кэсона) успешно конкурировали с фирмами, действовавшими по поручениям казны, выдвигая из своей среды монополистов. Современников тревожили увеличившиеся к концу XVIII в. размеры контрабанды, и особенно утечка из Кореи золота и серебра.

Характеризуя в целом социально-экономическое положение Кореи в XVIII в., следует отметить происходившие в нем некоторые качественные сдвиги. Во всех сферах экономики государство сохраняло сильные позиции, но одновременно повышался удельный вес частных форм хозяйствования, росла их роль в удовлетворении нужд не только населения, но и казны и двора. Заметно увеличилась товарность всех отраслей производства, в том числе сельского хозяйства (среди продаваемых на рынках товаров первенствовали зерно, продукты питания, водка, техническое сырье и т.д.). Деньги (медные монеты и отчасти серебро) серьезно потеснили другие средства платежа и обмена, став важным стимулятором деловой активности. В известной мере расширилось применение наемного труда, появились группы людей, не имевших другого источника существования. Накопленные в торговле и ростовщичестве огромные капиталы частично переливались в сферу производства, собственник средств и организатор работ становился ведущей фигурой, прежде всего в горном промысле. Это позволяет предполагать (вопрос остается дискуссионным) зарождение в Корее в XVIII в. первых элементов капиталистических отношений.

Вместе с тем не следует переоценивать достигнутый Кореей в XVIII в. уровень развития. Действовал ряд факторов, тормозивших поступательное движение общества, в первую очередь противоречивая роль феодального государства. С одной стороны, временами оно принимало меры позитивного свойства (устранение некоторых источников недовольства населения, содействие подъему экономики), с другой — и гораздо чаще — создавало препятствия общественному прогрессу. Высокие налоги, произвольно устанавливаемые цены, не возмещавшие издержек производства, мелочная регламентация, строгий контроль и самоуправство чиновников лишали работника стимула к труду, к усовершенствованию техники и повышению качества продукции. Таможенные барьеры, всевозможные ограничения и поборы мешали налаживанию экономических связей между регионами.

Негативные последствия имели многие запретительные указы (вроде упоминавшегося выше запрещения добычи золота и серебра). Сказыва-

лись также произвол местных властей и «влиятельных лиц», жесткий административный надзор (прикрепление людей к месту жительства и роду занятий, круговая порука и проч.), традиционное неуважение к ремеслу и торговле. Воздействие такого рода факторов усилилось к концу XVIII в., вызвав замедление происходивших в экономике процессов.

В аграрной сфере продолжалось формирование крупной земельной собственности за счет других категорий. Количественно преобладали дворцовые (*кунбанджон*) и ведомственные (*амун тунджон*) земли, находившиеся в руках многочисленной родни вана и сановной элиты. К концу XVIII в. они владели около 80 тыс. кёль, освобожденных от налога, и продолжали присваивать участки, числившиеся в облагаемом фонде, что сокращало доходы казны. Попытки ограничить рост дворцовых и ведомственных земель не принесли успеха, тем более что правители, противореча собственным указам, не переставали дарить приближенным земли или средства на их приобретение. Высшее чиновничество, «влиятельные семьи» в провинциях и уездах также расширяли свои владения, чаще всего путем скупки или захвата. Типичный случай: в 1706 г. более тысячи крестьян уезда Кёдон (провинция Кёнги) отвоевали у моря прибрежную отмель, но едва она стала пригодной для земледелия, ее отняли местные феодалы.

Земельная собственность активно втягивалась в товарно-денежные отношения, утрачивая прежнюю сословную замкнутость. В сочинениях XVIII в. встречаются заслуживающие доверия утверждения, что из каждых десяти землевладельцев пять вынуждены были продать участки, доставшиеся им от предков. Средняя и мелкая земельная собственность во все большей степени переходила к местным богачам — *тхохо*, ставшим самыми хищными эксплуататорами, действия которых постоянно осуждались в официальных документах и трудах последователей *сирхак*. В среде новых землевладельцев росла доля купцов, преимущественно из Сеула, Кэсона и некоторых других крупных городов. Можно полагать, что они, приобретая обширные пахотные и лесные участки, использовали их в интересах торгового земледелия и промыслов.

Некоторые существенные перемены претерпела система феодальной эксплуатации. В начале XVIII в. «заменный рис» (зерновой налог вместо натуральной подати) окончательно утвердился во всех провинциях (кроме Хамгён и Пхёнан, где прежде подати не вводились). К этому времени ставку налога ощутимо уменьшили — примерно на $^1/_4$. Но, как уже отмечалось, сохранился и был обременительным еще один вид натуральных поборов — «подношения государю». Давнее недовольство населения вызывала военная повинность, сводившаяся для не служивших в армии мужчин (таких в середине XVIII в. насчитывалось 0,5 млн.) к регулярной сдаче в казну большого количества холста. В 1751 г. «Закон об уравнении повинностей» сократил его на $^1/_3$, но главное — возложил поставки только на тех, кто имел землю, облегчив тем самым участь безземельных крестьян.

Возникший дефицит средств надлежало возместить экономией на административных расходах, обложением участков, не внесенных в нало-

говый реестр, а также дополнительным налогом с земли (с каждого кёль 2 ту риса или соответствующее количество денег), который платил ее собственник. Послабления распространились и на казенных *ноби*: вносимый ими налог к 1774 г. уменьшили мужчинам наполовину, с женщин полностью сняли.

Упорядочение повинностей, проведенное в XVIII в., несколько снизило уровень феодальной эксплуатации и благоприятно сказалось на экономической ситуации в стране. Однако, как уже не раз бывало, такие меры властей имели кратковременный эффект. К концу XVIII в. официально необлагаемыми числилось свыше 40% всех земель. С остальной их части, также постепенно сокращавшейся, казна могла получать необходимые ей средства, естественно увеличивая поборы с крестьян. В то время налоговые сборы с земли формально составляли в сумме 23 ту с каждого кёль, фактически же, по свидетельствам современников, доходили до 100 ту. К ним еще добавлялись расходы на «подношения государю», военную и трудовую повинности. На частных землях хозяева брали с крестьян намного больше — до 200 ту с кёль. На них же со временем переложили дополнительный налог, установленный «Законом об уравнении повинностей», другие платежи, причитавшиеся с собственников земли. Злоупотребления местных чиновников дополняли совокупность обстоятельств, сводивших на нет частичные уступки государства крестьянству.

Возраставшая экономическая роль денег проявилась и в системе феодальной эксплуатации. Считается, что к началу XIX в. свыше 35% основных налогов в Корее уплачивалось деньгами. В денежной форме часто поступало даже то, что обязательно полагалось вносить зерном, — земельный налог, «заменный рис» и проч. Более чем в 40 уездах это официально разрешалось, во многих других — делалось тайком. Заинтересованность налоговых чиновников в деньгах отражала развитие товарно-денежных отношений и в известной мере содействовала ему, но одновременно давала возможность увеличить поборы (за счет сезонных колебаний покупательной способности денег, махинаций при пересчете стоимости зерна и т.д.). Сходным образом взимание долгов деньгами обрекало крестьян на кабалу у ростовщиков. Задолженность населения по ссуде «возвратным зерном» повсеместно приобрела хронический характер, превращаясь в одну из самых мучительных для населения форм эксплуатации.

Под воздействием описанных выше процессов наметились изменения в классовой структуре корейского общества. С одной стороны, усилилось разорение низших слоев господствующего класса. Не случайно в литературе XVIII в. получили распространение персонажи, единственное достояние которых — их благородное происхождение. С другой стороны, расширился приток в привилегированное сословие разбогатевших простолюдинов. Дорогу им открывали распродажи патентов на чин, периодически устраиваемые правительством из-за финансовых затруднений. Кроме того, увеличилось число желающих обрести чиновный ранг, сдав соответствующие экзамены. Административная система не вмещала всех

претендентов на места в ней. В результате постоянно имелось несколько тысяч чиновников, не получивших должности и домогавшихся ее любыми способами.

Весьма интенсивно происходило размывание сословия крестьян. Сравнительно небольшая его часть, нажившая богатства торговлей и ростовщичеством, прорывалась в круг власть имущих. Основная же масса, несмотря на некоторые послабления эксплуатации, едва сводила концы с концами. В полной мере к ней относится приведенное выше свидетельство современников об утрате половиной землевладельцев своих участков. Как правило, крестьяне, вынужденные продать или уступить под нажимом землю, оставались на ней арендаторами.

К концу XVIII в. аренда-испольщина заняла ведущее место в системе частнофеодальной эксплуатации. Спасаясь от поборов и притеснений со стороны чиновников, все больше крестьян добровольно отдавались под «покровительство» крупных землевладельцев, переходя фактически в крепостное состояние. Мало чем отличались от них по своему положению батраки, численность которых на протяжении XVIII в. увеличивалась. Среди обезземеленных крестьян росла доля тех, кто занимались бродяжничеством, пополняли ряды городской бедноты и, что особенно примечательно, становились наемными рабочими, преимущественно в горном промысле. В XVIII в. власти неоднократно пытались укрепить расшатавшийся прежний порядок, обеспечивавший прикрепление крестьян к земле, провели несколько массовых акций по насильственному возвращению беглых на прежнее место жительства, но оказались не в силах воспрепятствовать оттоку людей из деревни.

Не остались без изменений и низы корейского общества — «подлое» сословие. Росту богатства и могущества знати сопутствовало увеличение числа частных ноби. Их ряды рекрутировались за счет принудительного закрепощения или продажи самих себя разорившимися крестьянами, пожалований родственникам вана и высшим сановникам казенных ноби, самовольного перехода последних под «покровительство» местных «влиятельных лиц». Соответственно уменьшалась численность ноби, принадлежавших государству. Своеобразие ситуации с ноби в XVIII в. заключалось в том, что количественное расширение этой самой обездоленной прослойки сочеталось с нарастанием объективных признаков неоправданности ее дальнейшего существования. Опасные размеры принимало сокращение свободного населения, от которого в основном зависели финансы и обороноспособность страны. Ноби же либо все активнее уклонялись разными способами от подневольного труда, либо использовались преимущественно в непроизводственной сфере — в качестве слуг, дворовой челяди, в свите при выездах хозяев (их знатность определялась числом сопровождающих).

Развитие товарно-денежных отношений способствовало обогащению части ноби, но одновременно снижало заинтересованность государства в прежних формах их эксплуатации. Свидетельство тому — участившаяся практика отпуска ноби на волю за выкуп или за заслуги (например, за поставку казне больших партий продовольствия в голодные годы).

В 1730 г. отменили введенное в конце XV в. правило о наследовании (при смешанных браках) крепостного состояния по материнской и отцовской линиям, вернулись к древней традиции — только по материнской линии. Эта мера была продиктована стремлением властей увеличить облагаемое налогами и повинностями население. Вместе с тем она отражала нарождавшийся в корейском обществе протест против самого существования кабального сословия. Многие видные деятели XVIII в. указывали на несправедливость наследования крепостной зависимости, некоторые даже предлагали вообще сделать всех свободными. Такого рода вопросы с 1794 г. неоднократно обсуждались при дворе. Итогом явилось компромиссное решение перевести в разряд вольных простолюдинов тех ноби, которыми владели правящий дом и государство. В первые дни 1801 г. в Сеуле сожгли 1369 регистрационных книг: свободу получили 36 974 ноби, принадлежавших вану и его родственникам, и 29 093 — приписанных к нескольким десяткам ведомств. Тем самым был сделан значительный шаг к ликвидации изжившей себя крепостной системы.

Вызванная развитием товарно-денежных отношений социальная напряженность проявлялась во всех слоях населения, но в наибольшей степени — среди трудящихся масс. Как уже говорилось, частичные послабления эксплуатации, предпринятые в XVIII в., имели кратковременный эффект: снижение одних поборов восполнялось повышением других, вынужденные уступки правительства сводились на нет беззаконием и лихоимством бюрократии. Поэтому брожение в народе и его сопротивление феодальному гнету были практически непрерывными, хотя и менее масштабными, чем до XVIII в. и позже.

Самыми распространенными по-прежнему были пассивные формы протеста: жалобы вану, центральным ведомствам и местным начальникам, уклонение от уплаты налогов и выполнения повинностей и т.д. Большой размах приняло самовольное переселение людей. Семьи, не выдержавшие притеснений, спасались бегством в отдаленные, глухие места. На 72 мелких морских островах, входивших в уезд Наджу (провинция Чолла), скопилось так много беглых, что в 1731 г. даже обсуждался вопрос о создании на их базе отдельного уезда. Во всех таких случаях власти либо возвращали беглых назад, либо вносили их в государственный реестр по новому месту жительства. При этом старались уменьшить ущерб от подсечного земледелия, которым занимались скрывавшиеся в лесах поселенцы.

Наряду с пассивным оказывалось и активное сопротивление. Его характер виден из сообщений хроник о захватах повстанцами в государственных арсеналах оружия и боеприпасов. Ежегодно в разных уездах Кореи происходили вооруженные стычки с войсками, нападения на уездные учреждения и продовольственные склады, поджоги домов местного начальства и богачей. Из-за этого нередко затруднялось движение по дорогам, ведущим к Сеулу, Пхеньяну и другим городам, обозов с товарами, срывались поставки казне. Отряды восставших чаще всего быстро уничтожались или сами распадались. Но в некоторых южных и северных

уездах действовали отряды, создавшие опорные базы в горах и совершавшие дальние боевые рейды. Иногда вооруженной борьбой были охвачены целые регионы: в 1710 г. произошли восстания в десяти уездах провинции Чолла, в 1727 г. — в нескольких районах Кёнги и той же Чолла, в 1733 г. — на островах у юго-западного побережья страны.

Наиболее значительными были действия повстанческих отрядов под руководством Чи Ёнголя в 40-х годах XVIII в. Размещаясь в районе Пхеньяна, они засылали туда и в Сеул вооруженные группы, прорывались в соседние провинции, а однажды перехватили товары, отправленные с посольством в Китай. Упоминавшийся выше «Закон об уравнении повинностей» 1751 г. на время снизил накал борьбы, получившей вскоре новый размах. Участниками ее были в основном крестьяне. Активно участвовали в ней и ноби (в общих рядах и самостоятельно), приближая таким образом избавление от неволи. Не оставались в стороне и городские низы. Но им приходилось теперь защищаться от притеснений не только феодальной знати и чиновников, но также богатых купцов и ростовщиков.

В придворных кругах Кореи по-прежнему продолжалось соперничество «партий», пренебрегавших в беспринципной грызне из-за власти жизненными интересами страны. Возглавлявшие эти «партии» столичные сановники и конфуцианские деятели опирались на группировки провинциальных чиновников и землевладельцев, которым победа их лидеров сулила возможность получить выгодную должность, улучшить имущественные дела. Важным фактором политического противоборства являлись конфуцианские «храмы славы». К началу XVIII в. их было уже 900, и в целом они располагали солидной материальной базой и большим влиянием в районах расположения. Сплачивая вокруг себя политически активную часть местной верхушки, «храмы славы» превратились в крупные опорные пункты «партийных» междоусобиц.

Правившая Кореей с конца XVII в. группировка «молодых» в 1710 г. была свергнута их главными конкурентами — «стариками», для которых удобным поводом для выступления стала расправа над наложницей вана Сукчона, матерью наследника престола. В свою очередь, «молодые» в 1723 г. сумели отстранить «стариков» от власти, убедив тогдашнего вана Кёнджона в том, что последние якобы готовят против него заговор. Однако их триумф был недолгим: в 1725 г. новый ван, Ёнджо, снова передал «старикам» управление страной. Недовольные этим, «молодые» подняли в 1728 г. вооруженный мятеж, но потерпели поражение. Каждый переворот в правительстве сопровождался казнью или ссылкой сотен сторонников низложенной «партии», дележом конфискованных у них богатств, перетряской всех звеньев административной системы.

Бесконечные дрязги при дворе и кровавые распри враждующих группировок возмущали многих чиновников, которым не была чужда забота о благе государства, являлись постоянным объектом критики в трудах передовых ученых. Попыткой покончить с такими явлениями, вредно отражавшимися на общей ситуации в стране, стала политика «умиротворения», «примирения партий», проводимая при ванах Ёнджо (1724—

1776) и Чонджо (1777—1800). Часть ее составляли упоминавшиеся выше меры по регулированию эксплуатации, снизившие на время накал народных выступлений, а также распоряжения высших властей о содействии развитию экономики, усилении контроля центральных ведомств за деятельностью местных начальников, наказании тех из них, которые слишком скомпрометировали себя лихоимством и казнокрадством.

Ёнджо сурово расправлялся с малейшими поползновениями возобновить межгрупповые раздоры, запретил даже подавать ему петиции с изложением разногласий между «партиями», жалобы чиновников друг на друга. У власти по-прежнему находились «старики», но и представители «молодых» допускались на высокие должности. Поскольку «храмы славы» превращались в центры местного сепаратизма, Ёнджо в 40-е годы закрыл примерно пятую их часть, запретив впредь самовольно создавать новые. С 1763 г. к экзаменам на чин начали допускать детей опальных сановников, в 1765 г. последовал указ против заключения браков в зависимости от «партийной» принадлежности. Некоторой либерализации подверглось судебное законодательство: прекратили отправку в ссылку вместе с провинившимся всей его семьи, отменили клеймение и татуировку преступников, а также наиболее жестокие пытки и телесные наказания. Продолжая линию своего предшественника, Чонджо, в частности, требовал предоставить возможности продвижения по службе выходцам из разных провинций (раньше на этот счет имелся ряд ограничений).

Политика «умиротворения» не принесла Корее полного избавления от борьбы придворных «партий». Изредка случались ее отдельные вспышки (жертвой одной из них пал наследник престола). Межгрупповые противоречия, стремление разрешить их с помощью интриг и захвата власти отступили перед нажимом двух ванов, но не исчезли и при первой же возможности могли разгореться с новой силой. И все же справедливо будет отметить, что политика «умиротворения» привела к частичной стабилизации обстановки в стране и это благоприятно сказывалось на происходивших в обществе процессах.

Новый фактор общественно-политической жизни Кореи, возникший в конце XVIII в., — проникновение христианства. Миссионерская литература попадала сюда через Китай с конца XVI — начала XVII в., но с ней знакомился лишь узкий круг ученых. Распространение христианства началось после того, как деятель одной из оппозиционных группировок Ли Сынхун побывал в 1783 г. с посольством в Пекине, где было много проповедников христианства, и принял там католичество. Возвратившись на родину, он занялся его пропагандой. «Западное учение», как называли в Корее новую религию, довольно скоро обрело сторонников в рядах «партий», пострадавших в борьбе за власть, а также среди угнетенного крестьянства, преимущественно в южных провинциях.

С самого начала центральные власти отнеслись к христианству негативно, поскольку оно противоречило официальной конфуцианской идеологии и к тому же нашло поддержку у враждебных им политических сил. Поэтому в 1785 г. ввоз в Корею религиозной литературы был запрещен, впоследствии ее неоднократно конфисковывали и сжигали. В 1791 г.

впервые арестовали одиннадцать корейских католиков как «нарушителей конфуцианских заповедей», в 1795 г. отправили в ссылку проповедника Ли Сынхуна. Конфуцианские деятели призывали правительство ужесточить репрессии, но оно воздержалось от крайних мер, считая их противоречащими политике «умиротворения».

Сравнительно мирная обстановка, в которой прошел для Кореи XVIII век, привела к дальнейшему подъему ее культуры, чему способствовали бережное сохранение традиций и достижений прежних периодов, обогащенное творческим осмыслением проблем современного общества, а также начавшееся, пусть пока в минимальной степени, установление связей страны с внешним миром. Ваны Ёнджо и Чонджо, стремясь быть «просвещенными монархами», покровительствовали культуре, призывали видных ученых направлять им проекты насущных преобразований во всех сферах, в том числе в просвещении народа. В 1776 г. Чонджо учредил придворную библиотеку Кюджангак, ставшую крупнейшим в Корее книгохранилищем (к концу XVIII в. в ней имелось около 180 тыс. томов) и издательством конфуцианской литературы.

Корейские ученые создали в XVIII в. ряд значительных произведений в различных отраслях науки. Экономические потребности побудили переиздать некоторые фундаментальные труды по сельскому хозяйству предшествующего времени, дополнив их сведениями и рекомендациями из новейшего опыта. Проблемы сельского хозяйства, жизни и быта крестьянства освещались также в «Саллим кёндже» («Лесное хозяйство») Хон Мансона (1718 г.), «Кванон сочхо» («Трактат о земледелии») Пак Чивона (1798 г.) и др. Среди медицинских сочинений выделялся «Чеджун синпхён» («Новый справочник для оказания медицинской помощи народу») Кан Мёнгиля (1799 г.). Велись обширные работы по составлению карт Кореи, отдельных ее регионов. Важнейшие сведения о стране и населении, памятных местах всех провинций содержались в книге Ли Джунхвана «Тхэнниджи» («Описание избранных деревень») (1753 г.).

Продолжалось написание колоссальной по объему «Лиджо силлок» («Хроники династии Ли»). В несколько приемов (с 1728 по 1805 г.) придворные летописцы подготовили подробнейшие описания всего, что происходило в Корее при ванах, правивших в XVIII в. (266 томов). Помимо того, велись детальные хроники канцелярии вана, некоторых правительственных ведомств. Издавались также исторические труды, авторы которых стремились систематически изложить и осмыслить путь, пройденный Кореей за многие века. Наиболее известный из них, 20-томный «Тонса канмок» («Краткий обзор истории Кореи») (1759 г.), принадлежит перу видного ученого Ан Джонбока (1712—1791).

Изменения, происходившие во всех сферах жизни корейского общества, требовали соответствующего законодательного оформления. Действовавший с конца XV в. кодекс «Кёнгук тэджон» («Великое уложение для управления государством») к началу XVIII в. явно устарел и нуждался в исправлениях и дополнениях с учетом новых юридических норм и правил. Эту работу придворные правоведы начали в 1728 г. и завершили в 1744 г. Итогом стало принятие основательно переработанного кодекса

«Соктэджон» («Продолжение великого уложения»). Однако всего через несколько десятилетий снова возникла необходимость в его доработке и корректировке. В 1785 г. появился еще один кодекс — «Тэджон тхонпхён» («Общий свод великого уложения»), отражавший реалии того времени. Двухкратный за относительно короткий период пересмотр свода законов свидетельствовал об ускорении темпов общественного развития в Корее.

Зародившееся еще в XV в. материалистическое течение корейской философии отстаивал в своих трудах виднейший его последователь Им Сонджу (Нонмун, 1711—1788), оставивший после себя собрание сочинений в 26 томах. Идеалистическая философия не знала в XVIII в. столь же заметных фигур. Усилия идеологов конфуцианства все более сосредоточивались на бесплодном комментировании догматов Чжу Си, пресечении любыми способами (включая уголовные наказания) попыток критического анализа их. Но даже среди них находились люди, не считавшие правильным замыкаться на идеях одного Чжу Си и противопоставлявшие им воззрения других конфуцианских школ, призывавшие не отрывать обсуждение теоретических проблем от реальных запросов общества. Наиболее известен из них Чон Джеду (Хагок, 1649—1736), занимавший высокие административные посты.

Свидетельством подъема научной мысли в Корее и большого интереса к ней в обществе является впервые выполненная работа по созданию свода накопленных знаний в стране. Комиссия из крупных ученых и сановников во главе с Хон Бонханом в 1770 г. опубликовала «Тонгук мунхон пиго» («Корейская энциклопедия») в 100 книгах. В 13 ее разделах представлены сведения об истории, географии, административном устройстве, различных отраслях экономики, культуре Кореи. В каждом разделе материал (документы, выдержки из хроник и научных трудов) систематизирован и изложен в хронологическом порядке. В 1782 г. под руководством Ли Манджуна энциклопедию дополнили рядом новых разделов, и ее объем вырос до 146 книг.

Достижения корейской науки вобрала в себя и умножила научная школа *сирхак* («реальные науки»), достигшая расцвета в XVIII — начале XIX в. Входившие в нее ученые и мыслители внесли вклад во многие отрасли теоретических и прикладных знаний (астрономия, метеорология, математика, агрономия, строительство, философия, просвещение и т.д.). Но в центре внимания были проблемы и противоречия современного им общества, перспективы его развития. Сохраняя приверженность конфуцианской манере мышления, деятели сирхак на деле вышли далеко за ее пределы. Их отличали образованность и широта кругозора, знание действительности не понаслышке, а на собственном опыте (как правило, они прошли через государственную службу), искреннее сочувствие к нуждам и чаяниям простого народа.

Не ограничиваясь констатацией наблюдавшихся в стране трудностей и пороков, они выдвигали детальные проекты необходимых преобразований. При этом они исходили из желания содействовать стабилизации и процветанию существовавшего государства, воплощению в нем идеа-

лов конфуцианства. Объективно предлагаемые реформы, если бы от них не отмахнулись правители, создавали возможности коренной модернизации, перевода Кореи на качественно новый уровень социального прогресса. Отражая наметившийся подъем национального самосознания корейского народа, творчество школы сирхак способствовало дальнейшему его обогащению и развитию.

Взгляды зачинателей сирхак унаследовал и развил Ли Ик (Сонхо, 1682—1764). Выходец из семьи, попавшей в опалу за принадлежность к оппозиционной группировке, он в полной мере постиг губительность «партийных» междоусобиц. Рано оставив государственную службу, Ли Ик поселился в деревне, где посвятил себя научным исследованиям и занятиям с учениками (в их числе, например, упоминавшиеся выше Ли Джунхван, Ан Джонбок). На его трудах, вошедших в многотомные «Сонхо мунджип» («Собрание сочинений Сонхо»), «Сонхо сэсоль» («Избранные произведения Сонхо») и др., выросло не одно поколение корейских ученых. В них изложены наблюдения и гипотезы Ли Ика о строении Земли и ее месте во Вселенной, сложных явлениях окружающей природы, размышления об истории Кореи, культуре и обычаях ее народа, подвергнуты критическому разбору конфуцианская литература и известные тогда сочинения о христианстве.

Значительная часть творчества Ли Ика посвящена злободневным вопросам положения в Корее. Протестуя против угнетения народа, он утверждал, что мир и спокойствие в стране не наступят, пока есть бедные и богатые. Главным для устранения существующей несправедливости Ли Ик считал проведение аграрной реформы, которая обеспечила бы каждого крестьянина минимальным наделом с правом передачи его по наследству, но не продажи, что должно было предотвратить обезземеливание. Многие предложения Ли Ика исходили из необходимости борьбы против названных им «шести зол»: развращавшей людей крепостнической системы ноби; государственных экзаменов на чин, приводивших к напрасной трате времени и сил и связанных с массой злоупотреблений; сословного неравноправия, порождавшего презрительное отношение к простому народу; сосредоточения ремесла на изготовлении практически бесполезных предметов роскоши; обилия бездельников — буддийских монахов; лени и презрения к труду, ведущих к росту воровства.

Во второй половине XVIII в. в рамках сирхак сложилась самостоятельная научная школа *пукхак* («учение с Севера»). Восприняв идейную направленность и методологию предшественников, она пошла дальше их в ориентации исследований на практические запросы общества, а также в изобличении его слабостей и пороков, выдвижении широкой программы реформ. Важная черта новой школы, выраженная в ее наименовании, — стремление активнее преодолеть изоляцию Кореи и приобщиться к мировой цивилизации, для чего тогда имелся единственный путь — через Китай. Интерес к достижениям и опыту соседа (включая то, что заимствовано им из других стран) сочетался с резким осуждением традиционного для высших слоев корейского общества низкопоклонства перед Китаем.

Среди ученых школы пукхак выделялся Хон Дэён (Тамхон, 1731—1783). С самого начала отказавшись от чиновной карьеры, хотя знатное происхождение открывало ему большие перспективы, он целиком посвятил себя науке. Собрание его сочинений «Тамхонсо» («Труды Тамхона») в 14 томах в основном содержит крупнейшие для Кореи того времени изыскания в области математики, астрономии, других сфер естествознания. Не сторонился Хон Дэён и общественно-политических проблем. В частности, он поддерживал проекты равномерного наделения крестьян землей, предлагал передать во владение казны дворцы аристократов, ликвидировать Нэсуса, ведавшее имуществом ванской семьи и возмущавшее всех своими злоупотреблениями, прекратить посягательства на имущество и труд крестьян. Ряд его предложений касался улучшения методов ведения сельского хозяйства, развития ремесла и торговли, управления государством, обороны. Отстаивая суверенитет своей страны, Хон Дэён отвергал идеи китаецентризма, «естественности» вассальной зависимости Кореи от Китая.

Еще один яркий представитель школы пукхак — выдающийся писатель и ученый Пак Чивон (Ёнам, 1737—1805). В молодые годы он покинул столицу и поселился в деревне, занявшись литературным и научным творчеством. Уже на склоне лет, надеясь содействовать вану Чонджо в осуществлении реформ, принял должность начальника уезда. Но со смертью этого вана политический климат ухудшился, Пак Чивон оставил службу и возвратился в деревню, где провел остаток дней. «Ёнамджип» («Собрание сочинений Ёнама») в 57 томах включал в себя помимо литературных произведений ряд научных трудов, самые известные из которых — «Ёрха ильги» («Жэхэйский дневник»), «Кванон сочхо» («Трактат о земледелии»), «Ханмин мёнджоный» («Предложения об ограничении земельной собственности народа»).

Стоя на тех же естественнонаучных позициях, что и Хон Дэён, Пак Чивон в основном сосредоточился на социально-экономических проблемах Кореи. Больше всего его волновало положение крестьянства, разорявшегося из-за бесконечных поборов и захвата земли богачами. Аристократов он называл «самыми большими грабителями в мире». Требуя передать землю тем, кто ее обрабатывает, Пак Чивон разработал проект перераспределения земли и ограничения индивидуальных прав на нее, полнее других воплощавший мечту крестьянства об уравнительном землепользовании. Причины отставания сельского хозяйства он видел не в «лености» крестьян, как считали тогда многие, а в тяжелых условиях их жизни. Детальный критический анализ состояния этой важнейшей отрасли сочетался у него с пропагандой новых агротехнических приемов, орудий и приспособлений, с конкретными предложениями по содействию со стороны государства (например, создание образцовых земледельческих хозяйств с целью распространения передового опыта).

Не обошел своим вниманием Пак Чивон и остальные отрасли корейской экономики. Выступая против курса на самоизоляцию Кореи, он призывал преодолеть национальную ограниченность и перенимать везде, где только возможно, полезные для страны знания и опыт.

К числу видных сторонников пукхак принадлежал также Пак Чега (Чходжон, 1750—1805). «Сомнительное» происхождение (его мать была наложницей сеульского чиновника), служба в придворной библиотеке и начальником одного из уездов, ссылка в конце жизни позволили ему познать теневые стороны современной действительности. Взгляды на нее он изложил в главном своем труде — «Пукхагый» («Мысли об учении с Севера»), являющемся, пожалуй, наиболее обстоятельным исследованием экономики Кореи конца XVIII в. В нем подробно рассмотрено положение в сельском хозяйстве, ремесле и промыслах, внутренней и внешней торговле, грузовых перевозках, финансах и т.д. Критикуя отсталые методы ведения хозяйства, устарелую технику и технологию, безразличие и косность бюрократии, Пак Чега высказал множество рекомендаций, привел положительные примеры, которые, с его точки зрения, помогли бы подъему экономики. Во имя экономической самостоятельности Кореи он осуждал чрезмерное увлечение китайскими товарами в ущерб отечественным, требовал ограничить утечку в Китай золота и серебра, а вместо этого увеличить вывоз корейской продукции.

Идеи и принципы сирхак разделяли многие деятели корейской культуры XVIII в. Под их влиянием в литературе и искусстве ускорился переход от абстрактности и схематизма, свойственных конфуцианству, к реалистичному отображению окружающей действительности, мыслей и чувств людей того времени. Растущий интерес к родной стране, жизни и быту ее народа отражал происходивший в корейском обществе подъем национального самосознания. В лучших произведениях осуждались социальное неравенство, гнет и насилие, сквозило сочувствие к беднякам. Своеобразие эпохи проявилось также в повышенном внимании к различным сторонам существования города, торгового и ремесленного сословий, в показе роли торговли и денег в жизни людей. Обращение к «низменной» тематике нередко толкало авторов к анонимным публикациям.

Корейские поэты создали множество произведений различных жанров. Среди них особой популярностью пользовались выполненные в стихах дневники путешествий, такие, как «Песнь о великом путешествии в Японию» Ким Ингёма, посетившего эту страну в составе посольства в 1764 г., и «Песнь о блуждании по морю» Ли Банъика, который в 1796 г. с несколькими спутниками был выброшен штормом на китайский берег и после ряда приключений вернулся на родину. Некоторые деятели сирхак (в частности, Ли Ик) излагали свои воззрения в стихотворной форме. В поэзии также проявилась тяга к обобщению и систематизации накопленных художественных богатств. Известный поэт Ким Чхонтхэк в 1727 г. издал первую поэтическую антологию, «Чхонгу ёнон» («Неувядаемые слова страны зеленых гор»), содержавшую свыше тысячи стихотворений, написанных за несколько столетий, и биографические данные более чем о 140 авторах. Другой известный поэт, Ким Суджан, в 1763 г. выпустил еще одну антологию — «Хэдон каё» («Поэзия Кореи»), включив в нее около 900 произведений.

Усилившийся интерес к устному народному творчеству породил в XVIII в. серию анонимных прозаических произведений, основанных на

фольклорных сюжетах. Самые знаменитые из них, до сих пор почитаемые в Корее, — «Повесть о Чхунхян», «Повесть о Симчхон», «Повесть о Хынбу», воспевающие трудолюбие, честность и верность в любви, уважительное отношение к простому человеку. Крупнейшим писателем, оставившим заметный след в истории корейской литературы, был упоминавшийся выше Пак Чивон. В его новеллах («Сказание о янбане», «Сказание о барышниках», «Сказание о почтенном Е Доке», «Сказание о Хо Сэне» и др.) сатирически показано тогдашнее высшее общество, которому противопоставлены высокие моральные качества простого народа, изложены общие для сирхак утопические представления об идеальном государстве.

Как и прежде, успехом у широкого зрителя пользовались сатирические представления с куклами и масками бродячих актерских трупп. Зародился еще один вид театрального действия — *пхансори*. На начальной стадии в нем участвовали два актера (основной исполнитель и аккомпаниатор на барабане), которые разыгрывали пьесы на легендарные и сказочные темы, чередуя в них повествование и пение. В XVIII в. прославились три выдающихся исполнителя пхансори: Ха Хандам, Чхве Сондаль и Квон Самдык.

Изобразительное искусство XVIII в. наглядно демонстрировало поворот к реализму и национальному своеобразию, рост художественного мастерства. Основоположник корейской пейзажной живописи Чон Сон (1676—1759) первым отказался от изображения легендарных мест Китая и абстрактных, умозрительных картин, обратившись к подлинным красотам родной природы, прежде всего к знаменитым горам Кымгансан. Жизнь и быт крестьянства и горожан в разных их проявлениях отображены в картинах Юн Дусо (род. в 1668 г.), Ким Дуряна (1696—1763), Пён Санбока (род. в 1694 г.), Син Юнбока (род. в 1758 г.) и др. Крупнейшим корейским художником, с одинаковым мастерством работавшим в разных жанрах, был Ким Хондо (род. в 1760 г.). Вполне возможно, что на его изобразительной стилистике сказалось знакомство корейцев с европейской живописью. Социальная направленность творчества Ким Хондо видна даже из перечня его картин: «Кузнецы», «Пахота», «Борьба», «Музыканты» и т.д.

Архитекторы и строители в XVIII в. построили или реконструировали ряд дворцов, монастырей и храмов, гостиных подворий. Самые большие работы были проведены в Сувоне (к югу от Сеула): в 1794—1796 гг. город обнесли новой крепостной стеной (длиной более 6 км) с внушительными воротами, воздвигли в нем несколько красивых павильонов и галерей. При этом использовался некоторый опыт европейского градостроительства.

Мастера прикладного искусства создали немало замечательных изделий, пользовавшихся спросом в самой Корее и за рубежом. Однако деятели сирхак неоднократно отмечали общее ухудшение качества продукции (особенно фарфора), объясняя это технической отсталостью производства, тяжелым положением работников.

Глава 37

ЯПОНИЯ В XVII — начале XVIII в.

Период Эдо (*Эдо дзидай*) — время политического господства дома Токугава (1603—1867) — подразделяется на два этапа: XVII век, для которого характерны типичные черты развитого феодального общества, и XVIII — первая половина XIX века — период позднего средневековья.

В XVII в. имела место определенная стабилизация феодальных производственных отношений, обусловленная прежде всего прекращением междоусобных войн, что оказало благотворное влияние на рост производительных сил, распространение новых сельскохозяйственных культур, улучшение техники земледелия, обмолота. Шире стали применяться удобрения из сушеной рыбы, в результате чего вдвое расширились посевные площади, производство риса увеличилось на 9 млн. *коку**, достигнув 26 млн. коку в год. Наметилась определенная специализация районов по отдельным культурам: в районе г. Осака стал выращиваться хлопок, к северу от Эдо — лен, на востоке о-ва Сикоку — сахарный тростник и индиго.

Численность населения возросла на 9 млн. человек и достигла 29 млн. Стабилизация политического положения была достигнута путем подавления оппозиции князей: в начале XVII в. некоторые из них, принявшие христианство (Такэда, Минами, Кумагаи), были казнены вместе с семьями. У ряда князей, главным образом юго-западных, земли были конфискованы, другим предоставили новые владения, иногда с увеличением земельной площади. Примерно треть княжеских владений была оставлена без изменения.

Таким путем Токугава удалось сконцентрировать свои владения в центре о-ва Хонсю так, что один массив их земель располагался в районе Эдо, а другой — вокруг г. Осака, тогда как земли его сторонников были сконцентрированы вдоль стратегической экономической артерии — дороги Эдо—Осака.

В 1614—1615 гг. Токугава Иэясу окончательно подавил сопротивление Хидэёри и его сторонников, заняв г. Осака. При физическом уничтожении противников, конфискациях княжеств и перемещении князей на новые земли их вассалы, если они не следовали за своими господами, лишались средств к существованию и превращались в «скитающихся людей» (*ронин*). Во время Осакской кампании было уничтожено около 100 тыс. ронинов, но по всей стране их осталось до 300 тыс., и их трудоустройство являлось для Токугава одной из наиболее важных проблем. Эти низшие слои самурайского сословия были готовы принять участие в любом антиправительственном выступлении, они участвовали в кресть-

* *Коку* = 180,4 литра.

ЯПОНИЯ В XVII—XVIII вв.

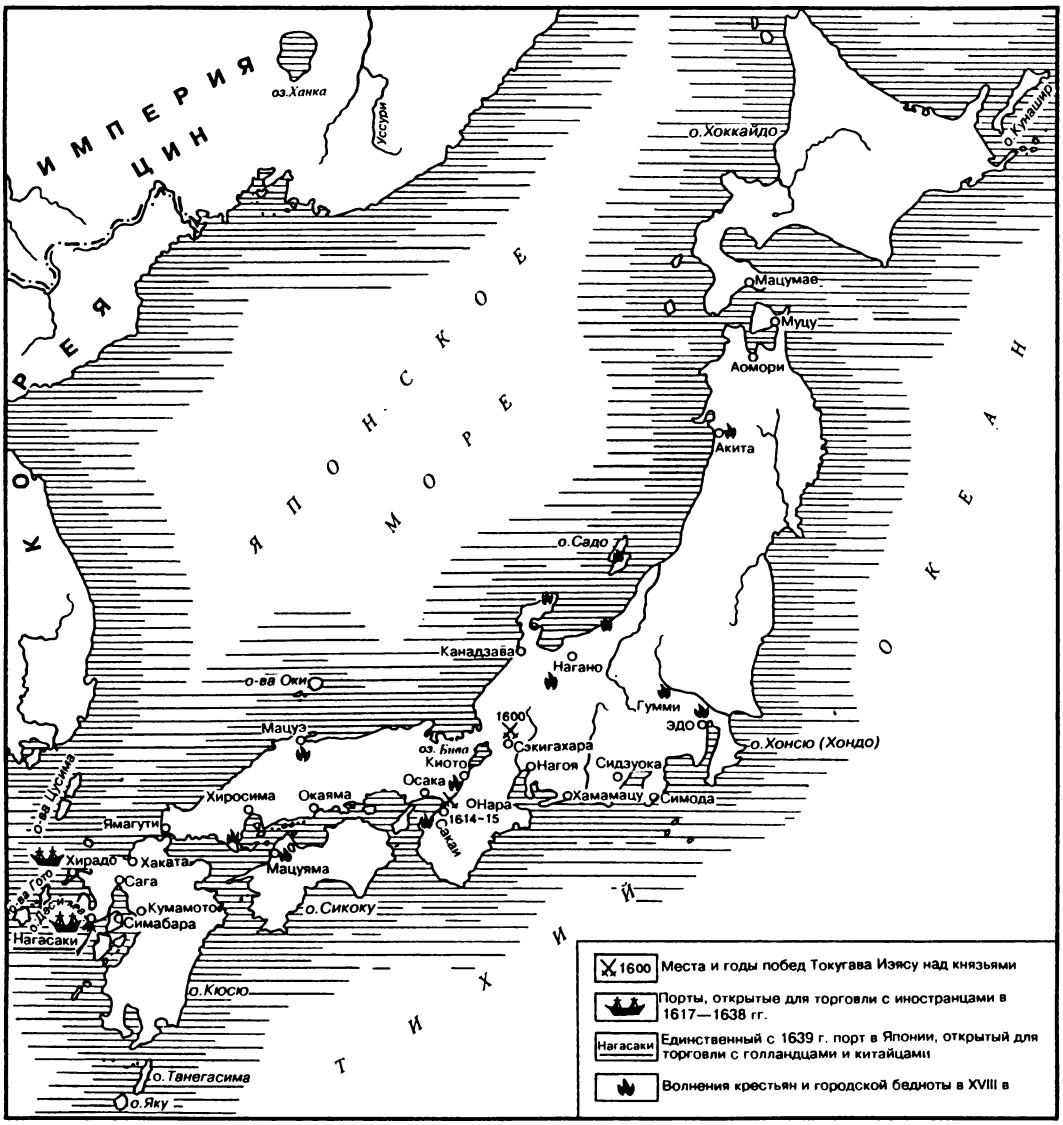


Рис. 23

янских и городских восстаниях, становились пиратами, устанавливали контакты с иностранными миссионерами. Поэтому антикняжеские меры затронули судьбы не только 200 князей, но и сотен тысяч самураев, лишившихся своих покровителей, и миллионов крестьян, испытавших на себе все ужасы гнета новых феодальных господ.

В конфискованные владения Токугава назначали своих родственников и вассалов. Так была реанимирована «сёгунско-княжеская» (*бакухан*)

политическая система, при которой объединение страны все же оставалось незавершенным: она была разделена на 200 княжеств, их правители были полными хозяевами в пределах княжеств, но центральное правительство сохранило за собой право контроля над ними. Они были обязаны подчиняться общим законодательным мероприятиям сёгуната. Токугава юридически узаконили (1634 г.) систему заложничества (*санкинкотай*), которая фактически существовала уже в XV в.

Основной земельный фонд был закреплен за князьями (*даймё*) в качестве их владения. Предоставление такого владения основывалось на точном учете доходов будущего землевладельца. Доходы оценивались в рисовой продукции. Все финансовые исчисления в стране были переведены на рис, и главная единица меры риса — коку стала основным мерилом ценностей, своего рода денежной единицей. Самоуправляющейся хозяйственной единицей-княжеством считалось владение, приносящее урожай не менее 10 тыс. коку риса.

Князь имел право суда и административной власти над всеми подданными в пределах своего владения. Он управлял своими вассалами-самураями, которым выдавал определенное жалованье натурой в виде рисового пайка. Он же сосредоточил в своих руках и высшее управление крестьянами, обрабатывавшими землю в его владениях и вносившими ему налоги в натуре, обычная норма которых составляла $^1/_2$ урожая, но практически доля даймё была значительно выше. Собранные налоги шли на содержание самого князя и его вассалов.

Экономической основой сёгунско-княжеской системы являлась эксплуатация мелких, «основных» крестьян (*хомбякусё*), участок каждого из которых составлял от 0,36 до 0,45 га и давал при среднем урожае 640—800 кг риса. Преобладание натуральной ренты-оброка (*нэнгу*) стимулировало развитие сельскохозяйственного производства, поскольку крестьянин мог, расширяя производство, улучшать свое материальное положение. В период раннего средневековья, когда господствовала отработочная рента, такой стимул отсутствовал.

Князья, как правило, не вели собственного земледельческого хозяйства, и поэтому крестьяне не несли барщинной повинности на поле. Однако это не означало, что барщина вообще отсутствовала. Она существовала в виде очень тяжелой гужевой повинности (*сукэго*), когда с каждых 100 коку урожая риса реквизировались две лошади и мобилизовались два человека для обслуживания казенного транспорта. Барщина практиковалась при сооружении замков, проведении ирригационных работ, обеспечении личных нужд феодала.

«Основной» крестьянин возглавлял малую моногамную семью, большие патриархальные семьи для этого периода были уже не характерны.

Натуральная экономика на местах являла собой разительный контраст денежной экономике города, что в конечном счете предопределило слабость торговой буржуазии.

В результате смены князя и замены административного аппарата крестьяне подвергались еще большей эксплуатации со стороны вновь назначенных господ, стремившихся увеличить налогообложение, не будучи

уверены в прочности своего положения. За один XVII век произошло 463 крестьянских восстания, причинами которых являлись злоупотребления самураев и протесты против назначения нового князя. Одно из крупнейших крестьянских восстаний произошло в Симабара на о-ве Кюсю в 1637 г. Крестьяне восстали из-за смены князя и введения его преемником для недоимщиков изуверской казни — «танца соломенного плаща» (*мино одори*), когда на смертника надевали крестьянский соломенный плащ, связывали руки и поджигали плащ. В этом восстании участвовало около 30 тыс. человек, преимущественно христиан, и поэтому оно также известно под названием «Христианского» восстания. Во главе крестьян стояли самураи, бывшие вассалы одного из сподвижников Хидэёри, участника корейского похода, «христианского полководца» Кониси Юкинага. В подавлении восстания участвовала голландская корабельная артиллерия. Пленных повстанцев в качестве доказательства отречения от христианства заставляли пройти по иконам, осуществить «топтание икон» (*фумиэ*). Отказавшихся распинали на крестах. После подавления восстания на всех дорогах, ведущих в Симабара, стояли кресты с казненными.

Поголовное истребление восставших явилось одной из причин последующего изменения формы крестьянского протеста: стали преобладать петиционные выступления, крупнейшее из которых произошло в 1651 г. и возглавлялось Сакура Согоро. Он был казнен за подачу петиции вместе с его малолетними детьми. Скоро крестьяне на собственном опыте убедились в бесплодности петиций и снова возобладали более активные формы борьбы, резко увеличилось число восстаний.

Социальные отношения основывались на сословном делении: самураи, крестьяне, ремесленники и торговцы (*си, но, ко, сё*). Права и обязанности каждого сословия были строго регламентированы. Особенно жестко определялись обязанности крестьян. Токугава Иэясу приписывают слова: «Крестьяне — это кунжутное семя, чем больше жмешь, тем больше выжмешь». Один из его ближайших сподвижников говорил: «Наилучший способ управления крестьянами заключается в том, чтобы оставлять им пищу только на год, а остальное брать в качестве налога».

Регламентированы были буквально все стороны жизни крестьян. Им запрещалось употреблять в пищу рис, они должны были питаться только грубой пищей. Запрещалось носить одежду из шелковой ткани, разрешалась только хлопчатобумажная одежда. Запрещалось строить удобные и просторные дома и чем-либо украшать свои жилища. Запрещалось устройство каких-либо развлечений, театральных представлений.

Деревни были разделены на пятидворки, во главе которых стояли назначенные властями богатые крестьяне; в их обязанности входили регулярный сбор натуральной ренты-оброка и полицейский надзор за соблюдением правительственных регламентаций (указы 1656, 1664, 1691 и 1698 гг.).

Крестьяне были прикреплены к земле. В случае бегства кого-либо остальные жители пятидворки выплачивали за бежавшего все налоги и поборы. За побег крестьяне подвергались строжайшим наказаниям.

Условия жизни торговцев и ремесленников были также регламентированы, однако со значительно меньшими строгостями, и на практике эта регламентация нередко нарушалась. Ранее, при Хидэёси, купцы и ремесленники составляли одно сословие «горожан». Теперь торговцы были выделены в самостоятельное сословие, что свидетельствовало об увеличении их социальной роли.

Ремесленники были организованы в особые цехи (*дза*), построенные на началах монополии производства, наследственности ремесла и внутренней иерархической структуры (мастер — подмастерье — ученик). Правительство строго регламентировало деятельность цехов и облагало ремесленников тяжелыми налогами.

Торговцы объединялись в гильдии (*накама*) на тех же приблизительно основаниях, что и ремесленники. Для пополнения казны Токугава ввели лицензии (*кабу*), которые продавались цехам и гильдиям, что укрепило юридическое положение последних.

Торговля и ремесло в 17 больших городах были изъяты из юрисдикции феодалов, поставлены в прямое подчинение центральному правительству и управлялись специальными градоначальниками. Среди этих городов наиболее значимыми являлись Осака, Киото и Эдо. В каждом из них насчитывалось свыше 300 тыс. жителей (без самураев), а в портовых и торговых центрах Нагоя, Нагасаки, Сакаи и Канадзава население превышало 60 тыс. в каждом. В городах Хиросима, Окаяма, Хаката, Кумамото и Акита проживало более 20 тыс. От 10 до 20 тыс. насчитывалось в Хёго, Фукуока и Таката. Величина призамковых городов зависела от размеров территории и населения княжества.

Токугавская регламентация оформила некоторые изменения и во внутренней структуре самурайского сословия. Во главе всего дворянства стоял верховный сюзерен, продолжавший носить старое наименование военачальника (*сёгун*). Особое положение занимали его сподвижники в борьбе за власть, ближайшие вассалы (*фудай даймё*), затем шли «посторонние князья» (*тодзама даймё*) не связанные с Токугава прямым вассалитетом. Но как первые, так и вторые каждый раз, когда менялся сёгун, должны были получать от него подтверждение своих прав владения землей даже в том случае, если их предшественник получил землю без помощи сёгуна.

Все самураи находились в подчинении у князей на положении их вассалов. Однако наряду с этими традиционными слоями оформился особый слой чиновников, самураев «под знаменем» (*хатамото*), находившихся в непосредственном подчинении у правительства. Менее привилегированное самурайство составило сёгунское войско. Каждый князь имел свой самурайский отряд, который он держал прежде всего для подавления крестьянских восстаний.

Над всем аппаратом управления был организован специальный институт надзора — *мэцукэ* (букв. «прикрепить око»), т.е. чиновники сёгуна, соединявшие полицейские функции с функциями контроля над деятельностью феодалов, чиновников и учреждений.

Вне четырех сословий находились бесправные «жители поселков» (*буракумин*), занимавшиеся «нечистыми» профессиями: обработкой кож, уборкой нечистот, захоронением трупов, акушерством и актерской деятельностью. Их социальное положение было наследственным, и относились они к самым низам общества.

В период Токугава отношение к женщинам существенно меняется по сравнению с периодом раннего средневековья, когда они занимали относительно высокое положение в обществе. Теперь даже в официальном документе (указе 1649 г., регламентировавшем труд и жизнь крестьян) говорилось: «...как бы жена ни была хороша собой, но если она пренебрегает домашними делами, часто попивает чай, бесцельно тратя время, или просто гуляет по окрестностям, с ней следует развестись».

Со временем отношение к женщине ухудшается, и спустя свыше ста лет писатель Уэда Акинари отметил: «Все женщины злонравны от природы и потому обращаются в безобразных чудовищ», а Санъютэй Энтё (Идзубути Дзирокити) утверждал: «Женщина в доме самурая... все равно что навоз» («Пионовый фонарь»).

Токугава покровительствовали англичанам и голландцам, надеясь с их помощью ослабить влияние испанцев и португальцев, миссионерскую деятельность которых они запретили. В 1630 г. прекращается ввоз европейских и китайских книг, содержавших упоминания о христианстве. Тремя последовательными указами (1633, 1636 и 1639 гг.) третий сёгун, Иэмицу, под угрозой смертной казни запретил японцам покидать страну, а также строить большие суда, пригодные для дальнего плавания. Одновременно страна была закрыта для иностранцев. Исключение было сделано для голландцев, участвовавших в подавлении Симабарского восстания, а также китайцев, торговым судам которых разрешалось в ограниченном количестве заходить в Нагасаки, где на искусственном острове Дэдзима происходил торг под тщательным надзором сёгунской администрации.

Политика искусственной изоляции страны, «закрытие страны» (*сакоку*) от внешнего мира, проводилась на протяжении двух с половиной веков. В основе этой политики лежало стремление установить контроль над внешней торговлей и стабилизировать феодальный строй. Значительное развитие внешней торговли в XV—XVI вв. обусловило быстрый рост прослойки богатых горожан в морских портах. Обладая огромными богатствами, они стали пользоваться столь значительным влиянием, что дальнейшее их усиление грозило подорвать устои существовавшего строя. Торговля с иностранцами была монополизирована компанией, не только созданной и контролируемой правительством, но и организованной при прямом участии правительства в качестве пайщика, что в корне подрывало источник обогащения как торгового сословия, так и южных феодалов.

Закрытие страны нанесло ущерб многим торговцам, связанным с внешним рынком, и они стали вкладывать капитал в скупку земли. Купля-продажа земли запрещалась указами 1642 и 1643 гг., но неуклонно продолжалась.

Указом 1673 г. запрещалось дробление земельных участков менее одного тё для всех крестьян и двух тё для старост. Однако, несмотря на этот закон, процесс обезземеливания крестьян прогрессировал на протяжении всего периода политического господства Токугава.

Сокращение объемов внешней торговли стимулировало выращивание новых культур (хлопок), способствовало развитию ремесел (прядение и ткачество), повлияло на возникновение новых торгово-промышленных центров внутреннего рынка (район Нисидзин в г. Киото), но в то же время вызвало упадок городов, ориентированных на внешний рынок (Сакаи). Налаживается транспортировка грузов, в особенности каботажным флотом, на значительные расстояния: шелковые ткани из Нисидзин продавались повсеместно, рис с севера о-ва Хонсю и морская капуста из княжества Мацмаэ (юг о-ва Хоккайдо) доставлялись в Эдо. Из Осака в Эдо регулярно отправлялись целые караваны судов, груженные рисом, рисовой водкой, сахаром, деревом, железом (свидетельство японца Дэнбэй, выброшенного бурей на Камчатке в конце XVII в.). В связи с расширением внутренней торговли происходит объединение ряда торговых гильдий в более крупные объединения, прежде всего в Осака, ставшем центром торговли рисом.

Сухопутные магистральные дороги, по свидетельству очевидца (Кэмпфер), находились в хорошем состоянии, их тщательно ремонтировали, по ним свободно могли разъехаться два экипажа.

Торговля на севере велась преимущественно с княжеством Мацмаэ (юг о-ва Хоккайдо, п-ов Осима). Дальше на север территория еще только осваивалась, там обитали айны, нещадно притесняемые японцами. Восставшие айны в 1669—1670 гг. уничтожили большую часть японских переселенцев, но восстание было подавлено со страшной жестокостью. В то время ни Курильские острова, ни Сахалин не являлись японской территорией. Они были исследованы и нанесены на карту русскими первопроходцами, которые впервые появились на Курильских островах в первой половине XVII в. В 1697 г. отряд Атласова достиг Камчатки и, обследовав Курильские острова, установил, что местные жители ничего не знали о существовании Японии.

Голландцы стремились укрепить свою торговую монополию в Японии и воспрепятствовать установлению ее торговых связей с другими странами, и Россией в частности. Именно голландцы изобрели пресловутый тезис об «угрозе с севера» и начали распространять в Японии антирусские настроения.

Несмотря на отчаянные усилия правящих кругов токугавской Японии предотвратить разложение своего режима, уже в XVIII в. отчетливо проявилась экономическая и социальная несостоятельность их мероприятий.

Разложение феодального строя в XVIII в. проявилось в замедлении, а затем в прекращении прироста продукции риса. Валовой урожай оставался на уровне XVII в. Прекращение прироста крестьянского населения — вторая отличительная особенность этого времени. Общая численность населения составляла около 29 млн. человек, а если принять во

внимание некоторый рост городского населения, то налицо бесспорное сокращение числа сельских жителей.

Причина уменьшения численности населения крылась в огромной смертности от голода и эпидемий: в 30—40-е годы XVIII в. в результате голода население сократилось на 800 тыс. человек, а в 80-е годы — на 1 млн., причем от голода не умер ни один самурай!

В этих тяжелейших условиях крестьяне широко практиковали детоубийство — «прополку» (*мабики*). Распространение этого изуверского обычая доказывается сохранением в языке многочисленных терминов, первоначальным значением которых являлось убийство новорожденных девочек и мальчиков.

Тяжесть положения крестьян усугублялась вымогательствами администрации. Экономист Дадзай Сюндай в «Экономических записках» («Кэйдзай року») описал инспекционную поездку помощника губернатора (*дайкан*) в деревню: «Когда дайкан отправляется для проведения инспекции, народ в ожидании его приезда начинает готовиться за много дней вперед: заготавливают подношения, расчищают дороги, убирают предназначенное ему помещение, приготовляют заранее разные редкие блюда.

В день встречи за околицу выходит староста деревни с пешими и конными людьми и с паланкином.

По прибытии дайкана в назначенную резиденцию начинают торжественное пиршество, преподносят подарки и устраивают всевозможные развлечения. Одаривают деньгами не только его помощника, но и свиту и даже самых низших слуг.

Трудно себе представить, как велики эти расходы! А если что-либо неугодно их (дайкана и его свиты) сердцу, то они выискивают разные зацепки и притесняют народ. Когда же дело доходит до обследования полей, то плохо вызревший рис считают за хорошо созревший и произвольно повышают подать.

Если же пиры были обильными, подарки дорогими, если всем, до последнего слуги, даны хорошие взятки и все оказались ублаготворены, то хороший урожай они считают за плохой и понижают подать.

Поэтому самым главным для народа было ублажить дайкана. Для последнего проведение обследования представляло массу выгод. Все, вплоть до низших слуг, также загребали много денег и крали у сёгуна. Это происходило не только во время инспекционных поездок. И в обычное время не было границ вымогательствам дайкана и его помощников. И поэтому-то заместители дайкана хотя и получали маленькое жалованье, но были не беднее некоторых князей, владевших поместьями, а помощники дайкана, жалованья которых едва хватало для прокормления одного-двух слуг, часто имели их более десятка. Они накапливали много денег и в конце концов покупали дома...

Таков произвол дайкана. Когда-то, много лет назад, я жил некоторое время в деревне и сам лично видел и слышал о таком самоуправстве, вымогательствах и взятках.

Это горе для народа и несчастье для государства».

Тяжелое положение крестьян явилось темой повести «Превратности крестьянской судьбы» («Хякусё сэйсуйки»), опубликованной в 1713 г. в

Киото. И хотя автор неизвестен, он затронул одну из наиболее острых проблем того времени — взимание с крестьян чрезмерных налогов.

Действие повести происходит в провинции Харима (современная префектура Хёго), но оно типично для подавляющего числа районов Японии в начале XVIII в. В деревне все было зарегистрировано с целью взимания налогов, начиная с плодовых деревьев и кончая шестами, употреблявшимися для поднятия корзин с водой из колодца. Ни одно дерево не могло быть срублено без разрешения. Крестьянин, говорится в повести, похож на мокрое полотенце, которое дает тем больше воды, чем больше его выкручиваешь.

Все, кто был не в состоянии выплачивать налоги, продавали своих дочерей в Осака в публичные дома.

В XVIII в. резко ухудшилось материальное положение средних и низших слоев самурайства в результате сокращения рисовых пайков (до 60%). Многие самураи обратились к невоенным профессиям — ремеслу, преподаванию, врачеванию. Эти японские разночинцы стали обслуживать нарождавшуюся городскую буржуазию и разделять ее идеологию.

Ухудшилось положение и высшего самурайства, возросла его зависимость от торгово-ростовщического капитала.

Правящий лагерь стремился путем реформ реанимировать феодальные производственные отношения, приостановить упадок самурайского сословия, но все эти усилия были тщетны: торгово-ростовщический капитал набирал силу.

Как ремесленное производство в городе, так и домашняя крестьянская промышленность (*канай когё*) в деревне становятся зависимы от оптовых торговцев-скупщиков (*тоия*); подчинение мелких производителей скупщикам как широко распространенная практика отмечается с 20—30-х годов XVIII в.

Развитие мелкотоварного производства проявилось в увеличении площади возделывания технических культур, благодаря чему за XVIII в. продукция шелка-сырца возросла примерно в два раза. Всеяпонский рынок хлопка сложился в районе г. Осака лишь к 30-м годам XIX в.

Товаризация сельского хозяйства происходила неравномерно в разных районах, прежде всего в окрестностях больших городов.

Возникает также и мануфактурное производство в отраслях, продукция которых пользовалась растущим спросом на рынке (ткачество, прядение, горные разработки, металлургия, изготовление рисовой водки).

Разложение феодального способа производства, все возраставшая роль товарно-денежных отношений и значения денег для самурайского сословия не могли остаться незамеченными для деятелей культуры. Философ-материалист Муро Кюсо в начале XVIII в. писал: «Для самурая на первом месте стоит прямота, затем жизнь, а потом уже серебро и золото», но не прошло и 40 лет, как писатель Уэда Акинари в повести «Луна в тумане» подчеркивал, что самурай «услаждает сердце лицезрением золота. Силой золота можно покорить мир».

В это время усиливается влияние городской жизни с характерным для нее упадком нравственных норм, особенно в конце XVII в., в период

Гэнроку (1688—1703). Литературными центрами продолжали оставаться города Киото и Осака. Значение последнего усилилось, так как правительственный контроль там был слабее, чем в Эдо, который становился ведущим политическим центром, оказывавшим влияние на другие города, и Киото в частности. Сёгунат стремился перенести в свою столицу придворную киотоскую культуру, приглашая писателей, поэтов и художников.

В XVII в. наиболее заметно творчество трех выдающихся литераторов: Ихара Сайкаку, талантливо отразившего жизнь средневекового города, поэта Мацуо Басё, остро ощущавшего неповторимость жизни, и «японского Шекспира» — Тикамацу Мондзаэмон.

В первой половине XVII в. в Японии довольно широкое распространение получило книгопечатание, возникшее под влиянием европейских миссионеров и на основе завезенного из Кореи в конце XVI в. подвижного шрифта. При помощи подвижного шрифта было напечатано 757 книг. Однако затем снова восторжествовал старый, ксилографический метод: в условиях политики изоляции страны подвижной шрифт рассматривался как «иностранное влияние», а при издании книг, в которых преобладали гравюры, сопровождавшиеся небольшим текстом, ксилографический метод еще не исчерпал себя.

В 1603 г. появился театр Кабуки, где актерами первоначально были одни женщины. Представления Кабуки пользовались большой популярностью среди горожан и самураев. В 1629 г. правительство запретило выступления женской труппы, и актерами в театре стали юноши, однако спустя 23 года и их выступления были запрещены; с тех пор в театре играют только мужчины, исполняющие и женские роли.

Развивается жанровая живопись (*укиёэ*), изображающая повседневную жизнь города, развлечения горожан, известных красавиц. Это искусство стало массовым при использовании художниками ксилографии для тиражирования своих произведений.

Среди крупных мыслителей этого периода — конфуцианский ученый, апологет сёгуната, Араи Хакусэки (1657—1725).

При периодизации исторического процесса Араи ввел примат политического критерия, не полностью преодоленного японскими историками и по сей день. Он был первым, кто подверг критическому анализу летописи «Кодзики» и «Нихонги», а также «Историю великой Японии» («Дай Нихон си»), созданную школой Мито на основе «Нихон сёки». Араи усомнился в «божественном происхождении» императорской династии, выступил против того, чтобы считать 660 год датой основания японской империи, установил хронологическую фальсификацию в японских летописях «похода Дзимму» и отнес его на 600 лет позднее. Араи первым уделил серьезное внимание «раковинным кучам» и каменным орудиям, извлек из японских летописей упоминания о них и пытался научно осмыслить их историческое значение. Основываясь на том факте, что бронзовые колокола (*дотаку*) были найдены в неглубоких слоях земли, Араи предположил, что «эра богов» не была уж столь далеким прошлым. При этом он отождествил богов с людьми, рассматривая их деяния как дела живых, реально существовавших людей.

При анализе источников Араи применил сравнительный метод. Для анализа китайской летописи «Вэй чжи» он использовал фонетический метод отождествления летописных наименований мест с реальными географическими названиями, существовавшими в то время в Японии. Этим же методом он объяснил имя Химико как «ребенок солнца». Однако Араи полностью игнорировал направления, которым следовало, согласно летописи, придерживаться при поездке в Яматай. Кроме того, при анализе расположения этого первого племенного союза он ввел географический фактор величины места, равнины, где могло быть расположено это племенное объединение. Жители севера Кюсю, по его мнению, не подчинялись двору Ямато, который на этом основании не нес никакой ответственности за их действия. Таким образом, Араи явился отцом теории фальсификации (*гисэн*), появившейся позднее, согласно которой Химико незаконно присвоила себе титул правительницы Японии при направлении посольств в Китай. Хотя все эти исследовательские новшества не были доведены автором до конца, они стали применяться последующими учеными.

Араи первым оценил важность европейских наук для отсталой Японии и утверждал, что их не следует смешивать с христианством.

Особое место в истории токугавской Японии занимает Андо Сёэки. Даты его рождения и смерти точно неизвестны, вероятно 1707—1763 гг. Родился Андо на северо-востоке о-ва Хонсю в г. Кубота (современный город Акита). Он был вторым сыном обедневшего самурая, занимавшегося медицинской практикой и постоянно проживавшего в Эдо. В тринадцатилетнем возрасте Андо был усыновлен врачом, прибывшим в г. Хатиноэ для службы у местного князя, но затем Сёэки порвал с приемным отцом и жил отдельно.

Андо интересовался ботаникой, зоологией, географией, этнографией, философией, литературой, медициной, на практике знал акушерство. Врачеванием добывал себе средства к существованию, проживая главным образом в городах Хатиноэ и Акита, где эксплуатация городского населения и крестьян отличались особой жестокостью. Обычно с крестьян взимали в виде налога 40% урожая, тогда как в Акита — 60%. В 1756 г. в этом княжестве от голода и болезней погибло 20% населения. Растущее недовольство существующим режимом, восстания крестьян и городского плебса были обычным явлением в то время и не могли не оказать влияния на формирование мировоззрения Андо Сёэки. В условиях полицейского сыска и широко практиковавшихся доносов Андо приходилось скрывать и зашифровывать свои взгляды и сочинения как на северо-востоке страны, так и в Эдо, куда он переехал в 1750 г.

Для творчества Андо была характерна резкая критика существующих социальных порядков, страстная ненависть к токугавскому режиму, именуемому им не иначе как «противоестественным миром узаконенного беззакония». Противоестественность Андо усматривал в имущественном и социальном неравенстве, когда «в верхах царит роскошь, а в низах — крайняя нищета». В действительности же люди, по Андо, являются продуктом природы, «естественности» и, следовательно, одинаковы во всех

частях света. Единство с природой способен дать человеку только труд, и лишь «работающие и производящие» имеют право на питание. Труд человека, его физическая сила, как считал Андо, обеспечивают существование людей и определяют развитие общества. Люди труда «обладают истинной моралью», а тунеядцы «лишены морали, безнравственны». Андо утверждал, что социальное неравенство определялось религией, проповедью буддизма и конфуцианства; он едко высмеивал в образе птиц и животных служителей культа, эксплуататоров, бичевал их сексуальную извращенность, ратовал за чистоту брака и здоровый быт.

Андо выступал против распространявшегося синтоистами, неоконфуцианцами и буддистами тезиса о божественности, исключительности японцев и японского государства, утверждая, что борьба между «господствующими верхами и подавленными низами» составляет суть исторического процесса любого народа на Востоке и Западе, где тираны и угнетатели пожирают возделанное чужими руками. Андо ратовал за развитие добрососедских отношений со всеми народами, в том числе с корейцами.

Андо считал необходимым упразднение эксплуататоров и социального неравенства, но не насильственными действиями, а методом сознательного возвращения людей к природе через отказ от буддийско-синтоистско-конфуцианских предрассудков в процессе обязательного для всех труда по совместной обработке земли. Лишь в этом случае, по мнению Андо, может быть создано общество людей труда без паразитов и миллионы людей будут жить как один человек, когда не будет таких, которые «обжирают и обирают других».

Андо был убежден, что уничтожение и упразднение «противоестественного» военного искусства, мир внутри страны и между народами обновят Японию и превратят ее в пример для всех стран мира.

В своей конструктивной программе Андо был социальным утопистом, выражая чаяния крестьян, однако ему не были чужды и интересы определенной части разорившихся самураев-дворян и городского плебса, особенно его низов.

Андо гениально предвидел условия освобождения японского народа, но в условиях социально-экономической отсталости токугавской Японии не смог ни увидеть, ни осознать ограниченность крестьянских требований.

Андо был не только выдающимся мыслителем, но пытался реализовать свои идеи через тайную антитокугавскую организацию, представители которой имелись в ряде городов и членом которой он, по-видимому, был. Однако завеса тайны над этой стороной его деятельности до сих пор еще не приоткрыта.

За столетие (середина XVII — середина XVIII в.) в Японии было написано 13 экономических трактатов, в которых освещалось тяжелое экономическое положение страны и выдвигались различные проекты его улучшения. Их авторы являлись идеологами самурайства, особенно низшего, переживавшего серьезные материальные затруднения, устранить которые они стремились. Большая их часть осуждала порчу монеты, особенно золотой (Муро Кюсо, 1658—1734), считая, что в изобилии монет одна из главных причин экономических бедствий. Они считали высокие

цены на рис основой благополучия самурайства, но это было невыгодно ремесленникам и купцам, к деятельности которых они относились отрицательно. Крестьянство было для них лишь силой, создающей материальные блага для самураев.

Экономисты предлагали возвратить самураев из города в деревню, превратив их в землевладельцев, принять меры по пресечению бегства крестьян из деревни в город, что грозило обезлюдением деревни и еще большим подрывом материального благосостояния феодалов.

Но были и такие экономисты, которые понимали невозможность полного восстановления натурального хозяйства. Они видели важность развития товарно-денежных отношений и стремились способствовать их развитию, что отсутствовало в политике правительства. Эти экономисты предлагали осуществить обогащение феодалов путем создания торговых монополий (Дадзай Сюндай, 1680—1738). В качестве примера они приводили княжество Сацума, правители которого монополизировали торговлю с островами Рюкю, продавая товары с Рюкю по всей стране и увеличивая тем самым доходы княжества. А правитель о-ва Цусима князь Со монополизировал торговлю с Кореей (женьшень) и увеличил таким путем свои доходы в десять раз.

Примечательно, что Дадзай Сюндай охарактеризовал «Кодзики» как «фальшивый документ».

Первым представителем дворянства, писавшим о тяжелом положении крестьян, был Кумадзава Бандзан (1619—1691) — самурай из княжества Бидзэн (современная префектура Окаяма). Кумадзава утверждал: для нынешних самураев крестьяне не бóльшая ценность, чем дрова или трава. Крестьяне смотрят на высокопоставленных князей как на своих врагов. Времена меняются, и может наступить пора, когда князья потеряют власть: схватят их крестьяне и добьют своими мотыгами. Князья удерживают от бегства 50 или 100 своих крестьян, но если весь народ убежит, что может сделать князь? Крестьяне все-таки имеют некоторые права.

В работе «Некоторые вопросы высшей школы» («Дайгаку вакумон») он призывал правителей начать благоразумное правление (*дзинсэй*), при котором следовало назначать компетентных министров, запасти рис для удовлетворения минимальных нужд народа, предотвратить потери при его производстве, улучшить борьбу с наводнениями и освободить воинов от присутствия при дворе, с тем чтобы они вернулись на землю.

Характеризуя буддизм, Кумадзава подчеркивал многочисленность буддийских храмов и монахов, писал о распаде буддийского учения и превращении служителей культа в «воров и грабителей», усердствующих в «разврате и обжорстве».

Последующие авторы выступали за внешнюю торговлю в рамках существующей экономики, они критиковали некоторые аспекты существующего режима, но не стремились к его свержению. Среди них выделяется Хонда Тосиаки (1744—1821). Он родился на северо-востоке о-ва Хонсю, вел спартанский образ жизни, спал всего четыре часа в сутки, зимой не носил теплой одежды. Поскольку он был вторым сыном в семье и не мог получить наследства, в 13-летнем возрасте Тосиаки уезжает

в Эдо. Будучи любознательным человеком, он приступает к изучению математики и астрономии. В возрасте 23 лет открывает свою школу, где преподает математику, астрономию, географию и геодезию. Однако вскоре передает школу своему ученику, а сам, заинтересовавшись общественными проблемами, отправляется путешествовать по стране. Всюду Хонда видел страшную нищету, горе, убийство новорожденных и пришел к выводу, что устранить все эти беды, стабилизировать экономику способна лишь торговля, которая дала бы возможность «получить то, чего у нас нет, в обмен на то, что у нас есть».

Разъезжая по стране, Хонда видел, как в одном районе избыточный урожай риса гнил на корню, а в другом — свирепствовал голод. Он полагал, что причиной такого положения являлось отсутствие достаточного количества судоходных рек. Поэтому он считал необходимым расширить русла рек, устранить пороги, взорвав их, построить недостающее количество судов и таким образом создать условия для развития внутренней торговли, что в конечном счете облегчит положение крестьян, приведет к росту населения и устранит причины детоубийства. Но даже если каждый клочок земли будет возделываться, то, по мнению Хонда, «рост населения обгоняет рост продовольственных ресурсов» и продовольствия на всех все равно не хватит, поскольку размер земли ограничен, а население увеличивается. Следовательно, писал Хонда, необходимо увеличить пригодные для сельскохозяйственного использования угодья, захватить Курильские острова, о-ва Бонин, Камчатку, перенести туда столицу, а также присоединить к Японии Алеутские острова и Северную Америку.

Таким образом, экономическая программа Хонда Тосиаки сводилась к четырем пунктам: «порох» для прокладки новых русл рек, строительства каналов с целью развития транспорта и борьбы с наводнениями; «материалы», прежде всего дорогостоящие, для развития торговли, а другие — для сокращения потерь от гниения и огня; «мореплавание» для развития торговли, способной создать стабильную экономику; «колонизация» для освоения новых земель.

Хотя Хонда был противником конфуцианства, он не смог полностью избавиться от конфуцианского образа мышления и, подобно другим экономистам, считал, что самураев отличает врожденная честность, и именно поэтому он ратовал за то, чтобы самураи стали торговцами, поскольку присущие им высокие моральные качества помешают перенять порочные нравы купцов. Хонда считал бесполезным призывать нечестных торговцев к добродетели и полагал необходимым поставить торговлю под государственный контроль, наивно веря, что правительство будет действовать в интересах населения, доставляя на судах рис из сельскохозяйственных районов к потребителю.

Хонда также считал необходимым, чтобы правительство покровительствовало ремесленникам, поскольку такая политика способствовала бы обращению денег и увеличению экспортной продукции. Он мечтал о такой Японии, которая вывозила бы готовые изделия на своих судах. Хонда приветствовал время, когда японские корабли посещали страны

Юго-Восточной Азии, и был противником закрытия страны, что погубило торговое мореплавание Японии.

Первым шагом к возобновлению внешней торговли Хонда считал налаживание торговых связей с Россией. «Надлежит точно определить, — писал Хонда, — места на Итурупе и Кунашире, где бы японскими товарами торговали в обмен на русские. Так установятся мирные торговые отношения, которые помогут нам лучше узнать русский народ и его страну, что, несомненно, сослужит нам пользу, поскольку Япония стоит на месте, в то время как Россия стремится вперед».

Обосновывая необходимость колонизации о-ва Хоккайдо (Эдзо — наименование того времени), Хонда в 1792 г. писал: «Япония получит земли, где преступники смогут жить и заниматься полезным трудом, рудники обогатят страну ценными металлами, земля, распаханная и обработанная, даст обильные урожаи зерна, которые спасут от голода Японию в случае недорода; лес, растущий в Эдзо, может быть использован для строительства кораблей».

Хонда Тосиаки был прагматиком меркантилистского толка, интересовавшимся прежде всего пользой проводимых мероприятий, не безразличным к морально-этическим вопросам, поборником научных знаний. В памфлете 1798 г. «Сказание о западных странах» Хонда подтверждал истинность теории Коперника о вращении Земли вокруг Солнца, ратуя за развитие астрономических, географических и навигационных знаний, необходимых для морской страны Японии, подчеркивал обусловленную буддизмом отсталость страны в просвещении, науке, насущную необходимость усвоения достижений западного естествознания.

Глава 38

УПАДОК ВОСТОКА И ПЕРЕХОД МИРОВОЙ ГЕГЕМОНИИ К СТРАНАМ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

В конце XVII в. военная конфронтация ислама и западного христианства закончилась поражением мусульманского мира. Сражение под Веной 12 сентября 1683 г. и Карловицкий мир 1699 г. означали не только прекращение османской экспансии в Европе. Это был отказ ислама от претензий на мировое господство. В глобальном противостоянии двух миров (см. гл. 2) победителем вышел Запад. Это в решающей степени предопределило дальнейший ход мировой истории. Весь второй период Нового времени (1683—1918) проходил под знаком бесспорного интеллектуального, военно-технического и культурного превосходства Запада. Его социальные и духовные ценности, его стиль жизни приобрели всеобщее значение, став образцовой моделью «цивилизации», своего рода эталоном, на который начали равняться во всех частях земного шара.

Переломным моментом, отметившим переход мировой гегемонии к странам Западной Европы, были годы 1683—1739. С наибольшей очевидностью это проявилось в области военного дела. До этого времени Запад не имел явного военного преимущества. Как уже отмечалось, по крайней мере до 1683 г. в Европе существовал стратегический паритет Восток—Запад; при этом лучшие армии Европы находились в состоянии обороны, отбиваясь от угрозы военного нашествия с Востока. В Азии у европейцев также не было уверенности в своем превосходстве. Они всячески избегали сколько-нибудь значительных столкновений с армиями Китая и могольской Индии. И дело не только в отдаленности этих стран от Европы. В отличие от Америки европейцы воздерживались здесь от крупных колониальных завоеваний. В течение двух с лишним столетий они ограничивались на Востоке захватом отдельных пунктов на побережье, где под защитой флота устраивали свои базы и торговые фактории. В 1750 г. на эти колониальные анклавы приходилось не более одного процента всего населения Азии и Африки.

Положение коренным образом изменилось в середине XVIII в. После 1739 г. ни одна армия Востока не одержала ни одной крупной победы над регулярными войсками Запада. После русско-турецкой войны 1768—1774 гг. население Османской империи вообще утратило веру в возможность противостоять Западу силой оружия. С середины XVIII в. — по мнению ряда историков, со времен сражения при Плесси (1757 г.) в Бенгалии — военные действия европейских стран на Востоке все более приобретали характер репрессалий и карательных экспедиций. Можно сказать, что с этого времени армии Востока были обречены на поражения, и Бонапарт имел все основания заявить, что если «два мамлюка без-

условно превосходили трех французов; 100 мамлюков были равноценны 100 французам; 300 французов обыкновенно одерживали верх над 300 мамлюками, то тысяча французов уже всегда разбивала 1500 мамлюков».

Одновременно с этим на Западе начали забывать существовавшие ранее представления об обеспеченной и спокойной жизни на Востоке, о его богатстве, силе и величии. На рубеже XVII—XVIII вв. Восток уже воспринимался не только как царство зла и произвола, но также как плохо управляемые страны с нищим и грубым населением. Пребывание на Востоке стало вызывать у европейцев ностальгически обостренное воспоминание о более зажиточной и благоустроенной жизни на Западе. «Куда девались бы, — писал в 1670 г. Ф.Бернье (в случае принятия восточных порядков), — все эти князья, прелаты, дворянство, богатые буржуа, крупные купцы и славные ремесленники таких городов, как Париж, Лион, Тулуза, Руан и, если хотите, Лондон, и много других? Где были бы эти бесчисленные местечки и села, все эти чудные деревенские усадьбы, все эти поля и холмы, возделанные и содержимые с таким старанием, заботливостью и усердием?»

Действительно, после Вестфальского мира (1648 г.) Европа быстро двинулась вперед. Росло ее благосостояние. По уровню общественной производительности труда, а следовательно, и по уровню потребления Европа к середине XVIII в. догнала страны Востока. А еще через полвека превзошла их в экономическом отношении. По расчетам П.Бэрока, в 1750 г. ВНП на душу населения составлял в Западной Европе 190 долл. США (в ценах 1960 г.), в 1800 г. — 213; в Азии — 190 и 195 долл. соответственно. На Западе самой богатой страной была Франция Людовика XVI (250—290 долл. в 1781 г.), на Востоке — цинский Китай (228 долл. в 1800 г.).

Растущая уверенность Европы в своих силах привела к резкому изменению взгляда на Восток. В 1683—1739 гг. исчез комплекс страха. Постепенно он уступил место комплексу превосходства. Если в массах еще господствовали представления о богатствах и легкой жизни на Востоке, если Даниэль Дефо еще в 1720 г. старался доказать англичанам несостоятельность их низкопоклонства и преклонения перед Китаем, то в правящих кругах преобладал уже более реалистический подход, особенно в отношении Османской империи. Даже в России, в окружении Петра I, ни у кого не было сомнения в отсталости турецкой армии, боялись лишь возможного проведения реформ и приглашения военных инструкторов из Европы.

В середине XVIII в. представления об отсталости Востока стали получать на Западе все более широкое распространение, а к концу века уже явно преобладали. В отличие от предшествующих времен восточные порядки стали восприниматься не как альтернативная модель социально-политического устройства, а как некое отсталое общество, остановившееся на каких-то более ранних ступенях исторического развития. Глубокий сон и дряхлость недвижного Востока стали самыми распространенными метафорами в Европе. Наиболее четко эти взгляды нашли свое

отражение в историко-философской концепции Г.Гегеля (1770—1831), который рассматривал Восток как некую «первоначальную» форму человеческой цивилизации, которая лишь на Западе двинулась по пути прогресса. С этого времени Восток в массовом сознании Европы стал представать как олицетворение «варварства», как воплощение грубости, бескультурья, жестокости и лени, органичной неспособности к интеллектуальному и нравственному развитию.

Соответственно жители Востока утратили уверенность в своих силах. На первых порах предпочитали говорить об «упадке» своих стран, о бездарности и неспособности правителей, затем, особенно во второй половине XVIII в., об «отсталости», прежде всего в военно-техническом отношении. Подобного рода настроения постепенно охватывали все страны Востока: сначала верхи общества, города, лимитрофные и приморские районы, затем низы народа и более глубинные области. Параллельно этому менялся взгляд на европейцев. Высокомерное, пренебрежительное отношение, едва прикрывавшееся дипломатической учтивостью, в XVIII в. (в Китае позже) уступило место неподдельному интересу, доброжелательности и даже стремлению в чем-то походить на европейцев. Если в XV в. византийцы (в Индии и Китае европейцев практически не знали) смотрели на жителей Запада как на людей, стоящих ниже их в культурном отношении, то в XVIII в. положение коренным образом изменилось. Люди Запада стали восприниматься как носители хотя и чуждой, но достаточно высокой культуры, особенно в области науки, техники и образования.

Таким образом, к концу XVIII в. изменившееся соотношение сил стало фактом, признанным как на Западе, так и на Востоке. В чем же причины выявившегося отставания Востока? Кто и в чем виноват? Ответ на этот, казалось бы, простой вопрос вызывает тем большие затруднения, что с позиций сегодняшнего дня трудно себе представить, как это Запад до 1683 г. был более бедным и слабым регионом, что над ним постоянно висела угроза завоевания с Востока. Это тем более трудно, писал А.Тойнби, что, «хотя господство Запада было установлено совсем недавно, его рассматривают, как если бы оно было всегда».

Как уже отмечалось в гл. 2, на рубеже Нового времени все ведущие цивилизации Старого Света находились на примерно одинаковом уровне развития. Европа даже несколько отставала в экономическом и военном отношении. Так что же произошло? Что вывело Европу вперед, обеспечило ее господство во всем мире? Или — иначе — в чем причины отставания Востока? Почему он занял подчиненное положение, стал объектом мировой истории?

Явно не заслуживают внимания весьма простые и наивные представления, объясняющие отставание Востока вторжениями кочевников или иноземными нашествиями. Они действительно случались и приводили к разрушению производительных сил, к крупным опустошениям и депопуляции, соответственно задерживали и даже отбрасывали назад развитие целых стран и регионов. Но нашествия и разрушительные войны никогда не были особенностью Востока. Достаточно вспомнить ужасы Ре-

формации и религиозных войн в Европе. Только в результате Тридцатилетней войны (1618—1648) население Германии сократилось с 20 млн. до 7 млн. человек. По своим масштабам подобного рода бедствия вполне сопоставимы с завоеваниями Тимура или Джелалийской смутой, опустошившей целые страны Ближнего Востока.

Еще более надуманной является теория об ограблении колониальных и зависимых стран, некогда распространенная в советской и вообще марксистской историографии. Суть ее сводится к тому, что «невиданный до тех пор по своим масштабам систематический грабеж» неевропейских стран привел, с одной стороны, к разорению и обнищанию Востока, затормозив его «нормальное» развитие, с другой — позволил Европе в ходе так называемого первоначального накопления аккумулировать «громадные денежные суммы», необходимые для развития промышленности. В конечном счете это обрекло страны Востока на «длительную консервацию феодализма и колониального рабства», а на Западе ускорило процесс развития капитализма, который в силу своей «прогрессивности» обеспечил Европе господствующее положение в мире.

Во-первых, несмотря на многочисленные попытки, не удалось выявить ни масштабы «невиданного грабежа», ни соответственно суммы «первоначального накопления». Более того, оценки баланса «платежей» Восток—Запад, произведенные историками, показали, что ничего подобного в истории не происходило. Конечно, отдельным европейским авантюристам удавалось сколотить на Востоке довольно крупные личные состояния. Но общий итог взаимных грабежей, военных авантюр и мирной торговли, своего рода «платежный баланс» Восток—Запад, в течение XVI—XVIII вв. неизменно складывался в пользу Востока. Богатства, захваченные испанскими и португальскими конкистадорами, голландскими и английскими пиратами, более чем уравновешивались призами варварийских, оманских и малайских пиратов, а также монопольно высокими ценами, которые восточные правители устанавливали на свои экспортные товары. Хронический дефицит Запада в торговле с Востоком покрывался массированными поставками драгоценных металлов. Около $^1/_3$ серебра, добывавшегося в Америке в XVII—XVIII вв., осело в Азии, покрыв 80—90% европейского импорта из стран Востока. И это не считая доходов от войн в Европе и пиратства. Одним словом, золотые миллионы текли не с Востока на Запад, а с Запада на Восток. Иначе говоря, в свете бухгалтерской отчетности рассуждения об «ограблении» народов Азии и Африки как одном из каналов «первоначального накопления» исчезают как мираж, как чисто идеологическое наваждение.

С экономической точки зрения все многообразие контактов Восток—Запад в XVI—XVIII вв. (торговый обмен, грабежи, войны) имело своим следствием отток драгоценных металлов из Европы на Восток и способствовало росту сокровищ, находившихся в руках азиатских навабов, мандаринов и пашей. Возникает совершенно другой вопрос, который еще в 1957 г. сформулировала шведский историк Ингрид Хаммарстрём: «Почему Западной Европе американское золото было нужно не для накопления сокровищ и не для украшения святилищ (как это было в Азии и у

туземцев Америки), а для пополнения находящейся в обращении денежной массы, т.е. как средство платежа?»

Во-вторых, вызывает сомнение реальность самого «первоначального накопления» как исторического феномена. Не касаясь всех аспектов этой проблемы, в том числе связанных с аграрной историей Европы, хотелось бы все же подчеркнуть, что Восток при этом не играл никакой роли, как если бы его вообще не существовало. Ни торгово-колониальная экспансия европейских стран, ни все золото Востока не имели никакого значения в ускорении научно-технического и экономического прогресса Европы в XVII—XVIII вв., тем более не являлись «основой» индустриализации Запада.

Как показал анализ биографий британских промышленников и их бухгалтерских книг, промышленная революция в Европе, во всяком случае на ее раннем этапе (1760—1815), происходила без участия торгового и банковского капитала. Почти все основатели новых промышленных предприятий были людьми довольно скромного состояния, в большинстве своем выходцами из деревни. Они, конечно, использовали сложившуюся до них инфраструктуру свободного рыночного хозяйства, но в целом промышленное грюндерство было совершенно особой сферой деловой активности и происходило за счет собственных источников финансирования. Бухгалтерские книги первых британских фабрикантов не фиксируют ни ссуд, ни кредитов, полученных из сферы торговли или банковского дела. Другими словами, если в ходе колониальных авантюр создавались отдельные личные состояния, как, например, во время массового расхищения индийских сокровищ в 1751—1774 гг., то они не направлялись в сферу промышленного производства и, следовательно, не были и не могли быть источником инвестиций в индустриальное развитие Запада.

Наконец, П.Бэрок заметил следующую любопытную закономерность: страны-колонизаторы развивались более медленно, чем страны, не имевшие колоний. Другими словами, чем больше колоний, тем меньше развития. Следует также подчеркнуть, что общественное мнение европейских стран в XVII—XVIII вв. было настроено резко отрицательно по отношению к колониальной политике. Оно осуждало разорительные заморские авантюры, которые, по мнению европейцев, не окупали связанные с ними расходы и вели лишь к непомерному обогащению самых беззастенчивых дельцов. Последние, как считали европейцы, в конечном счете наживались за их собственный счет как налогоплательщиков, которые покрывали все убытки, связанные с колониальной политикой. Да и в современной историографии существует влиятельное направление, последователи которого полагают, что колониальная политика диктовалась военно-политическими и даже идеологическими соображениями, не имевшими ничего общего с реальными экономическими интересами.

Вытекающий из этого вывод о непричастности Запада к отставанию Востока никак не устраивал сторонников революционных теорий, которые, подобно К.Марксу, рассматривали историю человечества как смену эксплуататоров, как непрерывную цепь насилий, войн и экспроприаций.

К ним примыкали поборники традиционных ценностей, для которых сама мысль о непричастности Запада к бедствиям Востока была совершенно невыносима. Признание этого факта неизбежно вело к необходимости искать внутренние причины отставания азиатских деспотий и соответственно требовало пересмотреть всю систему традиционных ценностей, которые лежали в их основе. Реабилитировать эти ценности можно было, лишь выявив внешние факторы упадка. Одним словом, найти внешнего врага, который закрыл перед Востоком путь к богатому и процветающему обществу. Именно на это была нацелена теория «зависимого развития» («периферийная школа»), которая возникла в середине XX в. и получила распространение в неомарксистских и национал-патриотических кругах.

Суть этой теории, пришедшей на смену археомарксизму, сводится к тому, что в процессе образования «современной мировой системы» (по И.Валлерштайну, в два этапа: 1450—1640 и 1640—1815 гг.) возникли новые формы аппроприации. Они заключались в присвоении при посредстве мирового рынка прироста сельскохозяйственного, а затем и промышленного производства. Это присвоение происходило путем «неэквивалентного обмена», основанного на разнице региональных цен и различной покупательной способности золота и серебра. Положительные результаты этой валютно-ценовой игры накапливались — правда, неизвестно почему — исключительно на Западе, позволив ему, первому и единственному в мире, встать на путь самостоятельного капиталистического развития, осуществить индустриализацию и модернизацию общества.

В результате Запад занял господствующее положение в международной торговле и стал «центром» мирового развития. Страны Востока соответственно оказались «периферией», а их развитие попало в зависимость от интересов и потребностей «центра». По мере включения в «международное разделение труда» и подчинения экономики афро-азиатских стран законам мирового рынка — в конечном счете европейскому капиталу — зависимость Востока от «центра» возрастала и, как следствие, падало значение внутренних, эндогенных факторов развития. В каждом конкретном случае оно стало определяться не собственным потенциалом страны, а ее местом в иерархии «современной мировой системы». Другими словами, в процессе «неэквивалентного обмена» природные и человеческие ресурсы «периферийных» стран стали объектом аппроприации со стороны «центра», который, подобно вампиру, питался чужой кровью. Таким образом, отставание Востока, по мнению «периферийной школы», явилось результатом формирования мирового рынка и представляло собой как бы оборотную сторону процветания Запада.

Действительно, в XVI—XVIII вв. наблюдалось значительное увеличение объема мировой торговли. В частности, объем внешнеторгового оборота Европы, по оценке П.Бэрока, вырос в 1500—1700 гг. в 15 раз. Началось формирование мирового рынка. В конце XVII — начале XVIII в. обозначились его основные очертания, а к 1815 г. он стал реальным фактом истории. Страны Востока к этому времени действительно преврати-

лись в поставщиков сельскохозяйственного сырья и полуфабрикатов. Росли «ножницы» цен. Готовые изделия из Европы оплачивались все возрастающими количествами сырого материала из стран Востока. Однако выявить здесь элементы «неэквивалентного обмена» практически невозможно. Ведь необработанный продукт всегда дешевле готовых изделий, тем более товаров высокого качества, которые заключают в себе неизмеримо большее количество знаний, интеллекта и труда. Тем не менее факт остается фактом: в 1815 г. Восток предстает на мировом рынке как отсталая «периферия». Это очевидно и совершенно бесспорно. Спорным является другое: что было причиной, а что следствием. Иными словами, не является ли отставание Востока не следствием, а причиной его неравноправного положения в «современной мировой системе»?

И в самом деле, историко-статистические расчеты показывают, что вплоть до середины XIX в. Запад просто не мог оказывать сколько-нибудь заметного влияния на экономическое развитие восточных обществ, за исключением, быть может, некоторых прибрежных анклавов. О каком подчинении законам мирового рынка может идти речь, если торговля с Западной Европой нигде не имела первостепенного значения, да и по своему объему стояла в одном ряду с товарооборотом других торговых контрагентов? Например, о каком подчинении и кому может идти речь, если в 1776—1781 гг. на долю всех стран Западной Европы приходилась $^1/_7$ объема внешней торговли Египта, т.е. примерно столько же, сколько на долю Восточной Африки? Остальные $^5/_7$ приходились на долю Индии, Турции, Ирана, Сирии и других восточных стран. О каком деформирующем влиянии можно говорить, если стоимость индийского экспорта в Европу в 1760 г. составляла 0,03—0,04% всего ВНП Индии? Все это ничтожно малые величины, которые не отражались, да и не могли отражаться на социально-экономическом развитии Востока.

Другими словами, крупные страны и мирохозяйственные регионы Азии и Северной Африки вплоть до середины XIX в. сохраняли полную автономность, развивались по своим внутренним законам и самостоятельно удовлетворяли свои главные потребности. Не следует также забывать, что в XVI—XVIII вв. страны Востока по-прежнему оставались поставщиками на Запад готовых изделий, по преимуществу тканей, и товаров высокой роскоши (сахар, пряности, кофе и т.п.), имея при этом положительное сальдо торгового баланса. Даже Англия, проявлявшая в международной торговле наибольшую изобретательность, 75% своего импорта из Индии в 1708—1760 гг. оплачивала поставками драгоценных металлов.

Далее, вплоть до середины XIX в. Восток диктовал свои условия торговли. В течение трех с лишним веков обмен товарами между Европой и Азией происходил в соответствии с правилами, которые устанавливались правителями Востока. Китай, например, во время ежегодных ярмарок в Макао (с 1550 г.) и Кантоне (с 1757 г.) сам определял цены и количество товаров, отпускаемых «заморским варварам». Сходная ситуация существовала в мусульманских странах. Кадии выдавали экспортные лицензии,

осуществляли надзор или вообще запрещали вывоз тех или иных товаров. Без их разрешения иностранные суда не могли покидать мусульманские порты. Лишь в порядке особой милости султаны предоставляли своим европейским союзникам более благоприятный режим торговли — так называемый режим капитуляций (букв. перечень «глав», «статей»). В соответствии с ним европейским купцам позволялось селиться в особых кварталах некоторых османских городов и заниматься там торговыми операциями при соблюдении установленных правил.

Жесткие условия торговли не были случайным капризом восточных владык. Это была борьба, меры защиты. В правящих кругах Востока довольно рано осознали опасность торговой экспансии Европы. Около 1580 г. автор «Тарих аль-Хинд аль-Гарби» («История Вест-Индии») предупреждал Мурада III об угрозе, нависшей над мусульманской торговлей вследствие появления европейцев на берегах Америки, Индии и Персидского залива. Б.Льюис нашел на полях этой рукописи пометки, которые в 1625 г. сделал некто Омер Талиб: «Теперь европейцы открыли для себя весь мир; они всюду посылают свои корабли... Раньше товары из Индии, Синда и Китая обычно прибывали в Суэц и распространялись мусульманами по всему миру. Теперь же эти товары перевозятся на португальских, голландских и английских судах во Франгистан (страну франков. — *Н.И.*) и отсюда распространяются по всему свету... Османская держава должна захватить берега Йемена и торговлю, идущую этим путем; иначе европейцы в скором времени установят свою власть над землями ислама».

После Лепанто (1571 г.) и Вены (1683 г.) военные победы отошли в область истории. Бороться с европейским флотом, «захватывать» берега и торговлю было уже невозможно. Океан стал продолжением Европы. Тем не менее правители Востока пытались отстоять свои прежние позиции, действуя всеми доступными им средствами, прежде всего мерами внеэкономического принуждения, запретами и контролем. При этом ни одно правительство Востока не проявило ни достаточной гибкости, ни дальновидности, чтобы приспособить свою политику к изменяющейся ситуации в мировой торговле. Более того, ни одно из них не устояло перед искушением до конца использовать положение единственных производителей и поставщиков. Все они проводили политику монопольно высоких цен и запрещали свободную торговлю. Однако вместо закрепления исторически сложившихся преимуществ это привело к прямо противоположным результатам.

Малая доступность и дороговизна восточных товаров стимулировали их производство в Европе, а затем и в других частях света, оказавшихся под контролем европейцев. На мировом рынке один за другим начали появляться альтернативные поставщики, которые стали производить восточные товары лучше и по более низким ценам. Тенденция была не нова, но с каждым годом приобретала все большее значение. Бумагу изобрели в Китае; в VIII—X вв. ее производство наладили в мусульманских странах, в XII в. — в Испании, в XIII в. — в Италии. В XV в. Европа начала экспортировать бумагу на Восток. Такая же судьба у сирий-

ского стекла, шелковых тканей, огнестрельного оружия и многого другого. Пушки были изобретены в Китае и впервые применены монголами при завоевании Сунской империи (1251—1279). Но уже в начале XVI в., по мнению одного китайского чиновника, португальские пушки были значительно совершеннее и наносили более тяжелый урон, чем китайские.

Более того, в результате монополизации производства и сбыта страны Востока утратили даже те преимущества, которые вытекали из чисто природного фактора: более высокого плодородия почв, теплого климата и т.п. В XVI в. бразильский сахар вытеснил с европейских рынков сахар из Сирии и Египта, «балтийская» пшеница — зерно из арабских стран. К концу XVII в. арабский лен, хлопок и рис утратили свое значение как экспортные культуры и даже на внутреннем рынке были потеснены импортом. Кофе и чай европейских плантаторов подорвали монополию Южной Аравии и Китая. В XVIII в. сахар, кофе и рис из Вест-Индии почти полностью заменили на Ближнем Востоке продукцию местного производства.

Постепенное нарастание этих тенденций, действовавших по крайней мере с эпохи Крестовых походов, имело необратимые последствия. В конечном счете оно привело к коренному изменению в характере и структуре европейско-азиатской торговли, которая к концу XVIII в. приобрела все наиболее типичные черты «периферийности». И этому в немалой степени содействовали сами восточные правители. В погоне за монопольно высокими прибылями, за европейским золотом и серебром они растеряли преимущества, созданные историей и природой, утратили положение ведущих производителей и в конце концов уступили свои позиции на мировом рынке альтернативным поставщикам. Другими словами, Восток проиграл в экономическом соревновании, как он потерпел поражение в открытом военно-политическом противостоянии Западу.

В настоящее время большинство историков придерживаются концепции «опережающего развития» Европы. С этой точки зрения отставание Востока было относительным. Его можно представить себе лишь на фоне европейской жизни, по контрасту с Западом. К концу XVIII в. Европа как бы оставила позади страны Востока, в развитии которых не произошло и не происходило никаких принципиальных изменений. Никаких катаклизмов не было. И лишь в сравнении с Западом Восток действительно стал восприниматься как резерват отсталости и застоя.

Феномен отставания Востока требует дальнейшего изучения. Но уже сейчас ясно, что, за исключением отдельных стран, в целом на Востоке не было абсолютного хозяйственного регресса. Даже темпы экономического развития принципиально не отличались от того, что было в Европе. Если обратиться к динамике демографического роста как суммарному отражению экономического развития, то перед нами предстает следующая картина (оценки Мак-Эйведи и Джонса):

Год	Европа		Азия	
	Численность населения, млн.	Прирост за предшествующий период, %	Численность населения, млн.	Прирост за предшествующий период, %
1500	81	—	280	—
1600	100	25	375	35
1650	105	5	370	−1
1700	120	14	415	12
1800	180	50	625	50

После Вестфальского мира население Европы возросло в 1650—1800 гг. на 71%. В Китае за это время оно увеличилось на 146%, в Индии — на 27%. В начале XVIII в. Китай, а затем и Европа догнали Индию в экономическом отношении, где после беспрецедентного подъема 1526—1605 гг. наблюдалось постепенное замедление темпов хозяйственного развития. Такой же понижательный характер в XVI—XVIII вв. имела динамика экономического и демографического роста в Японии, которая тем не менее не застыла на мертвой точке. И лишь в ареале арабомусульманской цивилизации по-прежнему отмечался упадок производства, сопровождавшийся сокращением численности населения. Эта тенденция, прерванная было в 1500—1580 гг., в XVII в. набрала новую силу и предопределила дальнейший хозяйственный регресс мусульманских стран, несколько смягченный в середине XVIII в.

В сфере духовной жизни Востока также не произошло никаких принципиальных изменений. Если не считать элитарных форм, то нигде, даже в мусульманском мире, не было упадка культуры. Она продолжала развиваться в русле традиционных ценностей. Сравнительно высоким был уровень элементарной грамотности, школьного образования и традиционных знаний. По-прежнему интенсивной была религиозная жизнь. В периоды мира и социальной стабильности повсюду наблюдался достаточно высокий уровень морали и нормативного поведения. Единственное, что в исторической ретроспективе может быть отнесено к элементам культурного застоя или даже отставания, — это сохранение традиционного характера культуры и ее самобытности, другими словами, отсутствие инноваций, сопоставимых с интеллектуальными и культурными достижениями Европы, выявившей в этот период безусловное превосходство своих традиционных ценностей и социально-политических институтов.

В настоящее время большинство историков согласны с тем, что ключ к процветанию Европы, к знаменитому «европейскому чуду» XVI—XVII вв., находится в самой Европе. При этом очень многие историки, особенно приверженцы «европоцентристских» концепций однолинейного прогрессивного («линеарного») развития, в частности историки-марксисты, связывают подъем Европы с возникновением и утверждением капитализма, а представители сталинской школы — даже с совершением «буржуазных революций», которые якобы сметали все препоны на

пути капитализма, упразднили силой старые порядки в области производственных отношений, тем самым «отменяли» крепостничество и утверждали новый буржуазный строй, открывавший простор для дальнейшего развития производительных сил.

Действительно, в XVI—XVIII вв. на Востоке не было ни «буржуазных революций», ни «вызревания» капиталистических отношений в недрах «крепостничества». Возникает вопрос: почему? Ведь Восток в это время не был отсталым регионом, а в средние века значительно превосходил Европу в технико-экономическом отношении. Почему же Запад, а не Восток стал колыбелью более «прогрессивного» способа производства? Ведь по логике исторического материализма, требующего для перехода к более высокой «формации» наиболее полного развития производительных сил в недрах старого общества, именно Восток был наиболее подходящим регионом для возникновения буржуазно-капиталистических отношений. Именно Восток, прежде всего Индия и Китай, имел до середины XVIII в. более высокий уровень экономического развития, более развитую систему товарно-денежных отношений и более глубокие традиции торговли и ростовщичества. Наконец, здесь были огромные массы обезземеленных, пролетаризированных людей, а также крупные денежные накопления, аккумулированные в виде несметных сокровищ.

Исходя из подобного рода показателей, особенно связанных с ростом торгово-ростовщического капитала, некоторые советские историки-востоковеды действительно находили на Востоке «предбуржуазные» или «раннебуржуазные» отношения, рассматривая их как эмбрион самозарождающегося вселенского капитализма. Индийские историки-марксисты И.Хабиб и Х.Алави, отмечая довольно быстрое развитие в Индии начиная с XIII в. товарно-денежных отношений, проникновение торгового капитала в сферу ремесленного производства, применение наемного труда, ориентацию ремесла на внешний рынок и удовлетворение потребностей городского населения, имели отнюдь не меньше оснований рассматривать эти явления как предпосылки «автономного капиталистического развития» и даже как начальную ступень «капиталистической трансформации» общества.

Решающее значение при этом марксизм отводил развитию производительных сил, прежде всего орудий и средств производства. Исторический материализм рассматривает их как основное условие, подготавливающее, помимо воли людей, переворот во всей системе производственных отношений. В соответствии с этим почти все историки-марксисты уделяют самое пристальное внимание научно-техническим инновациям Европы, в первую очередь открытиям и изобретениям эпохи Возрождения. Но ведь Европа не была здесь исключением. Она отнюдь не имела монополии на естественнонаучные знания и технический прогресс. Историки не без иронии отмечают, что «порох, компас, книгопечатание, по словам К.Маркса, три великих изобретения, предваряющие буржуазное общество», были сделаны в Китае. Сотни других новинок, включая механические часы и ряд металлургических технологий, в частности изготовление вольфрамовой стали (освоенное в Европе только в XIX в.), обязаны сво-

им рождением тому же Китаю и в немалой степени стимулировали рост европейского экономического шпионажа. В первой половине XV в. эскадры Чжэн Хэ и Генриха Мореплавателя практически одновременно двинулись на освоение африканских берегов. Да и научно-технические инновации самой Европы не были чем-то неведомым Востоку. В 1485 г. султан Баязид II уже запретил книгопечатание (по европейской технологии) на арабском, турецком и персидском языках. В 1513 г. Пири Реис составил «Карту семи морей». Помимо арабских источников он использовал карту Колумба 1498 г. и португальские лоции Индийского океана, пометив при этом контуры Южнополярного материка, который тогда был неизвестен европейцам. В 1580 г. янычары разрушили обсерватию в Галате (район Стамбула), оснащенную примерно такими же инструментами, какие были в обсерватории Тихо Браге, считавшейся лучшей в Европе. В 1685 г. в Дамаске появилось сочинение, содержащее подробное изложение гелиоцентрической системы Коперника.

Все эти знания и технические новинки не оказали никакого влияния на социально-экономическое развитие Востока. Более того, они отторгались восточным обществом. К концу XVI в., например, прекратили существование мануфактуры, которые были построены в Сирии и Палестине с использованием в качестве двигателя водяного колеса — технологии, завезенной из Северной Испании. Такая же судьба постигла фарфоровые мануфактуры Египта, копировавшие китайские образцы. Никакого капитализма не возникло также в результате развития торговли и мануфактурно-ремесленного производства. Ни в могольской Индии, ни в Китае бурный рост товарно-денежных отношений, торгового капитала и ростовщичества, не говоря уже о развитии различных форм частного присвоения (и даже владения), не порождал «ничего, — как остроумно заметил К.Маркс, — кроме экономического упадка и политической коррупции».

Да и в самой Европе не капитализм с его культом денег, не господство буржуазии, тем более не «буржуазные революции» были причиной «европейского чуда» XVI—XVII вв. Не купцы и не ростовщики-банкиры изменили лицо Запада, раскрыли его интеллектуальный и художественный потенциал. Не они произвели революцию сознания, которая преобразила Запад в эпоху Возрождения и привела к созданию индивидуализированного общества, рационально перестроенного на принципах свободы. Сам капитализм как система свободной рыночной экономики был следствием тех перемен, которые произошли в Европе на рубеже Нового времени.

Еще в 1973 г. Д.Норт в своем «Подъеме западного мира» отмечал, что научно-технические инновации, рыночные структуры, просвещение, накопление капитала и т.п. были не причиной подъема, а самим подъемом, его проявлением в различных сферах экономической и социальной жизни. Таким образом, капитализм был одним из результатов прогресса Запада, раскрытием в области экономики тех потенций, которые заключались в его социальных и духовных ценностях. Это был чисто западный способ производства. Он вытекал из самого характера социальных структур, присущих Европе с глубокой древности (см. гл. 2).

В эпоху средневековья, особенно в XI—XIV вв., под влиянием католической церкви и рыцарства эти ценности получили дальнейшее развитие, приведя к возникновению новой этики и морали. В сфере хозяйственной жизни особое значение имело введение обязательной исповеди, а также претворение на практике принципов «трудолюбия» («industria» богословских трактатов), воспринимавшегося как своего рода религиозная аскеза. Труд стал самоцелью. Из проклятия, удела слуг и рабов он стал высшим религиозно-нравственным идеалом. Концепция труда как долга перед собой и перед богом, сама идея «соработничества», рационализация всякой деятельности в сочетании с развитием правового сознания, самоконтроля и личной ответственности создали на Западе ту социально-нравственную атмосферу, которую М.Вебер не совсем удачно определил как «дух капитализма».

Религиозно-нравственные идеалы Востока имели прямо противоположный характер. Аскеза связывалась прежде всего с уходом от мира. В миру же господствовали коллективистские начала, которые, как уже отмечалось, лежали в основе всех цивилизаций Востока. Более того, большинству из них была присуща установка на равенство и социальную справедливость. Соответственно в системе приоритетов преобладали распределительное начало, ориентация на уравнительное и гарантированное удовлетворение материальных потребностей, связанное не с индивидуальными, а с коллективными усилиями.

Отсюда вытекало отношение к труду. При всех различиях в его культуре и религиозно-нравственной основе он нигде на Востоке не являлся самоцелью, не имел того глубоко личного и в идеале нестяжательного характера, который он приобрел в странах Запада. Во всех цивилизациях Востока труд представал прежде всего как источник благосостояния и имел общественное значение. Труд одного был трудом для всех, и в идеале все трудились как один. На практике это порождало стремление «не переработать за другого», в лучшем случае быть наравне с другими. Нигде на Востоке человек не отвечал перед собой за результаты своего труда, всегда — перед обществом, кастой или кланом. Соответственно нигде не сложилось той социально-нравственной атмосферы, той культуры духа, в лоне которой происходило экономическое развитие Запада, непротиворечиво совмещавшееся с рациональным расчетом и даже меркантильностью.

Экономические же структуры, сложившиеся в различных цивилизациях Востока, были абсолютно несовместимы с развитием свободной рыночной экономики. Отсутствие таких фундаментальных институтов, как собственность и свобода, отрицание ценности индивида и его стремлений, зависимость человека и его деятельности от коллектива — все это не давало иных альтернатив, кроме нерыночных форм организации труда. С развитием капитализма были несовместимы также экономические взгляды восточных правителей, исходивших, по определению А.Смита, из «земледельческих систем политической экономии». Все они считали физический труд, прежде всего в сельском хозяйстве, единственным источником вновь производимого продукта, а крестьян — единственными кормильцами общества.

Наконец, возникновению свободных рыночных отношений препятствовала сама политика восточных правительств. При всех различиях идеологического порядка все они считали необходимым вмешательство государства в хозяйственную деятельность людей и концентрацию богатства в руках казны. Их основной заботой была проблема учета, распределения и перераспределения — одним словом, механизм редистрибуции. Помимо прочего, он открывал перед правящими классами поистине неограниченные возможности для собственного обогащения, к тому же не отягощенного ни личной ответственностью, ни императивами морального порядка. Невероятно, но факт: по утверждению О.И.Сенковского (1800—1858) со ссылкой на «знатоков дела», в цинском Китае начальники и их подчиненные расхищали не менее 60—70% казенных денег, в Османской империи — и того больше, 75%.

Восток шел своим путем. Он не повторял и не собирался повторять путь развития Запада. На протяжении всего периода он отстаивал свои идеалы, противопоставляя их социальным и духовным ценностям Европы. В его общественном сознании, по крайней мере на официальном уровне, Запад неизменно представал как царство зла, как очаг тьмы и рабства. Люди Запада — все эти «папежники» и «заморские дьяволы» — олицетворяли самые мрачные силы сатаны, являлись носителями грубых материалистических инстинктов, были бездуховны, морально распущенны и нечистоплотны.

Ненависть к Западу пронизывала всю полемическую литературу Востока. Власти и официальная пропаганда на корню пресекали всякий интерес к Западу. Заимствование европейского опыта изображалось как смертельная опасность, как «путь, — если верить „Отеческому наставлению“ одного из иерархов восточной церкви, — ведущий к обнищанию, убийствам, хищениям, всякому несчастию». Населению внушалось, что само общение с людьми Запада опасно. Есть с ними из одного блюда не следует, утверждали поборники традиционных устоев, ибо одно это грозило заразой и скверной.

Правители Востока всячески препятствовали проникновению западных идей. Они отчетливо сознавали, что распространение европейских представлений грозило опрокинуть все здание традиционного общества. Наиболее опасными, по мнению властей, — даже более опасными, чем купцы и завоеватели, — были католические миссионеры, сознательно занимавшиеся «экспортом» западноевропейской цивилизации. Повсюду на Востоке деятельность миссионеров вызывала негативную реакцию, в случае успеха — просто запрещалась, как это произошло в Японии (1587 г.) и некоторых других странах Дальнего Востока. В цинском Китае ко всем религиям относились терпимо, но не к христианству. В Османской империи ни одна конфессия не подвергалась гонениям, за исключением римско-католической церкви. В XVII в. Япония, Китай, Сиам были закрыты для иностранцев, в других странах контакты с ними строго контролировались. До 1793 г. азиатские государства не имели постоянных посольств в Европе, ни один житель Востока не выезжал на Запад в частное путешествие.

Лишь очевидное неравенство сил вынудило Восток изменить позицию. От противостояния и изоляции он перешел к постепенному открытию цивилизационных границ. Более того, сознание «отсталости» породило стремление «догнать» Европу, прежде всего в наиболее осязаемых, а главное, сознаваемых областях западного превосходства. В XVIII в. такой областью являлось военное дело. И не случайно все правители Востока начинали «догонять» Европу с реорганизации своих вооруженных сил. При этом они проявляли интерес исключительно к материальным достижениям западноевропейской цивилизации, в первую очередь к технике и естественнонаучным знаниям.

Но даже такой односторонний интерес пробил первую брешь в культурно-историческом сознании Востока и заложил основы процесса европеизации и реформ. Начавшись в России и Турции, он постепенно стал распространяться на другие страны, прежде всего лимитрофные и приморские районы, находившиеся в более близком контакте с Европой и ее колониальными анклавами.

Это был переломный момент, означавший вольное или невольное признание странами Востока превосходства западноевропейской цивилизации и в целом роли Запада как гегемона новой, моноцентрической системы мира.

БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЩИЕ РАБОТЫ

Алаев Л.Б. Формационные черты феодализма и Восток. — Народы Азии и Африки. М., 1987, № 3.

Бродель Ф. Материальная цивилизация: экономика и капитализм, XV—XVIII вв. Т. 1—3. М., 1992.

Васильев Л.С. История Востока. Т. 1, 2. М., 1994.

Васильев Л.С. История религий Востока. М., 1988.

Васильев Л.С. Что такое «азиатский» способ производства? — Народы Азии и Африки. М., 1988, № 3.

Века неравной борьбы. М., 1967.

Восток в новое время: Экономика, государственный строй. М., 1991.

Восток—Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 1. М., 1982; вып. 2. М., 1985; вып. 3. М., 1988; вып. 4. М., 1989.

Востоковедные историко-экономические чтения. Памяти В.И.Павлова. М., 1993.

Гордон А.В. Крестьянство Востока: Исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М., 1989.

Город в формационном развитии стран Востока. М., 1990.

Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987.

Григорьева Т.П. Дао и логос: Встреча культур. М., 1992.

Зарубежный Восток: вопросы экономической истории. М., 1986.

Илюшечкин В.П. Проблемы формационной характеристики сословно-классовых обществ. М., 1986.

Историография стран Востока (проблемы феодализма). М., 1977.

История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., 1986.

Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: Проблемы социальной мобильности. М., 1986.

Конрад Н.И. Запад и Восток. М., 1966.

Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996.

Можейко И.В. В Индийском океане: Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV—XX века). 2-е изд. М., 1980.

Можейко И., Седов Л., Тюрин В. С крестом и мушкетом. М., 1966.

Московское востоковедение: Очерки, исследования, разработки. М., 1997.

Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1975; 2-е изд. М., 1977.

Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (Азиатский способ производства). М., 1966.

Общественные движения и их идеология в добуржуазных обществах Азии. М., 1988.

О генезисе капитализма в странах Востока (XV—XIX вв.). Материалы обсуждения. М., 1962.

Онищук С.В. Исторические типы общественного воспроизводства: Политэкономия мирового исторического процесса. М., 1995.

Павлов В.И. К стадиально-формационной характеристике восточных обществ в новое время. — *Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И.* Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979.

Памятники истории и литературы Востока: Период феодализма. М., 1986.

Петров А.М. Запад—Восток: Из истории идей и вещей. Очеркн. М., 1996.

Проблемы социальной истории крестьянства Азии. Вып. 1. М., 1986; вып. 2. М., 1988.

Рейснер Л.И. Цивилизация и способ общения. М., 1993.

Средневековый Восток: История, культура, источниковедение. М., 1980.

Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Феномен восточного деспотизма: Структура управления и власти. М., 1993.

Харт Г. Морской путь в Индию. М., 1954.
Эволюция восточных обществ: Синтез традиционного и современного. М., 1984.
Тарле Е.В. Очерки колониальной политики западноевропейских государств (конец XV — начало XIX в.). М., 1965.
The Age of Partnership: Europeans in Asia before Dominion. Honolulu, 1979.
Ashtor E. Histoire des prix et des salaires dans l'Orient médiéval. P., 1969.
Bingham Woodbridge A.O. A History of Asia. Vol. 1. Formation of Civilizations from Antiquity to 1600. Boston, 1974.
Chaudhuri K.N. Trade and Civilization in the Indian Ocean: An Economic History from the Rise of Islam to 1750. Cambridge, 1985.
Frank A.G. World Accumulation. 1492—1789. N.Y.—L., 1978.
Hodgson Marshall G.S. The Venture of Islam. Vol. 3. Chicago, 1974.
McEvedy C., Jones R. Atlas of World Population History. L., 1978.
McNeill W. The Rise of the West: A History of the Human Community. Chicago, 1963.
Patterns of Kingship and Authority in Traditional Asia. L., 1985.
Precapitalist Core/Periphery System. Ed. by Ch.Chase-Dunn and T.Hall. Boulder, 1990.
Pritsak O. Studies in Medieval Eurasian History. L., 1981.
The Rise of Merchant Empires: Long-Distance Trade in the Early Modern World, 1350—1750. Ed. by James D.Tracy. Cambridge, 1990.
Steensgaard N. The Asian Trade Revolution of the Seventeenth Century: The East India Companies and the Decline of the Caravan Trade. Chicago—London, 1974.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА ПО СТРАНАМ И РЕГИОНАМ

БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК В ЦЕЛОМ

Бартольд В.В. Сочинения. В 9 т. М., 1963—1977.
Ближний и Средний Восток: Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980.
Додхудоев Х. Философия крестьянского бунта: О роли средневекового исмаилизма в развитии свободомыслия на мусульманском Востоке. Душ., 1987.
Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985.
Из истории международных отношений в Центральной Азии (средние века и новое время). Отв. ред. Т.М.Исхаков. А.-А., 1990.
Ислам: Религия, общество, государство. М., 1984.
Ислам в истории народов Востока. М., 1981.
Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991.
Страны Среднего Востока: История, экономика, культура. Сб. статей. М., 1980.
Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1976.
Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1979.
Baer G. Fellah and Townsman in the Middle East: Studies in Social History. L., 1982.
Beckigham C.F. Between Islam and Christendom: Travellers, Facts and Legends in the Middle Ages and the Renaissance. L., 1983.
The Cambridge History of Islam. Vol. 2. Cambridge, 1970.
The Encyclopedia of Islam. New ed. Vol. I—VIII. Leiden—London, 1960—1995.
Gibb H.A.R., Bowen H. Islamic Society and the West: A Study of the Impact of Western Civilization on Muslim Culture in the Near East. Vol. 1. Islamic Society in the Eighteenth Century. Pt 1—2. L., 1950—1957.
Hourani A. The Emergence of the Modern Middle East. Oxf., 1981.
Medieval Historical Writing in the Christian and Islamic Worlds. L., 1982.
Simkin C.G.F. The Traditional Trade of Asia. L., 1968.
War, Technology and Science in the Middle East. Ed. by V.J.Parry and M.E.Yapp. Oxf., 1975.

АРАБСКИЕ СТРАНЫ

Источники

Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Египет в канун экспедиции Бонапарта (1776—1798). Пер. с араб., предисл. и примеч. Х.И.Кильберг. М., 1978.

Ансари Мухаммад-Рафи. Дустур ал-мулук (Устав для государей). Таш., 1991 (на араб. яз.).

Arapski documenti u državnom arhivu u Dubrovniku. T. 1—2. Sarajevo, 1960—1961.

Baker Th. Piracy and Diplomacy in Seventeenth Century North Africa: The Journal of Th.Baker, English Consul in Tripoli, 1677—1685. Ed. with introd. by C.R.Pennell Rutherford. London—Toronto, 1989.

Estry St. de. Histoire d'Alger, de son territoire et de ses habitants, de ses pirateries, de son commerce et de ses guerres, de ses mœurs et usages, depuis les temps les plus réculés jusqu'à nos jours. Tours, 1843.

Even P. Papiers du Consulat de France à Alger. Inventaire analitique des volumes de correspondance du Consulat de France à Alger, 1585—1798. P., 1988.

Plantet E. Correspondance des deys d'Alger avec la cour de France 1578—1833, cueillie dans les dépôts d'archives des affaires étrangères, de la marine de colonies et de la chambre de commerce de Marseille et publ. avec une intr., des éclaircissements et des notes par E.Plantet. T. 1—2. P., 1889.

Литература

Апродов В.А. Тысячелетия Восточного Магриба. М., 1976.

Аяш Ж. Очерки марокканской истории. М., 1982.

Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. — конец XX в.). 2-е изд., расш. и доп. М., 1999.

Видясова М.Ф. Социальные структуры доколониального Магриба: Генезис и типология. М., 1987.

Жюльен Ш.-А. История Северной Африки: Тунис. Алжир. Марокко. Т. 1—2. М., 1961.

Иванов Н.А. Османское завоевание арабских стран (1516—1574). М., 1984.

История и экономика стран Арабского Востока. М., 1973.

Прошин Н.И. История Ливии в новое время (середина XVI — начало XX в.). М., 1981.

Прошин Н.И. Триполитания под властью испанцев и Мальтийского ордена (1510—1551). — Актуальные проблемы стран Арабского Востока и Северной Африки. М., 1977.

Смилянская И.М. Социально-экономическая структура стран Ближнего Востока на рубеже нового времени (На материалах Сирии, Ливана и Палестины). М., 1979.

Чихачев П.А. Испания. Алжир. Тунис. М., 1975.

Abdel-Nour A. Introduction à l'histoire urbaine de la Syrie ottomane (XVI—XVII siècles). Beyrouth, 1982.

Abu H., Ahmad M. History of Eastern Arabia 1750—1800: The Rise and Development of Bahrain and Kuwait. Beirut, 1965.

Abu-Nasr, Jamil M. A History of the Maghrib. Cambridge, 1975.

Aziz al-Azmeh. Wahhabite Polity. — Arabia and the Gulf: From Traditional Society to Modern States. L., 1986.

Bachrouch T. Formation sociale barbaresque et pouvoir à Tunis au XVII siècle. Tunis, 1977.

Berque J., Chevalier D. Les arabes par leur archives (XVI—XX siècles). P., 1976.

Cohen A. Palestine in the 18th Century: Patterns of Government and Administration. Jerusalem, 1973.

Cour Auguste. L'établissement des dynasties des chérifs au Maroc et leur rivalité avec des Turcs de la régence d'Alger. 1509—1830. P., 1904.

Dearden S. A Nest of Corsairs: The Fighting Karamanlis of Tripoli. L., 1976.

Gaid Mouloud. L'Algérie sous les Turcs. Alger, 1974.

Guiga Tahar. Dorgouth Reis. Le Magnifique Seigneur de la mer. Tunis, 1974.

Harik I. Politics and Change in a Traditional Society: Lebanon, 1711—1845. Princeton, 1969.

Holt P.M. Egypt and the Fertile Crescent. 1516—1922: A Political History. L., 1966.

Ling D.L. Morocco and Tunisia: A Comparative History. Wash., 1979.

Muir W. The Mameluks, or Slave Dynasty of Egypt. 1260—1571 A.D. L., 1896.

Premare A.L. de. Sidi Abd-er-Rahman el-Medjub: Mysticisme populaire, société et pouvoir au Maroc au 16e siècle. P., 1985.

Raymond A. Artisans et commerçants au Caire au XVIII siècle. Vol. 2. Damas, 1974.

Rossi E. Storia di Tripoli e della Tripolitania: Dalla conquista araba al 1911. Roma, 1968.

Salahdine M. Maroc: tribus, makhzen et colons: Éssai d'histoire économique et sociale. P., 1986.
Salil ibn Ruzaik. History of the Imams of Oman, from A.D. 661—1856. Translated from the Original Arabic and Edited with Notes, Appendices, and an Introduction, Continuing the History down to 1870, by G.P.Badger. L., 1871.
Yahya D. Morocco in the Sixteenth Century: Problems and Patterns in African Foreign Policy. Harlow, 1981.

ТУРЦИЯ

Источники

Аграрный строй Османской империи XV—XVII вв. Документы и материалы. Сост., пер. и коммент. А.С.Тверитиновой. М., 1963.
Елхадж Ахмед Али паша. Османски политически трактат. Подг. за печат Б.Цветкова. София, 1972.
Каменев Ю.А. Ибрахим Мутаферрика и его сочинение «Усул ал-хикам фи низам ал-умам (Основы мудрости в устройстве народов). — Письменные памятники Востока. 1976—1977. М., 1984, с. 121—154.
Книга законов султана Селима I. Изд. текста, пер., терминол. коммент. и предисл. А.С.Тверитиновой. М., 1969.
Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи (История происхождения законов янычарского корпуса). Изд. текста, пер. с тур., введ., коммент. и указ. И.Е.Петросян. М., 1987.
Османская история в первой четверти XVII в. Сборник материалов и документов. Сост. Х.М.Ибрагимбейли, Н.С.Рашба. М., 1984.
Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. 1. М., 1961; вып. 2. М., 1979; вып. 3. М., 1983.
Volney C.F. Voyages en Syrie et en Égypte pendant les années 1783, 1784, 1785. Vol. 1. P., 1787.

Литература

Витол А. Османская империя (начало XVIII в.). М., 1987.
Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. М., 1983.
Еремеев Д.Е. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971.
Еремеев Д.Е., Мейер М.С. История Турции в средние века и новое время. М., 1992.
Маштакова Е.И. Турецкая литература конца XVII — начала XIX в.: К типологии переходного периода. М., 1984.
Мейер М.С. Османская империя в XVIII в.: Черты структурного кризиса. М., 1991.
Михнева Р. Россия и Османская империя в международных отношениях (1739—1756). М., 1985.
Новичев А.Д. История Турции. Т. 1. Л., 1963.
Орешкова С.Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971.
Османская империя: Государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990.
Османская империя: Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М., 1986.
Петросян Ю.А. Османская империя: могущество и гибель. Исторические очерки. М., 1990.
Abou el-Haj R.A. Formation of the Modern State: the Ottoman Empire, Sixteenth to Eighteenth Centuries. Albany, 1991.
Benedict H. Der Pasha-Graf Alexander von Bonneval, 1675—1747. Graz—Köln, 1959.
Cassel L. The Struggle for the Ottoman Empire, 1717—1740. L., 1966.
Cook M. Population Pressure in Rural Anatolia, 1450—1600. Oxf., 1972.
Faroqhi S. Towns and Townsmen of Ottoman Anatolia: Trade, Crafts and Food Production in an Urban Setting, 1520—1650. Cambridge, 1984.
A History of the Ottoman Empire to 1730. Cambridge, 1976.
Inalcik H. The Ottoman Empire: The Classical Age. 1300—1600. L., 1973.
Kunt T.M. The Sultan's Servants: The Transformation of Ottoman Provincial Government, 1550—1650. N.Y., 1983.
Lewis B. The Emergence of Modern Turkey. Oxf., 1961.
McGovan B. Economic Life in Ottoman Empire: Taxation, Trade and the Struggle for Land, 1600—1800. Cambridge, 1981.

Das Osmanische Reich und Europe 1683 bis 1789: Konflikt, Entspannung und Austauch. Wien, 1983.
The Ottoman Empire and the World Economy. Ed. by H.Islamoğlu-Inan. Cambridge, 1987.
Panzac D. La peste dans l'Empire Ottoman, 1700—1850. Louvain, 1985.
Shaw St. Between Old and New: the Ottoman Empire under Sultan Selim III, 1789—1807. Cambridge (Mass.), 1971.
Shaw St., Shaw E.K. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Vol. 1. Cambridge, 1977.
Shay M.L. The Ottoman Empire from 1720 to 1734. Urbana, 1944.
Sugar P. Southeastern Europe under Ottoman Rule, 1354—1804. Seattle—London, 1977.
Yediyidiz B. Institution du vakf au XVIII siècle en Turquie. Etude socio-historique. Ankara, 1988.

ИРАН И ЗАКАВКАЗЬЕ

Источники

Аракел Даврижеци. Книга историй. М., 1973.
Бушев П.П. Миссия Артемия Волынского в Иран в 1715—1718 гг. М., 1978.
Мухаммед Казим. Наме-йи аламара-йи надири (Мироукрашающая надирова книга). Т. 1—3. М., 1960—1966.
Chardin J. Voyages en Perse. T. I—X. P., 1811.
Hanway J. A Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea. Vol. I—IV. L., 1753.
Kaemfer E. Amocnitutes exoticue. Lemgonixe, 1712.
Sanson P. État présent du Royaume de Perse. P., 1694.
Tadhkirat al-Muluk. A Manual of Safavid Administration. Persian Text. Translated and Explained by V.Minorsky. Cambridge, 1943.
Tavernier J.B. Voyages en Turquie, en Perse et aux Indes. P., 1676.

Литература

Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надир-шаха Афшара (Очерки общественных отношений в Иране 30—40-х годов XVIII века). М., 1958.
История армянского народа: с древнейших времен до наших дней. Ер., 1980.
История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958.
История Ирана. М., 1977.
Лысцов Д.П. Персидский поход Петра I. М., 1950.
Папазян А.Д. Аграрные отношения в Восточной Армении в XVI—XVII вв. Ер., 1972.
Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. Л., 1949.
Пигулевская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П., Строева Л.В., Беленицкий Л.М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958.
Рипка Я. История персидской и таджикской литературы. М., 1970.
Туманович Н.Н. Европейские державы в Персидском заливе в XVI—XIX вв. М., 1982.
The Cambridge History of Iran. Vol. 3—6. L., 1968—1986.
Farmayan H.F. The Beginning of Modernization in Iran. The Politics and Reforms of Shah Abbas I (1587—1629). Salt Lake City, 1969.
Lockart L. Nadir-Shah. L., 1938.
Rohrliorn K.M. Provinzen und Zentralgewalt Persiens im 16. und 17. Jahrhundert. B., 1961.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Источники

Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве. Вып. I. Акты феодальной собственности на землю XVII—XIX вв. Подбор документов, пер., введ. и примеч. О.Д.Чехович. Таш., 1954.

Мухаммед Юсуф Мунши. Муким-ханская история. Пер. с тадж., предисл., примеч. и указ. А.А.Семенова. Таш., 1956.

Мир Мухаммед Амин-и Бухари. Убайдулла-наме. Пер. с тадж. с примеч. А.А.Семенова. Таш., 1957.

Абдуррахман-и Тали'. История Абулфейз-хана. Пер. с тадж., предисл., примеч. и указ. А.А.Семенова. Таш., 1959.

Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад ал-Бухари. Шараф-нама-йи шахи (Книга шахской славы). Факсимиле рукописи D 88, пер. с перс., введ., примеч. и указ. М.А.Салахетдиновой. Ч. 1. М., 1983; ч. 2. М., 1989.

Из архива шейхов Джуйбари: Материалы по земельным и торговым отношениям Средней Азии XVI века. М.—Л., 1938.

Давидович Е.А. Корпус золотых и серебряных монет Шейбанидов. XVI век. М., 1992.

Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных. Введ., пер., примеч., указ. Б.А.Ахмедова. Таш., 1977.

Мирза Мухаммад Хайдар. Та'рих-и Рашиди. Введ., пер. с перс. А.Урунбаева, Р.П.Джалиловой, Л.М.Епифановой. Примеч. и указ. Р.П.Джалиловой и Л.М.Епифановой. Таш., 1996.

Литература

Давидович Е.А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. Душ., 1964.

Давидович Е.А. Материалы для характеристики экономики и социальных отношений в Средней Азии XVI в. — Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР. Душ., 1961, вып. 1 (24), с. 25—44.

Давидович Е.А. Денежная реформа Кучкунчи-хана (XVI в.). — Нумизматика и эпиграфика. Т. X. М., 1972, с. 172—204.

Иванов П.П. Хозяйство Джуйбарских шейхов: К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв. М.—Л., 1954.

Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. Документы и материалы. М., 1989.

Мукминова Р.Г. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI веке. Таш., 1976.

Мукминова Р.Г. Социальная дифференциация населения городов Узбекистана. Конец XV—XVI в. Таш., 1985.

Семенов А.А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана: Шейбани-хан и завоевание им империи Тимуридов. — Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. 1. Сталинабад, 1954, с. 3—83.

Семенов А.А. Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр. — Там же, с. 107—150.

Центральная Азия и соседние империи в средние века. Сб. научных трудов. Новосибирск, 1990.

Чехович О.Д. К истории Узбекистана в XVIII в. — Труды ИВ АН УзССР. Таш., 1954, вып. 3, с. 43—82.

Чехович О.Д. К вопросу о периодизации истории Узбекистана (XVI—XVIII вв.). — Известия АН УзССР. Таш., 1954, № 5, с. 101—109.

Babadjanov B., Muminov A., Paul J. Schaibanidische Grabinschriften. Wiesbaden, 1997.

Burton A. The Bukharans. A Dynastic, Diplomatic and Commercial History. 1550—1702. Richmond, 1997.

McChesney R.D. Waqf in Central Asia. Four Hundred Years in the History of a Muslim Shrine, 1480—1889. Princeton, 1991.

АФГАНИСТАН

Источники

Мир Гулам Мухаммад Губар. Ахмад-шах — основатель афганского государства. М., 1959.

Мухаммед Казим. Наме-йи аламара-йи надири (Мироукрашающая надирова книга). Т. 1. Изд. и пер. Н.Д.Миклухо-Маклая. М., 1960.

Afghanistan and Its Inhabitants. Transl. from Hayat-i Afgan of Muhammad Hayat by H.Priestley. Lahore, 1874.

Mackenzie G. Notes on an Old Pashto Manuscript Containing the Khayn-ul-Bayan of Bayazid Ansari. — New Indian Antiquary. Bombay, 1939, № 2.

Литература

Афганистан: история, экономика, культура. М., 1989.
Ахмедов Б.А. История Балха: XVI — первая половина XVIII в. Таш., 1982.
История Афганистана с древнейших времен до наших дней. М., 1982.
Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. Т. II. М., 1965.
Рейснер И.М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М., 1954.
Россия и Афганистан. М., 1989.
Туманович Н.Н. Герат в XVI—XVIII веках. М., 1989.
Hanifi M.J. Historical and Cultural Dictionary of Afganistan. Metuchen (N.J.), 1976.
Sykes P. A History of Afganistan. New Delhi, 1981.

ИНДИЯ

Источники

Бабур-намэ. Записки Бабура. Пер. М.Салье. Таш., 1958.
Бернье Ф. История последних политических переворотов в государстве Великого Могола. М., 1936.
Русско-индийские отношения в XVII веке. Сб. документов. М., 1958.
Русско-индийские отношения в XVIII веке. Сб. документов. М., 1965.
Abu'l Fazl Allami. Ain-i Akbari. Transl. by H. Blochmann. Delhi, 1978.
Ayeen Akbary, or the Institutes of the Emperor Akbar. Transl. from the original Persian by F.Gladwin. Vol. 1—3. Calcutta, 1783—1786; 2nd ed. Vol. 1—2. L., 1800.
[*Barbosa D.*] The Book of Duarte Barbosa. An Account of the Countries Bordering on the Indian Ocean and their Inhabitants. Vol. I—II. L., 1918—1921.
The English Factories in India and Ceylon. 1618—1669. Ed. by W.Foster. Vol. I—XIII. Oxf., 1906—1927.
Elliot H.M., Dowson J. The History of India, as Told by Its Own Historians. Vol. I—VI. L., 1867—1872.
Francisco Pelsaert. Remonstrantie, c 1626. Transl. by Moreland and Geyl. Jahangir's India. [1925]. Delhi, 1972.
Letters Received by the East India Company from its Servants in the East, 1602—1617. Vol. I—VI. L., 1896—1902.
Manucci N. Storio do Mogor, or Mogul India, 1656—1712. Transl. by W. Irvine. Vol. 1—4. L., 1907—1908.
Selected Documents of Aurangzeb's Reign, 1659—1709 A.D. (Persian Text and English Translation). Hyderabad-Deccan, 1958.
Selected Documents of Shahjahan's Reign. Ed. Yusuf Husain Khan. Hyderabad, 1950.
Selected Documents of Shah Jahan's Reign (Persian Text and English Translation). Hyderabad-Deccan, 1959.
Selected Waqai of the Deccan, 1660—1671 A.D. Ed. Y.Husain. Hyderabad, 1953.
[*Tavernier J.B.*] Recueil de plusieurs relations et traités singuliers et curieux... de J.B.Tavernier. Pt. 1—5. P., 1702—1712.
Tavernier J.B. Travels in India. Vol. I—II. L., 1925.

Литература

Азимджанова С.А. Государство Бабура в Кабуле и Индии. М., 1977.
Алаев Л.Б. Сельская община в Северной Индии. Основные этапы эволюции. М., 1981.
Алаев Л.Б. Южная Индия. Социально-экономическая история XIV—XVIII веков. М., 1964.
Антонова К.А. Английское завоевание Индии в XVIII веке. М., 1958.
Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г. История Индии. Краткий очерк. М., 1973.
Ашрафян К.З. Аграрный строй Северной Индии (XIII — середина XVIII в.). М., 1965.
Ашрафян К.З. Дели: история и культура. М., 1987.
Ашрафян К.З. Средневековый город Индии XIII — середины XVIII века (проблемы экономической и социальной истории). М., 1983.
Ашрафян К.З. Феодализм в Индии: особенности и этапы развития. М., 1977.
Ванина Е.Ю. Средневековое городское ремесло Индии XIII—XVIII вв. М., 1991.
Ванина Е.Ю. Идеи и общество в Индии XVI—XVIII вв. М., 1993.

История Индии в средние века. М., 1968.
Луния Б.Н. История индийской культуры с древних веков до наших дней. М., 1960.
Неру Дж. Открытие Индии. М., 1955.
Новая история Индии. Отв. ред. К.А.Антонова, Н.М.Гольдберг, А.М.Осипов. М., 1961.
Олимов М.А. Очерки истории Синда в XVII — начале XIX в. (аграрные отношения и город). М., 1993.
Павлов В.И. Социально-экономическая структура промышленности Индии. Исторические предпосылки генезиса капитализма. М., 1973.
Паниккар К.М. Очерк истории Индии. М., 1961.
Синха Н.К., Банерджи А.Ч. История Индии. М., 1954.
Чичеров А.И. Экономическое развитие Индии перед английским завоеванием (ремесло и торговля в XV—XVIII вв.). М., 1965.
Athar Ali M. Mughal Nobility under Aurangzeb. Bombay, 1968.
Aziz A. Mansabdari System and the Mughal Army. L., 1945.
Bahadur K.P. A History of Indian Civilization. Vol. II. Delhi, 1980.
Bhattacharya. A Dictionary of Indian History. Calcutta, 1967.
Cambridge Economic History of India. Vol. I (1200—1750). Ed. by T.Raychaudhuri and I.Habib. Cambridge, 1981.
The Cambridge History of India. Ed. by H.H.Dodwell. Vol. III—VI. Cambridge, 1922—1937.
The Cambridge Shorter History of India. Ed. by H.H.Dodwell. Cambridge, 1943.
Chandra S. Parties and Politics at the Mughal Court, 1707—1740. Aligarh, 1959; 2nd ed. New Delhi, 1972.
Datta K. Survey of India's Social Life and Economic Condition in the Eighteenth Century (1707—1813). Calcutta, 1961.
Fawcett, Sir Charles. The English Factories in India. Vol. I—IV. Oxf., 1954.
Gopal S. Commerce and Crafts in Gujarat. 16th and 17th Centuries. A Study in the Impact of European Expansion on Precapitalist Economy. New Delhi, 1975.
Habib I. The Agrarian System of Mughal India (1556—1707). Bombay, 1963.
Habib I. An Atlas of the Mughal Empire. Political and Economic Maps with Detailed Notes, Bibliography and Index. Delhi, 1982; 2nd ed. Delhi, 1986.
The History and Culture of the Indian People. Vol. VII. The Mughal Empire. Bombay, 1984; vol. VIII. The Maratha Supremacy. Bombay, 1977.
Khan A.R. Chieftains in the Mughal Empire during the Reign of Akbar. Simla, 1977.
Moosvi Sh. The Economy of the Mughal Empire c 1595: A Statistical Study. Delhi, 1987.
Moreland W.H. From Akbar to Aurangzeb: A Study in Indian Economic History. L., 1923.
Moreland W.H. India at the Death of Akbar: An Economic Study. L., 1962.
Mukharjee R.K. Economic History of India, 1600—1800. Allahabad, 1967.
Qaisar A. The Indian Response to European Technology and Culture. Delhi, 1982.
Qureshi J.H. The Administration of the Mughal Empire. Karachi, 1966.
Ram S. Religious Policy of the Mughal Emperors. Oxf., 1940.
Ray I. On Trade and Traders in the 17th Century India. Calcutta, 1979.
Raychaudhuri T. Bengal under Akbar and Jahangir. Calcutta, 1953.
Sardesai G.S. New History of the Marathas. Vol. I—III. Bombay, 1957.
Sarkar J. Shivaji and His Times. Calcutta, 1948.
Srivastava A.L. Akbar the Great. Vol. I—III. Agra, 1973.
Srivastava M.P. Policies of the Great Mughals. Allahabad, 1978.

ШРИ ЛАНКА

Иванов Л.Г. Очерки экономической истории Шри Ланки (XVI — начало XX в.). М., 1978.
Кочнев В.И. Шри Ланка: Этническая история и социально-экономические отношения до начала XX в. М., 1976.
Краснодембская Н.Г. Традиционное мировоззрение сингалов. М., 1982.
Сафронова А.Л. История Шри Ланки в древности и средние века. М., 1987.
Abeyasinghe T. Portuguese Rule in Ceylon. 1594—1612. Colombo, 1966.
Arasaratnam S. Dutch Power in Ceylon. 1658—1687. Amsterdam, 1958.
Brohier R.L. Links between Sri Lanka and Netherlands: A Book of Dutch Ceylon. Colombo, 1978.

Goonewardena. The Foundation of Dutch Power in Ceylon. 1638—1658. Amsterdam, 1958.
History of Ceylon. Ed. by K.M. de Silva. Vol. 3. Colombo, 1973.
Perera S. The History of Ceylon. Vol. I. The Portuguese and the Dutch Periods. 1505—1796. Colombo, [б.г.].
Pieris P.E. Ceylon and the Hollanders. 1658—1796. Tellipalai, 1918.
Pieris R. Sinhalese Social Organization: The Kandyan Period. Colombo, 1956.
Silva K.M. de. A History of Sri Lanka. L., 1981.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ В ЦЕЛОМ

Берзин Э.О. Юго-Восточная Азия в XIII—XVI веках. М., 1982.
Берзин Э.О. Юго-Восточная Азия и экспансия Запада в XVII — начале XVIII века. М., 1987.
Политика европейских держав в Юго-Восточной Азии (60-е годы XVIII — 60-е годы XIX в.). Документы и материалы. М., 1962.
Холл Д.Дж. История Юго-Восточной Азии. М., 1958.
Чеснов Я.В. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976.
Юго-Восточная Азия в мировой истории. М., 1977.

БИРМА

Козлова М.Г. Бирма накануне английского завоевания: Общественный и государственный строй. М., 1962.
Козлова М.Г. Начало европейской колониальной экспансии в Бирме: XVI — первая половина XVIII в. — Из истории стран Юго-Восточной Азии. М., 1968.
Можейко И.В., Узянов А.Н. История Бирмы (Краткий очерк). М., 1973.
Aung Thaw. Historical Sites of Burma. Rangoon, 1972.
Harvey G.E. History of Burma. L., 1967.
Htin Aung Maung. A History of Burma. N.Y.—L., 1967.
Liberman V. Burmese Administrative Cycles: Anarchy and Conquest. Princeton, 1984.

КАМБОДЖА

История Кампучии: Краткий очерк. М., 1981.
Спекторов Л.Д. Феодальные отношения в Камбодже накануне установления французского протектората (основные формы земельной собственности в середине XIX в.). М., 1979.

ТАИЛАНД

Берзин Э.О. История Таиланда (Краткий очерк). М., 1973.
Корнев В.И. Тайский буддизм. М., 1973.
Ребрикова Н.В. Таиланд. Социально-экономическая история (XIII—XVIII вв.). М., 1977.
Jacobs N. Modernization without Development: Thailand, an Asian Case Study. N.Y., 1971.
Rong Syamananda. A History of Thailand. Bangkok, 1981.
Wales H.G.Q. Ancient Siamese Government and Administration. L., 1934.
Wood W.A.R. A History of Siam from the Earliest Times to the Year A.D. 1781. Bangkok, 1959.

ВЬЕТНАМ

Деопик Д.В. История Вьетнама. Ч. 1. М., 1994.
Краткая история Вьета (Вьет шы лыок). Пер. с вэньяня, вступит. ст. и коммент. А.Б.Полякова. М., 1980.

Мурашова Г.Ф. Вьетнамо-китайские отношения XVII—XVIII вв. М., 1973.
Нгуен Фи Хоань. Искусство Вьетнама: Очерки истории изобразительного искусства. М., 1982.
Рябинин А.Л. Рождение империи Нгуенов: Социально-политическая история Вьетнама в начале XIX в. М., 1988.
Федорин А.Л. Особенности развития гражданской и военной должностной системы во Вьетнаме в XVI в. — Социальные группы традиционных обществ Востока. Ч. 2. М., 1985.
Чешков М.А. Очерки истории феодального Вьетнама. М., 1967.
Brebion A. Bibliographie des voyages dans l'Indochine française du IX au XIX siècle. Saigon, 1910.
Essays on Vietnamese Civilization. Hanoi, 1985.

ИНДОНЕЗИЯ

Источники

The British in West Sumatra (1685—1825). A Selection of Documents, Mainly from the East India Company Records Preserved in the India Office Library, Commonwealth Relations Office. London—Kuala Lumpur, 1965.
Corpus Diplomaticum Neerlando—Indicum. Verzameling van politieke contracten en verdere verdragen door de Nederlanders in het Oosten. 5 dln. 's-Gravenhage, 1907—1955.

Литература

Бандиленко Г.Г., Гневушева Е.И., Деопик Д.В. История Индонезии. Ч. 1. М., 1992.
Парникель Б.Б. Введение в литературную историю Нусантары IX—XIX вв. М., 1980.
Тюрин В.А. История Индонезии. М., 1984 (на правах рукописи).
Deventer M.L. van. Geschiedenis der Nederlanders op Java. 2 dln. Haarlem, 1886—1887.
Haan F. de. Priangan. 4 dln. Batavia, 1910—1911.
Introduction to Indonesian Historiography. Ed. by A.O.Soedjatmoko a.o. N.Y., 1965.
Kathirithamby-Wells J. The British West Sumatran Presidency, 1760—1785. Cambridge, 1976.
Lombard D. Le Sultanat d'Atjeh au temps d'Iskander Muda. 1607—1636. P., 1967.
Meilink-Roulofsz M.A.P. Asian Trade and European Influence in the Indonesian Archipelago between 1500 and about 1630. The Hague, 1962.
Moertono Soemarsaid. State and Statecraft in Old Java: A Study of the Later Mataram Period, 16th to 19th Century. Ithaca, 1968.
Problems of Early Colonial Enterprise. Kuala Lumpur, 1977.
Ricklefs M.C. Jogjakarta under Sultan Mangkubumi. 1749—1792. L., 1974.

МАЛАЙЗИЯ

Тюрин В.А. История Малайзии. М., 1980.
Gullick G.M. Indigenous Political Systems of Western Malaysia. L., 1958.
A History of Johore (1673 cca 1800), or Hikayat Negeri Johore. — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. Malayan Branch. L., 1932, vol. 10, pt 1.
Malacca in the Eighteenth Century: Two Dutch Governor's Reports. — Там же, 1954, vol. 27, pt 1.
Tuhfat al-Nafis. Hikayat Melayu dan Bugis. — Там же, 1932, vol. 10, pt 2.
Winstedt R.O. A History of Malaya. L., 1935.

ФИЛИППИНЫ

Левтонова Ю.О. История Филиппин. М., 1979.
Agoncillo T.A., Guerrero M. History of Filipino People. Manila, 1970.

Blair E.H., Robertson J.A. The Philippine Islands, 1493—1898. Vol. 1—55. Cleveland (Ohio), 1903—1907.
Majul C.A. Muslims in the Philippines. Manila, 1973.
Phelan J.L. The Hispanization of the Philippines, Spanish Aims and Filipino Responses, 1565—1709. Madison, 1959.
Zaide G. History of the Philippine People. Manila, 1959.

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ В ЦЕЛОМ

Дальний Восток и соседние территории в средние века. Сборник. Новосибирск, 1980.
История Дальнего Востока СССР: От эпохи первобытнообщинных отношений до наших дней. Владивосток, 1980.
История и культура востока Азии. Т. 3. Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975.

ТИБЕТ. ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАН

Источники

Шах Махмуд ибн мирза Фазил Чурас. Хроника. М., 1976.
Mirza Haidar Dughlat. Tarikhi Rashidi. L., 1898.

Литература

Думан Л.И. Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. М.—Л., 1936.
Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635—1758. М., 1983.
Зотов О.В. Китай и Восточный Туркестан в XV—XVIII вв. М., 1991.
Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970.
Кузнецов В.С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии. Новосибирск, 1983.
Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII—XVIII вв. М., 1978.
Санчиров В.П. «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М., 1990.
Чернышев А.И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М., 1990.
Bacot J. Introduction à l'histoire de Tibet. P., 1962.
Chinese World Order. Cambridge (Mass.), 1968.
Petech L. China and Tibet in Early Eighteenth Century: History of the Establishment of Chinese Protectorate in Tibet. Leiden, 1950.
Rossabi M. China and Inner Asia from 1368 to the Present Day. L., 1975.

КИТАЙ

Источники

Рассохин И., Леонтьев А. Обстоятельное описание происхождения и состояния манджурского народа и войска осьми знамен состоящего. СПб., 1784.
Установления о соли и чае. Пер. с кит., вступит. ст. и коммент. Н.П.Свистуновой. М., 1975.
Bouvet J. The History of Cang-Hy, the Present Emperor of China. L., 1699.
Halde J.B. du. Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'Empire de Chine et de la Tartarie chinoise. P., 1733.
d'Orléan's P.J. History of the Two Tartar Conquerors of China. L., 1854.
Palafox J. History of Conquest of China by the Tartars. L., 1671.

Литература

Бокщанин А.А. Китай и страны Южных морей в XIV—XVI вв. М., 1968.
Бокщанин А.А. Удельная система в позднесредневековом Китае: Период Мин, 1368—1644. М.,1986.
Внешняя политика государства Цин в XVII в. М., 1977.
Гончаров С.Н. Китайская средневековая дипломатия. М., 1986.
Ермаченко И.С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М., 1974.
Илюшечкин В.П. Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системно-структурного анализа). М., 1986.
История Северо-Восточного Китая: XVII—XX вв. Владивосток, 1987.
Итс Р.Ф., Смолин Г.Я. Очерки истории Китая. Л., 1961.
Китай: общество и государство. М., 1973.
Кобзев А.И. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М., 1983.
Конрад Н.И. Культура Китая второй половины XVII и XVIII в. — *Конрад Н.И.* Избранные труды: История. М., 1974.
Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987.
Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. М., 1990.
Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.
Ларин В.Л. Юго-Западный Китай во второй половине XVII — 70-х годах XIX в. М., 1994.
Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966.
Мелихов Г.В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974.
Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. М., 1980.
Новая история Китая. М., 1972.
Симоновская Л.В. Антифеодальная борьба китайских крестьян в XVII веке. М., 1966.
Стужина Э.П. Китайское ремесло в XVI—XVII вв. М., 1970.
Тайные общества в старом Китае. М., 1970.
Фомина Н.И. Борьба против Цинов на Юго-Востоке Китая. Середина XVII в. М., 1974.
Шан Юэ. Очерки истории Китая (с древности до «опиумных» войн). М., 1959.
Boulger D.C. A Short History of China. L., 1900.
Boxer C.R. South China in the XVI Century. L., 1953.
Cartier M. Une réforme locale en Chine au XVI siècle. Paris—La Haye, 1973.
The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations. Cambridge (Mass.), 1968.
Croizier R.C. Koxinga and Chinese Nationalism: History, Myth and the Hero. Cambridge (Mass.)—London, 1977.
Eminent Chinese of the Ch'ing Period (1644—1912). Ed. by A. Hummel. Wash., 1943—1944.
Fairbank J.K., Teng S.Y. On the Ch'ing Tributary System. — Harvard Journal of Asiatic Studies. 1941, vol. 6, № 2.
Feuerwerker A. State and Society in the Eighteenth-century China: The Ch'ing Empire in Its Glory. Ann Arbor, 1976.
Foccardi G. The Last Warrior: The Life of Cheng Cheng Kung, the Lord of the «Terrace Bay». A Study on the T'aiwan Wai-Chih by Chiang Jin-Sheng (1704). Wiesbaden, 1986.
From Ming to Ch'ing: Conquest, Religion and Continuity in Seventeenth-century China. New Haven—London, 1979.
Giles H. China and Manchus. L., 1912.
Goodrich L.C. The Literary Inquisition of Ch'ieng-Lung. Baltimore, 1935.
Huang P. Autocracy at Work: A Study of the Yung-cheng Period. 1723—1735. Bloomington—London, 1974.
Kahn H.L. Monarchy in the Emperor's Eyes: Image and Reality in the Ch'ien-lung Reign. Cambridge (Mass.), 1971.
Kessler L. K'ang-hsi and the Consolidation of Ch'ing Rule (1661—1684). Chicago, 1976.
Metzger T.A. The International Organization of Ch'ing Bureaucracy: Legal, Normative and Communication Aspects. Cambridge (Mass.), 1973.
Michael F. The Origin of Manchu Rule in China: Frontier and Bureaucracy as Interaction Forces in the Chinese Empire. Baltimore, 1942.
Naquin S. Shantung Rebellion: The Wang Lun Uprising of 1774. New Haven—London, 1981.

Oxnam R.B. Ruling from Horseback: Manchu Politics in the Obo Regency. 1661—1669. Chicago, 1970.
Parsons J.B. The Peasant Rebellions of the Late Ming Dynasty. Tukson, 1970.
Ross J. The Manchus or the Reigning Dynasty of China. L., 1880.
Spence J.D. Emperor of China: Self-portrait of K'ang-hsi. N.Y., 1974.
Struve L. The Southern Ming. 1644—1662. New Haven, 1984.
Wakeman F. The Great Enterprise: The Manchu Reconstruction of Imperial Order in the 17th Century China. Berkeley, 1985.
Wu, Silas H.L. Passage to Power: Kang-hsi and His Heir Apparent. 1661—1722. Cambridge (Mass.), 1979.
Zelin M. The Magistrate's Tale: Rationalizing Fiscal Reporting in the 18th Century Ch'ing China. Berkeley, 1984.

КОРЕЯ

Ванин Ю.В. Аграрный строй феодальной Кореи XV—XVI вв. М., 1981.
Ванин Ю.В. Экономическое развитие Кореи в XVI—XVIII веках. М., 1968.
Глухарева О.Н. Искусство Кореи с древнейших времен до наших дней. М., 1982.
История Кореи. Сеул, 1995.
История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т. 1. М., 1974.
Ланьков А.Н. Политическая борьба в Корее XVI—XVIII вв. СПб., 1995.
Пак М.Н. Очерки по корейской историографии. М., 1987.
Тягай Г.Д. Общественная мысль Кореи в эпоху позднего феодализма. М., 1971.

ЯПОНИЯ

Гальперин А.Л. Очерки социально-политической истории Японии. М., 1963.
Гришелева Л.Д. Формирование японской культуры. Конец XVI — начало XX века. М., 1986.
Документы по истории японской деревни. Конец XVII — первая половина XVIII в. Пер. О.С.Николаевой. М., 1966.
Дискуссионные проблемы японской истории. М., 1991.
Из истории общественной мысли Японии: XVII—XIX вв. М., 1990.
Искендеров А.А. Тоётоми Хидэёси. М., 1984.
Искендеров А.А. Феодальный город Японии. М., 1961.
Кин Д. Японцы открывают Европу. 1720—1830. М., 1972.
Конрад Н.И. Очерки истории культуры средневековой Японии. М., 1980.
Кузнецов Ю.Д., Навлицкая Г.Б., Сирицын И.М. История Японии. М., 1988.
Подпалова Г.И. Крестьянское петиционное движение в Японии. М., 1960.
Поздняков И.Г. Роль кэнти в закрепощении японского крестьянства во второй половине XVI века. — Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Т. 23. Япония: Вопросы истории. М., 1959.
Радуль-Затуловский Я.Б. Андо Сёэки — философ-материалист XVIII в. М., 1961.
Спеваковский А.Б. Самураи — военное сословие Японии. М., 1981.
Ханин З.Я. Парии в японском обществе. М., 1980.
Berry M.E. Hideyoshi. Cambridge (Mass.)—London, 1982.
Dening W. The Life of Toyotomi Hideyoshi. L., 1930.
Hall J.W., Toyoda Takeshi. Japan in the Muromachi Age. University of California, 1977.
Medieval Japan: Essays on Institutional History. Stanford (Cal), 1988.
Sansom G.D. A History of Japan. 1334—1615. Vol. 3. Stanford (Cal), 1961.
Toyoda Takeshi. A History of a Pre-Meiji Commerce in Japan. Tokyo, 1969.

СПИСОК КАРТ

Рис. 1. Колониальная политика европейских держав в Азии в XVI–XVII вв. 48–49
Рис. 2. Османская империя в XVI–XVII вв. 69
Рис. 3. Средняя Азия, северный Иран и Афганистан, государства Шейбанидов и Джанидов (XVI–XVIII вв.) 121
Рис. 4. Афганистан и афганцы в XVI — середине XVIII в. 132
Рис. 5. Индия в XVI в. 146
Рис. 6. Индия во второй половине XVII — начале XVIII в. 152
Рис. 7. Цейлон накануне португальского завоевания 196
Рис. 8. Бирма при династии Таунгу. 1531–1752 гг. 207
Рис. 9. Суматра и Малаккский полуостров (1511–1800) 233
Рис. 10. Ява в 1568–1645 гг. 239
Рис. 11. Восточный Туркестан в XVI–XVII вв. 260
Рис. 12. Империя Мин в конце XVI в. 269
Рис. 13. Империя Мин в первой половине XVII в. 272
Рис. 14. Имджинская война (1592–1598) 316
Рис. 15. Маньчжурское завоевание Китая. 1644–1683 гг. 339
Рис. 16. Война «трех князей-данников». 1673–1681 гг. 342
Рис. 17. Арабские страны Ближнего Востока в XVIII в. 391
Рис. 18. Индия в середине XVIII в. 456
Рис. 19. Цейлон в период португальского владычества и голландской экспансии 470
Рис. 20. Государства Индокитайского полуострова в XVI–XVIII вв. 490
Рис. 21. Малайя и Малайский архипелаг в XVII–XVIII вв. 524
Рис. 22. Ява в 1684 – ок. 1800 г. 533
Рис. 23. Япония в XVII–XVIII вв. 625

Абаз-паша 92
Абаха 338
Абахай 329, 338, 345, 565, 566, 575
Аббас I 72, 94, 109–115, 118, 119, 133, 164, 441
Аббас II 110, 116, 119, 131, 164
Аббас III 441
Аббас Кули-хан шамлу 107–109, 139
Аббас-хан Сарвани 153
Абд ал-Азиз (бухарский) 447
Абдаллах 153, 264, 266
Абдаллах Захир ас-Сайиг 394
Абдаллах-хан 123, 264, 265
Абдаллах-хан II 123, 124, 447
Абд аль-Азиз I, саудид 405, 406
Абд аль-Гани Набулси 393
Абд аль-Керим 261–263, 265
Абд аль-Латиф см. Аппак-хан
Абд ар-Рахман аль-Джабарти 415, 416, 420
Адб ар-Рашид 261, 263, 265
Абдулла (хан) устаджлу 105, 107, 112
Абдулла Кутб-шах 165
Абдулла-хан 139, 457
Абдул-Джалил-шах III 237
Абдул-Джалил-шах IV 237, 523
Абдул-Кадир Бедиль см. Бедиль
Абдул-Кадир ибн Мулук-шах Бадауни см. Бадауни
Абдур-Рахман 538
Абдул-Хамид I 401
Абдуррауф Сингкельский 257
Абдур-Рахим 157
Абдус-Самад-хан 462, 463
д'Абреу Антонию 50
Абу Бакр 102
Абу Бекр Чурас 259
Абул-Гази 450
Абул-Фазл Аллами 157–160, 163, 184, 190–192
Абул-Файз-хан 449, 450
Абул-Хасан Голестане 441, 444, 446
Абхай Сингх 462
Ага-Мохаммед (Ага-Мохаммед-хан каджар, Ахта-хан, Кастрат-хан) 444–446
Агостино Л. 75
Агуй 600, 607
Агунг 242
Аджит Сингх 169, 457
Адилангу 549
Адил-шах 164, 443
Адил-шахи, династия 145
Адиля-хатун 396
Аджигэ 343, 350
Азад-хан афган 443
Азам 455
де Азеведу, дон Иеронимо 199
Азим уш-Шан 457
Ай Нэнци 344
Айсиньгиоро 585, 588
Акбар (Джалал ад-Дин Акбар) 17, 28, 118, 124, 135, 136, 155–163, 165, 167, 173, 175, 176, 179, 186–193
Акбаш-хан (Мухаммед Мумин) 266
Акдаг М. 94
Акимото Сюнкити 373
Ак Коюнлу, династия см. Ак Коюнлу, гос-во (Указатель географических названий) 99, 101, 104
д'Акуньо, Нуньес 208
Алави Х. 649
Аль-Азмы, династия 390, 396, 397
Аламгир II 466
Алам-хан Лоди 148
Алауддин Риаят-шах II, султан Джохора 234
Алауддин Риаят-шах III, султан Джохора 235
Алауддин Риаят-шах аль-Кахар, султан Аче 240
Александр (грузинский царь Кахети) 113
Александров Ю.Г. 25
Али-ага 408
Али-бей (Тунис) 428
Али-бей (Египет) 400, 401, 429
Али-бей аль-Кабир 416–418
Аливиджая 241
Али Джезаирли 423, 424
Али Джумбулат 90
Али Караманлы 423
Али Кули-хан шамлу 107
Али Мельмули (Баба Али) 436
Алимуддин I 559
Али Мухаммад-хан Бахадур (историк) 458, 462
Али-паша (Триполи) 422, 424
Али-паша (Тунис) 427, 428
Али-паша Джаникли 381
Али-паша Янинский 381
Али Чауш 432
Алишер Навои см. Навои, Алишер
Алкас-мирза 105
Аллаверды-хан 115
Аллаяр-хан 140–142
Алтан-хан 564, 570, 573
д'Альбергария Л.С. 195
Альбергати Ф. 75
д'Альбукерки, Аффонсу 47, 50, 60, 175, 208, 250
Амангкурат I 255
Амангкурат II 256, 533
Амангкурат (Сунан Мас) III 533, 534
Амангкурат IV 534
Амардас 162
Амар Сингх 163
Амасанджи-тайджи 261
Амиргюне-хан каджар 108
Амичанд 468
Амурсана 519, 592, 602
Анаупхелун 61, 215
Анвар Абдель Малик 418
Анг Ем 515
Ангку Бусу 550
Анг Нон 516
Анг Снгуон 520
Анг Тонг 520
Ан Джонбок 618, 620
Андо Сёэки 634, 635
д'Андраде Ф. 273
Аппака Йолбарс 266
Аппак-хан (Абд аль-Латиф) 263, 264
Аппак-ходжа 265, 266
Араи Хакусэки 633, 634
Аракел Даврижеци 113
Арджун 162
Ару Палакка 254
Асад-паша 397
Асадулла 139
Асакур 365
Асаф-хан 156
Асикага, династия 367
Аскари 156
Аслан-хан кырхлу 143
Атласов В.В. 630
Атхар Али 167
Аурангзеб 17, 137, 165–171, 173, 174, 179–181, 184, 186–191, 193, 455, 457, 461
Афзал-хан 170
Афшар, династия 106
Ахагпа-лама см. Пагба
Ахмад Касани см. Махмуд-и Азам
Ахмад Сирхинди 160
Ахмад-хан абдали (Ахмад-шах) 140, 144, 443, 465, 466
Ахмад-хан Таги 154
Ахмад-шах (Могол) 466
Ахмад-шахи (Танк), династия 145, 156
Ахмед 99
Ахмед III 384
Ахмед Абдассалям 430

Ахмед-ага 408
Ахмед ат-Тиджани 437
Ахмед Караманлы 421–423
Ахмед II Караманлы 424
Ахмед-паша 94, 396
Ахмед-паша Джеззар 401–403, 406
Ахрара 262
Ахта-хан см. Ага-Мохаммед
Ахун Тань У 600
Ашраф 440, 441
Аштарханиды, династия см. Джаниды
Аюк 588

Баабуллах 60
Баба Али см. Али Мельмули
Баба-хан 266, 267, 446
Бабур (Захир ад-Дин Мухаммад Бабур) 44, 73, 105, 121, 122, 131, 148–151, 155, 158, 191
Багратиды, династия 110
Бадан Сингх 464
Бадауни (Абдул-Кадир ибн Мулук-шах Бадауни) 160, 191
Бай Вэньсюань 352, 354
Бай Гуанэн 338
Байиннаун 211–215, 224, 225, 488
Байрам-хан 155
Баки-Мухаммад 447
Бак Чьеу 304
Баладжи Баджи Рао 464, 466
Баладжи Висванатх 463
Баладжи Рао 464
Бальби, Гаспаро 214
Банда Бахадур 169, 455–457, 462, 463
Баньди 592
Барбаросса 73
Барбоша Д. 174
Барид Шахи, династия 145
Баркан О.Л. 85
Бар Реатеа III 61
Батур-хунтайджи 566, 567, 574, 576
Батур Чингис-хан (Лигдан-хан) 564, 566, 574
Бахааддин Накшбанди Бухараи 262
Бахадур-шах 145
Бахадур-шах (Шах Алам), могол 179, 455, 457, 462
Бахадур-шах гуджаратский 156, 169
Бахар-хан Лохани 151
Бахлул-шах 147
Баязид 88, 103
Баязид II 76, 99, 102, 650
Баязид Ансари 134, 135, 161
Бедиль, Абдул-Кадир 191
Беневени, Флорио 450
Бен Мсайаб 436
Бердяев Н.А. 42
Бернье, Франсуа 24, 175, 179, 183, 193, 640
Бехзад 118
Бешир I 398
Бешир II 399, 402
Би Гунчэнь 297
Бинья Дала 488
Бинья Ран II 208, 209
Бир Бал 161
Бир Сингх Бундела 163
Боло 341 347, 349, 351
Бонапарт 56, 57, 399, 403, 405, 446, 639
Бонневаль А.К. 384, 385
Бонту Лангкаса 538
Борис Годунов 112
Боромакот 493, 495
ван Браам 525, 545
Брабант 46
ди Бриту, Филипп 61, 214, 215, 217
Бродель Ф. 375
Будда (Арья) Майтрея 222, 230, 371, 480
Булкиах 529
Буннак 226
Бурбоны, династия 557
Буринай (Сачар) 358
Бурхан ад-Дин 593
Бурхан уль-мульк (Саад-хан) 460
Бусбек 75
Буюк-Сулейман 396
Бхонсле, династия 464
Бхуванаикабаху 195
Бэрок П. 640, 643, 644
Бюсси Ш.Ж.П., маркиз де 462, 468

Ваджих 192
Валенси Л. 430
Валкенир, Адриан 534
Валлерштайн И. 644
Ван Лунь 605
Ван Синьчжай 298
Ван Тефу 354
Ван Фучжи (Ван Чуаншань) 298
Ван Ци 296
Ван Чжэн 297
Ван Янмин (Ван Шоужэнь) 298
Вареру 211
Васильев Л.С. 24
Васко да Гама 47, 175
Вахтанг VI 117, 439, 440
Вебер, Макс 651
Велоза, Дьогу 61
Виджаябаху 195
Видийе Бандара 197, 198
Викрамадитья см. Хему
Вильгельм (Виллем) V 545, 546
Вимала Дхарма Сурия I 200
Вишну 36, 179
ван Влит 228
Во-выонг см. Нгуен Фук Кхоат
Войнович, граф 401
Вольней 392
Волынский А. 116, 139
Вон Гюн 325, 327
Вуд 235
Ву Динь Зунг 507
Ву Чак Оань 507
Вэй Чжунсянь 269, 271, 276
Вэнь Дали 299
Вэнь Фу 607

Габсбурги, династия 73–76, 469
Гаеквар, династия 464
аль-Газали 394
Галдан 267
Галдан Бошокту-хан 266, 567, 568, 576
Галдан-Цэрэн 567, 568
Ганеш (раджа) 145
Гао Инсян 276
Гарвей У. 193
Гариб Наваз 487
Гассенди П. 193
Гегель Г.В.Ф. 641
Генрих Мореплаватель 650
Георг III 34
Гобинд, Гуру 169, 455, 462
Гова, султан 538
Годан, князь 571, 572
Гокла 168
Головин Ф. 362
Гото Токудзо 371
де Граммон А. 435
Гренвиль 382
Грибоедов А.С. 118
Гуан-цзун (Чжу Чанло) 276
Гуань Седьмой 360
Гуй ван 348, 352, 353
Гульбадан-бегум 150, 191
Гурген-хан 138, 139
ван Гунс, Рейклоф 256
Гу Сяньчэн 275, 276
Гуши-хан 566, 567, 574–576
Гэн Цзимао 357
Гэн Цзинчжун 357–360
Гэн Чжунмин 349, 351, 352, 357
Гюльбахар-султан 88

Даваци (Дабачи) 591, 592
Давуд 156
Давуд-хан 115
Дагер 381
Дагохой Ф. 555
Дадзай Сюндай 631, 636
Даду 162
Дай Чжэн 597
Далай-лама V 567
Далримпл А. 559
Дамронг 493
Даниял (принц) 157
Даниял (ходжа) 266
Дара Шукох 166, 167, 191
Дарвиш-Али 454
Дасиго 352

Даши-чэрэн 592
Даян-хан 564
Деда-бек 100
Декарт, Рене 193
Делавар-хан 142
Дели Хасан 91
Дервиш Али-хан 142
Дефо, Даниэль 640
Дёзме Мустафа (Лже-Мустафа) 88
аль-Джабарти см. Абд ар-Рахман аль-Джабарти
Джагат Сетх 468
Джай Сингх 170, 193
Джай Сингх II 464
Джалал Асир 118
Джалал ад-Дин см. Акбар
Джами 118
Джаниды, династия (Аштарханиды) 447–452, 454
Джани-Мухаммад 447
Джасакту-хан 564
Джафар-хан устаджлу 139
Джахангир (Нур уд-Дин Мухаммад Джахангир-падишах Гази) 163–165, 177, 184, 186, 187, 191, 192
Джахандар-шах 457, 462
Джаявира 195, 198
Джелал-хан см. Ислам-шах
Джеляль, шейх 70
Дженкинсон Э. 105, 106
Джеркес-бей 410
Джонс 647
Джонс, Уильям 64
Джумблаты, род 399
Джурмэд-Намчжал 578
Див-султан румлу 102–104
Дин Годун (Дин Гочэнь) 349
Длинный Хасан 99, 101
Доан Ба Тян 507
Доан Нгуен Тхук 510, 512
Додо 341, 344–347
Доки 353
Доргонь (Жуй ван) 338, 340, 343–347, 349–352
Доргут-реис 421
Дорда-тархан 572
До Те 508
Доулат-хан 148, 149
Дрейк Ф. 251
Дун Цичан 300
Дурга 36
Дуррани, династия 144
Дхармапала 197–199
Дэнбэй 630
Дю Ман Р. 116
Дюплекс Ж.Ф. 57, 467, 468

Евгений Савойский 97
Екатерина II 387, 446, 602
Елизавета I 177
Ермак 40

Ёнам см. Пак Чивон
Ёнджо 616–618
Ёнсан 319, 322
Ёсинори 364

Жаобгай 353
Жоао III 197
Жуй ван см. Доргонь
Жюльен Ш.-А. 431, 434

Запольяи, Янош 74
Захарий из Акулиса 109
Захир ад-Дин Мухаммад Бабур см. Бабур
Захир аль-Омар 397, 399–401, 403, 418
Зия ад-Дин Ахмад см. Тимур-султан
Зубов В. 446
Зульфикар-хан 140–142, 457, 462

Иаков I 177
Ибн Абд аль-Азиз 428
Ибн аль-Араби 393
Ибн Таймийа см. Таки ад-Дин ибн Таймийа
Ибн Халдун 430
Ибрагим Мютеферрика 384, 385
Ибрагим-хан 141
Ибрагим (шейх) 100
Ибрахим (Ибрагим) (султан) 93, 265, 525
Ибрахим III (Ибрагим III) 93
Ибрахим аль-Халеби 77
Ибрахим ас-Саббаг 400
Ибрахим аш-Шериф 425
Ибрахим-бей 418–420
Ибрахим бей Абу Шанаб 408, 409
Ибрахим Кетхода 415, 416
Ибрахим-паша 28
Ибрахим-паша Невшехерли 384, 385
Ибрахим-шах Лоди 131, 147–151, 189
Иваз-бей 408, 409
Иван IV Грозный 72
Идзубути Дзирокити см. Санъютэй Энтё
Иисус Христос 39, 586
Икэнобо Сэнкай 373
Илиас-шахи, династия 145
Им Сонджу (Нонмун) 619
Имагава 367
Имад уль-мульк 466
Имад-шахи, династия 145
Имам Сокю 368
Имам-Кули-хан Джанид 447, 454
Имам-Кули-хан старший 115
Имхофф, Густааф ван 540, 544
Иналджик Х 76
Инджо 329, 330
Иннокентий XI 97

Иньчжэнь 577, 582, 585–590, 595
Иосиф Бакри 435
Ираклий II 444–446
Ираклий картло-кахетинский 445
Иса-хан 114, 115
Искандар Муда 235, 240
Искандар Тани 237, 240, 254
Искандар Шейбанид 123
Искандер-мунши туркеман (Искандер-бек туркеман Мунши) 112, 119
Ислам-шах (урожденный Джелал-хан) 154
Ислам-шах Сур 161
Исмаил, вождь кызылбашей 70
Исмаил I (Хатал) 100–104, 106, 107, 118, 119, 121
Исмаил II 106
Исмаил-бей 409, 420
Исмаил-паша аль-Азм 397
Исмаил-султан 265, 266
Исках Шатур-халиф 263
Итириманна Чинкам 199, 200
Ифрандж Ахмед 408, 409
Ихара Сайкаку 633
Ицкович Н. 385
Ишан-и Калан см. Мухаммед Амин
Иэмицу 629

Йар-Мухаммад 447
Йирмисекиз Челеби Мехмед-эфенди 385
Йолбарс 265, 266
Йонкер 254
Йонтэн-Чжамцо 570

Кабир 162, 169, 192
Каджар, династия 446
Каздоглия, род 409, 415, 416
Казими Хусейн Изди 101
Кали 36
Калимулла, шах 145
Кам Бахш 455
Каманура 368
Камигая Содзин 372
Кампанелла, Томазо 75
Камр уд-Дин Чин Килич-хан (Низам уль-мульк) 461, 462
Кан Мёнгиль 618
Канси 267, 355, 358, 359, 581
Канси, император см. Сюанье
Кансух аль-Гури 70, 71
Кара Коюнлу, династия см. Кара Коюнлу, гос-во (в Указателе географических названий) 100
Караманлы, династия 423, 424
Кара Мустафа-паша 96, 97
Карахан см. Сатук Богра-хан
Кара Языджи 91
Карейру, Жоан 209
Карим-хан 444, 445

Каримдад 135
Карл II 178
Карл III 437, 559
Карл V 44, 73, 74
Картамурсадах 547
Кастрат-хан см. Ага-Мохаммед
Кахан-Сур 151
Квак Чэу 325
Квон Нюль 325
Квон Пхиль 337
Квон Самдык 623
Кемпфер Э. 108, 116
Кепек-султан устаджлу 104
Кечиль 237
Кёнджон 616
Кёпрюлю, династия 96, 98, 388
Кёсем-султан 93
Ким Дурян 623
Ким Ингён 622
Ким Манджун 337
Ким Мён 325
Ким Симин 325
Ким Суджан 622
Ким Хондо 623
Ким Хэ 325
Ким Чхонтхэк 622
Кирилл III 79
Ки Паманахан 241
Клайв Р. 468
Ко Гёнмён 325
Коджа Рагыб Мехмед-паша 385
Кожухов 402
Койетт Ф. 356
Коковцев М.Г. 431–433, 435
Колонтаев А.П. 20
Колумб, Христофор 45, 650
Конаппу Бандара 200
Конбаун, династия 62, 206, 219
Кониси Рюса 372
Кониси Юкинага 627
Конфуций 32, 33, 64, 299
Коперник, Николай 638 650
Корре 495
Коррео, Антонио 208
Кочи-бей (Кочибей) 90, 93
Кретаци А. 442
Кришна 36
Кромвель, Оливер 178
де Круз Г. 286
Куанг Чунг см. Нгуэн Хюэ
Кударат 558
Кумагаи 624
Кумадзава Бандзан 636
Кун, Ян Питерсзоон 55, 64, 252, 253
Кун Пэн 223, 494
Кун Юдэ 344, 349–352, 357
Куок-тюа см. Нгуен Фук Тю (1691–1725)
Курейш-султан 261, 262, 264
Курчиха-хан 114
Кусумасанадеви (Дона Катарина) 200
Кутб-шахи, династия 145
Кылыч-хан см. Султан Махмуд
Кэ Вэйци 297
Кэмпфер 630
Кючук Ибрахим 436

Лабурдоннэ 467
Ладзан-хан (Лабсан, Лхавсан) 576, 577
Ладухунь 576
Лайош II 74
Лакшман 494
Ла Лубер 231
Ламанский В.И. 72, 81
Ланкастер Э. 235
Лауддин 548
Ле, династия 302–310, 501, 503, 504, 508–510, 512, 516, 517, 519, 520, 599
Ле Зу Тон 497, 503
Ле Зюи Ви 512
Ле Зюи Кан 512
Ле Зюи Ки 512
Ле Зюи Мат 504, 508–510, 512, 513, 516, 519, 520
Ле Зюи Тхан 504
Ле Зюи Фыонг 503, 504
Ле Зюи Хиеу 504
Ле Кюи Дон 312, 512, 513
Ле Тхань Тонг 311
Ле Тхуан Тонг 504
Ле Тьеу Тхонг 599
Ле Хи 496
Ле Хи Тон 497
Ли, династия 335, 618
Ли Баньик 622
Ли Гваль 329
Лигдан-хан см. Батур Чингис-хан
Ли Го 344, 345, 348, 349, 351, 352
Ли Гуан 268
Ли Джон 337
Ли Джунхван 618, 620
Ли Динго 344, 352–354, 356, 357
Ли Жусун 326
Ли И 335, 337
Ли Ик (Сонхо) 620, 622
Ли Лайхэн 351, 352, 354
Ли Манджун 619
Лим Дже 337
Лим Ккокчон 321, 322
Ли Саньцай 275, 276
Ли Синь 341
Ли Сугван 336
Ли Сунсин 323, 325, 327, 328, 372
Ли Сынхун 617, 618
Ли Третий 360
Ли Хван 315, 335, 337
Ли Хэн 335
Ли Цзычэн 277, 338, 340, 344, 348
Ли Чжаньчунь 350
Ли Чжи 297
Ли Чжицзао 298
Ли Чэндун 348, 349, 352
Ли Шичжэнь 297
Линь Шуанвэнь 606, 607
Лоди, династия 147
Лоло 353
Лонгобарди Н. 274
Ло Сэнь 358
Луарсаб 113
Лу ван 346, 347
Луму 523
Льюис Б. 646
Лю Вэньсю 344, 352–354
Лю Госюань 360
Людовик XIV 56, 584
Людовик XVI 640
Люй Люлян 586
Люй Цзи 299
Лю Ок 320
Лютер, Мартин 74, 75
Лю Хёнвон 336
Лю Цзинь 268, 271
Лю Цзунминь 340
Лян Чу 290

Мааниды, династия 398
Мааруф Фармули 150
Магеллан Ф. 46, 50, 60, 250, 529
Мазид-бек (Халифа-бек) 264
Мак, династия 303–306, 308, 310, 314
Макартнэй Дж. 603
Мак Данг Зоань 303
Мак Данг Зунг 303
Мак Кыу (Мо Цзю) 310, 515
Мак-Нейл У. 14
Мак Тхиен Ты (Мо Сяньцзы) 516, 520, 521
Мак Фук Хай 303
Мак-Эйведи 647
Мала 577
Малик Амбар 164, 165
Ма Минсинь 600
Ман Сингх 155, 163
Мангкубуми (Хаменгкубувоно I) 535, 536
Мангкунегара I 548
Мандельсло Дж. 174
Мансур, султан Тренгану 523, 525
Мансур-хан 260–262
Мань Бао 585
Мария, жена Али-бея 416
Маркс, Карл 25, 31, 643, 649, 650
Мас Саид 535, 536
Ма Сыгуй 600
Мателиф 235
Маун Пу 487
Маха Чакрапат 212, 224, 225
Махаббат-хан 164

Махадхаммаязадипати 486–488
Махди-хан 446
Махмуд, султан Малакки 60
Махмуд Бегара 179, 187
Махмуд-и Азам (Ахмад Касани) 262
Махмуд Лоди 150
Махмуд-хан (Махмуд-шах), гильзай 439, 440
Махмуд II Хилджи 145
Махмуд-шах, султан Бенгалии 151
Махмуд-шах II, султан Джохора 232, 234, 237, 439, 440, 525
Мацуо Басё 633
Мацусита 369
Маядунне 197–199
ди Меллу, Диего Суареш 210, 211
Мельянцев В.А. 22
Мендоса А.Ф., де 199
де Менезиш Ж. 529
Метсюйкер Й. 253, 254, 256
Мехди-хан 444
Медхед II 44, 76, 83
Мехмед III 89
Мехмед IV 93, 96, 97
Мехмед Соколлу 85, 88
Мехмед ибн Фира-Мурза (Мулла Хюсрев) 76, 77
Мехмед-паша 96
Мёнъджон 317, 318, 320
Ми Лаинь 350
Мин, династия 11, 12, 43, 260, 267, 271, 282, 283, 293, 297, 299, 302–305, 307, 330, 343–345, 349, 354, 356, 358, 361, 565, 581, 585, 595–597, 605, 606
Минами 624
Минжуй 598
Мин Разаджи 214
Минчжиньо 208, 209
Минъечжодин 216
Мир-Вайс 138
Мир Джалауддин Саядат 190
Мир Джафар 468
Мир Джумла 165, 166
Мирза Хайдар 265
Мир Манну 466
Мир Мухаммад Амини Бухари 448, 453
Мир Таки Мир 192
Митра 39
Моголы, династия 105, 115, 131, 134–137, 148, 149, 151, 153, 154, 157, 162, 164, 165, 169–171, 179, 184, 259, 260, 264–267, 457, 459, 463–466
Мокрани, род 438
Монсеррате А. 160
Мори Мотонари 364, 365
Мо Сяньцзы см. Мак Тхиен Ты
Мохаммад Заман 118
Мохаммад Ходабенде 106, 107
Музаффар III 156
Музаффар Джанг 462
Музаффар-шах, султан Перака 234
Мулай Исмаил 437
Мулла Джами Бихуд 190
Мулла Хюсрев см. Мехмед ибн Фира-Мурза
Мульхим 399
Мумтаз-махал 165
Мурад, сын Акбара (см.) 157
Мурад, сын Шах-Джахана (см.) 166
Мурад I 68
Мурад II 424
Мурад III 85, 88, 89, 92, 646
Мурад IV 92–94
Мурад Ак Коюнлу 101
Мурад-бей 418–420
Мурад-бек 101
Мурадиды, династия 425
Мурад Корсо 424
Мурата Дзюко 373
Муро Кюсо 632, 635
Муртада аз-Забиди 394
Муршид Кули-хан 165, 461
Муршид Кули-хан устаджлу 107
Мусви Ш. 186
Мустафа 88
Мустафа I (1622–1623) 92
Мустафа III 417
Мустафа-паша Байрактар 381
Мустафа Ходжа 428
Мустафа эль-Каздоглу 409
Мутаваккиль III 71
Мухаммад, пророк 40, 42, 393
Мухаммад Акбар 169
Мухаммад Али 468
Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб 404, 405
Мухаммад ибн Сауд 405
Мухаммад Йакуб 450
Мухаммад Кули Кутб-шах 192
Мухаммад Рахим-бий 449
Мухаммад Урфи 118
Мухаммад Хаким 161
Мухаммад Хаким-бий 449
Мухаммад-шах (Раушан-Ахтар) 457, 458, 460, 464–466
Мухаммед Абдаллах (Ходжам Падишах) 265
Мухаммед Амин (Ишан-и Калан) 262
Мухаммед Амин, сын Мир Джумлы (см.) 165
Мухаммед-бей 428
Мухаммед-бей Абу аз-Захаб 400, 401, 418
Мухаммед аль-Гуштули 437
Мухаммед аш-Шаукани 394
Мухаммед бен Бакр 436
Мухаммед бен Осман 437, 438
Мухаммед Джеркес-бей 409
Мухаммед Исхак Вали 262, 263
Мухаммед Казим 446, 465
Мухаммед Караманлы 422
Мухаммед Мумин см. Акбаш-хан
Мухаммед Тахир Вахид 116
Мухаммед-хан 263, 264
Мухаммед-хан Мерви 142
Мухаммед Хасан-хан 444
Мухаммед Яхья (Ходжа Шади 263, 264, 266
Мухташам кашани 118

Навадей 218
Навои, Алишер 118
Наджм Гиляни 102
Надир Кули-бек афшар 140–143
Надир Мухаммад 447
Надир-шах 144, 396, 440–444, 446, 449, 462, 463–465
Назир Акбарабади 192
Намдев 192
Нам Чьеу 304
Нандабайн 214, 215
Нанак, гуру 162, 192
Наполеон см. Бонапарт
Нарай 228, 231
Нересуан (Пра Нарет) 214, 225, 226
Насир Джанг 462
Наср-хан Лохани 150
Насух-паша 396
Нату 538
Нго Тхи Ши 511, 512
Нгуен, династия 305–314
Нгуен Зань Фыонг 508–510
Нгуен Ким 304, 305
Нгуен Конг Ханг 499, 502–504
Нгуен Куан Ньо 496, 497
Нгуен Кхай 306
Нгуен Кы 508
Нгуен Кы Чинь 518–521
Нгуен Кюи Дык 496–498
Нгуен Туиен 505, 507
Нгуен Тхе То 521
Нгуен Фук Кхоат (Во-выонг) 309, 516–521
Нгуен Фук Нгуен 306
Нгуен Фук Тан 309, 313
Нгуен Фук Тю (Куок-тюа) (1691–1725) 309, 311, 313, 514, 516, 517
Нгуен Фук Тю (Нинь) (1725–1738) 515
Нгуен Фук Чан 311
Нгуен Хоанг 305–307
Нгуен Хынг То 521
Нгуен Хыу Кау 508–510
Нгуен Хюэ (Куанг Чунг) 599
Нгуены, династия 514, 516–520
Немьотихату 484, 486
Нефтали Буснаш 435
Нибурк 410
Низами 118

Низам уд-Дин Ахмад 191
Низам уль-мульк см. Камр уд-Дин Чин Килич-хан
Низам-шахи, династия 145, 164
Никань 351, 352
Никитин, Афанасий 208
Нинь см. Нгуен Фук Тю (1725–1738)
Нитирэн 36
Нокс Р. 474
Нонмун см. Им Сонджу
Норт Д. 650
Нур Джахан 164
Нуреддин 68
Нурхаци 274, 338, 344, 565
Нусрат-шах 150
Ньяунджан 214, 215, 484

Обой (Аобай) 355, 356
Ода Нобунага 12, 366–371
Омар, халиф 71, 102
Омар-паша 396
Омар Шейх-мирза 148
Омер Талиб 646
О Моннён 337
О Нинсок 321
Онищук С.В. 25, 26
Оранские, династия 59, 546
Оранский, Мориц 227
О'Рейли 437
Ортайлы И. 91
Осипов Ю.М. 218
Осман, халиф 102
Осман II 92, 388
Осман-ага Пазвандоглу 381
Осан-паша ас-Садек 397, 400
Османы, династия 77
Оути 364
Оэртай 607

Павел 298, 446
Павлов В.И. 23
Пагба (Ахагпа-лама) 572
Пазвандоглу см. Осман-ага Пазвандоглу
Пак Инно 337
Пак Саджэ 325
Пакубувоно I 533, 534
Пакубувоно II 534, 535
Пакубувоно III 535
Пак Хон 325
Пак Чега (Чходжон) 622
Пак Чивон (Ёнам) 618, 621, 623
Пантоха Д. 274
Паскевич И.Ф. 118
Патрон Халил 379, 384
Пельсарт Ф. 182
Перейра Г. 286
Перейра Д. 211
Пересветов И. 75
Перестрелло Р. 273
Петлин И. 274
Петр I 111, 117, 417, 439–441, 584, 640
Петрача 231, 489, 493
Пён Санбок 623
Пигафетта, Антонио 529
Пиндале 216
Пинто М. 225
Пиреш Т. 273
Пири Реис 650
Пир-Мухаммад 123, 447
Пир-Мухаммад-хан II Шейбанид 447
Питт У. 603
Полана (Пол-тайджи) 577, 578
Пра Маха Дхармарача 224, 225
Пра Махин 225
Пра Нарет см. Наресуан
Прасат Тонга, династия 220, 226, 228
Пра Сурийотай 224
Прачай 223, 224
Преах Срей Тхомеа 515
Пье 216
Пья Таксин 495, 521
Пэнчунь 362

Рагузинский С. 587
Рагхунатх Рао 466
Радермахер, Йохан 64
Раджасинха 198, 199
Раджасинха II 201, 469, 471, 474
Разин, Степан 116
Рама 36, 494
Рама I (Чакри) 598
Рама Тибоди II 220, 223
Рамдас (1574–1581) 162
Рамдас (1627–1680) 170
Рана Санга см. Санграм Сингх
Раушан-Ахтар см. Мухаммад-шах
Рафи уд-Дараджат 460
Рашик Даса 190
Рембрандт 63
Ринпун, династия 573
Риччи М. 274, 297, 298
Розетти, Карло 416, 417
Роксолана см. Хуррем-султан
Ронгговарсито 547
Ростом 114, 439
Ростом-мирза 117
Роу, Томас 177
Руис, Блас 61
Рустам 99
Рустем-паша 88
Рыдван-бей 415, 416
Рэймон А. 410, 412

Саа, Константин де 201
Саад-хан см. Бурхан уль-мульк
Саакадзе Георгий 113, 114
Саган-Сэцэн 569
Садо 183
Сайид Хусейн-шах 145
Сайиидо Насифи 454
Сайто 367, 370
Сакура Согоро 627
Сакья-пандита 572
Салах ал-Дин 67
Салим см. Джахангир
Самбхаджи 171, 463
Самудрадеви 197
Санге 577
Сангкиланг 538
Санграм Сингх (Рана Санга) 145, 147, 150
Сандавизая 487
Сандзёниси 363
Сане 216, 486
Санкили (Санкили Кумара) 200
Сансон 116
Санчжай-Чжамцо 575, 576
Санъютэй Энтё (Идзубути Дзирокити) 629
Сарафраз-хан 461
Сару Таги 115
Сарфати, Исхак 67
Сатук Богра-хан (Карахан) 263
Сатху II 518
Сауд 405, 406
Сафдар Джанг 460
Сафийе-султан 89
Сафруддин Мухаммад Фаиз 192
Сачар см. Буринай
Саят-Нова 445
Седа инг Крапьяк 241, 242
Сейдал-хан 141
Сейхас, Паоло 209
Селим 88
Селим I Явуз 70, 71, 73, 76, 103, 104
Селим II 85, 89
Селим III 387, 388, 402, 403, 446
Семен Маленький 180
Сенапати 241, 242
Сенге 266
Сенерат 200, 201
Сенковский О.И. 33, 652
Сервантес 76
Сефевиды, династия 44, 68, 70–72, 99, 103–105, 116, 118, 119, 131, 137–141, 164, 439, 440, 447
Сефи I 108, 110, 114, 115, 119
Сефи ад-Дин 99
Сефи Кули-хан 109, 140
Сикандар, историк 187
Сикандар-шах Лоди 147
Сикандар-шах Сур 154
ди Сикейра 60
Симай Сосицу 372
Симеон 107
Симон I 113
Синан-паша 90
Син Гонджо 335
Синдия, династия 464

Син Юнбок 623
Си-цзун (Чжу Юцзяо) 268, 269
Славный Б.И. 25
Смимтхо Буддакетти 211, 488
Смит, Адам 651
Со 372, 636
Со Гёндок 335
Соколовичи, род 85
Содном-Чжамцо 570, 573, 574
Солобэнь 591
Сонготу (Соэту) 356, 358, 359
Сонгтам 226, 227
Сонджо 324, 333
Сонхо см. Ли Ик
Сосан дэса 326
ди Соуза Коутиньо 236
Соуса П.Л. де 200
Спеелман, Корнелис Янсзоон 254, 255, 256
Стеендам, Якоб 63, 64
Субхан Кули-хан 448, 454
Сугрива 494
Сукотаи, династия 225
Сукчон 333, 334, 616
Сулейман (1667–1694) 105, 112, 116
Сулейман (1722–1760) 105, 523, 525
Сулейман-бей Чапаноглу 381
Сулейман Великолепный (Сулейман I Кануни 28, 72-74, 76, 81, 83, 85, 88, 89, 92, 93, 104, 105, 396, 402, 413, 419
Сулейман-паша 396
Сулейман-паша аль-Азм 397, 399
Сулейман-паша аль-Кабир 396
Султан Али 100
Султан Али-мирза афшар 103
Султан Ахмад-мирза 148
Султан Ахмед Пулад-хан 263
Султан Ахмад-хан 260, 264
Султан Махмуд (Кылыч-хан) 264
Султан Махмуд-хан 148, 264
Султан Саид Баба-хан 266
Султан Саид-хан 260, 261, 265
Султан Хусейн 112, 116, 117, 148, 439
Сун, династия 583, 597
Сунан Мас см. Амангкурат III
Сун Инсин 296
Сун Шии 599
Сунсок 321
Сунь Кэван 343, 349, 351, 352
Сунь Тинлин 357
Сурапати 532–534
Сурдас 192
Сурхай-хан Казыкумухский 139
Суры, династия 151, 154
Суфи-султан 261, 262
Сы-цзун 277
Сэссю 373
Сюанье (Канси) 355, 356, 359, 361, 362, 576, 581–587, 589, 590, 595–598
Сюань Цзан 299
Сюй Гуанци 296–298
Сюй Сяо 297
Сюйхофф, Корнелис 63
Сюнь Юаньхуа 297
Ся Янь 269, 270

Табиншветхи 209–212, 214
Тавернье Ж.-Б. 109
Таги-хан 143
Тайсра 493
Так Ф. 533
Таки ад-Дин ибн Таймийа 403, 404
Такэда Сингэн 364, 624
Талун 215, 216, 218, 479, 482–484
Тамхон см. Хон Дэён
Тан ван 346, 347, 348
Тан, династия 571, 597
Таниганве 216, 486
Танк см. Ахмад-шахи, династия
Тан Сяньцзу 299
Тан Тун 338
Тан Хун 350
Тань Вэнь 350
Таунгу, династия 206, 208, 209, 214–219, 478, 479, 482–486
Тахмасп I 72, 104–107, 119
Тахмасп II 439–441
Тахмасп-хан джелаир 143
Ташар 231
Твинтинджи 486
Тег Бахадур 169
Теймураз 113, 115
Теймураз II 444
Тей Тетха V 518
Текели 96
Тибан, Себастьян 61
Тикамацу Мондзаэмон 633
Тимур 67, 149, 465, 642
Тимуриды, династия 99, 101, 120, 121, 148, 149
Тимур-султан (Зия ад-Дин Ахмад) 265
Тимур-хан 466
Типу Султан 19
Тобэ 367
Тоётоми Хидэёси (Хиёси) 12, 16, 273, 323, 326, 327, 366, 368, 369, 370–372, 628
Тойнби, Арнольд 32, 641
Токугава, дом 624–626, 628–630
Токугава Иэясу 12, 36, 60, 366, 367, 370, 372, 373, 584, 624, 627
Толстой П.А. 390
Торгут-реис 421
Торхунджу Ахмед-паша 94
Трангтана 240
Триго Н. 297
Трунаджая 255, 256, 532, 533
Тукарам 170
Тулси Дас 192
Туманбай 71
Тушету-хан 564
Тхань 306, 307
Тыонг 509, 510
Тэй 307, 308
Тюнг Прей 61
Тюрпен 495

Убайдаллах-хан Джанид 448, 449, 453
Убайдаллах-хан Шейбанид 122
У Баюэ 608
Убейд-хан узбек 104
Угурлу-хан каджар 442
Удэгей 571
Ужма-хан 445
Узун Али 436
Узун Хасан Ак Коюнлу 67, 70
Улама-бек текелю 105
Улугбек 262, 452
У Лянфу 355
Унарут 494
Уотсон 468
У Саньгуй (Чжоу ди) 277, 338, 340, 341, 344, 345, 350, 351, 353, 354, 357–359, 575
У Тинъи 608
У-цзун (Чжу Хоучжао) 268, 270
У Цянь 296
У Чэнъэнь 299
У Шифань 360
Уэда, Акинари 629, 632
Уэсуги Кэнсин 364

Фазыл Ахмед-паша 96
Файзи 190
Фам Конг Чи 307
Фань Лисюнь 297
Фарид Шер-хан см. Шер-шах Сур
Фаррух Сийар 457, 461, 462, 467
Фатх Али-хан дербентско-картлийский 444
Фатх Али-хан кубинско-дербентский 445
Фатх Али-шах 446
Фатхи ад-Дефтердар 397
Фатх-хан 164
Фахр ад-Дин II 90
Фердинанд I Габсбург 74
Ференц II Ракоци 384
Физули 118
Филипп I 199
Филипп II 28, 75
Фируз-шах 172
Фитч Р. 173, 218
Фредериче, Сезаро 213, 218
де Фрис, Питер 64
Фу Ван (Чэу Юсун) 345, 346
Фудзивара 365, 369
Фуканань 579, 599, 601, 607, 608
Фулинь см. Шуньчжи

Хабиб И. 171, 173, 649
ван Хаген, Стефан 54
Хагок см. Чон Джеду
Хаджи, раджа 523, 525
Хаджи, султан 256
Хадим-бек 100
Хазин, шейх 440
Хаим Фархи 402
Хайдар I 398
Хайдар Сефевид 100
Хайрун 60
Халиль-паша 409
Халифа-бек см. Мазид-бек
Хамдаллах Казвини 118
Хаменгкубувоно I см. Мангкубуми
Хаменгкубувоно II 547
Хамза Пансури 257
Хамза-мирза 107
Хаммарстрём, Ингрид 642
Хамуда-паша 428–430
Хан Ходжа 593
Ханвей 441, 443
Хануман 494
Хаогэ 345
Хао Яоци 352, 353
Харада Магосирито 372
Харвей Дж. 209
Хартинг Н. 536
Хасан Али-хан 153, 154
Хасан аль-Бадри аль-Хиджази 415
Хасан-бек Румлу 106, 112, 119
Хасаниды, династия 395, 396
Хасан-паша 395, 396, 419, 420
Хасануддин 254, 255
аль Хаскафи 77
Хатал см. Исмаил I
де Хаутман, Корнелис 54, 235, 251
Хафи-хан 191, 458
Ха Хандам 623
Хашимиты, династия 70, 404
Хван Джипчун 337
Хейне-Гёльдерн 479
Хему (Викрамадитья) 154, 155
Хёджон 330
Хидэёри 372, 624, 627
Хидэёси см. Тоётоми Хидэёси
Хильджи, династия 145
Хоанг Конг Тят 507, 509, 510, 512
Хо Гюн 337
Ходжа Шади см. Мухаммед Яхья
Ходжам Падишах см. Мухаммед Абдаллах
Хо Джун 335
Холкар, династия 464
Хон Бонхан 619
Хонда Тосиаки 636–638
Хондемир 117, 119
Хон Дэён (Тамхон) 621
Хон Мансон 618
ван Хоорон, Питер 64
Хосров Мирза 139
Хосроу см. Шах-Джахан
Хоукинс В. 177
Хо Урлюк 566
ван Хохендорф Й. 535
Хошоу 576
дон Хуан Австрийский 76
Хуан Хэнцзэн 297
Хуан Цзунси 298
Хуан Цинь 361
Хубилай (Хубилай-хан) 572
Худабенде-султан 262–264
Хулагуиды 104
Хумам 412
Хумаюн (Насир ад-Дин Хумаюн) 105, 150, 151, 153–156, 179, 191, 193
Хунли (Цяньлун) 34, 578, 579, 587, 589–593, 595–599, 601–607
Хуррам 163
Хуррем-султан (Роксолана) 88
Хусейн, шах (1694–1722) 138
Хусейн-ага аль-Макки 397
Хусейн Али, сайид 464
Хусейн Байкара 101, 102, 120
Хусейн-бей 415
Хусейн-бей леле шамлу 100, 102, 103
Хусейн бен Али Турки 427, 428
Хусейн, бывший бейлербей Хабеша 91
Хусейн Замири Исфагани 118
Хусейн ибн шейх Абдал Захиди 99
Хусейн, имам 406
Хусейн Тахмасп 140
Хусейниды, династия 425, 427, 428
Хусейн-хан, могол 457
Хушхал-хан 136, 137, 167
Хьен 307
Хьеп 306
Хызр-ага устаджлу 103
Хэлинь 608
Хэ Синьинь 298
Хэ Тэнцзяо 345, 349, 351
Хэ Цзинмин 299
Хэшэнь 601–604, 608

Цэй Инь 360
Цзанба, династия 573, 574
Цзинь Шэнхуань 347, 349, 351
Цзиргалан 338
Цзонкхапа 39, 569, 573
Цзян Сян 350, 351
Цзяо Сюнь 597
Цзяцин, император (Юньянь) 602, 608
Цин, династия 11, 60, 61, 267, 277, 307, 330, 332, 340, 343, 346, 357–359, 361, 496, 510–512, 581, 583, 595, 597, 599, 603, 605, 606
Цуй Шу 597
Цэван Рабдан 267, 567, 576
Цю Ин 299
Цяньлун см. Хунли

Чайан-султан устаджлу 102
Чайтанья 162, 192
Чакри см. Рама I
Чакрадинингрят IV 535
Чаланья 577
Чан Као 302
Чанцин 606
Чарик Баджра 547, 549
Чаурамана 168
Чжан Вэньцин 600, 601
Чжан Гуансы 590, 591
Чжан Идун 599
Чжан Се 297
Чжан Сяньчжун 277, 341, 344, 345, 348, 350, 352
Чжан Хуан 296
Чжан Хуанъянь 353, 354, 356, 367
Чжан Цзюйчжэн 269–271, 280, 281
Чжан Цун 269
Чжан Шоуцин 285
Чжао Хуэй 592, 593
Чжи 298
Чжоу ди см. У Саньгуй
Чжуан Датянь 606, 607
Чжу Вань 273, 288
Чжу Ихай 346
Чжу Ицзюнь см. Шэнь-цзун
Чжу Си 335, 583, 597, 619
Чжу Хоуцун см. Ши-цзун
Чжу Хоучжао см. У-цзун
Чжу Чанло см. Гуан-цзун
Чжу Чанфан 346
Чжу Юйцзянь 346
Чжу Юлан 348
Чжу Юцзяо см. Си-цзун
Чжэн, династия 356, 359 361
Чжэн Сяо 296
Чжэн Хэ 11, 650
Чжэн Цзин 357–361
Чжэн Чжилун 347, 353
Чжэн Чэнгун 353, 354, 356, 357
Чи Ёнголь 616
Чингис-хан 259, 465, 564, 569, 571
Чин Суфи 148
Чинь, династия 304–314, 502, 505, 507, 508, 510, 516, 519
Чинь Зоань 505–512, 519, 520
Чинь Зянг 503–507, 509, 510
Чинь Кан 308, 496, 497
Чинь Куна 502
Чинь Кьем 304
Чинь Кзонг 496–498, 500–504
Чинь Тунг 305, 306
Чинь Чанг 306
Чинь Шам 510, 512
Чичерин Б.Н. 33
Чо Гванджо 322
Чон Джеду (Хагок) 619

Чонджо 617, 618, 621
Чон Сон 623
Чон Чхоль 337
Чохон 325
Чунъджон 320, 322
Чурас, клан 259, 264
Чхатрасал 169
Чходжон см. Пак Чега
Чхве Сондаль 623
Чыон Фук Лоан 520–522
Чэнь Банчжань 297
Чэнь Цзижу 296
Чэу Юсун см. Фу Ван
Чэчэн-хан 564
Чять 306

Шааль А. 274, 297
Шаиста-хан 170
Шай 306–308
Шайтан-кулу (Шах-кулу) 70
Шамс уд-Дин-шах (Ша-мурза) 145
Шан Кэси 341, 344, 349–351, 353, 357, 359
Шанти Дас 184, 185
Шан Чжисинь 358, 359
Шанкара 36
Шараф ад-Дин Али Йазди 453
Шараф-хан Бидлиси 105, 106, 112
Шарден 110, 111, 116
Шарли 109
Шах Алам II 466
Шах Алам см. Бахадур-шах могол
Шахбаз-хан 136
Шах-Джахан (Шихаб ад-Дин Шах-Джахан) 136, 163–166, 170, 172, 186, 191, 193
Шахджи 164, 165, 170
Шах-кулу см. Шайтан-кулу
Шахрух 67, 449
Шаху 463
Шах-хан 262
Шейбаниды, династия 120–124, 129, 130, 451
Шейбани-хан Узбек 102, 120, 121, 148
Шейх Фарид 169
Шейх-заде 77
Шер-шах Сур (Фарид Шер-хан) 105, 151, 153, 154, 156, 158, 188, 189
Шехабы, династия 398
Шехид Али-паша 384
Ши Кэфа 345, 346
Ши Людэн 608
Ши Сангъбао 608
Ши Шибяо 585
Шивл 36
Шиваджи 170, 171, 463
Шин Каравика 218
Ши-цзун (Чжу Хоуцун) 268, 275, 298
Шолой-Убаши-хунтайджи 564
де Шомон 231
Шоу Ст. 385
Шуджа 166
Шудж ад-Дин Ахмад-хан 263–265
Шуджа Аливерди-хан 461
Шуджа уд-Доула 460
Шуджа уд-Дин Мухаммад-хан 461
Шуньчжи, император (Фулинь) 338, 340, 354, 355, 361, 575, 581
Шухэдэ 605
Шэнь-цзун (Чжу Ицзюнь) 269, 270, 276
Шэнь Цзэфу 296

Экатат 495
Экатотсарат 226, 227
Экнатх 162, 170, 192
Элдан-тайджи 266
Энгельс Ф. 25
Эсен-тайджи 259
д'Эстен 537

Юань 359, 585
Юань, династия 572, 573
Южная Сун, династия 572
Юн Дусо 623
Юн Сондо 337
Юн Ынбо 335
Юнъянь см. Цзяцин
Юрты 71
Юсеф Караманлы 424
Юсеф-паша 422
Юсеф Сахиб ат-Табаа 428
Юсуф аль-Магриби 415
Юсуф аш-Ширбини 415
Юсуф Шехаб 399, 401, 402
Юэ Чэунци 591

Ямагути 364, 373
Ямада 227
Ямана 368
Ямата 634
Ян Лянь 276
Ян Собесский 97
Ян Тинлинь 349
Ян Тинхэ 269, 275
Ян Цилун 360
Янус 64
Яньсмн 577
Янь Сун 269–271
Янь Цунцзянь 297
Яо 33
Яр-Мухаммед Хузани (по прозвищу Наджм-е сани) 102
Ярхашань 593
Ясадипура-отец 547, 549
Ясадипура-сын 547
Яхья-хан талышский 440

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аббас-Абад (Тебризский) 110
Абхазия 416
Ава 62, 206, 208–210, 212, 214, 215, 218, 226, 479, 482, 485, 487, 488, 598
Авское гос-во 206, 210, 598, 599, 602
Аварское ханство 443
Австралия 46
Австрия 44, 73, 90, 91, 94, 97, 386, 405, 442
Агра 18, 147, 150, 154–157, 163, 165, 166, 168, 170, 173, 175–177, 180, 189, 192, 455, 458, 464
Адал 43, 71
Аденский залив 47
Аджмер (Аджмир) 153, 155, 163
Адзути, г. 367
Адриатика 97
Азербайджан 68, 72, 99, 104, 106, 108, 109, 112, 113, 143, 439, 443, 444
Азербайджан Южный (Иранский) 68, 99–101
Азия 6, 9, 13, 22, 23, 25, 26, 28, 29, 41, 47, 50, 51, 54, 56–58, 64, 176, 195, 200, 218, 225, 229, 251, 253, 259, 260, 312, 362, 543, 557, 608, 639, 640, 642, 645
Восточная 553, 595
Западная 208
Малая 43, 68, 70, 72, 79, 80, 82, 89–92, 95, 98, 100, 101, 113, 376, 378, 390, 421; см. также Анатолия

Передняя 195
Средняя 11, 39, 43, 65, 72, 101, 105, 120, 122–124, 130, 134, 144, 148–150, 179, 181, 185, 190, 262, 264, 447, 450–452, 454, 576
Центральная 7, 39, 40, 267, 571, 573, 574, 576, 578
Юго-Восточная 36, 38, 39, 41, 43, 46, 47, 50–53, 55, 56, 60, 61, 177, 206, 217, 220, 227, 230, 234, 235, 238, 246, 251, 254, 274, 469, 496, 539, 553, 557, 559, 638
Южная 19, 36, 43, 469
Азов 97, 387
Азорские о-ва 438
аль-Азхар 408, 418–420
Айндар 398
Айн-Махди 437
Айти см. Микава
Айты 516
Акапулько 556
Акита см. Кубота
Акка 399–403
Акор 136
Ак Коюнлу, гос-во 81, 99–101, 104
Акса, оазис 261
Акулис 109, 443
Аламут 107
Албазин 362
Александрия 419
Алеутские о-ва 637
Алжир 28, 73, 81, 89, 90, 98, 427, 428, 430–438
Алжир, г. 73, 94, 390, 423, 427, 428, 431–437
Алигарх 466
Аллахабад (совр. Илахабад) 150, 163, 166, 189, 460
Алтай 564, 567, 568
Алтын-ханов, гос-во 564, 566
Альбистан (Каппадокия) 68
Альвар 193
Амагасаки 368
Амасье (Амасья, Амасия) 70, 72, 77, 88, 91, 105
Амбер 155
Амбон, о-в 52, 56, 58, 60, 62, 243, 251, 253, 254, 538, 539, 542, 546
Амбонские о-ва 254
Амдо, обл. (Кукунор, совр. Цинхай) 574, 575
Америка 12, 13, 45, 47, 54–57, 73, 85, 172, 446, 639, 642, 643, 646
Латинская 289, 552
Северная 46, 54–56, 58, 637
Центральная 51, 54
Южная 46, 51, 471
Амноккан, р. 321, 323, 329, 332
Амритсар 162, 463
Амстердам 53, 54, 255, 544
Амударья 104, 449
Амур, р. 330, 362
Анадолу 77, 82
Анандапур 169
Анатолия 68, 70, 71, 81, 195, 330; см. также Малая Азия
Англия (Великобритания) 13, 20, 29, 50, 53–59, 65, 97, 176, 217, 251, 253, 387, 405, 437, 446, 467, 468, 477, 525, 544, 545, 546, 557, 558, 583, 584, 603, 645
Андалузия 73
Андаманское море 227
Андижан 124, 261, 447
Андхра 181
Анкара 77, 92
Аннам 598, 599
Антверпен 47
Антильские о-ва 46, 57
Аньхуэй 344, 353, 597
Аомори 370
Аомынь см. Макао
Арабский халифат 14
Аравийский п-в 406
Аравия 71, 239, 240, 246, 394, 403, 404, 406, 420, 443, 541
Восточная 71
Западная 405
Северная 392, 403
Центральная 405
Южная 71, 390, 647
Аракан 61, 209, 210, 214, 215, 217, 487
Араканское побережье 52
Аракан-Йома 479
Аргуин 55
Ардебиль 99, 108, 118
Аркас, о-в 109
Аркат 462
Армагаон 177
Армения 72, 102, 103, 105, 113, 116, 139, 443
Ар-Румеил 409
Ару, о-в 539
Архипелаг см. Малайский архипелаг
Асикага, сёгунат 363
Асиргарх 157
Ассам (Ахом) 145, 166
Астара 440
Астрабад 104, 122, 140
Астрахань 72, 105, 179, 440, 451
Асу 523
Атлантический океан (Атлантика) 44, 45, 47, 50, 73, 438, 471
Атток 137, 465
Атток, р. 150
Ауд 15, 189, 459–464
Аурангабад 165
Афганистан 7, 111, 115–117, 120, 131, 143, 150, 164, 181, 185, 443, 466
Афганское гос-во 443
Африка 28, 41, 43, 46, 47, 50, 51, 55, 56, 71, 176, 446, 469, 639, 642
Восточная 11, 43, 176, 645
Северная 6, 9, 28, 43, 67, 73, 75, 76, 81, 82, 390, 407, 427, 645
Южная 534
Африканский Рог 71
Ахен 467
Ахмадабад 156, 173, 176, 177, 183
Ахмаднагар 145, 157, 164, 165, 170, 463
Ахом см. Ассам
Ахсы 447
Аче, султанат 53, 60, 216, 234, 235, 237, 239, 240, 244, 245, 251, 253–255, 257, 258, 530, 537, 546, 548
Аютия 19, 39, 209–214, 220–230, 489, 491, 493–495, 515, 521; см. также Сиам
Аютия, г. 62, 211–214
Аяйн 403, 404

Бавария 97
Багдад 72, 94, 102, 113, 115, 392, 395, 396
Багелен 535
Бадаун 189
Бадахшан 124, 164, 261, 448, 449
Бадгис 139
Бадийят аш-Шам см. Сирийская пустыня
Бай 261
Бакбо 304
Бакинское ханство 443
Баку 72, 101, 116, 439
Бакха см. Дангнгоай
Балабанган, о-в 559
Баламбанган 241, 244
Бали, о-в 243, 244, 249, 250, 252, 537, 548
Балканский п-ов (Балканы) 43, 68, 73, 75, 81, 85, 89, 95, 376, 378, 380, 387
Балх 103, 123, 129, 164, 447–451
Балхаш, оз. 259
Бамо, г., кн-во 206, 215, 598
Бангил, креп. 534
Бангкок 229, 231
Банда, о-ва (архипелаг) 58, 243, 252, 253, 538, 540, 546
Банджар 243
Банджармасин 242, 538, 545
Банка, о-в 58, 537
Бантен (Бантам), султанат 53, 241, 244, 251–253, 257, 532, 536, 537
Бану Халид, эмират 404
Баодин 341
Баркуль, оз. 259
Барода (совр. Вадодара) 464

Барха 457
Басак 520
Басилан, о-ва 558
Басра 72, 392, 395, 403, 444
Бассейн 176
Батавия (Джакарта) 55, 62–64, 236, 242, 252, 253, 255, 256, 469, 471, 525, 532–535, 540, 543–546, 550
Батавская республика 546
Батрун 398
Баттикалоа 199, 201, 469, 476
Бату-Савар 237
Бахманидский султанат 145
Бахрейн 405
Бачан 255
Бачка 97
Беджайя (Бужи) 431
Бейрут 70, 90, 394, 399–402
Бекаа, долина 398
Белград 73, 97, 387
Белуджистан 157
Бенгал (Бенгалия) 15, 55, 57, 58, 61, 131, 145, 147, 150, 151, 156, 157, 161–164, 166, 172, 177, 178, 208, 209, 236, 461–463, 467, 468, 639
Бенгальский залив 209, 217, 220
Бендер-Аббас 114
Бенкулен 537
Бентота, р. 469
Берар 145, 464
Бермуды 54
Бессарабия 87, 90; см. также Молдавия
Биана 147, 150, 172
Бива, оз. 365, 368, 372
Бидар 145, 157, 165
Биджапур 145, 157, 164, 165, 167, 170, 175, 463
Бидзен 636
Биллитон, о-в 58
Бимлипатам 176
Бинтанг, о-в 232, 234
Бирма (совр. Мьянма) 39, 50, 52, 53, 57, 61, 62, 206, 208–218, 224–226, 314, 353, 354, 478, 479, 484, 485, 487, 488, 495, 598
Бисайские о-ва (Бисайи) 558
Бихар 147, 150, 151, 156, 177, 461
Боговонто, р. 535
Богор 550
Боливия 12
Болор 261
Бомбей (совр. Мумбаи) 50, 176, 178, 179
Бони 243, 255, 545, 550
Бонин, о-ва 637
Борнео см. Калимантан
Борну 43
Босния 91, 97, 401, 402
Ботинь 307, 308, 516
Боходь, о-в 555
Бразилия 50
Бриндаван 466
Броч (совр. Бхаруч) 168, 177
Бруней 245, 258, 529, 530
Буда 74, 97
Будин 74
Булеленг 244
Бунделкханд 19, 154, 168
Бургундия 44
Бурса 87, 92, 378
Буру, о-в 243
Бурханпур 157, 180
Бухара 122–124, 127, 179, 447–452, 454
Бухейра 401
Бьенхоа 310
Бюйтензорг 550

Ваджу 243, 538, 550
Вади Давасир 405
Вазиристан см. Канигурам
Валахия 90
Вандеваш 57, 468
Варанаси 150, 151
Великий Канал 286, 345, 346, 581, 594, 605
Великих Моголов, империя (государство) 14, 15, 17, 18, 41, 43, 56, 67, 131, 145, 147, 165, 166, 173, 177, 185, 190, 194, 217, 240, 259, 261, 267, 375, 455, 458, 459, 465, 467
Велтефреден 550
Вена 28, 44, 74, 76, 97, 386, 639, 646
Венгрия 44, 69, 73–75, 96, 97, 384
Венгерское королевство 81
Венеция 73, 76, 87, 94, 96, 97, 208, 386, 429, 437
Версаль 384
Вест-Индия 54, 57, 58, 73, 647
Виджаянагар 43, 145, 172
Византия 43
Виктория, форт 253
Вирджиния 54
Висайские о-ва 50
Внешние о-ва (Внешних о-вов федерация) 532, 536, 542
Внутреннее море 365
Волга, р. 72, 75, 105, 116, 451, 452, 566, 588
Волшебная, р. 517
Воса 516
Восток 6, 7, 9–17, 19–30, 35, 44–47, 50–55, 57–59, 61–64, 66, 70–72, 76, 87, 115, 118, 149, 172, 178, 208, 232, 241, 251, 375, 385, 386, 436, 540, 552, 553, 603, 635, 639–653
  Арабский 67, 393, 418
  Ближний 11, 19, 20, 32, 43, 52, 176, 390, 392, 395, 397, 406, 420, 537, 642, 647
  Дальний 13, 19, 39, 60, 62, 195, 227, 236, 323, 574, 652
  Средний 52
Восточный могольский удел 259
Вьетнам 19, 22, 32, 61, 302–305, 308–314, 496, 510, 511, 513, 514, 517, 598, 599, 602

Гаага 227, 545
Газни 131, 133, 135, 143, 465
Галат 650
Галдан 267, 567
Галилея 399
Галле 198, 469, 471
Ганг, р. 61, 147, 149–151, 155, 172, 217, 457, 466
Ганга-Джамнское двуречье (доаб) 466
Ганджи 440, 445
Ганза 47
Ганнорува 200
Ганьсу 43, 260, 261, 267, 350, 351, 358, 571, 600, 601
Ганьчжоу 261
Гархвал 169
Гаур, г. 151
Гвалияр 147, 153, 155, 193, 464
Гвиана 55
Гвинея 44
Гелгел 244
Генуя 76, 208
Герат 112, 118, 120–122, 124, 131, 133, 137, 139–142, 144, 148, 443
Герируд, р. 141, 142
Германия 65, 67, 70, 74, 642
Гибралтар 57
Гиллея
Гилян 99–101, 103, 106, 108, 440, 441
Гималаи 169, 571
Гирин 587, 590
Гиссар (совр. Хисар) 123, 448
Гиянти 536
Гоа, о-в 50–52, 61, 62, 175, 195, 199, 202, 203, 209, 217, 234, 471
Гоби 564
Гова (Гова-Талло, Макассар) 243, 254, 255, 538, 546, 550
Годавари, р. 157
Голконда 145, 157, 164, 165, 167
Голландия см. Нидерланды
Гондвана 155, 156, 464
Гондурас Британский 54
Греция Древняя 24
Грузия 72, 103, 104, 113–116, 139, 144, 395, 396, 444, 445
Гуандун 348, 349, 351–353, 356, 357, 359–361, 581

Гуанси 304, 348–353, 357, 358, 361, 585, 567, 591
Гуанчжоу (Кантон) 61, 274, 348, 349, 352, 354, 359, 360, 583, 594, 595, 645
Гугуань 341
Гуджарат 18, 19, 145, 147, 156, 166, 168, 172–174, 176, 177, 181, 184, 187, 208, 462, 464
Гудзон, р. 55
Гуйлинь 348, 349, 351–354
Гуйхуачэн (совр. Хух-Хото) 564
Гуйчжоу 276, 345, 349–353, 357, 358, 360, 585, 587, 590, 591, 608
Гуйчжоуское плато 348
Гульнабад 117
Гумма 364
Гуре 55
Гуриан 139, 140
Гуюань 600
Гхазипур 150
Гхогра, р. 150

Дабикское поле 71
Давать, гора 521
Дагестан 72, 100, 101, 112, 116, 144, 441–444
Даду см. Пекин
Дайвьет 302, 309, 311, 511, 513, 514, 516, 517, 598
Далмация 73, 94, 97
Даман 50, 176
Дамаск 70, 392, 396, 397, 400, 402, 403, 406, 414, 418, 650
Дамин 606
Дангнгоай (Бакха) 309, 313, 496, 500, 501, 503–505, 507, 508, 510–513, 517, 519
Дангчаунг 514, 515, 516–520, 522
Дангчонг (Намха) 309, 310, 312, 313
Дания 53, 385, 429
Дарфур 43
Дасиго 341, 350, 352
Датун, г. 273, 350, 351
Дацзиньчуань 591, 607
Дашт-е кыпчак 112
Да Шунь, гос-во 277, 338, 341, 344
Дваявади, г. (Мьочи) 208
Дейр аль-Камара 398, 399
Декан 145, 157, 163–167, 169–171, 192, 457, 458, 461, 464, 466, 467
Дели 18, 131, 145, 149, 150, 154, 155, 163–166, 168, 173, 175, 180, 189, 192, 193, 449, 455, 456, 458, 460–466
Делийский султанат 14, 43, 67, 145, 149
Делфт 53
Дельта (р. Красной) 302
Демак 240, 242
Дербент 72, 108, 439–441, 444
Дербентско-Кубинское (Кубинско-Дербентское) ханство 444
Дерийя 405
Джабхан, р. 564
Джазира см. Месопотамия Верхняя
Джайпур 193, 464, 466
Джакарта см. Батавия
Джамби 237, 242, 253, 523
Джамму 169, 457
Джамна, р. 19, 147, 154, 155, 457, 466
Джапара 251
Джаунпур 147, 151, 155
Джафна (совр. Япаная) 52, 195, 197, 199–201, 471
Джебель-Шаммар 405
Джелалабад 143
Джелам, р. 163, 164
Дженина 433, 436
Джидда 71, 179, 404, 405
Джодхпур 153
Джокьякарта 241, 248, 535, 536, 542, 546, 547, 549, 551
Джохор, р. 232
Джохор, г-во, султанат 53, 60, 232, 234–237, 240, 251, 254, 489, 523, 525–527, 530, 531, 546
Джохор-Лама 234
Джубейль 398
Джу-йи-Нукра 141
Джунгария 267, 574, 576, 578–580, 591–593, 595, 602
Джунгарское (Джунгаро-ойратское) ханство 265, 267, 566–568, 570, 575, 578, 584, 586, 588, 592
Дзюгунь 344
Дианга, о-в 209
Диндинг, о-в см. Перак
Динпанах 154
Диу 45, 50, 74, 176
Диярбакыр см. Кара-Амид
Доаб Верхний 18
Доброй Надежды, мыс 45, 54, 55, 177, 252, 540
Дон, р. 72
Донгдо см. Тханглаунг
Донгкинь см. Тханглаунг
Донгхой 307, 309
Донгчьеу (Куангнинь) 302, 498
Дошон 508, 509
Дунчан 605
Душах, горы 139
Дхолпур 147, 150
Дьенбан 307
Дьенбьенфу 510
Дэдзима, о-в 629
Дэсима, о-ва 60

Евразия 11, 43
Европа 9–14, 19, 22–26, 28–31, 43–47, 51, 53, 54, 57, 58, 65, 67, 70, 72–76, 87, 94, 96, 97, 104, 105, 110, 112, 116, 172, 176, 178, 179, 227, 248, 250, 251, 377, 378, 384, 386, 387, 392, 421, 430, 437, 438, 444, 467, 469, 471, 552, 556, 596, 639–643, 645–650, 652, 653
Восточная 72, 87
Западная 9, 20, 22–24, 26–28, 30, 32, 36, 46, 58, 75, 81, 82, 87, 117, 173, 378, 639, 640, 645
Северная 429
Центральная 65
Южная 29, 65, 424
Евфрат 70, 392
Египет 24, 25, 57, 70, 71, 78, 79, 82, 90, 98, 376, 378, 390, 400–402, 405, 407, 409–412, 414–420, 429, 645, 647, 650
Ереван 94, 440
Ереванское ханство 113, 443

Ёмпхо, порт 323

Жатьзя 515

Заиорданье 400
Закавказье 105, 107, 108, 112–115, 439–441, 443–446
Замбоанга 558, 559
Заминдавар 131
Занзибар 43
Зеландия 356
Зента 97
Зеравшан 450
Золотая Орда 43, 66, 72
Зондский архипелаг 39
Зондский пролив 55, 241
Зядинь 312, 514, 520, 521
Зянь (Лам), р. 307–309

Ивовый палисад (Лютябянь) 587
Иерусалим 397, 401
Измир 378
Икуно 368
Или, р. 592
Имджинган, р. 324
Инд, р. 172
Индаур 464
Индийский океан 44, 45, 47, 55, 73, 175, 195, 202, 208, 210, 215, 217, 530, 557, 650
Индийский субконтинент 36
Индия 9, 11, 13, 15, 16, 18–22, 25, 27, 28, 31, 36, 38, 39, 41–47, 50–52, 55–57, 60, 62–64, 67, 74, 87, 111, 112, 121, 124, 129, 131, 134, 138, 143, 145, 148–150, 153, 156, 161, 167, 171–183, 185, 189–193, 208, 225, 227, 232, 236–240, 246, 250, 259, 265, 299, 392, 442, 446, 449, 451, 452, 454, 455, 457, 461, 464–

468, 477, 528, 546, 549, 557, 558, 562, 639, 641, 645, 646, 648–650
Западная 171
Нидерландская 236, 254
Северная 12, 15, 73, 105, 145, 147, 149–151, 153, 155, 181, 464, 466
Северо-Западная 168
Центральная 18
Южная 12, 16, 57, 73, 178, 200, 475
Индокитай (Индокитайский п-ов) 43, 61, 212, 213, 216–218, 221, 224, 314, 489
Индонезия 11, 13, 56, 174, 238, 239, 243, 250, 254, 255, 257, 532, 540, 541, 543, 545, 547, 549, 557, 562; см. также Нидерландская Индия
Индостан 43, 147, 166, 167; см. также Индия
Индрагири 523
Индрапрастха 154
Ионические о-ва 73
Ипяньши 340
Иравади 209, 214, 215, 479, 487, 488, 598
Ирак 72, 89, 94, 98, 100, 390, 392, 395, 396, 406
Арабский 102, 105, 113, 115
Персидский 101, 140
Северный 103
Южный 392
Иран (Персия) 20, 25, 39, 43, 53, 55, 62, 68, 70, 72, 94, 99, 100–108, 110, 111, 113–119, 121, 129, 139, 140, 143, 150, 153, 179, 181, 185, 190, 193, 246, 396, 439–446, 449, 451, 452, 464, 465, 645
Иртыш, р. 120
Исидэра 363
Исикава 365
Испания 13, 25, 28, 29, 44, 46, 47, 50, 51, 53–55, 57, 65, 67, 73–76, 94, 234, 251, 427, 429, 431, 437, 438, 469, 539, 545, 552, 553, 556–560, 562, 646, 650
Испанская империя 50, 552
Исфаган (Исфахан) 108, 110, 111, 114, 116–118, 138–140, 439–440
Исфара 129
Исфераин 124
Исфизар 139
Итава 147
Италия 29, 44, 65, 75, 118, 646
Итуруп, о-в 638
Ицукисима 364

Йе 208
Йезд 108, 111
Йемен 71, 72, 75, 82, 87, 89, 98, 390, 646
Йодо, р. 365, 370

Кабилия 431, 434, 347, 438
Кабул, г. 124, 131, 133, 135, 137, 143, 148–151, 156, 157, 161, 164, 167, 180, 259, 455, 465
Кабул, р. 136
Кавказ 139, 395, 411, 426, 446
Кага 365
Казань 72, 105, 451
Казахстан 99
Казвин 106–108, 111, 440
Каир 41, 67, 71, 401, 408–410, 412, 413, 416–420
Кайруан 427
Кайюань 587
Каланджар 154
Каланпур 155
Каликут (Кожикоде) 175, 176
Калимантан (Борнео) 43, 232, 242–245, 258, 523, 528–530, 537, 538, 559
Калпи 150, 172
Калпития 476
Калькутта 62, 64, 177
Кальяни 165
Камау 515
Камбей, порт 176
Камбоджа 39, 53, 61, 226, 310, 361, 489, 514–516, 518, 520, 521
Кампенглет 224
Кампонг-Саом 515
Кампот 515
Камчатка 630, 637
Канада 56, 57
Канадзава 628
Канарские о-ва 438
Канаудж 151, 153
Канга 337
Кангра 163
Кандагар 115, 131, 133, 137–139, 141–143, 151, 153, 157, 164, 464, 465
Кандийское гос-во 195–199, 200, 201, 203, 205, 469, 471, 474–477
Кандия см. Крит
Канибадам 124
Канигурам (Вазиристан) 134
Каннанур 176
Кано 43
Канто 370
Кантон см. Гуанчжоу
Канхвадо, о-в 329, 330
Каобанг 304–307, 512
Капская колония, земля 55, 58, 535
Кара-Амид (Диярбакыр) 70, 102
Карабах 72, 99, 115, 439, 440, 442, 444, 445
Карабахское ханство 443
Каракорум 572
Кара Коюнлу, гос-во 100, 101
Караман 68, 421
Караманлы, гос-во 422, 423
Караханидов, гос-во 259, 267
Карашар 259, 260, 263
Карнал 465
Карнатак 172, 181
Карнатик 467, 468
Картасура 533–535, 547, 549
Картли 72, 113, 114, 439, 444
Карши 129
Касимбазар 177
Каспийское море 120, 451
Касым 405
Катманду 579
Кафир-Кала, креп. 140
Кахети 113, 114, 444
Кацина 43
Качинское нагорье 479
Кашан 108, 118
Кашгар 259, 261, 263, 264, 266, 593
Кашгария 259, 578, 591–593, 595
Кашмир 145, 154, 157, 172, 175, 179, 189, 261, 265, 463, 466
Кедах (Кеддах) 235, 236, 489, 523, 530
Кедири 256
Кей, о-в 43, 539
Келантан 528
Келат, креп. 441, 442
Кентунг 215, 487
Кербела 89, 113, 118, 406
Керезтеш (Хачова) 90
Керман 111, 140, 143
Керманшах 396
Кермине 129
Кесруан 398
Кёнвон 611
Кёнги 321, 616
Кёнсан 315, 325
Киев 94
Килва 43
Киликия 68
Киньбак 498, 507, 509
Киньдо см. Тханглаунг
Киньтхань см. Тханглаунг
Киото 363, 364, 367–373, 628, 630, 632, 633
Кипр 73, 75
Киргиз-нур, оз. 564
Киренаика 420, 421
Китай 11–13, 16, 17, 20, 22, 25, 27, 31, 32, 34, 35, 39, 40, 43–46, 50, 51, 53, 60, 61, 179, 212, 225, 227, 232, 237, 240, 246, 259, 261, 267, 268, 273, 274, 277–279, 283, 285, 287–290, 292, 294–298, 300–305, 307, 309, 311, 313, 322–324, 326, 327, 329, 330, 332, 334–336, 338, 340, 343, 350, 352–356, 360–364, 372, 373, 451, 452, 485, 487, 493, 500, 514, 528–530, 534, 557, 559,

562, 564–568, 571–573, 575, 577, 581, 583, 584, 586, 587, 591, 596–599, 603, 604, 610, 616, 617, 620–623, 634, 639–641, 645–650, 652
Восточный 361
Минский см. Мин, империя
Северный 341, 343, 359, 590, 604, 605, 607, 608
Северо-Западный 349, 601
Юго-Западный 355, 358, 584, 591, 604, 607, 608
Южный 344, 346, 347, 349, 361, 575
Китайское море 530
Кожикоде см. Каликут
Коконад 176
Кола 147
Коломбо 198, 199, 202, 204, 205, 471, 473
Комул 259, 260, 262, 267
Комульский оазис 259
Комульское кн-во 259, 266
Конго, р. 44
Конкан 165, 170
Константина 431, 434
Константинополь 43, 67, 68
Корея 11, 16, 17, 19, 20, 32, 39, 60, 61, 273, 281, 298, 315, 317–319, 321–336, 343, 372, 373, 584, 609, 610, 613, 615–623, 633, 636
Коромандела 55
Коромандельский берег 58, 177, 208
Корсика 75
Котте 197–203
Котте, гос-во 195
Коттияр 476
Котумати (совр. Таунгу) 208
Кочин 176
Кочо 259, 260, 267
Кра, перешеек 208
Кранганур 176
Красная, р. 302, 312, 504, 505, 507, 511
Красное море 71, 174, 240
Красный бассейн (Сычуаньская котловина) 352
Крит (Кандия) 73, 93, 94, 425
Кришна, р. 19
Крым 67, 87, 116, 387
Крымское ханство 72, 387
Куангбинь 307, 309, 516, 519
Куангнгай 517, 521
Куангнам 305, 308, 313, 516, 521
Куангиинь см. Донгчьеу
Кубань 98
Кубота (совр. Акита) 628, 634
Кудус 258
Куилон 176
Куйхоа 303
Кукунор 564, 566, 576–578, 588
Кум 108
Кумамото 628
Кунашир, о-в 638
Кунгуй, р. 564
Куньмин 350, 353, 354, 357, 360
Куньшань 345
Курдистан 70, 78, 101, 102, 108, 113, 390, 439
Курильские о-ва 630, 637
Курляндия 53
Кусавийе 139
Кусацу 368
Кутагеда 242
Кутарадж 550
Кутэй 243
Кучар 593
Кучарханам 261
Кхам (Сикан) 577–579
Кхануа 150
Кызылбашское гос-во 100, 106, 107
Кымгансан, горы 623
Кэсон 315, 324, 331, 332, 337, 611, 612
Кюиньон 517, 521
Кюсю, о-в 52, 365, 366, 627, 634
Кютахйя 77
Кятиф 74
Кяхта 602

Лагуат 437
Ла Гулетта 76
Ладакх 571
Лам см. Зянь
Ламбок 548
Лампунг (Суматра южная) 241, 537
Лангшон 303
Ландай, р. 136
Ландак 537
Ландак, р. 538
Ланка 13, 39, 52, 195; см. также Цейлон
Ланчжун 353
Ланьчжоу 350, 571, 600
Лар 108
Лахор 149, 156, 172, 173, 175, 190, 456, 466
Левант 377
Лепанто 76, 646
Лёссовое плато 344
Ливан 70, 78, 90, 98, 390, 394, 397–402
Ливия 422
Ливорно 429
Лигор см. Накхонсритхаммарат
Линга, арх. 232, 237, 244
Линьцин 286, 354, 605
Лион 640
Лиссабон 47, 197, 203, 471
Литан 577
Ловек 515
Ломбок 243, 244, 537, 548
Лондон 110, 173, 640
Лонтор, о-в 252
Лопбури 224
Лохгарх 456
Луизиана 56
Луристан 72, 108
Лусон, о-в 50, 60, 558
Лхаса 40, 571, 572, 574–579
Львов 87
Лютяобянь см. Ивовый палисад
Ляодун 274, 327, 329, 338, 590
Ляоси 338
Ляохэ 343

Маарра 396
Мавераннахр 101, 102, 112, 148, 448–450
Маврикий, о-в 55, 57
Магелланов пролив 54, 252
Магинданао 568
Магриб
Мадаг, оз. 172
Мадагаскар 44
Маджапахит 39, 43, 238, 240, 241, 249, 256, 529, 547, 549
Мадрас (совр. Сенней) 56, 57, 62, 166, 177, 178, 467, 468
Мадраспатнам 177
Мадрасское президентство 477
Мадрид 75
Мадура (Мадураи) 55, 65, 241, 242, 256, 532, 533, 535, 536, 548
Мазандеран (Мазендаран) 101, 103, 107, 108, 111, 117, 140, 440, 441
Майсур 16, 18, 19, 57
Макао (Аомынь) 50, 60, 62, 273, 288, 313, 584, 595, 645
Макассар см. Гова
Маку 103
Малабар 52
Малабарское побережье (берег) 52, 55, 112, 172, 177
Малайский архипелаг (Архипелаг) 50, 52, 55, 58, 59, 177, 208, 232, 234, 236, 238, 239, 242, 246, 250, 251, 253–255, 257, 258, 532, 534, 537–542, 545, 548–550; см. также Нусантара
Малайя 39, 52, 56, 57, 232, 234–237, 240, 251, 523, 527–531
Малакка 50–53, 55, 58, 60, 62, 63, 177, 208, 232, 234–237, 240, 243, 250, 254, 257, 523, 525, 529–531, 550, 559
Малаккский п-ов 50, 53, 63, 232, 240, 245, 255, 257, 529
Малаккский пролив 60, 234–236, 240, 241, 251, 253
Малаккский султанат 43, 60, 232, 240, 250
Малва 145, 147, 153, 155, 169, 464, 466
Малван 205
Малые Антильские о-ва 55

Малые Зондские о-ва 52, 244, 539
Мальта 73, 75, 76, 429
Мампава 538
Мангкунегаран 536
Манила 13, 60, 61, 556–559
Манипур 487
Маньчжурия 274, 338, 343, 356, 358, 574, 589, 590
Маратхское гос-во, держава, конфедерация 15, 16, 18, 463
Марвар 169, 457
Маргилан 124
Мардин 70, 395
Марли 384
Марокко 43
Марсель 429
Мартабан 208–210, 214, 482
Марткобская долина 114
Маскара 434
Маскат (Маскет) 74
Масулипатам 56, 173, 176–178
Матарам 63, 241, 242, 247, 248, 255–257, 532–536, 542, 546, 547
Матхура (Маттра) 466
Маханади, р. 177
Махараштра 18, 162, 169, 181, 455, 464
Мацмаэ 630
Маэ 178
Мевар 145, 147, 150, 163
Медан 550
Медея 434
Медина 67, 403–405
Меймен 148
Мейтхила 214
Мекка 41, 67, 138, 155, 156, 240, 242, 404, 405, 436, 528
Мекканский шерифат хашимитов 71
Меконг, р. 226, 310, 312, 514, 516, 520, 577
Мексика (Новая Испания) 12, 366, 405, 554, 556, 557, 562
Менам, р. 213, 223–225
Меншия 421
Мерв 100, 102, 104
Мергуи, г., гос-во 220, 225–227, 231
Месопотамия 24, 25, 81, 94
  Месопотамия Верхняя (Джазира) 28, 70, 82, 85
  Месопотамия Нижняя (Ирак) 72
Мешхед 107, 111, 112, 122, 124, 139–141, 443
Мианкаль 123
Мидлбург 53
Микава (совр. префектура Айти) 364–367, 369
Микены 24
Мин, империя 260, 268, 274, 278–281, 284, 290, 295, 296, 298, 300, 338, 344–346, 348–352, 360, 361, 556, 566, 573, 574
Минахаса, п-ов 255
Минданао, о-ва 43, 50, 245, 558, 559
Миндоро, о-в 50
Минобэ, гора 364
Митака, гора 364
Митиджа 434
Митхо 310, 520
Могаун 215, 487
Моголистан 259, 261
Могольская империя, держава, гос-во, ханство см. Великих Моголов империя
Мозамбик 43
Мокка (Моха) 179
Молдавия 98; см. также Бессарабия
Молукки (Молуккские о-ва) 47, 50, 54, 55, 60, 177, 235, 242–245, 250–254, 538–542
Молуккское море 243
Момбаса 43
Монголия 7, 40, 330, 362, 564, 566, 567, 569–576, 579, 580, 588
  Внутренняя 564
  Северная (Халха, Халха-Монголия) 362, 564, 566, 567, 575, 576, 578, 584, 587, 591
  Южная 564, 566, 574, 575
Монголов, империя 15, 572
Моне 215
Монъюа 212
Морея 97
Москва 72, 105, 108, 116, 179, 451, 587
Московское гос-во (Московская Русь) 43, 94, 362, 451
Мостаганем 75
Мосул 70, 103, 392, 395
Моулмейн 209, 210, 214
Мохач 44, 74, 105
Мохньин 206
Мрохаун 209, 210, 217
Му, р. 479
Муганская степь 143, 442
Мукден 575, 606
Мултан 131, 139, 175, 463
Мургаб 139
Муршидабад 461
Мусон, о-в 558
Муцу 370
Мыонгтхань 512
Мьедé 211
Мьинбу 210
Мьинджан 210
Мьочи см. Дваявади
Мьянма см. Бирма
Мьяунмья, р. 209, 482

Наблус 399
Набха 463
Нагано 364
Нагасаки 60, 365, 370, 628, 629
Нагоя 367, 370, 628
Нагпур 464
Нагчу 576
Наджаф 113
Назарет 399
Накамура 369
Накхоннайок 224
Накхонратчасима 225
Накхонситхаммарат (Лигор) 220, 225
Намкуан 303
Намха см. Дангчонг
Намхан, креп. 329, 330
Намхэдо, о-в 325
Намцо (Тенгри-Нур), оз. 574
Нан 487
Нангархар 131, 135
Нанинг 236
Нанкин 273, 282, 283, 286, 344–346, 351, 353, 354, 594
Наньао, о-в 350
Наньчан 351, 352
Нара 365, 370
Нарнол 168
Наталь 537
Нахичеванский край 443
Нахичевань 113
Нахр-и Фаис 172
Нгеан 304, 307, 308, 311, 496, 498, 501–504, 506, 510, 520
Нгоклау 510
Неаполь 429
Негапатам 176, 471
Негомбо 469, 473
Негри-Сембилан 528
Неджд 72, 98, 390, 403, 405
Непал 39, 579, 602
Нерчинск 362
Нидерландская Индия 236, 254
Нидерланды (Голландия, республика Соединенных Провинций 13, 20, 44, 47, 50, 53–59, 63–64, 75, 97, 176, 205, 217, 222, 228, 230, 251, 252, 313, 384, 429, 469, 471, 473, 525, 539, 541, 544, 545, 546, 552, 557, 583, 584
Нидерланды Испанские 47
Нижний Новгород 179
Нил 408–410, 420
Нинбо 273, 583
Нингута 590
Нишапур 122, 124
Новая Гвинея 43, 243, 539
Новая Джульфа 110, 115, 116, 439
Новая Испания см.Мексика
Новые Нидерланды 55, 63
Норвегия 429
Норянджин, бухта 328
Норянджин, порт 325
Нубия 71, 419, 420
Нусантара 50–53, 55, 59, 64, 232,

250, 251, 255, 523, 525, 534, 546, 548; см. также Малайский архипелаг
Нью-Йорк 63
Ньюфаундленд 54
Ньятле, р. 306–309
Ньяунджан 482
Нэипхо, порт 323
Нэйгэ 601

Оба 142
Овари 367, 369
Ойратское ханство 574, 576, 591
Окаяма 628, 636
Окэхадзама 367
Оман 390, 405
Оми 363
Оминато 370
Опорто 47
Оран 75, 434, 437
Ордос 273, 564, 573
Оренбург 451, 452
Орисса 145, 156, 157, 177, 461
Ормуз 50, 55, 74
Ормуз, о-в 105, 114
Осака 365, 368, 370, 372, 624, 628, 632, 633
Осима, п-ов 630
Османская империя 11, 13, 14, 16, 17, 27, 28, 41, 47, 57, 59, 62, 67, 72–79, 81, 82, 84–87, 89, 91, 94, 95, 97, 99, 102–104, 108, 112–115, 117, 375, 380, 381, 383, 384, 386, 387, 395, 407, 416, 417, 425, 434, 446, 639, 640, 646, 652
Оцу 368

Паган, гос-во 478
Паган, г. 206, 210, 212
Паданг 575
Падри, гос-во 245
Пакистан 135
Палаван, о-в 50, 558
Палембанг 242, 253, 258, 537, 548
Палестина 70, 376, 397, 399–401, 403, 418, 650
Панджаб (Пенджаб) 16, 57, 134, 147, 149, 151, 153, 155, 156, 161–163, 166, 169, 170, 455, 457, 462, 463, 465–467
Паджанг 241, 242
Панипат 44, 131, 149–151, 155, 462, 466
Париж 594, 640
Паропамиз 142
Парос, о-в 418
Пасей 53, 257, 530
Патиала 463
Патна 173, 176, 177
Паттани 237, 489
Паханг 232, 234–237, 526, 531
Пеам (совр. Хатиен) 515
Пегу, г. 214, 215, 218, 219, 478, 484, 488
Пегу, гос-во 62, 208–211, 213, 226, 240
Пекин (Даду, Ханбалык) 273, 274, 277, 282, 286, 296, 298, 299, 332, 338, 340, 341, 343, 345, 346, 348, 350, 351, 353, 357–359, 361, 493, 572, 574–577, 579, 581, 584, 587, 589, 591, 592, 594, 597–599, 601–603, 605–607, 617
Пенджаб см. Панджаб
Перак (Диндинг) 232, 234–236, 523, 526, 530, 531
Перак (Диндинг), о-в 525
Перлис, р. 234
Персидский залив 50, 74, 105, 110, 405, 444, 646
Персия см. Иран
Петбури 224
Петербург см. Санкт-Петербург
Пешавар 136, 137, 465
Пешаварская долина 133, 136
Пинанг (Пуло-Пинанг), о-в 57, 235, 525, 559
Пинлун 608
Питсанулок 224–226, 489
Плесси 468, 639
Пномпень 520, 521
Поволжье 41, 72, 588
Подолия 97
Полкский пролив 471
Польша 73, 94, 96, 97, 112
Пондишери (совр. Путтуччери) 56, 57, 178, 467, 468
Понтианак 538
Порта 44, 71, 73, 75, 96–98, 379–382, 385–387, 390, 392, 395, 399–402, 405, 410, 416, 418, 419, 421–426, 432, 433, 438
Порто-Ново 176
Португалия 46, 47, 50, 53–55, 65, 67, 73, 87, 97, 195, 199, 202, 217, 220, 234, 250, 251, 313, 438, 469, 471, 473, 539, 552, 557, 583
Потала, дворец 576
Прамбанан 241
Превез 73
Приамурье 362
Прианган 542
Приволжье см. Поволжье
Притяньшанье см. Тянь-Шань
Причерноморье 98
Провидение, креп. 356
Пром 206, 210, 211, 214, 217, 224, 482
Пруссия 385, 545
Пряностей, о-ва 47, 50, 60, 177, 250
Пукет, о-в 489
Пуликат 56, 176, 177
Пуло-Пинанг см. Пинанг
Пуна 170, 464
Пурандхар 170
Пурана-кила, креп. 154
Пусан 323–326, 332
Путталам 199, 476
Пхеньян 315, 324, 326, 329, 337, 615, 616
Пхёнан 329, 612
Пэнху, о-ва 361

Рави, р. 163, 457
Раджастхан 162, 172, 457, 466
Раджпутана 147, 153, 155, 163; см. также Раджастхан
Раза, р. 172
Райагам 195
Рантхамбхор 155
Раяласима 19
Риау, архипелаг 53, 232, 237, 244, 251, 258, 523, 525, 530, 545, 550
Риау-Линга, архипелаг 525
Риданийя 71
Рим 90, 394, 398
Родос, о-в 73, 75
Розетта 419
Россия 28, 40, 72, 87, 93, 94, 96, 97, 105, 106, 111–118, 129, 179, 274, 362, 385–387, 400, 401, 405, 418, 421, 438–442, 444–446, 451, 452, 567, 568, 584, 587, 588, 592, 595, 602, 630, 638, 640, 653
Роттердам 53
Рохилкханд 461
Рохтас 151
Руан 640
Рум 78, 101
Румелия (Румели) 77, 79, 82, 84, 88, 95, 97, 405
Рун, о-в 252
Рюкю, о-в 636

Сабах 529
Сабзавар124
Сабрата 421
Сав 108
Савойя 76
Сагайн 487, 488
Сагу 211
Сайд 397
Сайда 70, 398, 400–402
Сайдский эйалет 401
Сакаи 21, 365, 369, 372, 628, 630
Салé 482
Салин 482
Салоники 378
Самана, гос-во 245
Самара 451
Самария 399
Самарканд 120, 122–124, 127–129, 148, 447, 448, 450, 452, 453

Самбас 529
Самбхал 156
Сан-Томе 176
Сандангдувур 258
Сандвип 61
Сандовей 210
Санкт-Петербург 118, 386, 440, 587, 588, 602
Саравак 259
Сари 111
Сарыкол 264
Сатара 397, 463
Сафед 397, 399
Сахалин 630
Сахара 426
Сахаранпур 189
Сахель 421, 427
Сацума 636
Св. Георга, форт 177
Св. Давида, форт 468
Священная Римская империя 74, 75, 112
Северо-Китайская равнина 343–344
Селангор 245, 523, 525
Сельджукидов, империя, гос-во 14
Серам, море 243
Серам, о-в 243, 254
Сери-Пул 148
Сеул 315, 318, 321–324, 326, 327, 329–333, 337, 610–612, 615, 616, 623
Сеута 47, 50
Сефевидов, гос-во 41, 44, 67, 68, 99, 102, 103, 105, 107, 109, 110, 112, 116, 117, 137–140, 375, 396, 442
Сиак 237
Сиам 13, 19, 50, 53, 55, 62, 212, 214, 216, 224–226, 228–232, 236, 288, 314, 372, 478, 485, 487, 489, 491, 493, 495, 515, 523, 598, 652; см. также Аютия
Сиамское гос-во 225, 226
Сиамский залив 55, 208
Сиань 277, 344, 350, 351
Сибирское ханство 40
Сибирь 32, 46, 451, 452
Сивас 77, 91
Сига 363, 366
Сидзуока 364, 367
Сиенкуанг 510, 512
Сикан см. Кхам
Сикоку 624
Симабара 627
Сингапур 56, 232, 288, 559
Синд 153, 157, 175, 465, 466, 646
Синин 577
Синьцзян 179, 593
Сириам см. Танхлин
Сирийская пустыня (Бадийят аш-Шам) 392
Сирия (Шам) 70, 71, 82, 89, 90, 92, 98, 100, 101, 376, 378, 390, 392, 396–398, 400, 402, 403, 406, 416, 430, 645, 647, 650
Си Ся (Западное Ся) 571
Сирхинд 456, 466
Систан 131, 143
Ситавака 195, 197–201
Ситаун, р. 208, 211, 212
Сичун 345
Славония 97
Сокотра, о-в 47, 50
Сонгай 43
Сопенг 243, 550
Софала 44
Средиземное море 44, 47, 73, 94, 105, 387, 399, 400, 438
Средиземноморье 44, 431
Срединное гос-во, царство 34, 565, 596, 599; см. также Китай
Стамбул 41, 67, 68, 71, 74, 75, 86, 87, 89, 92–94, 103, 105, 113, 379, 380, 385–387, 394, 397, 401, 410, 411, 425, 426, 431, 438, 440
Сувон 623
Сукадана 242, 537
Сукотаи 39, 212, 224
Сула, о-в 243, 558, 559
Сулавеси 43, 55, 242, 243, 245, 254, 255, 532, 538, 548
Сулу 43, 245, 529, 530
Суматра 43, 52, 53, 55, 56, 58, 63, 208, 232, 234, 236, 239–242, 245, 251–254, 257, 258, 523, 528–530, 537, 545, 546, 550
Суматра южная см. Лампунг
Сун, империя 647
Сунда Калапу 252
Сунженский городок 115
Суномата, р. 369
Сунцзян 279, 282, 283, 346, 354, 594
Суп 157
Супанбури 224
Сур 399, 402
Сурабая 241, 242, 252, 256
Сураджгарх 151
Суракарта 248, 535, 536, 542, 546, 547, 549
Сурат 55, 56, 170, 173, 176–180, 183, 467
Суруга 367
Сухум 72
Сучжоу 261, 276, 279, 282–285, 354, 594
Суэц, Суэцкий канал 74, 646
Схенви 215
Сыминь, горы 350
Сычуань 277, 341, 344, 345, 350–354, 358, 576, 577, 579, 581, 587, 591, 594, 604, 607, 608
Сычуаньская котловина см. Красный бассейн
Сычуаньская равнина 571
Сьерра-Леоне 55
Сэкигахара 372
Сюньхуа 600
Сямэнь 354, 356, 357, 359
Сянтань 351
Сяньсягуань, ущелье 348
Сяоцзиньчуань 591, 607

Табасаран 100
Тави-Тави, о-в 558
Тавой 208, 214, 215, 227, 482
Таемьо 206, 211
Таджикистан 120
Таджмахал 193
Таиланд 313; см. также Аютия, Сиам
Тайбак 510
Тайвань (Формоза) 274, 338, 356, 360–362, 585, 606, 607
Тайваньфу (Тайнань) 585, 606
Тайхан, горы 341
Тайху, оз. 350, 354
Тайюань, г. 350
Так 495
Таката 628
Талыш 100
Тамдао 508
Тамилнад 181
Тамфонглаунг 520
Танджур, кн-во 18, 200
Танимбар, о-в 539
Таннете 550
Танту 90
Танхлин (Сириам) 61, 214, 215, 217
Тапанули 537
Тара 148, 451
Тарбагатай 566, 592
Таунгу, г. 482
Таунгу, гос-во 206, 208–211, 214, 215, 218, 220, 224–226, 478, 483, 485, 487, 488
Ташкент 120, 123, 124, 129, 148, 447
Тбилиси 113, 440, 445
Тебриз 70, 72, 101, 103–107, 110, 111, 116, 118, 396
Тегалванги 256
Тегеран 118, 440, 444, 445
Телинчэн 565
Тенассерим 208, 211, 213–215, 220, 226, 489
Тенгри-Нур, оз. см. Намцо
Тенес 437
Термез 448
Тернате, о-в 50, 53, 60, 243, 251, 255
Тзанглаунг 505
Тибет 7, 39, 40, 261
Тибетское гос-во 261, 266, 567, 568, 571–580, 584, 588, 591, 595, 602
Тиверия 399

Тидоре, о-в 50, 53, 60, 243, 250, 253, 255
Тимор 52, 546
Тимор Восточный 50, 51, 255
Тимуридское гос-во 122
Тирах 135
Тиручирапалли 462
Титтери 434
Тихий океан 40, 46, 50, 55, 175, 362, 365, 557
Тлемсен 431, 434, 436
Тобол 148
Тобольск 451
Токат 68, 70
Тоннэ 324
Тораджа 538
Тотоми 367
Трансильвания 74, 90, 97, 384
Тренгану 523, 525, 528
Трех Пагод, перевал 224
Тринкомали 199, 201, 469, 476
Триполи, г. 70, 75, 90, 392, 396, 398–400, 402, 421–424, 427
Триполи Западный (Тарабулюс аль-Гарб) 75, 90, 98, 420, 421
Триполитания 420, 424, 425
Трипура 487
Трунаджаи 256, 533
Тувайк, горы 405
Туиенкуанг 509
Тулон 75
Тулуза 640
Туманган, р. 321, 323, 332
Тун 464
Тунгуань 341, 344
Тунжэнь 608
Тунис 75, 76, 90, 98, 422–430, 435, 437
Тунис, г. 427
Тунчэн 597
Туркестан 447
Туркестан Восточный 259–267, 567, 571, 578–580, 592
Турфан 259, 260, 262–264, 266, 267
Турфанский удел 267
Турфанский оазис 259
Турфанское кн-во 259
Турхал 70
Турция 72, 101, 103, 108, 109, 140, 179, 213, 240, 375, 390, 401, 439–441, 443, 444, 645, 653
Тус 104
Тутикорин 176
Тхайнгуен 305, 504, 509
Тханглаунг (Донгдо, Донгкинь, Киньдо, Киньтхань, совр. Ханой) 303, 304, 306, 308, 312, 313, 505, 513, 516, 599
Тханглонг 312
Тхангхоа 307
Тхань-Нге 308
Тхань-Тханглаунг 302
Тханьха 312
Тханьхоа 22, 302–304, 311, 496, 501, 502, 504, 506, 509–510
Тхатта 173, 175
Тхуанан 303
Тхуанкуанг 305, 307, 312
Тхуанхоа 305, 308, 521
Тырново 90
Тэдонган, р. 324
Тямпа 310
Тянь-Шань 259

Ударата 198, 199
Удонг 515, 518
Узбекистан 120
Уйгурский каганат 571
Украина 72, 94, 97, 416
Урал 120
Ура-Тюбе 129
Ургенч 148
Урмия, оз. 70
Урумчи 592
Урфа 70
Уси, г. 275
Утайшань, гора 299
Уттар-Прадеш 147
Уху 346, 594
Уцзян 282
Учан 344, 594
Уш (Уч), оазис 261

Фараб 148
Фарах 139–142
Фарс 101, 103, 107, 108, 115, 140
Фатехпур-Сикри 157, 160, 173, 192
Феззан 420, 421
Фергана 131, 148, 259, 261, 449
Феррахабад 117
Филиппины (Филиппинский архипелаг) 7, 43, 47, 50–52, 59-60, 64, 274, 288, 289, 366, 372, 529, 530, 539, 552–563
Фландрия 29, 46, 174
Флорес 52
Флорида 558
Фонтенбло 384
Формоза, о-в см. Тайвань
Фошань 594
Фошаньчжэнь 283
Фохиен 312, 313
Франгистан 646
Франция 20, 29, 56–58, 61, 65, 75, 86, 105, 231, 313, 385–387, 398, 417, 429, 437, 446, 468, 477, 545, 546, 583,640
Фудзи 364
Фуиен 520, 521
Фукен 493
Фукуок, о-в 515
Фукуока, г. 628
Фунг 43, 71
Фусуан 309, 311, 516, 522
Футхо 507
Фуцзянь 346–348, 350, 353, 354, 356, 358–361, 520, 585, 605, 606
Фуцянь, г. 600
Фучжоу 346, 348
Фэнтянь 356
Фэнцзин 283
Фэньхуан, горы 345

Хабеш 71, 91
Хабушан 465
Хадрамаут 71
Хайберский перевал 135, 137, 149
Хайдарабад 15, 455, 461–464, 466, 468
Хайзыонг 505, 507, 508
Хаката 365, 370, 628
Халеб 70, 90, 378, 392, 394, 396, 397, 414
Халка 267
Халха (Халха-Монголия) см. Монголия Северная
Хальмахера, о-в 243
Хамадан 101, 396
Хамамацу 370
Хамгён 612
Хами (Хамийский оазис) 568
Ханбалык см. Пекин
Хандеш 157
Ханой, 312, 599; см. также Тханглаунг
Ханчжоу 283, 284, 346, 594
Хань, р. 344
Ханькоу 594
Харима 632
Харихарпур 177
аль-Хаса 72, 90, 404, 405
Хасанидов, гос-во 390
Хатара Корале 199
Хатиен (Хэцзянь) 310, 515–517, 520, 521, 522
Хатиноэ 634
Хатинь 307
Хаттакское кн-во 136
Хауран 398
Хачова см. Керезтеш
Хванхэ 321, 322, 333
Хверён 332, 611
Хёго 368, 628, 632
Хива 448, 451, 452
Хигаси 374
Хиджаз 71, 98, 390, 404, 417
Хиндустан 149, 151
Хирано 369
Хиросима 364, 628
Хисар (совр. Гиссар) 123, 448
Хиэй, гора 368, 374
Хоайтяу 509, 510
Ходжент 124, 447, 448
Хойан 312, 313
Хоккайдо 630, 638
Холо 559

Хонсю, о-в 364–366, 370, 624, 630, 634, 636
Хоорн 53
Хорасан 101–103, 107, 112, 118, 122, 124, 140–143, 148, 165, 440–443, 445, 447
Хорезм 120, 122, 124, 148, 447
Хотан 261
Хоя 443
Хуайхэ 345
Хуанхэ, р. 344, 350, 362
Хубэй 22, 277, 344, 351, 352, 354, 358, 581, 604, 608
Хугли 164, 176, 177
Хугуан 345
Хузистан 101
Хунань 22, 277, 349, 351–353, 357, 358, 361, 581, 585, 590, 591, 608
Хуцань 608
Хучжоу 594
Хынгоа 509, 510
Хэбэй 276
Хэйлуннцзян 590
Хэнань 276, 277, 341, 581, 604, 606
Хэнчжоу 352
Хэцзянь см. Хатиен

Цейлон (Ланка, совр. Шри Ланка) 39, 52, 55, 58, 195, 197, 199–205, 469, 471–474, 477, 534
Цзинань 354
Цзиндэчжэнь 282, 284, 285, 354, 594
Цзинь, гос-во, ханство 338, 565, 574, 588
Цзиньмэнь, о-в 356, 357, 359
Цзюгун, горы 344
Цзюньцзичу 598, 601
Цзюцзянь 347
Цзядин 282, 347, 354
Цзяннань 347
Цзянси 347, 349, 351, 352, 357, 358, 361
Цзянсу 348, 356, 357, 581, 594
Цзянъинь 347, 354
Цзясин 282
Цин, империя (Цинская империя) 329, 330, 338, 340, 341, 346, 347, 349–351, 353, 355–359, 361, 362, 566–568, 574–578, 580, 583, 584, 587, 591, 592, 595–599, 602, 603, 607, 608
Цинхай (Амдо-Кукунор) 574, 588, 600
Циньлин 344
Цусима 323, 332, 372, 609, 636
Цюаньчжоу 349
Цюйфу 299

Чалдыран 70, 103, 108
Чалыш (Карашар) 259, 260, 262
Чандернагор (совр. Чандранагар) 56, 178
Чаннинь 496, 519
Чанша 349, 351
Чанъянь 571
Чаул 176
Чаусхе 208, 479
Чахар 566
Чахар (Чахарское ханство) 564
Черное море 72, 387
Чехия 44, 74
Чжанчжоу 288
Чжаоцин 348
Чжецзянь 596, 604
Чжили 341, 343, 581, 606
Чжоу, империя 359, 360
Чжуцзунь 283
Чжэндин 341
Чжэнов, гос-во 360, 361
Чжэньцзян 353
Чжэцзян 346–348, 350, 356–358, 360, 361, 520, 606
Чиенгмай, гос-во 212, 215, 223, 224, 226, 482, 487
Чиенгхонг 215
Чиксан 327
Чинджу, креп. 326, 337
Чиндуин 479, 487
Чинские горы 479
Чинсура 176
Чиребон 532, 536
Читор 153, 155
Читтагонг 176, 209, 217
Чолла 315, 321, 323, 325–327, 336, 615, 616
Чонбури 224
Чорум 91
Чосон 315
Чоухрсаад 109
Чунар 151
Чунцин 345
Чунчхон 315, 321, 327
Чыонгзык 309
Чэнду 277, 345

Шам см. Сирия
Шанское плато 479
Шанхай 282, 594
Шаньдун 276, 341, 350, 581, 605
Шаньси 276, 341, 344, 350, 351, 589
Шаньхайгуань, креп. 338, 340
Шаосин 346, 347
Шаочжоу 354
Шахризор 395
Шахрисябз 448
Швеция 53, 385, 429
Шейбанидов, гос-во 447
Шеки 104, 106
Шемаха 101
Шигацзе 574
Шираз 108, 111, 114, 118, 439, 444
Ширван 72, 99, 101, 103, 105, 108, 113, 116, 396, 440, 441
Ширванское ханство 443
Шисаньлинь 299
Шитанчжэнь 283
Шифэньбао 600, 601
Шоннам 505, 507, 509
Шонтай 498, 504, 507–509
Шоучжан 605
Шоучэн 605
Шри Ланка см. Ланка, Цейлон
Штирия 74
Шуньтянь 343
Шуэбо 212
Шэнцзэчжэн 286
Шэньси 279, 299, 344, 350, 351, 360, 584, 589, 604, 606
Шэньси-Ганьсу 276

Ыйджу 324, 332, 611

Эгейский архипелаг 400
Эдирне 77, 87
Эдо 20, 624, 628, 630, 633, 634, 637
Эльмина 55
Эль-Хаса см. аль-Хаса
Энкхюйзен 53
Эрзерум 70
Эрзинджан 70
Этидзэн 365
Эфиопия 240

Юань, империя 573, 574
Южные моря 11, 61, 232, 288
Юньнань 43, 349, 350, 352, 353, 357, 358, 360, 585, 587, 594, 598, 608
Юньнаньское нагорье 348

Ява 43, 52–55, 58, 62, 64, 232, 236, 238–249, 252–258, 469, 471, 532–537, 540–543, 546, 547–549
Ямасиро 364
Яматай 634
Янцзы, р. 273, 275, 292, 344–346, 349, 351–354, 357, 359, 361, 577, 594, 604
Янчжоу 345, 346, 354, 594
Япония 11–14, 16, 17, 19–22, 27, 35, 36, 39, 45, 50–53, 60, 61, 177, 227, 232, 248, 273, 287, 298, 313, 323, 326–328, 332, 334, 335, 363, 366, 367, 372, 540, 611, 622, 624, 630, 632–635, 637, 638, 648, 652
Японское море 365
Яркенд 259–261, 263, 265, 266, 593
Яунджве 215
Яффа 400
Яшиль-Куль, оз. 593

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ЭТНОНИМОВ

абанган 546
абваб 188
абдали 131, 133, 138–143, 443, 465
абди 528
абиссины 145
абхазы 411
аваризат 125
аватара 35, 36
авлад аль-араб 415
ага 411, 425, 432, 434
ага аль-араб 433
адалет-наме 89
аджеми оглан 84
аджир 181
Адзути дзидай 366
адигар (маханиламе) 474, 475
азабы 98, 408, 409
азербайджанцы 100, 101
азери 99
азиз аль-Миср 411
айяны см. аяны
актаглык 262
акче 81, 82, 87
алавиты 397
апача 128
албанцы 93, 96, 395, 402, 436
алжирцы 425, 427, 431, 435, 437, 438
алиран 546
альгуазин 427
алькальд 554
альмы 71
аман 401
аматья мандалая 474
амбань 577–579
амбонцы 250, 254
амидаизм 36
амиль 81, 95, 455
амин 153
амин аль-амбар 411
амир аль-Миср 411
амир аль-умара 102
амир аль-хадж 411
амир аль-хазина 411
амир аль-хаким 398
амун тунджон 333, 612
ана 480
анейза 392
Аннам дотхонг ши 305
Аннам дотхонг ши ти 304
ан-нас 83
андалусцы 427
арабы 46, 47, 87, 139, 241, 394, 396, 400, 402, 415, 420
араканцы 61, 206, 214, 215, 478, 479
арлаты 265
арматор 429
армяне 87, 108, 110, 113, 115, 440, 442
арпалык 84, 95
ар-рашидун 67
асигару 366
аскери 83, 396
аснаф 20, 21, 80, 83
асу 484
асьенда 51, 555, 556
асьендеро 51, 555
асьенто 57
асьям-и хилали 186
ати 479, 483, 485, 486
афганцы 116, 117, 131, 133, 134, 136–144, 147, 149–151, 153, 161, 167, 396, 439–441, 462, 465–467
афганцы-лохани 151
афридии 137, 167
афшар 100, 106, 140, 141, 440, 441, 443
аха 343
ахмуданы 479, 481–486, 488
ахмудата́ 483
ачехцы 235
ашраф-зат 181
ашрафи 451
ашуг 445
аяны (айяны) 95, 96, 377, 378, 380–382, 393, 402, 414, 421, 422, 424, 425

бабады 258, 542, 549
Баб-и Али («Порта») 96
бабури 138
бадды 475
баджра 172, 458
базари см. мардум-и базари
баис 459
бай 295
байи 295
байин 216, 478, 482, 483, 488
байлянь 361
баккал 462
бакуфу 364
бакухан 368, 625
бакшиш 433
бали-ага 249
балийцы 63, 244
бан 286, 293, 594
бангсала 551
бандаи хальса 463
банджар 159, 249, 250
бантенцы 253
банья 183
бао цзюань 298
баоцзя 355, 587, 590
барангай 554, 555
барат 111
барласы 149, 265
баррио 554–557
бат 229
батаки 537
бахтияры 108
баци чжуан 343
баш дефтердар 79, 381, 383
башибузук 402
башийа 427
баш кятиб 426
башодабаш 408
бегар 189
беглербег 138
бегляр-бекство 109
бедуин 70, 404, 408, 413, 416
бей 83, 85, 88, 91, 95, 411, 416, 422, 424, 425, 427, 428, 434
бей аль-махалла 42
бейлербей 78, 79, 91, 96, 380, 421, 422, 425, 433, 434
бейлик см. санджак
бек 102, 443, 592, 593
бекель 248
белуджи 139, 441
бенгкок 248
бендахара 237, 526
бендахари 526
берат 80, 81
бид'а (мн. ч. бидат) 160, 394
бий 265, 266
бирманцы 206, 208–214, 226, 478, 479, 598
бинь ан выонг 305
бо 501, 517
богдохан 355, 356, 575, 578, 581, 588, 589, 593, 601–603
богомилы 73
бодхисаттва 35, 40
бой тунга 496
бонодори 373
борчалу 114
брахман 154, 160, 162, 181
бохра 183
буги 63, 245, 255, 256, 523, 525, 538
буддизм 35, 38–40, 206, 212, 227, 230, 231, 239, 313, 318, 321, 472, 478, 480, 569, 570, 572, 574, 635, 636, 638; см. также ваджраяна, махаяна, хинаяна, тхеравада
бун 489
бупати 247, 248
буракумин 629
буряты 40
бусидо 35
бушаншу 588
буютат 186
бхагдари 19
бхакти 160–162, 169, 170, 192
бханг 166
бхед-баррар 19

бьават 223
бьедай 481
бэйлэ 344, 345
бэйцзы 577, 579
бюргер 20, 471, 472

ваджраяна 39
ваджх 150
вазир (везир, диван) 28, 79, 88–90, 93, 96, 97, 104, 112, 165, 185, 381, 383–385, 388, 395, 460, 461, 463, 466
вазиры 134, 457
вазифа-йе анма 188
вайфань 578
вайшьи 183
вакф (вакуф) 71, 82, 95, 96, 110, 125, 126, 393, 435
вали 79, 410, 443
ван 222, 305, 317, 318, 320, 322, 324, 329, 330, 333–335, 341, 357, 525, 526, 578, 579, 612, 614–618, 621
ванни 475
варна 37, 183
ватан 460
ватандар 18, 187
вату 223
ваххабизм 404, 405
ваххабиты 395, 403–406
ваянг 547, 548
ваянг орган 548
веданта 36, 37
веды 36
везир см. вазир
векиль 102, 104, 112, 444
велама 181
веллала 181
веш 136
видане 475
висапади 19
висита 555
вихарагам 203
вонг чилик см. тиянг алит
вундау 481
вунджи 481
вьюиг 305, 309, 516, 517
вьетнамцы 310, 313, 511, 513, 514, 516
вэнь 289, 290
вэньцзы юй 583

гавэ аджи 248
гавэ деса 248
газават 427, 429; см. также джихад
газель 118, 192
гази 68, 70, 73, 76, 83, 85, 95, 101, 430
гайдук 89
гакхары 154
галаха 79
гамаралы 475
гаошань 361, 606
гахам-баши 78
гебры см. зороастрийцы
гигиани 149
гильзаи 131, 133, 138, 140, 141, 143, 439, 440, 442
гилянцы 112
гисэн 634
губернадорсильо 554
го-ван см. куок выонг
гоё сёнин 363
гоигама, каста 472
господари 90
гоши 572, 573
греки 87, 400
грузины 99, 107–109, 112–115, 411
грэм 172
гуанзан 595
гуан чжуан 344
гуань 279
гуаньшань 584
гуджаратцы 237
гузар 450
гулям 108, 109, 114, 117, 441
гун 581
гун (князь) 319, 355
гунсо 594
гунхан 61, 584, 595
гуркхи 579, 580, 602
гурмата 463
гуру 162, 169, 192, 455, 462, 463
гэлао 295
гэлукпа (Желтая церковь) 39, 40, 573, 574
гяур 398

дабаофа ван 572
даира 431
дайкан 631
даймё 35, 363, 626
дал 172
далай-лама (далай-лама вадгирадхара) 40, 573–577, 579
лаллал 184
дамады 85, 88, 384
дань 278
даосизм 298, 313
даосы 268
дар аль-ислам 42, 43, 167, 390
дар аль-харб 42, 167
даруга 110
дар-уль-мульк см. суба-и мульк
дастак 461, 467
дасюэши 268, 588, 601
дато 526
дафтар 190
дахир (ираде) 433
даэрах (джаджахан) 526
даюаньшуай 606
даяки (суши) 529
девалагам 203
девширме 84, 85, 88, 90, 92
дей 90, 421, 423–425, 432, 434, 436
делии 85, 392, 397, 411
дербеи 380, 382, 390
деркауа 437
деса 248, 249
десрида (диба) 575
дефтер 80
дефтердар 79, 80, 89, 395, 411
джаванан-е-лазги 444
джагат сетх 461
джагатаи 149, 150
джагир 14, 136, 150, 151, 158, 159, 163, 165, 166, 185–187, 457, 460–462, 465
джагирдар 15, 17, 158, 163, 165, 166, 185–189, 455, 459, 460, 463, 465
джаджахан см. даэрах
джаджмани 182
джайны 37, 160, 180, 183, 184
джама 458, 459
джариб 153, 189
джарибана 153
джасак 568, 569
джасакство 568, 569
джат 168, 169, 181, 456, 464, 466
джат-хальса 462
джеззар 401
джелаиры 149
джелалии 113
джеляли 70, 91
джемаа (джемаат) 80, 434
джемшиды 141,
джизья (джизье) 78, 81, 156, 160, 167, 168, 189, 419
джирга 134
джихад 42, 76, 100, 401, 405, 417; см. также газават
джовар 172, 458
джунгары 588
джунди 411
дза 20, 363, 368, 371, 628
дзинсэй 636
дзинуси 16
дзэн-буддизм 36
дивали 167
диван (совет войсковой, большой, малый) 77, 79, 410, 411, 422, 424, 432–434
диван (министр) 460–462; см. также вазир
дивани 108
диван-и ам 156
диван-и хумайюн 77
диванэфендиси 395
дидин 582
динай 390
динар 128, 129
дин-и-иллахи 161
дуншуй 581, 582
дирхем 167, 168

дисава 475
дисавани 475
дишуй 581, 582
донцы 116
дотаку 633
доулет-е кызылбаши 100
друзы 79, 397–399
дугламы 265
думбули 443
дунгане 600, 601
дунчан 269
дурава 472
дурбар 139, 142
дхамма 480
дхаммаяза 480
дхарма 37, 222
дхенкли 171
дхеры 181
дэрбэты 564
дянь-пу 292

евреи 79, 87, 402, 414, 431, 434, 436
египтяне 401, 407, 408

заим 15, 82, 95
закят 167
заминдар 15, 16, 168, 187, 455, 457–459, 461, 463
заминдари 18, 459
зат 158, 159
зеамет 14, 82, 91
зейдит 390
зиммии 83
зинь 516, 517
злидж 431
змала 431
зороастрийцы (гебры) 110, 160
зуавы 431
зулкадар 100, 106

ибаны 529
иджара 459, 461, 462
иджарадар 181, 457, 461, 462, 465
иезуиты 160, 231, 274, 362, 583
икко икки 365
иклим 412
икта 14, 71, 125, 158, 187, 414
икэбана 373
ильмийа 393
ильтизам 95, 376, 414
илят 116, 143
имам 188, 240, 244, 406, 425, 528
имамат 66, 390
имджин 324
инам 188
индиго 172
индонезийцы 63, 239
индийцы 193, 202
индузим 36–38, 134, 159–162, 167, 168, 180, 181, 190, 191, 239, 243, 249, 472, 487, 491
индусы 37, 38, 42, 111, 153, 154, 157, 158, 160, 161, 163, 165, 167, 169, 181, 183, 185, 187, 189, 192, 455, 461, 463
инь пяо 288
иоанниты 73
ираде см. дахир
иракцы 396
ирани-турани 457
иранцы 100, 102, 107
ислам (мусульманство) 40–44, 52, 66, 70, 71, 73, 84, 97, 104, 109, 115, 134, 153, 159–161, 167, 181, 185, 238–241, 243, 250, 251, 256, 258, 262, 380, 384, 390, 394, 397, 401, 403, 404, 406, 407, 411, 421, 423, 430, 433, 434, 461, 528–530, 531, 546, 549, 550, 600, 639, 646
исмаилизм 168
исхакия 262
итяобянь 281
иудаизм 40, 413
иудаисты 73, 160
ихван 437
ихраджат 125
ишкия 264
ишраки 157

йеменитy 398
йерлийя 397
йолдаш 408, 410, 432
йомуды 143

каба (чарита) 548
кабеса 554, 555
кабесера 555
кабилы 436
кабтан 411
кабу 628
Кабуки 633
кабулият 153
каван 528
каган см. хакан
кагульцы 143
каджар (каджары) 100, 113, 444–446
кади аль-кудат (кази уль-куззат) 79, 185, 432
кадий (кади, кази) 79, 80, 82, 83, 86, 94, 125, 392, 395, 403, 421, 422, 432, 645
кадирийа 437
каза 79
казаки 116
казах 112, 114, 259, 261, 264, 447, 592
кази см. кадий
казиаскер 79, 410
кази уль-куззат см. кади аль-кудат
каид 421, 427, 434
каймакам 410, 417
кайситы 398
какары 133, 138
калам 411
каламийа 393
калантар 110, 138, 439
калахом 221
калиюга 549
калмыки 40, 262, 447, 568
камигё 368
каммон 371
каммонсэй 368
кампонг (кампунг) 550
канай когё 632
кандийцы 198, 199, 201
каоцзюй 597
каппа 484
капудан-паша 381
капы-кахья 395
капыкулу 84, 85, 88–90, 92, 93, 95, 381
карава 204, 472
каранмы 78
каракалпаки 447
кара кошун 441
карандаха 126
каратаглык 262
карены 484
каркун 153
карма 37, 39, 480
Кармапа, ламаистская община 573, 574
кархане 111, 174, 186, 191, 193
касаба 173, 190
касик 52, 554, 555, 556, 560, 561
каста 37, 38, 180, 181, 193, 194, 204, 455, 457, 462, 473, 476
касымийа 98, 408
касыда 101
касымиты 408–410
катанагари норэй 370
катти 225
католикос 442
каури 220, 492
кафир 475
кахья см. кяхья
качваха 181
ке 20
кетхода (кедхода) 411, 442
кё масу 368, 371
кёль 315, 319, 322, 328, 331, 612, 613
кёшк 384
киргиз 261, 264, 265
киртан-шабад 162
кисман арабийя 83
кисма аскарийя 83
китайцы 33, 34, 46, 237, 274, 287, 295, 297, 341, 343, 345–347, 349, 356, 358, 359, 361, 493, 495, 500, 511, 514, 534, 535, 543, 556, 577, 581, 582, 585, 586, 589, 595, 598, 600, 629
клан 96, 224, 450, 486, 487

клефты 89
клон 494
клон кап ронг 494
ко см. си, но, сё
кобуксон 325
коку 370
кокудака 368
кокудзин 365
коли 171
колон 577, 579
кон 494
конг тхюе 307
конфуцианство 32–34, 36, 313, 335, 341, 586, 620, 622, 635, 637
копра 172
копты 78, 79, 410,414, 417
корале 475
корейцы 273, 324, 325, 334, 372, 623, 635
корцинь 564
котвал 184, 185
коу 590
кохонг 584
кратон 241, 247, 257, 547, 550, 551
креол 561
кром 221, 222, 229, 489
крор 186
крыангйот 223
куан куок 308
кубба 405
кудат аль-касабат 79
кудат ан-навахи 79
кукурия 190
кули 540
куллар-агаси 117
кулугли 420–422, 424, 430, 436
кун 226, 489
кунбанджон 612
кунби 181
кунбанджон 333
кунианг 489, 491
кунпхо 320
куок выонг (го-ван) 304, 305, 510, 517
куок нгы 314
курды 108
курканы 465
курултай 442
курурий 158
куруши 378
курчи 109
курчи-баши 109, 114
куттаб 393
кхатрии 456, 462
кхмеры 310
кызылбаши 67, 69, 100–108, 110, 113, 114, 445, 446
кын мыанг 222
кэнти 16, 370
кяхья (кахья) 395, 422
кяшиф 401, 412, 416
лакон 494
лакх 150, 179, 186
ламаизм 39, 40, 43, 572, 573, 575
ламайн 484
ланг 222, 512
лао 213, 215
лева 168
левенды 85, 392
леверенсии 541
лезгины 444
лезма 435
лекам 475
леле 107
летийон 480
ли 281, 318, 322, 333
ли, народность 587
лива см. санджак
лисюэ 583
лифаньюань 569, 579, 587
лицзя 355
лоло 295
лоо 212
лохани 151
лунггух 248
луры 108
любу 345
люгат ахль Миср 415
люйин 349
люйцибин 349
ляле деври 384, 385
лян 270, 271, 279, 281, 288, 289, 607

маауин 427
мабики 631
мавры (моро) 50, 202, 431, 558, 559
магометане 183
магхи 166
мадад-и мааш 188, 458, 459
мадад-и хардж 188
мазхар 160
макассарцы 63
макка 172
мал см. харадж
малабарцы 197
малайцы 63, 240, 245, 527–529
малаяли 475
малик 133
малики 136, 181, 461
маликяне 376, 393, 414
мал-у-джихат см. харадж
мальхун 436
мамлакат 125
мамлакат-и падшахи 125
мамлакат-и султани 125
мамлюк 67, 70, 71, 90, 392, 395–397, 400–402, 407–416, 418–420, 639, 640
мангыт 449
мандарин 34, 228
мансаб 158, 163, 165, 187, 460
мансабдар 158, 167, 181, 185–187
мансабдари 158
мантри 526
манчанагара 247, 248
маньчжуры 40, 60, 277, 281, 329, 330,335, 338, 340, 341, 343–351, 353–362, 534, 566–569, 574, 577, 581, 582, 585, 588–590, 592, 593, 595, 598, 600, 603, 605, 607, 608
марабут 422, 437
маратхи 18, 57, 170, 171, 192, 455, 457, 462–464, 466, 467
марвари 461, 462
мардейкер 63
мардум-и базари (базари) 185
мардум-и шахр (шахри) 120, 185
марроканцы 394, 397–399, 402
марсийе 118
масанд 162, 169
маснави 192
массаи 243
мата-мата 528
матахай 221
маулид 415
махалла 110, 183, 190
махаллат 460
маханиламе см. адигар
махараджа 462
махараджадхираджа 579
махаяна 35, 38, 39
махди 70
махзен 427, 431
махкам 83
махсул см. харадж
медресе 126, 188, 393 396, 419, 452
меланау 529
мелик 439
меликство 444
метуалии 397, 400
мехманды 149
мечеть 390, 436, 452
милк см. мульк
милк-и халис 125
миллет 78, 79, 96
миллет-баши 78
милькдар 188
мимидзука 372
мин 483
минагкабау 236, 237, 245, 527, 528, 531
минбайин 488
мин-баши 109
минг 449
минджи 480–483
мино одори 627
минтаяджи 480
минь 279
мирасдар 16, 18, 181
мир-бахши 185, 457
мир-саман 185
мирза 156
мири 82

мирмиран 395
мисал 463
могол, соц. группа 18, 181, 259, 450
молла-баши 442
моманды 133–135, 137
момояна дзидай 369
монголы 40, 273, 295, 359, 564–574, 577, 581, 588, 589, 598, 600, 647
моны 206, 209–211, 213–216, 226, 478, 479, 484, 488
мориски 427, 430
моро см. мавры
моро-моро 562
моурави 113
мохазни 431
му 278, 279, 281, 292, 492, 601, 602
муафи 104
муджтахид 160
музаре 181
музари'ан 126
мукаддам 398
мукатаа 79, 80, 399, 414
мукатааджи 398, 402
муким 244
мулла 141, 394
мульк (милк, мулк) 125, 126, 187, 188, 459, 460
мультазим 15, 95, 376, 399
мулязим 104
мун 489
муннай 228
мурабитун 422
муршид-и камил 157
мусульмане 29, 37, 41–45, 50, 66, 67, 71, 77, 81, 82, 93, 145, 156, 160, 161, 166, 167, 169, 180, 187, 192, 238, 243, 244, 260, 350, 351, 380, 384, 385, 390, 400, 404, 410, 418, 419, 422, 425, 430, 432, 445, 558, 600
мусульманство см. ислам
мухаммадзаи 133–135
мухандирамы 475
мухтасиб 392
мушаварун 427
мыанг 221, 223, 224, 226, 228
мьо 216. 479, 482, 483, 485, 487
мьовун 483
мьоза 482, 483, 485
мьотуджи 216, 479, 483, 485, 487
мэнгуямынь 569
мэцукэ 628
мюрид 102, 262–264
мюридизм 437
мяо 295, 585, 587, 590, 591, 608

на 221, 222, 491
наваб (наиб) 15, 461, 468, 642
нагара 244, 247
нагара агунг 247, 248
нагараттар 21
нагарсетх 184, 185
назран 164
най 221, 223, 492, 493
накама 628
накди 185
накшбандийа 160, 266, 394
накшбандийа-ходжаган 262
нам тьен 310
нанг 494
нарва 19
насыры 138
нахия 78, 79
наякары 474
негри 525
несториане 78
низам 461, 462, 464, 466
низами-и джедид 387, 388
ниндзюцу 372
ниндзя 372
нирвана 480
нисф саад 408
нисф харам 408
но, сословие 371; см. также си, ко, сё
Но, театр 373
ноби 321, 324, 327, 613–616, 620
нубэй, нулу 294, 343
нукер 149, 187
нун 581
нунги 500, 511
Нэйге 268, 356, 588
нэйсинчан 268
нэнгу 626

обан 371
обо 569
огузы 100
оджаклык 78
ойраты 40, 259–262, 265, 266, 268, 564, 566–568, 576, 578, 588, 592, 602
ок-луанг 228
окиль (окир) 563
оккалига 181
оранг берхутанг 528
османизм 395, 397
османы 43, 66, 70–72, 75, 87, 95, 97, 99, 101–103, 105–108, 112, 113, 115, 378, 418, 440, 441, 445

падишах 88, 94, 135–137, 147, 155–157, 159, 160, 162–165, 167, 168, 170, 174, 177, 179, 180, 183, 185–187, 191, 390, 402, 410, 455, 457–460, 462, 464–466
падишах-и ислам 70
паду, каста 204
пайебай 218
палат кром 492
пали 212
панвар 181
пангеран 549
панджаби 192
панчаят 184
панчен-лама 574, 579
пара 413
паргана 150, 153, 158, 173, 460
парихара 181
парс 183
пасисир 247
пасьон 562
патан 181
патих 535
патта 153, 475
паша 90–92, 98, 381, 395–400, 402, 408, 410, 416, 421, 422, 424, 425, 432, 433
пенгулу 528
перкенир 540
персы (персияне) 109. 111, 139, 241, 440, 460
песантрены 239
пешва 463, 464, 466
пёнджак 321
пиастр 88
пир 102
пир-и зинд 166
пир-и роушан 134, 161
пицзя 343
поладж 159
пон 480
попользаи 133
«Порта» см. Баб-и Али
португальцы 45, 47, 50–55, 60, 62, 63, 87, 105, 114, 156, 164, 167, 176, 179, 194, 197–212, 214–216, 220, 221, 224, 225, 232, 234–237, 239–241, 250, 252, 255, 257, 273, 287, 366, 469, 471–473, 476, 530, 539
прай 221–223, 491, 492
прай луанг 220, 221, 223, 229, 491, 492, 494
прай сом 220, 221, 491. 492
прай суэй 229, 491
пракалахом 227, 228
пракланг 221, 227–229
пралая 549
прияи 248, 546
пу ди 489
пукхак 620–622
пура см. махалла
пу ран 228
пуштуны 457
пуэбло 554–556, 561
пхансори 623
пхиль 320
пхрайя 227
пэнминь 604

раб 413
раби 172

раден 255
радж 38
раджа 145, 155, 161, 169, 172, 177, 193, 195, 197, 237, 243, 244, 249, 464, 487, 523, 525–527, 548
раджакария 204, 473, 475
раджпуты 145, 150, 156, 164, 169, 170, 181, 187, 457
рай 489, 491
райат (реайя, раят, райя, райят) 16, 81, 83, 95, 99, 117, 379, 382, 527
райат-и пайикашт 181
раку ити 363
рат 475
ратералы 475
ратхоры 169, 181, 457
рахманийа 437
рачакун 224
рачасап 494
реал 87, 88
реайя см. райат
редди 181
реис 44, 421, 423, 424
реис аль-бахр 422
реис-эфенди 381
ресм-и чифт 81
ризка 71
рисале 93
ронин 370, 624
роушаниты 134–136, 161
рузнаме 79
румлу 100, 101, 106
рум миллети 78
рупия 136, 179, 184, 186
русские 208, 330, 396, 401, 445
рэнга 373

са 302
савар 158, 159
садозаи 133, 139
сайид (сейид) 82, 181, 393, 414, 457, 460, 464
сайид аль-гуззат 76
сакийя 171
сакоку 371, 629
сакти 549
сактина 19, 223, 489, 491
сакьяпа 572, 573
салагама 204, 472, 473
самаритяне 78
самсуми 328
самурай 35, 248, 366, 369, 371, 373, 625–629, 631–637
санад 188, 460
сангак см. санджакбей
сангха 481
санджак (бейлик, лива) 68, 70, 78–80, 401, 434
санджакбей (сангак) 79, 91, 96, 380, 412
санкинкотай 626
санкторум 557
сантеро 562
сантос 562
сантри 546
саньфань 353, 358–360, 362
саньхэ хуэй 361
сарбат хальса 169, 463
сардар (сердар) 143
сардоб 124, 129
сарим 322, 323
сариниджам 15
саркар 153, 173
сарраджи 85
сарраф 414, 417
сатнами 168
сатпантх 168
сатсади 221
сафи 137
сахиби 124
сахиб-и хана 190
сача падишах 162, 456
сейид см. сайид
секбаны 85
сераскиры 97
серат 258
сердар см. сардар
сесосдия 147
сефард 402
сё см. си, но, ко
сёгун (сюзерен) 60, 227, 363, 368, 373, 538, 572, 584, 628, 629, 631
сёгунат 12, 363, 365, 626, 633
сёэн 363, 366
си (но, ко, сё) 371, 627
сиамцы см. таи
сиджон 332, 610
сикё 212
сикх 16, 37, 162, 169, 192, 455–457, 462, 463, 466, 467
сикхизм 162, 169, 463
симин 371
сингалы 202, 472
сингх 169
синтобуддизм 36
синтоизм 35
синьета 483, 484
синьцзяо 600
сипай 62, 467
сипахи (спахии, спаги) 15, 17, 80–82, 84, 85, 88, 90–92, 95, 190, 376, 377, 381, 421, 425, 431
сипахсалар 112
сипахсалар-е кулли Иран 112, 114
сирийцы 400, 418
сирхак 335, 336, 610, 612, 619, 620, 622, 623
сисинь 586
ситке 485
ситтан 483
сичжон 20
собва 209, 485
совон 318
соффы 408, 427
союргал (суйургал) 14, 104, 125, 150, 188
спахии (спаги) см. сипахи
суба 153, 173, 185, 456, 457, 460, 461, 464
субадар 165, 166, 460–464
субадари 460
суба-и мульк (дар-уль-мульк) 460
субак 249, 250
субаши 79, 80
субашилык 79
суйургал см. союргал
суку 528
сукэго 626
сулаш 433
султан 28, 43, 60, 66, 67, 70, 73, 77–79, 83–85, 87–90, 93, 94, 96–99, 101–106, 114, 123, 130, 131, 145, 147–151, 156, 158, 163–165, 170, 176, 179, 187, 234, 235, 237, 240–242, 245–249, 253–255, 257, 261–263, 265, 375, 380, 384, 387, 388, 390, 401–403, 405, 408–410, 415–419, 422, 424, 425, 432, 437, 438, 440, 441, 446, 523, 525, 526–529, 536, 538
султанат 14, 41, 43, 53, 59, 60, 62, 63, 66, 70, 90, 147, 157, 164, 181, 185, 232, 234–237, 239–241, 243, 245, 247, 250, 251, 253, 254, 526, 529, 530–532, 538, 558
султан Миср ва хакан аль-Бахрейн 417
сулук 258
сульх-и кул 160
сунданцы 548
сунна 433
суннизм 70, 139, 155
сунниты 104, 160, 396, 442, 444
сур 153
сусухунан 242, 255, 256, 533–536
суфизм 160, 238, 239, 257, 393, 394, 530
суфии 101, 118, 160, 167, 169, 191, 262, 393, 436
суши см. даяки
сы 281
сылицзянь 268
сыфань 350, 357
сэнгоку дайме 366
сэнгоку дзидай 363
сюаньчжэн ван
сюаньчжэн юань 573
сюдзю канкэй 370
сюзерен см. сёгун
сюньфу 598
сюцай 601
сянъюн 605
сяньюэ 586, 596

тавфир 128
таджемайт 434
таджики 169, 448
таи (сиамцы, тайцы) 213–215
таифа 80, 421, 424
танфат ат-тудджар 80
танфа хирафийя 80
тайджи 592
тайибийа 437
тайцзы 602
тайшоны 309, 513, 520–522, 598, 599
такави 159
тамга 128
тамилы 472, 475
тан 371
таига 128, 129, 449, 451
таигуты 571
танк 171, 172
таиха 125
тарикат 262, 437
тарины 138
тасъир 408
татары 107, 112
тафавут 128
теваккуф деври 76, 94
текелю 68, 100, 104, 106
теменгунг 526
тамилы 202
текук 244
тё 16, 371, 630
тёнин 20, 21
тё хадзурэ 370
ти 517
тибетцы 295, 571, 572, 577, 579, 607
тиджанийа 437
тиду 347, 358
тикаль 220, 223
тилю 586
тимар 14, 79, 80, 82, 84, 90, 91
тимариот 15, 80, 81, 84, 85, 88, 90, 93, 95
тиул (тиуль) 44, 104
тици 586
тиянг алит (вонг чилик) 248
тодзама дайме 628
тоия 632
токусэй икки 364
томбо 203
тонвар 181
топчу 85
торгоуты 564
тоучунжэнь 343
трибуто 557
ту 319, 328, 613
туанку 244
туань 284
тубо 591, 607, 608
тугаун 484
тудджар 414
тулгама 148
туман 109, 111, 148
тумэты (тумоты) 564
тун 585, 587, 591
туиджон 317
тунку 526
тупхан 441
тупчи-баши 110
туркаманы (туркеманы, туркмены) 99, 100, 101, 106, 398
турки 43, 44, 66, 70–76, 87, 97, 100, 105, 108, 116, 140, 141, 375, 378, 379, 396, 401, 418–420, 423, 430, 431, 436, 438, 440–442, 444, 445
тусы 295, 585, 587, 590, 591
туфенгчи 109, 110, 444
тхамма 489
тхана 457
тханадар 455
тхат 491, 492, 494
тхеравада см. хинаяна
тхохо 319, 333, 612
тыонг бинь 309
тэдонми 328
тэйшон 309
тюа 305–311, 496, 497, 499, 501–507, 509–513, 516
тюрки 67, 99, 100, 103, 104, 112, 113, 115, 150
тямы 310
тяу 303

увейсит 263
увейсия 263
узбеки 99–108, 112, 115, 120, 122, 124, 125, 139, 148, 150, 156, 259, 261, 263, 440, 441, 443, 448, 451
уйгуры 295, 571, 593
укиёэ 633
укиль аль-хардж 433
улама 83
улем 76, 88, 92, 96, 10, 160, 161, 393, 394, 405, 414, 425
улубаланг 244, 245
ульк 103, 104
умме 41, 82, 435
униат 394, 397, 398, 402, 414, 416–418
упанишады 191
упарат 224, 489, 493
урабон 373
урду 192
урянхайцы 40
ускоки 89
устад 128
устаджлу 100, 106
утан 434
ушр 81

фаньго 357
фань 606
фарси 153, 190–193
фарсах 140
фахс 435
феллах 413
ферингджи 217
фетва 77, 92, 161
фидай-шиит 406
фиеста 561
фикарийа 98, 408
фикариты 409–411
фирман 117, 163, 180, 401, 461, 467
фитна 407
флорин 81
фо куонг выонг 305
фоуджар 460
франги 156
фронта 415
фу 518
фудай дайме 628
фумиэ 627
фусума 373
фэнь 281, 283, 289

хабардар 190
хаббарисан 190
хабус 435
хавасси хумайюн 79
хадж 66, 70, 92, 138, 401, 403–405
хазинэ 79
хазнадар 395, 422, 434
хазнаджи 433
хайцзинь 596
хакан (каган) 123
хаким 109, 399, 593
хаким-бек 592, 593
халили (халилы) 124, 134, 135
халиса 151, 158, 186, 188, 457, 462
халиф 68, 102, 263, 390, 418, 422, 425, 442
халифа 263, 434
халифат 14, 43, 66, 67, 77
халифат аль-хулафа 264
халхасцы (халхасы) 564, 567
хальса 169, 170, 467
хамсая 133–136
хан 20, 91, 94, 97, 98, 102, 105, 107–109, 112, 130, 259, 261–266, 274, 284, 286, 293, 338, 443–451, 453, 579, 594
хан-и ханан 157
ханака 452
ханбализм 403
ханбалиты 404
ханзадеган 457
ханека 188
хани 295
ханкин 368
хан лам 517
ханство 260, 443–445
хань (ханьцы) 295, 344, 347, 569, 585, 600, 606

ханьцзюки 581, 589
ханьцзянь 343
харадж (мал, махсул, мал-у-джихат) 81, 125, 188
харачины 564
хасил 458, 459
хасс 81, 82, 84, 95
хассе 108, 109
хассинийа 427
хатамото 628
хатибы 101
хаттаки 134, 136, 137, 167
хауз 452
хауш 435
хевавасам 475
хезарейцы 143
хему 154
хендесхане 384
хёромай 369
хизб 40-8
хильджи 144
хинаяна (тхеравада) 38, 39, 478–480
хинди 153, 192
зинду-бали 249
хиндустани 192
хлудо 481
ходжа 262, 422, 433, 593
ходжаган 262, 265
ходжи («белогорцы», «черногорцы») 263–267
хойты 591
хок тхок 312
холи 167
хомбякусё 370, 626
хонгитохтен 540
хорасанцы 142
хотеки 138, 143
хохары 149
хошоуты 564, 567
хошун 568
хуабэнь 299
хуан чжуан 278, 343
хугиане 135
худкашт райят 181
хуллён тогам 327
хумбараджи 384
хунгулха 322, 323
хунтайджи 575
хуну 204
хурак-и даввабб 186
хуррамиты 67
хурудж-и джелалиян 91
хусайни 124
хутба 156, 164, 410, 417, 425, 432, 447
хуэйгуань 293, 594
хуэйдан 604
хюен 501
хюккюмет 78
хюсны 518
цаолян 581
цаосян 581
цзацзюань 581
цзинь 286
цзолин 568
цзунбин 358
цзунши чжуан 343
цзыгэннун 355
цзюньван 578
цзюньцзифан 588
цзюньцзичу 588
цзюцзяо 600
цзяжэнь 343
цзянго 346
цзянцзюнь 358, 592
цзянь 287
цзяньминь 294, 581
ци 568
циди 586, 589
цижэнь 581, 589
цижэнэй 586
цин 279, 280
цыгане 379
цюаньди 343
цюаньтань 343
цюаньчжань 343
цянван 578
цянь 283, 289
цяолян 605

чакравартин 230, 480
чамар 181
чамас 288
чамы 516, 520
чан 516
чанг чай 498
чанди 258
чао 228
чао кром 492
чао фа 227
чао мынанг 122, 228
чарас 171
чарбаг 110
чаутх 18, 171, 457, 462, 464
чаухан 181
чауш 433
чахары 564
чачар 159
черкесы 105, 411
чжан 286
чжуан 587
чжуандин 343
чжуантоу 343
чжуан тянь 278
чжурчжэни 323, 329
чжусианство 298
чжуцзо 284
чжэнь 282
чи 283
чикчон 317, 333
чифт 17, 81, 37, 379
чифтбозан 90, 91
чифтлик 17, 95, 376–378
чифтлик сахиби 377
чиштийа 160
чоросы 564, 566
чохва 315
чулган 574
чурасы 265, 266
чхатрапати 463, 464
чэн 305

шазилийа, братство 437
шаиры 548
шакарангур 124
шаманизм 239, 569
шаманисты 340
шамлу 100–102, 106
шаммар 392
шамхад 443
шан 581
шаны 206, 208, 209, 211–213, 215, 226, 227, 478, 488
шариат 42, 67, 77, 79, 86, 93, 95, 129, 188, 394, 402, 404, 412, 433, 438
шах 71, 94, 101–119, 131, 138, 140, 142, 143, 154, 155, 161, 439, 441–446, 462, 466
шах-аленхель 138
шаханшах-е Иран 100
шахбандар 247
шахр 173, 190
шахри 20, 185
шейбайниды 259
шейх 80, 86, 98, 99, 160, 181, 381, 393, 394, 397-399, 401, 408, 412–414, 418–420, 422, 427
шейх аль-балад 411, 416, 417, 420, 42
шейхзаде 457
шейх-уль-ислам 79, 92, 432, 433
шейх-уль-исламат 92
шериф 82, 393, 405
шерифат 390, 404
шехир 79
шехир эмин 79
шешия 429
ши 278–280, 282, 286, 581
шибосы 273
шиизм 67, 104, 138, 141
шииты 69, 71, 100, 103, 113, 155, 160, 397, 398, 400, 442
шикдар 153
шикдар-и шикдаран 153
шилан 588
ши лу 270
шинвари 137
шинудазри 300
ширваншах 99
шисаньчжэнь 345
шоуфу 270

шраваки 184
шрени 21
шудра 37
шура 41, 77
шуэдай 481
шэньши 291, 338, 341, 344, 345, 351, 355, 581–583, 586, 591, 596, 597,605, 606

ыйбен

эджнеби 91, 92
эдо дзидай 624
эйалет см. эялет
эйншемин 482
элидж 429
эманет 80, 82
эмин 79–81
эмир 90, 99, 100, 102–109, 115, 120, 141, 142, 147, 148, 150, 151, 158, 163–164, 185, 187, 261–267, 448, 449, 453, 455
эмир аль-умара 399
эмират 390, 404, 405, 407
энкомьенда 51
энкомьендеро 51
эрмини миллети 78
этемад ад-доуле 112, 115
эфенди 393
эфиопы 164
эялет (эйалет) 70, 71, 74, 75, 78, 79, 82, 94, 392, 395, 396, 401, 402, 420, 421, 430

ювараджа 482
юватуджи 483
юга 549
юз-баши 109, 115
юнбин 595, 605
юрдлук 78
юн дянь 292
юсуфзаи 131, 135, 137, 144, 149, 167

яванцы 63, 240
ядянь 286
язиды 79
якуай 286
янг-ди-иертуан бесар (ям-туан) 526
ян-туан муда 523
яньдан 271
янычары 74, 84, 85, 87, 88, 90, 92, 93, 95, 97, 98, 109, 379, 388, 392, 394–397, 407–410, 417–419, 421, 423–425, 428, 430–433, 650
японцы 273, 326, 327, 332, 629, 630, 635
яо 295, 585, 587, 591
ясэн 368
яхан 286

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

ЧАСТЬ I. СТРАНЫ ВОСТОКА В XVI–XVII вв. 9

Глава 1. Формационное развитие стран Востока на рубеже нового времени 9
Глава 2. Цивилизации Востока и Запада на рубеже нового времени 28
Глава 3. Ранний европейский колониализм в странах Востока 46
Глава 4. Османская империя в XVI–XVII вв. 67
Глава 5. Государство Сефевидов в XVI — начале XVIII в. 99
Глава 6. Средняя Азия при Шейбанидах (XVI в.) 120
Глава 7. Афганистан и афганцы в XVI — середине XVIII в. 131
Глава 8. Индия в XVI–XVII вв. 145
Глава 9. Цейлон в XVI — середине XVII в. 195
Глава 10. Бирма в XVI–XVII вв. 206
Глава 11. Аютия в XVI–XVII вв. 220
Глава 12. Малайя в XVI–XVII вв. 232
Глава 13. Малайский архипелаг в XVI–XVII вв. 238
Глава 14. Восточный Туркестан в XVI–XVII вв. 259
Глава 15. Китай в XVI — начале XVII в. 268
Глава 16. Вьетнам в XVI–XVII вв. 302
Глава 17. Корейское государство Чосон в XVI–XVII вв. 315
Глава 18. Маньчжурское завоевание Китая 338
Глава 19. Япония в XVI в. 363

ЧАСТЬ II. СТРАНЫ ВОСТОКА В XVIII в. 375

Глава 20. Османская империя в XVIII в. 375
Глава 21. Арабские страны Ближнего Востока. Ваххабиты 390
Глава 22. Османский Египет и североафриканские вилайеты в XVIII в. 407
Глава 23. Империя Надир-шаха и Иран в XVIII в. 439
Глава 24. Средняя Азия при Джанидах (XVII — середина XVIII в.) 447
Глава 25. Индия в первой половине XVIII в. Распад Могольской империи 455
Глава 26. Цейлон в середине XVII – XVIII в. «Голландский» период 469
Глава 27. Бирма в первой половине XVIII в. 478
Глава 28. Сиам в первой половине XVIII в. 489
Глава 29. Вьетнам в XVIII в. 496
Глава 30. Малайя и Северный Калимантан в XVIII в. 523
Глава 31. Малайский архипелаг в XVIII в. 532
Глава 32. Филиппины в составе испанской колониальной империи 552
Глава 33. Монголы в XVI–XVIII вв. 564
Глава 34. Тибет в XVI–XVIII вв. 571
Глава 35. Китай в XVIII в. 581
Глава 36. Корея в XVIII в. 609
Глава 37. Япония в XVII — начале XVIII в. 624
Глава 38. Упадок Востока и переход мировой гегемонии к странам Западной Европы 639

Библиография 654

Список карт 667

Указатель имен 668

Указатель географических названий 676

Указатель терминов и этнонимов 687